ИСТОРИЯ СССР

Прил. 15 карт

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
И КАФЕДРА ИСТОРИИ СССР
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЯ СССР

ТОМ II

РОССИЯ В XIX ВЕКЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
профессора М. В. НЕЧКИНОЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1949

Допущено Министерством высшего образования СССР
в качестве учебника для исторических факультетов
государственных университетов
и педагогических институтов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Том II учебника для вузов по истории СССР (Россия в XIX веке) является коллективным трудом научных сотрудников Института истории Академии наук СССР, а также профессоров и преподавателей кафедры истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина Государственного университета имени М. В. Ломоносова. В его составлении приняли участие как московские научные сотрудники Института истории, так и научные сотрудники его Ленинградского отделения.

Второе издание II тома, исправленное и дополненное, подготовил в основном тот же авторский коллектив, который работал над первым изданием этого тома; некоторые главы и части глав написаны вновь привлечёнными для подготовки второго издания авторами. В составлении настоящего издания приняли участие: доктор филологических наук профессор *Н. П. Андреев* (текст о русском фольклоре в главе XV), доктор исторических наук профессор *С. К. Бушуев* (борьба горских народов под руководством Шамиля в главе XI), доктор исторических наук профессор *С. Н. Валк* (политическая реакция 1880-х годов и контрреформы Александра III в главе XXVII), кандидат исторических наук *С. С. Дмитриев* (главы I, XV, XXIII, а также тексты об украинской, белорусской, грузинской, азербайджанской и армянской литературах в главах VIII и XI), доктор исторических наук профессор *С. Н. Драницын* (глава XIX), член-корреспондент Академии наук СССР *Н. М. Дружинин* (глава VII, текст о Казахстане в главе IX, главы X, XIII, XIV, а также текст о государственных крестьянах в главе I), кандидат исторических наук *П. А. Зайончковский* (текст о военной реформе в главе XX), доктор исторических наук профессор *Я. Я. Зутис* (текст о Прибалтике в главе III), кандидат исторических наук *С. М. Ковалёв* (текст о Белоруссии в главе XXVIII), кандидат исторических наук *Б. М. Кочаков* (глава XXXI), кандидат исторических наук *Ш. М. Левин* (главы XVI, XVIII, XXIV, рабочее движение 1860-х годов в главе XXV, ряд текстов в вводных параграфах главы XXVII,

текст о вырождении народничества в главе XXX), доктор исторических наук профессор |*Е. А. Мороховец*| (главы XVII, XX, XXI, тексты о народах Кавказа и текст о евреях в главе XXVIII), доктор исторических наук профессор *М. В. Нечкина* (главы II, IV, VI и XII, а также ряд текстов в разных главах), доктор исторических наук профессор *С. А. Никитин* (текст о Финляндии в главе III, глава XXVI и частью текст в разделе «Русская культура и славянские народы» в главе XXXI), член-корреспондент Академии наук СССР *А. М. Панкратова* (текст о составе, численности и процессах формирования пролетариата в главе XXV), академик |*В. И. Пичета*| (глава VIII), доктор исторических наук профессор |*А. Л. Попов*| (глава XXII), доктор исторических наук профессор *К. В. Сивков* (тексты о народах Кавказа в главе II, в начале главы XI и частью в главе XXVIII), кандидат исторических наук *Ш. И. Типеев* (текст о Башкирии в главе XXVIII), доктор исторических наук профессор *С. А. Токарев* (тексты о Сибири в главах IX и XXVIII), кандидат исторических наук *Н. В. Устюгов* (текст о Башкирии в главе IX), доктор исторических наук профессор *В. М. Хвостов* (глава XXIX), *М. И. Хейфец* (текст о революционной ситуации 1879—1880 гг. в главе XXVII), доктор исторических наук профессор *Л. В. Черепнин* (текст о Молдавии в главе VIII и тексты о народах Поволжья в главах IX и XXVIII), кандидат исторических наук *П. Н. Шарова* (глава XXX), кандидат исторических наук *Ф. А. Ястребов* (текст об Украине в главе XXVIII), кандидат исторических наук *В. К. Яцунский* (тексты об истории города, буржуазии и о формировании пролетариата в главе XXI).

В главе I, написанной С. С. Дмитриевым, использован текст X главы II тома «Истории СССР» первого издания, написанный профессором Н. М. Дружининым; использован текст XII главы II тома первого издания, написанный академиком |В. И. Пичета|, в параграфе о польском восстании 1830—1831 гг. (в главе VII настоящего издания); использован материал неопубликованных диссертаций Ц. П. Каландадзе (в главе II) и Л. И. Барамия (в главе XI).

Учебник обсуждён коллективом сектора истории СССР XIX в. Института истории Академии наук СССР и коллективом кафедры истории СССР исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова, с привлечением актива историков СССР, работающих над изучением XIX в. В работе над учебником учтены многочисленные письменные рецензии, замечания и поправки лиц, принимавших участие в обсуждении, в том числе учтены заме-

чания: Г. Н. Анпилогова, З. П. Базилевой, Л. Г. Бескровного, Д. Я. Брилон, Е. Е. Бурчуладзе, В. С. Виргинского, М. С. Волина, М. Я. Гефтера, Г. А. Дадашева, Н. М. Дружинина, С. С. Дмитриева, А. С. Ерусалимского, П. А. Зайончковского, Я. Я. Зутиса, Л. М. Иванова, А. Е. Иоффе, В. Е. Иллерицкого, В. Г. Карасёва, Б. Б. Кафенгауза, А. А. Клешнина, И. В. Козьменко, Б. П. Козьмина, Я. П. Крастынь, А. К. Лебедева, Я. И. Линкова, А. Ц. Мерзона, А. Ф. Миллера, И. С. Миллера, С. А. Никитина, С. В. Никольского, А. С. Нифонтова, С. Б. Окуня, Ю. З. Полевого, Е. К. Пшеницыной, А. В. Пясковского, М. К. Рожковой, П. Г. Рындзюнского, К. В. Сивкова, А. Л. Сидорова, Б. Е. Сыроечковского, Ш. И. Типеева, Н. Н. Улащик, Н. В. Устюгова, А. В. Фадеева, И. А. Федосова, М. И. Хейфеца, В. Н. Шульгина, У. А. Шустера, Ф. А. Ястребова, В. К. Яцунского и ряда других товарищей.

Карты редактированы и частью переработаны научным сотрудником Института истории АН СССР И. А. Голубцовым. Библиография проверена научными сотрудниками Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР З. Д. Виноград, М. А. Лясс, Е. Н. Малиновской, Е. Н. Харламовой. Техническая часть работы над учебником выполнена Т. Д. Скаловской.

Работой по подготовке второго издания руководила доктор исторических наук профессор М. В. Нечкина, ею же проведена вся редакционная работа над учебником.

Глава I

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Общая характеристика процесса разложения феодально-крепостного хозяйства. Вопросы периодизации. Вопрос о разложении феодально-крепостного хозяйственного строя и о формировании в его недрах нового, капиталистического уклада, разлагающего старый строй и готовящего его гибель, имеет первостепенное историческое значение. Это — вопрос о смене общественно-экономических формаций, об изменении способа производства; на смену отживающему феодализму идёт новый, более прогрессивный строй — капиталистический. Объяснение всех крупнейших исторических явлений первой половины века как в сфере общественно-политической жизни и революционной борьбы, так и в области культуры восходит в конечном счёте к этому ведущему процессу. Изменения в способе производства, как учит нас теория марксизма-ленинизма, «неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада» [1].

В экономических явлениях изучаемого времени мы наблюдаем обострённую борьбу старого с новым: новые формы хозяйственной жизни вступают в противоречие со старыми, борются с ними, надламывают их; накопление противоречий становится всё значительнее, напряжённее, приводит к середине века к состоянию кризиса всей крепостной системы и затем к возникновению революционной ситуации 1859—1861 гг.

Процесс разложения феодально-крепостного строя отчётливо проявился ещё в предшествовавшем, XVIII в. Уже тогда в недрах старого строя стал развиваться капиталистический уклад. В силу этого начало нового, XIX в. *не* является историческим рубежом, *не* знаменует собой начала новой исторической эпохи, а лишь продолжает уже начавшуюся, прежнюю. Первая половина XIX в. тесно примыкает в этом отношении к предшествовавшему историческому периоду, в ней

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 115—116.

основной, ведущий процесс времени лишь протекает ещё отчётливее и интенсивнее, а накопление противоречий достигает, наконец, степени кризиса всей системы [1].

Процесс разложения феодально-крепостного хозяйства является одновременно процессом складывания новых, капиталистических элементов хозяйства в недрах крепостного строя. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [2], — пишет К. Маркс в «Капитале».

Царская Россия «позже других стран вступила на путь капиталистического развития. До 60-х годов прошлого столетия в России было очень мало фабрик и заводов. Преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков» [3]. Россия начала XIX в. была отсталой сельскохозяйственной страной, в которой господствовали феодально-крепостные отношения. Она ещё не являлась в это время страной капиталистической: капитализм как общественно-экономическая формация сложился в России лишь после крестьянской реформы 1861 г. Но в крепостной России первой половины XIX в. внутренне, подспудно, уже развивались элементы новых хозяйственных отношений, рос капиталистический уклад. Это отчётливо сказывалось в области промышленного развития страны, в сфере мануфактурного производства: увеличивалось число промышленных предприятий, рос вольнонаёмный труд, постепенно внедрялось машинное производство. Новые процессы были заметны и в сельском хозяйстве.

Основные, ведущие явления в ходе разложения феодализма относятся к области производства. Но, раньше чем перейти к их характеристике, остановимся на одном из существенных общих показателей процесса разложения феодального хозяйственного строя — на разрушении присущей ему натуральнохозяйственной системы. Общий рост обмена является важным признаком этого процесса. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима» [4], — писал Ленин в «Развитии капитализма в России».

---

[1] В силу этого и деление материала учебника между двумя томами приобретает условный характер, связанный лишь с распределением программной нагрузки по курсам исторического факультета. Настоящее, второе издание II тома вузовского курса «Истории СССР» является продолжением I тома курса, вышедшего вторым изданием в 1947 г., и начинает изложение с того момента, на котором остановился том I.

[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, Партиздат, 1937, стр. 670.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 5.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 158.

Разрушение натурально-хозяйственной системы. Рост обмена. Развитие товарно-денежных отношений, рост обмена являются показателями разложения феодально-крепостного хозяйственного строя с присущей ему натурально-хозяйственной системой. Рост спроса на сельскохозяйственные продукты приводил к развитию товарного производства в земледелии.

Вместе с развитием промышленности росло промышленное население страны, рос обмен, развивался внутренний рынок. Все отрасли хозяйства России всё более охватывались товарно-денежными отношениями. Это означало «отделение все большей и большей части населения от земледелия, т. е. рост промышленного населения на счет земледельческого» [1].

Господствовавшие в России феодально-крепостные отношения были сильнейшим тормозом роста внутреннего рынка и выделения промышленного населения. Насильственно прикреплённое к земле крестьянство не имело права свободного передвижения и выбора занятий. Но всё же новые хозяйственные процессы были так сильны, что пробивались сквозь толщу крепостных отношений. Промышленное население России значительно возросло в первой половине XIX в., прежде всего за счёт городских жителей, число которых за полвека почти удвоилось. Увеличилось и число временных, сезонных обитателей городов, приходивших на поиски работы. Тысячи людей приходили на заработки в столицы, в портовые города, к пристаням перевалочных пунктов. Значительная часть наёмных рабочих состояла из оброчных крестьян.

В первой половине XIX в. стала ещё отчётливее специализация хозяйственных районов страны. Нечернозёмные центральные и северные губернии (Московская, Владимирская, Ярославская, Тверская и др.) стали преимущественно промышленными; в южных и западных губерниях (в Курской, Тамбовской, Пензенской, Орловской, Полтавской, Минской, Витебской, в Новороссии) развивались преимущественно земледелие и скотоводство; северо-западные губернии специализировались на технических культурах, в частности на производстве льна (Псковская и Новгородская); южные и восточные губернии поставляли мясной скот; гурты скота с Украины перегонялись на север.

Промышленный север снабжал мануфактурными изделиями земледельческий и скотоводческий юг. На ярмарках Украины продавались текстильные и металлические изделия центральных промышленных губерний, а на север с Украины отправлялись пшеница, рогатый скот, лошади, овцы, масло, шерсть, сушёные фрукты.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 18.

Изделия крестьянской промышленности и мануфактур перевозились от производителей к потребителям часто из конца в конец страны. Скупщик, прасол, офеня, коробейник играли значительную роль в развивавшейся внутренней торговле. «Многие из разных губерний приезжают в село Иваново за покупкой изделий в самих фабриках и отвозят их в места своего жительства или в те, где торговлю производят», — писал современник. Село Иваново было крупным центром текстильной промышленности Владимирской губернии; вывезенные оттуда ситцы и прочие бумажные изделия продавались в Москве, на Нижегородской ярмарке, на Ирбитской, Ростовской, Харьковской и Роменской ярмарках. С Нижегородской ярмарки через армянских купцов ивановские изделия шли большими партиями в Грузию, Среднюю Азию и Иран.

Ярмарки играли важную роль во внутренней торговле. Около тысячи ярмарок было в разных концах России; некоторые из них длились неделями и месяцами. Самой крупной ярмаркой — «всероссийским торжищем», по выражению современников, — была Макарьевская в городе Макарьеве, в 1817 г. переведённая в Нижний-Новгород и получившая название «Нижегородской». Большое значение имели три ежегодные Харьковские ярмарки, Коренная в 30 верстах от Курска, славившаяся торгом лошадьми, Ирбитская в юго-западной Сибири и Контрактовая ярмарка в Киеве. В 1825 г. на Нижегородской ярмарке было продано товаров на 12,66 млн. руб. серебром, а в 1852 г. — на 57,6 млн. руб. Таким образом, за 27 лет ярмарочные обороты выросли приблизительно вчетверо. По вычислениям И. С. Аксакова, на крупнейших украинских ярмарках в 1854 г. было выручено более 23 млн. руб. серебром. Но это были далеко не единственные центры внутреннего товарообмена; в каждом городе и более значительном селе устраивались периодические базары и ярмарки, на которые съезжались профессиональные торговцы с разнообразными товарами: металлическими изделиями, тканями, галантереей, предметами домашнего обихода. Ловкие скупщики объезжали деревенские районы, забирая у крестьян за «сходную» цену продукты сельского хозяйства и промыслов. По всей стране ходили и разъезжали офени и коробейники, закупавшие товары на ярмарках и снабжавшие население более отдалённых пунктов. Расширялась и постоянная лавочная (магазинная) торговля, сосредоточенная в губернских и уездных городах — не только в многолавочных «гостиных рядах», но и в мелких разбросанных лавчонках.

Внутренняя торговля в стране имела бо̀льшее значение, нежели внешняя. По вычислениям статистика профессора К. И. Арсеньева, весь годичный оборот внутренней торговли

равнялся 900 млн. руб., а оборот внешней торговли — лишь 235 млн. руб. (для первой четверти XIX в.). Основная масса товарных земледельческих продуктов сбывалась именно внутри страны. В начале XIX в. вывоз четырёх главных хлебов (пшеницы, ржи, ячменя и овса) составлял немногим более 1,5% от их урожая. Весь же остальной хлеб потреблялся внутри страны, причём товарная его часть всё возрастала; одно только винокуренное дело поглощало ежегодно не менее 50 млн. пудов хлеба.

Но всё же внешняя торговля в хозяйстве России играла существенную роль. Во второй половине XVIII в. в Англии произошёл промышленный переворот. Началась эпоха промышленного капитализма, на смену мануфактуре пришла капиталистическая машинная индустрия. Ряд государств Западной Европы начал превращаться в индустриальные страны. «Сначала Англия стала, — говорил Ленин, — раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами» [1]. За Англией последовала Франция. Передовые промышленные страны стали крупными потребителями сельскохозяйственного сырья. В складывавшемся мировом хозяйстве за отсталой Россией укрепилась роль поставщицы сырых сельскохозяйственных продуктов. Общий рост внешней торговли России в первой половине XIX в. характеризуется следующими цифрами (в среднем за год, в млн. руб. золотом) [2]:

Годы	Вывоз	Привоз	Общий оборот
1801—1805	75,10	52,76	127,87
1812—1815	61,98	39,10	101,09
1821—1825	81,37	72,25	153,62
1831—1835	94,32	80,99	175,31
1841—1845	132,32	119,86	252,18
1846—1850	151,75	131,52	283,27
1856—1860	225,59	205,86	431,46

Таким образом, оборот внешней торговли за шестьдесят лет вырос почти в 3,5 раза.

На первом месте среди продуктов, вывозившихся Россией за границу, стояли лён, пенька, сало. Ценность хлебного вывоза стала значительно расти со второй половины 40-х годов и в последние пять лет перед отменой крепостного права

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 228.

[2] По курсу конца XIX в.

достигла 35,1% ценности всего вывоза. В 1826—1830 гг. вывозилось в среднем около 24 млн. пудов хлеба ежегодно, а в 1856—1860 гг. — более 69 млн. пудов. Промышленные изделия в русском вывозе занимали сравнительно скромное место: в начале века Россия вывозила металлов всего на 7,5% общей суммы вывоза, а прочих промышленных изделий — на 5,5%. К середине же века, в результате промышленного переворота в Англии и создания в ней капиталистической металлургии, русский вывоз железа был почти сведён на-нет. Русские промышленные товары шли главным образом в Персию, Турцию, в ханства Средней Азии, в Китай. Ввозились же в Россию из Западной Европы преимущественно промышленные изделия — хлопчатобумажные, шерстяные и шёлковые ткани, сахар, краски, виноградные вина и водки, галантерейные товары, бумага. В 40—50-е годы значительное место в ввозе в Россию стали занимать машины, шедшие из Англии, Бельгии, Франции.

Первенствующее место в русской внешней торговле занимал обмен с Англией. До Тильзитского мира — в 1802—1806 гг. — в среднем из каждых 100 купцов, вывозивших товары из Петербурга, 63 были англичане. В начале века на долю Англии приходилось 73% всего русского экспорта пеньки первого сорта, 91% льна, 77% сала, 71% железа, 80% щетины, 42% пшеницы, 43% парусного полотна. Англия поставляла в Россию бумажные и шерстяные ткани, металлические изделия, инструменты, бумажную пряжу, колониальные товары.

М. Н. Покровский крайне преувеличил значение хлебного экспорта и роль хлебных экспортных цен в процессе разложения феодально-крепостного хозяйства. Не следует забывать, что хлеб даже в середине XIX в. составлял меньше одной трети вывозившихся сельскохозяйственных продуктов; внутренняя торговля хлебом, по вычислениям статистиков, в несколько раз превосходила внешнюю и, следовательно, имела большее экономическое значение; несмотря на колебания экспортных цен, «катастрофического» подъема и упадка хлебного вывоза вопреки утверждениям М. Н. Покровского в изучаемое время не было; наблюдалась тенденция постепенного роста с некоторыми отклонениями в зависимости от неурожаев, войн и таможенной политики.

В начале XIX в. Россия выступала на европейском рынке в роли поставщика земледельческого сырья. Втягивание России в обороты мирового рынка ускоряло превращение русского земледелия в товарное производство.

Развитие капиталистической промышленности в России, как указывал В. И. Ленин, проходило через обычные три главные стадии: «мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)» [1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 475.

Ленин подчёркивал наличие самой непосредственной и тесной связи и преемственности между этими стадиями. В крестьянских промыслах при совершенно примитивной ручной технике промышленник ещё оставался крестьянином. Мануфактура также основывалась ещё на ручной технике, но она характеризовалась разделением труда, превращавшим крестьянина в мастерового, рабочего человека. Возникновение фабрики, замена мануфактур крупной машинной индустрией вносили радикальную перемену во всё промышленное производство.

Развитие крестьянской промышленности. Значительное развитие в первой половине XIX в. получила мелкая кустарная крестьянская промышленность. Старинные гнёзда крестьянских промыслов — село Павлово Нижегородской губернии, Кимры Тверской губернии, Великое Ярославской губернии, Иваново Владимирской губернии и др. — превратились в довольно крупные промышленные центры. Земледелие в них было почти совсем заброшено. Владелец Павлова граф Шереметев приказывал в 1802 г. «понудить» крестьян «сверх своего мастерства производить и хлебопашество, понеже в Павлове земля, за необрабатыванием её своими, отдаётся в наём посторонним крестьянам по дешёвой цене». В селе Иванове, по наблюдению современника, в 20-х годах земледелие находилось в «посредственном состоянии, потому что жители более находят пользы в тканье миткалей... Недостаток хлеба дополняется привозом из ближайших мест. Огородные же растения, лук, огурцы и прочее, привозятся в село Иваново, через 76 верст, из города Суздаля». Старинный город Суздаль превращался в деревню, а село Иваново вырастало в промышленный город. «Многие деревни приняли вид городов, будучи заселены ремесленниками-крестьянами», — писал современник. Так под гнётом крепостного права и в противоречии с ним всё же развивалось и крестьянское товарное хозяйство.

Суконные мануфактуры Москвы (по данным 1811 г.) только красили и отделывали сукна, суровьё же готовили подмосковные крестьяне. По наблюдению современника, в Московской губернии «почти каждый крестьянин имеет по одному и более станов, работая со своим семейством или наёмными людьми для собственного торга и также по заказам которой-либо из больших мануфактур». Крестьяне Калужской губернии готовили полотняную и канатную пряжу для крупных мануфактур. В сельских местностях Костромской губернии «кроме земледелия жители упражняются в тканье полотен в построенных ими светёлках для костромских купцов, имеющих полотняные фабрики». Металлообрабатывающая крестьянская промышленность развивалась по соседству с горными заводами Урала, в селе Бурмакине Ярославского уезда, в

знаменитом селе Павлове на Оке, рядом с металлургическими Баташевскими заводами.

В 20—30-х годах десятки семейств крепостных крестьян-промышленников выкупались на волю, уплачивая помещикам за освобождение громадные суммы. Крепостной крестьянин-промышленник Савва Морозов выкупился в 1820 г. у помещика Рюмина за 17 тыс. руб.; ряд ивановских фабрикантов из крестьян уплатили за освобождение помещику графу Шереметеву в среднем по 20 тыс. руб. каждый. «Крупнейшие фабриканты Иваново-Вознесенска (Куваевы, Фокины, Зубковы, Кокушкины, Бобровы и мн. др.), — отмечает Ленин, — вышли из кустарей» [1].

Во второй четверти XIX в. стали возникать новые виды мелкого производства, удовлетворявшие более разнообразный спрос: изготовление ситцевых и шёлковых тканей, тонких полотен и позументов, детских игрушек и мебели. Целые районы становились средоточием того или иного промысла: подмосковные уезды славились своими шёлковыми материями и лентами; Иваново, Шуя и многие сёла Владимирской губернии специализировались на бумажном ткачестве; в Костромской губернии было распространено тканьё полотен; на Урале и в Нижегородской губернии широкое распространение получило массовое производство металлических изделий.

Значительное развитие мелких крестьянских промыслов в первой половине XIX в. давно привлекало к себе внимание исследователей — историков и экономистов. Один из них, «легальный марксист» М. Туган-Барановский, автор известного труда «Русская фабрика в прошлом и настоящем», пришёл к ошибочным выводам о взаимоотношении «кустаря» и «фабрики» дореформенных времён. В полном противоречии с марксистско-ленинским учением о генезисе капиталистической промышленности и развитии капитализма Туган-Барановский утверждал, будто бы кустарное производство дореформенного времени не возникало из домашнего производства, а порождалось развитием фабричной промышленности. По Туган-Барановскому выходило, что не кустари и мелкие крестьянские промыслы экспроприировались капиталистической фабрикой, а сама фабрика оказывалась зачастую побеждённой кустарями, ею же порождёнными. Ошибка Туган-Барановского была в том, что он очень часто принимал капиталистическую работу на дому за труд самостоятельных кустарей. Подобную же ошибку совершали и экономисты-народники в отношении пореформенной промышленности.

Между тем именно в 30—40-х годах XIX в. крупные мануфактуристы охотно прибегали к раздаче на дом сырого материала, и этих-то рабочих на дому, получавших сдельную заработную плату, Туган-Барановский и принимал за «самостоятельных» кустарей. Увеличение числа таких рабочих, изображаемых Туган-Барановским в качестве «кустарей», при одновременном сокращении числа рабочих на крупных, расположенных в едином помещении мануфактурах в том случае, когда вводились машины, и было ошибочно истолковано названным автором как успешная «борьба кустаря с фабрикой».

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 476.

В России развитие капиталистической промышленности проходило через обычные три стадии, указанные В. И. Лениным: мелкое товарное производство кустаря, капиталистическая мануфактура и, наконец, фабрика. Капиталистическая фабрика, применявшая машины, подчиняла себе кустарей, разоряя большинство их и превращая в рабочих.

Исторические факты подтверждают марксистско-ленинскую схему индустриального развития. Домашняя промышленность, неразрывно связанная с земледелием, оставалась исходным пунктом последующего процесса: она вырабатывала технические навыки, которые служили основой для работы самостоятельного товаропроизводителя и рабочего мануфактуры; например, изготовление холста для собственной одежды явилось источником не только полотняного, но и хлопчатобумажного производства. Домашняя промышленность выделяла из себя самостоятельное ремесло и производство на рынок; отдельные удачливые товаропроизводители становились владельцами мастерских, мелкими и крупными капиталистами; наоборот, большинство теряло свою самостоятельность, попадая в зависимость от ловких скупщиков и раздатчиков сырья. В свою очередь капиталистическая мастерская проходила через последовательные стадии развития; простая капиталистическая кооперация уступала место мануфактуре; мануфактура уступала место машинному производству, фабрике, которая продолжала использовать капиталистическую работу на дому. Таким образом, крестьянское производство служило благоприятной питательной почвой, на которой развивались и крепли буржуазные рыночные отношения и складывалась система промышленного капитализма.

Развитие крупной промышленности и её структурные изменения. Вольнонаёмные рабочие. Феодально-крепостные отношения были тормозом промышленного развития. Крепостное крестьянство, насильственно прикреплённое к земле, не могло служить источником регулярного пополнения рабочих кадров. Узость рынка в крепостной стране тормозила промышленное развитие.

В 1804 г., по статистике министерства внутренних дел, в России насчитывалось (без горных заводов) 2 423 промышленных предприятия. В это число входили не только более или менее крупные мануфактуры, но и многие мелкие ремесленные и кустарные мастерские, в которых иногда работало всего по нескольку рабочих, а иногда — только семья владельца. К 1825 г. число промышленных заведений, по данным официальной статистики, возросло до 5 261, а к 1854 г. — до 9 994. Если же не принимать во внимание мелких промышленных заведений и учитывать только мануфактуры, на которых

работало не менее 16 рабочих, то, по подсчёту М. Злотникова, в России в 1804 г. существовало (вместе с горными заводами) всего около 1 200 предприятий, в 1825—1828 гг. — 1 800, а во второй половине 50-х годов — около 2 818.

Возрастало и число занятых в промышленности рабочих. По подсчётам М. Злотникова, в России в 1804 г. было 224 882 рабочих, в 1825 г. — 340 568, в 1860 г. — 859 950 рабочих.

Крупнейшими центрами промышленного производства были: Московская губерния, поглощавшая почти четверть рабочей силы, Владимирская с её многочисленными мануфактурными посёлками, Петербург с его металлообрабатывающими заводами и текстильными предприятиями и, наконец, Приуралье с его давней металлургической промышленностью.

В промышленности происходили не только количественные, но и качественные изменения: вместе с ростом предприятий и увеличением количества вырабатываемой продукции менялась также их социальная структура. Число наёмных рабочих неуклонно возрастало, что было новым явлением в промышленном развитии. По официальным, хотя и не вполне точным данным, в 1804 г. вольнонаёмные рабочие составляли 48% всех занятых в обрабатывающей промышленности рабочих, в 1825 г. — 54%, в 1860 г. — 87%. В отдельных отраслях промышленности наёмный труд резко преобладал; так, в 1825 г. в хлопчатобумажной промышленности 94,7% рабочих были наёмными.

Конечно, наёмные рабочие того времени ещё не были настоящими пролетариями: главную их массу составляли оброчные крестьяне, помещичьи и государственные, которых гнала из деревни необходимость добыть деньги для уплаты денежного оброка помещикам или казне. Иногда помещики сами отдавали своих крепостных крестьян на мануфактуры, получая их заработную плату. Помещики имели право в любое время отозвать своих оброчных крестьян обратно в деревню, когда им требовалась лишняя рабочая сила в сельском хозяйстве. Развитие наёмного труда стояло в резком противоречии с крепостными отношениями, тормозившими его применение. Некрепостных вольнонаёмных рабочих из мещан и городских ремесленников тогда было ещё очень мало. Но всё же в своих отношениях к предпринимателям оброчники, как правило, выступали «свободными» продавцами рабочей силы. Предприятия с наёмным трудом были новыми образованиями в недрах феодально-крепостнического общества: по своей социальной структуре они резко отличались от вотчинных и посессионных предприятий, построенных на крепостном труде, несли в себе элементы нового хозяйственного развития.

Наибольшие успехи за первую половину века сделала молодая русская хлопчатобумажная промышленность, применявшая вольнонаёмный труд и работавшая на массовый внутренний рынок. В то время это была в техническом отношении передовая отрасль промышленности во всём мире. Промышленный переворот в Англии начался с технического переворота в текстильном, в частности хлопчатобумажном, производстве. Бумажные мануфактуры первые стали применять машины. Первые механические ситценабивные фабрики в России возникли во втором десятилетии XIX в. В 1823 г. на шёлковых мануфактурах Московской губернии были установлены жаккардовы станки. Значительно развились суконные и шерстяные мануфактуры. Развитие суконной промышленности было связано преимущественно с казёнными заказами на сукно для армии, но особенно оно усилилось после указов 1809 и 1816 гг., разрешивших свободную продажу сукон в частные руки и освободивших от принудительной поставки сукон казне так называемые «обязанные мануфактуры». Полотняное производство переживало упадок: модные и дешёвые бумажные ткани вытесняли полотно с внутреннего рынка.

Металлообрабатывающие мануфактуры также были связаны с частным рынком, хотя и значительно слабее, чем текстильные. Так, чугунные и железные изделия для частного потребителя выпускали Баташевские заводы. В 1804 г. мануфактуры России изготовили 11 тыс. штук кос, а в 1825 г. — 351 тыс. штук. Однако металлургическая промышленность, основанная на крепостном труде, сильно отставала в своём развитии. Главным её центром был Урал. «В основе «организации труда» на Урале издавна лежало крепостное право» [1],— говорил Ленин. Оно и было главной причиной начавшегося ещё в первой четверти XIX в. застоя уральской промышленности. «Горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве» [2]. Казна щедро предоставляла заводчикам даровую рабочую силу — тысячи приписных крестьян. Необозримые уральские леса давали даровое топливо. Казна была крупнейшим потребителем изделий горных заводов (пушки, ядра, холодное оружие и пр.), причём продукцию эту она приобретала по высоким ценам, не изменявшимся десятилетиями. В связи с промышленным переворотом в Англии экспорт русских металлов, как указывалось выше, в значительной степени сократился. Русская металлургическая промышленность уже в

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 424.
[2] Там же, стр. 425.

первые десятилетия XIX в. сильно отстала от английской металлургии. В 1800 г. выпуск чугуна в России достигал 10,3 млн. пудов, а в Англии — всего 8 млн. пудов. В 1806 г. выпуск чугуна в России достиг 12 млн. пудов, но к 1825 г. снизился до 10 млн. пудов. Англия же в 1825 г. выплавила 37 млн. пудов чугуна, т. е. в 3,5 раза больше, чем крепостная Россия.

Казна временами предпринимала некоторые частные меры к улучшению металлургии. Так, в 1807 г. основная масса приписных к уральским заводам крестьян, труд которых использовался главным образом для подсобных работ, была освобождена от приписки к заводам. Отказ от малопроизводительного труда приписных крестьян, конечно, был показателем некоторого, хотя и крайне слабого, развития капиталистических элементов в промышленности отсталого крепостного Урала. Однако та же мера 1807 г. закрепостила за заводами часть бывших приписных крестьян, обратив их в «непременных» работников.

В 30—40-х годах XIX в. в русской металлургии, правда кое-где, были применены технические усовершенствования; ещё в начале века на многих уральских металлургических заводах введены были цилиндрические воздуходувные машины. В 1826 г. впервые появились прокатные станы для выделки железа. Первые опыты горячего дутья в доменном процессе и начало перехода от кричного способа получения железа к пудлингованию относятся к 1836 г., опыты бессемеровского способа продувки чугуна — к 1857 г. Но эти нововведения не могли приобрести в крепостной России большого размаха и не изменили общего отсталого характера русской металлургии: её давили крепостнические отношения. Ценнейшие изобретения русских техников оставались в крепостной России без применения. Особенно показательна судьба замечательного изобретения русского мастера Пятова, в 1859 г. открывшего способ проката стальных плит вместо проковки их паровым молотом: изобретение осталось непризнанным со стороны царских властей, а позже было похищено иностранцами (см. главу XXXI).

Упадок вотчинной и посессионной мануфактур. Крепостные рабочие. В первой половине XIX в. происходит заметный упадок предприятий, работавших на принудительном крепостном труде, — вотчинных и посессионных мануфактур. У вольнонаёмных рабочих было огромное преимущество перед крепостными: по окончании договора они имели право уйти с предприятия, а за свою работу получали более высокую плату, чем посессионные и вотчинные. Труд вольнонаёмных рабочих был производительнее, они лучше приспособлялись к машинной технике, и владельцы, эксплоатируя их, извлекали больше прибавочного продукта. Чем шире и разнообразнее

становился спрос на промышленные изделия, тем яснее становилась невыгодность принудительного труда.

Техника производства на вотчинных мануфактурах находилась на крайне низком уровне, производство же основывалось на беспощадной эксплоатации труда крепостных. Барщина на фабрике была более тяжёлой, чем на барской запашке. Декабрист Николай Тургенев отмечал, что крестьяне произносили слова: «в этой деревне фабрика» так, как они произнесли бы: «в этой деревне чума». Производительность труда на вотчинных фабриках была крайне низкой. Отдельные помещики, чтобы повысить выработку, даже вынуждены были вводить на вотчинных мануфактурах небольшую плату для крепостных рабочих. Но подобные начинания кончались обыкновенно неудачами для предпринимателей: содержание барщинных рабочих обходилось дорого и не давало достаточной прибыли. Рабочие трудились из-под палки, вяло и неудовлетворительно. Владельцы прибегали к жестокому принуждению: розгам, заковыванию в кандалы, сажанию на хлеб и воду. Барщинные рабочие отвечали на это побегами, поджогами, убийством ненавистных приказчиков, массовыми восстаниями. Между вотчинными предпринимателями и рабочими шла непрерывная классовая борьба. Особенно бурный характер приняли волнения крепостных рабочих в 1841 г. на крупном Ревдинском заводе Демидовой (на Среднем Урале). Рабочие получали здесь ничтожную заработную плату, которая не обеспечивала их существования. Они забастовали, требуя повышения расценок. Были вызваны войска. Под звуки набата собралась «тысячная толпа, вооружённая кольями и готовая бороться за права свои». Несмотря на сделанный залп, рабочие перешли в атаку, завязалась рукопашная схватка; ружейный и орудийный огонь косил десятки людей; несколько десятков человек было убито на месте и более сотни ранено.

Отсталая и малопроизводительная вотчинная мануфактура оказывалась в полном противоречии с развивающимися капиталистическими отношениями; усиливающиеся волнения крепостных рабочих в корне подрывали её существование. Средние и мелкие вотчинные мануфактуры ликвидировались, уступая место капиталистическому производству. Лишь более крупные вотчинные предприятия, поддерживаемые дешевизной труда и монопольным сбытом, ещё кое-как сохранялись. К 1860 г. только 11% рабочих было занято на вотчинных помещичьих предприятиях.

Ещё быстрее шло разложение посессионной промышленности; её положение в условиях начавшегося технического переворота тоже оказалось критическим. Владельцы посессионных предприятий не имели права рассчитывать своих рабочих;

правительственные «положения» строго регламентировали размеры и характер производства, заработную плату и рабочее время. При таких условиях было невозможно приспособляться к меняющейся рыночной конъюнктуре, увеличивать и уменьшать размеры продукции, заменять ручной труд машинным. Труд посессионных рабочих был тоже малопроизводителен, а стремление освободиться от постылого крепостного ига проявлялось не меньше, чем в барских имениях. На посессионных предприятиях шла непрерывная борьба за повышение заработка, за сокращение продолжительности работы, за право на человеческое обращение. Иногда десятками лет рабочие осаждали жалобами местные и центральные органы власти, устраивали стачки, оказывали активное сопротивление администрации и чиновникам. Особенно упорной была борьба посессионных рабочих на суконной мануфактуре Осокина в Казани: с конца XVIII в. вплоть до 1849 г. 1 500 рабочих этого предприятия неустанно добивались сначала повышения заработной платы, а затем полного освобождения из-под власти хозяев, требуя перевода в разряд казённых крестьян. Из рабочей массы выдвинулись руководители, которые организовывали ночные сходки, составляли жалобы, выступали в качестве представителей рабочих перед властями. Правительство не раз присылало следственные комиссии, отдавало под суд «зачинщиков», вынуждало рабочих давать подписку о покорности, но мастеровые Осокина оставались попрежнему непреклонными в своих требованиях. В 1849 г. казанские суконщики достигли, наконец, поставленной цели и были переведены в разряд казённых крестьян.

Посессионные мануфактуры численно сокращались, не выдерживая конкуренции с купеческими предприятиями. В 1816 г. право покупки крестьян к мануфактурам было отменено. Прежние посессионные предприятия продолжали существовать, но новых уже, как правило, не заводили. Число посессионных рабочих снизилось: в 1812 г. в обрабатывающей промышленности их было 35 581 человек, а в 1826 г. — 29 328. Сами посессионные мануфактуристы приходили к выводу о невыгодности и неудобствах устаревшего посессионного права; некоторые начали принимать свободных рабочих, другие просили разрешения развязаться со своими крепостными. Отвечая назревшей потребности, правительство сначала смягчило строгость посессионного права, а затем предоставило владельцам право увольнять «посессионных людей» и даже закрывать самые предприятия. В течение 40—50-х годов этим разрешением воспользовались десятки мануфактуристов: около 20 тыс. крепостных рабочих получило свободу. Принудительный труд оказывался всё более несовместимым с развивающимися буржуазными отношениями.

Введение машин. Наряду с ростом вольнонаёмного труда промышленность 30—50-х годов переживала другое крупное изменение: ручная техника начала уступать своё место машинной, мануфактура стала превращаться в фабрику. Первые механизмы (прядильные машины) появились в хлопчатобумажной промышленности в начале XIX в. С середины 30-х годов количество машин стало заметно увеличиваться, а с 40-х годов можно говорить о первых признаках промышленного переворота: машина появляется в разнообразных отраслях промышленного производства. В этом отношении значительные сдвиги происходят в ситценабивной, отчасти в ткацкой промышленности. Бумагопрядение сразу сложилось как довольно крупное для того времени машинное производство и стало развиваться быстрыми темпами: за короткий промежуток в 11 лет (1843—1854 гг.) количество бумагопрядильных веретён выросло с 350 тыс. до 1 млн. Мало-помалу машина начала завоёвывать шерстяное, суконное и шёлковое производства. Всё чаще стали вводиться паровые двигатели: в одной Московской губернии в 1858 г. насчитывались 152 паровые машины мощностью в 3 115 лошадиных сил.

О степени распространения новой фабричной техники говорит прежде всего усиливавшийся импорт механизмов. По новейшим подсчётам, ценность их годового привоза составляла (в руб. серебром):

Годы	
1824—1828	42 529
1844—1846	1 164 402
1856—1860	3 103 510

Таким образом, ценность ввезённых за 37 лет машин увеличилась в 73 раза. В то же время в первой половине XIX в. зародилась отечественная машиностроительная промышленность. Основываются машиностроительные заводы Мальцева в Калужской губернии, Шипова в Костромской, Семянникова и Берда в Петербурге, Симиренко на Украине (в Киевской губернии) и т. д.

В 1851 г. в России насчитывалось 19 машиностроительных заводов с общей суммой производства в 478 тыс. руб., а в 1860 г. — 99 заводов с суммой производства в 7 954 тыс. руб., иначе говоря, производство машин за десятилетие увеличилось более чем в 16 раз.

Таким образом, к середине XIX в. наряду с капиталистическими мануфактурами Россия имела и довольно крупные для того времени фабричные предприятия. Однако не следует преувеличивать размеры российской машинной индустрии 40—50-х годов и её удельный вес в экономике крепостной

России: фабрик и заводов было ещё очень мало, целый ряд производств оставался незатронутым техническими нововведениями; тяжёлая промышленность попрежнему опиралась на ручной крепостной труд; многие предприятия текстильной промышленности ещё не знали никаких механизмов. Но там, где машина вводилась в действие, она производила глубокие изменения в составе и положении занятых рабочих: мужчины заменялись женщинами и детьми, заработная плата значительно понижалась, эксплоатация рабочей силы приобретала самые чудовищные формы.

Рост буржуазии. Развитие капиталистических отношений в недрах крепостного строя сопровождалось формированием новых социальных слоёв. Эти слои росли и крепли по мере развития капиталистического уклада в крепостной России. В сёлах и деревнях, на местных рынках и ярмарках, в торговле уездных, а отчасти губернских и даже столичных городов «капитàлистые» крестьяне — прасолы, скупщики, торгующие крестьяне — стали заметным и нередко влиятельным элементом. В городах и промышленных местечках, в крупной, зачастую оптовой внутренней торговле, а нередко и в торговле с иностранными государствами всё бóльшую роль стало играть торговое и промышленное купечество. Происходил неуклонный рост купеческого сословия. Он заметен по увеличению числа выданных купеческих гильдейских свидетельств и увеличению сумм капиталов, объявленных при выборке таких свидетельств. За 1830—1858 гг. гильдейское купечество (всех трёх гильдий) выросло на 133%. Особенно значителен был рост купеческого сословия в 30—50-х годах. В 1836 г. всё купеческое сословие России состояло из 123 796 душ мужского пола, а в 1851 г. — из 180 359 душ мужского пола, т. е. за 15 лет оно увеличилось на 45%. Сильно выросли и объявленные купцами при выборке гильдейских свидетельств капиталы: в 1838 г. объявлено было капиталов на сумму в 100 млн. руб. серебром, а в 1858 г. — на сумму в 158,3 млн. руб. серебром, причём купцы сильно приуменьшали свои капиталы при их официальном объявлении. Экономист-современник Л. В. Тенгоборский определял общую сумму капиталов купцов трёх гильдий для 1856 г. примерно в 500 млн. руб., т. е. в 3,5 раза больше суммы, объявленной самими купцами. Многие купцы вели сложные торговые и торгово-промышленные дела, в которых нередко оперировали огромными капиталами. Ряды записного гильдейского купечества пополнялись за счёт богатеев — «капитáлистых» крестьян, приобретавших гильдейские свидетельства. Крепостные торгующие крестьяне и крестьяне-промышленники, выкупаясь на волю, обычно записывались в купеческое сословие. Ряд крупных фабрикантов вышел из «капитáлистых» крепостных

крестьян (мануфактурист Савва Морозов, табачный фабрикант Жуков, шёлковый и камвольный фабрикант Гучков), из подмосковных монастырских крестьян-кустарей (ситцевые мануфактуристы Прохоровы). Москва была всероссийским торгово-промышленным центром. Из 63 купеческих родов Москвы, выдвинувшихся во второй половине XVIII и в XIX в., 21 род, т. е. 33%, вышел из крестьян.

Промышленное и торговое купечество Москвы, Петербурга, Нижнего-Новгорода, Ярославля, Одессы, Казани, Рыбинска, Астрахани, села Иванова (Владимирской губернии) стало видным и влиятельным слоем населения. Иногда купцы, не ограничиваясь занятиями торговлей и промышленностью, приобретали на основе закона 12 декабря 1801 г. в собственность земли и заводили своё земледельческое хозяйство. В конце 30-х и начале 40-х годов в губерниях Воронежской, Тамбовской, особенно Саратовской, некоторые купцы имели по 500—1 000 десятин земли и обрабатывали свои владения путём найма крестьян. Державшееся на вольнонаёмном труде земледельческое хозяйство таких купцов было более производительным, нежели крепостные имения помещиков.

Представители буржуазии стали принимать известное участие и в общественной и культурной жизни страны. Талантливый писатель и журналист купец Н. А. Полевой приобрёл широкую известность изданием передового журнала «Московский телеграф» (1825—1834 гг.). Из московского купечества вышли критик В. П. Боткин, артист В. М. Самойлов (родоначальник знаменитой семьи Самойловых), артисты, писатели и библиографы братья Плавильщиковы. Из богатой купеческой семьи Симбирска вышел известный русский писатель И. А. Гончаров. Однако преобладающая масса русского купечества была культурно отсталой, тёмной, жила замкнуто; среди купечества того времени преобладали тяжёлые, «домостроевские» нравы, талантливо описанные драматургом А. Н. Островским.

Русская буржуазия не выросла в революционный класс, — отсутствие революционности являлось её существенной исторической особенностью. Она получала от царского правительства немало привилегий, ряд которых был тесно связан с крепостнической системой (посессионные рабочие, приписка к фабрикам деревень и др.); царизм оградил её от иностранной конкуренции стеной высоких пошлин; завоевательная политика царизма обеспечила её проникновение на восточные рынки; обширные правительственные казённые заказы служили источником её значительного обогащения. Позднее вступление России на путь капиталистического развития было немаловажной причиной развития указанных особенностей. Важнейшим моментом является то обстоятельство, что большое количество

представителей русской промышленной буржуазии вышло из рядов купечества и было органически связано именно с купеческим капиталом. К. Маркс указывает в III томе «Капитала», что переход от феодального способа производства к капиталистическому совершается двояким образом: или «производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство», при этом старый способ производства «консервируется и удерживается... как необходимое для него самого предварительное условие» [1]. В этом случае, скажем, текстильный фабрикант по существу оставался «купцом, который предоставлял ткачам работать их старым раздробленным способом и который господствовал над ними только как купец, на которого они фактически и работали» [2]. Таким образом, русская буржуазия в немалой доле присваивала прибавочный продукт на основе старого способа производства, в силу чего была сильно заинтересована в консервации старых производственных отношений. Она пригрелась под крылом самодержавия и не выросла в силу, которая стремилась бы стать во главе революционного движения, разрушить до основания крепостной строй и сбросить самодержавие.

Правительство ревниво оберегало дворянское сословие от вторжения в него буржуазных элементов. В начале 30-х годов созданы были особые сословия — «потомственных и личных почётных граждан», которым предоставлялась свобода от рекрутской повинности, телесных наказаний и подушной подати. Таким образом, царизм организовал для новых буржуазных социальных групп новые категории сословного общества.

Развитие городов. В связи с развитием капиталистических отношений, ростом промышленности и торговли всё бо́льшая часть населения отрывалась от земледелия. Люди, порывавшие с земледелием, обычно пополняли население городов или тех новых промышленных и торговых центров, которые возникали в сельских местностях. Население городов возрастало медленно, но неуклонно: городские жители составляли в 1796 г. 4,1% всего населения страны, в 1812 г. — 4,4, в 1835 г. — 5,8, в 1851 г. — 7,8%. К середине века (1851 г.) горожан насчитывалось 3 482 тыс. Уже в начале века (около 1808 г.) в «многолюднейших в России городах» проживали, по примерным подсчётам учёного статистика того времени профессора Е. Ф. Зябловского: в Москве — около 200 тыс. жителей, в Петербурге — 250 тыс., в Астрахани, Казани и Риге—приблизи-

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1938, стр. 300.
[2] Там же.

тельно по 30 тыс., в Ярославле — 25 тыс., в Туле и Тобольске — по 20 тыс., Архангельск, Калуга, Киев, Воронеж, Орёл и Иркутск насчитывали каждый приблизительно по 15 тыс. жителей.

Но цифровые данные официальной статистики преуменьшали действительный рост городского населения, потому что они обычно учитывали только жителей именно «городских» сословий (купцов, мещан, цеховых ремесленников, чиновников). Между тем в города для заработков и на постоянное жительство приходили в большом числе крестьяне. Весьма значительная часть таких крестьян прочно оседала в городах, служа и работая по найму, торгуя и занимаясь ремеслом. Город, являвшийся средоточием торговли и промышленности, привлекал всё больше пришлого народа, главным образом из деревень. Особенно много такого пришлого населения скучивалось в столицах — Петербурге и Москве, в крупных портовых городах — Астрахани, Риге, Одессе, в перевалочных пунктах вроде Рыбинска, Гжатска, Моршанска. В 30-х годах из 450 тыс. населения Петербурга крестьяне составляли до 200 тыс., а в 1858 г. из 494 тыс. крестьяне и дворовые составляли 260 тыс. Официальная статистика городских жителей далеко не всегда учитывала и временных, сезонных обитателей городов, приходивших на поиски заработка. Так, в одном из центров хлебной торговли — в уездном городе Моршанске — в начале XIX в. проживало от 5 тыс. до 7 тыс. горожан, но к открытию навигации туда прибывало ежегодно до 25 тыс. человек из окрестных деревень. В больших городах — Петербурге, Москве, Одессе, Астрахани, Нижнем-Новгороде — в первой половине XIX в. возникли бытовые биржи найма: в определённые места (на площади, улице, рынке) этих городов одни люди приходили продавать свой труд, другие—покупать его. Так, в Петербурге на площади у Синего моста, на Мойке, постоянно толпились, ожидая нанимателей и подрядчиков, артели пильщиков-олончан, маляров и печников-ярославцев, землекопов-белоруссов; тут собирались башмачники и сапожники из Тверской губернии, огородники из Ростовского уезда Ярославской губернии; тут предлагали свои услуги кормилицы, лакеи, кучера, садовники. Тут же продавали крепостных людей.

Преобладающим типом городского поселения в России в первой половине XIX в. был небольшой город: в середине века из 1 тыс. городов России 878 имели менее чем по 10 тыс. жителей и только 32 города — более чем по 20 тыс. жителей. Более 150 тыс. жителей и в это время имели только Петербург и Москва. Крупными городами и важными средоточиями торгово-промышленной деятельности и местной административной власти были губернские городские центры (8% общего числа

городов). На втором месте по своему значению стояли уездные города, составлявшие 71% всех городов. Маленькие городки, так называемые «заштатные», составляли 21% всех городов.

Городское управление в течение всей первой половины XIX в. осуществлялось на основе жалованной грамоты городам 1785 г. Во главе выборного сословного управления в городах стояли так называемые «шестигласные думы»; местная административно-полицейская власть принадлежала городничим и полицмейстерам. Руководящая роль в городских учреждениях обычно была за местными богатыми купцами.

По социально-сословному составу русский город первой половины XIX в. был преимущественно мещанским: 50—60% всех горожан принадлежали к сословию мещан. За мещанами следовала пёстрая по сословному происхождению группа горожан: «разночинцы, солдаты и крестьяне» — до 38,5% всего населения городов. Удельный вес дворянства, купечества, чиновничества и духовенства в разных городах колебался от 1,5 до 11,5%. Но независимо от сословной принадлежности все горожане так или иначе были втянуты в товарно-денежные отношения, в торгово-промышленную деятельность, сосредоточившуюся в городах. Горожане торговали, работали на фабриках и заводах, плавали на судах, служили в казённых учреждениях и у частных лиц — купцов, дворян. Кадры рабочих людей, занятых в промышленных предприятиях городов, слои торговой и промышленной буржуазии значительно выросли. В городах, особенно крупных, кристаллизовалась новая разночинная интеллигенция. Петербург и Москва — столичные города — стали крупнейшим средоточием промышленности и торговли.

Экономическая политика самодержавия. Феодально-крепостнические дворянские правительства Александра I и Николая I не могли не считаться с интересами буржуазии, не могли не содействовать в известной мере развитию промышленности, но они делали это в той мере, в какой их действия не противоречили интересам землевладельческого дворянства и самодержавного строя.

С начала века самодержавие последовательно, за исключением кратковременных отступлений, проводило политику протекционизма. Система протекционизма — иначе говоря, высоких охранительных пошлин на ввозимые из-за границы промышленные товары — преследовала цель облегчить развитие отечественной промышленности, оградив её от иностранной конкуренции. Протекционизм повсюду был спутником начального капиталистического развития, — он ускорял переход от феодального способа производства к капиталистиче-

скому. Маркс в «Капитале» назвал протекционизм «искусственным средством фабриковать фабрикантов...» [1]

Протекционисты требовали, чтобы государство помогало развитию русской крупной промышленности; тем самым они учитывали интересы русской промышленной буржуазии и дворян — владельцев крупных вотчинных мануфактур.

Правительство Александра I и Николая I придерживалось в основном протекционистской политики. Изданный в 1810 г. запретительный таможенный тариф просуществовал почти без изменений до 1817 г. В 1822 г. был издан новый, резко протекционистский запретительный таможенный тариф; он установил высокие пошлины на иностранные фабрикаты, а ввоз некоторых товаров запретил совсем. Почти 30 лет тариф этот оставался в основном неизменным. Только в 1850 г. под давлением землевладельческих кругов был издан новый, более благоприятный для промышленного импорта тариф.

Прислушиваясь в известной мере к запросам преданной царизму русской буржуазии, правительство провело ряд мероприятий, в которых буржуазия была заинтересована. В 1828 г. создан был Мануфактурный совет для обсуждения важнейших мероприятий в области промышленности; для участия в нём приглашались фабриканты и заводчики. В 1828 г. был основан Практический технологический институт, который должен был готовить технически образованные кадры, нужные для буржуазии. По почину правительства с конца 20-х годов стали устраиваться промышленные выставки; поощрялось участие русских мануфактуристов в заграничных выставках. Специальный казённый «Журнал мануфактур и торговли» был посвящён развитию промышленности и торговли, интересам буржуазии.

Развитие товарно-денежных отношений в стране вынудило дворянское правительство Николая I провести важную денежную реформу, известную под названием «реформы Канкрина» (по имени проводившего её министра финансов). Рынок был наводнён в это время бумажными ассигнациями, которые служили законным платёжным средством наряду с серебряной и медной монетой. К концу 1825 г. было выпущено ассигнаций на 595 млн. руб.; их ценность сильно упала, и за один серебряный рубль давали от 3 р. 50 к. до 4 р. 20 к. ассигнациями; твёрдого денежного курса не существовало; постоянные колебания в ценности ассигнаций путали коммерческие сделки. Чтобы улучшить положение денежного рынка, правительство произвело в 1839 г. так называемую «девальвацию» (обесценение бумажных денег): серебряный рубль был объявлен основной денежной единицей и приравнен к 3 р. 50 к.

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 708.

ассигнациями. Через четыре года ассигнации стали заменяться государственными кредитными билетами, которые свободно разменивались на серебро и были обеспечены металлическими запасами казначейства. Было решено, что размер серебряного фонда должен быть не меньше одной шестой общей суммы кредитных билетов. Постепенно ассигнации были изъяты из обращения, кредитные билеты стали ходить по курсу серебряного рубля, и денежный курс приобрёл необходимую устойчивость. Однако позднее, под влиянием военных расходов, правительство нарушило установленные им правила: оно стало увеличивать выпуск кредитных билетов и с начала 1854 г. ограничило их свободный размен на серебро. Стоимость билетов начала падать, и к февралю 1855 г. за бумажный рубль давали 96 копеек серебром.

Развитие транспорта. В связи с развитием промышленности, городов и ростом внутренней торговли развивались и новые пути сообщения. В то время наиболее удобными путями сообщения в России были многочисленные реки, нередко сближавшиеся друг с другом своими верховьями. Казна, вынужденная считаться с развитием рыночных отношений и интересами торговли, предприняла расширение старых и строительство новых речных каналов. Северо-Екатерининский канал, сооружённый в 1803 г., соединил Каму и Северную Двину. Огинский канал с 1804 г. связал Неман с Днепром. В 1808 г. было закончено строительство Мариинской водной системы, с 1811 г. стала эксплоатироваться Тихвинская система. Таким образом, в первой половине XIX в. уже действовала система каналов, соединявших Волгу с Прибалтийским бассейном (Вышневолоцкий, Мариинский и Тихвинский) и Днепр с западными реками — Вислой, Западной Двиной и Неманом (Днепро-Бугский, Березинский и Огинский). Были выстроены новые каналы, соединившие бассейны Волги и Северной Двины (канал Александра Вюртембергского). Построено было несколько каналов для обхода судами бурных озёр.

В середине второго десятилетия XIX в. в России появилось пароходство. В 1815 г. первый (купленный за границей) пароход петербургского заводчика Берда начал плавать по Неве. В 1817—1821 гг. на уральском Пожвинском заводе В. А. Всеволожского (на речке Пожве, небольшом притоке Камы) в Пермской губернии группа замечательных русских техников (П. Чистяков, Г. Шестаков, Истомин, Казанцевы и др.) построила первые русские пароходы, положившие начало волжско-камскому пароходному сообщению. В 1820 г. предприниматель Евреинов в компании с Бердом спустил на реке Мологе пароход «Волга», предназначенный для буксирования

волжских судов между Нижним-Новгородом и Астраханью. Однако пароходов было ещё очень мало, пропускная возможность каналов была весьма недостаточной, а эксплоатация их — мало удовлетворительной. К 1850 г. пароходное сообщение уже существовало на Волге, Днепре, Волхове, Неве и на важнейших озёрах — Ладожском, Онежском, Ильмене и Байкале.

Наибольшее значение имела организация железнодорожного транспорта. Первая рельсовая чугунная дорога (для конной тяги) была построена в 1806—1809 гг. замечательным русским техником П. К. Фроловым между Змеиногорским рудником и Корбалихинским заводом на Алтае; он же соорудил первый железнодорожный каменный виадук (протяжённостью 292 метра). Первая русская железная дорога (заводская) с паровой тягой была построена в 1833—1834 гг. вблизи Нижнетагильского завода Демидовых. Строителями этой первой русской паровой железной дороги были замечательные русские крепостные-изобретатели—инженеры-механики Е. А. Черепанов (отец) и М. Е. Черепанов (сын). В 1835 г. правительству был подан проект построения железнодорожной сети венским профессором чехом Герстнером. Большинство министров Николая I отнеслось к этому проекту крайне несочувственно; особенно резко высказывались против него министр финансов Канкрин и главноуправляющий путями сообщения Толь, которые видели во всей этой «затее» непроизводительную трату капиталов и угрозу порчи «народной нравственности». Герстнеру разрешено было только построить на частные капиталы пригородную «увеселительную» дорогу общественного пользования. Эта первая, Царскосельская, железная дорога расстоянием в 25 вёрст была открыта в 1837 г. Царское правительство долго противилось дальнейшему строительству железных дорог; только в 1839 г. было решено из военных соображений построить Варшавско-Венскую железную дорогу. В 1842 г., после продолжительных обсуждений, был принят проект сооружения рельсового пути между обеими столицами — Петербургом и Москвой. Эта железная дорога, имевшая крупное экономическое значение, строилась девять лет на казённые средства и была открыта в 1851 г. К 1855 г. протяжение русской железнодорожной сети составляло всего 980 вёрст. Проведение первых железных дорог, особенно Петербургско-Московской (Николаевской, ныне Октябрьской), способствовало усилению товарооборота, развитию промышленности крепостной России, росту капиталистических отношений.

Технико-экономическая отсталость крепостной России. По сравнению с капиталистическими государствами Западной Европы, особенно Англией и Францией, крепостная Россия

оставалась отсталой страной и в технико-экономическом и в социально-политическом отношении.

Несмотря на некоторые успехи промышленного предпринимательства, размеры промышленности России в основном были невелики; в хозяйственной жизни господствовало земледелие. В начале 50-х годов городские жители составляли только около 8% всего населения страны. Крупные предприятия были невелики по размерам: в среднем они насчитывали по 45—50 рабочих; громадное большинство заведений имело в своей основе ручную технику. Важнейшие отрасли производства, например металлургия, почти не знали паровых машин и основывались преимущественно на крепостном труде. Уральские железоделательные заводы были технически отсталыми; их продукция постепенно вытеснялась с европейского рынка. Промышленность развивалась преимущественно в центральном районе Европейской России. В Сибири, Заволжье, на Севере, в стороне от торговых трактов, господствовали домашние промыслы, соединённые с патриархальным земледелием.

Причины промышленной отсталости России коренились в феодально-крепостническом характере её хозяйственного строя. Несмотря на развитие буржуазных отношений, масса крепостного крестьянства продолжала отбывать барщину. Крестьяне были прикреплены к наделу и в своей значительной части удерживались земледельческим трудом в деревне. Связанные по рукам и ногам властью помещика, крестьяне не имели права свободно располагать своей рабочей силой. Промышленность не могла быстро развиваться в таких условиях. При господстве барщинного, натурального хозяйства отсутствовал широкий рынок для сбыта промышленных продуктов; при наличии внеэкономического принуждения и прикрепления к земле не могло быть беспрепятственного формирования пролетариата. Промышленность постоянно нуждалась в рабочих кадрах, но наёмный труд не мог сделаться вполне свободным и вытеснить крепостной труд из промышленности. В условиях замедленного промышленного производства накопление капитала происходило медленно и с трудом. Промышленности недоставало и денежных средств, и рабочих, и покупателей. Таким образом, крепостное право составляло преграду формированию капитализма. Чем шире становились товарно-денежные связи, тем резче обнаруживалось противоречие между развитием производительных сил и разлагавшимися феодальными отношениями.

Разложение феодально-крепостных отношений в сельском хозяйстве. Барщинное хозяйство отличалось от капиталистического, как указывал Ленин, следующими характерными признаками: 1) господством натурального хозяйства; 2) наделением непосредственного производителя средствами произ-

водства, в частности землёю, и прикреплением его к земле; 3) личной зависимостью крестьянина от помещика, внеэкономическим принуждением и 4) крайне низким и рутинным состоянием техники, что являлось и условием и следствием барщинного хозяйства [1].

Расширение внутреннего и внешнего рынков заставляло помещиков стремиться к увеличению товарности продукции их имений. Главным приёмом повышения доходности являлось усиление крепостнической эксплоатации крестьян. Помещики западных и центральных чернозёмных губерний, как правило, усиливали барщину. Увеличивая число барщинных дней в неделю, помещики требовали сверх обязательной барщины в поле ещё выполнения подводной повинности (предоставления подвод для перевозки помещичьих товаров к местам их сбыта) и разнообразной мелкой издельной работы. Помещики чернозёмных губерний чаще прежнего переводили крестьян с оброка на барщину. С расширением барщины росла и площадь барской запашки. Она частично расширялась за счёт подъёма нови и распашки лугов, но в огромном большинстве случаев — за счёт сокращения крестьянской надельной земли, а то и полного обезземеления крестьян. Этот процесс стал особенно отчётлив в 30—50-х годах. Крестьяне лишались помещиком земельных наделов и «переводились на месячину», т. е. на месячный барский продуктовый паёк. Всё время и весь труд «месячников» принадлежали помещику. Крестьяне-месячники превращались из самостоятельных производителей в рабов, подобных неграм на американских плантациях. Месячина разрушала основу барщинной системы: непосредственный производитель при барщинной системе должен быть наделён «средствами производства вообще и землею в частности» [2].

В нечернозёмных губерниях помещики, стремясь повысить доходность хозяйства, переводили крестьян с барщины на оброк. Размер оброка возрастал. В конце XVIII в. средний оброк на душу составлял 5—6 руб. в год, в первом десятилетии XIX в. — уже 10—14 руб., во втором десятилетии — 30—35 руб. К исходу 50-х годов средние размеры оброка по отдельным губерниям колебались от 16 до 27 руб. с тягла; в промышленных же районах оброк поднимался до 400—500 руб. серебром с души. Такое повышение оброка не соответствовало повышению реальной доходности земельных наделов оброчных крестьян. Помещики, повышая оброки, облагали денежным сбором занятия крестьян промыслами и торговлей, заработки

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 158—159.

[2] Там же, стр. 158.

при отходе в города, — крепостная зависимость тормозила тут, как и всюду, развитие нового в экономике страны.

В поисках денег для уплаты оброка крестьяне уходили на заработки в города, нанимались на мануфактуры, обращались к ремёслам и торговле. Эти крестьяне в известной мере отрывались от земледелия, начинали строить своё хозяйство на сторонних заработках, а не на занятии сельским хозяйством.

Площадь крестьянской надельной земли неуклонно сокращалась в течение всей первой половины XIX в. и особенно быстро в 30—50-е годы. Средний размер крестьянского душевого надела снизился местами до 2—3 десятин. Барин вёл наступление на крестьянскую запашку. Одновременно сильно выросло число обезземеленных дворовых людей: в чернозёмных губерниях дворовые составляли 5—12% крепостных. На Украине (в таких губерниях, как Полтавская и Черниговская) безземельные крестьяне насчитывались десятками тысяч. Таким образом, разрушалось основное условие феодальной системы — наделение непосредственного производителя земельным наделом.

При сохранении низкой рутинной техники крайнее усиление барщины истощало почву имения и разоряло хозяйство крестьянина. Неурожаи и массовые голодовки были обычным явлением. Подвергая непомерной эксплоатации даровую рабочую силу, помещики получали всё меньше прибавочного продукта, производительность принудительного труда становилась всё ниже, а озлобление и ненависть крестьянина — всё больше. Явления разложения феодально-крепостной системы сказывались и в оброчном хозяйстве: денежные поступления собирались всё медленнее и хуже, а наиболее зажиточные оброчники предпочитали выкупиться на волю; дальнейшее сохранение крепостной системы не обещало никаких улучшений. Дворянские привилегии не спасали помещиков от хозяйственного расстройства, а иногда и от полного разорения. Редкое имение не было заложено в кредитном учреждении; дворянская задолженность исчислялась сотнями миллионов рублей.

Положение осложнялось настоящей «анархией цен» на сельскохозяйственные продукты; при отсутствии хорошего транспорта приобретали огромное значение местные особенности — степень урожая, изменения спроса, отдалённость от рынка; уровень цен подвергался постоянным и резким колебаниям: правильный расчёт и хозяйственное предвидение были невозможны. В одних районах хлеба недоставало, в других создавались крупные залежи, голод совмещался с перепроизводством, доставка на отдалённые рынки была дорога и не всегда оправдывала затраты. Феодальное помещичье хозяйство

переживало затяжной и безысходный внутренний кризис. Сомнение и тревога охватывали широкие круги господствующего класса.

Находились «учёные», которые отвергали наличие кризиса крепостного хозяйства. На такой позиции стоял П. Б. Струве, когда-то «легальный марксист», а впоследствии белогвардейский эмигрант. Выступая против В. И. Ленина, Струве в своей работе «Крепостное хозяйство» пытался доказать, что помещичье хозяйство закономерно эволюционировало в сторону барщины и, опираясь на денежную базу, якобы переживало в 50-х годах период своего «полного расцвета»; освобождение крестьян будто бы не было экономической необходимостью, и только действие внешнего фактора — проведение железных дорог — якобы заставило государство учесть вероятное будущее и отменить крепостное право. Ложная теория Струве исходила из неправильного определения барщинного хозяйства как «денежно-хозяйственного клина, глубоко вбитого в натурально-хозяйственное тело страны». Она опровергается всеми фактами экономической истории первой половины XIX в.; в основе её выводов лежит механическое обособление экономических процессов от развития классовой борьбы.

Попытки помещичьей «рационализации» сельского хозяйства. Большинство помещиков коснело в рутинных, привычных формах крепостного хозяйства, но некоторые пытались повысить доходность своего имения путём применения новых, усовершенствованных способов ведения сельского хозяйства. Эти помещики мечтали о рациональном земледелии и плодопеременной системе вместо архаического трёхполья, о применении удобрений и технических новинок — сельскохозяйственных машин. Экономическая литература и публицистика начала XIX в. уделили много внимания распространению идей рационального сельского хозяйства. Брошюра кн. Е. Р. Дашковой «Мнение о плуге и сохе», статьи «Экономического журнала», «Земледельческий журнал» Московского общества сельского хозяйства, отдельные статьи в «Духе журналов», в «Трудах Вольного экономического общества», в «Статистическом журнале» посвящены были вопросам агрономии, критике отсталого русского трёхполья, воспеванию «плодопеременения», машин, «фармерских» приёмов ведения сельского хозяйства.

Некоторые из крупных помещиков перешли к практическим опытам по переустройству своих имений на новый лад. Они выписывали из Англии усовершенствованные земледельческие орудия, семена улучшенных сельскохозяйственных культур, удобрения, приглашали опытных «фармеров» из-за границы, вводили четырёхполье, рациональный плодосмен и пр. Особенно славилось своими достижениями калужское имение Полторацкого «Авчурино», куда другие помещики ездили посмотреть на новые способы ведения хозяйства. В 30—40-х годах XIX в. образовались новые общества сельского хозяйства на Украине, в Прибалтике, в Поволжье, на Кавказе, в центральном чернозёмном районе. В Москве

были учреждены Общество улучшенного овцеводства и Комитет сахароваров. Некоторые хозяева развивали улучшенное овцеводство: к 1853 г. в России насчитывалось около 9 млн. голов испанских мериносов. Другие помещики открывали в своих имениях винокуренные и свеклосахарные заводы.

Но рационализаторские затеи не оправдали себя и быстро потерпели крах. Крепостные отношения в стране препятствовали их применению. Оборотных капиталов не было. Вести рациональное сельское хозяйство силами крепостных крестьян было невозможно, наёмных рабочих найти было трудно и оплата их была дорога. Квалифицированного наёмного труда, необходимого для нового, рационального хозяйства, с машинами, удобрениями, сложным севооборотом и плодосменом, в стране не было. Помещик спрашивал, прочтя в «Земледельческом журнале» статью о выгодности применения молотилок: «Да как же, батюшка, если я заведу себе молотильню, то что же станут у меня делать бабы-то целую зиму?» Даровой, неквалифицированный крепостной труд тормозил применение машин. Крах попыток помещичьей рационализации был неизбежен.

Развитие буржуазных отношений в сельском хозяйстве. Некоторые помещики приходили к выводу о преимуществе наёмного свободного труда над крепостным в области земледелия и начали применять наёмный труд в своих имениях, заменяя им барщинную работу крепостных. Так, наёмными работниками стал обрабатывать барскую землю в своём смоленском поместье декабрист И. Д. Якушкин. В 40—50-х годах в различных губерниях появились островки сельского хозяйства, основанного на применении наёмной рабочей силы. Наиболее распространённым был вольнонаёмный земледельческий труд на степных пространствах Причерноморья и Нижнего Поволжья; сюда, в малонаселённые районы, в горячее время жатвы приходили тысячи государственных и помещичьих крестьян в поисках сезонной, хорошо оплачиваемой работы. Однако прочно организовать как бы «капиталистическое» земледелие даже на «островке» было невозможно; в сельском хозяйстве ещё сильнее, чем в промышленности, проявлялся недостаток денежных капиталов, свободной рабочей силы и широкого рыночного спроса. Землевладельцы нуждались в средствах на предварительные затраты; крестьяне были прикреплены к наделу, поэтому батраков нехватало и цены на рабочую силу были относительно высокими; наконец, отсталость промышленности и малолюдность городов сильно ограничивали сбыт сельскохозяйственных продуктов. Крепостническая система стояла преградой всякому техническому и хозяйственному прогрессу.

Всё же, разлагая крепостнические устои, буржуазные отношения проникали не только в помещичье хозяйство, но и в крестьянский двор. В 40—50-х годах XIX в. проявления в крепостной деревне внутреннего расслоения, сдавленного крепостными отношениями, стали обнаруживаться сильнее; наряду с безземельными и безлошадными бедняками встречались зажиточные хозяева, занимавшиеся самостоятельным предпринимательством. Эти деревенские богатеи не ограничивались имевшимся наделом, а снимали в аренду помещичью землю и казённые оброчные статьи — пахотные и сенокосные участки, постоялые дворы, водяные мельницы; иногда они покупали десятки и сотни десятин земли с разрешения и на имя своих крепостных господ. Арендованные и купленные угодья использовались в целях товарного земледелия: на них засевались хмель, лён, конопля, зерновые культуры. Крепостные богатеи открывали питейные заведения, давали кабальные ссуды односельчанам, брали на себя поставки и подряды, по «сходной цене» скупали и перепродавали продукты крестьянского земледелия и промыслов. Так возникала и формировалась, хотя и в сдавленном, стеснённом виде, прикрытая привычными формами крепостнических отношений деревенская буржуазия, предприимчивая и хищная, закладывавшая основы нового, капиталистического хозяйства. Так, в 30-х годах в калужской вотчине Юсупова пользовался громадным влиянием крепостной крестьянин Феофан Васильев: он располагал крупным капиталом, скупал кленовые рощи, рубил клёны и разрабатывал древесину с помощью нанятых односельчан, руководил скупкой кленовых изделий и, совершая далёкие поездки, перепродавал эти изделия на многие тысячи рублей. В болховском имении помещика Дурново орудовал крестьянин Яков Голиков: он скупал сотни десятин земли, снимал в аренду господские мельницы, держал на почтовых дорогах постоялые дворы, покупал (формально — на имя помещика) крепостных крестьян. Образование крестьянской буржуазии в условиях крепостного строя, часто под эгидой помещиков-крепостников, было одним из противоречий разлагавшегося феодального общества. Но и здесь крепостные отношения сильно задерживали процесс капиталистического накопления: ни один разбогатевший кулак не мог чувствовать себя полным хозяином своего имущества; присвоение крестьянской собственности помещиком было далеко не редким явлением.

Государственные крестьяне. Особое положение в среде земледельческого населения занимали государственные, или казённые, крестьяне: они считались «свободными сельскими обывателями», но находились в феодальной зависимости от

государственной казны. По данным 1835 г., государственные крестьяне составляли более одной трети крестьянского населения империи. Особенно велик был процент государственных крестьян в Сибири, в Приуралье, на Северном Поморье и на Украине.

В великорусских губерниях положение государственных крестьян было несколько свободнее и легче: они были обязаны вносить оброк, который составлял с 1818 г. 3 руб. с ревизской души (впоследствии он был заменён поземельным оброком и к 1855 г. вырос до 5 руб.). Гораздо тяжелее было положение государственных крестьян Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Украины, которые до середины 40-х годов отбывали барщинные повинности, определённые инвентарями казённых имений; посессоры, которые арендовали эти имения, произвольно увеличивали размеры барщины и жестокими притеснениями доводили крестьян до полного разорения. И оброчные и барщинные крестьяне были обложены разнообразными государственными повинностями — денежными и натуральными, которые, как правило, превосходили своими размерами повинности помещичьих крестьян.

Так же, как помещичьи крепостные, государственные крестьяне испытывали большую нужду в земле. Крестьянские наделы в XIX в. сильно сократились в результате насильственных захватов со стороны помещиков и посессоров; в некоторых губерниях, например в Подольской и Гродненской, они составляли в 1858 г. от 1 до 2 десятин земли. Чтобы поднять платёжеспособность государственной деревни, правительство должно было расширить площадь крестьянского землепользования. В 1855 г. средний надел государственных крестьян колебался по губерниям от 0,5 до 10 десятин на ревизскую душу, в зависимости от плотности населения и количества земельных ресурсов.

Система внеэкономического принуждения в оброчных имениях была значительно легче, чем в барщинных; но и здесь крестьяне находились под сильным гнётом местной администрации — сначала земской полиции, потом громоздкого аппарата министерства государственных имуществ. Местные чиновники и крестьянские «начальники» (старосты, старшины, головы и пр.) систематически грабили и насильничали в подведомственной им государственной деревне.

Тем не менее капиталистические отношения проникали и сюда, в среду казённого крестьянства Это явление особенно ясно обнаруживалось в центральном промышленном районе, где многие крестьяне занимались мелкими промыслами, уходили на заработки в города, сбывали на рынок продукты своего сельского хозяйства. Для губерний чернозёмного центра

было характерно господство земледелия, но и здесь не было прежнего замкнутого, натурального хозяйства: излишки крестьянского производства вывозились не только на местные ярмарки и городские базары, но и в отдалённые районы севера и востока. Крестьяне Тамбовской и соседних губерний уходили на летние полевые работы, занимались местными и дальними извозами, нанимались в бурлаки и водоливы, выделывали рогожи, мочала, лопаты и другие продукты лесного промысла. Свободнее и продуктивнее развивалось хозяйство сибирского крестьянства: здесь находились ещё не тронутые природные богатства, земли было много, почти отсутствовало помещичье землевладение. Крестьяне сбывали в местные центры и в европейские губернии излишки, которые они получали от звериных промыслов, рыболовства, экстенсивного земледелия, разведения крупного скота.

Повсюду на почве растущих товарно-денежных отношений происходил процесс расслоения государственной деревни: наряду с середняцкой массой выделялись зажиточные прослойки крестьян — арендаторов оброчных статей, владельцев промышленных предприятий и постоялых дворов, скупщиков местных товаров и пр.; с другой стороны, обедневшие и разорённые крестьяне не могли вести собственное хозяйство, превращались в «бобылей», батрачили у богатых хозяев или уходили на заработки в ближние и дальние города.

Крестьянское движение. Крестьянство хотело жить по-новому. Постылое крепостное право сковывало его возможности. Разложение крепостного строя сопровождалось усилением крепостнического гнёта и ухудшением положения крестьян. Возрастали крестьянские волнения, крестьяне требовали освобождения от крепостной неволи. За первую половину XIX в. произошло свыше тысячи крестьянских волнений; некоторые из них были весьма крупными и длительными (движение донского крестьянства в 20-х годах, крестьянские волнения 1830—1831 гг., возмущение государственных крестьян Приуралья в 1834—1835 гг., партизанская борьба крестьян Подольской губернии в 20—30-х годах под предводительством Устима Кармалюка и др.). «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности», — доносило в 1835 г. царю III отделение — высший орган государственной полиции; многочисленные случаи неповиновения крестьян помещикам, по словам III отделения, «происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу». Особенно напряжённым стало крестьянское движение в 50-е годы; борьба крепостного крестьянства была важнейшим элементом революционной ситуации 1859—1861 гг.

Крестьянская борьба за свободу несла в себе, как и раньше, вековые слабые стороны: она была стихийной, разрозненной, проникнутой иллюзиями наивного монархизма. Отдельные вспышки крестьянского протеста быстро подавлялись могущественным аппаратом самодержавия. Но крестьянская борьба всё больше расшатывала устои крепостнического режима и угрожала вылиться в форму единовременного и повсеместного взрыва. Кризис крепостного хозяйства надвигался на дворянство социальной катастрофой; тревога помещичьего класса с каждым годом усиливалась в предвидении неизбежного и близкого революционного потрясения.

Вопрос об освобождении крестьян. Идея большей выгодности наёмного вольного труда по сравнению с крепостным получала всё более широкое распространение и в литературе того времени. Книга последователя Радищева, молодого писателя И. П. Пнина, «Опыт о просвещении относительно к России» (1804 г.) ясно говорила читателю о необходимости отмены крепостного права. Диссертация Кайсарова «Об освобождении крепостных в России», опубликованная за границей в 1806 г., обосновывала необходимость освобождения крестьян доводами об экономической невыгодности крепостного труда. О том же говорила книга Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами», вышедшая в 1808 г. Вольное экономическое общество объявило в 1812 г. конкурс на решение задачи «о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаёмного труда»; высшую награду получил профессор Якоб, доказывавший в своём сочинении невыгодность барщинной системы. «Крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия», — справедливо писал передовой экономист профессор К. Арсеньев в своём труде «Начертание статистики Российского государства», вышедшем в 1818 г. «Успехам России мешает существование рабства», — заявлял в том же году в своей книге «Опыт теории налогов» декабрист Н. И. Тургенев. Известен ряд проектов освобождения крестьян, составленных дворянами в первой четверти XIX в. Таковы записки В. Малиновского (1802 г.), проект П. Д. Киселёва (1816 г.), Е. Ф. Канкрина (1818 г.). Но все эти проекты не выражали мнения большинства помещиков. Класс помещиков в целом ещё коснел в условиях натурального хозяйства и цеплялся за крепостные отношения. В 1841 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский составил записку «О крепостном состоянии в России», выражавшую интересы и мнения помещиков, осознавших невыгодность крепостного хозяйства. С помощью фактов, почерпнутых из земледельческой практики, он доказывал, что барщинное хозяйство убыточно для помещиков, исключает возможность правильного расчёта

и крайне обременительно для крестьян; при сохранении тех же условий и приёмов хозяйства помещики экономически выиграют, если заменят малопроизводительную барщину вольнонаёмным трудом. Записка не могла быть напечатана, но она ходила по рукам, её обсуждали в помещичьих кругах. В 1847 г. на ту же тему была напечатана в «Земледельческой газете» статья славянофила А. И. Кошелева «Охота пуще неволи». Автор — сам помещик и откупщик — в живой форме доказывал преимущества вольнонаёмного труда. «Взглянем на барщинскую работу. Придёт крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить». Совсем иное — работа вольнонаёмной артели: «Здесь всё горит, материалов не наготовишься; времени проработают они менее барщинского крестьянина, отдохнут они более его, но наделают они вдвое, втрое. Отчего? — Охота пуще неволи». А. И. Кошелев превозносил и порядки «коммерческой» (капиталистической) мануфактуры, показывал преимущество наёмной прислуги над беспечной, ленивой дворней и делал определённый классовый вывод из своих наблюдений: «Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей... Пусть люди благонамеренные примутся за дело дружнее, и тогда, верно, отсталых будет немного». Однако либеральные защитники вольнонаёмного труда осторожно обходили вопрос о земле. Земля, по их мнению, была священной дворянской собственностью.

Между тем крестьянское движение становилось всё более грозным. Либеральные буржуазные рационализаторы всё чаще проповедывали необходимость заменить экономически невыгодную барщину доходным трудом по договору. Исходя из своих классовых интересов, помещики начали вырабатывать практические проекты отмены крепостного права. В 40-х годах рязанский помещик Голицын, пензенский — Желтухин, тульский — Черкасский и целый ряд других подали правительству докладные записки, предлагая отпустить крестьян на волю с ничтожным земельным наделом за определённый денежный выкуп. В 1844 г. с подобным же проектом выступила группа тульских дворян. В 1848 г. этот вопрос обсуждался смоленскими дворянами. Однако подавляющая масса помещиков оставалась попрежнему на крайней крепостнической позиции: её пугало всякое прикосновение к действующей системе как непосредственная угроза дворянскому землевладению и дворянской власти.

Через все рассмотренные экономические явления ярко и отчётливо проходит борьба старого с новым: разлагается

старая феодально-крепостная формация, в противоборстве с ней развивается новый, прогрессивный для данной эпохи капиталистический уклад. Страна производит всё большее количество жизненных благ, и производит их во всё более значительной доле по-новому. Ржавый обруч крепостного права крепко сковывает новые, прогрессивные явления — не даёт им возможности развиться во всю силу. Грозная сила самодержавия стоит на страже старого строя. Крепостное право и самодержавие были главнейшими, основными тормозами развития России.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Капитал. Т. III. Гл. 20 и 47. — *Ленин В. И* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 469—470.— *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. С 157—159, 328—331, 424—425, 475—476. — *Ленин В. И.* К деревенской бедноте. Сочинения. Изд. 4. Т. 6. С. 345, 385. — *Ленин В. И.* О государстве. Сочинения. Изд. 3. Т. XXIV. С. 367. — *Сталин И. В.* Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11 [М.] 1945. С. 412. То же: отд. изд. [М.] 1946. С. 5. — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] 1946. Гл. 1.

II. Документальные материалы. Пособия. *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 1—2. Спб. 1818—1819. — *Зябловский Е.* Российская статистика. Ч. 1—2. Изд. 2. Спб. 1842. — Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского. Т. I. Спб. 1902. XIV, XLIV, 331, 212 с.—*Тургенев Н. И.* Опыт теории налогов. Изд. 3. М. 1937. XVI, 176 с.— *Андросов В.* Хозяйственная статистика России. М. 1827. [6]. X, 282 с. — Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 год. Спб. 1855. [687] с. — Материалы для статистики России, собираемые по ведомству министерства государственных имуществ. Вып. 1—6. Спб. 1858—1871. — Хозяйственно-статистический атлас Европейской России. Издан департаментом сельского хозяйства министерства государственных имуществ. Изд. 3. Спб. 1857. 10 л. карт. — Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России, изданному департаментом сельского хозяйства министерства государственных имуществ. Изд. 3. Спб. 1857. 105 с. — *Большаков А. М.* и *Рожков Н. А.* Хрестоматия по истории народного хозяйства России. Вып. 2. Л. 1925. 289 с. — Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 164 с. (Центрархив). — *Haxthausen A.* Studien über die innern Zustände des Volksleben und insbesondere die ländeichen Einrichtungen Russlands. B. I—III. Berlin 1847—1852. Перевод I тома: *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. I. Перев. с нем. и издал Л. И. Рагозин. М. 1870. XXII, 490 с.—*Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. Изд. 7. М. 1938. XVI, 460 с.—*Злотников М. Ф.* К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности. (Критика «Русской фабрики» М. И. Туган-Барановского.) «Катор-

га и ссылка». 1935. № 1 [116], с. 37—65. — *Злотников М. Ф.* От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории». 1946. № 11—12, с. 31—48. — *Предтеченский А. В.* К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России. «Известия Академии наук СССР. VII серия. ООН» 1931. № 8, с. 893—920.—*Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. Изд. 4. Т. I. Л. 1925. Гл. IV—V. С. 109—130.— *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. I. М. 1947. 663 с. — *Семёнов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. I—III. Спб. 1859. — *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. Ч. 1—2. Спб. 1858—1862 —*Повалишин А.* Рязанские помещики и их крепостные. Рязань. 1903. 7, XII, 386, XXXVIII с — *Экземплярский П. М.* Село Иваново в начале XIX столетия. «Труды Иваново-Вознесенского научного общества краеведения». Иваново-Вознесенск 1925. Вып. 3. С. 152—174.—*Греков Б. Д.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX века. «Известия Академии наук СССР. ООН». 1932. № 6. С. 481—520; № 7. С 623—648. — *Гулишамбаров Е. О.* Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I (1825—1855 гг.). Спб. 1896. 5, 74 с. — *Струмилин С. Г.* Промышленный переворот в России. М. 1944. 48 с. — *Дружинин Н. М.* Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского. В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Ч. 1. М. — Л. 1939. С. 337—386.— *Аксаков И. С.* Исследование о торговле на украинских ярмарках. Спб. 1858. [6], 383, IV с — *Лодыженский К. Н.* История русского таможенного тарифа. Спб. 1886. XVI, 312, 82 с. — *Рындзюнский П. Г.* Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в. «Исторические записки». М. 1938 № 4, с. 141—164. — *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3, доп. М. 1925. 407 с. — *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. Т. I. Период крепостного труда Изд. 2, доп. [Л 1925.] 332 с. — *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т I—II. Спб. 1888. — *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д Киселёва. Т. I. Предпосылки и сущность реформы. М.—Л. 1946. 634 с. — *Виргинский В. С.* Начало железнодорожного дела в России. М. 1949. 32 с.

Глава II

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА в 1801—1811 гг.

Самодержавие — защитник отживающей старины и враг развивающегося нового в историческом процессе. Русское самодержавие, некогда сыгравшее прогрессивную роль в историческом процессе, способствовавшее объединению основной государственной территории России и сплочению в единое государственное целое разрозненных русских феодальных земель, а позже выступившее в лице Петра I инициатором важных государственных реформ, к изучаемому нами времени уже давно потеряло свою прогрессивную историческую силу. Оно стало тормозом идущего вперёд исторического процесса, оплотом разлагающегося и ветшающего феодально-крепостного строя, врагом развивающегося нового, передового в историческом процессе. Судить об этом важнейшем вопросе необходимо исходя не из отдельных, разрозненных распоряжений царской администрации, а на основании всей совокупности фактов, характеризующих отношение самодержавия к новым, ведущим явлениям времени. Опираясь прежде всего на реакционное, враждебное новому строю дворянство, на помещичий класс, в известной мере поддерживая консервативную, нереволюционную русскую буржуазию, вполне преданную престолу, царизм являлся прежде всего охранителем крепостного строя в целом и защитником классовых привилегий дворянства — эксплоататора крепостных крестьянских масс. Царизм стоял на страже крепостного права, крупного дворянского землевладения, дворянских привилегий. Между тем именно вопрос о ликвидации крепостного права был уже поставлен в историческом процессе как основной вопрос времени. За необходимостью отменить крепостное право ясно виднелась и другая назревавшая задача — ликвидация абсолютистского строя, введение представительного образа правления, преобразование всей государственной системы в буржуазном духе. Самодержавие было по своей классовой природе враждебно осуществлению этих исторических задач. Это явственно сказалось и на политике Александра I в начале XIX в., а в дальнейшем проявилось ещё более отчётливо.

Дворцовый переворот 12 марта 1801 г. и воцарение Александра I. В ночь на 12 марта 1801 г. в результате дворцового заговора был убит император Павел I. Сын его Александр знал о заговоре и дал своё согласие на принуждение императора к отречению от престола; согласие наследника на свержение его отца имело решающее значение для заговорщиков. 12 марта 1801 г. в манифесте было объявлено народу, что Павел I скончался от «апоплексического удара» и Александр стал самодержавным всероссийским императором.

В манифесте объявлялось о направлении политики нового царствования: Александр I обещал править «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой», иначе говоря, быть последовательным дворянским царём; на этот счёт помещики могли не беспокоиться. Известие о новом царе было встречено в столице всеобщим ликованием дворянства. «Умолк рёв Норда сиповатый, закрылся грозный страшный взгляд», — писал о Павле поэт Державин, воспевая вступление на престол нового царя.

Успех дворцового заговора и воцарение нового императора сразу сказались на внешнеполитическом положении России. Как известно, в 1800 г. произошёл дипломатический разрыв России с Англией и сближение с наполеоновской Францией. Павел договорился с Наполеоном о совместном нападении на Индию, решив уязвить Англию в самом чувствительном месте — в её богатейшей колонии; с этой целью он направил казачьи отряды на соединение с наполеоновскими войсками для совместного похода в Индию. В ночь на 12 марта Александр отдал приказ о возвращении казачьих отрядов и о прекращении индийского похода. Были возобновлены прерванные при Павле дипломатические сношения с Англией. Однако Англия добивалась со стороны России также уступок в вопросе о морской торговле.

Ещё в декабре 1800 г. Павел совместно с Данией, Швецией и Пруссией подписал договор о так называемом «втором вооружённом нейтралитете» (договор о первом вооружённом нейтралитете был подписан Екатериной II в 1780 г.), который закреплял за союзом северных держав под главенством России право на свободные морские торговые сношения со всеми колониальными странами. Этим самым отвергалось право Англии объявлять в состоянии блокады торговые порты враждебных ей государств. Договор этот был крайне невыгоден для Англии, находившейся в натянутых отношениях с американскими колониями, так как колониальные товары могли теперь провозиться оттуда независимо от её контроля. Английская эскадра под командой адмирала Паркера через неделю после смерти Павла бомбардировала Копенгаген, столицу

Дании; датский флот был уничтожен. Английская эскадра намеревалась двинуться в Балтийское море, к Кронштадту, в русские территориальные воды. Вооружённое столкновение было, однако, предупреждено русским правительством: 5 (17) июня была подписана в Петербурге конвенция между Россией и Англией, в которой определялись взаимные уступки в вопросе о вооружённом нейтралитете. 8 октября 1801 г. Россия подписала договор о мирных отношениях с Францией. «Равновесие» в Европе на некоторое время было, таким образом, восстановлено.

Первые мероприятия внутренней политики. Александр с первых же дней царствования поспешил принять ряд «успокоительных» мер в области внутренней политики: он удалил преданных павловских слуг — шталмейстера Кутайсова, государственного прокурора Обольянинова, московского обер-полицмейстера Эртеля, вернул на службу некоторых ранее отстранённых екатерининских политических деятелей. Была подтверждена Жалованная грамота дворянству 1785 г., уничтожена тайная экспедиция, декларировано управление в согласии с законами, объявлена частичная амнистия, уволены в обычную отставку или возвращены на должности лица, исключённые без суда со службы. Был снят запрет с опечатанных при Павле частных типографий, предоставлена возможность свободно получать паспорта для выезда за границу, разрешён привоз иностранных книг. А. Н. Радищев, возвращённый из Сибири ещё при Павле и живший в своей деревне Немцеве под надзором полиции, получил возможность вернуться в столицу и поступить на службу в только что открывшуюся комиссию по составлению законов под начальством графа Завадовского. Однако все эти меры отнюдь не означали принципиальных изменений в политике самодержавия — её классовая сущность продолжала оставаться прежней, указанные меры были лишь внешней маскировкой истинной сути нового царствования.

Александр I. Молодой император внешне не походил на грубого самодура и деспота Павла I. Обходительный с людьми и привлекательный по внешности, Александр «был сущим прельстителем», по выражению Сперанского. Он умел легко надевать любые маски, был настоящим «актёром на троне», в одиночестве репетировал перед зеркалом свои выходы и улыбки. Взятый Екатериной II со дня рождения от родителей и воспитанный в её дворце, Александр с детства приучился лавировать и маскироваться. Павел и Екатерина ненавидели друг друга, Александр же хотел нравиться обоим; в этой атмосфере развилось характерное для Александра двуличие. Воспитанный умеренным республиканцем швейцарцем Лагарпом, Александр умел блеснуть либеральной фразой, но в то

же время был сторонником палочной расправы, страстно увлекался парадами и военной муштрой солдат. Свою либеральную маску он надевал обычно в либеральной же среде, там, где был расчёт блистать передовыми мыслями. Со своим другом Аракчеевым он не рассуждал о республике, обнажая в переписке с ним своё истинное лицо крепостника; в политическом салоне мадам де Сталь он очаровывал всех своей «приверженностью» к конституции и обещанием освободить крестьян, но это не мешало ему в том же Париже всенародно отслужить панихиду по Людовике XVI и подвергать русских солдат палочной расправе. Обладая средним умом и лишённый военных талантов, болезненно самолюбивый, злопамятный и тщеславный, он страстно мечтал о гегемонии в Европе и проявлял значительную хитрость и изворотливость в дипломатических делах. Наполеон называл его «истинным византийцем... тонким, притворным и хитрым». «Властитель слабый и лукавый, плешивый щёголь, враг труда», — писал об Александре I Пушкин.

Негласный комитет. С самого начала своего воцарения Александр I, несомненно, чувствовал некоторое колебание почвы под троном самодержавия: разложение крепостного строя подтачивало основание русского абсолютизма, разговоры о желательности конституционных ограничений власти слышались в дворянской среде уже при его воцарении; недавняя революция во Франции являлась устрашающим примером. Слабые реформаторские потуги, которыми отмечено начало нового царствования, и были вызваны к жизни этими обстоятельствами. Решено было облечь подготовку реформ строгой тайной. По воцарении Александр I организовал под своим председательством особый Негласный комитет для рассмотрения общего плана государственных преобразований. В комитет входили П. А. Строганов, его двоюродный брат Н. Н. Новосильцев, князь Адам Чарторыский и граф В. П. Кочубей. Аристократы-англоманы, не знавшие народа своей страны и его нужд, твёрдо решившие охранить дворянский привилегированный строй, «молодые друзья» Александра I отчётливо продемонстрировали своей недолгой «деятельностью» бессилие царизма в разрешении назревших исторических задач. Старшее поколение придворных поспешило назвать Негласный комитет «якобинской шайкой», однако это название явно не соответствовало действительности: умереннейшие либералы-аристократы рассчитывали во-время предпринятыми реформами отдалить от России опасность революционного потрясения. Вся деятельность Негласного комитета интересна именно как признак начавшегося колебания исторической почвы под российским самодержавием. Начав свою работу в июне 1801 г., комитет прекратил заседания в конце 1803 г. Робкие

и туманные решения Негласного комитета стремились сохранить в неприкосновенности сущность крепостного права и самодержавия, лишь слегка видоизменив, в соответствии с «духом времени», фасад здания крепостнического государства. План работ Негласного комитета был чрезвычайно широк: предполагалось сначала заняться «реформой безобразного здания администрации империи», затем увенчать здание реформированных учреждений «конституцией, соответствующей истинному духу нации». Александр I некоторое время носился с идеей издания ко дню своей коронации «всемилостивейшей грамоты, русскому народу жалуемой», которая должна была явиться правительственной декларацией о предпринимаемых реформах. Над ней, повидимому, работал А. Н. Радищев в комиссии Завадовского; сохранились его замечания на варианте её текста. Но широкую правительственную декларацию признали опасной и отказались от мысли обнародовать её. Радищеву же, вновь обнаружившему опасный образ мыслей, пригрозили Сибирью. Не выдержав гнёта самодержавия, Радищев в 1802 г. покончил жизнь самоубийством. «Потомство за меня отомстит», — сказал он перед смертью.

Крестьянский вопрос. Указ о свободных хлебопашцах. В предложениях по крестьянскому вопросу Негласный комитет также ярко продемонстрировал своё бессилие и крайнюю нерешительность. Комитет рассмотрел проект адмирала Мордвинова, считавшего, что власть не должна вмешиваться в отношения крестьян и помещиков, и полагавшего, что освобождение крестьян может быть произведено лишь по инициативе самих дворян. Одновременно Мордвинов предлагал разрешить купцам, мещанам и казённым поселянам покупать землю, не населённую крепостными крестьянами. В соответствии с предложением Мордвинова 12 декабря 1801 г. последовало издание соответствующего именного указа. Ранее приобретение земель считалось преимуществом дворянства, поэтому закон явился микроскопической уступкой развивавшимся буржуазным отношениям. Был рассмотрен проект князя П. А. Зубова, предлагавший за государственный счёт выкупить дворовых от помещиков, перечислить их в гильдии и цехи и в дальнейшем вообще запретить перевод крестьян в дворовые. Однако это явилось бы некоторым ограничением крепостного права, и большинство комитета побоялось раздражить дворянство этой мерой. Проект Зубова был отвергнут. Этим в сущности и ограничились все меры комитета по крестьянскому вопросу.

Ту же линию политики самодержавия продемонстрировал и закон о свободных хлебопашцах, подготовленный вне сферы деятельности Негласного комитета. Граф С. П. Румянцев

обратился к правительству за разрешением отпустить крестьян своего имения на волю с землёй. В связи с этим 20 февраля 1803 г. был издан указ о свободных хлебопашцах, разрешавший помещикам *по их желанию* отпускать крестьян на волю поодиночке или целыми деревнями с обязательным наделением землёй на правах собственности за выкуп. При этом помещик должен был заключать соглашение с крестьянами об условиях сделки, которое шло на рассмотрение министерства внутренних дел, а затем царя. Указ этот также представлял собой некоторую слабую уступку развивавшимся в недрах крепостного строя буржуазным отношениям и был связан с разложением крепостной системы. Несмотря на всю свою осторожность и учёт дворянских выгод, указ вызвал резкое недовольство консервативного дворянства. Так, министр юстиции Державин всячески препятствовал проведению указа в жизнь и объяснял его появление тем, что Румянцев «стакнулся» с «якобинской шайкой — Чарторыским, Новосильцевым и прочими». Указ о свободных хлебопашцах имел очень ограниченное применение: на его основании в царствование Александра I была заключена всего 161 сделка и освобождено 47 153 души мужского пола, что составляло менее полупроцента всего крепостного населения империи. Освобождать крестьян на каких-либо иных условиях, кроме как на основе указа о свободных хлебопашцах, не разрешалось.

Учреждение министерств и реформа Сената. При разработке плана реформы центральных правительственных учреждений по докладу Чарторыского было решено заменить устаревшие коллегии современной европейской формой—министерствами, в которых дела решались бы единоличной властью главы учреждения—министром. Манифест об учреждении министерств был издан 8 сентября 1802 г. Учреждалось восемь министерств: 1) военных сухопутных сил, 2) военных морских сил, 3) иностранных дел, 4) юстиции, 5) внутренних дел, 6) финансов, 7) коммерции, 8) народного просвещения. Учреждался также Комитет министров для совместного обсуждения дел государственного управления. Председательствовал в нём император, первые годы своего царствования уделявший ему большое внимание и лишь позже передоверивший эту роль Аракчееву. «Молодые друзья» заняли ответственные места в управлении: граф Кочубей получил назначение на пост министра внутренних дел, граф П. А. Строганов — товарища министра внутренних дел; несколько позже товарищем министра юстиции стал Н. Н. Новосильцев. Чарторыский был назначен товарищем министра иностранных дел, фактически же самостоятельно управлял министерством. Таким образом, весь состав Негласного комитета вошёл в Комитет министров.

Были предоставлены места деятелям екатерининского времени: министром юстиции стал Державин, министром народного просвещения — граф Завадовский. Введение министерств явилось наиболее крупным мероприятием правительства. Министерства сыграли важную роль в упорядочении и централизации бюрократической системы управления, на которую опиралось самодержавие.

Большое внимание было уделено Сенату. Проект Зубова о превращении Сената в независимое законодательное учреждение, составленное из высшей аристократии и крупнейших чиновников, был отвергнут. Сенат получил торжественное предписание — подать доклад о своих правах и обязанностях с целью восстановления его значения, упавшего при Павле. В манифесте о преобразовании Сената объявлялось, что Сенат подвластен непосредственно императору, является верховным учреждением империи, которому подчинены все остальные присутственные места, и высшим судебно-административным органом. Сенат объявлялся хранителем законов, наблюдающим за общим «спокойствием и тишиной» и пресекающим противозаконные деяния. Сенату дано было право представлять возражения царю на указы, которые, по его мнению, противоречили прочим законам. Преобразованный Сенат попытался было осуществить это право в начале следующего, 1803 г.: сенатор граф Северин-Потоцкий заявил возражение против указа об обязательном 12-летнем сроке службы дворян унтер-офицерского звания, не дослужившихся до обер-офицерского чина. Потоцкий находил, что этот закон противоречит праву дворянства служить или не служить по собственному желанию, о чём было объявлено ещё в 1762 г. манифестом о вольности дворянства и подтверждено Жалованной грамотой 1785 г. Возражение Потоцкого, с которым согласилось большинство сенаторов, вызвало переполох при дворе. Александр I дал почувствовать Сенату своё неудовольствие и, выждав время, пока страсти успокоятся, заявил, что дарованное Сенату право возражения относится только к законам, ранее изданным, а не ко вновь издаваемым правительством. Таким образом, новое «право» Сената было сведено на-нет правительственным разъяснением, и никакого расширения прав Сенат не получил.

Меры в области просвещения. Новые университеты. Цензурный устав. Вновь образованное министерство народного просвещения в 1803 г. приняло «предварительные правила народного просвещения», которые излагали структуру образования от высшего до низшего и содержали правила управления учебными заведениями. Были образованы учебные округа с попечителями во главе. Попечители жили в столице и про-

водили через центральные учреждения меры, нужные для подведомственных им округов. Были основаны новые гимназии и уездные училища со значительно расширенными программами, имевшими в виду возможность перехода из одной учебной ступени в другую: из низших учебных заведений — в средние, из средних — в высшие. Открылись новые университеты в Харькове, Казани, Дерпте. В Петербурге был основан Главный педагогический институт, ставивший целью подготовку педагогических кадров и вскоре получивший репутацию учебного заведения, заражённого «вольнодумством». В 1819 г. Педагогический институт был преобразован в Петербургский университет. В 1811 г. открылся Царскосельский лицей — учебное заведение для образования юношества, «особенно предназначенного к важным частям службы государственной». В числе воспитанников первого выпуска лицея был А. С. Пушкин. Уставы новых университетов, утверждаемые Александром I, носили довольно либеральный характер. Всюду проводилось выборное начало: ректор и его помощники были выборными, во главе университетской жизни стоял совет профессоров. Управление всеми училищами округа, а также цензура находились в ведении университета.

В XVIII в. цензура была всецело предоставлена произволу администрации; каких-либо твёрдых узаконений о печатных произведениях не существовало. В 1804 г. был впервые издан цензурный устав. Он утверждал предварительную цензуру рукописей, что стесняло печать, но в первые годы царствования Александра I устав толковался более мягко, нежели в конце царствования, и цензорам сначала было предписано «руководствоваться благоразумным снисхождением».

Меры в области просвещения, как и прочие меры внутренней политики, имели своей основной целью обслуживание самодержавия и его охрану. Новые педагогические учреждения должны были воспитать по-новому образованных верноподданных чиновников, создать кадры более или менее образованной бюрократии, в которой так нуждалось самодержавие в сложной обстановке того времени.

Все рассмотренные внутренние мероприятия царствования Александра I отличались стремлением «обновить» внешний вид самодержавия при полном сохранении его сущности. Опасность промедления в перестройке обветшалых государственных учреждений и даже в известной мере всей системы управления была осознана правительством, и его реформаторские потуги были обусловлены развивающимся процессом разложения феодальной системы. Об этом продвинувшемся процессе разложения крепостного строя, о колебании почвы под ногами самодержавного правительства и свидетельствовали

его трусливые и половинчатые проекты, как правило, неосуществлённые. Немногие осуществлённые реформы не пошли дальше поверхностных мероприятий, не менявших основ крепостного строя и стремившихся не только сохранить, но и укрепить бюрократию. Стремление в основном *сохранить* и *укрепить* старое перед лицом нарождающихся новых, капиталистических отношений являлось главной чертой внутренней политики Александра I, приспособлявшейся к новым условиям.

Присоединение Грузии к России (1801 г.). В конце XVIII в. положение Грузии было очень тяжёлым: ей грозила постоянная опасность быть покорённой Турцией или Ираном — чрезвычайно отсталыми государствами, совершавшими хищнические и разорительные нападения на Грузию. Поэтому у царей и части дворянства Грузии издавна существовала ориентация на царскую Россию. Ориентацию эту разделяло и купечество, ещё с XVII в. тесно связанное с Москвой. Всё это привело к заключению в 1783 г. трактата между Россией и Грузией, согласно которому над последней формально устанавливался протекторат России (фактически же екатерининское правительство трактовало сложившиеся отношения как вассальную зависимость Грузии от России). В январе 1784 г. царь Ираклий II принёс присягу русской императрице. В Грузию были введены два батальона царских войск, и, хотя эти силы были явно недостаточны для охраны ее от внешних врагов, дипломатическое давление царизма на Турцию и Иран всё же сыграло свою роль — трактат 1783 г несколько оградил Грузию от посягательств на неё соседних государств. Новые отношения России и Грузии вызвали пристальное и недоброжелательное внимание Англии и Франции, которые с тревогой следили за событиями, развёртывавшимися в Закавказье. Между тем внутреннее положение Грузии все ухудшалось: восстановились процессы феодального дробления, терзаемая удельными распрями страна подвергалась непрестанным и опустошительным набегам лезгин. Хунзахский (аварский) владетель Омар-хан во главе 20-тысячного войска вторгся в грузинские земли, совершая страшные опустошения и захватывая огромную добычу. В связи с новой русско-турецкой войной царские войска были отозваны из Грузии. Внутренние попытки покончить с феодальной раздроблённостью и объединить Грузию в одно централизованное государство кончились неудачей. Тем временем шахский престол в Иране занял Ага-Мухаммед-хан из династии Каджаров, который предпринял в августе 1795 г. опустошительный набег на Грузию во главе 35-тысячного войска. Решающее сражение произошло на Крцанисском поле, у южных ворот Тбилиси. Грузинские войска были разбиты, Тбилиси разгромлен. Грузия подверглась страшному опустошению, свыше 20 тыс. человек уведено в плен, от плена во время боя едва спасся сам царь Ираклий II Лишь в декабре 1795 г. двухтысячный русский отряд вступил в разорённую Грузию. Однако в 1797 г. по распоряжению Павла I, стягивавшего войска для борьбы с революционной Францией, эти военные силы вновь были выведены из Грузии. Сын Ираклия II Георгий XII, вступивший на престол в 1798 г., после смерти престарелого отца, возобновил переговоры с Россией. Тяжёлые феодальные распри продолжали терзать Грузию, угроза нового шахского и султанского вторжения нависала над страной. Георгий XII обратился к признавшему его императору России, и в ноябре 1799 г. русские войска под командой генерала Лазарева вновь вступили в Грузию, уже в сопровождении полномочного министра при грузинском царе (Коваленского). Русское правительство, вновь заинтересовавшееся закавказскими делами после разрыва Павла с Англией, одобрило те 16 «просительных пунктов», в кото-

рых Георгий XII излагал условия признания себя подданным России. Отказываясь от царской власти, он выражал в этих «пунктах» желание сохранить за собой и своим потомством лишь должность правителя Грузии с титулом царя, уступая в полное распоряжение российского правительства доходы царства, взамен чего он должен был получать жалованье от русской казны. Кроме того, ему должны были быть даны деревни в России. Российское правительство обязывалось ввести в Грузию войска (до 6 тыс. человек), возвести крепости и защищать страну от набегов лезгин и нападений соседних государств. «Все подданные царя грузинского, — говорилось в одном из «пунктов», — как дворянство, духовенство, купечество, так и прочий ремесленный народ, имеют быть на равных правах и законах как и российские подданные». Грузинское правительство добивалось некоторой, хотя бы урезанной, автономии Грузии, но его надежды в этом отношении не оправдались: одобрив «пункты», Павел подписал 18 декабря манифест о присоединении Грузии, в котором ничего конкретного об условиях присоединения ещё не было сказано. Между тем грузинские послы, возвращавшиеся в Грузию с одобренными императором Павлом «пунктами», не застали в живых Георгия XII — он умер 28 декабря 1800 г. Создалось очень неопределённое и напряжённое положение. Грузия была в состоянии полной анархии, между грузинскими царевичами усилилась борьба за власть, в Петербург посыпались их жалобы друг на друга. Узнав о смерти Георгия XII, Павел опубликовал 18 января 1801 г. манифест о присоединении Грузии. Одновременно в рескрипте от 20 января на имя командовавшего войсками на Кавказской линии Павел определил будущее устройство Грузии. «Я хочу, чтобы Грузия была губерния, и так тотчас и поставьте её в сношения с Сенатом, а по духовной части с синодом, не трогая их привилегий. Губернатором пусть будет кто-либо из царской крови, но под вами, и будет шеф гусарского тамошнего нового полка».

После обнародования в Грузии павловского манифеста в Петербург отправились грузинские уполномоченные с просьбой к российскому правительству исполнить условия присоединения, изложенные в «просительных пунктах» царя Георгия XII. Но они уже не застали в живых императора Павла, убитого в ночь на 12 марта 1801 г. Правительство Александра I решило пересмотреть заново вопрос о присоединении Грузии в свете нового курса внешней политики (соглашения с Англией вместо союза с Францией). Вопрос вызвал некоторые разногласия в русских правительственных кругах: члены Негласного комитета выражали опасение, что присоединение Грузии осложнит отношения с Англией. Однако в конце концов вопрос был решён в пользу присоединения, и 12 сентября 1801 г. Александр I подписал манифест о присоединении Грузии, согласно которому грузинская царская династия Багратидов совершенно устранялась от участия в управлении Грузией, никакой автономии Грузии не предоставлялось, в ней вводилась новая администрация во главе с так называемым верховным грузинским правительством. Но вся власть сосредоточивалась в руках не этого правительства, а главнокомандующего, который и был председателем Общего собрания правительства. Его помощником и заместителем по гражданскому управлению являлся правитель Грузии из русских чиновников. Верховное

грузинское правительство разделялось на четыре «экспедиции», начальниками которых были русские чиновники, а советниками — частью русские чиновники, частью — грузинские князья. Правитель Грузии, начальники и советники экспедиций и составляли верховное грузинское правительство. В своей деятельности оно должно было руководствоваться общероссийскими законами. В административном отношении Грузия была разделена на пять уездов. В каждом уезде были образованы уездный суд и управа земской полиции; во главе этих учреждений были поставлены русские чиновники или офицеры, а заседателями или есаулами (в полиции) были грузинские дворяне. В крупных городах были созданы должности комендантов из русских чиновников и помощников полицмейстеров, или нацвалов, из грузинских дворян.

При введении в действие Положения об управлении Грузией все должности замещались по назначению главнокомандующего. Рассмотрение в судах гражданских дел должно было производиться по грузинским обычаям и Уложению царя Вахтанга VI; уголовные дела разбирались по общероссийским законам.

Таким образом, условия присоединения Грузии к России были чрезвычайно тяжёлыми. Но всё же присоединение было для Грузии наименьшим злом в создавшихся тогда трудных обстоятельствах. Виднейший грузинский писатель Илья Чавчавадзе позже писал: «Другого пути не было. Царь Георгий XII должен был опереться или на Турцию, или на Иран, или же на Россию, чтобы как-нибудь спасти Грузию от стольких нагрянувших бедствий. С этим делом надо было спешить. Конечно, царь Георгий XII избрал единоверную Россию. Это диктовалось ему и заветами предков...»

Оценивая переход Грузии в состав российского государства, необходимо учесть, что Россия того времени была на более высокой ступени экономического развития, нежели феодальная Грузия. В России шло развитие производительных сил, рос и укреплялся капиталистический уклад, разлагавший старый, феодально-крепостной строй. Присоединение к России ликвидировало феодальную раздроблённость Грузии и раздиравшие её феодальные междоусобные войны, уничтожило работорговлю, остановило набеги со стороны шахского Ирана и султанской Турции, оживило торговлю. Важнейшим следствием присоединения явилась более тесная связь грузинской и русской культуры, облегчилась возможность общения передовых представителей общественного движения Грузии с русскими передовыми деятелями. Перед феодальной Грузией на пороге XIX в. стояла «...альтернатива—либо быть поглощённой шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протек-

торат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощённой панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России... вторая перспектива была всё же наименьшим злом» [1]. Установление в Грузии владычества султанской Турции или шахского Ирана, глубоко отсталых стран, переживавших хозяйственный и политический упадок, не предвещало Грузии никакого прогресса. Иранский погром 1795 г. был в этом отношении очень показателен. Турецкое правительство насильственно насаждало мусульманство в юго-западном районе Грузии. Грузины, оказавшиеся под властью Турции, испытали это на себе в полной мере. Разумеется, и присоединение к царской России содержало в себе тяжёлые стороны — над народными массами Грузии установился гнёт царизма. Но русское революционное движение, братски объединившись с освободительной борьбой грузинского народа, вывело в дальнейшем Грузию к освобождению от самодержавного ига, к победе над всяческими эксплоататорами и к установлению советской власти.

Россия и Сербия; сербское восстание 1804 г. Сербия стонала под властью угнетавшей её Турции, провинцией которой она являлась. Сербы жестоко притеснялись турецкими янычарами и спахиями [2], захватившими всю фактическую власть над угнетённой страной. Внутренние процессы, развивавшиеся в экономике и народном движении Сербии, готовили почву для политического объединения пробуждающегося сербского народа, начавшего борьбу за свою национальную самостоятельность под лозунгами свержения турецкого владычества — худшей формы феодально-крепостного порабощения и национального угнетения. Однако Сербия всё же не могла бы начать освободительную борьбу против турок, если бы успешные войны России с Турцией предварительно не создали для этого благоприятной обстановки. Русско-турецкие войны XVIII в. сильно расшатали турецкое могущество и объективно создали возможность выступления сербов против ослабевшей Турции. В 1804 г. в Сербии вспыхнуло восстание под предводительством Карагеоргия. Отряды сербских повстанцев вели успешную войну против турок; восставшие овладели Белградом (1806 г.), расправились с янычарами и спахиями. Естественно, что в своей героической борьбе сербский народ обращал взоры к России, передовые люди которой горячо ему сочувствовали. Особая сербская депутация (Матвей Ненадович,

---

[1] «Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР», в кн. «К изучению истории», М. 1946, стр. 37.

[2] Спахии (сипахи) — феодалы-мусульмане в Сербии, крупные землевладельцы, в пользу которых крестьяне несли феодальные повинности.

Иван Протич и др.) приехала в Петербург с просьбой о русском заступничестве. Русское правительство оказало поддержку сербам, — благоприятный для Сербии договор с Турцией был заключён под непосредственным давлением русской дипломатии. В ближайшие же годы Россия оказала ещё более значительную помощь восставшей Сербии; помощь эта носила военный характер и была оказана в обстановке русско-турецкой войны, начавшейся в 1806 г. (см. ниже).

«Когда в 1804 году разразилась сербская революция, — писали Маркс и Энгельс, — Россия тотчас взяла под свою защиту восставших «райа» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии»[1].

Участие России в борьбе с Наполеоном в коалиции 1805 г. В 1802 г. Наполеон Бонапарт стал пожизненным консулом, а в 1804 г. первый консул превратился во французского императора. Душитель французской революции, Наполеон сохранил «только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»[2]. Наполеон вступил на путь захватнических войн. «Национальная война *может* превратиться в империалистскую *и обратно,* — писал Ленин. — Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона»[3]. В сфере международных отношений Наполеон выступил явно и неприкрыто как претендент на *всеевропейское господство.* Борьба с главной соперницей капиталистической Франции—Англией—была центром его внешней политики. В 1803 г. вновь началась война Франции с Англией, полностью развернувшаяся во второй половине 1805 г.

Сначала Наполеон хотел покончить с Англией путём прямого военного нападения на Британские острова. На французском берегу Ламанша возник огромный Булонский лагерь, на верфях шла лихорадочная работа по подготовке судов для переброски наполеоновских войск на противоположный берег. Ещё в июне 1803 г. Наполеон заявил: «Мне нужны только три дня туманной погоды, и я буду господином Лондона, парламента, английского банка». Раздражённый против Бурбонов, Напо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 394.

[2] *И. В. Сталин,* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Госполитиздат, 1938, стр. 7.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 295.

леон приказал арестовать одного из членов Бурбонского дома, герцога Энгиенского, проживавшего на территории Бадена, и расстрелять его (в марте 1804 г.). Это событие вызвало возмущение при дворах европейских государей и оказалось одним из внешних поводов к военному выступлению. Двор Александра I облёкся в траур. Царская чета, проходя после обедни через зал, где ожидали члены дипломатического корпуса, демонстративно игнорировала французского посланника.

После разрыва дипломатических сношений с Францией Англия стала усиленно готовить коалицию против Наполеона, чтобы отвести от Лондона спешно готовившийся военный удар. Разгоралась борьба между старым, давно упрочившимся английским капитализмом и молодым французским. От исхода этой борьбы зависело первенство той или другой страны как в хозяйственной, так и в политической жизни Европы. Царская Россия открыто примкнула к противонаполеоновской коалиции. Александр I продолжал разработку захватнических планов и мечтал о европейской гегемонии. К коалиции присоединилась и Австрия. Укрепление Наполеона в Италии представляло собой ближайшую угрозу Австрии, уже ранее тяжело от него пострадавшей. Осенью 1805 г., в тот момент, когда Наполеон выжидал окончания работ на верфях Булонского лагеря и наступления долгожданных туманных дней на Ламанше, он получил известие о создании против него коалиции трёх государств — Англии, Австрии и России (к коалиции в дальнейшем примкнули также Швеция и Неаполитанское королевство). Наполеон внезапно получил сведения о движении австрийских войск на запад — по направлению к Франции — и о движении русских войск на соединение с австрийцами. Его стратегические планы немедленно изменились; мысль о десанте на Британские острова была отброшена. Таким образом, вступление России в войну коренным образом изменило дело в пользу Англии, спасло её от угрозы подготовленного Наполеоном десанта и дало ей возможность сберечь силы для дальнейшей борьбы.

«Если через две недели я не буду в Лондоне, то я должен быть в середине ноября в Вене», — решил Наполеон. В течение двадцати дней он сумел перебросить свою огромнейшую армию с Ламанша на Дунай и одержал блестящую победу при Ульме; армия генерала Мака потерпела жесточайшее поражение. Вслед за этим наполеоновские войска заняли Вену.

Ученик Суворова, знаменитый русский полководец Кутузов, назначенный главнокомандующим русских и австрийских сил, шёл на соединение с австрийскими войсками, следуя присланному из Вены плану, через Галицию и австрийскую Силезию. Он держал направление на Вену. Попытки Наполеона принудить Кутузова к генеральному сражению кончились ничем.

Кутузов ускользнул от наступающих французов и успел перейти Дунай, разрушив за собой мост. Узнав о разгроме австрийской армии и правильно рассчитав, что встреча с Наполеоном могла бы погубить русскую армию, не поддержанную союзными войсками, Кутузов спешно изменил ранее принятый маршрут и стал отходить от Вены. По его поручению знаменитый полководец Багратион (по национальности грузин) прикрывал отступление, задерживая противника; связанная с этим Шенграбская операция составляет славу Багратиона. В тяжёлых арьергардных боях с французскими войсками из 45 тыс. солдат русские потеряли 12 тыс. Кутузов всё же спас армию и привёл её к Ольмюцу, где находились в то время ставки обоих императоров. Александр I и австрийский император Франц отстаивали мысль о генеральном сражении. Кутузов был против этого: силы противников он считал неравными и сомневался в благоприятном исходе битвы. Тем временем из России к Ольмюцу подтянулись значительные пополнения (гвардия и армейские подкрепления), и численность русских войск достигла 75 тыс.; к ним присоединилось около 17 тыс. солдат из остатков разбитой австрийской армии. Императоры приняли решение дать сражение вопреки мудрому предложению Кутузова воздержаться от него. Наполеон умело поддержал это выгодное для него ошибочное решение; он совершал спешные передвижения, симулируя отступление, распускал слухи о неподготовленности французской армии к сражению и даже обращался к союзникам с «мирными предложениями».

Аустерлиц. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. в 120 километрах к северу от Вены, около Праценских высот, близ деревни Аустерлиц, австрийские и русские войска сошлись с французскими для генерального сражения. Наполеон умело направил удар в слабый центр расположения сил противника, использовав слабейшие стороны неудачного плана Вейротера. Наполеон оттеснил противника к замёрзшим прудам, дав распоряжение артиллерии бить ядрами в лёд. Лёд трескался, русские и австрийские солдаты массами тонули в ледяной воде. К вечеру стало ясно, что Наполеон одержал одну из своих самых блестящих побед. Уцелевшие войска союзников бежали. С ними бежали и оба императора, спасаясь от преследования противника. Наполеон захватил всю артиллерию, огромнейшие обозы и около 20 тыс. пленных. Около 15 тыс. русских было убито в сражении. Так кончилась кампания 1805 г.

26 декабря в Пресбурге был подписан мирный договор между Австрией и Францией без участия России. За счёт Австрии были усилены германские княжества. После Пресбургского мира был основан Рейнский союз, протектором которого

стал Наполеон. «Позор Аустерлица» был тяжело пережит русскими людьми. Александра I высмеивали в эпиграммах, упрекали в том, что он ввязался в чужое дело и уронил международный престиж России.

Участие России в коалиции против Наполеона в 1806—1807 гг. После побед 1805 г. Наполеон стал третировать Пруссию как вассальное государство. Вместе с тем он неоднократно принимал делегации поляков и давал им обещания восстановить самостоятельную Польшу в её старых границах, иначе говоря, заявлял о своём намерении захватить белорусские, литовские и украинские земли, вошедшие в состав Российской империи после разделов Польши. Его хозяйничанье в Германии и Польше явно угрожало целости русских границ. Россия, Англия и Пруссия составили против Наполеона новую коалицию. И в данном случае без помощи России ни Англия, ни Пруссия не могли бы сопротивляться экспансии Наполеона и его агрессивным, поработительским планам, направленным против европейских народов.

Но русские войска ещё не успели дойти до прусской территории, как две победы Наполеона, одержанные в один день, 14 октября 1806 г., при Иене и Ауэрштедте, решили участь Пруссии. Прусская армия была разбита наголову. Через девятнадцать дней после начала войны Наполеон торжественно въехал в Берлин. Жители прусской столицы встретили Наполеона с мрачной покорностью.

21 ноября 1806 г. Наполеон подписал в Берлине декрет о континентальной блокаде, имевший целью экономическое удушение Англии. Декрет объявлял Британские острова в состоянии блокады и запрещал какую бы то ни было торговлю и вообще какие-либо сношения (даже переписку) с Британскими островами. Корабль, который приставал к английским берегам, лишался права доступа во французские порты. Отныне все союзные с Наполеоном державы обязывались отказаться от торговых сношений с Англией.

Англия после декрета Наполеона о блокаде вновь обратилась к Александру I с просьбой усилить борьбу с Наполеоном и попытаться спасти Пруссию. Россия опять пришла на помощь Англии, привыкшей воевать чужими руками.

Борьба между Россией и Наполеоном продолжалась. 27 января (8 февраля) 1807 г. произошла битва при Прейсиш-Эйлау. Конница Мюрата нанесла русским войскам серьёзный удар, но и русская артиллерия произвела сильные опустошения в рядах противника. Наполеон почувствовал значительную мощь русских войск. Решающее значение имело выигранное Наполеоном сражение под Фридландом 2 (14) июня 1807 г. Теперь Россия в борьбе с Наполеоном осталась один на один;

Англия не оказала поддержки, вновь предав интересы России. Французы вступили в Кёнигсберг. Фридрих-Вильгельм III оказался в своеобразном положении почти «безземельного короля». Русская дипломатия была вынуждена пойти на тяжёлую для России сделку с Наполеоном.

Тильзитский мир. Континентальная блокада. 13 (25) июня 1807 г. у Тильзита, на Немане, состоялось свидание Наполеона с Александром I. Свидание состоялось без свидетелей: «Я буду вашим секретарём, а вы моим», — «любезно» предложил Наполеон Александру. 25 июня (7 июля) 1807 г. был подписан Тильзитский мир. Условия, выдвинутые Наполеоном, были чрезвычайно тяжелы для России. Секретным пунктом мирного договора Россия обязывалась присоединиться к континентальной блокаде и договаривалась с Францией о совместном оборонительном и наступательном союзе против Англии. 26 октября русское правительство отозвало своего посла из Лондона и опубликовало «декларацию о разрыве между Россией и Англией».

Что же означало для России присоединение к континентальной блокаде?

Это присоединение наносило ущерб развитию русской национальной экономики. От внешней торговли в те годы шёл существенно необходимый для русского экономического развития приток оборотных денежных средств. Франция не могла предоставить России тех же возможностей: она не была в состоянии поглотить всё предназначенное для внешней торговли русское сырьё и сама претендовала на значительное получение русского золота посредством сбыта в Россию продуктов французской промышленности, состоявших главным образом из предметов роскоши. «Россия,—писал Энгельс,—могла приобретать деньги лишь посредством морской торговли и путем вывоза своих сырых продуктов на тогдашний главный рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой» [1].

Приведя к сильному сокращению русского вывоза и резкому падению цен на важнейшие статьи русского экспорта (например, пеньку, железо), блокада ударила по русским финансам. Сокращение таможенных сборов привело к снижению государственного дохода. Курс русского рубля сильно понизился. Падение ценности русских денег болезненно отразилось на всём хозяйстве России. Не выдерживает исторической критики мнение Туган-Барановского и Покровского о будто бы исключительно благоприятном влиянии континентальной блокады на развитие русской промышленности. На старых отрас-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 20.

лях русской промышленности — железоделательной и полотняной — невозможность вывозить свои изделия на английский рынок отразилась неблагоприятно. Молодая и передовая отрасль русской промышленности — хлопчатобумажное производство — испытывала затруднения, так как работала в те годы на привозном хлопке-сырце, бумажной пряже, английском миткале, а также использовала импортные красители. Главное было в том, что Наполеон пытался навязывать, диктовать России выгодные для буржуазной Франции пути и способы торговли и вообще хозяйственного развития, в которых Россия ни в малейшей степени не была заинтересована. Это наносило ущерб как национальной русской экономике, так и государственному престижу России.

Правда, Наполеон в результате Тильзитского мира согласился пойти на небольшие уступки в отношении Пруссии. По настоянию Александра он сохранил за Пруссией самостоятельное государственное существование, вернул ей ряд территорий (собственно Пруссию, Силезию, Бранденбург и Померанию). Таким образом, Россия понесла существенные жертвы во имя спасения гибнущей Пруссии как государства. Сверх всего Наполеон создал против России французский военный плацдарм на самой её границе — герцогство Варшавское, составившееся из отнятых от Пруссии земель, ранее полученных ею по разделам Польши.

Тяжёлый Тильзитский мир был встречен возмущением русского дворянства. Пушкин и позже считал самое слово «Тильзит» «обидным звуком» для русского слуха.

Чтобы компенсировать Александра, Наполеон предложил ему поделить сферы влияния в Европе. Александр должен был признать за Наполеоном право господства на западе — в Германии и Италии, «взамен» чего Наполеон предоставлял Александру «право» господствовать в восточной половине Европы, что должно было облегчить Александру ведение военных действий против Турции (см. ниже) и Швеции. Александр реализовал полученные возможности в русско-шведской войне 1808—1809 гг. и в присоединении Финляндии (см. главу III). Наполеон брал на себя обязательство больше не оказывать Турции военной помощи и вообще не поддерживать её против России.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. Наполеон развил оживлённую деятельность, чтобы покончить с русским влиянием в Турции и укрепить там французское влияние. В 1806 г., захватив Рагузу и Далмацию, он отправил в Турцию генерала Себастиани, который деятельно занялся подготовкой турецкой агрессии против России. Многочисленные военные инженеры, приехавшие вместе с Себастиани, стали укреплять дунайские крепости, а турецкие министры, сочувственно относившиеся к

России, были смещены и заменены сторонниками французской ориентации. По требованию Себастиани сменили преданных России господарей Молдавии и Валахии — Ипсиланти и Мурузи, обвинив их в помощи сербскому восстанию, и заменили враждебными России Суцо и Калимахи. Между тем согласно прежним договорам России с Турцией господари должны были назначаться лишь с согласия России. Таковы были поводы русско-турецкой войны, начавшейся в 1806 г. Турция вела войну в союзе с Францией. В октябре 1806 г. русские войска под командованием генерала Михельсона заняли Молдавию и Валахию, а в ноябре перешли Днестр. В этих условиях русские военные силы и оказали помощь Сербии, где продолжалось восстание, вспыхнувшее ещё в 1804 г.; была также оказана помощь деньгами и оружием.

В 1807 г., после Тильзитского мира, Турция лишилась помощи Франции, и Россия получила свободу действий. Окончание войны с Наполеоном позволило России сосредоточить большие силы на турецком театре военных действий; однако война затянулась и шла с переменным успехом до назначения в 1811 г. М. И. Кутузова командующим дунайской армией. В это время Наполеон уже усиленно готовился к новой войне с Россией. Положение было очень трудным. В предстоящей войне Наполеон отводил значительную роль Турции как своему союзнику: он рассчитывал на то, что стотысячная турецкая конница вторгнется на Украину, пройдёт в Белоруссию и примкнёт к правому флангу французской армии; султану был обещан Крым. В этих условиях Кутузов сумел успешно развернуть боевые действия, наконец атаковать турок, прижать войска великого визиря к Дунаю и завершить полное окружение турецкой армии. Кутузов проявил в этой операции замечательный стратегический талант. Военный успех позволил ему начать мирные переговоры и заключить, к бешенству Наполеона, выгодный для России Бухарестский мир (1812 г.) с Турцией. По Бухарестскому миру Бессарабия была освобождена от турецкого ига и присоединена к России; было обещано облегчение положения Сербии. Пункт мирного договора, касавшийся Сербии, с таким искусством был сформулирован Кутузовым, что Бухарестский мир явился исходным моментом борьбы сербов за свою автономию; опираясь на этот договор, Россия могла оказывать Сербии и в дальнейшем значительную поддержку. Таким образом, Бухарестский мир, с таким дипломатическим талантом заключённый Кутузовым накануне войны 1812 г., не только был значительным успехом России, но и сыграл роль в истории борьбы за сербскую автономию. Понесённые русским народом жертвы сослужили большую службу сербскому народу, помогли его освобождению от турецкого ига.

В связи с описанными событиями произошёл большой исторический сдвиг и в истории Молдавии. Присоединение к России Бессарабии имело огромное прогрессивное значение для этого края: оно вывело народ, ранее жестоко угнетённый и хищнически разоряемый Турцией, из-под худшего, невероятного по тяжести ига. По сравнению с Россией того времени Турция была глубоко отсталой страной; народы же Молдавии, будучи включены в российскую государственную систему, не только оказались в лучшем, нежели ранее, положении, но, что особенно важно, примкнули к полной сил стране, шедшей навстречу большому будущему, стране, в которой всё более копились передовые силы, развивалось величайшее революционное движение и создавалась передовая культура. Сама Бессарабия в ближайшем будущем стала местом действия русских революционеров-декабристов.

Возвышение Сперанского и проект государственных реформ. Стремясь успокоить взволнованное Тильзитом общественное мнение и отвлечь его от внешнеполитических неудач, Александр I вновь вернулся к проектам внутренних реформ. В стране нарастало крестьянское движение, всё острее ставился вопрос о крепостном праве. Александру пришлось прибегнуть к политике лавирования. Особый интерес представляет проект государственных реформ, разработанный Сперанским.

Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839 гг.) был сыном сельского священника. Кончив семинарию и затем духовную академию (Главную семинарию), он получил место домашнего секретаря у князя А. Б. Куракина. Когда последний был назначен при Павле I генерал-прокурором Сената, Сперанский стал служить в его канцелярии; удержался он и при преемниках Куракина. Получив затем должность статс-секретаря и будучи прикомандирован ко вновь образованному министерству внутренних дел, возглавленному одним из «молодых друзей» Александра, В. П. Кочубеем, Сперанский вскоре стал лично известен императору. Выделяясь своей талантливостью, широким кругозором и прекрасной теоретической подготовкой, Сперанский обладал данными крупного политического деятеля. Во время работы Негласного комитета правительство давало ему задания по разработке проектов реформ.

Ещё в 1803 г. по заданию Александра Сперанский составил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», которая ставила вопрос о необходимости осторожного введения в России конституционной монархии и предлагала меры для избежания в России «превращения», т. е. революции.

После Тильзита Александр I вновь поручил Сперанскому составить проект государственного преобразования, который и был закончен к осени 1809 г. под названием «Введения к Уложению государственных законов». Сперанский сознательно преследовал цель отстранить от России «революционную опасность» путём своевременных уступок. Проект сохранял устои

существующего строя — крепостное право и самодержавие: Сперанский не решился коснуться ни того, ни другого. Внутренне Сперанский был скрытым сторонником ликвидации крепостного права, но, опасаясь как недовольства дворянства, так и народных волнений, он не осмелился открыто стать на этот путь. Вместе с тем он считал возможным, сохраняя крепостное право, самодержавие и сословный строй, ввести в России своеобразный парламент — Государственную думу. Проект устанавливал три сословия: 1) дворянство, 2) «среднее состояние» — купцы, мещане, государственные крестьяне, 3) «народ рабочий» — помещичьи крестьяне, рабочие и домашние слуги. Политические права Сперанский закреплял только за первыми двумя сословиями. Проект отстаивал разделение властей — законодательной, исполнительной и судебной.

Проект устанавливал имущественный избирательный ценз. Лишь обладатели недвижимого имущества получали пассивное и активное избирательное право. Это делало помещика-землевладельца основной фигурой будущего политического строя. Обладание движимым имуществом давало лишь активное избирательное право. Выборы в Государственную думу были четырёхстепенными. План проектировал также организацию выборных учреждений местного значения. В каждой волости должны были избираться волостные думы, выбиравшие депутатов в окружную думу (управлявшую уездом), которая в свою очередь выбирала бы депутатов в губернскую думу, последняя же — в Государственную думу. Волостные, окружные и губернские думы должны были выносить общие направляющие постановления для дел местного значения.

Таким образом Сперанский проектировал придать Российской империи хотя бы внешний вид современного «европейского» буржуазного государства с некоторой системой законности, выборными учреждениями, организацией контроля над финансами и администрацией. План этот был чрезвычайно робкой прогрессивной мерой, его возникновение и дальнейшая судьба ещё раз свидетельствовали о разложении феодально-крепостной основы, на которой покоилось российское самодержавие, о поисках правительством выхода и о бессилии самодержавия пойти навстречу новым процессам в жизни страны.

Дворянство было испугано проектом Сперанского. Его план показался правительству слишком радикальным и не был реализован. Учреждение Государственного совета и преобразование министерств были единственными осуществлёнными мероприятиями правительства, связанными с планом Сперанского.

Учреждение Государственного совета и реформа министерств. 1 января 1810 г. был издан манифест об учреждении Государственного совета. Сперанский был назначен государ-

ственным секретарём. Государственный совет представлял собой лишь совещательное учреждение при императоре, составленное из высших государственных чиновников по его назначению (в этом виде Государственный совет просуществовал до 1906 г.).

В 1811 г. был издан новый закон о министерствах, определивший их структуру и порядок управления ими («Общее учреждение министерств»). Число министерств увеличилось до одиннадцати — были добавлены министерства полиции, путей сообщения и приравненный по значению к министерству Государственный контроль. Министры вводились в состав Сената. Были введены совещательные учреждения при министре — совет министра и общие присутствия департаментов. Был выработан порядок прохождения дел через министерства. Новое положение о министерствах (в основном просуществовавшее до конца Российской империи) было выработано Сперанским. В 1810—1811 гг. политическое влияние и могущество Сперанского достигли наибольшего расцвета.

Недовольство дворянства реформами Сперанского. Дворянство проявляло резкое недовольство реформами и вообще всем направлением политики Сперанского. Оно усматривало тут проявление «революционного духа» и потрясение вековых устоев. Более всего возмутили дворянство два правительственных распоряжения, проведённых Сперанским в 1809 г. в целях укрепления бюрократии, — указ о придворных званиях и указ об экзаменах на чин, принятые по его докладу без согласования с кем-либо из министров. Первый указ предписывал всем, имевшим придворное звание камергеров и камер-юнкеров, но не состоявшим на военной или гражданской службе, избрать себе в течение двух месяцев род действительной службы. Придворные звания объявлялись впредь лишь отличиями, не дающими прав на чин; от крупной придворной знати требовалось отныне совмещение придворной должности с какой-либо государственной службой. Поскольку ранее (с царствования Екатерины II) придворное звание сразу давало право на чин (так, камер-юнкер получал чин 5-го класса, камергер — 4-го и т. д.), это нововведение было большой неприятностью для столичной аристократии.

«Указ о чинах гражданских» являлся нововведением, касавшимся массы чиновников. Он был направлен против крайней невежественности и неподготовленности царского чиновничества. Для производства в чин коллежского асессора указ требовал предъявления свидетельства об окончании курса в университете или о сдаче соответствующих экзаменов. Этот указ вызвал смятение и недовольство массы столичного и провинциального чиновничества.

Записка «О древней и новой России» Карамзина. Рупором дворянского недовольства явился известный писатель и придворный историограф Н. М. Карамзин. Им была составлена в начале 1811 г. и передана императору записка «О древней и новой России», содержавшая изложение политической платформы реакционного дворянства и критику принятой правительством политики реформ. Дав краткий очерк истории России, написанный с позиций реакционера-крепостника, Карамзин объявил незыблемость самодержавия единственным спасением России и находил, что «одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям», которые-де потрясают основу империи и «коих благотворительность остаётся доселе сомнительною». Все нововведения Александра — от учреждения министерств до Государственного совета и экзаменов на чин — подвергались в «Записке» резкой критике. Карамзин высмеивал то, что «у нас вице-губернатор обязан знать Пифагорову фигуру, а надзиратель в доме сумасшедших — римское право». Очередной задачей правительства Карамзин считал воскрешение принципов Екатерины II; он полагал, что необходимо без малейших изменений сохранить «спасительную царскую власть», помня, что «всякая новость в государственном порядке есть зло». По его мнению, было бы достаточно найти 50 добросовестных губернаторов, и «дела пойдут как должно». Нужно всячески «возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния». Каждого дворянина надо принимать на военную службу офицером. Необходимо, кроме того, возвысить значение святейшего синода; кроме хороших губернаторов надо также дать России хороших священников. Достаточно провести в жизнь все эти меры, и якобы отпадёт необходимость в каких бы то ни было реформах. Такова была реакционная программа Карамзина.

Падение Сперанского. Недовольство реакционного дворянства было основной причиной падения Сперанского. Этому содействовала и сложная международная обстановка, связанная с подготовкой к новой войне с Францией. Агрессивные планы Наполеона по отношению к России становились всё отчётливее. Прежние континентальные союзники России — Пруссия и Австрия — теперь попали в полную зависимость к Наполеону. В этой обстановке возрастал ропот дворянства на «нововведения» и укреплялись открытые реакционные настроения, выраженные «Запиской» Карамзина. Сперанского обвинили в желании насадить в России законы и учреждения бонапартистской Франции и даже в шпионаже в пользу Наполеона. Александр принёс Сперанского в жертву «общественному» дворянскому мнению: в марте 1812 г. Сперанский был призван

во дворец и после двухчасового разговора с императором в слезах вернулся домой, где нашёл министра полиции Балашова, опечатывавшего его бумаги. У крыльца стоял возок для отправки Сперанского в ссылку.

Сперанского сослали в Нижний-Новгород. Лагерь реакционеров предался безудержному ликованию. Реакционер Вигель в своих записках писал, что «смерть лютого тирана» не могла бы произвести такой всеобщей радости. Провинциальные крепостники удивлялись даже, почему Сперанский не казнён, и торжествовали его ссылку, «как первую победу над французами». Позже, по новому доносу, Сперанский был сослан ещё дальше — в Пермь.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Энгельс Ф.* Аустерлиц. Сочинения. Т XI. Ч. 2. С. 560—565. — *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. Сочинения. Т XVI. Ч. 1. С. 457, 465. — *Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 3. Т. XXII. С. 325, 327—328, 330, 377—378, 395, 399, 401, 408—409 (о Тильзитском мире). — *Ленин В. И.* Заметки из истории войн Наполеона I с Германией. «Ленинский сборник» XI. С. 49—51.— *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3—5 марта 1937 г. [М.]. Госполитиздат. 1938. С 9—10. — *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Пособия. Журналы Негласного комитета 1801—1802 гг. В кн.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Т. II. Спб. 1903. С. 59—243. — *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. III, VI, VII, XI, XIII, XIV. Спб. 1876—1905.— Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. М. 1910. С. 163—180. Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX столетия. Под ред. А А. Кизеветтера. М. 1909. [4], 97 с. — *Чарторижский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Перев. с франц. Т. I—II. М. 1912—1913. — План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. 1905. VI, 359 с. — *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. Спб. 1914. XIV, 133 с. — *Чернышевский Н. Г.* Русский реформатор (Жизнь графа Сперанского. Соч. барона М. Корфа). В его кн.: Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII. Спб. 1906. С. 292—319.— История дипломатии. Т. I. Под ред. В П. Потёмкина. М. 1941. С. 360—376.— *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Изд. 2. Т. I—IV. Спб. 1904—1905.—*Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I. Спб. 1889. VIII, 671 с.— *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. М. 1913. С. 464—504. — *Семевский В. И.* Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования имп. Александра I. В кн.: Отечественная война и русское общество. Т. II. М. [1911]. С. 152—193.—*Семевский В. И.* Падение Сперанского. В кн.: Отечественная война и русское общество. Т. II. М. [1911]. С. 221—246.

Глава III

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ. ФИНЛЯНДИЯ И ЕЁ ЗАВОЕВАНИЕ.

Особенности экономического и социально-политического строя Прибалтики. Прибалтика в общепринятом значении этого слова состояла из трёх губерний: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской. Лифляндская и Эстляндская губернии были присоединены к России во время Северной войны, Курляндская досталась России по третьему разделу Польши, в 1795 г.

Прибалтийские губернии имели между собой много общего. Их экономическое развитие определялось выгодным торговым положением на Балтийском море. Рига, Ревель и другие приморские города Прибалтики являлись крупными торговыми центрами, через которые шёл сбыт продуктов сельского хозяйства. Во внешней торговле России Рига занимала первое место после Петербурга, а по экспорту хлеба даже опередила его. Благоприятные рыночные условия стимулировали помещиков к расширению запашки и усилению барщины. Экспорт зерна приносил немалый доход прибалтийским помещикам. Много зерна требовалось и для винокурения, бывшего доходной хозяйственной статьёй. Вывоз строевого леса также являлся источником обогащения для местных крупных землевладельцев.

Города Прибалтики издавна являлись оживлёнными торговыми центрами, но до второй половины XIX в. промышленность в них была развита слабо. Подобным односторонне развитым торговым характером прибалтийских городов объясняется наличие небольшого числа городских жителей: в Курляндии — 5% от общего количества населения, в Эстляндии — 6% и в Лифляндии — 7%. Рост городского населения искусственно задерживался суровыми формами крепостного права и политикой дворянского правительства. Увеличивавшаяся нужда помещиков в рабочих руках исключала возможность добровольного отпуска ими крепостных в города. Поэтому в крае ощущался недостаток наёмных рабочих, и попытки капиталистов основать мануфактуры или фабрики встречали серьёзные препятствия. Помещики, являясь монополистами рабочей силы, насаждали в своих имениях ремесло и крепостную мануфактуру (особенно винокурение и льноткачество) и

в большом количестве сбывали водку в русских губерниях. Скупая за бесценок продукты крестьянского хозяйства, прибалтийские помещики вытесняли купца-посредника.

Национальные отношения в Прибалтике. Прибалтийские губернии отличались разнообразием этнического состава населения. Всё местное дворянство, духовенство и большинство городской буржуазии были немцами и представляли собой численно незначительную величину. Коренное население (эсты, латыши) и прочие жители края презрительно назывались «ненемцами» (Undeutsche). Латышами по национальности являлись крестьяне Курляндской и южной части Лифляндской губернии, эстами — крестьяне Эстляндской губернии, островов Рижского залива и северной части Лифляндской губернии. Городские власти, цехи ремесленников и организации торговцев защищали интересы немецкой буржуазии и жестоко преследовали всех «не-немцев», занимавшихся ремеслом или торговлей. Латыши и эсты могли существовать в городах лишь в качестве прислуги, чернорабочих, извозчиков, грузчиков и представителей других «презираемых» и низко оплачиваемых профессий.

Коренное население находилось под двойным гнётом, страдая от крепостного права и национальных притеснений. Поэтому в начале XIX в. национальный вопрос в Прибалтике по существу являлся крестьянским вопросом.

Немногочисленный слой немецких дворян (меньше 1% всего населения) пользовался широкими правами сословного самоуправления и неограниченной властью над коренным населением прибалтийских губерний.

Крепостное право в Прибалтике. Царское правительство, как правило, не вмешивалось в аграрные отношения Прибалтики. По инициативе самих прибалтийских баронов крепостное право приняло чрезвычайно жестокие формы. Прежние нормы барщины и оброка помещиками не соблюдались. По отзыву Ю. Ф. Самарина, одного из лучших знатоков аграрной истории Прибалтики, при царском правительстве в XVIII в. «реакция крепостничества, сдавленного сильною шведскою администрациею, разыгралась... на полной свободе. Памятники того времени дают понятие о какой-то своего рода дворянской сатурналии, в которой смешались и ликования торжествующей мести за прежние исторгнутые уступки, и торопливое желание насладиться вдоволь благоприятной минутой, и тайное, затаённое предчувствие её скоротечности». В 1739 г. официальный представитель лифляндского дворянства, ландрат барон Розен, отвечая на вопрос Сената о личных и имущественных правах крепостных, просто приравнивал прибалтийских крестьян к древнеримским рабам.

Экспорт хлеба и усиление винокурения в последние десятилетия XVIII в. вызвали расцвет крепостного хозяйства и дальнейшее увеличение барщины. В Прибалтике барщина издавна делилась на ординарную (обыкновенную) и экстраординарную. В первом случае работник с лошадью или волами являлся на барщину в определённые сроки в течение всего года и работал установленное количество дней. В латышской части Прибалтики, где крестьяне жили отдельными хуторами, иногда отдалёнными на десятки вёрст от имения, путь на барщину занимал так много времени, что крестьяне, придя издалека, вынуждены были целую неделю оставаться в имении. Среднего размера крестьянский двор в Эстляндии поставлял работника с упряжью на три дня еженедельно, в Лифляндии, где крестьянские дворы были крупнее, — на целую неделю, а другую неделю крестьянин оставался дома. К ординарной барщине принадлежала обязанность крестьян с каждого двора давать летом ещё «пешего» вспомогательного работника, без лошади. С начала весенних полевых работ (обычно с 23 апреля по Михайлов день — 29 сентября) пеший работник работал на барщине столько же дней еженедельно, сколько и работник с лошадью. Прежде вспомогательные работники требовались на барщину начиная лишь с Иванова дня (24 июня), но к концу XVIII в. их начали выгонять на барщину сразу же после освобождения полей от снега.

В отличие от ординарной барщины экстраординарная не была ограничена определённым количеством дней, а связывалась с отдельными видами спешных сельскохозяйственных работ: с жатвой, сенокосом, вывозом навоза и т. п. В зависимости от того, производилась ли экстраординарная работа на крестьянских или помещичьих харчах, она делилась на «вспомогательную барщину» и «талку» (толоку, сгон). В последнем случае помещики имели право выгонять на барщину всё работоспособное крестьянское население. Обычай обязывал помещика кормить участников «талки», но к началу XIX в. это правило уже не выполнялось: помещики после окончания работ угощали крестьян несколькими глотками пива или водки — тем дело и ограничивалось. Именно этот вид барщины был наиболее разорителен для крестьян, так как отрывал их от своих самых спешных полевых работ. Кроме того, крестьяне обязаны были на своих подводах перевозить в отдалённые города хлеб, лён и водку помещика, а также давать работниц для ухода за помещичьим скотом. Усиление эксплоатации происходило главным образом за счёт увеличения экстраординарной барщины, которая к концу XVIII в. перестала соответствовать своему названию и фактически превратилась в постоянную, из года в год повторяющуюся повинность.

Для прибалтийских помещиков барщина составляла наиболее ценную статью дохода, а крестьянский оброк имел второстепенное значение. Поэтому помещики стремились увеличить барщину за счёт оброка.

В начале XIX в. наблюдалось усиление разорения прибалтийской деревни. Помещики захватывали крестьянскую землю, обезземеливали крестьян; безземельного батрака они ставили в подчинённое крупному крестьянскому двору положение. Крестьянское население диференцировалось. В начале XIX в. в Лифляндской губернии безземельные батраки составляли около половины всего населения деревни. Несмотря на существовавшие противоречия между батраками и крупными крестьянами, тяжёлый гнёт крепостного права всё же объединял их общей ненавистью к помещикам.

Обострение классовой борьбы и крестьянский вопрос на рубеже XIX в. В начале XIX в. в Прибалтике чрезвычайно обострились классовые противоречия между крепостными и помещиками, усилились массовые побеги, волнения и восстания крестьян.

Ещё во второй половине XVIII в. стали раздаваться голоса возмущения по поводу крепостного рабства в Прибалтике. Выступали главным образом представители буржуазной интеллигенции. Они защищали «естественные права человека», но в аграрном вопросе ограничивались требованием лишь частичных изменений крепостного права. Только в 90-х годах XVIII в. было выдвинуто требование отмены крепостной зависимости и перехода к вольнонаёмному труду. Наиболее выдающимся представителем этого течения был Г. Меркель — сын сельского пастора, выдающийся публицист, предупреждавший об угрозе всеобщего восстания прибалтийского крестьянства.

Под влиянием революционных событий во Франции и польского восстания 1794 г., нашедшего отзвуки в Курляндии, русское правительство стало обращать внимание на волнения крестьян в Прибалтике, расположенной на западной окраине империи и поэтому внушавшей особенные опасения на случай международных осложнений. Лифляндский ландтаг под давлением русского правительства вынужден был высказаться о положении крестьян, и в связи с этим были приняты так называемые «27 пунктов», которые подтверждали за крепостными право свободного распоряжения движимым имуществом, но одновременно предусматривали узаконение значительно повышенной экстраординарной барщины. По существу помещики продолжали отказываться от каких бы то ни было уступок в крестьянском вопросе, желая сохранить существующее положение.

В 90-х годах XVIII в. волнения крестьян стали постоянным явлением. В 1797 г. волнения, вызванные повышением подушной подати, распространились уже на всю Лифляндию. Распространялось убеждение в неизбежной отмене крепостного права. Обсуждение проекта реформ на ландтагах ещё более усиливало надежды крестьян. Наблюдался также рост недовольства среди низов городского населения. Между тем отдельные помещики продолжали истязать своих крепостных. Особенной жестокостью «прославилась» графиня Делагарди, поведение которой вызвало смущение даже в петербургских придворных кругах. Крестьяне стали отказываться от барщинных работ. Это движение усилилось после опубликования губернатором 12 мая 1802 г. правительственного указа о замене натуральных поставок фуража для армии денежной платой. Крестьяне повсеместно толковали указ как полное освобождение их от барщины и оброка и обвиняли помещиков и губернские власти в утайке от них настоящего указа русского правительства. Во второй половине сентября 1802 г. батраки имений в окрестностях города Вольмара отказались работать на барщине. Прибывшая на место волнений военная команда хотела подвергнуть батраков наказанию, но встретила сопротивление крестьян; правительство прислало новые воинские части. Количество восставших крестьян всё увеличивалось; в восстании приняли участие крестьяне, прибывшие даже из отдалённых местностей. 10 октября произошло столкновение с войсками, во время которого толпа восставших крестьян, вооружённых лишь кольями, косами и камнями, была рассеяна. Восстание в Вольмарском уезде произвело сильное впечатление на правительство.

Весной 1803 г. эстонские крестьяне Перновского уезда (имение Кабал) отказались работать на барщине более трёх дней в неделю. Испугавшиеся бароны потребовали от правительства присылки в Лифляндию новых военных подкреплений и заявляли, что аграрные реформы могут лишь ускорить начало всеобщего восстания.

Положение 1804 г. Несмотря на свои явные симпатии к прибалтийским баронам, Александр I вынужден был приступить к аграрным реформам, боясь крестьянских волнений, которые могли быть особенно опасными на западной границе государства, невдалеке от беспокойной Польши. 11 мая 1803 г. последовал указ об учреждении особого комитета по «улучшению быта» остзейских крестьян. Составленный им проект был утверждён 20 февраля 1804 г. и 27 августа 1804 г. распространён на Эстляндию. Основные положения закона 1804 г. были таковы: 1) крестьяне признавались прикреплёнными к земле, а не к помещику, поэтому воспрещалась их продажа без земли; 2) крестьяне объявлялись пожизненными и наследственными

владельцами своих земельных наделов; в теории признавалось право крестьян иметь недвижимую собственность; 3) барщина была значительно повышена — её стоимость теперь составляла 75%, а оброк — лишь 25% крестьянских повинностей; 4) придерживаясь принципа соответствия повинностей доходам с крестьянского надела, закон восстанавливал вакенбухи, в которые заносились данные о количестве и качестве крестьянской земли и перечислялись барщинные работы и статьи оброка; в угоду помещикам была повышена на 33% существовавшая оценка земельных наделов, но сохранена прежняя (очень низкая) оценка барщины и оброка; 6) несколько ограничивался произвол помещика в применении телесных наказаний. Закон относился к крестьянам — держателям наделов и ничего не давал безземельным батракам.

Положение 20 февраля 1804 г., конечно, не могло удовлетворить крестьян. Помещики продолжали требовать выполнения непомерно тяжёлых повинностей. Осенью 1805 г. в Эстляндской губернии произошли новые волнения крестьян, для усмирения которых были высланы войска с артиллерией. Но закон 20 февраля 1804 г. также вызвал открытое сопротивление среди дворянства. После Тильзитского мира (1807 г.), когда на время исчезла опасность нашествия французов, прибалтийские помещики перешли в крестьянском вопросе от обороны к наступлению и под предлогом «регулирования» заработной платы батраков добились издания дополнительных статей 1809 г., значительно ухудшивших условия оценки крестьянской земли.

«Освобождение» прибалтийских крестьян в 1816—1819 гг. Общеевропейская реакция, наступившая после изгнания Наполеона и Венского конгресса, благоприятствовала прибалтийским помещикам, представители которых стали самыми активными сотрудниками царского правительства. Прибалтийские бароны поспешили избавиться от нежелательных и против их воли навязанных им аграрных реформ 1804 г. Однако возврат к старому крепостному праву был сопряжён с риском вызвать общее восстание крестьян. Вдобавок экономически помещики уже и не были так заинтересованы в сохранении старых порядков. В 1810 г. эстляндские помещики заговорили об «освобождении» крестьян без земли. Составленный ими проект был утверждён 23 мая 1816 г.; 25 августа 1817 г. последовало утверждение аналогичного по содержанию проекта курляндского дворянства, а 26 марта 1819 г. лифляндские помещики добились для себя подобного же разрешения аграрного вопроса.

«Освобождение» прибалтийских крестьян сводилось к следующему: 1) они получили личную свободу, но потеряли

всякие права на свою прежнюю землю — все земли были объявлены помещичьими; 2) в принципе признавалось право крестьян покупать землю, но помещик всегда сохранял за собой верховное право собственности даже на землю, которую он продал крестьянам; 3) крестьяне признавались правомочными заключать по своему усмотрению договоры с помещиком об аренде земли, условия которой определялись добровольным соглашением договаривающихся сторон; 4) крестьяне становились членами волостных общин, поставленных, однако, под контроль помещика; 5) предусматривалась организация крестьянского суда, но поставленного под надзор помещика и органов дворянского самоуправления; 6) за помещиками сохранилось право подвергать крестьян телесному наказанию.

В одной только Лифляндии помещики заработали на «освобождении» несколько десятков миллионов рублей за счёт захваченной ими крестьянской земли. В результате подобного «освобождения» произошло насильственное отделение непосредственного производителя (крестьянина) от средств производства (земли) — в этом и заключается сущность так называемого «процесса первоначального накопления капитала», исторически подготовляющего торжество капиталистического способа производства, для существования которого требуется масса лично свободных людей, лишённых права собственности на средства производства. Однако массовое ограбление латышского и эстонского крестьянства под предлогом освобождения от крепостной зависимости не привело к расцвету капиталистических отношений. Личная свобода крестьян была превращена в юридическую фикцию вследствие многочисленных стеснений. В Лифляндии «освобождение» затянулось на восемь лет. Следующие за ними шесть лет были периодом «ограниченных прав». Но и 14 лет спустя после «освобождения» передвижение крестьян в пределах губернии или переселение их в города фактически зависели от усмотрения помещиков, за которыми сохранилась административно-полицейская власть и право контроля над деятельностью волостных общин, не говоря уже о том, что в руках дворянства находились все местные правительственные органы, не исключая губернского правления. Переселение крестьян в другие губернии было запрещено до особого указа императора.

После реформы 1816—1819 гг. прибалтийские помещики попрежнему не применяли вольнонаёмного труда. Лишь размер барщины стали определять на основе «свободного» договора крестьян-арендаторов с помещиком. Спрос на барщинные работы усилился в связи с расширением помещичьих полей за счёт крестьянской земли. С другой стороны, размер барщины находился в прямой зависимости от распространения

рационального земледелия. Переход к многополью с плодопеременной системой увеличил возделывание картофеля, который с 20-х годов XIX в. вытеснил хлеб в качестве сырья при винокурении. Прежняя барщина, размеры которой определялись количеством рабочих дней, была заменена более интенсивной формой эксплоатации — «решной», или сдельной барщиной, при которой каждому двору отводился для обработки определённый участок сенокоса или господского поля. Размер участка был таков, что крестьянин не мог справиться с работой в установленное количество дней, а должен был работать дополнительно. При неблагоприятной погоде работа приостанавливалась, но вынужденный простой не зачитывался крестьянину.

Обнищание прибалтийских крестьян было вызвано не только непосильной барщиной, но также и распространением краткосрочных арендных договоров (как правило, заключаемых на один год). Благодаря им помещик имел возможность постоянно повышать повинности крестьян. Через 10—15 лет после «освобождения» и отмены положения 1804 г. наблюдался упадок крестьянских хозяйств. К концу 30-х годов XIX в. плохая обработка полей привела к истощению почвы, а неурожай и голод стали хроническим явлением.

Культура прибалтийских народов. Средоточием общественно-научного и литературного движения в Прибалтике был Тарту (Дерпт) с его университетом. Однако в первой половине XIX в. университет сохранил свой чисто немецкий характер и на культурное развитие эстов и латышей оказал ничтожное влияние. Количество студентов латышей и эстов исчислялось единицами. Как правило, они подвергались онемечению и не оказывали влияния на культурное развитие эстонского и латышского народов. В изучении латышского и эстонского языков, а также богатого фольклора местных народов Прибалтики некоторые заслуги имеют Курляндское общество для изучения литературы и искусства (1817 г.), Латышское литературное общество (1827 г.) и Эстонское учёное общество (1838 г.).

Попрежнему вся церковная и светская литература, издававшаяся на латышском и эстонском языках, находилась под контролем немецких пасторов и по большей части ими же была написана. В связи с обострением классовых противоречий в деревне и возникшей опасностью потерять влияние на крестьянские массы, особенно после освобождения от крепостной зависимости, лютеранские церковные власти и немецкие пасторы приступили к изданию еженедельных газет на латышском (1822 г.) и эстонском (1821 г.) языках. В качестве сотрудников привлекались также отдельные латыши и эсты.

В первой половине XIX в. появились писатели, вышедшие из народных масс. Среди них наиболее известны латышский поэт Слепой Индрик и рано умерший даровитый эстонский лирик Кристьян Петерсон (1801—1822 гг.). С 40-х годов усиливается стремление освободиться из-под немецкого влияния и опеки со стороны лютеранской церкви. Крестьянское движение 40-х годов и массовый переход в православие находят отражение в латышской и эстонской литературе. Эстонский писатель Я. Соммер пишет на русские темы («Русское сердце и русская душа», 1841 г.; «Луйге Лаус», 1843 г.). В целях борьбы против распространения православия среди латышей и эстов местные немецкие власти, до этого пренебрегавшие делом народного образования, начиная с 40-х годов более щедро стали отпускать средства на народные школы и на подготовку латышских и эстонских учителей. К середине XIX в. увеличилось также количество эстов и латышей, получивших среднее и высшее образование. К этому же времени относится начало литературной деятельности многих писателей и публицистов так называемой «эпохи национального пробуждения» 60-х и 70-х годов, когда латышская и эстонская демократическая интеллигенция при содействии русской общественности начала мужественную борьбу против остзейских немцев и за создание своей национальной культуры, используя при этом неисчерпаемые богатства передовой русской культуры.

Социальные отношения и политический строй Финляндии перед войной 1808—1809 гг. Население Финляндии, вошедшей в состав Российской империи в результате войны 1808—1809 гг., не было национально однородным. Основную массу составляли финны, но кроме них на побережье Финского и Ботнического заливов жило много шведов; имелись и небольшие колонии эстов; на севере обитали лопари, а на востоке — карелы. Шведы хотя и составляли меньшинство населения, но, будучи господствующей национальностью, оказывали значительное влияние на верхи финляндского общества. Шведский язык был государственным; дворяне, чиновники, купцы, подвергаясь сильному культурному влиянию шведов, приняли его и в качестве разговорного языка.

Крестьяне составляли большинство населения Финляндии. В 1795 г. городское население составляло всего 5,5%. Среди городов выделялись Або (11,5 тыс. жителей) и Гельсингфорс (Хельсинки, 4,3 тыс. жителей), остальные же были небольшими ярмарочными посёлками с несколькими сотнями жителей. Шведская редукция (возвращение государству ранее пожалованных дворянам имений) также коснулась Финляндии. Крестьяне жили на землях, принадлежавших государству или помещику; лишь небольшая часть их владела собственной зем-

лёй; в большинстве крестьяне являлись либо арендаторами, нёсшими в пользу землевладельцев определённые повинности, либо неоседлыми сельскохозяйственными рабочими. Арендаторы («торпари») заключали арендный договор на длительный срок. За пользование земельным участком торпарь был обязан отработать определённое количество рабочих дней на землевладельца, оказывать ему личные услуги — мыть полы, стирать и т. п. Землевладелец имел право штрафовать торпаря за различные проступки. Карельское крестьянство находилось в особо тяжёлых условиях. Маленькие каменистые клочки земли, служившие пашней, не могли обеспечить хлебом своих владельцев. Карелы были вынуждены дополнительно заниматься охотой, рыбной ловлей, извозом. Сельское хозяйство велось весьма примитивно. Широко применялась система подсечного хозяйства. Местные кулаки усиленно эксплоатировали крестьянскую бедноту. Угнетённое положение крестьянства в Финляндии было причиной крестьянских волнений, которые не раз вспыхивали после присоединения Финляндии к России.

Землевладельческие права различных социальных групп были различны. Дворянство находилось в особо привилегированном положении, владея землями, свободными от повинностей (фрельзовые земли). Остальные земли, являвшиеся собственностью владельца (скаттовые), были обложены различными повинностями в пользу государства. Наконец, были государственные земли, находившиеся в вечном потомственном владении помещика, но не являвшиеся его собственностью (коронные гемманы); лица, пользовавшиеся ими, были обложены различными повинностями.

Промышленность Финляндии перед русским завоеванием была слабо развита. Главный город страны Або — наиболее крупный промышленный центр — в конце XVIII в. имел всего восемь небольших промышленных предприятий и две верфи. В период континентальной блокады Финляндия широко развернула контрабандную торговлю, в которой не последнее место занимали английские товары.

Тильзитский мир и вопрос о Финляндии. Условия Тильзитского мира, предоставлявшие Александру I «свободу рук» на Скандинавском полуострове, содержали, между прочим, обязательство России понудить Англию к признанию свободы мореплавания. Несогласие Англии должно было повлечь за собой разрыв отношений с ней. Дания, Швеция и Португалия были намечены в качестве участниц войны с Англией. Отказ какой-либо из них начать враждебные действия против Англии должен был и эту страну поставить в число государств-неприятелей. Прежде всего это коснулось Швеции, решившей не только не разрывать своего союза с Англией, но заключившей

с ней соглашение о поддержке. Англия обещала в случае войны предоставить Швеции вспомогательное войско и ежемесячное денежное пособие.

Наполеон усиленно подталкивал Александра I к войне со Швецией, чтобы наказать последнюю за союз с Англией. Со своей стороны, Наполеон обещал двинуть войска маршала Бернадотта для вторжения в южную часть Швеции (Сканию). Император французов полагал, что эта война отвлечёт внимание Англии от Испании и Средиземного моря и тем улучшит его положение на Пиренейском полуострове. Наполеон предлагал Александру I в вознаграждение взять не только Финляндию, но всё, что удастся захватить русским войскам. Для царской России борьба за Финляндию находила опору и в стратегических соображениях. Наполеон поддерживал мысль Александра I о необходимости обезопасить Петербург со стороны севера. Безопасность Петербурга, помимо всех договорных обязательств, требовала расширения границ. Маркс в работе «Секретная дипломатия XVIII века» отмечал «характерную смелость», с которой Пётр I «воздвиг новую столицу на первом завоеванном куске балтийского побережья, почти что на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, умышленно дав таким образом своим владениям эксцентрический центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поместить его в такие условия, в которых он не мог быть обеспечен от нападений до тех пор, пока все побережье от Либавы до Торнео не было покорено — что было завершено лишь к 1809 году завоеванием Финляндии» [1].

Русско-шведская война 1808—1809 гг. 9 февраля 1808 г. русские войска перешли границу. Главнокомандующим был назначен Буксгевден. Левое крыло русских войск под командой Горчакова (позже — Каменского) шло побережьем Финского залива на Гельсингфорс и Свеаборг; центр во главе с Багратионом должен был двигаться к Тавастгусу, правый фланг, которым командовал Тучков, — помешать шведским войскам восточной части Финляндии соединиться с отрядами, находившимися у Тавастгуса. Шведы не решились принять удар и предпочли начать отступление. В течение трёх недель русские войска овладели Тавастгусской и Нюландской областями, через месяц был занят главный город Або; в руки русских войск перешла крепость Свартгольм; Свеаборг был блокирован русскими отрядами.

17 марта части Раевского вошли в Вазу. Одновременно отряды Кульнева, сделав в 22 дня 600 вёрст, вынудили шведов отступить от Таммерфорса к Улеаборгу. Благодаря быстрому

---

[1] *К. Маркс*, Секретная дипломатия, гл. VI.

продвижению большая часть Финляндии была занята русскими войсками, но в то же время это ставило их в затруднительное положение: центр и правый фланг оказались разъединёнными огромным пространством.

В то время как войска центральной группы подходили к Бьернеборгу, Тучков оттеснил шведов к Куопио и 4 марта занял этот город. В то же время левая колонна, овладев Гангутом и Або, переправилась на Аландские острова и заняла их (31 марта). Специальный десантный отряд в начале апреля овладел островом Готландом.

В специальной прокламации Александра I к местному населению говорилось, что император «находит себя вынужденным взять землю вашу во владение под своё покровительство». Жителям предлагалось прислать депутатов в Або «для совещания о всём, что ко благу вашей земли учинено быть может».

В связи с удачным ходом военных действий была издана декларация (16 марта 1808 г.), объявлявшая Финляндию русской провинцией, навсегда присоединённой к империи. Однако до конца войны было ещё далеко. В тылу русских войск вспыхнуло партизанское движение. Русские отряды стали терпеть поражения. Две первые неудачи (при Револаксе и у Пухилло) открыли дорогу шведским войскам в восточную Финляндию.

Неудачи повлекли за собой смену русского командования и усиленную борьбу с партизанским движением. Последние месяцы 1808 г. ознаменовались рядом успехов русских войск. Александр I под давлением Франции потребовал перенесения войны в Швецию.

В марте 1809 г. русские части (численностью в 48 тыс. человек) начали наступление. Отряд под начальством Барклая де Толли направился из Вазы в знаменитый поход по льду Ботнического залива. Снег во многих местах был выше колена, взломанный и смёрзшийся лёд был нагромождён огромными глыбами, через которые с большим трудом перебирались солдаты. Корпус Багратиона был двинут на Аландские острова, чтобы оттуда проделать путь на Стокгольм. Передовые части этого отряда, которыми командовал Кульнев, после крайне тяжёлого ледового перехода 8 марта подошли к шведскому берегу, оттеснили шведов и заняли Гриссельгамн. Тем временем переправившиеся отряды Барклая 12 марта заняли Умео, а двинутые на север части графа Шувалова теснили шведов от Улеаборга к Торнео и 13 марта взяли в плен отряд шведского генерала Грипленберга.

Поражение шведских войск усилило нараставшее в Швеции недовольство против короля Густава-Адольфа. 14 марта в Стокгольме был совершён дворцовый переворот, свергнувший короля и установивший власть регента — герцога Карла

Зюдерманландского. Но предложение последнего о мире не было принято Александром I, и военные действия продолжались.

Сейм в Борго. Фридрихсгамский мир. В самый разгар наступления на Швецию, 16 марта 1809 г., в городе Борго открылся созванный Александром I финляндский сейм. Его открытию предшествовало издание акта, где утверждались «религия, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика по конституции их доселе пользовались». Сам же сейм, явившийся фактическим доказательством признания особенностей государственного устройства Финляндии, рассматривал следующие предложенные ему царём вопросы: 1) о военном устройстве страны; 2) о взимании податей; 3) о монетной системе; 4) о назначении членов в Правительственный совет. Занятия сейма продолжались до начала июля 1809 г. За это время сейм рассмотрел план организации управления Финляндией, составил ответы на заданные ему вопросы и избрал 12 членов совета.

Мирные переговоры со Швецией начались во время заседания сейма. В июле 1809 г. во Фридрихсгаме съехались представители обеих стран, а 5 сентября 1809 г. был подписан мирный договор, по которому Швеция: 1) уступала России всю завоёванную русскими войсками Финляндию; граница проводилась по реке Торнео; 2) шведский король заявлял о своём присоединении к континентальной блокаде; 3) шведам предоставлялось право покинуть Финляндию и переехать в Швецию, а финнам, жившим в Швеции, — выехать в Финляндию; 4) впредь до заключения специального торгового договора гарантировалась свобода торговых отношений между Швецией и Финляндией.

Образование Великого княжества Финляндского. Финляндская конституция. Вслед за изданием 16 марта 1808 г. декларации о присоединении Финляндии к России русские войска начали приводить местное население к присяге. 19 ноября 1808 г. было утверждено «Положение об учреждении главного управления в новой Финляндии» и состоялось назначение в Финляндию генерал-губернатора. Это были первые шаги по формированию администрации вошедшего в состав Российской империи Великого княжества Финляндского.

«Положение» создавало Комитет главного управления из 12 местных жителей (6 дворян, 6 не-дворян), где председательствовал генерал-губернатор. Это было высшее административное учреждение края. Всё делопроизводство, как и раньше, должно было вестись на шведском языке. Подлинным главой администрации должен был быть генерал-губернатор, назна-

чаемый императором и ему же делающий представления по делам местной администрации.

Перед присоединением к России политическое положение Финляндии регулировалось шведскими конституционными актами, изданными в 1772 и 1789 гг. Первый из них, так называемый «Образ правления», утверждал лютеранство в качестве государственной религии, устанавливал порядок престолонаследия, ограничивал законодательное право короля и право объявления войны согласием сейма. Акт регламентировал порядок созыва сейма. Последующий акт 1789 г. («Акт единения и безопасности») устанавливал равноправие сословий в отношении суда и землевладения, но сохранял особые права дворянства на привилегированные земли и исключительное право на замещение высших должностей. Все эти законы не были формально отменены, но фактически их обошли, так как новая система управления создалась независимо от них. В окончательном виде она была утверждена в августе 1809 г. Центром финляндской администрации был объявлен Правительственный совет, управлявший судом и государственным хозяйством. Право назначения на высшие должности, предоставления наград, пожалования казённых имений принадлежало российскому императору. Совет не мог налагать новых податей и сборов, не имел права законодательства, но мог входить с представлениями о нуждах страны. Генерал-губернатор как председатель совета должен был наблюдать за осуществлением правосудия и соблюдением законов.

30 октября 1809 г. была создана из финнов Комиссия по финляндским делам для рассмотрения всех дел, восходивших на разрешение царя, и для подготовки их к докладу, который делался статс-секретарём по финляндским делам. Комиссия состояла не менее чем из 3 членов — уроженцев Финляндии — и статс-секретаря.

Вновь созданной администрации была подчинена не только территория, присоединённая по Фридрихсгамскому договору, но и Выборгская губерния, присоединённая ранее к России по Ништадтскому миру (1721 г.).

Эти органы должны были управлять, предоставляя решение принципиальных вопросов сейму и верховной власти. Но последняя использовала сейм только один раз, издав на основании мнений Боргоского сейма указы о сохранении старой военной организации Финляндии и прежней налоговой системы; вопреки желанию сейма русский рубль был признан основой монетной системы Финляндии. В течение всей первой половины века сейм больше не созывался, тем не менее был издан целый ряд различных новых законов. Царизм угнетал Финляндию и нарушал финляндскую конституцию, которую

обязался охранять. В 1812 г. были расширены права генерал-губернатора, который признавался главным начальником гражданской исполнительной власти, командующим русскими и финскими войсками, начальником полиции. Финляндия разделялась на 8 губерний. Несколько изменена была организация суда. Особенно грубо стала нарушаться финляндская конституция, когда в 1823 г. генерал-губернатором был назначен генерал Закревский. Вопреки конституции принимались на службу в Финляндии русские чиновники. Русский царизм подверг Финляндию тяжёлому национальному угнетению, грубо обманув финский народ. Всё это привело к тому, что в Финляндии сложилась обстановка, которую товарищ Сталин характеризовал такими словами: «Известно, что в течение 150 лет в отношениях между Россией и Финляндией существовало взаимное недоверие. Финны относились с недоверием к русским, а русские — к финнам» [1]. Финский народ боролся против угнетения его царизмом. Декабристы — представители первого периода русского революционного движения — предполагали распространить все революционные завоевания России и блага, которые принесёт народу революция, также и на Финляндию; существовал проект создать особую Ботническую державу с Гельсингфорсом в качестве столицы в составе революционной русской федерации (см. главу VI). С большим вниманием к вопросам и нуждам угнетённой Финляндии относилось последующее поколение русских революционеров-демократов. «Для нас самостоятельность Финляндии становится такой же дорогою внутренней мыслью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную», — писал друг Герцена Н. П. Огарёв.

Угнетённое положение финского народа всегда было предметом внимания и сочувствия русских революционеров. Царизм был общим врагом как русского, так и финского народов.

Ленин о финляндской конституции. Нарушения финляндской конституции в дальнейшем были весьма многочисленными, несмотря на данное Александром I торжественное обещание придерживаться конституции. «Финляндия присоединена к России в 1809 г., во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию, — писал Ленин. — По этой конституции, *иначе как с согласия сейма, т. е. собрания представителей*

---

[1] Речь товарища И. В Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года («Большевик» № 7 за 1948 г., стр. 1).

всех сословий, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил *«обещание о святом хранении особенной конституции края»»*[1]. Эта конституция должна была явиться защитой прав финляндцев «от произвола русских самодержцев»[2]. Ленин указывал далее, что нарушившие конституцию Романовы стали клятвопреступниками. Таким образом, царизм и в финляндском вопросе выступал как сила, гнетущая национальное развитие подвластного ему народа.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Господин Фогт. Сочинения. Т. XII. Ч. 1. С. 363. — *Ленин В. И.* Протест финляндского народа. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 280—284. *Ленин В. И.* Царь против финского народа. Сочинения. Изд. 4. Т. 16. С. 63—65. — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 337. — *Сталин И. В.* Речь на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года. «Большевик». 1948. № 7, с. 1—2.

II. Документальные материалы. Пособия. Полное собрание законов Российской империи [Собрание первое]. Т. XXVIII, № 21162; т. XXX, № 23505; т. XXXIII, №№ 26278, 26279, 26280; т. XXXIV, № 27024; т. XXXVI, №№ 27734, 27735 [законы о крестьянах в Прибалтике]. — *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. Спб. 1903. IV, 143 с. — Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. Изд. 2, доп. Спб. 1908. 86 с. — Собрание постановлений финляндских. Т. I—III [1808—1859]. Спб. 1902—1904. — История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941. С. 360—460. — *Меркель Г.* Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия. Дополнение к народоведению и человекознанию. Перев. с нем. А. Н. Шемякина. М. 1870. XIV, 178 с. То же: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете за 1870 г.» Кн. 1. — *Самарин Ю. Ф.* Крестьянский вопрос в Лифляндии. В его кн.: Сочинения. Т. X. Окраины России. М. 1896. С. 1—407.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 283.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 63.

Глава IV

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ 1813—1814 гг.

Международная обстановка накануне войны 1812 г. Наполеон стремился к мировому господству; накануне войны 1812 г. он был уже властителем почти всей Западной Европы; ещё в первые годы своего прихода к власти он укрепил своё владычество над значительной частью Италии, над Бельгией, Голландией и рядом территорий Западной Германии. После 1805 г. побеждённая Австрия стала его покорной союзницей, после побед 1806 г. раздавленная Пруссия лежала у его ног. Границы порабощённой Наполеоном территории подошли вплотную к России. Россия оказалась главным препятствием на пути Наполеона к мировому господству. Сломив её, он надеялся без труда управиться со своим главным капиталистическим соперником — Англией: изолированная его победами от всей Европы, лишённая континентальных союзников, в том числе такого мощного, как Россия, она задохнулась бы в кольце континентальной блокады и покорно легла бы к ногам Наполеона. Он готовил России национальное порабощение, участь колониального «придатка» к основной территории буржуазной Франции. Эту участь разделили уже все порабощённые им на европейском континенте страны: всюду — и в Италии, и в Бельгии, и в Пруссии, и в других странах — Наполеон грубо нарушал национальный суверенитет, наступал на горло самостоятельному развитию экономики порабощённой страны, диктовал условия, выгодные лишь для французских капиталистов, давил национальное движение, собирал огромные контрибуции и «налог кровью» — людей для своей огромной армии. Это иго Наполеон наложил на ранее самостоятельные, сильные и жизнеспособные государства Европы. В 1807 г. в Тильзите Наполеон продиктовал России крайне тяжёлые для неё условия, которые явились первым стеснением её самостоятельного экономического развития («континентальная блокада»). Тильзитский мир, представлявший собой первый шаг к экономическому подчинению России, противоречил самостоятельному развитию русской национальной экономики. Вынужденная примкнуть к континентальной блокаде, Россия находила способы сопротивляться: блокада постоянно наруша-

лась. В декабре 1810 г. был издан новый русский таможенный тариф (вступивший в силу с 1811 г.), крайне неблагоприятный для французского импорта. Тариф повышал пошлины на предметы роскоши, вино и другие товары, которые ввозила в Россию французская крупная буржуазия. «Торговая блокада становилась невыносимой, — писал Энгельс о предвоенной обстановке 1812 г. — Экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.» [1]

Имея в своём распоряжении невиданную по численности армию, обученную, хорошо вооружённую и, главное, обладавшую большим военным опытом, Наполеон был уверен в успехе своих захватнических планов. «Я теперь всё могу», — кратко сказал он своему брату Люсьену после Тильзита. Он был уверен, что достигнет мирового господства. «Через пять лет я буду господином мира; остаётся одна Россия, но я раздавлю её», — сказал он в 1811 г., накануне похода в Россию. В его захватнических планах овладение Россией открывало ему даже путь в Индию, а захват Индии, как мечтал Наполеон, нанёс бы последний удар могуществу Англии. «Александр Македонский достиг Ганга, отправившись от такого же далёкого пункта, как Москва, — говорил Наполеон Нарбонну перед походом в Россию. — Предположите, что Москва взята, Россия повержена, царь помирился или погиб при каком-нибудь дворцовом заговоре, и скажите мне, разве невозможен тогда доступ к Гангу для армии французов и вспомогательных войск? А Ганга достаточно коснуться французской шпагой, чтобы обрушилось всё здание меркантильного величия (Англии)».

Наполеон усиленно готовился к предстоящей войне. Он собирал сведения о России, засылал в неё многочисленных шпионов, изучал её экономическое положение и политическое устройство, превращал герцогство Варшавское в плацдарм для нападения на Россию. Стремясь обманным образом использовать движение в Польше, направленное против царской России, Наполеон давал полякам демагогические обещания о восстановлении «независимой» Польши, и это делало в тот момент польскую шляхту сторонницей Наполеона. Он расширил территорию герцогства Варшавского, вопреки желанию Александра I присоединил к нему австрийскую Галицию. В герцогство было послано 50 тыс. ружей. В занятый французскими войсками прусский город Магдебург был переброшен артиллерийский полк; три французские дивизии с юга Германии были передвинуты на север — к балтийским берегам. Наполеон

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр 20.

явно стягивал военные силы к русской границе. Желая обеспечить выполнение континентальной блокады, он ещё ранее укрепился на побережье Северного и Балтийского морей, захватив Голландию (1810 г.), а затем присоединив к своей территории вольные города Гамбург, Бремен и Любек (февраль 1811 г.); «выравнивая» свою границу в этом же направлении, он захватил и герцогство Ольденбургское (также в феврале 1811 г.), наследник которого был мужем сестры Александра I Екатерины Павловны. Предвоенная обстановка становилась всё более напряжённой.

Международная обстановка кануна войны 1812 г. благоприятствовала нападению Наполеона на Россию. Союз с Австрией Наполеон укрепил своей женитьбой на дочери императора Франца. Полученная Россией после Тильзитского мира Белостокская область, принадлежавшая ранее Пруссии, так же как и полученный после 1809 г. австрийский Тернополь, вбивали клин между Россией, Пруссией и Австрией.

Россия заключила союз с Англией 18 июля 1812 г.; но Англия находилась в стеснённом финансовом положении в связи с тяжёлой для неё континентальной блокадой; кроме того, она сама готовилась к войне с США, вспыхнувшей почти одновременно с войной 1812 г. (18 июня 1812 г.). Привыкшая воевать чужими руками Англия в 1812 г. не оказала России никакой помощи. Воевать с Наполеоном России пришлось один на один.

Напомним, что с 1806 г. шла русско-турецкая война. Россия, таким образом, оказывалась в очень трудном положении. Правда, 5 апреля 1812 г. Россия заключила союз со Швецией. Это дало ей возможность освободить войска, охранявшие северо-западную границу, и усилить защиту Петербурга с юго-запада, откуда можно было ожидать нападения Наполеона. Но большого значения этот союз не имел. Готовясь к войне с Францией, русское правительство поспешило закончить русско-турецкую войну и 11 (23) июня ратифицировало заключённый М. И. Кутузовым Бухарестский мир. Теперь благодаря дипломатическому искусству Кутузова можно было освободить армию, занятую на турецком фронте, для военных действий против французов.

Положение стало таким напряжённым, что уже в конце 1811 г. русское правительство с минуты на минуту ждало нападения Наполеона. В первые же месяцы 1812 г. Наполеон подписал военные договоры с Пруссией (24 февраля) и Австрией (14 марта); обе обязывались предоставить Наполеону для предстоящей войны свои войска (Пруссия — 20 тыс. и Австрия —30 тыс. человек), а также значительное количество продовольствия. В мае 1812 г. Наполеон приехал в Дрезден,

куда съехались многочисленные германские властители. Тут имела место предвоенная демонстрация их «преданности» Наполеону.

Вторжение Наполеона в Россию. Военные силы России и Франции. В ночь на 12 (24) июня 1812 г. Наполеон вторгся в Россию без объявления войны. Началась переправа французской армии через Неман. В первый же день вторжения был захвачен город Ковно.

Узнав о вторжении неприятеля, Александр I послал к Наполеону своего генерал-адъютанта Балашова с предложением мира. Это было первое и последнее обращение русского императора к Наполеону с мирными предложениями; оно лишь преследовало цель продемонстрировать перед Европой нежелание Россией войны и подчёркивало инициативу Наполеона в нападении. Миссия Балашова не увенчалась успехом.

Военные силы Наполеона намного превосходили стоявшие под ружьём силы России. Из огромного по численности общего состава военных сил Франции (насчитывавших свыше 1 млн. человек) была выделена для нападения на Россию так называемая «великая», или «большая», армия, насчитывавшая свыше полумиллиона человек. Из них 420 тыс. человек перешли Неман, остальные находились в резерве. В течение июля и августа 1812 г. на русскую территорию было переброшено в порядке подкреплений и пополнений ещё 155 тыс. человек. Таким образом, всего границу перешло около 575 тыс. человек. Возможности Наполеона были ограничены непрерывной и трудной войной с героической Испанией, где ему пришлось оставить значительные военные силы (около 400 тыс. человек). Национальный состав наполеоновской армии в русском походе был чрезвычайно пёстр: французы составляли лишь около трети армии, остальные войска состояли из немцев, итальянцев, испанцев, португальцев, поляков, голландцев, швейцарцев и др. Представители порабощённых народов ненавидели Наполеона. В России говорили о нашествии на страну «двунадесяти языков». Однако армия Наполеона, несмотря на пестроту её национального состава, представляла собой могучую боевую силу, состоявшую под командой опытных и талантливых маршалов и имевшую во главе Наполеона, чьё имя было окружено ореолом мировой славы и непобедимости. Казалось, победа Наполеону была обеспечена.

Этим огромным силам противника Россия могла в момент начала войны противопоставить значительно меньше — всего около 180 тыс. человек. По совету бездарного прусского генерала Фуля, сторонника устаревшей прусской тактики XVIII в., военного консультанта Александра I, были сформированы три русские армии, находившиеся на довольно

значительном расстоянии одна от другой. Первая армия под начальством военного министра Барклая де Толли стояла вдоль Немана, вторая под командой Багратиона находилась в южной Литве, третья — резервная — под командой генерала Тормасова стояла на Волыни. Позже был выделен особый корпус под командой генерала Витгенштейна для защиты дороги на Петербург. Эта крайне невыгодная для России дислокация армий была связана с требованиями прусской «фридриховской» тактики — рассредоточить войска перед лицом противника: одна армия должна была, по мнению Фуля, задерживать его наступление, в то время как другая—совершать обход его фланга. Фуль проектировал устройство укреплённого лагеря для первой армии в Литве около уездного города Дриссы, на Западной Двине; к этому лагерю, по его планам, должны были стянуться войска для решающего отпора Наполеону. План Фуля был бездарен и губителен: тыл Дрисского лагеря упирался в мелководную Двину; противоположный берег был лишён укреплений; Дрисса находилась между дорогами, ведущими из Вильно на Петербург и Москву, в известном отдалении от каждой из дорог, что затрудняло как их защиту, так и прямой путь отступления. Если бы этот предательский план был реализован, русская армия при встрече с противником, в несколько раз более сильным, подверглась бы огромной опасности.

Русская армия в 1812 г., хотя и меньшая по численности, располагала прекрасными по качеству боевыми силами. Солдаты были испытаны в суровых сражениях предшествовавших войн и обладали большим боевым опытом, в частности опытом встреч с наполеоновскими войсками. В их составе ещё находились ветераны, ходившие в походы под водительством Суворова. Боевой дух армии был чрезвычайно высок: ненависть к вторгшемуся в родную страну иноземному захватчику, желание освободить от него свою родину охватили солдатскую массу. Выдающимся по таланту и боевому опыту был и личный состав командиров. Одним из наиболее талантливых военачальников был суворовский ученик Багратион, герой Шенграбена, любимый солдатами, сыгравший большую роль в ряде сложных кампаний, человек огромной личной храбрости, находчивый и решительный. Выдающимися по своей даровитости были генералы Раевский, Дохтуров, Тучков, Кульнев, Кутайсов и другие, популярные в войсках и обладавшие большим военным опытом. Но крупнейший из военачальников того времени гениальный полководец Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, ученик Суворова, был не у дел, находясь в немилости у Александра I. (Александр не мог простить Кутузову его дальновидного сопротивления участию русских войск в про-

игранном Аустерлицком сражении; недовольство Александра I вызвал и Бухарестский мир с Турцией, умело и во-время заключённый Кутузовым незадолго до начала войны с Наполеоном.) Главная слабость русского командования заключалась в отсутствии единого руководства: армии были оторваны одна от другой, действия их не согласованы, главнокомандующий не был назначен. Боевым действиям мешал и лишённый военных талантов Александр I, вмешивавшийся в военные распоряжения; его бездарность и самоуверенность являлись серьёзной угрозой успешному ходу войны; этому мешала и сопровождавшая царя толпа придворных бездельников. Александра I с трудом удалось убедить покинуть фронт.

Наполеон построил свой стратегический план учитывая слабые стороны противника: он решил врезаться между армиями Барклая де Толли и Багратиона, не дать им возможности соединиться и, зажав в тиски, разгромить каждую в отдельности. «Теперь Барклай и Багратион никогда не увидятся», — сказал он, приступая к реализации плана.

Войска Наполеона быстро продвигались в глубь страны. 16 (28) июня Наполеон занял Вильно, затем Минск, Полоцк, Витебск, Могилёв. Русские войска отступали под давлением превосходящих сил противника. Отступление русской армии было правильной тактикой, являясь, по справедливым словам Маркса, результатом «суровой необходимости» [1].

Больше всего Наполеон боялся затяжной войны. Он искал генерального сражения, надеясь одним ударом разгромить русские войска. Но противник всё время ускользал, и Наполеону приходилось всё более углубляться во враждебную страну, ослабляя свои войска оставлением гарнизонов в захваченных крепостях и растяжением коммуникационных линий. Обозы не поспевали за продвижением войск, подтягивать же запасы, собранные в большом количестве в Пруссии и Польше, становилось всё более затруднительным. Уже под Витебском лошади французской армии получали только зелёный корм, а солдатам вместо хлеба выдавалась мука, которую они клали в суп. Нормально снабжалась лишь наполеоновская гвардия. Армии Наполеона оставалось надеяться лишь на местные ресурсы. Но тут-то она и столкнулась впервые с грозной силой, сыгравшей большую роль в подготовке победы, — с сопротивлением народа.

Белоруссия в войне 1812 г. и начало народной войны. Народ давал отпор вторгшимся в страну захватчикам. Литва и Белоруссия явились первой ареной народной борьбы против Наполеона. Слухи о том, что император французов будто бы несёт

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XI, ч. 2, стр. 569.

крестьянству освобождение от крепостного гнёта, не оправдались: Наполеон оказался защитником крепостников-дворян. Помещики, против которых крестьяне стали поднимать восстания, быстро заручились поддержкой Наполеона — он оказался охранителем крепостного угнетения в Белоруссии и Литве. Вступив в Вильно, Наполеон образовал из состава крупнейшей литовской крепостнической знати «временное правительство Великого княжества Литовского». Белоруссия была оккупирована прусским корпусом наполеоновской армии под командой генерала Граверта. Последний объявил, что в положении крепостных крестьян не предполагается никакой перемены. Восстания крестьян против помещиков жестоко подавлялись. В июле 1812 г. маршал Наполеона Даву в своей речи к дворянам в Могилёве заверил последних, что «крестьяне останутся попрежнему в повиновении помещикам своим». В конце войны 1812 г. Наполеон говорил своим сенаторам, что мог бы вооружить против Российской империи «большую часть её населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я увидел грубость этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры». Наполеон боялся крестьянского восстания против помещиков и стал на сторону последних.

Народ уходил в леса, прятал продовольствие, угонял скот. Народное сопротивление Наполеону в Литве и Белоруссии сильно мешало военным действиям Наполеона. Главный интендант «великой» армии граф Дарю докладывал Наполеону о том, что солдаты, которых посылают за припасами в окрестные деревни, больше не возвращаются или возвращаются с пустыми руками. Народная война против вторгшегося захватчика с первых шагов нанесла неприятельской армии значительный ущерб.

Военные действия под Смоленском и соединение русских армий. Вопрос о соединении оторванных друг от друга русских армий Багратиона и Барклая де Толли был жизненным вопросом для России. Когда план их соединения в Витебске не удалось осуществить, решили соединить армии у Смоленска. Этот древний город, за который в прошлом русский народ пролил столько крови, двести лет не видал под своими стенами неприятеля.

27-я дивизия Неверовского и корпус Николая Раевского героически сдерживали Наполеона на подступах к Смоленску, чтобы выиграть время и дать возможность соединиться русским армиям. На русские войска наступал во много раз превосходивший их силы противник. Французские отряды шли под командой одного из опытнейших наполеоновских маршалов — Нея, бешеные атаки производила конница Мюрата. 2 (14) ав-

густа в битве под Красным русские войска стойко выдерживали особо сильный натиск противника. Неверовский, отступая, заставил врага дорого заплатить за каждую пядь земли; сами французы называли это отступление «львиным». Лишь остатки дивизии Неверовского вошли в Смоленск. На помощь Неверовскому из Смоленска вышел корпус Николая Раевского. Начался жестокий бой. Раевский прикрывал до последних возможностей город, который уже решено было сдать. Нужно было любой ценой выиграть время, чтобы дать возможность соединиться основным силам обеих армий. Героическую защиту Смоленска продолжал корпус Дохтурова, храбрость которого изумляла французов.

22 июля (3 августа) обе русские армии, наконец, соединились у Смоленска. Это было большой удачей: планы Наполеона разъединить армии потерпели крах. Живые военные силы России были спасены и сконцентрированы. Соединившиеся войска оставили пылающий город. Уходя, они взорвали пороховые склады. Жители, покидая город, сами поджигали дома, чтобы они не достались врагу. Таким образом, уже в Смоленске проявилась та форма народной войны, которая оказалась столь опасной для Наполеона в Москве.

Французские войска заняли Смоленск. Вновь Наполеон не добился столь необходимого для него генерального сражения. Русская армия в целом была сохранена. Смоленск дорого обошёлся французам; захватив полуразрушенный пылающий город, Наполеон вынужден был признать своё положение чрезвычайно затруднительным и даже думал о зимовке в Смоленске. «Кампания 12-го года кончена», — мрачно сказал он, расположившись в губернаторском доме. Положение «великой» армии было чрезвычайно трудным: для корма лошадям косили несозревший хлеб; раненых бинтовали старыми бумагами из архивов. В этих условиях Наполеон предпринял попытку заключить мир. По его настоянию пленный русский генерал Тучков написал письмо своему брату, находившемуся в действующей армии; в письме было передано предложение Наполеона о мире. Просьба дошла до Александра I, но осталась без ответа.

Народный характер войны 1812 г. Война 1812 г. приобрела с самого начала народный характер. Народ считал своим кровным делом войну с вторгшимся на его родину захватчиком. Не приходилось разъяснять целей борьбы — они были и так совершенно ясны: надо было изгнать врага, насильника, иноплеменного угнетателя, захватившего родную землю, сеявшего всюду смерть и разрушение, нёсшего национальное порабощение. Война против Наполеона стала *национальной* борьбой русского народа. Народный характер войны проявился и в

партизанской борьбе и в настроениях солдатской массы регулярной армии — массы, в основном состоявшей из крестьян, изумительный героизм которой вызывал удивление врагов. Новые черты ясно проявились в боевом поведении солдат. «Между солдатами не было уже бессмысленных орудий, каждый чувствовал, что призван содействовать в великом деле», — писал участник войны декабрист Якушкин в своих «Записках». Народный характер войны сказывался и в тесном единении фронта и тыла, в оказании помощи армии, снабжении её продовольствием, вылавливании населением лазутчиков и шпионов. С неприятелем крестьяне решительно отказывались вступать в торговые отношения. При приближении французов крестьяне жгли избы, сжатый хлеб, угоняли скот, уходили в леса; часто французские фуражиры не возвращались обратно. Ещё до Бородинского сражения Наполеон в приказе начальнику штаба Бертье писал: «Число пленных, которых забирает неприятель, простирается до нескольких сотен ежедневно; нужно под страхом самых суровых наказаний запретить солдатам удаляться», причём велено было давать им «достаточную охрану против казаков и крестьян».

Народы России — украинцы, белоруссы и многие другие — вместе с русским народом принимали участие в борьбе с Наполеоном; покрыла себя славой башкирская конница.

Сами современники отмечали особый характер войны 1812 г. «Война теперь не обыкновенная, а национальная», — писал правительству герой войны Багратион. «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», — писал в своих воспоминаниях декабрист Якушкин.

Однако было бы большой ошибкой считать, что классовая борьба между помещиками и крестьянами прекратилась во время войны и образовалось некое «бесклассовое» единство всех сословий и групп населения, эксплоататоров и эксплоатируемых. Этого не было.

Классовая борьба крестьян против помещиков не затухала в стране. В 1812 г. произошёл ряд крестьянских восстаний против крепостного гнёта. Во многих местах помещики боялись вооружения крестьян, опасаясь, чтобы они не повернули оружия против господ. Патриотизм дворянский и патриотизм крестьян были глубоко различны. Помещики сражались за крепостническую Россию, они хотели сохранить и приумножить после победы свои богатства и преимущества. Крестьяне же, сражаясь за родину, верили, что она даст им освобождение от крепостнического угнетения, они хотели после войны жить по-новому — свободно. Народный патриотизм был истинным, передовым патриотизмом.

Правительство Александра I, действуя в интересах помещиков-крепостников, ни о каких социальных преобразованиях после удачной войны не помышляло, хотя не раз в демагогических целях намекало на них. Грибоедов отразил классовые противоречия этой эпохи в замысле своей неосуществлённой пьесы «1812 год»: ополченец 1812 г. героически боролся за родину, будучи уверен, что завоюет себе свободу; после войны он вынужден вернуться в крепостное имение под палки господина; видя крушение всех своих надежд, он кончает самоубийством.

Назначение Кутузова главнокомандующим. Тактика отступления была в этот момент единственно правильной тактикой, но она не была популярна ни в стране, ни в армии. Войска рвались в бой. Под Смоленском солдаты без команды бросались в штыки, командиры жаловались, что «не в силах удержать порыва людей». Багратион был возмущён действиями Барклая де Толли и находил их предательскими. Атаман Платов, позже прославленный руководитель партизанской войны, считал русский мундир опозоренным после сдачи Смоленска и носил солдатскую шинель. «Барклай ведёт гостя прямо в Москву», — на все лады повторялись слова Багратиона. Все указывали на суворовского ученика — старого военачальника Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (1745—1813 гг.), как на единственного человека, достойного занять пост главнокомандующего.

Кутузов с екатерининских времён был прославлен боевыми подвигами. Ему было в 1812 г. уже 67 лет. Участие во взятии Измаила принесло ему громкую славу. «Он шёл на левом крыле, но был правой моей рукою», — говорил о нём Суворов. Несколько раз он бывал тяжело ранен в боях. Летом 1774 г. в бою под Алуштой турецкая пуля пробила ему левый висок и вышла у правого глаза (зрячим у Кутузова был только один глаз). Гениальный полководец Кутузов был широко популярен в войсках и известен всей стране. «Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая-де-Толли» *(Сталин)*.

Кроме глубокого знания военного искусства и владения военной теорией Кутузов обладал ещё опытом тонкого дипломата. Он проявил его в своевременном и удачном заключении Бухарестского мира (1812 г.), который закончил длительную (с 1806 г.) войну России и Турции. Мир был заключён накануне Отечественной войны 1812 г. Не будь его, Россия оказалась бы вынужденной вести военные действия не только против Наполеона, но и против Турции. «Хитёр, хитёр! Умён, умён! Никто его не обманет», — говорил Суворов о Кутузове.

Кутузов прекрасно понимал планы Наполеона. «Разбить меня Наполеон может, но обмануть — никогда», — насмешливо

говорил он. С начала войны Кутузов не получил ответственного назначения, но петербургское и московское дворянство почти одновременно демонстративно выдвинуло его на пост начальника ополчения. Кутузов пользовался большой популярностью среди солдат, они верили ему и любили простое, отеческое обхождение суворовского ученика, ненавистника прусской парадной муштры, и заботливого к солдатским нуждам командира. Александр, скрепя сердце, назначил его главнокомандующим. «Я должен был остановить выбор на том, кого наметил голос народа. Я умываю руки», — писал Александр сестре. Кутузов был назначен главнокомандующим 8 (20) августа, вскоре после сдачи Смоленска. Его назначение встречено было ликованием. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили в армии и народе.

Перед Кутузовым стояла чрезвычайно сложная задача: победить противника, во много раз превосходившего русскую армию по численности и притом глубоко вторгшегося в страну. Он детально разработал план контрнаступления для нанесения противнику решительного поражения. Великий русский полководец стремился поддержать именно народный характер войны и ценой любых жертв сохранить боеспособность армии, не допуская разгрома её превосходившими силами противника. Оставив резервы в своём личном командовании, Кутузов неустанно заботился об организации и обучении новых сил, готовясь к завоеванию победы.

Бородинское сражение. После захвата Наполеоном Смоленска направление движения французов на Москву стало несомненным. Кутузов некоторое время продолжал тактику отступления, истощая силы врага вынужденным отдалением от питающих его баз. Силы Наполеона были уже значительно убавлены, силы же русской армии приумножались. Чутьём гениального полководца Кутузов уловил момент, когда ранее нежелательное для русских генеральное сражение становилось не только возможным, но и нужным: силы французов и русских находились уже в таком соотношении, когда можно было рассчитывать на успех.

Кутузов выбрал место для сражения в 12 километрах к западу от Можайска, около села Бородина, находящегося при впадении в реку Москву её притока Колочи (см. карту). Правый фланг русской армии под командованием Барклая де Толли опирался на холмистый берег Колочи, где находилась деревня Горки, удобно расположенная и защищённая. Левый фланг армии под командованием Багратиона был расположен в деревне Семёновской, на открытой равнине; тут пришлось выстроить искусственные земляные укрепления для артиллерийских орудий и войск, так называемые Семёновские или

Багратионовы флеши. Впереди расположения частей было выдвинуто авангардное укрепление у деревни Шевардино, так называемый Шевардинский редут. Правое крыло и центр находились под командой Барклая де Толли, резервы центра и правого крыла были под непосредственной командой Кутузова; ему же принадлежало и общее руководство сражением.

Ещё 24 августа (5 сентября) Наполеон захватил Шевардинский редут и приблизился к расположению русских войск. Во время атаки поразительный героизм проявили русские канониры: они умирали на пушках, не давая врагу повернуть их дула в сторону русских войск. Солдаты проявляли величайший героизм, жертвуя жизнью за родину. Цель сражения была близка и понятна — под ногами была родная земля, сзади — Москва.

Бородинская битва началась на рассвете 26 августа (7 сентября). Выехавший на восходе солнца к линии фронта Наполеон воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» Он хотел воодушевить свои войска напоминанием о самой блестящей из одержанных им побед. Но на этот раз восходило солнце Бородина.

Со стороны русских в бою принимало участие 120 тыс. человек, в том числе 7 тыс. казаков, 10 тыс. московских и смоленских ополченцев. Русская артиллерия насчитывала 640 орудий. Силы Наполеона, участвовавшие в бою, были многочисленнее: они состояли из 135 тыс. человек и 587 артиллерийских орудий.

В диспозиции Кутузова активно-оборонительная задача была поставлена на первый план, наступательная следовала за ней. «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям... При счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственные повеления на преследование его», — писал Кутузов.

Наполеон избрал наступательную тактику. Заметив уязвимость русского левого фланга, он задался целью разгромить его и обойти с этой стороны русскую позицию, чтобы нанести удар в тыл и таким образом выиграть сражение.

Чтобы отвлечь противника, Наполеон начал сражение перестрелкой на правом фланге, у деревни Бородино. Несмотря на отчаянное сопротивление, русские егеря были тут оттеснены французской дивизией. Мост через Колочу был сожжён по приказанию Барклая де Толли. Основной же удар Наполеон направил на левый фланг, яростно атаковав Багратионовы флеши. Лучшие маршалы — Ней, Даву и Мюрат — со своими отрядами стремились завладеть укреплением. Залитые русской кровью флеши несколько раз переходили из рук в руки. Атаки длились свыше шести часов. Героически сопротивлявшиеся русские солдаты многократно отражали яростные атаки

противника. Русское командование подтягивало к флешам свежие силы и новые артиллерийские орудия. В конце концов Наполеону пришлось сосредоточить у флешей 400 орудий. Потери обеих сторон были огромны. В последней атаке осколком ядра смертельно ранило Багратиона. Флеши были захвачены французами.

Однако завершить задуманный план Наполеону не удалось: флеши были лишь частью русского левого фланга; ещё левее, в Утицком лесу, дальновидный Кутузов скрыл корпус генерала Тучкова, в помощь которому добавил ополченцев. На эти русские силы и натолкнулся французский корпус Понятовского (позже к нему был присоединён ещё корпус Жюно), которому Наполеон поручил завершающую обходную операцию. Французы несколько потеснили русских около Утицких высот, в сражении был убит генерал Тучков, но успех оказался на стороне русских: они не пропустили французов и сорвали их обход. Это и было главное. Раздосадованный Наполеон понял неудачу замысла, отказался от его продолжения и выработал новый план. Теперь Наполеон решил прорвать центр русских войск, ввести в прорыв свежие силы и добиться полного разгрома противника. Выполняя этот план, он направил основной удар на ближайшее укрепление центра — курганную батарею Раевского. Сюда был направлен массированный артиллерийский огонь. Много раз курганная батарея переходила из рук в руки и, наконец, осталась за французами. Однако центр не был прорван. Кутузов непрерывно перебрасывал с правого фланга в опасные места свежие силы. Маршалы просили Наполеона бросить в бой старую гвардию, но Наполеон, видя неуспех также и второго своего плана, отказался это сделать. «За восемьсот льё от Парижа я не могу рисковать моими последними резервами», — ответил он. Таким образом, Наполеону не удалось выполнить ни первого, ни второго тактического замысла в сражении. Оба плана потерпели крушение, столкнувшись с героизмом народа и великим мастерством Кутузова. О победе Наполеона не могло быть и речи.

Несмотря на огромные людские потери, русские полки продолжали с невиданным воодушевлением выдерживать атаки противника. Много подлинных героев было и среди командного состава армии — Багратион, Раевский, Тучковы, Коновницын, Кутайсов. В Бородинском бою принимали участие многие будущие декабристы, получившие награды за героическую защиту родины: Владимир Раевский, Сергей Муравьёв-Апостол, Пестель и многие другие.

С наступлением вечера бой затих. Объехав поле сражения, Наполеон убедился в великой силе русских. В некоторых местах убитые русские лежали рядами, как шли в бой, не отсту-

пив ни на шаг. Упорство противника поражало Наполеона. Его изумляло и малое количество пленных при многих десятках тысяч раненых и убитых. Русские предпочитали смерть плену. Бородино было одной из самых кровавых битв в истории XIX в. Потери русских достигли 45 тыс. человек, французская армия потеряла более 58 тыс.; 47 лучших генералов наполеоновской армии выбыли из строя. Русские войска не ушли с поля битвы и ночевали на Бородинском поле. Кутузов считал Бородинскую битву русской победой, и он был прав.

Русская армия не утратила своей боеспособности после Бородина. «Французская армия разбилась о русскую армию», — говорил генерал Ермолов. Наполеон, прославленный на весь мир своими победами, не смог смести и разогнать неприятеля, как он делал это десятки раз раньше. Русский народ сохранил память о Бородине, как о мощном и героическом отпоре вторгшемуся врагу. Рассказы об этой битве с гордостью передавались из поколения в поколение. Лермонтов глубоко оценил это в своём стихотворении, посвящённом Бородину, сказав: «Не даром помнит вся Россия про день Бородина». Бородино было великим актом борьбы русского народа за национальную независимость.

Бородинская битва имела и большое международное значение: всеевропейский диктатор, подавивший столько способных к самостоятельному национальному развитию европейских государств, получил отпор от русского народа. Эта битва запомнилась Наполеону как «самая ужасная» из когда-либо им данных, как свидетельство русской непобедимости. В своих воспоминаниях на острове Святой Елены Наполеон писал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы показали себя достойными одержать победу, а *русские стяжали право быть непобедимыми»*.

Наполеон в Москве. 1 (13) сентября в деревне Фили, под Москвой, состоялся военный совет о плане дальнейших военных действий. Кутузов, дорожа боеспособностью армии, принял решение не давать нового сражения под стенами Москвы и оставить Москву неприятелю. «С потерею Москвы ещё не потеряна Россия, с потерею же армии Россия потеряна. Приказываю отступать», — сказал он. Это было смелым и продуманным решением опытного военачальника, выдающегося стратега, превосходно понимавшего значение живой силы на войне и начавшего готовить своё знаменитое контрнаступление против Наполеона.

На восходе солнца 2 (14) сентября первые русские отряды вступили в Москву, чтобы пройти через неё и оставить город. Слух о том, что русская армия оставляет Москву, немедленно

распространился по городу, и тут произошло небывалое в истории войн нового времени событие: без каких бы то ни было приказов и воззваний население столицы снялось со своих мест, чтобы отправиться вслед за армией. Это событие подчёркивало народный характер войны. «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгнувшихся в Россию галлов и с ними двунадесят языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении... Не по распоряжению начальства выступило всё народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы», — писал декабрист Якушкин в своих «Записках».

В солнечный сентябрьский день Наполеон въехал на Поклонную гору и впервые увидел Москву. Прекрасный город, утопая в зелени, расстилался перед ним. «Москва! — удовлетворённо воскликнул император. — Давно пора!» Воображение рисовало ему привычную картину сдающейся столицы. Наполеон ждал «бояр» с городскими ключами и смиренную депутацию от населения. Но никто не приходил. Наполеону донесли: город пуст, жители покинули его, уйдя вслед за армией.

2 (14) сентября французы вступили в Москву. Когда французские отряды приблизились к воротам Кремля, раздались выстрелы. Это горсть смельчаков заперлась в Кремле и встретила врага оружием. Имена этих героев — защитников Кремля остались неизвестными. Среди них были и женщины.

Армия Наполеона вошла в Москву со смертельной бородинской раной в сердце.

Подъём народной войны. Отступление Наполеона из Москвы. Проведя первую ночь из осторожности в доме трактирщика у Дорогомиловской заставы, Наполеон переехал в Кремлёвский дворец. Военным губернатором Москвы был назначен маршал Мортье, гражданским — Лессепс.

В тот же день, когда французы вступили в Москву, начались пожары. Сильный ветер раздувал пламя, огонь бушевал по московским улицам. Пожары вспыхивали то тут, то там; не было сомнений, что город поджигают русские люди, не желавшие, чтобы враг завладел оставленными богатствами и торжествовал в столице. Французы хватали и казнили поджигателей. Позже Наполеон писал Александру I, что расстрелял за поджог 400 человек. Пользуясь пожарами, задержавшиеся в городе жители расправлялись с французами, бросившимися грабить оставленные дома. Наполеон столкнулся с новой формой народной войны, проявившейся ещё при взятии Смоленска. «Какое страшное зрелище. Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это — скифы!» — говорил Наполеон, глядя из окон Кремлёвского дворца на бушующее море огня.

В наполеоновской армии, занявшейся грабежом, катастрофически падала дисциплина. Продовольствия в Москве было недостаточно. По всем направлениям вокруг Москвы действовали партизаны; современники справедливо считали их «первой цепью осаждающих» столицу. С французами отказывались торговать, продовольствия им не давали. Подмосковные крестьяне жгли дома и собранный хлеб; народ смотрел на приход французов, как на новое нашествие татар. Вокруг Москвы бушевала народная война. Французская армия разлагалась.

Будучи в Москве, Наполеон трижды предлагал императору Александру начать переговоры о мире. Но ни одно обращение Наполеона не получило ответа. В данном случае правительство своим молчанием выражало волю народа — не заключать мира с захватившим столицу врагом, продолжать с ним борьбу до конца. Именно в Москве и произошёл коренной перелом войны: наполеоновское наступление сменилось отступлением. Таков был результат стратегической мудрости Кутузова и героизма народа.

Наполеон пробыл в Москве 35 дней. 6 (18) октября он начал отступление из Москвы. Отступая, он приказал взорвать Кремль, и лишь патриоты, гасившие фитили (дождь пришёл к ним на помощь), спасли от разрушения замечательные здания и памятники искусства. Но всё же пострадали стены, башни и ряд зданий Кремля; пожар повредил и Грановитую палату.

Наполеоновская армия отступала с огромнейшим обозом награбленного добра. Численность армии уже не была прежней; из Москвы отступала армия численностью в 110 тыс. человек. Боевые потери, болезни, урон от партизанской войны, оставление гарнизонов в занятых местностях — всё это страшно ослабило армию Наполеона. Дисциплина была расшатана грабежами, мародёрством, голодом, а более всего явной неудачей трудного похода.

Обходный манёвр Кутузова. Между тем Кутузов сосредоточил все свои силы на подготовке контрнаступления. Он подтягивал к армии новые пополнения, заботился о её боевой готовности, копил боеприпасы. Он гениально предугадал дальнейшие планы врага, решив сосредоточить русские военные силы на защите подступов к русскому югу. Кутузов умело обманул Наполеона, сбив его с толку видимостью отступления русской армии по Рязанской дороге, — это был лишь манёвр; далее Кутузов незаметно для врага резко повернул к югу и, выйдя на старую Калужскую дорогу, стал двигаться к Красной Пахре. Этот знаменитый обходный марш-манёвр имел огромное значение: на Калужской дороге находилось немало военных и продовольственных запасов; манёвр Кутузова воспрепятствовал Наполеону ими воспользоваться и не дал ему

пробиться к югу, на Украину. Кроме того, манёвр этот дал возможность Кутузову стать во фланг Наполеону и обеспечил возможность фланговых ударов.

Ещё до отступления Наполеона произошло сражение около села Тарутина, кончившееся победой русских. Кавалерия Мюрата потеряла около 3 тыс. человек и вынуждена была отступить, оставив в руках русских войск знамя, 36 пушек и 50 зарядных ящиков. Но, сберегая силы русской армии для дальнейшего контрнаступления, Кутузов запретил немедленное преследование неприятеля после Тарутина; русские войска начали планомерное параллельное продвижение вдоль пути отступления Наполеона. Ни на минуту не выпуская врага из виду, Кутузов тревожил его нападениями, уничтожал его силы. Наполеон попытался было свернуть к югу, но Кутузов поспешил направить войска ему наперерез, к Малоярославцу. 12 (24) октября состоялось знаменитое сражение под Малоярославцем — первое сражение, данное Наполеону после его выхода из Москвы. Город восемь раз переходил из рук в руки, был подожжён и, наконец, оставлен русскими войсками. Однако Наполеон воочию убедился в сохранении боеспособности русской армии и в её прекрасном моральном состоянии. Маршал Бессьер на военном совете после сражения высказался против наступления: «Разве мы не видели вчерашнего поля битвы, разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооружённые, едва одетые, шли там на смерть?» Наполеону пришлось отступать по разорённой Смоленской дороге.

Развитие партизанской войны. Крестьяне многочисленных деревень, подвергшихся нападению французской армии, с самого начала войны вели борьбу с наступавшим врагом. Помещики, как правило, покидали имения и бежали перед лицом врага, крестьяне же вступали с ним в борьбу. Начали эту борьбу ещё крестьяне Белоруссии; широко развернуло её крестьянство коренных русских местностей. Движение усилилось после сдачи Смоленска и стало ещё более грозным после Бородина. Захват Москвы возбудил взрыв народного гнева и вызвал новый прилив энергии. В народе сетовали на сдачу столицы; все были решительно против заключения мира; крестьяне, как они сами говорили, готовы были «своими телами задавить супостата». После отступления из Москвы широко развернулось партизанское движение. Кутузов был организатором партизанского движения и оказывал ему огромную помощь: он выделял военных руководителей для крестьянских отрядов и переводил на партизанское положение военные отряды регулярной армии, следил за успехами партизан, снабжал их оружием. Кутузов включил сведения о партизанских действиях в военные сводки, сообщаемые населению.

Ближайшую инициативу в деле организации партизанского движения взял на себя адъютант Багратиона подполковник Денис Давыдов (известный поэт). Ещё за несколько дней до Бородина он предложил Багратиону, а через него Кутузову организовать партизанские налёты на широко растянутый фронт неприятеля. Кутузов согласился с его предложением. Партизанские отряды под руководством Платова, Фигнера, Дорохова, Кудашева, Вадбольского, Сеславина нападали на неприятельские войска. Отважный Сеславин несколько раз ездил на разведку в неприятельский стан во французском мундире и возвращался невредимым.

Инициатива партизанского движения шла также и от самого крестьянства. Так, например, солдат драгунского полка Ермолай Четвертаков, бежав из французского плена, вернулся в свою деревню (около Гжатска) и организовал здесь маленький отряд из 47 крестьян. После первых удачных нападений на французов соседняя деревня выделила Четвертакову ещё 253 партизан, а в дальнейшем к нему присоединились ещё 4 тыс. человек. Отряд Четвертакова оказал большую помощь действующей армии и отстоял от грабежа большую территорию около Гжатска. Особенно широкий размах партизанское движение получило с октября.

Отличился отряд партизана Герасима Курина из села Павлова, близ города Богородска. Курин действовал в Богородском уезде Московской губернии, стоял во главе 5-тысячного отряда, вооружённого снятым с убитых французов оружием. Под его предводительством, кроме того, было 500 всадников. В октябре он провёл бой с французскими кавалерийскими отрядами и обратил их в бегство. Легендарная предводительница партизанского отряда старостиха Василиса Кожина действовала в Смоленской губернии, лично брала в плен французов и немало их перебила. Крестьянки вообще принимали активное участие в партизанской войне.

Березинская переправа. Конец войны. Преследуемый по пятам наступающими русскими войсками, истощаемый партизанскими нападениями, Наполеон продвигался к западу. Силы его таяли. Надежды на огромные запасы продовольствия, якобы сосредоточенные в Смоленске, не оправдались. Французы ели ворон, павших лошадей, подчас и людские трупы. Позже Наполеон пытался приписать «стихиям», в частности морозам, своё поражение в войне 1812 г. Это положение усвоила от него французская историография, повлиявшая и на некоторых русских историков дворянской России. Эта точка зрения является ложной. Героизм русской армии, народный характер войны и выдающееся военное мастерство Кутузова были причинами поражения Наполеона. Природные условия

вообще не могут иметь ни в какой войне решающего значения. Своими «объяснениями» Наполеон лишь стремился прикрыть истинную причину поражения.

13 (25) ноября остатки наполеоновской армии подошли к Березине. Части русских войск под командой Витгенштейна и Чичагова должны были захватить их при переправе. Но Наполеон обманул Чичагова притворным манёвром, сделав вид, что переправляется у другого места, и этим отвлёк его от истинного места переправы у Студянки. Витгенштейн, введённый в заблуждение этим манёвром, запоздал прибытием. Переправа шла с 14 (26) ноября до ночи на 16 (28). Раненых, а также семьи иностранцев, примкнувших к отступающим, переправить не успели, они погибли в водах реки; мосты были сожжены. То, что осталось у Наполеона после переправы, уже нельзя было назвать армией. Дорога к границе была усеяна трупами; от «великой» армии едва уцелело около 30 тыс. человек. В ночь на 6 декабря Наполеон тайно, без охраны, уехал в Париж для формирования новой армии. В конце декабря остатки его войск перешли русскую границу. 25 декабря (6 января) Александром I был издан манифест об окончании Отечественной войны.

Классики марксизма-ленинизма о войне 1812 г. и о военном искусстве М. И. Кутузова. Отечественная война против Наполеона имела своей целью защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения и была справедливой войной. Русское государство было давно сложившимся, крупным и жизнеспособным государством, перед которым лежал свой, самостоятельный путь развития. Русский народ сумел дать отпор попытке национального порабощения и отстоять свою независимость.

Ленин неоднократно указывал на захватнический характер наполеоновских войн, породивших *«в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона» [1]. Указывая на значение Отечественной войны 1812 г., Ленин писал, что «с 1812 г. начинается упадок военного могущества Н[аполео]на I» [2].

Во время Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии руководители партии и правительства неоднократно напоминали о большом историческом значении Отечественной войны 1812 года. «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков ..» [3], — говорил товарищ Сталин в речи на Красной пло-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 295.

[2] «Ленинский сборник» XI, стр. 50.

[3] *И. В. Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, М. 1948, стр. 40.

щади 7 ноября 1941 г., упоминая в ряду исторических имён имя Михаила Кутузова.

Товарищ Сталин указал, что Кутузов был мастером труднейшей формы военного искусства — контрнаступления (не смешивать с контратакой). «Я говорю, — писал товарищ Сталин, — о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления... Ещё старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска в глубь своей страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом также наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления» [1].

Ф. Энгельс, пользовавшийся в качестве первоисточника пристрастными и неточными воспоминаниями Толя, недооценил военное искусство Кутузова и Бородинское сражение. Товарищ Сталин пишет: «Нельзя двигаться вперёд и двигать вперёд науку без того, чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторитетов. Это относится не только к авторитетам военного дела, но и к классикам марксизма. Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая-де-Толли» [2].

Историография войны 1812 г. Дворянско-буржуазные историки оставили ряд объёмистых работ, посвящённых войне 1812 г. (Михайловский-Данилевский, генерал Богданович и др.) В них преобладает внешнее описание военных событий; в их основе лежит ложная, официальная концепция, превозносившая не существовавшее в действительности «единение народа с царём», утверждавшая, что классовые антагонизмы во время войны уничтожились и что все сословия «слились» в едином порыве Отношение народа к войне трактовалось как казённо-официальная «преданность» самодержавию; истинные цели народа в войне, непрекращавшаяся классовая борьба, народные силы, завоевавшие победу,— всё это оставалось нераскрытым или было нарочито затушёвано. Обильный фактический материал этих работ далеко не всегда точен (Михайловского-Данилевского даже современники называли «первым после Крылова русским баснописцем»). Низкопоклонство русских дворянско-буржуазных историков перед западно-

---

[1] Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина («Большевик» № 3 за 1947 г., стр. 8).

[2] Там же, стр. 7—8.

европейской историографией сказалось в усвоении ими «пронаполеоновской» точки зрения. Военные события 1812 г. и особенно отдельные крупные сражения трактовались в духе «французской» концепции, всячески восхвалялся гений Наполеона, принижалась или даже вовсе отрицалась роль Кутузова, Бородино объявлялось безоговорочной «победой» Наполеона и т. д. Семитомное юбилейное издание «Отечественная война и русское общество» (1912 г.) носило на себе яркий отпечаток той же концепции: превозносилось владычество «культурных» французов в захваченных областях, восторженно характеризовался наполеоновский «муниципалитет» в Москве и т. д. Положительным моментом явился выход в свет многотомных документальных изданий Военно-учёного архива Главного штаба (21 том) и «Бумаг, относящихся до Отечественной войны 1812 года, собранных и изданных П. И. Щукиным» (10 томов), однако научному исследованию этот материал не подвергался.

М. Н. Покровский и его школа оставили без внимания указания классиков марксизма на захватнический, порабощающий характер наполеоновских войн и дали в корне ложную оценку войны 1812 г. Покровский отрицал национальный характер войны и название «Отечественная» брал в пренебрежительные кавычки. По его мнению, война 1812 г. велась исключительно в интересах крупного дворянства, а патриотизм народа проистекал из желания защитить от французов своих кур и гусей. Вопрос о виновниках войны Покровский считал «совершенно праздным» и доказывал, что Наполеон вынужден был напасть на Россию в интересах собственного самосохранения. Пожар Москвы Покровский рассматривал не как проявление народной борьбы, а как результат деятельности царской полиции, которая-де по приказу генерал-губернатора Растопчина «сожгла город». Резко принижал Покровский и значение народных героев, в том числе Кутузова; он начисто отрицал за ним руководство военными действиями и полагал, что «события развивались совершенно стихийным путём». Ложная концепция Покровского решительно не соответствует фактам и находится в резком противоречии с положениями марксизма-ленинизма.

Значительную работу над изучением Отечественной войны 1812 г. начали советские историки. Освещение основных проблемных вопросов 1812 г. в руководящих указаниях Ленина и Сталина сыграло тут решающую роль. Начаты серьёзные архивные изыскания, издания документальных материалов. Вышли многочисленные популярные работы, посвящённые ходу войны, её отдельным операциям, особенно Кутузову (Н. М. Коробков, М. Г. Брагин и др.), имеются и ценные обобщающие работы о войне в целом (академик Е. В. Тарле); готовится монументальное издание документов о великом полководце.

Начало кампании 1813—1814 гг. Союз России с Пруссией, Англией и Австрией. 1 (13) января 1813 г. русская армия перешла Неман, вступила в герцогство Варшавское и двинулась дальше на запад. Началась новая кампания 1813—1814 гг.

Русские войска перешли границу под главнокомандованием Кутузова. Кутузов, повидимому, разработал свой стратегический план, завершавший контрнаступление, который строился на активном участии в борьбе с Наполеоном всех заинтересованных государств. Но великий полководец недолго пробыл во главе армии — его здоровье резко ухудшилось. Весной 1813 г. он простудился, заболел и скончался в Бунцлау 16 (28) апреля.

Поражение Наполеона в войне 1812 г. коренным образом изменило международную обстановку в Европе. Прусское правительство первое поняло выгоду разрыва с Наполеоном и союза с Россией; в Пруссии нарастало национально-освободительное движение против ига Наполеона, угрожавшее королевской власти в случае её сопротивления. Борьба прусского народа за освобождение от иноземного угнетения, за продвижение страны вперёд и уничтожение феодальных пережитков была прогрессивной национальной борьбой. Но не такое освобождение было целью войны европейских абсолютистских правительств против Наполеона — они боролись за восстановление старого феодально-крепостного угнетения. Высоко оценивая самоотверженную борьбу народа Пруссии против ига Наполеона, Ленин одновременно характеризовал походы союзных монархических государств в 1813—1814 гг. как *разбойничьи* и *захватнические*. Ленин писал, что через несколько лет после Тильзита Пруссия оправилась и «в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну, свергла иго Наполеона» [1]. Боясь потерять в этой напряжённой обстановке власть, прусский король Фридрих-Вильгельм III начал тайные переговоры с Александром I. 16 (28) февраля 1813 г. в Калише был заключён союзный договор между Россией и Пруссией о военных действиях против Наполеона, согласно которому Пруссия после войны должна была быть восстановлена в границах 1805 г. Заключив Калишский договор, Фридрих-Вильгельм III прервал сношения с Наполеоном и издал приказ о созыве ландвера (ополчения).

После смерти Кутузова во главе командования союзных русских и прусских войск стал русский фельдмаршал граф Витгенштейн, весьма слабый и неспособный военачальник. Наполеон успел тем временем сформировать новую армию в 200 тыс. человек. Русско-прусская коалиция могла выставить против Наполеона более значительные силы — 220-тысячную армию. 20 апреля (2 мая) 1813 г. Наполеон одержал в упорном и кровопролитном бою над русско-прусской коалицией победу при Люцене; союзники потеряли 20 тыс. человек и отступили. 8 (20) мая произошло сражение при Бауцене, упорное и очень тяжёлое, но не давшее бесспорных результатов ни одной из сторон. Плесвицкое перемирие летом 1813 г. приостановило военные действия и дало России и Пруссии возможность подкрепить армию свежими силами. 2 (14) июня 1813 г. в Рейхенбахе был заключён договор с

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. XXII, изд. 3, стр. 287.

Англией о субсидиях: Англия согласилась давать России ежемесячно 33 млн., а Пруссии — 17 млн. фунтов стерлингов

В то же время было подготовлено присоединение к союзникам Австрии. Для вида государственный канцлер и руководитель австрийской внешней политики Меттерних выступил «посредником» между воюющими сторонами и начал с Наполеоном переговоры о мире. Но Наполеон не проявил желания прекратить военные действия. «Сколько вас, союзников? Четверо, пятеро, шестеро, двадцать? чем больше вас, тем я спокойнее. Я принимаю вызов. Могу вас уверить, что в будущем октябре мы увидимся в Вене», — сказал Наполеон при свидании с Меттернихом. Наполеон понимал, что упрочение его положения в Европе неразрывно связано с военными победами, уступать ранее завоёванные территории он не был намерен. «Ваши повелители, рождённые на тронах, могут двадцать раз разрешить себе быть битыми и всё же вернуться в свои столицы. Я же не могу этого, потому что я солдат, «выскочка». Моя власть не переживёт дня, когда я перестану быть сильным и, следовательно, возбуждающим страх», — говорил он Меттерниху при свидании. Правда, он для вида согласился на созыв конгресса в Праге по вопросу о заключении мира, но конгресс этот был и для союзных держав лишь способом получить передышку в военных действиях. 12 августа (н. ст.), когда установленный срок для конгресса уже истёк, Меттерних заявил, что мирные переговоры невозможны и что Австрия присоединилась к коалиции. Силы союзников теперь резко превысили силы Наполеона. Кроме России, Пруссии и Австрии в коалицию вошла и Швеция. Союзники, фактически возглавляемые Англией, насчитывали свыше 1 млн. человек, наполеоновская же армия — 550 тыс. человек.

Союзным главнокомандующим был назначен австрийский фельдмаршал Шварценберг. Александр I решил принять меры, чтобы обеспечить за собой ускользавшую из рук русского военного командования первенствующую роль, и, не рассчитывая на свои военные «таланты» (их у него и не было), выписал из Америки изменившего Наполеону и ставшего его злейшим врагом талантливого полководца Моро, который должен был состоять при Александре I и руководить военными действиями.

15 (27) августа 1813 г. Наполеон одержал над союзниками крупнейшую победу при Дрездене. В разгаре сражения ядром французской артиллерии генералу Моро раздробило обе ноги, и он скончался через несколько дней. Намерение Александра удержать за собой военное руководство не осуществилось. 28 августа (9 сентября) 1813 г. в Теплице был заключён договор между Россией, Пруссией и Австрией, согласно кото-

рому предполагалось лишить Францию всех наполеоновских завоеваний и свести к старым границам 1792 г., а Пруссию и Австрию восстановить в прежних границах, т. е. вернуть им все отвоёванные Наполеоном территории, Рейнский союз упразднить, герцогство Варшавское разделить между союзными державами. Таким образом, уже в Теплице был запроектирован новый раздел Польши. 3 октября к Теплицкому договору примкнула Англия.

Лейпцигское сражение. Французская кампания. Взятие Парижа. Генеральной битвой кампании 1813 г. явилось грандиозное сражение при Лейпциге 16—18 октября (н. ст.) 1813 г. Оно длилось три дня и получило название «битвы народов» (со стороны союзников сражались русские, прусские, австрийские, шведские войска; со стороны Наполеона — французские, польские, голландские, бельгийские, итальянские и др.). В нём участвовало около 500 тыс. человек. На третий день этой битвы Наполеону в разгар сражения изменила вся саксонская армия, повернувшая свои пушки в сторону французских войск. Лейпцигская битва была проиграна Наполеоном. Непосредственным следствием битвы явился распад Рейнского союза, что оказалось чрезвычайно выгодным для Австрии и Пруссии. Отдельные германские королевства стали заключать договоры с Австрией, обусловливая свою относительную самостоятельность, и таким образом оформлять своё отпадение от Наполеона. В Италии Наполеону изменил неаполитанский король — его бывший маршал Мюрат. Рухнуло Вестфальское королевство; его король, брат Наполеона Жером, бежал из столицы. Таким образом, Франция потеряла значительную часть своих завоеваний и была почти сведена к старым границам. Дальнейшая война велась уже на французской территории.

17 февраля (1 марта) 1814 г. в Шомоне был подписан договор об оборонительном и наступательном союзе против Франции между Россией, Англией, Австрией и Пруссией. Державы возобновили прежде заключённые союзные трактаты, отвергли возможность каких-либо сепаратных переговоров с Наполеоном и согласились выступать в неразрывном союзе против Франции с целью довести борьбу с Наполеоном до конца. Англия обязалась дать союзникам субсидию в 5 млн. фунтов стерлингов. Секретные статьи Шомонского договора в основном установили будущие границы держав при предстоящем дележе Европы.

Тем временем изменивший Наполеону бывший французский министр иностранных дел Талейран вступил в тайные переговоры с Александром I и союзниками, сообщил им о растерянности, царившей в Париже, и о возможности кончить

войну быстрым продвижением на столицу Франции. В то же время русские казаки перехватили курьера из Парижа с адресованными Наполеону сообщениями императрицы Марии-Луизы и министра полиции Савари; содержание писем подтверждало информацию, полученную от Талейрана. Александр I настоял на необходимости движения к Парижу. 18 (30) марта 1814 г. Париж капитулировал, и союзные войска с Александром I во главе торжественно вступили во французскую столицу. 30 мая (н. ст.) был подписан Парижский мирный договор.

В основе военного успеха союзников, действовавших против Наполеона, лежало народное движение, направленное против Наполеона как поработителя давно сложившихся, жизнеспособных и самостоятельных национальных государств. Наполеон тормозил развитие порабощённых стран, заставляя их подчиняться интересам буржуазной Франции, служить её колониальным придатком. Однако цели народов, боровшихся против поработителя, и цели их реакционных правительств, возглавлявших борьбу, не только не совпадали, но были явно противоположны: правительства России, Пруссии, Австрии, равно как и правительство Англии, боролись за консервацию *старого*, отжившего абсолютистского строя, за старые, феодально-крепостнические отношения. Народы же восставали против поработителя Наполеона во имя *нового*, во имя того, чтобы после победы начать на своей родине новую жизнь, свободную от феодального гнёта. Во время военных действий различие целей борьбы ещё было не столь очевидно, оно как бы таилось внутри событий, тем более что реакционные правительства охотно прибегали к демагогическим фразам и взывали к народам во имя «свободы», которой они боялись, и «независимости», которую они понимали на свой, реакционный лад. Это различие явственно обнаружилось позже, во время подготовки мирного договора на Венском конгрессе и в ходе последующих событий. Оно оказалось исходным моментом последующего революционного движения 1820-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* О брошюре Юниуса. Сочинения. Изд. 4. Т. 22. С. 295. — *Ленин В. И.* Заметки из истории войн Наполеона I с Германией. «Ленинский сборник» XI. С. 49—51. — *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М. 1948. С. 9—17, 37—40. — *Сталин И. В.* Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина. «Большевик». 1947. № 3, с. 4—8. — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] 1946. С. 161.

II. Документальные материалы. Пособия. Отечественная война 1812 года. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. I—XXI. Спб. 1900—1914 Отдел II. Бумаги, отбитые у противника. Т. I. Спб. 1903. XXXVIII, 336, XXV с. (Материалы Военно-учёного архива Главного штаба). — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 1—10. М 1897—1908.— Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Под ред. К. Военского. Т. I—III. Спб. 1909—1912 (Сборник Русского исторического общества. Т. 128, 133, 139). — *Глинка С.* Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. Спб. 1836. XIV, 360 с. — *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). Спб. 1882. XXIII, 691 с.— *Ермолов А. П.* Записки Алексея Петровича Ермолова. Материалы для истории войны 1812 года. М. 1863. 300, 117 с — *Барклай де Толли.* Изображение военных действий 1812-го года. Спб. 1912. 107 с.—Изгнание Наполеона из Москвы. Сборник. М. 1938. XXIII, 380 с — Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. [Под ред. Н М. Коробкова]. М. 1947. 331 с. (Главное архивное управление МВД СССР). — Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. [Под ред. С. Н. Голубова и Ф. Е. Кузнецова]. М. 1945. 280 с. (Главное архивное управление НКВД СССР). — Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. Под ред. Е. В. Тарле. Л. — М. 1941. XXVII, 199 с. (Академия наук СССР. Ленинградское отделение Института истории).—История дипломатии. Т I. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941. С. 360—334. — *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Изд. 2, испр. и доп. М. 1943. 364 с. — *Пичета В. И.* М. Н. Покровский о войне 1812 года. В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей Ч. I. М.—Л. 1939. С. 276—302. — Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. «Правда». 1945. № 222. 16 сентября, с. 2—3. То же: «Большевик». 1945. № 16, с. 13—30 — *Андреев П. Г.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск 1940. 190 с. — *Готовцев А.* Полководческий путь М. И. Кутузова. «Военная мысль». 1945, № 10—11, с. 93—106; № 12, с 59—81. — *Коробков Н М.* Военное искусство Кутузова «Вопросы истории», 1945. № 3—4, с 3—33. — *Ярославцев А.* Стратегия Кутузова в войне 1812 года. «Военная мысль». 1945. № 9, с. 26—42 —*Рожков П.* Параллельное преследование наполеоновской армии Кутузовым. «Военная мысль» 1946. № 8, с. 55—73.—*Коробков Н. М.* Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 году. «Военная мысль». 1945 № 6—7, с. 111—129.— *Гарнич Н. Ф.* Бородинское сражение. М. 1949. 31 с.

Глава V

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1814—1825 гг. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ. АРАКЧЕЕВЩИНА

Низложение Наполеона и реставрация Бурбонов. Реакционный характер победившей коалиции сказался с первых же шагов её вступления в Париж. Первым крупным политическим актом союзников была реставрация Бурбонов. Александр I несколько колебался в этом вопросе; нашедшие себе прибежище, а также материальную и политическую поддержку в Англии Бурбоны являлись английскими ставленниками на французском престоле, а это было невыгодно для России. Александр I поэтому склонялся больше к кандидатуре шведского наследного принца Бернадотта и проявлял готовность даже отстаивать пасынка Наполеона Евгения Богарнэ. В конце концов Англия отстояла своих ставленников, и Бурбоны восторжествовали. Союзные монархи издали декларацию о своём отказе вести переговоры с Наполеоном; по их предложению и под их давлением Сенат и Законодательный корпус объявили Наполеона низложенным. Наполеон подписал отречение от престола и 28 апреля (н. ст.) 1814 г. был отправлен на остров Эльбу. 3 мая (н. ст.) в Париж въехал Людовик XVIII.

Опасаясь народных волнений, союзники настояли, чтобы Людовик XVIII вернулся во Францию в качестве конституционного короля, а не абсолютного монарха. На этой точке зрения стоял даже Меттерних. «Возврат к так называемому «старому режиму» был невозможен», — писал Меттерних в своих мемуарах. И Александр и Меттерних боялись вызвать чрезмерно резкими реакционными действиями новый революционный взрыв во Франции, который свёл бы на-нет все результаты длительной войны и затруднил бы делёж посленаполеоновского наследства.

Венский конгресс. Согласно Шомонскому договору, было решено созвать в Вене всеевропейский конгресс держав по вопросу о переделе Европы. Венский конгресс явился исходным пунктом европейской реакции первой половины XIX в. Отстаивавший самостоятельные политические права Франции Талейран умело формулировал на конгрессе реакционный

принцип «легитимизма» (законности), утверждавший необходимость возвращения на престолы свергнутых революцией династий и восстановления старых королевств.

«Священный принцип легитимизма» был принят реакционными державами. Венский конгресс ознаменовал торжество реакционной Европы над революционным движением. Ленин указывал на то, что французские революционные республиканцы «погибли под ударами объединенных полчищ всего мира, которые сломили французских революционеров, восстановили легитимного, законного монарха во Франции... восстановили помещиков и на долгие десятилетия задушили всякое революционное движение во Франции» [1].

Внешне Венский конгресс явился одним из самых «блестящих» съездов европейских властителей. На нём присутствовали два императора — русский и австрийский, четыре короля — прусский, датский, вюртембергский и баварский, представитель французского королевства и огромное количество мелких европейских владетелей; особенно многочисленны были немецкие князья и герцоги, поспешившие в Вену для униженных поисков покровительства сильных держав в надежде получить кусочек получше при предстоящем дележе. Всех представителей держав было более 200, но дела решал «комитет четырёх» — Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Председатель конгресса австрийский канцлер Меттерних, которому ещё Наполеон прочил блестящую политическую карьеру, потому что он «хорошо лжёт», и Талейран, хитрейший представитель Франции, много раз менявший своё политическое лицо, имели большое влияние на конгрессе. Англию представлял герцог Веллингтон, Россию — Разумовский и граф Нессельроде, Пруссию — князь Гарденберг. Празднества, балы, приёмы сменяли друг друга. Этот «танцующий конгресс» обошёлся австрийскому правительству в 30 млн. гульденов. Но дела конгресса стояли на месте. «Конгресс танцует, но не движется», — острил принц де Линь.

Польский вопрос на Венском конгрессе и позиция Александра I. За пышной внешностью конгресса скрывались непримиримые противоречия держав. В предстоящем переделе Европы интересы России, Пруссии, Австрии и Англии сталкивались между собой. Основной причиной раздоров явился польский вопрос. Александр I и русская дипломатия выдвинули проект присоединения к России герцогства Варшавского, — таким образом, Александр I сосредоточил бы в своих руках все польские земли, что усилило бы военную безопасность русской границы: до сих пор самая опасная из её границ —

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 304.

западная — была сильно уязвима из-за наличия около неё герцогства Варшавского, образованного Наполеоном в 1807 г. в качестве плацдарма для нападения на Россию. Но сосредоточение в руках Александра I всей польской территории наталкивалось на интересы Австрии и Пруссии. Добавочное усиление мощного восточного соседа вообще мало им улыбалось; Пруссия в случае присоединения Польши к России оказалась бы непосредственной соседкой последней, присоединение Польши к России было бы связано с отторжением обширной территории, полученной Пруссией по польским разделам в конце XVIII в. Равным образом и те части Польши, которые по разделам отошли к Австрии (Галиция), должны были бы, согласно этому плану, оказаться во владении России. Поэтому для осуществления своего плана Александр I предлагал следующую комбинацию: в порядке компенсации за утрачиваемые территории Пруссия должна была бы получить Саксонию, король которой считался изменником за свою прежнюю верность Наполеону и должен был в наказание лишиться королевства. Пруссия теряла бы, таким образом, территорию, в основном населённую поляками, а приобретала бы земли с немецким населением. Реальность этого плана усиливалась для русской дипломатии тем обстоятельством, что Саксония была в тот момент оккупирована русскими войсками и ею от имени союзников управлял русский генерал князь Репнин. Австрии было нежелательно усиление России и Пруссии, но Александр I надеялся ублаготворить её за утрачиваемые польские территории итальянскими землями. Однако Австрия и без всякого содействия России рассчитывала на получение этих земель: на это соглашалась Англия, и, кроме того, эти владения всё равно считались «вакантными», ибо Мюрат как неаполитанский король был несуществующей величиной для держав-победительниц.

Англия не возражала и против присоединения Саксонии к Пруссии: «уравновесить» Россию усилившейся Пруссией входило в её расчёты. Но она была решительной противницей присоединения Польши к России, так как это усилило бы военную мощь последней и затруднило бы решение проблемы «политического равновесия» в Европе в пользу Англии. Перед этим резким столкновением интересов держав по польскому вопросу отступали на второй план другие разногласия. Положение стало столь острым, что в воздухе запахло войной. Александр прямо говорил Талейрану ещё до открытия конгресса: «Я скорее предпочту войну, чем откажусь от областей, которые я занимаю». Не дожидаясь решений конгресса, 10 ноября 1814 г. Александр приказал Репнину «уступить» Саксонию прусским оккупационным войскам.

Русские войска занимали также великое герцогство Варшавское. Брат Александра I Константин издал прокламацию к полякам, обещая им конституционное устройство, призывая сплотиться под «старыми польскими знамёнами» и вооружиться для «защиты своего существования». Александр даже намекнул, что готов в случае нужды воспользоваться и Наполеоном: «Что ж, если меня к тому принудят, то можно будет спустить на них с цепи чудовище». В этой обстановке 3 января (н. ст.) 1815 г. был заключён тайный военный союз между Австрией, Англией и Францией против Пруссии и России. Новая европейская война из-за Польши и Саксонии стояла у порога.

«Сто дней» Наполеона, его окончательное низложение и вторичная реставрация Бурбонов. Новую европейскую войну предотвратило неожиданное событие, как громом потрясшее Венский конгресс: в ночь на 7 марта 1815 г. Меттерних получил сообщение, что Наполеон покинул Эльбу и высадился на берегах Франции. «Чудовище» стало действовать самостоятельно.

Начались знаменитые «Сто дней» Наполеона. Это событие сильно видоизменило международную ситуацию. Людовик XVIII бежал из Парижа столь поспешно, что забыл захватить текст тайного договора держав против России от 3 января. Наполеон нашёл договор на столе во дворце и переслал его Александру, но тот воспользовался им единственно для упрочения своего положения среди союзников: он «великодушно» его уничтожил, доведя об этом до сведения последних.

В марте 1815 г. державы Венского конгресса объявили Наполеона вне закона. 18 июня (н. ст.) произошла решающая битва при Ватерлоо, недалеко от Брюсселя. Союзные войска под командой английского фельдмаршала Веллингтона и прусского фельдмаршала Блюхера окончательно разбили Наполеона. Наполеоновская армия была уничтожена.

21 июля (2 августа) 1815 г. в Париже состоялось подписание конвенции между Россией и Англией о содержании под стражей Наполеона, объявленного общим пленником Англии, России, Австрии, Пруссии. Наполеон был сослан на остров св. Елены, а Бурбоны — вторично восстановлены на престоле. Союзники оккупировали Францию на пять лет; стоимость содержания 150 тыс. оккупационных войск легла на Францию.

Заключительный акт Венского конгресса. «Сто дней» Наполеона содействовали восстановлению согласия на Венском конгрессе. 28 мая (9 июня) 1815 г., ещё до битвы при Ватерлоо, Россия в числе других держав подписала заключительный акт конгресса. Согласно этому акту, Франция была сведена к границам 1792 г., Англия прочно обосновалась на Средиземном море — получила Мальту и Ионические острова, —

а также укрепила и свою колониальную мощь, захватив голландские колонии (Цейлон, Гвиану); в «возмещение» нанесённого Голландии ущерба, вопреки всем национальным принципам, к ней была насильственно присоединена Бельгия. При поддержке России значительно усилилась Пруссия: она получила две пятых саксонской территории, Рейнскую провинцию и Померанию. Российской империи досталась львиная доля бывшего герцогства Варшавского, присоединённого к ней под названием «Царства Польского». Россия закрепила за собой Финляндию и Бессарабию. Австрия за потерю Бельгии была «компенсирована» землями в Северной Италии — Венецией, Ломбардией, возвратом Иллирийских провинций. Швеция была «компенсирована» Норвегией, отнятой у Дании как союзницы Наполеона.

На основе принципов «легитимизма» Венский конгресс восстановил на престолах свергнутые династии: во Франции, Испании и королевстве Обеих Сицилий были восстановлены Бурбоны, в Пьемонте — Савойская династия, в Германии — многочисленные мелкие владетели, в Римской области — власть римского папы. Германия осталась раздроблённой: 38 германских государств составили, по постановлению Венского конгресса, «Германский союз» под главенством Австрии.

Постановления Венского конгресса находились в резком и непримиримом противоречии с национально-революционным движением европейских стран. Все демагогические обещания, данные монархами народам Европы во время борьбы с Наполеоном, были нарушены самым вопиющим образом. Под ярмом реакции, наложенным на Европу, собирало силы европейское революционное движение. Его рост замечался во всех странах, подвергнувшихся реставрации. Нарастало движение против Бурбонов во Франции. В Италии действовали революционные организации карбонариев — «угольщиков», — так называли себя члены революционных организаций, боровшихся против деспотизма и чужеземного порабощения, за национальное воссоединение Италии (они находили убежище в горах Калабрии, у угольщиков, — отсюда их название). В Испании революционное брожение значительно усилилось; в Пруссии развивались тайные общества. Волна недовольства нарастала и в России. Солдаты, побывавшие за границей, жаловались на тиранство помещиков, офицерство явно было заражено «вольным духом». В 1816 г. возникло тайное общество будущих декабристов.

Очередной задачей реакционной коалиции держав стала задача борьбы с революционным движением. Эту борьбу возглавил Александр I. После победы над Наполеоном, вступления русских войск в Париж и Венского конгресса роль

царской России в концерте европейских держав чрезвычайно возросла: ее международное значение стояло так высоко, как никогда до тех пор. Эту роль Александр I не замедлил использовать для усиления значения России как международного жандарма.

Организация Священного союза. В 1815 г. Александр I выступил с идеей организации так называемого «Священного союза», который должен был постепенно объединить все реакционные державы для борьбы с революционным движением. Это был союз царей против народов и революций. Акт Священного союза был подписан 14 (26) сентября Александром I, Фридрихом-Вильгельмом III — королём Пруссии, и Францем — австрийским императором. Три страны, поделившие в XVIII в. Польшу, были связаны взаимными интересами и после Венского конгресса. Делёж Польши был, по словам Энгельса, «связующим цементом» для Священного союза [1].

Англия не только всецело поддержала общую реакционную политику Священного союза, но нередко являлась инициатором его реакционных мероприятий. К акту Священного союза присоединился в том же 1815 г. король Франции Людовик XVIII, в 1816 г. — короли нидерландский, шведский, испанский, сардинский, неаполитанский, датский и португальский, а в 1817 г. — Швейцарский союз. В течение 1816 и 1817 гг. к акту примкнули немецкие короли и многочисленные князья. Маркс писал, что Священный союз был «лишь маской гегемонии царя над всеми правительствами Европы» [2].

Реакционная идеология Священного союза. Священный союз явился силой, которая помогла организоваться европейской реакции Все контрреволюционное дворянство и духовенство, когда-то вышвырнутое вон революцией, теперь торжествовало победу. Реакционные общественные круги Европы, спешившие объединиться для совместных действий, представляли собой общественную среду, которая поддерживала политику Священного союза Французский писатель граф Жозеф де Местр — крайний монархист и ярый ненавистник революции — явился одним из идеологов нараставшей дворянско-клерикальной реакции. Воспитанник иезуитов, он покинул свою родину — Савойю — после её присоединения к революционной Франции и в течение 16 лет жил в Петербурге в качестве «посланника» от лишённого владений сардинского короля. Крупнейшие реакционные произведения Жозефа де Местра — трактаты «О папе», «О галликанской церкви», «Санктпетербургские вечера» и др. — написаны в Петербурге. Жозеф де Местр объявил войну французской просветительной философии и вообще всем революционным идеям и теориям. Он говорил о «сатаническом» характере революции, был ярым легитимистом, защищал инквизицию и смертную казнь, воспевал «нравственное значение» палача, превозносил средневековый сословный строй, объявлял лживой выдумкой участие народа в управлении, а всякую

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 172.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 548.

конституцию — «лоскутком бумаги», восхвалял абсолютную власть «священного помазанника бога» — монарха. Власть над всем христианским миром, по его мнению, должна быть сосредоточена в руках римского папы. Его проповедь имела большое влияние на русскую реакционную крепостническую знать и реакционную литературу. Жозеф де Местр составил «Записку о народном образовании в России», в которой предлагал ни в коем случае не распространять образования «в низших слоях народа». Естественные науки он считал вредными, преподавание истории — подлежащим запрету. Те же реакционные идеи проповедовал и французский писатель Бональд. Реакционный романтик Шатобриан, белый эмигрант, когда-то воевавший в армии принца Кондэ, восхвалял в своих художественных произведениях средневековье, монашескую жизнь, первые времена христианства, выступал и с политическими реакционными сочинениями. В лице этих писателей Священный союз имел добровольных идеологов реакции, оттачивавших её идейное оружие для борьбы с революционным движением и имевших немалое влияние на российскую реакцию.

Аахенский конгресс. Рост революционного движения в Европе. На всех конгрессах Священного союза (Маркс назвал их «бандитскими»), собиравшихся для обсуждения общеевропейских дел, неизменно присутствовал Александр I. Первый конгресс состоялся в Аахене (29 сентября — 22 ноября 1818 г.). Александр I лично составил план работ конгресса. Главными вопросами, обсуждавшимися на конгрессе, были вывод из Франции оккупационной армии и включение Франции «в общение европейских государств». Было решено вывести из Франции оккупационные войска не позже 30 ноября 1818 г. и получить с неё 265 млн. франков за их содержание. После этого особой нотой державы пригласили Людовика XVIII «участвовать в их советах и трудах», на что тот поспешно ответил согласием. Однако одновременно — 3 (15) ноября 1818 г. — Россия, Англия, Австрия и Пруссия подписали секретный протокол на случай военных действий против Франции, если она вновь представит собой революционную опасность.

Вскоре после Аахенского конгресса европейское революционное движение стало проявлять себя всё ярче и отчётливее. Эпоха буржуазных революций в Европе продолжалась, вновь создалась революционная ситуация (1818—1819 гг.). Борьба с феодально-абсолютистским строем за освобождение народов, за уничтожение феодальной эксплоатации и власти неограниченных монархов, за установление конституционного строя разгорелась с новой силой. Революционная ситуация в 1820 г. в ряде стран перешла в революцию. Этот год был особенно богат революционными событиями. 1 января вспыхнула революция в Испании под предводительством офицеров испанской армии Рафаэля дель Риего и Антонио Квирога. Поддержка народа и вспышка военного восстания в самом Мадриде обеспечили успех испанской революции. 6 марта испанский король

Фердинанд VII был вынужден подписать манифест о созыве кортесов и восстановить конституцию 1812 г. 2 июля 1820 г. вспыхнула революция в Неаполе, подготовленная тайными обществами карбонариев во главе с генералом Гульельмо Пепе. Повстанцы Неаполя требовали уничтожения абсолютизма и введения конституции 1812 г. 24 августа произошла военная революция в Португалии, в результате которой был изгнан жестокий диктатор генерал Бересфорд, ставленник Англии, установлено временное правительство и открыты кортесы. Отголоском революционных настроений было поведение членов польского сейма, которые в сентябре — октябре 1820 г. проявили оппозиционные настроения и отвергли законы, предложенные царским правительством.

Подогревали атмосферу и отдельные вспышки протеста. В марте 1819 г. студент Тюбингенского университета Занд убил в Маннгейме реакционного писателя Коцебу, защитника идей Священного союза (к тому же русского шпиона в Германии). Коцебу был доносчиком на немецкие университеты, служившие центрами германского национально-революционного движения. 13 февраля 1820 г. рабочий-седельщик Пьер Лувель в Париже убил племянника короля герцога Беррийского, которого считал последним представителем дома Бурбонов. Что-либо изменить эти террористические выступления, конечно, не могли и вызвали лишь усиленные репрессии.

Конгресс в Троппау и открытое провозглашение «принципа интервенции». В этой обстановке был созван второй европейский конгресс, в Троппау (23 октября — 24 декабря 1820 г.). Александр I хотел сосредоточить внимание участников конгресса на обсуждении дел в революционной Испании. Однако это было бы невыгодно Англии: революционные события внутри страны отвлекали испанское правительство от восставших в то время против него и отложившихся испанских колоний в Южной Америке, и Англия могла, не стеснённая вмешательством Испании, занять там выгодные торговые позиции и укрепиться на колониальных рынках. Поэтому Англия пока не считала нужным вмешиваться в испанские дела. Австрия поддерживала уклончивую позицию Англии, не желая усиления Франции: было ясно, что при подавлении революции в Испании основная военная роль будет возложена на Францию, а это усилило бы её международное значение. Но иное дело были революционные события в Неаполе: они представляли собой непосредственную угрозу для Австрии — обладательницы богатейших земель в Северной Италии.

На конгрессе в Троппау был совершенно открыто сформулирован «принцип интервенции» — державы провозгласили своё «право» военного вторжения в ту страну, в которой

произойдёт революция, и даже независимо от того, желает или не желает этого свергнутое революцией правительство. Принятие «принципа интервенции» не означало в сущности ничего нового — он осуществлялся реакционными державами ещё со времён французской революции, на конгрессе он был лишь отчётливо сформулирован и громогласно заявлен. На основе принятого принципа было решено поручить Австрии интервенцию в революционном Неаполитанском государстве. Во всех этих решениях реакционное правительство России принимало самое непосредственное участие.

Конгресс в Лайбахе и дальнейшее развитие европейского революционного движения. Чтобы быть ближе к центру революционных событий и иметь возможность вести переговоры с неаполитанским королём, заседания конгресса были перенесены в Лайбах (11 января — 12 мая 1821 г.). В марте 1821 г. во время заседаний конгресса разразилась революция в Пьемонте. Опасность была настолько значительной, что Александр I пожелал немедленно двинуть в Пьемонт на помощь Австрии русскую армию. Приказ о движении за границу уже был доведён до командного состава русских частей, но Австрия поспешила сама расправиться с революционным движением, и приказ о русской интервенции был отменён. Весной 1821 г. началось греческое восстание, подготовленное тайным революционным обществом — гетерией. Восставшая Греция, униженная и задавленная турецким владычеством (она была в то время турецкой провинцией), требовала независимости от Турции и установления самостоятельного национального греческого государства. Во главе восстания стал Александр Ипсиланти, бывший офицер русской службы.

Во время заседания конгресса в Лайбахе было получено известие о смерти Наполеона (5 мая 1821 г.). Это внесло некоторое успокоение в среду членов Священного союза. Но с революционной опасностью далеко не было покончено ни в Европе, ни в России. Александр I в 1821 г. получил донос о русских тайных обществах. Стало известно и о ведущейся в русской армии агитации среди солдат. Были официально запрещены масонские ложи и вообще какие бы то ни было тайные общества (1822 г.).

Несмотря на подавление революции в Неаполе и Пьемонте, несмотря на все мероприятия Священного союза, революционное движение всё-таки не было подавлено. В Испании революция торжествовала: в конституционной стране распоряжалось революционное правительство, инквизиция была отменена, король оттеснён на задний план и фактически лишён власти. Продолжали развиваться революционные события и в Греции. Реакция ещё никак не могла считать себя победительницей.

Веронский конгресс. Был созван новый конгресс, в Вероне, посвящённый испанским делам (20 апреля—14 декабря 1822 г.). В центре его занятий стал вопрос о французской интервенции в революционной Испании. Было решено, что Россия, Австрия, Франция и Пруссия потребуют через своих посланников в Мадриде уничтожения испанской конституции и немедленного восстановления Фердинанда VII как неограниченного монарха. После отказа выполнить это требование (державы Священного союза, конечно, не сомневались, что получат отказ) было решено отозвать посланников. 13 декабря 1822 г. державы послали в Мадрид соответствующие ноты, а 7 апреля 1823 г. 200-тысячная французская армия под командой герцога Ангулемского перешла Пиренеи. Испанская революция была подавлена, восстановлена неограниченная королевская власть, уничтожена конституция. Риего после страшных пыток был казнён.

Греческое восстание и отношение к нему царизма. Особо сложными были на Веронском конгрессе греческие дела. Греческое восстание ещё более обострило восточный вопрос. Александр I и его дипломаты заняли двойственную позицию по отношению к греческому восстанию. Александр I был враждебен Турции; царская Россия стремилась к укреплению своего влияния на Балканском полуострове. Александр I хотел создать на Балканах под своим протекторатом греческое государство и этим обеспечить себя от конкуренции Англии в вопросе о проливах. Поэтому царское правительство сначала смотрело сквозь пальцы на развитие революционных греческих обществ на территории империи (Одесса была центром гетерии). Министр иностранных дел Александра I граф Каподистрия, грек по национальности, оказывал поддержку восстанию и информировал царское правительство о ходе дел. В самой Греции существовала влиятельная политическая группа русской ориентации, возглавляемая Колокотрони. Россия начала готовиться к войне с Турцией. Последней был предъявлен ультиматум, дипломатические отношения разорваны, и русский посланник граф Строганов отозван из Константинополя. Но страх перед революцией всё же пересилил: с точки зрения реакции греки восстали против своего «законного» — «легитимного» государя — турецкого султана, поэтому поддержка их нарушала бы принципы Священного союза, боровшегося с революцией и поддерживавшего «законные» правительства. Австрия в лице Меттерниха оказала решительное давление на Александра, чтобы отклонить его от вмешательства в пользу греков, так как ей было нежелательно укрепление России на Балканах. Англия поддерживала Австрию: она ещё более, чем Австрия, была заинтересована в том, чтобы Россия не

укреплялась на Балканах. Передовое русское общество горячо сочувствовало восставшей Греции. Горячие симпатии вызывало греческое восстание в тайном обществе декабристов. Пушкин, посвятивший восставшей Греции ряд прекрасных произведений, сам мечтал стать под знамёна греческого восстания.

Развитие революционного движения представляло собой самую основную опасность для царизма; общие интересы на Западе, связанные с дележом Польши, были чрезвычайно серьёзны: в связи со всем этим Александр воздержался от помощи грекам. Но именно восточный вопрос со своими глубокими противоречиями явился причиной приближавшегося распада Священного союза.

Конференция Священного союза в Петербурге (1825 г.). Александр I хотел созвать новый конгресс, в Петербурге, для разрешения балканского вопроса, но это предложение не имело успеха, и царю удалось созвать лишь конференцию держав в феврале 1825 г. Ни один европейский монарх, кроме самого Александра, на ней не присутствовал. Конференция постановила обратиться к Порте с предложением устройства балканских дел. В случае отказа Порты принять данное предложение державы обещали своё посредничество в этом вопросе. Подобное решение было чрезвычайно неопределённо и не удовлетворило Россию. Восточный вопрос продолжал оставаться одним из важных вопросов её внешней политики.

Таковы были основные вопросы внешней политики царизма после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Общеевропейская революционная ситуация оказывала значительное воздействие в эти же годы и на вопросы внутренней политики.

Положение России после войны и крестьянское движение. Война 1812 г. сопровождалась тяжёлым хозяйственным разорением. Неприятель глубоко вторгся в пределы России, военные действия и неприятельские налёты с целью сбора продовольствия и фуража опустошили широкую полосу по пути вторжения. Война сопровождалась поджогами домов и уничтожением запасов. По данным министерства финансов, население понесло 200 млн. руб. убытков. Война вызвала набор 1 млн. рекрутов и свыше 300 тыс. ополченцев. По секретной записке министра финансов Гурьева, расходы, вызванные войной 1812 г., равнялись 157,5 млн. руб. Особенно тяжёлым было положение Белоруссии. После перенесения войны за границу у казны нехватило 9 млн. руб. на содержание войска.

Правительство крепостников оказалось бессильным принять какие-либо серьёзные меры к поднятию народного хозяйства. Учреждались правительственные комиссии для помощи разорённым районам; форсировались меры частной благотворитель-

ности, но всё это было каплей в море бедствия, особенно крестьянского. Более существенная помощь оказывалась лишь разорённому войной дворянству.

Военное разорение стало дополнительной причиной роста стихийного крестьянского движения. Меры помещиков по восстановлению своего хозяйства вели к усиленному нажиму на разорённое крестьянство, что в значительной степени усиливало крестьянское движение. Основной же причиной роста крестьянского движения оставалось разложение крепостного хозяйства и подспудное развитие капиталистических отношений. Помещик усиливал крепостническую эксплоатацию: увеличивал барщину и оброк, расширял барскую запашку за счёт крестьянской земли. Росло обезземеление крестьянства. Аграрный кризис 20-х годов ещё более ухудшил положение крестьян: затруднения в сбыте хлеба обострили нужду помещика в деньгах; чтобы получить недостающие ему денежные суммы, помещик усиливал эксплоатацию крестьян. Голодные 1820—1823 годы сыграли свою роль в росте крестьянского движения. Требование освобождения от крепостной неволи было основным лозунгом крестьянского движения.

Движение на Дону в 1818—1820 гг. Наиболее значительными были крестьянские волнения на Дону в 1818—1820 гг. В конце XVIII в. царское правительство особыми указами закрепило земли по Дону и его притокам за казацкой старшиной и приравняло казацкие чины к общеармейским. Указом 1796 г. крестьяне, записанные по 5-й ревизии на землях того или иного помещика, признавались его крепостными. В силу этого казачьи чины (командный состав) фактически оказались новым дворянством, получили землю и крепостных. В начале XIX в. войсковой атаман начал созывать съезды нового, донского дворянства, распространять на него права дворянского самоуправления. Донские помещики в то же время стали интенсифицировать своё хозяйство. На Дону к этому времени скопились значительные массы крестьян-новосёлов, большей частью украинцев, искавших тут спасения от крепостной неволи и вновь попавших в крепостное состояние. Усиление крепостного угнетения особенно остро чувствовалось крестьянами при сравнительной новизне крепостных отношений на Дону. В этой обстановке и возникло донское крестьянское движение против крепостного права.

Александр I ориентировался в своей внутренней политике на поддержку старых кадров дворянства и не был склонен поощрять новых, донских дворян. В 1819 г. был учреждён особый донской комитет для упорядочения землевладения на Дону. Царский рескрипт, в котором упоминалось о злоупотреблениях крепостным правом, получил в толковании крестьян

значение чуть ли не «освободительной» грамоты и оказался поводом для усиления стихийных крестьянских волнений.

Волнения начались по реке Салу, левому притоку Дона, перекинулись на правую сторону Дона, охватили весь Миусский округ, часть Донецкого, а также некоторые уезды Екатеринославской губернии. В движении участвовало более 45 тыс. крестьян. Во многих деревнях крестьяне отказывались работать на помещика, выбирали сами своих начальников из крестьян, оказывали вооружённое сопротивление усмирительным отрядам. Усмирением крестьян руководил генерал-адъютант Чернышёв. В 256 селениях волнения были подавлены только при помощи военной силы. После подавления волнений к суду было привлечено около 400 человек. Расправа была чрезвычайно жестокой: 263 человека были присуждены к телесным наказаниям — кнуту, плетям, многие сосланы на каторгу и на поселение в Сибирь.

Волнения рабочих. В первой четверти XIX в. в России ещё не было сложившегося рабочего класса. Возраставшие в своей численности рабочие крепостной России ещё не являлись в точном смысле слова пролетариями. Стихийные волнения рабочего люда в это время в значительной мере сливались с крестьянским движением.

В изучаемое время известно свыше 50 случаев волнений рабочих. Власти получали много жалоб на возрастающее «буйство» «мастеровых» и «рабочих людей», оказывающих неповиновение своему начальству. Для движения рабочих также характерно требование освобождения от крепостнического угнетения. И крестьяне и рабочие люди в дореформенное время были объединены общим лозунгом борьбы против крепостного права. Иногда крепостные рабочие требовали разрешения возвратиться с фабрики обратно в деревню, но встречались и другие требования: повышения заработной платы, изменения расценок, смены мастеров, улучшения снабжения продовольствием. Волнения нередко выливались в своеобразную форму отказа от работы. Бросив работу, рабочие шли в губернский или уездный город с жалобой высшему начальству на притеснения. Следует отметить волнения на заводах Баташёвых во Владимирской губернии (1822 г.) и на уральских заводах купцов Расторгуевых (1822—1823 гг.). Волнения у Баташёвых произошли в один и тот же день на двух различных заводах, что говорило о предварительном «тайном согласии» рабочих действовать совместно. Рабочие дали присягу (с целованием икон) не выдавать друг друга. По мнению следователя, «мастеровые возмутились не противу частного лица, а противу правительства». На заводах Расторгуевых рабочие протестовали против жестокого обращения и удержаний из заработной

платы. Восставшие «похерили чиновников, избрали себе начальника, учредили своё правление» и требовали «вольности» — освобождения от крепостного права. К рабочим примкнули крестьяне соседних селений. Выделился предводитель восставших — рабочий Клементий Косолапов, из потомственных уральских кузнецов, возглавивший 8 тыс. человек. Волнения длились более двух месяцев и были усмирены лишь царскими войсками.

Волнения в армии. Одновременно происходили и волнения в армии. Они были тесно связаны с крестьянскими настроениями — армия в своей массе состояла из набранных через рекрутские наборы крестьян. Давняя борьба крестьян против крепостного угнетения, ненависть к помещикам проявлялись и в армии. Уже было отмечено, что Отечественная война 1812 г. сыграла огромную роль в росте сознания солдатской крепостной массы. Заграничные походы дали возможность солдатской массе познакомиться с жизнью государств, где уже не было крепостного права. Армия, вернувшаяся домой после побед над Наполеоном, явилась рассадником недовольства против крепостного угнетения. Вернувшиеся с фронта ополченцы надеялись, что военные подвиги принесут им свободу, между тем на родине их ожидало прежнее крепостное угнетение. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине, мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа».

Солдатская служба в это время длилась 25 лет. При наличии хотя бы одного взыскания солдат обрекался на бессрочную, пожизненную службу. Солдатчина была хуже каторги; в армии свирепствовали жестокие телесные наказания. «Я — отечеству защита, а спина всегда избита», — пелось в солдатской песне, сочинённой в начале XIX в. Солдат донимали бессмысленной шагистикой, бесконечными подготовками к парадам, доведённым чуть ли не до степени балетного искусства. Менее всего интересовало начальство обучение, нужное для войны, более всего — муштра для парадов. В армии шло глухое брожение — солдаты толковали о необходимости сокращения срока службы, уничтожения палочной расправы, удаления жестоких армейских начальников, прекращения жестокой муштры. Эти лозунги соединялись с протестом против роста крепостного гнёта в деревне, с которой армия была связана тысячами нитей.

Брожение в армии нарастало. Одним из крупнейших волнений в армии в первой половине XIX в. явилось возмущение Семёновского полка. Оно началось 16 октября 1820 г. в Петербурге. Шефом этого старейшего гвардейского полка был император Александр I. Полк прославился геройскими

подвигами в Отечественной войне 1812 г. и во время заграничных походов. По возвращении из-за границы офицеры, среди которых было много будущих декабристов, уничтожили в полку телесные наказания, стали вежливо обращаться с солдатами. Новый командир Семёновского полка Шварц резко изменил полковые порядки: вновь была введена палочная расправа, бессмысленная муштра для парадов заполняла всё время солдат. За короткое время, с 1 мая по 3 октября 1820 г., по приказу Шварца было наказано 44 солдата, которые в общей сложности получили 14 250 ударов. 16 октября вечером головная «государева рота» самовольно собралась на перекличку, вызвала начальство и принесла жалобу на полкового командира. Это было неслыханным событием в царской армии. Перепуганное начальство обманным путём послало роту в манеж, арестовало её и препроводило в тюрьму — в казематы Петропавловской крепости. Волнение, между тем, распространилось на остальные роты, поддержавшие требования первой. Весь полк был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. В возмущении Семёновского полка проявился протест солдатской массы против крепостнического угнетения.

Возмущение Семёновского полка повергло правительство в сильнейшую тревогу. Адъютанты петербургского генерал-губернатора Милорадовича две недели почти не ложились спать; один из них, Ф. Глинка, позже рассказывал: «Мы тогда жили точно на биваках, все меры для охранности города были взяты. Через каждые полчаса (сквозь всю ночь) являлись квартальные, через каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные... отправляли курьеров, беспрестанно рассылали жандармов, и тревога была страшная».

Во время возмущения семёновцев в соседних казармах разбрасывались революционные прокламации, призывавшие солдат на борьбу с царём и дворянами, объявлявшие, что царь — «не кто иной, как сильный разбойник», который всегда будет стоять за дворян. Полки призывались к свержению своего дворянского начальства и к выбору командиров «из своего брата солдата». В одной из прокламаций, найденной во дворе Преображенских казарм в октябре 1820 г., после восстания Семёновского полка, говорилось: «Хлебопашцы угнетены податьми. Многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных?» Таким образом, лозунги восставших солдат перекликались с лозунгами крестьянского движения.

Семёновцы поражали всех своей сплочённостью и стойкостью. С большим трудом через провокатора удалось вы-

рвать на следствии несколько имён «зачинщиков». Они были подвергнуты жесточайшему наказанию — прогнаны сквозь строй; выжившие после экзекуции были сосланы на каторгу на горные заводы. Штрафной Семёновский полк был расформирован. Позже сосланные семёновцы принимали участие в волнениях уральских рабочих (волнения на заводах Расторгуевых в 20-х годах, о которых упоминалось выше).

Правительственная реакция. Законодательство о крестьянстве и дворянстве. Внутренняя политика правительства Александра I за 1815—1825 гг. отмечена нарастанием реакции. В декабре 1815 г. был опубликован акт Священного союза. В 1817 г. предписывалось каждое 14 сентября (день подписания акта) читать его в «градских и сельских церквах». Реакция открыто и грубо заявляла о своих требованиях и принципах.

Жестокие меры применялись против движения угнетённых масс. Правительство Александра I смотрело на усиление массового движения в стране, как на подготовку революционного взрыва, аналогичного тому, который потряс в 1820 г. многие страны Западной Европы. После донского движения и возмущения Семёновского полка началась полоса особых репрессий. Были изданы подряд (в 1822, 1823 и 1824 гг.) три указа, подтверждавшие старое право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. В новых указах правительство напоминало помещику о его праве ссылать крестьян через губернские правления, не производя о том никаких судебных расследований и без ограничения лет ссылки. Помещик имел право возвратить сосланных, когда хотел. Одновременно ряд законодательных мер укреплял положение дворянства, пытаясь обновить в эпоху возраставшего разложения крепостного хозяйства обветшавшую Жалованную грамоту дворянству 1785 г. В новом законодательстве напоминалось об исключительном праве дворянства владеть населёнными имениями, запрещалось покупать населённые земли личным, т. е. выслужившимся из «неблагородных», дворянам (указ 1814 г.), запрещалась покупка крестьян разночинцами, купцами, мещанами. Беззмельное дворянство было отстранено от участия в дворянских выборах (1817 г.). Было запрещено принимать прошения от низших разрядов купечества о неприменении к ним телесных наказаний: телесное наказание не должно было касаться только «благородного» (по Жалованной грамоте 1785 г. лишь купцы I и II гильдий были освобождены от телесных наказаний, низшее же купечество им подлежало).

Аракчеев. В стране утвердился мрачный режим «аракчеевщины», названный так по имени любимца Александра I крепостника Аракчеева — старательного и жестокого исполнителя

реакционных мер императора. Граф Аракчеев был председателем военного департамента Государственного совета и главным начальником военных поселений, но по существу он оказался первым лицом в империи после царя, «доверенным докладчиком и наперсником по всем делам государственным», верным царским холопом, поставленным во главе государственного управления. Аракчеевщина была закономерным проявлением самодержавного режима: «европейские» мероприятия Александра I вроде введения министерств ничуть не помешали её возникновению. Александр постоянно ездил за границу для участия в конгрессах Священного союза и подавления революционного движения в Европе, — Россия, по словам современника, «управлялась с почтовой коляски». Аракчееву были вверены все многочисленные дела по управлению страной. Грубый и невежественный царский сатрап получил самое скудное, «солдатское» образование, был обучен грамоте дьячком и кичился своей необразованностью. Жестокий крепостник, легко переходящий от изощрённых издевательств к кровавой расправе, он пользовался всеобщей ненавистью. При награждении его графским достоинством Павел I вписал в аракчеевский герб девиз: «Без лести предан». В народе же этот девиз переделали: «Бес, лести предан». Александр I безгранично доверял Аракчееву: министры лишились права докладов императору, и Аракчеев стал единственным докладчиком у царя по делам Комитета министров. Во всех отраслях управления Аракчеев был проводником жестокой реакции. Для режима аракчеевщины — диктатуры царского холопа — были характерны слежка за свободомыслием, наушничество, шпионство, личный произвол властей, бездушная мелочная формалистика и широко развитая система взяточничества и подкупов. «Всей России притеснитель, губернаторов мучитель... Полон злобы, полон мести, без ума, без чувств, без чести», — определяла Аракчеева пушкинская эпиграмма.

Военные поселения. Характернейшим явлением аракчеевщины были военные поселения — новая форма комплектования и содержания армии, введённая по инициативе Александра I. Крестьяне, переводимые на положение «военных поселян», должны были соединять военную службу с крестьянским земледельческим трудом. Правительство рассчитывало значительно удешевить этим содержание армии, расходы на которую сильно возросли: численность армии не была сокращена и после наполеоновских войн — многочисленная армия была нужна царизму для борьбы за гегемонию в Европе, для опоры своего международного престижа. Предполагалось, что содержание военно-поселённого войска будет значительно дешевле. «поселяне» должны были своим трудом добывать про-

питание и фураж. На деле же военные поселения поглощали очень много средств и были убыточны, а поселяне стали ненавистниками военно-крепостного угнетения и несколько раз заявляли о своём протесте грозными восстаниями. Первая попытка устраивать военные поселения относилась к 1810 г., но война 1812 г. задержала их дальнейшую организацию. Военные поселения начали вводить вновь с 1816 г. Они были организованы в Новгородской, Петербургской, Могилёвской, Слободско-Украинской и Херсонской губерниях и охватили около 375 тыс. человек крестьянского населения.

Военные поселения были сильнейшим выражением крепостного угнетения. Крестьянская жизнь подвергалась суровой военной регламентации. Избы крестьян сносились и вместо них строились большие дома, так называемые «связи», рассчитанные на несколько семей. Дважды в день унтер-офицер обходил жилища, следя за чистотой и порядком и подвергая жестоким наказаниям нарушителей. Полевые работы совершались под командой капрала. Вставать, итти на поле работать, обедать, ложиться спать поселяне должны были по военным сигналам и барабанному бою. Все крестьянки в одно время должны были топить печи, ночью строго запрещалось зажигать свет. Браки заключались по предписанию начальства. Детей военных поселян с 6-летнего возраста одевали в военную форму и учили маршировке. За малейшее ослушание поселенцы, их жёны и дети подвергались жестоким телесным наказаниям. При переводе в военные поселяне нередко урезывались земли крестьян (например, на Украине). Торговля сельскохозяйственными продуктами в военных поселениях была запрещена. Начальство воровало продовольствие, выдавало муку с песком; поселян плохо кормили, но начальство инсценировало показное «благополучие»; так, во время посещения поселений Александром I на столе каждой крестьянской избы стояло блюдо с жареным гусём и поросёнком, которое спешно переносили по задворкам от одного поселянина к другому, пока царь по главной улице переходил из избы в избу.

Введение военных поселений было встречено волнениями крестьян, но Александр не поддавался ни на какие уговоры. «Военные поселения будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова», — сказал он (это расстояние больше 100 километров). Летом 1819 г. вспыхнуло восстание в Чугуеве — центре слободских украинских поселений. Восставшие отказались от работ, убили начальников, выбрали руководителей из своей среды. Расправу с восставшими производил лично Аракчеев. 52 человека были прогнаны сквозь строй через 1 тыс. человек 12 раз, т. е. получили 12 тыс. ударов шпицрутенами. 25 человек

умерли при наказании. Жестокая расправа с чугуевцами вызвала возмущение в передовых общественных кругах. Пушкин сочинил в связи с этим новую эпиграмму на Аракчеева: «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон, кинжала Зандова везде достоин он».

Тайная полиция. Тайная полиция, следившая за революционными и вообще за любыми «подозрительными», с точки зрения правительства, настроениями в стране, была подчинена министерству внутренних дел. Но сверх этого особые тайные наблюдатели и доносчики, особенно для столицы, имелись в распоряжении графа Аракчеева. С.-Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович имел свою систему шпионов. Таким образом, в стране орудовала тройная тайная полиция, действия которой не были согласованы между собой. После возмущения в Семёновском полку 1820 г. была учреждена особая тайная полиция в армии, имевшая своих агентов как среди солдат, так и среди командного состава. Для осведомления о солдатских настроениях использовались, например, гадалки — предсказательницы судьбы, селившиеся в местах расположения полков и регулярно доносившие о разведанном.

В 1822 г. был издан особый указ о запрещении в России каких бы то ни было тайных обществ и масонских лож. В указе говорилось о связи этих организаций с западноевропейским революционным движением. Подписка о непринадлежности к тайным обществам была взята со всех чиновников в государстве. Но, несмотря на это, в стране зрело и развивалось движение декабристов.

Реакция в области просвещения. Идеи Священного союза лежали в основе реакционной пропаганды. Реакция свирепствовала и в области просвещения. В 1816 г. во главе министерства народного просвещения был поставлен обер-прокурор святейшего синода, реакционер князь А. Голицын — «холопская душа» и «просвещения губитель», по характеристике пушкинской эпиграммы. В 1817 г. министерство народного просвещения было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения; от синода к нему перешли все дела по вероисповеданиям, за исключением духовного суда. Соединение религиозного ведомства с ведомством народного просвещения являлось реакционной мерой: религия была сильным орудием реакции. По мысли Александра I, религиозные принципы должны были лечь в основу воспитания и образования. Борьба с революционными идеями, распространившимися в стране, велась посредством расширения религиозно-мистической пропаганды. Для «просветительной» деятельности Голицына было характерно подавление всего вольнолюбивого, живого и «христианизация» всех наук. Даже далеко не либераль-

ный Карамзин назвал голицынское министерство просвещения «министерством затмения». Голицынские ставленники ревностно осуществляли политику реакции на местах. Из преподавания изгонялся «гибельный материализм», в основу всех наук, в частности философии, ложились догмы священного писания, в основу естественных наук — библейское учение о сотворении мира богом в семь дней. Учёность без веры в бога признавалась «не токмо ненужной, но и вредной». Особенно усердным реакционером в области просвещения был М. Л. Магницкий. В молодости он увлекался либеральными идеями и работал вместе со Сперанским, но после его падения и ссылки переменил свой образ мыслей и с яростью стал отстаивать реакционные идеи Священного союза. Магницкий ставил перед собой цель — покончить с философией эпохи «просвещения». Назначенный в 1819 г. членом Главного правления училищ, Магницкий был послан в Казань для ревизии университета. Обнаружив там «вредное направление», он даже предложил «публично разрушить» Казанский университет. Назначенный затем попечителем Казанского учебного округа, Магницкий учинил в университете настоящий разгром. Все науки, до математических включительно, должны были преподаваться на основе священного писания. Профессор математики стал так излагать определение гипотенузы: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви через ходатая бога и человека, соединившего горнее с дольним, небесное с земным». Изучение римского права было заменено изучением византийского. Особенно возмутил Магницкого анатомический зал, где медики препарировали «тела христианские», вместо того чтобы предать их «святому погребению». Все трупы были немедленно похоронены по церковному обряду, а учиться анатомии предписывалось на манекенах. Лучшие профессора, заподозренные в вольномыслии, были уволены.

В Казанском университете воцарился дух аракчеевской казармы. Последователем Магницкого в Петербургском университете явился попечитель Петербургского учебного округа Рунич, уволивший лучших профессоров и введший инструкцию Магницкого.

Цензурные притеснения. Свирепствовала и цензура. Из произведений печати изгонялся малейший противоправительственный намёк. В 1819 г. было запрещено печатание письма Ломоносова «О размножении и сохранении русского народа», как содержащего мысли, противные православной церкви. Особенно тревожили правительство вольнолюбивые стихи Пушкина «Вольность», «Noël», «К Чаадаеву», «Деревня». «Пушкина надобно сослать в Сибирь, — говорил Александр I. —Он наводнил всю Россию возмутительными стихами, вся молодёжь

наизусть их читает». Заступничество влиятельных друзей (Карамзина и Жуковского) смягчило кару Пушкина: в 1820 г. он был сослан не в Сибирь, а на юг, в Кишинёв.

В печати запрещалось рассуждать о системах политического строя. В 1824 г. была запрещена благонамереннейшая статья самого Магницкого «О конституциях», восхвалявшая самодержавие: правительство находило, что «нет нужды и пользы ниже приличия рассуждать публично о конституциях в государстве, благоденствующем под правлением самодержавным». Особый указ в 1824 г. запрещал российским чиновникам издавать без дозволения начальства какие бы то ни было произведения, касавшиеся «до внешних и внутренних отношений Российского государства».

Следя за «нравственностью», цензура придиралась к любому выражению, казавшемуся ей «вольным»: вычёркивалось выражение «нагая истина», ибо истина — женского рода, и ей непристойно быть нагой; была запрещена книга «О вреде грибов», ибо грибы — постная пища, рекомендованная церковью. Во время «великого поста» была запрещена публикация стихотворения поэта Олина о любви на том основании, что «в один из первых дней великого поста весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой».

Реакционно-мистическая пропаганда. Библейское общество. Архимандрит Фотий. Александр I поощрял самую разнузданную мистическую пропаганду. Её вёл министр народного просвещения Голицын. Одним из рассадников мистики было основанное в 1812 г. реакционное Библейское общество, ставившее себе целью широкую пропаганду религиозных идей среди населения в противовес распространившемуся «вольнодумству» и рационалистическому влиянию. Та же задача была поставлена и европейской реакцией. Русское Библейское общество распространяло библию и насаждало суеверие и мистицизм. К 1824 г. Библейское общество имело уже 89 отделений и распространило около полумиллиона экземпляров книг «священного писания». Председателем общества был князь А. Голицын; в числе членов, конечно, находились Магницкий, Рунич и многие другие мракобесы. Магницкий, который почти совсем не давал денег на покупку нужных для Казанского университета книг, выписал для него библий и евангелий на 10 тыс. руб. Каждого студента обязали приобрести «священное писание». Стали образовывать даже детские библейские общества, первое из которых учредили в Одессе.

Одной из особо отвратительных фигур реакции и мистического изуверства был архимандрит Фотий, монах, сначала преподававший «закон божий» во II кадетском корпусе, а позже ставший настоятелем новгородского Юрьевского монастыря.

Используя близость к богатейшей графине Орловой-Чесменской, Фотий приобрёл большое влияние на Александра I. Грубо невежественный истерик-изувер, он кликушествовал во дворце о близости революции и о недостаточности принимаемых против неё мер. Пушкин дал в своей эпиграмме меткую характеристику Фотия:

> Полуфанатик, полуплут,
> Ему орудием духовным
> Проклятье, меч и крест и кнут.
> Пошли нам, господи, греховным,
> Поменьше пастырей таких,
> Полублагих, полусвятых.

В эту эпоху в России сложилась и выросла первая русская революционная организация — тайное общество декабристов, которое и организовало первое русское революционное восстание в декабре 1825 г.

ЛИТЕРАТУРА

I. **Классики марксизма-ленинизма.** *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Русская нота. Сочинения. Т. VI. С. 251—257.—*Маркс К.* и *Энгельс Ф* Прения по польскому вопросу во Франкфурте. Сочинения. Т. VI. С. 368—416.— *Энгельс Ф.* Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. Сочинения. Т. VIII. С. 448—475. — *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. Сочинения. Т. XVI. Ч. 1. С. 452—507. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 28 (замечание об Аракчееве).—*Ленин В. И.* Каторжные правила и каторжный приговор. Сочинения. Изд. 4. Т. 5 С. 225 (замечание о военных поселениях).—*Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. **Документальные материалы. Пособия.** *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. III, IV (ч 1), VII, XI. Спб. 1876—1895. — Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до Конгресса в Вероне в 1822 году. Ч. I. Акты публичные. Т. I—II. Спб. 1823—1825. — Metternich. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. T. I—II. Paris 1880.— *Талейран.* Мемуары Ред. и статья Е. В. Тарле. М.—Л. 1934. 752 с.—*Чарторижский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Перев. с франц. А. Дмитриевой. Т. I—II. М. 1912—1913. — *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 г.). Спб. 1883. XXIV, 533 с. — *Мартос.* Записки инженерного офицера Мартоса. «Русский архив». 1893. № 7, с. 305—368; № 8, с. 449—542. — *Эйлер А. А.* Записки. «Русский архив». 1880. Кн. II, с. 333—399. — *Маевский С. И.* Мой век или история генерала Маевского. 1779—1848. «Русская старина». 1873. Август, с. 125—167; сентябрь, с. 253—305; октябрь, с. 427—464; ноябрь, с. 754—781. — История дипломатии Т. I. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941. С. 360—398. — *Соловьёв С. М.* Император Александр I.

Политика — дипломатия. В его кн.: Собрание сочинений. Спб. [1900]. Стб. 249—758. То же. Отд. изд. Спб. 1877.— *Шильдер Н.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Изд. 2. Т. III—IV. Спб. 1905.— *Пыпин А. Н.* Времена реакции (1820—1830). В его кн.: Очерки литературы и общественности при Александре I. Пгр. 1917. С. 111—186 — *Тимощук В.* Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе. «Русская старина». 1914. Февраль, с. 386—395.— *Пресняков А. Е.* Идеология Священного союза. «Анналы». 1923. № 3, с. 72—81.— *Петров А. Н.* Устройство и управление военных поселений в России. 1809—1826. В кн.: Граф Аракчеев и военные поселения. 1809—1831. Спб. 1871. С. 85—207.— *Игнатович И.* Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М. 1937. 266 с.—*Верещагин Г. А.* Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I. «Дела и дни». 1922. Кн. 3, с. 148—165. — *Багалій-Татаринова О.* Нариси з історії військових поселень на Україні. «Науковий збірник Харьківської науково-дослідчої катедри історії української культури». 1927. № 5, с. 93—153.

Глава VI

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ленинская периодизация истории революционного движения в России. Декабристы — дворянские революционеры. Лениным разработана периодизация русского революционного движения, имеющая огромное значение в изучении истории России XIX в. Периодизацию эту Ленин начинает с движения декабристов — первых русских революционных борцов, открыто выступивших против крепостного права и самодержавия. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...» [1], — говорил Ленин в своём докладе о революции 1905 г. Историю революционного движения в России Ленин подразделил на три периода: «1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский; или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время» [2]. Периоды эти выделены, как указывает Ленин, соответственно трём главным общественным классам, налагавшим свою печать на движение. Самыми выдающимися деятелями дворянского периода Ленин считал декабристов и Герцена.

В своей работе «Памяти Герцена» Ленин писал: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году» [3].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 234.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 14—15.

Движение декабристов глубоко и органически связано с русским историческим процессом, отражает внутренние потребности его развития и рождено коренными историческими задачами времени. Многочисленные попытки дворянской и либерально-буржуазной историографии «объяснить» движение декабристов как результат поверхностного «заимствования» западноевропейских идей, как явление «наносное» и якобы не имеющее корней в русской жизни, надо отбросить как совершенно несостоятельные. Они продиктованы корыстными классовыми интересами, боязнью революции и стремлением скрыть историческую истину. Декабристы были деятелями того исторического периода в истории нашей родины, когда назрела необходимость ликвидации старого феодально-крепостного строя и замены его новым, в тот момент прогрессивным, капиталистическим строем. Феодально-крепостной строй становился оковами производительных сил, крепостное право и самодержавие были главными устоями, мешавшими победе нового над старым. Декабристы явились первыми русскими революционерами, которые не только выдвинули лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием, но и организовали для осуществления этих целей первое открытое восстание с оружием в руках. В ту пору, когда выступили декабристы, задача революционной борьбы с феодально-абсолютистским строем всё ещё была очередной всемирно-исторической задачей: хотя английская и французская буржуазные революции были уже позади, но процесс ликвидации устаревшей феодальной общественно-экономической формации, революционное разрушение отживающего феодального строя и установление нового, капиталистического, ещё далеко не было завершено и стояло на очереди во многих странах. Движение декабристов и было проявлением этой назревшей борьбы в России, высоким патриотическим делом. Впервые в истории России создалась на основе революционной идеологии *революционная организация,* подготовившая *вооружённое выступление,* освещённое светом политического сознания.

Декабристы выступили в ту пору, когда в России уже возникали элементы революционной ситуации. В обстановке послевоенных лет обостряются нужда и бедствия угнетённых классов, усиливается массовое движение, вспыхивают восстания военных поселений, поднимаются значительные волнения на Дону, в самой столице происходит выступление гвардейского Семёновского полка. Царское правительство то хватается за проекты реформ, то умножает репрессии против недовольных и жесточайшим образом подавляет массовое движение. «Дух времени» заставлял «умы клокотать», знакомил умы с революционными переворотами. Декабристы выступили

в момент чрезвычайного напряжения, в момент кризиса власти, когда недовольство достигло наивысшей точки. Требования, которые они предъявили, были полны жизненного смысла и выросли в русском историческом процессе.

Таким образом, разложение крепостного хозяйства и развитие капиталистических отношений, рассмотренные ранее, явились той широкой исторической подосновой, которая питала преобразовательные планы первых русских революционеров, создавала реальную историческую почву, на которой выросли основные лозунги декабристов — лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием.

Однако за эту огромную задачу взялись, как указал Ленин, революционеры-*дворяне,* и их классовая ограниченность не могла не сказаться на их деятельности. Борясь против крепостного права и самодержавия, декабристы боялись опереться непосредственно на народ, их пугали «ужасы революции», и мысль о том, что в стране начнётся открытая классовая борьба крестьянства против помещиков; «междоусобная война», как они говорили, холодила их кровь. Они разработали план «военной революции», не опиравшейся непосредственно на народ. Народ должен был, по их предположениям, получить уже готовый преобразовательный план, окружить его сочувствием, принять его с благодарностью, но не участвовать активно в революции как решающая сила. Ленин заметил, что декабристы были «страшно далеки от народа». Но, несмотря на это, «их дело не пропало» (*Ленин*), декабристы содействовали движению нашей родины вперёд, их основные лозунги борьбы с крепостничеством и самодержавием были живыми для народа, великими революционными лозунгами. В своей работе «Роль сословий и классов в освободительном движении» Ленин писал: «Ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная... полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ» [1].

Поэтому глубокое ленинское определение декабристов как «дворянских революционеров» указывает на их классовую ограниченность, но вместе с тем отмечает их революционность. Марксистско-ленинская наука всегда считала декабристов представителями революционного движения. Товарищ Сталин говорил в беседе с писателем Эмилем Людвигом: «...сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет:

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 294—295.

восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция» [1]. Восстание декабристов упомянуто тут в ряду крупнейших революционных явлений.

Формирование революционного мировоззрения декабристов. Декабристы выросли и сформировались в условиях русской действительности, в их мировоззрении отразились назревшие в русском историческом процессе очередные, коренные по значению исторические задачи — уничтожение крепостного права и ликвидация самодержавия. Принадлежа в большинстве своём к поколению, родившемуся на рубеже XVIII и XIX вв., они наблюдали сложную и полную социальных противоречий русскую действительность, где ярко выражались классовые контрасты, борьба старого с новым; в их среде постоянно обсуждалась деятельность самодержавия и сложные международные столкновения начала века. Многие из будущих декабристов стали задумываться над положением дел в родной стране ещё на школьной скамье. Такие передовые русские учебные заведения, как Московский университет, «школа колонновожатых» (будущая Академия генерального штаба) и Царскосельский лицей, явились питомниками декабристов. Тут, под ближайшим воздействием русской революционной традиции (чтение Радищева, Княжнина), лекций передовых русских учёных (Куницына и др.), а также вдумываясь в произведения западноевропейских политических писателей и философов (Вольтер, Руссо, Монтескьё), сыгравших немалую роль в подготовке французской революции, работала над русской действительностью пытливая молодая мысль будущих русских революционеров. «Бедные простолюдины нигде так не притесняются, как у нас», — писал в своём дневнике студент Московского университета, будущий декабрист Николай Тургенев. Мысль о несправедливости дворянских привилегий, о вреде крепостничества, о деспотизме царя зародилась у многих декабристов ещё до войны 1812 г. Декабристы вырастали пламенными патриотами. Россия — родина — с юношеских лет была в центре их мировоззрения. «Гроза двенадцатого года» окончательно разбудила их политическое сознание, явилась для них высокой патриотической школой. Большинство будущих декабристов было к началу войны юношами, только что сошедшими со школьной скамьи и поступившими на военную службу. Многие из них защищали родину в рядах армии и за проявленную храбрость получили боевые награды. В знаменитой Бородинской битве участвовали многие декабристы: 19-летний прапорщик Павел Пестель,

[1] *И. В. Сталин,* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 7.

18-летний подпрапорщик Иван Якушкин, 16-летний подпрапорщик Сергей Муравьёв-Апостол, старшие по возрасту Трубецкой, Владимир Раевский и др.

Война 1812 г. была воспринята декабристами как народная война и заставила их размышлять над тяжёлым положением закрепощённого русского народа, доблестно боровшегося за родину. Многие декабристы указывали на Отечественную войну, как на один из истоков «вольномыслия в России». «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь ради любви к Отечеству было сердечным побуждением нашим», — говорил декабрист Матвей Муравьёв-Апостол. Заграничные походы 1813—1814 гг. дали декабристам обильный материал политических впечатлений о жизни государств, где уже не было крепостного права и существовал конституционный строй; размышления над этими явлениями ускорили созревание идеологии декабристов, однако утверждение дворянской и буржуазно-либеральной историографии, что будто бы именно заграничные впечатления «породили» декабризм, является грубым заблуждением и явным искажением действительности.

Вернувшись на родину, покрытые славой побед, будущие декабристы стали ещё глубже вдумываться в угнетённое положение горячо любимой родины. Всюду царило крепостное право, произвол самодержавия ничем не был ограничен, сословный суд угнетал простой народ, чиновники-дворяне занимались взяточничеством и казнокрадством, угнетённые массы коснели в темноте. С каждым днём усиливалась реакция, свирепствовала аракчеевщина. Недовольство всех слоёв общества росло. Передовая молодёжь непрерывно обсуждала вопросы «о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей, о возможности изменения, желаемого многими втайне» (слова декабриста И. Пущина). Эпоха, в которую они жили, «познакомила умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить» (слова Пестеля). В этой атмосфере и возникло первое тайное общество декабристов.

Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества. Первое тайное общество декабристов возникло в 1816 г. Оно называлось Союзом спасения, а позже, после принятия устава, — Обществом истинных и верных сынов отечества. Основателем общества был молодой полковник генерального штаба Александр Муравьёв, членами — С. Трубецкой, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, Никита Муравьёв, М. Лунин, П. И. Пестель, И. И. Пущин — друг А. С. Пушкина — и др. Это была дворянская военная молодёжь, связанная узами тесной личной дружбы и сблизившаяся на почве передовых

идей времени. Общество насчитывало 30 членов. Оно имело писаный «статут», в котором были объединены и программа и устав общества. Первое время целью общества было лишь освобождение крестьян от крепостной зависимости, но вскоре к этой цели прибавилась и другая — введение в России конституционной монархии. Но как осуществить эти цели? Иногда у декабристов возникали планы цареубийства, но после обсуждения они отвергались; в обществе не было полного политического единодушия; группа более радикальных членов боролась с более умеренными. Внутренняя идейная борьба и неясность тактики заставили декабристов ликвидировать первое тайное общество и организовать в 1818 г. второе — под названием Союз благоденствия.

Союз благоденствия. Союз благоденствия, как и Союз спасения, был тайным революционным обществом. Члены его также ставили перед собой цели борьбы с крепостным правом и самодержавием, но в отличие от первой, узкой и малочисленной, заговорщической организации они хотели значительно расширить её численный состав и активно воздействовать на создание в стране передового «общественного мнения», которое, по мысли декабристов, могло явиться решающей силой в подготовке будущего переворота. Организация численно увеличилась. Союз благоденствия насчитывал около 200 членов. Был написан новый устав общества, по цвету переплёта названный «Зелёной книгой». Его первая часть излагала общие правила и цели общества, известные всей массе членов; вторая была написана вчерне, она содержала формулировку основных политических целей, известных только руководящим членам. Обществом руководила так называемая «Коренная управа». Согласно уставу в члены Союза благоденствия могли быть приняты не только дворяне, но и купцы, мещане, духовенство и свободные крестьяне. Члены Союза благоденствия обязывались постоянно развивать и поддерживать повсюду передовые мнения, осуждать крепостное право, деспотизм власти, угнетение народа, Аракчеева, военные поселения. Вольнолюбивые стихи друга декабристов Пушкина — «Вольность», «Noël», «К Чаадаеву», «Деревня» — играли огромную агитационную роль в деятельности декабристов. Отражая их идеологию и в то же время агитируя за неё, стихи в сотнях списков расходились по рукам. «Побочной управой» Союза благоденствия было тайное литературное общество «Зелёная лампа», членом которого был Пушкин.

Но вместе с ростом недовольства угнетённых масс в стране, а также в связи с нарастанием общеевропейской революционной ситуации 1818—1820 гг. Союз благоденствия стал явно леветь в политическом отношении. В нём получили преоблада-

ние сторонники республики и решительного открытого выступления. В начале 1820 г. в Петербурге собралось совещание Коренной управы, где был поставлен доклад Пестеля о наилучшей форме правления. Пестель характеризовал все «за» и «против» конституционной монархии и республики, отдав решительное предпочтение последней. При поимённом голосовании все без исключения члены высказались за республику. «Президента, без дальних толков!» — воскликнул Николай Тургенев, когда очередь дошла до него. Союз благоденствия был первой русской революционной организацией, принявшей решение бороться за то, чтобы Россия стала республикой.

В связи с изменением программы возникла и потребность в новой тактике, которая обеспечила бы быстрое осуществление поставленных политических целей.

Около 1820 г. декабристы — военные люди — стали обдумывать вопрос о решительном *военном* натиске на самодержавие. В этом их в частности поддержал и успех европейских военных революций (испанской и неаполитанской революций (1820 г.), пьемонтской революции, ход греческого восстания (1821 г.) и др.). Возмущение Семёновского полка в 1820 г. как бы подтвердило правильность решения о новой тактике: солдаты-гвардейцы уже организовали самостоятельное выступление.

В январе 1821 г. в Москве собрался съезд Коренной управы Союза благоденствия. Съезд объявил Союз «распущенным», и под прикрытием этого постановления, которое облегчало отсев ненадёжных членов, тайное общество вновь реорганизовалось: возникли Южное и Северное общества, которые и подготовили восстание декабристов в 1825 г.

Основание Южного общества. Во 2-й армии, расквартированной на Украине, работала так называемая Южная управа Союза благоденствия с центром в Тульчине — местопребывании штаба 2-й армии. Руководителем Южной управы был Пестель. Узнав от своих делегатов, присутствовавших на съезде Коренной управы Союза благоденствия, о закрытии общества, Пестель и его единомышленники — декабристы Юшневский, Крюковы, Вольф, Ивашев, Барятинский и др. — решили постановлению о «закрытии» не подчиняться и «общество продолжать». Новая организация, возникшая в марте 1821 г. в Тульчине, получила название Южного общества.

Было решено периодически созывать съезды руководящих членов тайного общества. Первый съезд руководителей Южного общества собрался в Киеве в январе 1822 г. и заслушал доклад Пестеля об основах его конституционного проекта. Было вынесено решение дать членам годичный срок для

обдумывания этих основ. На втором съезде руководителей, в январе 1823 г., основы конституции Пестеля были приняты Южным обществом декабристов.

П. И. Пестель. Декабрист Павел Иванович Пестель играл крупную роль в тайном обществе.

Пестель, сын сибирского генерал-губернатора, родился в 1793 г. в Москве, воспитывался сначала дома, затем, с 12-летнего возраста, в Дрездене. Вернувшись в Россию, он закончил своё образование в Пажеском корпусе в Петербурге, заняв на выпускных экзаменах первое место. Участник войны 1812 г., награждённый за Бородино, Пестель стал адъютантом командующего 2-й армией графа Витгенштейна, был переведён в кавалергарды, а в 1821 г. стал командиром Вятского пехотного полка.

Пестель отличался страстной преданностью революционным идеям и непреклонной волей. Он был человеком огромных дарований и блестящего образования, был прекрасно знаком с политической и философской литературой своего времени. Разбуженная 1812 годом, его политическая мысль неустанно работала над планом революционного переворота в России, которую он страстно любил.

Некоторое время Пестель был сторонником конституционной монархии, но около 1820 г. республиканские мысли начали брать в нём верх. «Я сделался в душе республиканец, — показывал Пестель на следствии, — и ни в чём не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении». Пестель был пламенным патриотом. Пушкин, лично знакомый с Пестелем, записал о нём в своём кишинёвском дневнике: «Умный человек во всём смысле этого слова... один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

«Русская Правда». Южное общество во главе с Пестелем решительно высказывалось против учредительного собрания и было сторонником диктатуры временного революционного правительства, рассматривая её как решающее условие успеха революции. Конституционный проект Южного общества—«Русская Правда» Пестеля — являлся наказом временному революционному правительству, облечённому диктаторской властью.

Проект Пестеля предусматривал решительное уничтожение крепостного права и сословного строя, объявлял равенство всех граждан перед законом и установление в России республиканского правления. «Русская Правда» — первая дошедшая до нас республиканская конституция в истории революционного движения России.

В «Русской Правде» объявлялось, что крепостное право («рабство») должно быть «решительно уничтожено» и «дво-

рянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». Если какой-нибудь «злосовестный дворянин» и осмелился бы протестовать против уничтожения крепостного права, то, по конституции Южного общества, этот «изверг» должен быть немедленно взят под стражу и подвергнут строжайшему наказанию. «Уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное Верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность».

Крестьянство должно было быть освобождено с землёй. Вообще землю Южное общество рассматривало как общественное достояние: каждый гражданин будущей республики, по его проекту, имел право на земельный надел, что должно было предохранить его от случайного обнищания. После революции земля делилась в каждой «волости» (самая мелкая административная единица, по проекту Пестеля) на две равные части. Первая половина представляла собой общественный земельный фонд, из которого каждый гражданин, желавший заниматься земледелием, мог получить надел. Земли этой половины не могли ни продаваться, ни покупаться. В «Русской Правде» эта половина называлась землёй для производства «необходимого продукта». Чтобы составить этот общественный земельный фонд, конституция южан объявляла конфискацию половины земли во всех дворянских имениях, в которых было 10 тыс. десятин и более. В имениях же в 5 тыс. десятин и выше половина земли отчуждалась правительством за денежное вознаграждение помещику или даже за соответствующий земельный участок в другом месте. Вторая половина земли была предназначена для производства «изобилия». В неё входили и государственные и оставшиеся частновладельческие земли. Земли этой половины можно было покупать и продавать, они являлись частной, а не общественной собственностью. Таким образом, не уничтожая полностью помещичьего землевладения, проект южных декабристов всё же сильно подрывал его и открывал путь для утверждения в России буржуазных форм хозяйства.

По «Русской Правде» политические права в будущей республике получали все мужчины, достигшие 20-летнего возраста (женщинам избирательных прав не предоставлялось). Пестель являлся решительным противником имущественного ценза, и избирательное право в «Русской Правде» не зависело от имущественной состоятельности гражданина. Ежегодно в каждой волости должно было собираться земское народное собрание, на котором выбирались депутаты в три постоянно действующих органа местной власти: 1) в наместное волостное собрание; 2) в наместное уездное собрание; 3) в наместное

окружное или губернское собрание. Выборы в эти органы власти были прямыми. Верховным органом законодательной власти в стране являлось однопалатное *Народное вече.* Выборы в него были двустепенными. Исполнительная власть в стране вручалась *Державной думе,* состоявшей из 5 членов, выбираемых Народным вечем на 5 лет. «Блюстительная» власть в государстве (контроль за точным соблюдением конституции) вручалась *Верховному собору,* состоявшему из 120 человек, избираемых пожизненно.

В «Русской Правде» утверждались свобода вероисповедания (лишь с запрещением некоторых вредных обычаев, например многожёнства у мусульман), свобода слова, свобода печати с ответственностью за опубликованные произведения лишь по суду, свобода передвижения и равный для всех суд.

В конституционном проекте Пестеля указывалось на необходимость присоединить к России Дальний Восток, всё Закавказье и ряд других территорий, которыми она тогда ещё не владела и без которых Пестель считал революционную Россию недостаточно сильной. На все эти области равным образом должен был распространяться проектируемый «Русской Правдой» демократический строй. Блага революции получали все народы, населявшие Россию, в полном равенстве с русским народом. Однако всё же решение национального вопроса в «Русской Правде» носило на себе печать классовой ограниченности: права отделения за другими национальностями проект не признавал; все народы, населявшие Россию, должны были слиться в единый русский народ и потерять свои национальные особенности. Пестель не признавал, не понимал значения национальной культуры отдельных народов. Проект делал исключение лишь для Польши. Предполагалось, что Польша восстанет вместе с декабристами и проведёт у себя те же революционные преобразования: уничтожение крепостнического угнетения, установление республики; после этого революционная Россия должна была предоставить Польше политическую самостоятельность. Польша обособлялась в самостоятельное государство с суверенными правами и вступала в самый тесный союз с освободившей её Россией.

Основание Северного общества. После ликвидации Союза благоденствия в 1821 г. в Петербурге также образовалось тайное общество. Его основное ядро составили Н. Муравьёв, Николай Тургенев, М. Лунин, С. Трубецкой, Е. Оболенский и И. Пущин. В дальнейшем состав общества значительно расширился. В нём явственно была заметна борьба двух течений — умеренного, конституционно-монархического, и более радикального, отмеченного республиканскими симпатиями. Ряд членов Северного общества вернулся к лозунгу конститу-

ционной монархии и менее радикально, чем члены Южного общества, решал крестьянский вопрос. Но общая борьба с крепостным правом и самодержавием всё же тесно объединяла оба общества, решившие выступать совместно. Северное общество, как и Южное, приняло тактику военного переворота.

Влиятельным членом Северного общества, особенно в первые годы его существования, был один из инициаторов движения декабристов — Никита Муравьёв. Он разработал конституционный проект, который оживлённо обсуждался среди декабристов.

Конституция Никиты Муравьёва. Черты классовой дворянской ограниченности гораздо резче сказываются в проекте Н. Муравьёва, чем в «Русской Правде». Муравьёв, ранее стоявший на республиканских позициях, с 1820 г. поправел и вновь перешёл на позиции конституционной монархии. Проект конституции Никиты Муравьёва характеризуется высоким имущественным цензом: полные политические права предоставлялись лишь владельцам сравнительно крупного недвижимого или движимого имущества, причём сначала обладатели первого (землевладельцы) «расценивались» вдвое выше обладателей второго (капиталистов); позже Муравьёв отказался от двойного ценза и ввёл общий ценз для избирателей—500 руб. (избиратели должны были иметь эту сумму в движимости или недвижимости). Лишь при выборах волостного старшины — отсутствовало требование имущественного ценза, и к избранию его допускались «все граждане без изъятия и различия». Никита Муравьёв вводил особо высокий имущественный ценз и для лиц, которые избирались на выборные должности.

Землю Никита Муравьёв признавал помещичьей собственностью и в первых вариантах своей конституции был намерен освободить крестьян совсем без земли; позже, под давлением более радикального течения, он предполагал отдать крестьянам при освобождении усадебную землю и кроме того по 2 десятины пахотной земли на двор.

Несмотря на ярко выраженные черты классовой дворянской ограниченности, конституция Муравьёва всё же является документом передовой идеологии, отличаясь характерными чертами дворянской революционности. «Крепостное состояние и рабство отменяются, — гласил проект конституции Муравьёва. — Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным». Уничтожались сословия и устанавливалось равенство всех перед законом. Россия объявлялась *федерацией;* она делилась на 15 *«держав»,* каждая из которых имела свою столицу: были выделены, например, «Волховская держава» со столицей в «городе св. Петра» (Петербурге), Черноморская— со столицей в Киеве, Украинская — со столицей в Харькове,

Кавказская — со столицей в Тифлисе и ряд других. В каждой державе высшим органом власти было особое представительное учреждение, делившееся на две палаты: Верхнюю палату — Державную думу и Нижнюю — палату выборных депутатов державы. Верховная власть в федерации вверялась *Народному вечу* — двухпалатному парламенту. Верхняя палата называлась Верховной думой, Нижняя — Палатой народных представителей. Выборы в эти органы власти были обусловлены высоким имущественным цензом. Императору принадлежала лишь исполнительная власть, он мог задержать принятие закона, вернув его в парламент и поставив на вторичное обсуждение, но совсем отклонить его не мог. Император считался лишь верховным чиновником государства. Ему полагалось большое жалованье (8 млн. руб. в год), и на свои средства он мог, если желал, содержать придворный штат, но все придворные как личные слуги императора лишались избирательных прав; таким образом, придворная клика отстранялась от политической жизни страны. Табель о рангах уничтожалась; должности в государстве становились выборными. Объявлялось немедленное уничтожение военных поселений. Провозглашалась свобода вероисповедания, свобода слова, печати, собраний, передвижения и др.

Классовая ограниченность ярко проявилась в вопросе о земле. Сторонник идей верховной власти народа, Муравьёв всё же отводил крестьянам ничтожный земельный надел (в последнем варианте конституции — по 2 десятины на двор); основной массив земли оставался в руках помещиков. Но, несмотря на эту ограниченность, общее прогрессивное значение его конституции для того времени всё же бесспорно.

Конституция Никиты Муравьёва, несомненно, имела большое значение в идейной жизни и борьбе тайного общества, однако её никак нельзя считать документом, отражающим политическую платформу всего Северного общества. Она никогда не была принята в качестве программного документа всем Северным обществом (в отличие от «Русской Правды» Пестеля, которая ставилась на обсуждение и была принята Южным обществом). В Северном обществе было сильно более радикальное, отмеченное республиканскими идеями, течение, главою которого стал вождь северных декабристов Кондратий Фёдорович Рылеев.

Борьба течений в Северном обществе. К. Ф. Рылеев. Отдельные представители Северного общества и ранее придерживались более радикальных взглядов, нежели Никита Муравьёв. Споры о конституционных проектах, обсуждение тяжёлого положения родины, гнёта крепостного строя и злодеяний аракчеевщины, подготовка тайного общества к пред-

стоящему открытому выступлению и упорная работа над объединением политической платформы как северных, так и южных декабристов — такова была идейная атмосфера вызревания нового, рылеевского течения. Вступивший в тайное общество в 1823 г. К. Ф. Рылеев сыграл большую роль в этой идейной борьбе, объединив вокруг себя группу, в составе которой находились декабристы Оболенский, братья Бестужевы — Николай, Александр и Михаил, Каховский, Корнилович, Одоевский, позже к ней примкнули Якубович и Кюхельбекер. Близкое участие в идейной жизни этой группы принимал Грибоедов, автор «Горя от ума», живший в 1824—1825 гг. в Петербурге. Несмотря на отдельные существенные различия политических мировоззрений, все участники рылеевской группы были объединены желанием скорейшего совместного революционного выступления как северян, так и южан, несогласием с умеренностью муравьёвской конституции и в ряде случаев — республиканскими убеждениями. Ярким представителем республиканских воззрений был К. Ф. Рылеев.

Рылеев вступил в тайное общество в 1823 г., принятый другом Пушкина — давним членом тайного общества И. Пущиным. К моменту вступления в общество Рылеев был уже широко известен в передовых кругах как знаменитый свободолюбивый поэт, пламенный патриот, певец свободы, вдохновитель революционной молодёжи. Стихи, написанные им ещё до вступления в общество, призывали к борьбе с самодержавием и крепостным правом; особой известностью пользовалась его сатира на Аракчеева «К временщику» (1820 г.). Знамениты «Думы», в которых Рылеев прославлял борцов с тиранией. Вступив в общество, Рылеев написал вместе с декабристом А. Бестужевым ряд агитационных песен для народа («Царь наш — немец прусский, носит мундир узкий... Судьи все — жандармы, школы все — казармы...»).

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать? —

спрашивала рылеевская песня. Открытый призыв к восстанию слышался в этих песнях («До бога высоко, до царя далеко, да мы сами ведь с усами, так мотай себе на ус»). В написанной А. Бестужевым в народном духе песне о кузнеце, наточившем три ножа, пелось, что первый нож наточен «на бояр, на вельмож», второй нож — «на попов, на святош», «и, молитву сотворя, третий нож — на царя...» Революционные песни декабристов были известны среди солдат и матросов того времени.

В стихах, специально предназначенных для дворянского юношества, Рылеев призывал его понять своё революционное предназначение и готовиться «для будущей борьбы за угнетённую свободу человека»; восставший народ должен был найти в лице молодых революционеров своих руководителей. Вступив в тайное общество, Рылеев быстро стал центром его радикальной группировки, сыгравшей основную роль в подготовке восстания в Петербурге. Убеждённые республиканцы— Рылеев, Оболенский — оказывали большое идейное воздействие на других членов Северного общества. Рылеевская группа и приняла на себя всю основную тяжесть подготовки восстания декабристов в Петербурге.

Сношения Северного и Южного обществ. Общие замыслы восстания. Северное и Южное общества были в постоянных сношениях между собой. Несмотря на остроту отдельных разногласий, оба общества считали совершенно необходимым совместное выступление. В программном отношении их объединяла общность задач — борьба с самодержавием и крепостным правом; тактика военного выступления также была общей. Несколько раз намечался срок выступления и несколько раз откладывался из-за неподготовленности общества.

В 1823 г. Южное общество вступило в сношения с польским тайным революционным обществом и договорилось в общей форме о взаимной поддержке и совместных действиях. Но твёрдых решений принято не было, и общее выступление не состоялось.

В 1824 г. Пестель приезжал в Петербург с проектом «Русской Правды» и боролся за то, чтобы именно она стала общим программным документом выступления декабристов. Отдельные, более радикальные решения Пестеля привлекали республикански настроенных членов Северного общества, но в целом его проект считался неприемлемым. Много споров вызывало «разделение земель», отрицание федеративного принципа, решительное несогласие Пестеля с идеей учредительного собрания и требование Пестелем длительной диктатуры временного революционного правительства, осуществляющего заранее предрешённый конституционный проект.

Северное общество приняло решение заключить соглашение с южанами помимо Пестеля. С этой целью Трубецкой провёл почти целый год в командировке в Киеве, добившись успеха: Васильковская управа Южного общества с Сергеем Муравьёвым-Апостолом во главе согласилась действовать совместно с северянами. Была выработана и политическая платформа совместного открытого военного выступления. Южане, договорившиеся с Трубецким, согласились отказаться от диктатуры

временного правительства, созвать учредительное собрание, предоставить ему решение земельного вопроса, освобождение же крестьян объявить немедленно после начала восстания.

Во второй половине 1825 г. силы декабристов увеличились. Васильковская управа Южного общества с Сергеем Муравьёвым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым во главе присоединила к обществу декабристов целую новую организацию, которая до тех пор существовала независимо от декабристского общества, — Общество соединённых славян.

Общество соединённых славян. Славянский вопрос в русском революционном движении. Общество соединённых славян, как и основная декабристская организация, имело сложную первоначальную историю. В том же 1818 г., когда в Москве оформился Союз благоденствия, на Украине, в местечке Решетиловке, Полтавской губернии, юнкерами братьями Борисовыми совместно с несколькими товарищами было основано тайное политическое Общество первого согласия, преследовавшее цель борьбы за демократический строй. В 1823 г. молодая организация преобразовалась в Общество соединённых славян, которое поставило целью основание мощной демократической республиканской федерации славянских стран. В федерацию должны были войти Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия, Трансильвания, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроация (все эти страны общество считало славянскими). Границы этой обширной федерации должны были достигать четырёх морей — Чёрного, Белого, Балтийского и Адриатического; четыре якоря — в соответствии с четырьмя морями — символизировали в предполагаемом гербе морскую мощь славянской федерации. Каждое государство, входящее в состав федерации, должно было разработать свою конституцию, отражавшую его особенности. Повсюду в федерации уничтожалось крепостное право; одно из «правил» Соединённых славян гласило: «Не желай иметь раба, когда сам быть рабом не хочешь». Эта республиканская федерация славянских стран представлялась членам общества богатым, свободным государством с кипучей экономической жизнью. Тактика военной революции была чужда Обществу соединённых славян. Его члены считали, что военные революции бывают «не колыбелью, но гробом свободы, именем которой совершаются», и были сторонниками народной массовой революции; правда, программа Славянского общества ещё не была подробно разработана и ясно оформлена.

Так вошёл в русское революционное движение вопрос о славянском единении. В основу его легла не только идея о кровном единстве народов, близких по культуре и говоривших на славянских языках, но — что особенно важно — демократи-

ческая идея нового, завоёванного революцией строя, в котором уничтожалось как крепостное право, так и самодержавие. «Общество имело главною целью освобождение всех славянских племён от самовластия», — сообщается в воспоминаниях члена общества Горбачевского (эти воспоминания — важный источник для изучения идеологии Общества соединённых славян). «Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения в случае надобности общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений». Таким образом, предполагалось единение преобразованных революцией славянских стран, завоевавших демократическое представительное правление. Этот план глубоким и коренным образом отличается от планов реакционного панславизма, противоположен ему. Реакционный панславизм предполагал «единение» славянских народов под главенством русского самодержавия — угнетателя трудовых масс, задавленных феодальным гнётом, тюремщика народов. Идея панславизма обычно лишь прикрывала захватнические цели российского самодержавия, отражая интересы хищнических эксплоататорских классов — поработителей трудовых народных масс. Таким образом, революционную идею славянской демократической солидарности никак нельзя смешивать с идеей реакционного панславизма.

Слияние Общества соединённых славян с Южным обществом декабристов. Осенью 1825 г., накануне выступления, Общество соединённых славян влилось в Южное общество и составило его особое отделение — Славянскую управу. Это не значит, однако, что все члены общества отказались от своей цели создания всеславянской демократической федерации. Эта цель, по их мнению, лишь отодвигалась в будущее; первоочерёдным признавался революционный переворот в России. Впоследствии освобождённая революцией Россия сама должна была стать опорой освободившихся славянских народов. «Россия, освобождённая от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского Союза — освободит Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредит в них свободные правления и соединит всех федеративным союзом», — убеждал славян Бестужев-Рюмин, советуя им соединиться с Южным обществом.

Члены Общества соединённых славян стали энергично вести агитацию среди солдат, готовя их к перевороту. Главной их опорой были солдаты расформированного Семёновского полка, уже имевшие опыт выступления 1820 г.

Междуцарствие. Тайное общество декабристов постоянно обсуждало вопрос об открытом выступлении и готовилось к нему. Но обстоятельства сложились так, что пришлось выступить раньше предположенного срока.

19 ноября 1825 г. вдали от Петербурга, в Таганроге, неожиданно скончался император Александр I. «Всю жизнь провёл в дороге и умер в Таганроге», — ходила сочинённая по этому случаю эпиграмма. Детей у Александра I не было, и по закону престолонаследия должен был воцариться его брат Константин. Но последний ещё при жизни Александра I отрёкся от престола. Его отречение и назначение нового наследника — следующего за Константином брата — Николая — остались необнародованными.

Поскольку отречение не было объявлено, войска и население немедленно после смерти Александра I были приведены к присяге Константину и формально в России воцарился новый император — Константин I. Николай просил Константина официально отречься от престола, Константин же предпочитал выжидать и ссылался на то, что достаточно сделанных ранее неофициальных заявлений. Наконец, Николай решился действовать без отречения Константина и назначил «переприсягу» на 14 декабря. На этот раз войска и население должны были присягнуть императору Николаю I. Настроение в войсках и народе было явно тревожным, недовольство возрастало. Кризис власти был налицо, нельзя было упускать момента для открытого революционного выступления, тем более что издавна тайное общество полагало необходимым выступать в момент смены императоров на престоле. Кроме того, декабристам стало известно, что правительство получило доносы о тайном обществе (Шервуда, Бошняка). 13 декабря в Тульчине арестовали Пестеля. Необходимость выступления была очевидна.

Восстание 14 декабря 1825 г. По планам «военной революции» решающее значение имело выступление в столице. Одновременно должно было произойти выступление войск на юге страны, во 2-й армии. В Петербурге, на квартире декабриста Рылеева, шли ежедневные заседания, на которых подготовлялось восстание. Тут сосредоточивались сведения о готовности отдельных полков к выступлению, давались поручения отдельным членам общества, обсуждался общий план действий. Было решено выступить 14 декабря — в день «переприсяги». Диктатором восстания был избран один из инициаторов основания тайного общества С. Трубецкой, полковник гвардии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, имевший большой военный опыт и известный солдатам.

Каков же был план восстания 14 декабря? Чего хотели декабристы?

Они решили 14 декабря помешать совершению присяги в полках и под предлогом требования воцарения Константина вести солдат к Сенату, где в то время должна была происходить присяга сенаторов и членов Государственного совета новому императору. Этой присяге надо было во что бы то ни стало помешать. Убеждением, а если не удастся, то силой оружия предполагалось принудить членов Сената и Государственного совета обнародовать «Манифест к русскому народу». Этот манифест является важным идейным документом движения, политической платформой восстания 14 декабря. В манифесте объявлялась отмена крепостного права, свобода печати, совести, занятий и передвижения; облегчалось положение солдат; вводилась всеобщая воинская повинность; выборные лица должны были сменить прежних чиновников. Объявлялось о созыве Собрания народных представителей, или Великого собора, которому надлежало решить вопрос о форме правления в России. Текст манифеста уже был разработан и находился у Трубецкого. Предполагался захват восставшими войсками (матросами-гвардейцами) Зимнего дворца, арест царской семьи, захват Петропавловской крепости. Прежнее правительство объявлялось низложенным. До решений Великого собора управление государством передавалось временному правительству, в которое предполагалось включить Сперанского и Мордвинова.

Наступило холодное и ветреное утро 14 декабря. Члены тайного общества ещё до света были в своих полках и вели агитацию против присяги. Первым пришёл на Сенатскую площадь Московский полк под командой декабриста-писателя Александра Бестужева (Марлинского), его брата Михаила и офицера Щепина-Ростовского. Полк построился в каре — боевой четырёхугольник — около памятника Петру I. Это расположение войск в данных условиях являлось наиболее целесообразным: на площади атака и защита могли понадобиться с четырёх сторон. Пока восставший полк один стоял на площади, к нему для уговоров подскакал петербургский генерал-губернатор Милорадович. Момент был опасен — Милорадович был известен в войсках, и его уговоры могли затруднить дальнейший ход восстания. Декабрист Оболенский, начальник штаба восставших, поворачивая обратно лошадь генерал-губернатора, ранил его штыком, а посланная вдогонку пуля Каховского смертельно ранила Милорадовича. Опасность была устранена. Вскоре к московцам присоединился гвардейский морской экипаж под командой Николая Бестужева и часа через два — лейб-гренадеры под командой Панова и Сутгофа (это произошло довольно поздно, около часу дня).

Всего восставших солдат и матросов в боевом строю на Сенатской площади было более 3 тысяч человек при 30 боевых начальниках восстания.

С первых шагов восстания произошли серьёзные осложнения. Весьма важным было то, что диктатор восстания Трубецкой изменил революционному делу и не явился на площадь. Неявка диктатора сама по себе была тяжёлым затруднением, но кроме того была потеряна ближайшая цель: Николай успел привести к присяге членов Сената и Государственного совета. Задуманный план восстания рушился, надо было принять новые решения, но диктатора не было. В рядах декабристов стала замечаться растерянность.

Между тем на площади собралось много простого народа: тут были дворовые, мелкие чиновники, ремесленный люд, городская столичная беднота. По мнению очевидцев, количество народа значительно превышало число восставших. Эта, по выражению Николая I, «чернь» просила декабристов держаться, проявляла своё сочувствие восстанию, кидала камнями и поленьями в императора и его свиту. Несколько раз по приказанию Николая I императорские войска предпринимали конные атаки на революционное каре, но каждый раз, отражаемые боевым огнём восставших, вынуждены были отступать. По показанию царских офицеров, пули из рядов восставших «летели роем», в конной гвардии, бывшей на стороне Николая I, оказалось немало убитых и раненых. Восставшие войска стреляли без команды; был открыт беглый ружейный огонь по приблизившемуся Николаю и по войскам, пытавшимся оттеснить народ от рядов восставших.

Под вечер декабристы выбрали нового «диктатора» восстания — князя Оболенского, но было уже поздно. Николай успел стянуть на площадь вчетверо больше войск, чем было у восставших, и со всех сторон окружил их каре. Темнело. Боясь, чтобы «волнение не передалось черни», Николай отдал приказ стрелять картечью. Но солдат-артиллерист не выполнил приказания: «Свои, ваше благородие», — проговорил он подбежавшему офицеру. Офицер выхватил запал и вложил его сам. Раздался первый выстрел — он был дан несколько выше рядов восставших, по колоннаде и крыше Сената, где скопился сочувствующий восстанию народ. На первый выстрел картечью восставшие отвечали беглым ружейным огнём, но после нескольких залпов картечью ряды восставших дрогнули, заколебались. Началось бегство. Попытка М. Бестужева построить бежавших солдат на льду Невы и бросить их на царские войска не удалась. Картечь ударялась об лёд, он трескался, многие тонули. На снегу Сенатской площади осталось больше 80 трупов. К ночи с восстанием было покончено.

По городу ходили патрули, с мостовой счищали следы крови, столица имела вид завоёванного врагами города. В Зимний дворец стали свозить арестованных.

Восстание Черниговского полка. Весть о разгроме восстания на Сенатской площади дошла до Южного общества декабристов в двадцатых числах декабря. Однако было решено всё же организовать условленное выступление. Члены Общества соединённых славян, офицеры Черниговского полка Сухинов, Кузьмин, Щепилла и Соловьёв освободили из-под ареста подполковника Черниговского полка декабриста Сергея Муравьёва-Апостола и его брата Матвея, расправились с арестовавшим их полковником Гебелем. Сергей Муравьёв-Апостол, ещё ранее обещавший действовать совместно с северянами, возглавил восстание Черниговского полка. Оно началось 29 декабря 1825 г. в селе Трилесы, где стояла 5-я рота полка. Восставшие военным строем двинулись в село Ковалевку, соединились с другими ротами и оттуда направились в город Васильков на соединение с основной массой расквартированного там полка. Захватив город, восставший полк двинулся на деревню Мотовиловку. Поджидая присоединения восставших частей, Сергей Муравьёв-Апостол 1 января 1826 г. объявил в Мотовиловке днёвку, но никто не присоединился, кроме небольшого количества окрестных крестьян, сочувствовавших восстанию и шедших за полком в обозе.

В целях агитации Сергей Муравьёв-Апостол и его друг Бестужев-Рюмин написали революционный «катехизис», предназначенный для распространения в войсках и в народе. В нём цитатами из священного писания доказывалась необходимость свергнуть самодержавие. Катехизис читался перед восставшим полком, экземпляры его распространялись в народе, даже были посланы в Киев. Но 3 января отряд генерала Гейсмара, высланный для усмирения восстания, разгромил Черниговский полк около деревни Ковалевки. Щепилла был убит на поле боя, член Общества соединённых славян Кузьмин застрелился сейчас же после ареста. Раненный в голову руководитель восстания Сергей Муравьёв-Апостол был арестован с оружием в руках, так же как и его друг Бестужев-Рюмин.

Память о восстании Черниговского полка сохранилась среди крепостного крестьянства Украины. Волновавшееся украинское крестьянство в 1826—1827 гг. помнило об этом восстании и выражало желание последовать примеру черниговцев.

Суд и казнь. Всего к следствию и суду по делу декабристов было привлечено 579 человек, 79% из них являлись военными. Суд происходил в строгой тайне. Пестель, Сергей Муравьёв-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев были

поставлены «вне разрядов» и приговорены к четвертованию. Но Николай побоялся удивить Европу такой средневековой казнью и «смягчил» приговор. 13 июля 1826 г. пять декабристов были повешены на кронверке Петропавловской крепости. На Украине, в Василькове, доски с именами Щепиллы и Кузьмина были прибиты к виселице. Солдаты, ведшие по поручению декабристов пропаганду в войсках, были прогнаны сквозь строй, некоторые сосланы в Сибирь. Свыше ста декабристов были сосланы в Сибирь на каторгу или поселение; некоторых разжаловали в солдаты и сослали на Кавказ, где в то время шла война с горцами. На Кавказ был отправлен и весь штрафной Черниговский полк.

Историческое значение восстания декабристов. Восстание декабристов имело большое значение в истории революционного движения в России. Это было первое открытое выступление против самодержавия с оружием в руках. Как сказал Ленин, Россия в 1825 г. впервые видела революционное движение против царизма [1]. До этого времени в России происходили лишь стихийные крестьянские волнения. Восставшее крестьянство героически боролось против крепостного гнёта, но эти восстания не были освещены политическим сознанием: в своей политической темноте крестьянство шло на борьбу под лозунгами наивного монархизма. Глубоко отличным по существу являлось восстание 14 декабря, первое революционное восстание против самодержавия. Вдохновлённые передовыми идеями эпохи, восставшие декабристы шли под революционными лозунгами свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. Эти лозунги были завещаны декабристами позднейшему революционному движению и в течение десятилетий оставались основными лозунгами революционной борьбы. В то же время своим горьким опытом декабристы показали, что протест ничтожной горсточки революционеров бессилен без поддержки народа. Последующие русские революционеры строили свои планы в расчёте на активное участие в восстании народных масс. Как сказал Ленин, дело декабристов «не пропало»: декабристы — «лучшие люди из дворян» — помогли «разбудить народ» (*Ленин*). В своей работе «О национальной гордости великороссов» Ленин указал на то, что декабристы сыграли большую роль в революционном движении России, что мы должны гордиться декабристами: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 234.

жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...» [1]

Историография декабристов. Дворянская и либерально-буржуазная историография, как правило, замалчивала восстание декабристов, а если и говорила о нём, то лживо, искажала его смысл, принижала его значение. «Декабристы — историческая случайность, обросшая литературой», — говорил В. О. Ключевский. В общих концепциях истории России декабристам уделяли мало внимания или «забывали» о них совсем. Однако издавалась специальная литература с целью искажения дела декабристов и унижения их памяти. Лживая книга барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», написанная по правительственному заказу, характеризовала декабристов как «извергов», безумных «мятежников», сумасбродных одиночек, дерзко выступивших против всеми признанного «порядка», обманувших солдат и ни в ком не встретивших сочувствия. Герцен и Огарёв выступили в «Колоколе» с резким разоблачением книги Корфа и первые утвердили революционное значение декабристов, но не смогли проанализировать их классовую природу. А. Н. Пыпин в книге «Общественное движение в России при Александре I» выдвинул либерально-буржуазную концепцию движения, в которой начисто отрицал революционность декабристов и представлял их сторонниками мирных реформ, действовавшими в легальных формах, дозволенных царскими законами.

Наиболее крупное дореволюционное исследование о декабристах принадлежит профессору В. И. Семевскому («Политические и общественные идеи декабристов», 1909 г.). Семевский — историк либерально-народнического направления; он первый поднял следственный архив декабристов и тщательно изучил его, не ставя, однако, цели исследовать движение в целом, в его историческом развитии; равным образом не занимала его и история самого восстания. Он изучил лишь с либерально-буржуазных позиций «идеи» декабристов, систематизировав их преимущественно по формально-тематическим признакам («судебная реформа», «свобода печати», «крестьянский вопрос» и т. д.). Он решительно отвергал принципы классового анализа и считал декабристов «внеклассовой интеллигенцией». Как профессор либерально-народнического направления Семевский подвергался гонениям со стороны царского правительства и считался «красным»; его работы проникнуты сочувствием к первым русским революционерам, но далеки от научного марксизма.

М. Н. Покровский и его «школа» выдвинули ложную концепцию декабризма, противоречащую марксистско-ленинской исторической науке. Покровский не усвоил ленинского понятия «дворянских революционеров», он грубо и непосредственно связывал экономику эпохи с идеологией декабристов и причину их революционности видел в повышении на мировом рынке хлебных цен (которые, кстати, пали в 20-е годы). Подъём патриотизма будущих декабристов в 1812 г. Покровский высмеивал как узкий национализм. Декабристы объявлялись корыстными дворянами, которые добивались через революционный переворот увеличения дворянских доходов. Покровский и его «школа» стремились «уличить» декабристов в «аристократизме», дворянской корысти и всячески принижали их значение. Концепция Покровского отмечена национальным нигилизмом, равнодушием к русским революционерам-патриотам. Лишь некоторые события

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 85.

истории декабристов, например восстание Черниговского полка, признавались революционными, и только Пестель, в порядке исключения, назывался революционером, но и его революционность характеризовалась неправильно: Покровский насильственно подтягивал Пестеля то к Чернышевскому, то к большевикам, не признавая ленинской периодизации русского революционного движения.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 28 (замечание о 14 декабря 1825 г.). — *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии. Сочинения. Изд. 4. Т. 6. С. 103 (примечание). — *Ленин В. И.* Политический кризис и провал оппортунистической тактики. Сочинения. Изд. 4. Т. 11. С. 133. — *Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 9—15. — *Ленин В. И.* Роль сословий и классов в освободительном движении. Сочинения. Изд. 4. Т. 19. С. 294. — *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 223—225. — *Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов. Сочинения. Изд. 4. Т. 21. С. 85.— *Ленин В. И.* Доклад о революции 1905 года. Сочинения. Изд. 4. Т. 23. С. 234, 237. — *Сталин И. В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом (13 декабря 1931 года). «Большевик». 1932. № 8, с. 36. То же: отд. изд. [М.] Госполитиздат, 1938. С. 7.

II. Документальные материалы. Пособия. Восстание декабристов [Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии]. Т. I—VI, VIII. М.—Л. 1925—1929. (Центрархив). — *Пестель П. И.* Русская Правда. Наказ Временному верховному правлению. Спб. 1906. XIV. 245 с. — *Муравьёв Н.* [Проект конституции Никиты Муравьёва]. В кн.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьёв. М. 1933. С. 303—366. — Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М.—Л. 1926. 248 с. — Декабристы и тайные общества в России. М. 1906. 168 с. — *Якушкин И. Д.* Записки. Изд. 7, доп. и испр. М. 1926. 191 с. — *Бестужевы Н. А. и М. А.* Воспоминания Бестужевых. М. 1931. 470 с. — *Тургенев Н. И.* Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова. Т. I—III [1806—1824 гг.]. Спб. — Пгр. 1911—1921. — *Лорер Н. И.* Записки декабриста Н. И. Лорера. Подготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина. М. 1931. 448 с. — *Горбачевский И. И.* Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. Изд. 2, доп. и испр. М. 1925. 399 с. — Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. I—II. М. 1931—1933. — Декабристы. Отрывки из источников. М.—Л. 1926. IV, 483 с. (Центрархив). — *Щёголев П. Е.* Декабристы. М.—Л. 1926. 362 с. — *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года. М.—Л. 1926. 226 с. — *Нечкина М. В.* План государственного переворота в день восстания 14 декабря 1825 года. «Исторические записки». 27. М. 1948, с. 96—141.—*Нечкина М. В.* Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского. В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Ч. I. М.—Л. 1939. С. 303—336. — *Пажитнов К. А.* Экономические воззрения декабристов. Под ред. И. Д. Удальцова. М. 1945. 103 с.

Глава VII

МОНАРХИЯ НИКОЛАЯ I. МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ в 1826—1847 гг.

Николай I и программа его царствования. Разгром восстания декабристов укрепил на троне нового самодержца — Николая I. По меткому выражению Энгельса, этот царь был самодовольной посредственностью, «с кругозором ротного командира»[1].

Новый император получил самое убогое образование, его взгляды сложились под влиянием феодально-дворянских традиций, а его высшим удовольствием было заниматься смотрами и парадами. При Александре I Николай командовал гвардейской бригадой, возбуждая общую ненависть своим придирчивым педантизмом и грубым самодурством. С детства Николай воспитывался в ненависти к революции и к демократическим учреждениям. Восстание декабристов укрепило и обострило это чувство. «Революция на пороге России», — сказал он после 14 декабря 1825 г. и тут же прибавил: «Но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни». В этих словах была выражена вся «программа» нового царствования. Непрерывная и ожесточённая борьба с революционным движением в Западной Европе и у себя дома стала руководящей задачей Николая I. Он чувствовал, как шатаются устои дворянского государства, как распространяются и крепнут революционные идеи, и прилагал все усилия, чтобы спасти крепостническую систему. Если Александр I пытался маневрировать, прикрывая свою реакционную политику либеральными фразами, то Николай I действовал грубее и проще; говоря словами Энгельса, он стремился к деспотизму с «прямотой и беззастенчивой откровенностью»[2]; лучших представителей передовой интеллигенции Николай I преследовал казнями, крепостными казематами, линейными батальонами; участников крестьянского движения он приказывал расстреливать, прогонять «сквозь строй», ссылать в каторжные рудники

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 24, примечание 2.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. II, стр. 259.

и тысячами подвергать «домашнему наказанию» розгами. По словам Ленина, Николай I показал русскому народу «максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа» [1].

Расправа с революционным движением. III отделение. Новое царствование началось не только восстанием декабристов: в первые месяцы 1826 г. в ряде губерний, особенно на Украине, прокатилась волна крестьянского движения; государственные крестьяне отказывались платить непомерно выросшие налоги и оброки, помещичьи крестьяне отказывались отбывать барщину и повиноваться помещикам. В деревни, охваченные волнениями, были двинуты военные отряды; специальным манифестом 12 мая 1826 г. Николай I опроверг распространившиеся слухи о якобы дарованной вольности и отмене податей и грозил суровыми наказаниями ослушникам.

Жестоко расправившись с декабристами и подавив крестьянское движение, Николай I решил не только централизовать деятельность политической полиции, но и поставить её под своё личное руководство. Особым указом 3 июля 1826 г. в составе «собственной его величества канцелярии» было образовано III отделение, которому поручались «все распоряжения и известия по делам высшей полиции»; III отделение обязано было преследовать «государственных преступников», заведывать местами их заключения, наблюдать за поднадзорными, раскольниками, иностранцами и фальшивомонетчиками, высылать подозрительных и собирать сведения о происшествиях. По мысли Николая I, это новое учреждение должно было стать вездесущим и всеведущим органом, действующим от имени самодержца и не связанным существующими законами. В распоряжении III отделения находилась вооружённая сила корпуса жандармов. Через многочисленную тайную агентуру жандармы должны были «вникать в направление умов», замечать, кто вольно и непочтительно изъясняется против религии и власти, разведывать, не возникают ли тайные общества, не выпускаются ли политические «пасквили», не продаются ли запрещённые книги.

Шефом жандармов и начальником III отделения был назначен граф А. Х. Бенкендорф, остзейский помещик, пользовавшийся безграничным доверием Николая I, жестокий, невежественный и бездарный генерал. III отделение располагало могущественной властью и, облечённое доверием императора, поднималось над всеми государственными учреждениями как высшая контролирующая и карающая сила. С помощью разветвлённого шпионажа III отделению удавалось вылавливать

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. *24*, изд. *4*, стр. 43.

отдельные группы революционной молодёжи, авторов и переписчиков «возмутительных сочинений», людей, критиковавших николаевские порядки. Крепости, тюрьмы, гауптвахты, казематы монастырей непрерывно наполнялись «изобличёнными» и просто «подозрительными».

Новый цензурный устав. Реакционные меры в области просвещения. Особенно зорко Николай и III отделение следили за литературой и школой, через которые могли просачиваться революционные идеи. Было решено обуздать «распустившуюся» печать посредством строгой предварительной цензуры. В 1826 г. правительство издало цензурный устав, который получил меткое прозвище «чугунного». Отныне цензорам надлежало запрещать всякое произведение, в котором подвергались сомнению правила религии, подрывалось почтение к правительству, порицалась монархическая форма правления или высказывались предположения о государственных преобразованиях. Не пропускались исторические исследования, если авторы их позволяли себе «произвольные умствования» или недостаточно порицали революционные перевороты; запрещались медицинские и естественно-научные работы, которые в какой-нибудь мере задевали «истины о духовности души». Из философских книг разрешались только учебники. «Прочие сочинения сего рода, наполненные бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времён, вовсе печатаемы быть не должны», — гласил цензурный устав. Для проведения в жизнь «чугунного устава» была создана целая сеть цензурных комитетов, которые открыли настоящий реакционный поход против литературы и науки.

По отношению к школе правительство заняло откровенную феодально-сословную позицию. «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую звание в них имеет», — заявлял николаевский министр народного просвещения А. С. Шишков. Особенно опасались распространения грамотности и знаний среди трудового народа. В 1827 г. Николай I категорически запретил принимать крепостных крестьян в средние и высшие учебные заведения. В 1828 г. был издан новый школьный устав, который перестроил образование на узко сословных началах. Преемственная связь между начальной, средней и высшей школой, существовавшая с 1803 г., уничтожалась. Для «людей нижних состояний» предназначались одноклассные приходские училища с самой элементарной программой; для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей — трёхклассные уездные училища с более расширенным курсом; наконец, для детей дворян и чиновников — семиклассные гимназии, в которых преподавались древние и

новые языки, физика, словесность, а для желающих пансионеров — музыка, фехтование и танцы. На первый план выдвигались задачи внушения учащимся их обязанностей «к богу, к себе, ближним и постановленным над ними властям». Во всех школах были введены телесные наказания. Строжайшему надзору подвергались частные учебные заведения, которые в глазах правительства зарекомендовали себя как рассадники «вольнодумства».

Комитет 6 декабря и его проекты. Чтобы подрезать корни революционного движения, недостаточно было усилить деятельность полиции, «обуздать» печать и направить в безопасное русло школьное преподавание; нужно было устранить вопиющие злоупотребления бюрократии и слишком жестокое самоуправство помещиков — так рассуждали более «проницательные» представители дворянского государства. Казнокрадство, лихоимство и волокита возбуждали недовольство даже в реакционных кругах правящего класса. Рост безземельных дворовых, безудержная торговля рабами, изощрённые истязания крепостных многими осуждались как опасные источники угрожающего «мужицкого бунта». Считали, что надо улучшить систему государственных учреждений и «упорядочить» отношения между помещиками и крестьянами, не посягая на основные устои — самодержавие и крепостное право. В этом духе Николаю подавались многочисленные записки, на этом настаивало даже вездесущее III отделение.

В полном согласии с мнением крепостнического дворянства 6 декабря 1826 г. Николай I образовал особый секретный Комитет из наиболее доверенных сановников. Во главе Комитета был поставлен сторонник умеренной реформы, председатель Государственного совета граф В. П. Кочубей, а его ближайшим помощником и главным организатором работы сделался М. М. Сперанский. Комитет 6 декабря должен был разобрать все представленные проекты и записки, обсудить всю систему управления и разрешить вопрос, поставленный царём: «Что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить». Комитет существовал несколько лет и, перейдя к разработке собственного проекта преобразования, проявил самую трусливую осторожность. Поседелые сановники Николая I больше всего боялись потрясти крепостническую систему; колеблясь и отступая, они пытались исправить и укрепить её частичными «переменами и дополнениями».

По проекту Комитета 6 декабря необходимо было «очистить» дворянство от притока инородных элементов: дворянское звание могло приобретаться только наследственно и в силу «высочайшего пожалования», но не посредством выслуги. Запрещалось дробить крепостные деревни, чтобы избежать

измельчания дворянских имуществ. Для чиновников, выдвинувшихся по службе, для капиталистов и для интеллигенции предполагалось создать новые сословия — «чиновных», «именитых» и «почётных граждан». Крепостное право сохранялось в неприкосновенности, но запрещались перевод крестьян в дворовые и отчуждение крестьян без земли. Помещикам было разрешено отпускать крепостных на свободу не только с землёй, но и без земли; такие освобождённые крестьяне должны были составить новое сословие «вольноотпущенных земледельцев». Предполагалось реформировать управление государственными крестьянами и превратить «благоустроенную» казённую деревню в образец для подражания «благоразумных» помещиков. Наряду с сословной реформой Комитет 6 декабря предлагал частичное преобразование управления и суда. Государственный совет должен был стать исключительно законосовещательным органом, Сенат разделялся на два самостоятельных учреждения — административное и судебное; в устройство центральных и местных органов вносились бо́льшая определённость и взаимная согласованность.

Но и такая робкая попытка преобразования вызвала резкий отпор со стороны крайних крепостников. Николай одобрил было проекты Комитета 6 декабря, но, напуганный новым взрывом революционного движения, отсрочил их утверждение на неопределённое время.

Массовое движение 1830-х годов. В июле 1830 г. произошла революция во Франции: «законная» династия Бурбонов была свергнута, и французский народ покончил с попытками феодальной реставрации. Через месяц началась революция в Бельгии; в результате победоносного восстания была провозглашена национальная независимость бельгийского народа и введена буржуазно-либеральная конституция. Священному союзу был нанесён сокрушительный удар. Николай I уже готовил интервенцию, чтобы подавить революцию, как вдруг в ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание в Польше. Одновременно развёртывались бурные волнения во внутренних губерниях Европейской России.

Ещё летом 1830 г. в связи с карантинными мерами против грозящей эпидемии чумы произошло военное восстание в Севастополе. Возбуждённые притеснениями и насилиями властей, поднялись матросы рабочих и флотских экипажей; к ним присоединились жители Артиллерийской и Корабельной слобод; сухопутные войска отказались стрелять в восставших и частью перешли на их сторону. Город оказался во власти народа. Руководителем движения был флотский квартирмейстер Иванов. Но восстание было слабо организовано: у восставших не было ни определённой программы, ни продуманной тактики.

Севастополь окружили войска, и через несколько дней восстание было подавлено.

Осенью 1830 г. в связи с распространившейся эпидемией холеры и произвольными распоряжениями полиции начали вспыхивать стихийные протесты в разных концах империи. Стали распространяться слухи, что господа отравляют колодцы и морят простой народ. Толпы крестьян, рабочих, ремесленников разбивали больницы и полицейские управления, избивали врачей и чиновников. Особенно бурные формы приняли холерные волнения в Тамбове и его подгородных сёлах. Местные власти оказались бессильны справиться с движением, гарнизонный батальон отказался стрелять, губернатор едва уцелел при нападении толпы. Город фактически перешёл во власть восставших, но и здесь движение было стихийным и кончилось поражением.

Особенно крупными были события 1830 г. на Северном Кавказе; там под лозунгом «священной войны» против неверных началась ожесточённая борьба горцев против колонизаторской политики царизма (см. главу XI).

В 1831 г. начавшееся в Польше восстание перекинулось в Литву и Белоруссию. «Холерные бунты» не только не прекратились, но принимали ещё более широкие и грозные размеры. 22 июня (4 июля) 1831 г. на Сенной площади Петербурга произошло бурное народное возмущение: собравшиеся толпы рабочих, ремесленников и дворовых разнесли холерную больницу, перебили врачей, прогнали столичного генерал-губернатора и отказались разойтись по требованию полиции. Площадь оцепили гвардейские войска, и стихийное движение было подавлено. Но через три недели в Петербурге были получены донесения о новом, ещё более опасном «бунте»: 11(23) июля восстали новгородские военные поселения. Волнения начались в городе Старая Русса: поселенцы 10-го военно-рабочего батальона под звон набатного колокола овладели присутственными местами и гауптвахтами, разгромили полицейское управление и аптеку, арестовали офицеров и организовали над ними публичный суд на городской площади; наиболее ненавистные начальники были перебиты; поселяне расставили караулы и разослали вокруг пикеты. Восстание перекинулось на соседние поселения: затаённая ненависть против разоряющей и мучительной военной системы, введённой Александром и Аракчеевым, мгновенно вылилась наружу в стихийной и бурной форме. Один за другим поднялись 12 гренадерских полков. Офицеров и чиновников, которые не успевали скрыться, арестовывали, убивали или пороли розгами; восставшие солдаты создавали собственные выборные комитеты из унтерофицеров и рядовых; были попытки поднять крепостных

крестьян против помещиков. Восстание бушевало в двух переходах от столицы. Антидворянские классовые лозунги восстания ярко выразил один старик-крестьянин, участник движения: «Что тут говорить! Для дураков — яд да холера, а нам надобно, чтобы вашего дворянского козьего племени не было».

С большим трудом, прибегая то к хитростям, то к насилию, правительству удалось вывести бунтующие войска из зоны восстания и, пользуясь стихийностью движения, постепенно разъединить и разгромить его силы. Однако «холерные бунты» не прекращались до конца года.

Польское восстание 1830—1831 гг. Большую роль в общей картине брожения и недовольства сыграло польское восстание 1830—1831 гг.

Царизм подвергал Польшу тяжёлому национальному угнетению: конституция Царства Польского, объявленная в 1815 г., постоянно и грубо нарушалась, производились аресты и ссылки депутатов, резко стеснялась деятельность сейма, проводилась политика насильственной руссификации, всё более усиливался грубый произвол наместника царя — цесаревича Константина. В Польше была организована тайная полиция, всё Царство Польское после восстания декабристов покрылось сетью шпионов, полицейский контроль тяготел над просвещением, аресты и репрессии обрушивались на передовых деятелей Польши. Всё усиливавшееся революционное брожение в Польше уходило своими корнями в ту же подоснову, что и русское революционное движение: его питал процесс разложения феодально-крепостнического строя и возникновения и развития капиталистического уклада. Этот процесс ставил перед Польшей задачи свержения самодержавия и ликвидации феодального угнетения над крестьянством; хотя крепостное право и было объявлено в Польше уничтоженным ещё в 1807 г. согласно продиктованной Наполеоном конституции герцогства Варшавского, однако существовали самые резкие и тяжёлые формы феодального угнетения крестьян помещиками.

Тем не менее польское революционное движение, гегемонию в котором осуществляло польское дворянство, сосредоточилось прежде всего на борьбе за восстановление польской государственной самостоятельности, за выход из-под гнёта российского самодержавия и восстановление независимой Польши в границах 1772 г.; социальные задачи революционного преобразования считались «шляхетскими политиками» второочерёдными или вообще замалчивались. Однако при всей своей ограниченности борьба Польши против царизма, за восстановление своей политической самостоятельности имела значение для международного освободительного движения до

60-х годов XIX в.[1] Это значение определялось той ситуацией, которая создалась после 1825 г.: революционное движение в России было подавлено; восстание декабристов было разгромлено царизмом, сильного же массового демократического движения в России тогда ещё не существовало; стихийные крестьянские выступления легко подавлялись царским правительством. Царизм — жандарм Европы — был сильнейшей угрозой для развивающегося революционного движения на Западе. Вместе с ним несли функции европейского жандарма страны, союз которых с царской Россией был скреплён разделом Польши, — Пруссия и Австрия. В этой обстановке «клич: «Да здравствует Польша!» означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии...»[2]

После разгрома польского Патриотического общества в связи с процессом декабристов польское революционное движение было загнано глубоко в подполье. Буржуазные революции 1830 г. дополнительно стимулировали польское движение. Царское правительство сосредоточило у польской границы военные силы для интервенции в революционной Франции, предполагалось двинуть для этой цели и польское войско. Тайное общество подхорунжих тем временем сгруппировало в своих рядах военную молодёжь и студенчество, готовясь к открытому выступлению. Слухи о предстоящей мобилизации ускорили начало восстания.

В ночь на 17 (29) ноября отряд подхорунжих ворвался в Бельведерский дворец наместника с криками: «Смерть тирану!» Константину удалось скрыться. Городская трудовая масса под руководством Мохнацкого завладела арсеналом, началась раздача ружей городскому населению. События нарастали. 13 (25) января состоялась детронизация (сведение с престола) Николая I. В акте детронизации говорилось: «Польский народ, представляемый Сеймом, объявляет, что он независим и что он вправе дать корону тому, кто будет более достоин её носить». Сейм объявил, таким образом, Николая и его семью лишёнными прав на польский престол. В тот же день Патриотический клуб организовал большую демонстрацию в честь декабристов; на площади член Патриотического клуба Адам Гуровский произнёс революционную речь, восторженно принятую населением, была отслужена панихида по пяти повешенным. Акт детронизации означал объявление войны Николаю I.

---

[1] В последней трети XIX в. вопрос об отделении Польши от России получил иную постановку в революционном движении (см. главу XIX).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 548.

Война Николая I с Польшей. К началу военных действий Польша имела армию в количестве 50—60 тыс. человек при 142 орудиях. Николай отправил для усмирения восставшей Польши армию численностью около 120 тыс. человек под главнокомандованием Дибича.

Первое сражение под Сточком 2 (14) февраля 1831 г. окончилось победой польских войск, но вслед за этим поляки начали терпеть серьёзные поражения. 13 (25) февраля под Гроховом произошло большое сражение при попытке польских войск остановить наступление Дибича на Варшаву; тут сосредоточились основные силы польской армии (30 тыс. человек при 80 орудиях) против 100-тысячной русской армии при 300 артиллерийских орудиях. Сражение длилось целый день, польские войска обнаружили большую храбрость и стойкость, но к вечеру их сопротивление было сломлено. Польская армия потерпела крупнейшее поражение. 14 (26) мая при Остроленке польская армия потерпела ещё одно сильное поражение и отступила к Варшаве. В мае 1831 г. Дибич умер от холеры, главнокомандующим был назначен граф Паскевич. 7 сентября Паскевич начал штурм Варшавы, а на следующий день его армия вступила в город. Восстание было окончено. Началась расправа царизма с побеждёнными.

Основной причиной неудачи восстания было нежелание господствующего класса отказаться от своих феодальных привилегий. По словам Энгельса, «в 1830 г. господствующий класс в Польше оказался настолько же эгоистическим, ограниченным и трусливым в законодательном собрании, насколько самоотверженным, полным энтузиазма и мужественным он был на поле битвы» [1].

Отказ от социальных реформ дал Энгельсу основание назвать польское восстание «консервативной революцией». Но классики марксизма всё же положительно оценили значение восстания для общеевропейской революционной борьбы. Восстание нанесло сильный удар жандарму Европы — Николаю I. Восставшая Польша отстранила от революционной Франции и Бельгии опасность русско-прусской интервенции. «В 1830 г., когда император Николай и прусский король готовы были осуществить свой план с тем, чтобы новым нападением на Францию восстановить легитимную монархию, — в это время польская революция... заградила им путь» [2].

Политика Николая I в Польше. «Органический статут». В ноябре 1832 г. Николай учредил уголовный суд над повстанцами. Суд был в значительной степени заочным; казни, ссылка

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. V, стр. 264.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 548.

в Сибирь, высылка за границу являлись результатом его приговоров; имения участников восстания были конфискованы.

Николай решил уничтожить польскую конституцию. Франция и Англия, не желая обострять своих отношений с царизмом, приняли к сведению ноту министра иностранных дел Нессельроде о намерении императора «совершенно изменить» (т. е. отменить) конституцию Царства Польского. Ещё в ноябре 1831 г. Николай учредил временное правительство Польши с Паскевичем во главе; вслед за этим в феврале 1832 г. был опубликован новый «Органический статут», согласно которому Царство Польское объявлялось «неотъемлемой частью» Российской империи, а польская корона—наследственной в русском императорском доме; отдельной коронации императора не требовалось. Управление Царством Польским было возложено на Административный совет с наместником императора во главе. Сейм был уничтожен. В самой Польше внешне господствовал «порядок», так как Польша, по словам Энгельса, была «оккупирована так крепко, что не могла и шевельнуться»[1]. По приказанию Николая I около Варшавы была сооружена цитадель с орудиями, обращёнными на город.

Расправившись с польскими революционерами, Николай усилил реакционный курс своей внутренней политики.

Усиление реакции. Революционные события 1830—1831 гг., особенно массовые волнения внутри России, произвели сильное впечатление на Николая I. Революция снова была «на пороге России», но Николай надеялся попрежнему справиться с ней путём жестоких репрессий. Революционные кружки и смелые одиночки, критиковавшие палочный режим Николая I, подвергались самым суровым карам. Так, поплатились члены кружков Сунгурова и Герцена за свои вольнодумные мысли и разговоры, несколько профессоров Нежинского лицея — за «вредное» влияние на юношество, группа разночинцев города Мурома — за распространение листков, направленных против самодержавия и крепостничества, наконец, целый ряд лиц, читавших и хранивших запрещённые сочинения. В зависимости от степени вины их заключали в крепостные казематы, назначали рядовыми в Кавказский корпус, на боевую линию, рассылали по отдалённым губерниям.

После 1830 г. цензура стала ещё придирчивее; охваченные паникой цензоры не пропускали самых благонамеренных сочинений. Были закрыты за «вредное направление» наиболее содержательные и распространённые журналы. В 1832 г.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 27.

правительство наложило запрет на журнал «Европеец» за либеральную статью И. Киреевского «Девятнадцатый век». Николай был уверен, что автор статьи, «рассуждая о литературе, на самом деле имеет в виду политику: под словом «просвещение» он понимает «свободу», «деятельность разума» означает у него «революцию», а «искусно отысканная середина» — не что иное, как «конституция». В 1834 г. подобная же кара постигла «Московский телеграф» Н. А. Полевого за то, что он разбранил бездарную пьесу Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», написанную с позиций «официальной народности». В 1836 г. прекратил свои дни «Телескоп» Надеждина: он осмелился напечатать «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, в котором заключался протест против политической и культурной отсталости России; в наказание Надеждин был сослан в Вологду, цензор получил отставку, а Чаадаева официально объявили сумасшедшим, причём он должен был обязаться ничего не печатать. Нередко и цензоров и авторов вызывали в III отделение, подвергали допросам и сажали на гауптвахту.

Министром народного просвещения с 1833 г. стал реакционер С. С. Уваров, давно забывший старые либеральные «грехи» своей молодости. Этот образованный, но беспринципный карьерист выдвинулся при Николае I своими реакционными заявлениями в духе правительственной программы; он говорил, что необходимо «завладеть умами юношества» и привить ему «истинно-русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества». По мнению Уварова, основными задачами министерства должна была стать планомерная «борьба с разрушительными понятиями», «умножение числа умственных плотин» и обуздание «порыва к приобретению роскошных знаний». «Просветительная» политика Уварова вполне соответствовала его реакционной программе. Казённые школы были изъяты из ведения университетов и подчинены назначенным чиновникам — попечителям учебных округов; частные школы и домашние учителя были поставлены под строгий контроль правительства. Университеты на основании нового устава 1835 г. потеряли значение учёных обществ, лишились права собственного суда и оказались в полной зависимости от попечителей. Были приняты разнообразные меры, чтобы помешать притоку в университеты выходцев из «низших» сословий. За студентами устанавливалось строгое наблюдение особых инспекторов. Были значительно сокращены программы средних и высших учебных заведений; на юридических факультетах были уничтожены кафедры философии, естественного права, политиче-

ской экономии, статистики. Насаждение религиозных и верноподданнических чувств стало важнейшей задачей преподавания. Школа, так же как и печать, должна была прежде всего бороться со всякими революционными влияниями.

Кодификация законов. Однако Николай чувствовал, что одними репрессиями невозможно остановить нарастающий кризис. Вопрос о частичных преобразованиях, поставленный Комитетом 6 декабря, снова выдвинулся на очередь после событий 1830—1831 гг.

Для дворянского правительства Николая I легче всего было выполнить давно задуманную работу по кодификации права. В России ещё действовало Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.). После его издания накопились десятки тысяч разнообразных, зачастую дополнявших, а иногда исключавших друг друга законов. Неоднократные попытки пересмотреть и привести в порядок эту хаотическую груду манифестов, положений, уставов и указов оказывались неудачными. Николай I снова поставил на очередь задачу кодификации права, стараясь сохранить и укрепить действующую социально-политическую систему.

Ещё в начале царствования Николай образовал в составе своей канцелярии особое II отделение — для подготовки текста нового уложения. Фактическим руководителем кодификационной работы сделался М. М. Сперанский, который обладал большими юридическими знаниями и хорошо разбирался в русском законодательстве.

В 1830 г. был закончен первый этап кодификационной работы и выпущено в свет «Полное собрание законов Российской империи»; в него вошло 45 томов так называемого «Первого собрания», охватившего всё законодательство с 1649 до 1826 г., и 6 томов «Второго собрания», включавшего законы, изданные при Николае I; впоследствии, по мере накопления новых законов, выпускались следующие тома, служившие продолжением начатого издания. В 1832 г. закончился второй этап кодификационной работы; был составлен и издан систематический «Свод законов», в который вошли только действующие, неотменённые законы; они были расположены по определённому плану (сначала законы государственные, затем законы гражданские и т. д.) и заняли 15 томов; впоследствии в связи с утверждением новых законов «Свод» исправлялся и время от времени выпускался повторными изданиями. Если «Полное собрание законов» приобрело значение историко-юридического источника, то «Свод законов» сделался официальным руководством в практике царского суда и управления. Это была техническая сводка существующих законов, ничего не менявшая в характере самого строя. «Свод законов Российской империи»,

по мысли его составителей, должен был поддержать обветшавшее здание крепостнического государства.

Попытки укрепить дворянское сословие. Николаю I нетрудно было провести и другую меру, уже проектированную Комитетом 6 декабря 1826 г.: попытаться укрепить дворянское сословие, «очистив» его от деклассированных и «инородных» элементов и упрочив его материальную землевладельческую базу. Манифестом 1831 г. были повышены нормы имущественного ценза, который давал право выбирать дворянских представителей на сословные и административные должности: непосредственно участвовать в выборах могли только те, которые имели в пределах губернии 3 тыс. десятин земли или не менее 100 душ крестьян; дворяне, владевшие меньшим имуществом, имели право избирать только уполномоченных, т. е. выборщиков, которые голосовали за кандидатов на должности; имевшие менее 5 душ крестьян или менее 150 десятин земли вовсе не допускались к дворянским выборам. Таким образом, мелкопоместные дворяне отстранялись от влияния на корпоративную жизнь дворянства и местное управление в губерниях и уездах.

Чтобы предотвратить «засорение благородного дворянства» буржуазными элементами, Николай создал новые сословия — потомственных и личных «почётных граждан». В силу закона 1832 г., «потомственными почётными гражданами» становились по рождению дети личных дворян и тех церковнослужителей, которые имели определённый образовательный ценз, а по особому ходатайству — крупные капиталисты, а также художники и учёные, которые имели степени и дипломы. Личное почётное гражданство получали по рождению дети церковнослужителей, не имевшие установленного образовательного ценза, по особому ходатайству — лица, окончившие высшие учебные заведения, и по выслуге — обладатели низших служебных чинов. Этим новым сословиям обеспечивалась свобода от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушной подати. Таким образом, руководясь интересами дворянства, Николай I выделил и облёк некоторыми привилегиями формирующиеся и крепнущие буржуазные слои общества, придав им старую сословную форму.

Чтобы укрепить материальное положение крупного дворянства, законом 1845 г. были установлены майораты — заповедные дворянские имения (размером не менее 400 крестьянских дворов или 100 тыс. десятин земли), которые нельзя было дробить на части и отчуждать в посторонние руки: они должны были переходить по наследству к старшему сыну. Такие заповедные имения могли жаловаться царём или учреждаться по

желанию собственника. В течение ближайших 22 лет законом воспользовались всего 18 владельцев.

Крестьянский вопрос. Однако основным вопросом, тревожившим Николая I и земледельческое дворянство, были не кодификация права и даже не «очищение» дворянского сословия, а вопрос о будущем крепостного крестьянства. Даже Бенкендорф убеждал царя, что «крестьянское состояние есть пороховой погреб под государством», имея достаточные основания для такого вывода: количество крестьянских волнений год от году увеличивалось; учащались случаи беспощадной расправы с помещиками — их убивали, подвергали избиению, иногда пороли розгами; крепостные бежали от своих эксплоататоров одиночками, семьями, целыми селениями, в некоторых случаях целыми волостями. Время от времени крестьянские волнения охватывали огромные районы, на борьбу с крепостной системой поднимались многие тысячи людей. Так было летом 1839 г., когда внутренние губернии поразили сразу два бедствия — засуха и повсеместные пожары. Крестьяне были уверены, что их деревни поджигают ненавистные помещики и чиновники; в порыве ожесточения они хватали заподозренных поджигателей, избивали их, а иногда бросали в огонь. Возбуждение охватило 12 губерний, преимущественно Поволжье и чернозёмную земледельческую полосу. В 40-х годах начались массовые самовольные переселения крепостных на Кавказ и в другие области; движением было охвачено 14 губерний; потоки переселенцев запрудили дороги, вступали в столкновения с войсками, иногда сметали на своём пути воинские команды. В 1847 г. около 10 тыс. крестьян Белоруссии распродали за бесценок свой скот и орудия, погрузились с семьями на подводы и двинулись в Петербург просить царя освободить их от гнёта помещиков и отправить на постройку Московско-Петербургской железной дороги; переселенцы соединились в крупные партии по нескольку сот человек, вооружились ружьями, топорами и косами, в нескольких местах разбили посланные против них отряды. С большими усилиями правительству удалось остановить это стихийное движение.

Во многих губерниях волновались также государственные крестьяне, отбывавшие феодальные повинности в пользу казны и составлявшие более одной трети земледельческого населения империи. По закону они пользовались личной свободой и в большинстве районов имели собственное волостное самоуправление. Государственные крестьяне сильно страдали от малоземелья, высоких оброков и чиновничьих поборов. Тем не менее их хозяйственное и правовое положение было значительно легче, чем помещичьих. Поэтому, когда правительство Николая I попыталось перевести около 300 тыс. государственных

крестьян в собственность царской фамилии, в казённых деревнях вспыхнуло движение массового протеста. Особенно крупным было возмущение государственных крестьян и башкир Приуральского края в 1834—1835 гг. Местами дело доходило до настоящих сражений с правительственными войсками, где участвовало по нескольку тысяч государственных крестьян.

Чувство тревоги всё больше охватывало широкие круги господствующего класса. III отделение доносило, что «мнение людей здравомыслящих таково: не объявляя свободы крестьянам... начать действовать в этом духе», «лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнётся снизу, от народа». Однако не все помещики были такими «здравомыслящими»: заядлые крепостники, окружавшие Николая I, считали невозможным прикасаться к существующему порядку, чтобы не вызвать социально-политической катастрофы. По мнению Николая и его сановников, нужно было найти такое решение крестьянского вопроса, которое открыло бы выход из кризиса, не разрушая устоев феодально-крепостнической системы.

Попытки разрешения крестьянского вопроса. В 1835 г. был образован новый секретный комитет, в котором руководящая роль принадлежала М. М. Сперанскому и умеренно-прогрессивно настроенному П. Д. Киселёву. Комитет выработал план постепенной ликвидации крепостного права. При этом ближайшей задачей выдвигалась одновременная реформа управления крепостной и казённой деревней: комитет считал необходимым, с одной стороны, изменить хозяйственное и правовое положение государственных крестьян, с другой — точно определить наделы и повинности помещичьих крестьян, сблизив их с положением крестьян государственных. Для осуществления этого плана было образовано особое V отделение императорской канцелярии, во главе которого стал П. Д. Киселёв. В течение 1837—1841 гг. была создана сложная система управления государственными крестьянами, подчинёнными новому министерству государственных имуществ во главе с тем же П. Д. Киселёвым. С помощью громоздкого и широко разветвлённого аппарата чиновников министерство стремилось реализовать программу «попечительства» над крестьянами: увеличить наделы малоземельных селений, организовать планомерное переселение, сделать равномернее оброчное обложение, поднять агротехнику, завести больницы, школы и пр.

В то же время Киселёв сделал попытку ввести так называемые «инвентари» в помещичьих имениях. С этой целью был образован новый секретный комитет 1839 г., которому предстояло обсудить проект о добровольных соглашениях помещи-

ков с крестьянами; в основу этих договоров были положены точное определение крестьянских наделов и повинностей, предоставление крестьянам личной свободы и большее подчинение их государственной власти. В реформе государственной деревни и в проекте 1839 г. Киселёв исходил из мысли, что вся земля должна остаться неотъемлемой собственностью помещиков и казны. Тем не менее попытка вмешательства в хозяйственные и административные права дворянства встретила резкий отпор со стороны крепостников. Правительство быстро пошло на уступки и ограничилось изданием 2 апреля 1842 г. указа об «обязанных крестьянах». Закон предоставлял право помещикам, «которые сами сего пожелают», заключать со своими крестьянами договоры, с тем «чтобы, не стесняясь постановлениями о свободных хлебопашцах, помещики сохраняли принадлежащее им полное право вотчинной собственности на землю», а «крестьяне получали от них участки земли в пользование за условленные повинности». За помещиком сохранялось право вотчинной полиции и суда. Таким образом, при добровольном согласии помещика крестьяне могли получить личные права и сделаться наследственными держателями помещичьей земли.

Правительство надеялось, что дворяне добровольно отзовутся на издание указа и сами приступят к заключению договоров. На самом деле этого не случилось: за всё царствование Николая I из 10 млн. душ крепостных стало «обязанными крестьянами» только 24 тыс. душ.

Реформа управления государственной деревней тоже не достигла желаемого успеха. Очень скоро крестьяне больно почувствовали на себе последствия киселёвской реформы: крестьянская жизнь оказалась опутанной назойливой и мелочной опекой; сельские и волостные органы превратились в покорное орудие дворянской бюрократии; крестьянские выборные не уступали чиновникам в насилиях и вымогательствах. Среди крестьян стало укрепляться мнение, что выборные и писари вместе с попами и чиновниками продали их «в удел» помещику Киселёву. К тому же реформа 1837—1841 гг. не утолила земельного голода в деревне: несмотря на принятые меры, земельные наделы государственных крестьян были недостаточными, а иногда крайне ничтожными.

В 1841—1845 гг. несколько губерний охватило движение массового протеста: целыми волостями государственные крестьяне отказывались подчиняться новому порядку. Особенно бурные формы приобрело движение на Урале: в 1843 г. в Челябинском и Шадринском уездах созывались многотысячные сходки, смещали и избивали выборных и священников, осаждали деревенские церкви, куда спасалась местная администрация, вступали в бой с воинскими отрядами.

Однако некоторыми своими сторонами реформа Киселёва содействовала разложению крепостнической системы: помещичьи захваты казённых земель были приостановлены, барщина в арендных имениях уничтожена, стало насаждаться подворно-индивидуальное землевладение, предпринимательство зажиточных крестьян получило опору в содействии агрономов и организации мелкого кредита. Как ни тяжела была жизнь государственной деревни, помещичьи крепостные готовы были променять на неё своё опостылевшее рабство.

Попытки правительства вернуться к крестьянскому вопросу повторялись и в последующие годы: было образовано несколько новых секретных комитетов, но всякий раз организованное сопротивление крепостников заставляло Николая I отказываться даже от робких и половинчатых проектов. Только в губерниях Правобережной Украины, населённых польскими помещиками, из политических целей были введены инвентарные нормы крестьянских наделов и повинностей.

Буржуазная историография о политике Николая I. Ошибки М. Н. Покровского. Классовая база политики Николая I. В буржуазной исторической литературе (А. А. Корнилов, «Курс истории России XIX в.», А. А. Кизеветтер, «Внутренняя политика имп. Николая I» и др.) всячески затушёвывалась классовая основа самодержавия Николая I. Государственная власть представлялась могущественной надклассовой силой, оторванной от «общества» и подчинившей все сословия, в том числе и дворянское, независимой и произвольной воле бюрократии. При этом целиком устранялся вопрос, во имя чьих классовых интересов действовала николаевская бюрократия, подавлявшая всякую общественную инициативу. С марксистско-ленинской точки зрения именно этот вопрос является основным и решающим. Его пытался поставить и разрешить М. Н. Покровский в своей четырёхтомной «Русской истории», но он преувеличил буржуазные черты в деятельности Николая I и пришёл к неправильному и путаному выводу: по его мнению, политика Николая воплотила в себе своеобразное сочетание сил — союз господствующего крупного землевладения с промышленной буржуазией, направленный, «по крайней мере отчасти», против среднего землевладения. Эта попытка Покровского разделить дворянство 30—50-х годов на два враждующих слоя, сбросить со счёта революционную борьбу крестьянства и усмотреть центральное явление периода в союзе крупного дворянства с буржуазией противоречит историческим фактам.

На самом деле политика Николая I была воплощением классовых требований подавляющего большинства дворян независимо от размеров их землевладения; такой она была не только объективно, по содержанию предпринимавшихся мер, но и субъективно, в сознании самого самодержца. «Вся моя сила в вас, — говорил Николай I уполномоченным от дворянства, — во главе вас я непобедим». Дворянам, этим «потомкам древнего рыцарства», как величал их Николай I, он отдавал политический отчёт в своих действиях, их призывал к политической поддержке, в их интересах облекал свою власть в

формы военно-политической диктатуры. Крепостническое дворянское большинство хорошо понимало взаимоотношения между собой и монархом: оно преклонялось перед всемогущей силой самодержавия, потому что самодержавие охраняло его политическое господство и власть над крестьянами.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Энгельс Ф.* Фридрих-Вильгельм IV, король прусский. Сочинения. Т. II. С. 259. — *Маркс К.* Господин Фогт. Сочинения. Т. XII, ч. 1. С. 361. — *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. Сочинения. Изд. 4. Т. 24. С. 43. — *Сталин И. В.* Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 года. «Вопросы ленинизма». Изд. 11. [М.] 1945. С. 412. То же: отд. изд. [М.] 1946. С. 5.

II. Документальные материалы. Пособия. Эпоха Николая I. Под ред. М. О. Гершензона. М. 1911. VIII, 187 с. — Сборник Русского исторического общества. Т. 74, 90, 98. Спб. 1891—1896. — Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Царствование императора Николая I. 1825—1855. Отдел 1—2. Изд. 2. Спб. 1875—1876.—Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. Спб. 1862. 482 с. — *Де Кюстин.* Николаевская Россия. Вступ. статья, ред. и примеч. С. Гессена и А. Предтеченского. Перев. с франц. Я. Гессена и Л. Домгера. М. 1930. 320 с. — *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1. В его кн.: Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII. Пгр. 1919. С. 9—192. — *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877). Изд. 2, испр. и доп. Т. I. Спб. 1904. II, 629 с. — Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 164 с. (Центрархив). — *Полиевктов М.* Николай I. Биография и обзор царствования. М. 1918. XI, 393 с. — *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I—II. Спб. 1903. — *Дружинин Н. М.* Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского. В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Ч. I. М. — Л. 1939. С. 337—386. — *Пресняков А. Е.* Апогей самодержавия. Николай I. Л. 1925. 97 с.— *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Спб. 1888. 625 с. — История России в XIX веке. [М.]. Изд. бр. А. и И. Гранат. [1907]. Т. I. Гл. V, VII, X.—*Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Т. I. Предпосылки и сущность реформы. М.—Л. 1946. 634 с.—*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. Спб. 1909. XV, 614 с. — *Игнатович И. И.* Крестьянские волнения. В кн.: Великая реформа. Т. III. [М. 1911]. С. 41—65. — *Полканов А.* Севастопольское восстание 1830 года. [Симферополь] 1936. 145 с. — *Евстафьев П. П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М. 1934. 253 с. — *Гессен С.* «Холерные бунты» (1830—1832 гг.). М. 1932. 63 с.—*Токарев С. В.* Крестьянские картофельные бунты. Киров 1939. 102 с.

Глава VIII

УКРАИНА, МОЛДАВИЯ, БЕЛОРУССИЯ, ЛИТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие сельского хозяйства Украины. В первой половине XIX в. в экономике Украины происходил тот же процесс разложения феодально-крепостного хозяйственного строя и сложения нового, капиталистического уклада, что и во всей России.

Почти всё крепостное крестьянство Украины работало на барщине, причём последняя сплошь и рядом была ежедневной. Быстро увеличивалась численность месячников. В конце первой половины XIX в. наибольшее количество их было в губерниях Екатеринославской (12,4% общего количества крепостных) и Харьковской (11,33%).

Помещики увеличивали доходность своих имений расширением запашки и усилением эксплоатации крепостного крестьянства. Расширение помещичьей запашки производилось за счёт обезземеления крестьян: развился процесс сгона крестьян с земли или сокращения крестьянской запашки, особенно на Правобережье. В Киевской губернии количество обезземеленных крестьян доходило до 34%. Обезземеленные крестьяне обычно использовались помещиками для сдачи в наём «по контрактам» в имения, где применялся вольнонаёмный труд, или подрядчикам, нанимавшим крестьян для сплава леса. После присоединения к России Крыма и берегов Чёрного моря перед помещиками Украины открылись широкие возможности вывоза за границу зерновых продуктов и сельскохозяйственного сырья.

Техника сельского хозяйства на Украине была низкой, в помещичьем и крестьянском хозяйствах преобладало трёхполье при отсутствии почти всякого удобрения. Степная Украина (Новороссия) в первой половине XIX в. была ещё слабо заселена. Екатерина II, Павел I и Александр I роздали тут помещикам тысячи десятин земли. Помещики, а также казна переселяли на новые места своих крестьян целыми деревнями— к 1819 г. население степной Украины уже доходило до 3 млн. человек (тут было немало русских, но преобладали украинцы). Между степными помещиками происходила жестокая борьба за рабочие руки. Правительство Александра I, вняв голосу дво-

рянства, заинтересованного в новых доходных имениях, приняло меры, затруднявшие переселение иностранных колонистов в степную Украину. В силу недостатка рабочих рук и наличия огромных пастбищ степные помещики более всего занимались скотоводством. На чернозёмных землях паслись тысячи мериносов, шерсть которых привозилась на украинские ярмарки в Харьков, Полтаву, Ромны и продавалась русским и украинским владельцам суконных мануфактур, а частью вывозилась за границу.

Обстановка начала XIX в. была благоприятна для помещиков Украины. Развивавшаяся европейская промышленность предъявляла всё больший спрос на зерновые продукты и различное сельскохозяйственное сырьё. Украинские помещики усилили вывоз продуктов своих хозяйств через порты Чёрного и Азовского морей. Они всячески закручивали пресс крепостного угнетения, чтобы увеличить доходность своего хозяйства, крепостное же право тормозило подъём производительности труда. Некоторые дворяне начали выступать с проектами безземельного освобождения крестьян (Каразин, князь Репнин). Однако указ о «вольных хлебопашцах» не встретил сочувствия помещиков, поскольку предусматривал предоставление крестьянам земли.

Континентальная блокада мало задела помещиков Украины, так как хлебный экспорт направлялся отсюда в первую очередь не в Англию, а в Грецию, Италию, Турцию, Австрию и Францию. Вывоз товаров из Одессы упал в результате русско-турецкой войны (1806—1812 гг.) и стал вновь расти после её окончания. Войны 1812—1815 гг. создали значительный спрос на украинские сельскохозяйственные продукты как на внутреннем, так и на внешнем рынке. В 1815 г. через Одессу было вывезено товаров на сумму 14 664 тыс. руб., а в 1816 г. — 37 717 тыс. руб. Через порты Чёрного моря проходила почти половина всего общероссийского хлебного экспорта.

В 20-х годах на Украине наблюдался аграрный кризис и падение цен на сельскохозяйственные продукты. Хлебные законы в Англии, восстание в Греции (1821—1828 гг.), русско-турецкая война (1828—1829 гг.), конкуренция американского и развитие европейского капиталистического сельского хозяйства создали условия, затруднившие экспорт хлеба за границу. В 1816 г. из Одессы было вывезено зерновых продуктов на сумму 9 708 474 руб., а в 1827 г. — только на 931 190 руб. В черноморских портах цены на пшеницу упали с 5 р. 46 к. за четверть (1822 г.) до 2 р. 67 к. (1828 г.). В связи с этим упали цены на зерновые продукты и на внутреннем рынке. Ища выхода из аграрного кризиса, помещики Левобережья и Слободской Украины стали усиленно заниматься

винокурением. Правительство, испугавшись уменьшения доходов казны, запретило в 1819 г. свободную продажу вина, чем вызвало недовольство украинских помещиков (тем более что на Правобережье право пропинации, т. е. монополии на продажу вина, было оставлено за помещиками). Правда, в 1827 г. правительство отказалось от водочной монополии и перешло к откупной системе, что в известной степени компенсировало помещиков и содействовало развитию винокурения. В одной Киевской губернии в 40-х годах насчитывалось 372 водочных завода с 3 500 рабочими; заводы вырабатывали 3 млн. вёдер вина общей стоимостью в 1,6 млн. руб. серебром. Помещики Левобережья расширяли посевы ржи, чтобы использовать её для винокурения.

В связи с общим кризисом задолженность крупных помещиков значительно увеличилась; мелкие же помещики совсем разорялись. Отдельные помещики искали выхода из тяжёлого положения в организации вотчинных мануфактур, но им мешала конкуренция русской и польской промышленности. Они обращали луга в пастбища, присоединяли к пастбищам крестьянские земельные наделы. Тариф 1822 г. содействовал развитию овцеводства, защищая местную шерсть от иностранной конкуренции. Лошадей закупали для нужд армии; цена на них была довольно высокая. Это также содействовало развитию пастбищ. Овцы и лошади «пожирали людей». Крестьянство беднело, разорялось, численность его домашнего скота уменьшалась. Но незначительная ёмкость внутреннего рынка крепостной страны мешала помещичьему хозяйству вырваться из тисков сельскохозяйственного кризиса. По расчётам экономиста Тенгоборского, 5 млн. четвертей хлеба ежегодно оставались без сбыта, вследствие чего на внутреннем рынке устанавливались сравнительно низкие цены. Помещики жаловались на дешевизну зерновых продуктов и на невыгодность земледелия. Выходом из этого положения для отдельных помещиков был переход к техническим культурам и отказ от чисто зернового хозяйства как нерентабельного. В 1818 г. в Одессе было открыто Общество сельского хозяйства юга России, на заседаниях которого обсуждались вопросы об организации помещичьего хозяйства.

С конца 30-х годов расширились возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов. Неурожай в Западной Европе (1846—1847 гг.) и отмена хлебных законов в Англии создали благоприятную конъюнктуру для украинского помещичьего хозяйства. Хлебные цены выросли: в Одессе цены на пшеницу поднялись вдвое — с 18 до 36 руб. ассигнациями за четверть. Увеличился вывоз зерновых продуктов через черноморско-азовские порты. В 1839 г. было вывезено 2 155 267 четвер-

тей, а в 1847 г. вывоз поднялся до 5 568 679 четвертей. Чтобы подвезти к портам такое громадное количество зерновых продуктов, понадобилось 300 тыс. пар волов; их были обязаны дать крепостные крестьяне, и подводная повинность стала для них особо тяжёлым бременем. Необходимость перехода к железнодорожному транспорту стала очевидной для украинских помещиков. В 1857 г. было учреждено Общество Южной железной дороги, в числе акционеров которого находилась вся местная землевладельческая знать. Был выдвинут проект строительства железной дороги Харьков — Феодосия.

Рядом с помещичьим крепостным хозяйством начало развиваться и недворянское землевладение. Купцы становились владельцами ненаселённых имений и вели хозяйство с помощью вольнонаёмного труда.

Во второй четверти XIX в. на Украине стало усиленно развиваться тонкорунное овцеводство. Этому содействовал рост суконной промышленности в центральной России и возрастающий спрос на шерсть. Не менее широко было распространено овцеводство и в степной Украине, где за недостатком рабочих рук засев земли зерновыми культурами был невыгоден. Украинские помещики почти полностью удовлетворяли спрос на шерсть, предъявлявшийся центральной Россией, Белоруссией и Украиной. Часть шерсти вывозилась в Южную Европу через порты Черноморья. Переход к культурам льна и свёклы также был продиктован условиями узкого по ёмкости рынка сбыта зерновых продуктов. В 1836 г. в Англию было вывезено 52 тыс. четвертей льняного семени, а в 1847 г. — 733 тыс. четвертей. Начало распространяться свеклосахарное производство. В 1827 г. в Киевщине был основан первый сахарный завод, а накануне крестьянской реформы на Украине уже функционировало 255 свеклосахарных заводов. По количеству выпускаемой продукции первое место оставалось за свеклосахарными заводами Киевщины. С 1843 г. в свеклосахарной промышленности стали применяться паровые двигатели. Свеклосахарная промышленность была сосредоточена главным образом в руках помещиков, но появились и предприятия, принадлежавшие не дворянам. Русские купцы также вкладывали свои капиталы в свеклосахарную промышленность на Украине.

Вопрос о вольнонаёмном труде вообще становился всё более настоятельным и для помещичьего хозяйства. Он оживлённо обсуждался на страницах «Записок Общества сельского хозяйства Южной России». Расчёты экономических статей говорили в пользу вольнонаёмного труда. Харьковский профессор Степанов в своих «Записках по политической экономии» категорически высказывался за применение свободного труда. Пропаганда свободного труда встречала наименьшее

сопротивление среди помещиков степной Украины, где вообще процент крепостных был невелик и где крупное хозяйство можно было вести преимущественно на базе вольнонаёмного труда. Сюда стремились в поисках работы оброчные крестьяне русских и северных украинских губерний. Особенно значителен был отход крестьян из Полтавской губернии. Но отсутствие железных дорог тормозило приток рабочей силы, и потребность помещиков степной Украины в вольнонаёмном труде полностью не могла быть удовлетворена. Кризис помещичьего крепостного хозяйства всё более углублялся. Росла задолженность помещиков правительству: накануне крестьянской реформы на Украине было заложено около двух третей всех помещичьих имений.

Состояние промышленности и ремесла. В первой четверти XIX в. Украина не была промышленной областью; в ней преобладало сельское хозяйство. Удельный вес промышленности в хозяйстве Украины был незначителен, но всё же в начале XIX в. на Украине продолжалось развитие ремесла. Ремесленные кустарные изделия продавались на городских рынках, сельских и городских ярмарках непосредственно самими производителями или через скупщиков. Было заметно и развитие промышленности. Суконные промышленные предприятия получали от правительства значительные казённые заказы, что стимулировало суконное производство. Таможенная политика правительства защищала русскую, а также и украинскую промышленность от конкуренции иностранных товаров, главным образом от прусских сукон. В начале XIX в. на Левобережной Украине работали вотчинные мануфактуры — суконные, полотняные, свечные, кожевенные, канатные, мыловаренные, шляпные. Вместе с тем появилась и мануфактура с вольнонаёмным трудом. Численность вольнонаёмных рабочих на Украине в 1828 г. составляла 22,5% общего количества рабочих, занятых в промышленных предприятиях. Правобережная Украина была более развита в промышленном отношении. На Левобережной Украине наиболее промышленной являлась Черниговская губерния. В степной Украине промышленность была совсем слабо развита.

В начале XIX в. на Украине были открыты залежи каменного угля. Это имело первостепенное значение для развития металлургической промышленности. В связи с открытием железной руды в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, а также около Мариуполя в конце первой четверти XIX в. началось развитие железоделательной и металлообрабатывающей промышленности.

Но всё же развитие промышленности в первой четверти XIX в. не изменило деревенского облика Украины. Хотя город-

ское население и увеличилось количественно по сравнению с концом XVIII в., но всё же составляло лишь 4—5% общего количества населения Украины. Во второй четверти XIX в. промышленное развитие Украины продвинулось вперёд. В 1825 г. на Украине функционировало 649 промышленных предприятий, а в 1850 г. — 1 655 (вместе со свеклосахарными заводами). В 40-х годах дворянская суконная мануфактура приходит в упадок; её место заняла купеческая фабрика. В это же время впервые появились в суконной промышленности механические станки. На Киевщине существовало 15 купеческих фабрик с годовой продукцией стоимостью в 668,5 тыс. руб. Стали возникать также салотопенные, свечносальные, мыловаренные предприятия, но они были незначительны по своим размерам; обычно они принадлежали купцам или мещанам и обслуживались вольнонаёмными рабочими (в большинстве случаев эти предприятия были собственностью русских купцов). Только 5,9% всех предприятий по обработке животных продуктов принадлежали дворянам.

Торговля и внутренний рынок. Несмотря на незначительный рост городского населения, ёмкость внутреннего рынка Украины всё же стала более значительной. Обороты основных украинских ярмарок — Харьковской, Полтавской, Роменской и Контрактовой в Киеве — всё возрастали. Так, на Контрактовой ярмарке заключались сделки по купле и продаже сахара для всей империи. Ярмарки на Украине становились всероссийскими рынками сырья: сюда съезжались купцы из Москвы и многих других русских городов для закупки украинских сельскохозяйственных продуктов и сбыта русских фабрикатов. Здесь же продавались и товары иностранного происхождения. Украина была экономически тесно связана с империей. С ярмарок товары распределялись по всей Украине через коробейников, офеней и разносчиков. Сбывая промышленные изделия по сёлам и хуторам, они одновременно скупали украинское сырьё для сбыта на тех же ярмарках. Из среды крепостного крестьянства выделялись отдельные лица, занимавшиеся скупкой сырья, зерна и местных кустарных изделий. Эти торговые люди, выкупившиеся из крепостной неволи, часто вкладывали свои денежные средства в промышленные предприятия.

Порты Чёрного моря имели важное значение для народнохозяйственного развития Украины: через них шёл весь украинский вывоз в Западную Европу. Рост Одессы, Херсона, Таганрога, Николаева, Очакова был связан с развитием сельскохозяйственного экспорта. Одесса становилась главным городом по экспорту: с 1804 по 1817 г. её торговля увеличилась с 5 млн до 17 млн. руб. В торговые операции втягивались купцы и помещики, уже оценившие всемогущество денег.

Крепостная Украина становилась рынком сбыта для промышленных изделий и рынком сырья для промышленности центральных губерний империи.

Положение крестьянства и крестьянское движение на Украине. Положение украинского крестьянства в первой половине XIX в. было очень тяжёлым. Насаждение крепостного права российским правительством сопровождалось усилением угнетения не только крепостного, но и ещё не закрепощённого крестьянства. Украинское рядовое казачество, участвовавшее в войне 1812 г., рассчитывало, что после войны царское правительство в награду за подвиги восстановит его старинные казацкие «вольности». В этих надеждах сказывался крестьянский протест против дальнейшего распространения крепостного гнёта. Но, конечно, расчёты казаков на правительство не оправдались. Огромное донское движение 1818—1820 гг. также шло под лозунгом протеста против крепостного права. В 1827 г. была воспрещена продажа «малороссийских казачьих земель». Опасаясь казацких волнений и их влияния на крестьянство, правительство с 1819 г. начало переселять казаков на Кубань «для умножения Черноморского войска».

С 1817 г. на Украине началась организация военных поселений. Были созданы конно-военные поселения в двух уездах Слободской Украины и в нескольких уездах Херсонской губернии. К концу 1825 г. в военных поселениях на Украине было сформировано 16 конных полков. Местные казённые крестьяне из числа бывших слободских казаков были объявлены военными поселенцами. С переходом в состояние военных поселенцев значительно увеличилось общее количество крестьянских натуральных повинностей Крестьяне протестовали против военных поселений: в 1816—1818 гг. произошли волнения в военных поселениях Слободской Украины, в Змиевском и Волчанском уездах. Волнения были подавлены, и виновные были преданы военному суду: 9 человек были прогнаны сквозь строй, другие подвергнуты различным телесным наказаниям и сосланы в Оренбургский корпус, большинство же посажено в Змиевский острог. В июне 1819 г. вспыхнули волнения военных поселян в Чугуеве, жестоко усмирённые Аракчеевым.

Особенно тяжёлым было положение крепостного крестьянства на Украине. На Левобережье и в Слободской Украине барщина увеличилась с двух до четырёх дней в неделю, а на Правобережье нередко была ежедневной. Помещики продавали своих крестьян оптом и в розницу, часто отправляли для продажи на ярмарки в Россию большие партии крепостных. Комиссия, приводившая в 1815 г. в повиновение крестьян в имении В П. Кочубея (Херсонская губерния), отметила тяжёлое

положение крестьян: «Дома у них пусты, без крыши, без окон и даже без дверей. Ни для себя, ни для помещика хлеба не имеют; на дворах нет ни скота, ни птицы. Малолетние дети изнурены нуждою». Обременённые подушной податью, рекрутскими наборами, отдавая свой труд помещику, украинские крестьяне жили беспросветной жизнью рабов. Лозунги борьбы украинского крестьянства были в основном едины с общерусскими лозунгами массовой борьбы, также направленной против крепостного угнетения. Движение против национально-колониального угнетения вливалось в эту борьбу.

С Левобережья крестьяне массами убегали в степную Украину и на земли Донского казачьего войска, а после опубликования Павлом I закона о прикреплении уходили на земли Черноморского войска. Множество крестьян, считая себя свободными, отказывались повиноваться помещикам. Нижний земский суд был завален исками крестьян о свободе, которые обычно разрешались в пользу помещиков. В связи с этим на протяжении 1809—1813 гг. возникло немало «неповиновений и беспорядков» в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях. Наиболее значительными по своей длительности и силе были волнения в имении полтавского помещика Кирьякова (1818 г.): крестьяне не подчинились приказу барина о переселении их в Херсонскую губернию, не поддались уговорам местной администрации и, вооружившись кольями, секирами и пиками, убили волостного урядника и ранили 8 понятых. Восстание было жестоко подавлено воинской командой.

На территории Украины развернулась деятельность Южного общества декабристов и Общества соединённых славян. Восстание Черниговского полка вызвало сочувствие в украинском крестьянстве. Некоторые крестьяне из деревень, через которые проходил восставший полк, присоединились к нему и погибли на поле сражения при усмирении полка правительственным отрядом. Память о восстании Черниговского полка надолго сохранилась в украинском крестьянстве.

После подавления восстания декабристов в Киевской губернии в 1826 г. происходило значительное крестьянское движение. Крестьяне разослали своим помещикам требования отдать всю землю, угрожая убийством тем из них, кто останется в имениях до «велика дня» (пасхи). Распространялся слух о якобы появившемся «Гонтином сыне» — крестьяне вспоминали о «колиивщине». Движение крестьян происходило в районе восстания Черниговского полка. Из среды крестьян выделились свои руководители: один из крепостных графини Браницкой, жестоко эксплоатировавшей своих крестьян, подговаривал поднять восстание, «подобно тому как произошло с Черниговским пехотным полком»; в Уманском уезде солдат Семёнов

руководил движением крестьян. Крестьяне делили имущество помещиков и объявляли себя свободными от барщины. Во время польского восстания 1830—1831 гг. на Волыни и в Киевской губернии были часты случаи выступлений против помещиков. В 1833 г. крестьянские волнения происходили в отдельных уездах Киевской губернии, в 1834 г. развернулись волнения в Харьковщине. В 1842 г. в Полтавской губернии крестьяне отказывались от повиновения помещику под предлогом, что они «поступают в казну». Крестьяне захватили помещичьи степи и стали косить траву, но были приведены в повиновение воинской силой. В Слободской Украине в 1827—1837 гг. крестьяне под предводительством крепостного крестьянина Звонаренко нападали на усадьбы помещиков.

Замечательным проявлением стихийной крестьянской борьбы было движение под руководством украинского крепостного крестьянина Устима Кармалюка на Подолии. Крестьяне, собранные в его отряды, беспощадно расправлялись с чиновниками, помещиками и арендаторами, громили их усадьбы. Кармалюк нападал и на богатых крестьян, эксплоатировавших украинскую деревенскую бедноту. Крестьянство Подолии оказывало ему посильную помощь. Кармалюк был долгое время неуловим. Его выдал шляхтич Рутковский, и в 1835 г. Кармалюк был повешен. Украинское крестьянство сложило песни о Кармалюке.

В 40-х годах волна крестьянского движения поднялась ещё выше. По официальным данным, в Левобережной Украине на протяжении 1835—1838 гг. произошло 6 крестьянских волнений, а в течение 1845—1849 гг. — 18. Аналогичные явления имели место и в Правобережной Украине, где количество зарегистрированных крестьянских волнений за тот же промежуток времени увеличилось с 6 до 27. В степной Украине в середине 40-х годов было отмечено 10 крестьянских волнений. Все эти волнения подавлялись либо полицейскими командами, либо при содействии войск. В связи с опубликованием манифеста 29 января 1855 г. «О призвании к государственному ополчению» в Киевской губернии вспыхнуло крестьянское движение, известное под именем Киевской казаччины. Крестьяне рассматривали запись в казаки и отправление на войну как освобождение от помещичьей власти, вспоминали о манифесте 1812 г. и об образовании казачьих полков. Крестьянство стало массами записываться в казачество. По сёлам распространились прокламации о необходимости раздела помещичьей земли. В деревнях составлялись казачьи списки и вводилась собственная выборная администрация — сельская «громада», которая судила, издавала распоряжения, отбирала у помещиков землю. Крестьяне отказывались работать на помещиков, но к наси-

лиям не прибегали. Три месяца крестьяне пользовались свободой. Правительство, напуганное крестьянским движением, направило против крестьян значительные военные силы, которым крестьянство во многих местах оказало вооружённое сопротивление. При усмирении восставших крестьян насчитывалось немало убитых и раненых. Киевская казаччина была наиболее организованным крестьянским движением на Украине. В нём принимали деятельное участие киевский студент Розенталь, писарь Скавронский и вольноотпущенный крестьянин Рыбакин. Розенталю удалось бежать в Галицию, но австрийское правительство выдало его Николаю I, и Розенталь был сослан в Сибирь. Молодой Добролюбов в своей подпольной газете «Слухи» поместил статью и стихи с выражением глубокого сочувствия Розенталю.

Значительно было и крестьянское движение «в Таврию за волей», вспыхнувшее в 1856 г. Большое участие в нём приняло украинское крестьянство.

Николай I жестоко расправился с крестьянином Винницкого уезда Семёном Никитичем Олейничуком, крепостным помещика Собещанского. Олейничук (род. в 1798 г.) получил образование (некоторое время учился в гимназии), бежал от помещика, проживал под чужим именем, учительствовал. В 1849 г. его арестовали за резкое агитационное произведение против крепостного права. При аресте было найдено «черновое сочинение его, в котором он обнаружил мысли, противные настоящему порядку вещей и могущие вредно действовать на умы простого народа». Олейничук в своём сочинении находил положение украинских крестьян «крайне тяготительным». Так как Олейничук «по своим понятиям мог быть весьма вреден для низшего класса людей», то по приказанию Николая I в ноябре 1849 г. он был заключён в Шлиссельбургскую крепость, где и умер в июле 1852 г.

Политика царизма на Украине. Царское правительство проводило на Украине политику национального угнетения. Характерной чертой политики царизма была поддержка крепостников, охрана их привилегий. Ещё при Екатерине II казацкая старшина стала дворянством, и на неё распространилась Жалованная грамота дворянству 1785 г. Крестьяне, жившие на землях старшины, были закрепощены. Польское дворянство на Украине не только располагало всеми общими с российским дворянством дворянскими правами, но сохранило дополнительно и свои старые привилегии — особые шляхетские суды и польский язык в делопроизводстве. Ему не приходилось хлопотать о юридическом оформлении крепостного права, так как оно было установлено на Правобережье ещё с половины XV в. Согласно законодательству Российской империи

польские помещики получили право ссылки крестьян в Сибирь на поселение или на каторгу.

В степной Украине до конца XVIII в. крепостного права юридически не существовало. Здесь рабочая сила в имениях помещиков увеличивалась за счёт беглых крестьян из крепостных районов, главным образом Слободской и Левобережной Украины, из бывшей Гетманщины. Вводя подушную подать (1796 г.), правительство прикрепило крестьян к тому помещику, на чьих землях они находились в момент опубликования закона. Приём беглых был строго запрещён. Выбор дворянством должностных лиц был поставлен под контроль правительства. Дворянство Левобережья, расхватав казачьи и войсковые земли и закрепив за собой крестьян, стало отрицательно относиться к объединительной политике царского правительства и мечтать об особых привилегиях и автономности дворянской Украины. Дворянство было очень раздражено правительственными распоряжениями о пополнении убыли в армии ополчениями 1806—1807 гг. Отдельные дворяне Левобережной Украины, не говоря о польском дворянстве Правобережья, открыто сочувствовали Наполеону. Крушение надежд на восстановление старого строя Гетманщины усиливало оппозиционное настроение в кругах земельной аристократии.

После польского восстания 1830—1831 гг. царское правительство провело на Украине ряд решительных мер для установления «порядка». Недвижимые имущества участников восстания были конфискованы. Осуществляя намеченные Западным комитетом меры, правительство на Украине, как и в Белоруссии, продолжало политику «разбора шляхты», отсеивая из состава шляхетства тех лиц, которые не могли доказать своё «благородное происхождение», и переводя их в податное сословие. Правительство выселило из Подолии 5 тыс. шляхетских семейств и переселило их на кавказскую линию. Вместе с тем правительство стремилось «в губерниях, от Польши присоединённых», опереться на «отобранное» польское дворянство. По соображениям тактического характера в Правобережной Украине были сначала сохранены шляхетские суды и старое феодальное статусовое право, но это вызвало сильное недовольство русского дворянства, получившего на Украине конфискованные земли польских помещиков. Под давлением русского дворянства действие статута в Правобережной Украине, как и в других «губерниях, от Польши присоединённых», было прекращено (1840 г.). На Украине, как и в Белоруссии, была уничтожена церковная уния.

Рост крестьянского движения в Правобережной Украине, где помещики в большинстве являлись поляками, а также раз-

витие польского движения очень беспокоили правительство Николая I. Было решено ввести на Украине инвентари, т. е. хозяйственное описание имений с точным определением размера крестьянских наделов и с перечислением крестьянских повинностей. Подобные инвентари несколько раньше были введены в Белоруссии. Введение инвентарей значительно затянулось — помещики всячески его тормозили. Крестьянское движение 1846 г. в Галиции ускорило работу губернских комитетов. В мае 1847 г. правительство опубликовало «Правила для управления имениями по утверждённым для оных инвентарям в киевском генерал-губернаторстве». Сущность правил заключалась в следующем: за крестьянами закреплялась земля, находившаяся в их пользовании в момент введения инвентарей; за пользование землёй каждое тягловое крестьянское хозяйство (при лошади с упряжью) было обязано отработать на помещика три тягловых дня и один женский в неделю; полутягловые (т. е. сидевшие на половинном земельном участке и выходившие на барщину пешими) отрабатывали два дня мужских и один женский в неделю. Перенесение панщины с одной недели на другую было запрещено. Кроме барщины работник должен был отработать 12 сгонных дополнительных дней с оплатой по таксе, утверждённой генерал-губернатором. Всякого рода натуральные сборы уничтожались. Перевод тягловых семейств в дворовые был запрещён. За уклонение от инвентарных правил грозил военный суд.

Во многих местах инвентарные правила, охранявшие существо крепостнической эксплоатации, вызвали крестьянские волнения — крестьяне отказывались от барщины. Инвентари были введены путём репрессивных мер. В 1848 г. правительство, уступая местному дворянству, внесло изменения в инвентарные правила: в каждом имении определялся «нормальный размер» участка, излишек отбирался в пользу помещика. Помещику предоставлялось право перевода крестьян с одного участка на другой, правда, с ведома начальства. Крестьянам разрешили давать и меньшие наделы, в этом случае уменьшались и повинности. Правила 1848 г. не были опубликованы из боязни новых «бунтов» крестьян; правительство разослало их для сведения только помещикам. Введение инвентарей было закончено лишь в 1852 г.

Хотя инвентарные правила несколько ограничили помещичий произвол и в известной степени регламентировали крестьянские повинности, признание их прогрессивной мерой является неправильным. Инвентарные правила не только частично обезземелили крестьян и узаконили предшествующее обезземеление — они пытались фиксировать разлагавшиеся крепостные отношения, продлить срок их существования и

поэтому являлись тормозом дальнейшего хозяйственного развития.

Кирилло-Мефодиевское общество. Растущее крестьянское движение на почве разлагающихся крепостнических отношений явилось основой для развития на Украине демократической идеологии. Вместе с тем национальное угнетение Украины царским правительством вызывало общественный протест. Разложение крепостнических отношений выдвигало на историческую сцену молодую украинскую буржуазию. Её преобразовательные планы были крайне ограниченны. Она была напугана крестьянскими волнениями, боялась революции и требовала освобождения крестьян от крепостного права. Либерально-буржуазная молодёжь полагала, что освобождение крестьян возможно при содействии самих помещиков. Всё это нашло яркое выражение в деятельности политического кружка украинской молодёжи, возникшего в стенах Киевского университета и группировавшегося вокруг профессора-историка Н. И. Костомарова. Члены кружка враждебно относились к крепостному праву и находились под заметным воздействием идей утопического социализма, с одной стороны, и славянофильства — с другой. Кружок Костомарова постепенно превратился в тайное общество, получившее название Кирилло-Мефодиевского общества. Его основание относится к январю 1846 г.

В Кирилло-Мефодиевском обществе определились два течения — буржуазно-либеральное и демократическое, отражавшее идеологию угнетённого крестьянства. Выступая против самодержавия, крепостного права и национального угнетения Украины, члены Кирилло-Мефодиевского общества мечтали о политическом объединении всех славян в одну федерацию с предоставлением каждой славянской народности широкой автономии. Часть членов Кирилло-Мефодиевского общества во главе с Н. И. Костомаровым и П. А. Кулишем думала разрешить все политические и социальные вопросы путём мирной пропаганды; другая часть, имевшая основное значение, во главе с Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулаком и Н. И. Савичем, стояла за путь решительной революционной борьбы и хотела в корне уничтожить помещиков и царскую власть.

Кирилло-Мефодиевское общество было раскрыто правительством по доносу студента Петрова в апреле 1847 г. Костомаров и другие члены общества были арестованы. III отделение во время следствия пришло к выводу, что «Украино-Славянское общество св. Кирилла и Мефодия было не более, как учёный бред трёх молодых людей». Костомаров и Кулиш трусливо держали себя на следствии и клялись в своей преданности и

любви к царизму. III отделение оценило раскаяние правых членов общества и вынесло им довольно умеренные приговоры (Костомаров после годичного тюремного заключения был выслан в Саратов, Кулиш — в Тулу). Совершенно иначе расправилось правительство с руководителем революционно-демократического крыла — Т. Г. Шевченко, значение деятельности которого далеко выходит за рамки Кирилло-Мефодиевского общества.

Великий поэт-демократ Т. Г. Шевченко. Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861 гг.) — сын украинского народа и национальный украинский поэт — является вместе с тем великим поэтом-демократом международного значения. Его деятельность теснейшим образом связана с общей историей революционного движения в России. Шевченко был сыном крепостного крестьянина, принадлежавшего помещику Энгельгардту. Он рано осиротел — труд и нужда свели в могилу его молодую мать, отец умер на барщине. После смерти родителей дети «расползлись между людьми, как мышенята», — вспоминал Шевченко. В детстве ему пришлось узнать голод, горькую нужду, бродяжничество и тяжёлую работу батрака; затем Шевченко попал в «казачки» к помещику Энгельгардту. Начав учиться рисовать (помещик желал иметь крепостного художника), будущий великий поэт познакомился в Петербурге с кружком, в который входили художники К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов, поэт В. А. Жуковский, артист М. С. Щепкин. Попытки друзей повлиять на помещика и добиться безвозмездного отпуска Шевченко на волю не привели ни к чему: барин требовал большого выкупа. Брюллов написал портрет Жуковского, который разыграли в лотерею, и вырученная сумма (2 500 руб.) была ценой воли Шевченко — его выкупили в 1838 г.

Стихи Шевченко, помещённые в его сборнике «Кобзарь», вышли впервые в свет в 1840 г. Сборник «Кобзарь» восторженно оценил Добролюбов. Всё творчество Шевченко было пронизано страстной ненавистью к крепостному праву и самодержавию. Всю жизнь Шевченко — величайший крестьянский поэт, поэт народного гнева — вёл борьбу «против собачьей панской крови». Шевченко своим творчеством принёс в украинскую литературу могучее негодование против угнетающего строя, пламенный гнев и желание мести, выросшие в груди порабощённого панами и царизмом крестьянства.

Разоблачение крепостного права, тяжёлая судьба женщины-крестьянки, призыв к восстанию, к расправе с панами, ненависть к царизму — характернейшие мотивы поэзии Шевченко. «Заповіт», «Сон», «Невольник», «Катерина», «Наймичка» глубоко раскрывают эти мотивы. «Заповіт» («Завещание»)

Шевченко содержал призыв к вооружённому восстанию. Поэт знал, что имя его не будет забыто в грядущей вольной жизни:

> Поховайте та вставайте,
> Кайдани порвіте
> І вражою злою кров'ю
> Волю окропіте.
> І мене в сім'ї великій,
> В сім'ї вольній, новій
> Не забудьте пом'янути
> Незлим тихим словом [1].

В поэме «Гайдамаки» Шевченко писал о восстании казацко-крестьянской массы против польских панов. Николай I был обрисован Шевченко как мировой тиран и палач. Поэт хорошо понимал роль Николая I как жандарма Европы.

Шевченко мечтал о свободе и братстве всех народов, населявших царскую Россию. В стихотворении «Кавказ», с горьким сарказмом упоминая о «благоденствии» России, угнетённой самодержавием и крепостничеством, Шевченко говорил именно о всей стране, о всех населяющих её народах:

> Одна Сибір неісходима,
> А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
> Од молдаванина до фіна
> На всіх язиках все мовчить,
> Бо благоденствує!.. [2]

Этим образом Шевченко позже воспользовался Н. Г. Чернышевский, с которым Шевченко был лично знаком и которого он глубоко уважал.

В поэме «Кавказ» великий поэт-демократ выражал горячие симпатии горцам, боровшимся против царских войск, за свою независимость. Угнетение не только родной Украины, но и всей России вызывало у Шевченко страстный протест.

Шевченко был арестован по делу Кирилло-Мефодиевского общества 5 (17) апреля 1847 г., доставлен в Петербург в III отделение и заключён в тюрьму. «Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора?» — спрашивали Шевченко на допросе в III отделении. «Будучи ещё в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство, — отвечал Шевченко. — Возвратясь в Малороссию, я услышал ещё более и хуже между молодыми и степенными людьми. Я увидал нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами-шляхтичами, и всё это делалось и делается именем государя и правительства». Следствие и суд

---

[1] Поховайте — похороните; кайдани — оковы.

[2] Лічить — считать.

сразу выделили Шевченко из прочих арестованных по делу Кирилло-Мефодиевского общества. Правительство расправилось с Шевченко по-иному, чем с остальными. Оно увидело в нём страшного врага царизма и помещиков, автора «дерзких» стихов, получивших всеобщее распространение; «мужицкая» поэзия, по мнению царя, была опаснее либеральных разговоров Костомарова и Кулиша. Коронованный палач Николай I отправил поэта в ссылку солдатом в отдалённую Орскую крепость, «под строжайший присмотр, с запрещением писать и рисовать». Шевченко вернулся из ссылки лишь в 1857 г.

Шевченко мечтал о будущем времени, когда будет уничтожено угнетение человека, когда воплотится идеал равенства людей:

Буде бите

Царями сіянеє жито!
А люди виростуть. Умруть
Ще незачатіє царята...
І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде мати,
І будуть люди на землі.

Русское революционное движение оказало огромное влияние на Шевченко. Он восторженно относился к памяти декабристов, называл их «невольниками святыми», хотел на крыльях полететь на Байкал, взглянуть «вертепі темнії норі», мечтал освободить «поборников святой волі». С благоговением смотрел он на портреты декабристов в «Полярной звезде». «Апостол наш, наш одинокий изгнанник», — называл Герцена Шевченко. Он высоко оценил «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина: «Я благоговею перед Салтыковым! Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного, бессловесного смерда!» Дружеские отношения связывали Шевченко с Чернышевским.

«Кобзарь» сразу нашёл путь к широким народным массам, стал агитационной литературой. Его стихи пелись на базарах и ярмарках Украины; немало украинских бандуристов понесло за это полицейские кары.

Надо добавить к этому, что и сам Шевченко был прекрасным агитатором, сразу находившим в разговоре с трудовым народом доходчивый образ, меткое слово.

Культура и просвещение. В первой половине XIX в. на Украине выдвинулась целая плеяда писателей и поэтов: И. П. Котляревский, П. П. Гулак-Артемовский, Л. Боровиковский, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, Евгений Гребинка и др. На

первом месте стоит великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. За полвека украинская литература пережила процесс, в общем аналогичный развитию русской литературы за то же время: в ней всё более утверждалось передовое реалистическое направление. Его первые признаки можно уловить уже в трактовке героев «Наталки-Полтавки» Котляревского и в «Марусе» Квитка-Основьяненко. Веяния романтизма сказались в «Рыбалке» и «Твардовском» Гулак-Артемовского, в «Марусе» Боровиковского. Направлением, которое завоёвывало себе первенствующее место в украинской литературе, был реализм. Его укрепление тесно связано с именами Котляревского и Шевченко.

Творчество И. П. Котляревского (1769—1838 гг.) уходит своими корнями в XVIII в. Его сатирическая пародийная поэма «Энеида» была издана впервые в 1798 г. В поэме ясно чувствуется окружавшая Котляревского украинская действительность, проглядывающая сквозь мифологические образы. В «Энеиде» Котляревский остроумно высмеивал крепостническое дворянство и чиновничество. В аду помещены десятские и сотские, писари, исправники, стряпчие, судьи, господа, бургомистры, шляхта, чернецы и попы. Господа оказались в аду за то, что «не давали людям льготы» и «ставили их за скотов». Главный герой Эней мечтает, как

> Немалый будет он панок,
> На панщину весь свет погонит.

«Энеида» проникнута сочувствием к угнетённому украинскому крестьянству, которое «готово зараз бунт піднять». В «Энеиде» ярко сказались реалистические тенденции.

В 20-х годах Котляревский выступил в качестве драматурга, основоположника нового украинского театра. Его знаменитые пьесы «Наталка-Полтавка» и «Москаль-чарівник» прочно вошли в репертуар украинского театра. Лучшие актёры считали за честь играть в этих пьесах. Пьесы Котляревского оказали большое влияние на дальнейшее развитие украинской драматургии.

П. Гулак-Артемовский (1790—1865 гг.) ввёл в украинскую литературу много новых форм (послание, сатира, басня, баллада). Наибольшей его заслугой было создание ряда романтических баллад (особенно «Твардовского») и ярких, социально острых басен («Пан та собака»). Квитка-Основьяненко много сделал для утверждения художественной прозы в украинской литературе. Вначале он писал на русском языке и только в 30-х годах начал создавать повести на родном, украинском языке. Его повести «Солдатский портрет», «Маруся» и «Перекати-поле» проникнуты мягким гуманистически-сентиментал-

ным отношением к украинскому крестьянству. Квитка нигде не поднимает прямо голоса против крепостничества, но заслугой его всё же было самое изображение крестьянства, утверждение крестьянской тематики в литературе.

В 1833 г. Николай I дал согласие на открытие университета в Киеве. Вопреки планам Николая Киевский университет стал культурным центром, в стенах которого зародились украинские и польские тайные политические кружки. Университет стал центром изучения украинской культуры, истории, этнографии и фольклора Украины.

Большое значение для украиноведения имела организация в Киеве Археографической комиссии для разбора древних актов. Публикуемые ею материалы имели первостепенное значение для изучения прошлого Украины. Профессор Максимович (1804—1873 гг.) в Киеве много работал над собиранием фольклорного материала. В 1834 г. им были опубликованы «Украинские народные песни» и «Голоса украинских песен», а в 1849 г. — «Сборник украинских песен». Профессор Срезневский в Харькове издавал в 1833—1838 гг. «Живую старину», в которой печатал собранный им фольклорный материал. В 1834 г. Срезневский выступил с научными доказательствами самостоятельности украинского языка. «Украинский язык, — писал он, — язык поэтический, музыкальный, живописный». Профессор Московского университета О. Бодянский (1808—1876 гг.), по национальности украинец, напечатал в русских журналах много разнообразного фольклорного материала. В московских «Чтениях в обществе истории и древностей российских» были опубликованы важнейшие источники по истории Украины. Этнограф А. Метлинский (1814—1870 гг.) в 1854 г. опубликовал новое собрание украинских песен под заглавием «Народные южнорусские песни». В области этнографии украинского народа работал Н. И. Костомаров, опубликовавший работы «Об историческом значении русской народной поэзии» (1843 г.), «Славянская мифология» (1847 г.), «Историческое значение южнорусского песенного творчества» и др. В 1846 г. в Кирилло-Мефодиевском обществе по инициативе Шевченко был поднят вопрос об издании журналов на украинском языке, но при правительстве Николая I об этом нельзя было и думать. Украинские произведения печатались в русских журналах — «Вестнике Европы», «Молве», «Маяке».

Молдавия под властью Турции и Польши и её присоединение к России. Территория нынешней Молдавской ССР с прилегающими к ней некоторыми частями современной Украинской ССР в конце XVIII в. распадалась на несколько областей, зависимых от различных государств. Часть этой территории, лежавшая на левой стороне Днестра, делилась на две половины.

Северная половина (на север от реки Кодыма) принадлежала Польше и входила в состав Брацлавского воеводства. Южная половина (от Днестра до реки Кодыма), расположенная в пределах так называемой «Очаковской земли», находилась под властью Турции.

Территория Бессарабии, занимавшей пространство между Днестром, Черноморским побережьем, Нижним Дунаем и Прутом, делилась на три части. Северная часть представляла непосредственное владение Турции — так называемую Хотинскую райю (округ, управлявшийся пашой, комендантом Хотинской крепости). Юг Бессарабии (Буджак) также был захвачен турецкими феодалами, построившими здесь крепости — Аккерман, Бендеры, Измаил. Расположив в указанных укреплённых пунктах свои гарнизоны, Турция уступила степные пространства Буджака зависимой от неё Ногайской орде. Центр Бессарабии, где была сконцентрирована основная масса населения, входил в состав придунайского княжества Молдавии и управлялся молдавскими господарями, находившимися на положении откупщиков Порты.

Левобережная Молдавия накануне её присоединения к России (в конце XVIII в.) была заселена сравнительно слабо. В 90-х годах XVIII в. во всей Очаковской области насчитывалось 19 540 жителей мужского пола. На побережье Днестра и в долине реки Кодыма селились беглые крестьяне (украинцы, русские, молдаване), спасавшиеся сюда от крепостнического гнёта из панской Польши, царской России, Молдавского господарства.

Население Бессарабии в момент присоединения к России (1812 г.) несколько превышало 240 тыс. человек. Основными народами, заселявшими с древнейших времён этот край, являлись молдаване (47,5%), украинцы (19,9%), русские (8,2%). Менее значительны по своей численности были другие национальности (евреи, греки, армяне, гагаузы, цыгане и др.).

Население Молдавии испытывало невыносимый турецкий и польский гнёт. Жители страдали от набегов ногайских орд, от постоянных войн между татарскими феодалами и владельцами замков, находившихся на Брацлавщине, от панского произвола, от разбоев турецкой военщины. Господство султанской Турции и панской Польши было непреодолимым тормозом для экономического и культурного развития края, к концу XVIII в. разорённого до крайних пределов. В создавшихся условиях только переход Молдавии под власть России мог обеспечить ей необходимые условия прогрессивного роста. Необходимо учитывать положительное значение влияния России как более передовой (по сравнению с Польшей и Турцией)

в экономическом и культурном отношениях страны на развитие Молдавии.

Очаковская область и Брацлавщина отошли к России ещё в конце XVIII в. Бессарабия была присоединена к России по Бухарестскому миру 1812 г. Адрианопольский договор 1829 г. отдал России устье (гирла) Дуная. По Парижскому трактату 1856 г. Россия лишилась южной части Бессарабии, примыкающей к Дунаю. Эта территория отошла к придунайской Молдавии и была возвращена обратно России, и то не полностью, только в 1878 г. по Берлинскому трактату.

Заселение Молдавии и управление ею после присоединения к России. После присоединения Молдавии к России перед царским правительством встала задача заселения новой территории, сильно разорённой многочисленными войнами. В Тираспольском уезде в 1817 г. были устроены военные поселения Бугского казачьего войска. Григориополь был заселён армянами, получившими в надел 12 тыс. десятин земли. Значительную земельную площадь между Бугом и Днестром царское правительство роздало для заселения чиновникам и молдавским боярам (Стурдзе, Кантакузену, Катарджи, Филодору и др.). Им отводились отдельные земельные владения, достигавшие 25 тыс. десятин, всего же к 1804 г. было роздано 824 тыс. десятин, т. е. треть Очаковской области.

В Бессарабию, преимущественно в степные просторы Буджака, освободившиеся после переселения Ногайской орды на Кубань и в Крым, направлялись потоки колонистов из украинских и русских губерний: беглые крестьяне, раскольники и пр. Здесь селились «некрасовцы» — потомки донских казаков, после подавления Булавинского восстания скрывшихся под руководством Игната Некрасова на Кубань. Насколько велик был поток беглецов, видно из того, что в 30-х годах XIX в. из Бессарабии их было выслано в русские губернии от 35 тыс. до 48 тыс. Тогда же в районе Аккермана было обнаружено свыше 6 тыс. украинцев из приднепровских и приднестровских губерний, спасавшихся от рекрутской повинности и помещичьей кабалы.

Громадную часть территории Бессарабии, как и Очаковской области, царизм закрепил за помещиками. Половина земель Хотинского уезда была передана нескольким семьям молдавских бояр. Церковные корпорации также получили подтверждение своих прав на недвижимые имущества. Владения ряда бессарабских монастырей достигали 50 тыс. десятин.

Цыгане продолжали вести кочевой образ жизни и с трудом привыкали к земледелию.

Ещё до присоединения к России Бессарабии вследствие раздачи молдавскими господарями цыган в частное владение

там возник разряд крепостных цыган, число которых в середине XIX в. достигало 11 681. Из них земледелием занимались лишь 100 человек, остальные находились у помещиков на положении дворовых людей.

Задача организации управления Бессарабией была разрешена русским правительством на основе союза с молдавским боярством. К 1818 г. было выработано «Положение о Бессарабской области». Царизм, охраняя интересы местных феодалов, сохранил прежний феодально-аристократический характер политического устройства Бессарабии, которая получила привилегию управляться «по обычаям земли молдавской». Управление ею было поручено Верховному совету из 10 членов под председательством полномочного наместника. Делопроизводство велось одновременно на русском и молдавском языках. Царское правительство признало основы феодально-аристократической структуры молдавского общества. Местной феодальной верхушке (*боярам*) на основе молдавских привилегий были присвоены права потомственного дворянства. Рядом привилегий пользовались *бояринаши*, получившие права личного дворянства; *мазылы* (отставные чиновники), *рупташи* (потомки духовенства, оставшиеся мирянами). Непосредственными производителями в Бессарабии были: *резеши* (мелкие владельцы земельных участков в тех местностях, где существовало общинное землевладение), *царане* (зависимые крестьяне, проживавшие на казённых и помещичьих землях) и крепостные цыгане. Соотношение основных разрядов населения Бессарабской области выражалось в следующих цифрах: дворяне составляли 0,8% общего числа жителей, духовенство — 1,5%, городское население — 24%, царане — 68%, крепостные цыгане — 0,5%; остальные разряды составляли 5,2%.

В 1828 г. было издано «Учреждение для управления Бессарабской областью», значительно сократившее автономию Бессарабии. Изменённый в своём составе и урезанный в правах Верховный совет был переименован в Областной и получил значение совещательного органа. Должность полномочного наместника была заменена должностью генерал-губернатора. Издание «Учреждения» 1828 г. было вызвано политикой централизации, характерной для начала царствования Николая I. Однако и после 1828 г. основные начала устройства Бессарабской области всё еще не вполне приблизились к общеимперскому образцу. Только в 1873 г. область была преобразована в губернию.

Что касается территории Левобережной Молдавии, то и там царское правительство попыталось обеспечить себе союз с молдавским боярством путём предоставления ему ряда привилегий. В административном отношении эта территория, к ко-

торой относились и некоторые части современной УССР, была поделена между Подольской и Херсонской губерниями, войдя, таким образом, в систему управления, установленную для Правобережной и Степной Украины.

Феодально-крепостнические отношения в Молдавии ко времени её присоединения к России. Молдавия в момент её присоединения к России находилась «на самой низкой и варварской стадии феодализма». Хищное турецкое владычество представляло собой, писали Маркс и Энгельс, «серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова» [1].

Главное занятие жителей составляют земледелие и скотоводство. Крестьянское сельское хозяйство в Молдавии велось на очень низком техническом уровне. В значительной части края господствовали примитивные формы земледелия. Обработка земли производилась на волах, из орудий употреблялись грубый и тяжёлый плуг, однозубое рало и борона; в уборке хлеба коса без грабель и коса с граблями преобладали над серпом. Хлеб обмолачивался цепами, а также посредством катков.

Основная масса сельского населения Бессарабии (царане) юридически составляла сословие свободных хлебопашцев. Однако отсутствие у царан собственной земли ставило их в тяжёлую зависимость от церковных и светских феодалов, захвативших крестьянские общинные земли. На примере дунайских княжеств Молдавии и Валахии Маркс очень ярко изобразил процесс превращения труда «свободных крестьян на их общинной земле... в барщинный труд на захватчиков общинной земли». Таким образом «развились крепостные отношения, однако только фактически, а не юридически...» [2]

Экономическое развитие Молдавии в первой половине XIX в. Положение крестьянства. На экономическое развитие Молдавии в первой половине XIX в. имела влияние близость Чёрного моря, через порты которого производился экспорт продуктов сельского хозяйства за границу. Спрос на зерновые продукты на заграничных рынках служил стимулом к увеличению продуктивности помещичьего хозяйства.

Законодательной регламентации крестьянского вопроса в Бессарабии предшествовало обнародование в 1831 г. П. Д. Киселёвым кодекса барщинных работ для придунайской Молдавии и Валахии. Маркс подверг детальному анализу этот кодекс (так называемый «Органический регламент») и пришёл к

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 374.
[2] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 225.

выводу, что установленное законом отношение барщинного труда к необходимому составляло в Валахии $66^{2}/_{3}\%$ [1].

В Бессарабии законодательной регламентации крепостнических отношений был посвящён закон 29 января 1834 г. об обязательном заключении, начиная с 1836 г., так называемых «добровольных» контрактов между бессарабскими землевладельцами и жившими на их землях царанами. Издание этого закона вызвало большое недовольство в среде сельского населения, естественно опасавшегося, что помещики постараются закрепить договорами выгодные для них отношения. Сотни царан, желая избегнуть необходимости вступать в письменные договоры с помещиками, стали подавать заявления в Казённую палату о перечислении их в мещане. Тогда правительство, защищая классовые позиции феодалов, издало 27 марта 1846 г. «правила», определявшие взаимные обязанности бессарабских владельцев земель и живущих на этих землях царан на основах так называемого «нормального контракта». Правила представляли собой детальный кодекс повинностей царан. Барщина была определена в 12 условных «пунктовых» дней в году, причём один такой день значительно превышал по объёму труда обычный трудовой день. Несмотря на это, закон продолжал рассматривать царан как свободных хлебопашцев.

Из изложенного видно, что Молдавия после присоединения её к России подвергалась, как и вся Россия того времени, крепостническому угнетению. Однако, несмотря на это, совершенно ясно, что присоединение Молдавии к России имело тем не менее большое прогрессивное значение для Молдавии: её положение под властью крайне отсталой, хищнической Турции было несравненно тяжелее. Население Молдавии, буквально отданное Турцией на откуп хищным господарям и их многочисленным ставленникам, систематически подвергалось грабежу, сходному с военным разорением. Не существовало границ этой безудержной и ничем не регламентированной эксплоатации. Постоянно возникавшие на территории Молдавии длительные, часто многолетние военные столкновения соседних держав дополнительно разоряли население. Всё это прекратилось с установлением в крае русской власти. Чрезвычайно оживились торговые сношения, укрепились хозяйственные связи Левобережья Днестра и Бессарабии с внутренними русскими губерниями.

Накануне Крымской кампании Бессарабия ежегодно отпускала за границу 600 тыс. четвертей разного зерна (главным образом пшеницы) на сумму 1 800 тыс. руб. серебром. Изменившиеся условия мирового рынка способствовали росту сельско-

---

[1] См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 225—226.

хозяйственного предпринимательства в Молдавии. В Центральную Россию и за границу сбывались многочисленные гурты рогатого скота. Высокие цены на овечью шерсть в 20-х годах XIX в. дали толчок развитию тонкорунного овцеводства. Его распространению содействовала правительственная раздача казённых земель под овчарные заводы. В пятидесятых годах в помещичьих имениях Тираспольского уезда и ближайших к нему районов насчитывалось свыше двухсот тысяч тонкорунных овец, в Бессарабии в то же время было около четырёх сот тысяч тонкорунных овец. Вывоз из Бессарабии за границу лошадей, рогатого скота и овечьей шерсти в 50-х годах XIX в. производился на сумму более 1,5 млн. руб. серебром ежегодно.

Большое значение в экономике Молдавии получило производство табака. Ежегодный доход Бессарабии от табачной промышленности достигал в середине века 240 тыс. руб. серебром.

Бессарабия занимала первое место в России по виноделию. Центром виноделия Бессарабской области был район Аккермана. В середине XIX в. из Бессарабской области вывозилось ежегодно не менее 500 тыс. вёдер виноградного вина на сумму 525 тыс. руб. серебром. Таким образом, после присоединения Молдавии к России, несмотря на крепостническое угнетение и вопреки ему, в Молдавии произошло несомненное развитие производительных сил. Под оболочкой крепостных отношений созревали новые, капиталистические отношения. Правда, Молдавия в первой половине XIX в. представляла собой ещё чисто земледельческую страну, в которой промышленность находилась на самой низкой ступени развития. Причиной промышленной отсталости Молдавии являлась колониальная политика царизма, сводившаяся к использованию края в качестве источника сырья и рынка сбыта товаров. Статистика 1857 г. отмечает в Бессарабии всего 138 мелких предприятий по переработке местного сырья (винокуренных, свечных, мыловаренных, восковых заведений и пр.), на которых числилось 724 рабочих, а сумма производства выражалась в 918 148 руб. В том же году в Тираспольском уезде и прилежащих к нему районах было 29 незначительных промышленных заведений (салотопенных, свечных, мыловаренных, винокуренных, пивоваренных и пр.) с общей суммой производства около 100 тыс. руб. серебром.

Рост товарно-денежных отношений в Молдавии выразился в появлении значительного количества ярмарок и базаров, на которых производились большие закупки хлеба и скота крупным купечеством. Из центральной России на молдавские ярмарки привозились текстильные и металлические изделия,

галантерея и другие произведения русской промышленности. Привоз товаров и пригон скота на всех ярмарках Бессарабии в середине XIX в. выражался в сумме 400 тыс. руб. серебром в год. В связи с развитием торговли росло и крепло местное купечество. В 1858 г. в Бессарабии было объявлено 992 гильдейских купеческих капитала на сумму около 3 млн. руб. серебром. Прасолы, офени, ходебщики служили посредниками между непосредственными производителями и крупными оптовыми торговцами.

Таким образом, и в земледельческой Молдавии, несмотря на её экономическую отсталость, создавались предпосылки для перехода к новому, капиталистическому строю. Капиталистические отношения формировались прежде всего в сельском хозяйстве.

Массовое движение. Протест широких народных масс Молдавии против феодального гнёта проявлялся в своеобразной форме — организации повстанческих отрядов, совершавших нападения на помещиков и купцов. Руководители таких отрядов — гайдуки — в глазах народа были окружены ореолом героизма как защитники угнетённой бедноты от притеснения помещиков и властей. Особенно популярным героем молдавского народа был один из гайдуков Кишинёвского уезда, Бессарабской области, конца XVIII — начала XIX в., Бужор, гроза феодалов и купцов. По преданию, Бужор ходил по городам и сёлам и отыскивал бедняков, помогал им средствами, отнятыми у богачей.

Классовую направленность деятельности другого гайдука начала XIX в., Войку (Оргеевский уезд, Бессарабской области), хорошо характеризует народная фантазия, вложившая в его уста следующий ответ судьям:

> Богатства вам я не отдам;
> Вы Войку ведь всё равно повесите
> И возьмёте его червонцы;
> Их проиграете в карты,
> Израсходуете на экипажи или промотаете на женщин!
> Я спрятал их в деревьях,
> Чтобы нашли их бедные и купили себе волов да коров.

Теми же мотивами борьбы с феодально-крепостническим гнётом проникнута и деятельность знаменитого Урсула, казнённого в Бессарабии в 1823 г.

На территории Левобережной Молдавии получил известность уже упомянутый выше Кармалюк, хотя главной ареной его деятельности была Украина.

Массовое движение в Молдавии не ограничивалось выступлениями гайдуков. Имелись и более высокие формы крестьян-

ского движения. В 1803 г. в помещичьих имениях Тираспольского уезда отмечены «беспорядки и непослушание» на почве закрепощения землевладельцами выходцев из придунайской Молдавии. Во втором десятилетии XIX в. в связи с организацией в Новороссии военных поселений многие крестьяне отводимых под поселение деревень ушли оттуда со всем своим имуществом и скотом. Волнения и побеги крестьян не прекращались в Молдавии в течение всей первой половины XIX в. В то же время в Бессарабию в большом количестве направлялись беглые крестьяне из соседних губерний. Побеги особенно усилились в 1856 г. в связи с переходом части Бессарабии к придунайской Молдавии. Крестьяне рассчитывали получить там волю. С 1858 г. начались серьёзные волнения царан помещичьих селений Бессарабской области. Царане требовали у местного начальства разрешения на переселение на казённые земли, ссылаясь на то, что помещики злоупотребляют своей властью. Получив отказ, царане решили самовольно осуществить переселение. Движение было подавлено воинской силой.

Культура народов Молдавии. Основная масса молдавского населения была неграмотна, поэтому самым распространённым видом молдавской литературы являлось устное художественное творчество. Тяжёлое историческое прошлое молдавского народа наложило свой отпечаток на его песни (дойны), которым нередко присущ грустный, протяжный напев. Широко известен национальный танец молдаван жок, или хора. Вековое рабство не сломило жизненных сил молдавского народа, не убило в нём воли к борьбе и победе, не задушило его творческого дара. Героические народные песни из цикла борьбы с турецкими феодалами проникнуты идеей защиты родины от врагов-захватчиков.

Цыганский фольклор отражает традиции кочевого быта, освещает цыганский домашний уклад и нравы. Песня связана у цыган с пляской. Цыганское песенное творчество оставило свой значительный след в истории русского романса и привлекало внимание выдающихся русских композиторов.

Из фольклора других народов Молдавии останавливает на себе внимание фольклор болгарских колонистов. Болгарские певцы-импровизаторы в XIX в. хранили в своей памяти большой, разнообразный и интересный репертуар героических песен из эпохи турецкого ига и болгарских войн за независимость.

Из городов Молдавии наиболее важное культурное значение в первой половине XIX в. получил Кишинёв — центр Бессарабской области.

Кишинёвское общество было очень разнородным по своему национальному составу. Основную массу населения города

составляли молдаване, евреи, болгары. Но тут же жили греки, турки, украинцы, сербы, караимы, немцы, французы и итальянцы.

Общий культурный уровень молдавского боярства начала XIX столетия был невысок. Но накануне национального движения в придунайской Молдавии и Валахии (в начале 20-х годов) в Кишенёве наблюдалось заметное пробуждение культурно-общественной жизни. В доме М. Кацика была устроена масонская ложа, связанная с тайным обществом декабристов; главным мастером ложи одно время являлся русский генерал-майор декабрист П. С. Пущин. Он же учредил в Кишинёве дивизионную ланкастерскую школу. С 1818 г. Кишинёв был наводнён сербскими иммигрантами из числа единомышленников Карагеоргия, поднявшего восстание против турецкого владычества. Выходцы из Сербии заняли в Кишинёве целый квартал (Сербскую улицу). С сербскими выходцами встречался и А. С. Пушкин, живший в 1820—1823 гг. в ссылке в Кишинёве; с их слов поэт записывал южнославянские песни. Наиболее образованная и передовая часть кишенёвского общества 20-х годов XIX в. собиралась в домах князей Александра и Георгия Матвеевичей Кантакузеных, членов греческой гетерии и участников национально-освободительного движения 1821 г. К числу постоянных посетителей Кантакузеных принадлежали будущие руководители греческого восстания, оба брата Ипсиланти.

Большое значение для культурной жизни Кишинёва в 20-х годах XIX в. имело пребывание там штаба 16-й пехотной дивизии, принадлежавшей к 6-му корпусу второй русской армии. Командиром 16-й дивизии в июле 1820 г. был назначен декабрист М. Ф. Орлов. Он стремился искоренить жестокость в обращении с солдатами, запретил применение телесных наказаний при обучении солдат. Большое внимание уделял Орлов вместе с декабристом В. Ф. Раевским организации ланкастерских школ в ряде городов и местечек Бессарабии, где были расположены отдельные части его дивизии. Кишинёвский дом Орлова сделался средоточием культурной жизни и центром передовой политической мысли. Его постоянным посетителем был отбывавший в Кишинёве ссылку А. С. Пушкин. В Кишинёве бывал и П. И. Пестель.

Очень значительным событием в культурной жизни Бессарабии было трёхлетнее пребывание там А. С. Пушкина. В ряде своих произведений великий русский поэт воспользовался мотивами молдавского фольклора. Одна из песен молодой молдаванки Мариулы легла в основу стихотворения Пушкина «Чёрная шаль». В кишинёвских боярских домах пользовались большой популярностью и приглашались на все балы хоры кре-

постных цыган боярина Варфоломея. Поэт наблюдал быт цыган, прислушивался к цыганским песням и воспроизвёл их в своей поэме «Цыгане». Исследователи считают, что в поэме «Братья-разбойники» в какой-то мере отразились впечатления Пушкина от молдавской действительности и от личности знаменитого Урсула; по просьбе поэта для него было переписано полностью судебное дело об Урсуле.

Знакомство с передовой русской литературой имело благоприятное значение для деятельности молдавских писателей К. Негруци, А. Донига, К. Стамати и др.

На культурно-идеологическую жизнь болгарских колоний в Молдавии оказало серьёзное влияние пробуждение национального самосознания среди болгарской интеллигенции. Одним из крупных и наиболее ранних деятелей болгарского возрождения был известный учёный, близкий по своему мировоззрению к славянофилам, Ю. И. Венелин. Сын украинского священника из Галиции, он учился в Львовском университете, а в 20-х годах XIX в. переехал в Кишинёв, где близко ознакомился с бытом болгарских колонистов. Результатом этого знакомства явилась выпущенная им в 1829 г. книга «Древние и нынешние болгары в политическом и религиозном отношениях», вызвавшая сильный интерес к болгарскому вопросу в России.

Состояние сельского хозяйства Белоруссии. Сельское хозяйство Литвы. Присоединение Белоруссии и Литвы к Российской империи, экономически более развитому и политически мощному государству, втянуло их в сферу влияния русской экономики. В недрах их крепостного хозяйства подспудно — хотя и в слабой форме — развивались капиталистические отношения. Крепостное хозяйство и тут становилось тормозом в развитии производительных сил и переживало процесс своего разложения.

Товарность сельского хозяйства Литвы и Белоруссии возросла в первой четверти XIX в. Причиной этого было увеличившееся городское население и некоторое развитие промышленности, а также и то обстоятельство, что в Литве и Белоруссии была расквартирована царская армия, предъявлявшая большой спрос на сельскохозяйственные продукты. Возрастал и вывоз в Западную Европу. Высокие цены на внутреннем и внешнем рынках побуждали помещиков расширять своё хозяйство — они увеличивали барскую запашку за счёт сокращения крестьянского надела или даже полного обезземеления крестьян. Помещики выгоняли из имений и безземельную шляхту — арендаторов небольших земельных участков. Рост барской запашки увеличил тяжесть панщины (барщины) в два-три раза по сравнению со второй половиной XVIII в.

Отдельные виды натуральных повинностей переводились на деньги. Распространение винокуренного производства, а также культур технических растений (льна, конопли), развитие овцеводства (главным образом в принеманской Белоруссии) были связаны с попыткой помещиков выйти из создавшегося кризиса. Закупки зерновых продуктов военным ведомством всё же удерживали цены на известной высоте. Крупные землевладельцы использовали частые неурожаи, чтобы продавать на рынке излишек зерновых продуктов по высоким ценам.

Война 1812 г. привела народное хозяйство Литвы и Белоруссии в состояние значительного упадка. При подсчёте в 1815 г. убытков, понесённых помещиками, выяснилось, что погибло более двух третей всего скота; площадь посева уменьшилась более чем наполовину, население было разорено. Правительство даже оказалось вынужденным отказаться на ближайшие годы от сбора налогов, а помещикам выдали ссуду на восстановление хозяйства. Крестьянская посевная площадь за отсутствием рабочего инвентаря и навоза обрабатывалась очень плохо и не могла быть использована полностью. Урожайность была очень низкой. Белоруссия и Литва после 1812 г. не выходили из неурожайных годов и голода; самый сильный голод наступил в 1820—1821 гг. После сенаторской ревизии, установившей бедственное положение крестьянства, массами умиравшего от голода, правительство отпустило помещикам заимообразно денежные средства на покупку зерна для посева и на нужды крепостного крестьянства, помещики же использовали эти средства для собственных нужд. Воспользовавшись тем, что крестьянские участки полностью не обрабатывались, помещики присоединяли их к своей запашке и увеличивали барщину. Большие доходы приносило винокурение; помещики не желали отказаться от него даже в голодные годы, когда зерно необходимо было для питания населения. В связи с ростом винокурения росла и барщина: помещики стремились получить как можно больше зерна для выгодной переработки на вино. Задолженность помещичьих имений государственным кредитным учреждениям и частным лицам содействовала разорению мелких и средних землевладельцев. Это вело в свою очередь к значительной мобилизации земельной собственности.

В 1826 г. возникло Белорусское Вольно-экономическое общество, которое, по мысли его основателей, должно было заниматься «современным усовершенствованием всех вообще отраслей сельского домоводства, свойственного Белоруссии». Усиленные поиски выхода из создавшегося кризиса свидетельствовали о росте разложения крепостного хозяйства.

В 30-х годах XIX в. сельское хозяйство Белоруссии находилось в состоянии упадка. Принеманские помещичьи хозяй-

ства были частично разорены во время польского восстания 1830—1831 гг., многие промышленные предприятия — винокуренные, пивоваренные заводы, вотчинные мануфактуры — перестали функционировать; сокращение вывоза зерновых продуктов за границу в связи с введением в Англии хлебных законов ещё более углубляло кризис 30-х годов. Правда, цены на зерновые продукты были в Литве и Белоруссии выше, чем в других районах империи, в связи с частыми неурожаями, повышенным спросом на зерно для помещичьего винокурения, а также закупками военного ведомства, но всё же это не вносило существенных изменений в общее положение хозяйства. Средние и мелкие помещики разорялись, количество безземельных помещиков увеличивалось. В значительно лучшем положении находилось крупное помещичье землевладение. Крупные помещики вывозили за границу лён, зерно, лес, кожу, сало, главным образом из принеманской Белоруссии, района сплавных рек. Большую роль в крупных хозяйствах играли винокурение и сдача в аренду корчем и мельниц. Такие хозяйства были связаны товарно-денежными отношениями не только с портами Балтийского моря и местными рынками, но и с Петербургом, а также с Украиной, куда по Днепру сплавлялся лес. Крестьянское хозяйство также втягивалось в сферу товарно-денежных отношений, так как крепостные крестьяне помимо увеличивающихся податей должны были выплачивать своему помещику денежный оброк.

Во второй четверти XIX в. ещё резче обнаружилось разложение крепостного хозяйства. Помещики начали приспособлять своё хозяйство к потребностям рынка. Развитие суконных мануфактур повлекло за собой развитие в Белоруссии овцеводства, главным образом в промышленных западных районах. Отдельные помещики переходили к культуре свёклы и к организации свеклосахарного производства, продукция которого не только сбывалась на месте, но и вывозилась в Польшу, Петербург и соседние губернии. Белоруссия становилась центром винокуренной промышленности. Помещики путём продажи вина высасывали последние соки из крестьянского хозяйства: по словам современника, «пенное вино продаётся не только за деньги, но и за хлеб всякого рода; принимается за вино скот, овцы, телята, птица, яйца и даже крестьянская одежда». В крупных и частично средних имениях отходы винокурения — барда — употреблялись в качестве корма для скота, что способствовало развитию животноводства.

Помещики обезземеливали крестьян, организуя своё фольварочное хозяйство. Общее количество крестьян-месячников увеличивалось. В Литве и Белоруссии преобладала барщина.

В отдельных имениях она была ежедневной, «когда крестьяне всю неделю с господского двора не сходят». Техника сельского хозяйства стояла на низком уровне. Для поднятия производительности крепостного труда помещики прибегали к урочной системе. Переводя отдельных крестьян на денежный оброк (чинш), помещики заставляли отрабатывать его в своих же имениях. Однако применялся и вольнонаёмный труд.

Обезземелив значительную часть крестьянства и получив избыток крепостной рабочей силы, помещики широко использовали своё право сдавать крестьян в наём подрядчикам «по контрактам». Постройка железных дорог (Царскосельской и Николаевской) предъявляла большой спрос на рабочую силу крестьян-белоруссов для земляных работ. Положение таких «отходников» было очень тяжёлым: помещики забирали себе почти всю заработную плату. Крестьяне отдавались в полное бесконтрольное распоряжение подрядчиков; санитарные условия жизни отданных в наём крестьян были ужасны; наблюдалась большая заболеваемость и смертность.

Экономическое развитие Западной Литвы (Жмудь) отличалось своеобразными чертами: товарность хозяйства была тут выше, применялось многополье, расслоение крестьян было выражено значительно резче (22% безземельных крестьян при наличии значительной прослойки богатых крестьян); по сравнению с другими районами Литвы и Белоруссии здесь был более высокий процент чиншевых крестьян и более низкий — барщинных. Вместе с этим тут проживало довольно значительное количество (9,4% всего населения) мелкой шляхты, лично занимавшейся земледелием, а также незакрепощённых крестьян, выступавших в качестве арендаторов помещичьих земель. Ремесло и промышленность были, однако, слабо развиты.

Развитие промышленности. Промышленное развитие Белоруссии и Литвы происходило очень медленно и неравномерно. В 1818 г. количество предприятий достигло 145 при численности рабочих в 3 471, в том числе вольнонаёмных — 1 853. Крепостная система хозяйства и национальное угнетение были основными причинами замедленного промышленного развития Белоруссии. Не было капиталов; при наличии крепостного права и преобладании барщины ощущался недостаток в рабочей силе.

Вотчинная мануфактура количественно выросла к концу XVIII в. В начале XIX в. наиболее значительными были вотчинные мануфактуры по выделке поташа, стекла, кирпича и парусины. Существовали также фаянсовые, прядильные и канатные мануфактуры. Небольшие железоделательные заводы работали на местной руде. Но в первой четверти XIX в. в Белоруссии и Литве начался упадок вотчинных мануфактур. Низкая

производительность подневольного труда, отсутствие сырья, мастеров, инструментов и убыточность предприятий были причиной закрытия вотчинных мануфактур, отживавших свой век. Голод 20-х годов также повлёк за собой закрытие ряда помещичьих мануфактур в Белоруссии.

В первой четверти XIX в. в Белоруссии и Литве стала развиваться и промышленность нового типа. Цехи перестали носить замкнутый характер, доступ в них стал сравнительно лёгок. Накопленные купцами капиталы начали вкладываться в промышленность. Купцы становились арендаторами вотчинных мануфактур и владельцами основанных на вольнонаёмном труде предприятий. Но вольнонаёмные предприятия первой четверти XIX в. были мелки и имели незначительные обороты. Они представляли собой небольшие мастерские по выделке мыла или шляп, шёлковые, кожевенные, свечные и писчебумажные мануфактуры. Число рабочих в мелких вольнонаёмных предприятиях не превышало 2—3 человек, реже встречались более крупные предприятия с 25—30 рабочими. В западной части Гродненской губернии имелся ряд довольно крупных капиталистических предприятий. В 1825 г. в Литве и Белоруссии числилось 239 промышленных предприятий, на которых было занято 3 835 рабочих; в 1861 г. количество предприятий увеличилось до 604, а численность рабочих — до 9 714. Но удельный вес этой промышленности в общероссийской промышленности был очень незначителен. Литовская и белорусская промышленность составляла только 4,2% к общему количеству предприятий и 1,8% к общему количеству рабочих в империи. В Литве и Белоруссии преобладали мелкие предприятия: в среднем на одно предприятие в 1861 г. приходилось 16 рабочих. Наиболее крупными были суконные мануфактуры.

Вольнонаёмный труд на промышленных предприятиях уже имел значительное приложение в первой четверти XIX в. Вотчинная мануфактура, основанная на крепостном труде, переживала кризис, дворянская фабрика уступала место купеческой. К 1832 г. из 232 предприятий 144 принадлежали купцам, мещанам, цеховым мастерам. В Гродненской губернии из 4 634 общего количества рабочих суконных предприятий вольнонаёмных было 2 828 человек. В Могилёвской губернии на всех предприятиях, за исключением винокуренных заводов, работали 1 374 вольнонаёмных рабочих и только 1 112 крепостных. На сахарных заводах графа Паскевича в 1859 г. все рабочие были вольнонаёмными. Но промышленность в Литве и Белоруссии не могла быстро развиваться: её тормозили крепостной строй, колониальное угнетение Белоруссии самодержавием, отсутствие рабочих кадров.

Торговля и внутренний рынок. После присоединения Белоруссии и Литвы к России ёмкость их внутреннего рынка несколько увеличилась.

Уже в первой четверти XIX в. Литва и Белоруссия были тесно связаны с общероссийским рынком, где сбывались белорусское и литовское сырьё и промышленная продукция, а также с рынками Западной Европы, главным образом с Пруссией. Из Белоруссии и Литвы по Неману сплавлялся лес в Пруссию, а по Днепру — в Херсон, Киев, Кременчуг. По Неману вывозились за границу зерно, лён, сало, пенька, продукты винокурения, мёд. Особенно увеличилась вывозная торговля после Крымской войны.

Отмена монопольных торговых прав как городов, так и ремесленных цехов содействовала появлению на городском рынке изделий кустарной промышленности. Крестьяне-кустари становились покупателями сельскохозяйственных продуктов и сырья, необходимого для ведения производства. Безземельные крестьяне уходили в города на сезонные и чёрные работы, нанимались на мануфактуры. Рост городского населения расширял ёмкость внутреннего рынка. В 1833 г. по Белоруссии числилось всего 65 городов с населением в количестве 275 814 лиц обоего пола, в том числе 4 099 рабочих. Богатое крестьянство Жмуди было связано торговыми оборотами с балтийскими портами, пока указ Александра I не запретил крестьянам, не платящим гильдейских пошлин, заниматься торговлей (1824 г.), что нанесло большой ущерб жмудскому крестьянству. Рост ярмарок и ярмарочных оборотов также говорил об увеличении ёмкости внутреннего рынка. Литва и Белоруссия экономически были тесно связаны с Украиной и внутренними русскими губерниями, где закупалось промышленное сырьё (шерсть) и продавались местные промышленные изделия (водка, сукно, полотна).

Положение крестьянства и крестьянское движение. Крестьяне Белоруссии находились в чрезвычайно тяжёлом положении. Они были обременены барщиной и разными натуральными повинностями; они должны были всей деревней по вызову помещика выходить на дополнительные сельскохозяйственные работы (толоки), охранять по очереди его усадьбу, исправлять дороги, мосты, плотины, давать подводы для отправки помещичьих товаров в город, платить помещику оброк натурой и деньгами. Крестьяне работали на вотчинных мануфактурах. Крестьян продавали оптом и в розницу на месте или на вывоз в другие губернии; русские помещики переводили белорусских крестьян в свои имения в отдалённых губерниях, избыточную рабочую силу сдавали в наём подрядчикам. Разложение крепостного хозяйства сопровождалось

ростом крестьянских волнений и побегов. Грабежи, убийства помещиков и управляющих, поджоги домов были обычной формой крестьянского протеста против помещичьей эксплоатации. Во время нашествия Наполеона крестьяне отказывались от работ на помещиков и уходили в леса со всем своим скарбом, семействами и скотом. Для усмирения крестьян Наполеон — защитник местных помещиков и крепостного права — посылал войска своей армии. Крестьяне вели жестокую партизанскую войну против Наполеона.

Голод 1820—1821 гг. ещё более обострил классовые отношения в деревне. В 1822 г. в Витебской и Могилёвской губерниях возникли волнения крестьян. В своих жалобах губернской администрации или непосредственно императору через особых выборных крестьяне выражали желание стать «казёнными» и просили освободить их от злоупотребления полицейских чиновников. Во многих имениях, в частности в Динабургском казённом имении (старостве), крестьян приводили в повиновение военной силой.

Во второй четверти XIX в. положение белорусского крестьянства в связи с ростом крепостного угнетения ещё более ухудшилось. С 1812 по 1835 г. подушная подать в Белоруссии увеличилась вдвое. На разорённом и нищем крепостном крестьянстве накапливались недоимки. Правительство требовало уплаты недоимок от помещика, который в свою очередь ещё сильнее давил на крестьян. Особенно тяжёлым было положение белорусских крестьян в польских имениях, где к усиленному феодально-крепостному гнёту присоединялся также гнёт национальный и религиозный. В большинстве имений крестьяне ели «хлеб» из травы и липового листа, в лучшем случае — хлеб с мякиной. Случалось, что панщину (барщину) крестьяне отбывали в течение всей недели, а на себя работали по ночам. Если мужчины были отданы помещикам в наём, на панщину приходилось выходить женщинам; они выполняли тяжёлые мужские работы — пахали и бороновали панскую землю. Переведённые во двор крестьяне-месячники изнурялись работой и получали нищенское содержание. Часто помещики в Белоруссии сдавали свои имения в аренду, и арендаторы хищнически эксплоатировали крестьян, жаловаться же на них было некуда и некому. Даже минский губернатор в секретном отношении министру внутренних дел в 1841 г. писал, что причинами крестьянских волнений являлись «жестокость, излишняя строгость, частая несправедливость и чрезмерные требования владельцев, арендаторов, администраторов, поверенных, экономов».

Во второй четверти XIX в. в Белоруссии, как и в России, широко распространилось стихийное крестьянское движение против крепостного права. В связи с восстанием в Польше

1830—1831 гг. в Белоруссии начали распространяться слухи о «воле». Николай I в ответ на это отдал распоряжение «преследовать строжайшим образом всех тех, кто подобные ложные слухи распространять будет, принимая на месте и самые деятельнейшие меры к прекращению и малейших признаков неповиновения крестьян помещикам их». Наиболее значительными были волнения крестьян в Витебской губернии. В 1836 г. началось крестьянское движение в Люцинском старостве, переданном ещё в 1778 г. графине Борх. В нём числилось 11 тыс крестьян, положение которых было очень тяжёлым. В течение трёх неурожайных годов (1832—1834) крестьяне голодали. Они подали губернской администрации жалобу на своё тяжёлое положение, но организованная правительством комиссия не изменила положения крестьян к лучшему. Присланный правительством для разбора дела чиновник сообщал, что крестьяне «ежегодно отправлялись на работу в другие губернии количеством от 300 до 700 человек. Вернувшись домой, они не знали, за какую плату они работали. Они слышали, что их заработок зачисляется им в их долг». Крестьяне потребовали смены старшин, избрали своё управление — старост, сотских, десятских. Уговоры полиции и местного священника не дали никаких результатов. Был послан батальон солдат для приведения крестьян в повиновение, но и военное усмирение не сломило до конца сопротивления крестьян: в 1840 г. крестьяне вновь отказались повиноваться помещику, прогнали всю администрацию и полицию и сами организовали управление имением. Вновь были посланы войска, и безоружные крестьяне были усмирены солдатами.

Слухи о крестьянском движении в Галиции в 1846 г. стимулировали борьбу крестьян в имениях Гродненской, Виленской и Ковенской губерний и особенно в Белостокской области; волнения были прекращены военной силой. Шеф жандармов должен был признать, что «ожесточение крестьян происходило от самих помещиков, арендаторов и управляющих, которые большей частью не обращают внимания на нужды их даже в неурожайные годы, заботясь только о собственных выгодах». Особенно значительным по размерам было крестьянское движение в Витебской губернии в 1847 г., связанное с уходом крестьян на постройку Московско-Петербургской железной дороги.

Политика царского правительства. Царское правительство проводило в Белоруссии политику национального угнетения. Делопроизводство в канцеляриях и в судах велось на русском языке, уголовные дела решались на основе русского уголовного права. На Белоруссию распространилось действие Жалованной грамоты дворянству, царское правительство всячески укре-

пляло крепостные отношения. Дворянство и чиновничество с презрением относились к белорусскому языку и вообще к белорусской культуре.

Сложная международная обстановка начала XIX в. заставляла правительство Александра I проводить очень осторожную политику в отношении польского дворянства, в руках которого фактически находилось управление Белоруссией. Польский язык в делопроизводстве, старые земские и подкоморские (земельные) суды, восстановленные ещё Павлом I, и старошляхетское феодальное законодательство в виде Литовского статута были оставлены в неприкосновенности для дворянства. Стремясь отсеять мелкое шляхетство, правительство продолжало начатую ещё при Екатерине II политику «разбора шляхетского сословия» путём исключения из его состава лиц, не доказавших своих прав на дворянство.

В связи с пожеланием польского дворянства в 1803 г. Виленская академия была преобразована в университет, ставший в дальнейшем центром польской культуры. Университет сыграл большую роль и в польском революционном движении.

По соображениям политического характера правительство было очень умеренно в своей политике в вопросах католичества и греко-униатской церкви. Оно сначала поддерживало иезуитов, надеясь найти в них опору своим мероприятиям. Убедившись в ошибочности своих предположений, оно закрыло Полоцкую академию Иезуитского ордена и подведомственные ему училища и в 1820 г. особым указом выслало иезуитов из России.

Непрерывные крестьянские волнения в Белоруссии и на Украине очень беспокоили правительство Николая I. Крестьянский вопрос имел здесь особое политическое значение. Правительство использовало во время польского восстания 1830—1831 гг. классовую ненависть крестьянства к польским помещикам, но после подавления восстания жестоко расправилось с волновавшимися белорусскими крестьянами. 29 мая 1835 г. были утверждены «Правила об отдаче крестьян по найму в земельные и другие чёрные работы», согласно которым помещики могли отдавать по контрактам из каждого многосемейного двора не более половины работников. В контрактах требовалось указание платы, количества рабочих часов и места работы. Указом 8 декабря 1835 г. правительство воспретило духовенству неправославного вероисповедания приобретать в крепостное владение православных крестьян.

Инвентарные правила были также введены в Литве и Белоруссии. И тут они стремились консервировать крепостные отношения, фиксировать их основные формы. Инвентари имели

распространение в Литве и Белоруссии ещё с половины XVI в.: они обычно составлялись при отдаче имения в залог, в аренду или при продаже, но имели частноправовой характер, и только залогодержатели и арендаторы должны были с ними считаться. Правительственное введение инвентарей (в имениях, взятых в опеку за злоупотребление помещиком властью) началось с августа 1840 г. Затем в 1844 г. были открыты губернские комитеты для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской. В 1845 г. последовало опубликование правил для губернских комитетов, согласно которым крестьянские повинности устанавливались в соответствии с качеством и количеством отводимых крестьянам земельных участков и представляли собой по оценке одну треть валового дохода с данного крестьянского участка. Инвентари в Белоруссии были введены в течение 1845—1847 гг. В 1852 г. было решено распространить на Литву и Белоруссию инвентарные правила, принятые для Правобережной Украины, но под влиянием жалоб помещиков эти правила в действие не вводились и в 1854 г. были отменены. Указом 14 мая 1855 г. инвентарные правила в Витебской и Могилёвской губерниях распространялись только на крестьян, отбывавших барщину.

Дворянство отнеслось крайне враждебно к составлению инвентарей, стеснявших его произвол и препятствовавших обезземеливанию крестьян.

Под давлением массового движения государственных крестьян и в связи с многочисленными жалобами арендаторов на устарелые нормы поборов и неправильные описи правительство утвердило «Положение о люстрации государственных имуществ западных губерний и Белостокской области» (1839 г.). Согласно этому закону должна была быть составлена точная опись всех земельных угодий казённых имений, произведено распределение земель между крестьянами, определены крестьянские повинности. Люстрации производились крайне медленно — только к 1857 г. была закончена люстрация по всем девяти западным губерниям. Барщина в казённых имениях была уничтожена, и крестьяне переводились на оброк.

Был принят ряд мер и по отношению к местному дворянству. Правительство Николая I расправилось с участниками польского восстания 1830—1831 гг., конфисковав у них земли; были также конфискованы недвижимые имения римско-католического духовенства (1841 г.), что значительно увеличило правительственный земельный фонд. На основе закона 19 октября 1831 г. правительство приступило к «разбору» шляхты. Разбор происходил очень медленно; шляхта всячески противодействовала своему превращению в податное сословие. Чтобы

покончить с затянувшимся разбором, правительство 17 июня 1857 г. опубликовало новый закон о принудительном устройстве бедной шляхты, не утверждённой в дворянском звании, с обязательной припиской её в сословие государственных крестьян или в состояние городских обывателей.

Продолжая политику Екатерины II и Павла I, правительство Николая I стремилось распространить в Литве и Белоруссии русское дворянское землевладение, чтобы иметь в нём опору своей власти и ослабить влияние польского дворянства. Правительство привлекало русских дворян к управлению казёнными имениями, давая им в первые 12 лет 10% чистого дохода, а в последующее двенадцатилетие — 30%. Но эта политика не дала результатов — на должности управителей не находилось желающих русских дворян, и управляющими оставались попрежнему поляки.

Указом 25 мая 1840 г. Николай I отменил действие Литовского статута в украинских и литовско-белорусских губерниях и распространил на них общерусское законодательство.

Желая подорвать в корне польско-католическое влияние на украинское и белорусское население, Николай I решил одним ударом уничтожить церковную унию. Правительство созвало в Полоцке церковный собор и при поддержке униатского митрополита Иосифа Семашко и других епископов 12 февраля 1839 г. огласило соборное постановление о воссоединении униатской и православной церквей. Не доверяя «бывшим униатским служителям культа», правительство вызывало священников из внутренних губерний.

Культура и просвещение Белоруссии и Литвы. Национальный гнёт тормозил развитие белорусской культуры; угнетатели Белоруссии свысока относились к богатому и певучему белорусскому языку, называя его «простым мужицким языком» и запрещая пользоваться им в правительственных учреждениях. Польское и русское дворянство вообще считало, что на «мужицком» языке нельзя ни писать, ни печатать. Перевод «Пана Тадеуша» Мицкевича на белорусский язык был запрещён, тогда как издание его на польском языке не встречало никаких цензурных препятствий Проводя политику национального угнетения, правительство Николая I указом 18 июля 1840 г. даже запретило пользоваться терминами «Белоруссия» и «Литва».

Указом 1 мая 1832 г. Николай I закрыл Виленский университет, преобразовав богословский факультет в Римско-католическую духовную академию, а медицинский — в Медико-хирургическую академию. Последняя скоро стала центром революционных подпольных организаций. В связи с делом Конарского, эмиссара польской эмиграции, расстрелянного в Вильно в 1839 г., Медико-хирургическая академия была

закрыта (1842 г.), Римско-католическая духовная академия была переведена в Петербург (1843 г.). Чтобы предотвратить влияние революционных идей на молодёжь и воспрепятствовать её отъезду за границу для получения высшего образования, правительство открыло университет в Киеве (8 ноября 1833 г.). Была открыта Горыгорецкая земледельческая школа в Могилёвской губернии для подготовки специалистов-агрономов (1836 г.).

Но белорусский народ под панской властью и под гнётом царизма бережно хранил свою народную культуру и свой язык. Сказки белорусского народа полны острого юмора, богатой выдумки и живого действия, они высмеивают панов и рисуют ловкость, сметливость и находчивость белорусского крестьянина. Замечательны песни и танцы белорусского народа. Богатейший фольклор был лучшим доказательством возможностей народного творчества, талантов и способностей белорусского народа.

К середине века выдвинулся и первый крупный представитель новой белорусской литературы, поэт и драматург В. Дунин-Марцинкевич (1807—1884 гг.). Он создал довольно много произведений (поэмы «Гапон», «Вечарніцы», «Купала» и др.), положив ими начало белорусскому литературному языку. В своих произведениях либеральный дворянин Дунин-Марцинкевич обычно изображал белорусскую деревню в прикрашенном виде, идеализируя отношения помещиков и крестьян, носящие якобы «патриархальный» характер. Крепостное угнетение не нашло в нём своего бытописателя. Но заслуга Дунина-Марцинкевича — в утверждении национальной тематики, пробуждении интереса и любви к народным нравам, поэзии и языку.

Положение евреев. В царской России евреи подвергались особо тяжёлому угнетению и свирепым гонениям. Политика Николая I в отношении евреев была продолжением антисемитской политики правительства Александра I, но приобрела ещё более тяжёлые формы. Законом 1827 г. была введена особо тяжёлая рекрутчина для евреев: детей с 12-летнего возраста насильно отрывали от родной семьи и отдавали в кантонисты. Зажиточные евреи ещё могли откупиться от рекрутчины, приобретя рекрутскую квитанцию или наняв вместо себя «охотника», но еврейская беднота была бессильна обойти этот исключительный по своей свирепости закон и оплакивала отнятых детей, как умерших. Еврейская так называемая «кагальная организация», ведавшая сбором податей и связанная круговой порукой, располагала правом отдать в рекруты каждого еврея в любое время за неисправную уплату податей, «за бродяжничество и другие беспорядки». Особый еврейский

комитет разработал «Положение о евреях», которое было опубликовано 13 апреля 1835 г., оно закрепляло введённую ещё при Екатерине II (1796 г.) черту еврейской оседлости и кагальную организацию с её судебной юрисдикцией и податной ответственностью. Кагальная организация ставила еврейскую плебейскую массу в полную зависимость от входивших в неё богатых евреев. Но и в черте оседлости евреи в отдельных городах (Вильно, Каменец-Подольск, Ковно и др.) не имели права жить на определённых улицах. За помещиками сохранялось право выселять евреев из сёл и деревень по своему усмотрению (лишь бы не были нарушены заключённые с ними контракты). Для руссификации евреев были открыты казённые еврейские училища с преподаванием на русском языке (1840 г.). Лишь в феврале 1844 г. правительство Николая I уничтожило кагальную организацию, подчинив евреев в городах общему гражданскому управлению, но сохранило отдельное для евреев податное обложение, а также круговую поруку.

Положение евреев на Левобережной Украине определялось законом 1846 г.: евреи не имели права жительства в селениях, где основную массу составляли казённые крестьяне и казаки. В селениях, в которых были одни владельческие крестьяне, евреи могли жить лишь с согласия местных помещиков. Для выселения евреев из тех местностей, где им не разрешалось жить, был назначен годовой срок. В 1852 г. евреям разрешалось в западных губерниях и в Новороссийском крае приобретать земли под условием непременного перехода в земледельческое состояние.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Капитал. Т. I. М. 1937. С. 225—226. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Национальности в Турции. Сочинения. Т IX. С. 371—378. — *Сталин И. В* Статьи и речи об Украине. Сборник. [Киев] 1936. С. 34. — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 290—367. — *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм. Сочинения. Т. 11. С. 333—349.

II. Документальные материалы. Пособия. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI, № 4894; т. VIII, № 5950, 6558; т. X, № 8054; т. XV, № 13345; т. XVI. № 15152, 15153; т. XVIII, № 16828, 16829; т. XIX, № 18546; т. XX, № 19073; т. XXVII, № 26066; т. XXVIII, № 27322. — Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма. № 2 (II. Урадавые мерапрыемствы 1793—1861). Менск 1935. С 205—351. — *Семашко И.* Записки Иосифа [Семашко], митрополита литовского... Т. I—III. Спб. 1883. — Крестьянское движение 1827—1869. Вып I. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 164 с. (Центрархив) —Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год. «Русский архив». 1884. № 5, с. 5—42. — Материалы для географии и ста-

тистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Черниговская губерния. Составил М. Домантович. Спб 1865. XXI, 686, 19 с — *Фундуклей И.* Статистическое описание Киевской губернии. Ч. 3. Спб. 1852. 572 с. — *Шевченко Т. Г.* Повна збірка творів в пьяти томах. Під ред. О. Е. Корнійчука, П. Г. Тичини, М. Т. Рильского, Ф. А. Редька, Д. Д. Копиці. Т. I—V. Київ 1939. — *Добролюбов Н. А.* Кобзарь Тараса Шевченка. [Рецензия]. В его кн · Полное собрание сочинений. Т. II. [М.] 1935. С. 562—568. — *Костомаров Н. И.* Автобиография Под ред. В. Котельникова. М. 1922. VIII, 441 с. *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3, доп. М. 1925. С. 191—246. — *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Спб. 1883. 625 с. — *Шавельский Г.* Последнее воссоединение с православною церковью униатов белорусской епархии (1833—1839 гг.). Спб 1910. 310, 84 с — *Иконников В. С.* Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени. Спб. 1905. 86, V с. — *Ясинский.* Волнения помещичьих крестьян в Киевской губернии в 1855 г. «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца». Киев 1890. Кн. IV. С 161—204. — *Семевский В. И.* Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 гг. М. [1918]. 62 с. — *Бельчиков Н. Ф.* Тарас Шевченко. М. 1939. 240 с *Шагинян М. С.* Тарас Шевченко. М 1946. 359 с.

Глава IX

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, БАШКИРИИ, КАЗАХСТАНА И СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Социальный строй и экономическое положение народов Среднего Поволжья. Основное коренное население Среднего Поволжья состояло из татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов.

Среднее Поволжье было присоединено царизмом ещё в середине XVI в. и давно колонизовано. В 1840 г. русское население Казанской губернии составляло более 30%, а в других губерниях доходило до 60—70%. Основная масса как русского крестьянства, так и крестьян народов Поволжья находилась в крепостной зависимости у русских помещиков и татарских мурз. Значительная часть марийцев, чувашей и удмуртов являлась государственными и удельными крестьянами. Часть крестьян оставалась ясачной, формально не закрепощённой. Так, в 1842 г. в Казанской губернии ещё насчитывалось 305 поселений незакрепощённых крестьян, однако по данным переписи 1858 г. крестьян этой категории уже не было. Таким образом, крепостное право распространялось, захватывая всё бо́льшие массы местного населения.

Среди народов Поволжья ещё сильны были патриархально-родовые пережитки. Удмуртские, марийские, чувашские феодалы, выступая в качестве «хранителей» патриархально-родовых институтов, эксплоатировали под их прикрытием государственных крестьян. Русские крепостники, как и раньше, продолжали производить захваты земель местного населения и оттеснять его в глухие леса и болота. В XIX в. неуклонно практиковалась прирезка к помещичьим имениям крестьянских земель. В результате этого хозяйство основной массы крестьян подвергалось всё большему разорению. В деревнях Поволжья в это время уже началось постепенное выделение верхушки сельских богатеев. Развивая главным образом торгово-ростовщическую деятельность, они эксплоатировали бедноту на базе полуфеодальных и полупатриархальных производственных отношений.

Земледелие в условиях крепостничества при низком уровне агротехники и недостатке скота не могло прокормить

национальное крестьянство. Оно обращалось к занятиям различными промыслами. Так, крестьяне-марийцы драли в лесах мочало, выделывали рогожи, цыновки, кульки, заготовляли брёвна, дрова, лубы, дранку, хмель, занимались охотой. В татарских деревнях было распространено изготовление дуг, производство тулупов, полушубков, перчаток, рукавиц, выделка кож, пошивка «ичигов» (особого вида обуви), тюбетеек. Крестьяне-кустари попадали в кабалу к купцам-скупщикам и раздатчикам сырья.

В XIX в. на территории Среднего Поволжья было сосредоточено значительное количество мануфактур — кожевенных, мыловаренно-свечных, маслобойных, китаечных, винокуренных и пр. Казанские кожи, сальные свечи, китайки, кумачи, пеньковые канаты, мыло находили сбыт на ярмарках по всей России и экспортировались за границу — в Китай, Иран. В основном все эти мануфактуры были ещё крепостными, но среди них начали уже появляться и предприятия, приближавшиеся по своему типу к капиталистическим. Последние принадлежали преимущественно русским, реже — татарам. В числе 85 владельцев мануфактур в городе Казани в 1835 г. 9 были татарами.

Наёмные рабочие мануфактур чаще всего оставались в крепостной зависимости от помещиков-алпаутов и нанимались на мануфактуры лишь с их разрешения в свободное от летних работ время. Такой рабочий, ещё задолго до весеннего срока забрав у владельца мануфактурой все деньги в счёт будущего жалованья, осенью волей-неволей должен был поступать к прежнему хозяину, чтобы отработать денежную ссуду, и тем самым попадал в кабалу. Положение рабочих было очень тяжёлым: в 50-х годах заработная плата рабочего-кожевника колебалась от 13 до 20 руб. серебром за сезон на хозяйском содержании, рабочий же день продолжался 16—17 часов.

Политика царизма в Среднем Поволжье. Царское правительство стремилось к христианизации народов Поволжья. В 1830 г. в одной лишь Казанской губернии число обращённых в христианство татар, чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов достигло 383 920 человек, что составляло 78% к общей численности народов в данной губернии. Но из них 44% считались «отпавшими» от православия, так как крещёное население фактически продолжало придерживаться своей старой веры. Возврат «отпавших» в православие и крещение остального населения духовные и светские власти проводили суровыми мерами. А. И. Герцен, сосланный в Вятку, рассказывал, как духовенство и исправники, ежегодно посещая удмуртские деревни, теснят население, «сажают в тюрьму, секут, заставляют платить требы, а главное... ищут какое-нибудь доказатель-

ство, что вотяки (удмурты. — *Ред.*) не оставили своих прежних обрядов. Тут духовный сыщик и земский миссионер подымают бурю, берут огромный окуп, делают «чёрная дня», потом уезжают, оставляя всё по-старому, чтобы иметь случай через год-другой снова поехать с розгами и крестом».

Осуществляя свою политику, царизм создал в Поволжье ряд специальных миссионерских заведений («новокрещённые конторы», Духовная академия в Казани и т. д.). К началу XIX в. царское правительство открыло на территории Среднего Поволжья более десятка школ, которые готовили будущих миссионеров. Одновременно развивалась деятельность по переводу богослужебных книг на чувашский, татарский, марийский и другие языки. В миссионерских целях издавались словари и грамматики языков народов Поволжья. Преподавание этих языков было введено в Нижегородской духовной семинарии, Казанской духовной академии и уездных училищах.

Со второй четверти XIX в. миссионерская работа в Среднем Поволжье усилилась. В целях её расширения в Казани открылось отделение Российского библейского общества с 15 «сотовариществами» в других городах. Казанский архиепископ Филарет Амфитеатров, объявив «крестовый поход» для обращения в христианство татар, чувашей, мордвы, удмуртов, прибегал к суровым мерам против упорствовавших и не желавших переходить в православие. Их заставляли переселяться в русские деревни, сажали в монастырские тюрьмы, били плетьми, ссылали в Сибирь. Такова была царская политика «христианизации» народов Среднего Поволжья.

Необходимо отметить и положительное значение открытия русских школ: они способствовали усвоению русского языка народами Поволжья и их культурному общению с русским народом. Знание русского языка и русской грамоты способствовало в дальнейшем, вопреки политике царского правительства, проникновению передовых идей русского освободительного движения в среду поволжских народов.

Народные движения в Среднем Поволжье. Стихийный протест многонационального крестьянства Среднего Поволжья против царской политики чаще всего проявлялся в форме массового отпадения от православия крещёных татар и других народов. Среди немусульманских народов возрождались старые религиозные культы. Это движение приняло накануне реформы 1861 г. массовый характер. Так, среди удмуртов пользовалась популярностью секта «вылепырысев» (т. е. вновь поступающих), руководимая старыми жрецами. Среди мордвы Терюшевской волости, Нижегородской губернии, возникло подобное же движение (1808—1810 гг.), возглавленное крестьянином Кузьмой Алексеевым. Он провозгласил конец

христианской религии и восстановление старой веры — моление в священных рощах и т. д. Стихийное движение проявлялось и в отказе от рекрутчины. Избегая рекрутской повинности, крестьяне нерусских национальностей скрывались в лесах, степях, причиняли себе увечья.

В 40-х годах правительство начало вводить в Среднем Поволжье у казённых и удельных крестьян принудительную общественную запашку и посевы картофеля, отнимая для этого лучшую землю. В ответ на это возникло стихийное массовое движение протеста среди чувашей, татар и мари. Сотни крестьян были преданы военному суду. В годы Крымской кампании среди татар возникли волнения на почве слухов, что правительство решило их поголовно крестить. Тогда же имели место выступления крестьян против войны.

Культура народов Поволжья. Народы Поволжья имели свою древнюю культуру и богатые формы фольклора. В связи с нарастающим кризисом крепостничества и развитием буржуазных отношений в России среди татар Среднего Поволжья нарастает движение, направленное против феодальных мусульманских верхов. Татарский философ Курсави вёл борьбу против схоластики мусульманского духовенства, проводя мысль о том, что «разум имеет перевес над словами пророка». Татарский писатель Утыз-Имени доказывал необходимость светского образования для татарского юношества и отстаивал идею сближения татарского народа с русским; эта мысль нашла отражение в его поэме «Гришка». В Казанском университете преподаванием восточных языков занимались Ибрагим Хальфин, Хусаин Файезханов, Мухаммед-Галей Махмудов. Хальфин был одним из основоположников изучения татарского языка, он составил букварь, этимологию, лексикон, хрестоматию. Файезханов разработал проект светских учебных заведений для татар (гимназий и высшей школы). Махмудов много работал над оформлением книг на восточных языках, печатавшихся в Казани в Азиатской типографии. Наиболее видным татарским писателем первой половины XIX в. был Габдухзяббар Кандалы, писавший свои произведения на чисто татарском языке, а не на языке тюрки. Наиболее передовые представители татарской интеллигенции проводили борьбу против культурной изоляции татар, за сближение с высокой русской культурой.

Трудовые массы народов Поволжья — татарские, мордовские, марийские, чувашские крестьяне — в подавляющем большинстве были неграмотны. Их культурное творчество проявилось в устной форме — в сказках, песнях, загадках, пословицах и пр. В них рассказывалось о страданиях народов Поволжья под гнётом местных феодалов, мулл, царских чиновников. Из-

вестны записи песен чувашского народного певца Феди. Народное творчество выражалось также в художественной резьбе по дереву и вышивках цветными шелками и шерстью на национальной одежде. Развивая разнообразные формы устного народного творчества, народы Поволжья сохраняли свой родной язык и развивали свою культуру. Национальный гнёт царизма над поволжскими народами задерживал их культурное продвижение вперёд и тормозил распространение культуры в народных массах.

Социальный строй и экономическое положение башкир. Башкиры в первой половине XIX в. жили на территории трёх губерний — Оренбургской, Пермской и Вятской, причём основная часть башкирского населения была сосредоточена в Оренбургской губернии, которая в то время включала в себя восточную половину позднейшей Самарской губернии и полностью территорию Уфимской губернии. Население этого края не было однородным по своему национальному составу: кроме башкир здесь жили мишари (мещеряки), татары, мари, мордва, чуваши и русские. Численность башкир к началу XIX в. была несколько выше 1 млн. человек (без саратовских башкир). К середине XIX в. русских было уже 36%, башкиры вместе с татарами составляли 55%. Лучшая часть башкирских земель была захвачена русскими помещиками и заводчиками, которые за ничтожную цену, 1—2 руб. за десятину, скупали значительные земельные пространства.

В первой половине XIX в. уже можно отметить значительное разложение башкирской общины (тюбэ). Феодальная верхушка распоряжалась башкирскими общинными землями, закабаляла беднейшие слои населения путём раздачи ссуд с последующей их отработкой в хозяйстве феодала, занимала разного рода должности в местном управлении. Трудящиеся массы Башкирии находились под двойным гнётом — собственных феодалов и русских помещиков и заводчиков.

Социальную верхушку местного общества составляли феодалы — башкирские тарханы, татарские и мишарские мурзы. Ниже стояли потомки бывших родовых старшин, тоже входившие в класс феодалов.

Главным занятием башкирского населения было скотоводство. Частично, особенно в северо-западной Башкирии, башкиры уже перешли к земледелию. Население горных и лесных районов продолжало заниматься преимущественно охотой, пчеловодством, скотоводством, главным же образом заготовкой и доставкой леса и угля для уральской горной промышленности. В юго-восточной Башкирии основным занятием было скотоводство. К началу XIX в. башкиры уже перешли от кочевого быта к полукочевому — кочевали они только в летнее

время, а на зиму имели постоянное жильё; значительно сократился и район кочёвок — башкиры не уходили далеко от своих зимовок. Остальное население Башкирии — русские, мишари, и башкирские припущенники (тептяри и бобыли) — занималось главным образом земледелием и жило оседло.

Пережитки патриархально-родового быта были сильно выражены у башкир в районах кочевого скотоводства. Феодальные отношения резче проявлялись в местах оседлого земледельческого хозяйства. Наряду с этим первая половина XIX в. отмечена в истории Башкирии начальным развитием капиталистических элементов. Наблюдалось развитие торговых отношений, усиление ремесла, в городах края стали проявляться черты торговых центров, связанных с развивающимися окрестными мелкими промыслами (изготовление дуг, ободьев, саней, мочала, лыка и пр.). Увеличилось количество ярмарок — в 1842 г. их насчитывалось 61, а в 1850 г. — 149; наиболее значительными из них были Мензелинская, Уфимская и Бугульминская. Среди купечества преобладали русские и татары; процент башкир в составе купцов и ремесленников был ничтожен.

Кантонное управление. Повинности населения. Колониальный гнёт царизма в Башкирии получил своё яркое отражение в системе кантонного управления, установленной законом 10 апреля 1798 г. Эта система принудительно превращала башкир и мишарей в военное сословие. Вместе с тем кантонная система искусственно разобщала национальности Башкирии, заменяя старые племенные волости новыми административно-территориальными единицами. Такая разобщённость должна была затруднить возможность согласованных выступлений местного населения против колониального гнёта царизма и тем самым облегчить проведение колониальной политики. Главная цель этой политики заключалась в заселении Оренбургского края русскими и обрусении местного населения. На территории Башкирского края был создан 21 кантон, из них 11 башкирских, 5 мещерякских (мишарских) и 5 оренбургских казаков (русских). В дальнейшем число кантонов несколько раз увеличивалось. Кантоны делились на юрты, или «команды», юрта включала в себя от 50 до 100 дворов. Так как население различных национальностей жило чересполосно, то большинство кантонов не имело сплошной территории. Во главе каждого кантона стоял кантонный начальник, каждой юрты — юртовой старшина. Все кантонные должности замещались местными феодалами. Кантонным начальникам принадлежала административная и судебная власть в кантоне, кроме суда по уголовным делам, а также наблюдение за хозяйственной жизнью местного населения, что приводило на практике к по-

всеедневному и мелочному вмешательству кантонных начальников в жизнь башкир. Юртовые старшины ведали главным образом нарядом башкир и мишарей на службу и на казённые работы. Русские крестьяне, тептяри, бобыли подчинялись общегубернским учреждениям.

Основной повинностью, возложенной кантонной системой на башкирское и мишарское население, являлась военная служба. Башкиры и мишари вместе с оренбургскими казаками должны были нести сторожевую службу на Оренбургской линии, шедшей от Тобола до Каспийского моря; ежегодно башкиры и мишари посылали на линейную службу одного человека от каждых 4—5 дворов по очереди, устанавливаемой юртовыми старшинами. Эта повинность была очень обременительна для башкирского и мишарского населения: помимо того что она отрывала башкир и мишарей на полгода (с 16 мая по 16 ноября) от хозяйства, она была сопряжена и с большими расходами. Лица, отправлявшиеся служить на линию, должны были иметь собственное вооружение и снаряжение, а также по 4 верховых лошади. С 40-х годов в некоторых кантонах начинается замена военной службы денежным сбором.

Кроме военной повинности башкиры и мишари принуждались к выполнению разного рода работ на казённых горных заводах, приисках и т. д. Эта «казённая работа» не была регламентирована никакими нормами. По усмотрению кантонных начальников и юртовых старшин башкирскую и мишарскую бедноту «за неисправность» десятками и сотнями гоняли под конвоем на работу на казённые заводы и прииски. Работа носила карательный характер и была тяжелее крепостного труда.

Не менее тяжёлым бременем являлась почтовая гоньба, заменённая в 1834 г. денежным сбором в размере 23 коп серебром с души. Кроме того, с 1822 г. башкиры были обложены сбором по 25 коп. серебром с души на образование специального продовольственного капитала. К 50-м годам все денежные повинности были объединены в единый сбор в размере 2 р. 11,5 к. серебром с души.

Тяжесть службы и повинностей увеличивалась ещё произволом юртовых старшин, которые за взятки освобождали богатых башкир и мишарей от посылки на линию или на работу, а бедноту посылали вне очереди.

Царизм, подвергая все народы, входившие в кантонную систему, беспощадному колониальному гнёту, в то же время руководствовался принципом «разделяй и властвуй», натравливая одни народы на другие, например башкир на татар и татар на башкир.

Аграрная политика царизма. Основной целью аграрной политики царизма в Башкирии являлось расхищение башкирских земель. В целях экспроприации земель царское правительство провело в Башкирии так называемое «генеральное межевание». Законом 1818 г. на время генерального межевания запрещалась продажа башкирских земель (закон действовал до 1832 г.). Именно в 1832 г. был издан новый закон о размежевании земель башкир-вотчинников и их припущенников, т. е. людей, поселившихся на основании различных условий на башкирских землях (расчёт производился по данным 7-й ревизии 1815 г.). По этому закону башкиры-вотчинники получали от 40 до 60 десятин на душу. Башкирские припущенники военного ведомства (мишари, тептяри и бобыли) получали по 30 десятин, а гражданские припущенники (татары, мордва, мари, чуваши и русские крестьяне) — по 15 десятин на душу. Всю свободную за наделом землю башкиры-вотчинники имели право продать или отдать в аренду («кортому») на условиях, заключаемых по добровольному соглашению с покупателями или арендаторами. Для законности таких сделок нужно было согласие двух третей башкир-вотчинников данной земельной дачи и утверждение условий оренбургским генерал-губернатором.

Но на деле ни башкиры-вотчинники, ни припущенники не получали надела по этим нормам: после закона 1832 г., который имел прямую цель экспроприации башкирских земель под видом «покупок» и «кортом» для усиления русской колонизации Оренбургского края, захваты башкирских земель значительно усилились. Размежевание было поручено особым межевым комиссиям, но они не закончили его и были упразднены в 1869 г. в связи с новым, более решительным наступлением царских колонизаторов на башкирские земли.

К середине XIX в. только в одной Оренбургской губернии насчитывалось 1 043 имения русских помещиков, среди которых преобладали огромные латифундии от 10 тыс. до 50 тыс. десятин земли. Крупнейшие владения принадлежали горнозаводчикам (Пашковым, Белосельским-Белозерским и др.).

Таким образом царизм закрепил на землях башкирского народа самую хищническую и отсталую форму феодально-крепостного землевладения — дворянскую латифундию.

Башкирские волнения в первой половине XIX в. Народы Башкирии, которые в течение двух столетий вели непрерывную освободительную борьбу с царизмом, и в первой половине XIX в. не раз поднимались против военно-феодального гнёта, усилившегося с введением кантонной системы управления.

Наиболее крупным было волнение 1835 г., охватившее Уфимский, Бирский и Троицкий уезды Оренбургской губернии и Красноуфимский уезд Пермской губернии. Поводом к нему послужило объявление о принудительной постройке хлебозапасных магазинов и о новых повинностях, связанных с этой постройкой. В движении участвовали социальные низы башкирского, мишарского и русского населения. Несмотря на политику разобщения, проводимую царизмом, народы Башкирии вместе с трудовым русским населением и в этот период выступили сообща против своих угнетателей. Восставшие отменяли приговоры о постройке магазинов, уничтожали правительственные межевые знаки, расправлялись с представителями местной администрации — башкирской и русской.

Волнение было подавлено военной силой. 427 участников движения были преданы суду и приговорены к различным наказаниям — от высылки с места жительства до ссылки в Сибирь на каторгу.

Культура башкирского народа. В первой половине XIX в., как и ранее, у башкир не было ни светских школ, ни своей национальной письменности, ни печатной литературы. Существовали лишь духовные школы — мектебе и медресе, содержавшиеся за счёт местного населения. Обучение в них велось на «тюркском» языке, представлявшем собой смесь арабских, персидских, турецких и татарских слов. Широкому просвещению народных масс эти школы не содействовали и являлись рассадниками религиозного фанатизма. Они содействовали лишь распространению грамотности на тюркском языке среди мужского башкирского населения.

Русское правительство в период кантонного управления испытывало острую нужду в знавших русскую грамоту чиновниках-башкирах для работы в учреждениях Башкиро-Мещерякского войска. Наряду с этим ощущалась не менее острая нужда в медицинских работниках для борьбы с инфекционными заболеваниями, из которых наиболее опасными были оспа и венерические болезни. Кроме того, в Оренбургском крае почти не было квалифицированных ремесленников, и вставал на очередь вопрос о развитии ремесленного обучения. Народное просвещение Башкирии не интересовало царское правительство. Для подготовки должностных лиц кантонного управления было выделено 30 стипендий в оренбургском Неплюевском кадетском корпусе; для обеспечения Башкирии врачами было назначено 20 стипендий в Казанской гимназии и в Казанском университете. Несколько десятков молодых людей было обучено в фельдшерской школе при Оренбургском военном госпитале и на курсах оспопрививателей. До 50 башкирских мальчиков ежегодно посылалось в Москву и

другие города для обучения различным ремёслам. Все эти мероприятия проводились бюрократическим путём, не пользовались сочувствием широких масс башкирского народа и хотя и имели некоторое значение, но не дали крупных положительных результатов. Крайне малочисленная башкирская интеллигенция пополнялась чрезвычайно слабо.

В первой половине XIX в. среди башкир был популярен поэт-сатирик Гибатулла, автор острых памфлетов против начальников башкирских кантонов, русских чиновников и помещиков. Башкирский фольклор, несмотря на противодействие царских властей, мулл и ахунов, продолжал развиваться в XIX в. Живыми носителями народного эпоса были певцы-импровизаторы, ходившие по джинам (народным гуляньям). Народ пел песни о казнённом царизмом за участие в Пугачёвском восстании Салавате Юлаеве, распространялись песни и о других башкирских народных героях.

Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в. В первой половине XIX в. Казахстан, как и раньше, делился на три «жуза» (по терминологии царской администрации, на три «орды»): Младший жуз, занимавший северо-западную часть закаспийской степи, Средний жуз, расположенный восточнее, по соседству с Сибирью, и Старший жуз, включавший в себя большую часть Семиречья и прилегающие к нему западные районы. На этой огромной территории продолжали кочевать массы казахского населения, занимавшиеся скотоводством и делившиеся на отдельные роды. Большая часть казахских родов состояла подданными России; часть казахов Младшего жуза платила «зякят» (налог со скота) хивинскому хану; некоторые роды по течению реки Сыр-Дарьи и в соседних районах находились под властью Кокандского ханства; только небольшая промежуточная полоса, на юг от Иргиза и Тургая, сохраняла относительную политическую самостоятельность.

В продолжение первой половины XIX в. Казахстан пережил глубокие социально-экономические перемены. Процесс феодализации казахского общества привёл к экономическому усилению султанов (представителей «белой кости», чингизидов) и биев (родовых старшин), которые захватывали лучшие пастбища и эксплоатировали трудовые массы кочевников. Значительные пространства земель на севере отошли во владение пограничных казачьих линий. С ростом населения и сокращением земельной площади многие кочевые хозяйства стали беднеть и разоряться. Некоторые казахи, потерявшие свои стада, оказывались вынужденными переходить к хлебопашеству и оседать на земле; другие бедняки отправлялись на отхожие заработки или становились батраками в хозяйстве феодалов.

В начале XIX в. в связи с земельной теснотой некоторые роды Младшего жуза с разрешения русского правительства переселились на запад от Урала и, осевши в Нарым-песках, образовали так называемую «Букеевскую орду».

Одновременно по мере роста общественного разделения труда и при активном участии русского купеческого капитала развивалась оживлённая торговля между Россией и населением казахской степи. Через таможенные меновые дворы и на пограничных ярмарках казахи сбывали скот и продукты скотоводческого хозяйства, покупая у приезжих купцов хлеб, мануфактурные изделия и металлы. Через казахские кочевья пролегали караванные пути в Китай и Среднюю Азию; часть китайских и среднеазиатских товаров, перевозившихся по этим дорогам, тоже оседала в казахских аулах. Постепенно налаживался и внутренний обмен между казахскими кочевьями, расположенными в различных районах и сбывавшими продукты своей мелкой промышленности — оружие, изделия из дерева и шерсти, сельскохозяйственные орудия и пр. С ростом торговли стали широко развиваться и ростовщические операции. Благодаря торговле и ростовщичеству обогащались отдельные предприимчивые дельцы, выходившие из среды «чёрной кости» и превращавшиеся в местных богачей, «баев».

Таким образом, казахское общество всё резче расслаивалось на богатеющую феодальную верхушку и феодально зависимую массу, из которой выделялись обедневшие и пауперизованные слои. Положение тружеников-казахов становилось ещё тяжелее в связи с насилиями и грабежами местной администрации (русской, казахской и хивинской) и непрерывными феодальными междоусобиями, сопровождавшимися «барантою» — угоном скота и разорением аулов. Однако феодальная эксплоатация масс часто облекалась в патриархальную форму «родовой помощи» и выступала в полуприкрытом виде. Так утверждался, частью прикрытый «патриархальными» формами, феодальный строй, сохранившийся в Казахстане вплоть до Октябрьской социалистической революции. Натуральное хозяйство, формы родового быта и кочевой образ жизни говорили об отсталости Казахстана. В стране не было ни одного города. Народ не имел своей письменности.

В первой половине XIX в. была уничтожена ханская власть в обоих жузах, подвластных России, — Среднем и Младшем; власть стала принадлежать султанам-правителям, между которыми и была поделена территория жузов. Царское правительство, верное своему принципу «разделяй и властвуй», могло, таким образом, легче осуществлять своё владычество при этой системе, но, с другой стороны, уничтожение ханской власти несколько ослабляло некоторые наиболее древние и

тяжёлые формы феодального угнетения, связанные с наличием централизации феодального подчинения и платежа повинностей. Ханская власть в первой половине XIX в. сохранялась лишь в Букеевской орде.

Казахские восстания 1830—1840-х годов. В ответ на притеснения феодалов и насилия колонизаторов вспыхнули массовые восстания казахского народа. Наиболее крупными были движения Исатая Тайманова в 1837—1838 гг. и Кенесары Касимова в 1837—1846 гг. Движение Исатая Тайманова было крестьянским антифеодальным восстанием. Оно было направлено против казахских феодалов — ханов, султанов, биев. Исатай Тайманов был аульным старшиной Букеевской орды, находившейся под властью хана Джангира, который пользовался поддержкой правительства Николая I. Разделяя негодование казахской массы против вымогательств феодальной знати (в Букеевской орде значительная доля всех летних кочевий была захвачена феодалами), Тайманов стал во главе поднявшегося кочевого крестьянства, обрушился на аулы султанов и биев, осадил ханскую ставку и начал подготовлять массовое откочевание за Урал. Тайманова поддерживал народный поэт Махамбет Утемисов, пользовавшийся большим авторитетом среди трудовых масс Букеевской орды. Русские отряды разбили Исатая Тайманова, но ему удалось ускользнуть от преследователей и соединиться с восставшим султаном Младшего жуза — Каип Галием Ишимовым. С этого момента движение Исатая Тайманова потеряло характер крестьянской войны и превратилось в обычную борьбу между феодалами. Отчаявшись победить Джангира, Исатай начал искать покровительства и защиты у хивинского хана. В июле 1838 г. восставшие были окружены отрядом подполковника Геке на реке Ак-Булак; сам Исатай Тайманов был убит, его соратник Махамбет казнён, а союзник Каип Галий бежал в Хивинское ханство.

Антиколониальное движение под руководством султана Среднего жуза Кенесары Касимова, ставшего во главе национально-освободительной борьбы, было самым значительным национально-освободительным движением казахского народа в XIX в. Оно было сложным и противоречивым. Кенесары поставил своей задачей восстановить независимое ханство, которое объединило бы весь казахский народ под властью феодалов. Он нападал на пограничные сибирские селения, сжигал казачьи станицы, разбивал торговые караваны, громил враждебные ему казахские аулы. Против Кенесары царизм высылал карательные вооружённые отряды, время от времени с ним вступали в переговоры и соглашения; одно время за голову неуловимого вождя была назначена большая денежная награда. Но Кенесары Касимов продолжал свою настойчивую борьбу;

33 казахских рода признали над собой его власть; бухарский и хивинский ханы искали его союза, но он повёл ожесточённую борьбу со среднеазиатскими ханствами. Кенесары создал зачатки феодального централизованного государства — постоянную вооружённую силу, административно-судебный институт «есаулов», правильное финансовое обложение. Он стремился к феодальному централизованному государству. Однако народные массы, пошедшие за Кенесары, надеялись освободиться именно от феодального угнетения, боролись против феодальной эксплоатации и за возвращение отнятых у них земель. Эти цели были им близки и понятны. Отсюда — глубокие внутренние противоречия между народной массой, участвовавшей в восстании, и его феодальным руководством. Кенесары является феодальным ханом-объединителем, но его нельзя признать вождём угнетённого казахского народа. Восстание Кенесары Касимова длилось около десяти лет. Весной 1847 г., теснимый русскими отрядами, Кенесары перешёл на территорию Старшего жуза, вторгся в Киргизию, причинив немалые бедствия киргизскому народу. Массы казахов в это время отходят от Кенесары, он теряет свою популярность. Окружённый киргизскими отрядами, он был взят в плен и погиб.

Культура казахского народа. Культуре Казахстана свойственно богатое народное творчество. Народные песни казахов чрезвычайно разнообразны. Многие из них принадлежат определённым авторам, имена которых помнит народ. Мохамбет Утемисов, сподвижник Исатая Тайманова и участник восстания, прославился как «акын» — автор и певец народных песен, идеология которых близка интересам народных масс и отражает их борьбу и чаяния. Известны также акыны Нысанбай и Досхожи, отразившие в своём песенном творчестве национально-освободительное движение Кенесары Касимова; однако творчество их несёт на себе печать феодальной ограниченности и нередко посвящено воспеванию феодальных вождей. В 50-е годы сочинена неизвестным акыном замечательная поэма «Бекет-Батыр» — о богатыре Бекете, борце за народное дело, восставшем против султана и сосланном на каторгу в Сибирь.

Большое влияние на культуру казахского народа оказали ссылавшиеся в Казахстан русские революционеры. Надо также отметить, что в Казахстане побывал Пушкин, собирая материалы для «Истории Пугачёва»; в одном из казахских аулов Пушкин записал народную поэму о «Козы Корпеш и Баян-Слу». В 1847 г. в Казахстан был выслан великий украинский поэт, революционный демократ Т. Г. Шевченко, общавшийся с местным населением и отразивший в своём творчестве Казахстан — его природу и людей. Знаменитый казахский просве-

титель и учёный Чокан Валиханов (1835—1865 гг.) и великий казахский поэт-просветитель Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.), оба испытали на себе благотворное воздействие передовой русской литературы и русского революционного движения (см. главу XXIII).

Управление Сибирью. Деятельность Сперанского в Сибири. В Сибири не было крепостного права и помещичьего землевладения. Но там сложились свои формы гнёта, мало уступавшие ужасам крепостного права в России. В XVIII в. в Сибири особенно широкие размеры приобрело колониальное рабство — захват, продажа и эксплоатация рабов, особенно из казахов и алтайских племён. Но рост рабства означал в то же время убыль ясачного населения. Поэтому царское правительство с начала XIX в. стало принимать меры к ограничению работорговли: указами 1808, 1825, 1826 гг. предписывалось постепенное освобождение рабов и запрещалась их покупка. С этого времени рабство в Сибири сохранялось лишь в скрытых формах.

Не менее тяжёлым гнётом, давившим народные массы Сибири, была система бесконтрольного бюрократического произвола царской администрации. Высшее чиновничество — генерал-губернаторы, губернаторы, окружные начальники, представлявшие власть феодально-самодержавного государства в Сибири, — усвоило себе традиции неограниченного произвола, взяточничества, казнокрадства и беззастенчивого ограбления народов Сибири. Даже русское купечество и мелкое чиновничество страдали от этой системы административного деспотизма, а о народных массах — русском и коренном населении — нечего и говорить.

Особенно усилился этот административный произвол во время управления генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля (1806—1819 гг.), пользовавшегося покровительством всемогущего временщика Аракчеева. Пестель, сам живя не в Сибири, а в Петербурге, передал всё управление Сибирью в руки своего ставленника Трескина, иркутского губернатора. Режим Трескина надолго запомнился сибирякам: он сводился к мелочному вмешательству бюрократии в частную жизнь городского населения, к стеснению торговой деятельности казёнными и частными монополиями, к разнообразным вымогательствам и поборам. Результатом этого режима был общий застой в экономической жизни края, упадок торговли, а в районах Крайнего Севера — общее обеднение населения и периодически повторявшиеся голодовки, которые нередко приводили даже к случаям людоедства; такие случаи были, например, в Туруханском крае во время голодовок 1811 и 1814—1816 гг.

Царское правительство, встревоженное падением казённых сборов в Сибири, решило произвести ревизию сибирского

управления, поручив её в 1819 г. М. М. Сперанскому, с 1812 г. находившемуся в опале. Назначенный на должность генерал-губернатора Сибири, Сперанский произвёл в период своего управления (1819—1822 гг.) ревизию, вызвавшую большой переполох среди сибирской бюрократии. Однако практические результаты ревизии оказались незначительными: из большого числа обвинённых в разных злоупотреблениях было предано суду только 48 человек, на некоторых других наложены административные взыскания, но большинство виновных осталось на службе, так как их всё равно некем было заменить. Помимо ревизии Сперанский за время своего генерал-губернаторства подготовил ряд относившихся к Сибири законопроектов, в числе которых было «Учреждение для управления сибирских губерний» (1822 г.); оно вводило некоторые изменения в административную систему. Изданы были также уставы о ссыльных, о земских повинностях, о казённых запасных хлебных магазинах и пр. Наиболее значительным из этих памятников законодательной деятельности Сперанского в Сибири явился «Устав об управлении инородцев» (1822 г.), который оставался в действии до Октябрьской революции 1917 г.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. Царизм оформил в этом законе свою политику опоры на местную феодальную и полуфеодальную аристократию — тойонов, тайшей, зайсангов, мурз и др. В этом заключалась сущность устава. Феодальная и полуфеодальная верхушка Сибири была низовой агентурой царизма; с этой целью он поддерживал и укреплял её привилегированное положение и привлёк к участию и в самом составлении устава: по требованию Сперанского местные «родоначальники» представляли администрации сведения об обычаях и формах общественного устройства своих народов, разумеется, в таком освещении, которое отвечало классовым интересам господствующей верхушки. Эти материалы и легли в основу устава.

Устав 1822 г. вводил деление народов Сибири на три «разряда»: оседлых, кочевых и бродячих. К первым причислялись татары и часть алтайских племён, ко вторым — буряты, якуты, тунгусы, остяки, вогулы и некоторые другие, к бродячим — охотничьи и оленеводческие племена Крайнего Севера: «самоеды», «инородцы туруханские», юкагиры, коряки, ламуты. «Оседлые инородцы» были уставом уравнены в правах и обязанностях с русскими крестьянами (кроме рекрутской повинности, которой они не несли), а для кочевых и бродячих племён вводились особые формы общественно-политического устройства, которые узаконяли власть местной аристократии. Для них устанавливались так называемые «инородные управы» (соответствующие русским волостным управлениям) и подчи-

нённые этим управам родовые управления; у «бродячих инородцев» вводились только родовые управления. Для некоторых кочевых народов, у которых были более широкие родоплеменные связи, устанавливалась ещё третья, высшая административная инстанция — степная дума. Степные думы были введены у бурят и хакасов, позже на короткое время (1827—1838 гг.) — у якутов. Как в родовых управлениях, так и в инородных управах и в степных думах сидели представители национальной эксплоататорской верхушки — старосты с помощниками, головы и выборные, а в степных думах — главный родоначальник и заседатели, которые все принадлежали к числу «почётных и лучших родовичей». Эти органы управления были в то же время и судебными органами; судопроизводство в них основывалось на местном обычном праве и, следовательно, тоже служило интересам местной знати. Только крупные уголовные дела не входили в компетенцию этих судов и были подведомственны общим судебным учреждениям. Вся эта система «инородческого управления» подчинялась общей окружной администрации и представляла собой вполне законченную форму сотрудничества царской бюрократии с национальной феодально-родовой аристократией для совместной эксплоатации трудящихся масс. Именно подобного рода явления имел в виду И. В. Сталин, указывая, что «царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» [1].

Из отдельных народов Сибири на более высоком уровне развития в ту эпоху стояли, не считая полуобрусевших татар, буряты и якуты, отчасти алтайско-саянские горные племена.

Буряты. Наиболее существенным явлением в жизни бурят в первой половине XIX в. был постепенный их переход от кочевого к полуоседлому быту, падение скотоводства и относительный рост земледелия. Это относится как к восточным, забайкальским, бурятам, ещё в XVIII в. целиком сохранявшим кочевой, скотоводческий быт, так и к западным, иркутским, у которых земледелие и полуоседлый образ жизни существовали и раньше. Переход к оседлости и земледелию происходил отчасти под влиянием соседнего русского населения, отчасти же был вынужденным и вызывался упадком скотоводства и даже административным нажимом при губернаторе Трескине. Этот переход к новым формам хозяйства знаменовал собой в то же время рост товарных отношений и дальнейшую классовую диференциацию.

Забайкальские буряты особенно страдали в это время от притеснений своей могущественной и полновластной аристо-

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 4, стр. 356.

кратии, которая пользовалась поддержкой царской администрации. Так, у хоринских бурят ещё с начала XVIII в. власть принадлежала знатной тайшинской фамилии потомков зайсана Шодоя Болторикова, который в 1729 г. получил первым от правительства «патент» на звание тайши. Из представителей этой фамилии особенно выделялся тайша Дымбыл Галсанов, правивший с 1815 г. Своими жестокими действиями и беззастенчивым расхищением общественных денег он неоднократно вызывал возмущение масс, но каждый раз вмешательство высшей администрации (вплоть до самого императора Александра I в 1818 г.) спасало его. При Сперанском Галсанов был, наконец, привлечён к ответственности.

Якуты. Экономика и быт якутов в большей степени сохраняли старый уклад. Хозяйство якутов оставалось почти целиком скотоводческим. Скот принадлежал в большинстве тойонам; для последних главной формой ведения хозяйства была раздача скота в пользование своим бедным одноулусникам — так называемый «хасаас». При помощи хасааса тойоны держали улусное население в безвыходной кабале. В то же время в руках тойонов была захваченная ими ещё в XVIII в. общинная земля, в частности сенокосные угодья. Тойоны упорно сопротивлялись всяким попыткам произвести хотя бы частичный земельный передел. Им удалось отстоять захваченную землю даже тогда, когда правительство с целью приостановить угрожающее падение ясачных сборов потребовало от тойонов передела земли (деятельность «2-й ясачной комиссии» 1828—1835 гг.). Как раз в эту эпоху якутское тойонство получило в свои руки новое орудие для своей политики: это была Якутская степная дума, открытая по особому ходатайству тойонов в 1827 г. и составленная из отборнейших представителей тойонской знати. Эта дума ознаменовала свою кратковременную деятельность такими скандальными делами (торгово-спекулянтская экспедиция к охотским тунгусам в 1828 г., расхищение 20 тыс. руб. общественных денег и пр.), что скомпрометировала себя даже в глазах правительства. В 1838 г. Якутская степная дума была упразднена «за бесполезностью».

Положение якутских народных масс было тяжёлым, но они ещё не могли подняться на борьбу за свои интересы. Косвенным отражением стихийного протеста якутской бедноты было в те годы движение известного «разбойника» Василия Манчары. Этот последний прославился в 30—40-х годах своими смелыми нападениями на тойонские хозяйства и многократными побегами из-под ареста. Позднейшие якутские предания изображают Манчары как народного героя — борца за правду,

против мироедов-тойонов. Сосланный в Вилюйский округ, Манчары умер там в 1870 г.

Народы Севера. Большинство остальных народов Сибири стояло на более низком уровне общественного развития: это были охотники — эвенки (тунгусы), кеты, вогулы; рыболовы — ханты и камчадалы; оленеводы — ненцы, чукчи и коряки. У этих племён процесс внутреннего социального расслоения ещё не зашёл так далеко, чтобы их собственная родовая знать превратилась в самостоятельный класс эксплоататоров, хотя дело к этому и шло при энергичном участии царской администрации, всячески покровительствовавшей местным «князькам» и «старостам». Эти охотники, рыболовы и оленеводы испытывали жестокий гнёт со стороны русских купцов. Хищничество купцов-ростовщиков, беззастенчиво обиравших население Севера, приводило к обеднению его, к постоянным голодовкам, а в отдельных случаях и к вымиранию целых семей и родов. Доходившие до отчаяния местные народы пытались иногда силой вернуть себе свободу и избавиться от гнёта. Но эти попытки, уже гораздо более слабые и разрозненные, чем в XVII и XVIII вв., кончались неудачей. Наиболее известно восстание ненцев под руководством Вауля Пьеттомина в 30—40-х годах. Во главе небольшой вооружённой дружины, составленной из ненецкой бедноты, Вауль нападал на богачей, отбирал у них оленей и раздавал их неимущим жителям тундры. В январе 1841 г. Вауль с целым отрядом в 4 сотни вооружённых дружинников подступил даже к Обдорску, намереваясь свергнуть власть ненецкого князька Тайшина и освободить тундру от царского гнёта. Местным властям лишь при помощи обмана удалось захватить Вауля и его ближайших сотоварищей в плен. Участники восстания были биты кнутом и сосланы на каторгу. Позже, в 1856 г., бывшие сподвижники Вауля пытались возобновить борьбу за освобождение ненецкого народа, но безуспешно.

Торговля и промышленность. Реформы Сперанского, уничтожив торговые монополии, дали толчок общему экономическому оживлению Сибири, но это оживление ограничилось только сферой торговли. Промышленность Сибири развивалась чрезвычайно медленно. Из России в Сибирь ввозились не только ткани, железные, стеклянные товары, но даже деревянные изделия — дуги, ложки и прочие несложные вещи. Из промышленных товаров Сибирь почти ничего не производила сама. Единственной отраслью промышленности, которая испытала в первой половине XIX в. бурный, хотя и кратковременный, рост, являлась золотопромышленность. Золото было открыто в горах Алтая в 1828 г., в Енисейской губернии — около 1830 г., несколько позже — по рекам Витиму и Олекме. Вна-

чале золото добывалось только казной, но с 1835 г. устройство приисков было разрешено частным лицам, и с этого времени добыча золота стала чрезвычайно быстро расти, поднявшись с нескольких пудов в год в 30-х годах до 1 370 пудов в 1847 г. Но в результате хищнической организации промыслов уже с конца 40-х годов началось падение золотой промышленности; богатейшие месторождения были истощены.

Рабочие на золотых приисках подвергались беззастенчивой эксплоатации, их обирали и обсчитывали; они уходили с приисков более нищими, чем были раньше. Зато на основе золотопромышленности в Сибири создавались огромные состояния: купцы-золотопромышленники Сибиряковы, Кузнецовы и др. были местными миллионерами. В то же время на другие отрасли народного хозяйства Сибири золотая лихорадка повлияла отрицательно: утечка рабочей силы на прииски нанесла сильный удар возникавшей железной промышленности, многие кустарно-ремесленные производства тоже захирели.

Культурное развитие. Культурный уровень коренного населения Сибири, задавленного колониальным гнётом царизма, продолжал оставаться очень низким. Господствовала почти поголовная неграмотность. Как исключение следует отметить деятельность первого бурятского учёного Доржи Банзарова: получив высшее образование в Казани, он в 1846 г. защитил диссертацию на тему «Чёрная вера или шаманство у монголов»; работа эта и сейчас не утратила научного значения. Банзаров специализировался затем на изучении монгольских и манчжурских рукописей. Но, не получая ни от кого поддержки, назначенный на мелкую административную должность в Иркутской губернии, этот талантливый учёный постепенно отошёл от науки и вернулся к патриархальной степной жизни своих соплеменников. В 1855 г., всего 32 лет от роду, Банзаров умер.

Важнейшими событиями культурной жизни Сибири в первой половине XIX в. были экспедиции, путешествия и исследования, касавшиеся как окраин её, так и внутренних областей. Из больших морских экспедиций, связанных с изучением северных и восточных берегов Сибири, а также американских владений России, следует отметить первую русскую кругосветную экспедицию Крузенштерна и Лисянского (1803—1806 гг.), плавания Головнина в северной части Тихого океана (1807—1809 гг.), открытие и исследование Новосибирских островов экспедицией Геденштрома (1809—1811 гг.), экспедицию Коцебу (1815—1818 гг.), исследование северного побережья Сибири капитаном Литке (впоследствии президент Академии наук) в 1821—1824 гг. и Врангелем в 1820—1824 гг. Из экспедиций, посвящённых изучению внутренних областей Сибири, наибольшее значение имело путешествие Миддендорфа

в 1843—1844 гг., давшее большой и разносторонний материал по целому ряду районов северной и восточной части Сибири — от Таймыра до низовьев Амура. Крупное, хотя и более узкое, значение получили также лингвистические исследования Кастрена 1838—1849 гг., изучившего впервые целый ряд языков народов Сибири — монгольских, тунгусских, угро-финских и самоедских.

Характерным явлением культурной жизни Сибири было также и издание специального журнала «Сибирский вестник» (горного инженера Г. Спасского) в 1818—1824 гг., посвящённого разностороннему изучению Сибири. Наконец, необходимо отметить работу первого местного сибирского историка Словцова «Историческое обозрение Сибири» (2 тома, 1838—1844 гг.), которого называли «сибирским Карамзиным». При всех своих недостатках этот первый крупный исторический труд, созданный в Сибири и ей посвящённый, знаменовал собой пробуждение среди местной интеллигенции научного интереса к своему краю и его истории.

Крупную культурную роль в Сибири играли политические ссыльные. Во второй четверти XIX в. в разных городах Западной и Восточной Сибири отбывали долголетнюю ссылку декабристы. Пребывание их в Сибири не прошло бесследно для культурного развития края. Некоторые из декабристов (В. Раевский, Якушкин, Завалишин и др.) занимались в Сибири педагогической деятельностью; Оболенский и братья Бестужевы организовали школу при Петровском каземате. Декабристы помогали населению в улучшении сельскохозяйственного и ремесленного производства, заводили образцовые рациональные земледельческие хозяйства (Кюхельбекер, М. Муравьёв), содействовали распространению среди бурят ремёсел (братья Бестужевы). Другие оказывали населению медицинскую помощь (доктор Вольф, Кюхельбекер, Шаховской и др.). Ссыльные декабристы организовали в некоторых городах образовательные кружки, читали новую литературу и пр. Всё это содействовало культурному развитию населения Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. С. 48—154. — *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 365—424. — *Сталин И. В.* Политика Советской власти по национальному вопросу в России. Сочинения. Т. 4. С. 351—363. — *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б). Сочинения. Т. 5. С. 23—26. — *Сталин И. В.* X съезд РКП(б). 1. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе. 2. Заключительное слово. Сочинения. Т. 5. С. 33—49.

II. Документальные материалы. Пособия. *Зевакин М. И.* Кузьма Алексеев. Крестьянское движение мордвы Терюшевской волости (1808—1810 гг.). Саранск 1936. 71 с. — *Герцен А. И.* Былое и думы. Л. 1946. (Гл. 15). — История Татарии в материалах и документах. М. 1937. 503 с. — Полное собрание законов Российской империи [Собрание первое]. Т. XXV, № 18477. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII, № 5287; т. IX, № 6947; т. XV, № 13684; т. XXX, № 30008 (Об управлении башкир) — Собрание первое. Т. XXXVIII, № 29126 (Об управлении народов Сибири). — Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Спб. 1841. 212, 14 с. — *Кастрен М. А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). М. 1860. IV, 495 с. — *Миддендорф А.* Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Спб. 1869. 833, VIII с. — Из истории ненецкого народа 30—40-х годов XIX в. (Движение Ваули Пиеттомина). «Красный архив». 1939. Т. I (92), с. 151—176 — *Чулошников Н. А.* К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г (в 30—40-е годы XIX века). «Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края». Вып. 1. Оренбург 1921, с. 5—40.— История Казахской ССР. С древнейших времён до наших дней. Изд. 2, испр. и доп. Т. I. Алма-Ата 1949. 526 с. — *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. I—II. Спб. 1872. — *Гирченко В. П.* К истории бурят-монголов — хоринцев первой половины XIX века. Верхне-Удинск 1928. 19 с. — *Ионова О. В.* Василий Манчары Якутск 1946. 51 с. — *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. Очерки. М.—Л. 1940. С. 144—242. — *Левенталь Л. Г.* Подати, повинности и земля у якутов (от 1766 г.). В кн.: *Павлинов Д. М., Виташевский Н. А.* и *Левенталь Л. Г.* Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л. 1929. С. 221—448. — *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. В 3-х частях. Изд. 3. Спб. 1900 487 с. — *Пыпин А.* История русской этнографии. Т. IV. Спб. 1892. 488 с. — *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М. 1940. 248 с. — *Шашков С. С.* Рабство в Сибири. В его кн.: Собрание сочинений Т. II. Спб. 1898. Стб. 503—548. — *Шашков С. С.* Сибирские инородцы в XIX столетии. В его кн.: Собрание сочинений. Т. II. Спб. 1898, Стб 548—632. — *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2, испр. и доп. Спб. 1892. XVI, 720 с.

Глава X

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В «ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ». РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ (1826—1847 гг.)

«Восточный вопрос» и его освещение Марксом и Энгельсом. «Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос»» [1], — писали Маркс и Энгельс весной 1853 г. «Восточный вопрос» составлял для европейских государств «никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?» [2]

В первой половине XIX в. Турция в хозяйственном, политическом и культурном отношении была крайне отсталым государством. Турецкое государство не имело дисциплинированной армии и прочной финансовой системы; его администрация отличалась продажностью и жестокостью; подчинённые султану паши стремились стать самостоятельными правителями и отложиться от Константинополя; Турция хищнически разоряла подвластные ей земли, пользуясь наиболее отсталыми, грабительскими формами угнетения местного населения; славяне, греки, румыны, населяющие Балканский полуостров, вели упорную борьбу за свою независимость. Европейские государства, пользуясь слабостью Турции, постепенно захватывали её территории. Особенно притягательными объектами для иностранной агрессии были Константинополь и проливы Босфор и Дарданеллы. По выражению Маркса и Энгельса, Константинополь был золотым мостом между Востоком и Западом [3]. Здесь проходили крупные сельскохозяйственные грузы из восточноевропейских стран на западные рынки; сюда направлялись торговые караваны в Иран, Среднюю Азию и Месопотамию; тут находились первоклассные стратегические позиции, господствовавшие над Чёрным морем и Архипелагом.

Для России овладение Константинополем и проливами означало свободный выход из Чёрного в Средиземное море, следовательно широкое развитие торгового судоходства и рост мировых экономических связей, а также укрепление военной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 371.
[2] Там же, стр. 372.
[3] См. там же, стр. 441.

безопасности своих южных границ. По выражению Маркса и Энгельса, стремление к Константинополю и проливам было основанием «традиционной политики России», связанной с «ее историческим прошлым, ее географическими условиями и необходимостью иметь открытые гавани в Архипелаге и Балтийском море...» [1] Но у России были могущественные противники, которые тоже имели экономические интересы на Ближнем Востоке. Соседняя полуфеодальная Австрия развивала торговое судоходство по Дунаю и экономически внедрялась в северо-западные области Балканского полуострова. С конца XVIII в. Египет и Передняя Азия сделались объектами настойчивых притязаний со стороны буржуазной Франции Но наиболее стремилась к хозяйничанью на Балканах и первенству на море и в проливах капиталистическая Англия, располагавшая развитой промышленностью, крупнейшим торговым флотом и богатым коммерческим опытом. Маркс и Энгельс указывали, что лихорадочная погоня за рынками влечёт «английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря» [2]. Маркс и Энгельс показали, как Трапезунд превратился в опорный пункт английского экономического влияния на Черноморье и как Россия должна была отступать перед натиском Англии. Опираясь на силу своего военного флота и искусно пользуясь средствами дипломатии, Англия создала себе прочные хозяйственные и политические позиции на территории Турции.

Россия в этом европейском соперничестве за новые рынки и торговые пути имела крупное преимущество: она опиралась на поддержку славянских народностей Балканского полуострова, которые надеялись отвоевать себе государственную независимость с помощью родственной державы. «...Серб, болгарин, боснийский райа, славянский крестьянин из Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими юго-славянами» [3], — писали Маркс и Энгельс, анализируя внутреннее положение на Балканах. Царизм меньше всего думал о свободе угнетённых национальностей, но он искусно пользовался положением на Балканах, выдвигая задачу покровительства православным единоверцам как исходный пункт дипломатической и военной борьбы против Турции.

Усиления на Ближнем Востоке требовали от царизма не только интересы внешней торговли, не только стремление

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 439.
[2] Там же, стр. 383.
[3] Там же, стр. 377.

продлить сроки существования крепостного режима, но и политика «международного жандарма». Всякое укрепление позиций самодержавной империи ослабляло шансы растущего революционного движения. «Если Россия овладеет Турцией, — писали в 1853 г. вожди пролетариата, — ее силы увеличатся почти вдвое, и она окажется сильнее всей остальной Европы, вместе взятой. Такой исход дела явился бы неописуемым несчастьем для дела революции» [1]. Наилучшим решением «восточного вопроса» Маркс и Энгельс считали не фиктивное сохранение status quo (настоящего положения), о котором лицемерно твердили европейские дипломаты, а действительное и полное освобождение балканских народностей из-под турецкого гнёта. Такое решение «восточного вопроса», по справедливому мнению Маркса и Энгельса, могло быть достигнуто лишь посредством европейской революции. Пока революция не наступила, в интересах пролетариата необходимо было систематически противодействовать аннексионистским планам царизма.

В процессе развёртывания международной борьбы «восточный вопрос» осложнялся новыми сопутствующими проблемами. Наступая на Турцию, царизм стремился овладеть Черноморско-Каспийским бассейном; отсюда — длительная борьба между Россией и Ираном, которая сталкивала царизм с Англией на Среднем Востоке. С другой стороны, борьба за Каспийское побережье, продиктованная стремлением захватить средневосточные рынки, неразрывно сливалась с продвижением в Казахстан и среднеазиатские ханства. И здесь интересы царской России сталкивались с интересами Англии. Ближний и Средний Восток становились узловыми центрами международных противоречий, которые завязывались между крупнейшими европейскими государствами.

Позиция Николая I по отношению к греческому восстанию. В 1825 г., при вступлении на престол Николая I, обстановка на Балканском полуострове была особенно напряжённой. Чтобы подавить греческое восстание, вспыхнувшее в 1821 г., турецкий султан Махмуд II обратился за помощью к могущественному египетскому паше Мухаммеду Али. Крупнейшие греческие города были захвачены египтянами. Между вождями греческого восстания не оказалось нужного единодушия. Австрия открыто поддерживала турецкого султана как законного повелителя против мятежных подданных. Попытки Александра I договориться с европейскими державами, чтобы кончить восстание приемлемым компромиссом, не имели никакого успеха. Англия не хотела допускать разрешения гре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 386.

ческого вопроса силами Российской империи и готовилась взять инициативу в собственные руки. Потеряв надежду на помощь Александра I, греческое Национальное собрание в августе 1825 г. постановило передать «священное сокровище национальной независимости и свободы и политическое существование Греции под защиту Великобритании». Перед царской Россией вставала дилемма — или активно вмешаться в происходящие события, или примириться с утратой своего политического влияния на Балканах.

Чтобы предупредить одностороннее выступление России и сохранить за собой инициативу дальнейших действий, английское правительство пошло на временное соглашение с Николаем I. Оно направило в Петербург герцога Веллингтона, известного своими консервативными взглядами и пользовавшегося симпатиями со стороны царя. Николай I решительно отклонил английское посредничество в улаживании русско-турецких недоразумений, но пошёл навстречу Англии в вопросе о греческом восстании. Он хорошо понимал, что, если он не примет предлагаемого соглашения, Россия окажется выбитой из своих балканских позиций. 23 марта (4 апреля) 1826 г. между Англией и Россией был подписан Петербургский протокол о совместных действиях: было решено добиваться для Греции внутренней автономии с сохранением номинального верховенства султана и установлением европейской гарантии нового порядка. Это было вынужденное соглашение, на время объединившее враждующих соперников. Через несколько месяцев содержание протокола было сообщено остальным великим державам. Австрия и Пруссия решительно отказались от всякого вмешательства, но Франция, связанная с Грецией торговыми сношениями, охотно примкнула к заключённому соглашению. 24 июня (6 июля) 1827 г. Петербургский протокол был превращён в Лондонскую конвенцию и получил бо̀льшую практическую определённость: особое секретное приложение к договору предусматривало в случае необходимости вооружённое давление держав на Турцию.

Аккерманская конвенция 1826 г. Прежде чем подписать Петербургский протокол, Николай I поспешил использовать создавшуюся выгодную обстановку: в ультимативной форме он потребовал от Турецкой империи выполнения ранее заключённых договоров не только в отношении русско-турецких границ, но и в отношении внутренних прав Сербии, Молдавии и Валахии. Австрия, желая избежать русско-турецкой войны и неминуемого разгрома Порты, посоветовала султану пойти на уступки. 25 сентября (7 октября) 1826 г. в пограничном городе Аккермане турецкие уполномоченные вынуждены были подписать конвенцию, заранее составленную и одобренную

в Петербурге Турция подтверждала постановления прежних договоров, признавала за Россией право покровительства Молдавии, Валахии и Сербии, обеспечивала русским купцам свободное плавание в турецких водах и отказывалась от притязаний на опорные пункты Черноморского побережья.

Особыми дополнительными актами была определена автономия дунайских княжеств и Сербии. Для Молдавии и Валахии устанавливались каждые семь лет выборы господарей «общим собранием дивана, сообразно с древними обычаями края». Турция лишалась права увеличивать подати и повинности жителей Молдавии и Валахии, предоставляла им свободу торговли и промышленности, а также признавала право господарей и диванов выработать уставы о внутреннем управлении княжествами.

В отношении Сербии точно определялось право её внутренней автономии, о котором упоминала одна из статей Бухарестского договора. Турция признавала за населением Сербии право выбирать собственную администрацию и независимо править своей страной, свободу отправления культа, свободу передвижения, свободу торговли и промышленности, наконец право самостоятельно учреждать школы, типографии и больницы. Кроме того, сербы получали обратно отнятые у них земли и вступали в управление имениями, принадлежавшими мусульманам; за исключением гарнизонов турецких крепостей, мусульмане лишались права жить на территории Сербского княжества.

Таким образом, русская дипломатия добилась от Турции значительных уступок, в частности в отношении румынского и славянского населения Балканского полуострова.

Наваринская битва 1827 г. Но, уступая России, султан Махмуд не хотел капитулировать в вопросе о Греции. Опираясь на советы Меттерниха, он решительно отклонил посредничество Англии, Франции и России. Военные действия египтян против повстанцев продолжались. Тогда договорившиеся державы решили блокировать греческие воды, чтобы силой воспрепятствовать военным операциям Турции. 8(20) октября 1827 г. английская, французская и русская эскадры вошли в гавань Наварина, где находилась стоянка турецко-египетского флота. Завязалось морское сражение, и через два часа оттоманский флот, несмотря на своё численное превосходство, был почти полностью уничтожен союзниками. Наваринская битва сделала Турцию ещё более непримиримой: действующие трактаты, в частности Аккерманская конвенция, были объявлены уничтоженными, судоходство по Босфору приостановлено, русские товары захвачены и разграблены; султан Махмуд всенародно обвинял Россию в подстрекательстве греков и призывал

своих подданных к священной войне против «неверных». Николай I принял эти действия как оскорбительный вызов, но не смог немедленно начать боевые действия: надо было закончить затянувшуюся войну с Ираном и таким путём освободить войска, действовавшие на Кавказе.

Русско-иранская война 1826—1828 гг. Война с Ираном началась вскоре после воцарения Николая I. Она была непосредственным результатом успешного продвижения России на Восток со стороны Кавказа. Гюлистанский договор 1813 г., закрепляя за Россией завоёванное Закавказье, обеспечивал господство русского флота на Каспийском море и создавал русским купцам преимущественное положение в Иране. Ещё в 1814 г. англичане заключили с шахом военно-оборонительный союз и с помощью своих военных инструкторов начали реорганизацию иранской армии. Рассчитывая на военную и финансовую поддержку нового союзника, иранский шах Фетх-Али объявил недействительным Гюлистанский договор и начал открыто готовиться к войне с Россией.

В начале 1826 г. до Ирана докатились смутные слухи о петербургском междуцарствии и восстании. Фетх-Али решил, что наступил подходящий момент для возвращения потерянных территорий. К русской границе были стянуты значительные военные силы. Командование армией было поручено наследному принцу Аббасу-Мирзе. Англо-иранская агентура в Восточном Закавказье подготовляла вооружённое восстание среди населения. В июле 1826 г. иранские войска в двух местах перешли русскую границу. Аббас-Мирза во главе 60-тысячного войска двинулся из-за Аракса по направлению к Шуше. Азербайджанское население, угнетаемое царизмом и спровоцированное англо-иранскими агентами, стало в некоторых местах переходить на сторону иранцев. Прежде чем главноуправляющий на Кавказе А. П. Ермолов успел подготовить отпор неожиданному нашествию, иранские войска захватили южную часть Закавказья и двинулись по направлению к Грузии. Вместе с Аббасом-Мирзой явились бежавшие и изгнанные ханы, которые стремились восстановить свою власть под верховным покровительством иранского шаха.

В конце августа Ермолов двинул собранные войска против иранской армии. Вскоре Закавказье было полностью очищено от противника, и боевые операции были перенесены на территорию Ирана.

Не доверяя Ермолову, известному своими связями с декабристами, Николай I передал командование кавказскими войсками И. Ф. Паскевичу. В апреле 1827 г. Паскевич начал наступление на ханства Ереванское и Нахичеванское, населённые армянами. Поддерживая с Россией экономические

и культурные связи, армянский народ видел в русских войсках желанных освободителей от персидского ига. Иранские крепости, за исключением Еревана, не оказали упорного сопротивления. 26 июня (8 июля) 1827 г. пала Нахичевань. 1 (13) октября 1827 г., после шестидневной осады, была захвачена штурмом другая иранская крепость — Ереван. Через 11 дней русские войска были уже в Тавризе и угрожали шахской столице — Тегерану. Охваченное паникой и не имея сил сопротивляться, шахское правительство согласилось на все предъявленные условия.

10 (22) февраля 1828 г. в Туркманчае был подписан новый договор между Россией и Ираном. Россия приобретала ханства Ереванское и Нахичеванское, т. е. всю иранскую часть Армении. За Россией признавалось исключительное право держать военные суда на Каспийском море. Иран должен был уплатить России контрибуцию в 20 млн. руб. Такой исход войны наносил удар английскому влиянию в Передней Азии и развязывал руки Николаю I в отношении Турции.

Однако решающего влияния на Иран Россия не получила: через год, 30 января (11 февраля) 1829 г., при активном содействии английского резидента, в Тегеране вспыхнуло уличное восстание и были перебиты члены русской миссии. В числе погибших был русский посланник, знаменитый писатель А. С. Грибоедов. Царское правительство, занятое новой войной, не стало создавать из этого события повода для разрыва; оно удовлетворилось «извинением», торжественно принесённым иранским посольством и подкреплённым богатыми подарками со стороны шаха.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. Покончив войну с Ираном, Николай I 14 (26) апреля 1828 г. объявил войну Турции. Боевые операции начались одновременно на Балканском полуострове и на Кавказе: 100-тысячная армия под командованием П. Х. Витгенштейна перешла через Прут и заняла дунайские княжества; на Черноморском побережье была блокирована принадлежавшая туркам Анапа, а через некоторое время 11-тысячный отряд Паскевича двинулся к крепости Карсу. Предполагалось, что кампания будет окончена к наступлению зимы решающими операциями под Константинополем. Однако армия, сосредоточенная на Дунае, оказалась плохо подготовленной к войне; с другой стороны, турецкие войска, частично реорганизованные европейскими инструкторами, оказались сильнее и устойчивее, чем можно было ожидать. Перейдя через Дунай, русские отряды встретили упорное сопротивление со стороны хорошо вооружённых крепостей — Силистрии, Шумлы и Варны. К концу 1828 г. удалось овладеть только приморской крепостью Варной и узкой полосой вдоль

Чёрного моря. Осада Силистрии и Шумлы была снята, и русская армия расположилась на зимние квартиры по обоим берегам Дуная.

Гораздо успешнее развёртывались боевые операции на Кавказе. В течение трёх месяцев армия Паскевича заняла 3 пашалыка: Карский, Ахалцихский и Баязетский. Так же успешно развивались военные действия на Черноморском побережье: специально выделенными отрядами были завоёваны Анапа, Сухум-Кале и Поти.

Европейские державы с большой тревогой следили за ходом военных действий. Английское правительство не скрывало своего сочувствия туркам. Австрия усиленно вооружалась, и можно было опасаться её вторжения в дунайские княжества. Николаю I приходилось торопиться, чтобы не очутиться перед лицом новых противников. С другой стороны, его пугало растущее недовольство внутри страны, вызванное наборами в армию, реквизициями и затянувшимися военными операциями. В 1829 г. на пост главнокомандующего был назначен И. И. Дибич. В начале мая он сосредоточил 37-тысячный корпус вокруг Силистрии. 30 мая (11 июня) 1829 г. у деревни Кулевча произошло генеральное сражение, которое закончилось паническим отступлением турецкой армии. 18 (30) июня капитулировала крепость Силистрия. Поставив против Шумлы обсервационный отряд, Дибич использовал освободившиеся силы для перехода через Балканские горы. 35-тысячный корпус в течение трёх дней форсировал горные перевалы и, выйдя на приморскую низменность, захватил город Бургас. Моральная сила турецкой армии была сломлена. 8 (20) августа русские войска без боя вступили в Адрианополь и, несмотря на большое количество заболевших солдат, собирались начать наступление на столицу. В это же время Паскевич, одержав несколько побед на азиатском фронте, овладел Эрзерумом и готовился к наступлению на Трапезунд и Батуми. Турция оказалась в отчаянном положении.

Адрианопольский договор 1829 г. После падения Адрианополя европейские миссии оказали давление на султана, чтобы предотвратить оккупацию Константинополя русскими войсками; следуя этим советам, Махмуд II вступил в переговоры о мире и под давлением возобновившегося русского наступления согласился на все условия Дибича. 2 (14) сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный трактат между Россией и Турцией. Россия получила устье Дуная с прилегающими островами, восточное побережье Чёрного моря от устья Кубани до порта св. Николая и территорию Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалцих и Ахалкалаки. Босфор и Дарданеллы

объявлялись открытыми для прохода русских и иностранных торговых судов. Подтверждалось право русских подданных свободно торговать в пределах Оттоманской империи. Турция должна была уплатить военную контрибуцию (позднее установленную в размере 10 млн. голландских червонцев) и вознаграждение за убытки в размере 1,5 млн. голландских червонцев[1]. За Грецией признавалось право внутренней автономии в соответствии с Лондонской конвенцией 1827 г.

Особым актом подтверждалась автономия Молдавии и Валахии с некоторыми поправками, укреплявшими самостоятельность княжеств: господари должны были избираться не на семь лет, а пожизненно и получали право «постановлять всё, относящееся до внутренних дел в княжествах по совещанию с диванами». Уничтожались все турецкие крепости на левом берегу Дуная. Молдавия и Валахия получали право организовать земское войско и выработать «учреждения, касающиеся до управления княжеств и начертанные согласно с желанием, изъявленным собраниями почётнейших обитателей края». Мусульманам запрещалось жить и владеть имениями к северу от Дуная. Особая статья Адрианопольского трактата подтверждала автономию Сербии и обязывала Турцию выполнить соответствующие постановления Аккерманской конвенции «без малейшего отлагательства и со всею возможною точностью». До уплаты турецкой контрибуции дунайские княжества оставались оккупированными русской армией.

Адрианопольский договор чрезвычайно укрепил позицию России на Балканском полуострове: Турецкая империя сохранялась, но попадала в сильную зависимость от России. При данной международной обстановке трудно было рассчитывать на бóльшие результаты: опасаясь сопротивления со стороны Европы, русские дипломаты, по их словам, предпочитали «иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войной покориться воле победителей». Захват Константинополя и проливов в представлении Николая отодвигался в будущее и связывался с ожидаемой смертью «больного человека» — Оттоманской империи.

Адрианопольский договор сильно обострил противоречия между Россией и европейскими державами. Англия официально протестовала против содержания трактата; Австрия увидела себя отрезанной от устьев Дуная и считала, что этот мир низводил её на положение второстепенного государства. Чтобы ослабить русский протекторат над балканскими христианами, Англия и Франция добились пересмотра греческого вопроса:

[1] Голландский червонец = 3 руб. золотом.

постановлением Лондонской конференции 3 (15) февраля 1830 г. Греция была объявлена независимым государством с монархической формой правления.

Таким образом, операции русской армии и усилия русской дипломатии, оказав поддержку национальному движению греков, румын и сербов, объективно стали решающими факторами освобождения этих народностей от турецкого владычества.

Победа России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. имела большое объективно-историческое значение и для Закавказья: было продвинуто вперёд воссоединение исконных грузинских земель и начато высвобождение армянского народа от турецкого владычества. Был положен предел турецкой экспансии на Кавказе.

«Органический регламент» дунайских княжеств. Дунайские княжества Молдавия и Валахия стали ближайшими опорными пунктами для осуществления внешнеполитической программы царизма. Правителем княжеств был назначен генерал-адъютант П. Д. Киселёв, бывший начальник штаба Дунайской армии. Важнейшей задачей Киселёва было установить в княжествах новый порядок, возвещённый Адрианопольским договором. В 1831 г. на особых собраниях из представителей светской и духовной знати, сначала в Бухаресте, а затем в Яссах, был принят «Органический регламент», определявший общественное и политическое устройство княжеств. Молдавия и Валахия сохранили прежний феодально-аристократический характер. Господствующим сословием остались крупные землевладельцы — «бояры»; крестьяне попрежнему несли тяжёлые барщинные повинности в пользу помещиков. Законодательная власть в каждом княжестве вверялась представительному собранию из депутатов, избранных боярами и «именитыми землевладельцами». Исполнительная власть сосредоточивалась в руках господарей, которые пожизненно избирались особыми собраниями, составленными из духовенства, бояр и депутатов от землевладельцев и городов. Руководящие административные посты поручались боярам. Прогрессивными сторонами реформы были отделение суда от администрации, уничтожение пыток и учреждение училищ.

Некоторой уступкой крестьянству явилось право свободного перехода.

Настороженно-враждебная позиция Европы и желание привлечь к себе султана побудили Николая I досрочно очистить оккупированные княжества в 1834 г. Однако влияние России в дунайских княжествах не было поколеблено: первые господари были избраны не диванами, а назначены по соглашению царя и султана из числа ближайших сторонников России.

Россия и Турция в 1833 г. Надежда Николая I на слабую и покорную Турцию оправдалась в 1833 г. В противовес султану выдвинулся могущественный правитель Египта, Мухаммед-Али. Пользуясь содействием Франции, он реформировал свою администрацию и финансы, создал сильную армию и флот, прочно укрепился в Аравии и повёл наступление на Сирию. Летом 1832 г. войско султана было разбито Ибрагимом, сыном Мухаммеда-Али; египтяне овладели Сирией и горными проходами, которые открывали дорогу в Малую Азию. Махмуд опасался не только за свои азиатские территории, но и за прочность своего трона.

Николай I не мог сочувствовать завоевательным планам Мухаммеда-Али. В разгоревшейся войне он видел «последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой и в особенности Францией». Свержение Махмуда и восстановление мощи Оттоманской империи не входили в расчёты Николая I; мусульманская пропаганда египетского паши вызывала брожение на Крымском полуострове. Вот почему Николай I решил, не списясь с Европой, активно вмешаться в турецко-египетские отношения. В Константинополь и Александрию был секретно командирован генерал Н. Н. Муравьёв с поручением предложить Махмуду военную помощь, а от Мухаммеда-Али потребовать прекращения войны. Русский уполномоченный был дружественно принят обеими сторонами. Султан согласился на посредничество России, но уклонился от предложенной помощи; паша изъявил готовность выполнить царскую волю и отдал приказ о прекращении наступления.

Однако египетская армия, до которой «не дошёл» приказ Мухаммеда-Али, двинулась по направлению к Константинополю. Испуганный султан попросил у русского посланника обещанной помощи. Заранее подготовленная эскадра под командой адмирала М. П. Лазарева вышла из Севастополя; через несколько дней в Турцию был отправлен 5-тысячный десантный отряд под начальством Н. Н. Муравьёва; на Дунае Киселёвым подготовлялся экспедиционный корпус в 20 тыс. человек. Французский посланник в Константинополе убеждал султана не допускать появления русских военных сил. Тем не менее 8 (20) февраля 1833 г. русские военные корабли вступили в Босфор и бросили якорь перед европейскими миссиями. Вскоре прибыли первые сухопутные войска; их разместили в предместье Константинополя, близ летней резиденции султана Ункяр-Искелеси. Из Петербурга в качестве полномочного посла и главнокомандующего всеми вооружёнными силами прибыл генерал-адъютант А. Ф. Орлов. Русские офицеры взяли на себя осмотр и усиление дарданельских укреплений. Турецкий султан чувствовал себя между трёх огней: с востока ему

грозила победоносная армия Ибрагима, с юга подплывали иностранные эскадры, высланные встревоженными правительствами Англии и Франции, у ворот столицы стоял сильный русский отряд под охраной военного флота. Такая обстановка очень облегчила усилия европейских дипломатов, добивавшихся быстрого примирения противников: 24 апреля (6 мая) 1833 г. между Махмудом и Мухаммедом-Али был заключён Кютахийский договор, по которому египетский паша признал свою зависимость от султана, а султан предоставил в его управление всю территорию Сирии; в силу этого устранялся предлог для присутствия русских вооружённых сил около Константинополя.

Договор в Ункяр-Искелеси 1833 г. Но прежде чем покинуть предместье Константинополя, А. Ф. Орлов 26 июня (8 июля) 1833 г. заключил с султаном дружественное соглашение, известное под названием договора в Ункяр-Искелеси: Россия и Турция вступили друг с другом в оборонительный союз сроком на восемь лет с обязательством взаимной военной защиты. Гарантируя неприкосновенность Турции, русский император давал обещание предоставить «Высокой Порте» свои морские и сухопутные силы, если этого потребуют обстоятельства. В свою очередь Турция в секретной статье обязывалась «в интересах императорского двора закрыть Дарданельский пролив, т. е. не позволять ни одному иностранному военному судну входить туда под каким бы то ни было предлогом».

Благодаря Ункяр-Искелесийскому договору Россия приобретала решающее влияние на Турцию, а русские берега становились более обеспеченными от возможного нападения со стороны европейского флота. После заключения договора отношения между недавними союзниками — Россией, с одной стороны, и европейскими державами — с другой, сделались ещё более враждебными.

Обострение англо-русских противоречий. Особенно обострились взаимоотношения между царской Россией и буржуазной Англией в 30—40-х годах. К этому времени в Англии, где уже завершился промышленный переворот, чрезвычайно расширились размеры экспорта. Стараясь захватить новые рынки, английская буржуазия сосредоточила своё внимание на Ближнем и Среднем Востоке. Желая приобрести в Турции могущественное влияние, Англия поддерживала идею «танзимата» — преобразования Оттоманской империи путём ликвидации наиболее устарелых феодальных институтов. Активным носителем этой идеи в конце 30-х годов являлся турецкий министр иностранных дел Решид-паша, ориентировавшийся на союз с Англией и враждебно относившийся к России. Николай I имел основание опасаться, что европеизация турецкого государственного строя подорвёт влияние царизма в Турции. В начале

40-х годов русский посланник должен был констатировать значительную перемену в отношении к нему султана.

Вытесняя русское влияние на Балканах, английское правительство наносило удары России и на кавказском плацдарме. Стараясь использовать в своих корыстных целях национально-освободительное движение горцев, Англия высаживала на Черноморском побережье своих агентов, которые вступали в сношения с адыгейскими племенами и доставляли повстанцам английское оружие. 14 (26) ноября 1836 г. русские сторожевые суда задержали у кавказских берегов английскую шхуну «Виксен», которая выгружала на берег оружие и боевые припасы. Шхуна была конфискована и включена в состав Черноморского флота (см. главу XI). Между Англией и Россией возник дипломатический конфликт, который едва не перерос в военные действия. Судно не было возвращено Англии, но военное вмешательство англичан в кавказские дела не прекратилось. В Англии развернулась энергичная кампания против России, возглавлявшаяся дипломатом Давидом Уркартом.

Не менее острыми были столкновения Англии и России в Передней Азии. Экспортируя свои товары морем через Трапезунд, английская буржуазия не забывала и сухопутных дорог со стороны Индии. Стараясь вытеснить русских купцов из Ирана и Средней Азии, она организовала ряд экспедиций якобы научного, а фактически военного характера; был даже выдвинут проект образования на реке Инде центрального торгового пункта, который перехватил бы связи Нижегородской ярмарки и подорвал бы торговлю России с Востоком. К середине 30-х годов английские ситцы вытеснили русские изделия из Закавказья и Ирана и начали проникать на бухарские и кокандские рынки. Царское правительство стремилось укрепиться на Каспийском побережье, не допустить усиления Англии в Иране и поставить преграду её движению со стороны Индии. В 1837 г. завязалась борьба между Англией и Россией в Афганистане: каждый из противников выдвигал своего кандидата на трон афганского эмира. Чтобы укрепить своё влияние, русское правительство поддержало притязания иранского шаха, однако английское правительство пригрозило шаху сухопутным десантом в Персидском заливе и заставило иранцев снять осаду Герата. Торговая и дипломатическая деятельность буржуазной Англии грозила оттеснить отстававшую Россию и в Константинополе, и на Чёрном море, и в Средней Азии.

Наступление царизма на Казахстан. Чем слабее становились позиции царизма на Балканах, тем активнее развёртывалась его политика на Среднем Востоке. Казахская степь и среднеазиатские ханства — Кокандское, Бухарское и Хивинское — были крупными рынками для закупки сырья и для

сбыта русских товаров, в частности изделий растущей хлопчатобумажной промышленности. Чтобы помешать проникновению Англии в эти богатые области, нужно было усилить власть Российской империи в районах казахских кочевий и поднять её политический престиж среди оседлого населения Средней Азии. Такова была точка зрения и центрального правительства и местных генерал-губернаторов, наблюдавших за развитием караванной торговли. В 20-х годах царизм уничтожил в Казахстане ханскую власть, разделил территорию Малого и Среднего жузов на административные округа и сосредоточил управление казахским народом в руках назначенных султанов, а фактически — в руках царских чиновников.

Одновременно шло дальнейшее наступление на казахские степи. В 1811 г. была основана Новоилецкая линия. В 1834 г. на северо-восточном берегу Каспийского моря выросло укрепление Ново-Александровское. В 1835 г. началась постройка линии между Орском и Троицком. Укреплялась и выпрямлялась старая Оренбургская линия. В 1846 г. были воздвигнуты укрепления Оренбургское на Тургае и Уральское на Иргизе, в 1847 г. — Раимовское на низовьях Сыр-Дарьи. Одновременно шло наступление с северо-востока в сторону Семиречья. Опираясь на поддержку феодалов Старшего жуза, русские военные отряды проникли за озеро Балхаш и основали здесь крепости Копал (1847 г.) и Верный (1854 г.).

Хивинский поход В. А. Перовского 1839 г. Хивинское ханство в свою очередь стремилось подчинить себе казахские кочевья. Жители Хивы нападали на русские караваны и обращали в рабство захваченных пленников. Учитывая эти факты, Николай I решил предпринять завоевательную экспедицию против Хивинского ханства. По мнению правительства, экспедиция должна была «восстановить и утвердить значение России в Средней Азии, ослабленное ненаказанностью хивинцев и в особенности тем постоянством, с которым английское правительство стремится к распространению своего господства в тех краях».

После семимесячной подготовки 14 (26) ноября 1839 г. из Оренбурга выступил экспедиционный отряд в 5 тыс. пехотинцев с несколькими орудиями и продовольственным обозом, нагруженным на 10 тыс. верблюдов. Отрядом командовал оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский. Для похода было выбрано зимнее время года, чтобы избежать летнего зноя и степного безводья. Но условия зимнего перехода оказались не менее тяжёлыми: ударили сильные морозы, все дороги засыпало снегом, не было ни топлива, ни воды; обмундирование и обувь оказались негодными; солдаты должны были ночевать на обледенелой земле. Начались массовые заболевания;

большая часть верблюдов пала от бескормицы; войско быстро таяло, ни разу не встретив неприятеля. Через два с половиной месяца Перовский повернул обратно, потеряв половину людского состава. Хивинская экспедиция оказалась неудавшейся, и завоевание Хивы было отсрочено на неопределённое время.

Отступление царизма в «восточном вопросе». После заключения Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. одной из главных целей английской дипломатии было покончить с преимущественным положением царской России в Турции. Такого взгляда держался и руководитель английской внешней политики лорд Пальмерстон. «Он прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен» [1], — писали о нём Маркс и Энгельс. С точки зрения Пальмерстона, необходимо было как можно осторожнее отделаться от Ункяр-Искелесийского трактата. «Единственным средством, — говорил Пальмерстон, — представляется мне потопление его в каком-либо общем договоре такого же рода».

В 1839 г. создалась международная обстановка, которая помогла Пальмерстону осуществить поставленную им задачу. Между Махмудом и Мухаммедом-Али возобновилась борьба за территорию и влияние. Турецкая армия была разбита, а флот перешёл на сторону противника. Махмуд скоропостижно умер, и султаном стал его 16-летний сын Абдул-Меджид. Англия, поддерживаемая Австрией, решила противопоставить одностороннему выступлению России идею совместного «концерта европейских держав». В критический момент Абдул-Меджид обратился за помощью не к России, а к представителям всех великих держав в Константинополе. Опасаясь полной изоляции России, Николай I согласился на международное посредничество, но приложил все усилия, чтобы оторвать Великобританию от Франции. Исходя из своих колониальных интересов, Франция поддерживала притязания Мухаммеда-Али и оказывалась в противоречии с интересами английской буржуазии. Чтобы достигнуть своей цели, Николай пошёл на значительные уступки Англии. 3 (15) июля 1840 г. в Лондоне была подписана конвенция между Россией, Англией, Австрией и Пруссией: Турция должна была перейти под «коллективную защиту» договаривающихся государств; Мухаммед-Али становился наследственным владетелем Египта и получал в пожизненное обладание южную Сирию. Но поддерживаемый Францией, Мухаммед-Али не согласился на такое решение.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 489.

Тогда английская и австрийская эскадры начали против египетского паши военные действия и заставили его войска уйти с захваченных территорий.

Франция не решилась объявить войну и предпочла уступить соединённым силам Европы. Таким образом, надежды Николая I на полную изоляцию Франции не оправдались. С другой стороны, согласившись на принцип «коллективной защиты» Турции, он должен был отказаться от преимуществ Ункяр-Искелесийского договора. При этих условиях оставалось одно — постараться предотвратить использование проливов военными силами Европы. Русские уполномоченные потребовали закрытия Босфора и Дарданелл для военных судов всех наций. Англия, а за ней и другие государства охотно «согласились» на это предложение 1 (13) июля 1841 г. европейскими государствами с участием Франции была подписана вторая Лондонская конвенция о нейтрализации проливов. Задача Пальмерстона оказалась достигнутой: Ункяр-Искелесийский договор был «потоплен» в Лондонской конвенции 1841 г.

Потерпев крупное дипломатическое поражение, Николай I не терял надежды вернуть себе утраченные позиции. В 1844 г. он лично поехал в Лондон, где вёл беседы с королевой Викторией и главными политическими деятелями. Используя противоречия английских и французских интересов, он пытался договориться с Англией по «восточному вопросу». «Турция умирает, — говорил царь английскому консерватору Эбердину, — сколько бы мы ни старались спасти жизнь её, мы в этом не успеем. Она умрёт, не умереть ей нельзя, это будет критическая минута». Однако попытка Николая заключить соглашение с сильнейшим из союзников, чтобы изолировать и обезвредить всех остальных, не привела к желаемой цели: английское правительство согласилось в случае «гибели Турции» вступить в предварительные переговоры с Россией, но оно решительно уклонилось от всяких конкретных, связывающих его обязательств.

Россия и славянские народы. К изучаемому времени относится начало освобождения балканских славян от турецкого владычества. Россия в этом процессе сыграла, как мы видим, немалую роль. Выше уже говорилось о значительной роли России в истории борьбы Сербии против турецкого владычества в начале XIX в. (см. главу II). В последующие годы роль эта стала ещё значительнее. В дело освобождения сербов от турецкого ига вложены огромные жертвы русского народа. Именно русские военные и дипломатические успехи содействовали успеху сербской борьбы. В результате Аккерманской конвенции 1826 г. и Адрианопольского договора 1829 г. сербский народ получил внутреннюю автономию. Национально-

освободительное движение, охватившее славянские народы Балканского полуострова, приобрело могущественную опору не только в завоевании внутренней самостоятельности Сербии: стремления борющегося славянства нашли себе не меньшую поддержку в признании независимости Греции и в укреплении автономии дунайских княжеств. И сербы, мечтавшие о достижении государственного суверенитета, и болгары, ещё остававшиеся под гнётом султанской Турции, и славянские народы, жившие на территории Австрии, — всё с надеждой обращали свои взоры на сильную Россию, ожидая, что она поможет им завоевать себе право на самостоятельное политическое и культурное развитие.

Национально-освободительное движение южных и западных славян встречало отклики в разнообразных слоях русского общества. Так, преданный самодержавию историк М. П. Погодин поддерживал регулярные связи с культурными деятелями балканского и австрийского славянства, время от времени посещал славянские страны и в своих докладных записках требовал более активной помощи славянам со стороны царского правительства. Сочувствовали национальной борьбе славян представители славянофильского течения — А. С. Хомяков, братья Аксаковы, братья Киреевские. Однако в соответствии со своими реакционными политическими взглядами Погодин и славянофилы хотели объединения всех славян под властью российского самодержца. Полное освобождение славян и их объединение в республиканскую федерацию сосредоточивали на себе внимание передовых революционных организаций — Общества соединённых славян, демократического крыла украинского Кирилло-Мефодиевского общества. Перед нами протекают, таким образом, два глубоко различных процесса: с одной стороны, мы видим развитие интереса к вопросу об освобождении славян и борьбу за идею всеславянской демократической солидарности в ходе русского революционного движения; с другой стороны, мы видим и рост реакционного «панславизма», желавшего объединения славян под эгидой отсталого российского самодержавия. В то время как русское революционное движение стремилось прежде всего покончить с ненавистным самодержавием и затем протянуть братскую руку борющимся за независимость славянским народам, реакционные деятели типа Погодина, а также славянофилы, заботясь прежде всего об укреплении самодержавия, уже обветшавшего и обречённого на слом историей, требовали, чтобы именно это со дня на день ветшавшее и приобретавшее всё более реакционный характер самодержавие возглавило борьбу за единство славян. Ясно, что славянское единение на этой реакционной основе объективно могло бы лишь способствовать как укреп-

лению власти шатающегося реакционного самодержавного строя, так и закреплению отсталых социальных и политических форм в славянском движении. Этот путь был бы невыгоден и вреден для успешного хода борьбы славянских народов за новую жизнь.

Позиция царизма в славянском вопросе была двойственной и колеблющейся: с одной стороны, в борьбе за Константинополь и проливы Николай старался использовать надежды и симпатии балканских славян; с другой стороны, в качестве хранителя идей Священного союза он стоял на страже существующего порядка и боялся всякого самостоятельного национально-освободительного движения. Опасаясь возобновления польского восстания и нарушения целости союзной Австрийской монархии, Николай подозрительно относился к пропаганде славянского освобождения и отказывался от активного содействия самостоятельному славянскому движению. Внешняя политика царизма, как уже указывалось, не включала в свою программу подлинного освобождения славянских народов. Хотя балканские славяне во многом были обязаны успехам русского оружия и русской дипломатии, однако в деле своего освобождения они могли рассчитывать главным образом на собственные силы и на поддержку передовых слоёв русского общества.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К* и *Энгельс Ф* Восточный вопрос. Сочинения. Т. IX. С. 369—484. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Лорд Пальмерстон. Сочинения. Т. IX. С. 485—548. — *Маркс К.* К восточному вопросу Сочинения Т XV. С 379—385. — *Энгельс Ф.* [Письма к Марксу]. Сочинения. Т. XXIV. С. 189, 451.— *Маркс К.* [Письмо] В. Либкнехту. 11 февраля 1878 г. «Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI). М. 1932. С. 384—386. — *Маркс К.* Капитал. Т. I. Гл. VIII. § 2.

II. Документальные материалы. Пособия. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. XI—XII. [Трактаты с Англиею. 1801—1895]. Спб. 1895—1898. — *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. Спб. 1869. XXII, 294 с. — Всеподданнейший отчёт министра иностранных дел графа Нессельроде за 25 лет царствования императора Николая I. «Сборник Русского исторического общества». Т. 98. Спб. 1896, с 287—298.— Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie [записка барона Ф. И. Брунова]. «Сборник Русского исторического общества» Т. 31. Спб. 1881, с. 197—416. — *Муравьёв Н. Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н. Н. Муравьёва (Карского). М. 1869. 462, 092, IX с. — *Перовский В. А.* Хивинский поход 1839 года. Письма графа В. А. Перовского в Москву к А. Я. Булгакову. «Русский архив». 1878. Кн. 2, с. 34—46.—*Грибоедов А. С.* Путевые записки. Письма. В его кн.: Полное собрание сочинений. Т. III. Спб. 1917. С. 30—88, 121—246. История дипломатии. Т. I.

Под ред. В. П Потёмкина. М 1941. С. 385—425. — *Соловьёв С. М.* Восточный вопрос. В его кн.: Собрание сочинений. Спб. [1901]. Стб. 903—948. — *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Спб. 1907. С. 21—125. — *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I. Спб. 1908. 608 с. — *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. Спб. 1887. XVIII, 639 с. — *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. Спб. 1889. XXV, 459 с. — *Терентьев М. А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб. 1876. VIII, 264 с. — *Захарьин И. Н. (Якунин.)* Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву Ч I—II. Спб. 1901.—*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселёв и его время. Т. I. Спб. 1882. X, 422, IX с.

Глава XI

НАРОДЫ КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. БОРЬБА ГОРСКИХ НАРОДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ

Государственные и полугосударственные образования Кавказа к началу XIX в. К началу XIX в. отдельные части Кавказа резко отличались одна от другой своим социально-экономическим и политическим строем и уровнем культурного развития. В Закавказье были налицо вполне развитые феодальные отношения, но местами оказывались сильны и патриархально-родовые. В политическом отношении Закавказье делилось на несколько государственных и полугосударственных образований. В Восточную Грузию входили Карталино-Кахетинское царство со столицей Тбилиси и три вассальных по отношению к нему султанства (Шамшадильское, Казахское и Борчалинское). Западная Грузия состояла из царства Имеретии и княжеств Мегрелии, Сванетии, Гурии, Аджарии и Абхазии. Восточная часть Закавказья, населённая азербайджанским и армянским народами, состояла из нескольких ханств. Восточный Кавказ состоял из двух основных областей: Дагестана, бóльшую часть которого занимали аварская и лезгинская народности, и Чечни. Тут имелись феодальные владения, например шамхальство Тарковское, ханство Аварское и др. В то же время в Дагестане существовало 44 «вольных общества», в которых ещё были сильны патриархально-родовые отношения. Чечня являлась областью почти полного господства патриархально-родовых отношений. На Северном Кавказе наиболее многочисленными были кабардинцы, представлявшие собой часть адыгов (черкесов). К началу XIX в. Большая Кабарда была разделена между четырьмя княжескими фамилиями, а Малая — между тремя. Северо-Западный Кавказ, т. е. всё течение Кубани с её притоками и Черноморское побережье от устья Кубани до устья реки Шахе, был населён адыгами. В XVIII в. адыги переживали стадию разложения патриархально-родовых отношений и развития феодальных отношений.

Центральную часть Кавказа, к югу от Кабарды, занимали осетины; часть их, жившая в малодоступных горных ущельях, находилась на патриархально-родовой стадии развития,

у других же господствовали феодальные отношения. На стыке Восточной Грузии, Дагестана и ханств Восточного Закавказья лежал Джаро-Белоканский союз шести «вольных обществ», т. е. родоплеменных аварских и лезгинских общин, и султанство Илисуйское.

Таким образом, Кавказ к началу XIX в. был пёстрым конгломератом мелких и мельчайших феодальных и родовых объединений, находившихся в постоянной вражде между собой и сильно отставших в своём социальном развитии.

Социальный строй Западного Закавказья. Грузия. Сельское хозяйство Грузии в начале XIX в. стояло на низком уровне. Повсеместно господствовала переложная система, при которой земля эксплоатировалась до полного истощения; к удобрению земли прибегали редко; несовершенные земледельческие орудия требовали большого количества рабочих рук, а также скота и давали слабый производственный эффект. Обработка помещичьей земли велась силами крепостных крестьян и при помощи их орудий. Промышленность была в самой начальной стадии развития. В Тбилиси в конце XVIII в. находились пушечный, пороховой и стекольный заводы, типография и монетный двор, но это были незначительные предприятия. В Восточной Грузии количество населённых мест после иранского нашествия в 1795 г. сильно уменьшилось; из уцелевших селений около 100 принадлежало государству, 70 — грузинскому царскому дому, 90 — церкви и 190 — помещикам. Князья имели вассалов. Так, у князя Цицишвили было, например, 34 вассала, у князя Орбелиани — 28 Князья руководствовались местными феодальными законами. Царь был не в силах осуществить внутреннее объединение государства, его власть касалась лишь поверхностно-административной сферы. Держались ещё обычаи кровной мести, хотя феодальное законодательство стремилось заменить его штрафом за убийство. Жизнь человека расценивалась феодалами Грузии в соответствии с феодальной иерархией: штраф за убийство князя превышал штраф за убийство крестьянина более чем в сто раз.

Громадное большинство крестьян (глехов) Грузии были крепостными. Низшую группу крепостной массы составляли моджалабе — дворовые. Особое место среди крепостных крестьян Грузии занимали хизаны; это были безземельные крестьяне, которые с согласия помещика селились на его земле на основании устного с ним соглашения. Их положение было чрезвычайно тяжёлым. На крепостных крестьянах Грузии лежало свыше сотни различного рода повинностей в пользу феодала — натуральные оброки, разные виды барщины. Наряду с крепостными некоторую роль играли рабы, или холопы;

главным источником рабства были войны и набеги феодалов, а также покупка рабов на невольничьих рынках. Жизнь, личность и имущество крестьян были в полном распоряжении помещиков. Суд над крестьянами совершал помещик; в суде сохранялся ряд пережитков родового строя.

Такие же феодальные владения, как Восточная Грузия, представляли собой Имеретия, Абхазия и другие области Западного Закавказья. Помещики Имеретии почти не вели собственного хозяйства. В течение года они перекочёвывали с семьями и прислугой из деревни в деревню, со двора на двор по своим владениям, кормясь продуктами крестьянского хозяйства. Торг людьми был в Имеретии своего рода промыслом; крестьян нелегально продавали в рабство и порознь и целыми семьями как в соседние христианские владения, так и в мусульманские страны. Рабство занимало значительное место в социальном строе Имеретии, но оно не было основой производства — это было «домашнее рабство».

Абхазия к началу XIX в. была феодальным владением князей Шервашидзе, которые находились в вассальной зависимости от царей Имеретии. Власть князей Шервашидзе распространялась главным образом на приморскую часть Абхазии, в горных же районах, которые в значительной степени сохранили свою независимость, был ещё силен патриархально-родовой уклад. В горы часто бежали от феодального гнёта крестьяне приморской Абхазии. Формы и методы феодальной эксплоатации абхазских крестьян отличались некоторым своеобразием: значительная часть крестьян не была формально прикреплена к земле, и эксплоатация их прикрывалась всякого рода патриархальными традициями. Другая часть абхазских крестьян была на положении крепостных. Вместе с рабами они являлись по большей части домашней прислугой помещика, так как господская запашка в Абхазии была незначительна и не требовала большого количества рабочих рук. Хозяйство Абхазии к началу XIX в. сохраняло натуральный, замкнутый характер.

В первой половине XIX в. грузинская национальность ещё не оформилась в нацию. «Грузины дореформенных времён, — пишет товарищ Сталин, — жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную

сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздроблённости Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое» [1].

Социальный строй Восточного Закавказья. Армения. Азербайджан. В Армении и Азербайджане также преобладали феодальные отношения; лишь среди курдов Ереванского ханства и других кочевых племён остальных ханств ещё господствовал родовой строй. Ханства Восточного Закавказья частью были полунезависимыми государственными образованиями, частью находились в вассальной зависимости от Ирана (ханство Ереванское) и Грузии (ханство Ганджинское). Во второй половине XVIII в. ханства постоянно воевали друг с другом, и внутри них кипела непрекращающаяся война между феодальной знатью. Внешние и внутренние войны сопровождались большими разрушениями, уводом населения в плен, прекращением торговых связей. Больше всех страдало от этого крестьянство.

Верхушку феодального общества составляли владетельные ханы; ниже их стояли члены ханских домов, султаны, мелики, беки; звание бека не только переходило по наследству, но его мог получить и человек неродовитый в силу ханского пожалования. Землёй распоряжался местный владетельный хан. Существовало и частное землевладение феодалов. Ранее феодал получал от хана особый вид ленного владения («тийюль»), с населения которого он мог собирать определённый доход до тех пор, пока нёс службу хану. Продавать или дарить тийюль запрещалось, так как он являлся условным владением. С течением времени феодалы стали присваивать себе права собственности на полученные земли, и ханы стали указывать в жалованных грамотах, что феодалам передаются не только доходы с земли, но и самые земли. Существовали также «мюльки» — наследственные владения, которые или жаловались ханами, или приобретались покупкой; их можно было свободно продавать или передавать по наследству. Наряду с частными землями в ханствах имелись земли казны и церковные (вакуфы).

Крестьянство ханств Восточного Закавказья делилось на земледельцев и кочевников. Крестьяне-земледельцы уплачивали оброк продуктами или помещику, или казне (иногда и по-

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 2, стр. 295.

мещику и казне), в зависимости от характера земельного владения. Размеры налога колебались от одной десятой до одной пятой части валового урожая. Сборы за пастьбу скота на летних и зимних пастбищах уплачивались маслом, шёлком и т. п., в редких случаях деньгами. Крестьяне-кочевники платили феодалам подать скотом и несли военную повинность (служба в ханском войске).

В результате набегов и разорения, причинённого шахской Персией и султанской Турцией, городская жизнь в ханствах Восточного Закавказья в конце XVIII—начале XIX в. находилась в состоянии упадка: сократилась транзитная торговля, многие ранее значительные города превратились в небольшие местечки. Упадок переживали шелководство и добыча нефти (её добывалось меньше, чем в X в.).

Верховная власть в каждом ханстве принадлежала наследственному хану. Наряду со светской администрацией, ведавшей финансами, полицией и военными делами, существовала духовная, в руках которой были суд и дела религиозных учреждений. Суд производился по шариату, т. е. по правовым нормам ислама, но действовали и местные обычаи (адат) и узаконения местных ханов. Ханства делились на районы, которыми управляли назначенные ханом наибы или местные наследственные владетели — султаны, мелики.

Социальный строй Дагестана. Дагестан представлял собой пёструю картину социально-экономических укладов и был политически раздроблён. Но при всём этом многообразии его территория в основном могла быть разделена на две части. Первую составлял наиболее богатый приморский и Южный Дагестан, где преобладал развитый феодализм и была значительна роль торговли. Феодальная знать здешних владений (ханы, беки и пр.), образовавшая своеобразную феодальную иерархическую лестницу, сосредоточивала в своих руках владение землёй, рогатым скотом, овцами и лошадьми. Непосредственные производители состояли из узденей (крестьян), которые вели хозяйство на землях беков из разной доли урожая, райятов — крестьян, пожалованных ханом во владение беку или духовному лицу и лишённых права перехода из одного селения в другое, и кулов — рабов. Всё это население находилось в разных формах зависимости от феодалов, уплачивая им натуральную ренту хлебом или денежный налог и отправляя барщину или работая в качестве домашней прислуги. Главными занятиями населения были земледелие, садоводство, виноградарство, скотоводство.

Нагорный и Северный Дагестан жил ещё в значительной степени замкнутым, натуральным хозяйством, в основе которого лежало скотоводство. Земледелие стояло на очень

низком уровне. Главнейшими сельскохозяйственными культурами были просо, рожь и ячмень; пшеницу сеяли только в восточной части, и она не давала больших урожаев. Большая часть населения этих районов Дагестана не была обеспечена своим хлебом и выменивала его у соседей. «Вольные общества» этой части Дагестана переживали период перехода от патриархально-родовых отношений к феодальным. Ханов и других «владетелей» тут ещё не было совсем, и население делилось на духовенство, узденей и рабов. Уздени владели землёй и вели собственное хозяйство. Но часть узденей была уже экономически зависима от родовой знати и духовенства и выполняла по отношению к ним ряд натуральных повинностей. К началу XIX в. среди узденей выделилась зажиточная верхушка, которая, как и родовая знать, владела рабами. В рабов превращали военнопленных и детей, проданных бедняками-родителями.

В некоторых «обществах» было развито ремесло; выделывались бурки, ковры, «лезгинские» сукна, папахи, холодное и огнестрельное оружие, порох. Торговля была развита слабо. Горцы покупали у армянских торговцев, развозивших товары по аулам, бумажные, шерстяные и шёлковые ткани, соль, а продавали изделия своего ремесла, а также лошадей, овец, крупный рогатый скот, воск. Между собой горцы вели меновую торговлю.

Царизм в феодальных владениях Дагестана всеми мерами стремился установить связь с феодальными владетелями, поддерживая их стремления к дальнейшему закрепощению зависимого населения. Опираясь на эту поддержку, дагестанские феодалы ввели в начале XIX в. ряд новых повинностей и значительно расширили крепостническую эксплоатацию крестьянства. В тех частях Дагестана и Чечни, где феодализм был развит слабо или ещё совсем не успел развиться, царизм поддерживал в своих завоевательных целях образовавшуюся там в это время эксплоататорскую верхушку местных родов.

Таким образом, социальный строй отдельных районов Кавказа отличался большой разнообразностью. В целом Кавказ представлял собой картину довольно отсталой социальной жизни.

Грузия в составе царской России. Колониальная политика царизма. В первой половине XIX в. Грузия всё теснее связывалась с жизнью России. В этой укрепляющейся связи были свои положительные, прогрессивные стороны и тяжёлые отрицательные стороны, связанные с угнетением Грузии царизмом и тормозившие её развитие. Важно отметить, что Грузия была теперь ограждена от имевших место ранее постоянных нападений со стороны враждебных ей соседей. Ряд

исконных грузинских земель вернулся в состав Грузии в связи с успешными войнами, которые Россия вела против Турции и Ирана. Стали далёким воспоминанием прошлого те тяжёлые времена, когда грузинский крестьянин пахал землю вооружённым, а во время вражеских набегов должен был бросать несжатый урожай и оставлять имущество на разграбление врагу. Под властью России раздиравшие ранее страну феодальные усобицы стали невозможны, а феодальная раздроблённость сошла на-нет в силу условий русской административной централизации и постепенного образования в Закавказье общих рыночных связей. Усиливается торговля, заметно развиваются ремёсла. В 1814 г. было закончено строительство Военно-Грузинской дороги, и по ней началось регулярное сообщение, служившее не только военным целям, но и гражданскому населению и сыгравшее немалую роль в развитии экономических и культурных связей России с Закавказьем. В 1857 г. было учреждено Русское общество пароходства и торговли, в результате чего установились правильные рейсы между Одессой, Поти и Трапезундом.

О значении присоединения Грузии к России соратник товарища Сталина по революционной работе на Кавказе Л. Кецховели писал в 1901 г. в специальной статье, посвящённой столетию присоединения Грузии к России: «С этого времени жизнь Грузии пошла по новому руслу. Ограждённая от внешних врагов, она стала вдумываться в суть внутренней жизни и, отрезвлённая жизнью России, стала собирать свои гражданские силы. С этого дня Грузия стала зависимой от России как экономически, так и, ещё в большей мере, политически. Русские законы, русские обычаи, язык, торговля и промышленность волей-неволей пускали корни во вновь присоединённой стране» [1].

Однако под гнётом царизма, рассматривавшего Грузию как свою колонию, развитие производительных сил богатейшего края шло крайне замедленным темпом.

Система управления, установленная царизмом, взяточничество и произвол местной администрации, набиравшейся из отбросов русского чиновничества, волокита и крючкотворство царских судов, устранение из школы и суда грузинского языка — всё это тяжёлым гнётом ложилось на население Грузии. Для борьбы со злоупотреблениями администрации в Закавказье была создана должность прокурора; однако, по словам одного официального историка, «все прокуроры оказывались один хуже другого». Через 28 лет после присоединения Грузии фельдмаршал Паскевич писал императору Николаю:

[1] «Ладо Кецховели» Сборник материалов и документов, М. 1941, стр. 18—19.

«Наружный вид благоустройства только прикрывает беспорядки и злоупотребления весьма важные, давно уже укоренившиеся, к прекращению коих не было принимаемо доселе никаких со стороны губернского правительства мер... Народ с ужасом видел, что он в судах не находил защиты, а в начальстве покровительства, и, теряя доверенность к правительству, искал нередко удовлетворения самоуправством, а некоторые убегали в отчаянии за границу». К этому присоединялись обилие и тяжесть налогов, выкачивание из Грузии сырья для русской промышленности, ввоз русских промышленных товаров в Закавказье при искусственном задержании развития местной промышленности. Особенно тяжёлым было положение крестьянства; новые русские помещики в Грузии не уступали в эксплоатации крестьян помещикам грузинским. В 1807 г. было издано распоряжение, чтобы все гражданские дела между крепостными разбирались помещиком; жалобы крестьян на помещиков судами не принимались. Помещики продавали крестьян без земли и притом не только целыми семьями, но и поодиночке. Очень тяжелы были для крестьян постои войск, реквизиции продовольствия для войск по низким ценам, почтовая повинность, исполнение различных казённых работ.

Восстание в нагорной Грузии и Южной Осетии в 1804 г. Колониальный режим, установленный царизмом в Грузии, вызвал ряд восстаний. Сильно встревожило царскую администрацию крестьянское восстание, возникшее весной 1804 г. в Мтиулетии — горной области Восточной Грузии, в верховьях реки Арагвы. Восстание было вызвано непомерными поборами, производившимися войсками, проходившими по Военно-Грузинской дороге, бесчинствами земской полиции и издевательствами местного капитан-исправника, которого восставшие избили до смерти лопатами. По призыву мтиулетцев в восстании приняли участие тагаурцы (осетинское племя, обитавшее в ущелье около Ларса, запиравшего вход в Дарьяльское ущелье со стороны Владикавказа), а также пшавы, хевсуры, тушины. Отдельные отряды восставших достигали нескольких тысяч человек. Восставшие овладели многими пунктами на Военно-Грузинской дороге, уничтожили на ней мосты, захватили перевал через Главный хребет, устроив на нём редут и завалы, обложили Ананур и Ларс. Сообщение Северного Кавказа с Грузией было прервано.

Ведя борьбу с царскими войсками и чиновниками, восставшие обратили своё оружие и против грузинских феодалов — князей Эристави, которые стояли во главе милиции, посланной на усмирение восстания. Принадлежавшие князьям Эристави имения были разгромлены.

С большим трудом царским войскам при содействии части грузинских князей и дворян удалось осенью 1804 г. подавить восстание; много деревень было разорено и сожжено.

В октябре 1804 г. для наведения «порядка» на Военно-Грузинской дороге главнокомандующий в Грузии князь Цицианов предпринял карательную экспедицию, предавая огню все встречавшиеся на пути селения. Князь Цицианов — грузин по национальности — всецело предался царизму, стал его вернейшим сатрапом и осуществлял в Закавказье жесточайшую завоевательно-колониальную политику. «И сатрап царя-тирана, чтоб сжигать и вешать нас, Цицианов, князь грузинский, шёл с войсками на Кавказ», — так охарактеризован этот поработитель в стихотворном письме трудящихся Грузии к товарищу Сталину.

Дальнейшее распространение владычества царизма в Закавказье. Утвердившись в Восточной Грузии, царизм начал подчинять себе соседние области — Западную Грузию и ханства Восточного Закавказья, — чтобы получить выход к Чёрному и Каспийскому морям и, закрепившись там, повести наступление на горцев Главного Кавказского хребта.

Приступив к подчинению Закавказья, главнокомандующий князь Цицианов первые свои удары направил против Джаро-Белоканского союза «вольных обществ». Захват их был важен по стратегическим соображениям (через них шёл путь из Восточной Грузии в Дагестан) и для прекращения набегов лезгин на Восточную Грузию. После двух военных экспедиций (1803—1804 гг.) джаро-белоканские общества и соседнее с ними султанство Илисуйское признали над собой власть России.

Одновременно с экспедицией против Джаро-Белоканской области Цицианов повёл наступление против ганджинского хана. После месячной осады Ганджи Цицианов взял крепость штурмом (3 января 1804 г.). Хан и его сын были убиты во время штурма. Присоединённое к России Ганджинское ханство было превращено в Елизаветпольский округ. В 1805 г., после продолжительных переговоров, несмотря на противодействие Ирана, карабагский и шекинский (нухинский) ханы признали себя вассалами России. Это создавало для царизма важные стратегические преимущества, облегчающие наступление на другие ханства Восточного Закавказья и для борьбы с Ираном. Особенно большое значение в этом отношении имело занятие обширной крепости Шуши, в Карабагском ханстве, лежавшей всего в 80 верстах от совершенно открытой иранской границы.

Позже в областях Восточного Закавказья после их подчинения России неоднократно происходили восстания против царизма, подавлявшиеся вооружённой силой.

В декабре 1803 г. князь Мегрелии Григорий Дадиани просил о принятии Мегрелии в русское подданство и принёс присягу. Используя внутреннюю борьбу в Имеретии между князьями, Цицианов добился того, что царь Соломон принёс присягу и подписал «просительные пункты» о подданстве (1804 г.). За Соломоном был оставлен царский титул, но фактически Имеретия была обращена «в одну из провинций российских». Так как княжество Гурийское было вассалом Имеретии, то князь Цицианов письмом известил князя Гурии Мамия Гуриели, что и он теперь находится под покровительством царской России.

В последующие годы присоединение Абхазии дополнительно укрепило позиции России: вмешавшаяся в дела Абхазии Турция хотела устранить абхазского владетеля Шервашидзе за его отказ быть вассалом турецкого султана. В связи с этим русские войска в 1810 г. заняли Поти и Сухуми. Путь к Чёрному морю и его портам лежал через Имеретию. В марте 1810 г. царь Соломон был отстранён от власти, и в Имеретии было введено русское управление.

Присоединение Мегрелии, Имеретии и Гурии давало России выход к Чёрному морю, необходимый для развития торговли в Закавказье, передавало ей области, богатые прекрасным лесом, использовавшимся для постройки судов на Чёрном море, и укрепляло её позиции в Закавказье по отношению к Турции. Для Имеретии, Мегрелии и Гурии зависимость от России была наименьшим злом в такой же степени, как и для Восточной Грузии. Ряд существенных выгод от присоединения к России, отмеченных выше, был несомненен и для них.

В 1804 г. было предпринято покорение Ереванского ханства. 27-тысячная шахская армия была разбита и бежала. Цицианов начал блокаду Ереванской крепости. Однако, будучи окружён подошедшей к Еревану 40-тысячной армией и почти отрезан от Грузии (среди шахских отрядов действовал в это время грузинский царевич Александр), Цицианов должен был снять осаду крепости. В следующем году ему удалось овладеть Шурагельским султанатством, входившим в состав Ереванского ханства. Оно было ценно плодородными землями по реке Арпачаю.

В конце 1805 г. князь Цицианов предпринял поход против Бакинского ханства, овладение которым было важно и по экономическим и по политико-стратегическим соображениям: Бакинское ханство было богато солью и нефтью; овладение им давало России выход к Каспийскому морю, что было важно для дальнейшей борьбы с Ираном. Князь Цицианов двинулся к Баку через владения ширванского хана, чтобы заставить и его вступить в подданство России. Ширванский хан присягнул на

подданство на тех же условиях, что и ханы карабагский и шекинский. Размер его ежегодной дани был определён в 8 тыс. червонцев. Осадив Бакинскую крепость, князь Цицианов вступил с ханом в переговоры и добился его согласия на сдачу крепости. Но во время встречи с ханом для получения от него ключей от крепостных ворот в полуверсте от крепости Цицианов был убит выстрелом в затылок одним из приближённых хана. Отрубленная ударом сабли голова Цицианова была отослана в Тавриз к наследнику шаха.

Летом 1805 г. к Бакинскому ханству был двинут с Северного Кавказа отряд генерала Глазенапа. Без боя был занят Дербент, и население было приведено к присяге на «вечное подданство» царизму. Потом был занят город Баку, и ханство было превращено в провинцию. Вслед за этим город Куба и Кубинское ханство были также присоединены к России. Во главе этого ханства был поставлен регентский совет из знатнейших беков для управления «по прежним обычаям». В 1806 г. окончательно подчинились России шамхал тарковский и уцмий каракайтагский (в прибрежной полосе Дагестана).

Наступление царизма в Восточном Закавказье привело в 1811 г. к захвату Кюринского ханства. Остальные феодальные владения Восточного и Западного Закавказья несколько позже также были окончательно присоединены к России.

Русско-иранская (1805—1813 гг.) и русско-турецкая (1806—1812 гг.) войны. Окончательное присоединение Закавказья к России. Восстание 1810—1812 гг. Распространение владычества царизма на Восточную Грузию и ханства Восточного Закавказья вызвало объявление войны России Ираном и Турцией. Обе войны затянулись на много лет. За спиной иранского правительства действовала наполеоновская Франция, посылавшая в Иран своих инженеров и военных инструкторов. В шахской армии была проведена военная реформа, организован корпус «сарбазов» — регулярной пехоты, построен завод для литья пушек, укреплены крепости. Англия тоже вела в Иране политику против России: английское правительство обязалось уплачивать шаху ежегодную субсидию в 2 млн. руб.; английские инструкторы продолжали военные реформы в шахской армии, начатые французами: они ввели лёгкую кавалерию, закончили устройство пушечно-литейного завода и пр.; Англия в большом количестве ввозила в Иран оружие. Такую же поддержку Франция и Англия оказывали Турции.

В начале войны с Турцией русские войска потерпели ряд неудач (безуспешные штурмы Карса и Ахалкалаки). После поражения турок на реке Арпачае (18 июня 1807 г.) и заключения мира между Россией и Францией было заключено

перемирие также между Россией и Турцией. Однако турецкому главнокомандующему это стоило головы, и война возобновилась. Тайные обещания помощи со стороны Англии и Франции поддерживали агрессивность султанской Турции, и военные действия затянулись до 1812 г. В 1809—1810 гг. русскими войсками были заняты Анапа, а потом Поти и Сухуми, о чём уже упоминалось выше. Успехи на балканском театре войны привели к заключению Бухарестского мира (16 мая 1812 г.). Войну с Турцией царизм, как известно, спешил закончить и потому, что уже начиналась война 1812 г. с Францией. По Бухарестскому миру Россия закрепила за собой на Черноморском побережье Кавказа полосу от устья Бзыби до Риони протяжением около 200 километров, в силу чего Редут-Кале и Сухум-Кале (Сухуми) оказались русскими опорными базами; согласно мирному договору Турция вновь заняла Анапу; в то же время она не отказалась от притязаний на Западную Грузию. На европейском театре войны Турция, как известно, уступила России Бессарабию.

Важное объективно-историческое значение имели также русские победы в Иране.

После побед генерала Котляревского при Асландузе (18 и 20 октября 1812 г.) и взятия Ленкорани иранское правительство вынуждено было согласиться на мир, который был заключён 12 октября 1813 г. в Гюлистане. По Гюлистанскому трактату Иран признавал переход к России ханств Карабагского, Ганджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышского. Важное значение имела 5-я статья Гюлистанского трактата, по которой только России предоставлялось право держать военные суда на Каспийском море.

По договорам, заключённым царизмом с ханами карабагским, шекинским, ширванским и талышским, за ними номинально оставалась их прежняя власть и русское управление не вводилось (эти ханства были ликвидированы в 1819—1826 гг.). В остальных ханствах вводилось так называемое «комендантское управление»: ханства были переименованы в провинции, и во главе их поставлены коменданты из русских офицеров, которые пользовались теми же правами, что и прежние ханы, кроме права выносить смертные приговоры. В бывших ханствах установилась такая же система ограбления и угнетения населения, особенно крестьянства, как в Грузии, Имеретии и других областях Закавказья.

В ответ на тяжёлый колониальный режим царизма в Закавказье продолжали вспыхивать восстания. Некоторые восстания были возглавлены теми представителями феодальной знати, которые мечтали в собственных интересах воссоздать незави-

симые от России государственные объединения и с этой целью обманным образом пытались использовать крестьянское недовольство. Другие восстания были непосредственно вызваны колониальным гнётом царизма.

В 1810 г. восстание охватило Имеретию. Используя недовольство населения гнётом царизма, феодальная знать вела агитацию в пользу царя Соломона. Князья возглавили восстание; обманутое их агитацией крестьянство, охваченное ненавистью к представителям царизма, участвовало в организованных помещиками-феодалами ополчениях, но никакой самостоятельной роли в восстании не играло. Подавить восстание царизму удалось лишь осенью 1810 г. В 1811—1812 гг. большое восстание произошло в Кахетии. Оно было вызвано, с одной стороны, поборами и притеснениями местных помещиков и царских чиновников, с другой — тяжестью постоя войск, размещённых в селениях Кахетии в порядке репрессии за недоставку кахетинскими крестьянами провианта для царских войск. Поставка провианта была совершенно непосильна для крестьян Кахетии: в 1811 г. имел место сильный неурожай, хлеб значительно вздорожал, крестьяне питались кореньями и травами.

Жестокие реквизиции были последним толчком к восстанию. Оно охватило преимущественно Сигнахский и Телавский уезды, а затем перекинулось в Ананурский уезд (нагорная Грузия). Восставшие осадили крепости в Сигнахе и Телави; крепость в Телави была ими взята, а в Сигнахе были убиты комендант, много гражданских чиновников и солдат.

Подавленное в марте восстание в Кахетии вскоре вспыхнуло вновь; во главе князей и дворян стал царевич Александр, получавший субсидии от английского и иранского правительств; князья и дворяне пытались добиться уступок от царизма и вернуть себе прежнее привилегированное положение феодалов в Грузии. Восстание было подавлено в январе 1813 г.

После 1815 г. царское правительство перешло к систематическому завоеванию Северного Кавказа. Проводником этой политики был генерал А. П. Ермолов, выдвинувший план систематического завоевания Восточного и Северного Кавказа посредством приближения пограничной линии к горам и путём вытеснения населения из плодородной долины в горы. С этой целью он начал устройство «Сунженской линии» (по реке Сунже), организовал систему просек в лесах и проложил дороги. Многочисленные походы в горы сопровождались уничтожением целых аулов, истреблением населения, хлебов на корню, садов и скота. Ермолов основал на Северном Кавказе в качестве опорных пунктов против горцев ряд укреплений и

дал им характерные названия: Преградный стан, Неотступный стан, Злобный окоп, крепости Грозная, Бурная и пр. Одновременно с этим велась в широких размерах раздача казакам, их старшинам, а также чиновникам земель народов Северного Кавказа. Казакам давалось от 30 до 50 десятин на душу, старшинам — от 60 до100 десятин, офицерам — от 300 до 400 десятин. Продажа в рабство была запрещена Ермоловым под страхом смертной казни. Ермолов делал попытки урегулировать отношения между помещиками и крестьянами, развить шелководство, расширить сеть школ и улучшить в них преподавание. Война в Дагестане не прекращалась и при Ермолове.

Восстания в Имеретии и Юго-Осетии. В 1819—1820 гг. на почве церковной реформы началось восстание в Имеретии. После 1801 г. в целях дальнейшей руссификации Грузии и централизации всего аппарата управления было решено подчинить духовенство и все церковные имущества синоду и экзарху (глава православной церкви, назначенный в Грузию царским правительством). В то же время значительно сокращалось число церквей и количество священников и епископов; было проведено освобождение от крепостной зависимости княжеских и дворянских священников и их семей. Церковных дворян стали выселять на казённые земли. Эти мероприятия вызвали сопротивление епископов, князей и дворян, которые пытались найти поддержку у крестьян и стремились использовать их недовольство царскими чиновниками и местными управителями в своих собственных интересах. Движение было подавлено царскими войсками.

В 1820—1821 гг. поднялось восстание в Юго-Осетии. В целях насаждения православия среди осетин была учреждена духовная «осетинская миссия». Её глава архимандрит Досифей, желая поскорее добиться обращения в христианство возможно большего числа осетин, выдвинул демагогический проект: крепостным крестьянам-осетинам было обещано освобождение, если они примут крещение. После этого в течение полугода миссия окрестила более 14 тыс. горцев. Но главнокомандующий генерал Ртищев стал на сторону князей Эристави, недовольных указом 1814 г., и дело затянулось. Тем временем обманутые крестьяне перестали повиноваться помещикам. После отмены указа 1814 г. поднялось восстание осетин: отчаявшись в получении обещанного, они стали отказываться от новой веры, прогоняли православных священников, угоняли у помещиков скот. В феврале 1821 г. восстание было подавлено карательной экспедицией, которая сожгла и разорила много селений, отобрала у крестьян скот и зерно.

Таким образом, жестокие формы национального и колониального притеснения, ещё более усиленные реакцией эпохи Свя-

щенного союза, тяжело отразились на положении народов царской России.

Захват новых территорий и крепостническое хищничество (в порабощённых землях, превращённых в колонии), насильственное удержание и насаждение отсталых, крепостнических форм в колониях — всё это было характерно для политики царского правительства, крепостная хозяйственная база под которым уже давала трещины. Царское правительство пыталось насильственными методами крепостнического колониального грабежа и угнетения пополнить свои ресурсы и укрепить своё господство.

Горские народы и колониальная политика царизма. Успешное завершение русско-иранской (1826—1828 гг.) и русско-турецкой (1828—1829 гг.) войн дало возможность Российской империи укрепиться в Закавказье. Хотя Восточный и Северо-Западный Кавказ и считался формально уже завоёванным, но горское население фактически оказывало в этих местах сильное сопротивление политике царизма и было ещё не «замирено». Перед царизмом стояла задача окончательного покорения горских племён, территории которых клином врезывались между завоёванным Закавказьем и освоенными областями Северного Кавказа.

Горское население несло на себе тяжёлый колониальный гнёт царизма. Горцев выселяли из плодородных долин в горы; на лучших землях, отнятых у них, водворялись казачьи станицы — опорные пункты великодержавных устремлений царизма. В конце 20-х годов царизм развернул в широких масштабах военные действия против горцев. Вновь назначенному в 1827 г. главнокомандующему армией Паскевичу было дано царское указание «об усмирении навсегда горских народов».

В ответ на усиление натиска со стороны царизма, экономическое разорение и политическое унижение горцы в конце 20-х годов подняли борьбу за независимость, направленную против царизма и его лакеев — местных ханов. Освободительная борьба вскоре приняла массовый, народный характер. Тот факт, что эта борьба проходила под религиозным флагом разновидности ислама — мюридизма, объясняется крайней отсталостью общественной жизни народов Кавказа.

Мюридизм. Ислам появился на Кавказе ещё со времени арабского завоевания (VII в. н. э.), но распространялся медленно; глубоко в горы он проник лишь в XVIII в. Мусульманский аскетизм, известный вообще на Востоке очень давно и проникший на Кавказ около XV в., организационно оформлялся в дервишских орденах — отдалённом подобии монашеских. Учение одного из этих орденов, широко известное в Средней и Передней Азии, распространилось под названием

тариката («тарикат» — значит «путь», подразумевается: путь к спасению). Последователи тариката, «мюриды» (правильнее — «муриды»), были обязаны беспрекословно повиноваться воле своего учителя. Это оказалось очень важным для первоначального организационного оформления крестьянского узденческого движения. Последнее получило в русской литературе название мюридизма.

Первым учителем тариката в Дагестане стал около 1823 г. мулла Мухаммед (или Курали-Магома). Его учение было реформировано около 1827 г. известным уже тогда крестьянским проповедником Гази-Мухаммедом, который придал тарикату политическую заострённость и выдвинул на первый план идею «газавата» — «священной войны» — против немусульман (к последним он причислял не только завоевателей, но и горских феодалов).

В конце 20-х годов ученик Курали-Магомы, Гази-Мухаммед, резче, чем его учитель, поставил вопрос о необходимости усиления борьбы против завоевательной политики царизма: он стал проповедывать прекращение вражды между отдельными племенами и даже пытался искоренением кровной мести связать воедино горские племена для борьбы с царизмом. Гази-Мухаммед неоднократно подчёркивал в своих проповедях необходимость связать мюридизм с подготовкой войны за независимость (газаватом). «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой, — писал Ленин, — есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России» [1].

Начало газавата. Гази-Мухаммед в сравнительно короткий срок сплотил вокруг своих лозунгов значительную часть мужского горского населения — мюридов, воинов, — и в 1830—1832 гг. осуществил ряд успешных военных операций. В ходе борьбы он пытался создать элементы государственного строя; при поддержке джамаатов (аульских сходов) и многочисленных отрядов мюридов он стал «имамом», т. е. военным, духовным и гражданским правителем горских народов. В 1832 г. Гази-Мухаммед погиб с оружием в руках при защите родного аула — крепости Гимры от окруживших его царских войск. Вместо него на собрании мюридов, старшин и духовенства Дагестана имамом был избран Гамзат-бек. Последний пытался вести переговоры с аварскими ханами о совместных действиях против царизма, но во время этих переговоров крестьяне из его отряда в отсутствие имама истребили ханов. Хунзах был занят мюридами, а аварская ханша Паху-Бике казнена. Во время исполнения молитвенных обрядов в Хунзах-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 223.

ской мечети Гамзат-бек был вероломно убит главными заговорщиками — Хаджи-Муратом и Османом, а мечеть была подожжена. Русские генералы тем временем закрепили своё положение в Аварии, где их ставленник Хаджи-Мурат проводил старую политику аварских ханов, ведя борьбу с мюридами.

Шамиль. После гибели Гамзат-бека его преемник Шамиль собрал вокруг себя мюридов и поклялся вместе с ними вести борьбу с Хаджи-Муратом и русскими генералами. В 1834 г. на многочисленном собрании мусульманских учёных, старейшин и почётных людей узденчества Шамиль был избран имамом.

Шамиль родился около 1801—1802 гг. в семье аварского горца-узденя. Он рос вместе с Гази-Мухаммедом, дружба с которым имела большое значение для развития Шамиля. Шамиль был самым выдающимся правителем горцев, смелым и мужественным военным руководителем, замечательным воином и законодателем, человеком железной воли, обладавшим обширным умом и предприимчивостью, проницательным вождём партизанской войны. Секретарь Шамиля Хаджи-Али так характеризовал его: «Шамиль был человек учёный, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, борец, бегун, одним словом, никто ни в чём не мог состязаться с ним. Он хорошо изучил народ и землю Дагестана в то время, как находился при Гамзат-беке. Он был способен на всё, что бы ни задумал предпринять». Хаджи-Али отметил, что, «прекратив междоусобные брани и родовые неприязни, Шамиль слил общества в один народ, готовый исполнять его приказания». Преданность Шамилю была так велика, что горцы «по приказанию его жертвовали жизнью и сражались против своих отцов, братьев и детей». Шамиль был имамом в течение 25 лет.

В 30-х годах по Закавказью прокатилась волна крестьянского движения. 1837 год в Армении ознаменовался крупным восстанием крестьян в районе озера Севан. Повстанцы требовали уменьшения податей и удаления меликов. В том же году вспыхнуло широкое движение под лозунгами мюридизма в районе города Кубы; поводом к нему послужило объявление сбора всадников для конного мусульманского полка, находившегося в Варшаве. Предательство беков облегчило подавление бунта военной силой. Шамиль, зажатый в тисках царских войск, не смог оказать своевременной помощи повстанцам.

Шамиль поднял на борьбу против царизма «вольные общества» горских народов Северо-Восточного Кавказа. Он прибегал даже к полному разгрому аулов, население которых отказывалось вести священную войну. К концу 30-х годов Шамиль со своими отрядами обосновался в сильно укреплённом

пункте Ахульго, в нагорном Дагестане — местности, прекрасно защищённой природой. Системой укреплений, созданных с помощью беглецов из русской армии, Ахульго был превращён в неприступный замок. Прочность и неприступность Ахульго не раз были испытаны царскими войсками — взять его им никак не удавалось. Русские генералы обратились с мирными предложениями к «правителю горного царства» Шамилю, но тот ответил отказом. Тогда вокруг Ахульго были сосредоточены многочисленные войска, а в 1839 г. его подвергли осаде и сильному артиллерийскому обстрелу. Шамиль потерял почти всех своих мюридов. Кровавый штурм Ахульго стоил царским войскам тысячных потерь. Прекрасно зная местность, Шамиль сумел ускользнуть из кольца вражеского окружения. Об его неуловимости складывались народные легенды, в которых он воспевался как «гроза» царских генералов и защитник узденей. Уходом Шамиля из Ахульго закончился первоначальный период борьбы горцев за независимость. К этому времени борьба оформилась как широкое народное движение, основную силу которого составляли уздени.

В августе 1839 г. Шамиль удалился в горные районы завоёванной царизмом Чечни, находившейся под гнётом русского владычества. Произвол хозяйничавшего там авантюриста генерала Пулло довёл горцев до разорения. Горское население было обложено ежегодным налогом в 20 тыс. руб. серебром. Значительная часть аулов была совершенно разрушена. У горцев отбирали оружие. Всё это вызывало со стороны горских племён непрерывные стихийные выступления. Иногда в течение года население одних и тех же аулов выступало по нескольку раз. Но более или менее развитой политической программы это движение не имело, в нём было слишком много отсталого и реакционного. Чечня первой изменила Шамилю.

«Блистательная эпоха» Шамиля (1840—1847 гг.). Около Шамиля в 1840 г. сгруппировались многочисленные свежие отряды мюридов. Начался новый подъём газавата. Царские генералы потеряли время и выпустили инициативу из своих рук. Это создавало благоприятные условия для военных успехов Шамиля. Период с 1840 по 1847 г. явился высшим подъёмом движения, «блистательной эпохой» Шамиля (выражение Н. Г. Чернышевского). После сдачи Ахульго Шамиль убедился, что без сильной военной и государственной организации, без системы военных укреплений и одной только обороной против врага нельзя отстоять независимость. С конца 30-х годов он развернул на занятой им территории лихорадочную деятельность по созданию военных укреплений и организации военных отрядов из наиболее преданных мюридов. Шамиль оттеснил царские войска и занял значительную часть

территории Чечни. К 1840 г. ему удалось овладеть ещё частью «вольных обществ» Дагестана. Имя имама опять гремело по Кавказу. С 1840 по 1846 г. он одерживал одну победу за другой. В частности именно к этому времени (1840 г.) относится кровопролитный бой у правого притока Сунжи — речки Вайрик (Валерик), описанный Лермонтовым, участником боя. В 1840 г. к Шамилю вынужден был примкнуть даже его враг — лично ущемлённый царизмом Хаджи-Мурат. В 1842 г. потерпел неудачу ичкеринский поход Граббе; в 1845 г. та же судьба постигла экспедицию Воронцова. Шамилю удалось нанести царской армии ряд крупных поражений. Значительная часть русских военных укреплений была разрушена. Особенно неудачна была экспедиция в гористую лесную Ичкерию. Части царской армии были разобщены партизанскими налётами горцев. В больших размерах доставались мюридам вооружение, обмундирование, припасы. Царские генералы были обескуражены победами Шамиля.

В то же время значительная часть Закавказья, особенно Грузия, была охвачена крестьянскими восстаниями. Это обстоятельство также способствовало борьбе горцев против царизма.

Чтобы ослабить Россию, Англия и Франция, преследуя свои узко корыстные, захватнические цели, снабжали горцев, как уже упоминалось выше, оружием и другими боевыми припасами через побережье Чёрного моря, но количество этого вооружения всё же было незначительно. Горцы преимущественно пользовались ружьями и холодным оружием, которое выделывалось в их собственных аулах. Англия высаживала на Черноморское побережье вооружённые отряды, надеясь распространить сюда своё господство. Английские и французские шпионы тщательно изучали Черноморское побережье. Но англо-французское вмешательство не имело непосредственного значения для борьбы горцев — им самим приходилось в неравной борьбе отстаивать свою независимость, и своими успехами они были обязаны лишь себе. Англия преследовала на Кавказе свои узко эгоистические колонизаторские цели и вовсе не была озабочена поддержкой горцев в их борьбе за независимость.

Горцы прекрасно маскировались в гористой местности: казалось, в русские войска стреляли сами деревья и скалы. Горцы искусно пользовались завалами, нагромождая высоким заслоном срубленные деревья и стреляя из-за них (эти военные приёмы горцев прекрасно описаны Лермонтовым в стихотворении «Валерик»). Завалы сильно задерживали продвижение противника, и горцы выигрывали время, ловко перебегая от завала к завалу. Успехи горцев Энгельс объяснял

«наступательной тактикой, которой они по преимуществу держались при обороне своей территории. Всякий раз как русские войска, которые наряду с британскими менее всего пригодны для ведения горной войны, нападали на кавказцев, последние терпели поражение, их деревни подвергались разрушению, и русские закрепляли за собой горные перевалы при помощи сторожевых фортов. Сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах против передвигающихся русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики» [1].

Шамиль в 1840—1841 гг. овладел сравнительно обширной территорией Чечни и Нагорного Дагестана; его влияние распространялось даже на Кабарду. Он располагал несколькими десятками тысяч воинов-мюридов, которые укрепились в прочно защищённых пунктах и пользовались сочувствием населения. Главные военные силы Шамиля формировались из узденей Чечни и Нагорного Дагестана, на Западном же Кавказе отряды восставших формировались из ещё не закрепощённых крестьян — тльфокотлей.

Широкие слои народа поддерживали Шамиля во имя борьбы за независимость, но богатые наибы, духовенство, торговцы участвовали в мюридском движении лишь до поры до времени; они больше всего заботились о своекорыстных интересах. Наиболее рельефно это выразилось на примере поведения чеченских наибов, которые, разбогатев на войне, раньше всех изменили Шамилю и перешли на сторону царизма.

Государственная система имамата Шамиля. Успехи движения мюридов в середине 40-х годов следует в значительной степени отнести за счёт организации государственной системы Шамиля —имамата. Имамат имел ярко выраженные военные черты.

В соответствии с военными задачами Шамиль разделил всю подвластную ему территорию на области — «наибства» — во главе с назначенными имамом наместниками — «наибами». Количество наибов сильно колебалось, доходя в 50-х годах до 32. Все наибы располагали одинаковой властью и должны были управлять согласно указаниям имама. Над группами наибов Шамиль ставил своих близких помощников — мюридов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 177.

В распоряжении каждого наиба имелся аппарат судей, алимов (мусульманских учёных), духовенства и воинов, через которых он проводил в жизнь повеления имама. Судьи обязаны были «поддерживать порядок», разбирать ссоры, судить преступников, опубликовывать в своих аулах воззвания и приказы имама. Разбор судебных дел вёлся по шариату, т. е. на основании мусульманского религиозного права, реформированного Шамилем и его законоведами в соответствии с военно-политическими задачами имамата. Обязанности наибов были определены в особом законе — «низаме». Каждый наиб согласно этому закону должен был строго и добросовестно наблюдать за непрерывным исполнением шариата, уничтожать существующие между различными племенами раздоры, согласовывать их различные выгоды, устранять между ними враждебные столкновения и в особенности «кровное мщение».

Шамиль управлял государством из своей главной резиденции, которая находилась в хорошо укреплённой местности — ауле Дарго, а после 1845 г. — в Ведено. Дом Шамиля представлял собой укреплённый замок с многочисленными пристройками, расположенными в обширной долине, и охранялся особой стражей из отборного преданного ему войска. Каждый аул считал своим долгом выделить для стражи Шамиля лучших храбрецов. В доме имама происходили заседания наибов, на которых обсуждались вопросы ведения войны, слушались доклады наибов. Шамиль сам вёл разбор судебных дел и принимал жалобы, а секретарь записывал его приказы, составленные при участии советников.

Сложные вопросы управления государством решались на общем совете; имам излагал тут только сущность дела и высказывал своё мнение, члены же главного совета могли одобрить или опровергнуть его мнение. Слово имама было решающим только в отношении военно-тактических операций. Рассмотрение дел на главном совете производилось по определённому расписанию. На заседании совета выносились окончательные решения и определялись меры к их немедленному исполнению. В чрезвычайных случаях Шамиль созывал съезды наибов, на которых большей частью обсуждались военные вопросы. Главным вопросом на съездах была борьба с царизмом и укрепление вооружённых сил мюридов. Важную роль сыграл съезд в Анди (обычно относимый к 1847 г., но, по последним исследованиям, имевший место не позже 1845 г.), на котором Шамиль решил проверить, насколько его наибы и народ «готовы повиноваться и быть способными к обороне». Собрание единогласно обещало беспрекословно исполнять волю Шамиля. На этом съезде Шамиль дал письменный наказ, в котором были определены «общие и постоянные обязанности всех,

а также ответственность за нарушение их». На съезде обсуждался и вопрос о злоупотреблениях наибов и их растущем обогащении; было решено, что наибы не должны «покупать дорогих имений», «оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукой [помощью] один другого, чтобы взвешивать все поступки свои на весах шариата, и не итти путём эмиров, тиранов».

Шамиль организовал многочисленную армию. В его «низаме» были разработаны правила комплектования военных отрядов. Каждый наиб имел в своём распоряжении свыше 300 человек конницы, которая набиралась от каждого селения по одному конному воину с десяти дворов. Выбор конного предоставлялся хозяевам дворов, содержание его лежало на остальных девяти дворах. Это было одной из тяжёлых повинностей узденей, ложившейся преимущественно на плечи широких масс узденчества. Кроме постоянной армии в распоряжении наибов было ещё ополчение, в состав которого входили все жители аулов в возрасте от 15 до 50 лет. Они обязаны были упражняться в ружейной стрельбе и достичь искусства в верховой езде. Главная масса армии Шамиля состояла из ополчения. Командный состав армии — наибы, пятисотенники, сотенники, десятники — подчинялся Шамилю. Наибольших размеров военные силы мюридов достигли в 40-х годах (30—40 тыс. пеших и конных бойцов).

Шамиль награждал воинов знаками отличия и чинами. Наградой служили также оружие, лошади, бараны, различные вещи и деньги. За трусость Шамиль приказывал нашивать позорные знаки (правую руку обшивали войлоком и т. п.), которые снимались при первом проявлении храбрости. За трусость также сажали в яму, при попытке к бегству заковывали в кандалы.

Шамиль имел даже небольшую артиллерию. Горцы высоко ценили пушку и называли её «тысяча воинов». Им даже удалось наладить литьё собственных пушек. Впрочем, качество пушек было очень низкое: из 40—50 отлитых пушек годными были 12—14. Употреблялись и гранаты, захваченные у русских; пули в значительной части изготовлялись самими горцами из меди с примесью олова. Шамиль организовал производство пороха в отдельных аулах и даже выстроил для этой цели специальный завод в Ведено. Холодное оружие поставляли аулы Чечни и Дагестана; там изготовлялись даже пистолеты. Часть оружия покупалась в Турции и Крыму. В военном деле горцам много помогали беглые солдаты русской армии; они пользовались у Шамиля особыми привилегиями.

Шамиль провёл в своём военном государстве ряд серьёзных социальных преобразований. Важнейшими из них были:

уничтожение целого ряда исконных привилегий ханов и беков, отмена административной и судебной власти феодалов, ликвидация права феодалов налагать повинности на население. Всё это, несомненно, облегчило положение узденей. Кроме того, Шамиль провёл освобождение рабов, но не всех, а лишь поселённых целыми деревнями.

С ханами и беками Шамиль вёл смертельную борьбу, особенно с теми, которые прислуживались к русскому царизму. Во время борьбы горцев за независимость под руководством Шамиля были разгромлены ханские дворцы в Аварии, Кази-Кумухе и шамхальстве Тарковском, где Шамиль отменил все ханские привилегии. В некоторых районах, где господствовали феодальные отношения, Шамиль также ликвидировал зависимость узденей от феодалов и освободил рабов. Освобождённые рабы были обложены такой же общественной податью, какую платило местное население.

Шамилю удалось создать в имамате единую государственную казну. Все племена горцев, участвовавших в движении, обязывались вносить туда десятую часть своих доходов — «зякят». Был введён правильный сбор податей. Шамиль резко ограничил доходы духовенства; земли мечетей перешли в собственность государства, духовенство стало получать определённый оклад. Главными статьями прихода в государственной казне Шамиля являлся кроме упомянутого зякята ещё «харадж» (подать с горных пастбищ и некоторых селений, которые раньше платили эту подать ханам; с каждой сотни овец взималась одна овца). Пятая часть военной добычи — «хумс» — отдавалась Шамилю и также поступала в казну. Все денежные взносы поставлялись прямо казначею Шамиля, а хлебный сбор оставался в ведении наибов и расходовался по распоряжению имама.

Несмотря на военную обстановку, Шамиль всячески поощрял торговлю между горцами. Торговые люди пользовались большим почётом; некоторых купцов Шамиль ссужал деньгами из общей казны. Он поощрял и внешние торговые сношения: купцы, привозившие товары на территорию имамата, пользовались льготами. Но Шамиль боролся с «порчей нравов», вызываемой богатством: он запретил разработку серебряных руд из опасения, что народ увлечётся этим делом и забросит защиту края и хлебопашество. Шамиль считал, что спартанский образ жизни горцев, связанный с религиозными правилами мюридов, обеспечит поддержание воинской дисциплины. За употребление табака и вина, за танцы и песни мюридов подвергали строжайшим наказаниям.

Строго требуя соблюдения шариата, Шамиль боролся против пёстрого местного права — адата, стремясь ввести

единые правовые нормы, преодолеть племенную и родовую обособленность.

Шамиль содействовал развитию ремесла. Перед его замком был специальный аул, в котором жили ремесленники — кузнецы, оружейники, плотники.

Для осуществления своих преобразований Шамиль мечтал «окружить себя людьми умными, знакомыми с наукой и искусством». Он интересовался европейской жизнью, проявлял большой интерес к техническим вопросам. Его интересовали пароходы, паровозы, бинокли, винтовые лестницы и т. п.

Поражение Шамиля. Государственная система Шамиля оказала значительное содействие успехам горцев в борьбе за независимость, особенно в период наивысшего её подъёма. Но в конце 40-х годов в имамате стали замечаться признаки разложения: в полупатриархальной демократии Шамиля появилась тенденция к возобновлению феодальных форм.

Наибы стали проявлять стремление к восстановлению феодальной эксплоатации, сосредоточив за время войны в своих руках большие состояния, имения и хлебные запасы; это особо ярко выразилось у чеченских наибов Подавляющее большинство наибов происходило из среды зажиточных и состоятельных узденей, что накладывало отпечаток на их политику. Духовный, гражданский и военный аппарат в каждом наибстве формировался из родовой знати, духовенства, именитых узденей, старшин. Обогатившееся «именитое узденчество» пыталось стать в центре государственной системы Шамиля. Многие наибы Шамиля перестали проводить в жизнь его указания, брали взятки, грабили население. Народ стал восставать против наибов. Усилившись экономически, наибы пытались закрепить за собой богатство, вступали в тайные сношения с русским царизмом, выговаривая при этом себе сохранение привилегированного положения, провоцировали народ, распространяя ложные слухи о Шамиле. Часть наибов изменила Шамилю и перешла на сторону русского царизма. Сын Шамиля Гази-Мухаммед в 1847 г. был избран совещанием дагестанских алимов наследником имама, — таким образом, в прежде выборную власть имама был привнесён элемент наследственности. Все доходы с полей и покосов подчинённых Гази-Мухаммеду наибств не поступали в общественную казну, а оставались в его личном распоряжении. Имели место и земельные пожалования.

Полное истощение экономических и военных сил имамата Шамиля, а также явная измена значительной части наибов привели к резкому ослаблению сопротивляемости мюридов военному натиску царизма. Связи с борьбой демократических сил России у горцев не было. Царизм воспользовался ослаблением

Шамиля. Усиленная численно и перевооружённая нарезным оружием царская армия перешла в наступление. Русское командование прибегло к «системе просек», вырубая их на расстоянии выстрела и лишая горцев естественной защиты лесов.

В то же время на Западном Кавказе мюриды, воспользовавшись ослаблением царской армии в связи с переброской её сил на восток, вели упорную борьбу. Шамиль не раз пытался прорваться на запад и даже предпринял с этой целью ряд вторжений в Кахетию и Кабарду. Но все эти экспедиции были малоуспешны. Летом 1848 г. сдался важнейший Гергебильский аул. «Наибы пали духом. Их энтузиазм погас, их энергия и воля парализовались. Они впали в малодушие и отчаяние», — писал историк имамата Мухаммед-Тагир. Обострялась внутренняя борьба и в самом мюридском лагере. Царизм деятельно проводил политику подкупа наибов и старшин. Вскоре на его сторону открыто перешёл Хаджи-Мурат. Султан Илисуйский повёл энергичную агитацию против Шамиля. Мюриды ослабевали. Шамиль напрягал последние силы, но успех уже изменил ему. Русские генералы через своих лазутчиков были в курсе всех событий в лагере Шамиля. Против малочисленных и истощённых до крайности мюридов были посланы свежие силы и подкрепления. После окончания Крымской войны стало возможным перебросить на Кавказ новые силы. Наиболее крупные военные отряды Шамиля были окружены со всех сторон железным кольцом войск под командованием Барятинского. В течение 1858 и начала 1859 г. (до мая) войска под командованием генерала Евдокимова овладели Чечнёй — самым богатым сельскохозяйственным районом, житницей государства Шамиля. Резиденция Шамиля Ведено была взята штурмом 1 апреля 1859 г. С небольшой группой мюридов Шамиль в последний раз отступил в Анди, откуда перешёл в Гуниб, расположенный на высокой горе и хорошо укреплённый. Блокада Гуниба длилась с 10 по 25 августа 1859 г. Шамиль с 300 мюридов и одной пушкой отбивался от многотысячной хорошо вооружённой армии. 25 августа 1859 г. Гуниб был взят. Шамиль был захвачен в плен и отправлен в Петербург, а оттуда в Калугу, где и прожил до 1869 г. В 1870 г. он с разрешения царя отправился на поклонение в Мекку, где через год умер от открывшихся многочисленных ран.

Пленением Шамиля закончилось завоевание восточной части Кавказа.

Крестьянские волнения в Гурии в 1841 г. Одновременно с борьбой горских народов за независимость развивалось массовое движение и в Грузии. Как раз в период блистательных успехов Шамиля, в 1841 г., произошли волнения среди гурий-

ского крестьянства — крупнейшее событие в истории крестьянского движения в Грузии в первой половине XIX в.

Волнения 1841 г. в Гурии были вызваны колониальным гнётом царизма и собственных помещиков. Гнёт крепостных отношений был очень тяжёл. Крепостной гуриец находился в полной зависимости от помещика. 63,3% всех гурийских крестьян были крепостными, в то время как в Тифлисской губернии их было лишь 22%. Поводом к волнениям явился новый закон о сборе денежных земских повинностей.

Гурия дольше других районов Грузии сохраняла некоторую административную самостоятельность и лишь 10 апреля 1840 г. была превращена в уезд Грузино-Имеретинской губернии. В силу этого водворившиеся в крае царские чиновники приступили с 1841 г. к обычному взиманию подушных податей, заменив единым денежным налогом прежние повинности. Это значительно ухудшило положение гурийского крестьянства, и без того страдавшего от усилившегося гнёта повинностей в пользу помещика.

С начала 1841 г. в Гурии шло глухое брожение, в котором были заметны элементы подготовки «бунта». Собирались тайные крестьянские собрания, составлялись жалобы на власть, распространялись «возмутительные письма». Волнения начались 22 мая 1841 г. и к августу охватили уже всю Гурию. Власть царской администрации была свергнута; управление Гурией оказалось в руках восставших, началась расправа с помещиками. Вооружённый отряд мегрельского князя Дадиани, спешивший к административному центру Гурии Озургети на помощь русским властям, восставшими гурийцами был отброшен назад. По подсчёту царской администрации, в отрядах восставших насчитывалось свыше 7 тыс. человек. Восстание распространилось и на Имеретию. Обеспокоенный Николай I предписал: «Принять неукоснительно самые решительные меры к усмирению возмутившихся». К началу сентября в Гурии было стянуто около 4 тыс. царских войск при 10 пушках. Ловкий манёвр командующего войсками Аргутинского-Долгорукова, обошедшего восставших с тыла и внезапно появившегося у Озургети, обеспечил царским войскам быстрый успех. Местное дворянство оказывало к тому же всяческую помощь царизму. Восстание было жестоко подавлено. Главари восстания скрылись в Турцию, 50 человек были преданы военному суду. Карательные отряды вели расправу по деревням. Крестьянам предписывалось уплатить в трёхдневный срок все недоимки, внести очередные налоги и восстановить за свой счёт многочисленные разрушенные во время восстания здания, дороги и мосты.

Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость. После победы над Шамилем царизм направил главное своё внимание на «замирение» Северо-Западного Кавказа.

В период блистательных успехов Шамиля адыгейские племена Западного Кавказа отстаивали свою независимость. Они умело использовали трудности, с которыми встречалась царская армия на горном, непривычном для неё театре военных действий. Царская армия на Западном Кавказе была в исключительно неблагоприятных условиях: с моря ей угрожали нападения контрабандных судов Англии и Франции, с гор грозили внезапные нападения адыгейских племён. Из-за стен укрепления нельзя было показаться, не рискуя получить пулю. Рубка дров, пастьба скота, кошение сена, возделывание огородов, рытьё могил — «всё оплачивалось кровью». Снабжение гарнизонов было поставлено из рук вон плохо. Всё необходимое продовольствие и оружие получалось морем, и для этой цели было всего-навсего девять азовских баркасов. В фортах черноморской береговой линии свирепствовали малярия и тиф, смертность достигала катастрофических размеров. Свежие пополнения армии были недостаточны даже для того, чтобы возместить потери солдат, умерших от болезней.

В 1840 г. горцы овладели несколькими крепостями и фортами. 2 апреля 1840 г. неожиданно для царского командования пал форт Николаевский. И без того слабо укреплённая черноморская линия оказалась обнажённой. Облегчилось снабжение горцев оружием, порохом и железом благодаря английской контрабандной торговле на Кавказском побережье. 1840 год был временем торжества горцев в борьбе с царизмом. Шамиль пытался воспользоваться этим обстоятельством и послал на Западный Кавказ своего агента Сулеймана-Эффенди, но его подкупили. Шамиль всё же не оставил планов распространить своё влияние на Западный Кавказ; для этой цели он избрал одного из своих выдающихся сподвижников — Мухаммеда-Эмина.

Мухаммед-Эмин — руководитель борьбы адыгов за независимость. Мухаммед-Эмин родился в 1818 г. в Дагестане. Изучая в отрочестве коран и скитаясь в поисках учителей, он хорошо познакомился с Кавказом и Малой Азией. В 1836 г. он поступил в число мюридов Шамиля и позже был назначен наибом Закубанского края (на Западном Кавказе). Прибыв туда, он ревностно проводил среди адыгейских племён проповедь газавата. Эта проповедь нашла благоприятную почву: большинство населения здесь также было разорено и порабощено царизмом и встало под знамёна священной войны. Среди этих многочисленных племён Западного Кавказа, слабо связанных между собой, Мухаммед-Эмин сумел создать центра-

лизованную государственную систему, во многом напоминавшую имамат Шамиля. В управлении разрозненными адыгейскими племенами Мухаммед-Эмин опирался на военные отряды. Его армия была организована по типу армии Шамиля.

Возглавляемые Мухаммед-Эмином горцы вели упорную борьбу с царизмом: в течение одного 1849 г. они произвели 101 вторжение на занятую русскими войсками территорию. Во время Крымской войны русские войска под их натиском вынуждены были оставить все военные укрепления черноморской линии. Для дальнейшего укрепления своего положения Мухаммед-Эмин учредил «народные собрания» с военными функциями; разделил подвластное ему население на общины (по 100 дворов) под управлением избранных старшин; образовал 4 округа, в которых создал центральные управления в составе 1 муфтия и 3 кадиев; муфтий был начальником округа, а кадии составляли его совет; в их руках соединялась административная и судебная власть, они располагали конной стражей из всадников, выставленных народом. В каждом округе находились мечеть, судилище, духовное училище, яма для заключения преступников, помещение для правителей, судей и воинов, провиантский магазин и конюшня.

Местное население было обязано платить натуральную подать, состоявшую из баранов, хлеба и сена. Регулярно взыскивалась положенная шариатом духовная подать с мечетей для поддержания газавата. Мухаммед-Эмин, как и Шамиль, поощрял торговлю. Он действовал строго и непреклонно: лазутчиков лишали жизни, ворам отсекали руки, ослушников воли наиба, противников мюридизма и приверженцев царизма сажали в ямы без всякого снисхождения к летам и почётному положению в обществе.

За Мухаммед-Эмина стояли тльфокотли — свободные поселяне; более же всех поддерживали его рабы, ожидавшие освобождения.

Мухаммед-Эмин нанёс сильные удары адыгейскому дворянству. Борясь с местными феодалами, он ставил своей целью соединить все закубанские племена в одно целое. Будучи наибом Шамиля на Западном Кавказе, он фактически являлся имамом, предводителем адыгейских племён на всём протяжении от Кубани до Абхазии. Он несколько раз пытался пробиться через русские кордоны, чтобы соединиться с Шамилем, но безуспешно. До тех пор, пока держался Шамиль, Мухаммед-Эмин одерживал победы, но после пленения Шамиля царские войска кольцом окружили Мухаммед-Эмина, и вскоре он вынужден был сдаться (в ноябре 1859 г.). Но и после этого Кавказская война ещё не была закончена: разрозненные горские племена вели в течение почти пяти лет упорную борьбу с русским ца-

ризмом, оказывая ему сопротивление. После 1859 г. против горцев были сосредоточены значительные военные силы, и в начале 60-х годов покорение Западного Кавказа было закончено. 1864 год принято считать датой окончания Кавказской войны.

Укрепляясь на Кавказе, царизм прибегал к жесточайшим мерам — выселял горское население с территории Западного Кавказа. С 1858 по 1864 г. было выселено из пределов Кавказа около 400 тыс. человек. Горцы продавали скот и имущество за бесценок (так, один офицер купил 40 овец за 50 копеек; лошадей покупали по 10 копеек). Край опустел: на всём протяжении от Туапсе до Бзыби не осталось почти ни одного обитаемого горцами аула. Так закончилось длительное «покорение Кавказа».

Царское правительство интенсивно заселяло территорию Кавказа: в течение 1860—1864 гг. было водворено 14 396 семейств в 111 станицах. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надёжную опору великодержавных стремлений» [1].

Прогрессивные стороны включения кавказских народов в состав России. Сближение русского народа и народов Кавказа. Национально-колониальная политика царизма по отношению к присоединившимся и покорённым территориям Кавказа не исчерпывает, конечно, всей сложной истории жизни его народов в этот период. Антинародную политику царского правительства нельзя смешивать с проблемой общения народов. Несмотря на угнетательскую политику царизма и вопреки ей, в те же годы развивался иной, параллельный процесс — процесс экономического, общественного и культурного сближения народов Кавказа с русским народом. Включение многих кавказских территорий в состав России содействовало в основе своей независимому от воли царизма хозяйственному общению народов. Предметы русской и кавказской промышленности и ремесла стали в бóльших количествах взаимно проникать в народное хозяйство как русских областей, так и Кавказа; происходил в известной мере и обмен хозяйственным опытом. К 1814 г. закончилось строительство уже упоминавшейся ранее Военно-Грузинской дороги, призванной, как показывает само её название, служить прежде всего военным целям царизма, однако получившей, несомненно, также хозяйственное и культурное значение в жизни народов Кавказа; в частности благодаря этой дороге установилась регулярная почтовая связь между Россией и Закавказьем.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 26.

В русском обществе с начала XIX в. появляется особый интерес к Кавказу, равно как и на Кавказе, в первую очередь в Грузии,—значительный интерес к России. Писатель В. Т. Нарежный, служивший на Кавказе в 1801 г. 20-летним юношей, пишет первый русский роман о Кавказе, в котором описывает жестокость местных помещиков и гнёт царской администрации («Чёрный год, или горские князья»); роман в своё время не был пропущен цензурой. Грузины в большом количестве начинают появляться в России, учатся в русских университетах, служат в полках русской армии, втягиваясь вместе с тем в прогрессивное культурное творчество и передовое общественное движение, развивающееся в России. Так, видный грузинский поэт и общественный деятель А. Г. Чавчавадзе (тесть А. С. Грибоедова) участвовал в войне России против Наполеона, служил в тех же полках, где служили будущие декабристы и их лучшие друзья (Чаадаев, Раевские и др.), насытил передовыми общественными идеями свою поэзию. Писатель Давид Багратиони, пропагандист передовых идей просветительной философии XVIII в., перевёл на грузинский язык «Дух законов» Монтескьё; ему же принадлежит вышедшая в 1805 г. «Краткая история о Грузии» на русском языке, изданная Российской академией наук. Иоанн Багратиони, живя в Петербурге, составил обширный русско-грузинский словарь, написал ряд учебников и ценных научных трудов. Теймураз Багратиони, перу которого принадлежат многие работы по истории Грузии, был в 1837 г. избран почётным членом Российской академии наук. Немало других русских и грузинских деятелей работало в области передовой культуры. В Тбилиси вокруг Ермолова собралась большая группа русских и местных передовых людей и культурных деятелей, в числе которых находились А. С. Грибоедов, декабристы Каховский, Кюхельбекер, Якубович, грузины А. Чавчавадзе, Палавандишвили, армяне братья В. и Д. Бебутовы, азербайджанский историк Бакиханов и др. В 1821 г. Ермолов добился льготного тарифа для Закавказья; в его же кругу обсуждались вопросы хозяйственных улучшений жизни края, усовершенствованные методы шелководства, проекты орошения, вопрос о расширении сети местных школ, о методах расширения и переустройства города Тбилиси (появившийся позже, в 1827 г., проект А. С. Грибоедова «Записка о лучших способах построить гор. Тифлис» стоит в связи с этим обсуждением).

С 1819 г. в Грузии при Ермолове стала издаваться первая литературно-политическая газета на грузинском языке «Сакартвелос газети» («Газета Грузии»), а позже (с 1828 г.), по инициативе Грибоедова, — первая в Закавказье газета на русском языке «Тифлисские ведомости», литературный отдел кото-

рой редактировал С. Додашвили. Выдающийся философ и общественный деятель Грузии С. Додашвили (родом из крестьян) получил образование в Петербургском университете; его перу принадлежит оригинальный философский труд, изданный в 1827 г. на русском языке. Додашвили был участником грузинского революционного движения, при аресте у него нашли копию предсмертного письма Рылеева. Грузин Григол Орбелиани по примеру «Исповеди Наливайко» Рылеева написал «Исповедь Гиви Амилахвари», говорившую об освободительной борьбе Грузии. Таким образом, сближение русского народа и народов Кавказа в лице лучших представителей передового общественного движения и культурного творчества продолжалось и далее, во второй четверти XIX в., несмотря на преграды, которые чинил этому сближению жестокий николаевский режим. С Кавказом связана судьба многих сосланных декабристов (А. Одоевского, А. Бестужева, И. Бурцова и др.). В 1829 г. на Кавказе побывал А. С. Пушкин, совершая своё путешествие в Эрзерум; он был встречен в культурных кругах Кавказа с горячим, дружеским чувством. Пушкин отразил в своём творчестве людей и природу Кавказа. Первое представление «Горе от ума» Грибоедова, запрещённого царской цензурой, состоялось в Армении. Лермонтов воспел людей и природу Кавказа в непревзойдённых по красоте произведениях. Великий украинский демократ Шевченко с горячим сочувствием отразил Кавказ в своём творчестве. Крупнейшие представители демократического движения Азербайджана и Армении М. Ф. Ахундов, Х. Абовян и их соратники сближались с лучшими деятелями русской передовой общественности, откликались на общие для всей России вопросы и способствовали своей работой дальнейшему сближению русского народа с угнетёнными народами Кавказа.

Таким образом, включение кавказских народов в состав России, несмотря на гнёт царизма и вопреки ему, имело и свои прогрессивные стороны.

Художественная литература народов Кавказа. Первая половина XIX в. была временем расцвета грузинского романтизма, создания грузинского театра и зарождения реализма в грузинском искусстве. Свободолюбивая поэзия первенствовала в грузинской литературе. Крупнейшими её представителями были Н. М. Бараташвили (1816—1845 гг.), А. Г. Чавчавадзе, Г. Д. Орбелиани. Все они — поэты-лирики, пламенные патриоты родной страны, воспевавшие героическое прошлое любимой родины, ненавистники российского самодержавия. Полны грусти и горечи стихи об «узнице-родине» зачинателя романтизма в грузинской литературе А. Чавчавадзе. Близок по своим мотивам к нему и Орбелиани, горячо любивший жизнь, ярко отразивший в своём творчестве темы славного прошлого Грузии.

Величайшим лириком Грузии был Николоз Бараташвили. Его как подлинного патриота глубоко тревожили судьбы любимой родины (поэма «Судьба Грузии»). Шедеврами его лирики явились стихотворения «Мерани» («Пегас»), которое как бы перекликается с лермонтовским «Демоном», «Сумерки Мтацминда» и другие.

Развитие реализма в грузинской литературе началось в 40-х годах. Первенство здесь принадлежало творчеству Г. Д. Эристави, который постепенно эволюционировал от романтических элегий к бытовой комедии, от лирической грусти к гражданской скорби. Страстный патриотизм, протест против крепостного права, разоблачительное направление в изображении грузинского дворянства, реалистический подход к действительности характерны для зрелого творчества Эристави (бытовые обличительные комедии «Раздел», «Тяжба», «Скупой», «Рыбная контора» и др.). Эристави был первым грузинским драматургом, создателем национального грузинского театра. Им же в начале 50-х годов основан первый грузинский ежемесячный журнал «Цискари» («Утренняя заря»).

Произведения грузинских писателей, проникнутые горячей любовью к родине, к её славному прошлому, к родному языку, чудесной природе Грузии, были проявлением роста национального самосознания угнетённого царизмом народа.

На первую половину XIX в. приходится расцвет художественного творчества создателя новой азербайджанской литературы и первого революционного демократа Азербайджана— Мирза Фатали Ахундова (1812—1878 гг.). Ахундов, очень рано познакомившись с русским языком и литературой, проникся передовыми идеями и начал выступать в качестве просветителя своего народа, борца против темноты, невежества и магометанской религии. Значительное воздействие на формирование прогрессивного мировоззрения Ахундова оказали писатели и учёные братских народов: декабрист писатель А. Бестужев, поэт Я. Полонский, писатель В. Сологуб, армянский писатель Х. Абовян. Русская литература, особенно творчество Пушкина, оказала на Ахундова большое влияние. В 1837 г. Ахундов написал свой знаменитый поэтический отклик на трагическую гибель великого русского поэта — «Восточную поэму на смерть А. С. Пушкина», переведённую на русский язык писателем-декабристом А. Бестужевым. Ахундов с глубокой грустью оплакивал безвременную гибель Пушкина, «властелина обители поэзии». Поэту Кавказа нестерпимо тяжело от сознания, что Пушкина не стало, что «Пушкин убит рукою разбойника мира».

В начале 50-х годов Ахундов, подобно Эристави, создал ряд острых, ярких бытовых комедий («Молла Ибрагим Халил,

алхимик», «Мусье Жордан, ботаник», «Визирь Серабского ханства» и др.). В них реалистически, правдиво, в блестящей драматургической форме он высмеивал предрассудки и невежество азербайджанских феодальных владельцев. Комедии Ахундова впервые ввели в азербайджанскую литературу драматическую форму. В конце 50-х годов Ахундов создал главное своё прозаическое произведение — рассказ «Обманутые звёзды», являвшийся острой сатирой на феодально-деспотические порядки шахского Ирана. Творчество Ахундова положило начало художественной прозе Азербайджана, знавшего до той поры почти исключительно стихотворные произведения.

Ахундов был не только художником, но и крупным учёным и оригинальным мыслителем. Он первый задумал замену арабского алфавита новым алфавитом из русских и латинских букв, желая положить прочное начало для сближения народов родного Востока с передовой русской и европейской культурой и преодолеть влияние реакционного мусульманства. Ахундов в философско-публицистических произведениях 60-х годов выступал как атеист.

Великий писатель Армении X. Абовян (1805—1848 гг.) был основоположником новой восточноармянской литературы. Абовян после завоевания Армении царской Россией основал первое чисто светское училище в Армении и как просветитель сделал большой вклад в область педагогики. Широко известен его исторический роман «Раны Армении». Реалистически ярко обрисовав тяжёлое положение армянского народа под гнётом шахского Ирана, Абовян описал в романе время русско-иранской войны (1826—1828 гг.). Главный герой романа Агаси открыл собой целую плеяду типов возвышенных патриотов, выведенных в новой армянской литературе. Роман Абовяна был написан живым народным армянским языком и утвердил этот язык в литературе.

Продолжателем дела Абовяна был поэт Р. Патканян, уже в 1854 г. создавший своё знаменитое патриотическое стихотворение «Слёзы Аракса», ставшее народной песней и неоднократно переводившееся на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Энгельс Ф.* Горная война прежде и теперь. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 172—178. — *Маркс К.* [Письмо к Ф. Энгельсу 8 августа 1854 г.]. Сочинения. Т. XXII. С. 52.— *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. С. 519—528. — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2.

С. 295. — *Сталин И. В.* О Донщине и Северном Кавказе. Сочинения. Т. 4. С. 114. — *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б). Сочинения. Т. 5. С. 15—29. — *Киров С. М.* О шариате. В его кн.: Избранные статьи и речи. 1912—1934. [Л.] 1939. С. 170—176.

II. Документальные материалы. Пособия. Полное собрание законов Российской империи [Собрание первое]. Т. XXVI, № 19721, 20007; т. XXXII, № 25110, 25199, 25466.—Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. I—XII. Тифлис 1866—1904.—*Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VII. Тифлис 1873 С. 1—76 — [*Магомед Тагир*]. Три имама «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». Вып 45. Махач-Кала 1926. С. 53—192.—*Крачковский И. Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. «Записки Института востоковедения Академии наук СССР» М—Л. 1933 Т. I, II. С. 9—20. — *Руновский А.* Записки о Шамиле. Спб. 1860. 204 с.—*Покровский Н. И.* Обзор источников по истории имамата. В кн.: «Проблемы источниковедения». Сборник II. М.—Л. 1936. С. 187—234. — История Грузии. Учебник для старших классов средней школы Ч. 1. Тбилиси 1946. 460 с. — *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I—VI. Спб. 1871—1888. — *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. I—II. Спб. 1879. — *Дубровин Н.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение её к России. Изд. 2. Спб. 1897. VII, 256 с. — *Дубровин Н.* Закавказье от 1803 до 1806 года. Спб. 1866. 542 с. — [*Ермолов А. П*] Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. I—II. М. 1865—1868. — *Добролюбов Н. А.* О значении наших последних подвигов на Кавказе В его кн.: Полное собрание сочинений. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. IV. М. 1937. С. 140—157. — *Хачапуридзе Г.* Гурийское восстание в 1841 г. [Тифлис] 1931. 112 с —*Покровский Н.* Мюридизм у власти («Теократическая держава» Шамиля). «Историк-марксист». 1934 № 2, с. 30—75. — *Покровский Н.* Кавказские войны. БСЭ. Т. 30. Стб. 483—505. *Бушуев С. К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М. — Л. 1939. 184 с. (Академия наук СССР. Институт истории). — *Хачапуридзе Г.* К вопросу о культурных связях России и Грузии в первую половину XIX века. «Вопросы истории». 1946 № 5—6, с. 76—89.

Глава XII

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ. ИДЕЙНАЯ БОРЬБА 1830—1840-х ГОДОВ

Массовое движение в 1830—1840-х годах. «Декабристам на Сенатской площади нехватало народа» *(Герцен)*. Разгром восстания, не связанного непосредственно с революционными массами и не опиравшегося на них, многому научил последующие поколения революционеров. Вопрос о народе, как о решающей силе революционного движения, стал в центре их внимания.

Объективно деятельность участников революционного движения всегда связана с интересами народных масс и с массовым движением. Указывая на то, что история революционной мысли в России находится в тесной органической связи с борьбой народных масс против крепостничества, Ленин приводил в пример письмо Белинского к Гоголю, отражавшее настроения крепостных крестьян. Разоблачая кадетский сборник «Вехи», давший лживую характеристику Белинского, Ленин иронически спрашивал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» [1]

В 30—40-х годах стихийное движение крестьянских масс неуклонно нарастало, но всё же не могло достичь той силы, которая обеспечила бы решительный натиск на самодержавие. В царствование Николая I — за годы 1825—1854, — по имеющимся в литературе данным, произошло 674 крестьянских волнения. Они нарастают из года в год: в первое девятилетие царствования (1826—1834 гг.) произошло 145 крестьянских волнений, в среднем 16 случаев в год, за десятилетие же с 1845 по 1854 г. —348 волнений, в среднем 35 случаев в год. Росло и число случаев расправы крестьян с помещиками: за 19 лет, с 1836 по 1854 г., по официальным данным, было убито крестьянами 173 помещика и управляющих имениями и произведено 77 покушений на убийство, причём данные эти заведомо неполны. Правительство «хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16 изд. 4, стр. 108.

первых», — иронически писал Белинский в письме к Гоголю. За девять лет, с 1835 по 1843 г., было сослано за убийство помещиков 416 крепостных крестьян. В своём дневнике А. И. Герцен описывал следующий случай в Пензенской губернии (1845 г.). Молодой крестьянин захотел избавить деревню от помещика — «великого злодея». Крестьяне боялись правительственной расправы и не решались покончить с помещиком. Парень решился тогда всё дело взять на себя. Он пошёл навстречу барину, когда тот один переходил мельничную плотину, «схватил его в перехват — и вместе в омут». Оба утонули. «Это — античный героизм», — писал Герцен. Но подобные случаи свидетельствовали лишь о личной самоотверженности отдельных представителей народа — и только. Крестьянское движение возрастало, но оно являлось всё же разрозненным и слабым. Масса народа в целом ещё не поднималась на борьбу. В 30—40-х годах ещё не создалось революционной ситуации.

Кроме открытых возмущений против помещиков и расправ с ними множились и другие формы крестьянского протеста против крепостного гнёта. Бывали случаи отказов от работ на барщине, от платежей повышенного оброка. В 30—40-х годах крепостные крестьяне использовали как предлог правительственный указ о дозволении казённым крестьянам переселяться на Урал и в Сибирь: бросив работу на помещика, они двинулись на новые места. Это «переселение» охватило в 40-х годах 14 губерний. В 30-х годах на Украине, в Подолии, поднялось сильное крестьянское движение под предводительством Кармалюка. В 1847 г. произошли крупные крестьянские волнения в Белоруссии: тысячи крепостных Витебской губернии с семьями и скарбом, распродав бо́льшую часть имущества, двинулись в Петербург для принесения жалобы царю. Они просили принять их на постройку железной дороги между Петербургом и Москвой, веря распространившемуся слуху, что проработавший три года на постройке будет освобождён от крепостной неволи. Ряд крестьянских волнений отметил А. И. Герцен в своём дневнике (будучи в ссылке, он служил в 40-х годах в новгородском губернском правлении, и через его руки проходили дела о злоупотреблениях помещичьей властью и о раскольниках). Летом 1839 г. в связи с засухой и неурожаем 12 губерний были охвачены крестьянским движением, причём в нём принимали участие не только помещичьи, но и казённые и удельные крестьяне. В удельных имениях притеснения чиновников, расширявших общественную запашку для так называемых «запасных магазинов» и получавших от правительства вознаграждение из сумм, вырученных от продажи «излишков хлеба» в магазинах, вызывали волнения удельных

крестьян. Они смотрели на эту запашку, как на новую барщину в пользу чиновников. Реформа Киселёва была причиной значительных волнений государственных крестьян, охватывавших целые уезды. Волновались и крепостные рабочие, в том числе уральские крепостные. В течение всей первой половины XIX в. (с конца XVIII в.) тянулась упорная героическая борьба казанских крепостных суконщиков фабрики Осокина за освобождение от крепостной зависимости, закончившаяся лишь в 1849 г. перечислением рабочих в казённые крестьяне. К общей картине надо присоединить борьбу народов Кавказа против царизма и крестьянские волнения во многих национальных районах. Борьба не затихала, а шла нарастая.

Правительство ясно видело это общее нарастание народного движения. «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед тем, — писал шеф жандармов Бенкендорф в секретном отчёте Николаю I. — Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». Но всё же крестьянское движение, несмотря на его нарастание, было стихийным, политически тёмным, разрозненным; вспыхивая то там, то тут, оно ещё не сливалось в единую грозную волну. Ощущавший это Герцен горько жаловался на «всеобщую немоту» крестьян. Он отмечал темноту, отсутствие политического сознания в крестьянском движении. «У нас оскорблённый или снесёт как раб или отмстит как взбунтовавшийся холоп», — горько писал он в своём дневнике 40-х годов. Понимание революционной роли народа становилось в центре мировоззрения революционера.

Реакционная идеология самодержавия («теория официальной народности»). Николаевская реакция не ограничивала свою борьбу с революционным движением открытыми репрессиями, ссылками и арестами. Она выработала и реакционную идеологию, которую положила в основу преподавания в школах и университетах, проводила в официальной журналистике, облекла в форму религиозных проповедей и художественных произведений. Реакция попыталась противопоставить передовому мировоззрению, в центре которого стояло революционное понимание роли народа, свою реакционную «теорию» с ложным толкованием этого важнейшего вопроса. В 30-х годах была выдвинута так называемая «теория официальной народности». Она нашла своего «основоположника» в лице реакционного министра народного просвещения графа С. С. Уварова (министр с 1833 по 1849 г.). Сущность этой «теории» сводилась к ложному утверждению, что русский народ по природе своей религиозен, якобы искони стоит «за царя» и не протестует против крепостного права. Отсюда реакционная формула теории:

утверждение «охранительных начал» — «православия, самодержавия и народности», получивших ироническое прозвище «уваровской троицы». Уваров впервые формулировал эти положения в 1832 г. в «Отчёте о ревизии Московского университета». Основной частью «теории» была реакционная концепция исторического прошлого России. Поскольку Россия развивалась в условиях господства самодержавия, православия и крепостного права, апологеты реакции пытались исторически обосновать «незыблемость» обветшалого крепостного строя. Поскольку крепостное право и самодержавие были «двумя параллельными силами, кои развивались вместе», Уваров полагал, что тронуть крепостное право нельзя «без всеобщего потрясения». «Теория официальной народности» противопоставляла якобы «спокойную» и «устойчивую» крепостную Россию мятущемуся и разлагающемуся Западу. Эта реакционная «теория» была враждебна всем передовым идеям того времени. И прошлое и настоящее крепостной России были объявлены «великолепными», равно как и будущее, не нуждавшееся ни в каких реформах. Позже эта реакционная историческая формула была дана шефом жандармов Бенкендорфом в таких выражениях: «Прошедшее России удивительно, её настоящее более чем великолепно, что же касается её будущего, — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение». «Теория официальной народности» проповедывалась во всех школах, гимназиях и университетах, звучала с церковных амвонов, в художественной литературе (произведения Булгарина, Греча и Кукольника), на страницах газет и журналов. Добровольными пропагандистами «теории официальной народности» в печати были профессор истории М. П. Погодин и его друг — историк литературы профессор С. П. Шевырёв.

Но революционная борьба против царизма и всего феодально-крепостного строя не замерла, хотя декабристы и были разгромлены. Ростки новой, молодой жизни пробили свинцовую плиту николаевского самодержавия, которая давила и угнетала всё живое. Именно в эту пору выросли и сформировались великие русские революционеры-демократы Белинский, Герцен, Огарёв, в эти годы революционный лагерь накопил силы для последующей борьбы. В этом сопротивлении царскому угнетению, ярость и тяжесть которого сумело преодолеть русское революционное движение, выразились сила и величие русской революционной борьбы.

А. И. Герцен и Н. П. Огарёв. Формирование их революционного мировоззрения. К числу крупнейших деятелей революционного движения второй четверти XIX в. принадлежали А. И. Герцен (1812—1870 гг.) и его друг Н. П. Огарёв (1813—

1877 гг.). Значение Герцена для революционного движения глубоко проанализировано в замечательной работе Ленина «Памяти Герцена». Ленин указал на то, что Герцен сыграл «великую роль в подготовке русской революции» [1]. Как и декабристы, он принадлежал «к поколению дворянских, помещичьих революционеров» [2]. Великой заслугой Герцена является то, что он, разбуженный декабристами, «развернул революционную агитацию», которую «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»» [3].

Важнейшее, решающее значение в формировании мировоззрения Герцена и Огарёва имела русская действительность. Они выросли на её почве и в своей деятельности решали крупнейшие исторические задачи, ею поставленные. Крепостное право, проявления которого оба друга могли легко наблюдать в барских, помещичьих домах своих отцов, рано вызвало их протест. Сознание Герцена пробудилось особенно рано: «незаконный» сын богатого помещика Яковлева, он рос в отцовском доме в двусмысленном положении полубарича-полуприёмыша; от гнетущей атмосферы помещичьих комнат и жёлчных придирок раздражительного барина-отца Герцен уходил в людскую, где у него было много друзей и где ему доверяли. Сызмала он возненавидел крепостное право. Воспитатели прививали ему дух вольнолюбия и интерес к революции; учитель французского языка якобинец Бушо говорил мальчику, что французского короля Людовика XVI казнили за измену родине и что он, Бушо, обеими руками подписал бы приговор, если бы был в то время в Конвенте. Мальчик пользовался свободным доступом к отцовской библиотеке, и православный катехизис попался ему в руки уже после Вольтера. Глубокий интерес к идеям французской революции остался у Герцена на всю жизнь. «Велика французская революция: она первая возвестила миру, удивлённым народам и царям, что мир новый родился и старому нет места», — записал он в своём дневнике.

Герцен рос горячим русским патриотом. Рассказы об Отечественной войне 1812 г. были «Илиадой» и «Одиссеей» его детства. Огромное значение сыграли рассказы о 1812 г. и в воспитании Огарёва. Учитель русского языка Протопопов приносил им запретные стихи Пушкина и Рылеева. Герцен вместе с Огарёвым мечтали о революционном преобразовании любимой родины и преклонялись перед памятью декабристов.

Идеи декабристов оказали значительное воздействие как на Герцена, так и на Огарёва. Из «Исповеди» Огарёва мы

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 9.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 14, 15.

узнаём, что он начал входить в круг декабристских настроений ещё до восстания декабристов, через родственные связи с декабристом Кашкиным. Весть о восстании декабристов поразила его; мальчик уже тогда был убеждён, что декабристы — «истинные приверженцы отечества». Герцен и Огарёв принадлежали к поколению, разбуженному громом пушек на Сенатской площади. Мальчиком 14 лет, во время торжественного молебна в Кремле по случаю расправы над декабристами, Герцен клялся отомстить за казнённых и «обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарём, с этими пушками». В том же 1826 году оба друга принесли свою знаменитую клятву на Воробьёвых горах, «в виду всей Москвы», — клятву «пожертвовать своей жизнью на избранную нами борьбу». Лозунги декабристов — борьба с крепостным правом и самодержавием — стали лозунгами Герцена и Огарёва.

Как показывает «Исповедь» Огарёва, мысль о создании революционного кружка возникла у Герцена и его друга ещё до поступления в университет. Общественная атмосфера, создавшаяся в Московском университете, содействовала осуществлению этого замысла. Московскому университету принадлежит огромная роль в истории русского революционного движения после восстания декабристов.

Кружки конца 1820—1830-х годов. Московский университет и его роль в общественном движении. Движение декабристов было разгромлено, но передовые революционные идеи подхватило и развило дальше молодое поколение. Центром общественного брожения в конце 20-х — начале 30-х годов стал Московский университет. В 1826 г., в год казни декабристов, Николай I узнал о широком распространении крамольной поэмы «Сашка», наполненной свободолюбивыми мыслями и настроениями протеста. Поэму сочинил студент Московского университета А. Полежаев, «незаконный» сын дворянина и крепостной крестьянки. Николай лично расследовал это дело и отдал талантливого поэта в солдаты. В 1827 г. был обнаружен и разгромлен тесно связанный с университетом кружок братьев Критских, задумавший развернуть широкую противоправительственную агитацию. В 1831 г., в тревожное для царизма время после польского восстания и «холерных бунтов», Николай расправился с кружком Сунгурова, также связанным с московским студенчеством. Кружок намеревался провести подготовку вооружённого восстания. В университете в конце 20-х — начале 30-х годов возникло ещё несколько объединений передовой молодёжи. Московский университет, давно бывший на подозрении у правительства, становился центром передового общественного движения. «Опальный университет рос влиянием, — пишет Герцен, — в него, как в общий резервуар,

вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоёв; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова и снова разливались во все стороны России, во все слои её».

Герцен поступил в Московский университет в 1829 г. Около него и Огарёва быстро сорганизовался политический кружок, считавший себя наследником идей декабристов и проповедывавший революционное свержение ненавистного самодержавно-крепостного строя. Члены кружка, по словам Герцена, «проповедовали французскую революцию, потом проповедовали сенсимонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу».

В эти же годы в университете действовал также кружок Станкевича, более умозрительный и философский, нежели политический. Кружок Станкевича также был своеобразной формой протеста молодого поколения против самодержавного гнёта и всего крепостного строя николаевской России, он также был вызван к жизни русской действительностью; однако он существенно отличался от революционного герценовского кружка. Хотя политическая оппозиционность николаевскому самодержавию, общее сочувствие передовым общественным идеям времени, в том числе в первую очередь отрицательное отношение к крепостному праву, характерны и для кружка Станкевича, всё же он не сложился в кружок революционного типа. Его либеральная политическая умеренность и дала ему возможность продолжать свою деятельность после разгрома полицией герценовского кружка.

Станкевич и члены его кружка усердно изучали работы всех крупнейших представителей немецкой идеалистической философии — Канта, Шеллинга, Фихте; они первыми взялись за изучение Гегеля и пропагандировали его философию. Герцен вспоминал, что не было параграфа во всех трёх частях «Логики» Гегеля или других его работах, «который не был бы взят отчаянными спорами нескольких ночей». Некоторое время посетителем собраний кружка Станкевича был В. Г. Белинский, чрезвычайно интересовавшийся философскими проблемами; однако воздействие Станкевича на Белинского в литературе крайне преувеличено, как переоценена и вся деятельность умеренного кружка Станкевича. Белинский шёл своим самостоятельным путём, вырастая в подлинного революционера-демократа, кружок же Станкевича остался на либеральных позициях.

В лице Герцена и его друзей в революционном движении России впервые выступили сторонники утопического социализма, создавшие его самостоятельную и наиболее передовую концепцию. Они с большим интересом знакомились с теориями Сен-Симона и Фурье, однако вовсе не были их покорными подражателями.

Герцен и Огарёв принадлежат к числу крупнейших представителей русской философии и являются глубокими, оригинальными и самостоятельными мыслителями; они были с молодых лет в корне чужды какому бы то ни было поверхностному подражательству. Герцен и его друзья с жаром отстаивали социалистическое мировоззрение, имевшее то высокое и существенное отличие от западных форм утопического социализма, что оно было соединено с убеждением в необходимости *революционного* переворота. Их социалистические воззрения носили боевой, революционный характер. Эта важнейшая особенность является существенным отличием русского утопического социализма от западного.

Ленин справедливо отметил, что в социалистических теориях Герцена не было *«ни грана»* подлинного научного социализма, марксизма. В условиях тогдашней русской действительности Герцен и Огарёв не могли подняться до научного социализма. «В сущности, — писал Ленин, — это... прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия» [1].

Вскоре после окончания университета (1833 г.) Герцен был арестован (в июле 1834 г.) как «смелый вольнодумец, весьма опасный для общества», и сослан в Пермь, а затем в Вятку, где пробыл в ссылке три года.

Молодой В. Г. Белинский и его кружок. «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» [2], — писал Ленин в произведении «Из прошлого рабочей печати в России». Боевое революционное мировоззрение молодого демократа сформировалось под воздействием русской действительности, её неотложных, кровных нужд. Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 г. в семье бедного флотского врача и прожил детство и юность в тяжёлых бытовых условиях; под впечатлением страшных картин крепостной действительности в нём рано пробудился сознательный протест против отсталого, угнетательского строя царской России. В Чембаре, Пензенской губернии (ныне город Белинский), и в Пензе, где протекли его детство и юность,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.

он мог многократно наблюдать страшные проявления крепостного угнетения и злодеяния царских чиновников. Он стал ненавидеть крепостное право. В 1829 г. Белинскому удалось поступить на казённый счёт в Московский университет, где он принял живое участие в жизни студенческих кружков и сам основал один из них.

Повидимому, в начале 1830 г. около молодого Белинского сложился кружок молодёжи, получивший в студенческой среде название «Литературного общества 11-го нумера» (в соответствии с номером комнаты, которую Белинский и его товарищи занимали в университетском общежитии для «казённокоштных»). В «общество» входили студенты Петров, Григорьев, Чистяков, Протопопов, Прозоров, Аргилландер и другие. Кружок носил разночинский характер и жил кипучей идейной жизнью; его члены много читали, спорили, обсуждали сочинения своих товарищей и лекции преподавателей, переписывали запретные стихи, в том числе стихи Пушкина, Рылеева, Полежаева. «В нашем обществе не было президента, а только секретарь», — вспоминает один из участников. Члены кружка были резкими противниками самодержавно-крепостного строя. Идеология кружка характеризуется студенческой драмой молодого Белинского «Дмитрий Калинин», где с большой яркостью и полнотой раскрыт этот юношеский революционный демократический протест против крепостничества. Драма читалась и горячо обсуждалась на собраниях кружка, являясь, таким образом, выражением взглядов не только самого Белинского, но и воплощая в себе идейные позиции сложившейся вокруг него юношеской организации. «Кто дал это гибельное право одним людям порабощать своей власти волю других подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господин может для потехи и для рассеяния содрать шкуру со своего раба; может продать его, как скот, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сёстрами, с братьями, и со всем, что для него мило и драгоценно!» — восклицает герой драмы Дмитрий Калинин. Кружок Белинского глубоко интересовался вопросами философии, особенно эстетики. Просуществовал он до 1832 г.

Университетское начальство узнало о драме «Дмитрий Калинин» как раз в те чрезвычайно тяжёлые для университета дни, когда только что закончилось следствие о другом революционном кружке, Сунгурова; смертные приговоры его участникам и другие тяжёлые наказания уже были переданы на «высочайшее утверждение». Встревоженное начальство поспешило поэтому убрать нового «крамольника», Белинского, более

тихим, «домашним» способом и исключило его из университета под предлогом «слабого здоровья» и «по ограниченности способностей».

Исключённый из университета Белинский не пал духом и всецело отдался литературной работе. Больной туберкулёзом лёгких и сильно нуждавшийся, он работал по 14 часов в сутки. Начав в этих тяжёлых условиях свою великую просветительную работу и пропагандируя свои революционные взгляды в форме критических статей, Белинский выступил в 1834 г. в «Молве» (приложение к журналу «Телескоп») со своей знаменитой статьёй «Литературные мечтания». Он смело разоблачил в ней реакционную литературу «официальной народности»: Булгарина, Греча, Кукольника, выступил с проповедью истинного народного искусства, требовал, чтобы искусство служило народу. Он впервые развернул свою концепцию истории русской литературы, дал проникновенное истолкование русских классиков, объяснил читателям, что̀ именно дали своему народу передовые русские писатели, чем послужили ему. Молодой Белинский был первым открыто выступившим в печати против официальной идеологии самодержавия и нанёсшим ей серьёзный удар. Выступление Белинского имело широкий общественный отклик и положило начало той идейной консолидации передового разночинного лагеря, которая была делом жизни Белинского. Его имя стало знаменем этой консолидации.

П. Я. Чаадаев и его «Философическое письмо». В эти годы значительным событием русской общественной жизни было появление в 1836 г. — через два года после «Литературных мечтаний» Белинского — в журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Объективно это выступление было протестом против торжества реакционной идеологии самодержавия — так называемой «официальной народности».

Чаадаев родился в Москве (27 мая 1794 г.), был другом декабристов и Пушкина. Стихи Пушкина свидетельствуют о вольнолюбивых стремлениях Чаадаева. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах — Периклес, а здесь он офицер гусарский», — говорила горькая надпись Пушкина к портрету Чаадаева. «Товарищ, верь: взойдёт она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!» — кончается стихотворение Пушкина «К Чаадаеву». В 1821 г. Чаадаев уехал за границу; это спасло его от ареста по делу декабристов (он вернулся в Россию в 1826 г.).

Знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева было проникнуто чувством страстной ненависти к крепостному строю и глубоким отчаянием, насыщено презрением и возмущением по отношению к теории казённого благополучия. Наряду с этим в «Философическом письме» содержались глубоко ошибочные

взгляды. Чаадаев принижал историческое прошлое своей родины и её роль в истории человечества, мрачно оценивал настоящее и будущее России. Несомненно, Чаадаев был глубоко неправ в своём ложном, мрачном, полном отчаяния взгляде на Россию. Он не понял русского народа, не почувствовал его возможностей, не увидел героической борьбы против угнетения, не оценил высоких качеств культуры народа. Разгром революционного движения в России не поднял его на новую борьбу, а вверг в мрачное отчаяние. Всё это было глубокой ошибкой, заблуждением Чаадаева. Угнетённый и подавленный разгромом декабристов, Чаадаев в те годы потерял веру в русское революционное движение. Но суровая, пессимистическая форма беспощадного отрицания скрывала резкий протест против крепостного строя, против самодержавия. Бросив в лицо самодержавию обличительные слова о том, что оно унаследовало самый дух татарского ига, угнетая подвластный народ («унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть»), он, однако, не видел вокруг себя никаких сил, которые пошли бы на борьбу. Такими глубокими противоречиями была насыщена идеология Чаадаева. Но «Письмо» Чаадаева всё же было проникнуто горячей и страстной любовью к родине, он болел за Россию, своё отечество, и потому так горько говорил о нём. «Это была та же любовь, — сказал Герцен об отчаянии Чаадаева, — только опрокинутая». «Письмо» произвело огромное впечатление, повсюду обсуждалось и вызывало жаркие споры. Пушкин в письме к Чаадаеву горячо спорил против его мрачного взгляда на прошлое России и заявлял своему другу: «Клянусь честью, ни за что на свете не хотел бы я переменить отечество или иметь иную историю, чем история наших предков». Обсуждение чаадаевского «Письма» всколыхнуло всех и заставило думать над будущим России. «Письмо Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж, — определил его значение Герцен; — это был выстрел, раздавшийся в тёмную ночь. Тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, — всё равно, надобно было проснуться». Позже, в статье «Апология сумасшедшего», Чаадаев отказался от ряда своих ошибочных положений, но всё же остался в плену идеалистической религиозной концепции.

В настоящее время найдены и опубликованы все восемь «Философических писем» Чаадаева. Чаадаев идеализировал католицизм, ошибочно считал его свободолюбивой религией. Он подпал под влияние философского идеализма, нередко облекал свои размышления о социальных вопросах в религиозную форму, но был противником православия, считая его религией

крепостного рабства. В «Философических письмах» был формулирован резкий протест против крепостного права.

Правительство Николая I оценило «Письмо» Чаадаева как резкое противоправительственное выступление. Редактора «Телескопа» Надеждина сослали в Усть-Сысольск, а сам Чаадаев был объявлен сумасшедшим. Цензора уволили в отставку, а в печати было запрещено даже упоминать о чаадаевском письме.

Смерть Пушкина. В следующем же, 1837 году величайший русский поэт Пушкин стал жертвой николаевского режима. Его смерть на дуэли от руки гнусного проходимца Дантеса не была результатом личной семейной драмы, а явилась следствием травли непокорного, вольнолюбивого поэта, организованной, по словам Лермонтова, прежде всего самим Николаем I и палачами свободы, гения и славы, которые жадной толпой стояли у его трона. Убийцей поэта было самодержавие. Дантес, ласково принятый двором Николая I, был фигурой международной реакции, отвратительным безродным космополитом, человеком, у которого, по словам друзей Пушкина, было «три отечества и два имени».

Смерть Пушкина потрясла всю мыслящую Россию. Правительство было испугано неожиданно поднявшимся народным движением — паломничеством к гробу великого поэта. Около 50 тыс. человек прошло мимо гроба. По свидетельству друга Пушкина княгини Мещерской-Карамзиной, проститься с поэтом пришли люди «всякого звания»; в толпе, прошедшей около его гроба, были «женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях». Друзья Пушкина справедливо говорили о «плебейских почестях», отданных праху поэта.

Боясь массовой демонстрации, Николай похитил тело поэта у народной скорби. Ночью, тайно, переменив место отпевания, он приказал увезти гроб в Псковскую губернию, где находилось имение Пушкина, и похоронить его в Святогорском монастыре. Газета, осмелившаяся напечатать сообщение о смерти Пушкина в траурной рамке, получила строгий выговор.

Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» явилось страстным разоблачением гнусной травли Пушкина сворой придворных убийц, разоблачением нового преступления самодержавия. Оно, как революционная прокламация, переписывалось и ходило по рукам; поэт сам просил распространять его. Лермонтов был арестован и сослан на Кавказ с понижением в чине.

Революционная агитация Герцена до отъезда за границу. В 1838 г. Герцен был переведён во Владимир на Клязьме и лишь в 1840 г. с трудом добился разрешения вернуться в столицу. Но в 1841 г. за резкий отзыв в частном письме о престу-

плениях царской полиции Герцен вновь попал в ссылку, в Новгород.

Дневник Герцена этих лет говорит о кипучей умственной работе. Герцен зреет философски, вырабатывает материалистическое мировоззрение и внимательно изучает окружающую его русскую жизнь. Горячий русский патриот, жаждавший деятельно работать на пользу родины, он ощущал себя в царской России «лишним человеком» и томился отсутствием живой деятельности. Глубокой подосновой тяжёлого настроения Герцена и его друзей была относительная слабость массового движения 40-х годов. Молодые революционеры не видели возможности действовать; они сознавали необходимость иметь твёрдую опору в народе, но жажда практического действия встречалась лишь с разрозненными вспышками стихийного крестьянского движения среди «всеобщей немоты» русских деревень. Деятельность революционера ещё не могла получить опору в массах. «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? — спрашивал Герцен в дневнике 40-х годов. — А между тем наши страдания — почка, из которой разовьётся их счастье... Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски? О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснём — мы заслужили их грусть». Герцен пристально следил за массовым движением, скорбел о слабости и темноте крестьянской борьбы, томился отсутствием политического дела. Ленин писал: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» [1].

Самостоятельно работая над собственной концепцией материалистической философии, Герцен далеко продвинулся в философском отношении уже в свои молодые годы. В 40-х годах Герцен написал проникнутые духом материализма «Письма об изучении природы», высоко оценённые Лениным, и вёл борьбу с консервативно-идеалистическим существом философии Гегеля, отстаивая революционное понимание гегельянской диалектики. По словам Белинского, Герцен и его единомышленники в это десятилетие «перечувствовали, перемыслили и пережили всю умственную жизнь Европы».

Ленин высоко оценил значение Герцена как философа: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мысли-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 14.

телями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1].

До отъезда за границу Герцен выступил и как беллетрист. Его художественные произведения, высоко оценённые Белинским, сыграли немалую роль в развёрнутой Герценом революционной агитации: в беллетристической форме было легче донести до друга-читателя идеи протеста против антинародного самодержавно-крепостнического строя, против подавления свободной мысли, против официальной идеологии царизма. В своих художественных произведениях Герцен смело разоблачал крепостной строй, — таковы романы «Кто виноват?», «Доктор Крупов», повесть «Сорока-воровка». Герцен был одним из величайших революционных просветителей своей эпохи; ему были свойственны все характерные черты просветительства, указанные Лениным, он был «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области» [2]; он горячо защищал просвещение, самоуправление, свободу, передовые формы общественно-политической жизни и отстаивал интересы народных масс [3].

В. Г. Белинский — зачинатель русского революционно-демократического движения. Крупнейшим представителем русского революционного просветительства, ещё более последовательным, чем Герцен, в своей революционной идеологии, был его друг и соратник Виссарион Григорьевич Белинский. Мы уже рассмотрели начальные этапы формирования мировоззрения этого выдающегося деятеля. После своей знаменитой статьи «Литературные мечтания» Белинский прошёл дальнейший сложный путь формирования своего мировоззрения. В 1834—1836 гг. он ещё стоял на идеалистических позициях, развивал систему идей о мире как органическом целом и страстно защищал идею прогрессивного развития человечества, полагая именно в *просвещении* народа главную силу исторического движения вперёд. В 1837—1840 гг. Белинский пережил тяжёлую болезнь роста — период «насильственного примирения с действительностью». Он оказался на некоторое время в плену реакционной гегельянской системы, принял положение Гегеля «всё существующее разумно», принял тезис «сила есть право и право есть сила» и принудил себя занять позицию за-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 9—10.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 472.
[3] См. там же, стр. 472—474

щиты самодержавия и крепостничества. Но в 1840 г. Белинский понял свою ошибку и с ужасом проклял пережитое. В письме к своему другу В. Боткину он писал: «Проклинаю моё гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью... Боже мой, страшно подумать, что со мной было — горячка или помешательство ума — я словно выздоравливающий». С этих пор Белинский окончательно переходит к революционно-демократическому мировоззрению.

Белинский вёл непримиримую борьбу с крепостничеством и самодержавием. Ленин указал, что эта борьба была неразрывно связана с крестьянским движением, с борьбой «самых широких масс населения» [1] против крепостного права. Демократическое мировоззрение Белинского отражало чаяния закабалённого народа, многомиллионных трудящихся масс России. «Нельзя забывать, — писал Ленин, — что в ту пору... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [2]. Выше, при рассмотрении деятельности молодого Белинского и сформированного им студенческого кружка, уже отмечалось, как рано занял Белинский позиции непримиримого борца против крепостничества (драма Белинского «Дмитрий Калинин»). «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение... Обманутое ожидание ведёт к решениям отчаянным», — писал Белинский другу незадолго до своей смерти. Таким образом, ненависть к крепостническому рабству и всему строю самодержавной России прошла через всю жизнь Белинского. Но, желая вывести свою любимую родину из-под ярма самодержавно-крепостного строя, Белинский вовсе не был апологетом капитализма. Он с замечательной проницательностью рассмотрел тяжёлые стороны капиталистической эксплоатации и политического владычества буржуазии. «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором», — писал он. Белинский видел, что буржуазные конституционные хартии не спасли трудящихся от голода, бесправия и унижений. «Французский пролетарий перед законом равен самым богатым собственникам и капиталистам, — писал Белинский. — Но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб...» Белинский был социалистом. Социализм стал для него, по его собственному признанию, «идеей идей, бытием бытия... альфою и омегою веры и знания». Именно забота о народных трудовых массах, преданность народу и делу его освобождения привели

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, изд. 4, стр. 108.
[2] *В. И. Ленин*. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

Белинского к социалистическому мировоззрению. «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда бо́льшая часть и не подозревает его возможности? Прочь же, прочь от меня, блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!.. Сердце моё обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и её представителей. Горе, тяжёлое горе овладевает мною при виде босоногих мальчишек... и оборванных нищих, и пьяного извощика, и идущего с развода солдата». Конечно, социализм Белинского ещё не был научным социализмом, хотя сейчас и установлено, что в его руках бывали ранние работы К. Маркса, печатавшиеся в немецких журналах. Социализм Белинского был утопическим социализмом Но его могучая проповедь имела огромное революционное значение и подготовила к последующей революционной борьбе многочисленных сторонников.

Белинский соединил в своём мировоззрении борьбу за социализм с *революцией,* и в этом его великая заслуга. Он полагал, что «нет ничего выше и благороднее», как способствовать приходу социализма, «но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

Творцом этих величайших преобразований и основным двигателем истории Белинский считал *народ.* Пламенный патриот, он высоко ценил выдающиеся качества русского народа и был убеждён в его великом будущем. «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении, — с гордостью писал он. — ...Мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль». Разбирая «Месяцеслов» на 1840 г., Белинский написал вдохновенные строки, полные гордости за свою родину и убеждения в её силе: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году, — стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества».

Белинский с презрением относился к низкопоклонникам перед западной культурой, к людям, презирающим свою родину и служение ей. Он с бичующим сарказмом разоблачил «гуманических космополитов», этих «абстрактных человеков, беспачпортных бродяг в человечестве». Его глубоко возмущало раболепное восхищение «космополитов» всем «европейским», которое он наблюдал в некоторых кругах русского так называемого «образованного общества». «Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить его, уважать его, стремиться к нему, потому только, что оно человеческое. и на этом основании всё европейское,

в чём нет человеческого, отвергать с такой же энергиею, как и всё азиатское, в чём нет человеческого». В этих замечательных словах видно ясное понимание Белинским того, что «европейское» вовсе не «едино», что в нём есть и истинно «человеческая» культура, нужная народу, и чуждая, лишённая «человеческого», лжекультура притеснителей, которую надо отвергнуть.

Свои великие освободительные идеи Белинский, разумеется, не мог проповедывать ясно и прямо в журнальных статьях, проходивших царскую цензуру, которую он проклинал и ненавидел. Но он всё же сумел, говоря намёками с другом-читателем, хорошо его понимавшим, провести эти идеи в своих литературно-критических статьях, в замечательных работах, посвящённых русской литературе. Будучи великим литературным критиком, он одновременно был трибуном революции и социализма. «Отечественные записки», где печатались статьи Белинского, переходили из рук в руки и с жадностью читались. Студенты по пяти раз в день заходили за ними и с волнением спрашивали: «Есть ли статья Белинского?», передавая один другому толстый том журнала. Современники вспоминают, как после чтения статей Белинского прибавлялись новые сторонники в борьбе за общее дело, исчезали старые верования, заменяясь новыми, передовыми воззрениями.

Таким образом, великий русский революционный демократ В. Г. Белинский сыграл огромную роль в революционной борьбе России и в создании русской передовой культуры. Он оказал могущественное воздействие на формирование революционного мировоззрения последующих поколений, явился предшественником революционной социал-демократии. *«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией,* — указывал Ленин. — А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...» [1] Вся кипучая и страстная революционная деятельность Белинского была могучим проявлением русской передовой общественной мысли, которая самоотверженно искала правильной революционной теории, чтобы освободить любимую родину от гнёта и насилия. Белинский был горячим, подлинным патриотом, любившим свою родную страну деятельной любовью борца и трибуна, ищущего путей к её революционному преобразованию. Предшественник полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении, он призвал под знамёна революции целое поколение новых борцов —

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 342.

разночинцев, деятелей следующего этапа освободительного движения России. «Молясь твоей многострадальной тени, учитель, — перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени», — писал о Белинском великий поэт революционной демократии Н. А. Некрасов.

Система идей, развёрнутая великим русским революционным демократом, вытекала из продуманного философского мировоззрения. Белинский вложил огромный вклад в дело продвижения вперёд материалистического мировоззрения и явился выдающимся представителем русской философии. Он был великим критиком и разоблачителем идеалистического гегельянства, вскрыл его консервативные черты, раскрыл в нём слабые, отрицательные стороны, подметил, что оно защищало государственный строй прусского юнкерства. Белинский самостоятельно создал свою философскую систему — идейную основу революционной борьбы. Он не смог полностью распространить материалистическое мировоззрение и на сферу явлений общественной жизни — он ещё не владел и не мог овладеть в обстановке России 40-х годов историческим материализмом. Но он превосходит передовых философов периода домарксова социализма, например Фейербаха, признавая и глубоко понимая значение революционной борьбы, которой тот не замечал и не понимал.

Мы видим, таким образом, что в оживлённой общественной борьбе 30—40-х годов было положено начало формированию разночинского революционного лагеря и его революционной демократической идеологии. Одновременно противники революции, трусливые сторонники постепенных правительственных реформ, прикрывавшиеся либеральной фразеологией и фактически защищавшие основы старого строя, слагались в особое течение — либералов, соглашателей. Последние стояли за сделку с царизмом и тормозили революционное движение. Основной водораздел общественной борьбы проходил между революционно-демократическим лагерем и станом крепостников, которому подпевали буржуазные либералы, искавшие с ним соглашения.

Славянофилы. К концу 30-х годов в русском общественном движении сложилось своеобразное течение, выдвинувшее своё особое понимание путей будущего развития России, особенностей её социальной структуры и её исторического прошлого. Представители этой идеологии получили в пылу полемики со своими противниками прозвище «славянофилов», которое и удержалось за ними в литературе. Характерной чертой славянофильской идеологии были поиски такого особого, «самобытного» пути русского исторического развития, который не был бы революционным, — славянофилы были яры-

ми противниками и ненавистниками революции, пытавшимися «теоретически» обосновать ненужность и невозможность революции в России. Конечно, объективно стимулом развития этой существенной стороны славянофильской идеологии явились нарастающая революционная опасность и усиление русского революционного движения. Ранее, после восстания декабристов, оно казалось совершенно разгромленным и устранённым с исторической сцены. Теперь же, на глазах будущих славянофилов, оно поднималось вновь. Ещё ранее, нежели оформилась славянофильская идеология, один из её будущих основоположников, Иван Киреевский, опубликовал в своём журнале «Европеец» статью «Девятнадцатый век», в которой отчётливо проявилось его отрицательное отношение к революции и стремление найти «мирительное соглашение враждующих начал».

Идея общих всем народам основных законов исторического развития была давним завоеванием революционной идеологии: убеждение в том, что революция неизбежна, а крепостничество и царизм обречены на слом историей, было характерно ещё для идеологии декабристов. В течение 30-х годов это убеждение окрепло, найдя дополнительный материал и в революционной волне, потрясшей в начале 30-х годов Европу, как во Франции и Бельгии, так и «дома», в Польше, и в некотором подъёме в эти годы массового движения внутри России. Была налицо и всё увеличивавшаяся боязнь революционного движения со стороны царизма. Волна репрессий серьёзно коснулась Герцена, Огарёва, выбросила из университета Белинского, облила клеветой «сумасшедшего» Чаадаева. В противовес мнению революционного лагеря о неизбежности в России революции славянофилы разработали свою теорию о том, что революция в России не может и не должна совершиться: она якобы глубоко чужда самому духу православного русского народа; да он и не имеет в ней нужды, потому что в отличие от порочного революционного Запада якобы обладает замечательными самобытными особенностями, присущими ему одному, а именно крестьянской общиной, чуждой социальной вражды, залогом будущего социального спокойствия и преуспеяния. Именно в таком духе понимали славянофилы русскую народность, считая её «исконными» началами общинность, мирское согласие, равнодушие к политике, глубокую религиозность и ненависть к революции. Община, «мир», и спасёт-де Россию от образования в ней нового общественного класса, беспокойного носителя всяческих смут и революций, от «язвы пролетариатства». Помещик-де и может на этой основе жить в полном мире с крестьянином, а крестьянин — в мире с разумной и понимающей царской

властью, данной народу богом. Власть должна, разумеется, осуществить ряд реформ — славянофилы были противниками личного рабства крестьян и стояли за отмену крепостного права. Эта черта размежёвывает их с крепостниками и с официальной идеологией самодержавия. Однако отсюда не следует, что славянофилы были последовательными противниками феодально-крепостной общественной формации и призывали её гибель: они отстаивали необходимость сохранения сложной и тяжёлой системы феодально-крепостнических пережитков, помещичьего землевладения и якобы «патриархальной» власти помещика над крестьянином; они освящали принцип работы крестьянина на барина и превозносили блага крестьянской общины, которая сама фактически была орудием крестьянского закабаления и задерживала развитие капиталистических отношений. Славянофилы относились резко отрицательно к реформам Петра I, считая, что он «испортил» историю России, повернув её с самобытного пути. Мнения славянофилов имели реакционную философскую основу: славянофилы были ярыми противниками материализма и революционной диалектики; материалистическому мировоззрению они противопоставляли убеждения религиозного характера.

Славянофилы защищали панславистскую идеологию, мечтая о соединении всех славянских народов под эгидой царской России. Как уже отмечалось выше, идея всеславянского объединения под эгидой *царской* власти была реакционной идеей: она не сулила славянским народам никаких социальных преобразований и обещала лишь консервацию отсталых, феодальных институтов под главенством устарелого царизма, который сам был тормозом развития огромнейшей славянской страны — России, сам был врагом русского народа. Существующее же в литературе мнение, что славянофилы-де первые заговорили о всеславянском единении, совершенно неправильно. И реакционный панславизм и революционная идея всеславянского демократического единства, как известно, много старше славянофильской теории.

Противник славянофилов профессор Грановский с волнением писал о них в письме к своему другу Станкевичу: «Ты не можешь себе вообразить, какая у этих людей философия. Главные их положения: Запад сгнил, и от него уже не может быть ничего; русская история испорчена Петром. Мы оторваны от родного российского основания и живём наудачу; единственная выгода нашей современной жизни состоит в возможности беспристрастно наблюдать чужую историю, это даже наше назначение в будущем; вся мудрость человеческая истощена, исчерпана в творениях св. отцов греческой церкви, писавших после отделения от Западной, — их только нужно

изучать: дополнять нечего, всё сказано... Киреевский говорит эти вещи в прозе, Хомяков в стихах».

Главными представителями славянофильства были А. С. Хомяков, братья Иван и Пётр Киреевские, братья Константин и Иван Аксаковы, А. Кошелев, Ю. Самарин, Н. Языков. Большинство их принадлежало к родовитому дворянству и владело обширными имениями. Увлечение славянофилов своей теорией доходило до того, что Аксаков, желая продемонстрировать единение с русским народом, заменил своё господское «европейское» платье русским кафтаном и старинной мурмолкой, в силу чего народ на базаре, по меткому замечанию Чаадаева, принимал его «за персиянина».

Учение славянофилов было ложным; оно не приближало лучших русских людей к пониманию истинного положения вещей, а отдаляло от него. Оно звало Россию назад, к порядкам допетровской Руси. Никаких особых законов развития для одной страны не существует — основные законы исторического развития являются общими для всего человечества. Религиозность, «отвращение» от политической деятельности, мирное настроение и царелюбие, разумеется, никак не являются «исконными» качествами русского народа и вообще не могут явиться «прирождёнными» качествами какого бы то ни было народа: народы искони борются за своё освобождение от всякого угнетения. Русская община была оценена славянофилами крайне неправильно: она была остатком старины, задерживающим поступательное историческое развитие, а вовсе не хранилищем и залогом какого-то идеального общественного строя. Что касается реформ Петра I, то и тут славянофилы совершали ошибку: они глубоко недооценивали реформы, не понимали их исторической необходимости и их положительных результатов. Религиозная идеалистическая философия славянофилов в ту пору, когда передовая русская философская мысль одерживала блестящие победы в области материализма, подчас сбивала молодёжь с правильного пути и тормозила развитие русской культуры. Правда, славянофилы были противниками крепостного права и сторонниками крестьянского освобождения, подвергали известной критике правительство Николая I, за что позже даже сами подвергались репрессиям. Но мирное сочувствие личному освобождению крестьян и желание оставить основные земельные владения за помещиком отнюдь не являлись в ту эпоху передовой, ведущей идеологией: этим скромным и робким пожеланиям уже давно противостояла боевая идеология русских революционеров, заплативших каторгой, ссылкой и виселицами за своё требование революционным путём действительно освободиться от крепостничества и самодержавия. Собирание славянофилами

русского фольклора, запись народных сказок, обрядов, песен (см. главу XV), конечно, являлось полезной деятельностью, но признание этого никак не может подменить общей критики основ их отсталого мировоззрения.

Славянофильская теория вызвала бурные и жаркие споры, явившиеся приметной чертой общественной жизни в самом конце 30-х и в первой половине 40-х годов. В определённые дни противники сходились в гостях у друзей и занимались бесконечными спорами: «в понедельник у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у Елагиной», причём спорили «до четырёх часов утра, начавши в девять» *(Герцен)*. На эти вечера кроме участников споров съезжались зрители и сидели ночи напролёт, чтобы «посмотреть, кто из матадоров кого отделает и как отделают его самого» *(Герцен)*. Тут Константин Аксаков яростно защищал Москву, «на которую никто не нападал» *(Герцен)*, тут блистал красноречием и полемическим талантом Герцен, яростно сражаясь с Хомяковым.

Белинский вёл последовательную и непримиримую борьбу со славянофилами с позиций революционной демократии. В 1840 г., переехав в Петербург, Белинский начал обстрел славянофилов со страниц петербургских «Отечественных записок»; со времени «войны против Белинского» славянофилы, по шутливому выражению Герцена, стали существовать «официально». В Москве основную роль в спорах со славянофилами стал играть только что вернувшийся из ссылки Герцен. «Безумное направление славянофильства» становилось, по мнению Герцена, «костью в горле» русского образования; Герцен находил, что славянофилы «никаких корней не имеют в народе» и являются «литературной болезнью». Революционный демократ Белинский громил славянофилов как «витязей прошедшего» и «обожателей настоящего». В 1845 г. разногласия, существовавшие, разумеется, с самого начала столкновений, дошли до такой остроты, что было решено уже не встречаться для споров в дружеской обстановке и не поддерживать личных отношений.

Друг Белинского и Герцена профессор Грановский и знаменитый русский актёр М. С. Щепкин также были убеждёнными противниками славянофилов. В спорах со славянофилами принимали также участие чуждые революционного мировоззрения буржуазные либералы К. Кавелин, Е. Корш, В. Боткин, П. Анненков, уже тогда стоявшие на позициях мирных либеральных реформ, которые сохранили бы существенные основы дворянского господства и самодержавного строя. Весь этот разнообразный по мировоззрению круг общественных деятелей славянофилы окрестили «западниками» и огульно обвиняли их в защите «прогнившего Запада» и измене

русским «национальным началам». Однако в западной культуре, как и во всякой другой культуре антагонистических обществ, были две культуры: культура передовая, революционная, демократическая, насыщенная идеями, защищавшими интересы трудового народа, отстаивавшая развитие нового в историческом процессе, и культура угнетателей, отстаивающих старое. Так называемые «западники» по-разному относились к этим двум культурам. Представители революционного лагеря, двигая вперёд развитие отечественной культуры, в то же время высоко ценили значение передовой западной культуры. Представители буржуазных либералов раболепно восхищались другой, буржуазной культурой Запада и низкопоклонничали перед ней. Они защищали космополитические теории, им было свойственно непонимание основных жизненных задач в истории родной страны. Смешение этих антагонистических идеологий является глубоко ошибочным. Равным образом не следует пользоваться термином «западник» в качестве точного определителя идеологии того или иного деятеля: этот термин неточен по существу, покрывая разнородные и противоречивые явления. Ленин писал о Герцене и Белинском, ни разу не применив термина «западник». Попытка Струве рассмотреть спор народников с марксистами как «естественное продолжение разногласий между славянофильством и западничеством» вызвала решительный отпор Ленина: «Сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя... С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться» [1]. Таким образом, термины «западничество» и «славянофильство» приурочиваются к определённой эпохе и не имеют общего значения.

Лекции Т. Н. Грановского. Крупным общественным событием 40-х годов были публичные лекции талантливого профессора всеобщей истории Т. Н. Грановского, ярого противника славянофилов. В возбуждённой идейной атмосфере тех лет, в условиях тяжёлой николаевской цензуры, давившей свободную мысль, циклы публичных лекций собирали значительную аудиторию, взволнованно обсуждавшую слышанное; в устных выступлениях передового деятеля ловили намёки, появление которых в печати было более затруднено цензурными условиями. Московский университет раскрыл свои двери для широких общественных слоёв, жаждавших знаний. Грановский выступил с университетской трибуны как пропагандист передовой

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 384.

культуры и науки. Он прочёл циклы публичных лекций в период с 1843 по 1846 г.; последний, более короткий цикл состоялся в 1851 г. Темой лекций была история Франции и Англии в средние века. В основе лекций Грановского лежало убеждение, что Россия и Запад развиваются одинаковыми путями, следуя общим историческим закономерностям. Крепостное право рухнуло на Западе, — оно должно рухнуть и в России, давал понять Грановский своей аудитории. Темы о средневековье давали Грановскому широкий простор для осуждения крепостного права и выражения горячего сочувствия угнетённому помещиками крестьянству. Позже Некрасов писал о Грановском: «Ты настоящее оплакивать умел и брата узнавал в рабе иноплеменном, от нас веками отдаленном». Разрушитель исторических легенд, Грановский требовал строгой научной аргументации исторических положений и сам глубоко знал первоисточники и литературу. «Грановский выходит перед московским обществом не как адвокат средних веков, — писала о его публичных лекциях газета «Московские ведомости», — а как заявитель великого ряда событий в их органической связи с судьбами человечества». Во время лекций Грановского аудитория была битком набита, и слушатели устраивали лектору восторженные овации. «Лекции Грановского, — сказал Чаадаев, выходя с одной из них, — имеют историческое значение».

Правительство в конце концов так стеснило Грановского и предъявило к нему такие требования, что дальнейшее чтение лекций пришлось прекратить.

Большое значение имело также преподавание Грановского в университете. В своих лекциях он знакомил слушателей с передовыми для своего времени критическими методами исторического исследования, воспитывал горячих патриотов, противников крепостного строя.

Дальнейшее развитие общественного движения в конце 40-х — начале 50-х годов отмечено нарастанием процессов размежевания общественных течений и ещё более ясным выявлением их классовых противоречий. Сильнейшим ускорителем этого созревания русской общественной идеологии явились революционные события 1848—1849 гг. «Все вопросы переставились громадными событиями 1848 года», — писал Герцен.

ЛИТЕРАТУРА

I. **Классики марксизма-ленинизма.** *Маркс К.* Письмо в редакцию Отечественных записок. [1877 г.]. Сочинения Т. XV. С. 375—378.— *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 383—384. — *Ленин В. И.* О «Вехах». Сочинения. Изд. 4. Т. 16. С. 108—109. — *Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 9—15. — *Ленин В. И.* Роль сословий и классов в освободительном движении. Сочинения. Изд 4. Т. 19. С. 294—296. — *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 223—230.

II. **Документальные материалы. Пособия.** Крестьянское движение. 1827—1869. Вып. I. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 164 с. (Центрархив). — *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. Под ред. М Гершензона. Т. I—II. М. 1913—1914. — Неизданные «Философические письма» П. Я. Чаадаева. «Литературное наследство» № 22—24. М. 1935. С. 1—78. — *Бродский Н. Л* Ранние славянофилы М. 1910. LXV, 206 с. — *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. I. В его кн.: Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII. Пгр. 1919. С. 9—192. — *Герцен А. И.* Дневник. Там же. Т. III. С. 17—74, 87—162, 299—380. — *Герцен А. И.* Кто виноват? Там же. Т. IV. С. 195—376. — *Герцен А. И.* Доктор Крупов. Там же. Т. V. С. 83—107. — *Герцен А. И.* Сорока-воровка. Там же. Т. V. С. 185—205. — *Герцен А. И.* Дилетантизм в науке Там же. Т. III. С. 163—233. — *Герцен А. И.* Письма об изучении природы. Там же. Т. IV. С. 1—182. — *Грановский Т. Н.* Сочинения. Изд. 4. М. 1900. 659 с. — *Белинский В. Г.* Избранные сочинения. М. 1947. XVI, 671 с. — *Белинский В. Г.* Письма. Т. I—III. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. Спб. 1914. — *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли в XIX веке. (Материалы). Кн. I. Западники и славянофилы. В его кн.: Сочинения. Т. XXIII М.—Л. 1926. 457 с.— *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. Спб. 1909. XV, 614 с — *Щёголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3, просм. и доп. М. — Л. 1928. 550 с. — *Станкевич А.* Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк). М. 1869. IX, 306 с.— *Нечаева В. С.* Юность Белинского Пенза 1948. 139 с. — *Поляков М* Белинский в Москве (1829—1839). М. 1948. 315 с. — *Васецкий Г. С.* Белинский — великий мыслитель и революционный демократ. М. 1948. 120 с. — *Бродский Н. Л* В. Г. Белинский М. 1946. 144 с.

Глава XIII

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ 1840-х — НАЧАЛЕ 1850-х ГОДОВ. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г.

Обострение общественной борьбы в конце 1840-х — начале 1850-х годов. Общественная борьба в конце 40-х—начале 50-х годов двигалась дальше, развивалась и обострялась в соответствии с нарастанием общего кризиса феодально-крепостного строя. Вместе с этим свирепела реакция.

В эти годы сложились и новые революционные организации, на первом месте среди которых надо отметить петербургский кружок Петрашевского. Передовое идейное объединение вокруг М. В. Буташевича-Петрашевского, мелкого чиновника, служившего в министерстве иностранных дел, сложилось в Петербурге. Петрашевский был одарённым и общительным человеком, который живо интересовался вопросами философии и политики, много читал и чувствовал влечение к практической общественной деятельности. Начиная с 1845 г. у Петрашевского еженедельно собирались близкие знакомые и вели беседы на философские и общественно-политические темы. На «пятницы» Петрашевского сходились литераторы, учителя, студенты последнего курса, мелкие чиновники, офицеры; это была молодёжь из небогатых дворян и разночинцев, затронутая передовыми буржуазно-демократическими идеями. В числе посетителей Петрашевского были начинающие писатели М. Е. Салтыков, Ф. М. Достоевский, поэты А. Н. Плещеев и А. Н. Майков, учёный-географ П. П. Семёнов, пианист А. Г. Рубинштейн. Говорили о прочитанных книгах, о новинках научной литературы, о ненавистном крепостном праве, о вопиющем зле дореформенного суда, об идеях утопического социализма, о тяжести царской цензуры.

В апреле 1845 г. начал выходить из печати «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издаваемый весьма благонамеренным гвардейским полковником Н. Кирилловым и даже посвящённый великому князю Михаилу Павловичу, брату царя. Полковник и не подозревал, что редактирует революционную книгу. В 1846 г. вышел второй выпуск словаря. Непосредственное участие в составлении словаря приняли Петрашевский и некоторые его товарищи

«под главною его самого редакцией». Словарь отразил в силу этого в некоторой степени идеологию новой слагающейся революционной организации. Объясняя различные термины — «овенизм», «организация производства», «нормальное состояние», — Петрашевский пропагандировал идеи утопического социализма. Словарь был выпущен в свет и разошёлся по рукам, но скоро обратил на себя внимание правительства и был изъят из продажи за «непозволительные и вредные мысли». До своего уничтожения он успел разойтись в 1 тыс. экземпляров. Белинский приветствовал его появление в сочувственной рецензии, где советовал этим словарём «запасаться всем и каждому! (составлен умно, со знанием дела, словарь превосходен)».

Идеология кружка была революционно-демократической. «Что мы видим в России? — писал петрашевец Момбелли в своих заметках о цивилизации. — Десятки миллионов страдают, тяготятся жизнию, лишены прав человеческих или ради плебейского происхождения своего, или ради ничтожности общественного положения своего, или по недостатку средств существования, зато в то же время небольшая каста привилегированных счастливцев, нахально смеясь над бедствиями ближних, истощается в изобретении роскошных проявлений мелочного тщеславия и низкого разврата, прикрытого утончённой роскошью». Ненавидя самодержавный строй, петрашевцы называли царя «богдыханом», а вместо слова «дурак» говорили «действительный статский советник». Они были горячими русскими патриотами; Петрашевский говорил «как русский, — от лица России и во имя её будущих нужд».

Одновременно на Украине образовалось и развило свою деятельность противоправительственное Кирилло-Мефодиевское общество, участником которого был великий революционный демократ Шевченко [1].

В январе 1847 г. Герцен уехал за границу. Он не мог дольше оставаться в николаевской России, в этом царстве «мглы, произвола, молчаливого замирания, гибели без вести, мучений с платком во рту». За границей он стал голосом свободной России и развил широкую революционную агитацию.

Письмо Белинского к Гоголю. Крупнейшее общественное значение имело появившееся в эти годы знаменитое письмо Белинского к Гоголю.

Гоголь как автор великих художественных произведений — «Ревизора», «Мёртвых душ» и др. — был обличителем крепостного права, стало быть, — объективно — борцом против него.

---

[1] Деятельность Кирилло-Мефодиевского общества освещена в VIII главе.

Крепостническая Россия была разоблачена и заклеймена Гоголем: он описал тупость, ограниченность, смешное ничтожество и страшное духовное уродство крепостников. Гоголь заставил всю передовую Россию рассмеяться горьким и возмущённым смехом над Собакевичами, Плюшкиными, городничими, Хлестаковыми, а смех над ними, несомненно, облегчал борьбу с ними. Революционный лагерь признал Гоголя своим. «Да, я любил Вас со всей страстью, с какой человек, кровно связанный со своей страной, может любить её надежду, честь, славу, одного из великих вождей её на пути сознания, развития, прогресса», — писал Белинский Гоголю.

Но в 1847 г. Гоголь выступил в печати не как передовой художник, а как реакционный публицист, с печально знаменитой книгой «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга эта отстаивала реакционные идеи, защищала крепостное право и николаевское самодержавие. Гоголь провозглашал помещика «отцом крестьян», которому необходимо повиноваться, крестьянина называл «неумытым рылом», учил помещика побольше наживаться на крестьянском труде, призывал к повиновению чиновникам и царю, к исполнению «обычаев старины». После выхода этой книги Белинский поместил резко отрицательный отзыв о ней в журнале «Современник». Обидевшийся Гоголь ответил Белинскому письмом, в котором пытался объяснить его критику личными мотивами. Тяжело больной Белинский, находившийся в это время на лечении за границей (в Зальцбрунне, в прусской Силезии), ответил Гоголю своим знаменитым письмом, которое, конечно, не могло появиться в печати и разошлось по рукам в тысячах списков (полностью оно было опубликовано лишь в 1905 г.). «Вы только отчасти правы, увидев в моей статье *рассерженного* человека, — писал Белинский Гоголю, — этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в которое привело меня чтение вашей книги... Нельзя перенести оскорблённого чувства истины, человеческого достоинства: нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель». Белинский заявлял, что «Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!)... а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом». Белинский ярко освещал всю унизительность крепостного строя: Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми... где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стёшками, Палашками». Россия —

страна, где «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!» Уничтожение крепостного права Белинский считал очередной задачей, относил это требование к числу «самых живых, современных, национальных вопросов в России».

«Или вы больны — и вам надо спешить лечиться, — писал Белинский Гоголю, — или... не смею досказать моей мысли!.. Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги,—ведь вы стоите над бездною».

Письмо Белинского стало манифестом передовой и мыслящей России. Оно получило широчайшее распространение. «Имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни, — писал Аксаков. — Если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетённых, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского». Петрашевцы с восторгом читали письмо Белинского на своих заседаниях. Передовая молодёжь сделала его своим знаменем.

Ленин чрезвычайно высоко оценил письмо Белинского к Гоголю, указывал на то, что оно подводило «итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...» [1]

III отделение уже сторожило свою жертву, и только смерть спасла Белинского от Петропавловской крепости. Белинский умер в мае 1848 г.

«Что бы ни случилось в русской литературе, как бы пышно она ни развилась, Белинский всегда будет её гордостью, её славой, её утешением. До сих пор его влияние ясно чувствуется на всём, что только появляется у нас прекрасного и благородного, до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознаётся, что значительной частию своего развития обязан, непосредственно или посредственно, Белинскому... Во всех концах России есть люди, исполненные энтузиазма к этому гениальному человеку и, конечно, это — лучшие люди России», — писал о Белинском Н. Г. Чернышевский.

Революция 1848 г. и отклики на неё в России. Размежевание общественных течений. 25 февраля в результате парижского восстания пала монархия Людовика-Филиппа Орлеанского. Начавшаяся во Франции революция носила ярко выраженный буржуазно-демократический характер. В течение марта она

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223—224.

приняла общеевропейский характер, привела к ограничению монархической власти в Австрии и Пруссии, сопровождалась широким национально-освободительным движением среди итальянцев и венгров, поляков и чехов, румын и ирландцев. Во Франкфурте-на-Майне открылся учредительный парламент для разработки конституции воссоединяемой Германии. Широко распространялись идеи утопического социализма. Во Франции и Германии пролетариат выступил как самостоятельная общественная сила, настойчиво борясь за свои классовые требования. Величайший документ человечества — «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, опубликованный накануне революции, — заложил научные основы для международной борьбы рабочего класса, формулировал основные положения научного социализма — марксизма.

Некоторые представители русского революционного движения были свидетелями и участниками европейских событий. А. И. Герцен, в 1847 г. уехавший за границу, сочувственно наблюдал революционную борьбу сначала в Италии, потом во Франции. М. А. Бакунин, уехавший за границу ещё ранее, в 1840 г., принимал непосредственное участие в национально-освободительном движении славян и вооружённых восстаниях в Праге и Дрездене.

К моменту европейской революции кризис феодально-крепостного строя в России достиг уже значительной остроты; он проявлялся и в повсеместных волнениях крестьянства, и в борьбе угнетённых народностей, и в революционном движении интеллигенции. Разложение старой, отживающей системы углубилось в 1848 г. тяжёлыми массовыми бедствиями, обусловленными экономической и культурной отсталостью крепостного государства: исключительный по силе неурожай поразил десятки губерний, эпидемия холеры свирепствовала почти по всей Европейской России, опустошительные пожары испепелили множество сёл и городов. Чувства недовольства и затаённого протеста охватили массы населения. Известия о революционных переворотах во Франции, Австрии и Пруссии падали на благоприятную почву, подготовленную обострением внутренних противоречий в самой России. Во всех слоях общества слышались взволнованные разговоры о заграничных событиях. Крепостники были охвачены тревогой в ожидании возможного крестьянского восстания, для них «настоящее представлялось как бы тяжёлым сном». Славянофилы, ненавидевшие революцию и боявшиеся её, видели в начавшейся революционной борьбе проявление разлагающих начал буржуазной цивилизации. «Запад разрушается, и обличается ложь Запада, — писал К. С. Аксаков, — ясно, к какой бездне привела его избранная им дорога».

Подчас умеренные либералы вроде профессора Никитенко приветствовали первые шаги революции как «торжество человечности, законности и права». Радикальная молодёжь сочувственно ловила известия о буржуазно-демократической революции и проявляла глубокий интерес к республиканскому и социалистическому движению.

Слухи о революционных событиях проникали и в широкие трудовые массы России, возбуждая среди них смутные волнения и надежды. Петербургская полиция подслушивала среди городского населения немало критических замечаний о правительстве. По отчёту III отделения, в 1848 г. «примеры неповиновения крестьян их владельцам значительно увеличились против прежних лет». Среди крестьян Смоленской губернии ходили толки о скором появлении французов, которые идут в Россию, «дабы дать вольность». Особенно волновались пограничные губернии, куда быстрее и подробнее доходили известия о европейских революционных событиях. В Прибалтийском крае, в Литве и на юго-западной Украине ждали поголовного избиения помещиков. В некоторых пунктах распространялись печатные и рукописные воззвания с призывами к восстанию и свержению самодержавия. III отделение приписывало эти воззвания революционным полякам. Действительно, настроение Польши было особенно возбуждённым: за один 1848 г. здесь было раскрыто три революционных заговора, захвачено немало заготовленного оружия, найдено много революционных прокламаций; эмигрировало за границу более полутора тысяч человек.

Революционные события 1848 г. заставили представителей русского общественного движения глубже вдумываться в социально-политические проблемы, выдвинутые кризисом крепостного строя. Особенно повлияло на размежевание общественных течений восстание парижского пролетариата в июньские дни 1848 г.

Для позиции буржуазных либералов были характерны настроения молодого Б. Н. Чичерина, впоследствии одного из крупных вожаков российского либерализма. Сначала Чичерин—тогда ещё студент Московского университета—с восторгом встретил известие о февральской революции во Франции. Но июньские дни 1848 г. прозвучали для него «громовым ударом»: в парижских рабочих, начавших вооружённую борьбу с буржуазией, он увидел «разнузданную толпу», выступившую «без всякого повода и без всякого смысла». По словам Чичерина, он сразу разочаровался и «в жизненной силе демократии» и «в теоретическом значении социализма». Чичерин резко отмежевался от социализма, объявив его «бредом горячих умов, а ещё чаще шарлатанством демагогов». Чичерин стал врагом

революции, ненавистником всякого революционного демократического движения.

У прежних друзей декабристов революционные события на Западе разбудили революционные настроения. Под непосредственным впечатлением революции 1848 г. П. Я. Чаадаев написал воззвание к русскому народу, посвящённое европейским переворотам. В этой прокламации он спрашивал «братьев горемычных, людей русских»: «Дошёл ли до вас слух из земель далёких, что братья ваши, разных племён, на своих царей-государей поднялись все, восстали все до одного человека! Не хотим, говорят, своих царей-государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, порабощали, часто горькую чашу испивать заставляли...» Листовка Чаадаева осталась неизвестной современникам, но она показывала его искреннее сочувствие идеям революции и республики. Чаадаев решительно осуждал имущественное неравенство, но всё же оставался во власти своего прежнего, религиозного мировоззрения, хотя и следил внимательно за ростом социалистических учений.

Но особенно важно учесть отклик на революцию среди представителей русского революционного движения. Особо значительной в этом отношении представляется деятельность общества петрашевцев.

Петрашевцы и революция 1848 г. События, разразившиеся в Западной Европе, встретили самое горячее сочувствие Петрашевского и его товарищей. На собрания стало сходиться до 50 человек. Выделилось активное ядро постоянных посетителей, проявилась борьба более революционных членов с более умеренными. В речах и докладах зазвучали боевые и страстные ноты. Некоторые участники кружка переставали удовлетворяться словесными поединками и обдумывали проекты активной революционной деятельности. На первый план выдвинулись сторонники утопического социализма, который, по словам Энгельса, «беспощадно вскрывает всю материальную и моральную нищету буржуазного мира и сопоставляет ее с заманчивыми обещаниями [прежних] просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, с их заявлениями о способности человечества к бесконечному совершенствованию» [1]. Помимо самого Петрашевского идеи утопического социализма разделяли Н. А. Спешнев, Д. Д. Ахшарумов, Н. С. Кашкин, А. В. Ханыков и другие посетители «пятниц». Спешнев — наиболее революционно настроенный петрашевец — стоял во главе революционного крыла общества и являлся особо выдающимся его участником.

---

[1] *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, 1948, стр. 244.

После революции 1848 г. интерес к утопическому социализму стал ещё шире и напряжённее. 7 апреля 1849 г., в день рождения Фурье, петрашевцы устроили товарищеский обед, на котором были произнесены речи, посвящённые критике современного строя и прославлению грядущего социализма. Но русские последователи Фурье самостоятельно восприняли и истолковали его учение. В условиях крепостничества и деспотизма они не могли оставаться равнодушными к политическим вопросам, к судьбе своей родины. Петрашевский и его друзья, горячие патриоты, возмущались политикой царского самодержавия и существованием крепостного права. «Отечество моё в цепях, отечество моё в рабстве, религия, невежество — спутники деспотизма — заглушили твои натуральные влечения», — говорил Ханыков в своей застольной речи 7 апреля. Наиболее революционно настроенные участники кружка петрашевцев возлагали надежды на приход народной революции, желали участвовать в подготовке массового восстания, проектировали устройство тайной типографии, писали агитационные сочинения для распространения в народе и в царской армии. Спешнев составил проект устава тайного общества.

Кружок петрашевцев сыграл роль в формировании мировоззрения величайшего русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского. Не входя непосредственно в состав кружка, Чернышевский был с ним связан через своих близких товарищей (Лободовского, Ханыкова). Воздействие великих событий революционных лет — 1848—1849 гг. — также сыграло немалую роль в формировании мировоззрения этого выдающегося революционера [1].

В отличие от декабристов участники кружка Петрашевского, в большинстве своём разночинцы, ожидали решительного подъёма крестьянского движения и наступления крестьянской революции. Но они не успели оформить свои боевые планы и создать действенную революционную организацию: царские агенты выследили «пятницы» Петрашевского и учредили за ними секретный надзор. В начале 1849 г. кружок петрашевцев уже находился накануне неминуемого разгрома.

Борьба Николая I с революцией. Революция 1848 г. нанесла сокрушительный удар политике международной реакции и угрожала охватить Польшу, в которой не замирало национально-освободительное движение. Николай I сознавал опасность создавшейся обстановки. 25 февраля 1848 г. был издан приказ о мобилизации армии с целью «противопоставить надёжный оплот пагубному разливу безначалия». Дипломатические сношения с Францией были прерваны, и русскому посланнику

---

[1] См. далее, главу XVI.

в Париже предписывалось возвратиться в Россию. Дальнейшие события расстроили воинственные планы Николая: его собственные союзники, хранители «спокойствия и порядка» у границ Российской империи, капитулировали перед взрывом народного восстания. Николай возмущался уступчивостью австрийского императора и особенно прусского короля, с минуты на минуту опасаясь восстания в Польше. Тревога реакции перед лицом общеевропейской революции отчётливо отразилась в манифесте 14 марта, написанном самим царём. Здесь говорилось о «смутах, грозящих ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства», о «наглости разрушительного порядка», который захватил союзные страны и надвигается на империю: «Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своём и нашей богом вверенной России». «Но да не будет так, — восклицал Николай I. — С нами бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог!» Вся прогрессивная Европа приняла манифест как реакционный вызов международного жандарма. Дальнейшие действия Николая I вполне подтвердили эту оценку.

Громадные военные силы — более 400 тыс. человек — были двинуты в Польшу, Прибалтику и на Правобережную Украину. Был объявлен новый рекрутский набор, произведён ускоренный выпуск офицеров, приняты меры для усиленного снабжения армии. От австрийского и прусского правительств Николай потребовал немедленного подавления польского движения. Средствами своей дипломатии он старался поддержать австрийского императора и предоставил ему шестимиллионную ссуду, чтобы покончить с национально-освободительным движением в Италии. Англия и Франция были предупреждены царём, что всякая попытка активно поддержать Италию против Австрии вызовет вооружённый отпор со стороны России. Когда началось румынское национально-освободительное движение в дунайских княжествах, Николай прибегнул к открытому насилию: в июле 1848 г. в княжества были введены русские войска, и русские генералы взяли в свои руки управление Молдавией и Валахией. 19 апреля (1 мая) 1849 г. было подписано русско-турецкое соглашение в Балта-Лимане, которое упраздняло выборы господарей и законодательные диваны в Молдавии и Валахии. Но на более широкое вмешательство в революционные события международный жандарм ещё не отважился: Николая I пугало внутреннее состояние самой России; мобилизованной армии едва хватало, чтобы предупредить массовые волнения в западных и центральных губерниях.

Однако скоро Николай I понял, что либеральный деятель поэт Ламартин, стоявший во главе французского правительства и заигрывавший с царизмом, вовсе не так страшен и что

следует поддержать его борьбу против «анархии». Когда французская буржуазия раздавила июньское восстание пролетариата, Николай I приветствовал палача восставшего Парижа генерала Кавеньяка за его «великолепное поведение» в борьбе с «разрушительными учениями коммунизма». Такое же одобрение со стороны Николая встретила деятельность австрийских палачей — генерала Радецкого, разгромившего национально-освободительное движение в Италии, и генерала Виндишгреца, залившего кровью восстание в Чехии и Вене.

Однако, несмотря на успехи европейской реакции, Николай не мог вполне успокоиться: невдалеке от его польских границ оставался пылающий революционный очаг—восставшая против австрийского владычества Венгрия. Десятки тысяч добровольцев, в том числе польские эмигранты, влились в венгерскую армию. Австрийские войска были отброшены назад, и венгерская армия подступила к самым границам Австрии; через несколько дней передовые отряды венгерского полководца Гёргея могли захватить Вену. По словам Маркса и Энгельса, это была величественная восточноевропейская революционная война, которая переросла свои первоначальные национальные рамки; в случае победы венгерского народа «была бы разрушена вся восточно-европейская система государств» [1]: феодальная Австрия распалась бы на составные части, Италия и Польша завоевали бы себе независимость, Германия объединилась бы вокруг революционного центра, а русский царизм оказался бы изолированным и утратившим своё влияние на Западную Европу.

Николай I не мог допустить победы республиканской Венгрии: это событие должно было повлечь за собой окончательное крушение Священного союза, восстание в Польше и возобновление революции в дунайских княжествах. К исходу 1848 г. соотношение сил революции и реакции существенно изменилось; в результате июньских дней во Франции и правительственных репрессий внутри России Николай I почувствовал себя достаточно сильным и был готов на открытую интервенцию в европейские страны.

Интервенция Николая I в Венгрии. Уже в январе 1849 г. в Трансильванию было введено около 6 тыс. солдат русского войска, чтобы помочь теснимой австрийской армии, но этих сил оказалось недостаточно, и после неудачных боевых действий отряды пришлось отвести в Валахию. В апреле 1849 г. австрийское правительство официально обратилось к России за военной помощью. Николай I ответил согласием. В результате русско-австрийского соглашения царское правительство

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. VII, стр. 291.

решило двинуть 140 тыс. солдат в Венгрию и 60 тыс. в Галицию, причём русская армия, которой командовал фельдмаршал Паскевич, должна была действовать самостоятельно. Австрия обеспечивала её продовольствием и должна была согласовать боевые операции своей армии с русским стратегическим планом. Одна русская дивизия была немедленно переброшена для «спасения» Вены, остальные войска перешли русскую границу в июле 1849 г. В общей совокупности русские силы составляли более 140 тыс. солдат и 576 орудий; вместе с австрийскими войсками, которые насчитывали 100 тыс. человек, они представляли собой грозную силу, значительно превосходившую венгерскую армию своей численностью. Европейские правительства не мешали реакционному походу Николая I, надеясь, что силами русской армии удастся расправиться с революционным движением в Европе. К этим контрреволюционным мотивам присоединились дипломатические расчёты: Англия стремилась спасти Австрийскую империю, чтобы сохранить могущественный противовес России на Ближнем Востоке.

Николай требовал от Паскевича, чтобы русские войска «грянули как громом» и быстро изменили создавшуюся обстановку. Но осуществить подобное требование оказалось не так легко. Паскевич предполагал, спустившись с Карпатских гор, подойти к столице Венгрии Пешту и оттуда начать фронтальное наступление на венгерскую армию Гёргея, сосредоточенную у западной границы. Австрийская армия должна была подождать русского наступления, чтобы с тыла начать движение против Гёргея. Но австрийцы плохо считались с принятым планом и начали самостоятельное движение на юг. Русские войска не получали обещанного продовольствия; плохое питание облегчило распространение холерной эпидемии. Некоторые офицеры выражали открытое сочувствие венгерцам; немало солдат дезертировало и переходило к противнику. Учитывая создавшуюся обстановку, русское командование использовало внутрипартийную борьбу в Венгрии и предложило Гёргею пойти на капитуляцию.

Борьба с интервенцией затруднялась для венгерского правительства обострившимися классовыми противоречиями. Партия Гёргея сеяла иллюзии о возможности договориться с Россией и «этой верой, — как подчёркивал Маркс, — сломила силу сопротивления венгерской революции»[1]. 13 августа 1849 г. 30-тысячная венгерская армия сложила оружие в окрестностях Вилагоша. Сдавшиеся венгерские офицеры были выданы австрийскому императору, который присудил 9 генералов к повешению, 4 — к расстрелу и 386 офицеров — к тю-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. 1, стр. 368.

ремному заключению. Николай I мог считать свою цель достигнутой: реакция окончательно восторжествовала не только в Австрии, но и на всём континенте Европы.

«Передовые прогрессивные люди России всегда были на стороне освободительной борьбы венгерского народа» [1], — говорил тов. К. Е. Ворошилов в своей речи в Будапеште на торжественном заседании парламента по случаю столетней годовщины венгерской революции 1848 г.

В царской армии находились люди, горячо сочувствовавшие освободительной борьбе венгерского народа. Так, капитан царской армии Алексей Гусев возглавил военную группу, сочувствовавшую венграм, собирал её на тайные собрания и обсуждал способы помощи восставшим венграм. Гусев и его товарищи были повешены царским правительством в Минске по приговору военного суда. В настоящее время венгерский народ назвал одну из улиц Будапешта именем Гусева.

Великий революционный демократ Чернышевский, тогда ещё юноша, выражал горячее сочувствие революционной Венгрии. «Победа над венграми прискорбна», — писал он в дневнике 6 августа 1849 г. Не менее решительно высказывался Герцен, наблюдавший за границей за ходом европейских событий. Подводя итог 1849 году, полный отчаяния, Герцен писал в своих замечательных записках «С того берега»: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства и тупоумия!.. От восстановленной гильотины в Париже... до Венгрии, проданной врагу полководцем, изменившим отечеству, — всё в тебе преступно, кроваво, гадко, всё заклеймено печатью отвержения».

Классики марксизма об интервенции Николая I в Венгрии. Маркс и Энгельс, непосредственно участвовавшие в революции 1848 г., приветствовали национально-освободительную борьбу венгерского народа и показали её революционное общеевропейское значение; они неустанно разоблачали реакционные происки Священного союза, руководящую роль царизма в международной контрреволюции и пособничество царских «князьков из Ольмюца и Потсдама» (австрийского императора и прусского короля). Вожди пролетариата доказывали, что только наступательная революционная война против «международного жандарма» соответствует интересам рабочего класса и всей европейской демократии; они заранее предвидели, что победа Николая I в Венгрии будет могилой свободы не только в Германии, но и во всей Европе. «Победа венгерцев означала бы новый взрыв европейской революции», — писал Энгельс. Вот почему Николай «приказал своим армиям вторг-

[1] «Правда» от 16 марта 1948 г.

нуться в Венгрию, подавил превосходными силами венгерские войска и тем закрепил поражение европейской революции»[1].

В новых условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций — В. И. Ленин неоднократно вспоминал о венгерском походе 1849 г. «Полвека тому назад, — писал Ленин, — за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире»[2].

Вопрос о польско-венгерских эмигрантах. Результаты победы, одержанной Николаем I, обнаружились сейчас же после капитуляции венгерской армии. Многие деятели венгерской революции предпочли эмигрировать в Турцию, чтобы не сдаваться на милость русско-австрийского командования. Победители потребовали от Турецкой империи немедленной выдачи своих эмигрировавших подданных. Опираясь на поддержку Англии и Франции, султан не желал выполнять предъявленных требований. Тогда по инициативе Николая Россия и Австрия разорвали дипломатические отношения с Оттоманской Портой. Было ясно, что выдача эмигрантов могла стать новым этапом в усилении России и Австрии на Балканах, чего никак не хотела допустить в своих узко корыстных, захватнических целях Англия. Поэтому в конце сентября 1849 г. британская эскадра двинулась в воды Архипелага и вопреки конвенции 1841 г. вошла в глубь Дарданельского пролива. Николаю I пришлось пойти на уступки. При переговорах с турецким уполномоченным было принято компромиссное решение: не выдавая эмигрантов, турецкое правительство обязалось изгнать из страны польских подданных Николая, участвовавших в венгерском восстании; эмигранты, перешедшие в ислам, должны были быть интернированы в определённых районах Турции. Таким образом, контрреволюционная победа царизма привела к новому обострению «восточного вопроса».

Николай I против воссоединения Германии. Венгерские события отразились также на положении Германии. Идея революционного воссоединения Германии ещё раньше потерпела крушение. Тогда прусский король Фридрих-Вильгельм IV

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр 27.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, изд. 4, стр. 425.

попытался воссоединить германские государства под своей властью: в 1849 г. было заключено соглашение 15 немецких государств, которые образовали под главенством Пруссии «Унию», независимую от Австрии. Но Австрийская империя, которой грозила утрата политического влияния в Германии, потребовала сохранения государственного устройства, созданного Венским конгрессом. Между Австрией и Пруссией произошёл острый конфликт, который привёл к вмешательству российского самодержавия.

Николай I неодобрительно относился ко всяким попыткам воссоединения Германии: крупное национальное государство, выросшее из революции 1848 г., было бы угрозой самодержавной Российской империи.

Когда в мае 1850 г. австрийский император, ведя борьбу с Пруссией, обратился к посредничеству России, Николай I охотно отозвался на сделанное предложение. Чтобы предотвратить воссоединение Германии, царь настоял на сохранении сеймового устройства 1815 г. Под давлением русского правительства был составлен проект соглашения между враждующими сторонами. Эти «пунктуации» были подписаны прусским и австрийским министрами осенью 1850 г. в небольшом моравском городке Ольмюце. Пруссия уступила по всем спорным вопросам. Конституция Унии была объявлена уничтоженной, и Австрия вернула себе утраченное влияние.

Усиление реакционного курса. Борьба Николая I с европейской революцией соединялась с усилением внутреннего реакционного курса. 21 марта 1848 г. Николай принял у себя депутацию петербургского дворянства и обратился к ней с программной речью. Он заявил, что главная гарантия «спокойствия» и «порядка» заключается в тесном единении дворянского сословия и императорской власти. Он с негодованием отверг приписывавшиеся ему «нелепые и безрассудные мысли и намерения» об освобождении крестьян и объявил дворянское крепостническое землевладение «вещью святою» и неприкосновенной.

Чрезвычайные меры были приняты сейчас же после получения известий о февральской революции: пограничные районы были наводнены войсками; в Польше отобрано было всё разрешённое оружие, не исключая длинных ножей; усилены были меры наблюдения за частными разговорами и письмами; все русские подданные были вытребованы из-за границы; запрещался въезд всех французов, а некоторое время спустя — вообще всех иностранцев; учреждён был особый комитет под председательством реакционера крепостника Меншикова для пересмотра всех журналов и проверки деятельности цензуры.

Как и раньше, особенное внимание Николай обращал на основные проводники революционного влияния — печать и школу. На основании заключений меншиковского комитета были сделаны строжайшие внушения редакторам передовых журналов — «Современника» и «Отечественных записок». Было запрещено печатать подробности о европейских событиях и продавать портреты революционных деятелей, отменялось право научных учреждений свободно выписывать заграничную литературу, введена была усиленная цензура для просмотра ввозимых иностранных книг. Наконец, для борьбы с вредным «духом и направлением» выходящей литературы 2 апреля 1848 г. был учреждён секретный комитет по делам печати под председательством крайнего реакционера Д. П. Бутурлина; комитет наделялся самыми широкими полномочиями. Малейший намёк на критику существующего порядка рассматривался как преступление и вызывал суровые кары.

В 1848 г. был выслан в Вятку сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин за свои первые повести — «Противоречия» и «Запутанное дело». В 1852 г. И. С. Тургенев за свою статью о Гоголе был посажен на съезжую, а затем выслан из столицы в деревню. В 1852 г. было запрещено печатать свои произведения славянофилам К. С. Аксакову, А. С. Хомякову и Ю. Ф. Самарину. Усердные цензоры начали вычёркивать из учебников всеобщей истории имена греческих и римских деятелей на том основании, что они — республиканцы; один из цензоров исключил из всеобщей истории Мухаммеда, ссылаясь на то, что он был «негодяй» и «основатель ложной религии».

Николаю I казались недостаточными прежние меры по отношению к университетам. Распространились упорные слухи, что все университеты будут ликвидированы. Министр народного просвещения Уваров попробовал встать на их защиту: по его инициативе была опубликована раболепная статья профессора Давыдова, доказывавшая «безвредность» и «даже» пользу высшего образования. За это непрошенное вмешательство Уваров получил высочайший выговор, а через некоторое время был уволен, уступив своё место злейшему реакционеру князю Ширинскому-Шихматову. Возродились худшие времена Магницкого и Рунича. Новый министр требовал, «чтобы впредь все положения науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием». Было приостановлено преподавание философии и государственного права; логику и психологию должны были преподавать профессора богословия. По высочайшему повелению количество своекоштных студентов в каждом университете, не считая медицинского и богословского факультетов, было ограничено 300 человек.

Расправа с петрашевцами. Особенно ярко проявилось усиление реакционного курса в беспощадной расправе Николая с петрашевцами. На «пятницы» Петрашевского проскользнул тайный агент полиции, который беседовал с Петрашевским, внимательно прислушивался ко всем выступлениям и составлял подробные донесения о всём происходившем. 22 апреля 1849 г. Николай приказал арестовать наиболее активных членов кружка. В ту же ночь было захвачено 39 человек, в том числе Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Достоевский. Была назначена секретная следственная комиссия, которая допросила обвиняемых и разобралась в их бумагах. Однако при всём желании комиссия не могла раскрыть никакого организованного общества; царские чиновники приходили к выводу, что это был «заговор идей», который «развратил» умы, но не перешёл в активное действие. Тем не менее, с точки зрения Николая I, сочувствие коммунистическим и республиканским идеям было равносильно тягчайшему государственному преступлению. Генерал-аудиториат (высший судебный орган) нашёл, что 21 подсудимый достоин за свои деяния смертной казни; однако, признавая «смягчающие вину» обстоятельства, он предлагал одним заменить смертную казнь вечной и срочной каторгой, другим — арестантскими ротами, третьим — ссылкой на поселение.

Николай согласился с этим мнением, но в «назидание» подсудимым решил заставить их пережить ужас неминуемой смерти. 22 декабря 1849 г. осуждённые были выведены из крепостных казематов и в извозчичьих каретах доставлены на Семёновскую площадь. Они увидели перед собой высокий эшафот, обтянутый чёрной траурной материей, врытые в землю столбы, войска, сомкнутые в каре, и чернеющую толпу народа. Чиновник прочёл им конфирмацию о смертной казни, солдаты накинули на осуждённых белые балахоны, священник призвал их к предсмертному покаянию. Трёх человек — Петрашевского и офицеров Момбелли и Григорьева — привязали к столбам и закрыли им лица белыми колпаками; послышалась команда «клац»; солдаты взяли ружья на прицел, раздался бой барабанов. Петрашевцы, действительно, пережили чувство надвигающейся смерти, но в этот момент подъехал флигель-адъютант с высочайшим приказом о «помиловании». Петрашевского здесь же, на площади, заковали в кандалы и, посадив в арестантскую кибитку, отправили на сибирскую каторгу. Через несколько дней начали развозить остальных петрашевцев. В числе осуждённых находился писатель Ф. М. Достоевский, который должен был четыре года отбывать каторгу в омском тюремном замке и шесть лет служить в Семипалатинске в линейном батальоне.

Подобными мерами Николай I стремился раз навсегда покончить со всякими «дерзкими умствованиями».

Революционная агитация А. И. Герцена. Торжество политической реакции не могло остановить закономерного хода общественного развития. Казалось, репрессии Николая I задушили всякое проявление свободной политической мысли, но так только казалось. Правда, настроения отчаяния и тоски охватили многие прогрессивные умы, однако одновременно совершался процесс формирования новых революционных кадров. Всё новые сторонники примыкали к революционному движению. Передовая молодёжь с жадным вниманием прислушивалась к революционной агитации А. И. Герцена, которая раздавалась в это время из Западной Европы.

А. И. Герцен приехал во Францию за год до революции 1848 г. Уже первые впечатления от буржуазного Парижа показали ему отрицательные стороны капиталистического Запада. Революция 1848 г., которую Герцен непосредственно наблюдал во Франции и Италии, захватила его своим воодушевлением и подъёмом. «Новые силы пробудились в душе, старые надежды воскресли и какая-то мужественная готовность на всё снова взяла верх», — писал он об этом замечательном времени в своих «Письмах из Франции и Италии». Однако Герцен оставался во власти утопического социализма, хотя обострившаяся классовая борьба, особенно кровавое подавление июньского восстания, нанесла удар его буржуазно-демократическим иллюзиям. Он нашёл яркие и гневные слова, чтобы достойно заклеймить поведение европейской буржуазии в своих «Письмах» и в сочинении «С того берега». Но Герцену казалось, что вместе с его собственными надеждами рушится вся мировая цивилизация, — он не видел выхода из наступившей реакции и не верил в жизненные силы рабочего класса. «После июньских дней ни разу луч близкой надежды не проникал в мою грудь», — говорил он о своих переживаниях этого времени. «Куда ни посмотришь, отовсюду веет варварством, снизу и сверху, из дворцов и мастерских». Герцен не дошёл до материалистического понимания истории, не смог разобраться в закономерном ходе общественного развития и наметить правильные исторические перспективы, — он, как указал Ленин, «остановился перед — историческим материализмом» [1]. Отсюда — его безнадёжный взгляд на будущее Европы, его непонимание нового этапа в классовых взаимоотношениях. «Духовная драма Герцена, — говорил Ленин, — была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Ев-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.

ропе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» [1]. Вынося приговор тупой, самодовольной буржуазии, Герцен ещё не видел созидающей, творческой роли рабочего класса.

В условиях реакции и разброда Герцен мучительно искал выход из создавшегося кризиса, сопоставлял судьбы России и Запада, вспоминал свои недавние споры со славянофилами. В конце концов он нашёл выход, поверив в спасительную миссию русской крестьянской общины и артели; общинное землевладение, крестьянская идея «права на землю» и самоуправление мира стали представляться ему источниками грядущего коммунизма и обновления человечества. Герцен развил свою точку зрения в ряде публицистических статей, обнародованных на русском и европейских языках. «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, — говорил Ленин, — как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» [2]. В форме «русского социализма» Герцен выражал революционно-демократические стремления передовых людей тогдашней России. Вдохновлённый новой верой, Герцен со всей силой своего литературного таланта обрушился на самодержавие и крепостное право. Поддерживая дружеские связи с революционными эмигрантами, в частности с участниками польского движения, он повёл систематическую революционную агитацию, требуя прежде всего освобождения крестьян с землёй, освобождения слова от цензуры и признания самостоятельности Польши. В 1851 г. Николай I объявил Герцена лишённым всех прав состояния и навсегда изгнанным из пределов Российского государства. Герцен принял швейцарское подданство, поселился в Англии, но всем своим существом остался верен любимой родине и её великим задачам. В 1853 г. он основал в Лондоне первую «Вольную русскую типографию» и начал выпускать листовки и статьи, посвящённые критике николаевского режима и обсуждению важнейших вопросов русской политической жизни. В числе этих первых революционных изданий были произведения «Юрьев день! Юрьев день!» и «Крещёная собственность», в которых Герцен доказывал необходимость ликвидации помещичьих прав и близость неминуемого крестьянского восстания.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.
[2] Там же, стр. 11—12.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Венгрия. Сочинения. Т. VII. С. 269—293. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Война против России. Сочинения. Т. VII. С. 345—352. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Бем. Сочинения. Т. XI. Ч. 2. С. 578—581. — *Маркс К.* Господин Фогт. Сочинения. Т. XII. Ч. 1. С. 354—403. — *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Отд. III Ч. I. [М.] 1948. С. 240—251. — *Ленин В. И.* Китайская война. Сочинения. Изд. 4 Т. 4. С. 351—352. — *Ленин В. И.* События на Балканах и в Персии. Сочинения. Изд. 4. Т. 15. С. 204. — *Ленин В. И.* Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию. Сочинения. Изд. 4. Т. 15. С. 425. — *Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 9—15 — *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении Сочинения. Изд. 4. Т. 22. С. 325. — *Ленин В. И.* Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов раб., кр., каз. и красноарм. деп. 6—9 ноября 1918 г. Сочинения. Изд. 3. Т. XXIII. С. 267—268. — *Ленин В. И.* Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Сочинения. Изд. 3 Т. XXIII. С. 315.— *Сталин И. В.* Об основах ленинизма. VI. Национальный вопрос. Сочинения. Т. 6. С. 142—143 — *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941, № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Пособия. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. Трактаты с Австриею. 1815—1849. Спб. 1878. С. 435—449, 460—462. — Неизданный проект прокламации П. Я. Чаадаева. 1848 г. «Литературное наследство». № 22—24. М. 1935. С. 679—682. — *Чернышевский Н. Г.* Дневник. Ч. I, 1848—1849 гг.; ч. II, 1850—1853 гг. М. 1931—1932. — Дело петрашевцев. Т. I—II. [М.—Л.] 1937—1941. — Петрашевцы. Сборник материалов. Сост. П. Е. Щёголев Т. I—III. М.—Л. 1926—1928. — *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Пгр. 1919 (особенно т. V, с. 108—173, «Письма из Франции и Италии»; с. 382—501, «С того берега»; т. VI, с. 1—132, «Письма из Франции и Италии»; т. VII, с. 248—255, «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству»; с. 263—289, «Крещёная собственность», т. VIII, с. 27—57, «Старый мир и Россия»). — *Чичерин Б. Н.* Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. Вступ. статья и примеч. С. В. Бахрушина. М. 1929. XVI, 294 с. — *Лихутин М. Д.* Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М. 1875. 275 с. — История дипломатии. Т. I. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941. С. 426—437. — *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М. 1949. — *Михайлов А. А.* Революция 1848 г. и славянофильство. «Учёные записки Ленинградского Государственного университета. Серия исторических наук». Вып. 8. Л. 1941. С. 48—74. — *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Под ред. В. Водовозова. Ч. I. В его кн.: Собрание сочинений. Т. II. М. 1922. 218 с. —*Полянский В.* Чернышевский. Биографический очерк. БСЭ. Т. 61. Стб. 368—375. — *Авербух Р. А.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. М. 1935. 332 с. — *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Спб. 1904 (с. 183—308, «Эпоха цензурного террора»).

Глава XIV

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА (1853—1856 гг.)

Россия и Европа накануне войны. Победа общеевропейской реакции на время усилила международное влияние царизма: по выражению Маркса и Энгельса, имущие классы Западной Европы, спасая себя от новой революции, видели «последний оплот своего «порядка» на берегах Невы» [1]. Николай I поспешил воспользоваться своим положением на континенте, чтобы возвратить утраченные позиции на Востоке. Австрия была спасена вмешательством русского императора и находилась в орбите его политики; Пруссия капитулировала перед требованиями Николая I и не могла сопротивляться его влиянию; Франция только что обрела нарушенный «порядок», но ещё не имела твёрдо установившейся власти; оставалась наиболее могущественная соперница — Великобритания, но там у Николая были сочувствующие и друзья в лице консервативно-аристократической партии тори. Казалось, опираясь на дружественное содействие Священного союза, изолировав Францию и полюбовно договорившись с Англией, можно было заставить Турецкую империю подчиниться воле российского самодержца.

Однако Николай I и его дипломаты во главе с министром иностранных дел Нессельроде плохо представляли себе изменившуюся международную обстановку. К середине XIX в. промышленный капитализм достиг своего полного торжества в Англии и Франции; после революции 1848 г. он вступил в полосу своего подъёма в Австрии и Пруссии; усиливая технические и хозяйственные ресурсы европейских государств, капитализм обострял лихорадочную погоню буржуазии за внешними рынками. В этом отношении Англия шла впереди всей Европы; непрерывное продвижение на Ближнем и Среднем Востоке становилось необходимым условием роста английского капитализма. «Англия не может согласиться, чтобы Россия завладела Дарданеллами и Босфором. Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении крупный, если не

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 441.

смертельный удар британской мощи»[1], — писали Маркс и Энгельс в апреле 1853 г. Реальные интересы английской буржуазии, её погоня за азиатскими рынками сталкивались с военно-феодальной программой внешней политики царизма, с его планами новых территориальных приобретений.

Враждебную позицию по отношению к восточным притязаниям Николая I должна была занять также Австрия. Сильно расшатанная революцией 1849 г., обязанная своим спасением царизму, монархия Габсбургов не могла примириться с переходом Балканского полуострова под хозяйственное и политическое руководство России: такой исход не только нанёс бы удар развивающемуся австрийскому капитализму, но и усилил бы национальное движение западного, австрийского славянства. Полная покорность Николаю I, которую обнаружил новый император Франц-Иосиф, так же как общность реакционных целей, которая связывала обоих монархов, не могли уничтожить глубокого антагонизма между Россией и Австрией в восточном вопросе. Недаром австрийский министр Шварценберг заявлял, что Австрия «ещё удивит мир своей неблагодарностью».

Франция с её быстро развивающимся капитализмом имела собственные притязания к Оттоманской империи, особенно в Сирии и Египте; с давних пор она выступала соперником России и в Константинополе. В середине XIX в. у Франции появились новые основания противодействовать агрессии Николая I. Луи-Наполеон только что произвёл государственный переворот и провозгласил себя наследственным императором. Для оправдания и укрепления своей власти этому политическому авантюристу необходимы были военные победы, напоминающие лавры Первой империи. В воображении нового Наполеона уже складывалась программа завоевательных походов, которые покончат с системой Священного союза, ликвидируют ненавистные договоры 1815 г. и обеспечат Франции гегемонию на европейском континенте. Колебания, проявленные Николаем I в вопросе о признании Второй империи, и его презрение к новому императору-выскочке обостряли враждебные отношения между царской Россией и бонапартистской Францией.

Прусский король Фридрих-Вильгельм IV оставался преданным другом своего «старшего брата» Николая I, но широкие круги немецкой буржуазии не могли простить российскому самодержцу его упорного противодействия воссоединению Германии. Прусская монархия ещё не была заинтересована в восточном вопросе и предпочитала уклониться от европейских

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 382.

споров вокруг Константинополя. В нарастающей борьбе между Англией и Россией Пруссия не могла играть роли надёжного и активного союзника Николая I.

Но перед российским царём стоял непобедимый противник — растущая сила европейской демократии. После 1849 г. не только пролетариат, но и радикальные слои мелкой буржуазии видели в царизме — «международном жандарме» — главное препятствие на пути политического прогресса. Все силы европейской реакции сосредоточивались вокруг Николая I, всё передовое и жизненное враждебно противостояло его власти. Анализируя внешнеполитическую обстановку, Маркс и Энгельс писали в 1853 г.: «...на европейском континенте существуют фактически только две силы: Россия со своим абсолютизмом и революция с демократией. Теперь революция кажется подавленной, но она живет, и ее боятся, как никогда раньше»[1]. Противодействие восточной политике Николая I являлось важной задачей европейской демократии.

Николай знал, что революция продолжает жить и приобретает активных сторонников в его собственной стране. Однако он надеялся преодолеть этого страшного противника усилением своего могущества. «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, — говорил Энгельс, — царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями»[2]. Чем глубже обострялся кризис крепостнической системы, тем активнее становилась восточная политика Николая I.

Ближайшие поводы Восточной войны. Ближайшим поводом назревавшего столкновения послужил вопрос о «палестинских святынях», находившихся на азиатской территории Оттоманской империи. В начале 50-х годов между католической и православной церковью завязался спор, кому из них принадлежит право иметь ключи Вифлеемского храма, чинить купол над храмом «гроба господня», обладать религиозными памятниками в Иерусалиме и пр. Луи-Наполеон использовал этот повод для создания дипломатического конфликта и потребовал от султана выполнения старых договоров о привилегиях католиков. Тогда Николай I выступил в защиту прав православных и потребовал официального подтверждения сложившихся отношений. Началась дипломатическая борьба, которая сопровождалась демонстрациями французской эскадры в Архипелаге и сосредоточением русских войск на турецкой границе. Было ясно, что за

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 386.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 29.

религиозным «спором о ключах», в действительности не имевшим большого значения, скрывается иное, более серьёзное столкновение по основному вопросу — о сферах влияния на Ближнем Востоке.

Николай I использовал обострившийся конфликт для активного наступления на Турцию. В начале 1853 г. он пытался через английского посланника Сеймура договориться с Англией о полюбовном разделе турецкой территории. Исходя из мысли о близком распадении Турции, царь соглашался уступить Англии Египет и Крит, а также отказывался от постоянной оккупации Константинополя русскими войсками. Взамен этого он требовал превращения Сербии, Болгарии и дунайских княжеств в самостоятельные государства под русским протекторатом. Военный план захвата Константинополя и проливов уже был подготовлен. Но предложения Николая I привели к обратным последствиям: они способствовали быстрому сближению Англии с Францией и сильно укрепили позиции Турции. В Константинополь был отправлен прежний английский посол Стрэтфорд Каннинг (лорд Рэдклиф), который пользовался большим влиянием на султана и сделался главным вдохновителем борьбы против России.

Рассчитывая на поддержку Австрии и Пруссии и уверенный в дружественном нейтралитете Англии, Николай I произвёл энергичное давление на Порту. В январе 1853 г. в Константинополь было отправлено чрезвычайное посольство во главе с князем А. С. Меншиковым с целью «навести страх» на Турцию. Русский царь требовал от султана не только восстановить права православной церкви в Палестине, но и торжественно гарантировать эти права в виде специальной конвенции; предварительным условием переговоров выдвигалось требование немедленно уволить в отставку министра иностранных дел Фуада, который ориентировался до тех пор на Францию. Меншиков прибыл на военном фрегате, появлялся в сопровождении огромной свиты и держался торжественного и угрожающего тона. Фуад получил отставку. По совету Рэдклифа султан уступил в вопросе о палестинских святынях, но отказался заключить конвенцию и закрепить право российского императора на покровительство православным подданным Турции. 10 (22) мая 1853 г. посольство Меншикова, не добившись соглашения, покинуло Константинополь. В то же время английская и французская эскадры подошли к Дарданельскому проливу и бросили якорь у Безикской бухты. Попытка русской дипломатии пригрозить оккупацией дунайских княжеств не имела успеха. Дипломатические сношения России с Турцией были прерваны. 14 (26) июня 1853 г. Николай торжественно объявил манифестом, что он занимает дунайские княжества «в залог» удов-

летворения своих «законных требований». 21 июня (3 июля) 80-тысячная армия под командой князя М. Д. Горчакова перешла Прут и начала оккупацию Молдавии и Валахии.

Обе стороны, воевавшие друг с другом, — и Николай I и султанская Турция, за спиной которой стояли её европейские союзники Англия и Франция, — вели несправедливую, захватническую войну. Хищная капиталистическая Англия и жадная буржуазная Франция протягивали руки к чужой территории и богатствам, жаждали нажиться на войне, укрепиться за счёт противника и ослабить сильную Россию, мешавшую их дальнейшим захватническим планам. В случае успеха царской России война укрепила бы позиции царизма — «международного жандарма», усилила бы власть дворянства и продлила сроки существования обветшалого феодально-крепостнического режима, задержав отмену крепостного права.

Вооружённое выступление России тесно сплотило Англию с Францией и перепугало Австрию и Пруссию. Уполномоченные великих держав, собравшись на конференцию в Вене, начали вырабатывать способы разрешения «восточного кризиса». Англия и Франция всё время вели двойственную политику: с одной стороны, они объявляли о своём миролюбии и желании предотвратить войну, с другой — сознательно провоцировали вооружённый конфликт между Россией и Турцией. Турция, поддерживаемая Англией, отказалась пойти на уступки и потребовала в качестве предварительного условия переговоров ухода русской армии из дунайских княжеств. Попытки Николая I лично договориться со своими союзниками — прусским королём и австрийским императором — тоже не имели успеха. Австрия старалась добиться примирения сторон, но всё заметнее сближалась с Англией и Францией; Пруссия занимала нейтральную позицию и не хотела вмешиваться в восточный конфликт.

27 сентября (9 октября) 1853 г. Турция под давлением Англии потребовала от русского главнокомандующего Горчакова в 18 дней очистить турецкую территорию. Не получив требуемого ответа, турецкие войска перешли в наступление на Дунае, на азиатской границе и на Кавказском побережье. 20 октября (1 ноября) 1853 г. Николай I ответил формальным объявлением войны Турецкой империи.

На Дунае 10-тысячный отряд турок переправился на левый берег реки около Ольтеницы, не встретив энергичного отпора со стороны русской армии. Попытка турок переправиться в другом месте — около Журжева — была отбита. В дальнейшем происходили отдельные столкновения, но в общем положение сторон оставалось неизменным. Гораздо серьёзнее развернулись операции на кавказском фронте. 16 (28) октября турками был захвачен плохо укреплённый пост св. Николая, и

31 октября (12 ноября) было начато наступление в сторону Александрополя. Приостановив движение турецкой армии, кавказские войска нанесли ей 19 ноября (1 декабря) сильное поражение около Карса (под Башкадыкляром). Наиболее крупные события произошли на Чёрном море. Отряд Черноморского флота под командой энергичного и талантливого вице-адмирала П. С. Нахимова установил местопребывание турецкой эскадры в гавани Синопа. 18 (30) ноября 1853 г., располагая 6 линейными кораблями и 2 фрегатами, Нахимов повёл обдуманное и хорошо подготовленное наступление на турецкий флот. У турок было больше кораблей, но они располагали меньшей артиллерией. Несмотря на поддержку береговых батарей, после трёхчасового боя все турецкие корабли были взорваны или потоплены, а командующий флотом Осман паша захвачен в плен. Блестящая победа при Синопе показала высокие качества личного состава русского военного флота, воспитанного выдающимся адмиралом М. П. Лазаревым.

Открытие военных действий быстро активизировало политику Англии и Франции. 27 октября (8 ноября) 1853 г. англо-французская эскадра вошла в Босфор, а 22 ноября (4 декабря) представители четырёх держав — Англии, Франции, Австрии и Пруссии — предложили воюющим сторонам своё посредничество для ликвидации конфликта; очищение Россией дунайских княжеств было объявлено предварительным условием для переговоров о мире. Николай I отказался от сделанного предложения. Между тем известие о Синопском сражении и уничтожении турецкого флота вызвало бурю негодования среди английской и французской буржуазии; в иностранной прессе были оглашены переговоры о дележе Турции, которые вёл Николай I в 1844 и 1853 гг. 23 декабря (4 января) англо-французская эскадра вступила в Чёрное море и сделала невозможным свободное плавание по морю русских кораблей. Через два месяца Англия и Франция заключили военно-оборонительный союз с Турцией и 1(13) марта 1854 г. предъявили России ультиматум об очищении дунайских княжеств, а через 15 дней, не получив ответа, объявили войну Российской империи. Тогда Николай I обратился за политической поддержкой к своим старым союзникам — австрийскому императору и прусскому королю. Но здесь его ждало горькое разочарование: Австрия и Пруссия отказались от всякого соглашения с Россией; 30 марта (11 апреля) 1854 г. совместно с Англией и Францией они подписали коллективное обязательство защищать неприкосновенность Турции, требовать очищения дунайских княжеств, совместно охранять права турецких христиан и не вступать с Россией ни в какие сепаратные переговоры. Россия оказалась в положении полной изоляции перед лицом враждебной европейской коалиции.

Силы противников. Несмотря на свои природные богатства и огромное население, отсталая в промышленном отношении крепостная Россия середины XIX в. сильно отставала от западноевропейских государств и в области военной. Русская пехота была вооружена большей частью кремнёвыми гладкоствольными ружьями, бившими не далее 300 шагов, тогда как французская и особенно английская армии имели большое количество дальнобойных винтовок. По количеству орудий русская артиллерия считалась достаточно сильной, но многие из этих орудий были старого образца и стреляли на короткое расстояние, уступая французской артиллерии с её разнообразными усовершенствованиями и лёгкими подвижными пушками. Практика военного обучения, насаждавшаяся Николаем I, не вырабатывала в солдатах самостоятельности и боевой инициативы. Огромное большинство офицеров имело слабую теоретическую подготовку и действовало по старым, дедовским традициям. Русские войска получали перевес, когда действовали сомкнутыми колоннами, но обнаруживали неопытность, когда от них требовались сложные маневренные действия. В николаевской России интересы парадного смотра часто заслоняли требования боевой подготовки: тонкости фронтового строя и маршировки предпочитались обучению стрельбе и приспособлению к местности. Несмотря на овеянную мировой славой храбрость и стойкость русских солдат, николаевская армия в военно-техническом отношении уступала европейским армиям.

Морские силы России и Западной Европы были тоже неравноценными. За исключением нескольких паровых фрегатов, русские корабли принадлежали к составу устаревшего парусного флота; наоборот, английские и французские корабли в большинстве случаев представляли собой винтовые пароходы, вооружённые дальнобойной артиллерией и быстро ускользавшие от ударов противника. Корабли Балтийского флота вследствие ветхости были в тот момент почти непригодны к плаванию. Благодаря деятельности М. П. Лазарева Черноморская эскадра имела в своём составе искусных флотоводцев и хорошо обученных матросов, но чисто технические преимущества союзников были очевидны. Сражаться на море с такими объединёнными противниками, как Англия и Франция, для крепостной России 50-х годов было почти непосильной задачей.

Военно-техническая отсталость объяснялась прежде всего общей технико-экономической отсталостью России — страны, в которой ещё господствовали разлагавшиеся феодально-крепостные отношения. Отсталой была военная промышленность, основанная на малопроизводительном крепостном труде; военные заводы не справлялись с заказами армии и флота. В стране добывалось мало металла; чугуна и меди нехватало для

полагающихся по штату орудий, порох производился низкого качества, не осваивались новейшие типы вооружения. Такие же недостатки наблюдались в снабжении армии одеждой, обувью и предметами военного снаряжения; продажность царского интендантства делала положение ещё более тяжёлым. Говоря словами Энгельса, России предстояла «безнадежная борьба нации с примитивными способами производства против наций с современным производством» [1]. Положение осложнялось крайней отсталостью русского транспорта. В стране было только три железные дороги и не было ни одной, которая соединяла бы внутренние губернии с Черноморским побережьем. Огромные пространства были перерезаны большей частью просёлочными дорогами, которые становились почти непроезжими в весеннюю оттепель и осеннюю слякоть. Чтобы перебросить союзнические корпуса с берегов Атлантического океана на территорию России — при наличии европейских каналов, железных дорог и коммерческого флота, — требовалось меньше времени, чем передвинуть пешком на 2,5 тыс. вёрст недостающие дивизии из русской столицы к берегам Чёрного моря.

Начальный период войны. Вся демократическая Европа надеялась, что начавшаяся война развяжет силы европейской революции. По мысли Маркса и Энгельса, война с царской Россией должна была превратиться в борьбу против «международного жандарма», за разрешение великих задач, выдвинутых революцией 1848 г. Военные и политические обзоры Маркса и Энгельса, помещавшиеся в газете «Нью-Йоркская трибуна», служили определённой цели: они должны были прояснить сознание рабочего класса и способствовать приближению новой общеевропейской революционной ситуации. Но стоявшая у власти английская и французская буржуазия более всего боялась революционного исхода войны; начиная борьбу с Николаем I, она руководилась узко классовыми интересами и стремилась навсегда покончить с восточными притязаниями России, утвердив собственное господство на европейском континенте и у ворот Константинополя. Имущие классы боялись решительной борьбы против царизма — этого оплота «общественного спокойствия» во всей Европе; пробуждение самостоятельного народного движения казалось им опасным и нежелательным. Вот почему в стратегических планах Англии и Франции можно было подметить стремление локализовать обострившийся конфликт и, ограничив начавшуюся борьбу непосредственными задачами Восточной войны, сосредоточить главный удар на черноморских владениях России. В свою очередь Николай I, оказавшийся перед лицом европейской коалиции, стал склоняться к оборонительной позиции.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIX, стр. 128.

Положение на Балканах продолжало в это время оставаться крайне напряжённым. Черногория только что пыталась раздвинуть границы своего княжества за счёт Турции, но потерпела военное поражение. В Болгарии незадолго до восточного конфликта было подавлено новое восстание против турок. В Боснии и Герцоговине наблюдалось глухое брожение против турецких насилий. В январе 1854 г. греческие патриоты организовали вооружённое восстание в Эпире. Сербия занимала нейтральную позицию, но при благоприятной обстановке могла перейти в открытое наступление против Турции. Делегации славянских народностей обращались к русскому правительству с просьбой об активной помощи. Сначала Николай I рассчитывал использовать в интересах России нарастающее движение балканских народностей. В Черногорию и Сербию были отправлены русские агенты с целью подготовить почву для будущих выступлений. Но сложившаяся международная обстановка, в частности откровенно враждебная позиция Австрии, заставила царя отказаться от своих первоначальных намерений. Медлительность и колебания со стороны России характеризовали собой весь первый — дунайский — период кампании.

Союзные эскадры, безраздельно господствовавшие на море, пытались в нескольких пунктах перейти в наступление. 10 (22) апреля 1854 г. союзники бомбардировали Одессу. 7 (19) июля английские корабли обстреляли Соловецкий монастырь на Белом море. В августе того же года союзниками были захвачены Аландские острова, расположенные у входа в Ботнический залив. Одновременно англо-французская флотилия подвергла бомбардировке Петропавловск-на-Камчатке. В некоторых пунктах — в Одессе, Гангуте, Петропавловске — были высажены небольшие десанты, но все они сбрасывались в море русскими пехотинцами. Особенно героически вёл себя маленький гарнизон Петропавловска-на-Камчатке под руководством ученика М. П. Лазарева адмирала В. С. Завойко. Более серьёзные боевые операции были задуманы союзниками на Балканском и Крымском полуостровах. В середине июля 1854 г. в Варне была сосредоточена 50-тысячная англо-французская армия; отсюда предполагалось сначала двинуться к Дунаю, чтобы заставить русских очистить Молдавию и Валахию, а затем — к Крымскому полуострову, чтобы захватить черноморские укрепления России.

Русская армия, собранная на Дунае под командой Горчакова, проявляла слабую боевую инициативу. В марте 1854 г. 50-тысячный русский корпус перешёл Дунай и осадил крепость Силистрию. Главнокомандующим всеми действующими силами был назначен Паскевич, который боялся наступления со стороны Австрии и начал заблаговременно подготовку к

эвакуации княжеств. Осада Силистрии шла бессистемно и плохо; по вине русского командования попытка штурма кончилась неудачей; действия главнокомандующего вносили полную дезорганизацию в армию. Между тем Австрия заняла угрожающую позицию; она придвинула к своим восточным границам 80-тысячное войско и 4(16) июля 1854 г. потребовала от России очищения Молдавии и Валахии. Пруссия поддержала это дипломатическое выступление. Николай I сначала ответил отказом, но потом, учитывая международную обстановку, отдал приказ об отступлении. Осада Силистрии была снята, русские силы были отведены за Дунай. Сейчас же, по соглашению с Турцией, дунайские княжества были оккупированы австрийскими войсками.

Обложение Севастополя. Союзники не удовлетворились уходом царской армии из пределов Турции и перенесли войну на территорию России. По плану, выработанному в Париже, особый корпус должен был высадиться у Перекопа и отрезать от России весь Крымский полуостров. Особые десанты предполагались в Анапе и Поти с целью оторвать от России черноморское побережье Кавказа. На заседании военного совета 16 (28) февраля 1854 г. с участием английского и французского главнокомандующих обсуждались проекты отторжения от России Финляндии, Польши, Литвы, Белоруссии, юго-западной Украины, Кавказа и Крыма. Чем дальше развёртывалась Восточная война, тем ярче проявлялись своекорыстные, захватнические вожделения имущих классов Европы. Союзники в первую очередь сосредоточили свои усилия на Крымской операции. После продолжительных приготовлений 26 августа (7 сентября) 1854 г. союзническая эскадра отплыла из Варны, имея на своём борту 28 тыс. французских, 27 тыс. английских и 7 тыс. турецких солдат разных родов оружия. На суда были погружены осадные и полевые орудия, понтонный парк, шанцевый инструмент, десятки тысяч артиллерийских зарядов, миллионы патронов, большое количество туров, фашин, кирпичей, земляных мешков, запасы продовольствия, фуража, угля и дров. Всё это было предназначено для осады Севастополя — важнейшей русской крепости на Чёрном море. В глазах английского кабинета и Наполеона III падение Севастополя должно было ликвидировать русское влияние на Востоке и облегчить дальнейшее выполнение плана аннексий. Севастополь делался главным средоточием борьбы.

Ожидая военного наступления под Петербургом и на западной границе, у пределов Австрии, Николай I раздробил сухопутные силы и ослабил наиболее угрожаемый участок. Высадку большого экспедиционного корпуса на Чёрном море считали неосуществимой. Крымская армия состояла под командованием

А. С. Меншикова, не имевшего ни способностей, ни опыта полководца, и насчитывала только 35 тыс. человек. Севастополь был неуязвимым с моря, но оказался очень плохо укреплённым с суши. Нехватало крепостных орудий, снарядов, пороха, шанцевого инструмента. Интендантская и санитарная части были в жалком состоянии. В критический момент Крымский полуостров оказался почти беззащитным против вторжения неприятеля.

2 (14) сентября 1854 г. союзническая армия, не встретив никакого сопротивления, высадилась на Крымском побережье, около Евпатории, и 7 (19) сентября начала наступление на Севастополь.

Меншиков пытался остановить неприятеля на левом, возвышенном берегу реки Альмы. У русских было вдвое меньше солдат, почти втрое меньше артиллерии и очень небольшое количество нарезных ружей. Выбранная позиция оказалась неукреплённой. Меншиков проявлял крайнюю пассивность. Русские полки были открыты для обстрела со стороны моря. Тем не менее сражение при Альме 8 (20) сентября 1854 г. было крайне упорным; не раз русские пехотинцы ходили в стремительные штыковые атаки, изумляя своей храбростью союзническое командование. Исход боя был решён численным перевесом, а также военными преимуществами союзнической армии, в частности дальнобойностью её оружия. Французская дивизия Боске зашла в тыл левому флангу русского войска; англичане развернули фронтальное наступление и стали обходить правый фланг армии Меншикова. Отступление русских произошло в относительном порядке; союзники, обессиленные потерями и плохо ориентируясь в местности, отказались от всякого преследования.

Меншиков отступил к Севастополю, но пробыл здесь очень недолго: оставив крепость на попечение моряков, он повёл армию в сторону Бахчисарая, чтобы сохранить связь с внутренними губерниями России. Душой севастопольской обороны сделался начальник штаба Черноморского флота знаменитый адмирал В. А. Корнилов. Проявляя большую инициативу и энергию, он воспользовался кратким перерывом в военных операциях, чтобы окружить крепость оборонительными сооружениями. Создателем этих укреплений был выдающийся инженер Э. И. Тотлебен, который с помощью системы контрапрошей [1] заложил основы для активной обороны Севастополя. Помощниками Корнилова были замечательные военные деятели — победитель при Синопе вице-адмирал П. С. Нахимов и контр-

[1] Контрапроши — фортификационные сооружения, возведённые впереди крепости для противодействия подступам (апрошам) атакующего противника.

адмирал В. И. Истомин. Если в бездарном и высокомерном Меншикове севастопольцы видели чуждого аристократа и называли его «Изменщиковым», то к таким командирам, как Корнилов, Нахимов, Истомин, не щадившим себя во имя родины, солдаты относились с огромной любовью и доверием. Особенно выделялся своим моральным авторитетом вице-адмирал П. С. Нахимов. Простой в обращении с окружающими, целиком преданный идее воинского долга, Нахимов был образцом кипучей энергии и благородного патриотизма. В отличие от многих командиров царского времени Нахимов любил матросскую массу и понимал её огромное значение в боевых операциях. Замечательный военный талант Нахимова, воспитанного в лучших традициях русской военно-морской школы, сказался не только в знаменитой Синопской победе, но и в его руководстве боевыми действиями во время тяжёлых дней Севастопольской обороны.

Всё население Севастополя поднялось на защиту города. Тысячи людей, вооружённых лопатами и кирками, ночью и днём копали землю и переносили её в назначенные места в корзинах, мешках и полах шинелей. И с северной и с южной стороны Севастополь опоясался грозными бастионами, брустверами[1] и батареями. Часть кораблей Черноморского флота была затоплена на рейде, чтобы преградить вход в Севастопольскую бухту, морские орудия были сняты и поставлены на укреплениях, 10 тыс. матросов были сведены в сухопутные флотские экипажи и пополнили небольшой гарнизон крепости.

Узнав о затоплении флота и увидев перед собой выросшие северные укрепления, союзники не решились атаковать крепость, а обошли её с южной стороны и повели правильную осаду. Англичане заняли Балаклаву, французы расположились на Федюхиных высотах. Вокруг крепости вырос большой вооружённый лагерь. Началась знаменитая одиннадцатимесячная оборона Севастополя.

Операции крымской армии. Выйдя из Севастополя, Меншиков «фланговым маршем», соприкасаясь с передвигающимся противником, направился к северо-востоку и занял позиции на реке Бельбеке.

13 (25) октября 1854 г. русское командование предприняло атаку союзнических позиций под Балаклавой. Линия турецких редутов была захвачена, но дальнейшее наступление пришлось приостановить вследствие отпора со стороны французской кавалерии.

[1] Бастион — пятиугольное долговременное крепостное укрепление. Бруствер — часть укрепления (чаще всего из земли), защищающая стрелков от прицельного огня противника.

Получив подкрепления, Меншиков начал готовиться к генеральному сражению. Была занята выгодная позиция на Инкерманских высотах, и 24 октября (5 ноября) началось наступление тремя самостоятельными отрядами. В бою участвовало 35 тыс. русских и 16 тыс. союзников; несмотря на численное превосходство и замечательную храбрость русских солдат, крымская армия потерпела неудачу. Сражение было подготовлено плохо; руководство операцией было поручено бездарным генералам; союзники имели большое преимущество благодаря дальнобойному оружию и маневренности движений. Крымская армия потеряла более 10 тыс. человек, союзники — вдвое меньше.

После понесённого поражения Меншиков впал в состояние полной пассивности. Армия была подавлена неудачами. Меншиков не пользовался никакой любовью и уважением со стороны солдатской массы. Севастополь был предоставлен собственной участи. К союзникам прибывали новые подкрепления. В январе 1855 г. в войну вступило Сардинское королевство: союзом с Англией и Францией оно рассчитывало облегчить задачу воссоединения Италии. На Крымском полуострове было высажено 15 тыс. итальянцев, французская гвардия, турецкие дивизии с Дуная. К концу января силы союзников составляли 120 тыс., силы Меншикова —100 тыс. человек. Из Петербурга требовали наступления. Меншиков в начале февраля поручил 19-тысячному отряду захватить город Евпаторию. В случае успеха союзники должны были лишиться своей основной коммуникационной базы. Однако и на этот раз сказались коренные недостатки царской армии: предварительной разведки и тщательной технической подготовки штурма проведено не было. Атакующие встретили убийственный огонь со стороны союзников и должны были отступить. После этого поражения Николай I отставил Меншикова «по болезни», и командование крымской армией перешло к другому нерешительному и бездарному генералу — М. Д. Горчакову.

Героическая оборона Севастополя. Пока крымская армия теряла время в бездействии, гарнизон Севастополя героически оборонялся от наступающего противника. 5 (17) октября 1854 г. началась первая бомбардировка Севастополя. Союзники обстреливали крепость с суши и с моря. Многие севастопольские форты были разрушены, артиллерийские орудия подбиты, 1 250 человек выбыли из строя убитыми и ранеными. В числе погибших был адмирал Корнилов.

6—7 октября бомбардировка продолжалась, но с меньшей силой. Севастопольцы устояли, нанеся огромный урон союзническим укреплениям и эскадре. Бастионы и редуты были быстро восстановлены. Начались боевые будни продолжительной, истощающей осады.

Оборона крепости протекала в исключительно трудных условиях. Гарнизона едва хватало для непрерывного возведения укреплений и защиты редутов. Снарядов и пороха было мало, приходилось искусственно ослаблять орудийную и ружейную стрельбу. Подвоз продовольствия, фуража и военных припасов сильно затруднялся плохим состоянием дорог. Все пути от Симферополя к побережью превратились в болото, покрытое обломками повозок, трупами утонувших лошадей и волов, местами — брошенной кладью. Солдатская одежда быстро изнашивалась, новой для замены не было. Раненые умирали из-за недостатка врачей и перевязочных средств. В штабах царили беспорядок и интриги. Чиновничий аппарат, обслуживавший Севастополь, наживался на взятках и воровстве государственного имущества.

Несмотря на тяжёлые условия, гарнизон не терял бодрости и энергии. С каждым днём крепость становилась сильнее, возводились новые люнеты, блиндажи и ложементы [1]. Попытки неприятеля подготовить штурм Севастополя при помощи подземных взрывов были сорваны искусством русских минёров. В ожидании штурма улицы города были покрыты баррикадами, многие дома были превращены в укрепления. Войска жили в землянках, солдаты уже не обращали внимания на непрекращающийся обстрел города. Время от времени производились смелые вылазки и захватывались союзнические редуты. Из солдат добровольно вызывались «охотники», которые ходили в опасные разведки; пользуясь выдвинутой системой ложементов, они поражали противника меткой стрельбой и предпринимали рискованные ночные атаки. Немало образцов боевой доблести проявили за эти месяцы защитники Севастополя. Имена матроса Кошки, выделявшегося изумительной храбростью, и Дарьи Севастопольской, которая под страшным огнём помогала раненым, стали легендарными в истории обороны Севастополя. Писатель Лев Толстой в качестве офицера сражался на севастопольских бастионах; с большой художественной силой он изобразил героические дни обороны в своих замечательных «Севастопольских рассказах».

Союзники, несмотря на тщательную подготовку экспедиции и крупные материальные ресурсы, начали испытывать большие затруднения. Захватить Севастополь оказывалось вовсе не лёгким делом. В Париже и Лондоне были недовольны затянувшейся осадой; союзнических главнокомандующих обвиняли в нерешительности и бездарности. Луи-Наполеон требовал усиления осадных работ и собирался лично приехать на Крымский полуостров.

---

[1] Люнет — полевое открытое укрепление. Блиндаж — прикрытие, охраняющее стрелков от огня противника (из брёвен, камня, земли, железа и пр.). Ложемент — небольшой стрелковый или артиллерийский окоп.

Начиная с февраля 1855 г. осаждающие, получив большие подкрепления и выдвинув новые орудия, сосредоточили основной огонь на Малаховом кургане — командующей высоте среди южных укреплений; завладев Малаховым курганом, союзники смогли бы обстреливать «на выбор» любой пункт открывающейся перед ними крепости. Не раз предпринимались усиленные бомбардировки, а 6 (18) июня был предпринят общий штурм Севастополя. Благодаря героическому поведению гарнизона и смелой инициативе лучших генералов, в частности С. А. Хрулёва, союзники были отбиты с огромными потерями. Тем не менее положение крепости становилось всё тяжелее. Ряды её защитников редели; в марте погиб Истомин, в июне был опасно ранен Тотлебен и получил смертельную рану Нахимов, главный организатор обороны после Корнилова. Каждый день уносил множество жертв. Попытки Горчакова атаковать неприятельские позиции на Чёрной речке кончились неудачей. 24 августа (5 сентября) началась последняя, самая страшная бомбардировка Севастополя; союзники громили крепость из 700 орудий. Через три дня был предпринят новый, тщательно и секретно подготовленный штурм. Французские колонны неожиданно хлынули на Малахов курган и, несмотря на ожесточённый отпор, овладели его укреплениями. На остальных участках союзнические атаки были отбиты. Однако с потерей Малахова кургана защищать Севастополь было безнадёжно. По заранее построенному мосту гарнизон перешёл на Северную сторону и оставил Севастополь. Город был зажжён, пороховые погреба взорваны. На следующий день французы вошли в оставленный Севастополь, но, найдя в нём одни развалины, вернулись обратно в свой лагерь.

Кроме Севастополя союзниками были заняты Керчь и Еникале в Керченском проливе, Анапа на побережье Кавказа и Кинбурн в Днепровском лимане. Были уничтожены военные и продовольственные запасы в различных пунктах Азовского побережья и сожжены некоторые небольшие приморские города. Попытки союзников захватить крепость Свеаборг на Финском побережье кончились неудачей.

Действия на Кавказском фронте. Одновременно с операциями на Дунае и на Крымском полуострове происходили военные действия на Кавказе. Турция старалась использовать в своих корыстных интересах национально-освободительное движение Шамиля. Наступление на Грузию Шамиль совершил своими собственными силами. Оно было быстро приостановлено русскими войсками. Военные операции на Кавказском фронте шли успешно, — русские войска одержали значительные победы.

В начале 1855 г. главнокомандующим Кавказским фронтом был назначен Н. Н. Муравьёв, которому удалось взять

Ардаган и начать наступление на Карс. Крепость была почти неприступна вследствие природных условий; её оборонительные сооружения были возведены английскими инструкторами. Муравьёв обложил Карс, прервал связь крепости с внешним миром и 17 (29) сентября 1855 г., уже после падения Севастополя, попытался захватить крепость штурмом. Русское наступление было отбито, но через два месяца истощённый осадой гарнизон крепости сдался на милость Муравьёва. Перед русскими войсками открылась дорога на Эрзерум и дальше — в Малую Азию. Победы на азиатском фронте до некоторой степени смягчили впечатление от поражения России на Дунае и на Крымском полуострове, а главное сыграли значительную роль при заключении мирного договора (Карс был обменён на Севастополь, см. ниже).

Парижский мир 1856 г. Падение Севастополя определило исход войны. Напряжённая одиннадцатимесячная осада крепости не только подорвала ресурсы России, но и сильно ослабила союзников. Англия готова была продолжать войну, но Франция предпочитала её закончить. Переговоры между европейской коалицией и Россией были начаты ещё в 1854 г., после очищения дунайских княжеств, но не привели ни к какому соглашению и возобновились уже после падения Севастополя и смерти Николая I. Новый царь, Александр II, ещё надеялся на улучшение военного положения и колебался заключать мир на условиях, предъявленных союзниками. В конце 1855 г. Австрия потребовала от России принятия этих условий, угрожая в случае отказа военными действиями.

Царь созвал совещание из высших сановников для обсуждения австрийского ультиматума. Воевать дальше против могущественной европейской коалиции при обнаружившейся военной и хозяйственной отсталости России было невозможно. Потери живой военной силы были громадны: при одной обороне Севастополя из русской армии выбыло 102 тыс. убитыми и ранеными. Десятки тысяч солдат лежали в лазаретах, подкошенные тифозной эпидемией. Министры говорили царю об истощении государственной казны, о возможной потере новых территорий, о нарастающем внутреннем брожении. Россия известила державы о своём согласии принять предлагаемые условия, и 13 (25) февраля 1856 г. в Париже начались заседания мирного конгресса с участием представителей заинтересованных держав.

Англия и Австрия выступили с целым рядом аннексионистских требований. Франция взяла на себя роль «примирителя», желая не слишком усиливать Великобританию и на всякий случай заручиться поддержкой России против собственных союзников. Использовав противоречия между Англией и Францией, русская дипломатия добилась некоторых успехов и сумела

облегчить условия мира. В результате длительных переговоров 18 (30) марта 1856 г. державы подписали Парижский мирный трактат на следующих основаниях: 1) все завоёванные области и города возвращались обратно Турции и России (таким образом, Севастополь и другие русские города были «обменены» на возвращённый Турции Карс); 2) независимость и целость Оттоманской империи обеспечивались совокупным ручательством всех держав; 3) Чёрное море объявлялось нейтральным, т. е. открытым для торговых судов всех наций, и недоступным для военного флота как прибрежных, так и прочих держав (в силу этого условия Россия теряла право иметь на Чёрном море военный флот, прибрежные военно-морские арсеналы); 4) для обеспечения судоходства по Дунаю южная часть Бессарабии отходила к Молдавии; 5) Сербия, Молдавия и Валахия ставились под верховную власть султана и ручательство договаривающихся держав; 6) покровительство турецким христианам переходило в руки всех великих держав. Особой конвенцией о проливах было установлено, что Дарданеллы и Босфор закрыты для прохода военных судов всех иностранных государств.

Итоги войны. Подводя итоги одной «из самых смертельных схваток, когда-либо обагрявших кровью нашу землю», Маркс и Энгельс приходили к горькому выводу: «В течение сорока лет Европа не знала проклятия подобной борьбы... Но ни политический, ни социальный уклад Европы не поколеблен в результате войны. Все эти громадные расходы и потоки пролитой крови ничего не дали народу» [1]. Война не стала общеевропейской войной за демократические принципы; она не переросла в революцию, не освободила угнетённых наций и не покончила с остатками феодализма. Правда, международное влияние царизма было подорвано, и он не мог играть столь же могущественную, как прежде, роль европейского жандарма; но победителем в борьбе оказалась английская, французская и австрийская буржуазия, которая поспешила использовать победу в собственных интересах: выбив Россию из ближневосточных позиций, она обеспечила себе дальнейшее «мирное» продвижение на Балканы и в Переднюю Азию.

Только в России война ускорила поворот на новую, социально-политическую дорогу. Энгельс писал: «Царизм потерпел жалкое крушение... он скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией. Наступило небывалое отрезвление» [2]. Крымская война нанесла сильнейший удар крепостной системе, уже давно подточенной

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. X, стр. 596.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 29.

внутренним кризисом, и содействовала повороту правительства на путь реформ.

Общественные настроения во время Крымской войны отражены в многочисленных записках и письмах современников. Ненависть к крепостному режиму и недоверие к власти нашли себе выражение в распространении пораженческих настроений, имевших место не только в демократических кругах, но и среди людей «благонамеренных». Историк Погодин писал: «Есть множество людей, и людей порядочных, умеренных, в средних и высших сословиях, которые желают тайно падения Севастополя, надеясь, что с падением его падёт и нынешняя система». Падение Севастополя было воспринято как «обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа» *(Иван Аксаков)*.

Всем стало ясно, что причина военного разгрома коренится в условиях феодально-крепостнической системы. «Крымская война, — говорил Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России» [1]. К тому же выводу о неизбежном крушении самодержавно-крепостнического строя приводило разраставшееся крестьянское движение, которое возникло в связи с войной и не прекратилось после заключения мира.

Восточная война в русской историографии. Восточная война была предметом многочисленных исследований и характеристик в русской историографии. Дворянские историки-генералы М. И. Богданович («Восточная война 1853—56 гг.», изд. 1876 г.) и Н. Ф. Дубровин («Восточная война», «История Крымской войны и обороны Севастополя», изд. 1900 г.) целиком оправдывали внешнюю политику царизма и затушёвывали вопиющие недостатки крепостного режима; патриотический героизм, проявленный при обороне Севастополя, они фальшиво объясняли традиционной готовностью народа умереть «за веру, царя и отечество». В сущности, на такой же реакционно-монархической точке зрения стоял автор большого незаконченного исследования «Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой» (изд. 1908—1913 гг.) А. М. Зайончковский, наглядно вскрывший военно-техническую неподготовленность николаевской России. Значение этих официозных работ состоит лишь во введении в научный оборот большого количества фактов и в обстоятельном анализе боевых операций.

Совершенно иную историческую концепцию развернул М. Н. Покровский в статье «Крымская война» (помещена сначала в сборнике «История России в XIX в.», изд. Гранат, 1908 г., т. I, затем в сборнике «Дипломатия и войны царской России», изд. 1924 г.). Противопоставляя реакционно-крепостническую Россию буржуазному европейскому Западу, Покровский разоблачил захватническую политику царизма и связал крымское поражение не только с военной, но и с социально-политической отсталостью дореформенной России. Однако Покровский не дал подлинного марксистско-ленинского освещения Восточной войны: он не показал захватнической политики европейской буржуазии, переоценил военное превосходство союзников и умолчал о героическом сопротивлении русской армии и флота при обороне Севастополя.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

В годы Великой Отечественной войны появилась двухтомная работа академика Е. В. Тарле «Крымская война», которая на основе большого печатного и архивного материала дала подробный анализ дипломатической и военной истории 1853—1856 гг. Несмотря на отдельные пробелы и ошибки, книга Е. В. Тарле в целом является наиболее полным и глубоким исследованием Восточной войны, проникнутым чувством живого патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* и *Энгельс Ф* Сочинения. Т. IX. С. 369—484, «Восточный вопрос»; с. 549—709, «Русско-турецкая война». — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Т. X. С. 165—221, «Крымская экспедиция»; с. 517—548, «Крымская кампания. Падение Севастополя»; с. 549—605, «Падение Карса. Итоги войны». — *Маркс К.* Подготовка крестьянской реформы в России. Сочинения. Т. XI. Ч. I. С. 529—531. — *Маркс К.* [Письмо Ф. Энгельсу 8 октября 1858 г.]. Сочинения. Т. XXII. С. 362. — *Энгельс Ф.* [Письмо] Н. Ф. Даниэльсону 22 сентября 1892 г. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Письма. Изд. 4. М.—Л. 1931. С. 321. — *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С. 95. — *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников. «Вопросы ленинизма». Изд. 11. [М.] 1945. С. 328—329 (высказывание об отсталости царской России). — *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Источники. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Дубровина. Вып. 1—5. Спб. 1871—1874.—Сборник рукописей, представленных... цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. I—III. Спб. 1872—1873.—Рескрипты и письма императора Николая I к князю Меншикову за время Севастопольской обороны. Спб. 1908. 107 с.—*Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Франциею. 1822—1906 гг. Спб. 1909. XIII, 836 с. — К истории Парижского мира 1856 г. «Красный архив». 1936. Т. 2 (75), с. 10—61.— Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова. «Русский архив». 1891. Кн. 2. Стб. 167—256. — *Васильчиков В.* Письмо к издателю (о прекращении обороны Севастополя). «Русский архив». 1874. Кн. 1. Стб. 1580—1582. — *Тотлебен Э.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. I—II. Спб. 1863—1872. — *Муравьёв Н. Н.* Война за Кавказ в 1855 году. Т. I—II. Спб. 1877. — *Пирогов Н. И* Севастопольские письма 1854—1855. Под ред. и с примеч. Ю. Г. Малиса. Спб. 1907. 231 с. — *Ершов А. И.* (Е. Р. Ш-ов). Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. В семи тетрадях. Изд. 2. Спб. 1891. 253 с.—«Вице-адмирал Корнилов». Под ред. Н. В. Новикова и П. Г. Софинова. М. 1947. 340 с. — «Адмирал Нахимов». Под ред. Н. В. Новикова и П. Г. Софинова Предисл. Е. В. Тарле. М. — Л. 1945. 250 с. — *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой Т. I—II. Спб. 1908—1913. — *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Спб. 1907. С. 21—125. — *Чернышевский Н. Г.* Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М. 1935. LXXI, 353 с. — *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1—2. М.—Л. 1944. — *Найда С. Ф.* Синопская победа русского флота. М. 1949. 32 с.

Глава XV

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие русской культуры в первой половине XIX в. Ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре. Разложение феодально-крепостнической формации и развитие буржуазно-капиталистических отношений в России в первой половине XIX в. сопровождались интенсивным процессом развития русской национальной культуры.

Развернувшаяся классовая борьба определила характер идейной борьбы во всех областях культурной жизни — в образовании, науке, литературе, искусстве. Против старой, самодержавно-монархической, феодально-дворянской, религиозно-поповской идеологии, оформившейся в виде «теории официальной народности» с её проповедью православия, самодержавия, выступали носители новых, прогрессивных, передовых идей. Несмотря на тяжёлый гнёт крепостнического режима Александра I и Николая I и вопреки усилиям этого режима, развивались литература и искусство, шла вперёд научная мысль, росла тяга всё более широких общественных слоёв к просвещению. Русский народ в лице своих лучших представителей выдвигал новые творческие идеи, созидал национальную русскую культуру.

Применяя понятие «национальная культура» к культуре классового общества, в частности русского общества времени разложения феодально-крепостнической формации и развития буржуазно-капиталистических отношений в России, необходимо опираться на ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре. В своей работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) Ленин писал: «В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии»[1].

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 8.

Ленин так определял конкретное классовое содержание «национальной культуры» классового общества: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» [1]

В русской национальной культуре первой половины XIX в. шла острая борьба между старым и новым. Новое было представлено всё сильнее и заметнее выступавшими элементами демократической культуры, отражавшей интересы трудящейся и эксплоатируемой массы. В первой половине XIX в. представители революционной идеологии, оказывавшие мощное воздействие на формирование передовой русской культуры, выступали в лице дворянских революционеров, затем революционеров-разночинцев; передовые идеи революционного движения играли ведущую роль в творчестве Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Некрасова, Глинки, Федотова. Для передовой идеологии было характерно стремление к освобождению народа от крепостничества и гнёта самодержавия, от темноты и невежества, от всяческой поповщины. Эта идеология боролась за раскрытие высоких, творческих, передовых особенностей национального характера русского народа, за распространение передового просвещения и науки в народных массах.

Встречается утверждение, что литература первой половины XIX в. была «дворянской литературой». Доводом, подкрепляющим это утверждение, является принадлежность многих выдающихся писателей этого периода к дворянскому сословию: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов и другие замечательные русские писатели были дворянами по сословной принадлежности. Однако общеизвестно, что сословное происхождение автора ещё не является определяющим моментом для классового облика его творчества. Определяет этот облик прежде всего идейный классовый *смысл* творчества писателя, объективная историческая функция художественного произведения в историческом процессе. Учитывая эту — важнейшую — сторону дела, мы приходим к выводу, что русская передовая литература XIX в. в своём художественном воздействии на читателя вовсе не защищала интересов дворянского класса в основном, идейном смысле своих произведений. Эта литература действовала в русском историческом процессе как раз *против* классовых интересов дворянства: *против* крепостного угнетения, *против* классовых, сословных привилегий помещика,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 16.

против бюрократического, омертвелого, антинародного самодержавно-крепостного строя. Конечно, были и дворянские писатели, защищавшие позиции господствующего класса, но передовая литература была по существу своему *антифеодальной.*

Конечно, сословная принадлежность писателя к дворянству не могла не наложить своих классовых ограничений на его творчество. Ограничивающие его творчество и мировоззрение классовые особенности подчас тормозили писателя, не давали ему итти до конца в справедливых исканиях, иногда притупляли зоркость взгляда, изучавшего действительность, налагали печать робости на смелое дерзание, холодили его кровь, туманили его сознание. Но понимание этого не должно затемнять главнейшего: великой роли передовых русских писателей как борцов против старого, за содействие тому, чтобы *новое* стало неодолимым, за победу *нового.*

Русская литература совершила великую и трудную историческую работу огромного значения, внесла свой вклад в историю, расшатывая старый, отживший строй, содействуя приближению сроков его гибели, борясь за победу нового над старым, воодушевив во имя этого массы своих читателей. Всё сказанное относится не только к литературе, но и к другим видам искусства и вообще культурного творчества.

Лучшие, передовые традиции и достижения русской национальной культуры по праву стали родным и близким достоянием всех советских людей. Эти прогрессивные традиции и достижения — предмет гордости советских русских людей, а вместе с ними и всех братских советских народов нашей многонациональной родины. Советским людям свойственно чувство национальной гордости. Великий русский народ вправе гордиться своими славными революционными традициями. Великая русская нация, указывает И. В. Сталин, это нация Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова [1]. Многие из этих славных имён характеризуют русскую культуру первой половины XIX в. Советские люди помнят, что всё наследие великой передовой русской национальной культуры законно вошло в величайшее богатство советской культуры — самой передовой культуры современного человечества. Это наследие, умноженное и обогащённое, служащее делу коммунизма, является национальной гордостью советских людей.

Образование. На всей политике просвещения в царской России лежала резкая и отчётливая печать классовой сущности

[1] См. *И. В. Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, М. 1948, стр. 30.

российского самодержавия. Массы народа коснели в темноте, а царизм принимал меры для того, чтобы образование и вместе с ним свободолюбивые идеи, призывавшие на борьбу со всем самодержавно-крепостным строем царской России, не распространялись в «простом народе». Лёгкий доступ к образованию имели лишь привилегированные классы царской России. Однако развитие капиталистического уклада и разложение феодально-крепостной системы предъявляли свои требования в области культуры. Крайне боясь (особенно после восстания декабристов) всех просветительных мероприятий, возникающих по общественной инициативе, царизм стремился не выпускать из своих рук требуемое временем «просвещение», направлять его по нужному для себя руслу. Однако вопреки самодержавию и помимо его воли новые учебные заведения, пополняясь передовой молодёжью и стягивая к себе представителей учёного мира, функционировали не совсем так, как хотел этого царизм: образовательные учреждения царской России нередко оказывались живым элементом русского освободительного движения. Московский университет стянул к себе вольнодумцев, воспитал многих декабристов, Герцена, Огарёва, в духовных семинариях учились Чернышевский и Добролюбов, из пензенской средней школы вышел Белинский; массы разночинцев, получивших самое убогое религиозно-охранительное образование в низшей или средней царской школе, развивались дальше самостоятельно, жадно занимаясь самообразованием и читая передовую литературу. Таким образом, и в области образования мы видим борьбу противоречий, столкновение двух культур — отсталой, царистской лжекультуры и передовой, жившей истинными интересами народа.

Развитие городов, промышленности и торговли требовало всё большего количества образованных, квалифицированных людей. Царизм вынужден был создать в 1802 г. особое министерство народного просвещения для организации необходимейших просветительных мероприятий в стране; вместе с тем министерство создавалось и для наблюдения за просвещением в целях приспособления просвещения к нуждам царизма и правящих классов. В различных учебных заведениях России в середине века обучалось свыше 125 тыс. человек. Число гимназий увеличилось за полвека почти в 2,5 раза. К началу XIX в. на всю Россию было лишь одно высшее учебное заведение — Московский университет, в первой же половине века кроме старейшего русского университета — Московского — действовали университеты в Петербурге, Дерпте (Тарту), Вильно (до 1832 г.), Казани, Харькове, Киеве; открылись привилегированные учебные заведения — лицеи в Царском селе, Ярославле, Нежине. Но и к середине века во всех высших учебных заведе-

ниях обучалось всего только немногим более 4 тыс. студентов. Процент учащихся среди всего населения страны был очень низок, хотя он и сильно возрос в сравнении с концом XVIII в.

Некоторые из высших учебных заведений к середине XIX в. стали видными научными центрами. Таков был прежде всего Московский университет, а также Казанский и отчасти Харьковский. В Московском университете, который являлся средоточием русской университетской науки, молодёжь общалась с крупными русскими учёными — профессорами Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым, С. М. Соловьёвым и др. Казанский университет сыграл роль распространителя науки на юго-востоке Европейской России и в Сибири. Около 20 лет ректором Казанского университета был великий русский учёный Н. И. Лобачевский, в этом же университете работали замечательные русские химики Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров.

Однако новые средние и особенно низшие учебные заведения возникали крайне медленно, а общее число их было явно недостаточным. Уездные училища и приходские школы были большой редкостью в дореформенной России. В 1830 г. во всей России числилось всего 62 гимназии, к 1855 г. их стало 78; уездных училищ соответственно было 416, стало 439; количество приходских училищ за те же 25 лет увеличилось всего на 288. Образование было доступно лишь для детей представителей имущих классов (помещики, буржуазия) или влиятельных сословий (духовенство, чиновники). Вся система образования призвана была обслуживать интересы господствующих классов. Против этой системы к середине века выступили с передовыми и демократическими идеями в области педагогики революционный демократ В. Г. Белинский и выдающийся русский педагог и учёный К. Д. Ушинский.

К середине века заметно изменился социальный состав образованных интеллигентных людей: в составе интеллигенции значительно усилился разночинный, демократический элемент.

Русская художественная литература первой половины XIX в. В первой половине XIX в. литературе принадлежало первенствующее место среди других отраслей духовной культуры народов России. Белинский говорил, что в «гнусной российской действительности» — «только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперёд. Вот почему звание писателя у нас так почтенно... Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров». Лучшие писатели выступали в роли передовых руководителей общественного мнения, учителей жизни, выносивших приговоры событиям и людям. Литература была главной, почти единственной областью, где лучшим представителям народов России было более или менее возможно

выявить свои требования и надежды. Пушкин и Грибоедов были друзьями декабристов. Передовые демократические и освободительные идеи и образы Некрасова, Шевченко, Ахундова, Абовяна формировались под определяющим воздействием Белинского, Герцена, Чернышевского. Передовые русские писатели противостояли представителям литературной старины, реакционным сторонникам неизменности социально-политического строя самодержавно-крепостной России.

Процесс развития и смены литературных направлений в первой половине прошлого века происходил сравнительно быстро. Глубокой подосновой этого процесса было социально-экономическое развитие страны — разложение феодально-крепостной системы, вызревание капиталистических отношений, развитие классовой борьбы и оживление общественной мысли. Всё это вело к усиленному нарастанию реалистических устремлений, к приобретению русской литературой боевого демократического характера.

В развитии русской литературы за первые полвека сменилось несколько направлений — классицизм, сентиментализм, романтизм, наконец, окончательно сложился реализм, исподволь подготовленный предшествовавшим литературным развитием. В борьбе литературных направлений, в идейной борьбе деятелей культуры сказывалась классовая борьба. Утверждение реализма знаменовало успехи демократических элементов русской культуры.

Идейная борьба в русской литературе начала XIX в. Русский классицизм пережил свой расцвет в XVIII в. и не мог быть более пригодным для выражения новых идей и настроений. Характерные формы классицизма — ода, классическая трагедия и комедия, басня— наполнились новым содержанием и видоизменялись под его определяющим воздействием.

Классическая трагедия ещё была ярко представлена в творчестве В. А. Озерова. Сильные характеры и глубокие чувства, идея долга, мотивы действенной любви к родине и служения ей, типичные для трагедий Озерова, имели важное общественное значение в воспитании патриотизма и гражданского достоинства. Трагедии Озерова («Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской» и др.) не сходили с подмостков русского театра в начале прошлого века. Успех Озерова был исключителен. Героические трагедии, где выводились на сцену русские герои, восторженно встречались патриотически настроенными современниками в годы войн России с Наполеоном. Современников пленял пафос подвига, насыщавший драматургию Озерова Новое содержание заполняло старые формы.

Некоторые произведения писателей-сентименталистов внесли в русскую литературу много нового, прогрессивного для

своего времени — известную простоту в изображении человеческих чувств вместо описания искусственных «возвышенных чувств», простую речь, более близкую к разговорной, вместо декламационной напряжённости речи в произведениях классицизма, простых героев (особенно часто «поселян») вместо богов, героев и царей, сельскую природу вместо дворцов и регулярных садов и парков. Белинский напоминал позднее, что «первая замечательная русская повесть была написана Карамзиным, и её героиня была обольщённая петиметром крестьянка бедная Лиза». Возврат к природе, к простым людям и чувствам был своеобразным протестом против придворной дворянской изысканности и искусственности. Но протест этот раздался из среды дворянства и призван был по своему классовому назначению лишь содействовать облагораживанию чувств господствующего класса. Повести Карамзина, стихи Жуковского, чувствительная, исторгавшая «ручьи слёз» манера игры в театре были новы для того времени.

Крупный русский поэт начала века романтик В. А. Жуковский (1783—1852 гг.) отдал значительную дань сентиментализму. Первое произведение молодого Жуковского, появившееся в печати,— элегия «Сельское кладбище»,— было опубликовано в «Вестнике Европы» Карамзина. Элегически-сентиментальные настроения, уход в природу, поэтические размышления на «вечные темы» — любви, смерти, дружбы, веры — характерны для поэзии Жуковского. В этом отношении он был в течение всех 50 лет своей литературной деятельности последовательным консервативным карамзинистом. Его поэзия, проникнутая религиозностью, призывами к повиновению человека воле провидения, романтическими устремлениями в «заоблачные дали» и идеализацией прошлого, была далека от насущных задач русской действительности и объективно по своему социально-политическому смыслу враждебна революционным и демократическим устремлениям передовых русских людей. Религиозные и консервативные настроения пронизывали творчество Жуковского. Одновременно с Жуковским выступала целая плеяда русских дворянских авторов, вступивших на литературное поприще ещё в XVIII в.: И. И. Дмитриев, автор популярной песни «Стонет сизый голубочек», Ю. А. Нелединский-Мелецкий, автор известной песни «Выйду я на реченьку, погляжу на быструю», П. И. Шаликов, В. Измайлов и др. И их творчество по своему общественно-политическому звучанию также являлось консервативным, было чуждо и враждебно новым идеям. Литературный сентиментализм повлиял и на другие отрасли искусства, например и на театр («мещанская драма» и «слёзная комедия»), в некоторой мере и на живопись (элементы сентиментализма в творчестве Венецианова).

Заслугой сентименталистов (в первую очередь самого Карамзина) была реформа русского литературного языка. Карамзин отказался от архаического высокого стиля литературы XVIII в., который изобиловал церковно-славянизмами, в пользу живого разговорного языка. Карамзин производил из корней русского языка неологизмы для выражения новых понятий, и большинство новых слов Карамзина прочно вошло в русский язык (общественность, промышленность, будущность, достижимый, усовершенствовать и др.) Но в своём языковом новаторстве карамзинисты старались «европеизировать» русский литературный язык, равняясь на салонную европейскую речь, и нередко неразборчиво и необоснованно широко вводили чуждые западноевропейские (особенно французские) языковые элементы в русский литературный язык. Карамзин стремился создать единый язык «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут». Но под обществом Карамзин разумел, конечно, дворянское общество. На язык народных масс дворянин Карамзин не только не ориентировался, но даже считал его непригодным для литературной речи. Тем не менее связанная с его именем реформа была важным этапом в процессе приспособления русского литературного языка к новым общественным запросам начала XIX в. Недаром против языковых реформ ополчились консервативно-реакционные последователи отживших свой век канонов литературы классицизма XVIII в. Под видом защиты старых литературных авторитетов, форм и языка эти последователи отстаивали дворянско-крепостнические порядки и гегемонию помещиков в литературе и социально-политической жизни.

Против реформы «карамзинистов» резко выступили «шишковисты» во главе с известным реакционным адмиралом А. С. Шишковым, основавшие в 1811 г. литературное общество «Беседа любителей русского слова». Однако сейчас же против «шишковистов» выступило возникшее в 1815 г. литературное общество «Арзамас», в котором группировались как «карамзинисты», так и прогрессивные деятели литературы и общественности того времени (Вяземский, Батюшков, братья Тургеневы, В. Л. Пушкин, юный А. С. Пушкин и др.). «Шишковисты», группировавшиеся вокруг «Беседы», отстаивали славянизмы, старый сложный синтаксис и «высокий штиль» в литературе. Их борьба за литературную старину прозрачно прикрывала борьбу за реакционно-охранительные начала в русской жизни. Противник староверов-«шишковистов» писатель Макаров прямо поставил вопрос Шишкову: «Неужели сочинитель, для удобнейшего восстановления старинного языка, хочет возвратить нас к обычаям и к понятиям старинным?»

Реакционным защитникам старины, сентиментально-романтическим идеализаторам псевдонародного быта и средневековья противостояли замечательные русские писатели Крылов, Грибоедов, революционные литераторы-декабристы.

И. А. Крылов (1769—1844 гг.) выдвинулся ещё в XVIII в.; он писал прозой и стихами, был автором комедий и песен, издателем сатирических журналов, но славу Крылову создали его басни. Басня была одной из излюбленных форм классицизма. Но басни Крылова — совсем не произведения запоздалого последователя классицизма. В основе его басен лежало не холодное морализирование об отвлечённых пороках и добродетелях, а горячее чувство умного реалистического наблюдателя окружающей жизни, стремление сатирически разоблачить ограниченность и невежество крепостнической дворянской России. Пережив политические гонения и в связи с ними надолго выбыв из литературы, Крылов облекал свою сатиру в форму басни прежде всего из осторожности. «Истина сноснее вполоткрыта», — говорил он. Некоторые басни Крылова (например, «Водолазы», «Огородник и философ») отражают официальную правительственную идеологию. Но великий русский баснописец в своих знаменитых баснях «Слон на воеводстве», «Осёл», «Волк и ягнёнок», «Лев на ловле», «Рыбьи пляски» и др. оказался обличителем крепостных порядков, продажной бюрократии, барского воспитания. Обличение это было высказано простым, ясным, лаконическим *народным* и в то же время литературным языком. «Простодушием и народностью отличаются басни Крылова», — писал Белинский. Творчество Крылова перерастало в новое, передовое направление — в реализм, за которым было будущее.

То же наблюдалось и в творчестве крупнейшего русского писателя А. С. Грибоедова (1795—1829 гг.), литературные вкусы которого формировались под известным воздействием классицизма. Но именно бессмертная комедия Грибоедова «Горе от ума» была подлинным началом реализма в русской драматической литературе. Грибоедов, друг Пушкина и декабристов, насытил «Горе от ума» животрепещущим общественно-политическим содержанием, яркими типическими образами. Главный герой комедии Чацкий — смелый обличитель, противник существующего общественно-политического строя. Он противостоит крепостническому лагерю Фамусова, Молчалина, Скалозуба. Чацкий — декабрист в московском обществе. «Горе от ума» — глубоко реалистическое произведение, бичующее весь крепостнический строй в целом. Комедия Грибоедова с её реалистическим подходом к жизни была глубоко народным произведением. Устами Чацкого Грибоедов призывал читателей и зрителей трезво, реалистически присмотреться к окру-

жающей действительности. Через Чацкого автор клеймил низкопоклонство перед иностранщиной и обращался к передовой части дворянской молодёжи с критикой рабской французомании дворянства, с гордым призывом к созиданию передовой национальной культуры, к пользованию родным языком, «чтоб умный, бодрый наш народ хотя по языку нас не считал за немцев».

В лице Грибоедова выступил замечательный передовой писатель-патриот, сторонник «свободной жизни», пламенно любящий Россию и именно потому страстно и горячо изобличающий своей комедией крепостнический строй, русское барство, бюрократию, военщину, реакцию.

Мотивы обличительной гражданской литературы, столь сильные у Грибоедова, особенно мотивы гражданской поэзии, были в те же годы блестяще разработаны А. С. Пушкиным и поэтами-декабристами, в первую очередь К. Ф. Рылеевым, а также А. И. Одоевским, В. Ф. Раевским, В. К. Кюхельбекером, А. А. Бестужевым (Марлинским). Из среды поэтов-декабристов, горячих патриотов, вышли страстные провозвестники освободительных, антикрепостнических идей. Поэты-декабристы умело использовали элементы романтизма для выражения своей революционной идеологии. Романтизм развивался одновременно в Западной Европе и в России. В западноевропейских литературах наряду с революционным романтизмом Байрона и Шиллера существовал реакционный романтизм Новалиса и Шатобриана. В России проявлениям реакционного романтизма у Жуковского противостояли Рылеев, Пушкин, Мицкевич. Романтическая баллада — излюбленная форма в творчестве Жуковского; его баллады полны страхов, привидений, мертвецов, чертей; традиционные время и место действия — ночь, кладбище и т. п. Романтизм Жуковского хорошо уживался с политическим консерватизмом. Против реакционного романтизма Жуковского боролись поэты-декабристы. К. Ф. Рылеев прямо отмечал пагубное влияние Жуковского «на дух нашей словесности»: «мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределённость и какая-то туманность... растлили многих и много зла наделали».

Поэты-декабристы во главе с Рылеевым, близкие к декабристам Грибоедов и Пушкин выступали с боевыми, обличительными произведениями (сатира «К временщику», поэма «Войнаровский», «Думы» Рылеева, стихотворения Пушкина «Деревня», «Вольность», «К Чаадаеву» и другие, «Горе от ума» Грибоедова). Они были преемниками Радищева. Поэзия декабристов имела громадное общественно-воспитательное значение. О знаменитой сатире Рылеева «К временщику», где был публично

заклеймён Аракчеев, а с ним вместе и его покровитель Александр I, один из современников писал: «Это был первый удар, нанесённый Рылеевым самовластью». Декабрист Лорер вспоминал: «Мы с жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русского временщика». Поэзия декабристов приобрела громадное общественно-воспитательное значение прежде всего потому, что она была пронизана горячим революционным патриотизмом. Писатели-декабристы были русскими патриотами, боровшимися за освобождение народа от крепостного права и самодержавия, от пут реакции и поповщины. Рылеев своими «Думами» сознательно стремился, по его же словам, пробуждать «в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к отечественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства». В замечательной, сочинённой для революционной пропаганды в народе песне Рылеев писал:

> Долго ль русский народ
> Будет рухлядью господ,
> И людями,
> Как скотами,
> Долго ль будут торговать?
> . . . .
> По две шкуры с нас дерут;
> Мы посеем, они жнут;
> И свобода
> У народа
> Силой бар задушена.
>
> А что силой отнято,
> Силой выручим мы то.

Революционные патриоты русского народа, декабристы-писатели, могли, подобно Рылееву, по праву сказать о себе, что в борьбе за передовые идеи в литературе их воодушевляла «любовь к общественному благу».

Национальное содержание, животрепещущие вопросы действительности заполняли собой русскую поэзию и прозу. Русская литература с 20—30-х годов XIX в. вышла на широкий путь и превратилась в литературу величайшего мирового значения. Создание новой русской литературы тесно связано с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Гениальный поэт русского народа А. С. Пушкин (1799—1837 гг.) был основоположником новой русской литературы. Он необычайно расширил своим творчеством горизонт русского читателя, откликнувшись на важнейшие вопросы идейной жизни, волновавшие русское общество, отразив в непревзойдённых художественных образах

русскую жизнь. Пушкин был певцом свободы и любви к родине. В его поэзии отразилась заря русской революции, начавшаяся с выступления Радищева и дворянских революционеров-декабристов, которые были для Пушкина, по его же словам, «друзьями, братьями, товарищами». Враг крепостничества и самодержавия, Пушкин насытил своё поэтическое творчество передовыми общественными идеями. Произведения Пушкина явились могучим средством формирования передового национально-патриотического самосознания народа. Пушкин создал высочайшие образцы произведений различных жанров в стихах и в прозе. Его «Евгений Онегин» был примером русского романа, «Борис Годунов» — образцом исторической драмы, а «Капитанская дочка» — исторической повести; лирические стихи Пушкина — бессмертные образцы русской лирики. В течение своей краткой жизни Пушкин проделал большой и сложный путь литературно-идейного развития; он быстро прошёл от классицизма через романтизм к зрелому, полнокровному реализму. Изумительная многогранность была характерна для Пушкина.

«Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения. Он первый приучил русскую публику читать, и в этом состоит величайшая его заслуга», — писал Добролюбов. «Пушкин — воспитатель эстетического чувства и любви к благородным и эстетическим наслаждениям в русской публике», — говорил Чернышевский.

Ещё при жизни Пушкина Гоголь ясно осознал и провозгласил в печати величайшее национальное значение Пушкина и его творчества. Гоголь писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер...» Пушкин, говорит Гоголь, глубоко национален, потому что он глядит на весь мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа... чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Пушкин органически впитал в себя сокровища русского народного творчества, проникся глубоким пониманием истории народа, трезво взглянул на его современное положение. Но подобно тому, как это было с Радищевым, душа Пушкина омрачалась «ужасной мыслью» о «барстве диком, без чувства, без закона», угнетающем русский народ («Деревня», 1819 г.). Великий гуманист и патриот русского народа, Пушкин идейно примкнул к революционерам того времени: он стал поэтом

декабристов, защитником вольности. К светлому будущему, когда «Россия вспрянет ото сна», когда останутся одни «обломки самовластья», были устремлены мечты и думы поэта. Смело и свободолюбиво прозвучал призыв Пушкина:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Да здравствует солнце, да скроется тьма!
(«Вакхическая песня», 1825 г.)

Исключительно важна роль творчества Пушкина в создании и развитии русского литературного языка. Не «карамзинисты», а Пушкин создал новый русский литературный язык, взяв за основу живой язык русского народа. В своей работе над языком Пушкин обращался к повседневному народному просторечию. «Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований», — писал Пушкин. На основе народного русского языка Пушкин и создал новый русский литературный язык. Создание Пушкиным единого национального литературного языка послужило базой для дальнейшего быстрого развития и роста русской литературы.

Пушкин был основателем русского реализма. «Евгений Онегин» — наивысшее выражение пушкинского реализма; роман Пушкина, по словам Белинского, «есть поэтически верная действительности картина русского общества в известную эпоху». Образы Онегина, Татьяны, Ленского оказали исключительное влияние на русскую литературу. Образы пушкинского творчества оплодотворили многие отрасли русской культуры, в том числе музыку («Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Руслан и Людмила» Глинки, «Борис Годунов» Мусоргского, «Каменный гость» и «Русалка» Даргомыжского и др.). Наследие Пушкина бессмертно; преображённое в сознании советских людей, оно является живой составной частью нашей современной советской социалистической культуры.

Царизм видел в великом поэте своего врага. Придворная камарилья с Николаем I во главе затравила Пушкина. Пушкин был убит эмигрантом, проходимцем Дантесом, поддержанным самим царём — Николаем I — и палачами свободы, гения и славы, жадной толпой стоявшими у трона Николая I.

Общественно-литературное дело Пушкина продолжил его великий преемник М. Ю. Лермонтов (1814—1841 гг.). Он начал писать стихи ещё в конце 20-х годов. Уже 16-летним юношей Лермонтов выступил как враг царизма и певец свободы. Он пророчески предсказывал в 1830 г., что и в России настанет год, «когда царей корона упадёт». Лермонтов радостно откликнулся на весть об июльской революции во Франции.

В 1837 г., после гибели Пушкина, Лермонтов выступил со стихотворением «Смерть поэта» — резким политическим обличением самодержавия и придворных палачей. Оно явилось, как указывалось выше, своеобразной прокламацией против самодержавия и молниеносно распространилось в списках. Правительство Николая I почуяло в стихах «воззвание к революции». Лермонтов поплатился арестом и ссылкой на Кавказ. Последующие годы были временем расцвета творчества Лермонтова; к этим годам относятся «Песня про царя Ивана Васильевича», «Поэт» и «Дума», поэмы «Мцыри», «Демон», роман «Герой нашего времени». Творчество Лермонтова полно настроений протеста и скорби, свойственных лучшим людям России в годы николаевской реакции. Образы гордых, сильных, свободолюбивых людей, «величавого Кавказа» с его вольнолюбивыми горцами были протестом поэта против николаевского режима с его казённым, показным благополучием. Быстро преодолевая каноны романтизма, Лермонтов уверенно шёл к зрелому художественному реализму. «Герой нашего времени» был вершиной лермонтовского реализма и вместе с тем содержал в себе яркие элементы романтизма. Печорин, этот брат Онегина, продолжал в русской литературе галерею «лишних людей» Люди с живой душой, молодые, умные, энергичные, видевшие гнетущую действительность, их окружавшую, не могли в царстве молчания и казённого благополучия крепостнически-самодержавной России применить свои силы.

Самодержавное правительство с лютой ненавистью относилось к Грибоедову, Пушкину, Лермонтову, Полежаеву и другим великим деятелям передовой русской культуры. «Собаке собачья смерть», — сказал Николай I, узнав об убийстве Лермонтова на дуэли. Царизм стремился всеми средствами задержать культурное развитие страны. Но развитие культуры русского народа продолжалось вопреки усилиям царизма и реакционно-консервативных слоёв общества.

Дальнейшее развитие реализма в русской литературе связано с творчеством Н. В. Гоголя (1809—1852 гг.). «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», — сказал Чернышевский. Гоголь был величайшим реалистом. По его мнению, художник должен изображать «вседневное и действительное». Однако Гоголь призывал не к объективно-безразличному воспроизведению добра и зла, не к бесстрастному отображению действительности, а к её творческому истолкованию, к содействию её преобразованию посредством искусства. «Искусство, — писал Гоголь, — должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это

живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы. Искусство должно выставить нам на вид все доблестные *народные* наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиваться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их в себе самом».

Хотя социально-политические взгляды Гоголя были далеки от демократизма, проникнуты монархизмом и поповщиной и вызвали справедливый протест Белинского, его художественное творчество имело крайне важное значение для развития и усиления передовых устремлений в русской литературе.

Уже «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831—1832 гг.) полны элементов реализма. Подлинным торжеством русского реализма была комедия Гоголя «Ревизор» (1836 г.) и поэма «Мёртвые души» (I том вышел в 1842 г.). В них Гоголь показал и тем самым заклеймил для современников и потомства Русь крепостного права, Русь дворян-крепостников, её отсталый строй, взяточничество, продажных чиновников, авантюристов и проходимцев, показал пошлость крепостнической Руси. Смелый удар нанесён был Гоголем и самодовольному самодержавию. «Всем досталось, а мне больше всех»,— вынужден был признать Николай I на премьере «Ревизора». Образы Гоголя дали основу понятиям «маниловщина», «ноздрёвщина», «хлестаковщина». Типы, созданные Гоголем, неоднократно использовал Ленин. Яркие образы из произведений Гоголя нередко используются товарищем Сталиным.

Творчество Гоголя оказало сильнейшее влияние на всё последующее развитие русской литературы. «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», — сказал Достоевский о себе и своих современниках, русских писателях.

Дальнейшее укрепление реализма в русской художественной литературе. В 40—50-е годы вступили на литературное поприще замечательные писатели следующего поколения: Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский; в то же время вступили в литературу Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Творчество их будет охарактеризовано ниже — их главные произведения написаны в эпоху 60—70-х годов. Начало их литературной деятельности относится к концу 30-х — началу 50-х годов; они принадлежали к «натуральной школе», к «критическому направлению». Реализм Пушкина и Гоголя, творчество Лермонтова оказали на них огромное влияние. Исключительное значение имела для большинства из них критика Белинского, который своими указаниями и статьями поощрял и воспитывал демократические и социалистические элементы в русской литературе.

Раннее творчество Некрасова, Салтыкова и Тургенева пронизано демократическими устремлениями и реалистически-критическим отношением к «гнусной российской действительности».

Ещё в 40-х годах поэт русской крестьянской демократии Некрасов создал «Современную оду», «В дороге», «Родину», «Псовую охоту», «Еду ли ночью по улице тёмной». В 50-х годах Некрасов написал такие произведения, как «Саша», «В. Г. Белинский», «Поэт и гражданин», «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного подъезда», «Песня Ерёмушке». В 40-х—начале 50-х годов Некрасов назвал свою музу «Музой мести и печали» и провозгласил свой завет: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Громадное, определяющее влияние на творчество Некрасова оказал его старший друг и учитель Белинский. Герцен, подобно Белинскому настойчиво поддерживавший демократические и социалистические элементы в русской культуре, указывал в 1857 г., что Некрасов «поэт очень замечательный — своею демократическою и социалистическою ненавистью». Гнев против царизма и крепостников, желание счастья и свободы родному народу пронизали всё творчество Некрасова. Он и Салтыков учили, говорил Ленин, «различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов» [1].

«К униженным», «к обиженным», туда, «где трудно дышится, где горе слышится», говоря словами Некрасова, пытался итти и молодой Достоевский. Его повесть «Бедные люди» (1846 г.) была восторженно встречена Некрасовым и Белинским именно как произведение «критического направления», подхватывавшее лучшие общественные традиции «натуральной школы».

«Новый Гоголь явился», — провозгласил Некрасов, приведя впервые Достоевского к Белинскому; однако уже в ранних произведениях Достоевского прозвучали реакционные и вредные мотивы, получившие своё дальнейшее развитие значительно позднее. В 1849 г. по процессу петрашевцев Достоевский был сослан на каторгу.

Демократическими тенденциями проникнуты были уже первые выступления Салтыкова — повести «Противоречия» и «Запутанное дело». Молодой Салтыков также был связан с петрашевцами. В 1848 г. он был сослан в глухую провинцию и снова выступил в литературе лишь накануне 60-х годов со своими «Губернскими очерками».

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 40.

В конце 40-х годов выступил в литературе И. С. Тургенев. В 1847 г. в некрасовском «Современнике» был напечатан его рассказ «Хорь и Калиныч», а в 1852 г. он издал уже целый сборник рассказов «Записки охотника». В этой книге была мастерски изображена крепостная деревня, русские крестьяне и крепостники-помещики. Тургенев, в тот момент лично близкий Белинскому и Некрасову, выступил в «Записках охотника» против главного врага русского народа — крепостного права. «В моих глазах враг этот имел определённый образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право», — писал он. «Запискам охотника» принадлежит первое место среди произведений, в которых авторы начали систематически описывать крестьянскую жизнь и призывать к освобождению крестьян. «Записки охотника» своим горячим сочувствием к угнетённому крепостному крестьянству сыграли громадную роль в русской общественно-литературной жизни.

В 40-х годах выступил со своими замечательными художественными произведениями «Кто виноват?», «Сорока-воровка» революционный демократ А. И. Герцен. Его произведения проникнуты были ненавистью демократа и революционера как к крепостничеству, так и к самодержавию, поповщине, невежеству.

В конце 40-х — начале 50-х годов выступил со своими произведениями великий русский драматург А. Н. Островский. Литературное имя создала ему первая крупная комедия «Банкрот» (позже названная «Свои люди — сочтёмся»). Комедии Островского воспринимались современниками как прямое продолжение традиций «натуральной школы» Гоголя. «Свои люди — сочтёмся» — это «купеческие мёртвые души», по словам Писемского. Правительство запретило ставить на сцене пьесу молодого драматурга. Чиновники ужасались, что с постановкой пьес Островского русский театр «пропах смазными сапогами и овчинным полушубком». Но, как отметил Чернышевский, комедия «была принята читателем с единодушным одобрением». За ней последовали «Бедность не порок», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется».

Островский в «Банкроте» и в последующих своих пьесах 50-х годов впервые вывел на сцену «тёмное царство» косной, невежественной, самодурствующей и хищной среды русского купечества. Реалист Островский имел, по словам Добролюбова, «верное чутьё действительности»; он всматривался в «самую сущность явлений». «Основной мотив пьес Островского,— писал Добролюбов, — неестественность общественных отношений, — происходящая вследствие самодурства одних и бесправности других». «Тёмное царство» всей России Островский поставил перед судом русского демократического читателя.

Реалистические и демократические пьесы Грибоедова, Гоголя, Островского поставили русскую драматургию на самое передовое место в мировой драматической литературе середины XIX в.

Белинский — создатель русской критики. Величайшую роль в развитии русской литературы и особенно в воспитании и укреплении в ней демократических и социалистических элементов сыграл создатель русской критики В. Г. Белинский (1811—1848 гг.), первый русский критик «по профессии». Мнение Белинского было решающим приговором для писателей и читателей. Белинский отчётливо выразил идею о литературе как важнейшем орудии социальной борьбы. Белинский противопоставил в острой общественно-идейной борьбе демократическую теорию общественного служения литературы порочной и реакционной теории «искусства для искусства». Белинский смело и прямо провозгласил первенствующую и определяющую при оценке явлений культуры роль содержания, общественно-идейной сущности художественного или научного явления.

Благодаря чутью революционера-демократа Белинский сумел проникновенно истолковать творчество лучших русских передовых по своим общественно-идейным позициям писателей и раскрыть их значение читателям. Белинский открыл русскому читателю творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Кольцова и многих других. Белинский чутьём уловил две культуры, которые имеются, по словам Ленина, в каждой национальной культуре: господствующую культуру, культуру имущих классов, и элементы демократической и социалистической культуры, культуры трудящейся и эксплоатируемой массы. Белинский был великим критиком; почувствовав (будучи сам разночинцем) всю глубину пропасти между этими двумя культурами и целиком встав на сторону демократической культуры, он первый нашёл зародыши этих новых элементов в творчестве великих русских писателей и поднял знамя борьбы за них в литературе и жизни. Критическая деятельность Белинского могущественно содействовала общественно-полезному делу развенчания дутых авторитетов реакционных литераторов и журналистов.

К 30—40-м годам XIX в. русская литература, представленная именами Пушкина, Гоголя, Лермонтова — писателей «натуральной школы», стала национальным, народным, демократическим искусством. В острой борьбе с политической и литературной реакцией в ней выросли и окрепли демократические элементы. К середине XIX в., прежде всего творческими усилиями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, русский народ создал замечательную передовую литературу, тесно связанную с его освободительной борьбой.

Влияние передовой культуры русского народа на культуры братских народов России. Общение литератур братских народов. Русская литература первой половины XIX в. оказала очень большое влияние на развитие новых литератур братских народов России. Нередко русская литература помогала им усваивать новые, передовые общественные идеи, новые литературные направления и формы, содействовала работе над литературным языком.

Культурное творчество народов нашей страны развивалось во взаимном общении и при взаимном влиянии. Великая русская литература оказала громадное влияние на развитие мировой культуры и в частности литературы братских народов. Новые литературы Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, народов Прибалтики развивались в первой половине XIX в. в идейном общении между собой и в общении с культурой русского народа. Русский, украинский, белорусский, грузинский и другие народы России создавали свои национальные культуры в борьбе с общими для них всех врагами — царизмом и крепостничеством, несмотря на искусственно разжигавшуюся царским правительством национальную рознь. Борьба с общими врагами вызывала общность идей и интересов у всех лучших, передовых людей братских народов России. Не случайно, а исторически закономерно были связаны узами дружбы Шевченко и Щепкин, Ахундов и Бестужев-Марлинский, Грибоедов и поэты Грузии. На смерть Пушкина, убитого врагом всех народов России — царизмом, откликнулись, как два родных брата и единомышленника, и русский поэт Лермонтов и азербайджанский поэт Ахундов. Смерть Шевченко оплакивал в стихах Некрасов. Восторженно чествовали Пушкина во время его пребывания в Тбилиси грузинские писатели и общественные деятели. Родным стал в Грузии великий русский писатель Грибоедов.

В архиве Пушкина сохранилась запись грузинской песни (на грузинском языке) с дословным переводом. «Голос песен грузинских приятен», — писал Пушкин в своём «Путешествии в Арзрум». Стихи «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной» написаны Пушкиным к музыке, к грузинскому мотиву песни, пропетому ему без слов. Пушкин, Лермонтов и другие русские передовые писатели оказали немалое влияние на творчество писателей кавказских народов. Благотворное воздействие Пушкина отразилось на творчестве Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и ряда грузинских романтиков; они же явились выдающимися переводчиками произведений Пушкина на грузинский язык. Пушкин оказал могущественное воздействие на казахского писателя Абая Кунанбаева. В ар-

хиве Пушкина имеется также запись замечательного казахского эпоса «Песнь о Козы Корпеш и Баян-Слу», интересовавшего поэта. Пушкин пророчески писал:

> Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
> И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
> И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
> Тунгус, и друг степей калмык.

Великий поэт украинского народа Шевченко мысленным взором обнимал все народы России «от молдаванина до финна», ясно сознавая общность задач их борьбы («Кавказ», 1845 г.).

Культура, жизнь и борьба братских народов России оказали могучее влияние на русских писателей.

Исключительно большое место заняли кавказские мотивы в творчестве Пушкина и Лермонтова. Гоголь, на которого украинское народное творчество оказало сильнейшее воздействие, нарисовал незабываемые картины природы и быта Украины. Произведения Гоголя пробудили в русской науке и искусстве стремление к ознакомлению с культурой и историей украинского народа. Грибоедов в последние годы жизни работал над трагедией «Грузинская ночь». Борьба горцев Кавказа за независимость вдохновила Шевченко к написанию одного из лучших своих произведений — стихотворения «Кавказ».

Так в благотворном общении и взаимодействии развивалась литература братских народов России.

Фольклор. Богатой жизнью жило в XIX в. и народное творчество.

До уничтожения крепостного права основной чертой крестьянского творчества являлся его антикрепостнический характер. Крестьянство боролось против феодального гнёта с оружием в руках; своё враждебное отношение к крепостному праву и ко всему крепостническому строю оно выражало и в своём творчестве. Ненависть к крепостничеству и борьба с ним отражены в устном творчестве не только русского народа, но и других многочисленных народов нашей страны. В украинском и белорусском фольклоре антикрепостнические мотивы звучат с чрезвычайной резкостью; это связано с тем, что на украинском и белорусском крестьянстве лежал тяжёлый гнёт не только русских помещиков, но и польских панов, угнетавших народ также и в национальном и в религиозном отношении.

Антикрепостнические настроения крестьянства в XIX в. находили своё выражение в сохранении и распространении песен и преданий о Разине и Пугачёве.

Антикрепостнический характер имели так называемые «разбойничьи» песни. В некоторых из них призыв к борьбе с крепостничеством отражён совершенно явственно. Такова, например, песня «Как за барами житьё было привольное», изображающая тяжесть крепостного гнёта и переходящая затем в «разбойничью»:

Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб, не сеямши,
Не цепом молотим — слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.

Песня «Из-за леса, леса тёмного, из-за садика зелёного», обычно относимая к числу семейных (с темой несчастливого замужества), в одном из вариантов заканчивается антикрепостнической жалобой:

Что пропали наши головы
За боярами, за ворами!
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранёшенько,
А с работушки позднёшенько.

Многочисленны антикрепостнические сатирические сказки и анекдоты на тему «Барин и мужик». В них изображается либо физическое наказание барина крестьянином, либо умственное превосходство крестьянина над барином и осмеивается барская глупость. Жизнь и быт крепостной России часто сатирически трактовались в народной резьбе и малой скульптуре, например в игрушках (игрушки «Кавалеры», «Дамы» — сатиры на барские костюмы, «Беременная монашенка», «Барин и танцующие крепостные девушки» и др.).

Отчётливо проявлялись антикрепостнические настроения и в имевших широкое распространение в XIX в. пословицах такого типа, как «Нужда учит, а барщина мучит». Много пословиц направлено против чиновников крепостнического государства («Карман сух, так и судья глух»), а также против попов («Поповские глаза завидущие, поповские руки загребущие», «Поповское брюхо из семи овчин сшито» и др.).

Одним из самых тяжёлых явлений народной жизни в дореформенный период была военная служба, длившаяся 25 лет. Тяжесть военной службы в крепостной России нашла своё выражение в рекрутских «причитаниях» и в песнях о солдатчине, проникнутых настроениями глубокого горя. «Служба царская» характеризуется сравнением с горькой полынью; «ученьице» солдат именуется «мученьицем»; бытовые условия солдатской жизни в одном из рекрутских причитаний харак-

теризуются так: «Уеданьице — мякинны нам сухарики, упоеньице нам — водушка со ржавушкой».

Косвенно связаны с крепостничеством и семейно-бытовые песни. В этих песнях очень часто отражается тяжёлая участь женщины, насильно выдаваемой замуж, подвергающейся побоям, угнетаемой мужем.

В народном творчестве отражены подлинные условия жизни трудового народа. Однако народ в своих песнях и сказках выражал не только настроения горя и вражды к угнетателям. Сила народа была так велика, что даже в самых тяжёлых условиях жизни он не терял бодрости и веры в лучшую жизнь. Народные мечты, народные чаяния и ожидания находили своё выражение, между прочим, в волшебных (или чудесных) сказках. Героями этих сказок часто являются крестьянский сын, бедняк, солдат, простая крестьянская девушка и т. п. Преодолевая различные препятствия, нередко подвергаясь насмешкам и оскорблениям (как, например, Иван-дурак — излюбленный сказочный герой), они в конце концов торжествуют победу и добиваются счастья.

В народе возникали и новые исторические песни, откликавшиеся на происходящие события. Таковы песни об Отечественной войне. В них отражается народный патриотизм, борьба с вторжением иноземных войск в пределы России. Исторические события изображаются, конечно, не с документальной точностью, но самое настроение народа передаётся с такой правдивостью, которая делает эти песни ценными историческими документами. Начало войны изображается иногда эпическим приёмом. «Французский король царю белому отсылается» (т. е. пишет письмо) с требованием заготовить квартиры для него и для его войска в Москве (подобное письмо в других песнях приписывается турецкому султану). Выручает царя Кутузов (в некоторых вариантах фамилия даётся иная), который обещает «встретить злодея середи пути», вместо столиков поставить пушки медные и т. д. Иногда рисуется самое нашествие («Во двенадцатом году объявил француз войну на матушку на Москву и на Россиюшку на всю» и т. д.), пожар Москвы; изображаются бои («Наши начали палить, только дым столбом валит» и т. д.). Особое внимание в народных песнях времён Отечественной войны 1812 г. уделено Платову; одна из популярнейших песен говорит о том, как Платов сам приехал к Наполеону и как Наполеон, не догадавшись, что это Платов, не сумел захватить его. Отечественная война вошла и в пословицы: «Приехал Кутузов бить французов», «Голодный француз и вороне рад» и др.

Недобрую память оставил о себе в народном творчестве Аракчеев. В песнях о нём говорится, что «Ракчеев—господин—

всю Россию погубил, добрых людей прослезил» и т. д. Известно также предание об Аракчееве и его любовнице, в котором об Аракчееве говорится: «Аракчеев был очень суровой господин — собака!»

Развивался в первой половине прошлого века и рабочий фольклор. Возникали песни, отражающие жизнь и быт рабочих людей на дореформенных мануфактурах.

Произведения народного творчества нередко оставляли далеко позади себя холодные и напыщенные произведения книжной поэзии XVIII в. и произведения многих второстепенных поэтов и писателей XIX в. Сила их была так велика, что они проникали и в быт господствовавших классов (сказочники и сказочницы в дворянских семьях, хоры из крепостных крестьян и пр.). Проникали народные произведения и в литературу, в том числе и в творчество виднейших и талантливейших писателей — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, в творчество композиторов Глинки и Даргомыжского.

Печать и журналистика. Развитие просвещения, науки и культуры сопровождалось ростом печати, увеличением количества книг и журналов. Если в первые годы XIX в. в среднем издавалось по 143 книги в год, а периодических изданий в 1801 г. числилось 64, то в конце 50-х годов в среднем выходило в свет по 2 тыс. названий в год, а периодических изданий в России в 1860 г. было 230.

Ведущей формой периодики был журнал. Газеты ещё не играли серьёзной роли в общественно-литературной жизни. Много журналов начало издаваться и в провинции. Большое положительное значение для развития провинциальной печати имело издание «Губернских ведомостей», начало которому было положено указом 1837 г. К 1851 г. «Губернские ведомости» выходили уже в 44 губерниях.

Популярным русским журналом в начале века был основанный Карамзиным «Вестник Европы», но в общественно-идейной борьбе он занимал консервативные позиции, отстаивая сохранение существующего строя. Позднее большую роль играли журналы «Московский телеграф» (1825—1834 гг.), издававшийся критиком, писателем и журналистом Н. А. Полевым, и «Телескоп» (1831—1836 гг.), издававшийся профессором и критиком Н. И. Надеждиным. Журнал Полевого был передовым органом зарождавшейся буржуазной журналистики в России. Полевой стремился пробудить у читателей любовь к родине, её истории и культуре, интерес к западноевропейским политическим событиям и учреждениям. Острая и задорная критика Полевого стяжала его журналу большую известность.

«Телескоп» был по преимуществу философским и литературным журналом. В середине 30-х годов царская цензура за-

крыла оба журнала. В 40-х годах наиболее передовыми, влиятельными и интересными были журналы «Отечественные записки» и «Современник»; оба журнала вели борьбу с «Москвитянином», издававшимся представителями «теории официальной народности» Погодиным и Шевырёвым, а также с газетой официозных журналистов-доносчиков Булгарина и Греча «Северная пчела». Руководящая роль в «Отечественных записках» принадлежала великому русскому критику Белинскому. Вместе с Белинским в передовых журналах участвовали Герцен и поэт крестьянской демократии Некрасов. Сотрудничали в «Отечественных записках» и «Современнике» Тургенев, Гончаров, Салтыков. В 50-х годах в «Современнике» начали работать революционные демократы Чернышевский и Добролюбов.

Русский театр и музыка в первой половине XIX в. Щепкин и Глинка. Развитие театра было тесно связано с развитием литературы, особенно драматической. Параллельно с развитием русской драматургии изменялось и театральное искусство, манера игры, раскрытие образа актёром. В первой половине XIX в. выработался новый тип театра, порвавшего с царским двором и помещичьей усадьбой, тесно связавшегося с живой общественной жизнью, создавшего своего демократического зрителя, свой репертуар, свою школу актёра. Таким театром стал в первой половине XIX в. Московский Малый театр, а школой русского актёра стало гениальное реалистическое мастерство Щепкина.

Русский театр начала XIX в. был театром драматургии классицизма. Господствовал «высокий жанр» — трагедии на антично-мифологические или отечественно-исторические сюжеты: «Эдип в Афинах», «Дмитрий Донской» Озерова, «Поликсена», «Пожарский» Крюковского, «Всеобщее ополчение» Висковатого. Актёры играли в торжественном, приподнятом тоне, напряжённым голосом, певуче декламируя текст с подчёркиваниями патетических слов (вроде «любовь», «страсть», «измена»). Обычно, окончив сильный монолог, актёр условным «трагедийным» жестом простирал вверх правую руку и так удалялся со сцены. Крупнейшими актёрами классического театра были Е. С. Семёнова, Я. Е. Шушерин и А. С. Яковлев.

По словам Пушкина, в театре начала прошлого века:

> ...Озеров невольны дани
> Народных слёз, рукоплесканий
> С младой Семёновой делил.

В 30-х годах романтическая драма царила на подмостках театров, многократно ставились пьесы Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого. Успех Кукольника покоился на драмах «Рука всевышнего отечество спасла» (казённо-патриотического

направления) и «Скопин-Шуйский». Полевой после закрытия своего журнала также написал несколько «романтических» драм—«Дедушка русского флота», «Иголкин, купец Новгородский» и др. Эти «благонадёжные» произведения в духе «официальной народности» были очень плохи в литературном отношении, но их поддерживало царское правительство, и они десятилетиями не сходили с подмостков театра.

Романтический театр выдвинул ряд первоклассных актёров, талантами которых часто и удерживалась на сцене стряпня Кукольника и Полевого. Среди этих актёров первое место на петербургской сцене принадлежало В. А. Каратыгину (1802—1853 гг.) — актёру трагической школы, воспитанному на классических образцах. Он строил свою продуманную эффектную игру глубоко рационалистически, на тщательной технике мастерства. На московской сцене в то же время гремел другой крупнейший трагик — П. С. Мочалов (1800—1848 гг.). Мочалов играл по вдохновению и отрицал рационализм и техницизм Каратыгина; для его игры характерны исключительная простота и яркая эмоциональность. Гениальное исполнение Мочаловым в конце 30-х годов роли Гамлета, проникновенно истолкованное Белинским, было крупнейшим событием в истории русской сцены.

Реализм пришёл на русскую сцену вместе с «Горем от ума» (первая постановка в 1829 г.) и «Ревизором» (1836 г.). Реалистическая драматическая литература уже была создана, но новой манерой игры актёры овладели не сразу. Утверждение реализма на русском театре связано с творчеством Щепкина и с деятельностью Малого театра.

Ещё в 1806 г. в Москве был организован казённый московский театр. С 1824 г. театр обосновался на Петровской площади в Москве под именем «Малого». Весной 1823 г. в театр поступил актёр Щепкин. Сорок лет своей творческой жизни отдал Щепкин Малому театру.

М. С. Щепкин (1788—1863 гг.) — величайший русский актёр-реалист. Подобно своему близкому другу Шевченко, он был родом из крепостных крестьян. Долго бродил Щепкин по разным провинциальным сценам, играл в Курске, Харькове, Полтаве, Ромнах, Туле. С 1823 г. и до своей смерти Щепкин играл в Москве в Малом театре, прозванном с той поры «Домом Щепкина». В Москве Щепкин стал виднейшей фигурой в общественно-культурном движении середины века. Друг Шевченко, Гоголя, Герцена, он общался со всеми выдающимися, передовыми деятелями литературы, театра, общественной мысли своего времени — с Белинским, Грановским и др. В стенах Малого театра, главным образом в ролях Фамусова и городничего, Щепкин и разработал свою реалистическую

манеру игры. «Искусство настолько высоко, насколько близко к природе», — такова была основная установка Щепкина. Он требовал от актёра «изучать человека в массе», «влезать, так сказать, в кожу действующего лица, изучать хорошенько его особенные идеи». Прекрасно сказал о Щепкине революционный демократ Герцен: «Он создал правду на русской сцене, он первый стал не театрален на театре»; в игре Щепкина Герцен почувствовал «струю демократии и иронии». То, что для русской литературы сделал Пушкин, для критики — Белинский, для музыки — Глинка, для русского театра сделано Щепкиным. Сценическое искусство Щепкина было торжеством реализма. Драматургия Островского, ставшего «своим» писателем в Малом театре, закрепила в 50-х годах реалистический характер русского театрального репертуара.

Развитие и укрепление реализма в театре было величайшей исторической заслугой Малого театра. Страстные споры вызывал у людей 40-х годов каждый его спектакль. Смелый, обличающий невежество, тупость и дикость крепостнического, чиновного, купеческого быта, обличающий в своих образах мир Фамусовых, Молчалиных, Сквозник-Дмухановских, Держиморд, Кабаних и Диких, Малый театр принял участие в острой общественно-идейной борьбе. Со сцены Малого театра раздавались благородные, страстные и гневные речи Чацкого, героев Шиллера и Шекспира. Малый театр стал гордостью русской культуры, средоточием театрального искусства в России. Современники называли его «вторым Московским университетом». По словам Герцена, Малый театр был «высшей инстанцией для решения жизненных вопросов». Творчество актёров Малого театра во главе со Щепкиным, в содружестве с Островским и его передовой драматургией, поддержанное Белинским и Добролюбовым, было победой демократических элементов в русской театральной культуре. Реалистически-демократические тенденции Малого театра объективно превратили его в самый передовой театр середины XIX в. Театральное искусство стран Западной Европы в XIX в. не знало театра такой передовой общественно-идейной направленности.

В развитии русского музыкального искусства первая половина XIX в. была временем борьбы за создание национальной русской музыки. Величайшую роль в этом процессе сыграл основоположник русской национальной музыки—М. И. Глинка (1804—1857 гг.), выразивший в своей музыке передовые идеи времени. Глинка был нашим «Пушкиным в музыке». Творчество Глинки имело своих предшественников. Ближайшими из них были такие выдающиеся, широко известные русские музыканты, как Н. А. Титов, А. А. Алябьев, А. Е. Варламов,

А. Л. Гурилёв, А. Н. Верстовский. Все они по преимуществу являлись мастерами камерной музыки, создателями многочисленных романсов. Только Верстовский создал в середине 30-х годов талантливую и популярную оперу «Аскольдова могила». Уже эти композиторы потянулись к народной песне, и не только русской, но и украинской, цыганской. Тяготение к народной мелодии, к песне стало позже определяющим началом музыки Глинки.

По силе своего творчества Глинка может быть сравнён из своих современников только с Пушкиным. «Глинка вдруг, — сказал о нём Чайковский, — одним шагом стал наряду (да, наряду!) с Моцартом, Бетховеном и с кем угодно». В лице Глинки вошёл в историю русской музыки полноценный и зрелый мастер. Глинка признавал необходимым выработать свой «собственный стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу». В основу своего стиля Глинка положил народное творчество, мелодии народов России, прежде всего русский народный мелос. Глинка не просто использовал русские национальные мотивы, — это имело место и до него. Своей музыкой он выразил думы и чаяния русского передового человека. Он постиг самое существо народного творчества и ответил своими произведениями на чаяния и запросы лучших людей времени, двигавших вперёд историю своей родины. Вместе с тем Глинка считал необходимым критическое освоение музыкального наследия Западной Европы. «Музыку создаёт народ, а мы только её аранжируем». Эти слова Глинки вскрывают основу его музыкального миропонимания. В своих оперных шедеврах «Иван Сусанин» (1836 г.), «Руслан и Людмила» (1842 г.) и в симфонических произведениях («Камаринская»), так же как и в своих знаменитых романсах, Глинка создал русский национальный стиль в музыке. «Признание» Глинки официальной, царской Россией не только было чисто формальным, но несло в себе и плохо скрытые элементы презрения к великому деятелю русской культуры. Дворянская знать называла музыку Глинки «кучерской»; Николай I демонстративно покинул премьеру «Руслана и Людмилы». Глинку окружала атмосфера недоброжелательства и травли «высшего общества». Между тем его жизнерадостная музыка была глубоко понята новыми, демократическими слушателями, запала им в душу, помогла их борьбе.

Стремление к правде, к реализму ярко сказалось и в музыкальном творчестве младшего современника Глинки — А. С. Даргомыжского (1813—1869 гг.). Он искал «правды в звуках». Эти поиски тесно сблизили Даргомыжского с реалистическими устремлениями русской литературы, театра и живописи 40-х — начала 50-х годов. В 1855 г. Даргомыжский

создал оперу «Русалка». Это была первая русская демократическая музыкальная драма. Глинка и его последователи создали самобытное, глубоко народное русское музыкальное искусство. Они успешно преодолели и отвергли как ненужные и вредные каноны «итальянщины» и всякой иной иностранщины в музыке. Таким образом, и в русской музыке в середине века укрепились здоровые, реалистические народные элементы.

Живопись, скульптура и архитектура. Господствующим официальным направлением в русской живописи первой половины XIX в. был академический классицизм. Центром академического искусства, неусыпным стражем, хранившим неприкосновенность академических художественных традиций, была императорская Академия художеств, высшее учреждение страны в области изобразительного искусства. Художники К. П. Брюллов и Ф. А. Бруни были наиболее крупными представителями академического искусства первой половины XIX в. Картины академической школы представляли собой преимущественно парадные полотна, с тщательно продуманной, сложной композицией, театрализованной трактовкой сюжета, эффектным освещением. Сюжеты для своих картин академические художники обычно брали из античного мира, библейских сказаний, из древней и средневековой истории. Понятно, что содержание картин академических художников не удовлетворяло запросам и потребностям русской общественной жизни. Заслугой академического классицизма было прекрасное знакомство с художественной культурой прошлого, высокая и тщательная культура рисунка, высокое мастерство в создании искусной, сложной и выразительной композиции. В этом отношении выразительным примером является мастерски выполненная картина Брюллова «Последний день Помпеи». Выдающееся значение в развитии русской живописи имели замечательные портреты работы Брюллова и особенно Кипренского, на которых отразились романтические влияния, но в которых вместе с тем чувствовалось зарождение реалистического направления. Однако академическая школа в целом была чужда и враждебна новому реалистическому направлению. Новое направление в русской живописи, которому принадлежало будущее, вышло не из стен Академии художеств. Оно было представлено такими крупнейшими мастерами, как Венецианов и Федотов.

Первый русский жанрист А. Г. Венецианов сознательно порвал с академическим классицизмом, пошёл к действительной жизни, к природе, к натуре. Венецианов смело ввёл в живопись родную русскую тематику, его картины были по своему содержанию национальными произведениями. Его первое написанное в новой манере полотно «Гумно» (1824 г.)

произвело настоящий переворот. За ним последовали картины «Крестьянка, чешущая шерсть», «Крестьянка с грибами», «Группа крестьян», «Одевающийся мужичок», «Помещица, занятая хозяйством», и др. Реалистическая тематика и реалистическая трактовка образов стали основой творчества Венецианова. Но это ещё не был полноценный реализм. Венецианов взглянул на русскую действительность, но увидел её в какой-то мере через розовые очки: он несколько идеализировал жизнь и быт крепостной деревни; веяния сентиментализма чувствовались в его картинах.

Подлинным основоположником реализма в русской живописи явился художник П. А. Федотов. Он выступил в конце 40-х годов с целым рядом полотен, которые как бы представляли в русской живописи «натуральную школу» Гоголя («Свежий кавалер», «Разборчивая невеста», «Сватовство майора», «Болезнь Фидельки» и др.). «Я учусь жизнью, я тружусь глядя», — объяснял Федотов принципы своего реалистического искусства. Его картины — не бесстрастные фотографии окружающей жизни, они принадлежали к «критическому направлению», разоблачали затхлый быт помещиков, купцов и чиновников. Сатирическое осмысление сюжета ясно чувствуется в картинах Федотова. Демократически настроенный критик неприглядной предреформенной русской действительности сочетался в Федотове с замечательным художником, мастером отточенного рисунка, продуманной композиции и колорита. Федотов, как правильно указывал выдающийся русский демократический художественный критик В. В. Стасов, первым в мире, задолго до французского художника Курбэ, поднял знамя реализма в живописи. В творчестве Федотова, писал Стасов, реализм возник в русской живописи «неведомо для Европы, без шума и без грохота на весь мир, без кровопролитных батарей в печати и всё-таки без заимствования откуда бы то ни было».

Особняком стояло творчество художника А. А. Иванова — одного из величайших мировых живописцев. Он почти всю жизнь работал над одним полотном — «Явление Христа народу», в котором стремился выразить посредством библейского сюжета большие освободительные идеи современности. Он во многом преодолел мертвенность академического классицизма, смело повернув в сторону реализма. Замечательны этюды к этой картине, сохранившиеся в большом числе и говорящие об исключительных творческих возможностях Иванова. Он писал свою картину в Италии свыше 20 лет. Только к середине 50-х годов он привёз её в Россию. Ещё выше стоят по живописной и изобразительной силе замечательные эскизы Иванова к библейским композициям, предназначавшимся им для стен гран-

диозного здания не церковного характера. Однако главное создание Иванова — «Явление Христа народу» — было холодно встречено правительственными кругами и Академией. Тяготение к реализму и явные демократические тенденции картины не могли понравиться официальному Петербургу. Творчество Иванова своим общественно-философским содержанием и выдающимся мастерством в передаче человеческих чувств и характеров шло по пути передового реализма, хотя и не смогло вполне отрешиться от академической условности.

В области скульптуры в первой половине века выдвинулось несколько крупных мастеров: Мартос, Ф. Толстой, Пименов, Клодт. Значительно творчество И. П. Мартоса, автора замечательного памятника народным героям Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве. Памятник создан в духе классицизма и выражает подъём патриотизма, мужественную решимость героического народа к защите родины. Пименов в 1836 г. изваял свою статую «Парень, играющий в бабки», — народная русская тематика впервые вошла с этой статуей в область скульптуры. Ф. Толстой запечатлел на своих барельефах героическую эпопею 1812 г. и заграничные походы 1813—1814 гг. Но и здесь в соответствии с академическими традициями русские люди были изображены на манер античных героев. Реалистическими устремлениями были проникнуты замечательные фигуры животных работы Клодта. Особенно известны группы коней на Аничковом мосту (в Ленинграде).

Было ясно, что академическое искусство вступило в полосу глубокого кризиса: старые академические традиции тормозили развитие реалистического искусства. К середине XIX в. Академия стала играть явно реакционную роль.

Архитекторы первой половины века — А. Н. Воронихин, А. Д. Захаров, К. И. Росси в Ленинграде, Д. И. Жилярди в Москве — продолжали развивать лучшие традиции классицизма. Шедеврами их искусства явились Казанский собор Воронихина и Адмиралтейство Захарова (в Ленинграде).

Стилем, завершившим собой развитие классицизма в архитектуре России, явился русский ампир. Наиболее яркие и законченные архитектурные памятники в этом стиле создал Росси, великий мастер не только по возведению отдельных зданий, но и творец целых архитектурных ансамблей (например, улица зодчего Росси в Ленинграде). К числу лучших творений Росси принадлежат здание Главного штаба и Александринский театр (ныне Государственный академический театр драмы) в Ленинграде.

В театре, музыке и живописи в ходе их развития выявились общие стремления к созданию правдивого, народного, национального искусства, так ярко представленные в развитии

литературы. Утверждением этих демократических прогрессивных устремлений было создание реализма в русском театре, в творчестве Щепкина и школе Малого театра; победа демократического реализма — в живописи Федотова; создание национальной русской музыки — в творчестве Глинки.

Социалистический реализм советских композиторов, художников, актёров — законный наследник великих достижений русской национальной культуры — творчества Глинки, Щепкина, Федотова и других русских мастеров.

Развитие русской науки и техники. Русская научная мысль в первой половине XIX в. пробивала себе путь вперёд, преодолевая в борьбе многочисленные препятствия. В феодально-крепостнической России наука была у властей в загоне, царская казна отпускала для неё ничтожные средства. Некоторым признанием со стороны правящих кругов пользовалась только историческая наука в её официально-правительственной трактовке. Общественные науки в лице большинства своих университетских и академических представителей имели резко выраженный официально-дворянский характер. Но в то же время выступили и повели самоотверженную борьбу за новые революционные и материалистические идеи в общественных науках Белинский, Герцен и другие передовые представители русской общественно-научной мысли. К середине века стали заметно оживляться и крепнуть технические и естественные науки, как бы отражая тем самым общий подъём общественной мысли своего времени.

К середине века окончательно определилось в качестве ведущего направления в общественно-научной и философской мысли России материалистическое направление в русской философии. Великие русские мыслители А. И. Герцен и В. Г. Белинский уже в 40-х годах своим философским творчеством могущественно содействовали успешному преодолению идеалистических взглядов. Герцен и Белинский выработали самобытное философское мировоззрение. Герцен в своих классических философских трудах «Письма об изучении природы», «Дилетантизм в науке» и др. первый дал правильное истолкование диалектики Гегеля как «алгебры революции». По словам Ленина, «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1]. Белинский в своих философских статьях 40-х годов развернул перед русскими читателями мировоззрение революционного демократа и материалиста. Идеи Герцена и Белинского в сильнейшей степени содействовали вызреванию демократических и

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.

социалистических элементов в передовой русской национальной культуре.

В первой половине века возникло несколько новых научных обществ: Московское общество истории и древностей российских, Московское общество испытателей природы, Математическое общество, Общество любителей российской словесности, Минералогическое общество в Петербурге, Археографическая комиссия, Русское географическое общество, Русское археологическое общество и др.

Большие успехи в первой половине XIX в. сделали выдающиеся русские учёные в области математики (Лобачевский, Остроградский), физики и техники (Петров, Якоби, Ленц, Черепановы, Шиллинг, Аносов, Дубинины, Обухов), астрономии (Струве), химии (Зинин), педагогики (Ушинский), медицины (Пирогов). Велики были достижения в области географических наук и открытий замечательных русских путешественников (Лазарев, Беллингсгаузен, Лисянский, Крузенштерн, Невельский и др.).

Великий русский математик Н. И. Лобачевский (1793—1856 гг.), создатель новой геометрии, — один из величайших представителей математической науки XIX столетия. Он занялся проблемой, относящейся к теории параллельных линий, над которой в течение почти двух тысяч лет безуспешно работали математики всего мира. Лобачевский дал исчерпывающее решение вопроса, замечательная особенность которого заключалась в том, что была обнаружена возможность другой геометрии, совершенно отличной от классической, так называемой «эвклидовой». Лобачевский смело опубликовал свои идеи, носившие глубоко революционный характер и получившие признание только после его смерти. Труды Лобачевского создали эпоху в истории геометрии, развивающейся в направлении построения новых геометрических систем ещё до настоящего времени. Несмотря на кажущуюся абстрактность его идей, Лобачевский стоял по существу на материалистической точке зрения: он не признавал никаких новых путей возникновения и построения геометрии, кроме совершенно конкретных процессов движения материальных тел, их соприкосновения и рассечения. Идеи Лобачевского получили приложение в различных вопросах естествознания, в частности в последние десятилетия в теории относительности. Лобачевский работал в Казани, был шесть раз избран ректором Казанского университета и пользовался горячей любовью студенческой молодёжи.

М. В. Остроградский вписал своё имя в историю математической мысли человечества, создав замечательные работы по математической физике, аналитической и небесной механике.

Остроградский смело шёл самостоятельным, творческим путём в науке. М. В. Остроградский установил принцип наименьшего действия — один из важнейших законов механики. Насколько русская научно-математическая мысль нередко опережала математику других стран Европы, хорошо свидетельствует такой замечательный факт: в 1840 г. Парижская академия объявила премию за решение проблем вариационного исчисления, — между тем эти проблемы были уже решены Остроградским в его труде, напечатанном ещё в 1834 г.

В первой половине XIX в. выступил ряд замечательных русских учёных и изобретателей, особенно в области электротехники, металлургии, прикладной химии. Профессор Петербургской медико-хирургической академии В. В. Петров (1761—1834 гг.) ранее европейских учёных открыл явление теплового и светового действия электрического тока, позже ставшее незаслуженно известным под именем «вольтовой дуги». Независимо от работ Карлейля и Никольсона Петров открыл электролиз в первые годы XIX в., он же впервые в истории науки установил важнейшие физические и химические действия гальванического тока. Труды Петрова заложили прочные основы для развития электрохимии и электрометаллургии. С полным правом Петров писал о себе: «Я надеюсь, что просвещённые и беспристрастные физики по крайней мере некогда согласятся отдать трудам моим ту справедливость, которую важность сих последних опытов заслуживает». Академик Б. С. Якоби (1801—1874 гг.) и академик Э. Х. Ленц (1804—1865 гг.), избранный на место Петрова после смерти последнего, открыли обратимость электромагнитного цикла. Это открытие имело огромное мировое значение в истории техники. Оно позволило неизмеримо расширить применение электричества для практических целей. Якоби сконструировал электродвигатель, установил его на судне и первый в мире в 1839 г. вместе с членами испытательной комиссии совершил плавание на электроходе, спущенном на воды Невы. Учёный-патриот Якоби, ходатайствуя перед правительством о получении средств для продолжения своих новаторских опытов, заботился, по его же словам, о том, чтобы Россия, отечество, «не лишилась славы сказать, что Нева раньше Темзы или Тибра покрылась судами с магнитными двигателями». В 1832 г. русский инженер П. Л. Шиллинг демонстрировал в Петербурге изобретённый им первый в мире электромагнитный телеграф. Морзе выступил со своим телеграфом только четырьмя годами позднее. Не следует забывать, что Морзе, прославившийся «своим» изобретением, лишь усовершенствовал аппарат русского изобретателя. Честный патриот — русский изобретатель отверг присланное ему из-за границы предложение об устройстве его телеграфа в Англии.

В 1837 г., незадолго до своей смерти, Шиллинг начал сооружение первой в мире телеграфной линии, между Кронштадтом и Петергофом (ныне Петродворец, под Ленинградом). Попутно Шиллинг изобрёл и систему изолированных кабелей, в связи с тем что проводник его телеграфа проходил по дну Финского залива.

Отец и сын Е. А. и М. Е. Черепановы, крепостные механики-инженеры Демидовых, построили в 1833—1834 гг. первую в России железную паровую дорогу, на Нижне-Тагильском заводе (Южный Урал). Талантливые русские инженеры-металлурги П. П. Аносов и П. М. Обухов много сделали для развития отечественной металлургии. Горный инженер Златоустовского завода на Урале Аносов первым в мире применил микроскоп для изучения строения металла и на основе колоссального числа опытов, длившихся около 30 лет, открыл способ получения знаменитой так называемой «булатной» стали. Особое, выдающееся значение имеет открытие в 1859 г. способа проката стали замечательным русским изобретателем В. Пятовым (см. главу XXXI). Обухов положил начало русскому сталелитейному делу, русская «обуховская сталь» не уступала прославленной немецкой «крупповской стали». В 1860 г. Обухов создал первую стальную пушку в России. Братья Дубинины, крестьяне графини Паниной, изобрели в начале 20-х годов способ очищения чёрной нефти; в 1823 г. они построили в Моздоке, на Северном Кавказе, первый в мире нефтеперегонный завод. Дубинины были первыми основателями керосинового производства не только в России, но и во всём мире. Но в царской, крепостнической, дореформенной России, разумеется, отсутствовали условия для углубления и практического применения изобретений и открытий замечательных русских людей. Изобретательская и техническая мысль русского народа весьма часто не получала практического применения в производстве, не получала заслуженного ею признания. Царизм и господствующие классы, заражённые низкопоклонством перед иностранщиной, не могли и не желали признавать великие творческие возможности русского народа.

Существенный вклад в астрономическую науку сделал выдающийся русский астроном В. Я. Струве. Его наблюдения над так называемыми «двойными звёздами», микрометрические измерения более чем 3 000 звёзд, подавляющее большинство которых было открыто им самим, градусное измерение русско-скандинавской дуги меридиана и др. явились крупнейшими трудами астрономической науки. Большой заслугой Струве было создание в 1839 г. Пулковской обсерватории под Петербургом, сыгравшей огромную роль в развитии русской астрономии.

Значительным событием в развитии химии в России была разработка Соловьёвым, Щёголевым и Гессом русской химической номенклатуры. В 40-х годах усилиями гениального учёного Н. Н. Зинина (1812—1880 гг.) русская химия с честью продолжила дело, начатое Ломоносовым. Русский патриот Зинин сознательно стремился к созданию русской химической школы. «Довольно нам ходить на помочах у заграницы, — говорил он, — пора нам создавать свою науку». Горячий патриот Зинин, несмотря на настояния великого немецкого учёного Либиха, желавшего оставить Зинина в Германии, возвратился на родину и в бедной лаборатории Военно-медицинской академии в Петербурге приступил к своим замечательным опытам. В результате опытов им было сделано открытие мирового значения: найден способ получения анилина из бензола, и тем самым положено начало синтезу анилиновых красителей. Открытия Зинина легли в основу всего дальнейшего развития промышленности синтетических красителей. К школе Зинина принадлежат крупнейшие русские химики — Соколов, Марковников, Бекетов, Бутлеров, Бородин. Ученик Зинина, выдающийся русский учёный химик А. М. Бутлеров заявил от лица всех передовых русских людей: «Имя Зинина будут всегда чтить те, которым дороги и близки к сердцу успехи и величие науки в России».

Заслуженную славу русской медицине принесли труды великого учёного Н. И. Пирогова (1810—1881 гг.). Он победоносно закончил борьбу с господствовавшими в медицине реакционными натурфилософскими идеалистическими концепциями. Опыт, научный эксперимент были признаны Пироговым основным методом в медицине. Новые и смелые методы и идеи были выдвинуты Пироговым в области хирургии и анатомии. Свою научную работу Пирогов сочетал с общественной деятельностью, борясь против реакционной профессуры, царских казнокрадов и военных бюрократов. В 1856 г. он выступил со статьёй «Вопросы жизни» против старого воспитания, за создание из молодого поколения людей с твёрдым характером и честными демократическими убеждениями. Но Пирогов не остался до конца на передовых педагогических позициях. Ряд его отсталых требований подвергался острой критике демократов-просветителей, особенно Добролюбова.

Великий русский педагог, общественный деятель и учёный К. Д. Ушинский (1824—1870 гг.), несмотря на травлю со стороны реакционно-правительственных кругов, завоевал признание своих идей в среде передовых педагогов, учёных и широких слоёв русской интеллигенции. Ушинский отверг старые, схоластические методы преподавания, свойственные крепостной эпохе, заменил их новыми методическими приёмами, основан-

ными на внимательном изучении детей школьного возраста, создал новые учебники. В своих знаменитых статьях и книгах («О пользе педагогической литературы», «О народности в общественном воспитании», «Человек, как предмет воспитания» (обширный исследовательский труд), книга для чтения «Родное слово», «Руководство к преподаванию по «Родному слову»») Ушинский развил новые идеи в педагогике. В основу своей педагогической системы Ушинский положил идею народности и требование научного обоснования педагогических положений. Он считал необходимым воспитывать в учащемся любовь к родине, уважение к фактам, уменье наблюдать действительность. Однако педагогическая система Ушинского проникнута мирным просветительским гуманизмом педагога-идеалиста, далёкого от идей борьбы и революции. В этом слабая сторона его педагогической системы.

Путешественники первой половины XIX в. вписали своими открытиями славные страницы в историю русской географической науки. Их труды сильно расширили географические представления человечества и доставили русской географической науке почётное и в ряде областей руководящее положение в мире. Крупнейшие путешествия русских моряков и учёных сопровождались множеством открытий в Ледовитом и Тихом океанах и приобретением ценнейших естественно-исторических и этнографических коллекций. Особенно велик был вклад русских учёных-мореходов в изучение средней и северной части Тихого океана, Антарктики, северо-западного побережья Америки и многочисленных тихоокеанских островов. В 1803—1806 гг. Лисянский и Крузенштерн предприняли первое русское кругосветное плавание. В результате этого путешествия было сделано большое количество открытий в Ледовитом и Тихом океанах, а также ценнейших съёмок и описаний. В 1819—1821 гг. Лазарев и Беллинсгаузен на шлюпах «Восток» и «Мирный» предприняли специальную экспедицию для поисков Южного материка и первыми в мире, ещё в январе 1820 г., открыли материк Антарктики, назвав описанный ими берег Землёй Александра I. В то же плавание Лазарев и Беллинсгаузен открыли множество островов в Антарктике. Открытие нового материка меняло все сложившиеся к тому времени понятия о поверхности южной части земного шара. Советские люди, законно унаследовавшие лучшие достижения русской науки прошлого, имеют веские и неоспоримые права в решении вопросов об Антарктике.

Плавания Невельского, Лазарева, Головнина, Коцебу, Литке, Врангеля впервые доставили науке богатейшие и точные данные об островах Тихого океана, Аляске, Сахалине, нижнем течении Амура, об островах Ледовитого океана и очертаниях

его азиатского побережья. Память об открытиях русских мореплавателей в Тихом океане сохранилась доныне в виде названий островов и заливов — группы островов Кутузова и Суворова, острова Румянцева, Спиридова, цепь островов Рюрика, остров Петра Великого. Десятки островов — Самоа, Маршальской и Сандвичевой групп — открыли, нанесли на карты и описали русские путешественники. Невельский и Путятин окончательно установили, что Сахалин—остров, а не полуостров, как принято было считать в науке до их изысканий; Путятин тщательнейшим образом изучил восточные берега Кореи, открыл залив Посьета. Велик был русский вклад в географическую науку. Учреждённое в 1845 г. Русское географическое общество стало центром изучения суши и морей России.

Большой и сложный путь развития за полвека проделала историческая наука. В начале века в трудах Н. М. Карамзина (1766—1826 гг.) получила своё полное завершение дворянская историография, восходящая к историкам XVIII в. Многотомная «История государства Российского» Карамзина была первым в русской историографии сводным, общим, легко читаемым трудом. По словам Пушкина, Карамзин открыл русским читателям историю, подобно тому как Колумб открыл Америку. «История» Карамзина была сводом громадного фактического — в значительной доле архивного — материала. Исследовательская работа, проделанная Карамзиным и его помощниками, отражена в многочисленных и подробных примечаниях к его труду. Но самая концепция русской истории у Карамзина не была ни новой, ни передовой. Личность царя в толковании Карамзина определяла собой исторический процесс. Карамзин был убеждён, что основной движущей силой событий является самодержец, который «движением перста даёт ход громадам». Народные массы в «Истории» Карамзина совершенно отсутствовали. Произведение Карамзина было полно гимнами «спасительному самодержавию» и православной церкви, было насыщено реакционной идеологией. Передовая молодёжь в лице декабристов, уделявших большое внимание историческим вопросам, дала резкую критику реакционной «Истории» Карамзина. Широкую известность в литературных кругах приобрёл рукописный разбор «Истории» Карамзина, принадлежавший перу декабриста Никиты Муравьёва. Известна пушкинская эпиграмма на Карамзина: «В его «Истории» изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастья необходимость самовластья и прелести кнута».

Оживление интереса к родному прошлому сопровождалось в 20—30-х годах усилением поисков и сборов исторических источников. Особо важны в этом отношении были результаты

деятельности «румянцевского кружка» (Н. П. Румянцев, Калайдович, Строев, Востоков и др.), члены которого разыскали, спасли от гибели и издали немало ценнейших исторических документов.

Журналист и писатель Н. А. Полевой издал в противовес «Истории государства Российского» Карамзина свою «Историю русского народа». Полевой высказал в своей «Истории» ряд общих новых и плодотворных идей; он стремился привлечь внимание читателей к проблеме народа, народного духа, провозгласил положение о единых исторических закономерностях развития для России и стран Западной Европы.

В 40-х годах выдвинулся историк С. М. Соловьёв (1820—1879 гг.). Молодой Соловьёв, профессор Московского университета, выступил в 40-х — начале 50-х годов как зачинатель русской буржуазной историографии. С 1851 г. начала выходить его 29-томная «История России с древнейших времён». С той поры и до самой своей смерти Соловьёв с исключительной аккуратностью каждый год давал по новому тому «Истории» и довёл изложение исторических событий до 70-х годов XVIII в. Соловьёв ввёл в оборот русской исторической науки громаднейшее число новых, извлечённых из первоисточников и тщательно выверенных фактов. Эти факты Соловьёв объединял и объяснял исходя из своих поисков общих закономерностей русского исторического процесса. Во главу угла своей концепции буржуазный историк и идеалист Соловьёв положил надклассовую «идею государственности»: по мнению Соловьёва, история России представляла собой постепенный и закономерный переход от родовых отношений к государственным. Возникнув в «борьбе со степью», это государство выросло и укрепилось в исключительно тяжёлых условиях — на громадных скудно заселённых равнинных пространствах; именно эти условия будто бы вынудили государство закрепостить все сословия и классы русского народа. Идеализируя и оправдывая монархическое государство, Соловьёв утверждал, что, когда минула надобность в закрепощении сословий, само государство начинает их раскрепощать. В эпоху острой борьбы середины 50-х годов и в обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг. Соловьёв доказывал «целесообразность» и «разумность» с точки зрения господствующих классов отмены крепостного права «сверху», мирным путём, самим самодержавным государством. Либеральная концепция Соловьёва была идеалистической и отражала политические установки либеральной буржуазии 40—50-х годов. Она оказала громадное влияние на дальнейшее развитие русской буржуазной исторической науки.

На борьбу с идеалистической и монархической концепцией вышли представители русской революционной мысли. Особенно велика тут роль революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Они уделяли огромное внимание вопросам истории, в особенности истории своей родины. Они отвергли и разоблачили ложную концепцию о самодержавном государстве, как о «творце» исторического процесса, и о крепостном праве как незыблемой основе русской общественной жизни. Взгляды революционных демократов на историю ещё не были последовательно материалистическими и содержали немало идеалистических утверждений; Ленин указал на то, что Герцен «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1]. Но всё же исторические взгляды революционных демократов имели огромнейшее значение и далеко продвинули вперёд историческую науку. Они отвергли ложную концепцию о «благодетельности» самодержавия и о «мирном» закрепощении и раскрепощении сословий благостным надклассовым «государством». Они сумели показать хищническое классовое существо самодержавия и его опоры — российского дворянства. Они выдвинули на первый план вопрос о роли народа в истории, остановили внимание на народных движениях, на требованиях народных масс. Ими были впервые подняты вопросы истории русского революционного движения, смело разоблачавшие ложь и клевету правительственных сообщений о русских революционерах (работы Огарёва и Герцена о декабристах, работа Герцена «О развитии революционных идей в России» и др.). Всё это является великой заслугой русских революционеров перед исторической наукой.

Мировое значение русской культуры. Русская культура и славянские народы. В первой половине XIX в. в ожесточённой борьбе с реакционными силами самодержавия и крепостничества русский народ создал свою новую, национальную культуру, характерными чертами которой была глубокая, органическая связь с русским революционным движением, её боевой демократизм, реалистичность в области литературы и искусства, разоблачение теории «искусства для искусства» в области эстетики, материалистические устремления в науке. Национальная русская культура оказывала благотворное влияние на развитие культуры братских народов России. Она послужила делу развития мировой культуры.

Велико и плодотворно было воздействие русской культуры на развитие культуры братских зарубежных славянских наро-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 10.

дов — поляков, болгар, чехов и словаков, сербов, черногорцев и македонцев.

Велико было положительное влияние передовой, революционной и демократической русской общественной мысли на развитие идеологии освободительного и национального движения среди южных и западных славян, находившихся под гнётом турок, австрийцев и пруссаков. Революционное движение декабристов имело многочисленные идейные и организационные связи с национально-освободительными тайными обществами в Польше. В программных взглядах одной из декабристских организаций — «Общества соединённых славян», как указывалось, впервые в истории освободительного движения славянских народов получила своё выражение революционная программа решения славянского вопроса, выдвинувшая идею федеративного славянского объединения, предварительным условием для чего было бы низвержение феодально-абсолютистских режимов царской России, Австрии, Пруссии, а также освобождение южных славян от турецкого ига. Под определяющим влиянием великих русских революционеров-демократов Белинского, Чернышевского и Добролюбова сформировалось мировоззрение многих выдающихся деятелей славянского освободительного движения и так называемого «славянского возрождения». Такими деятелями являются болгары Христо Ботев (1848—1876 гг.), Любен Каравелов (1837—1879 гг.), Георгий Стойков Раковский, Петко Славейков, серб Светозар Маркович (1846—1875 гг.), внёсшие идеи социализма в южнославянское движение, поляк Сигизмунд Сераковский и другие. Многие из них подолгу жили в России, получили тут высшее образование и воспитывались на демократических и социалистических элементах великой русской культуры.

Вся новая литература славян на польском, сербском, чешском, болгарском языках очень многим обязана классическим образцам литературы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островского, Тургенева, Толстого. Великий и могучий русский язык — язык самого большого славянского народа, обогащённый и развитый гениями русской литературы и выдающимися русскими учёными, — уже к середине XIX в. стал как бы вторым родным языком для всех славян. «Москва — России дочь любима», средоточие национальной русской культуры, — стала священным городом для всего славянского мира. Искренне и восторженно писал великий сербский поэт П. П. Негош в 1847 г. по поводу избрания его почётным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете: «Москва... начало величия славянского!.. Москва, которая великодушным всесожжением своим показала свету имя славянское, — непоколебимая скала, о которую величие

Запада Европы сокрушилось!» Дружба Пушкина и Мицкевича знаменовала собой духовную общность передовой культуры двух великих славянских народов — русского и польского. Мицкевич, высланный царизмом из Польши в Россию, провёл в ней пять лет (1824—1829 гг.). Великий польский поэт, преследуемый царизмом, нашёл в России друзей и во многом единомышленников в лице врагов царизма и крепостничества — великого русского поэта А. С. Пушкина, дворянских революционеров декабристов-писателей К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева и других передовых деятелей культуры и общественного движения. Русская действительность и русские передовые люди помогли Мицкевичу выработать правильное и ясное понимание всей пропасти, разделявшей в тогдашней России угнетаемых и угнетателей. Мицкевич увидел подлинную народную Россию в передовых людях — Пушкине, Грибоедове, декабристах. Эта передовая Россия боролась с царизмом, угнетавшим все народы России, в том числе и русский и польский народы.

В тесном и плодотворном взаимодействии с русской культурой развивались научные знания у славянских народов. Великая русская наука выдвинула много новых и важных идей в области изучения славянских народов, их места и роли в мировом историческом процессе. Русский языковед А. Х. Востоков своим «Рассуждением о славянском языке» (1820 г.) внёс настоящий переворот в европейское языкознание. Известный западнославянский лингвист И. Добровский, ознакомившись с «Рассуждением» Востокова, хотел уничтожить свой начатый печатанием обширный труд о славянских языках, считая, что Востоков уже исчерпал тему. Научно-общественная деятельность выдающегося русского учёного Ю. И. Венелина сыграла немалую роль в деле болгарского возрождения. Преследуемый австро-венгерскими правящими кругами и нуждой, великий чешский учёный П. И. Шафарик (1795—1861 гг.) нашёл нравственную и материальную поддержку среди русских учёных и чешских патриотов. Русские учёные содействовали появлению в свет знаменитых трудов Шафарика «Славянские древности» (1837 г.), «Славянская народопись» (1842 г.). Вместе с тем первые русские учёные-славяноведы И. И. Срезневский, В. И. Григорович, О. М. Бодянский многому научились у Шафарика и других славистов, работавших в области изучения западных и южных славян.

Русские мелодии не раз вдохновляли великих польских композиторов Фр. Шопена (1809—1849 гг.) и Ст. Монюшко (1819—1872 гг.), великого чешского композитора Бедржиха Сметану (1824—1884 гг.). Общими усилиями великих славянских композиторов были заложены прочные основы славянской

музыки и внесён гигантский вклад в музыкальную культуру человечества.

К середине XIX в. стало всё более осознаваться растущее мировое значение русской культуры. Произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя уже в середине XIX в. распространились по всему миру в переводах на французский, немецкий и английский языки. Русская культура высоко оценивалась передовыми писателями Запада. «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота приходит сама собою», — писал французский писатель Проспер Мериме, боготворивший Пушкина. Великий русский композитор Глинка положил своим творчеством начало мировому влиянию русской музыки. Знаменитый французский композитор Берлиоз в 1845 г., оценивая самобытное своеобразие опер Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», признавал, что Глинка «имеет полное право занять место среди превосходнейших композиторов своего времени».

Научно-педагогические идеи выдающегося русского педагога Ушинского плодотворно повлияли на развитие педагогики в Чехии, Болгарии.

Передовая русская культура приобрела огромное значение в культурном развитии человечества, она внесла в это развитие идеи и художественные образы величайшего значения. Живая, органическая связь передовой русской культуры с революционным движением своей страны сыграла в этом решающую роль. Русская литература впервые выдвинула вопрос о народе, его положении, борьбе, о его огромной роли в истории; она создала проникновенные художественные образы представителей трудящегося и угнетённого народа, правдиво обрисовала и возвеличила его, одновременно разоблачив тунеядцев и эксплоататоров; в лице своих выдающихся писателей и художников русская литература осудила хищных буржуазных стяжателей, отвергла узкий мирок мещанского благополучия, выдвинула высокие идейные и моральные требования к человеку, как к участнику общественной жизни. Все эти идеи были кровно нужны трудовому человеку, к какому бы народу он ни принадлежал: они содействовали движению вперёд всего трудового человечества. Русская наука завоевала приоритет в важнейших областях человеческого знания.

Передовая национальная русская культура — предмет национальной гордости советских людей.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 8—9. — *Сталин И. В.* 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 5. М. 1948. Стр. 30.

II. Источники. Исследования. Пособия. История русской литературы Т. V. Литература первой половины XIX века. Изд. Академии наук. М.—Л. 1941 (Академия наук СССР. Институт литературы). — *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы («Современник» 1855—1856 гг.). Спб. 1892. [5], 386 с.—*Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2. Спб. 1909. XV, 614 с. — *Еголин А. М.* А. С. Пушкин — великий поэт русского народа. М. 1949. 32 с. — *Благой Д. Д.* А. С. Пушкин. М. Гослитиздат. 1949. 96 с. — *Куфаев М. Н.* История русской книги в XIX веке. Л. 1927. 354 с. — *Андреев Н. П.* Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Изд. 2, перераб. М.—Л. 1938. 655 с. — Русская революционная поэзия девятнадцатого века. Антология. Л. 1937. 308 с. — Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским. Т. I—VII. Спб. 1895—1902 (особенно т. VI. Спб. 1900). — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I—X. М. 1860—1874 (в частности вып. X, посвящённый XIX в. М. 1874). — [*Добровольский В. Н.*] Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. М. 1903 (Раздел исторических песен. С. 599—639). — *Грабарь И.* История русского искусства. Т. III. М. [1912]. 584 с. — *Лещинский Я. Д.* Павел Андреевич Федотов — художник и поэт. Л.—М. 1946. 272 с. — *Ацаркина Э. Н.* Орест Кипренский. М. Гос. Третьяковская галерея. 1948.— *Асафьев Б. В. (И. Глебов).* Русская музыка от начала XIX столетия. М.—Л. 1930. XIII, 320 с.—*Асафьев Б. В.* Глинка. [М.] 1947. 308 с. — Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. С предисловием и вступительной статьёй академика С. И. Вавилова. Т. I—II. М. 1948.— *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М. — Л. 1946. 358 с. — *Данилевский В. В.* Русская техника. Изд. 2, испр. и доп. Л. 1948. 547 с.

Глава XVI

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 гг.

Ленин о революционной ситуации 1859—1861 гг. К концу 50-х годов XIX в. в России сложилась революционная ситуация; обострение классовой борьбы дошло до такой степени, что в стране создалось положение, при котором становится возможным революционный взрыв. Ленин характеризовал эту обстановку как революционную ситуацию. Исчерпывающее определение понятия революционной ситуации дано Лениным в статье «Крах II Интернационала» (1915 г.): «Революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизмененном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»,* к самостоятельному историческому выступлению» [1].

Положение, сложившееся в России в 1859—1861 гг., Ленин считал одним из исторических примеров революционной ситуации, хотя и не перешедшей в революцию. Ленин точно указал на ряд конкретных явлений, из которых складывалась революционная ситуация на рубеже 50—60-х годов: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Черны-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 189—190.

шевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров,* появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» [1].

Положение угнетённых классов. Кризис крепостного хозяйства, всё более обострявшийся в 50-е годы, послужил основой возрастающего ухудшения в положении угнетённых классов. Барин-помещик в годы кризиса крепостной системы всё более усиливал внеэкономическое принуждение, увеличивал длительность барщинных работ, множил жестокие наказания за невыполнение «урока». Барин наступал и на крестьянскую землю, уменьшал надел, массами переводил крестьян с пашни во двор, отрывал их от земледельческого труда «на себя» и сажал на скудный паёк («месячину»). Всё это резко ухудшало экономическое положение крестьянства. Оброк также непомерно увеличивался; помещик жестоко выколачивал накопляющуюся на крестьянах недоимку. Барские попытки получить добавочные доходы от промышленного предпринимательства в свою очередь тяжело отзывались на экономическом положении крестьян: работа на помещичьей фабрике была самым изнурительным видом барщинного труда. Усиление барщинной и оброчной эксплоатации резко ухудшало материальное положение масс. Жизнь крепостного крестьянства протекала в самых тяжёлых условиях; статистические материалы, собранные накануне реформы офицерами генерального штаба и использованные в «Современнике» Чернышевского, говорили о чрезвычайном истощении крестьян. Так, в Рязанской губернии в 1860 г. основу питания составляли ржаной хлеб и пустые щи, «употребление каши уже служит признаком некоторого довольства», а мясная пища — «величайшая редкость». Подобное положение было в сущности повсеместным.

Процесс расслоения крепостной деревни выделял крестьянскую бедноту и ставил её в тяжёлую материальную зависимость от деревенского богатея. Во время неурожаев крестьяне питались «хлебом» из желудей, мякины и лебеды. Крымская война явилась исходным моментом значительного ухудшения в положении угнетённых масс: огромные рекрутские наборы

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 26—27.

вырывали из деревни большое количество кормильцев в возрасте наилучшей трудоспособности. Бедствия крестьян, ещё раньше увеличившиеся в связи с разложением крепостного хозяйства и усилением эксплоатации, обострились во время войны. Крестьянские хозяйства приходили в упадок, семьи крестьян с уходом кормильцев часто обрекались на нищету и голод. Ряд последовательных неурожаев, начавшихся ещё до войны и продолжавшихся во время неё, усугублял тяжесть положения. Опустошение казны военными расходами вело к усилению налогового бремени, падавшего на трудовое население. По исчислениям Н. Г. Чернышевского, относящимся к годам революционной ситуации, одни прямые подати с податных сословий доставляли государственному казначейству свыше 60 млн. руб. в год; учитывая же косвенные налоги и прочие виды поборов, Чернышевский приходил к выводу, что с податных сословий в эти годы государство собирало 204 млн. руб. в год. Непосильность обложения вела к резкому увеличению недоимки, а вместе с тем и репрессий, связанных с её собиранием. Так, по Рязанской губернии недоимка в 50-е годы выросла по сравнению с концом 30-х годов в семь раз. Отход трудоспособного мужского населения в город на заработки значительно возрос перед реформой; это ухудшило и без того тяжёлое положение остававшихся в деревне членов крестьянской семьи, особенно женщины-крестьянки.

В знаменитом стихотворении Некрасова «Размышления у парадного подъезда», написанном в 1858 г., накануне революционной ситуации, в ярком художественном обобщении отражено невероятно угнетённое положение русского крестьянства, «скорбь вопиющая» и «неисходное горе» трудовой массы народа:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке
У подъезда судов и палат.

Ухудшалось также положение податной массы городского населения. Численное возрастание мещанского сословия и цеховых, запись новых лиц в эти разряды населения в годы, предшествовавшие реформе, замедлились, а по иным городам

и вовсе приостановились. Тот же процесс наблюдался и в низшей (3-й) гильдии купечества, пополнение которой происходило более всего в результате поисков способа избежать рекрутской повинности и не сопровождалось купеческой деятельностью. Рост хлебных цен и общее вздорожание жизни тяжело отзывались на положении городской трудовой бедноты. Росла недоимка и на мещанском сословии. По данным официальной статистики, мещане отнесены к «самым неспособным плательщикам государственных податей» наравне с помещичьими крестьянами. «Проклинай житьё мещанское, да почёсывай головушку», — писал Некрасов в стихотворении «Дума», отражающем бедственное положение мещанина, принуждённого «без работы маяться», всюду получающего отказ, — работы мещанину найти негде:

Спи, не спи — валяйся по́-печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

В знаменитом цикле стихов Некрасова «О погоде» (1859 г.) отражено крайне тяжёлое положение трудового люда в Петербурге («Эко времячко!.. Господи боже! Как ни дорого бедному жить, умирать ему вдвое дороже»).

Массовое движение в 50-е годы развивается во всё более напряжённом темпе. В конце 50-х годов в России слагается революционная ситуация.

Крестьянское движение накануне реформы. Сохранение крепостного рабства становилось всё более невыносимым для крестьян. Неоднократные обращения царя ко всем сословиям с призывом к патриотическим жертвам, с объявлением о наборах ополченцев пробуждали в крестьянстве уверенность, что участием в войне оно купит себе свободу. В апреле 1854 г. вышел указ о наборе в морское ополчение. Набор производился с целью формирования гребной флотилии для обороны Балтийского побережья и распространялся на четыре губернии — Петербургскую, Олонецкую, Тверскую и Новгородскую. От крепостных крестьян при записи в ополчение требовалось разрешение помещика. В крестьянстве прошёл слух о том, что вступление в ополчение освободит ополченцев и их семьи от крепостной зависимости. На этой почве возникли волнения, охватившие кроме указанных ряд внутренних губерний (Рязанскую, Тамбовскую, Владимирскую и др.). Движение было прекращено военной силой. В 1855 г. в связи с призывом в общегосударственное ополчение волнения крестьян приняли ещё более грозные размеры. Особенно остро протекали они

на Украине — в Киевской губернии, где ненависть к польским панам-помещикам и воспоминания о казачестве придали им своеобразную форму. В народе заговорили о существовании скрываемого панами и попами указа, которым все крестьяне якобы призываются «в казаки» и освобождаются от крепостной неволи с передачей им в собственность земель и имущества помещиков. Крестьяне отказывались от работы на господ, вводили явочным порядком самоуправление, не слушались «убеждений» начальства и в ряде случаев оказывали сопротивление войскам. В результате столкновений насчитывалось много убитых и раненых крестьян. В великороссийских губерниях движение 1855 г. выразилось в массовом бегстве крепостных в города, где они требовали зачисления в общегосударственное ополчение. Наибольшим упорством отличались волнения в Воронежской губернии. В 1856 г. крестьянское движение проявилось в новой форме — самостоятельном уходе десятков тысяч крепостных, главным образом украинских крестьян Херсонской и Екатеринославской губерний, на Крымский полуостров. Толчком к этому движению послужили слухи, что в Крыму крестьяне получат волю. Правительство двинуло крупные военные силы, чтобы подавить движение.

Наиболее поздним отзвуком военных событий явилось восстание в Мегрелии (Грузия) в 1857 г. Во время Восточной войны Мегрелия подверглась разорению со стороны турецкой армии. По окончании войны помещики, стремясь поправить свои дела за счёт крестьян, резко усилили их эксплоатацию. Волнения начались в январе 1857 г. и к маю приняли характер общего восстания крепостного крестьянства Мегрелии. Крестьяне не выполняли повинностей помещикам, требовали упразднения княжеского и дворянского сословий, принятия мер против роскоши и чрезмерных торговых барышей. Основной целью восставших было освобождение из-под помещичьей власти. При активном вмешательстве царской администрации господство местных крепостников было восстановлено.

Крестьянские волнения в военные годы оказали огромное влияние на решение правительства поставить в порядок дня отмену крепостного права. Но приступ к реформе — обнародование царских рескриптов в 1857 г. (см. следующую главу)— отнюдь не прекратил вопреки утверждениям либерально-буржуазных историков крестьянского движения. Число неповиновений крестьян даже возросло. В 1858 г. III отделением было зарегистрировано 86 волнений, в 1859 г.—90, в 1860 г.—108. Классовая борьба между крестьянами и помещиками в годы революционной ситуации достигла большой остроты. Недаром поэт Тютчев писал в 1858 г. по поводу положения в деревне: «Теперь уже под ногами (у помещиков. — *Ред.*) не прежняя

твёрдая и непоколебимая почва... в одно прекрасное утро можно проснуться на оторванной от берега льдине».

Волнения помещичьих крестьян встречали сочувственный отклик среди государственных крестьян, которые иной раз выступали в роли «подстрекателей». Возбуждение среди крестьян наблюдалось попрежнему не только в центре. Так, в 1858 г. довольно тревожное положение создалось в Эстляндии в связи с опубликованием нового Положения для местного крестьянства.

В 1859 г. вспыхнуло движение против питейных откупов, охватившее значительную часть России. Увеличение откупщиками цен на вино при очень плохом его качестве и общий рост дороговизны вызвали массовое «трезвенное движение» — бойкот спиртных напитков. Впервые это «трезвенное движение» обнаружилось ещё в 1858 г. в литовско-белорусских губерниях (Ковенской, Виленской и Гродненской). В 1859 г. движение приняло особенно значительные размеры. Сначала в Саратовской, потом в Рязанской, Тульской, Калужской и во многих других губерниях Поволжья, промышленного центра, Украины крестьяне на мирских сходках составляли приговоры об отказе от вина, назначали денежные штрафы и даже телесные наказания тем, кто нарушит отказ. В течение нескольких месяцев в 12 губерниях было разбито 220 «питейных заведений». Беспорядки подавлялись при помощи воинских частей; были арестованы тысячи крестьян. Движение против откупов остановило на себе внимание революционной публицистики; Добролюбов посвятил ему статью «Народное дело», в которой утверждал, что движение «доказывает способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях».

Крестьянское движение накануне реформы не переросло в революцию. Как указал Ленин, «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу» [1]. Пролетариат в ту пору ещё только формировался в России, следовательно в стране не было того передового, революционного класса, который мог бы внести организованность и политическую сознательность в борьбу крестьянства: «.. революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было» [2]. Тем не менее массовая крестьянская борьба этих лет имела огромное историческое значение. Ликвидация крепостничества в России была неизбежна, но путь буржуазного развития в России мог быть двояким. Развитие капитализма возможно было на почве,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 65.

[2] Там же, стр. 94.

очищенной революционной метлой от всех крепостнических пережитков. Но капитализм мог развиваться и в результате половинчатых реформ, без революционного потрясения крепостнического государства и землевладения — путём мучительно медленного капиталистического преобразования помещичьих хозяйств, использующих крепостнические пережитки, опирающихся на них, высасывающих соки из полузакрепощённых разоряющихся деревень. Эти два способа развития капитализма Ленин впоследствии назвал путём «американского» и путём «прусского» типа. Борьба крестьян в период реформы объективно была проявлением длившейся в течение десятилетий борьбы за демократический путь развития. Этот путь капиталистического развития мог быть обеспечен только в результате победы буржуазно-демократической революции и установления республики. Он был наиболее выгоден и для самих крестьян, и для развивавшегося после реформы пролетариата, который, по словам Ленина, знал, что «нет и быть не может иного пути к социализму, как через буржуазно-демократический переворот» [1]. Он отвечал интересам прогрессивного развития страны в целом. Борьба за полную революционную ликвидацию старого порядка являлась и в период кануна реформы 1861 г. и в ближайший период важнейшей задачей революционного демократического лагеря России, отражавшего классовые требования многомиллионного русского крестьянства.

Разночинский период революционного движения. Недовольство крестьян находило живой отклик среди русских «разночинцев», среди лучших, наиболее демократических элементов русского общества, взявших на себя роль идейного выразителя крестьянских интересов и стремлений. В этот период, в связи с начавшейся буржуазной перестройкой страны, ряды идейных защитников нового быстро умножались, и самый облик их стал решительно изменяться. В русское революционное движение уверенно вступал разночинец, чей приход был возвещён ещё деятельностью Белинского. Разночинцы явились новой силой, выступившей на общественно-политической арене. «Разночинец есть поднимающаяся кверху часть народа, имеющая в нём свои корни», — писал известный писатель, революционный демократ Н. В. Шелгунов. То была интеллигенция новой формации, вышедшая из среды низшего чиновничества, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства и, частью, из обедневшего, деклассированного дворянства.

«Падение крепостного права, — указывал Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деяте-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 12, изд. 4, стр. 419.

ля... освободительного движения...»[1] На смену дворянскому периоду революционного движения пришёл период «разночинский», продолжавшийся до начала массового рабочего движения, руководимого социал-демократией, т. е. примерно до середины 90-х годов.

Характеризуя этот второй период русского революционного движения, Ленин отмечал, что дело декабристов «не пропало»: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен»[2].

Разночинцы при своём выступлении на историческую арену выдвинули замечательных вождей — великих русских революционных демократов Н. Г. Чернышевского (1828—1889 гг.) и Н. А. Добролюбова (1836—1861 гг.), которые сумели с большой силой и глубиной выразить чаяния и интересы трудового русского народа и оказали могущественное влияние на всё развитие передовой общественной мысли и революционного движения. Чернышевский и Добролюбов явились продолжателями революционно-демократического дела Белинского, этого гениального предшественника демократов-разночинцев. Они также были великими революционными просветителями. Ленин видел характерные черты «просветительства» в горячей враждебности «к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области», в горячей защите «просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни», наконец, в отстаивании «интересов народных масс, главным образом крестьян...»[3] Эти черты нашли самое яркое и полное выражение в деятельности Чернышевского и Добролюбова. Они объявили смертельную войну самодержавно-крепостническому режиму и всему связанному с ним старому укладу жизни во имя блага многомиллионного русского крестьянства.

Чернышевский и Добролюбов не были одиноки в своей борьбе: они сумели собрать вокруг себя сильную своей преданностью народу группу соратников (Шелгунов, Михайлов, Серно-Соловьевичи, Владимир и Николай Обручевы, Елисеев и др.). Огромную поддержку оказал им великий поэт русской демократии Н. А. Некрасов, редактор лучшего жур-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 14—15.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 472.

нала той эпохи — «Современника». Разделяя платформу Чернышевского и Добролюбова, Некрасов предоставил им свой журнал для пропаганды революционно-демократических идей. «Современник» в пору руководства Чернышевского и Добролюбова играл совершенно исключительную роль в жизни передового русского общества, в особенности разночинской молодёжи. Он пользовался, по верному свидетельству Н. Михайловского, таким престижем, «равного которому дотоле не было во всей истории русской журналистики».

Деятельность Герцена, несмотря на все его либеральные колебания, вливается мощной струёй в общий поток демократического движения тех лет. Именно в годы революционной ситуации демократ решительно берёт в Герцене верх над либералом. Революционная агитация, развёрнутая Герценом, и распространение по всей России «Колокола» являются, как указывал Ленин, мощным элементом революционной борьбы того времени.

А. И. Герцен и его революционная агитация в 1850-х годах. К 50-м годам относится блестящий расцвет революционной деятельности А. И. Герцена, широко развернувшего за границей революционную агитацию. В 1853 г. он основал в Лондоне первую «Вольную русскую типографию», взяв на себя славную и благородную миссию говорить от имени Руси «вольной, юной, живой». Первым изданием типографии была прокламация «Юрьев день! Юрьев день!», обращённая к русскому дворянству. Ещё веря в его добрую волю, взывая к примеру вышедших из его рядов Муравьёва-Апостола, Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Герцен призывал дворян к немедленному освобождению крестьян, угрожая им назреванием крестьянской революции. «А между тем в деревнях становится неловко. Крестьяне посматривают угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякие вести бродят. Там-то помещика с семьёй сожгли, там-то убили другого цепами и вилами, там-то приказчика задушили бабы на поле, там-то камергера высекли розгами и взяли подписку молчать. Крепостное состояние явным образом надоело мужикам; они только не умеют приняться сообща за дело». В своей прокламации Герцен приходил к выводу: «Страшна... пугачёвщина, но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собой страшные последствия». Конечно, обращение к дворянству, а не к крестьянам говорило об иллюзиях Герцена, однако основной его линией была, несомненно, революционная линия. В 1855 г. в посвящении сыну, предпосланном книге «С того берега», Герцен писал: «Лучше с революцией погибнуть, нежели спастись в

богадельне реакции. Религия революции, великого общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе...»

С 1855 г. Герцен стал издавать сборник «Полярная звезда», названный в память одноименного альманаха декабристов Рылеева и Бестужева. С 1 июля 1857 г. Герцен вместе с Н. П. Огарёвым приступил к изданию знаменитого в истории русской революции журнала «Колокол». «Герцен, — указывал Ленин, — создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [1].

В предисловии редакции к первому листу «Колокола» Герцен писал: «Везде, во всём, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства, со стороны развивающихся народов против отстающих правительств. Таковы общие догматы наши. В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с неё спали, наконец, ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию её».

В первые годы своего существования «Колокол» имел исключительный успех в самых широких и разнообразных общественных кругах. С ним вынуждены были считаться даже враги. «Вы — сила, вы — власть в русском государстве», — заявлял Чичерин Герцену в 1858 г. в открытом письме, направленном против политических позиций и пропаганды «Колокола». «В иных сферах и кружках Герцена боялись более, чем правительства», — утверждал впоследствии реакционный публицист князь Мещерский, имея в виду обличения административных и помещичьих злоупотреблений, которым отводилось значительное место на столбцах «Колокола».

Программа ближайших требований, явно выставленная «Колоколом», была сама по себе сравнительно умеренной: она сводилась к освобождению крестьян с землёй, свободе печати, уничтожению телесных наказаний. Однако самый текст публикуемых «Колоколом» материалов нередко шёл дальше объявленной им программы. Особенно радикализировался он в годы революционной ситуации. Тайная же революционная программа Герцена и Огарёва, которая будет освещена ниже, шла много дальше явной, опубликованной программы «Колокола». Сравнительная умеренность последней способствовала вначале привлечению к «Колоколу», между прочим, симпатий «массы людей с обыкновенными либеральными тенденциями», — по позднейшей характеристике Чернышевского. В та-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

ком же направлении влияло и то обстоятельство, что и сам Герцен подчас проявлял либеральные колебания. Первые «либеральные» жесты Александра II обманули Герцена, и он готов был поверить в возможность спокойного, бескровного преобразования России по инициативе «сверху». Недооценивая помещичью классовую природу русского самодержавия, Герцен одно время поддерживал иллюзии, что и самодержавие, если захочет, может произвести настоящее освобождение народа от крепостного права. При всём том Герцен всей своей деятельностью чрезвычайно много сделал для подготовки революции в России, — «демократ все же брал в нем верх» [1], по определению Ленина.

Герцен принадлежал к поколению дворянских революционеров. Будучи выходцем из дворянской среды, он подчас оказывался в плену либеральных колебаний и иллюзий. Но, несмотря на все колебания Герцена, его позиция коренным образом отличалась от позиции либералов. Он всегда был и оставался искренним и страстным защитником народных, крестьянских интересов. Между тем либералы были лишь буржуазным крылом среди защитников дворянско-помещичьих интересов; они думали откупиться от угрозы крестьянского восстания ценой сравнительно бóльших уступок, нежели те, на которые соглашались реакционеры-крепостники. Несмотря на некоторую боязнь «кровавых переворотов», Герцен согласен был отстаивать любые революционные средства борьбы, если (как это и произошло на самом деле) надежды на мирное удовлетворение требований народа не оправдаются. Либералы были за «освобождение» народа только и непременно «сверху». Герцен же отвечал им: «Будет ли это освобождение «сверху или снизу», — мы будем за него!» На случай, если бы народ, увидя, что его «надувают освобождением», поднялся стихийно на борьбу, Герцен заранее определял своё место на стороне восставшего народа, а не против него. Герцен неизменно подчёркивал двойственность и нерешительность правительства Александра II, клеймил каждый попятный шаг, беспощадно разоблачал реакционные мероприятия, протестовал против «жалкой системы мелких частичных улучшений», не затрагивающих «существа дела». «Не отдадимте нашего негодования, наших стремлений, выстраданных под лапой Николая, за барскую ласку», — писал он.

Герцен был ярким представителем русского революционного патриотизма. Он страстно любил свою родину, отдал все свои помыслы, все чувства, всю свою кипучую энергию на

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

дело её освобождения, — это было существом всей его деятельности. «Русский по рождению, русский по воспитанию и... русский сердцем своим», как говорил он сам, Герцен болел за русский народ и посвятил свою деятельность именно ему. «В России сверх царя есть народ, — писал Герцен, — сверх люда казённого, притесняющего, есть люди страждущие, несчастные; кроме России Зимнего дворца есть Русь крепостная, Русь рудников. Во имя этой-то Руси должен здесь быть услышан русский голос».

В глубоко патриотической деятельности Герцена 50-х и 60-х годов нельзя не подчеркнуть ещё одной стороны — его выдающейся роли посредника между русской и передовой западноевропейской мыслью, между демократической русской и мировой культурой. Герцен придавал громадное значение задаче действительного ознакомления народов Европы с Россией. «Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад и больше ничего... Пусть она узнает ближе народ»,— писал Герцен. Много ярких и блестящих страниц написал великий публицист, рассказывая миру о своём «мощном и неразгаданном народе», раскрывая его «величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры», разъясняя богатейшее содержание и значение русской литературы, смысл и цели русского освободительного движения. Пропаганда Герцена имела большой успех. Известны многочисленные свидетельства крупнейших представителей европейской мысли и освободительной борьбы о значении для них деятельности Герцена. «Да, Герцен, — писал ему Гарибальди, — я верю вам и знаю, что народ русский имеет высокие стремления... что и на вашей родине бродит дух воли и будущего».

Н. Г. Чернышевский — великий русский революционный демократ. Формирование его мировоззрения. Деятельность Чернышевского в 1850-е годы. Великий русский революционный демократ Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889 гг.) принадлежал к разночинцам и был выходцем из духовной среды (сын священника). В Саратове, где протекало его детство и первые годы юности, он мог широко наблюдать крепостническую действительность, жестокое угнетение крестьянства, грубость и невежество чиновничества, разгул произвола царской администрации. Подобно тому, как аналогичная пензенская действительность поставила первые социальные вопросы перед сознанием молодого Белинского, саратовская жизнь содействовала пробуждению Чернышевского. Обучение в духовной семинарии вызвало в нём ненависть к схоластической, мёртвой науке. Чернышевский жаждал получить светское образование и посвятить себя общественной дея-

тельности. Ему удалось поступить в Петербургский университет. Передовая русская общественная мысль, Белинский, Герцен и вся прогрессивная русская литература оказали на него сильнейшее влияние. «Гоголь и Лермонтов кажутся [мне] недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь...» — писал студент Чернышевский. Кружок петрашевцев, с которым у молодого Чернышевского были близкие связи, оказал на него воздействие, о чём уже упоминалось выше; вместе с его участниками Чернышевский обсуждал вопрос о приближении революции в России. Революционные события на Западе — революция 1848 г. во Франции, последующие революционные события в Германии, Австрии, Венгрии — овладели вниманием Чернышевского; он глубоко изучал их, следя за ними изо дня в день. Интервенция Николая I в революционной Венгрии вызвала страстный протест Чернышевского; он называл себя «другом венгров» и желал поражения царской армии. Формирование революционного мировоззрения Чернышевского шло с поразительной быстротой: уже в 1848 г., двадцатилетним студентом, он записывает в дневнике, что «всё более и более» утверждается «в правилах социалистов»; являясь республиканцем по убеждениям, он вместе с тем справедливо полагает, что дело вовсе не в слове «республика», а «в том, чтобы избавить низший класс от его рабства не перед законом, а перед необходимостью вещей», — всё дело в том, «чтобы один класс не сосал кровь другого». Вся власть должна перейти в руки низших классов («земледельцы + подёнщики + рабочие»). У него созревает убеждение в необходимости активного участия в революционной борьбе на стороне восставшего народа. «У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нём... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьём, ни резня...» Проработав некоторое время в Саратове учителем и бесстрашно посвящая уроки революционной пропаганде, Чернышевский переехал в Петербург, где отдался литературной деятельности, предоставлявшей в тяжёлое николаевское время наибольшие возможности для революционной пропаганды. В 1855 г. Чернышевский блестяще защитил при переполненном восторженными слушателями зале диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», где развивал материалистические взгляды и доказывал, что искусство — орудие общественной борьбы — должно служить жизни (см. главу XXXI). Защита диссертации, вызвавшей гнев реакционной профессуры, явилась большим общественным событием. В дальнейшем деятельность Чернышевского сосредоточивается в журнале «Современник» — боевом органе революционной демократии.

Чернышевский был человеком глубоких и всесторонних знаний, автором гениальных научных трудов в области философии, политической экономии, истории, теории литературы и искусства, истории литературы. Он был великим учёным и вместе с тем замечательным боевым публицистом, чутким к передовому, новому, проницательным литературным критиком, беспощадным к сторонникам крепостного рабства. Он был ярким и чрезвычайно своеобразным писателем-беллетристом; его роман «Что делать?» (1863 г.) оказал громадное влияние на современников. Чернышевский был человеком стальной воли, мужественным революционером, вдохновителем важнейших революционных начинаний своего времени.

Деятельность Чернышевского как философа представляет собой очень важный этап в развитии русской материалистической философии. Он шёл вперёд по тому пути, который был проложен в русской классической философии в 40-х годах Белинским и Герценом. Чернышевский учёл, критически их переработав, лучшие достижения западноевропейской философской мысли домарксова периода и двинулся дальше; он высоко ценил материалистическую философию Людвига Фейербаха, но сам пошёл дальше него. Правда, Чернышевский «не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» [1], однако, не поднявшись до диалектического материализма, он тем не менее в отличие от Фейербаха неизменно подчёркивал значение диалектического метода. С другой стороны, великий революционер-демократ решительно осуждал Гегеля за узость и консервативный характер его выводов. Чернышевский с увлечением пропагандировал диалектику и широко пользовался ею в своих собственных трудах (большого внимания заслуживает, например, его диалектическая аргументация в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения»). Чернышевскому, как и основоположникам научного социализма, остались чужды «религиозно-этические наслоения» во взглядах Фейербаха. Ему чужд был созерцательный характер фейербаховского материализма. Философия Чернышевского была глубоко действенной; всё его философское творчество, его философская пропаганда находились в самом органическом взаимодействии с революционными стремлениями, подкрепляли, поддерживали и обосновывали последние.

До конца своих дней Чернышевский оставался непоколебимо верен выработанным им в пору расцвета его деятельности философским принципам. В защиту материализма и специально материалистической теории познания он выступил

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 346.

снова в печати в 80-х годах, после своего возвращения из долголетней ссылки. Ленин писал по этому поводу: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников» [1]. Особое место в философском наследии Чернышевского принадлежит его трудам по эстетике. Он обосновал учение материалистической эстетики в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Её появление (1855 г.) было тесно связано с борьбой литературно-философских течений в русском обществе и имело значение как бы теоретического манифеста разночинно-демократического движения.

Последовательный материалист по своим общефилософским воззрениям, Чернышевский оставался ещё в значительной степени под влиянием идеалистических взглядов на общественно-исторический процесс. Но мысль его развивалась в направлении к материалистическому пониманию истории. Чернышевский много раз высказывал глубокие материалистические догадки в объяснении исторических явлений. Ему удавалось с большой остротой и силой вскрывать механику классовых отношений и классовой борьбы.

Большое значение имела деятельность Чернышевского как учёного-экономиста. В дополнениях и примечаниях к «Основаниям политической экономии» Милля (1860—1861 гг.), в статье «Капитал и труд» (1860 г.) и в других работах Чернышевский построил свою политико-экономическую «теорию трудящихся». Маркс, отмечая утопический характер многих положений Чернышевского, вместе с тем видел в нём единственного действительно оригинального мыслителя среди современных ему экономистов Европы. Он отзывался о Чернышевском, как о «великом русском ученом и критике», мастерски выяснившем банкротство буржуазной политической экономии. Ленин также указывал, что Чернышевский «был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм» [2].

Утопическая сторона воззрений Чернышевского состояла прежде всего в его оценке русской сельской общины. Он, как впоследствии и народники, считал её средством предотвратить пролетаризацию крестьянства, мостом для перехода России к социализму. Чернышевскому была, однако, чужда такая идеализация общины, которая характерна для Герцена и многих позднейших народников. Он подчёркивал, что община не

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 346.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.

составляет «особенной прирождённой черты» России и представляет собой остаток старины, которым не приходится «гордиться», ибо он говорит только «о медленности и вялости исторического развития».

Чернышевский придавал сохранению общины существенное значение лишь при условии достаточного наделения крестьян землёй и действительного их освобождения от всех крепостнических пут. Он неутомимо и страстно отстаивал право народа на землю и подлинную свободу. Именно это составляет особо важную черту его пропаганды в крестьянском вопросе. Ничего не ожидая от дворянских комитетов и правительственных комиссий, подготовлявших реформу, он возлагал все надежды на революционную самодеятельность масс. «Чернышевский, — пишет Ленин, — был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину .. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [1].

Ориентация Чернышевского на народ, как на активного деятеля истории, который сам должен освободить себя от экономического и политического гнёта, убеждение Чернышевского в невозможности мирных путей к освобождению трудящихся, его ставка на революцию говорят о его превосходстве над большинством западных утопистов с их надеждами на добрую волю имущих классов и правительств. Ещё в студенческие годы Чернышевский писал: «Я знаю, что без конвульсий нет никогда ни одного шага вперёд в истории. Глупо думать, что человечество может итти прямо и ровно, когда это до сих пор никогда не бывало» Таков был взгляд Чернышевского на ход человеческой истории вообще, таков же был его взгляд и на пути развития его родины. Чернышевский «из всех утопических социалистов ближе всех подошёл к научному социализму» [2], —говорил т Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Чернышевский действовал в обстановке революционной ситуации, когда не только верхи общества вынуждены были стремиться к обновлению форм своего господства, но когда — прежде всего —недовольство масс часто прорывалось в различного рода волнениях и протестах. Чернышевский развернул агитацию за неизбежность и спасительность революционного разрешения переживаемого страной кризиса, стремясь при-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 97.

[2] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», М. 1946, стр. 24.

влечь к активной поддержке народного дела все те общественные элементы, которые способны стать на почву борьбы за интересы масс. Вместе с тем он неустанно разоблачал трусость и своекорыстие либералов, искавших сговора, сделки с царизмом и сеявших среди интеллигенции вредные монархические иллюзии. Кампания, повседневно проводимая Чернышевским против либерализма, входила весьма важным составным звеном в его борьбу за идейную подготовку революции.

Обо всех этих задачах деятельности Чернышевского говорит каждая строка его легальных статей в «Современнике» как накануне реформы, так и после неё. Больше того: несмотря на величайшее значение его легальной публицистической деятельности, Чернышевский не хотел замкнуться в рамки только этой работы. Он был связан с революционным подпольем, собирался воспользоваться тайным печатным станком, чтобы непосредственно обратиться с революционным призывом к широкой крестьянской массе. Это подтверждают действия Чернышевского в течение 1861 и 1862 гг., вплоть до дня ареста его царским правительством. Великий писатель-мыслитель органически сочетался в Чернышевском с бесстрашным революционным вождём.

Любовь к русскому народу и родной русской земле воодушевляла Чернышевского во всей его деятельности. «Историческое значение каждого русского великого человека, — писал Чернышевский, — измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма». Чернышевскому принадлежат слова: «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?» Чернышевский понимал патриотизм в истинном и возвышенном его значении и содержании, полностью отождествляя служение родине с беззаветным служением её трудовому народу, связывая действенную борьбу за защиту нового во славу своего отечества с живым стремлением ко благу всего трудящегося человечества.

Чернышевский с негодованием отзывался о тех отщепенцах, которые отрекаются от родного слова, презирают родную культуру и литературу. Гордясь достижениями русской мысли, он указывал, что передовые люди России идут «наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников», что представители «нашего умственного движения» не подчиняются «никакому чужому авторитету». Почётнейшее место в строительстве национальной русской культуры принадлежит самому Чернышевскому. Недаром Ленин, говоря о демократической, передовой русской культуре, характеризовал ее «именами Чернышевского и Плеханова» [1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 16.

Любовь к своей родине, к своему народу естественно и необходимо связывалась в Чернышевском с ненавистью к их врагам. Он ненавидел крепостничество и самодержавие, преграждавшие русскому народу дорогу к свободе и прогрессу.

Чернышевский не отделял вопрос об отмене крепостного права от вопроса о ликвидации самодержавного строя. «Всё вздор перед общим характером национального устройства», — писал Чернышевский, имея в виду царизм — государственный строй страны.

Пристально изучая политическую действительность и России и Западной Европы, Чернышевский проявлял глубокий интерес к проблеме государства. Чернышевский видел, что «государственная политика» современной ему эпохи фактически является выражением интересов господствующих классов.

Абсолютистское самодержавное государство Чернышевский расценивал как орган господства дворянства. «Представительное» по форме правление государств капиталистических стран Запада он рассматривал как орган господства нового привилегированного класса — буржуазии. Чернышевский указывал, что такое государство предоставляет народу лишь формальную «свободу» и формальное «право», не обеспечивая материальных возможностей для пользования этой свободой и этим правом. Поэтому, хотя и отдавая предпочтение политическому устройству буржуазных европейских государств перед господствовавшим в России самодержавием, он как защитник интересов трудящихся критиковал и обличал не только абсолютистские, но и буржуазные парламентские формы государственного устройства, желая завоевать путём революционной борьбы такой строй, где были бы осуществлены в неразрывном соединении «политическая власть», «образованность» и «материальное благосостояние» народных масс Крестьянская революция в России, свержение самодержавия, переход земли к народу, упрочение и совершенствование общины должны были в глазах Чернышевского открыть путь к достижению этого идеала на его родине. В более отдалённой перспективе, после того как «человек вполне подчинит себе внешнюю природу», «переделает всё на земле сообразно с своими потребностями», после уничтожения «несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения», Чернышевский мыслил исчезновение принудительных законов в обществе, исчезновение государства.

Либерально-буржуазная историография изо всех сил старалась выдать Чернышевского за человека весьма далёкого от революции, соглашателя либерального типа (Денисюк и др.). Эта грубая фальсификация об-

лика великого революционера основывалась на явной подтасовке фактов, искажая истинное значение Чернышевского в своих классовых целях.

Первой серьёзной исследовательской работой о Чернышевском явился двухтомный труд Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», посвящённый анализу его идеологии. Но революционно-демократическая сущность воззрений и деятельности Чернышевского, его непоколебимая преданность идее крестьянской революции, затушёвана в этой работе. Давая правильное во многом освещение общих теоретических взглядов Чернышевского, Плеханов, как указывал Ленин, «из-за *теорет*[*ического*] различия иде[алистического] и мат[ериалистического] взгляда на историю.. *просмотрел* практич[ески]-полит[ическое] и *классовое* различие либерала и демократа» [1]. Полное непонимание действительного политического смысла деятельности Чернышевского обнаружил и М. Н. Покровский, когда назвал его «родоначальником меньшевистской тактики», который якобы призывал сохранять спокойствие и постепенно, «потихоньку да полегоньку», опираясь на «образованные классы», добиваться от царя уступок. Эта ложная оценка извращала облик гениального писателя, одного из лучших представителей русского народа, все силы отдавшего делу подготовки демократической революции. Позже в историографии выдвигались и другие ошибочные концепции, например, высказывалось неправильное мнение, что Чернышевский якобы является основоположником марксизма в России; общий облик Чернышевского рисовался как облик большевика. Великий революционный демократ не нуждается в приукрашивании такого рода, подобные концепции являются антиисторическими и лишены научного основания.

Взгляды и деятельность Добролюбова. Товарищ и сподвижник, ученик и единомышленник Чернышевского, великий революционный демократ Добролюбов вошёл в литературу тремя годами позже его (первые работы Чернышевского напечатаны в 1853 г., Добролюбова — в 1856 г.). С юношеских лет Добролюбов был поглощён мыслями о великом будущем России, для которого он стремился «трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо». Пламенный патриот Добролюбов писал, что «в человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, — сколько возможно больше и сколько возможно лучше».

Будущее величие родной страны Добролюбов связывал с революцией, демократией и социализмом. Ещё студентом Добролюбов выпускал в 1855 г. подпольную рукописную газету «Слухи», где высказал убеждение, что «нужно сломать гнилое здание нынешней администрации», а для этого надо действовать на «низший класс народа», «раскрывать ему глаза на настоящее положение дел», возбуждать его спящие силы, внушать ему понятие о достоинстве человека, об «истинном добре и зле». Этому взгляду Добролюбов оставался неизменно верен в продолжение своей короткой, но необыкновенно яркой и плодотворной деятельности революционера-демократа, публициста,

[1] «Ленинский сборник» XXV, стр. 231.

философа, критика, руководителя критического отдела в журнале «Современник»

Добролюбов, подобно Чернышевскому, всей душой ненавидел крепостничество и самодержавие, был врагом угнетателей трудового народа, сторонником социализма. Руководящим принципом своей деятельности он провозгласил борьбу за «человека и его счастье». Признавая вместе с Чернышевским превосходство над самодержавием общественно-политического устройства более передовых капиталистических стран, Добролюбов подобно ему был чужд какой бы то ни было идеализации буржуазных порядков. Он указывал на недовольство, накипающее на Западе в «рабочих классах», и подчёркивал, что «пролетарий понимает своё положение гораздо лучше, нежели многие прекраснодушные учёные, надеющиеся на великодушие старших братьев в отношении к меньшим». Таким образом, Добролюбов, хотя и не освободившийся от влияния утопического социализма, не верил в возможность побудить господствующие классы добровольно пойти навстречу трудящимся массам. Он ждал решения «социального вопроса» и на Западе и в России от пробуждения сознательности и активности в борьбе самих масс. «Современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни», — писал он в начале 1860 г. Он подразумевал под таким «воздействием» народное восстание, крестьянскую революцию в России.

Добролюбов был непримиримым противником либералов, он резко разоблачал их за неспособность к серьёзному общественному делу, за поддержку царской власти, выявлял чрезвычайную узость и ограниченность их реформаторских планов. Либеральному обществу с его «звонкими фразами», мизерными, «почти непристойными» претензиями на реформы Добролюбов противопоставлял народ. «В народной массе нашей,— говорил он, — есть дельность, серьёзность, есть способность к жертвам... Народные массы не умеют красно говорить. Слово их никогда не праздно; оно говорится ими, как призыв к делу». Разоблачая либеральных Маниловых, людей фразы, сторонников компромисса с монархией и крепостничеством за счёт народа, Добролюбов выдвигал свой положительный идеал — идеал революционера, не знающего разлада между словом и делом, охваченного одной идеей борьбы за счастье народа, готового «или доставить торжество этой идее, или умереть».

Во всех своих статьях, написанных хотя бы и на чисто литературные темы, Добролюбов оставался горячим и смелым политическим борцом. Он умел использовать их для обличения крепостнического строя и пропаганды своих революционно-демократических взглядов. Его знаменитые статьи «Тёмное

царство», «Что такое обломовщина?», «Когда же придёт настоящий день?» — образцы гениального литературно-критического анализа и вместе с тем замечательные произведения революционной публицистики.

Добролюбов — писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства»[1]. Добролюбова, как и Чернышевского, очень высоко ценили Маркс и Энгельс. Маркс ставил Добролюбова наравне с Лессингом и Дидро, Энгельс назвал Чернышевского и Добролюбова «двумя социалистическими Лессингами».

Вопрос о революционной организации в конце 1850-х годов. В период революционной ситуации 1859—1861 гг. в среде русских революционеров всё настойчивей ставится вопрос о необходимости создания революционной организации, которая централизовала бы движение и подготовила бы открытое революционное выступление. Вопрос об этом ещё чрезвычайно мало изучен, но всё же на основе исследования архивных материалов выясняются его отдельные стороны. Нет сомнений, что к делу создания революционной организации были ближайшим образом причастны Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарёв и их соратники. Н. П. Огарёв оставил документальные материалы, свидетельствующие о наличии у него в 1859—1860 гг. подробно разработанного плана действий в этом отношении. Развитая им программа «всеобщего нового устройства России» требовала прежде всего «немедленного уничтожения всякого крепостного права помещичьего и казённого на людей и землю» и созыва Земского собора «из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом без различия сословий»; программа требовала уничтожения сословий, введения равноправия всех граждан, замены казённого чиновничества выбранными людьми. «Если (или так как) государь не хочет созвать Земского Собора, то неурядица неизбежно доведёт до восстания... Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно», — писал Огарёв. Он предлагал при помощи армии, участвующей в революции, организовать «восстание, идущее строем»; это означало, что к восставшим войскам должны были присоединиться восставшие крестьяне — «прибылые охотники-ратники» и, вооружившись, итти за войском в военном строю. Землю Огарёв предполагал без выкупа отдать крестьянам в размере обрабатывавшейся ими крестьянской запашки, помещики же должны были получить выкупную стоимость земли «из общих

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 296.

государственных доходов, без всякого особого взимания с крестьян чего-либо...» Будущая Россия представлялась Огарёву федерацией девяти «Союзов» (Среднерусского, Прибалтийского, Польско-Литовского, Беломорского, Волжского, Украинского, Новороссийского, Урало-Сибирского и Амурского). Революционный центр организации должен был, по мнению Огарёва, находиться в России и лишь отделение его — в Лондоне; вся Россия должна разделиться на революционные округа; во главе их становятся члены революционного центра, которых Огарёв предполагал назвать понятным для народа названием «апостолов». «Общество как мыслящий миноритет обязано создать себе живые связи с немым множеством, т. е. крестьянством», — писал Огарёв. Поскольку на документах имеются пометки друга Огарёва Герцена, можно предположить, что многие положения выдвигаемой Огарёвым программы были для них общими.

Между Герценом — Огарёвым, с одной стороны, и Чернышевским — Добролюбовым и их соратниками — с другой, было немало серьёзных разногласий. Программа Чернышевского, Добролюбова и их соратников, которые работали в России и группировались около «Современника», шла дальше программы Огарёва — Герцена, была более последовательной. В 1859 г. Чернышевский ездил в Лондон для объяснений с Герценом; поводом для поездки была необходимость объясниться с последним по поводу резкого и несправедливого нападения Герцена на радикальное выступление Добролюбова с критикой «Колокола» в юмористическом «Свистке» (приложении к «Современнику»). Правдоподобно предположение, что круг вопросов, обсуждавшихся при встрече Герцена и Чернышевского, был много шире, нежели обсуждение статьи Герцена или «Свистка», — идейные руководители революционного движения, вероятно, обсуждали вопрос о планах и перспективах дальнейших действий.

Герцен сначала не понимал важности той политики разоблачения либерализма, которую со всей непримиримостью проводили Чернышевский и Добролюбов. Нужно было во что бы то ни стало вырвать Герцена из плена либеральных иллюзий, помочь победе в нём демократа над либералом. В 1860 г. в «Колоколе» появилось замечательное «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек». Автор этого письма убеждал Герцена окончательно отказаться от всяких надежд на царя, на мирное и безболезненное разрешение правительством в духе народных интересов крестьянского вопроса. «Вы всё сделали, что могли, — писал он Герцену, — чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору

зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам её поддерживать». «Письмо из провинции» было ярким свидетельством подготовки разночинских демократических кругов к революционному выступлению. Одновременно письмо было также отражением нетерпения и возбуждения, охватывавших народную массу.

Характерен ответ Герцена. Хотя и не принимая предложений автора «Письма из провинции», Герцен заявлял ему: «Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах, не в началах, а в образе действования. Вы представляете *одно* из крайних выражений нашего направления».

Несмотря на разногласия, революционный лагерь рассматривал себя как сообща действующее целое и революционную борьбу считал своим «общим делом». Революционеры видели растущее напряжение революционной ситуации и с минуты на минуту ждали революционного взрыва. Рассчитывая, что подготовляемая правительством и либералами крестьянская реформа разоблачит перед народом истинное лицо царизма, обманув народные ожидания, революционные руководители готовились к организации выступления сейчас же после реформы. Прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанная накануне реформы, разоблачала царскую политику и звала народ к открытому революционному выступлению, которое должно было повсюду начаться одновременно, по сигналу из революционного центра (в революционных кругах пользовались термином «повсюдное восстание»). Обстановка с минуты на минуту становилась всё напряжённее.

Либеральный лагерь. Перед лицом нарастающей революционной ситуации пришли в движение и либеральные круги. «Славянофилы» и либералы-«западники» быстро нашли общий язык перед лицом нарастающих грозных событий: страх перед революцией, желание сделки с царизмом ценою предательства интересов народных масс, сохранение основных устоев старого строя при разнообразных уступках и уступочках новому, *реформа,* а не *революция,* — такова была программа либералов.

Неудача Крымской войны усилила реформистские настроения либерального лагеря.

«Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием», — писал славянофил Юрий Самарин. Война во много раз увеличила число недовольных и содействовала развитию оппозиционного движения. Даже в очень умеренных кругах стало популярным требование «гласности», т. е. свободы печати, требование развития гра-

мотности и просвещения, улучшения администрации и суда, борьбы с произволом начальства. Всё шире стало распространяться убеждение в необходимости покончить в кратчайший срок с крепостным правом. Показательно, что с требованием реформ выступили даже такие люди, как реакционный историк М. П. Погодин, из-под пера которого вышел во время Крымской войны ряд «политических писем» с обличением «внутренних зол» и требованием гласности, «уважения к общественному мнению», поощрения технического прогресса, с указанием на тяжёлое положение крестьянства, угрожающее общественному «спокойствию». В общем хоре критиков стали раздаваться голоса даже отдельных видных бюрократов и сановников, например, курляндского губернатора (позже министра внутренних дел) П. А. Валуева, метко определившего положение государственного управления словами «сверху блеск, внизу — гниль». Таким образом, уже во время Крымской войны на «верхах» начинали смутно сознавать невозможность «жить по-старому». Появились разнообразные либеральные записки, ходившие по рукам, развилась либеральная журналистика. Её центром временно стал новый журнал «Русский вестник», основанный в 1856 г. М. Н. Катковым, в то время ещё либералом (впоследствии он сделался ярым сторонником реакции). Либералы прибегали также к устройству банкетов, быстро, впрочем, прекращённых правительством, к отдельным оппозиционным выступлениям в дворянских собраниях и подаче «адресов» на имя царя.

Влиятельную часть либерального лагеря 50—60-х годов составляли такие представители «западнического» круга «сороковых годов», как Анненков, Тургенев; с некоторыми либеральными предложениями и лозунгами в то время выступали братья Аксаковы, Кошелев и др.

Общей чертой либерализма разных толков и оттенков были «лойяльность» и доверие к царской власти, ожидание реформ исключительно «сверху», резко враждебное отношение к революционным методам. Либеральные политики представляли интересы части помещиков и буржуазии и были крепко связаны с правительством общим страхом перед движением народа. Свою оппозицию правительственному курсу они обосновывали «заботой» о предупреждении народной революции. Исходя из этого, видный либерал Кавелин доказывал, что уничтожение крепостного права путём реформы сверху якобы «на пятьсот лет» даст России «внутренний мир и возможность правильного, спокойного преуспевания, без скачков и прыжков». «Либералы, — указывал Ленин, — хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступ-

кам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков» [1].

Чернышевский называл либералов «*«болтунами, хвастунами и дурачьем»*, ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими» [2], — писал Ленин.

Требования народа, защиту *нового* в историческом процессе, истинные интересы масс выражал именно революционно-демократический лагерь. Либералы же предавали интересы народа. Ленин указывал, что история навсегда сохранит память о революционных демократах «как о передовых людях эпохи», а о либеральных реформистах «как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего» [3].

Кризис «верхов». Вопрос о реформе. Александр II. При создавшемся положении «верхи» уже не могли «жить по-старому». Господствующие классы уже были не в силах сохранить в неизменённом виде своё господство. Старая политика дала трещину, и через эту трещину прорывалось недовольство и возмущение угнетённых классов. В создавшейся обстановке испуганное правительство уже не считало ни возможным, ни целесообразным сохранение в полной неприкосновенности старого феодально-крепостного порядка. Сам царь вместе с его аристократически-чиновничьим окружением стал сознавать невозможность и опасность политики полного сохранения старого строя. То, что «верхи не могли» жить «по-старому», выразилось не только в оппозиционных настроениях помещичьего и буржуазного общества, но и в кризисе политики царской власти. Она ухватилась в создавшейся сложной обстановке за «реформу», которая отвела бы опасность революционного взрыва, но не нарушила бы основ царско-помещичьего всевластия, сохранила бы полностью имущественные и политические интересы помещиков и вместе с этим создала бы хотя некоторую базу для развития производительных сил в капитализме «прусского» образца.

Уже манифест Александра II о заключении мира после Крымской войны (1856 г.) давал туманное обещание реформ. Манифест заканчивался словами: «Да утверждается и совершенствуется её (России. — *Ред.*) внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах её; да развивается

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[2] Там же, стр. 97.
[3] Там же, стр. 90.

повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый, под сению законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных». «Обновлённый» курс выразился в смягчении цензуры, в частности в уничтожении печально-знаменитого «бутурлинского комитета», в отмене контингента для поступающих в университеты, разрешении поездок за границу, возвращении (по манифесту 26 августа 1856 г.) сосланных декабристов и облегчении участи петрашевцев. «Либеральные» шаги чередовались, однако, с реакционными мерами и репрессиями. У передовых современников создавалось впечатление двойственности, неискренности власти, стремившейся обмануть общественное мнение маловажными уступками. Об основном политическом вопросе — отмене крепостного права — Александр II публично заговорил в речи к предводителям московского дворянства 30 марта 1856 г. Он вынужден был сказать и о главной причине предполагаемой реформы — о страхе перед народной революцией. Император заявил, что лучше освободить крестьян сверху, нежели дожидаться, когда они сами освободят себя снизу.

Александр II вступил на престол уже взрослым, сложившимся человеком: ему шёл 37-й год. Слабый и нерешительный, лишённый серьёзных интересов, он соединял слезливую сентиментальность с раздражительностью и жестокостью. «Телячьи глаза, пустая речь, пошлые ухватки», — писал о нём умеренный либерал Б. Н. Чичерин. Воспитанный и созревший в атмосфере плац-парадной дисциплины и крепостнической реакции, он был горячим поклонником политической системы своего отца. Александр II, ещё будучи наследником, и в крестьянском вопросе занимал крайнюю реакционную позицию: в секретных комитетах 40—50-х годов он неизменно выступал против всяких ограничений помещичьих прав; даже бибиковские инвентарные правила казались ему слишком радикальными; он провёл отсрочку их введения в Литве и Белоруссии. Но назревавшая революционная ситуация испугала его и заставила признать необходимость изменения курса правительственной политики.

В таких условиях и была подготовлена «крестьянская реформа» 1861 г. Она является одной из составных частей революционной ситуации 1859—1861 гг., говорит о «кризисе верхов». В методологическом отношении она подчинена крупной исторической проблеме революционной ситуации и не может быть понята вне её. Для удобства рассмотрения её ходу и содержанию посвящена отдельная глава.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Политические партии в Англии и симптомы новой революции в Европе. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 396—398. — *Маркс К.* Подготовка крестьянской реформы в России. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 529—531. — *Маркс К* Об освобождении крестьян в России. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 536—545.— *Маркс К.* Перспективы войны в Европе. Сочинения. Т. XI. Ч. 2. С 66—69. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка. 1854—1860. Сочинения. Т XXII. С. 336—337, 362, 468—469, 474. — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М. 1947. 308 с. — Архив Маркса и Энгельса. Т. XI. Госполитиздат. 1948. 204 с. — *Ленин В. И* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 111—313. — *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? Сочинения. Т 2. Изд. 4. С. 459—501.—*Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 9—15. — *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 20 С. 223—230.— *Ленин В. И.* Крах II Интернационала. Сочинения. Изд 4. Т. 21. С. 189—190.— *Ленин В. И.* Книга Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский». «Ленинский сборник» XXV. С. 206—244.

II. Документальные материалы. Пособия. Крестьянское движение 1827—1869. Вып. I. Подгот. к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 164 с. — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. I—X. Спб. 1906. — *Чернышевский Н. Г.* Избранные сочинения в пяти томах. М.—Л. 1928—1937. — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах (в 1939—1949 гг. вышли тома I, III, IV, IX, XI, XIV). — *Добролюбов Н. А.* Полное собрание сочинений в шести томах. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. I—VI. [М.—Л.] 1934—1939.—«Литературное наследство». Т. XXV—XXVI. М. 1936. (Посвящено Добролюбову, Чернышевскому, революционно-демократической мысли 50—60-х годов.)—*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М К. Лемке. Т VII—X, XIV. Пгр. 1919—1920.— «Литературное наследство». Т. XXXIX—XL, XLI—XLII. М. 1941 (А. И. Герцен) — *Погодин М. П* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856. М. 1874 [1], 8, 358, 16 с. — Письма К. Д. Кавелина и И С. Тургенева к А. И. Герцену. Женева. 1892. XII, 227 с. — *Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). Berlin 1884. XII, 272, 232 с. — *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877 гг.). Изд. 2, испр. и доп. Т. I—II Спб 1904—1905 — *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. Ред., вступ. статья и примеч. А А. Шилова. М. — Пгр. 1923. 317 с.— [*Чичерин Б Н.*]. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. Вступ. статья и примеч. С. В. Бахрушина. М. 1929. XVI, 294 с. — *Чичерин Б. Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. М. 1932. 144 с. — *Барсуков Н* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XIII—XVII. Спб. 1899—1903 — *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3, доп. Л 1925. 405, II с.—*Игнатович И. И.* Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. «Минувшие годы». Спб. 1908. № 5—6, с. 93—127; № 7, с. 45—92; № 8, с. 181—208; № 9—10, с. 152—173; № 11—12, с. 189—211. — *Айзенберг Л.* Сведения о положении крестьян к концу Крымской кампании «Архив истории труда в России». Пгр. 1923. Кн. 10. С. 127—138. — *Линков Я. И.* Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856 гг. М. 1940. 112 с. — *Плеханов Г. В.* Сочинения. М.—Л. [1924] — 1927. Т. V, VI (работы о Чернышевском), т. XXIII, с. 267—457 (статьи о Герцене); т. XXIV, с. 3—62 (статьи «Освобождение крестьян», «Добролюбов и Островский»). — Н. Г. Чернышевский. Сборник статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа Саратов 1939. [2], 348 с.—

Н Г. Чернышевский (1889—1939). Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л. 1941. 254 с. (Ленинградский государственный университет).— *Нечкина М. В.* Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации. «Исторические записки». № 10. [М.] 1941, с. 3—39.—*Чернышевская-Быстрова Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н Г. Чернышевского. М. 1933. 252, [3] с. — *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л. 1936 622 с. — *Смолин И.* «Колокол» [1857—1861 гг.]. «Учёные записки» [Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена]. Т XXXIX Л. 1941. С. 5—75.—*Нечкина М. В*, Н. П. Огарёв в годы революционной ситуации. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. IV. № 2. М. 1947. С. 105—122.— «Вопросы философии». 1947. № 1 (Дискуссия по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 16—25 июня 1947 г. Стенографический отчёт). — Из истории русской философии. Сборник статей. М. 1949. 829 с.— *Базилева З. П.* «Колокол» Герцена. М. 1949. 296 с. — Из истории русской материалистической философии. «Учёные записки» [Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)]. Вып. 5. М. 1949, 284 с.

Глава XVII

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ (КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.)

Приступ к реформе. Основной причиной крестьянской реформы была «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»[1]. На этой почве выросло крестьянское движение, особенно усилившееся в годы Крымской войны и последующей революционной ситуации. Правящим классам пришлось немедленно приняться за разрешение крестьянского вопроса, иначе революционная ситуация грозила перейти в революционный взрыв. Немалую роль сыграло тут и поражение в Крымской войне, ослабившее самодержавие. Уже через 12 дней после заключения Парижского мира Александр II, как указывалось выше, заговорил о крестьянской реформе (30 марта 1856 г.) в речи предводителям московского дворянства, отметив, что лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, когда они сами освободят себя снизу. А 3 января 1857 г. под председательством императора состоялось первое заседание нового Секретного комитета по крестьянскому делу, на котором было постановлено «безотлагательно» приступить к разработке плана «постепенного, без крутых и резких поворотов освобождения крестьян».

Составленный из старых николаевских сановников, в большинстве своём ярых крепостников, Секретный комитет не торопился. Только 26 июля член Комитета министр внутренних дел С. С. Ланской представил записку с изложением основных начал предполагаемой реформы. Он предлагал дать крестьянам личную свободу при условии выкупа ими своих усадеб (в рассрочку на 10—15 лет), причём усадьбы должны быть оценены с учётом вознаграждения помещика за утрату власти над личностью крестьян, особенно чувствительную в нечернозёмных губерниях. Полевая земля оставалась собственностью помещика, но крестьяне сохраняли право пользования

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

ею за оброчные или барщинные повинности; таким образом, крестьяне освобождались от личного рабства, но оставались объектами феодальной эксплоатации со стороны помещиков. Для детальной разработки реформы Ланской предлагал создать дворянские губернские комитеты.

Медлительность и нерешительность Комитета объяснялись прежде всего опасением возбудить неудовольствие дворянского сословия. Правительство старалось побудить дворянство проявить в этом деле собственную инициативу. Осенью 1857 г. дворянство литовских губерний в ответ на настояния генерал-губернатора В. И. Назимова (имевшего специальные инструкции из Петербурга) заявило, что оно согласно освободить крестьян от крепостной зависимости при условии сохранения всей земли в руках помещиков. В этом смысле был составлен адрес на имя Александра II, который Назимов привёз в Петербург. 20 ноября 1857 г. Александр II подписал рескрипт Назимову, в котором предписывалось образовать в каждой из трёх литовских губерний губернский комитет из выборных от дворянства. При разработке проектов губернским комитетам надлежало руководствоваться общими началами, которые были сформулированы в соответствии с запиской Ланского; в руках помещиков должна была сохраниться вотчинная полиция. Рескрипт намеренно был разослан «для сведения» губернаторам и опубликован в печати. Аналогичный рескрипт был дан 5 декабря петербургскому генерал-губернатору графу П. Н. Игнатьеву и также опубликован в печати. После этого дворянству других губерний пришлось тоже «проявить инициативу». К концу 1858 г. губернские комитеты были открыты во всех губерниях Европейской России, за исключением Архангельской, в которой не было крепостных крестьян.

Руководство подготовкой реформы было возложено на Главный комитет по крестьянскому делу, преобразованный 16 февраля 1858 г. из Секретного комитета. Составленные губернскими комитетами проекты реформы должны были направляться для предварительного рассмотрения в земский отдел при министерстве внутренних дел, учреждённый 4 марта; руководящая роль в земском отделе принадлежала директору Хозяйственного департамента министерства внутренних дел, весьма энергичному либералу Н. А. Милютину, назначенному в начале 1859 г. «временно исправляющим должность» товарища министра. Либерал Н. А. Милютин был убеждён в необходимости приспособления социально-политического строя России к потребностям буржуазного развития. В крестьянском вопросе он был решительным сторонником освобождения крестьян от власти помещиков и наделения их землёй в собственность за выкуп, но, будучи сторонником «разумного аб-

солютизма» и боясь революции, он считал нужным осуществлять намечаемые реформы бюрократическим путём, решительно высказываясь не только против какой бы то ни было конституции, но даже против местного самоуправления и настаивая на административной опеке над крестьянством. Только таким путём он считал возможным предотвратить «анархию», т. е. революцию, и обеспечить интересы «государства», т. е. самодержавия.

Губернские комитеты. В дворянских губернских комитетах, хотя и состоявших только из представителей местного дворянства, не было полного единодушия. Образовались внутренние группировки, хотя и солидарные в главном — в защите привилегированного положения дворянского класса, — но начавшие бурную грызню между собой за форму и меру уступок в вопросе «крестьянской эмансипации».

На старокрепостнических позициях стояли владельцы оброчных имений, которые не вели собственного хозяйства; к этой группе принадлежала, между прочим, значительная часть крупной земельной знати, занимавшей высшие государственные посты. Эта группа под давлением революционной ситуации вынуждена была признать в целях самосохранения неизбежность некоторых уступок, но стремилась обеспечить себе возможность получения и впредь феодальной ренты. В этом духе был составлен проект Петербургского комитета, руководимого графом П. П. Шуваловым: вся земля оставалась в собственности помещика, крестьянам же предоставлялся надел лишь в бессрочное пользование за повинности; сохранялась и помещичья власть над ними. К петербургскому проекту был близок проект члена Главного комитета князя П. П. Гагарина, который предлагал освободить крестьян без полевого надела, с одной лишь усадьбой, причём в руках помещика сохранялась и полицейская власть над крестьянами. Такого рода «освобождение» привело бы неизбежно к тому, что крестьянин, привязанный усадьбой к месту, но не имевший земли, должен был бы арендовать помещичью землю на кабальных условиях, находясь в полной экономической, а отчасти и юридической зависимости от помещика.

Непримиримыми крепостниками были многочисленные мелкопоместные дворяне типа гоголевской Коробочки, хозяйство которых было очень слабо связано с рынком. Реформа грозила им потерей права распоряжаться личностью крестьянина, а с этим правом были связаны их существенные выгоды.

Интересы тех помещиков, которые вели или рассчитывали после реформы вести производство на рынок, разнились в зависимости от местных условий. Помещики нечернозёмных

промышленных губерний требовали наделения крестьян землёй, так как в этой полосе развитого отхода помещик не имел бы возможности удержать обезземеленных крестьян на месте; для перехода же к капиталистическому хозяйству им важно было получить капитал; поэтому они стояли за выкуп крестьянского надела. Их интересам отвечал проект тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского, принятый большинством Тверского губернского комитета. Унковский предлагал совершенно освободить крестьян от помещичьей власти, с «уничтожением всяких взаимных их обязательных отношений», с наделением крестьян землёй в собственность и с выплатой помещику «капитального выкупа деньгами или облигациями», причём за землю крестьяне, «конечно», должны заплатить сами, за личную же их свободу помещики должны быть вознаграждены государством. Высокий выкуп вознаградил бы помещиков за потерю дорого стоившей в этом районе рабочей силы и дал бы им в руки капитал, который можно было бы вложить в хозяйство на оставшейся земле. В основе проекта Унковского лежали принципы, изложенные К. Д. Кавелиным в обширной записке, написанной ещё в 1855 г. и широко распространявшейся в рукописных списках. Это была наиболее «прогрессивная» помещичья точка зрения.

Помещики чернозёмного центра заинтересованы были в сохранении в своих руках максимального количества драгоценной для них земли, но в то же время не в их интересах было полное обезземеление крестьян: им нужно было сохранить крестьянское хозяйство, чтобы иметь возможность вести хозяйство отработочное или смешанного отработочно-капиталистического типа. Их интересам отвечал проект богатого полтавского помещика М. П. Позена, принятый Полтавским комитетом. Согласно этому проекту по истечении определённого точным сроком переходного периода вся земля должна быть возвращена крестьянами помещику; в случае же добровольного соглашения с крестьянами помещику должно быть предоставлено право прекратить обязательные отношения и до истечения срока; но правительство должно было обеспечить крестьянам возможность покупки земли в собственность у своего ли помещика, или у других землевладельцев, или, наконец, у казны. Таким образом, вся сельскохозяйственная площадь имения сохранялась в руках помещика, а крестьянин, купивший клочок земли, в громадном большинстве случаев недостаточный для его прокормления, оказывался вынужденным работать на помещика. Другие комитеты чернозёмных губерний рассчитывали достигнуть того же результата путём предоставления крестьянам за выкуп наделов, незначительных по размерам.

В слабо населённых степных губерниях помещики мечтали о полном переходе от барщины к наёмному труду, но не считали возможным совершить этот переход сразу, боясь остаться без рабочих рук. Интересы степных помещиков выражал самарский помещик славянофил Ю. Ф. Самарин; возражая против осуществления выкупа «немедленно и повсеместно», он настаивал на сохранении барщины в продолжение 10—12 лет, «пока установится само собой равновесие между предложением и запросом на вольный труд». В течение переходного периода помещик должен был сохранить и вотчинную власть по отношению к крестьянам.

Таковы были преобладающие тенденции в отношении к реформе среди помещиков разных типов и разных районов. Но помещичьи интересы не вполне совпадали не только в пределах крупных районов, но и в пределах отдельных губерний и даже уездов. Поэтому в действительности картина была ещё более пёстрой. Внутри каждого губернского комитета боролись в свою очередь 2—3 группы, а иногда и более.

Но как бы ни были в деталях различны интересы помещичьих групп, все они были весьма крепко спаяны классовой связью: это была борьба внутри господствующего класса, стремившегося сохранить своё экономическое и политическое влияние ценой уступок назревшим потребностям капиталистического развития, желавшего повернуть развитие капитализма на реформистский, «прусский» путь, сохранявший множество крепостнических пережитков, мучительных для крестьян и выгодных для помещиков. Сохранение земли и власти в руках помещичьего класса было важнейшим требованием. «Пресловутая борьба крепостников и либералов... — писал Ленин, — была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков,* борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти» [1].

Классовая борьба вокруг реформы. Основная линия борьбы вокруг крестьянской реформы проходила не между крепостниками и либералами, а между помещиками и крестьянами. Крестьянское движение перед реформой достигло значительных размеров.

Крестьяне стремились получить «всю землю» и «всю волю», т. е. освободиться окончательно от эксплоатации помещиков и от их власти. Этого было возможно достигнуть лишь путём революции, путём свержения самодержавия и экспроприации

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

помещичьих земель; помещики же (и «крепостники» и «либералы») были одинаково заинтересованы в том, чтобы предотвратить крестьянскую революцию, уладить дело мирным путём, уступками и соглашениями. Объективно борьба между крепостниками и либералами шла лишь из-за степени решительности поворота русской деревни на «прусский» путь капиталистического развития (по терминологии Ленина), тогда как крестьяне боролись за «американский» путь этого развития. «И те и другие (т. е. помещики и крестьяне. — *Ред.*), — писал Ленин, — отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения» [1].

Таким образом, в годы революционной ситуации, во время подготовки и проведения крестьянской реформы два лагеря стояли друг против друга — крепостнический помещичий лагерь с одной стороны баррикады и крестьянский лагерь, возглавленный великими русскими революционерами-демократами Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым и их соратниками, — с другой. Подпевавшие правительству и крепостникам либералы, торгуясь с властью лишь за форму и меру уступок, тормозили дело великой революционной борьбы и фактически находились в лагере, противоположном революции, хотя на словах всячески распинались в своей преданности «эмансипации», «народу» и «свободе». Чернышевский и его соратники резко проводили линию разоблачений измен либерализма. «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков» [2]. Та реформа, за которую «боролись» либералы, «была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники» [3].

Великий революционер-демократ Чернышевский решительно отстаивал интересы крестьянства. В своих статьях конца

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 216.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.
[3] Там же, стр. 95.

50-х годов по крестьянскому вопросу («Труден ли выкуп земли?», «Материалы для решения крестьянского вопроса» и др.) Чернышевский подробно развивал свою программу. Он стоял за передачу земли народу и был решительным противником выкупа крестьянами земли при проведении реформы. В своих подцензурных статьях, в которых он был вынужден говорить намёками, Чернышевский давал понять читателю, что помещики не имеют права на выкуп. Под видом обсуждения разнообразных «проектов» крестьянского выкупа и полемики о разных размерах выкупной суммы Чернышевский, то выступая от себя, то прикрываясь вымышленными именами «бухгалтера Зайчикова» и др., даже вступая для отвода глаз цензора в спор с самим собою, разобрал в труднейших цензурных условиях 25 цифровых решений выкупного вопроса с целью защитить единственно правильное решение: выкуп за землю должен быть «равен нулю», земля должна перейти безвозмездно в руки народа. План освобождения крестьян с землёй за выкуп ничем не отличался, по мнению Чернышевского, от открытого плана крепостников-помещиков освободить крестьян без земли. Последний был даже «лучше», так как откровеннее, — он скорее привёл бы к открытому революционному взрыву. «Чернышевский понимал, — писал Ленин, — что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» [1]. «Вся земля — мужицкая и выкупа никакого. Убирайся помещики, пока живы», — говорил Чернышевский в романе «Пролог» устами своего героя Волгина.

Чернышевский выступал, таким образом, в качестве идеолога крестьянской революции.

Герцен в «Колоколе» настаивал на освобождении крестьян с землёй, требуя предоставления им того надела, который фактически находился в пользовании крестьян, и полного освобождения их от повинностей в пользу помещика и от помещичьей власти. При всех своих колебаниях Герцен, как уже указывалось, стоял в этом вопросе в основном на демократических позициях. Он исходил не из интересов развития помещичьего

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 264.

хозяйства, а из интересов крестьянских масс, стремившихся к полному освобождению от феодальной эксплоатации. В конце концов он решительно порвал с либералами и выступил сторонником крестьянской революции. ««Колокол»... встал горой за освобождение крестьян» [1]. — писал Ленин.

Но Герцен ошибался, считая свою программу социалистической. «Герцен видел «социализм», — писал Ленин, — в освобождении крестьян *с землей,* в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»...

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве... нет *ни грана* социализма... Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьегс землевладения» [2].

Редакционные комиссии. Классовая борьба, разгоревшаяся вокруг реформы, заставила правительство изменить свою первоначальную программу. Под влиянием нарастающего крестьянского движения значительные слои помещиков стали думать о необходимости «развязаться с крестьянами» посредством выкупной операции. Среди членов Главного комитета эту мысль усвоил себе прежде всего Я. И. Ростовцев, старый николаевский генерал, в молодости донёсший Николаю о заговоре декабристов; он ясно сознавал опасность назревавшей революционной ситуации. Пользуясь близостью к Александру II, Ростовцев постарался воздействовать на царя в пользу постепенной ликвидации обязательных отношений. Однако, находясь под влиянием крепостнической знати, Ростовцев был неспособен перейти даже на позицию Кавелина и Унковского: он предлагал установить не обязательный и единовременный выкуп полевого надела, а выкуп добровольный и не ограниченный определённым сроком; правительство, по его мысли, должно было «подтолкнуть» помещиков на такое добровольное соглашение с крестьянами, оказав финансовое содействие выкупной операции и сделав сохранение обязательных отношений менее выгодным для землевладельцев, чем выкуп. Крестьяне должны были немедленно получить личные права, а вотчинная власть ограничивалась на всё время пользования землёю за отбываемые повинности и окончательно ликвидировалась с момента заключения выкупной сделки. Таким образом, в отличие от программы 1857 г. реформа получала несколько иное направление: теперь речь шла не только об уничтожении личного

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.
[2] Там же, стр. 11—12.

рабства, но и о постепенной ликвидации института феодальной зависимости.

Александр II согласился с предложениями Ростовцева и поручил ему дальнейшее руководство подготовкой реформы. С точки зрения нового плана многие проекты губернских комитетов, составленные ещё по старой программе, оказывались устаревшими и требовали значительной переработки. Правительство решило взять инициативу в собственные руки и образовало особое вспомогательное учреждение при Главном комитете — редакционные комиссии, создаваемые с целью свести воедино и отредактировать заново материалы губернских комитетов. В марте 1859 г. эти редакционные комиссии, составленные из представителей разных ведомств и приглашённых экспертов из среды помещиков, приступили к работе под фактическим руководством Н. А. Милютина.

Как учреждение государственное, комиссии старались руководствоваться в своей работе преимущественно мотивами установленного «государственного» порядка, т. е. интересами помещичьего класса и самодержавной власти в целом. Но члены редакционных комиссий — как чиновники, так и приглашённые правительством «члены-эксперты» — были всё же помещиками, представлявшими интересы различных помещичьих групп; поэтому внутри редакционных комиссий продолжалась та же борьба, которая шла раньше в губернских комитетах.

В результате продолжительных прений были решительно отвергнуты проекты безземельного освобождения крестьян, хотя сторонники освобождения без земли были и среди членов комиссий. Земельный надел должен был служить обеспечением не только «быта» крестьян, но и исправного отбывания ими государственных повинностей. Кроме того, наделение крестьян землёй должно было предотвратить образование «класса свободных, но бездомных и безземельных работников», т. е. пролетариата, наличие которого могло бы грозить опасностью для «государственного спокойствия». Сочувственно отнеслись комиссии и к вопросу о выкупе крестьянского надела в собственность, правда, при непременном условии согласия помещиков.

«Государственными» соображениями самодержавия редакционные комиссии руководствовались и при решении вопроса о размерах наделов и крестьянских повинностей. Редакционные комиссии приняли значительно более высокие нормы наделов, чем это предполагалось многими губернскими комитетами. Размеры повинностей были установлены, наоборот, меньшие, чем предполагали губернские комитеты. Помимо мотивов «общественного спокойствия» редакционные комиссии

в этом вопросе исходили из того соображения, что крестьяне, чрезмерно обделённые землёю и непосильно обложенные повинностями в пользу помещиков, будут плохими плательщиками государственных налогов.

Те же соображения руководили редакционными комиссиями и в вопросе об административном устройстве крестьян. Было решено не сохранять вотчинной власти, а создать особое крестьянское управление, подчинённое общим административно-полицейским органам. Комиссии мотивировали своё решение тем, что уничтожение вотчинной власти, «кроме непосредственного влияния на будущее благосостояние освобождаемых крестьян», «имеет первостепенную важность и в видах сохранения общего порядка и спокойствия».

В августе 1859 г. первоначальный проект «Положений о крестьянах» был закончен, но затем он подвергся изменению в связи с замечаниями депутатов от губернских комитетов, вызванных в Петербург для ознакомления с трудами редакционных комиссий.

Вызов депутатов от губернских комитетов. Первоначально предполагалось участие депутатов в заседаниях Главного комитета при окончательном рассмотрении проекта «Положений». Но сторонники «государственной» точки зрения не без основания опасались, что при таких условиях могут взять верх узко своекорыстные интересы самых реакционных помещичьих групп. К тому же правительство было обеспокоено проявившимися в это время в дворянской среде конституционными тенденциями и не хотело создавать прецедента, допуская дворянских депутатов к решению крестьянского вопроса в Главном комитете. По инициативе Н. А. Милютина депутатам было предложено лишь представить письменные отзывы на проект редакционных комиссий, притом по каждой губернии отдельно; кроме того, Ростовцеву было предоставлено право приглашать их «по своему усмотрению и по мере надобности» на заседания комиссий «для словесных объяснений». Такая постановка дела породила острое недовольство среди вызванных депутатов.

Первая группа депутатов от 21 губернии, уже закончивших составление проектов, не ограничилась резкими нападками на редакционные комиссии, а обратилась к Александру II с адресами, в которых выражала свои пожелания относительно дальнейшего хода крестьянского дела. 18 депутатов заявили, что предложения редакционных комиссий «не соответствуют общим потребностям», и просили разрешить им представить свои соображения относительно окончательных трудов комиссий до поступления их в Главный комитет. Член Симбирского комитета Д. Н. Шидловский ходатайствовал о созыве под председательством царя «нарочито избранных уполномоченных от

дворянства» для окончательного решения крестьянского вопроса. Пять либеральных депутатов во главе с А. М. Унковским указывали, что для окончательного завершения крестьянского дела необходимо провести ряд реформ в области печати, суда и администрации. Адреса депутатов очень раздражили Александра II: «адрес пяти» Александр признал «ни с чем не сообразным и дерзким до крайности», авторы его получили «замечание» за «неправильные и неуместные свои домогательства»; депутатам, подписавшим «адрес восемнадцати», было «разъяснено», «что, имея в виду высочайшею властью одобренный порядок своих действий, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайством, к изменению сего порядка клонящимся, и что члены не имели права подавать подобную просьбу за общим всех подписом». На адресе же Шидловского Александр II написал: «Вот какие мысли бродят в головах этих господ».

В феврале 1860 г. в Петербург были вызваны депутаты от остальных 24 губернских комитетов, которые также представили свои отзывы на проект редакционных комиссий. Тем временем Ростовцев умер (6 февраля), и 11 февраля председателем редакционных комиссий был назначен известный своим реакционным направлением крепостник министр юстиции граф В. Н. Панин. Домогательства крайних реакционеров-крепостников нашли поддержку со стороны нового председателя комиссий. При окончательном пересмотре проекта нормы земельных наделов для многих уездов были понижены, во многих губерниях повышены нормы крестьянских повинностей, причём было установлено, что размер оброка может быть пересмотрен через 20 лет (разумеется, в сторону повышения).

Реформа в Главном комитете и Государственном совете. 10 октября 1860 г. редакционные комиссии закончили свою работу, и проект поступил в Главный комитет по крестьянскому делу, где в него были внесены ещё некоторые изменения в интересах крепостников; нормы крестьянских наделов для многих местностей были ещё более понижены.

28 января 1861 г. началось рассмотрение проекта в Государственном совете, куда он поступил из Главного комитета для окончательного обсуждения. «Я надеюсь, господа, — сказал на этом заседании Александр II, — что при рассмотрении проектов, представленных в Государственный совет, вы убедитесь, что всё, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, сделано». Государственный совет, однако, нашёл, что можно ещё кое-что сделать в этом направлении. По предложению князя П. П. Гагарина в проект было внесено ещё одно дополнение в интересах крепостников: в тех случаях,

когда крестьяне соглашались получить одну четверть нормального надела, он предоставлялся им в собственность немедленно и бесплатно; приманкой «даровщины» крестьяне побуждались брать ничтожные наделы, заслужившие впоследствии название «нищенских», «сиротских» или «кошачьих».

«Положения 19 февраля». 19 февраля 1861 г. одобренный Государственным советом проект «Положений о крестьянах» был подписан Александром II. В тот же день был подписан и манифест, возвещавший о реформе. Опубликован он был, однако, лишь 5 марта; правительство не сразу решилось это сделать, опасаясь крестьянских волнений (19 февраля приходилось на масленицу, когда народ «гулял», и правительство предпочло выбрать более «тихий» день — начало поста).

«Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», касались двух важнейших сторон крестьянского быта: личной зависимости крестьян от помещиков и поземельных отношений.

Наделы. При личном освобождении крестьяне обязательно наделялись землёй. Обязательность эта была взаимной: помещик был обязан предоставить крестьянам надел, но и крестьяне были обязаны этот надел получить: в законе прямо говорилось, что надел предоставляется крестьянам не только «для обеспечения их быта», но и «для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком».

Лишь по истечении девяти лет крестьяне имели право отказаться от надела, а следовательно, и освободиться от связанных с ним повинностей. Но осуществление этого права было обставлено такими условиями, что воспользоваться им крестьяне могли лишь в редких случаях.

Размер надела определялся добровольным соглашением между помещиком и крестьянами, но «добровольность» эта была условной: крестьяне не могли требовать надела выше определённой нормы, помещик не имел права урезывать надел ниже установленного законом предела. Меньше минимального надела крестьяне могли получить только в том случае, если до реформы фактический надел был ниже этой нормы.

Поземельное устройство крестьян определялось местными «Положениями», построенными на одинаковых принципах, но отличавшимися друг от друга в зависимости от местных условий. Например, местное «Положение», относящееся к губерниям «великороссийским», «новороссийским» и белорусским (охватывавшее наибольшую часть Европейской России), делило всю территорию на три полосы — нечернозёмную, чернозёмную и степную. Для чернозёмной и нечернозёмной полос были установлены две нормы — высшая и низшая (последняя в три

раза ниже высшей). Для степной полосы устанавливалась только одна «указная» норма. Размеры высшего и указного надела колебались от $2^3/_4$ до 12 десятин по разным губерниям и уездам.

Если существующий надел превышал высшую или указную норму, то помещик мог отрезать излишек; надел мог быть ещё уменьшен, если бы оказалось, что после наделения крестьян в распоряжении помещика остаётся меньше одной трети всех удобных земель его имения. В степной же полосе помещик мог произвести отрезки от крестьянского надела и в том случае, если на его долю оставалось меньше половины всей удобной площади. Кроме того, по «добровольному» соглашению с крестьянами, при условии уменьшения повинностей, крестьянские наделы могли быть урезаны ещё больше — до половины высшего или указного надела, а если земля выкупалась крестьянами в собственность, то даже до одной трети этой нормы. Мало того, если между помещиками и крестьянами достигалось соглашение о бесплатном отводе надела в собственность, то надел мог быть уменьшен до одной четверти высшей или указной нормы (указанный выше так называемый «дарственный» или «четвертной» надел).

Лес, как общее правило, в крестьянский надел не включался. Помещик обязан был предоставить крестьянам лесную площадь лишь в обильных лесом северных, северо-западных и северо-восточных губерниях, да и то в тех случаях, когда лесные участки находились в пользовании крестьян до реформы и были расположены далеко от значительных городов, сплавных рек и железных дорог, т. е. когда лес не представлял особой рыночной ценности. Помещик обязан был предоставить крестьянам прогон для скота к водопою, но выбор места для прогона зависел от усмотрения помещика.

Закон не обязывал также помещика урегулировать чересполосицу крестьянских и помещичьих земель, обычно существовавшую в крепостное время. Разверстание крестьянских и помещичьих земель предоставлялось всецело на усмотрение помещика. Помещик имел право переносить крестьянские усадьбы на другое место, если это вызывалось его хозяйственными соображениями. Наконец, до тех пор, пока крестьяне не перешли на выкуп, помещик имел право в любой момент требовать обмена крестьянского надела на ту землю, которую он оставил за собой, если на отданной крестьянам земле оказывались какие-нибудь полезные ископаемые или если она оказывалась нужной помещику для устройства дренажа, проведения дороги или прогона, устройства пристани или перевоза на реке и т. п.

Повинности. Помещик обязан был предоставить крестьянам земельный надел не в собственность, а лишь в «постоянное

пользование». Отходящая к крестьянам земля юридически продолжала оставаться помещичьей собственностью, за пользование которой крестьяне должны были нести повинности до тех пор, пока между ними и помещиком не будет заключена выкупная сделка. До этого времени крестьяне считались «временно-обязанными», т. е. оставались в прежней феодальной зависимости. Но так как для перехода на выкуп не было установлено никакого срока, эта «временность» из срочной, как предполагалось ранее, превращалась в бессрочную. Размеры и формы повинностей, если не состоится добровольное соглашение между помещиком и крестьянами, определялись также местными «Положениями».

«Положения» устанавливали два вида повинностей — оброк и барщину. Размеры оброка по «великороссийскому» «Положению» колебались от 8 до 12 руб. за душевой надел, в зависимости от местности. В основу исчисления оброка были положены размеры оброка, существовавшие накануне реформы; если припомнить, что крестьянский оброк платился не только из доходов от земледельческого хозяйства крестьян, но и из разных неземледельческих доходов, то станет ясно, что, уплачивая оброк, крестьянин платил не только за пользование помещичьей землёй, но и за право распоряжения своей рабочей силой; оброк, таким образом, носил попрежнему характер феодальной повинности. Естественно, что никакого соответствия между оброком и доходностью крестьянского надела не было; самый высокий оброк (12 руб.) платили крестьяне имений, расположенных под Петербургом, где, как известно, земля весьма невысокого качества, затем шли Петербургская, Московская и Ярославская губернии и промышленные уезды Владимирской (10 руб.), тогда как крестьяне чернозёмных, Курской и Воронежской, губерний платили 9 руб.

При исчислении оброка введена была так называемая «градация», состоявшая в том, что первая десятина полученного крестьянами надела ценилась дороже следующих десятин; поэтому, если крестьяне получали неполный надел, каждая десятина обходилась им дороже, чем при получении полного надела, т. е. чем меньше земли получал крестьянин, тем дороже она ему стоила. Особенно резкая градация устанавливалась для нечернозёмной полосы; в полосах чернозёмной и степной она была несколько меньше. Градация давала помещикам возможность ещё более увеличивать несоответствие между размером оброка и доходностью земли, т. е. ещё больше повышать плату за утрату власти над личностью крестьянина. А так как рабочая сила особенно дорого ценилась в нечернозёмной полосе, то в градации были заинтересованы главным образом помещики нечернозёмной полосы. Недаром «изобретение»

градации принадлежит дворянам нечернозёмной полосы — Тверскому губернскому комитету.

В барщинных имениях барщина сохранялась и после реформы. Размер и порядок отбывания барщины определялись добровольным соглашением; если соглашения не удавалось достигнуть, то барщина отбывалась на основании «Положений». Согласно «Положению о великороссийских, новороссийских и белорусских губерниях» за каждый душевой надел крестьяне должны были отрабатывать в год 40 дней мужских и 30 женских, причём и мужчины и женщины должны были являться на работу со своим инвентарём — так же, как и до реформы. Барщинной повинности подлежали мужчины с 18 до 55 лет, а женщины — с 17 до 50, т. е. приблизительно так же, как это практиковалось в помещичьих имениях и до 19 февраля. Отбывание барщины также регулировалось путём градации.

Бóльшую часть барщинных дней (три пятых) крестьяне должны были отрабатывать в период от весны до сбора урожая осенью, который крестьянину был особенно дорог для работы на себя. Помещик мог потребовать крестьян на работу в любой день, за исключением праздников, с тем лишь, чтобы общее число дней в неделю не превышало определённой нормы. Если крестьянин не мог работать по болезни, то за него должны были отработать другие крестьяне или он сам по выздоровлении; если он болел более шести месяцев, то мог быть лишён земельного надела.

Особые учреждения — губернские присутствия по крестьянским делам — должны были выработать урочные положения, в которых точно указывалось бы, какие работы должны выполняться барщинным крестьянином в течение дня. Для тех работ, которые нельзя было перенести на урочное положение, продолжительность рабочего дня была установлена 12 часов летом и 9 часов зимой.

Крестьянам-барщинникам разрешалось переходить на оброк даже без согласия помещика, но не ранее как через два года после издания «Положений» и при условии отсутствия казённой и помещичьей недоимки. Кроме того, о желании перейти на оброк крестьяне должны были заявить за год вперёд.

Взыскание оброка и барщинных повинностей с крестьян-недоимщиков приравнивалось к взысканию казённых оброков и производилось преимущественно перед всеми другими обязательствами, лежавшими на крестьянах. Для погашения недоимки могло быть продано имущество крестьянина, сам он и члены его семьи могли быть принудительно посланы на заработки, а в крайнем случае у него мог быть отобран полевой надел и даже усадьба.

Таким образом, повинности временно-обязанных крестьян ничем по существу не отличались от повинностей крепостных; это та же денежная или отработочная рента, только более или менее регулируемая законом. Отменена была только подводная повинность и мелкие поборы — птицей, маслом, яйцами, ягодами, грибами, холстом, шерстью и пр.

Рассмотренное местное «Положение» распространялось на центральные и северные губернии, на губернии Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья, на три «новороссийские» губернии (Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую), часть Харьковской губернии и губернии Могилёвскую и Витебскую, за исключением четырёх, так называемых «инфлянтских», уездов последней, примыкавших к Прибалтийскому краю. В этих губерниях господствовало, за немногими исключениями, общинное землепользование; в связи с этим надел отводился целому обществу, которое и отвечало круговой порукой в случае неисправности отбывания повинностей. В тех обществах, где было подворное землепользование, надел отводился отдельным домохозяевам, и последние несли личную ответственность за повинности.

Для остальных районов Белоруссии и Украины и для губерний литовских были изданы особые местные «Положения»: одно для так называемых «малороссийских» губерний — Полтавской, Черниговской и части Харьковской, другое — для Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская губернии), третье — для Литвы и части Белоруссии (Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская губернии и «инфлянтские» уезды Витебской).

Выкуп. Специальное «Положение о выкупе» различало право выкупа усадьбы от права выкупа полевого надела. Усадьбу крестьянин мог выкупить в любое время при условии, однако, отсутствия недоимки на его наделе. При этом он должен был сговориться с помещиком о размерах выкупной суммы (или определить эту сумму на основании «Положения») и внести её целиком вперёд. Полевой надел крестьянин мог выкупить только с согласия помещика, но помещик мог принудить крестьянина заключить выкупную сделку и без его согласия. Вопрос о выкупе полевого надела предоставлялся, таким образом, всецело на усмотрение помещика.

Размеры выкупной суммы определялись опять-таки либо добровольным соглашением, либо на основании «Положения» путём капитализации оброка из 6%; иначе говоря, сумма годового оброка, который помещик получал со своих крестьян, принималась за постоянный доход, составлявший 6% с капитала; вычисленный на этом основании капитал и определял собой размеры выкупной суммы. Но крестьяне, за редкими

исключениями, не могли, конечно, уплатить помещику сразу всю сумму капитализированного оброка.

Чтобы удовлетворить в данном случае интересы помещиков, правительство организовало так называемую «выкупную операцию», которая состояла в том, что помещику выплачивалась из казны (частью деньгами, большей частью процентными бумагами) ссуда в размере 80% выкупной суммы, если крестьяне получали полный надел, или 75%, если крестьяне получали надел неполный. Расплачиваться за эту ссуду должны были сами крестьяне, внося ежегодно в течение 49 лет так называемые «выкупные платежи» в размере 6% выкупной ссуды. В эти 6% входили 0,5% на погашение ссуды, 0,5% на организационные расходы по выкупной операции и 5% роста. Разницу между выкупной суммой и выкупной ссудой (остальные 20 или 25%) крестьяне должны были уплатить помещику наличными деньгами вперёд, при заключении сделки. В тех случаях, когда выкуп производился по требованию помещика, без согласия крестьян, последние от доплаты освобождались. Так как в основу исчисления выкупной суммы была положена сумма оброка, то выкуп нужно рассматривать не как выкуп земли, а как выкуп феодальных повинностей.

С момента заключения выкупной сделки прекращалось отбывание крестьянами повинностей помещику, и они превращались из временно-обязанных в «крестьян-собственников».

Дворовые не получали ни усадьбы, ни земельного надела и освобождались без выкупа, но не сразу; в течение двух лет после издания закона дворовые должны были выполнять все лежавшие на них работы и нести ту службу, которую они несли до реформы, либо, если они отпускались ранее на оброк, продолжали уплачивать его в прежнем размере. До срока дворовый мог быть освобождён только с согласия господина.

Правовое положение крестьян. На основании «Общего положения» крестьяне немедленно получали ряд гражданских прав: могли заключать всякого рода сделки, предъявлять иски, заниматься торговлей и промыслами, владеть движимым и недвижимым имуществом, вступать в брак без согласия помещика и пр. Из бесправного раба, представлявшего собственность своего господина, крестьянин превращался в личность, обладавшую по закону известными правами; крестьяне перестали быть на положении рабочего скота, который можно было продавать, обменивать, закладывать, дарить; помещик потерял право вмешиваться в семейную жизнь крестьянина; с помещика была снята ответственность за уплату крестьянами податей и за отбывание ими рекрутской повинности.

Всё это являлось шагом вперёд по пути от феодального права к буржуазному; но и в этом отношении реформа

остановилась на полдороге: по отношению к временно-обязанным крестьянам помещики сохранили целый ряд прав, принадлежавших им до реформы. Помещик сохранил право опеки над крестьянами и «представительства» их интересов на суде, хотя бы они этого и не желали; сохранил он и право вотчинной полиции — ему были подчинены в полицейском отношении сельские власти. Помещик имел право приостановить выполнение любого постановления сельского схода, мог требовать смены выборных должностных лиц сельского управления и исключения из сельского общества неугодного ему крестьянина.

Крестьянские учреждения. Для управления крестьянами были созданы новые органы крестьянского общественного управления, сохранившие, однако, целый ряд черт феодально-крепостного режима. Все домохозяева сельского общества, состоявшего обычно из крестьян, принадлежавших одному помещику, составляли сельский сход, избиравший сельского старосту, сборщика податей и других должностных лиц. В волости же, включавшей в себя ряд смежных сельских обществ, собирался волостной сход, состоявший из представителей сельских обществ и избиравший волостное правление с волостным старшиной во главе, и волостной суд, которому были подсудны по мелким гражданским и уголовным делам крестьяне данной волости (лица других сословий судились волостным судом лишь в случае их на то согласия).

Крестьянское управление было чрезвычайно ограничено в своей компетенции: подлежавшие ведению сходов вопросы касались преимущественно раскладки и сбора податей и порядка отбывания всякого рода повинностей; в тех обществах, где существовало общинное землевладение, к этому присоединялись вопросы, касавшиеся земельных распорядков.

Должностные лица сельского и волостного управления несли целый ряд полицейских обязанностей: сельский староста должен был следить за исправным отбыванием крестьянами податей и повинностей — казённых, земских, мирских и помещичьих, должен был наблюдать за составлением «ревизских сказок», т. е. за представлением сведений, собиравшихся с целью определения податей, должен был наблюдать за содержанием в исправности дорог и мостов, распоряжаться подачей помощи в чрезвычайных случаях, например, при пожарах, наводнениях и пр.; волостной старшина, кроме того, должен был объявлять законы и распоряжения различных властей, охранять «благочиние» в общественных местах и безопасность лиц и имуществ, предупреждать и пресекать преступления, задерживать бродяг, беглых, дезертиров и преступников, не допускать распространения среди крестьян «вредных слухов» и пр.

Крестьянское управление было поставлено в непосредственную зависимость от администрации. Все должностные лица сельского и волостного управления должны были беспрекословно исполнять распоряжения и требования судебных следователей, земской полиции и всех вообще установленных властей. Кроме того, над крестьянским управлением было поставлено и специальное должностное лицо — мировой посредник, все распоряжения которого должны были беспрекословно исполняться должностными лицами крестьянского управления.

Основной функцией мировых посредников было содействие соглашению крестьян с помещиками и составлению так называемых «уставных грамот», в которых точно определялись размеры получаемого крестьянами надела, его местоположение и крестьянские повинности. Уставные грамоты требовалось ввести в действие не позднее чем через два года после издания «Положений»; до этого крестьяне должны были выполнять повинности в прежнем размере, за исключением мелких сборов. Кроме того, в функции мировых посредников входило утверждение выборных должностных лиц крестьянского управления; они могли отменять постановления крестьянских сходов, рассматривали жалобы на органы крестьянского управления, могли налагать взыскания на крестьянских выборных должностных лиц: подвергать их аресту или штрафу.

Мировые посредники назначались губернатором, по рекомендации предводителей дворянства, из местных дворян, обладавших определённым земельным цензом, и утверждались министром внутренних дел. Таким образом, мировой посредник, с одной стороны, был органом центральной власти, а с другой — был тесно связан с местным дворянством. Над мировым посредником стоял уездный съезд мировых посредников под председательством уездного предводителя дворянства, а над съездом — Губернское по крестьянским делам присутствие под председательством губернатора, состоявшее отчасти из чиновников, отчасти из местных дворян-помещиков.

Таким образом, власть отдельного дворянина-помещика над крестьянами заменялась в значительной мере властью представителей местного дворянского общества.

Сельское общество было связано круговой порукой; всё общество отвечало за исправность отбывания казённых, земских и мирских повинностей каждым его членом, независимо от того, было ли в данном обществе общинное или подворное землепользование. В тех местностях, где существовало общинное пользование землёй, круговая порука распространялась и на повинности в пользу помещика. Община имела при этом принудительный характер, т. е. крестьяне не имели права выйти из неё, пока не выкупят окончательно свой надел.

Общинное пользование землёй было соединено с периодическими земельными переделами.

Крестьянское управление сохранило на себе печать старинного тягла: его задачей было по преимуществу обеспечение поступления государственных податей и отбывания помещичьих повинностей. Подчинённое органам правительственной власти, крестьянское управление входило в систему правительственного аппарата, являясь низшей его ячейкой, всецело зависевшей от вышестоящих его звеньев. И само правительство рассматривало крестьянское «самоуправление» не как право, а как обязанность крестьян; например, крестьяне, избираемые на какую-нибудь должность, не имели права отказаться от неё без уважительных причин, точно оговорённых в «Общем положении 19 февраля».

Правила о крепостных и посессионных рабочих. Особые правила касались крепостных и посессионных рабочих. На крепостных крестьян, отбывавших барщину в качестве рабочих на промышленных предприятиях своих владельцев, распространено было с некоторыми изъятиями действие «Общего положения» и соответствующих местных, а также «Положения о выкупе». Земельный надел крепостные рабочие получали лишь в том случае, если они пользовались землёй до реформы. В противном случае за ними сохранялась только усадьба. Рабочие, не имевшие усадьбы, а жившие в хозяйских помещениях, приравнивались при освобождении к дворовым. Барщинная повинность заменялась денежным оброком, но закон допускал, что рабочие, которые будут не в состоянии выплачивать денежный оброк, могут по соглашению с владельцами «отрабатывать оный в заводских работах сполна или частью».

Что касается посессионных рабочих, то «мастеровые», т. е. люди, работавшие непосредственно на заводах и в рудниках (а также разного рода служащие), пользовавшиеся ранее покосами или пахотной землёй, также получали земельный надел в постоянное пользование за повинности, но этот надел (за исключением усадьбы) не подлежал выкупу; зато мастеровые могли от него отказаться, освободившись, таким образом, и от связанных с ним повинностей. Мастеровые, не пользовавшиеся ранее землёй, надела не получали, сохраняя лишь усадьбу, за пользование которой платили определённый оброк, причём имели право выкупать её в собственность. Мастеровые, не имевшие отдельной усадьбы и жившие в заводских помещениях, при освобождении приравнивались к дворовым. На «сельских работников», исполнявших на заводе вспомогательные работы и совмещавших с ними своё земледельческое хозяйство, распространялось «Общее и местное великороссийское положение» (с некоторыми изъятиями), а также «Положе-

ние о выкупе». Обязательные работы заменялись оброком с той же оговоркой о возможности отрабатывать оброк на заводах, если он будет для них непосилен.

Реформа в отношении государственных и удельных крестьян. Основные начала «Положений 19 февраля» были распространены также на крестьян государственных и удельных.

По отношению к удельным крестьянам в 1863 г. было издано особое «Положение», в силу которого крестьяне сохраняли почти полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании до реформы; в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела, установленного «Положениями 19 февраля» для помещичьих крестьян, удельные крестьяне получили даже соответствующую прирезку. В результате землевладение удельных крестьян после реформы несколько увеличилось: до реформы средний надел составлял 4,2 десятины на душу, после реформы — 4,8 десятины. Наделы удельных крестьян также подлежали выкупу в рассрочку, причём они сразу переходили в состояние крестьян-собственников. В связи с этим оброчные платежи, уплачиваемые крестьянами удельному ведомству, были превращены в выкупные без увеличения их размеров.

На государственных крестьян основания «Положения 19 февраля» были распространены указами 18 января и 24 ноября 1866 г. Государственные крестьяне, как и удельные, сохранили полностью свои прежние наделы, значительно превышавшие по размерам наделы помещичьих крестьян. Но выкуп для них не был обязателен, а предоставлялся на усмотрение сельских обществ и отдельных домохозяев; до выкупа они продолжали платить попрежнему оброчную подать. Особым указом 16 мая 1867 г. было определено поземельное устройство государственных крестьян в девяти «западных» губерниях (т. е в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине); в этих губерниях оброчная подать была заменена выкупными платежами, и крестьяне сразу перешли в разряд собственников.

Оценка реформы 19 февраля 1861 г. По «Положениям 19 февраля» были освобождены 10,25 млн. ревизских душ помещичьих крестьян. Из них свыше 0,25 млн. (преимущественно дворовых) не получили земли; остальные 10 млн. получили около 34 млн. десятин, в среднем около 3,4 десятины на ревизскую душу. Отрезки крестьянской земли в пользу помещиков. по самому скромному подсчёту, составляли в среднем для 27 «великороссийских» и «малороссийских» губерний 16% земельной площади, находившейся в пользовании крестьян до реформы. В чернозёмной полосе они были особенно велики (23,25% для 18 губерний); в отдельных губерниях они превышали две пятых крепостного крестьянского надела (в Саратов-

ской, Самарской), а в некоторых имениях достигали даже трёх четвертей.

Цена крестьянского надела, уплаченная крестьянами, значительно превышала его рыночную стоимость, как видно из следующей таблицы, составленной А. Е. Лосицким:

Губернии	Площадь надела (в тыс. десятин)	Стоимость надела (в млн. руб.)		
		рыночная		по выкупу
		1854—1858 гг.	1863—1872 гг.	
Нечернозёмные	12 286	155	180	342
Чернозёмные	9 841	219	284	342
Западные	10 141	170	184	183
Всего	32 268	544	648	867

Таким образом, земельные наделы обошлись крестьянам в среднем на 38,4% дороже рыночных цен 60-х годов, причём особенно велика была разница в нечернозёмной полосе, составлявшая 90%; в чернозёмной полосе эта разница составляла 20,4%.

Разница в земельном обеспечении различных разрядов крестьян получилась очень значительная: по данным 1877—1878 гг., по 49 губерниям Европейской России помещичьи крестьяне имели в среднем 3,35 десятины удобной земли на душу, удельные — 4,81 десятины, т. е. на 43,6% больше, государственные — 5,93 десятины, т. е. на 77% больше помещичьих. Размеры платежей были также различны, причём находились в обратно пропорциональном отношении к размерам наделов: больше всего платили за свою землю помещичьи крестьяне, меньше всего — государственные. По данным 1885—1886 гг. (по 37 губерниям), несмотря на то, что выкупные платежи помещичьих крестьян были перед этим понижены, а выкупные платежи государственных крестьян повышены, платежи помещичьих крестьян превышали платежи государственных на 57,8%, т. е. больше чем в полтора раза, в отдельных же губерниях — вдвое и даже втрое.

Резкое уменьшение наделов помещичьих крестьян и высокие платежи за эти наделы создавали почву для развития кабальной зависимости крестьян от помещиков, носившей по существу крепостнический характер. ««Великая реформа», — писал Ленин, — была крепостнической реформой и не могла

быть иной, ибо ее проводили крепостники» [1]. «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения», от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^1/_5$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^1/_3$ и даже до $^2/_5$ крестьянской земли. По случаю «освобождения», крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения», крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю» [2].

Но при всём том эта реформа, хотя и проведённая крепостниками, была всё же реформой буржуазной по своему содержанию. Отменив ряд феодальных прав помещика по отношению к крестьянам и предоставив помещикам возможность переводить крестьян на выкуп, т. е. ликвидировать феодальные повинности, реформа представляла значительный сдвиг от феодально-крепостнического общественного строя к буржуазному. «Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [3].

Реформа 1861 г. в либеральной и народнической историографии. Ошибки М. Н. Покровского. Буржуазные историки, писавшие о реформе 19 февраля (И. И. Иванюков, Г. А. Джаншиев, А. А. Корнилов и др.), совершенно игнорировали классовую борьбу, развернувшуюся вокруг реформы, или замазывали её классовое существо. Сосредоточивая всё внимание на борьбе в помещичьем лагере между «крепостниками» и «либералами» и рассматривая последних как защитников крестьянских

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.
[2] Там же, стр. 94—95.
[3] Там же, стр. 95—96.

интересов, они облыжно утверждали, что крестьяне в годы подготовки реформы спокойно ждали решения своей участи сверху. Реформа рисовалась ими как благодеяние свыше, результат мудрости и великодушия правительства и «образованного общества», которые пришли на помощь несчастному народу, покорно переносившему крепостное право. Отрицая принципиальное различие в постановке крестьянского вопроса между либералами, с одной стороны, и подлинными защитниками интересов крестьянства — Чернышевским и Герценом — с другой, они старались затащить и последних в либеральный лагерь. Самые «Положения 19 февраля» они идеализировали и если и критиковали их, то лишь постольку, поскольку эти акты отступали от либеральной программы реформы типа Кавелина—Унковского.

Историки и экономисты, близкие к народническому лагерю, хотя и придавали известное значение борьбе крестьян за своё освобождение и критиковали реформу 19 февраля (В. Анисимов, А. Пешехонов, И. Игнатович), но не понимали буржуазного характера реформы В наделении крестьян землёй при освобождении они видели залог некапиталистического развития России к социализму, скатываясь в конце концов, несмотря на словесное «размежевание», к либеральной трактовке земельного вопроса (В. П. Воронцов, П. Ф. Даниельсон). Эти ошибки вызвали резкую разоблачительную критику со стороны Ленина [1].

Влияние либеральной концепции реформы сказалось и на М. Н. Покровском: учение Ленина о борьбе крестьян и помещиков в годы реформы, как о борьбе за разные пути капиталистического развития деревни, совершенно не отразилось на трактовке Покровским вопроса о классовой борьбе в эти годы. Правильно считая, что крепостники и либералы, одинаково стремившиеся к предотвращению революции, принадлежали в сущности к одному лагерю, и в этом отношении порывая с либеральной традицией, Покровский остался верен этой традиции в оценке крестьянского движения эпохи. Как и либералы, значение крестьянского движения он видел лишь в том, что оно заставило правительство поторопиться с реформой; объективный же смысл крестьянского движения остался им совершенно не понятым. Таким образом, в оценке исторического значения крестьянской реформы М. Н. Покровский решительно расходился с Лениным.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Подготовка крестьянской реформы в России. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 529—531. — *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России Сочинения. Т. XI. Ч 1. С 536—545. — *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. С 159—160. — *Ленин В. И* Рабочая партия и крестьянство. Сочинения. Изд. 4. Т 4. С. 394—395 — *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов Сочинения. Изд 4. Т. 13 С 250. — *Ленин В. И.* Пятидесятилетие падения крепостного права Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С 64—67. — *Ленин В. И.* По поводу юбилея. Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С. 84—92. — *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С. 93—101. — *Ленин В. И.* О государстве. Сочинения. Изд. 3. Т. XXIV. С. 367. —

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 84—92.

Сталин И. В. Государственная дума и тактика социал-демократии. Сочинения. Т. 1. 206. — *Сталин И. В.* Аграрный вопрос. Сочинения. Т. I. С. 215, 225.

II. Документальные материалы. Пособия. Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. I—XVIII. Спб. 1859—1860. — Второе издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Т. I—III. Спб. 1859—1860. — Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Отзывы членов, вызванных из губернских комитетов. Т. I—III. Спб. 1860 — *Семёнов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. I—III. Спб. 1889—1892.—Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I—II. Пгр. 1915. — Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу. Пгр. 1915. VI, 399, XLI с. — Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М. 1916, или: Спб. 1861, или: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. № 36650, 36652, 36657—36675.—*Левшин А. И.* Достопамятные минуты в моей жизни. «Русский архив». 1885. № 8, с. 475—557. — *Соловьёв Я. А.* Записки сенатора Я. А. Соловьёва о крестьянском деле. «Русская старина». 1880. Февраль, с 319—361. 1881. Февраль, с. 213--246; апрель, с. 721—756; май, с. 1—32. 1882. Январь, с. 227—258; март, с. 561—596; апрель, с 105—154; май, с. 389—426; октябрь, с. 131—154; ноябрь, с. 221—252. 1883. Февраль, с. 259—290; март, с. 579—614. 1884. Февраль, с. 241—276; март, с. 575—608. — *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары Т III—IV. Пгр. 1915—1916. — *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. II. Спб. 1898. XXXI с., 1258 стб. — *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Т. II—IV. М. 1878—1911. — *Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). Berlin. 1884. XII. 232, 272, с. — *Позен М. П* Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден. 1864. 331 с. — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. III—IV. Спб. 1906. — Записка А М. Унковского по крестьянскому делу, поданная Александру II в декабре 1857 г. В кн: *Джаншиев Г.* А. М. Унковский и освобождение крестьян. М. 1894. С. 58—71, 102—109. — *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. I—IV. Бонн на Рейне 1862—1868 — *Мороховец Е. А.* Крестьянская реформа 1861 г М. 1937 162, [2] с. — История уделов за столетие их существования. 1797—1897. Т. II. Спб. 1901. — Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837—1887. Ч. II. Спб. 1888 287, XXIII, V с.

Глава XVIII

КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 гг. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1860-х годов

Крестьянское движение в ответ на реформу 1861 г. Реформа 1861 г., проведённая крепостниками, не имела ничего общего с интересами крестьян. Крестьяне были полностью обмануты царизмом. Даже славянофильские круги не могли закрыть глаза на то, что реформа обманула народ: «Крестьяне говорят: тут что-то не так — будет настоящая воля, а то — что это за воля: иди на барщину», — писал Иван Аксаков. «Минута разочарования», которую ещё в начале подготовки реформы предвидел сам Александр II, неизбежно наступила. Недовольство крестьян обнаружилось почти повсеместно.

Крестьяне часто объявляли «Положения 19 февраля» подложными или отвергали то истолкование их, которое давалось начальством. Крестьяне находили своих толкователей, которые «вычитывали» из «Положений» то, что отвечало крестьянским чаяниям. Широкое распространение среди крестьян получило убеждение, что реформа не имеет окончательного характера, что надобно ожидать «второй воли», «настоящей воли» по истечении двухгодичного срока, установленного для введения в действие «Положений 19 февраля». Этим определялась одна из популярных тогда форм крестьянского протеста — уклонение от подписания «уставных грамот»; существовало мнение, что соглашение с помещиком приведёт к лишению права на ту новую, «истинную волю», которая ожидалась в 1863 г. Во многих местах крестьяне проводили полный или частичный отказ от исполнения повинностей в пользу помещиков: соглашались выходить на барщину не более одного либо двух дней в неделю или выполняли барщинные работы нарочито нерадиво. В отдельных случаях крестьянский протест принимал форму открытых возмущений. Власти своими грубыми насилиями над «освобождёнными» крестьянами усиливали недовольство и раздражение масс. К моменту объявления «воли» на места были командированы свитские генерал-майоры и флигель-адъютанты с широчайшими полномочиями по прекращению всяких «беспокойств, неповиновения или ослушания». Розгами, штыками и пулями они подавляли все попытки уклонения крестьян от выполнения «Положений

19 февраля». Крупнейшие столкновения произошли в Пензенской и Казанской губерниях; в первой действовал усмиритель генерал Дренякин, во второй — граф Апраксин.

В Пензенской губернии волнения охватили главным образом уезды Керенский и Чембарский, откуда движение распространилось на соседние уезды Тамбовской губернии — Кирсановский и Моршанский. Центрами волнений были селения Кандеевка и Черногай. Из окружающих сёл в Кандеевку собралось до 10 тыс., в Черногай — до 3—4 тыс. крестьян. С красным знаменем и криками: «Воля, воля!» крестьяне двигались из деревни в деревню и объявляли: «Земля вся наша. На оброк не хотим и работать на помещика не станем». Большую роль в этих волнениях сыграл крестьянин Леонтий Егорцев, «разъяснявший» в духе крестьянских требований манифест 19 февраля, призывавший не верить начальству и грозивший смертью как усмирителям, так и «ослушникам» из крестьян. Когда в Черногай была введена рота солдат, крестьяне, вооружённые кольями, напали на солдат. При столкновении (10 апреля 1861 г.) среди крестьян были убитые и раненые. Исключительное упорство и неустрашимость проявили кандеевские крестьяне. К месту волнений были вызваны войска (18 апреля 1861 г.), которые открыли огонь по безоружным крестьянам. Несмотря на это, крестьяне продолжали стоять на своём: «Все до одного умрём, но не покоримся». Только после ареста более 400 человек и наказания части из них шпицрутенами сопротивление было сломлено, хотя отдельные лица из наказанных всё же продолжали твердить: «Хоть убей, но на работу не пойдём и на оброк не хотим». В Кандеевке войсками было убито 8 и ранено 27 человек. Свыше 100 участников волнений в Пензенской губернии были сосланы в Сибирь на каторгу и поселение.

Одновременно с событиями в Пензенской губернии разыгралась бездкинская трагедия, вызвавшая широкий отзвук в передовых кругах русского общества. Село Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии, сделалось центром крестьянского движения, охватившего три уезда губернии (Спасский, Чистопольский и Лаишевский) и смежные районы Самарской и Симбирской губерний. Бездкинский крестьянин Антон Петров «вычитал» из «Положений» следующую фантастическую «истинную волю»: «помещику земли — горы да долы, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг со своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду». Антон Петров призывал крестьян не слушать помещиков и начальников, не ходить на барщину, не платить оброка, брать хлеб из барских амбаров. Со всех сторон к Петрову стекались толпы, чтобы

послушать «истинную волю». 12 апреля 1861 г. в Бездну прибыл царский посланец свитский генерал граф Апраксин. Он потребовал немедленной выдачи Антона Петрова, а после отказа крестьян приказал войскам открыть огонь по толпе. Сам Апраксин говорил о 51 убитом и 77 раненых, однако, по подсчёту лечившего раненых врача, жертв было более 350 Царь по телеграфу предписал: «Антона Петрова судить по полевому уголовному уложению и привести приговор в исполнение немедленно», — иначе говоря, смертный приговор был предрешён. Антон Петров был расстрелян 19 апреля 1861 г. Характерно признание членов военно-полевого суда, что Антон Петров «перетолковывал смысл «Положений», сообразуясь с общим настроением крестьян, мечтавших о совершенной свободе».

Наивысшего напряжения крестьянские волнения достигли в первые месяцы после опубликования «Положений». Общая же картина волнений в 1861—1863 гг. такова: в 1861 г. волнения охватили 1 176 имений (войска были введены в 337 имений); убитых и умерших от ран крестьян, по правительственному подсчёту, было 140, раненых — 170; в 1862 г. волнения происходили в 400 имениях (войска введены в 193 имения); в 1863 г. волнения были в 386 имениях (войска введены в третью часть этих имений). После 1863 г. число волнений резко падает. Уже в 1864 г. волнения произошли только в 75 имениях. К этому времени кончился установленный срок для введения «Положений». Правительству открытым насилием и застращиванием удалось сломить сопротивление крестьянства и подавить стихийное, разрозненное и неорганизованное крестьянское движение.

Своеобразной струёй массового движения 60-х годов и составной частью революционной ситуации было движение на заводах и мануфактурах, ещё незначительное по размерам, но важное по значению. Весной 1861 г., вскоре после повсеместного объявления «воли», вспыхнули волнения рабочих на Людиновском и Сукремльском заводах Мальцова в Калужской губернии, затем на Лысьвенском заводе княгини Бутеро-Родали, на Дугненском чугуноплавильном заводе в Калужской губернии; заслуживает внимания движение углежогов и «сельских работников» на Урале (см. главу XXV). Сопоставление царской «воли» с народными чаяниями сыграло всюду роль стимула для народных выступлений. Борьба за лучшие условия труда, за повышение заработной платы уже проявляется в рабочем движении 60-х годов.

Революционно-демократический лагерь после объявления «воли». Прокламация Чернышевского «Барским крестьянам». Вопрос о состоянии революционного демократического лагеря и о его планах после манифеста 19 февраля и объявления

«Положений» ещё недостаточно изучен. Намерение революционного лагеря организовать широкое народное восстание («повсюдное восстание») после объявления «воли» засвидетельствовано целой серией прокламаций, во главе которых стоит знаменитая прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Прокламация Чернышевского писалась ещё до манифеста 19 февраля и должна была появиться первой в системе прочих обращений к другим общественным слоям: было решено издать прокламации к молодёжи, к солдатам, к раскольникам, которых революционно-демократический лагерь считал революционным элементом, и ряд других. Отдельные открытые устные выступления революционных демократов (профессоров А. П. Щапова, П. В. Павлова) также имели место в это время. Несомненно наличие революционной организации, — возникает революционный центр «Земля и воля».

С наибольшей отчётливостью отношение русской демократии к реформе было сформулировано, с одной стороны, в герценовском «Колоколе», с другой — в выступлениях Чернышевского и близких к нему кругов. «Освобождение — обман», — писал Герцен, — царь «облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза». В пламенных строках Герцен выражал те чувства негодования и возмущения, которые охватили передовую Россию при известиях о массовых убийствах крестьян по приказанию царя. Обращаясь к крестьянину, «труженику и страдальцу земли русской», Герцен писал: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь ещё в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними, и они его». Друг и помощник Герцена Н. П. Огарёв разоблачал реформу в статьях под выразительным заглавием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». «Старое крепостное право заменено новым, — писал он. — Вообще крепостное право *не отменено. Народ царём обманут*». Он заключил отсюда, что разрыв с правительством «для всякого честного человека становится обязательным».

Как уже указывалось, Чернышевский ещё во время подготовки крестьянской реформы ясно видел, что из рук царского правительства крестьяне не получат настоящего освобождения. В последний год перед реформой Чернышевский и его «Современник» демонстративно молчали о ней. Даже в номере, вышедшем после манифеста 19 февраля, «Современник» обошёл манифест молчанием и ограничился опубликованием неизбежных официальных материалов в виде особого приложения. Это вынужденное молчание являлось само по

себе красноречивой оценкой реформы. Косвенно Чернышевский откликался на события, которыми сопровождалось объявление реформы, в своих блестящих иностранных обозрениях. «Современник» в то же время выразительно публиковал материалы о положении негров-невольников в Америке, наталкивая читателя на мысль об аналогичном положении русских крестьян.

Самым крупным по значению документом этого времени, выражавшим позицию русских революционных демократов, была нелегальная прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Она призывала крестьян к восстанию и разъясняла им грабительский характер реформы.

Чернышевский в своей прокламации, чрезвычайно яркой и простой по форме, разоблачал перед крестьянами грабительский характер «Положений» и пророчески предсказал, что «отрезки» послужат в руках помещиков сильнейшим орудием для нового закабаления крестьян. Чернышевский объяснял, что царь — верный защитник помещичьих интересов и враг крестьянства: «Не дождётесь вы от него воли, какой вам надобно... Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что он, что они — всё одно». Чернышевский звал к свержению самодержавия и к установлению такого строя, «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало». Чернышевский предлагал крестьянам готовиться к всеобщему вооружённому восстанию, которое должно произойти одновременно по всей России вслед за сигналом, полученным от революционного центра. Прокламация сообщала крестьянам о наличии такой революционной организации и подчёркивала, что организация является *русской:* «А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережём». Прокламация содержала прямой призыв соединиться с революционной армией, учиться у солдат, «как в военном деле порядок держать», запасаться оружием и ждать сигнала к восстанию. Решение революционного центра создать единый всенародный натиск на царизм — очевидно: барские крестьяне призывались сговариваться не только с армией, но и с государственными и с удельными крестьянами, склонять на сторону народа солдат, примечать надёжных, готовых служить народу офицеров и ждать сигнала для организованного выступления от своих доброжелателей, т. е. от революционеров. Прокламация рекомендовала крестьянам воздерживаться от разрозненных и преждевременных выступлений («что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других сёлах готовности ещё нет?»), ждать общего

сигнала. Прокламация Чернышевского попала в руки предателя Костомарова и не получила распространения (в августе 1861 г. ею уже располагало III отделение).

Но Чернышевский попытался и в легальной печати разоблачить истинную суть реформы. Через год после обнародования реформы он дал её уничтожающую критику в предназначенном для «Современника» замечательном произведении «Письма без адреса». Из текста было ясно, что письма эти были «адресованы» Александру II. Чернышевский разоблачил в них крепостнический характер реформы, помещичью сущность самодержавия, доказывал, что «изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений». Цензура не пропустила в печать «Писем без адреса» — они были напечатаны лишь в 1874 г. за границей. Изданию замечательного произведения Чернышевского, задержанного царской цензурой, оказал содействие К. Маркс.

В напряжённой обстановке революционной ситуации быстро нарастало и студенческое движение; в сентябре и октябре 1861 г. дело дошло до первых уличных демонстраций студенчества в Петербурге и Москве. Непосредственным откликом на крестьянское движение (события в Бездне) было выступление казанских студентов в апреле 1861 г. Слухи о крестьянском движении в губернии волновали студентов, некоторые из них пытались даже вступить в сношения с Антоном Петровым. После бezднинского расстрела студенты Казанского университета и Духовной академии устроили 16 апреля 1861 г. демонстративную панихиду по убитым. С речью выступил тесно связанный с революционными кругами молодой профессор истории А. П. Щапов. Он предсказывал, что жертва, принесённая в Бездне, «воззовёт народ к восстанию и к свободе», и закончил свою речь требованием демократической конституции. Щапов был арестован, лишён кафедры и приговорён синодом (он был профессором Духовной академии) к ссылке в Соловецкий монастырь. Передовые общественные круги подняли кампанию за освобождение Щапова, и под давлением общественного мнения заключение его в монастырь было отменено; сначала он был оставлен под секретным надзором, но в 1864 г. всё же сослан в Сибирь за сношения с «лондонскими пропагандистами».

«Великорусс». В течение лета и осени 1861 г. было выпущено три номера листка-прокламации «Великорусс». Они были изданы революционной организацией, несомненно связанной с революционным центром. К «великоруссцам» принадлежали Николай и Владимир Обручевы, Лугинин и др. «Великорусс» подверг резкой критике крестьянскую реформу

и всю политику правительства, требовал нового решения «крепостного дела» и коренного изменения государственного устройства России. Он настаивал на передаче крестьянам «по крайней мере» всех тех земель и угодий, которыми они пользовались при крепостном праве, на выкупе «на счёт всей нации», требовал признания «прав национальностей», в первую очередь освобождения Польши, требовал введения в России конституции с ответственностью министров, вотированием бюджета, судом присяжных, свободой вероисповеданий и печати, уничтожением сословных привилегий, областным и общинным самоуправлением. При этом он отвергал конституции, даваемые обществу сверху царской властью, и настаивал на созыве учредительного собрания. «Великорусс» считал несовместимым установление конституционного строя с сохранением династии Романовых и в особенности с продолжением царствования Александра II. Несмотря на это, во имя единства действий всех противников существующего режима, «Великорусс» рекомендовал для начала подачу адреса царю с требованием созыва свободно избранных народных представителей для выработки конституции. Он призывал поставить широкую пропаганду, «организовать и дисциплинировать» движение созданием на местах конспиративных комитетов. Как агитационный документ и как формулировка политической платформы «Великорусс» явился фактом крупного общественного значения.

Прокламация Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению». В сентябре 1861 г. была распространена прокламация «К молодому поколению», написанная видными деятелями революционного движения, революционными демократами, писателем Н. В. Шелгуновым и крупным русским революционным поэтом М. И. Михайловым. Прокламация была напечатана в лондонской типографии Герцена. Михайлов был осуждён по делу об этой прокламации на каторгу и в 1865 г. погиб в Сибири.

Прокламация «К молодому поколению» призывала разночинскую молодёжь к составлению кружков, к широкой пропаганде революционных идей среди крестьянства и в армии. Революционная программа прокламации заключалась в основном в замене самодержавия выборной властью, ограниченной конституцией, и в национализации всей земли с передачей её в пользование земледельческим общинам, открытым для вступления всех желающих. Прокламация требовала равенства граждан перед законом, установления открытого гласного суда, уничтожения «императорской полиции», сокращения армии. Авторы звали «революцию на помощь народу». В прокламации очень резко была подчёркнута, в духе гер-

ценовского учения «русского социализма», вера в особые пути развития России и в спасительную роль крестьянской общины. Требования, объективно представлявшие собой программу буржуазно-демократической перестройки страны, объявлялись авторами — сторонниками утопического социализма — гарантией от развития в России капитализма и пролетариата. Выход прокламации «К молодому поколению» был, по-видимому, частью большого агитационного плана, задуманного революционным центром.

Заичневский и «Молодая Россия». Ярким документом революционного движения того же периода была прокламация «Молодая Россия», появившаяся в мае 1862 г. и написанная П. Г. Заичневским. Заичневский был одним из выдающихся организаторов московского революционного студенческого движения начала 60-х годов. Он был арестован по делу об издании нелегальной литературы и, будучи под арестом, написал прокламацию «Молодая Россия».

«Молодая Россия» объявила недостаточно радикальными как герценовский «Колокол», так и «Великорусс», признала их отставшими от жизни. «Молодая Россия» выдвигала лозунг «социальной и демократической республики Русской», понимая под этим создание федеративной республики мелких земледельческих общин, заведение общественных фабрик и лавок, распределение налогов в соответствии с состоянием каждого; она требовала равенства прав женщины с мужчиной, общественного воспитания детей. Средством к достижению поставленных целей «Молодая Россия» считала революцию «кровавую и неумолимую», в которой обещала быть «последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года» и пролить, если потребуется, «втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах». В случае успеха движения «Молодая Россия» считала необходимым установление революционной диктатуры, чтобы при её помощи «ввести другие основания экономического и общественного быта». «Молодая Россия» рассчитывала на поддержку революции крестьянством, хотя и не надеялась на то, что крестьянство проявит инициативу. В своих революционных планах она ориентировалась прежде всего на инициативу разночинской молодёжи, видя в ней «главную надежду»; рассчитывала также на офицеров и на войско.

Выступление тверского дворянства. В это же время имели место либерально-оппозиционные выступления. Ленин упоминает о выступлении тверского дворянства, как о явлении, характерном для сложившейся в России революционной ситуации.

Тверское дворянство было одним из главных очагов либерально-оппозиционного течения. Ещё накануне реформы оно

вступило в конфликт с правительством, повлёкший за собой отстранение от должности и высылку губернского предводителя дворянства, известного либерала А. М. Унковского. В Твери вскоре после реформы произошло наиболее значительное из всех либеральных выступлений описываемого периода. В феврале 1862 г. тверское губернское дворянское собрание формально признало неудовлетворительность «Положений 19 февраля», несостоятельность обязательных отношений крестьян к помещикам и необходимость немедленного обязательного выкупа крестьянских наделов при содействии государства. Тверские дворяне высказывались за уничтожение сословных привилегий дворянства и слияние сословий, учреждение независимого суда, введение гласности в управлении, преобразование финансовой системы. Дворянское собрание заявило при этом, что оно «не обращается к правительству с просьбой о свершении этих реформ», признавая его «несостоятельность в этом деле», и предложило созыв выборных «от всего народа без различия сословий». Одновременно мировые посредники Тверской губернии объявили о решении руководствоваться в своей деятельности постановлениями дворянства своей губернии. Именно это решение тверских посредников имел в виду Ленин, когда писал о коллективных отказах дворян — мировых посредников применять «Положение», обдирающее крестьян, как липку. Тверские мировые посредники были отвезены в Петропавловскую крепость и присуждены к заключению на два с лишним года каждый (позднее их освободили от наказания).

Позиция либералов. В то время как народное движение поднялось невиданно высокой волной и стало прямым образом угрожать самодержавию, а революционно-демократический лагерь уже шёл на открытую схватку с царизмом, либералы, как всегда, сыграли предательскую роль в общественном движении. Урезывая, обедняя и кромсая народные требования, выхолащивая из них самые существенные, ведущие лозунги и подменяя их заявками на второстепенные уступки и уступочки, либералы за спиной народа и за его счёт вступали — объективно — в сделку с царизмом. Сохраняя основные устои существующего строя — самодержавие и дворянское землевладение, — либералы маскировали сохранение этих устоев спорами о мере и форме уступок и сумели наложить свою печать на реформы. Согласно учению марксизма-ленинизма реформы являются побочным продуктом революционной борьбы. Глубоко ошибочно полагать, что реформы являются-де «прямым» продуктом деятельности либералов. Историю движет вперёд трудовая деятельность и борьба народных масс; революционное движение является наивысшим выражением этой народной

борьбы. Предательская, соглашательская политика либералов, предающих самые кровные интересы народа, не только не движет историю вперёд, а тормозит её поступательное движение и предаёт народные интересы.

В целом либеральное движение было несравненно умереннее требований тверского дворянства. К. Д. Кавелин писал тогда о введении представительного правления, как о «бесплодных мечтах», считая, что русское общество и русский народ не «доросли» до конституции. Преступные насилия царизма над представителями демократии, по собственному признанию Кавелина, не казались ему возмутительными, — он объявлял их законной самообороной власти. Такая оценка Кавелиным правительственной расправы над Чернышевским вызвала у Ленина возмущение, он назвал Кавелина «подлым либералом» и одним «из отвратительнейших типов либерального хамства»[1]. Либералы настойчиво отмежёвывались от демократического лагеря. Либерально настроенный славянофил Кошелев пугал правительство возможностью «согласия между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр.»

Предательская тактика либералов помогла реакции подавить натиск демократических сил. «Мы видели, — писал Ленин, — как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов... Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснобайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства»»[2].

В годы реформы возникло также реакционное аристократическое дворянское течение, добивавшееся олигархической дворянской «конституции» в качестве «компенсации» за частично утраченную помещиками власть над крестьянами. Представитель этого течения М Безобразов в записке, представленной им ещё в конце 1859 г., доказывал, что самодержавие не есть «право делать всё и как вздумается», что оно должно быть облечено «полным доверием подвластных», под которыми

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 13.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 32—33.

разумелись дворяне, что существует «право земли русской», т. е. того же дворянства, «иметь выборных для совета верховной власти». После реформы вожделения этой группы проявились в Москве во время губернских дворянских выборов в январе 1862 г., где раздавались речи о дворянстве как «учреждении политическом» и требования согласовать «Положения 19 февраля» с дворянской Жалованной грамотой Екатерины II. Более половины присутствовавших одобрили предложения, в которых, между прочим, содержалось ходатайство о созыве в одной из столиц «общего», или «государственного», дворянского собрания для «исправления» «Положений 19 февраля» в духе планов крайней крепостнической группировки. Правительство прикрикнуло на «этих господ» (слова Александра II) и быстро положило конец аристократической «фронде».

Усиление правительственной реакции. Процесс Чернышевского. Предательская, трусливая деятельность либералов, страх дворянства и буржуазии перед возможностью революционного взрыва и тяготение их к «твёрдой» власти ярко проявились в середине 1862 г., когда в Петербурге прокатилась волна громадных пожаров. Правительство использовало совпадение выхода «Молодой России» с пожарами, чтобы ложно обвинить в поджогах революционеров. Против демократии в газетах и журналах была инспирирована клеветническая кампания. Особенно усердным и подлым помощником правительства стал московский журналист М. Н. Катков, ранее слывший либералом.

Широкие круги либеральничавшего дворянско-буржуазного общества шарахнулись вправо. Кавелин подпевал тогда Каткову и натравливал правительство на революционеров, пользуясь клеветой и предательскими приёмами. Правительство постаралось не упустить благоприятного момента и обрушилось на демократию рядом жестоких репрессий. Были запрещены демократические журналы «Современник» и «Русское слово». Признанный вождь демократии Н. Г. Чернышевский и замечательный русский публицист и критик Д. И. Писарев были брошены в Петропавловскую крепость. По всей России правительство стало закрывать воскресные школы, в большом числе возникавшие с 1859 г. в результате общественной инициативы (преподавателями в них главным образом работали студенты). В столице была создана верховная следственная комиссия, которая затем в течение многих лет вела усиленную борьбу с «крамолой». Это был первый после реформы 1861 г. крупный и открытый поход реакции против демократии.

Сильнейшим ударом правительственной реакции по революционному движению явился арест Н. Г. Чернышевского

(7 июля 1862 г.). Обыск у Чернышевского не дал следствию материала для обвинения, его судили на основании подложных и подтасованных данных. Чернышевский был признан виновным в авторстве прокламации «Барским крестьянам», в сношениях с Герценом и в подготовке возмущения против существующего строя. 7 февраля 1864 г. суд приговорил Чернышевского к лишению всех прав состояния, к 14 годам каторги и к последующему поселению в Сибири (при царской конфирмации срок каторги был сокращён наполовину).

Утром 19 мая 1864 г. состоялась «гражданская казнь» Чернышевского. Он был выставлен к «позорному столбу» на Мытнинской площади в Петербурге. На площади собралось несколько тысяч человек, среди которых было много сочувствовавших Чернышевскому; из толпы на эшафот бросали цветы. Возмущение и протест русской демократии против расправы с величайшим учёным и революционером были выражены Герценом, назвавшим в «Колоколе» царское правительство «шайкой разбойников и негодяев»: «Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия сколько лет останетесь привязанными к нему?» Чернышевский около 20 лет томился в нерчинских каторжных тюрьмах и Вилюйском остроге. В 1883 г. он был возвращён в Европейскую Россию, в 1889 г. умер в Саратове.

И в тюрьме и на каторге Чернышевский остался до конца верен себе. С непоколебимой стойкостью перенёс он выпавшие на его долю тяжёлые невзгоды, ни на йоту не отступив от своих убеждений. Царское правительство, несмотря на все усилия, не могло добиться от него никаких «признаний», ни малейших признаков «раскаяния». Всем своим поведением перед лицом врагов Чернышевский показывал пример поколениям революционных борцов.

Роман Чернышевского «Что делать?» В Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине, Чернышевский написал свой знаменитый революционный роман «Что делать?» Это был роман о разночинцах, о «новых людях» эпохи Чернышевского, звавший молодое поколение на революционную борьбу и указавший путь к ней. В герое романа Рахметове Чернышевский впервые вывел в русской литературе новый для того времени тип профессионального революционера — несгибаемого, сурового и последовательного, всецело сосредоточенного на революционной работе. Этот образ звал молодёжь серьёзно готовиться к борьбе, отдать ей все силы, не боясь ни страданий, ни лишений. В романе, в «снах» Веры Павловны, рисовалось светлое социалистическое будущее революционной страны проводилась мысль об устройстве «производительных ассоциаций», которым Чернышевский придавал значение

пропагандистского средства, примера новых форм организации труда (в романе описывались устроенные на артельных началах швейные мастерские). Весь роман пронизан призывом к борьбе за освобождение женщины, за уничтожение её угнетённого и приниженного положения, за её полное и широкое, равное с мужчиной, участие в общественной жизни. Роман Чернышевского сыграл огромную роль в революционном движении. Молодёжь искала в романе «программы для своей деятельности», — писал один из современников. — «Мы читали роман чуть не коленопреклонённо, с таким благочестием, которое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги. Влияние романа было колоссально на всё наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь социализма». Роман Чернышевского, как и вся деятельность великого мыслителя-революционера, оказал влияние на революционное движение в славянских странах, например в Болгарии. Товарищ Георгий Димитров отмечал огромное влияние романа «Что делать?» на своё революционное развитие.

Тайная революционная организация «Земля и воля». Самой значительной из известных нам тайных революционных организаций 60-х годов была «Земля и воля» (не смешивать с «Землёй и волей» 70-х годов). Это была наиболее крупная после разгрома декабристов конспиративная революционная организация.

В 1861 г. в «Колоколе» была опубликована Н. Огарёвым статья-воззвание «Что нужно народу?» «Народу нужна земля да воля», — такой ответ давался на вопрос, поставленный в заглавии. Эта статья, написанная Огарёвым при содействии Н. Обручева и Н. Серно-Солозьевича, получила значение политической платформы организации «Земля и воля». Герцен и Огарёв были членами её центрального комитета; в него входили также братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов, В. С. Курочкин и др. В курсе работы центра находился, несомненно, Чернышевский, повидимому, также к нему принадлежавший. Одновременно с арестом Чернышевского новое общество потеряло братьев Серно-Соловьевичей (Н. А. был арестован и сослан, А. А. эмигрировал), которых заменили редактор «Русского слова» Г. Е. Благосветлов и Н. И. Утин, один из руководителей студенческих волнений 1861 г. С конца 1862 г. центр стал называться «Русским центральным народным комитетом».

Убыль революционных настроений и спад революционной ситуации к исходу 1862 г. ещё не сломили энергии революционных кругов — они оставались тверды духом и полны желания

продолжать борьбу, несмотря на постигшие движение тяжёлые неудачи. До нас дошёл важный документ революционного движения, принадлежащий Огарёву; считая, что в новых условиях «единое централизованное общество невозможно», он полагал, что революционный центр должен стянуть к себе на «федеративных началах» все уже имеющиеся организации. Огарёв предлагал разделить всю Россию на 16 революционных округов, из которых каждый должен возглавляться лишь одним ответственным лицом; эти 16 человек и должны представить собой революционный центр, руководящий движением. Цель движения та же, что и раньше, — сначала открытая повсеместная подача правительству от всех сословий требований о созыве Земского собора, который разрешает вопрос о форме правления в России, а после того как «правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом». Восстание на этот раз предполагалось на весну 1863 г., когда истекал срок введения в действие «Положений 19 февраля». «Опять нам приходится приняться за работу подготовки следующего русского военно-крестьянского восстания», — писал Огарёв на исходе 1862 г. Однако планам этим не удалось осуществиться. История «Земли и воли» 60-х годов недостаточно изучена, её связи, организация, деятельность и условия её исчезновения недостаточно выяснены. Известно, однако, что отделения «Земли и воли» существовали не только в Петербурге и в Москве, но также в Казани, Саратове и других городах. В феврале и июле 1863 г. вышли два номера «Свободы», органа «Земли и воли». «Свобода» видела источник бедствий русского народа в самодержавии — антинародном правлении. «Уродливые попытки разных реформ», по её словам, только нагляднее показали несостоятельность самодержавия, которое «по самому принципу» не могло удовлетворить общественных потребностей. «Свобода» признавала неизбежность революции в России. При жестокости и тупоумии правительства народное восстание должно было получить «исполинские размеры кровавой драмы», если передовая часть «образованных классов» не станет на сторону народа и «не обессилит тем самым окончательно правительство». «Свобода» призывала всех граждан «на служение великому делу народного освобождения», торжество которого должно было выразиться прежде всего в созыве народного собрания для определения «нового общественного строя». Аграрная программа организации ясна из упомянутой прокламации Огарёва: она требовала передачи крестьянам всей находившейся в их пользовании земли с прирезкой, при недостаточности существующего надела, за счёт земли помещичьей. Выкуп возлагался на государство.

Русское революционное движение и польское восстание 1863 г. Казанский заговор. Русские революционные круги стремились к согласованному выступлению вместе с революционной Польшей и предлагали несколько выждать, чтобы, подготовившись, начать восстание одновременно по общему плану. Однако поляки не согласились с этим предложением и решили выступить самостоятельно, хотя русские революционеры и предупреждали их о преждевременности выступления. Узнав о твёрдо принятом в польских революционных кругах решении восстать в 1863 г., «Земля и воля» всё же приложила все усилия, чтобы помочь восставшей Польше. Когда восстание началось, «Земля и воля» повела агитацию в пользу восставших поляков и издала с этой целью несколько печатных прокламаций. Выдающуюся роль в этой агитации сыграли Герцен и Огарёв. Яркие, насыщенные передовыми идеями произведения Герцена в защиту восставшей Польши сыграли значительную роль, привлекая сочувствовавших её движению; по высокой оценке Ленина, Герцен этими выступлениями «спас честь русской демократии» [1]. Герцен и Огарёв приняли также активное участие как в организации материальной помощи восставшим, так и в создании русских военных революционных организаций в армии, отправленной на подавление польского восстания. Во время восстания геройски погиб руководитель русской военной организации Андрей Потебня, перешедший на сторону восставших. Революционные организации офицерства были созданы в ряде полков и дивизий, список руководителей этих организаций насчитывает свыше 60 офицерских фамилий. Русское революционное офицерство спасало польских повстанцев, отводило свои части от линии огня, вело революционную агитацию в войсках (одним из участников этого движения был офицер К. И. Крупский, отец Надежды Константиновны Крупской).

Центральный комитет «Земли и воли» считал организацию повсеместного русского крестьянского восстания на помощь восставшей Польше неосуществимой и поэтому высказался против подобных попыток, в которых могли бы напрасно, без пользы для дела, погибнуть ценнейшие силы демократического движения. Однако подобная попытка всё же имела место. В Казани группа студенческой революционной молодёжи, поддержанная некоторыми офицерами Казанского гарнизона, непосредственно связалась с представителями польского революционного правительства и задумала организацию широкого крестьянского восстания в Поволжье, которое отвлекло бы военные силы царизма от Польши. Польскими революцио-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 13.

нерами был отпечатан поддельный царский манифест, который призывал крестьянство к захвату всех помещичьих и государственных земель. Возникший таким образом так называемый «Казанский заговор» был раскрыт правительством в том же 1863 г., ранее, чем заговорщики приступили к осуществлению своих намерений. Участники заговора Кеневич, Черняк, Иваницкий, Мрочек и Станкевич были расстреляны.

Неудача первого демократического натиска. К концу 1863 г. стало ясно, что первый крупный демократический натиск отбит царизмом. Революционная ситуация, нараставшая во второй половине 50-х годов и достигшая наибольшей силы в 1861 г., не переросла в революцию. Реформа 19 февраля сыграла на ближайший исторический период роль предохранительного клапана, отвращающего революционный взрыв, на что и рассчитывали правительство и господствующие классы. Вследствие распылённости крестьянского движения, забитости и политической отсталости крестьянства, вследствие отсутствия на политической арене рабочего класса недовольство народных масс не привело к организованному массовому революционному движению, ставящему себе сознательной целью уничтожение царизма и всех остатков крепостничества. Ожидание крестьянского восстания в 1863 г. не оправдалось. Кривая крестьянских волнений после 1863 г. стремительно упала (после почти 2 тыс. волнений за трёхлетие 1861—1863 гг. в 1864 г. было всего 75, в 1865 г. — 93, в 1866 г. — 70 и т. д.).

Разгром польского восстания царизмом дополнительно нанёс тяжёлый удар русскому революционному движению. Взрыв шовинизма, вызванный польским восстанием в кругах русского привилегированного «общества», укрепил позиции правительства и позволил ему проводить с ещё большей настойчивостью реакционный курс.

В создавшейся обстановке «Земля и воля» не смогла продолжать своей работы и прекратила свою деятельность (повидимому, в 1864 г.), так и оставшись нераскрытой органами царского надзора.

Предательство либеральной буржуазии сыграло свою роль в ослаблении подъёма революционной волны. Упрочение позиций реакционно-крепостнических сил являлось в глазах либералов меньшим злом, чем победа народной революции. Царская власть, всемерно используя страх привилегированного дворянско-буржуазного общества перед революцией, опиралась на его готовность искать защиты от возмущения народа под крылом самодержавия; в этих условиях правительство могло третировать самих либералов и игнорировать их «верноподданнические» пожелания.

Следует добавить, что в самом демократическом лагере не было полного единства. Революционное движение не сумело и не смогло создать сплочённой революционной партии; в нём сталкивались разные течения, было немало иллюзий и колебаний, затруднявших выработку общей революционной линии и крепкое сплочение революционных сил. Крупнейший деятель движения, его вождь — Чернышевский был вырван из борьбы в расцвете сил и брошен в Петропавловскую крепость; эту участь разделили многие крупные деятели движения (Михайлов, Шелгунов, Обручев и др.). Смерть рано унесла Добролюбова (ноябрь 1861 г.). Безвременно умер великий революционный демократ Т. Г. Шевченко (февраль 1861 г.).

И на этот раз самодержавие было спасено от капитуляции или крушения.

Результаты всего этого тяжело сказались в последующие годы на развитии разночинно-демократической борьбы: она протекала в условиях упадка массового движения и обострившейся правительственной реакции.

Писарев и «нигилизм». Полемика «Современника» с «Русским словом». Реакция вела борьбу с революционным движением не только путём полицейских преследований. Она пробовала наступать и в идеологической области, старалась подорвать научный авторитет Чернышевского и Добролюбова, свести на-нет результаты их революционной, материалистической пропаганды. Борьбу с идеологическим наступлением реакции взяла на себя демократическая журналистика. Эту борьбу вёл в частности «Современник», возобновлённый в 1863 г. Но после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского он уже не имел прежнего значения. Влияние на демократического читателя теперь не без успеха оспаривало у «Современника» «Русское слово» Благосветлова, в котором главную роль играл Д. И. Писарев (1840—1868 гг.). Арестованный в 1862 г. за написание статьи-прокламации в защиту Герцена, предназначенной для напечатания в подпольной типографии, Писарев именно в годы заточения (1862—1866 гг.) развернул во всём блеске своё выдающееся литературное дарование.

Писарев стяжал себе славу неистового «отрицателя», вожака «нигилизма». Слово «нигилизм» вошло в широкий обиход после появления романа Тургенева «Отцы и дети» (1862 г.) и в устах противников революции и демократического движения обыкновенно означало стремление к беспринципному разрушению ради разрушения. Это толкование было выдумкой реакционной журналистики. При всех ошибочных увлечениях Писарева и его друзей (вспомним хотя бы попытку «развенчать» Пушкина и т. д.) его разрушительная критика в основном была направлена против тех явлений, которые действи-

тельно заслуживали осуждения и разрушения. Враждебность к крепостничеству и всем его пережиткам в общественных отношениях, в быту, в культуре, уничтожающая критика унаследованного от крепостной эпохи уклада жизни, беспощадная пламенная борьба против всего, сковывающего личность, её свободу и творчество, призыв к самостоятельности и смелости мысли пронизывали собой деятельность Писарева как мыслителя-публициста, литературного критика, учёного и пропагандиста науки: в этом и заключался главный смысл его «нигилизма».

Просветитель-демократ, Писарев горячо стремился к всестороннему обновлению России, к утверждению в ней наиболее передовых форм жизни и отстаивал интересы народных масс. «Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека, — писал Писарев, — всё-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чём бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать».

Но в понимании путей к разрешению этого центрального вопроса сказались слабые стороны мировоззрения Писарева.

Просветительский рационализм Писарева страдал известной односторонностью. Придавая в конечном счёте чуть ли не всепоглощающее значение умственному фактору в прогрессивном развитии человеческого общества, Писарев по временам слишком сосредоточивался на задачах нравственного и интеллектуального совершенствования отдельной личности, в ущерб разработке чисто общественных вопросов, и до крайности преувеличивал роль науки в качестве решающего средства исцеления общественных зол (при этом науку он почти полностью отождествлял с естествознанием). Непримиримо критическое отношение Писарева к отрицательным сторонам окружавшей его действительности не мешало ему допускать осуществимость мирного общественного преобразования, путь к которому, по его убеждениям, лежал в максимальном увеличении среди «образованных классов» числа «мыслящих» людей («реалистов»), прочно овладевших истинами естествознания и глубоко проникшихся идеями «общечеловеческой солидарности». Этот путь решения общественных задач современности Писарев особенно отстаивал в те годы, когда только что обнаружилось крушение революционных надежд, одушевлявших демократические круги на рубеже 50-х и 60-х годов.

Писарев сам верил в 1862 г. в близость революции, и эта вера нашла тогда выражение в той нелегальной статье-прокламации, которая привела его в каземат Петропавловской крепости. Эта вера сменилась затем известным разочарова-

нием в революционных возможностях страны, дополнявшимся вообще несколько скептическим отношением к способности трудящейся массы самостоятельно проложить себе дорогу к лучшему будущему. В своей знаменитой статье «Реалисты», опубликованной в 1864 г., Писарев противопоставлял «механический», т. е. революционный, путь общественного развития «химическому» пути. Последний казался ему самым верным, он связывал его с ростом и распространением научных знаний (прежде всего и главным образом естественных наук). «В науке, и только в ней одной, — писал он, — заключается та сила, которая, независимо от исторических событий, может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда».

Отношение Писарева к революции и к самостоятельной исторической роли народных масс (в его статьях 1864 и частью 1865 г.) представляло собой шаг назад по сравнению со взглядами Чернышевского и Добролюбова. В последние годы деятельности Писарева его воззрения на роль революции и революционной самодеятельности масс претерпели сильные изменения в направлении, значительно сближавшем его позицию со взглядами его великих предшественников. Необходимо вместе с тем отметить, что, несмотря на ошибочную оценку Писаревым роли естествознания как какой-то панацеи от общественного зла, его необыкновенно красноречивая и увлекательная пропаганда и популяризация передовой науки сыграли в культурном росте русского общества крупную положительную роль. Писаревская пропаганда естествознания была проникнута боевым материалистическим духом. Правда, и материализм его уступал по своему теоретическому уровню материализму Чернышевского, тем не менее взятая в целом работа Писарева в сфере философии была для своего времени очень важной и ценной.

Против ряда положений Писарева и других представителей «Русского слова» (Зайцева, Благосветлова, Соколова) выступил «Современник» сначала в лице Салтыкова-Щедрина, а потом главным образом в лице Антоновича. Полемику между «Современником» и «Русским словом» противники демократии назвали «расколом в нигилистах». Эта полемика далеко не всегда велась на достаточно высоком принципиальном уровне. Несомненно, что «Современник» в ней преследовал цель отстоять идейное наследие Чернышевского—Добролюбова от тех сторон пропаганды «Русского слова», которые ему представлялись покушением на это наследие. Но под пером Антоновича в 1864—1865 гг. боевой, революционный демократизм Чернышевского и Добролюбова выглядел побледневшим и полинявшим, в чём отчасти сказывалось и влияние особо небла-

гоприятных цензурных условий. На страницах «Современника» вместе с тем всё сильнее стали пробиваться чисто народнические тенденции в общественных вопросах; в области философии наряду с защитой (тоже не всегда полноценной) материалистических позиций начиналась в самом «Современнике» пропаганда позитивизма, в котором позднее пыталось найти философское обоснование своей платформы то же народничество.

Кружок ишутинцев и покушение Каракозова на Александра II. Спад демократического движения проявился в некоторых особенностях работы так называемого «кружка ишутинцев», известного по имени руководителя — вольнослушателя Московского университета Н. А. Ишутина. Кружок действовал главным образом в Москве в 1863—1866 гг., особенно же интенсивно — в 1865—1866 гг. Ишутинцы считали себя учениками Чернышевского и противниками Писарева, поскольку находили у последнего отклонение от идей Чернышевского. Но из наследия Чернышевского они на деле усвоили главным образом слабые и утопические стороны. С историей ишутинского кружка связано покушение Д. В. Каракозова на жизнь Александра II в 1866 г. Каракозов предпринял покушение по своей личной инициативе, но мысль о цареубийстве зародилась в ишутинском кружке, членом которого был и Каракозов. Сторонники цареубийства среди ишутинцев ошибочно предполагали, что путём убийства царя (или путём ряда последовательных цареубийств) удастся расшевелить народные массы и дать толчок переустройству России на «началах социальных», т. е. в духе тех идеалов утопического общинного и кооперативно-артельного «социализма», которые они разделяли; ишутинцы в большинстве своём мечтали именно о таком перевороте. Во взглядах ишутинцев налицо отход от позиций наиболее дальновидных элементов демократии начала 60-х годов, предвосхищение аполитической позиции народников 70-х годов и защита ложной тактики индивидуального террора.

Террористические планы ишутинцев возникли на почве оторванности кружка от масс и спада массового движения. Надежды связать с удачным актом индивидуального террора начало народной революции (да ещё «социальной») были, конечно, глубоко ошибочны, наивны и беспочвенны. Индивидуальный террор не мог содействовать оживлению и развязыванию массовой народной борьбы, — напротив, он способен только задержать её развитие.

4 апреля 1866 г Каракозов стрелял в Петербурге в Александра II, промахнулся, был схвачен и затем повешен. Покушение Каракозова привело к полному разгрому ишутинской

организации и явилось исходным моментом нового страшного усиления реакции Правительственные преследования обрушились на печать, были окончательно закрыты «Современник» и «Русское слово», обострился цензурный гнёт, усилились гонения на высшую школу и студенчество, на всех мало-мальски «подозрительных» лиц из демократической интеллигенции. На несколько лет воцарился подлинный «белый террор».

Революционное движение в конце 1860-х годов. Нечаев и «нечаевщина». Правительственный террор, однако, не мог парализовать, тем более надолго, революционное движение. Среди молодёжи продолжалось брожение и формирование нелегальных кружков. Именно в годы «белого террора» вступили на поприще революционной борьбы такие видные её деятели, как Герман Лопатин, Волховский и др. В конце 60-х годов, в связи с прогрессирующим разорением и голодовками в деревне, снова стало острее сказываться недовольство среди крестьянства. 1868—1869 годы ознаменовались возрождением открытого студенческого движения. В марте 1869 г. «беспорядки» вспыхнули в крупнейших высших школах Петербурга— Медико-хирургической академии, университете, Технологическом институте.

Однако в теоретической области движение было слабо и не смогло осветить правильным идейным светом предстоящие пути развития В 1868—1869 гг. в «Неделе» было опубликовано одно из основных теоретических произведений народничества — «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова). В 1869 г. в обновлённых «Отечественных записках» (журнал стал с 1868 г., с переходом в руки Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Елисеева, главным легальным органом демократии) появилась другая из работ, послуживших теоретическим обоснованием народничества, — «Что такое прогресс?» Н. К. Михайловского. В 1868 г. в Россию попал из-за границы и произвёл впечатление на известные круги народнической интеллигенции новый революционный журнал «Народное дело», тогда бывший органом М. А. Бакунина.

Таким образом, были положены основы ложной народнической теории, в непримиримую борьбу с которой в следующем периоде движения вступил революционный марксизм.

На эти же переходные годы приходятся те революционные попытки, которые связаны прежде всего с именем Нечаева. Нелегальная группа петербургских студентов во главе с приходским учителем и вольнослушателем университета С. Г. Нечаевым и журналистом П. Н. Ткачёвым попробовала тогда расширить рамки студенческих волнений и использовать их для быстрейшей реализации своих планов. В группе Нечаева зимой 1868/69 г. была выработана «Программа революцион-

ных действий», считавшая необходимым «создать возможно большее количество революционных типов» путём распространения листков, устройства собраний и «частных протестов», организации кружков и касс. До мая 1869 г. деятельность «лучших людей» из молодёжи должна была протекать в Петербурге и Москве среди студенчества и столичной «голытьбы», затем работу предполагалось перенести в губернские и уездные города — в среду разночинцев, семинаристов и провинциальной «голытьбы», а с осени 1869 г. — в деревню, в среду крестьян. На октябрь намечался съезд для решения вопросов о характере организации, о форме «будущего устройства государства» и для определения «времени революции». Программа указывала на весну 1870 г., как на «самое удобное» время для восстания; при этом имелось в виду окончание девятилетнего срока, в течение которого бывшие помещичьи крестьяне не имели права отказываться от отведённых им земельных наделов.

Во время студенческих волнений в марте 1869 г. большинство участников нечаевской группы в Петербурге было арестовано. Сам Нечаев бежал перед началом «беспорядков» за границу, где вступил в близкие отношения с М. А. Бакуниным.

Ко времени появления за границей Нечаева Бакунин уже участвовал в деятельности I Интернационала и собирал силы вокруг своего тайного «Альянса» для прямой атаки против возглавленного К. Марксом руководства Интернационала. Бакунин — ярый противник Маркса и революционного марксизма — сыграл крайне отрицательную роль в международном рабочем движении и всячески стремился сбить его с правильного пути. Бакунин решил использовать Нечаева в качестве своего агента в России. Они задумали организовать в России под руководством Нечаева тайное общество и в виде подготовки к нему выпустили ряд листовок, а также журнальчик «Народная расправа» и зашифрованный «Катехизис революционера», рекомендовавшие насаждение в революционной среде двурушнических методов иезуитизма, безудержного и беспринципного терроризма, направляемых не только против правящих верхов, но и против всего, по выражению «Катехизиса», «поганого общества», а также против «доктринёров, конспираторов и революционеров в праздноглаголящих кружках и на бумаге», т. е. против всех тех элементов демократического лагеря, которые не признали бы полностью над собой руководства бакунинско-нечаевской организации. Позднее Бакунин, убедившись, что Нечаев обращает те же методы против него самого и его сподвижников, заговорил о «макиавеллизме» Нечаева и вынужден был порвать с ним (в середине 1870 г.). Но первоначально между

Бакуниным и Нечаевым не возникало разногласий о принципах организации и методах борьбы, и именно Бакунин являлся автором пресловутого «Катехизиса», неся, следовательно, ответственность за так называемую «нечаевщину», за те недопустимые, дискредитирующие и деморализующие революционную среду приёмы и методы, которые Нечаев практически широко применял. Характерным актом «нечаевщины» явилось убийство в ноябре 1869 г. в Москве студента Иванова, одного из активных членов организации «Народная расправа», не пожелавшего беспрекословно повиноваться требованиям Нечаева. После убийства Иванова организация Нечаева была разгромлена, а сам он вторично бежал за границу, где в течение 1870 г. издал ряд прокламаций, проникнутых авантюристическим мистификаторством; они были обращены к разным слоям населения России: к дворянству, купечеству, мещанству, духовенству и т. д. Тогда же он издал несколько номеров нового «Колокола» (при содействии Огарёва).

В 1872 г. Нечаев был выдан Швейцарией царскому правительству и осуждён на каторгу; он был заключён в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где и умер (1882 г.).

Против «нечаевщины» решительно выступили Маркс и Энгельс. Они справедливо видели в ней крайнее выражение тех опасных и вредных для революционной борьбы тенденций, которые пытались привить рабочему движению на Западе Бакунин и его сторонники.

В борьбе с «нечаевщиной» Маркс и Энгельс встретили поддержку со стороны различных элементов русского демократического лагеря как в самой России, так и в эмиграции, в том числе в лице Германа Лопатина и видного народнического экономиста, переводчика «Капитала» Маркса — Николая—она (Даниельсона), а также со стороны группы эмигрантов, создавшей в 1870 г Русскую секцию I Интернационала.

Отношение Герцена к Нечаеву и Бакунину. «Письма к старому товарищу» Герцена. Необходимо подчеркнуть резко отрицательное отношение Герцена к нечаевским конспирациям. В противоположность Огарёву, поддавшемуся влиянию Нечаева, Герцен, как говорил он сам, «протестовал всеми силами» уже против нечаевско-бакунинской подготовительной литературно-агитационной кампании. Помимо специфических внешних особенностей этой кампании, давших ему основание характеризовать листки Бакунина — Нечаева как «печатные затрещины», Герцен решительно расходился по существу с программой действий Бакунина и Нечаева. Именно в 1869 г.

Герцен писал свои выдающиеся «Письма к старому товарищу» (Бакунину), где, отдавая дань некоторым застарелым иллюзиям утопического социализма, он вместе с тем поднимал убеждённый голос против всей анархо-бунтарской «системы» Бакунина.

В одном из «Писем» (от августа 1869 г., за несколько месяцев до своей смерти) Герцен ясно, в противовес бакунинскому отрицанию «государственности», сформулировал своё отношение к государству. Герцен указывал, что государство идёт «к самоуничтожению» и его «нельзя сбросить с себя, как грязное рубище, до известного возраста». «Из того, — писал Герцен, — что государство — форма *преходящая,* не следует, что эта форма уже *прошедшая*». Герцен высказывался за возможность использования государства в интересах революции и социализма, хотя не отдавал себе полного отчёта в действительных условиях этого использования. Герцен ссылался на пример Французской революции: «Комитет общественного спасения представлял сильнейшую государственную власть, направленную на разрушение монархии. Министр юстиции Дантон был министр революции».

Отказываясь следовать по пути, указываемому Бакуниным, и тем более возмущаясь теми формами революционной работы, какие предлагал и практиковал (при сочувствии и поддержке того же Бакунина) Нечаев, Герцен к концу жизни сочувственно следил за деятельностью Интернационала. Об этом свидетельствуют «Письма к старому товарищу», по поводу которых Ленин писал: «Все же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу,* к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал *«собирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочий»,* «покидающий мир пользующихся без работы»!»[1]

Русская секция I Интернационала. Видные представители молодой эмиграции 60-х годов — А. А. Серно-Соловьевич (умер в 1869 г.) и Н. И. Утин, в прошлом активные деятели «Земли и воли», заняли отрицательную позицию по отношению к бакунинским проискам в Интернационале. Кружок русских революционеров, группировавшийся за границей около Утина, издавал в Женеве журнал «Народное дело», который хотя и был основан при ближайшем участии Бакунина и в своём первом номере (1868 г.) сформулировал довольно полно́ именно бакунинскую платформу, но потом переменил направление, в связи с чем Бакунин вынужден был выйти из редакции. Взгляды, пропагандировавшиеся «Народным делом», правда,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 11.

сильно отставали от марксизма, — в них в частности фигурировала идеализация общины, артели (журнал называл общину «единственным великим достижением русского народа», «краеугольным камнем» всего русского «народного быта», полагал, что она позволит России «прямо итти на ступень социального устройства в том виде, как вырабатывается оно на Западе рабочим движением»). Но группу «Народного дела» сближали с Марксом резкий протест против действий Бакунина и Нечаева, враждебное отношение к бакунинско-нечаевскому «революционному» авантюризму. Листки Бакунина и Нечаева справедливо характеризовались ею как «непристойная игра с великим, святым делом революции». «Народное дело» подчёркивало связь русского революционного движения с западноевропейским и стремилось её всемерно укреплять. Группа «Народного дела» относилась с глубочайшим и самым искренним уважением к Марксу как автору «Капитала» и руководителю Интернационала. К началу 1870 г. группа окончательно решила образовать Русскую секцию Интернационала и просила именно Маркса взять на себя её представительство в Главном совете Интернационала. Маркс дал согласие на эту просьбу, о чём и сообщил группе в своём знаменитом письме «Членам Комитета русской секции в Женеве» от 24 марта 1870 г., извещая их одновременно о принятии русской ветви в состав Интернационала.

Практическая деятельность Русской секции выразилась в продолжавшемся в течение 1870 г. издании «Народного дела», в сборе средств в пользу рабочих-стачечников разных стран и т. д. Некоторые члены секции принимали очень близкое и руководящее участие в швейцарском рабочем движении. Секция деятельно помогала Интернационалу в борьбе против дезорганизаторской и подрывной работы бакунистов. Такие деятели Русской секции, как Елизавета Дмитриева (псевдоним Кушелёвой), Анна Корвин-Круковская, участвовали в 1871 г. в героической борьбе Парижской Коммуны. Связи секции с русским революционным подпольем не были, однако, широкими и прочными, и крупного влияния на непосредственный ход революционной борьбы в самой России ей оказать не удалось.

Произведения Маркса и Энгельса в России. В своём упомянутом выше обращении к Марксу организаторы Русской секции между прочим писали: «Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодёжью... Русская демократическая молодёжь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, ко-

торую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой». В этих словах нашли отражение то уважение и тот интерес, которые вообще в то время, на рубеже 60-х и 70-х годов, уже проявляли лучшие элементы русской интеллигенции к Марксу и Энгельсу.

Имена Маркса и Энгельса впервые стали известны в России ещё в 40-х годах. С некоторыми из их ранних произведений тогда же получили возможность познакомиться представители круга Белинского (в том числе, вероятно, и сам великий русский критик-демократ), а также отдельные деятели из среды петрашевцев. В России читалась в подлиннике, хотя и немногими лицами, «Нищета философии» Маркса, а позднее — его же работа «К критике политической экономии», вышедшая в 1859 г. В конце 1861 г. в «Современнике» была напечатана серия статей Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», в которых был широко использован труд Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Шелгунов называл Энгельса «одним из лучших и благороднейших немцев», а его труд — «лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего». В том же году по поводу появления перевода книги немецкого экономиста Гильдебранда ряд русских журналов выразил своё отношение к нападкам этого враждебного социализму автора на Энгельса. При этом «Современник» решительно осудил Гильдебранда. Отклики на произведения Маркса и Энгельса и позднее неоднократно встречаются в легальной прессе 60-х годов (иногда, по цензурной необходимости, без указания источника).

В 1869 г. в Женеве на русском языке был издан «Манифест Коммунистической партии», до этого уже знакомый некоторым представителям русской интеллигенции на языке подлинника. Первый русский перевод этого программного документа научного коммунизма, приписываемый на основании разных данных М. А. Бакунину, страдал искажениями и множеством неточностей, но тем не менее был показателен для обострившегося интереса революционной среды к идеям Маркса и Энгельса. Издание это не получило, впрочем, большого распространения в России. Известны случаи, когда его переписывали от руки, так как женевский печатный оригинал оказывался малодоступным.

Росту популярности Маркса в русском обществе способствовали его руководящая роль в I Интернационале и, в ещё большей степени, появление (в 1867 г.) его главного теоретического труда «Капитал».

Не только в среде наиболее видных литераторов-публицистов (Елисеев, Михайловский, Шеллер-Михайлов, Зайцев и др.) и прогрессивных учёных-экономистов (Зибер и др.), но

и в лучших кружках студенческой молодёжи «Капитал» стал известен в ближайшие же годы (иногда и месяцы) после опубликования. Уже в 1868 г. был практически поставлен вопрос о его переводе на русский язык. Хотя перевод и затянулся на несколько лет, всё же появившееся в начале 1872 г. русское издание (перевод Н. Даниельсона, писавшего под псевдонимом Николая — она) представляло собой, как подчёркивал к концу того же десятилетия в печати Лавров, «первую передачу на иностранном языке этого руководящего произведения» научного социализма. «Капитал» нашёл в России усердных читателей и в ряде случаев восторженных почитателей. Вопрос о дальнейших судьбах родины, о путях её социально-экономического развития в связи с совершавшейся после крестьянской реформы усиленной ломкой старого общественного и хозяйственного уклада и упрочением буржуазных отношений естественно и неизбежно привлекал внимание передового общественного мнения России к гениальному, классическому анализу капиталистической общественной формации, данному Марксом. В обращении «Народной воли» к Марксу, спустя 8—9 лет после выхода русского перевода, содержалось прямое утверждение, что «Капитал» «стал настольной книгой интеллигенции».

Почти одновременно с русским изданием «Капитала» в эмиграции на русском языке была выпущена новая работа Маркса (1871 г.) «Гражданская война во Франции», получившая распространение не только в кругах революционной интеллигенции, но и среди связанных с последней наиболее сознательных рабочих (в Петербурге). В рабочих же кружках 70-х годов пропагандистами из революционной интеллигенции часто проводились чтения «Капитала», имевшие целью ознакомить передовых рабочих с основами экономического учения Маркса. Конечно, тогдашние пропагандисты-народники накладывали печать своей неправильной теории на даваемые пояснения, но всё же самый факт ознакомления рабочих с теорией Маркса имел несомненное положительное значение.

Однако популярность имён Маркса и Энгельса, особенно со второй половины 60-х и ещё больше в 70-х годах, и довольно значительная по тем временам распространённость ряда их произведений, в первую очередь «Капитала» Маркса, не означали пока возникновения на русской почве общественного движения, действительно руководимого учением Маркса и Энгельса. В революционном движении России довольно долго ещё продолжалось господство своеобразных русских форм домарксова социализма. Труды самих основоположников марксизма неправильно привлекались подчас с целью обоснования учений об «особом», некапиталистическом, пути разви-

тия России, об особом «русском социализме», «крестьянском социализме». Ленин впоследствии писал, что народнические теории ««по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»[1] Действительное распространение марксизма в России началось только с 80-х годов (группа «Освобождение труда» в эмиграции и ряд марксистских групп в самой России). В 90-х годах наступает новая эпоха в развитии марксизма как в России, так и во всём мире — эпоха Ленина—Сталина.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Статьи, корреспонденции, документы Интернационала. [1864—1873]. Сочинения. Т. XIII. Ч. 1—2. — *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 г. Сочинения. Т. XV. С. 407—410. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1868—1883. Сочинения. Т. XXIV. С. 286—288, 290—293, 305—306, 309—314, 326—328, 339—341, 343—344, 346—352, 405. — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М. 1947. 307 с. «Архив Маркса и Энгельса». Т. XI. М. Госполитиздат. 1948. 204 с. — *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 111—313. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 19—65. — *Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 9—15. — *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 223—230. — *Сталин И. В.* Заключительное слово. VII расширенный пленум ИККИ. Сочинения. Т. 9. С. 79. — История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] 1946.

II. Документальные материалы. Пособия. Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 2. Подгот. к печати Е. А. Мороховец. М.—Л. 1931. 219, [3] с. — *Дренякин А. М.* Сказание о волнении крестьян в Кандеевке в 1861 г. «Русская старина». 1885. № 4, с. 139—160. — Бездинское восстание 1861 года. Сборник документов. Подгот. к печати А. И. Сочалов и Г. Н. Вульфсон. Казань 1948. 160 с — Восстание в Бездне. «Красный архив». 1929. Т. 4 (35), с. 176—208. — Бездинское восстание 1861 г. «Красный архив». 1929. Т. 5 (36), с. 180—191. — Кандеевское восстание в 1861 г. «Красный архив» 1939. Т. I (92), с. 91—132. — *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений. Т. VIII и IX. Спб. 1906.— *Чернышевский Н. Г.* Письма без адреса. В его кн.: Избранные сочинения. Т. I. М. — Л. 1928. С. 112—142, или Полное собрание сочинений. Т. X. Ч. 2. Спб. 1906. С. 293—316. — *Чернышевский Н. Г.* Воззвание к «Барским крестьянам». В его кн.: Избранные сочинения. Т. I. М. — Л. 1928. С. 143—152. — *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XI, XIV—XXII. Пгр. — М — Л. 1920—1925. — «Литературное наследство». Т. XXXIX, XL—XLII. (А. И. Герцен). М. 1941. — *Писарев Д. И.* Избранные сочинения в двух томах. Т. I—II. М. 1934—1935. — *Антонович М. А.* Избранные статьи. Под ред. В. Евгеньева-Максимова. Л. 1938. 584 с. 7 вкл. л. Ср.: Избранные философские сочинения. Под ред. и с предисл.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 85.

В. С Кружкова. [М.] 1945. 372 с. — *Шелгунов Н. В* Воспоминания Ред, вступ. ст. и примеч. А. А. Шилова. М. — П. 1923. 317 с, 1 вкл. л. — *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого (1840—1919). Ред и комментарии С. А. Рейсера. М. — Л. 1934. XIX, 798 с., 13 вкл. л. — Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Спб. [Б г.]. 196 с. — Государственные преступления в России в XIX веке. Сост под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. I (1825—1876). Спб. 1906. 348 с. — Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные документы. Ред. и примеч. Н. А. Алексеева. Саратов 1939. [2], XVIII, 360 с, 5 вкл л — Покушение Каракозова. Стенографический отчёт по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Подготовили к печати М. М. Клевенский и К. Г. Котельников. Т I—II. М — Л. 1928—1930. — «Нечаев и нечаевцы». Сборник материалов. Подгот. к печати Б. П. Козьмин. М.—Л 1931. 222 с. — *Ярославский Е.* Маркс и Энгельс о России. «Советская наука». 1940. № 7, с. 3—40. — *Евгеньев-Максимов В* и *Тизенгаузен Г.* Последние годы «Современника». 1863—1866. Л. 1939. 344 с., 4 вкл. л — *Плоткин Л.* Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. Л.—М. 1945. 419 с. — *Лемке М.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов» по неизданным документам, с портретами. Спб. 1908. 510, II с, 4 вкл. л. — *Лемке М.* Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. 2. М. — Пгр. 1923 VIII, 684 с, 11 вкл. л. — *Игнатович И. И.* Волнения помещичьих крестьян от 1854 по 1863 г. «Минувшие годы» 1908. № 5—6, с 93—127; № 7, с. 45—92; № 8, с. 181—208; № 9, с. 152—173; № 10, с. 227—253; № 11, с. 189—211. — *Гессен С* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М. 1932. 144 с — *Козьмин Б П.* Г. Заичневский и «Молодая Россия». М. 1932 173 с., с илл. — *Козьмин Б.* Казанский заговор 1863 года. М. 1929. 142, [2] с. — *Сватиков С.* Студенческое движение 1869 года. «Наша страна». Исторический сборник № 1. Спб. 1907. С. 165—249. — *Горохов В. А* 1-й Интернационал и русский социализм. «Народное дело». Русская секция Интернационала. 1864—1870 гг. [М] 1925. 132 с. — *Левин Л. А.* Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М 1948. 235 с. — *Шульгин В* К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х годах XIX века. «Историк-марксист» 1939. № 5—6, с. 168—174. — *Реуэль А Л* «Капитал» Карла Маркса в России 1870-х гг. М. 1939 160 с. — *Маркова О.* Отклики на «Капитал» в России 1870-х годов «Летописи марксизма». 1930. I. (XI) С. 115—122 — *Левин Ш. М.* «Коммунистический манифест» в русском революционном движении (Из истории распространения «Коммунистического манифеста» в России) «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии 1948. Т. V. № 1, с. 3—21. — *Реуэль А. Л.* «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса в оценке русской журналистики 1860 г «Вопросы истории». 1948. № 5, с. 93—102 — *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. Т. II. 1825—1870. М. 1946. 478 с., илл.

Глава XIX

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г.

Развитие капитализма в Польше. Развитие капиталистических отношений в Польше неуклонно шло вперёд. Политика царского правительства после подавления восстания 1830—1831 гг. тяжело отразилась на Царстве Польском, в частности на его промышленности. В 1831 г. были повышены таможенные ставки; вывоз товаров из Польши сократился почти в четыре раза, а привоз русских товаров значительно увеличился. Русское правительство поощряло переселение польских фабрикантов в Россию и аннулировало сделанные в Польше заказы для армии. Но развитие капиталистических отношений в Польше всё же не остановилось. Затруднения, вызванные таможенным тарифом 1831 г., способствовали введению ряда серьёзных технических улучшений; в текстильном производстве начинают применяться паровые двигатели, механические ткацкие станки, механические веретёна. Возникли новые отрасли производства: сельскохозяйственных орудий, кожевенное, сахарное, бумажное. С 1851 г. была уничтожена таможенная граница между Россией и Царством Польским; это сейчас же отразилось на положении польской промышленности. Размеры производства значительно увеличились. Так, например, стоимость продукции всей текстильной промышленности возросла с 4,6 млн. руб. в 1845 г. до 8,6 млн. руб. в 1857 г. Значительно выросло количество городского населения. Так, в Лодзи в 1840 г. насчитывалось 20 тыс. жителей, а в 1860 г. — уже 32 тыс. Одновременно развивалась металлургическая и горная промышленность. Росту металлургии сильно способствовала постройка железных дорог: в 1845—1848 гг. были соединены железнодорожной линией Варшава и Вена, в 1862 г. было закончено сооружение Петербургско-Варшавской железной дороги. С развитием промышленности рос и промышленный пролетариат: накануне восстания 1863 г. в Польше насчитывалось уже около 60 тыс. рабочих.

Показателем капиталистического развития Царства Польского являлась и всё возрастающая роль Польского банка. Банк открывал кредиты под залог товаров, финансировал экспортную торговлю, принял участие в постройке шоссейных

дорог, Августовского канала и Варшавско-Венской железной дороги; в руках банка сосредоточились горные заводы, писчебумажная фабрика и несколько имений, где хозяйство велось на капиталистических началах. Деятельность Польского банка оказала большое влияние на рост металлургической и горной промышленности Польши.

В сельском хозяйстве Царства Польского также произошли после 1831 г. некоторые изменения. Многие имения эмигрировавшей родовитой шляхты перешли в руки капиталистов-предпринимателей, малопроизводительный барщинный труд начал заменяться вольнонаёмным. Некоторые из крупных магнатов, например А. Замойский и Велепольский, перевели крестьян в своих имениях с барщины на оброк (чинш). Но феодальные отношения ещё оставались господствующими: крестьяне отбывали барщинные повинности за пользование панской землёй. В 1857 г. не менее 70% помещичьих крестьян отбывало барщину и только 30% было переведено на оброк. В казённых имениях на чинш было переведено 74% крестьян. Расширение помещичьего хозяйства сопровождалось захватом крестьянской земли. Боясь крестьянских волнений в беспокойном Царстве Польском, царское правительство издало указ 1846 г. о неприкосновенности крестьянских наделов более 3 моргов (морг — 0,5 гектара). Но мелкие участки остались неохраняемыми и подвергались экспроприации со стороны землевладельцев. Безземельные крестьяне в 1859 г. составляли 36% сельского населения Польши. Борьба между крестьянами и помещиками обострялась. Крестьяне ждали, что земля окончательно перейдёт в их собственность. Аграрный вопрос оставался важнейшим, наиболее острым вопросом в социально-экономической жизни Польши.

В Польше, «которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм» [1], усилилось революционное движение. Оно шло под лозунгом восстановления политической самостоятельности: «образование самостоятельных национальных государств есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов» [2]. Но в отличие от предшествовавшего этапа польского революционного движения всё явственнее звучали социальные лозунги; демократическое движение в Польше усилилось и приобретало большее значение.

Польская эмиграция 1830—1840-х годов. После подавления восстания 1830—1831 гг. польская аристократическая партия сосредоточилась вокруг эмигрировавшего во Францию князя Адама Чарторыского. Его парижский дом стал политическим

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 328.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 420.

центром польских магнатов и даже имел своих представителей при европейских дворах. Партия Чарторыского, так называемые «белые», стремилась к восстановлению польской монархии на основе конституции 3 мая 1791 г. и рассчитывала больше всего на дипломатическую поддержку западноевропейских государств, главным образом Англии и Франции. В крестьянском вопросе аристократия была против наделения крестьян землёй и являлась ярой противницей народного восстания в Польше.

Демократическими группами эмигрантов в 1832 г. было основано польское Демократическое общество, в котором особенно ярко отразилась классовая борьба среди польской эмиграции. В числе его руководителей был И. Лелевель, знаменитый деятель восстания 1830—1831 гг. К 1836 г. Демократическое общество насчитывало свыше полутора тысяч членов. Во главе общества стала так называемая «Централизация» из 5 членов, избранных всеобщим голосованием. Сначала Централизация нашла приют во Франции, позже переехала в Лондон. Демократическое общество стало вдохновителем и главным организатором польского революционного движения. В отличие от аристократической партии Демократическое общество стремилось не только к восстановлению политической независимости Польши, но и к разрешению крестьянского вопроса: предполагалось уничтожить барщину, оброк и наделить крестьян землёй в собственность без всякого выкупа. Общество старалось подготовить народную революцию и находило немало последователей среди шляхты, городской интеллигенции и учащейся молодёжи. В Централизацию входил будущий руководитель восстания 1863 г. Людвиг Мерославский (по профессии военный, профессор военной истории во французской политехнической школе), участник восстания 1830—1831 гг. и руководитель познанского восстания 1848 г.

Основные течения польской эмиграции нашли художественное выражение в сочинениях знаменитых польских поэтов Мицкевича и Словацкого с их демократическими стремлениями и Красинского, примыкавшего к аристократической партии.

Царство Польское накануне восстания. Поражение царизма в Крымской кампании, смерть Николая I, революционная ситуация, которая стала складываться в России с конца 50-х годов, — всё это послужило толчком для оживления национально-освободительного движения в Царстве Польском.

В 1856 г. Варшаву посетил Александр II. Хотя в своей речи он объявил, что его правление будет продолжением николаевского царствования, но всё же под давлением нараставшей революционной опасности он был вынужден пойти на

некоторые уступки. В течение 1856—1857 гг. были опубликованы правительственные акты о возвращении на родину эмигрантов и ссыльных, об учреждении в Варшаве Медико-хирургической академии и об основании Земледельческого общества. Возвращение эмигрантов и «сибиряков» способствовало подъёму национального движения. Медико-хирургическая академия стала организующим центром для польской революционной молодёжи.

Земледельческое общество состояло преимущественно из крупнопоместной шляхты и насчитывало более 3 тыс. членов. Во главе его стоял граф Андрей Замойский, богатый землевладелец, человек консервативного образа мыслей. Вначале Земледельческое общество занималось вопросами сельскохозяйственной экономики и агрикультуры, но очень скоро (1859 г.) приобрело политическое значение: здесь стали обсуждаться вопросы о преобразовании аграрных отношений, о ликвидации барщины и выкупе земли крестьянами. Большинство членов, в том числе и сам граф Замойский, соглашалось на замену барщины чиншем, но решительно возражало против наделения крестьян землёй. Общество резко отрицательно относилось к идее восстания.

За вооружённое восстание против угнетающей Польшу царской власти стояли демократические слои городского населения — интеллигенция, вышедшая из среды буржуазии и обедневшей шляхты, учащаяся молодёжь, городские ремесленники и рабочие. Борьба итальянского народа за независимость, так же как национальное движение в Германии производили глубокое впечатление в Польше. Буржуазно-демократические элементы рассчитывали на взрыв революционного движения в России. Надеясь на помощь русских революционеров и отчасти на поддержку со стороны Франции, демократы, сплотившись в Партию движения, начали планомерную подготовку к восстанию в Варшаве и за её пределами. Они возбуждали городских рабочих и ремесленников посредством устной пропаганды, издания листков и устройства массовых манифестаций. Использовался любой повод для устройства уличных выступлений. Первая патриотическая манифестация была устроена летом 1860 г. при погребении вдовы генерала Совинского, погибшего в 1831 г. при обороне Варшавы. После погребения 20-тысячная толпа двинулась с кладбища к окопам Воли (окраина Варшавы), чтобы почтить память защитников Варшавы, павших в сентябре 1831 г. В октябре 1860 г. состоялись враждебные манифестации против приехавших в Варшаву Александра II, австрийского императора Франца-Иосифа и прусского принца Вильгельма. 29 ноября 1860 г., в годовщину начала восстания 1830—1831 гг., произошла

многочисленная манифестация; манифестанты пели сначала католические гимны, затем национально-революционные песни.

25 февраля 1861 г. состоялась новая манифестация, в память годовщины Гроховского сражения 1831 г. Радикальная молодёжь решила собрать массы народа в старом городе и повести их к дворцу наместника. Обер-полицмейстер Трепов вывел войска и разогнал процессию. Революционные демократы решили 27 февраля повторить попытку выступления. Процессия подверглась сначала нападению казаков, а затем обстрелу пехоты. Несколько человек было убито. Известие о расстреле разнеслось по Варшаве и вызвало всеобщее негодование. «Делегация», избранная варшавской буржуазией, потребовала от наместника Горчакова объяснения происшедших событий и разрешения устроить торжественные похороны убитых. Растерявшийся Горчаков уступил и в течение 40 дней признавал за «делегацией» право совещательного голоса при управлении городом. Под впечатлением варшавских событий Земледельческое общество обратилось к Александру II с политическим адресом, в котором говорилось о бедственном состоянии Польши и выражалась в неопределённой форме надежда на реформы.

Под влиянием разраставшегося национального движения Горчаков посоветовал Александру II пойти на некоторые уступки. 25 марта 1861 г. последовал указ о восстановлении государственного совета Царства Польского, правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения и выборных советов в губерниях, уездах и городах. Под названием Главной школы возродился Варшавский университет. Помощник Горчакова реакционный руссификатор Муханов был уволен в отставку и на его место (директора комиссии духовных дел и просвещения) был назначен крупный польский помещик маркиз Велепольский, ориентировавшийся на соглашение с царизмом. Велепольский быстро занял руководящее положение при наместнике и приступил к ряду реформ, чтобы устранить революционную опасность. Он начал проводить сначала добровольное, затем обязательное «очиншевание» земель (замену барщинных повинностей оброком, чиншем), увеличил количество средних и низших училищ, насаждал местное самоуправление. Но вместе с тем Велепольский повёл беспощадную борьбу против революционного движения и польской оппозиции. По его совету 6 апреля 1861 г. было закрыто Земледельческое общество Войска стали систематически применять оружие против манифестантов. 8 (20) апреля, когда жители Варшавы протестовали против закрытия Земледельческого общества, войсками было убито более двухсот и ранено несколько сот человек. Правительство металось между тактикой

уступок и жестокими репрессиями. На место умершего Горчакова назначались то сторонники «примирения» в лице генерала Ламберта, то хранители николаевских заветов в лице генералов Сухозанета и Лидерса. 14 (26) октября 1861 г., в связи с подготовлявшейся манифестацией в память Костюшко, в Варшаве было введено осадное положение. На следующий день войска ворвались в костёлы, где служили панихиды и пели национальные гимны, и бросились на манифестантов; произошло столкновение, было арестовано больше 2 тыс. человек. В виде протеста против этого грубого насилия католическое духовенство закрыло костёлы и прекратило богослужения.

После октябрьских событий 1861 г. особенно усилилось стремление к созданию единой революционной организации с централизованным руководством. Сформировался Центральный революционный комитет, вокруг которого сгруппировалась республиканская партия «красных». В крестьянском вопросе «красные» стремились к уничтожению барщины и чинша и передаче крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа; в то же время они высказывались за вознаграждение помещиков (из государственных сумм) за отошедшую от них землю. Таким образом, партия «красных» в известной мере шла навстречу требованиям крестьянских масс, но всё же не отражала их во всей полноте· лозунги стихийного крестьянского движения шли дальше — крестьяне требовали передачи им всей помещичьей земли. В программе «красных», несмотря на её прогрессивность, сказывалась классовая и национальная ограниченность шляхетских революционеров. «Красные» желали восстановления Польши в границах 1772 г., иначе говоря, претендовали на присоединение к Польше на основе федерации литовских, белорусских земель и Правобережной Украины. Но это требование столкнулось с вековым антагонизмом между польским помещиком и литовским, белорусским, украинским крестьянином. Националистическая программа «красных» и их практическая деятельность оказались бессильными перед этим классовым антагонизмом. Партия «красных» постановила как можно шире развернуть агитацию за восстание и собирать деньги на покупку оружия, амуниции и на содержание военной школы, открытой генералом Мерославским в Генуе.

В противовес «красным» сформировалась партия «белых», которая опиралась преимущественно на крупнопоместное дворянство и по существу представляла собой реакционную силу, резко враждебную народному движению «Белые» сыграли предательскую роль в восстании. В марте 1861 г. «белые» решили не обращаться к царю с политическим адресом и стали склоняться к поддержке подготовляемого восстания, но через не-

которое время они уже были готовы выдать революционный комитет в руки Велепольского, чтобы предотвратить восстание. Требуя восстановления Польши в границах 1772 г., «белые» возлагали преимущественные надежды на вмешательство европейской дипломатии. Заграничная партия «белых», руководимая из Парижа Чарторыским, была солидарна с партией «белых» в Польше.

Начало восстания. В июле 1862 г. приехал в Варшаву назначенный наместником Царства Польского великий князь Константин Николаевич. Велепольский занял пост начальника гражданского управления и заместителя наместника. «Красные» отвечали на репрессии террористическими актами: летом 1862 г. были произведены неудавшиеся покушения на генерала Лидерса, великого князя Константина и Велепольского.

Чтобы устранить из городов революционные элементы, Велепольский предложил произвести особый рекрутский набор. Обычная жеребьёвка новобранцев, установленная законом 1859 г., была на этот раз отменена. Набор был назначен по именным спискам и преследовал совершенно ясную цель — захват революционной молодёжи и её массовую высылку под видом рекрутчины. Набор касался только городской молодёжи, а из сельского населения — лишь собственников парцелл (мелких земельных участков), арендаторов, помещичьих экономов и служащих. Шляхта и крестьянство были освобождены от набора.

Призываемая молодёжь требовала от Центрального комитета помощи, угрожая, что она самостоятельно начнёт восстание. Это требование поставило комитет в затруднительное положение, так как восстание ещё не было подготовлено. Русские революционеры настаивали на том, чтобы Центральный комитет не начинал восстания раньше марта 1863 г., когда в связи с окончанием составления уставных грамот предполагались повсеместные крестьянские волнения. Центральный комитет заблаговременно узнал о сроке набора и получил именные списки лиц, подлежащих набору. Молодёжи дали возможность скрыться из Варшавы в леса, окружавшие Сероцк и Модлин, и в Кампиноскую пущу. В ночь на 15 января в Варшаве начался насильственный набор рекрутов при помощи полиции: кто не успел укрыться в леса, был захвачен. 22 января 1863 г. Центральный комитет принял решение «объявить всю страну на положении инсуррекции» (восстания) и активно бороться против рекрутского набора, который был назначен властями на 27 января уже для всего Царства Польского. Восстание началось в ночь на 23 января 1863 г. одновременным нападением на русские гарнизоны в 15 пунктах Царства Польского.

Ход восстания. Крестьянское движение. Декрет о наделении землёй. В восстании приняли участие разнообразные группы населения: революционная шляхта, в особенности ее обеднившие и обезземеленные слои, крестьянство, ремесленники, рабочие, мелкобуржуазная шляхетская интеллигенция, низшее духовенство, студенчество, офицеры, служащие шляхетских экономий. «...Революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»[1], — указывал Ленин. Борьба за национальное освобождение привлекла к себе широкие народные массы. Но особенностью восстания 1863 г. являлась руководящая роль революционной шляхты. В этом смысле Ленин называл польское восстание 1863 г. «шляхетским».

Центральный комитет, в который входили выдающиеся участники движения — С. Падлевский, Бобровский и др., — объявил себя временным национальным правительством и принял 22 января 1863 г. декрет, объявлявший «всех сынов Польши, без различия религии и происхождения, свободными и равными гражданами страны», отменял все привилегии и, главное, объявлял наделение крестьян землёй. Крестьяне получали лишь ту землю, которая была в их пользовании за натуральные повинности, денежную арендную плату или установленный законом выкуп. Наделение землёй касалось как крестьян частновладельческих имений и майоратов, так и государственных и церковных крестьян. Манифест читали населению во всех костёлах.

При отсутствии регулярной армии и недостатке вооружения руководители восстания стали действовать против правительственных войск посредством небольших отрядов. Энгельс в письме от 17 февраля 1863 г. писал Марксу: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания»[2]. Партизанской борьбе помогла болотистая и лесистая местность Царства Польского. Партизаны были вооружены охотничьими ружьями, пистолетами, пиками, косами, вертикально прикреплёнными к косищу. Иногда удавалось разоружить мелкие отряды русских войск и захватить их винтовки.

Революционным диктатором Центральный комитет назначил генерала Людвига Мерославского, находившегося в момент его назначения в Париже. Он пользовался известностью как участник революционного движения 30-х и 40-х годов, был врагом аристократии и банкиров, вождём буржуазной демократии и последователем сен-симонизма. Однако его способности как

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, изд. 4, стр. 416.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 135.

вождя восстания вызывали сильное сомнение в революционных кругах; «вмешательство Мерославского везде было порукою за неуспех», — с горечью писал Огарёв, узнав о решении поляков облечь Мерославского во время восстания властью военного диктатора.

Мерославский прибыл в Куявы (на границе с прусской Познанью) в половине февраля 1863 г. и в Кшивосондском лесу собрал вооружённых волонтёров. Но дважды потерпев тяжёлые поражения, он не смог пробиться в глубь восставшей страны и, контуженный в битве, вынужден был скрыться за границу.

«Белые» были враждебны народному движению и боялись, что восстание повлечёт за собой конфискацию помещичьих земель. Бессильные остановить восстание, они решили примкнуть к нему, взять в свои руки руководство и направить восстание в желаемое русло. Вместо Мерославского был провозглашён диктатором ставленник «белой» партии Лянгевич, профессор военной школы в Италии, служивший раньше офицером в отряде Гарибальди и организовавший в 1848 г. восстание в Краковском округе. Отступая перед превосходящими силами правительственных войск, он сумел выиграть несколько сражений; но, несмотря на это, отряды повстанцев оказались окружёнными. Во время перехода пограничной полосы Лянгевич был схвачен австрийцами и заключён в тюрьму.

Центральному комитету было сообщено о присоединении «белых» к восстанию. «Белые» надеялись на иностранную интервенцию и выдвинули условие: руководство движением должно было перейти к представителю умеренной группировки, чуждой планов общественного переворота. «Красные» приняли условие, им предложенное, и таким образом упустили из рук революционную инициативу.

10 (22) мая 1863 г. было создано национальное правительство «Жонд народовы». Присоединение консерваторов усилило восстание материально, варшавские банкиры и богатая шляхта жертвовали на восстание большие суммы и припасы.

Но отказаться от принципов, провозглашённых Центральным революционным комитетом в январе, было невозможно. Поэтому, несмотря на свой умеренный состав, «Жонд» был вынужден подтвердить январский декрет о наделении крестьян землёй.

После неудачных попыток действовать крупными соединениями (как это делал Лянгевич) восстание снова приняло партизанский характер. Всего повстанцев насчитывалось до 10 тыс. человек (на территории Польши действовало более 50 крупных отрядов), против которых выступило 83 тыс. солдат. Социальный состав отрядов был самый разнообразный. Встречались

отряды, где преобладали фабричные и ремесленные рабочие, — таковы, например, первый отряд Лянгевича, отряд Янка Сокола (рабочие сахарных заводов), Куровского (горнорабочие) и др. Важно отметить, что значительное участие в повстанческих отрядах принимали крестьяне. В тех случаях, когда декрет народного правительства о земле не выполнялся, крестьяне занимали пассивную позицию в отношении восстания. Там, где начальники отрядов и эмиссары повстанческого правительства настаивали на исполнении декретов «Жонда», крестьяне во множестве вступали в повстанческие отряды. Таковы отряды Бореловского, Рудзского, Крука, Босака и др., состоявшие главным образом из крестьян. Но паны цепко держались за землю и всячески сопротивлялись передаче её крестьянам. Противодействие со стороны «белых» и нерешительность «красных» подрывали успех восстания.

Восстание в Литве и Белоруссии. В Литве и Белоруссии издавна совершался самостоятельный и вызванный глубокими внутренними причинами процесс крестьянской борьбы против феодально-крепостного гнёта. Реформа 1861 г. вызвала здесь сильные крестьянские волнения. Слухи о восстании в Польше стимулировали крестьянское движение.

В конце марта и в начале апреля 1863 г. восстали литовские области, в частности Жмудь. В этих провинциях восстание приобрело характер массового крестьянского движения, которое было революционным ответом на грабительскую политику местного дворянства, в первую очередь польских панов. Восстание началось после объявления манифеста о наделении землёй и освобождении от барщины. Широкий размах крестьянского движения в Литве был отмечен Энгельсом в письме к Марксу от 8 апреля 1863 г.: «Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессной Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер» [1].

Особо значительную роль играл предводитель восстания Сигизмунд Сераковский — друг и последователь Н. Г. Чернышевского и Т. Г. Шевченко. Сераковский был офицером русской службы, жил в России и испытал на себе могучее влияние русского революционного движения и русской культуры. Литовцы беспрерывно вступали в отряды Сераковского. Руководивший вооружёнными силами в Ковенской губернии Сераковский разработал план перенесения восстания в Курляндию. После гибели Сераковского восстанием в Гродненском уезде руководил Валерий Врублевский (впоследствии участник

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 142.

Парижской Коммуны 1871 г.) и в Минском — Траугут. В Россиенском уезде кавалерийским отрядом командовал крестьянин Пуйдак. Начальниками крестьянских отрядов были крестьяне Битис и Лукашунас.

Во главе движения в Белоруссии стал «Чырвоны жонд» (красное правительство), главное внимание сосредоточивший на укреплении связи с широкими массами. «Чырвоны жонд» действовал под руководством белорусского революционера Кастуся Калиновского, ученика русских революционных демократов, выдающегося революционного демократа. «Жонд» требовал радикального разрешения крестьянского вопроса в форме раздела поместий между крестьянами и создания особой литовско-белорусской республики. Калиновский издавал газету на белорусском языке «Мужыцкую праўду» и был чрезвычайно популярен среди трудовых масс Белоруссии. Он развил кипучую деятельность и в Литве, особенно на Виленщине, основал в Гродно конспиративную организацию, в которую вступил и Валерий Врублевский. Выданный польским шляхтичем, Калиновский был арестован и 3 (15) апреля 1864 г. казнён в Вильно.

На Правобережной Украине восстание в сущности не получило развития; попытки учащейся молодёжи организовать отряды и начать партизанскую борьбу были быстро ликвидированы местной властью. Классовые противоречия в деревне повлекли за собой стихийные выступления украинских крестьян против польских помещиков.

Западноевропейская дипломатия и польское восстание. Пруссия особенно интересовалась польским вопросом: развитие революционного движения в Польше ни в коей мере не соответствовало интересам державы, в пределы которой входила Познань. Когда в Варшаве произошли первые уличные волнения, Бисмарк советовал подавить их силой оружия и не идти ни на какие сделки с мятежниками. В речи, произнесённой в прусской палате депутатов, он говорил, что независимая Польша будет враждебна Пруссии и опасность будет угрожать Познани и Гданьску. Прусское правительство оцепило польскую границу войсками, не допускавшими повстанцев на территорию Пруссии. В Петербург был послан генерал-адъютант Вильгельма I, чтобы договориться с русским правительством об общих мерах для подавления мятежа. Обе державы подписали конвенцию, согласно которой войска государств, заинтересованных в подавлении восстания, могли перейти границу и преследовать инсургентов на территории соседнего государства. Англия была согласна в некоторой мере «поддержать» польское движение потому, что это ослабляло международное положение царской России и потому, что это могло

повести к охлаждению отношений между Россией и Францией. Но она отнюдь не желала восстановления независимой Польши, которая, став союзницей Франции, могла бы усилить позиции последней. Поэтому политика буржуазной Англии в вопросе польского восстания была хитрой и двойственной. Для Австрии волнения в Польше, ослаблявшие Россию и приводившие к франко-русской размолвке, были в известной мере выгодны, но она боялась их роста и, опасаясь развития объединительных славянских тенденций, была более заинтересована в прекращении восстания. Наполеон III увидел в сближении России и Пруссии угрозу Франции. Он предложил Англии и Австрии сообща протестовать против конвенции. 10 (22) апреля 1863 г. Англия, Франция и Австрия обратились к России с дипломатическими нотами, в которых настаивали на принятии мер для «прекращения кровопролития» в Польше. К этому выступлению присоединились Италия, Испания, Швеция, Дания, Голландия, Португалия, Турция и римский папа. Александр II поспешил издать 13 (25) апреля манифест, в котором обещал амнистию всем, кто сложит оружие до 1 мая. «Белые», ободренные последовавшими нотами, разослали по европейским государствам своих дипломатических представителей. С точки зрения «белых», восстание было лишь вооружённой демонстрацией, которую следовало несколько затянуть, чтобы добиться активного содействия Западной Европы. 17 (29) июня 1863 г. последовало вторичное представление Англии, Франции и Австрии: европейские державы требовали для поляков полной амнистии, национального представительства согласно конституции 1815 г., восстановления польской администрации, полной свободы совести, введения польского языка в школах, суде и управлении, правильной и законной системы рекрутского набора. Высказано было пожелание прекратить военные действия и созвать конференцию на основе Венского трактата 1815 г. В это время царское правительство уже начало брать верх над восстанием, и Горчаков ответил высокомерной нотой, в которой отвергал права западноевропейских государств вмешиваться во внутренние дела России. Австрия, а за ней Англия заняли нейтральную позицию. Никакого нового представления не последовало. Ставка «белых» на европейскую дипломатию потерпела полное крушение. Польское восстание не получило никакой реальной поддержки от западноевропейских держав, восставшая Польша была ими обманута.

Польское восстание и русское общество. Революционные демократы России с глубоким сочувствием относились к польскому восстанию. Члены тайного общества «Земля и воля», связанного с Чернышевским, горячо желали помочь восставшим. 2 марта 1863 г. Центральный комитет «Земли и воли»

распространил по Петербургу, Москве и другим городам России, а также по городам Царства Польского воззвание «К русским офицерам и солдатам». От имени русского народа воззвание призывало офицеров и солдат, сражавшихся против Польши, прекратить борьбу с революционной страной, обратить оружие «против царского деспотизма и чиновничества», на которых падает вся вина за кровь, льющуюся в Польше. «Земле и воле» удалось заинтересовать польским вопросом широкие слои русской демократической интеллигенции и, проникнув в офицерскую среду, привлечь на сторону революционного движения немало сочувствующих. Среди русских войск, посланных в Польшу для усмирения восстания, работала революционная офицерская организация «Земли и воли», руководящее ядро которой, как указывалось, насчитывало свыше 60 человек. Участники организации отводили свои воинские части от столкновения с повстанцами, помогали побегам поляков и т. д. В 1863 г. в «Колоколе» появилось письмо русского революционера офицера Потебни, который перешёл на сторону поляков, стал во главе польского повстанческого отряда и был убит в стычке с русским карательным отрядом.

Герцен и Огарёв, входившие в Центральный комитет «Земли и воли», помогали революционной борьбе и горячо сочувствовали восставшей Польше. А. И. Герцен поместил в «Колоколе» немало статей, посвящённых борьбе Польши за независимость. «Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России, — писал Герцен. — Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих». Обращаясь с воззванием к русским офицерам в Польше, Герцен говорил о необходимости поддержать поляков, указывая, что в борьбе за свою независимость «они готовы признать права крестьян на землю, ими обрабатываемую».

В работе по оказанию помощи польскому восстанию принял большое участие и друг Герцена Н. П. Огарёв. Как и Герцен, он скорбел о том, что поляки выступили, не дождавшись революционного взрыва во всей России. «Я думаю, что польская революция удастся только тогда, если восстание польское перейдёт соседними губерниями в русское крестьянское восстание», — писал Огарёв. Но надежды на реализацию этого плана не было. Содействие Герцена и Огарёва польскому восстанию выражалось и в материальной помощи и в широком распространении польских национально-освободительных идей. Ленин, как уже указывалось, высоко оценил эту позицию Герцена: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей,

палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» [1].

В противоположность революционным демократам либералы заняли позицию, резко враждебную восставшей Польше, и в своих высказываниях сомкнулись с крайними реакционерами. Наиболее ярким выразителем реакционной точки зрения был Катков, редактор газеты «Московские ведомости», который яростно требовал, чтобы «шляхетский мятеж» был немедленно и беспощадно подавлен.

Подавление восстания. Для подавления восстания в Литву и Белоруссию был послан с широкими полномочиями М. Н. Муравьёв, занявший пост виленского генерал-губернатора. Брат декабриста Александра Муравьёва, основателя Союза спасения, и сам когда-то член тайного общества, Михаил Муравьёв после краха движения декабристов раскаялся в прежних «заблуждениях», перешёл на реакционные позиции и теперь цинично заявлял о себе, что он «не из тех Муравьёвых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Он искусно использовал противоречия между помещиками и крестьянами, стремясь привлечь на сторону правительства зажиточную верхушку крестьянства. Будучи крайним крепостником, М. Муравьёв всё же вынужден был в демагогических целях посчитаться с влиянием декрета 22 января 1863 г. В Литве и Белоруссии был опубликован ряд указов, исправлявших «Положения 19 февраля 1861 г.», был введён обязательный выкуп крестьянских наделов, возвращены крестьянам отрезанные у них земли, расширена площадь крестьянского землепользования и понижены на 20% выкупные платежи. Эти меры преследовали определённую задачу: оторвать крестьян от восстания и изолировать революционную шляхту. Одновременно были приняты беспощадные меры по отношению к повстанцам. Арестованные руководители и активные участники восстания были повешены, при этом Муравьёв вешал и невинных — «для примера». По приказу Муравьёва сжигались дома и усадьбы повстанцев, вырубались леса, служившие защитой повстанческим отрядам, взимались огромные контрибуции. Для поимки повстанцев была организована стража из крестьян, и за каждого пойманного выдавалась денежная награда.

В Польшу для усмирения восстания был послан в качестве командующего войсками граф Ф. Берг; сосредоточив в своих руках неограниченную власть, он широко применял политику арестов, пыток и казней. К этому моменту «белые», окончательно разуверившись в победе восстания, стали действовать крайне нерешительно и пассивно. Тогда, в сентябре 1863 г.,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 13.

партия «красных» разогнала прежний состав «Жонда» и взяла руководство восстанием в собственные руки. Но восстание, сломленное поражениями и репрессиями, уже явно шло на убыль. Все попытки поддержать социальную борьбу, вдохнуть новую жизнь в революционное движение кончились крахом. Через месяц сентябрьское правительство снова уступило место умеренным элементам. Диктатором стал бывший сапёрный офицер русской армии, участник Крымской войны Ромуальд Траугут. Он пытался изменить тактику борьбы, соединяя слабо дисциплинированные повстанческие отряды в сплочённые регулярные части. Чтобы привлечь к восстанию широкие массы крестьянства, он принял суровые меры по отношению к помещикам, не выполнившим декрета 22 января о наделении крестьян землёй. Князь Владислав Чарторыский, лидер «белых», внушил Траугуту надежду на вмешательство в польские дела со стороны Наполеона III. Но после туманного и малообещающего выступления французского императора в законодательном корпусе в ноябре 1863 г. Траугут оставил эти надежды и стал думать о созыве «посполитого рушенья» (всеобщее ополчение) для продолжения борьбы. Траугут понимал, что предательская политика помещичьего класса в корне подрывает успех национальной борьбы за независимость. Сосредоточение в Польше огромного количества русских войск, жестокие репрессии, наступление суровой зимы несли с собой величайшие трудности. Размещённые по селениям и переодетые в крестьянское платье, инсургенты продержались до весны 1864 г. В Сандомирском уезде ещё продолжалась борьба. Там руководил отрядами Босак, одержавший над царскими войсками ряд побед. Но все усилия расширить восстание были напрасны. Ряды повстанцев редели, предводители отрядов или гибли в стычках, или расстреливались царским правительством.

Весной 1864 г. Траугут был арестован вместе с директорами революционно-правительственных отделов Рафаилом Краевским, Романом Жулиньским, Иосифом Точиским и Яном Езераньским. 5 (17) августа 1864 г. арестованные руководители восстания были повешены в Варшавской цитадели.

Вооружённая борьба ещё продолжалась в Жмуди и в южных губерниях русской Польши. Появились новые предводители из среды крестьян. В Сандомирском уезде сами крестьяне организовали отряд и под руководством Зажицкого долго вели борьбу. Наскоро образовавшийся «Жонд людовы» в своём воззвании от 8 (20) сентября 1864 г. провозгласил народную войну. Но людей уже нехватало. Восстание было сломлено. Один только ксёндз Бржоска, сын батрака, держался в луковских лесах в течение целого года, пока не был схвачен и повешен в конце апреля 1865 г.

Аграрная реформа в Польше. Восстание 1863 г. всё же улучшило положение польского крестьянства. Фактически барщина была уничтожена, и крестьяне перестали платить чинш помещикам. Это обстоятельство очень осложняло действия царского правительства в усмиряемой Польше. Без демагогической политики по отношению к крестьянству оно не могло бы окончательно подавить восстание — одной военной силы и репрессий было для этого недостаточно. Царское правительство приложило все усилия, чтобы отвлечь польских крестьян от восстания. Н. А. Милютину было поручено провести в Польше аграрную реформу на более широких основаниях. Волей-неволей правительству пришлось указом 19 февраля (2 марта) 1864 г. дать крестьянам в собственность землю, которую они обрабатывали, и все те участки, которые были отрезаны у них после издания закона 1846 г.; кроме того, за крестьянами сохранялось право пользования господскими пашнями и лесными угодьями, так называемыми «сервитутами». Крестьяне получали в собственность весь живой и мёртвый инвентарь, находившийся в их усадьбах, и немедленно освобождались от всех повинностей в пользу помещиков. Накопившиеся на крестьянах недоимки были сложены Крестьяне формально были освобождены от всяких выкупных платежей; правительство вознаградило помещиков за счёт казны, образовав с этой целью особый денежный фонд. Но фактически крестьяне всё-таки вносили частичный выкуп: на них был наложен поземельный налог, который служил одним из источников для пополнения правительственного фонда. В результате реформы польским крестьянам было прирезано из помещичьих и казённых земель около 2 млн. моргов. Однако эта прирезка не внесла радикального улучшения в положение крестьянства: реформа оставила в руках помещиков огромные земельные владения и, таким образом, санкционировала земельное ограбление крестьян, которое в течение двух веков производил польский пан, наступая на крестьянскую землю. 129 197 крестьянских дворов получили менее чем 3 морга на двор. Около 500 тыс. крестьян осталось (по подсчёту Мархлевского) совсем без земли.

На основании реформы 1864 г была создана мелкая сельская единица — гмина, в которой решались выборными от всех сословий вопросы местного самоуправления; крестьянство получило в гмине численное преобладание над помещиками.

Восстание 1863 г. в оценке классиков марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс не раз указывали на международное значение восстания 1863 г. Маркс ещё в «Новой Рейнской газете» — до восстания — выдвигал перед западноевропейским рабочим классом и революционной демократией польскую проблему. Он

намечал пути её революционного разрешения с целью ускорить демократическое движение в России и парализовать политику Священного союза, руководимого царизмом. Борьба Польши за независимость, за отделение от России наносила тяжёлый удар царизму — международному жандарму. Вот почему польское восстание 1863 г. встретило такое сочувствие со стороны Маркса и Энгельса.

«Как известно, Маркс стоял за независимость Польши с точки зрения интересов *европейской* демократии в ее борьбе против силы и влияния — можно сказать: против всесилия и преобладающего реакционного влияния — царизма» [1], — писал Ленин. «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно: в Европе опять более или менее широко открылась эра революций» [2], — писал Маркс Энгельсу. Энгельс отвечал: «Независимость Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга. А независимость Польши и революция в России... означают для немецких рабочих, что буржуазия и правительства Германии, короче говоря — германская реакция, будут предоставлены своим собственным силам, — а с этими силами мы уж со временем справимся сами» [3].

Правда, Энгельс не верил в успех назревавшего польского восстания. Он приходил к выводу, что аграрная революция «осуществится в полном виде скорее в России, чем в Польше, как вследствие национального характера России, так и вследствие большего развития в ней буржуазных элементов».

«Энгельс, — писал Ленин, — не верит в успех восстаний польских шляхтичей.

Но все эти мысли, в которых так много гениально-прозорливого, нисколько не помешали Энгельсу и Марксу, 12 лет спустя, когда Россия все еще спала, а Польша кипела, отнестись с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению» [4].

Маркс и Энгельс поддерживали польского революционного полковника Лапинского, который приступил к организации немецкого легиона для усиления восстания. Маркс от имени немецкой эмиграции в Лондоне написал воззвание о помощи полякам. В приветствии, посланном 27 ноября 1880 г. митингу в Женеве в память 50-й годовщины польской революции, Маркс и Энгельс писали: «Польское восстание 1863 г., вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным пунктом Интернационала, который был основан при

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 325.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIII, стр. 133—134.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 223.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 406.

участии польских изгнанников» [1]. Невзирая на то, что польская буржуазная демократия не оправдала надежд на радикальное уничтожение феодальных отношений, Маркс и Энгельс оценили восстание 1863 г. как прогрессивное.

Но такова была постановка польского вопроса в революционном движении только до третьей четверти XIX в., — дальше она коренным образом изменилась.

К 1871 г. в мировой истории закончилась эпоха буржуазно-национальных движений и началась новая эпоха — «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу. Это — эпоха подготовки и медленного собирания сил новым классом, современной демократией» [2]. Длилась она по годы первой империалистической войны. В это время на историческую сцену выступил новый, единственный до конца революционный класс — пролетариат — как сила, руководящая революционным движением. Лозунги национального движения стали в это время подхватываться и поддерживаться реакционной буржуазией в целях борьбы с революционным движением. Эксплоататорские классы Польши превратили лозунги национального освобождения в средство обмана рабочих, в орудие разобщения рабочих разных национальностей, в то время как очередной исторической задачей было именно объединение рабочих и крестьян разных национальностей для общих целей революционной борьбы пролетариата и крестьянства. В этих условиях искусственное задержание польских трудовых масс на уровне старых лозунгов 1863 г. могло принести лишь существенный вред пролетарской борьбе. Ленин писал в 1914 г., что воспоминания 1863 г. «составляют живую политическую традицию, которая, если не произойдут бури очень большого масштаба, еще долгие десятилетия грозит затруднять всякое демократическое и *особенно* социал-демократическое движение» [3].

Поэтому изменилась и постановка польского вопроса в революционном движении. Ленин писал об этом следующее:

«Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 551.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 126.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 421.

России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской.

Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку. Самостоятельные демократические движения и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения» [1].

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). Сочинения. Т. V. С. 259—267.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. Сочинения. Т. V. С. 512.—*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии. Сочинения. Т. VI. С. 237—238.—*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Польский вопрос в немецкой революции. Сочинения. Т. VI. С. 361—416. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Демократический панславизм. Сочинения. Т. VII. С. 219—220 — *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. Сочинения. Т. XV. С. 217—223.— *Маркс К., Энгельс Ф.* [и др.]. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г. Сочинения. Т. XV. С. 548—551.—*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Славянскому митингу 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской Коммуны. Сочинения. Т. XV. С. 552—553 — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1844—1853. Сочинения. Т. XXI. С. 211.—*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1861—1867. Сочинения. Т. XXIII. С. 133—136, 142, 156, 235, 258—259.—«Архив Маркса и Энгельса». Под ред. В. Адоратского. Т. I (VI). М. 1932. С. 190—191.—*Ленин В. И.* Национальный вопрос в нашей программе. Сочинения. Изд. 4. Т. 6. С. 415—417. — *Ленин В. И.* Памяти Герцена. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 13.—*Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 403—405. — *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении. Сочинения. Изд. 4. Т. 22. С. 328. — «Ленинский сборник» XVII. М. — Л. 1931. 346 с. — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 312—316.

II. Документальные материалы. Пособия. «Виленский временник». Кн. I и II. Вильно. 1904—1907. — Сборник документов музея графа М. Н. Муравьёва. Т. I. Сост. А. Белецкий. Вильно. 1906. XIII, LXXXIX, 233 с. — *Bentkowski W.* Moje notatki. В кн.: Wydawnictwo materyalow do historyi powstania 1863/4. Т. II. Lwów [1883]. — Из истории восстания 1863 г. на Литве. [Предисл. У. Шустер] «Исторический архив». Т. I.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 403—404.

М.—Л. 1936. С. 85—96.—*Люксембург Р.* Промышленное развитие Польши. Ред. Д. Протопопова. Перев. с нем. Ф. Гурвича. Спб. 1899. 102 с.—*Мархлевский Ю. (Ю. Карский).* Сочинения. Т. VI. Очерки истории Польши. М.—Л. 1931. XXIV, 320 с., 2 вкл. л.—*Драницын С. Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л. 1937. 302 с.—*Giejsztor J.* Pamiętniki z lat 1857—1865. T. I. Wilno 1913. 420 с., с илл., 1 вкл. л.—*Limanowski B.* Historja ruchu narodowego. T. I—II. Lwów. 1882 (с прилож. архивных документов).—*Limanowski B.* Historja powstania narodu polskiego 1863 i 1864 r. Изд. 2, переработ. Lwów. 1909. [2], VIII, [2], 516 с.

Глава XX

РЕФОРМЫ 1863—1874 гг.

Общая программа реформ. Реформы 1863—1874 гг. — земская, городская, судебная и ряд других — явились, как всякие реформы, побочным продуктом революционной борьбы. Царское правительство уже не могло «жить по-старому» и перед лицом революционной ситуации 1859—1861 гг. было вынуждено пойти на уступки и приняться за подготовку преобразований в области управления страной. Как всегда, либеральные соглашатели, предавая коренные интересы народа, вступали в сделку с царизмом и стремились сохранить основные устои старого. Ещё в 50-х годах, в период разработки крестьянской реформы, либеральными помещиками была намечена программа реформ государственных учреждений, имевшая целью приспособить самодержавно-полицейский строй России, сохраняя его классовую дворянско-помещичью сущность, к потребностям капиталистического развития. Реформы, проведённые в 1863—1874 гг., преследовали именно эту цель.

Земская реформа. Одной из таких реформ было создание земских учреждений, которые должны были заниматься делами местного хозяйства. В марте 1859 г. была учреждена особая комиссия под председательством Н. А. Милютина для разработки законопроекта о «хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». В апреле 1861 г. под давлением реакционной придворной клики Милютин был уволен в отставку как «либерал». Председателем комиссии был назначен новый министр внутренних дел П. А. Валуев. Размах революционного движения заставил нового председателя, несмотря на его реакционные тенденции, пойти дальше, чем предполагал Милютин: небывалый рост крестьянских волнений, усиление революционного движения в Польше и Финляндии, деятельность революционных кружков, студенческие волнения, а также рост конституционных притязаний дворянства — всё это вырвало у правительства некоторые уступки. «Земство, — писал Ленин, — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» *отманивали* от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему

демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических» [1].

1 января 1864 г. выработанный комиссией проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» был утверждён Александром II, и Валуеву было поручено заняться вопросом «о допущении представителей населения к участию в законодательстве». В ноябре 1863 г. он представил Александру II проект «нового учреждения Государственного совета», согласно которому предполагалось организовать при Государственном совете «съезд государственных гласных» из представителей губернских земств и городов, который должен был созываться раз в год для предварительного обсуждения некоторых законодательных вопросов перед внесением их в Государственный совет. Ни в какой мере не ограничивая самодержавной власти, валуевский проект имел в виду удовлетворить стремление дворянства «к некоторому участию в делах законодательства и общего государственного хозяйства». Но пока Валуев разрабатывал свой проект, надобность в нём уже миновала, так как политическая ситуация успела измениться: крестьянское движение явно шло на убыль, восстание в Литве и Белоруссии было подавлено, близилась ликвидация восстания и в Царстве Польском, революционные кружки начала 60-х годов были разгромлены и руководители их арестованы. Александр II отложил валуевский проект и решил ограничиться реформой местного самоуправления.

Земские учреждения создавались как учреждения выборные. Распорядительные органы земства — уездные и губернские земские собрания, — избиравшиеся на трёхлетний срок, созывались раз в год на несколько дней. Общее число уездных представителей — «гласных» — колебалось по разным уездам от 10 до 96, губернских — от 15 до 100 по разным губерниям. Земские гласные никакого вознаграждения за участие в земских собраниях не получали. Исполнительными, постоянно действовавшими органами земских собраний были уездные и губернские земские управы, избиравшиеся сроком на три года. Выборы в уездные земские собрания основывались на буржуазном принципе имущественного ценза. Поскольку одной из задач земской реформы было «вознаградить дворян за потерю помещичьей власти», предоставив им «первенство в хозяйственной администрации», избирательная система при формальной «бессословности» земских выборов обеспечивала фактическое преобладание за дворянским сословием. Выборы производились на трёх избирательных съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей и выборных от сель-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 59.

ских обществ. В съезде уездных землевладельцев участвовали все владельцы земель определённого законом размера, независимо от их сословной принадлежности, а также владельцы других недвижимых имуществ, торговых и промышленных предприятий определённого размера, находящихся в уезде. В городских избирательных съездах участвовали владельцы определённого размера торговых и промышленных предприятий и недвижимых имуществ, находящихся в пределах города. Избирательные съезды для выборов гласных от сельских обществ состояли из выборщиков, избиравшихся на волостных сходах. Число уездных гласных от каждой курии было установлено с таким расчётом, что в подавляющем большинстве уездов преобладание было обеспечено за курией землевладельцев, т. е. фактически за дворянами. По данным 1865—1867 гг., в 29 губерниях, в которых к этому времени было введено земство, среди уездных гласных было 41,7% дворян и чиновников, 38,4% крестьян, 10,4% купцов и 9,5% прочих сословий.

Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях (из расчёта один губернский гласный на шесть уездных), поэтому в губернских земских собраниях преобладание дворян и чиновников ещё более заметно: их было, по тем же данным, 74,2%, крестьян — 10,6%, купцов — 10,9%, прочих — 4,3%. Ещё большее преобладание дворян было в земских управах.

Председателем земского собрания по должности состоял предводитель дворянства.

Обеспечив преобладание в земстве дворянского сословия, правительство крепостников не передало новым учреждениям хотя бы части действительной власти на местах, так как не вполне доверяло даже местному дворянству, полагая, что среди него усиливались либеральные веяния. Компетенция земства была строго ограничена узкими пределами чисто хозяйственных «польз и нужд» данной губернии или уезда: пути сообщения местного значения, народное продовольствие, общественное призрение, взаимное страхование, борьба с падежом скота и с вредителями сельского хозяйства, «попечение» о местной торговле и промышленности, народном образовании, народном здравии, о тюрьмах, арестных домах и пр.

Правительство поставило земство под контроль центральной власти в лице губернатора и министра внутренних дел, которым было предоставлено право приостанавливать исполнение всякого постановления земских собраний, «противного законам или общим государственным пользам». Постановления земских собраний по некоторым вопросам нуждались и в формальном утверждении губернатора или министра внутренних дел. Председатель уездной управы утверждался в должности губернатором, а председатель губернской управы — министром.

Земские учреждения не обладали принудительной властью, не имели возможности приводить в исполнение свои постановления через зависимые от них органы, а должны были действовать через полицию, зависевшую всецело от центральной власти: как раз перед земской реформой временными правилами 25 декабря 1862 г. была осуществлена реформа полиции, в силу которой уездный исправник, ранее избиравшийся дворянским собранием, назначался губернатором. «Земство, — писал Ленин, — с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством... И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его» [1].

Компетенция земства с течением времени всё более суживалась. В интересах усиливавшейся буржуазии законом 21 ноября 1866 г. было крайне стеснено право земских собраний облагать торговые и промышленные предприятия: они могли облагаться лишь по ценности и доходности помещений, независимо от ценности продукции и размера оборота. Когда петербургское губернское земское собрание заявило протест против этого закона и отказалось пересмотреть уже составленную смету, все земские учреждения Петербурга были по высочайшему повелению на некоторое время закрыты, и ряд земских деятелей подвергся репрессиям. Враждебное отношение правительства к земству проявилось и в других ограничительных мерах. Сенатское разъяснение 4 мая 1867 г. признало незаконными сношения земств различных губерний между собой. Законом 13 июня 1867 г. земствам было запрещено печатать без разрешения губернатора свои постановления и отчёты о заседаниях; председатель земских собраний имел право закрывать их в случае «нарушения порядка» или нежелательного направления прений. Многочисленные ходатайства земств обычно не имели успеха.

Проведение земской реформы в жизнь сразу обнаружило свой классовый, помещичий характер. Земства очень неохотно переходили к замене натуральных повинностей (дорожной, подводной и пр.) денежными, так как натуральные лежали преимущественно на крестьянах. Усиленное внимание они уделяли

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 32.

вопросам борьбы с порубками и потравами, организации долгосрочного кредита для землевладельцев, насаждению крестьянских ссудо-сберегательных товариществ в надежде, что развитие мелкого кредита облегчит помещикам сдачу своих земель в аренду на выгодных условиях, организации маслобойных и сыроваренных артелей, являвшихся филиалами помещичьих ферм, и т. д. Помещичий характер земской деятельности проявлялся и в усиленном обложении крестьянских надельных земель сравнительно с помещичьими землями: в 1872 г. на десятину крестьянских надельных земель земский сбор составлял 11,5 коп., а на десятину остальных облагаемых земель—5,3 коп. Чрезмерность обложения крестьянских земель вела к накоплению безнадёжных недоимок, и земствам пришлось поставить вопрос о более точном учёте «платёжных сил крестьянства». В связи с этим в 70-х годах зарождается земская статистика, развитие которой относится уже к 80-м годам.

Но всё же и дворянские земства вынуждены были уделить некоторое внимание таким вопросам, как медицина и народное образование: заботы о медицине вынуждались распространением эпидемий, а заботы о народном образовании подчас обосновывались соображениями, что крестьянские «бунты» питаются-де «невежеством» народных масс. К концу 70-х годов расходы земств на медицину стали составлять в среднем около 18% земского бюджета, а расходы на народное образование — свыше 14% бюджета. В 1880 г. в земских губерниях насчитывалось около 12 тыс. земских школ, а врачей приходилось в среднем по 3 на уезд. Это всё же был шаг вперёд по сравнению с дореформенным временем, когда число сельских школ было совершенно ничтожным, а медицинская помощь в деревне совсем отсутствовала.

Земские учреждения вводились постепенно. В начале 80-х годов земства существовали в 34 губерниях Европейской России. Земства не были введены в Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерниях, где было слабо развито помещичье землевладение, в Польше, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине, где частное землевладение было преимущественно в руках польского дворянства, в Прибалтийском крае, где были сохранены старые органы местного самоуправления, находившиеся в руках немецких баронов, а также в Сибири, Казахстане, на Кавказе и в только что завоёванных владениях в Средней Азии.

Городская реформа. На тех же началах, что и земское самоуправление, было реформировано городское самоуправление. В 1862 г. в 509 городах были организованы всесословные комиссии для разработки оснований предстоящей реформы. В 1864 г. проект нового городового положения был уже готов.

но потом неоднократно пересматривался, и только 16 июня 1870 г. его, наконец, утвердил Александр II.

По городовому положению 16 июня 1870 г. городские думы (введённые ещё Екатериной II), составлявшиеся из депутатов от сословных групп, были заменены бессословными, члены которых — «гласные» — избирались на четыре года на основе имущественного ценза. Общее число гласных колебалось по разным городам от 30 до 72; в Москве число гласных было 180, в Петербурге —250. Городская дума избирала городскую управу, состоявшую из городского головы и двух или более членов.

В выборах гласных участвовали все плательщики городских налогов, причём они разделялись на три избирательных собрания: в первом собрании участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие третью часть общей суммы налогов, во втором — средние плательщики, также уплачивавшие в общей сложности одну треть налогов, в третьем — все остальные Каждое собрание избирало третью часть общего числа гласных; таким образом обеспечивалось преобладание в думах и избираемых ими городских управах наиболее крупных плательщиков городских налогов, т. е. наиболее крупной (в масштабе данного города) буржуазии.

Компетенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена узкими рамками чисто хозяйственных вопросов: внешнее благоустройство города, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и народном образовании («преимущественно в хозяйственном отношении»), меры предосторожности против пожаров и пр. Принудительной властью для исполнения своих постановлений не обладали и городские учреждения — они подчинены были надзору губернатора и министра внутренних дел; городские головы губернских городов утверждались в должности министром, головы других городов — губернатором. Словом, городское самоуправление, как и земское, было органом не местной власти, а лишь подсобным органом правительства по вопросам местного хозяйства.

В течение 70-х годов новое городовое положение было введено во всей России, за исключением Польши, Финляндии (где сохранялось прежнее городское устройство) и только что завоёванных районов Средней Азии.

Проведение в жизнь закона о городском самоуправлении также было крайне стеснено и носило на себе яркий отпечаток самодержавного строя и классовых интересов дворянства. На органы городского самоуправления, так же как и на земства, возложен был целый ряд «обязательных» расходов, большая часть которых в сущности должна была оплачиваться из обще-

государственных средств. Таковы, например, расходы на различного рода воинские потребности, на содержание тюрем, полиции, жандармерии, мировых судебных учреждений, на «пособия» казне и пр. Московское городское управление, например, расходовало на эти статьи в конце 70-х годов свыше 1,5 млн. руб., что составляло 37% городского бюджета, причём свыше 0,5 млн. руб. шло на содержание полиции и жандармерии. В более мелких городах тяжесть этих расходов была ещё больше; так, в городе Козлове в начале 80-х годов они поглощали 57% бюджета.

Основными источниками городских доходов были оценочный сбор с недвижимых имуществ и налоги на торговлю и промыслы. В Москве конца 70-х годов эти источники составляли 76% доходного бюджета. Так как руководящая роль в городском самоуправлении принадлежала более или менее крупной буржуазии, то последняя старалась переложить бремя городских налогов на менее имущие слои населения. Оценка имущества и доходов находилась в ведении городского самоуправления, т. е. фактически в руках крупной буржуазии. Поэтому домишки городской бедноты, ютившейся на окраинах, облагались гораздо тяжелее, чем находившиеся в центре богатые особняки и доходные дома крупных домовладельцев, купцов и фабрикантов. Так же неравномерно раскладывались сборы с торговли и промыслов: мелкие лавочки и ремесленные мастерские облагались относительно тяжелее, чем крупные торговые и промышленные предприятия. В Москве в конце 70-х годов сборы с торговли и промыслов составляли свыше 1,5 млн. руб.; из них почти третью часть уплачивали приказчики, мелочные торговцы, ремесленники, разносчики, огородники, извозчики и пр. А между тем городское хозяйство обслуживало преимущественно интересы наиболее зажиточной части населения.

Наиболее крупной статьёй городских расходов, не считая указанных выше расходов на общегосударственные нужды, были затраты на благоустройство города: в Москве конца 70-х годов расходы по этой статье составляли около 31% расходного бюджета. В центре крупного города, где жили богатые купцы и фабриканты, имелись и мостовые, и тротуары, и уличное освещение, подчас и конка, тогда как окраины, населённые беднотой, утопали в грязи и мраке и были лишены удобных способов сообщения с центром. В маленьких же городках благоустройство в сущности отсутствовало, — по всем городам 50 губерний Европейской России расходы по благоустройству составляли в начале 80-х годов в среднем около 15%.

Заботы городского самоуправления о народном образовании, народном здравии и «общественном призрении» были очень невелики: по всем городам 50 губерний в начале 80-х годов на

учебные заведения расходовалось около 3 млн. руб., на больницы, приюты, богадельни и пр. — около 2,5 млн.; в общей сложности это составляло около 13% общегородского бюджета.

При всей своей половинчатости реформа местного самоуправления была всё же некоторым шагом вперёд: новые земские и городские учреждения, основанные на буржуазном принципе имущественного ценза, резко отличались от старых, чисто сословных и сословно-бюрократических органов по заведыванию делами местного хозяйства; лежавший в основе выборов имущественный ценз давал возможность поднимающемуся классу — буржуазии — влиять на местное самоуправление, особенно, конечно, в городских думах, но отчасти также и в земских собраниях. Заседания городских дум и земских собраний были публичными, и отчёты о них печатались в газетах. Таким образом, новые органы самоуправления в гораздо большей степени соответствовали потребностям капиталистического развития страны, чем екатерининские городские думы.

Судебная реформа. Наиболее последовательной из буржуазных реформ 60-х годов была судебная реформа. Несоответствие старого суда новым требованиям, выдвинутым развитием капиталистических отношений, уже давно ощущалось не только в общественных, но и в правительственных кругах. В 1861 г. в связи с обострением революционной ситуации правительство решило поставить вопрос о реформе. Осенью 1861 г. Александр II поручил государственной канцелярии разработать с участием известных юристов «основные положения» нового судоустройства и судопроизводства; утверждённые Александром II 29 сентября 1862 г., эти положения были опубликованы во всеобщее сведение, а также разосланы для отзыва в судебные учреждения и университеты. На основе этих положений был выработан, с учётом полученных отзывов, проект новых судебных уставов, получивший утверждение Александра 20 ноября 1864 г.

Старые сословные суды, сохранившиеся со времени Екатерины II, были заменены общими судебными учреждениями для лиц всех сословий: формально все судились в одних и тех же судах, по одним и тем же законам, при одном и том же порядке судопроизводства. Это было шагом вперёд.

В каждом судебном округе был учреждён окружной суд, решения которого, принятые с участием присяжных заседателей, считались окончательными, т. е. не подлежали обжалованию по существу; решения же окружного суда, принятые без участия присяжных заседателей, могли быть обжалованы в судебную палату (округ судебной палаты охватывал несколько судебных округов), решения которой считались окончательными. Решения судебных палат, так же как и решения окружных

судов с участием присяжных заседателей, можно было обжаловать только в кассационном порядке, т. е. лишь в случае нарушения законного порядка судопроизводства. Кассационной инстанцией являлся Сенат; в случае отмены им решения суда дело поступало на вторичное рассмотрение того же или другого суда.

Мелкие проступки и правонарушения и мелкие гражданские иски рассматривались мировыми судьями при упрощённом порядке судопроизводства. Высшей инстанцией по отношению к мировому судье был съезд мировых судей всего уезда.

Предварительное следствие по уголовным делам, находившееся ранее в руках полиции, передано было особым чиновникам судебного ведомства — судебным следователям. Для засвидетельствования всякого рода актов были учреждены особые должности нотариусов. Наконец, для оказания юридической помощи нуждающимся в этом лицам был создан институт присяжных поверенных — адвокатов, не состоящих на государственной службе, но действовавших под контролем судебных палат; для вступления в присяжные поверенные нужно было иметь высшее юридическое образование и обладать пятилетним стажем судебной практики. Адвокатам надо было платить гонорар, поэтому только состоятельные люди могли прибегать к их помощи. Бедняки получали бесплатного защитника по назначению, который часто вёл дело невнимательно и формально.

Устанавливалась независимость суда от администрации; предполагалось, что независимость обеспечивалась несменяемостью судей: председатели и члены судебных палат и окружных судов, мировые судьи и судебные следователи не подлежали увольнению и даже временному отстранению от должности в административном порядке; они могли быть отстранены только в случае привлечения к суду по обвинению в уголовном преступлении, а смещены лишь по приговору уголовного суда. С той же целью введена была гласность судопроизводства; в противоположность дореформенному суду, где дела решались в тиши канцелярий, в новых судах судебный процесс совершался при открытых дверях, в присутствии публики. Отчёты о судебных заседаниях печатались в газетах. Введено было также участие сторон в судебном процессе; тяжущиеся стороны могли или сами непосредственно выступать на суде, или поручать своё дело присяжным поверенным. Состязательный процесс применялся также и в уголовных делах: обвинителем выступал прокурор или товарищ прокурора, а обвиняемый имел право защищаться лично или пригласить защитника. В дореформенном же суде дело велось без участия заинтересованных лиц, заочно, путём канцелярской переписки.

Применён был частично также принцип выборности судей: мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, а в Петербурге и Москве — городскими думами из лиц, обладавших определённым имущественным цензом; в уездах в мировые судьи попадали главным образом местные помещики. Председатель мирового съезда выбирался мировыми судьями уезда из своей среды (в губерниях, не имевших земства, мировые судьи и председатели мировых съездов назначались администрацией). В окружных судах введён был институт присяжных заседателей из населения. Присяжные заседатели, назначаемые по жребию в количестве 12 человек для рассмотрения каждого дела, решали вопрос о виновности или невиновности подсудимого в уголовных делах (гражданские дела рассматривались без участия присяжных); после решения присяжных состав суда (председатель и два члена), в зависимости от вынесенного присяжными вердикта, определял степень наказания или освобождал подсудимого. Присяжные должны были обладать известным имущественным или служебным цензом или иметь известного размера доход; кроме того, они должны были удовлетворять цензу грамотности и цензу оседлости — прожить не менее двух лет в пределах уезда. Имущественный ценз был довольно высок и исчислялся или по недвижимой собственности или по доходу с капитала, — отсюда следует, что представители трудовых масс и прежде всего рабочего класса фактически исключались из числа присяжных заседателей, хотя об этом и не говорилось прямо в законе. Суд по новому закону находился в руках имущих классов.

Таким образом, пореформенный суд существенно отличался от дореформенного суда крепостной дворянской России с его канцелярской тайной, бесконечной волокитой по инстанциям, отсутствием адвокатуры и произволом администрации (ранее губернатор, например, мог остановить любое решение суда и передать дело на новое рассмотрение). Новый суд был более гибким и приспособленным к капитализму судом, стоявшим на страже имущих классов.

Однако судебная реформа сохранила немало элементов крепостнического порядка, а последовавшие тотчас же за ней дополнительные узаконения внесли ещё добавочное отступление от принципов буржуазного суда. Был сохранён сословный крестьянский волостной суд, учреждённый общими «Положениями 19 февраля 1861 г.»; он судил крестьян по мелким уголовным и гражданским делам, притом волостной суд судил не на основании общих законов, а на основании местных крестьянских обычаев. Сохранились также особые суды для духовенства: духовные лица подлежали суду духовной консистории не только за нарушение церковных правил, но и по таким де-

лам, как клевета, оскорбление словом или действием, несоблюдение обязательств и пр. Военные суды также судили военных не только за нарушение воинского устава, но и за некоторые правонарушения общего порядка. Всё это, несомненно, являлось значительным отступлением от буржуазного принципа «равенства всех перед законом». Такое же отступление представляли изъятия, сделанные для чиновников, совершивших преступление по должности. В этих случаях чиновники могли быть преданы суду только по постановлению своего начальства и судились в исключительном порядке разными судебными учреждениями в зависимости от своего чина и служебного положения.

В особом порядке разбирались дела по преступлениям политическим: они рассматривались судебными палатами или верховным уголовным судом, причём в судебных палатах вместо присяжных заседали сословные представители — губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина. Законом 1866 г. было изъято из окружных судов и передано судебным палатам также судопроизводство по делам печати. Законом 1871 г. производство дознания по политическим делам было передано жандармерии, причём, по соглашению министра юстиции с шефом жандармов, при недостатке улик для обвинительного приговора могло быть испрошено «высочайшее повеление» о решении дела без суда, в административном порядке. В 1878 г. последовало «высочайшее повеление» о передаче значительной части дел политического характера военному суду для применения к ним законов военного времени.

Независимость суда от администрации отнюдь не обеспечивалась несменяемостью судей: судебный чиновник старался выслужиться перед начальством, чтобы получить орден или повышение в чине. Было и ещё одно орудие давления — право перемещения судебных чиновников. Так, судебный следователь против своего желания мог быть перемещён из столицы или крупного губернского города в захолустье (лишь в пределах того же округа), если не умел угодить начальству. С 1867 г. вошло в обыкновение назначать вместо следователей «исправляющих должность следователя» чиновников, на которых несменяемость не распространялась. Несколько раньше, в 1866 г., судебные чиновники были поставлены в зависимость и от общей администрации: им предписано было являться к губернатору по его вызову, «подчиняться его законным требованиям» и «оказывать ему должное уважение». Закон 1872 г. ограничивал публичность судебных заседаний. Очень беспокоила реакцию также независимость адвокатуры. В 1874 г. последовало распоряжение о «временной» приостановке учреж-

дения советов присяжных поверенных с передачей функций советов окружным судам. В том же году министру юстиции было предоставлено право исключать из адвокатуры частных поверенных, признаваемых им «недостойными».

Практика шла ещё дальше в нарушении судебных уставов, чем законодательство. 31 марта 1878 г. Александр II приказал арестовать Веру Засулич, только что оправданную в этот день судом присяжных, но она уже успела скрыться. Широкое и произвольное применение административных репрессий существовало наряду с репрессиями, налагаемыми по суду.

Судебные уставы были введены далеко не везде: они не были введены в Средней Азии и Сибири, а также на северной и юго-восточной окраинах Европейской России (губернии Архангельская, Олонецкая, Уфимская, Оренбургская и Астраханская). В Польше, Прибалтике и на Кавказе окружные суды решали все дела без участия присяжных заседателей.

Отмена телесных наказаний. В числе реформ, вырванных революционной ситуацией, была и отмена телесных наказаний. Вопрос об этом был передан на рассмотрение особого комитета при II отделении «собственной его величества канцелярии». Несмотря на энергичное противодействие министра юстиции графа В. Н. Панина и автора «православного катехизиса» московского митрополита Филарета, выработанный комитетом проект закона был принят Государственным советом и в 1863 г. утверждён Александром II. Совершенно отменялись варварские наказания шпицрутенами, плетьми и кошками (плеть с несколькими концами из смолёной пеньки) по приговорам гражданских и военных судов, отменялось также наложение клейм и штемпельных знаков на лицо; розги оставлялись как замена тюремного заключения или ареста в случаях «явной невозможности» осуществить это наказание; женщины от телесного наказания освобождались совсем. Но и эта реформа отмечена печатью крепостничества. В неприкосновенности сохранилась розга для крестьян по приговорам волостных судов. Для «нижних чинов», переведённых в разряд штрафных, а также для ссыльных и каторжных (даже для женщин), для заключённых в арестантские отделения розги также были сохранены. Для каторжан и ссыльнопоселенцев оставлялись и шпицрутены, заменённые через полгода плетьми.

Финансовые реформы. Был проведён ряд реформ буржуазного характера и в области финансов. Указом 1860 г. «для оживления промышленности и торговли» был учреждён Государственный банк, которому передавались все вклады из упразднённых прежних учреждений — земского и коммерческого банков «сохранной казны» и приказов общественного

призрения; Государственный банк получил право выдавать краткосрочные коммерческие ссуды (сроком до девяти месяцев). В том же году был издан закон об отмене характерной для феодально-крепостнического государства системы винных откупов и о замене её акцизной системой. Продажа вина становилась повсеместно свободной, но выпускаемое в продажу вино облагалось акцизным сбором, взимание которого возложено было на особые учреждения — акцизные управления. Акцизная система вводилась в действие с 1 января 1863 г.

Законом 1862 г. внесён был порядок в составление смет отдельными ведомствами и в расходование ими ассигнуемых им средств: составляемые ведомствами сметы проводились через министерство финансов и Государственный совет; расходование средств должно было производиться согласно утверждённым сметам. С этого же времени роспись государственных доходов и расходов стала ежегодно публиковаться во всеобщее сведение. Указом 1864 г. был преобразован государственный контроль; во всех губерниях были учреждены контрольные палаты, проверявшие ежемесячно расходы всех местных учреждений со стороны их законности и целесообразности, причём эти палаты подчинялись непосредственно государственному контролёру. С 1868 г. годичные отчёты государственного контролёра об исполнении росписи также стали печататься для всеобщего сведения.

Но рядом с этими мероприятиями буржуазного характера сохранена была подушная подать, введённая ещё при Петре I и носившая ярко выраженный сословный характер: ей подлежали так называемые «податные» сословия, т. е. крестьяне, мещане и ремесленники; дворянство было попрежнему свободно от личных податей, а купечество платило вместо подушной подати гильдейский сбор, соответствовавший размерам объявленного капитала.

Классовая сущность монархии очень ярко проявилась в государственном бюджете. Основная масса государственных доходов попрежнему взималась с крестьянства в виде прямых и косвенных налогов. Крупнейшие статьи прямых налогов — подушная подать и оброчная подать с государственных крестьян — составляли 23,7% бюджета, тогда как налоги на торговлю и промыслы составляли всего 2,5%; помещики же прямых государственных налогов совсем не платили, за исключением незначительного поземельного налога, введённого в 1870 г. Из косвенных налогов львиная доля приходилась на питейный сбор, который давал 34% бюджета. Главным образом на крестьян падали также соляной налог и акциз на табак.

Из государственных расходов на первом месте стояли расходы на армию и флот, составлявшие 37% расходного

бюджета (201,3 млн руб. из 543,2 млн). Затем шли расходы по всякого рода финансовым операциям казны (организация прямых и косвенных сборов, уплата процентов и погашения по государственным долгам и пр.), составлявшие 35,5%, и, наконец, расходы на содержание аппарата управления (высшие правительственные учреждения, синод, министерства, двора, юстиции и внутренних дел), составлявшие 13%. Все эти расходы поглощали 85,5% бюджета. На долю же, например, министерства народного просвещения приходилось всего 14,3 млн. руб., т. е. 2,6% бюджета.

Цензурная реформа. Ещё в 1857 г. правительством был поставлен на очередь вопрос о пересмотре цензурного устава, но дело затянулось. Только в апреле 1865 г. проект нового цензурного устава, выработанный особой комиссией при министерстве внутренних дел, был утверждён в качестве «временных правил», сохранивших, однако, свою силу вплоть до 1905 г. Временными правилами отменялась предварительная цензура для книг более или менее значительного размера (не менее 10 листов для оригинальных сочинений и 20 листов для переводных). Но для небольших книг и брошюр, т. е. для литературы, рассчитанной преимущественно на массовое распространение, предварительная цензура сохранялась. Периодические издания также могли освобождаться от предварительной цензуры, но с особого разрешения министра внутренних дел и с представлением довольно значительного денежного залога (от 2 500 до 5 тыс. руб.). Издания, освобождённые от предварительной цензуры, подлежали ответственности за нарушение закона только в судебном порядке. К суду могли быть привлечены не только автор или редактор, но также издатель, владелец типографии и книготорговец. Периодические издания могли подвергаться, кроме того, и административному воздействию в виде «предостережений», временной приостановки (до 6 месяцев) и даже совершенного прекращения. Наконец, новые правила распространялись только на столицы, по отношению же к провинции предварительная цензура сохраняла прежнюю силу (за исключением изданий правительственных и научных учреждений). Сохранена была также специальная духовная цензура. Таким образом, сделав некоторые незначительные уступки буржуазной свободе печати, правительство крепостников удержало в основном в своих руках возможность непосредственного воздействия на печатное слово.

Но и этого ему показалось мало. Законом 1866 г. бо́льшая часть дел о печати была изъята из ведения окружных судов и передана в судебные палаты. В 1868 г. министру внутренних дел было предоставлено право запрещать розничную продажу газет. Законом 1872 г. министру внутренних дел было предо-

ставлено право передавать вопрос о запрещении выпуска в свет произведений печати, признанных им «особенно вредными», не в суд, а в комитет министров, причём виновные лица могли быть всё-таки привлечены к судебной ответственности. В силу закона 1873 г. редакторы периодических изданий под угрозой приостановки изданий не должны были касаться тех вопросов, обсуждение которых в печати признавалось правительством «неудобным». Наконец, временными правилами 1879 г. право приостанавливать и даже прекращать издание газет и журналов предоставлялось и генерал-губернаторам.

На практике привлечение к суду за нарушение законов о печати всё чаще заменялось мерами административного воздействия. За время с 1870 г. по февраль 1880 г. периодические издания получили 130 предостережений, 81 запрещение розничной продажи, 41 временную приостановку и 3 были вообще прекращены без соблюдения порядка, установленного законом.

Реформы в области народного образования. Ещё редакционные комиссии высказывались о «настоятельной необходимости учреждения повсеместно сельских училищ», надеясь, что распространение грамотности «предупредит безотчётное увлечение несбыточными ожиданиями и слепую веру, с которой принимаются часто самые неосновательные слухи». Неизбежно связанный с буржуазными реформами вопрос о народном образовании правительство с самого начала стремилось поставить на службу «охранительным началам». Разработка этого вопроса заняла несколько лет; наконец, в 1864 г. Александром II было утверждено «Положение о начальных народных училищах». Право открытия и содержания школ предоставлено было общественным учреждениям и частным лицам, с соответствующего, однако, разрешения; руководство же учебной частью школ передавалось губернским и уездным училищным советам; уездный совет состоял из представителей ведомств с участием двух представителей от уездного земского собрания; председатель уездного совета избирался им из своей среды, в губернском же совете, состоявшем из губернатора, архиерея, директора училища и двух представителей от губернского земского собрания, председательствовал архиерей. Последнее вполне «гармонировало» с задачами школы, как они формулировались «Положением»: целью школы признавалось не только «распространение первоначальных полезных знаний», но и «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий». В соответствии с этим определялось и содержание учебного курса: закон божий, чтение гражданской и церковной печати, письмо, четыре правила арифметики и церковное пение. Преподавание должно было производиться повсюду только на

русском языке. В этом проявлялась насильственная руссификаторская политика правительства, направленная к национальному угнетению нерусских народов.

В 1864 г. был утверждён новый устав гимназий. Он вводил довольно высокую плату за учение: хотя в гимназию формально могли приниматься дети лиц «всех сословий, без различия звания и вероисповедания», однако практически в силу высокой платы в гимназию был закрыт доступ детям трудящихся. Гимназии предусматривались двух типов — классические и реальные; те и другие — семиклассные; в первых преподавались латинский и греческий языки, во вторых же древних языков не было, но был увеличен объём курса математики и естествознания. Окончившие классическую гимназию имели право поступать без экзамена в университет; окончание реальной гимназии давало право поступления только в высшие технические учебные заведения.

Произошёл некоторый сдвиг и в области женского образования. «Ведомство учреждений императрицы Марии» наряду с закрытыми женскими учебными заведениями — институтами благородных девиц — ещё с 1858 г. начало открывать женские гимназии для приходящих, куда принимались дети лиц всех свободных сословий. В том же году было издано «Положение об училищах для девиц» министерства народного просвещения, переименованных позднее также в женские гимназии. В 1862 г. были утверждены уставы женских учебных заведений обоих ведомств, объём курса женских гимназий, как «мариинских», так и министерских (те и другие были семиклассные); их курс был, однако, значительно меньше курса мужских гимназий. Целью женской школы признавалась лишь та степень образования, которая необходима преимущественно для «будущей матери семейства». Открытие женских гимназий министерство народного просвещения всецело предоставляло инициативе общественных учреждений, на которые возлагало и все расходы по их содержанию.

Ещё в самом начале царствования Александра II был поставлен вопрос о пересмотре университетского устава 1835 г. Новый устав 1863 г. восстанавливал автономию профессорской коллегии. Руководство всей жизнью университета принадлежало университетскому совету профессоров; управление факультетами находилось в руках факультетских советов. Ректор университета и деканы факультетов избирались профессорской коллегией; путём выборов замещались также должности профессоров и других преподавателей. Министерству, однако, было предоставлено право утверждения избранных советом профессоров и других должностных лиц и даже право назначения профессоров по своему усмотрению. Некоторые

решения университетского совета подлежали утверждению попечителя округа или министра; попечитель мог также приостановить всякое решение совета, если находил его несогласным с уставом. Студенты не получили никаких корпоративных прав и подлежали профессорскому дисциплинарному суду, избираемому советом. Женщины в университеты не допускались.

Новый университетский устав сложился под непосредственным впечатлением студенческого движения 1861 г. Он должен был удовлетворить требованиям либеральной профессуры и обеспечить её содействие в борьбе с революционным движением студенчества.

Но и эти чрезвычайно скромные реформы были вскоре урезаны. Началось это в связи с резким поворотом правительственного курса в сторону крепостнической реакции после выстрела Каракозова. В апреле 1866 г. министром народного просвещения был назначен один из столпов реакции, граф Д. А. Толстой, сменивший на этом посту либерального А. В. Головнина. «Моё внимание, — писал Александр II в рескрипте, указывавшем, в каком направлении надлежит действовать новому министру, — уже обращено на воспитание юношества. Мною даны указания на тот конец, чтобы оно было направлено в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал существующего порядка и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проведение тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа».

Немедленно по назначении на пост министра Толстой поставил на очередь пересмотр устава гимназий. В результате был выработан новый устав 1871 г., оставивший только классические гимназии, срок обучения в которых увеличился до восьми лет; реальные гимназии упразднялись. Основной задачей гимназического образования признавалось не усвоение реальных знаний, а «дисциплина ума»; поэтому главными предметами курса были признаны древние языки и математика, причём число учебных часов по древним языкам увеличивалось на 50%. Было уменьшено число уроков истории и литературы; преподавание естествознания совсем упразднялось. Программы и методы преподавания строго регламентировались министерскими инструкциями. Для учеников были изданы правила поведения как в гимназии, так и вне её. Для наблюдения за учениками в стенах гимназии и вне её вводился институт «классных наставников» и их помощников — надзирателей. Был разработан специальный кодекс наказаний.

Взамен упразднённых реальных гимназий учреждались шестиклассные реальные училища. Целью их было дать

образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний»; учащиеся должны были получать подготовку «к занятиям различными отраслями промышленности и торговли». Поэтому объём преподавания общеобразовательных предметов очень сокращался за счёт расширения предметов узко технических. Доступ в университет реалистам был закрыт совершенно. Александр II прямо предписал: «Не допускать ни в один факультет университетов лиц, окончивших реальные училища»; затруднён был доступ и в техническую высшую школу. Реальные училища явно предназначались для детей буржуазии, для которых высшее образование считалось «излишней роскошью»: высшее образование, по словам апологета толстовской школы М. Н. Каткова, «есть потребность высшего класса, руководящего судьбами своего народа и создающего его будущее», т. е. дворянства. Таким образом, в слегка замаскированном виде воскрешался сословный принцип, лежавший в основе школы николаевского царствования.

Для усиления непосредственного влияния и контроля со стороны министерства в начальной школе в 1869 г. была учреждена должность инспектора народных училищ. Согласно новому «Положению о начальных народных училищах» от 25 мая 1874 г. реформированы были училищные советы: круг их деятельности ограничивался хозяйственными и административными вопросами, руководство же всей учебной частью было сосредоточено в органах министерства — у директоров и инспекторов народных училищ; последние несли также функцию правительственного надзора за земской школой и учительством в «охранительных» целях; «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения» возлагалось на губернаторов. Председательство в училищных советах было передано губернским и уездным предводителям дворянства. Александр II в рескрипте Толстому призывал «верное моё дворянство стать на страже народной школы» и тем оградить её бдительным наблюдением «от тлетворных и пагубных», т. е. революционных, влияний.

Толстой имел в виду подвергнуть пересмотру и университетский устав 1863 г., но успел провести лишь некоторые частичные мероприятия по усилению надзора за студентами: были утверждены правила, вменявшие в обязанность полиции и университетской администрации взаимное осведомление о «политической благонадёжности» студентов. В 1879 г. для надзора за студентами была введена инспекция, независимая от профессорской коллегии.

В несколько своеобразном положении в министерстве Толстого оказалось высшее женское образование. Правительство

было очень обеспокоено всё усиливавшейся тягой за границу женской молодёжи, не допускаемой в университеты уставом 1863 г. Поэтому Толстой не препятствовал открытию по частной инициативе и на частные средства общеобразовательных курсов для женщин, имея в виду отвлечь их от заграничных университетов. Так, в 1869 г. в Москве были открыты публичные женские курсы по программе мужских классических гимназий (так называемые «Лубянские курсы»); в 1870 г. в Петербурге открылись «Публичные лекции для мужчин и женщин», имевшие характер университетского образования (так называемые «Владимирские курсы»); в том же году в Киеве возникли «Систематические публичные курсы по естественным наукам». В 1872 г. по инициативе профессора В. И. Герье в Москве были открыты «Высшие женские курсы», получившие по мере развития значение высшего учебного заведения по словесно-историческим наукам; «Лубянские курсы» также превратились постепенно в высшее учебное заведение с программой физико-математических факультетов. В 1876 г. открылись «Высшие женские курсы» в Казани с двумя факультетами — словесно-историческим и физико-математическим, в 1878 г. — в Киеве и в Петербурге, также с двумя факультетами. Особенно широко развернулась работа Петербургских курсов, получивших в публике название «Бестужевских», по имени первого председателя педагогического совета, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Женская высшая школа почти целиком содержалась за счёт платы за учение и частных пожертвований; только Бестужевские курсы получали небольшую субсидию от казны.

Опыт Крымской войны показал полную непригодность подготовки офицерских кадров и вызвал коренную перестройку военного образования. 14 мая 1863 г. были утверждены основные положения, на базе которых строилась новая военная школа. Кадетские корпуса были уничтожены; для подготовки офицеров учреждались специальные военные училища с двухлетним курсом, рассчитанные на лиц, имеющих значительную общеобразовательную подготовку. Такую подготовку должны были давать так называемые «военные гимназии», построенные по типу реальных гимназий, но с бо̀льшим объёмом преподавания общеобразовательных предметов. Развивавшиеся под руководством либерального военного министра Д. А. Милютина военные гимназии всё же выгодно отличались от изуродованных Толстым классических гимназий и реальных училищ как по своему учебному плану, так и по постановке преподавания, свободного от мертвящей регламентации. Это привлекло в них лучшие педагогические силы.

Военная реформа. Проведение военной реформы было прямым результатом разложения феодально-крепостнического строя и военного поражения царизма в Крымской войне. Объективный смысл её заключался в приближении армии феодально-крепостнического государства к армии буржуазного типа.

Д. А. Милютин, назначенный военным министром в 1861 г., подготовил реформу рядом предварительных мероприятий (фактическое сокращение срока службы в 60-х годах, пересмотр рекрутского устава, новая структура военного министерства, создание военных округов, улучшение вооружения, нововведения в военном образовании и др.). Рост вооружений главнейших европейских государств, образование милитаристической Германии в результате франко-прусской войны дали основание Милютину поставить вопрос о введении всесословной воинской повинности.

1 января 1874 г. был утверждён устав о воинской повинности. По этому закону воинскую повинность должно было отбывать всё мужское население, достигшее 20 лет, без различия сословий. Срок военной службы для сухопутных войск устанавливался в 6 лет действительной службы и 9 лет запаса, а для флота — 7 лет действительной службы и 3 года запаса. Ввиду того что контингент ежегодно призываемых был всё же значительно меньше подлежащих призыву, лишь часть призывников определялась на действительную службу с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Это определялось, во-первых, льготами по семейному положению и, во-вторых, жеребьёвкой. Значительные льготы предоставлялись лицам, получившим образование.

Устав о воинской повинности разрешал одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для развёртывания армии в военное время. Тем самым создавались условия для превращения русских вооружённых сил в массовую армию буржуазного типа.

Введение всесословной воинской повинности имело прогрессивное значение. Однако в условиях самодержавного строя и эта буржуазная реформа не могла быть до конца последовательной. Значительная часть «инородческого» населения вовсе устранялась от воинской повинности; освобождались от призыва лица духовного звания, меннониты, отдельные группы колонистов, не говоря уже о многочисленных отступлениях от закона для господствующих классов, практиковавшихся в условиях самодержавно-дворянского строя. «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что при-

вилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений» [1], — писал Ленин.

И после реформы армия сохранила многие феодально-крепостнические черты. Хотя юридически каждый солдат мог дослужиться до офицерского чина, фактически командный состав пополнялся преимущественно из дворян. Несмотря на отмену телесных наказаний в 1863 г. и запрещение «собственноручной» расправы начальства с солдатами, «рукоприкладство» в армии попрежнему широко применялось. Между привилегированным, носящим кастовый характер командным составом и бесправной, приниженной солдатской массой сохранилась попрежнему пропасть, отделявшая «барина» от «мужика».

Являясь неразрывной частью буржуазных реформ 60-х годов, военные реформы также несли на себе печать феодально-крепостнического строя. Коренное переустройство вооружённых сил России, как и уничтожение феодально-крепостнических пережитков, не могло быть проведено в условиях существования царизма. «Царизм, — писал Ленин, — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела...» [2]

Значение реформ 1860—1870-х годов. Реформы 60—70-х годов носили буржуазный характер: проводя эти реформы, правительство крепостников становилось на путь приспособления к потребностям капиталистического развития, пытаясь внести в самодержавно-крепостнический строй тогдашней России частичные поправки, вводившие в него элементы буржуазного государства. «Если, — писал Ленин, — бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861-м году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861-го года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление*, в котором этот *шаг* последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения» [3].

Действительно, реформы этой эпохи при всей их половинчатости и незавершённости способствовали развитию в России

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 390.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, изд. 4, стр. 35.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 88.

капитализма. Земские учреждения, хотя и дворянские по составу, провели ряд мероприятий по улучшению помещичьего и кулацкого хозяйств: устройство сельскохозяйственных складов и опытно-показательных станций, организация агрономической и ветеринарной помощи, развитие мелкого кредита и сельскохозяйственной кооперации и пр. Многие губернии были обязаны земству дорожным строительством и организацией почтовых сношений. Известную роль сыграло земство в деле народного образования и здравоохранения. Почти все сельские школы, а отчасти также и средние, особенно женские, были созданы земством; земством же почти целиком была организована медицинская помощь в деревне, а отчасти и в городе. Приблизительно такое же значение имела во многих местах и деятельность городского самоуправления, особенно в более или менее значительных центрах. Имела значение и судебная реформа: при всех её отступлениях от буржуазных принципов она всё же создала такие судебные учреждения и такие порядки судопроизводства, которые обеспечивали известный минимум буржуазной законности, необходимый для успехов капиталистического развития. Имели положительное значение и финансовые реформы — централизация государственного кредита, реорганизация государственного контроля, опубликование бюджета и отчётов государственного контроля и пр. Цензурная реформа предоставляла печати несколько бо́льшие, нежели ранее, возможности; реформа школы в некоторой мере способствовала распространению хотя бы элементарной грамотности среди народных масс и облегчала доступ к среднему и высшему образованию для буржуазии; военная реформа дала возможность создать армию, в организационном и техническом отношении гораздо более соответствующую потребностям капиталистической России, и т. д.

Однако печать половинчатости и ограниченности капитализма «прусского образца» была, как мы видели, резко запечатлена на «реформах».

Революционная ситуация конца 50-х — начала 60-х годов, вырвавшая реформы у правительства, не превратилась в революцию. При всей широте размаха и интенсивности крестьянского движения оно было слишком разрозненно и неорганизованно для того, чтобы крестьянство оказалось в состоянии свергнуть власть помещиков-крепостников; политическая же несознательность крестьянства способствовала тому, что крестьянское движение носило преимущественно пассивный характер, лишь в отдельных случаях выливаясь в более активные формы, да и то большей частью лишь в ответ на жестокие репрессии со стороны органов власти. «...Века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспо-

собны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием...» [1], — писал Ленин.

Решающее же значение имело то обстоятельство, что у крестьянства не оказалось руководителя движения: промышленный пролетариат только ещё зарождался в эту эпоху. «Отдельные крестьянские восстания, — говорил товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели» [2].

Соотношением сил в «эпоху реформ» и объясняется половинчатость, незавершённость всех реформ этой эпохи, наличие в них многочисленных и очень существенных остатков феодально-крепостнического строя. «Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов, — писал Ленин, — оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» [3].

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 19—65.—*Ленин В. И.* По поводу юбилея. Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С. 84—92.

II. Документальные материалы. Пособия. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Спб. Т. XXXV, № 35780; т. XXXVII, № 37849; т. XXXVIII, № 39752; т. XXXIX, №№ 40457, 41068, 41472, 41473, 41475—41478; т. XL, № 41988; т. XLV, № 48498; т. XLIX, №№ 52982 и 52983.—Материалы по земскому общественному устройству. Т. I—II. Спб. 1885—1886.—Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях [1 января 1864 г.] [Спб.]. [Б. г.]. II, 400 с.—Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. I—VI. Спб. 1877—1884. Особенно т. I—III. Спб. 1877. — Основные положения преобразования судебной части в России. М. 1863. 111 с.—Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственною канцеляриею. Изд. 2, доп. Ч. 1—4. Спб. 1867. — Материалы, собранные Особою комиссиею, высочайше учреждённою 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Ч. I—III, прилож. ч. IV. Спб. 1870.—Журналы высочайше учреждённой комиссии для рассмотре-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 96.

[2] *И. В. Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 8—9.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

ния проекта устава о книгопечатании. Спб. 1863. [109] с.—Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1—2. Спб. 1862.—Журналы заседаний Учебного комитета Главного правления училищ по проекту общего устава императорских российских университетов. Спб. 1862. IV, 102, 480, 41 с. — Своды замечаний на проект устава общеобразовательных учебных заведений по устройству гимназий и прогимназий. Спб. 1863. IV, 630 с.—Журналы Учёного комитета Главного правления училищ по рассмотрению проекта устава общеобразовательных учебных заведений. (Об устройстве гимназий и прогимназий). Спб. 1863. [3], 140 с. — Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 63 и 64 годах (с прилож.). Спб. 1865. VI, 331, 382, II с.—*Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. III. Ч. 1—2. Спб. 1902, [3], VIII, 358 с., вкл. л. — [3], II, 315 с., вкл. л. — *Веселовский Б. Б.* История земства. Т. III. Спб. 1911. XIV, 709 с.—*Пажитнов К. А.* Городское и земское самоуправление. Спб. [Б. г.]. 115 с.—*Гессен И. В.* Судебная реформа. Спб. 1905. [2]. 267 с.—*Филиппов М. А.* Судебная реформа в России. Т. I—II. Спб. 1871—1875.—Судебная реформа. Под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. Т. I—II. М. 1915. — *Гольденберг И.* Реформа телесных наказаний. Спб. [Б. г.]. 72 с. — *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. Спб. 1903. 264 с. — *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. Спб. 1904. VIII, 512, IX с., 4 вкл. л. — *Ершов А.* Народное просвещение и бюрократия после 1861 года. «Образование» 1908. № 5, с. 52—82; № 6, с. 71—116. — *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М. [1912]. 224 с. — *Зайончковский П. А.* Подготовка военной реформы 1874 года. «Исторические записки». 1948. Т. 27, с. 170—201. — *Зайончковский П. А.* Военные реформы Д. А. Милютина. «Вопросы истории». 1945. № 2, с. 3—26. — *Блиох И. С.* Финансы России XIX столетия. Т. II. Спб. 1882. XVI, 296 с.

Глава XXI

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ (С 1861 г. ДО НАЧАЛА 1890-х ГОДОВ)

Общая характеристика пореформенного хозяйства. После реформы Россия вступила в капиталистический период своей истории, в ней стала развиваться новая общественно-экономическая формация — капитализм. Крестьянская реформа, проведённая крепостниками, разумеется, не могла полностью расчистить путь для капиталистического развития. Но реформа всё же приоткрыла народному хозяйству России путь для выхода из того тупика, в который оно зашло к середине XIX в. Производительные силы страны получили известную возможность дальнейшего развития. Техника производства во всех отраслях народного хозяйства вышла из долговременного застоя и стала быстро совершенствоваться. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [1], — писал Ленин.

Важнейшим явлением пореформенного периода было развитие нового класса капиталистического общества — промышленного пролетариата; в России стал развиваться класс с огромным революционным будущим, единственный до конца революционный класс, будущий гегемон революционной борьбы народа за свержение эксплоататорского строя. Крестьянство — самый многочисленный класс дореформенной феодально-крепостнической России — расслаивалось, диференцировалось: с одной стороны, из среды наиболее зажиточного крестьянства выделялась деревенская буржуазия, с другой — росло крестьянское разоренье, выделялась крестьянская беднота, из года в год росло число деревенских пролетариев и полупролетариев; среднее же крестьянство с каждым годом численно уменьшалось. Расслоение крестьянства питало процесс образования пролетариата. С развитием капитализма разлагалась патриархальная сельская община, увеличивалась подвижность населения; всё большая часть населения отрывалась от земледелия и уходила в города. В связи с новыми

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3. изд. 4, стр. 524.

условиями жизни менялся и старый, патриархальный облик крестьянства. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» [1]. Отход в города повышал грамотность крестьянина, развивая его сознательное отношение к действительности, расширяя его жизненный опыт, разлагая патриархальный строй семьи, ставил оставшуюся в деревне женщину-крестьянку перед задачами самостоятельного хозяйствования. Имея в виду все эти важные перемены, совершавшиеся в 60—80-х годах, Энгельс писал в 1891 г. об «огромной социальной революции, переживаемой Россией со времени Крымской войны» [2].

В пореформенные десятилетия капитализм распространился на новые территории — на колониальные окраины царской России: Сибирь, Кавказ, Среднюю Азию. Возможность развития капитализма «вширь» ослабляла, как указывал В. И. Ленин, остроту противоречия между самыми передовыми формами промышленности и полусредневековыми формами земледелия; это содействовало сохранению пережитков крепостничества и задерживало капиталистическое развитие России. В. И. Ленин писал: «Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение» [3].

В течение примерно двух первых десятилетий после крестьянской реформы 1861 г. исключительно быстро рос внутренний и внешний сельскохозяйственный рынок, в результате чего особенно развивалось товарное земледелие и происходил усиленный процесс расслоения крестьянства. Широкое строительство в этот период (со второй половины 60-х годов) русской сети железных дорог определялось в первую очередь интересами «земледельческого капитализма». Ростом же товар-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 66.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 251.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522, примечание.

ности земледелия прежде всего вызывалось быстрое развитие лёгкой промышленности, производившей средства потребления (главным образом ткани и продукты питания, особенно сахар). В 80-х годах развитие капитализма в России характеризовалось иными чертами. С одной стороны, это было время мирового сельскохозяйственного кризиса, оказавшего задерживающее влияние на рост буржуазных отношений в пореформенной деревне. С другой стороны, в это время наметился решительный перелом в развитии тяжёлой промышленности: стала быстро расти металлургическая промышленность на юге страны, заметных успехов достигло русское машиностроение, а также добыча нефти и химическое производство. Бурный подъём тяжёлой индустрии в 90-х годах XIX в. был подготовлен ещё в предыдущее десятилетие.

Основной источник классообразования в капиталистической России — диференциация крестьянства. После реформы ускоренно начал развиваться процесс диференциации, расслоения крестьянства, образования в его среде новых классов капиталистического общества. Крестьянство расслаивалось, выделяя на одном полюсе сельскую буржуазию, на другом — бедноту, потерявшую средства производства и являвшуюся источником формирования нового класса — пролетариата. К 80-м годам расслоение крестьянства достигло уже значительных размеров. В своей классической работе «Развитие капитализма в России» Ленин пришёл к следующим выводам. В руках зажиточной группы, составлявшей 20% крестьянского населения, сосредоточивалось по разным губерниям от 29 до 36,7% надельной земли, а в руках бедноты, составлявшей 50%, надельной земли оставалось всего от 33,2 до 37,7%. Таким образом, даже надельная земля, несмотря на уравнительные тенденции общины, сохранившейся в большей части России, распределялась чрезвычайно неравномерно. Но и то незначительное количество надельной земли, которое оставалось в руках маломощного крестьянства, не вполне использовалось им: крестьянская беднота была не в состоянии обрабатывать даже свои маленькие клочки и вынуждена была сдавать их в аренду зажиточным крестьянам часто за бесценок, иногда только за одни подати, уплачиваемые за бедняка арендатором. От 63,3 до 98% всей сдаваемой в аренду надельной земли — это земли бедноты; в некоторых губерниях (Самарской, Орловской и др.) почти одна только беднота и сдавала надельную землю.

Ещё более неравномерно распределялась между крестьянами земля купчая и арендованная. После крестьянской реформы значительно усилилась мобилизация дворянского землевладения: многие дворяне-помещики оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям хозяйства и продавали

свои имения. За 30 лет (с 1863 по 1892 г.) по 45 губерниям Европейской России (без Архангельской и Астраханской) дворяне потеряли свыше 24 млн. десятин земли, что составляло примерно около 30% дворянского землевладения начала 60-х годов. Дворянские земли покупали преимущественно крестьяне и купцы, причём последние значительную часть купленных земель распродавали крестьянам мелкими участками.

Приобретали землю преимущественно зажиточные крестьяне. Составляя 20% всего крестьянства, они владели от 59,7 до 99% всей земли, купленной крестьянами единолично; в некоторых местах, например в Самарской губернии, почти вся единолично купленная земля принадлежала зажиточным; на долю же бедноты, составлявшей 50% всего крестьянства, приходилось всего от 0,4 до 15,4% купленной земли. Правда, кроме единоличных покупок практиковались ещё покупки земли «товариществами» и даже целыми обществами, но в товарищества объединялись обычно кулаки, при покупке же обществом земля распределялась обычно «по деньгам», а так как зажиточные крестьяне имели возможность вложить больше денег, то они и получали львиную долю купленной обществом земли.

Ту же картину представляла собой крестьянская аренда у казны и помещиков. На долю зажиточного крестьянства приходилось от 49,2 до 83,7% всех арендованных крестьянами земель, на долю бедноты — от 5 до 16,4%; хотя число арендаторов из бедноты было гораздо большим, чем из зажиточных, крестьянская беднота арендовала ничтожные клочки, а зажиточное крестьянство — значительные площади.

В общем итоге оказывается (если сложить землю надельную, купчую и арендованную), что группа зажиточного крестьянства (20%) сосредоточивала в своих руках от 34,1 до 49,6% всей площади крестьянского землепользования, а группа маломощного крестьянства (50%) владела всего от 18,6 до 31,9%.

Ещё более яркую картину представляло распределение других средств производства—рабочего и продуктивного скота и улучшенных сельскохозяйственных орудий. Зажиточной верхушке принадлежало от 38 до 62% рабочего скота и от 72,5 до 86,1% улучшенных орудий, на долю же бедноты приходилось рабочего скота от 9,6 до 30,5%, а улучшенных орудий — от 1,3 до 3,6%. При этом у зажиточного крестьянства был и лучший скот.

Зажиточный крестьянин, расширяя площадь своего землевладения и землепользования, уже не мог обрабатывать эту площадь руками собственной семьи и прибегал к найму рабочей силы. На долю зажиточной верхушки приходилось от 48,4

до 78,4% всех дворов, нанимающих батраков. На долю же бедноты приходилось всего от 4,4 до 18,9% дворов с батраками — это обычно самые слабосильные хозяйства с острым недостатком рабочей силы, вдовьи хозяйства или хозяйства семей, из которых мужчины уходили на заработки. Зато дворов с разного рода «заработками» подавляющее большинство было, естественно, среди бедноты (от 59,3 до 93,5% всех дворов, имеющих заработки), тогда как на долю зажиточных крестьян дворов с заработками приходилось всего от 0,6 до 15,8%; при этом заработки бедноты — это преимущественно продажа своей рабочей силы, «заработки» же зажиточной верхушки — это нередко доходы от разных торговых и промышленных предприятий.

Таким образом, капитал, проникавший в деревню, постепенно перестраивал самую организацию производства. Зажиточные крестьянские хозяйства превращались в хозяйства капиталистические, работавшие при помощи наёмной рабочей силы. Беднота же всё более пролетаризировалась. «Старое крестьянство... — писал Ленин, — совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством»[1]. Этот раскол «крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат, — писал Ленин, — ...окончательно решает вопрос о капитализме в России»[2].

Остатки крепостничества в деревне. Землевладение. После реформы 1861 г. в деревне сохранилось множество остатков крепостничества. Значительная часть земли осталась попрежнему в руках дворянства, т. е. вчерашних крепостников, и преимущественно в руках владельцев крупных латифундий. По данным 1877—1878 гг., из общего количества 91,5 млн. десятин частновладельческих земель в 49 губерниях Европейской России дворянам принадлежало свыше 73 млн. десятин, т. е. около 80%; при этом три четверти дворянских земель (55 млн. десятин) принадлежало 13,5 тыс. крупных помещиков, владевших свыше 1 тыс. десятин каждый. Иначе говоря, 60% всех частновладельческих земель сосредоточивалось в руках небольшой кучки владельцев крепостнических латифундий, на долю каждого из которых приходилось в среднем свыше 4 тыс. десятин.

«Отрезки» крестьянской земли в пользу помещиков при осуществлении реформы составляли в среднем для 36 великорусских и украинских губерний 18,1% земельной площади,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 142.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 411.

находившейся в пользовании крестьян до реформы. В чернозёмной полосе эти «отрезки» были особенно значительны, составляя 26,2% для 21 чернозёмной губернии, в отдельных же губерниях достигая чуть ли не половины крепостного крестьянского надела (в Саратовской, например, 41, в Самарской 44%), а в некоторых имениях даже трёх четвертей дореформенного крестьянского землепользования.

Так как «Положения 19 февраля» предоставляли помещикам возможность выбрать для себя землю в любом месте имения, то они обычно брали себе лучшую землю, а крестьянам давали похуже. Леса и луга, как правило, в крестьянский надел не входили или входили в совершенно недостаточном количестве. Помещики часто старались расположить свои и крестьянские земли так, чтобы помещичья земля врезывалась клином в крестьянскую и крестьяне были бы вынуждены арендовать эти помещичьи участки.

Аренда вненадельных земель. Малоземелье и чересполосица, недостаток леса и сенокосных угодий — всё это создавало почву для развития аренды крестьянами вненадельных земель, и преимущественно земель помещичьих, так как казённые и удельные земли в Европейской России к концу XIX в. составляли лишь 17% сельскохозяйственного фонда, а свыше 70% всей площади крупного частного землевладения (владения свыше 500 десятин) принадлежало дворянам-помещикам (44,5 млн. десятин из 62 млн.) [1]. В конце XIX в общая площадь арендуемой крестьянами земли, по земским статистическим данным, касающимся 183 уездов, составляла около 20% площади крестьянских надельных земель, в отдельных же уездах земледельческих губерний (Саратовской, Самарской, Харьковской), где было много «дарственников», доходила почти до размеров надела.

Пользуясь крестьянским малоземельем, помещики взвинчивали арендные цены. Например, в Козельском уезде, Калужской губернии, за 20 лет (с 1875 по 1895 г.) арендные цены выросли больше чем втрое. При этом особенно высоки были цены за аренду мелких участков земли и на короткие сроки. Такой арендой — преимущественно на один посев — вынуждена была пользоваться именно крестьянская беднота; помещик учитывал её безвыходное положение и увеличивал цены на арендуемые ею участки. Бедняку, таким образом, арендованная земля обходилась значительно дороже, чем зажиточному крестьянину. Например, в Рязанском уезде в 90-х годах крестьяне, имевшие от 1,5 до 3 десятин надельной пашни на

---

[1] См. *В. И Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 200, 202.

двор, платили за аренду десятины земли 11 р. 21 к., а имевшие свыше 5 десятин пашни — 5 р. 77 к., т. е. почти вдвое дешевле.

Помимо денежной аренды очень распространена была аренда отработочная, при которой крестьяне должны были отработать со своим инвентарём в помещичьем хозяйстве ту сумму, в которую оценивалась аренда снимаемой ими земли. Фактически это была та же барщина, но прикрытая новой формой. Крестьянской бедноте волей-неволей приходилось итти на тяжёлые условия, потому что денежная аренда являлась для неё часто недоступной. Разновидностью отработочной аренды была аренда из определённой доли урожая. Отработочная аренда особенно тяжела была для крестьянина, потому что крестьянский труд при такого рода сделке ценился несравненно дешевле, чем при условии свободного найма. При сезонном характере сельских работ крестьянину приходилось отрабатывать свой долг помещику в то самое время, когда у него подоспевала работа в собственном хозяйстве, и он должен был бросать работу, чтобы работать на помещика.

Переселения. От этой кабалы крестьяне пытались избавиться путём переселения в Сибирь, Заволжье, Предкавказье и т. д. Но переселения очень мало помогали, да и не всегда их возможно было осуществить. Во-первых, для переселения нужно было иметь некоторые средства, но как раз крестьянская беднота, острее всего нуждавшаяся, их не имела. Переселение доступно было лишь для той части сельского населения, которая стояла на грани между беднотой и середняком. По данным 1895 г., более половины (53,8%) сибирских переселенцев из 16 чернозёмных губерний приходилось на долю крестьян с наделом от 1 до 5 десятин, тогда как на долю крестьян с наделами менее 1 десятины и совсем безнадельных приходилось менее четверти переселенцев (24,3%). Во-вторых, правительство, руководствуясь интересами помещиков, ставило препятствия крестьянскому переселению. Помещики учитывали, что если крестьянская масса разредится и малоземелье станет менее острым, то труднее будет найти дешёвого и неприхотливого батрака или кабального арендатора. В пути переселенцы часто расходовали почти все средства, вырученные ими при ликвидации своего хозяйства, поэтому устроиться на новом месте многим из них не удавалось, и они были вынуждены возвращаться на родину. Количество обратных переселенцев достигало в некоторые годы значительных размеров: в 1899 г., например, число обратных переселенцев составляло 25% по отношению к общему числу переселившихся в Сибирь крестьян. Обратно переселенцы возвращались уже совершенно разорёнными, пополняя собой ряды деревенского пролетариата.

Крестьянские платежи. Крепостнические пережитки сохранились и в налоговой системе. Лежавшие на крестьянах платежи были непомерно велики. Крестьяне должны были выплачивать в казну за полученный ими надел выкупные платежи, являвшиеся непосредственным наследием крепостного права. Размеры выкупа значительно превышали рыночную стоимость крестьянского надела. Помимо выкупной суммы крестьяне должны были ещё уплачивать ежегодно 5% роста по ссуде и 0,5% на расходы по выкупной операции. Поэтому к 1905 г., когда выкупные платежи были отменены, крестьяне успели уже переплатить в два с половиной раза больше того, что стоила по рыночным ценам полученная ими надельная земля (ими было уплачено свыше 1,5 млрд. руб.), и всё-таки считалось, что они не выплатили всей суммы.

Всякого рода прямые налоги, лежавшие на крестьянах, тоже составляли значительную сумму. Крестьянам приходилось платить: во-первых, подушную подать, не находившуюся ни в каком соответствии с доходами крестьянского хозяйства, так как она исчислялась на «ревизскую душу»; крестьянской бедноте приходилось уплачивать гораздо большую долю своего дохода, чем зажиточному крестьянину. Далее, крестьянин платил сословный мирской сбор на содержание крестьянского общественного управления, хотя это «общественное» управление было по существу полицейско-административным органом правительственной власти. Наконец, на крестьян распространялись и общие для всех сословий налоги — государственный поземельный налог, губернский и уездный земские сборы (на содержание земских учреждений).

Если сложить все крестьянские платежи, то получалось, что крестьянская десятина была обложена в несколько раз выше, чем помещичья: в 1891 г., например, в среднем всех сборов на десятину помещичьей земли приходилось около 22 коп., а на десятину крестьянской — 1 р. 33 к., т. е. крестьянская земля была обложена тяжелее помещичьей более чем в шесть раз. В отдельных же губерниях крестьянские платежи превышали помещичьи даже в 10—12 раз.

О непосильности платежей свидетельствовал рост недоимок: в некоторых местностях недоимки превышали оклад в несколько раз.

На крестьян же в основном ложились и косвенные налоги, которые с 80-х годов, со времени отмены подушной подати, в сущности составляли основу государственного бюджета и главной своей тяжестью падали на предметы массового потребления. Высокие таможенные тарифы на ввозимые из-за границы товары способствовали сильному повышению цен и на продукты русской промышленности, без которых крестьянская

семья и крестьянское хозяйство уже не могли обходиться. На цене одного только железа каждый крестьянский двор переплачивал в конце XIX в. около 1 р. 10 к. в год.

Наконец, крестьянам приходилось нести ряд натуральных повинностей, как, например, дорожную — по содержанию дорог и мостов, подводную — по доставке подвод для казённых надобностей, повинность по тушению лесных пожаров и пр. Эти повинности, носившие сословный характер (как и подушная подать) и являвшиеся также пережитком феодально-крепостнического строя, уцелели в значительной мере вплоть до XX в.

Правовое положение крестьян. Тяжело отражались на крестьянском хозяйстве также и правовые пережитки крепостничества. Так, выйти из общины крестьянин фактически не мог. Согласно статье 165 «Положения о выкупе», крестьянин мог выйти из общины только расплатившись полностью за свой надел, что смогла сделать лишь наиболее зажиточная верхушка крестьянства. Законом же 1893 г. выход из общины без согласия последней был формально запрещён.

Круговая порука прикрепляла крестьянина к сельскому обществу. Так как всё общество отвечало за уплату лежавших на нём казённых и земских повинностей (а там, где было общинное землепользование, — и повинностей в пользу помещика), то общество было заинтересовано в том, чтобы не отпускать от себя плательщика. Даже при временной отлучке требовалось разрешение общества и волостного правления, причём уходящий обязан был уплачивать все повинности по наделу, хотя бы он им и не пользовался; окончательное же увольнение из общества чрезвычайно затруднялось ещё и условием безвозмездного отказа от своего надела в пользу общества.

В результате реформы крестьяне в правовом отношении оказались в полной зависимости от произвола администрации. Даже те ограниченные права, которые за ними признавались законом, нередко были фиктивны: добиться их осуществления крестьяне сплошь и рядом не имели возможности, потому что и администрация и суд стояли на страже помещичьих интересов. Непосредственно же заведывавшие крестьянскими делами административно-судебные органы (мировые посредники, затем сменившие их в 1874 г. непременные члены уездных по крестьянским делам присутствий и, наконец, сменившие последних в 1889 г. земские начальники) являлись в значительной мере представителями местного дворянского общества.

Царское правительство, опасаясь, что умственно развитой крестьянин станет менее терпеливым и покорным, сознательно

старалось держать его в невежестве и темноте. Показательно, например, что среди новобранцев призыва 1900 г. больше половины было неграмотных.

Влияние остатков крепостничества на крестьянское хозяйство. Гнёт помещиков и дворянского государства был причиной падения производительных сил в крестьянском хозяйстве. Резко сократилось количество рабочего и продуктивного скота на единицу населения: с 1861 по 1889 г. относительное число лошадей (по расчёту на душу сельского населения) сократилось на 34%, рогатого скота — на 30%. С уменьшением количества рабочего скота сокращалась и посевная площадь в крестьянском хозяйстве тех районов, где крепостнические пережитки были особенно прочны. За время с 1861 по 1890 г. площадь посева на крестьянских надельных землях в северо-западной части центрально-чернозёмного района сократилась в среднем на 12%, а в юго-восточной — на 15,5%; между тем население этих районов за указанное время значительно возросло. При таких условиях крестьянская масса быстро нищала, что выражалось в сокращении потребления крестьянами различных продуктов, даже хлеба, составлявшего основу питания крестьянина; за последнюю четверть XIX в. душевое потребление хлеба понизилось на 20%.

Весь хлеб, который удавалось оставить на собственное потребление (значительную часть его приходилось продавать), в большинстве крестьянских хозяйств съедался ещё задолго до нового урожая. Неурожайный год неизбежно вызывал голодовку. Голод 1891—1892 гг., охвативший огромную часть земледельческой России, повлёк массовое вымирание населения.

В результате сокращения потребления и периодических голодовок происходило физическое вырождение крестьянской массы. Об этом свидетельствовало повышение процента брака при приёме на военную службу: с середины 70-х годов до конца XIX в. количество бракованных увеличилось вдвое (с 11,2 до 22,1%). Чрезвычайно высока была смертность: в полтора-два раза выше, чем в странах Западной Европы.

Крепостнические пережитки тормозили развитие капиталистических отношений в деревне. Крестьянская масса нищала, разорялась, превращалась в задавленных нуждой и кабальной зависимостью бедняков. Помещик вёл отработочное хозяйство руками привязанного к земле крестьянина-паупера, при помощи крестьянского же инвентаря. Деревенский кулак закабалял крестьянскую бедноту, ссужая её деньгами, хлебом или продуктами из своей лавки под ростовщические проценты или на условиях отработки, сдавая ей в аренду на кабальных условиях купленную им землю и пр. Эта кулацкая кабала в

свою очередь задерживала развитие капиталистического производства в сельском хозяйстве.

Эволюция помещичьего хозяйства. В помещичьем хозяйстве в течение второй половины XIX в. совершался процесс постепенного приспособления к условиям капиталистического развития, постепенного превращения из крепостнического, барщинного хозяйства в хозяйство капиталистическое. Процесс этот протекал, однако, весьма замедленным темпом. «Во-1-х, — писал Ленин, — не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела. Все эти условия могли сложиться лишь постепенно, и попытки некоторых помещиков в первое время после реформы выписать себе из-за границы заграничные машины и даже заграничных рабочих не могли не окончиться полным фиаско. Другая причина того, почему невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела, состояла в том, что старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель (или сервитутов) крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.»[1]

Все эти крепостнические пережитки задерживали капиталистическое развитие помещичьего хозяйства. Помещикам бывало выгоднее вести хозяйство при помощи издольщины и отработков, сдавая крестьянам в аренду часть своей земли под отработки или даже всю землю на условиях издольщины, чем переходить к капиталистическому хозяйству — заводить свой инвентарь, приобретать машины и пользоваться трудом вольнонаёмных рабочих. Отработочная система хозяйства являлась скрытой барщиной. Разница между отработочной и барщинной системой сводилась в сущности лишь к тому, что барщина основывалась на юридической зависимости крестьян

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159—160.

от помещика, а отработки вызывались тяжёлой экономической зависимостью крестьянина, его нуждой. Но и в последнем случае элементы «внеэкономического принуждения» ещё в значительной мере сохранились, чрезвычайно способствуя устойчивости отработочной системы.

К концу 80-х годов из 43 губерний Европейской России, в которых было более или менее значительное количество посевов на частновладельческих землях, только в 19 губерниях преобладала капиталистическая система помещичьего хозяйства, тогда как отработочная система преобладала в 17 губерниях и в 7 губерниях применялась система смешанная.

Но, несмотря на все пережитки крепостничества, переход помещичьего хозяйства от отработочной системы к капиталистической всё же совершался, как совершалось и развитие капиталистического хозяйства на землях кулаков. За 18 лет, с 1876 г., сельскохозяйственных машин было куплено на сумму в три с половиной раза больше, чем в 1894 г. Чрезвычайно возросло также число наёмных сельскохозяйственных рабочих: в начале 90-х годов оно доходило до 3,5 млн., что составляло около 20% всего мужского населения рабочего возраста.

В связи со специализацией сельскохозяйственных культур развивалась в помещичьих имениях и переработка продуктов сельского хозяйства. За время с 1867 по 1893/94 г. количество зерна и картофеля, переработанных на винокуренных заводах, увеличилось втрое (с 84 млн. до 267 млн. пудов), а количество переработанной на сахарных заводах свёклы за время с начала 60-х годов до конца 90-х годов выросло более чем в восемь раз.

Развитие капиталистического помещичьего хозяйства происходило тем быстрее, чем быстрее совершалось расслоение крестьянства, чем быстрее протекал процесс вымывания середняка; на крестьянине-«хозяине», имеющем свой рабочий скот и инвентарь, собственно, и держалась отработочная система. «Зажиточное крестьянство, — писал Ленин, — естественно, не может служить основанием для системы отработков, так как только крайняя нужда заставляет крестьянина браться за наихудше оплачиваемые и разорительные для его хозяйства работы. Но и сельский пролетариат равным образом не годится для отработочной системы, хотя уже по другой причине: не имея никакого хозяйства или имея ничтожный клочок земли, сельский пролетарий не так привязан к нему, как «средний» крестьянин, и вследствие этого ему гораздо легче уйти на сторону и наняться на «вольных» условиях, т. е. за более высокую плату и без всякой кабалы» [1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 172.

Темпы капиталистического развития сельского хозяйства в разных районах. Аграрный кризис 1870-х годов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве совершалось далеко не равномерно в различных районах. В губерниях чернозёмного центра (Курской, Орловской, Тамбовской, Тульской, Рязанской) и в губерниях Среднего Поволжья (Симбирской, Пензенской, Нижегородской, Казанской) развитие капитализма задерживалось: это были районы наибольшего развития крепостного хозяйства и крепостного права, поэтому пережитки крепостничества сохранились здесь в гораздо более сильной степени, чем в других районах; к тому же эти районы были отдалены от рынков сбыта.

Крепостное право, правда, было сильно развито также, например, в центрально-промышленной области, но барщинное хозяйство здесь в значительной степени исчезло ещё до реформы. К тому же здесь имелся под руками ёмкий рынок — крупные промышленные центры, куда легко было сбывать продукцию сельского хозяйства. Поэтому в некоторых промышленных губерниях (Московской, Ярославской, Петербургской) капиталистическое развитие сельского хозяйства быстро двигалось вперёд. С другой стороны, развитие промышленности в этой области давало возможность крестьянам иметь неземледельческий заработок и таким образом способствовало разряжению скученности земледельческого населения и несколько уменьшало остроту крестьянского малоземелья. В результате крепостнические пережитки в центрально-промышленной области сокращались быстрее, чем в губерниях чернозёмного центра.

В других районах, расположенных по западной и южной окраинам России, — в Прибалтике, Литве, Правобережной Украине, Новороссии, на Северном Кавказе — темпы развития капитализма были ещё более быстрыми. Это объяснялось, во-первых, тем, что данные территории находились в особенно благоприятном положении по отношению к рынку — лежали близко к морским портам, через которые шёл вывоз за границу; во-вторых, крепостнических пережитков там было гораздо меньше, чем в коренной России. В новороссийских губерниях и в Предкавказье крепостное хозяйство было слабо развито и до реформы: крепостных крестьян там было гораздо меньше, чем в Великороссии.

Как видно из данных земской статистики, процесс разложения крестьянства, т. е. процесс развития капиталистических отношений, в южной России, например в Таврической губернии, продвинулся значительно дальше, чем в земледельческом центре, например в Воронежской губернии. Точно так же и помещичье хозяйство быстрее превращалось из крепо-

стнического в капиталистическое на окраинах Европейской России, чем в старом земледельческом центре. В конце XIX в. капиталистическое хозяйство в помещичьих имениях преобладало в Прибалтийском крае, Литве и отчасти в Белоруссии (Минская губерния), Правобережной Украине, Новороссии и в Саратовской губернии, а также в промышленных губерниях (Московской, Ярославской и Петербургской); в чернозёмном же центре и Среднем Поволжье всё ещё преобладала отработочная система помещичьего хозяйства.

В капиталистическом развитии сельского хозяйства после реформы проявлялась борьба двух путей — «прусского» и «американского». «Помещичье хозяйство, — писал Ленин, — эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки «вольнонаемным трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии. Крестьянское хозяйство *тоже эволюционирует капиталистически,* выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат... Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, налицо повсюду. Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции» [1].

Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве осложнился аграрным кризисом, наступившим в конце 70-х годов и затянувшимся до середины 90-х. Кризис этот был отражением мирового сельскохозяйственного кризиса, вызванного конкуренцией дешёвого заокеанского хлеба, хлынувшего в Европу из Соединённых Штатов, Канады, Австралии, Аргентины. Ввоз заокеанского хлеба быстро догонял ввоз хлеба из восточноевропейских стран (в первую очередь из России) и вызвал резкое падение хлебных цен на мировом рынке.

Помещики, особенно в тех районах, где феодально-крепостнические пережитки были особенно сильны (чернозёмный центр и Среднее Поволжье), в годы кризиса шли по линии наименьшего сопротивления и возвращались от капиталистической системы хозяйства к системе отработочной. Как видно из данных Дворянского банка по 46 губерниям, во второй половине 80-х годов кабальная аренда из доли или под отработки господствовала в 39% дворянских имений, а во второй половине 90-х годов — в 51% дворянских имений, т. е. больше половины помещиков держалось исключительно этой крепостнической системы хозяйства.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4 стр. 218

Денежные затруднения, вызванные кризисом, способствовали росту задолженности частного землевладения. За десятилетие (с 1889 по 1898 г.) количество заложенных частновладельческих земель увеличилось на 40% (с 30 млн. до 42 млн. десятин), а сумма выданных ссуд возросла на 67% (с 790 млн. до 1 327 млн. руб.). Неуплата процентов и погашения по ссуде нередко приводили к продаже заложенных имений.

Кризис влиял и на крестьянское хозяйство: падение хлебных цен неблагоприятно отражалось на всех слоях крестьянства, задерживая расширение хозяйства зажиточной верхушки и усиливая разорение крестьянской массы. Но всё же расслоение крестьянства продолжалось и в эти годы: приведённые выше данные о нём, обработанные Лениным, относятся преимущественно к 80-м годам, т. е. как раз к периоду кризиса. «Аграрный кризис, — писал Ленин, — как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельскохозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д.» [1]

Развитие внутреннего сельскохозяйственного рынка. «Основная черта пореформенной эволюции земледелия, — писал Ленин, — состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» [2].

Различные сельскохозяйственные районы стали отчётливо характеризоваться преобладанием тех или иных отраслей хозяйства. Так, южные и юго-восточный районы (Новороссия, Нижнее Поволжье, Предкавказье) производили зерновые хлеба, преимущественно идущую на экспорт пшеницу; губернии северные, северо-западные и центрально-промышленные были районом наибольшего развития молочного хозяйства; появились районы технических культур — льна, конопли, картофеля, свекловицы; около крупных городских центров развилось торговое огородничество, садоводство и т. д.

Развитие промышленности повышало спрос на продукцию сельского хозяйства, которое поставляло, с одной стороны, сырьё для промышленности, а с другой — средства питания для промышленных рабочих. С развитием промышленности

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 141.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 267.

росло население городов и вообще неземледельческое население. Рост городского населения шёл гораздо быстрее, чем сельского: с 1863 по 1897 г. сельское население Европейской России увеличилось в полтора раза (с 55 млн. до 82 млн. человек), а городское — вдвое (с 6 млн. до 12 млн.); в 1863 г. население городов составляло около 10% всего населения, а в 1897 г. — уже почти 13%. Развивались населенные пункты чисто городского типа, как, например, сёла Орехово и Зуево на границе Владимирской и Московской губерний, село Кимры Тверской губернии, село Павлово, Нижегородской губернии, и др. Они официально не считались городами, и потому их население не входило в подсчёт населения городов.

О росте внутреннего сельскохозяйственного рынка говорят данные железнодорожных перевозок внутреннего сообщения: в 1876—1880 гг. перевозки шести главных хлебов составляли ежегодно в среднем 120,5 млн. пудов, а в 1891—1895 гг. — 257 млн. пудов, т. е. за 15 лет увеличились больше чем вдвое.

Развивался и внешний рынок. Вывоз хлеба возрастал чрезвычайно быстро: в 1861—1865 гг. вывозилось ежегодно в среднем около 80 млн. пудов, а в 1891—1895 гг. — свыше 440 млн., т. е. за 30 лет хлебный вывоз увеличился в 5,5 раза. При этом доля зерновых хлебов в общей сумме вывоза увеличилась за это время в 2,5 раза: в 1861—1865 гг. она составляла 31% (56,3 млн. руб. из 181,6 млн.), а в 1891—1895 гг. — 47% (296,7 млн. руб. из 628 млн.).

Создание железнодорожной сети имело огромное значение для развития сельскохозяйственного рынка. Железные дороги связали производящие сельскохозяйственные районы (центрально-чернозёмная область, Поволжье, юг, юго-восток), с одной стороны, с районами потребления (Московский и Петербургский промышленные районы и вся нечернозёмная часть России), а с другой стороны — с портами Чёрного, Азовского и Балтийского морей, которые являлись главными пунктами вывоза русского хлеба за границу.

Железные дороги способствовали тому, что в торговый оборот втягивались самые отдалённые районы. Рядом с теми, сравнительно немногочисленными крупными центрами хлебной торговли, которые существовали в крепостное время, появилось множество мелких и мельчайших центров, сосредоточенных у железнодорожных станций. Скупщик продуктов сельского хозяйства, прежде всего хлеба, становился в непосредственное соприкосновение с крестьянским хозяйством. Это чрезвычайно способствовало разложению натурального крестьянского хозяйства, превращению его в хозяйство товарное.

Рост железнодорожной сети и развитие парового транспорта. Уже в 1856 г. Комитет министров выработал план железнодорожного строительства; решено было организовать «Главное общество российских железных дорог». План намечал сооружение четырёх магистралей: 1) Петербург — Варшава — прусская граница, 2) Москва — Нижний-Новгород, 3) Москва — Курск — Феодосия, 4) Курск (или Орёл) — Динабург — Либава. Кроме того в 1857—1859 гг. было дано разрешение на учреждение ещё пяти акционерных обществ для постройки следующих железных дорог: 1) Рига — Динабург, 2) Москва — Саратов (с 1862 г. ограничена строительством линия Москва — Рязань), 3) Москва — Ярославль, 4) Волга — Дон и 5) Рига — Митава.

Обосновывая необходимость железной дороги между Москвой и Саратовом, главноуправляющий путями сообщения К. В. Чевкин в докладе Комитету министров указывал, что эта дорога должна обеспечить вывоз «естественных произведений» Волги и Каспийского моря в центр и за границу, открыть сообщение с Персией и Средней Азией для сбыта туда «мануфактурных произведений» и для усиления там политического влияния России. Принимались во внимание и стратегические соображения. В 1868 г. военный министр Д. А. Милютин представил записку о постройке целой сети стратегических дорог, которые связали бы Польшу с центральной Россией. Постройка Закаспийской железной дороги (1880—1886 гг.) была непосредственно связана с завоеванием Туркмении.

Таковы были намечаемые широкие планы, но отсталая царская Россия бессильна была их выполнить. Развитие железнодорожного строительства характеризуется следующей таблицей:

Годы	К началу пятилетия длина железнодорожной сети была (в верстах)	В течение пятилетия открылось вёрст ж. д.
1861—1865	1 488	2 055
1866—1870	3 543	6 659
1871—1875	10 202	7 424
1876—1880	17 626	4 529
1881—1885	21 155	3 074
1886—1890	24 229	3 864
1891—1895	28 093	5 995

Эта таблица наглядно показывает неравномерность строительства железных дорог в капиталистической России. Наиболее интенсивным оно было в период 1866—1880 гг., когда на протяжении всего лишь 15 лет в строй вступило свыше

18,5 тыс. вёрст новых железнодорожных линий, т. е. до 60% всей сети, построенной за первые 35 лет после реформы 1861 г. В 80-х годах в этой области наступило затишье, сменившееся некоторым оживлением лишь в первой половине 90-х годов; новый подъём железнодорожного строительства относится к самому концу XIX в.

Характерно также и направление железнодорожных линий на разных этапах строительства. Сеть железных дорог, созданная за 60—70-е годы, охватывала лишь Европейскую Россию и отчасти Кавказ. При этом главные магистрали хозяйственного значения соединяли в первую очередь промышленные центры с южными чернозёмными губерниями, с Поволжьем и с крупнейшими морскими портами Балтийского и Чёрного морей. Уже тогда определилось место Москвы как главного железнодорожного узла России. Строительство железных дорог в 80-х годах усилило сеть стратегических дорог у западных границ России, соединило Криворожье с Донбассом (создав условия для развития тяжёлой промышленности юга), связало с внутренними губерниями горные заводы Южного Урала и положило начало железнодорожной сети в Средней Азии.

Развивалось также речное и морское пароходство. В 1860 г. на всех речных бассейнах Европейской России было всего 399 пароходов, а к 1895 г. число их увеличилось до 2 539, т. е. больше чем в шесть раз. Морских пароходов на Белом, Балтийском и Чёрном морях на 1 января 1868 г. было всего 51, а на 1 января 1892 г. — 361, т. е. в семь раз больше. Кроме того, на Каспийском море на 1 января 1892 г. числилось 125 пароходов. Таким образом, паровой коммерческий флот на всех морях Европейской России достиг к этому времени 486 единиц общей вместимостью 78 тыс. тонн.

Развитие парового транспорта сильно увеличило товарооборот в стране. В 1871—1875 гг. железнодорожные перевозки составляли в среднем ежегодно 257 млрд. пудо-вёрст, а в 1891—1895 гг. — 1 077 млрд., т. е. в четыре раза больше. По речным путям в 1871—1875 гг. грузооборот составлял 497 млрд. пудо-вёрст, а в 1891—1895 гг. — 858 млрд., т. е. увеличился на 75%.

Развитие кредита. Банки. В дореформенной России коммерческих банков в собственном смысле слова не было: деятельность дореформенных кредитных учреждений, находившихся всецело в руках правительства, сводилась главным образом к поддержке дворянского землевладения и к предоставлению средств казне. В 1860 г. взамен всех этих учреждений был создан Государственный банк, который имел право выдавать коммерческие ссуды. Правительство разрешило

также учреждение частных банков, которым оказывало всякого рода содействие. За десять лет (1864—1873 гг.) их число достигло 39. К этому же времени насчитывалось 232 городских общественных банка и ряд обществ взаимного кредита. С возникновением новых банков и с развитием их операций быстро увеличивалась сумма капиталов банка. В 1864 г. сумма вкладов единственного в то время Государственного банка вместе с основным капиталом составляла около 278 млн. руб., а в 1879 г. капиталы и вклады всех банков составляли 1 065 млн. руб., т. е. за 15 лет выросли почти вчетверо. Ещё быстрее развивались ссудные операции банков: в 1864 г. Государственным банком было выдано ссуд на 42 млн. руб., а в 1879 г. всеми банками — на 1 139 млн. руб., т. е. в 27 раз больше. Значительную роль в мобилизации капиталов сыграли и сберегательные кассы, суммы вкладов в которые всё возрастали. К концу 1892 г. почтово-телеграфных сберегательных касс насчитывалось уже 1 760; сумма вкладов в них достигла 250 млн. руб.

Развитие внутреннего рынка для промышленности. С ростом товарности крестьянского хозяйства развивался внутренний рынок для промышленной продукции. Связь крестьянского хозяйства с рынком увеличивалась по мере того как росло разложение крестьянства. В то время как у середняков, по данным бюджетного обследования Воронежской губернии (конец 80-х годов), денежная часть расходного бюджета составляла от 41,47 до 43,57%, а доходного — от 42,3 до 45,7%, у безлошадных 54,6% доходов и 57,1% расходов имели денежную форму, а у наиболее зажиточных (имевших свыше 4 голов рабочего скота) — 59,2% доходов и 60,18% расходов.

Высокая степень товарности хозяйства зажиточного крестьянства вполне понятна: чем зажиточнее хозяйство, тем больший процент его продукции поступал на рынок, тем бо̀льшую часть своего дохода владелец получал в денежной форме. С другой стороны, чем зажиточнее крестьянин, тем больше его потребности, многие из которых невозможно удовлетворить в пределах собственного хозяйства. Кроме предметов личного потребления, зажиточное крестьянство предъявляло всё больший спрос на средства производства — на улучшенные орудия, сельскохозяйственные машины и пр.

Что касается крестьянской бедноты, то при отливе рабочей силы из собственного хозяйства на всякого рода сторонние заработки и при недостатке рабочего скота и инвентаря поддерживать хозяйство на прежнем уровне, удовлетворяя свои потребности продуктами своего хозяйства, становилось невозможным. В хозяйстве бедняка всё бо̀льшую роль играли денежные доходы, получаемые путём продажи рабочей силы.

Для удовлетворения своих потребностей ему всё чаще приходилось обращаться к рынку.

Таким образом, капитализм, вторгаясь в деревню, разлагая крестьянство на буржуазию и пролетариат, создавал себе рынок, необходимый для его дальнейшего развития. Громадное значение в процессе развития внутреннего рынка для промышленности имело железнодорожное строительство. Промышленные центры связывались с отдалёнными районами, появлялись новые массы потребителей промышленных продуктов. Кроме того, постройка железных дорог доставляла крупные заказы для железоделательной и машиностроительной промышленности, а стало быть, и для промышленности горной и горнозаводской. Введение в эксплоатацию новых железнодорожных линий повышало спрос на минеральное топливо для паровозов — каменный уголь и нефть. Наконец, постройка железных дорог занимала большое количество рабочей силы; массы занятых постройкой рабочих повышали спрос на предметы личного потребления.

Рынок рабочей силы. Разложение крестьянства и пролетаризация крестьянской бедноты способствовали росту рынка рабочей силы. Огромные массы разорявшегося крестьянства вынуждены были поступать в батраки или уходить на так называемые «отхожие заработки» земледельческого или неземледельческого характера. О размерах отхода можно судить по значительно возросшему к концу XIX в. количеству выданных волостными правлениями паспортов. За десятилетие (с 1861 по 1870 г.) в среднем по 50 губерниям Европейской России выдавалось ежегодно 13,9 паспорта на 1 тыс. душ обоего пола, а в последнее десятилетие XIX в. (1891—1900 гг.) — 53,1 на 1 тыс. душ, т. е. почти вчетверо больше. В некоторых селениях Калужской, Костромской, Ярославской, Тверской и других губерний всё взрослое мужское население уходило на заработки; дома, для работы в своём хозяйстве, оставались лишь женщины, старики и дети. Значительное количество отходников находило заработок в крупной промышленности, поставляя кадры наёмных рабочих для фабрик и заводов. По вычислениям Ленина, число рабочих на предприятиях крупной промышленности и на железных дорогах за 25 лет (с 1865 по 1890 г.) выросло вдвое — с 706 тыс. до 1 432 тыс.[1] В конце XIX в., по данным всероссийской переписи населения 1897 г., наёмных рабочих в России насчитывалось уже более 9 млн.

Таким образом, к этому времени составилась уже значительная промышленная армия, пополнявшаяся всё возрастав-

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 433—436.

шим притоком рабочей силы из деревни. Размеры резервной армии также непрерывно возрастали по мере разорения и пролетаризации крестьянской массы.

Накопление капитала. Иностранный капитал. Кроме рынка и рабочей силы капиталистическая промышленность нуждалась в капиталах. Источники накопления капитала были очень различны. Наиболее старый способ — типичный способ эпохи первоначального накопления — состоял в грабеже колоний. В XIX в. методы колониального грабежа были распространены на покорённые народы Кавказа и Средней Азии. Росли также торговые прибыли, извлекаемые из внешней и внутренней торговли: один хлебный экспорт за 30 лет (с 1870 по 1900 г.) дал, по приблизительным подсчётам П. И. Лященко, до 1,5 млрд. руб. торговой прибыли. В 80-х годах большое значение приобрёл устойчивый активный торговый баланс (превышение вывоза над ввозом). Громадные средства извлекало правительство из населения путём налогов, таможенных пошлин и внутренних займов, уделяя немалую долю государственных доходов промышленности и транспорту в виде ссуд и субсидий, а также и непосредственно путём развития железнодорожного строительства за счёт казны. Наконец, большую роль в процессе накопления сыграли выкупные платежи и суммы, выручаемые помещиками от усиленной продажи своих имений после реформы. Значительная часть этих средств также вкладывалась в промышленность и в железнодорожное строительство.

С 80-х годов в связи с развитием монополистического капитализма на Западе усилилось вторжение в Россию иностранного капитала. Иностранные банки в значительном числе проникли в учредительство русских акционерных компаний и в размещение железнодорожных займов. Почуяв возможность значительных прибылей, иностранные капиталисты не только приобретали акции железных дорог и промышленных предприятий, но иногда основывали и целые предприятия на свои капиталы. Крупнейшие металлургические заводы Донбасса, мощные рудники Криворожья, нефтяные промыслы Бакинского района были уже при своём возникновении в значительной степени захвачены иностранным капиталом. Всё это создавало зависимость России от иностранного капитала. Эта зависимость стала быстро расти с 80-х годов, способствуя превращению царской России в «полуколонию» империалистических держав.

Промышленный протекционизм. С развитием капиталистической промышленности в России была связана и покровительственная политика правительства. Необходимо было сократить отлив тощего золотого запаса за границу. «Русское

государство, — писал Энгельс в 1894 г., — при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, вынуждено было в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. Оно постоянно нуждается в золоте для уплаты процентов по государственным долгам за границей... Поэтому, если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда — требование, чтобы Россия стала независимой от заграницы, самодовлеющей промышленной страной; отсюда — судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России до высшей точки» [1].

В то же время самодержавие в целях самосохранения старалось жить в ладу с растущей промышленной буржуазией, которая к тому же располагала существенными рычагами для воздействия на правительственные сферы — мануфактурными и биржевыми комитетами, купеческими обществами, съездами промышленников и т. п.

Наибольшие выгоды промышленная буржуазия извлекала из таможенной политики правительства. Бесчисленные ходатайства промышленников о повышении таможенных пошлин встречали всегда положительное отношение со стороны власти. В разное время это покровительство оказывалось различным отраслям промышленности. Так, в 1868 г. был разрешён беспошлинный ввоз чугуна, железа и частей машин для надобностей металлообрабатывающих, машиностроительных и рельсовых заводов, а с другой стороны, впервые были введены пошлины на машины, в том числе и на сельскохозяйственные. В 1880 г. по ходатайству горнозаводчиков беспошлинный ввоз чугуна и железа для машиностроения был отменён, одновременно пошлиной был обложен ряд изделий (паровозы, вагоны, косы и пр.). В 80-х годах по ходатайству владельцев угольных копей трижды повышалась пошлина на каменный уголь. Тарифом 1891 г. строго покровительственная система была положена в основу всей таможенной политики; в среднем обложение по этому тарифу достигло 33% ценности товаров.

Покровительственная таможенная политика была далеко не единственным методом промышленного протекционизма. Громадные выгоды приносили промышленности казённые заказы, обеспечивающие ряду отраслей промышленности внутренний рынок, нередко к тому же по повышенным ценам.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 399—400.

Заводчики получали из казны в некоторых случаях и так называемые «премии»; так, в 1876 г. для рельсовых заводчиков была установлена «премия» в 35 коп. с пуда. С целью повышения цен на внутреннем рынке в 80-х годах были установлены вывозные «премии» на сахар и спирт. Покровительственный характер носила и железнодорожная политика. Предоставляя концессии на постройку и эксплоатацию железных дорог, правительство гарантировало концессионерам определённый доход, перекладывая, таким образом, в карманы капиталистов-концессионеров миллионы казённых рублей, награбленных у народа. В результате усиленного покровительства промышленности русские промышленные предприятия давали огромные барыши.

Промышленность в первые годы после реформы. Втянутая в круговорот мирового хозяйства, русская промышленность испытывала ту же смену периодов подъёма и кризисов, что и промышленность капиталистических стран. Но в первое десятилетие после крестьянской реформы на русскую промышленность большее влияние оказали внутренние условия, чем состояние мирового рынка: реформа вызвала серьёзное потрясение в целом ряде отраслей промышленности, пользовавшихся в той или иной мере принудительным трудом. Особенно отразилась реформа на горнозаводской промышленности Урала, основанной почти исключительно на принудительном труде. Освобождённые от крепостного гнёта рабочие массами бросали производство и возвращались на родину или переселялись в другие места. В связи с этим производство уральских заводов резко сократилось: с 1860 по 1862 г. выплавка чугуна упала с 14,5 млн. пудов до 10,5 млн., т. е. почти на 28%, и только к 1870 г. достигла уровня 1860 г. Те отрасли промышленности, в которых ещё до реформы господствовал вольнонаёмный труд, такого потрясения не испытали. Тяжёлый кризис, перенесённый хлопчатобумажной промышленностью в первой половине 60-х годов, был вызван не внутренними условиями, а положением на международном рынке и характеризовал именно зависимость русской промышленности от последнего. В годы гражданской войны в Соединённых Штатах Америки (1861—1865 гг.) резко упал вывоз в Европу американского хлопка, вследствие чего цены на хлопок в европейских странах выросли в гораздо большей мере, чем на хлопчатобумажные изделия. Под влиянием этих условий и в России количество поступивших на внутреннее потребление хлопка и хлопчатобумажной пряжи с 1860 по 1862 г. сократилось больше чем втрое и только к концу десятилетия достигло прежнего уровня.

Грюндерство. С конца 60-х годов в связи с широкими планами железнодорожного строительства начался период

«грюндерства» — усиленного учредительства промышленных и транспортных предприятий. Стремительно росло число акционерных компаний: за пятилетие с 1869 по 1873 г. была основана 281 акционерная компания с капиталом 697,6 млн. руб., т. е. в среднем по 56 в год, тогда как за пятилетие с 1861 по 1865 г. их было основано только 44 с капиталом всего лишь около 99 млн. руб. В надежде на высокие прибыли и быстрое обогащение множество владельцев небольших сбережений расхватывали акции учреждаемых предприятий. В результате ажиотажа акции стремительно повышались в цене, но многие из возникших в это время предприятий оказались «дутыми»: взятые ими на себя обязательства не соответствовали размерам акционерного капитала. Такие предприятия неизбежно «лопались», их «учредители» успевали заблаговременно распродать свои акции, «заработав» значительные суммы на повышении их курса. Наживались также многочисленные спекулянты, скупавшие акции для перепродажи, а мелкие акционеры совершенно разорялись.

Промышленный кризис 1873—1875 гг. Промышленный подъём 60-х и начала 70-х годов, который переживали также и другие капиталистические страны, привёл к перепроизводству и кризису. В мае 1873 г. кризис разразился в Германии и Австрии, затем перебросился в Соединённые штаты и охватил почти всю Европу, в том числе и Россию. Уже во время Нижегородской ярмарки 1873 г. ввиду недостатка спроса и падения цен на товары обанкротился ряд торговых фирм. Учредительство новых фирм значительно сократилось. Резко сократилось и железнодорожное строительство, что тотчас же отразилось на положении промышленности. Многие промышленные и торговые организации обанкротились. Тяжесть кризиса усилилась ещё тем обстоятельством, что в первой половине 70-х годов был ряд неурожайных лет.

Кризисное состояние промышленности затянулось до 1878 г.; только в этом году в России, как и на Западе, снова началось оживление промышленности, которому способствовали также окончание турецкой войны и ряд урожайных лет. За один только 1879 г. число веретён в хлопчатобумажной промышленности увеличилось почти на миллион. Быстро расширялось производство и в других отраслях промышленности. Прибыли торговых и промышленных предприятий достигали в это время огромных размеров: некоторые акционерные общества, по их собственным официальным отчётам, получали 40, 50 и даже 70% прибыли на акционерный капитал.

Кризис 1881—1886 гг. Но этот период оживления оказался очень недолгим. Уже в конце 1880 г. обнаружилось несоот-

ветствие между огромным количеством выброшенных на рынок товаров и недостаточным спросом на них, и предприниматели начали сокращать производство. Зимой 1880/81 г. петербургские механические заводы уволили значительное количество рабочих: на заводе Берда количество рабочих сократилось с 3—4 тыс. до 1 тыс., на заводе Нобеля — с 900—1 200 до 600. Значительно сокращено было число рабочих на текстильных фабриках центрального промышленного района. В Костромской губернии была уволена третья часть рабочих. Большое количество безработных было в Иваново-Вознесенске. В 1882 г. сильно сократилось производство в Царстве Польском; в Варшаве летом 1882 г. насчитывалось около 20 тыс. безработных. Многие промышленные предприятия, особенно мелкие, прекратили производство.

Мировой промышленный кризис, начавшийся в 1882 г. во Франции и охвативший Англию, США и ряд других стран, тяжело отразился и на России, усилив начавшийся здесь кризис и затянув последовавшую за ним депрессию до 1886 г. включительно. В течение четырёх лет, с 1883 по 1886 г., производство либо стояло на месте, либо увеличивалось очень медленно. Учредительство резко сократилось: капитал вновь основанных акционерных обществ, составлявший в 1881 г. 50 млн. руб., в последующие годы неуклонно понижался, спустившись в 1887 г. до 20 млн. руб.

Только с 1887 г. в России, как и в других странах, началось новое оживление промышленности: цены на товары повышались, росли прибыли предпринимателей; старые предприятия расширяли производство, возникло много новых предприятий. Капиталы основанных за четыре года (1887—1890 гг.) акционерных компаний достигли почти 180 млн. руб. Но в начале 90-х годов опять в ряде отраслей сказался промышленный застой (отчасти связанный с голодом 1891—1892 гг.), продолжавшийся до 1892 г. включительно.

Развитие отдельных отраслей промышленности. Из отдельных отраслей промышленности на первом месте по размерам производства попрежнему стояла хлопчатобумажная промышленность. Оправившись от кризиса, связанного с «хлопковым голодом» 60-х годов, она стала быстро развёртывать своё производство: с 1866—1870 по 1886—1890 гг. среднее годовое количество поступивших для внутреннего потребления хлопка и бумажной пряжи увеличилось втрое (с 3 млн. до 10 млн. пудов); за одно только десятилетие (с 1880 по 1889 г.) сумма производства бумажной пряжи увеличилась на 153%, а сумма производства бумажных изделий — на 80%.

Быстрый рост продукции был связан с коренным изменением в самом строе промышленности. Развивался промышлен-

ный переворот. Основная тенденция развития здесь, как и в других отраслях промышленности, заключалась в превращении мелкого товарного производства в капиталистическую мануфактуру и в перерастании последней в крупную машинную индустрию[1]. Но рядом с этим основным процессом происходил рост и мелких промыслов и мануфактуры. «Совмещение, — писал Ленин, — в одной стране в одно время двух этих, повидимому, противоречивых, процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов»[2]. В хлопчатобумажной промышленности Московской губернии, например, в начале 70-х годов существовали рядом и крупные фабричные предприятия, и мелкие кустари, и фабричные конторы, раздававшие работу крестьянам на дом. В течение следующего десятилетия мануфактура постепенно перерастала в крупную машинную индустрию, а мелкие промыслы разлагались. Земское статистическое обследование Московской губернии в конце 70-х и начале 80-х годов отмечает исчезновение ткацких светёлок и превращение ткацких изб в «отделения крупных промышленных фирм», а прежних хозяйчиков — в самостоятельных крупных предпринимателей либо в посредников крупных фирм. Таким образом, мелкий производитель поглощался либо мануфактурой, либо крупной фабрикой, которые ещё широко использовали работу на дому. При этом крупная машинная индустрия к концу 70-х годов уже стала ведущей в хлопчатобумажной промышленности. В 1866 г. из 160,5 тыс. рабочих хлопчатобумажной промышленности 66 тыс. (т. е. 41%) работали на дому, а к 1879 г. домашние рабочие составляли только 23,5% (50 тыс. из 213 тыс.), т. е более трёх четвертей всех рабочих работало уже в фабричном здании.

Но наиболее показательным для роста капитализма является развитие тех отраслей промышленности, которые заняты производством средств производства, т. е. тяжёлой индустрии, составляющей основу капиталистического производства.

После реформы тяжёлая промышленность быстро развивалась. Добыча угля с 1860 по 1890 г. увеличилась (по всем районам) в 20 раз (с 18 млн. до 367 млн. пудов), выплавка

[1] См *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 475—476.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 354.

чугуна, несмотря на временный упадок уральской промышленности в 60-х годах, выросла за это время почти втрое (с 20,5 млн. до 56,6 млн. пудов), производство железа и стали — вчетверо (с 12,5 млн. до 52 млн. пудов). При незначительных ещё абсолютных цифрах продукции темп её роста был довольно быстрым.

Особенно быстро развивалась промышленность юга. Мощность паровых двигателей выросла здесь с 1877 по 1893 г. в шесть раз (на Урале в два с половиной раза), количество рабочих увеличилось в четыре раза (на Урале всего на 64%). По добыче угля Донбасс к 1890 г. выдвинулся на первое место, оттеснив Польшу, занимавшую ранее господствующее положение (в этом году Донбасс дал 50% всей добычи угля в стране, тогда как Польша — 41%). Во второй половине 80-х годов, с развитием эксплоатации криворожских руд и с окончанием постройки Екатерининской железной дороги, соединившей угольные копи Донбасса с Криворожским рудным районом (1886 г.), стало быстро развиваться и металлургическое производство на юге. До этого времени здесь имелся только один металлургический завод, пущенный в 1871 г.; в 80-х и в начале 90-х годов тут был построен ряд новых заводов. Доля юга по выплавке чугуна в 1893 г. составляла 29% против 10% в 1886 г.

В области тяжёлой промышленности в этот период возник ряд новых производств, не существовавших или почти не существовавших в дореформенное время. К ним относится прежде всего нефтяная промышленность. До середины 60-х годов добыча нефти не достигала и 1 млн. пудов, а в 1890 г. она составляла уже около 243 млн. пудов. Почти вся нефть добывалась в Бакинском районе, и Баку из незначительного городка быстро превратился в крупный промышленный центр.

В этот же период было положено начало русскому машиностроению, которое до реформы тоже почти не существовало, за исключением немногих заводов сельскохозяйственных машин. На 92 машиностроительных заводах было тогда всего лишь 1 862 рабочих, а общая сумма производства их составляла только 850 тыс. руб. В 60—80-х годах возник ряд крупных машиностроительных заводов в Петербурге, завод Бромлея в Москве, Коломенский завод под Коломной, Сормовский близ Нижнего и др.; образовались новые центры сельскохозяйственного машиностроения — Харьков, Одесса, Бердянск, Александровск, Елисаветград. Число машиностроительных заводов в Европейской России (без Польши и Финляндии) увеличилось с 1860 по 1890 г. в три с половиной раза, число рабочих на них — более чем в 20 раз, а сумма продукции — в 50 раз.

Техническое переоборудование промышленности. Развитие капиталистической промышленности было связано с её техническим переоборудованием. Возрастало применение паровых двигателей: за 16 лет (с 1875 по 1892 г.) число паровых двигателей в России увеличилось вдвое, а мощность их — втрое[1]. В чёрной металлургии ещё в 1863 г. господствовали водяные двигатели (87% мощности), а к 1890 г. паровые двигатели приобрели уже большое значение. В производстве чугуна всё более распространялось применение минерального топлива вместо древесного, что в несколько раз повышало продукцию доменных печей. Господствовавшее ранее холодное дутьё заменялось горячим; в 1890 г. уже 68% домен действовали на горячем дутье. В железоделательном производстве старинный кричный способ производства железа заменялся более совершенным способом — пудлингованием; в 1890 г. по сравнению с 1860 г. пудлингового железа было произведено в семь раз больше, чем кричного. В производстве стали с 70-х годов всё чаще применялись бессемеровский и особенно мартеновский способы. В текстильном производстве всё больше вводилось усовершенствованных машин и станков. С 1877 по 1886 г. число мюльных и ватерных веретён увеличилось на 45%, число самоткацких станков — на 50%.

Технические успехи в области металлургии относились главным образом к промышленным предприятиям Польши и юга. Урал, всё ещё занимавший господствующее положение в горнозаводской промышленности, оставался технически отсталым. Там попрежнему преобладала выплавка чугуна на древесном топливе, в старинных доменных печах с холодным или слабо нагретым дутьём. В производстве железа прочно держался старый, кричный способ, вытеснявшийся в других районах пудлингованием. Паровые двигатели применялись гораздо реже, чем в Донбассе. Техническая отсталость Урала объяснялась наличием там значительных пережитков крепостничества.

Концентрация производства. Рост крупной индустрии сопровождался концентрацией производства. Производство всё более сосредоточивалось на крупных предприятиях, стягивавших к себе всё большее количество рабочих. К началу 90-х годов на крупнейших хлопчатобумажных фабриках (с 1 тыс. и больше рабочих) было сосредоточено уже около трёх четвертей всех рабочих хлопчатобумажной промышленности. В каменноугольной промышленности Екатеринославской губернии в 1890 г. на фирмы с производительностью свыше 5 млн. пудов приходился 31% всей добычи, в Донской области

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 444.

на фирмы с производительностью свыше 8 млн. пудов — 39%, в бакинской нефтяной промышленности на фирмы с производительностью свыше 8 млн. пудов приходилось 70% всей добычи нефти в этом районе.

Этот процесс концентрации характерен для всей промышленности в целом. По подсчёту Ленина, число промышленных предприятий со 100 и более рабочими за время с 1866 по 1890 г. увеличилось всего в полтора раза, тогда как число рабочих в них выросло вдвое, а сумма производства — почти втрое. При этом особенно быстро росли крупнейшие предприятия (свыше 1 тыс. рабочих): число их увеличилось за это время больше чем вдвое, количество рабочих — больше чем втрое, а сумма продукции — почти в пять раз [1].

Отсталость промышленности царской России. Несмотря на техническое переоборудование русской промышленности в 60—80-х годах, на развивавшийся в ней промышленный переворот, промышленность России всё же сильно отставала от передовых в техническом отношении стран Западной Европы и Америки. Производительность труда русского рабочего была очень невысока. Так, в хлопчатобумажной промышленности в начале 90-х годов производительность труда прядильщика в России была в два-три раза меньше английского; на 1 тыс. прядильных веретён в России приходилось 15,5 рабочего, а в Англии — только 3; на 1 ткача (при выделке самых простых тканей) в России приходилось 2 станка, а в Англии — от 4 до 6. Техническая отсталость русской промышленности объяснялась прежде всего сохранением диктатуры крепостников.

Наличие многочисленных остатков крепостничества в деревне замедляло развитие внутреннего рынка. Но медленность развития рынка «вглубь», на территории метрополии, до известной степени уравновешивалась возможностью развития его «вширь», возможностью распространения сферы господства капитализма на новые территории, на колонии царизма — Сибирь, Кавказ, Среднюю Азию и др. Вместе с тем это обстоятельство способствовало сохранению остатков крепостничества и, следовательно, в свою очередь задерживало развитие капитализма в метрополии.

Тяжело отражалось на развитии капиталистической промышленности и неудовлетворительное состояние государственного бюджета царской России; в нём отчётливо выражалась крепостническая политика царизма, поддерживавшего всеми средствами дворянское землевладение и выкачивавшего всё, что возможно, из крестьянской массы. Бюджет, как правило, сводился с дефицитом. При агрессивной внешней политике,

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 446.

вызывавшей крупные «чрезвычайные» расходы, всё больше возрастал государственный долг: в 1892 г. он достиг громадной суммы в 7,5 млрд. руб. Выпускаемые в огромном количестве для покрытия дефицитов бумажные деньги постоянно колебались в курсе. Расстроенные финансы (громадная задолженность и архаическая денежная система) дезорганизовывали денежный рынок и товарное обращение, понижая и без того слабую покупательную способность большинства населения. Всё это также задерживало развитие капитализма. «Если сравнивать, — писал Ленин, — докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России... придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»» [1].

Итоги социальных сдвигов к концу XIX в. Развитие основных процессов классообразования, свойственных капиталистическому обществу, внесло существенные изменения в социальный состав населения России на протяжении первых 35—40 лет после отмены крепостного права. Эти изменения отразили коренные классовые противоречия сложившегося в стране буржуазного строя.

Использовав материалы первой всероссийской переписи населения 1897 г. «для иллюстрации *разделения общественного труда*, как основы всего товарного производства и капитализма в России» [2], В. И. Ленин составил следующую таблицу:

Сельскохозяйственное население России	97,0 млн. чел.
Торгово-промышленное	21,7 » »
Непроизводительное	6,9 » »
Всего	125,6 млн. чел.

На основании этих данных В. И. Ленин делал два обобщающих вывода. Он указывал: «Из этой картины ясно видно,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 527.
[2] Там же, стр. 439.

с одной стороны, что товарное обращение и, след., товарное производство вполне прочной ногой стоит в России. Россия — страна капиталистическая. С другой стороны, отсюда видно, что Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии» [1].

На основе того же источника В. И. Ленин получил для всего населения капиталистической России в 1897 г. приблизительно такое распределение по классовому положению [2]:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	ок.	3,0 млн.
Зажиточные мелкие хозяева	»	23,1 »
Беднейшие мелкие хозяева	»	35,8 »
Пролетарии и полупролетарии	»	63,7 »
Всего	ок.	125,6 млн.

Приведённая таблица наглядно показывает ясно выраженное в конце XIX в. деление населения России на два основных класса буржуазного общества: на собственников-эксплоататоров, составляющих незначительное меньшинство, и на эксплоатируемые массы, являющиеся подавляющим большинством населения. Как указывает В. И. Ленин, численность пролетариата достигала тогда не менее 22 млн. человек (что равнялось почти 18% всего населения). Следовательно, только пролетариат и полупролетариат в 1897 г. составляли более половины всех жителей царской России. С учётом же беднейших мелких хозяев масса народа, эксплоатируемого капиталистами и помещиками в капиталистической России, возрастёт до 100 млн. человек, т. е. составит почти 80% населения. Наряду с этим В. И. Ленин считал нужным отметить значительный удельный вес в пореформенной капиталистической России мелкобуржуазных слоёв населения.

Возникновение нового класса капиталистического общества — пролетариата. Таким образом, новый класс капиталистического общества — пролетариат — возник после реформы 1861 г. и сложился в процессе развития и утверждения в России капитализма. Возникновение и развитие этого нового класса было наиболее важным историческим явлением во всей истории России XIX в. В русском историческом процессе возникла и стала развиваться та сила, которая в дальнейшем выросла в гегемона массового революционного движения, тот класс, который стал могильщиком капитализма и возглавил победную борьбу народных масс над эксплоататорским строем за торжество нового, коммунистического строя, в котором

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 439.
[2] См. там же, стр. 442.

будут уничтожены все и всяческие эксплоататоры. Русский пролетариат в братском классовом содружестве с пролетариатом других народов, томившихся в тюрьме Российской империи, впервые в истории человечества привёл закабалённые и угнетённые эксплоататорами трудовые народные массы всей страны к победе над эксплоататорским строем, которая ознаменовала новую эру в развитии всего человечества.

Вопросы о формировании российского пролетариата, его экономическом положении, капиталистической эксплоатации и истории его борьбы в период 60—80-х годов будут подробно разобраны в последующих главах. Отметим сейчас кратко лишь основные моменты в процессе формирования нового класса.

Первыми кадрами промышленного пролетариата, естественно, оказались рабочие существовавших в годы реформы предприятий. Дальнейшее пополнение было связано с тем процессом отделения производителя от средств производства в земледелии и мелкой промышленности, который широко развернулся в России после 1861 г.

Источником формирования пролетариата явился охарактеризованный выше основной процесс классообразования в пореформенной капиталистической России — процесс расслоения, диференциации крестьянства. Пролетариат возникал в результате потери непосредственным производителем — крестьянином — средств производства, в результате «раскрестьянивания» деревенской бедноты, единственным источником существования которой оказывалась продажа своей рабочей силы. Приток новых рабочих на фабрики и заводы шёл в основном из деревни. Уже самые условия ликвидации крепостного права сразу же вытолкнули на рынок рабочей силы значительные массы бывших крепостных крестьян: 1 461 тыс. душ обоего пола дворовых и месячников, 12 тыс. душ, принадлежавших беспоместным дворянам, и часть крестьян мелкопоместных владельцев в количестве 137 тыс. душ, которые не получили наделов; кроме того, около 1 млн. душ обоего пола оказалось на наделах менее одной десятины. Часть этих людей пошла работать в промышленность. Сравнительно небольшим по размерам источником пополнения кадров рабочих крупной промышленности была мелкая промышленность города. После реформы 1861 г. развитие капитализма в мелких промыслах постепенно превращало в наёмных рабочих ранее более или менее самостоятельных мелких производителей кустарной промышленности. Часть из них уходила непосредственно на фабрики Образование мануфактуры и переход её в фабрику постепенно превращали остальных из наёмных рабочих мелкого производства в рабочих крупной промышленности.

Темпы этого процесса в разные периоды пореформенной эпохи и в разных отраслях хозяйства не были одинаковыми. Определяющим здесь был ход развития капитализма в различных отраслях народного хозяйства. В годы промышленных подъёмов число промышленных рабочих особенно росло, а в годы кризисов и депрессий сокращалось. Усиленное железнодорожное строительство влекло за собой рост рабочих железных дорог, замедление этого строительства уменьшало приток рабочей силы на железнодорожный транспорт. Процесс формирования пролетариата был связан с той динамикой развития капитализма в России в пореформенную эпоху, о которой говорилось выше.

Итоги роста числа рабочих за 1865—1890 гг. в крупной промышленности и на железных дорогах выражены В. И. Лениным в следующей таблице:

Число рабочих в крупных капиталистических предприятиях
(в тысячах)

Годы	В фабр.-зав. промышленности	В горной промышленности	На жел. дорогах	Всего
1865	509	165	32	706
1890	840	340	252	1 432

«Таким образом, — комментирует эту таблицу Ленин, — число рабочих в крупных капиталистических предприятиях увеличилось за 25 лет более чем вдвое, т. е. оно возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения» [1].

После реформы 1861 г. стали складываться в России вследствие развития капитализма в земледелии также и кадры наёмных рабочих в сельском хозяйстве. Формировались эти кадры из среды пролетаризирующегося бедняцкого крестьянства.

«...Помещики стали производить хлеб на продажу, появились крупные посевщики из крестьян и купцов, сотни миллионов пудов хлеба стали продаваться за границу. Для производства потребовались наемные рабочие, и сотни тысяч и миллионы крестьян пошли, забрасывая свои крохотные наделы, в батраки и поденщики к новым хозяевам, производящим хлеб на продажу» [2], — пишет Ленин.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 436.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 84.

Процесс возникновения и развития пролетариата развивался и в ряде национальных районов, у народов, населявших царскую Россию. Его особенности будут рассмотрены в дальнейших главах.

Буржуазия после реформы 1861 г. Буржуазия как торговая, так и промышленная сформировалась в России ещё до реформы 1861 г. После реформы 1861 г. усилились темпы роста буржуазии. Кадры её, как и раньше, пополнялись выходцами из крестьянства, в меньшей степени из городского мещанства. После реформы отдельные представители дворянства также занялись торгово-промышленной деятельностью, не теряя, однако, своего помещичьего лица. «Многие русские помещики тоже имели в своё время фабрики и прочие промышленные предприятия, что, однако, не мешало им оставаться представителями феодальных пережитков» [1], — пишет товарищ Сталин. Тесная связь русской буржуазии со старыми порядками постоянно подчёркивалась Лениным: «Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией» [2]. Формирующееся кулачество существенно пополняло ряды буржуазии. Это ярко отразилось и в нашей пореформенной литературе и публицистике, где имена Колупаевых и Разуваевых стали нарицательными для обозначения разбогатевших кулаков, вошедших в ряды крупной буржуазии. Огромные состояния наживались на постройке железных дорог. Шестидесятые и семидесятые годы были временем, особенно благоприятным для обогащения ловких дельцов на железнодорожном строительстве и организации банков.

Кадры промышленной буржуазии пополнялись, так же как и ранее, представителями торгового капитала и кустарями. Довольно часты были случаи основания фабрик представителями торгового капитала (например, Даниловская мануфактура, основанная в 1867 г. в Москве купцом Мещериным, торговавшим текстильными товарами). По мере перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру скупщики кустарных изделий иногда также делались владельцами мануфактур и фабрик.

Если до реформы наиболее видную роль в среде буржуазии играли представители торгового капитала, то после реформы по мере роста капиталистической промышленности выдвигаются на первый план промышленные предприниматели, железнодорожные и банковские воротилы. В составе буржуазии пореформенной эпохи ведущую роль играла русская буржуазия. Наряду с нею у других народов Российской империи существо-

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 9, стр. 241.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 495.

вала своя национальная буржуазия. «Народы, населявшие царскую Россию, стонали под двойным гнетом — своих собственных и русских помещиков и капиталистов» [1]. Выдвинутая впоследствии буржуазными националистами «теория» об отсутствии у отдельных народов своей национальной буржуазии резко противоречит действительности и является политически реакционной.

Ещё до реформы 1861 г. среди торговой и промышленной буржуазии имелись представители иностранного капитала, прочно обосновавшиеся в России. После реформы вместе с притоком в Россию иностранного капитала число выходцев из-за границы значительно увеличилось. Например, немец Кноп ещё в 1840-х годах, когда в центрально-промышленном районе стало быстро развиваться строительство хлопчатобумажных фабрик, сумел сделаться посредником между русскими капиталистами и английскими машиностроительными фирмами, строил по заказу предпринимателей фабрики и был, кроме того, поставщиком сырья. После реформы Кноп стал участником многих крупных хлопчатобумажных предприятий и в компании с крупными московскими капиталистами Солдатёнковым и братьями Хлудовыми основал в 1857 г. в Нарве Кренгольмскую мануфактуру, ставшую самой большой хлопчатобумажной фабрикой Европы. В среде буржуазии Петербурга иностранцы играли гораздо большую роль, чем в центрально-промышленном районе ещё с дореформенных времён. В составе буржуазии России были выходцы из самых различных наций Западной Европы. Особенно много иностранцев было среди предпринимателей тяжёлой промышленности. Фирма «Нобель», в нефтяной промышленности, достигла огромного обогащения и оказалась одним из крупнейших представителей монополистического капитала в этой отрасли. Иностранные капиталисты всё сильнее присасывались к русской промышленности, стремясь захватить командные высоты в русской экономике и сделать Россию полуколонией иностранного капитала. Антинародное самодержавие, низкопоклонничавшее перед иностранцами, предавало интересы страны и поощряло это иностранное вторжение.

Чтобы организованно отстаивать свои классовые интересы перед правительством, буржуазия пореформенного времени образовывала специальные организации; некоторые из них возникли ещё до реформы, — укажем биржевые комитеты, комитеты торговли и мануфактур, а для пореформенного времени — представительные организации отраслевого типа, как, например, «Совет съезда горнопромышленников юга России»

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 54

(возник в 1871 г.), «Совет съезда горнопромышленников Уральской горной области» (1880 г.), «Совет съезда бакинских нефтепромышленников», «Совет съезда мукомолов» (1888 г.) и др. Все эти организации были тесно связаны с государственной системой самодержавия, опирались на него и оказывали воздействие на его политику. Российская буржуазия влияла на государственные дела «через посредство оравы продажных и бесчинствующих чиновников» [1].

Некоторые из этих организаций буржуазии имели свои печатные органы Но кроме этого буржуазия протянула руку и к общей печати. Некоторые фабриканты стали издавать газеты, отстаивавшие классовые интересы буржуазии, писали о превосходстве буржуазии над дворянством (например, газета «Русский курьер», основанная одним из московских фабрикантов).

Как уже указывалось выше (см. главу I), российская буржуазия была неспособна на решительную борьбу с самодержавием и не являлась революционной силой.

К ранее перечисленным историческим причинам этого явления в капиталистическую эпоху добавились ещё новые. Определяющим моментом в изучаемое время явилось возникновение нового класса, пролетариата — могильщика буржуазии. Боязнь революции, боязнь революционного пролетариата и стремление опереться на самодержавие «из страха за свой денежный мешок, из страха перед народом» [2] становились характернейшей чертой российской буржуазии. Она нуждалась в царизме с его полицейско-бюрократической системой, с его военными силами, с его аппаратом розыска и надзора, на которые она рассчитывала опереться в своей борьбе с пролетариатом и крестьянством. «Вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием, — писал Ленин, — она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей» [3]. Поэтому российская буржуазия предавала дело борьбы за политическую свободу, будучи неспособна на последовательный демократизм. Ей выгоднее было, чтобы нужные ей преобразования происходили медленно, осторожно и нерешительно, путём

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 102.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 8, изд. 4, стр. 539.
[3] Там же, стр. 477.

реформ, а не путём революции Как и либеральные помещики, либеральные буржуа «стояли, конечно, за царское правительство, но они были против «крайностей» царизма, опасаясь, что именно эти «крайности» могут усилить революционное движение. Боясь «крайностей» царизма, они еще больше боялись революции» [1].

Пореформенная буржуазия, как и российское дворянство, отличалась низкопоклонством и раболепием перед западноевропейской буржуазной культурой. Это выражалось в ее отношении к иностранной и отечественной технике: иностранные специалисты, часто даже не получившие технического образования, ставились выше русских инженеров. Так, русская текстильная буржуазия московско-ивановского района поручала техническое руководство на своих фабриках английским специалистам, которых ей поставлял Кноп вместе с английскими машинами. То же наблюдалось и в других отраслях промышленности. Замечательные русские изобретения игнорировались, оставались без реализации и нередко похищались иностранными дельцами.

Город после реформы 1861 г. Развитие капитализма в России, естественно, повлекло за собой рост городского населения и значительные изменения в социальном облике и внешнем виде города. По подсчётам Ленина, в Европейской России с 1863 по 1897 г. сельское население возросло почти в полтора раза (на 48%), а городское увеличилось почти вдвое (на 97%) и достигло 12,8% всего населения Европейской России.

Большое значение для роста городов имело развитие железнодорожной сети, содействовавшее росту торговли и промышленности тех городов, через которые проходили железнодорожные линии. Происходила характерная для капитализма концентрация городского населения в крупных городах. По подсчётам Ленина, в городах, имевших свыше 50 тыс. жителей, в 1863 г. проживало немногим более четверти (27%) всего городского населения Европейской России, а в 1897 г. — уже несколько более половины (53%).

Буржуазия после 1861 г. претендует на первенство в городе, дворянство оттесняется на второй план Пролетариат приобретает всё более значительный удельный вес среди трудовых слоёв городского населения.

Рост городского населения происходил главным образом за счёт притока из деревни. Поселяясь в городе, крестьянин часто оставлял семью в деревне; поэтому в городах было сравнительно мало детей и много лиц в рабочем возрасте, а мужчин было больше, чем женщин.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 29.

Наиболее характерным для капиталистической эпохи было развитие городов чисто промышленного характера, население которых было занято главным образом в промышленных предприятиях, а торговое значение всецело обусловливалось их промышленным развитием. К этому типу относятся и текстильные города центрально-промышленного района во главе с Иваново-Вознесенском (54 тыс. жителей), который образовался из объединения села Иванова и Вознесенского посада и получил права города только в 1871 г. В эту же группу надо отнести и фабрично-заводские сёла, не имевшие прав города, но в экономическом отношении бывшие поселениями городского типа, как, например, Орехово-Зуево, Тейково, Кохма, Раменское, а также заводские посёлки юга и Урала, как, например, Юзовка (ныне Сталино) или Нижне-Тагильский завод.

В особую группу можно отнести города, развившиеся преимущественно как торговые центры. В одних из них крупная промышленность почти совсем не получила развития, в других она несколько развилась, но всё же по сравнению с торговлей стояла на заднем плане. К этому типу можно отнести Астрахань, Самару, Саратов, Оренбург, Ташкент, Винницу, Воронеж, Вильно, Минск, Екатеринодар (ныне Краснодар) и ряд других городов.

Ряд торговых центров, выросших при крупных железнодорожных станциях (в особенности при железнодорожных узлах), как, например, Лозовая на Украине, Тихорецкая на Кубани, и бывших по своему экономическому облику городами, формально не считались таковыми: как и все, за редким исключением, новые экономические центры, возникавшие после реформы 1861 г., они не получили в XIX в. прав города.

В некоторых торговых городах промышленность получила настолько сильное развитие, что их необходимо считать торгово-промышленными центрами. Наиболее крупным из городов этого рода была Рига (256 тыс. жителей), соединение которой через железную дорогу с глубинными районами России (линия Рига—Царицын) способствовало не только её росту как торгового порта, но и сформированию её как одного из крупных промышленных центров России; предприятия Риги работали на всероссийский рынок.

Сходными по экономической структуре были Ярославль и Тверь, где процент промышленного населения был даже выше, чем в Риге. В меньшей степени это можно сказать об Одессе и Ростове-на-Дону, которые, несмотря на заметное промышленное развитие, послужившее базой для развившегося в них рабочего движения, всё же были в то время по преимуществу торговыми центрами. Некоторые из городов этой группы достигли очень крупных размеров, как

Киев (247 тыс. жителей), в особенности же Одесса, занимавшая, по переписи 1897 г, если не считать Варшавы, третье место по числу жителей среди городов России (405 тыс. жителей).

Обе столицы — Петербург и Москва — резко выделялись по своим размерам даже среди крупных городов страны, причём Петербург (1 267 тыс. жителей в 1897 г.) был несколько больше Москвы (1 036 тыс. жителей). Темпы их роста во второй половине XIX в. значительно превосходили темпы роста других городов. Оба города имели всероссийское экономическое значение. В обоих городах сочетались рост торговли и развитие промышленности; но наряду со сходством в их экономике были и существенные различия. Москва была основным узлом железнодорожной сети и центром внутреннего рынка. Петербург был первым портом России. Промышленность Москвы была преимущественно текстильной, машиностроение и химия стояли на втором плане, хотя и росли; Петербург же был главным центром русского машиностроения. Текстильное производство в Петербурге не имело того удельного веса, как в Москве. Петербург был банковским центром для всей России, Москва была банковским центром лишь центрально-промышленного района. Влияние иностранного капитала сказывалось в Петербурге значительно больше, чем в Москве.

Социальный облик и размеры весьма значительного количества уездных городов, в особенности оставшихся в стороне от железных дорог, например Суздаль и Судогда Владимирской губернии, Руза и Верея Московской, Белый и Духовщина Смоленской, изменились мало. Они остались центрами мелких чисто местных рынков и местного административного управления. Население их или совсем остановилось в своём росте, или выросло незначительно. Подобно им ряд губернских городов тоже остались лишь центрами управления и не приобрели крупного экономического значения. В качестве примеров можно назвать Псков, Новгород, Владимир, Митаву (ныне Елгава), Каменец-Подольск, Кутаис, Тобольск. Они были, конечно, больше уездных городов этой группы, но росли очень медленно.

Благоустройство городов после 1861 г. по сравнению с дореформенным временем улучшилось в центре и в районах, заселённых господствующими классами. Но рабочие окраины находились в запущенном и антисанитарном состоянии. Особенно неблагоустроенными были города чисто промышленного типа; так, например, в Иваново-Вознесенске вплоть до Октябрьской революции преобладали немощёные улицы, не было канализации, водопровода и трамвая. В XIX в. уличного электрического освещения не было совсем.

Наиболее усовершенствованным видом городского транспорта в крупных городах пореформенной России были конные железные дороги («конка»), и лишь в 1890-х годах впервые появился трамвай.

Работа Ленина «Развитие капитализма в России». Исключительное значение для изучения истории экономического развития пореформенной России имеет классическая работа Ленина «Развитие капитализма в России», написанная им в тюрьме и ссылке ещё в 1896—1898 гг. и вышедшая в свет весной 1899 г. Этот глубокий научный труд является образцом марксистского исследования. Он основан на огромном фактическом материале — на данных земских подворных обследований, материалах фабрично-заводской и горнозаводской статистики, изданиях Центрального статистического комитета и множестве других, — представляя блестящий образец применения марксистского метода к изучению конкретной действительности. С неопровержимой убедительностью Ленин показал расслоение крестьянства, смену барщинной системы помещичьего хозяйства капиталистической, рост торгового земледелия, сосуществование и смену трёх стадий развития капитализма в промышленности — мелкой крестьянской промышленности, капиталистической мануфактуры и крупной машинной индустрии, — наконец, процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности, в том числе и рынка рабочей силы. В то же время он выяснил сущность остатков крепостничества, сохранившихся после реформы 19 февраля, и показал их задерживающее влияние на развитие капитализма.

Этой книгой был завершён разгром экономических воззрений народников—об «искусственном» насаждении капитализма в России, об отсутствии почвы для его развития, о «спасительности» крестьянской общины, об устойчивости «народного производства» и пр.

«Что доказывал и доказал Ильин? [1] — писал Ленин в 1909 г. — Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило *не* иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным» [2].

---

[1] «Развитие капитализма в России» было издано под псевдонимом Владимир Ильин

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 101.

Положения работы Ленина явились фундаментом для будущей экономической программы и тактики партии большевиков в буржуазно-демократической революции.

«Тот анализ общественно-хозяйственного строя, — писал Ленин в предисловии ко второму изданию книги, — и, следовательно, классового строения России, который дан в настоящем сочинении на основании экономического исследования и критического разбора статистических сведений, подтверждается теперь открытым политическим выступлением всех классов в ходе революции. Вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения. Экономическая основа того и другого явления доказана в предлагаемой работе.

Далее, революция обнаруживает теперь все более и более двойственное положение и двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее . Экономическая основа обоих течений в крестьянстве доказана в предлагаемой работе» [1].

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. Переписка К. Маркса и Ф Энгельса с русскими политическими деятелями М Огиз 1947. 307 с. (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б)). — *Энгельс Ф* Социальные отношения в России. Сочинения. Т. XV. С 251—264. — *Энгельс Ф.* Послесловие к статье «Социальные отношения в России» Сочинения. Т. XVI. Ч. 2. С. 388—401. — *Энгельс Ф.* Социализм в Германии. Сочинения. Т. XVI. Ч. 2. С. 250—254. — *Ленин В. И.* Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. Сочинения Изд. 4 Т 1, С. 1—58. — *Ленин В И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 111—313 — *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Сочинения Изд. 4. Т. 1. С 315—484. — *Ленин В. И.* Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности. Сочинения. Изд 4. Т. 2 С. 329—426. — *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. — *Ленин В. И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Сочинения. Изд. 4. Т. 15. С. 53—125.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 9—10.

II. Документальные материалы. Пособия. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. Под общей ред. Н. Н. Обручева. Спб. 1871. XXX, [2], 922, 235 с. 1 вкл. л. — Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского. Т. I. Спб. 1902. [3], XIV, XLIV, 331, 212 с. — Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1—8. Спб. 1880—1885. — Статистический временник Российской империи. Серия 3. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. Разработано Г. Ершовым. Спб. 1886. [9], LXXX, 147 с. 9 вкл. л. — Доклад высочайше учреждённой Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Прилож. I—VII (в четырёх томах). Спб. 1873. — Материалы высочайше учреждённой 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1—3. Спб. 1903.—*Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М. 1937. XVI, 491 с. — Историко-статистический обзор промышленности России. Под ред. Д. А. Тимирязева. Т. I—II. Спб. 1883—1886. — Производительные силы России. Сост. под общей ред. В. И. Ковалевского. Спб. [1896].— Сельское и лесное хозяйство России. Спб. 1893. [2], XXVI, 647 с. 47 вкл. л. — Горнозаводская промышленность России. Спб. 1893. [6], 129 с. 5 вкл. л — Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. Спб. 1893. [4], 334, 351 с. — *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. Изд. 4. Т. I. Л. 1925. 278 с., вкл. л. — *Янсон Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. [Изд. 2]. Спб. 1881. XVI, 166, 102 с. — *Гливиц И.* Железная промышленность России. Эконом. стат. очерк. Спб. 1911. X, 147, 101 с., IX табл. — *Фомин П. И.* Горная и горнозаводская промышленность юга России. Т. I—II, Харьков 1915—1919. — *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Спб. 1909. VIII, 362 с.

Глава XXII

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА в 1856—1875 гг. УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Характер внешней политики царизма после Восточной войны. После Восточной войны царизм стал всё более и более терять своё значение в делах европейской внешней политики. Период между Крымской войной и первой мировой империалистической войной отмечен всё увеличивающимся падением его внешнеполитической роли. «Со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы» [1], — пишет товарищ Сталин в своей работе «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»».

Восточная война нанесла удар тому соотношению европейских государств, которое сложилось после Венского конгресса: была на некоторое время парализована военная мощь Российской империи, распался союз трёх консервативных держав, потрясаемая сипайским восстанием Англия осталась без союзника на европейском континенте, в роли вершительницы судеб Европы на некоторое время выступила наполеоновская Франция, стремившаяся перекроить карту Европы и в своей борьбе с Австрией как старым гегемоном Центральной Европы ставившая ставку на рост национального движения в Италии и Германии. «Война, — говорил Ленин, — есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями» [2].

Завоевательная политика российского царизма объяснялась потребностью военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и обладании стратегическими пунктами.

---

[1] «Большевик» № 9, 1941, стр. 4.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 152.

Особенно прельщался царизм свободным выходом из Чёрного моря, — борьба за проливы играла немаловажную роль в его политике. Являясь в то же время одной из твердынь общеевропейской реакции, царизм стремился предохранить «пороховой погреб империи» от тех революционных искр, которые могли быть занесены с Запада. В этой связи важное значение приобретали меры царизма по сохранению «порядка и спокойствия» в пограничной легко воспламеняющейся Польше. Поражение в Восточной войне означало для России не только потерю ею преобладающего влияния на Балканах, потерю тех «рычагов», при помощи которых она пробивалась к проливам, но и утрату прав на Чёрное море и на оборону своих южных морских границ.

Последствия войны ставили, таким образом, перед Россией новую первоочерёдную задачу — задачу уничтожения тех статей Парижского трактата, которые создали положение беззащитности для всего юга России.

К разрешению стоящих перед нею задач царская Россия приступила с учётом тех изменений, какие внесла война в расстановку сил на международной арене.

Франко-русское сближение. Перед Горчаковым, сменившим в 1856 г. Нессельроде на посту министра иностранных дел, стояла задача: не начиная войны, добиться отмены Парижского трактата и вернуть потерянные на Ближнем Востоке позиции. Для этого нужны были надёжные союзники. Англия оставалась попрежнему главным противником России. Парижский трактат, который открывал английскому флоту возможность нападения на незащищённое русское Черноморское побережье, делал Англию самым опасным противником. Австрия, недавно оккупировавшая Молдавию и Валахию и фактически утвердившаяся в устьях Дуная, также продолжала оставаться во враждебном лагере. Пруссия была ещё слишком слаба. Но Франция, соперничавшая с Англией в Средиземноморском бассейне, уже искала сближения с Россией в целях противодействия Англии и Австрии. В интересах России было сблизиться с Францией, оторвав её от Англии.

В июле 1856 г. одновременно в Париже и в Петербурге заговорили о дружбе, и начались переговоры о возможном союзе. В сентябре 1857 г. в Штутгарте состоялось свидание Александра II и Наполеона III. Александр обещал Наполеону помощь в задуманном им деле изгнания Австрии из Италии. Наполеон обещал Александру поддержку в восточных делах Но Наполеон не собирался исключать Польшу из системы своей агрессивной политики; он стремился к превращению её в самостоятельное государство, вассала Франции. Польский вопрос внёс семя раздора в зарождавшуюся дружбу. «Со

мною посмели заговорить о Польше», — сказал после свидания царь, и фраза эта облетела Европу. Пункты соглашения остались неподписанными, монархи разъехались. Но было условлено, что в интересовавшем Францию вопросе об объединении Валахии и Молдавии обе страны будут действовать совместно. В мае 1858 г., несмотря на противодействие Австрии и Турции, в Париже была подписана конвенция, вводившая в дунайских княжествах новое устройство. Со своей стороны Франция шла навстречу русским интересам на Балканах. В 1858 г. Франция поддержала дружественную России Черногорию в её борьбе против турок. Но попытку Горчакова поднять вопрос о положении турецких христиан Франция отказалась поддержать, боясь усиления русского влияния на Балканах.

Сближаясь с Россией, Наполеон хотел обеспечить себе её содействие в предстоящей войне против Австрии. В сентябре 1858 г. он начал переговоры с Александром. Франция обещала царю содействие в деле пересмотра Парижского трактата, Александр же обещал выставить свои войска на австрийской границе, чтобы оттянуть австрийские силы. В марте 1859 г. был подписан франко-русский договор о благожелательном нейтралитете России в случае войны Франции и Сардинии против Австрии. В апреле 1859 г. война началась. Русский обсервационный корпус стал продвигаться к австрийской границе. Пруссию предупредили о необходимости сохранения спокойствия. Но требование Наполеона о военной помощи Александр не выполнил. Горчаков полагал, что в сделке с Францией пока что нет никакой выгоды, так как «боязнь перед Англией помешает императору Наполеону коснуться вопроса о Чёрном море в том смысле, как это отвечало бы нашим пожеланиям».

После поражения австрийской армии Наполеон, не предупредив своего союзника, подписал с австрийским императором Францем-Иосифом летом 1859 г. мир, по которому Савойя и Ницца отошли к Франции.

Добившись территориальных компенсаций в Италии и не желая ссориться с Англией, Наполеон скоро перестал действовать в восточных делах согласованно с Россией. Когда в 1860 г. начались волнения среди христианского населения сначала на Балканах, а затем в Сирии, попытки Горчакова выступить в духе традиционного «покровительства» турецким христианам не встретили поддержки со стороны Франции, хотя сама Франция вмешалась в сирийские дела. В то же время страх царского правительства перед возможным проникновением западноевропейского революционного движения в Польшу толкал Россию на сближение с Пруссией и с

враждебной наполеоновской Францин Австрией. Польское восстание 1863 г. и неудачная попытка англо-франко-австрийской дипломатической интервенции в польском вопросе имели своим результатом охлаждение франко-русских отношений и сближение России с Пруссией.

Утверждение России на Дальнем Востоке. В 50-х годах в состав Российского государства вошли Приамурье, Уссурийский край и остров Сахалин.

Эти области ещё со времени Нерчинского мира (1689 г.) считались принадлежавшими Китаю, однако в действительности китайцы их не занимали. Обширные таёжные пространства среднего и нижнего бассейнов Амура и бассейна Уссури оставались малонаселёнными и малоизвестными. Здесь бродили по тайге охотники — эвенки, удэ, а по течению рек и побережью Тихого океана были расположены оседлые стойбища рыболовов — гольдов, орочей, ульчей и гиляков, которые вели торговлю с наезжавшими купцами. Экспедиция Миддендорфа (1843—1844 гг.) дала первые сведения об этой малоизвестной стране. Вслед за этим ряд морских экспедиций, из которых особенно важна экспедиция Невельского (1849—1850 гг.), окончательно установившая, что Сахалин — остров, а устье Амура доступно судоходству, открыли путь к освоению края и развитию торговли с местным населением. В 1850 г. Невельским в устье Амура был поднят русский флаг; тут был заложен город Николаевск. В 1853 г. Российско-Американской компании было разрешено занять Сахалин. В 1854 г. правительство после долгих колебаний по настоянию генерал-губернатора Восточной Сибири, энергичного Муравьёва, разрешило организовать экспедицию вниз по реке Амуру для занятия её низовьев. Шла Восточная война, и русское правительство было заинтересовано в усилении обороны Тихоокеанского побережья.

В 1855 г. в низовья Амура прибыли первые русские переселенцы, и начались русско-китайские переговоры о разграничении владений по Амуру. Муравьёв добивался признания за Россией права на номинально принадлежавший Китаю, но не заселённый китайцами левый берег Амура и на свободную торговлю в северных провинциях Китая. В 1857 г. был послан с дипломатической миссией в Китай вице-адмирал Путятин. В эту пору Англия вела вторую войну с Китаем, и к середине 1858 г. её победа была уже совершившимся фактом. В результате англичане получили право открыть для своей торговли пять новых портов, приобрели право консульской юрисдикции для своих подданных и свободу деятельности для своих миссионеров. Английский капитал пробил в «китайской стене» новую брешь. Англия закрепляла своё положение

в Северном Китае, продвигаясь по путям, ведущим в Манчжурию и Монголию. Следом за англичанами в Китай шли французы и американцы. Царская Россия, ослабленная в результате Восточной войны, была заинтересована в приобретении новых земель на Дальнем Востоке; сверх того её укрепления тут требовали и стратегические соображения: во время Восточной войны англо-французский флот бомбардировал Петропавловск-на-Камчатке и русскую бухту де-Кастри близ устья Амура.

В мае 1858 г. прибывший в город Айгун Муравьёв подписал договор с командующим китайскими войсками на Амуре, по которому к России отходил левый берег Амура от реки Аргуни до устья и Уссурийский край от впадения Уссури в Амур до моря. По Амуру, Уссури и Сунгари разрешалось свободное плавание русским и китайским судам. Не дожидаясь утверждения Айгунского договора пекинским правительством, Путятин поспешил в Тяньцзин и здесь заключил с китайским правительством другой договор, в июне 1858 г., подтверждавший за Россией все те права, которых добивались англичане, французы и американцы. 2 ноября 1860 г. Путятин подписал в Пекине дополнительный договор, который подтвердил за Россией её новые границы, намеченные в Айгуне, и все те права, какие приобрели европейцы в Китае по Тяньцзинским договорам; кроме того, для русской торговли открывался Кашгар и, с соблюдением некоторых ограничений (в оптовых операциях), Урга и Калган.

В том же 1860 г. отрядом русских моряков и солдат была занята бухта Золотой Рог в заливе Петра Великого, и на берегу её был основан русский город Владивосток, который стал важнейшим экономическим и политическим пунктом Российского государства на Дальнем Востоке.

В 1871 г., после овладения Илийским краем, царская Россия заняла на западнокитайском рынке ряд новых позиций и укрепила своё влияние в Пекине в то самое время, когда Англия вела свою агрессию в Китае с востока и с юга.

Правительство принимало меры для колонизации вновь захваченных областей русскими поселенцами. В начале 60-х годов русская печать обсуждала вопрос о возможности привлечения на Амур чешских эмигрантов, но условия освоения нового края оказались слишком тяжёлыми, и этот замысел был оставлен.

Позиция России во время прусско-датской и австро-прусской войн. Политическая история Западной Европы второй половины 60-х годов проходила под знаком бурного выдвижения милитаристической Пруссии, стремившейся вытеснить

Австрию из союза германских государств и занять в нём руководящее место. Призванный Вильгельмом I к власти Бисмарк считал, что «единство Германии осуществится не речами и не решениями большинства, а железом и кровью». В июне 1866 г. началась австро-прусская война за гегемонию в Германии. В семь дней пруссаки сломили сопротивление австрийцев и в первых числах июля уже стояли под стенами Вены. В результате Пражского мирного договора (1866 г.) Пруссия в Германском союзе заняла ведущее место. Ни одна из держав не протестовала против произведённой Бисмарком перекройки политической карты Европы. Русское правительство сравнительно спокойно отнеслось к прусским притязаниям на Шлезвиг: царское правительство полагало, что могущественная Пруссия желательнее, чем могущественная Австрия. Царь почувствовал себя вполне удовлетворённым, когда прусское правительство заверило его, что не будет возражать против отмены стеснительных для России обязательств, наложенных на неё Парижским трактатом.

Но русское дворянство и буржуазия с волнением реагировали на превращение Балтийского моря в немецкое по преимуществу и указывали на необходимость усиления влияния России на Чёрном море.

Для царской России, переживавшей процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, с особенной остротой вставал вопрос о том, в чьих руках быть южным проливам.

Царское правительство и франко-прусская война. После австро-прусской войны в Западной Европе стал назревать конфликт между Пруссией и Францией.

Гегемония Франции на европейском континенте была возможна только до тех пор, пока Германия оставалась раздроблённой; Наполеон III стремился помешать её объединению. В то же время, чтобы довершить дело объединения Германии под главенством Пруссии, Бисмарку нужно было сокрушить могущество Франции.

Наполеон III, готовясь к столкновению с Пруссией, шёл на сближение с Францем-Иосифом и пытался привлечь на свою сторону Италию. Бисмарк знал, что русский тыл у него почти обеспечен. Царская дипломатия надеялась на помощь Бисмарка в вопросе о проливах. В июне 1870 г. состоялось свидание Александра с Вильгельмом в Эмсе, и Вильгельм ещё раз обещал поддержать интересы России на турецком Востоке. Царь со своей стороны обещал в случае франко-прусской войны удержать Австро-Венгрию от вмешательства и не возражать против движения Пруссии к Рейну.

В августе 1870 г. Франция объявила войну Пруссии. Русский поверенный в делах в Париже заявил: «Если Австрия

нападёт на Пруссию, Россия нападёт на Австрию». Австрия не двинулась, Италия осталась нейтральной.

После того как в начале сентября 1870 г. французская армия с Наполеоном во главе была взята в плен при Седане, в Париже была провозглашена республика, и у власти оказалась либеральная буржуазия. Через две недели немцы подступили к Парижу.

Ещё в конце августа французский посол в Петербурге просил царя защитить интересы Франции при выработке мирных условий. Царь отвечал, что поддержит правительство Наполеона, если оно настолько сильно, чтобы справиться с революцией. Это было равносильно отказу. После Седана новое республиканское правительство Франции снова обращалось к России за помощью, обещая никогда не поддерживать революционного движения в Польше. В сентябре 1870 г. Петербург посетил глава нового французского правительства Тьер. Ему был дан совет возможно скорее просить мира у победителя; царь даже выхлопотал для него у Вильгельма пропуск в главную квартиру прусской армии для переговоров.

В январе 1871 г., после четырёхмесячной осады, буржуазный Париж капитулировал. «Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены» [1]. В те же дни последовало провозглашение Германской империи.

Разгром Франции и образование Германской империи создали новую ситуацию в международной политике. Перспектива уничтожения тяжёлых статей Парижского мира для русской дипломатии становилась в этой обстановке реальной.

18 марта 1871 г. началась война между революционным Парижем и обосновавшимся в Версале французским правительством. Власть перешла в руки Парижской Коммуны. Она просуществовала 72 дня, из которых 57 прошли в ожесточённых героических боях коммунаров под стенами и на улицах Парижа. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, — писал Маркс, — вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу» [2]. Парижская Коммуна была первой в мировой истории попыткой захвата пролетариатом политической власти, бывшей до сих пор монополией эксплоататорских классов.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 458.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVI, стр. 108.

«Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата» [1], — писал Энгельс.

Русское общество и Парижская Коммуна. Парижская Коммуна была потоплена в крови. Бисмарк, признававший, что Парижская Коммуна принесла ему «первую бессонную ночь», отпустил из плена несколько десятков тысяч французских солдат для разгрома Коммуны. Французский поверенный в делах в Петербурге сообщал своему правительству, что до окончательного разгрома Коммуны царские дипломаты не хотят и разговаривать о помощи французам. Коммуну травила вся русская правительственная и дворянско-буржуазная пресса: газеты «Голос», «Сын отечества», «Русский вестник» Каткова и другие издания. В официальной газете царского правительства «Правительственный вестник» велась систематическая проповедь немедленного разгрома Коммуны. Деятели Парижской Коммуны изображались как носители «кровожадных инстинктов», прирождённые грабители и убийцы, враги «человечества, истинной свободы и порядка». «Правительственный вестник» поддерживал обращение французского правительства к державам не предоставлять убежища коммунарам.

Революционные круги русского общества восторженно приветствовали Парижскую Коммуну. Хотя революционные народники и не могли до конца понять её великого значения, они признавали большое революционизирующее влияние, которое оказали на них события Парижской Коммуны. Позже они даже связывали с этим своё движение «в народ»: «С Парижской Коммуной, грозный взрыв которой потряс весь цивилизованный мир, русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские», — писал Степняк-Кравчинский. Связанный с чайковцами Н. П. Гончаров выпустил в 1871 г. ряд подпольных революционных листовок «Виселица», в которых говорил, что Коммуна является началом «мировой революции». Используя поэтический образ прихода революции из известного стихотворения Добролюбова, автор листовки писал: «Поднявшись над развалинами Парижа, она [революция] облетит все столицы мира,—желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе». Гончаров был приговорён к шестилетней каторге и последующему пожизненному поселению в Сибири. Ряд русских революционеров (М. П. Сажин, Е. Дмитриева, А. В. Корвин-Круковская и др.) принял непосредственное участие в борьбе Парижской Коммуны.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, стр. 444.

В мае 1871 г., ворвавшись в Париж, версальцы после отчаянного семидневного сопротивления коммунаров завладели последними баррикадами. 30 тыс. убитых и раненых, 40 тыс. бежавших от суда и осуждённых на тюремное заключение и ссылку — таковы были результаты классовой мести буржуазии. Осуществлялось фактическое сотрудничество между прусским юнкерством, царской дипломатией и французской буржуазией в борьбе с пролетарской революцией. Кровавая расправа с коммунарами вызвала взрыв ненависти к палачам в широких кругах русской демократии. Бывший в это время в Париже Глеб Успенский с ненавистью писал в своём очерке «Больная совесть», что он наблюдал «скрытый и быстрый разбой, а не суд»: «Посмотрите на эти лица, заседающие за красным столом под запылённым маленьким распятием из кости над их головами, — это такая коллекция удавов, какой, пожалуй, и в Берлине скоро не подберёшь». Палачей Коммуны заклеймил и крупнейший демократический писатель эпохи Салтыков-Щедрин: «В одно прекрасное утро вылезли из нор люди дикого вида с такими ожирелыми затылками, представление о которых даже среди нас утратилось со времени упразднения крепостного права». Говоря «эзоповским языком», Щедрин сумел довести до друга-читателя своё сочувствие революции; он взял под защиту слово «ломать», «разрушать», иронически пояснив: «Вредный или полезный смысл этого слова совершенно зависит от того, на какой предмет простирается его действие».

Отмена Парижского трактата. Франко-прусская война поставила Россию в «необыкновенно выгодное международное положение» [1]. Заручившись согласием Бисмарка относительно поддержки политики России на Востоке, Горчаков решил воспользоваться создавшейся в 1870 г. в Европе международной обстановкой, для того чтобы освободиться от ограничений, наложенных на Россию Парижским трактатом. Это ему блестяще удалось. Вскоре после Седана, в октябре 1870 г., он разослал циркулярную депешу европейским дворам, в которой указывал, что статьи Парижского трактата и фактически и формально уже нарушались державами и Россия не может мириться с обязательностью именно тех пунктов трактата, которые мешают безопасности её владений. Горчаков заявлял, что Россия не считает себя более связанной теми пунктами договора 1856 г., которые ограничили её права на Чёрном море и запретили держать там военный флот. Циркуляр Горчакова произвёл переполох среди европейских дипломатов.

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 2, изд. 4, стр. 13.

Англия, Австрия, Франция, Италия заявили категорический протест против одностороннего расторжения договора; в Лондоне заговорили даже о войне, но об этом всерьёз никто не думал: Франция сама находилась под ударом Пруссии, на границах Австрии были стянуты русские войска, Италия была поглощена внутренними делами, Англия оставалась без континентального союзника. Стоявший у власти Гладстон начинал отходить от политики «неприкосновенности» Турции, и последняя, лишённая английской «поддержки», стала сближаться с Россией. К тому же Парижский трактат ограничивал верховные права на Чёрном море не только России, но и Турции.

В сентябре 1870 г. прусский посланник в Петербурге передал обещание Бисмарка поддержать Россию. В то же время Бисмарк заявил английскому уполномоченному в Версале, что обращение Горчакова по форме нарушает международное право, по существу же Россия права, и из-за формы спорить не стоит. Бисмарк предложил созвать конференцию держав, подписавших Парижский трактат. Она открылась в Лондоне в январе 1871 г. и закончилась в марте. В результате острой дипломатической борьбы было признано общее правило о закрытии проливов, но султану предоставлялось право открывать их в мирное время, тем более во время войны для военных судов дружественных держав, если это потребуется для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата. Статьи Парижского трактата, устанавливавшие нейтрализацию Чёрного моря, были отменены: Россия получила право держать на море военный флот и строить на Черноморском побережье военные арсеналы.

Дипломатический успех царизма вызвал поток приветственных телеграмм от дворянских собраний, городских и земских управ. У южных славян вновь возродились надежды на близкое выступление России, надежды на разрешение восточного вопроса и своё освобождение.

Союз трёх императоров (1873 г.). В течение некоторого времени после Лондонской конференции русско-германское сближение продолжалось. В ноябре 1871 г. в Петербург приехал германский принц Фридрих-Карл в сопровождении фельдмаршала Мольтке. Этому визиту в придворных кругах придавали исключительно важное значение. Русско-германская дружба влекла за собой русско-австрийскую дружбу. В августе 1872 г. в Берлине состоялся торжественный съезд трёх императоров. В апреле 1873 г. Вильгельм посетил Петербург, причём ему была оказана небывалая по своей пышности встреча. Вслед за этим состоялось подписание военно-оборонительной конвенции между Россией и Германией, державы обязались оказать друг другу помощь 200-тысячной

армией в случае нападения со стороны третьего государства. Затем Александром II была подписана конвенция с Францем-Иосифом: Россия и Австрия в случае нападения со стороны третьего государства принимали на себя обязательство относительно соглашения по вопросу о совместных действиях без попытки заключать новые союзы. Это соглашение было сообщено императору Вильгельму, который присоединился к нему. Таким образом, в 1873 г. был создан так называемый «Союз трёх императоров», союз, призванный стать оплотом наиболее реакционных сил в Европе.

Политическое сближение с Германией, которая в 70-х годах поглощала около 30% всего экспортируемого русского хлеба, шло навстречу экономическим интересам русских помещиков. Соглашение с Австрией имело в виду урегулировать отношения на Балканах. Союз трёх императоров давал известную гарантию безопасности западной границы.

В то же время союз был направлен против сил революции: после поражения Коммуны реакционные элементы Европы нашли в нём оплот «порядка», установленного господствующими эксплоататорскими классами.

Союз трёх императоров не мог быть прочным, так как не разрешал противоречий между союзниками, не устранял соперничества России и Австрии на Балканах. Сохранялись противоречия России и Германии. Это сказалось уже в 1875 г. Так как силы Франции быстро восстанавливались, Бисмарк хотел подвергнуть её вторичному разгрому, — захватнические аппетиты германского милитаризма явно росли. Весной 1875 г. он запросил русское правительство, какие выгоды Россия захочет получить за счёт Турции в компенсацию за нейтралитет в новой франко-германской войне. Вскоре Бисмарк вместе с имперским штабом при помощи прессы начал раздувать «военную тревогу», готовясь к нападению на Францию. Только благодаря дипломатическому вмешательству России Германия не объявила войны. Александр II и Горчаков, приехавшие в Берлин, дали понять, что Россия не намерена содействовать дальнейшему ослаблению Франции. Германия не начала войны. Таким образом — объективно — Россия спасла Францию в 1875 г. от угрозы нового германского нападения.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Беспорядки в Сирии и интриги русского и французского правительств... Сочинения. Т. XII. Ч. 2. С. 109—113. — *Маркс К.* Русско-французский союз. Сочинения. Т. XII. Ч. 2. С. 114—118. — *Маркс К.* Россия использует Австрию. Варшавский конгресс

Сочинения. Т. XII. Ч. 2. С. 152—155. — *Маркс К.* К восточному вопросу. Сочинения. Т. XV. С. 379—385. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1861—1867. Сочинения. Т. XXIII. С. 341—355. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1868—1883. Сочинения. Т. XXIV. С. 248, 373—374, 483, 493—494.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Письма 1869—1877. Сочинения. Т. XXVI. С. 81, 82, 92, 442, 446, 447, 450, 480—483. — *Энгельс Ф.* Англия и Россия в Афганистане. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 133—138. — *Энгельс Ф.* Успехи России на Дальнем Востоке. Сочинения. Т. XI. Ч. I. С. 368—372. — *Ленин В. И.* Под чужим флагом. Сочинения. Изд. 4. Т. 21. С. 126—127. — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 290—312.— *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Пособия. Русско-германские отношения. «Красный архив». 1922. Т. I, с. 3—208. — К истории франко-русского соглашения 1859 г. «Красный архив». 1938. Т. 3 (88), с. 182—255. — *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М. 1927. 218 с.— *Ерусалимский А. С.* Бисмарк как дипломат. М. 1940. 51 с.

Глава XXIII

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН в 1860—1880-х годах. ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия накануне завоевания. В половине XIX в. Среднюю Азию населяли различные народы. Наиболее многочисленными были узбеки, казахи, туркмены, таджики, киргизы, кара-калпаки; проживали в небольшом числе персы, евреи, арабы и др. Одни из этих народов по преимуществу вели кочевую жизнь скотоводов (казахи, киргизы, туркмены), другие в значительной части издавна были оседлыми земледельцами (узбеки, таджики).

Казахи, киргизы, туркмены и кара-калпаки переживали стадию разложения родового строя и развития феодальных отношений. Самостоятельных государственных объединений эти народы к середине XIX в. не имели. Отдельные их орды (жузы казахов), племена, роды включались на время в состав среднеазиатских ханств или подпадали под власть Ирана или Китая. Оседлые же народы Средней Азии переживали к этому времени стадию более или менее развитого феодализма; они создали три государственных объединения Средней Азии — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. В состав Хивинского ханства входили также полукочевые кара-калпаки; некоторые из туркменских племён зависели от Бухарского, другие — от Хивинского ханства; киргизы находились в подчинении Кокандского ханства и частью Китая и т. д. Руководящая роль в ханствах принадлежала узбекской феодальной военной аристократии. Оседлая жизнь, поливное земледелие, относительно высокая городская культура были характерны для большей части узбекского народа. Лишь некоторые родовые объединения узбеков вели полуоседлую жизнь, занимаясь скотоводством.

Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства были слабо централизованными феодальными объединениями. Главы отдельных родов, став наместниками ханов, превращались иногда в полусамостоятельных беков или хакимов, враждовавших между собой. Шахрисябзское бекство, например, постоянно враждовало с Бухарой; эмир бухарский Насрулла в течение 22 лет вёл войны за подчинение Шахрисябза. Борьба Шахрисябза против Бухарского эмирата продолжалась

до занятия этого бекства Россией Политическая власть в ханствах принадлежала династиям наследственных ханов (в Коканде и Хиве) и эмиров (в Бухаре). Власть хивинских и кокандских ханов имела светский характер; эмиры бухарские одновременно являлись и духовными главами мусульманства. Характерные для этих государств феодальные, родовые и племенные распри, восстания, заговоры, убийства, низвержения с престола и т. п. свидетельствовали о слабости центральной власти.

Кокандское ханство, образовавшееся на рубеже XVIII—XIX вв., было самым крупным и наиболее населённым из государственных объединений Средней Азии. На севере оно граничило с казахской степью, на востоке — с владениями Китая, на западе — с Бухарой и на юге — с рядом мелких самостоятельных ханств. Путешественник Вамбери, побывавший там в 60-х годах, говорил о более чем 3 миллионах узбеков, таджиков, киргизов, казахов, проживавших на территории Кокандского ханства. Земледелие, кочевое скотоводство и садоводство были основными занятиями населения. На территории ханства находился крупнейший город Средней Азии Ташкент, насчитывавший в то время до 100 тыс. жителей. Ташкент был одним из важнейших торговых городов ханства: через него шла большая транзитная торговля; в нём проживало много богатых купцов, торговавших с Оренбургом и Петропавловском (Кизыл-Джаром). В городах ханства развиты были ремёсла: Ходжент славился изготовлением особого сорта бумажной материи («аладши»), Андижан — выделкой лучшей в ханстве дорогой шёлковой материи («атрес»). Пользовались известностью выделываемые ремесленниками Коканда искусные кожаные изделия — сёдла, нагайки и пр. Столицей ханства, от которой оно и получило своё название, был город Коканд, расположенный в Ферганской долине.

Бухарское ханство (Бухара) простиралось к югу и западу от Кокандского. Население Бухары в середине XIX в. исчислялось примерно в 2—2,5 млн. человек (по Вамбери). Основную массу населения составляли узбеки и таджики, отчасти туркмены. Земледелие, садоводство и скотоводство были главными занятиями жителей. Бухарское ханство с его древнейшими городскими центрами — Самаркандом (около 60 тыс. человек) и Бухарой (60—70 тыс. человек) — играло важную роль в хозяйственной жизни Средней Азии. В городах было развито ремесленное производство хлопчатобумажных и шёлковых изделий. Город Бухара — столица ханства — был средоточием среднеазиатской торговли и выделки бумажных тканей. В то же время Бухара была одним из религиозных центров реакционного воинствующего мусульманства и мусульманской

«учёности», — в ней находилось несколько сот мечетей и много медресе (религиозно-светские мусульманские училища). Магометанское духовенство, владевшее громадными земельными угодьями, играло в Бухаре, как и в остальных ханствах, влиятельную роль.

Хивинское ханство находилось к северу от Бухары, по нижнему течению Аму-Дарьи. Узбеки, кара-калпаки, туркмены составляли основную часть его населения. Главным занятием жителей было земледелие (в частности садоводство) и скотоводство. В городах ханства ремесленниками выделывались медная посуда, халаты, ружья, ткани и пр. Распространены были ремёсла и среди сельских жителей. Так, земледельцы-кара-калпаки выделывали для кочевников кереги (нижние части деревянного решётчатого остова юрты), омачи (сохи), грабли, рукоятки для кетменей (мотыг), оружие айбалты (топорик с двумя лезвиями), подпруги, фитили к ружьям и пр., ткали патлак, келем (мохнатые ковры).

При господствующем в ханствах Средней Азии феодальном способе производства к середине XIX в. всё же заметен был некоторый процесс развития товарно-денежных отношений, прежде всего в Кокандском и Бухарском ханствах. Наметилось известное общественное разделение труда между сельскохозяйственными районами и торгово-ремесленными городскими центрами. Города Коканд и Наманган выделывали шёлковые ткани. Город Бухара стал значительным центром производства хлопчатобумажных тканей. Самарканд и отчасти Коканд славились выделкой писчей бумаги, Гиссар — производством оружия, Ура-Тюбе — пуховыми изделиями. Но торговые сношения между ханствами развивались медленно, а промышленное производство в основном было домашним и ремесленным.

Социальный строй среднеазиатских ханств. Все земли среднеазиатских ханств делились на государственные (амляковые, пашалычные), частновладельческие (мюльковые) и церковные (вакуфные). В окрестностях городов были разбросаны богатые, обширные имения феодалов. Землю обрабатывали крестьяне, рабы и мелкие арендаторы-издольщики (чайрикеры). Сеяли пшеницу, просо, джугару (злаковое растение рода кукурузы), люцерну. Повышение спроса на хлопок, предъявляемого российским рынком, влияло на расширение посевов хлопка (гуза).

Основная часть государственных земель находилась в пользовании крестьян, которые платили ханам и эмиру чрезвычайно высокий феодальный налог (40—50% урожая). Подобно русским великим и удельным князьям средневековья

ханы и эмиры Средней Азии жаловали отдельным служилым лицам участки государственной земли вместе с сидевшими на них крестьянами; такие пожалования в Бухарском эмирате назывались «танха». Крестьяне попадали в зависимость к «танхадару» — владельцу «танха», который взимал с них налог в свою пользу. Танхадар нёс в пользу своего господина военную службу. Хивинские ханы селили на государственных землях своих приближённых и военных наёмников; такому воину из наёмных туркменских отрядов они жаловали «воду и землю»: «Каждый, кому он даст один танап земли, во время похода должен привести одного всадника; всякий, кому он даст десять танапов, должен привести десять всадников, а каждый всадник должен привести с собой двух верблюдов для перевозки походного провианта».

Землевладельцы закабаляли крестьян путём издольщины или предоставления ссуды («бунак»), возвратить которую крестьянин почти никогда не мог и превращался в вечного кабального должника. Если должник умирал, не выплатив «бунака», кабала переходила на его потомство. Тяжёлым было положение и крестьян-издольщиков. На основе издольщины обрабатывались, например, в середине XIX в. земли хивинских ханов. Крестьянин-издольщик не имел никаких прав на землю, им обрабатываемую; феодал-землевладелец всегда мог сказать ему: «Убери свой дом с моей земли и ступай прочь». Положение крестьян-издольщиков немногим отличалось от положения рабов.

Ещё в середине XIX в. рабовладение было законным гражданским институтом в Средней Азии. Центрами работорговли были города Хива и Бухара; невольничьи рынки имелись в Самарканде, Кара-Куле, Карши, Чарджуе и в других городах. На базаре Бухары находилось несколько караван-сараев для торговли рабами. Главным источником получения рабов были феодальные войны и набеги туркмен — «аламаны». Туркмены-кочевники устраивали набеги на соседние северные провинции Ирана, угоняли скот, уводили в плен людей, поставляя рабов для рынков Бухары, Хивы и Герата. Цены на рабов колебались в зависимости от военных успехов; в 1863 г., по рассказу Вамбери, на базаре Бухары «крепкий мужчина стоил 40—50 тилл» (от 140 до 320 руб. золотом), а после поражения иранцев под Мары (Мервом), когда было взято много пленных, «такого же точно человека можно было купить за 3—4 тилла». Основную массу рабов составляли иранцы. Высоко ценились русские рабы (из солдат) как знатоки военного, в особенности артиллерийского, дела. Но труд рабов лишь дополнял труд зависимых издольщиков-крестьян. Основной способ производства в ханствах оставался феодальным.

Показания источников о численности рабов сильно расходятся: в 50—60-х годах в одном Хивинском ханстве насчитывалось несколько десятков тысяч рабов (примерно до 30—40 тыс., а по Вамбери — даже до 80 тыс.). При завоевании Хивы в 1873 г. по настоянию русских властей было освобождено 15 тыс. рабов. При присоединении к России в 1868 г. Самарканда с его районом там оказалось до 10 тыс. рабов.

Повинности и поборы. Тяжкие повинности возложены были ханской властью и местными феодалами (беками, амлякдарами) на трудящиеся массы. Особенно тяжело приходилось населению во время войны. Так, бухарские эмиры в военное время (а войны зачастую тянулись десятилетиями) кроме обычных налогов и военной повинности брали с населения ещё особые деньги («джул») и дополнительно требовали людей в ополчение. Вся тяжесть этих повинностей падала на трудовую массу населения. Населению приходилось платить десятки разнообразных налогов и сборов. Налоги взимались частью натурой, частью деньгами; к середине XIX в. перевод натуральных сборов в денежные в связи с развитием товарно-денежных отношений стал применяться всё чаще. Взимание налогов обычно сопровождалось жестокостями, истязаниями, пытками и дополнительными поборами. Часто сбор налогов в той или иной местности отдавался на откуп, и откупщики собирали в свою пользу с населения сумму гораздо большую, чем официальный налог.

Не менее тяжки были для населения и разные трудовые повинности в пользу ханов, эмиров, беков и др.: ремонт оросительных систем, сооружение новых каналов, починка дорог и мостов, постройка и ремонт крепостных стен и дворцов. Крестьянство было обязано поставлять даже женщин в гаремы эмира, ханов и беков.

Феодальная борьба среднеазиатских ханств. В течение первой половины XIX в. велись почти непрерывные войны между ханствами Средней Азии. Пограничные города Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе и др. были объектами тянувшейся десятилетиями борьбы между Бухарским и Кокандским ханствами. Десятки лет бухарские и хивинские ханы вели войны за обладание Чарджуем и за подчинение Мервского оазиса. Одновременно в Бухаре, Хиве и Коканде постоянно происходили внутренние, племенные и родовые, распри. В ответ на набеги туркменских родов хивинские ханы ходили в походы против туркмен, предавая огню и мечу их поселения и кочевья, натравливали одни родовые объединения туркмен на другие. Кунград, расположенный близ устья Аму-Дарьи, десятилетиями боролся против власти хивинских ханов, то попадая в вассальную зависимость от Хивы, то отделяясь и на

некоторое время сохраняя независимость; последнее восстание в Кунграде, с провозглашением собственного хана, вспыхнуло незадолго до завоевания Хивы царизмом. Кокандское ханство делилось на четыре бекства, каждое из которых притязало на самостоятельность. Долгое время претендовал на политическую независимость Ташкент; он то подпадал под власть Коканда, то освобождался от неё и захватывался Бухарой.

Постоянные войны были тяжёлым бременем для народных масс Средней Азии. Хозяйство разорялось. Каналы, плотины и запруды старых оросительных систем разрушались и надолго оставались запущенными. Прекращалась постройка новых систем. Перенимание воды из каналов (чтобы не допустить её на поля врагов) было обычным приёмом во время войны. Другим военным приёмом было уничтожение посевов и жилых построек непокорных племён. «Междоусобия и беспрерывная война, — как свидетельствует русский путешественник по Хиве в конце 50-х годов, — породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными. Пуд хлеба, стоивший обыкновенно 4 теньге (80 коп.), продавался в это время по 20 теньге (4 руб.)». Разорённые вконец туркмены-иомуды умирали от голода. Многочисленные селения и города ранее богатых низовьев Аму-Дарьи запустели. В разрушенных аулах кара-калпаков остались только дети да старики, пленные взрослые были отправлены в Хиву или на иранскую границу для продажи в рабство; в ханстве свирепствовала сильнейшая эпидемия холеры. Подобные же картины разорения края в итоге войн характерны и для других среднеазиатских земель. Средняя Азия, достигшая в прошлом высокого развития экономики и культуры, к середине XIX в. сильно отстала и ослабела.

Внутренняя слабость феодальных образований Средней Азии была учтена соседними государствами. Туркестан ещё в XVIII в. служил объектом агрессии Ирана и Китая, а в XIX в. наибольшую опасность для Средней Азии представляла агрессия со стороны колониальной Англии.

Средняя Азия и Россия. Экономические связи. К середине XIX в. границы России вплотную придвинулись к северным границам среднеазиатских ханств. В то же время английские владения в северо-западной Индии приблизились к Средней Азии с юго-востока. Средняя Азия стала притягивать к себе аппетиты буржуазной Англии.

К этому времени сильно выросли и укрепились старинные экономические связи России со Средней Азией. Торговые сношения между Оренбургом, Нижним-Новгородом, Ирбитом, с одной стороны, и Хивой, Бухарой, Ташкентом — с другой, стали регулярными. Особенно быстро развивались торговые

связи со второй четверти XIX в. Русская правительственная политика содействовала этому развитию. В 1824 г. русским военным конвоям было поручено охранять торговые караваны, шедшие из Оренбурга в Бухару и обратно. Тогда же оренбургские купцы 2-й и 3-й гильдий получили право «вести иностранный торг» со Средней Азией. В 1827 г. такое же право получили купцы 3-й гильдии и крестьяне Западной Сибири. В 1852 г. оно было распространено на купцов 2-й и 3-й гильдий Астраханской губернии. В 1841 г. было разрешено всем среднеазиатским купцам «приезжать наравне с другими» для торговли на крупнейших русских ярмарках. Для большинства товаров, проходивших через азиатскую границу, установлена была единая однопроцентная пошлина. Но и эта ничтожная пошлина иногда вовсе отменялась в отдельных торговых пунктах, и всем русским подданным разрешалось свободно производить торговлю. Такая политика положительно сказалась на развитии торговли.

Почти за столетие, с 1758 по 1853 г., цена русского вывоза в Среднюю Азию увеличилась в 12,5 раза, стоимость вывоза из Средней Азии — в 16 раз. В половине XIX в. в Среднюю Азию вывозились преимущественно металлы, сукна, хлопчатобумажные и шерстяные изделия, выделанные кожи, табак, сахар. В начале 50-х годов две трети стоимости всего вывоза русских металлов и металлических изделий приходились на вывоз в Среднюю Азию. Бумажные изделия стояли на втором месте. Выступая на европейском рынке в качестве аграрной страны — поставщицы сельскохозяйственного сырья, Россия на рынках Внутренней Азии выступала в то же время как промышленная страна — поставщица промышленных изделий. На базарах Бухары, как отмечал Вамбери, «было мало западноевропейских товаров, привезённых через Оренбург, но зато много русских галантерейных и мануфактурных вещей». В чайханах Бухары красовались огромные самовары, «которые в России нарочно делаются для Бухары». «Без преувеличения можно сказать, — продолжает Вамбери, — что нет ни одного дома, ни одной палатки по всей Средней Азии, где не встречалось бы какого-нибудь русского изделия». Русские чугунные котлы и чугуны, железные изделия и невыделанное железо, латунь, ситец, миткаль, кисея, сахар проникли в Среднюю Азию. Ежегодно громадные караваны, часто по нескольку тысяч верблюдов, отправлялись из Оренбурга и Троицка в Бухару и Ташкент и обратно. Из Средней Азии ввозились в Россию преимущественно продукты земледелия и скотоводства: шерсть, козий пух, хлопок-сырец, фрукты; скот занимал первенствующее место в вывозе Казахстана. На первое место в вывозе из среднеазиатских государств

постепенно ко второй половине XIX в. стал выдвигаться хлопок.

Интерес русской буржуазии к Средней Азии, как к возможной хлопковой базе для отечественной текстильной промышленности, увеличился в середине века в связи с развитием в России капиталистических отношений. Вывоз русских хлопчатобумажных изделий в Среднюю Азию вырос более чем в 5 раз (1857—1867 гг.).

Оживлённые экономические связи между Россией и Средней Азией были обоюдоважными. Россия в сравнении с прилегавшими к землям Средней Азии отсталыми феодальными государствами — Китаем, Персией (Ираном), Афганским эмирством — была передовым государством с крупной промышленностью, со сложившимся капиталистическим укладом. Энгельс писал в 50-х годах XIX в.: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» [1].

Значение Средней Азии для царской России. Средняя Азия нужна была царской России не только как рынок сырья, в частности как хлопковая база для русской хлопчатобумажной промышленности, но и как важный рынок для сбыта товаров, производимых русской промышленностью. Русская буржуазия искала новые источники сырья, новые рынки для сбыта своей промышленной продукции, — узкий внутренний рынок не мог удовлетворить потребностей промышленности, быстро развивавшейся в пореформенный период. Развитому капитализму, писал Ленин в 1899 г., свойственно «могучее стремление... расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [2].

Не менее буржуазии в приобретении Средней Азии были заинтересованы и российские помещики-крепостники. Приобретение новых колоний позволяло капитализму сравни-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 211.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 76.

тельно легко развиваться вширь и тем самым давало возможность несколько отсрочить неизбежную коренную ломку и уничтожение крепостнических пережитков в земледельческом строе страны, в сохранении которых были кровно заинтересованы помещики. Глубокое «противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни» [1] могло хотя бы отчасти сглаживаться путём предоставления промышленности колониальных рынков.

Значение Средней Азии для царской России заключалось, однако, не только в приобретении новых рынков сырья и сбыта промышленных товаров. Средняя Азия интересовала русский царизм и как новая колонизационная область для «избыточного» населения России, как новый источник денежных средств для казны и как удобный плацдарм для приостановления экспансионистской политики Англии, направленной на Внутреннюю Азию.

Новые завоевания в Средней Азии открывали вместе с тем значительной и влиятельной группе военнослужилого и чиновного русского дворянства и буржуазии лёгкие возможности для военно-феодального грабежа новой колонии.

Россия и Англия в Средней Азии. Ещё с 30-х годов XIX в. наиболее серьёзную опасность для слабых и отсталых феодальных государственных объединений Средней Азии стала представлять буржуазная Англия. Английская буржуазия жадно стремилась к захвату всё новых и новых колоний для сбыта товаров своей капиталистической промышленности и получения ценного сырья. Колониальная политика Англии была бичом для порабощённых народов, сильнейшим тормозом их прогрессивного развития, она опиралась на консервацию старых феодальных форм порабощения и разжигание внутренней национальной розни. Она хищнически высасывала богатства порабощённых стран, истощая их до предела. Средняя Азия привлекала к себе английских капиталистов, мечтавших о мировом господстве. Английская торговая и политическая экспансия наступала на Внутреннюю Азию, как отмечали Маркс и Энгельс в начале 50-х годов XIX в., «одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря» [2]. Английские колонизаторы, укрепившись в Индии, где они совершали всё новые и новые захваты в 30—50-х годах XIX в., стали распространять свои вожделения на афганские и среднеазиатские земли. По этим землям проходили самые короткие пути из Европы в Индию. Английские дипломатические, военные и торговые агенты один за другим стали появляться в 30—50-х годах XIX в. в Лагоре,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 293—294.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 383.

Кабуле, Бухаре, у истоков Аму-Дарьи, в Хиве, на рубеже 30—40-х годов англичане совершили попытку военного завоевания афганских земель, но потерпели неудачу. Однако это не приостановило ширившееся проникновение английских промышленных товаров в Афганистан и Среднюю Азию. Старая русская торговля со Средней Азией начала подрываться Англией со стороны Индии и Персии (Ирана). Маркс и Энгельс писали в начале 50-х годов XIX в.: «До 1840 г. русские обладали почти исключительной монополией на торговлю иностранными продуктами в этой области. Русские товары проникли до Инда и в некоторых местах даже пользовались предпочтением перед английскими. Можно смело утверждать, что до Афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе... Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области» [1].

Под давлением Англии русская дипломатия в начале 40-х годов в значительной степени утратила свои выгодные позиции на Ближнем Востоке. Последовавшее затем поражение в Крымской войне ещё более ухудшило положение России на Ближнем Востоке. Понятно, что для царской России, как указывал Энгельс, «после Крымской войны, а в особенности после мятежа 1857 г. в Индии, завоевание Туркестана, предпринятое еще в 1840 г., стало неотложной задачей» [2]. Но, стремясь к этому завоеванию, царское правительство помышляло не о походах в Индию, а об обеспечении русской торговли в Средней Азии, о закреплении за собой земель Средней Азии для того, чтобы не допустить захвата их со стороны Англии.

Английская шумиха в печати и парламенте о «русской опасности» во Внутренней Азии, столь усилившаяся в 40—50-х годах XIX в., призвана была прикрыть перед лицом мирового общественного мнения собственную экспансию буржуазной Англии на земли Афганистана и Средней Азии. Английские буржуазные политические деятели шумели об опасности русского вторжения в Индию. Криками о мнимой «русской опасности» они старались отвлечь внимание от своего собственного проникновения к северу от Индии, на земли Внутренней Азии.

Наступление царской России в Казахстане и Средней Азии (с 1820-х до начала 1860-х годов). К середине XIX в. Казахстан

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 383—384.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 34, примечание 1.

был уже прочно закреплён за Россией. С 20-х годов началась русская колонизация казахских степей. В 1835—1837 гг. была построена линия крепостей между Орском и Троицком. В районах новых крепостей царские власти сузили право кочёвок для казахов и оттеснили их на малоудобные земли. Вокруг новых укреплений возникали русские земледельческие колонии из казаков и казённых крестьян-переселенцев. Лучшие земли отдавались под поселения Сибирскому, Оренбургскому и Уральскому казачьим войскам.

В 1845 г. в Казахстане были возведены новые укрепления — Тургай и Иргиз, ставшие и торговыми факториями; в них был открыт беспошлинный меновой торг с местным населением. Через два года царские войска заняли устье Сыр-Дарьи и заложили Аральский форт (Раимское укрепление). Между Аральским морем и Оренбургом было устроено регулярное дорожное сообщение. По берегам Арала быстро выросла русская земледельческая колония. Дальнейшее продвижение пошло вверх по течению Сыр-Дарьи. Постоянными поводами для дальнейшего углубления внутрь Средней Азии обычно служили набеги кокандцев на казахов — русских подданных.

Весной 1853 г. оренбургский генерал-губернатор Перовский выступил в поход вверх по Сыр-Дарье и, продвинувшись около 500 километров, осадил северную кокандскую крепость на Сыр-Дарье Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда). В конце июля, после месячной осады, подкопа и взрыва крепостной стены, Ак-Мечеть была взята штурмом. Вскоре впервые в Средней Азии открылось пароходство — на воды Сыр-Дарьи были спущены два парохода. По течению реки построили пять новых укреплений. Возникла Сыр-Дарьинская военная линия как прямое продолжение Оренбургской. Попытки кокандского хана силой оружия вернуть завоёванные земли были отбиты.

Одновременно с наступлением с северо-запада от Оренбурга шло продвижение в Среднюю Азию с северо-востока — от Семипалатинска. В 1850—1854 гг. был занят Заилийский край. В 1854 г. на реке Алма-Ате было заложено укрепление Верный (ныне город Алма-Ата). От Семипалатинска до Верного вытянулась новая Сибирская военная линия. Таким образом, в первой половине 50-х годов владения России подошли вплотную с северо-запада и северо-востока к территории самого крупного из среднеазиатских государств — Кокандского ханства.

В 1854 г. Николай I утвердил мнение особого комитета по вопросу о дальнейшей политике в Средней Азии. Решено было соединить вновь устроенную Сыр-Дарьинскую военную линию с новой, Сибирской линией, которая заканчивалась в городе Верном. Соединение линий требовало глубокого продвижения

в Среднюю Азию и неизбежно вело к войне с Кокандом. Завоевание Средней Азии было предрешено ещё в первой половине 50-х годов, и окончательное включение её в состав Российской империи становилось вопросом времени.

В июне 1864 г. было начато решительное наступление на Среднюю Азию.

Походы 1860-х годов. Почти одновременно навстречу друг другу выступили отряд под командой полковника Черняева из Верного (2 500 человек) и отряд под командой полковника Верёвкина из Перовского (1 200 человек). Отряд Черняева взял штурмом Аулиэ-Ату, а отряду Верёвкина сдался после недолгой осады город Туркестан. Героические контратаки кокандских войск были отражены.

В сентябре 1864 г., после образования передовой Новококандской линии и назначения Черняева её начальником, начата была осада Чимкента. После непродолжительной осады город был взят.

В начале октября Черняев двинулся на Ташкент. Попытка взять штурмом громадный город со 100-тысячным населением, имевший в окружности несколько десятков километров, была отбита кокандцами, и Черняеву пришлось отступить к Чимкенту.

После получения в Петербурге известия о неудачном штурме Ташкента министр иностранных дел князь Горчаков направил европейским державам циркуляр с изложением причин продвижения России в Среднюю Азию и с указанием его пределов. Циркуляр говорил об «оборонительном характере» действий царских войск и напоминал о громадных колониальных захватах США, Франции в Африке, Англии в Ост-Индии, Голландии в Индонезии.

Завоевание Ташкента. Весной 1865 г. Черняев повёл новое наступление на Ташкент. В конце апреля, после двухдневной бомбардировки, была взята ключевая позиция — крепость Нияз-Бек, расположенная на реке Чирчике. С захватом Нияз-Бека в руки царских войск попала оросительная система Ташкента и всего прилегающего к нему района, поставлявшего хлеб для Ташкента. Защитники Ташкента (до 30 тыс. человек) во главе с правителем города Алим-Кулом сделали смелую вылазку навстречу частям Черняева (по официальным данным насчитывавшим до 2 тыс. человек при 12 артиллерийских орудиях), но потерпели неудачу и были разбиты, причём Алим-Кул получил смертельную рану. Среди защитников города началось смятение: одни призывали обратиться к Бухаре, другие стояли за ориентацию на Коканд, третьи призывали к миру с Россией. Бухарский эмир тем временем решил воспользоваться затруднительным положением Коканд-

ского ханства и захватить Ташкент. Кокандский Худояр-хан вынужден был оставить Ташкент. В город прибыли посланцы бухарского эмира; во главе гарнизона стал присланный от эмира Искандер-бек. Защитники города жестоко страдали от недостатка воды и хлеба.

В ночь с 14 на 15 июня 1865 г. начался штурм Ташкента. С боя бралось каждое укрепление в стене. С беззаветным мужеством отстаивали узбеки каждый дом и улицу родного города. Вытесненные из саклей и садов защитники города, сосредоточившись на ближайших улицах, бросались в атаки на ворвавшихся в город царских солдат. На многих улицах из арб и срубленных деревьев с необыкновенной быстротой возникали баррикады; против них с близкого расстояния действовала царская артиллерия. Оттеснённые в глубь города, его защитники подожгли службы ханского дворца, что угрожало взрывом пороховых складов и заставило царские войска оставить занятую было цитадель Ташкента. От разрыва гранат вспыхнул пожар, продолжавшийся целые сутки. Три дня кипели бои на улицах Ташкента. 17 июня почётные жители города и аксакалы (старейшины) изъявили покорность и повели переговоры о сдаче. Самый крупный город Средней Азии был взят. Через год Ташкент по просьбе жителей был включён в состав Российской империи.

Вмешательство бухарского эмира в дела Кокандского ханства послужило хорошим предлогом для начала военных действий против Бухары. Назначенному на место Черняева генералу Романовскому дана была двусмысленная царская инструкция, согласно которой он должен был, «неуклонно стараясь не распространить наших непосредственных владений в Средней Азии, в то же время не отказываться, однако, ради сего от таких действий и распоряжений, которые были бы для нас необходимыми». Романовский понял инструкцию и весной 1866 г. начал военные действия против Бухарского эмирата. Войска бухарского эмира в начале мая понесли тяжёлое поражение при Ирджаре (на Сыр-Дарье, ниже Ходжента); вслед за тем были взяты Ходжент (ныне город Ленинабад), Ура-Тюбе, Джизак. Занятие этих пунктов отделяло Кокандское ханство от Бухарского эмирата и отдавало России важнейшие пути на Коканд, Бухару и Ташкент. Взятие Джизака открывало прямой путь в Зеравшанскую долину — к Самарканду и Бухаре.

Из занятых земель в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, во главе которого был поставлен генерал К. П. Кауфман. Он получил право вести непосредственные переговоры со среднеазиатскими ханствами, объявлять войну и заключать мир.

Поход на Бухару. В марте 1868 г. эмир бухарский под давлением фанатически настроенных воинствующе-религиозных кругов мусульманского духовенства и учащихся медресе объявил «священную войну» (газават) против России. Бухарские отряды начали наступление у Джизака и Яны-Кургана. Вспыхнули волнения в Ташкенте, Ура-Тюбе и других пунктах. Кауфман не стал ждать всеобщего восстания и решил наступать на Бухару. Весной 1868 г. он выступил из Яны-Кургана по направлению к старейшему и священному для мусульман городу Средней Азии — Самарканду. Войска бухарского эмира, вышедшие навстречу, потерпели поражение. Тогда аксакалы и мусульманские духовные лица от имени жителей города заявили 2 мая 1868 г. о сдаче Самарканда.

Тотчас же войска Кауфмана направились по долине Зеравшана к Бухаре. Через месяц после сдачи Самарканда бухарский эмир Музаффар-Эддин (1860—1885 гг.) потерпел со своей армией поражение на Зерабулакских высотах, на пути в Бухару. Бо́льшая часть слабо обученной регулярной бухарской пехоты погибла в этом бою. Но из-под Зерабулака Кауфману пришлось поспешно отступить: из тыла пришли тревожные вести, — ещё накануне битвы на Зерабулакских высотах, 1 июня, в Самарканде вспыхнуло народное восстание против царских войск, поддержанное шахрисябзцами. Самарканд был окружён массами повстанцев. Небольшой русский гарнизон, бывший в Самарканде, заперся в цитадели. Её осада восставшими продолжалась целую неделю. Однако вскоре основные силы повстанцев — жители Шахрисябза, — узнав о поражении бухарских войск под Зерабулаком, сняли осаду и ушли. Это сильно ослабило восстание. Между тем поспешно вернулись главные силы царских войск вместе с Кауфманом и жестоко подавили восстание.

Таким образом, два важнейших государства Средней Азии, Коканд и Бухара, потерпели в 1864—1868 гг. поражение. Только дипломатические соображения не позволили царизму присоединить все завоёванные земли к Российской империи и уничтожить, таким образом, последние остатки их независимости. В январе 1868 г. был заключён мирный договор с Кокандом. Хан Коканда, Худояр-хан, уступал все завоёванные у ханства города и земли, признавал вассальную зависимость от России, предоставлял русским подданным право свободной торговли во всём ханстве. Пошлина с русских товаров была определена неизменной — 2,5% их стоимости. В июне 1868 г. был заключён мирный договор с Бухарой. Бухарский эмир Музаффар-Эддин уступал все земли, завоёванные у бухарцев с 1865 г., признал вассальную зависимость эмирата от России, предоставлял русским подданным право свободной тор-

говли с установлением такой же пошлины, как и в Коканде, и согласился на уплату большой контрибуции в 500 тыс. руб. Бухара лишилась значительной части плодороднейших земель. Во взятии самого города Бухары не было большой нужды: обладание Самаркандом и Катта-Курганом обеспечивало обладание верховьями реки Зеравшана. Путём отведения реки царские власти всегда могли оставить Бухару без воды. Последние бухарские эмиры стали послушными слугами царизма, который помогал эмирам подавлять народные движения и даже сам присоединял к эмирату (из-за нежелания обострять отношения с Англией) новые земли; так, занятый в 1870 г. Шахрисябз был присоединён к Бухаре.

Очередь была за последним крупным ханством Средней Азии — Хивой. Однако, прежде чем приступить к её завоеванию, царизм счёл необходимым смягчить насторожённую враждебность Англии. «Хотя Джон Булль, — иронически писали Маркс и Энгельс, — и пускается охотно на аннексии в Индии, он не думает позволять делать то же самое другим народам в тех странах, близость которых угрожает его собственным владениям»[1]. Ещё в 1865 г. Англия настаивала перед Россией на обмене нотами для уточнения взаимного положения в Средней Азии, желая путём дипломатического давления вынудить Россию отказаться от противодействия английскому проникновению в бассейны Аму-Дарьи и верхнего течения Сыр-Дарьи. Горчаков отклонил английское предложение. Тогда Англия усилила свою экспансию на север от Индии, английские колонизаторы укрепили своё политическое и экономическое влияние в 1866—1867 гг. в Афганистане и Кашгаре, где сейчас же начались преследования русских купцов. Одновременно Англия намеревалась открыть свою факторию на Аму-Дарье. В то же время английское общественное мнение возбуждалось против России, понятное стремление которой положить предел английским захватам изображалось как экспансия. В 1869 г. в Англии поднята была большая шумиха вокруг только что вышедшей книги Генри Раулинсона «Англия и Россия на Востоке». Автор книги, востоковед, член английского парламента и индийского совета, был выразителем захватнической политики английской колониальной буржуазии на Востоке. Ярый враг России и ярый пропагандист «активной» политики Англии в Азии, Раулинсон утверждал, что если Россия дойдёт до Мерва (Мары), то тем самым якобы получит в свои руки ключ от Индии, которым и не замедлит воспользоваться. Английское правительство, жадное до новых колониальных захватов, навязало России новые

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. X, стр. 379.

переговоры о разграничительных линиях в Средней Азии и в то же время усиленно снабжало оружием и деньгами афганского эмира, толкая его к захватам берегов Аму-Дарьи и туркменских земель. Только в 1873 г. было достигнуто англо-русское соглашение: Хива предоставлялась «попечениям» России, Россия же должна была признать «самостоятельность» Афганистана, иначе говоря, английское господство в последнем.

Хивинский поход 1873 г. Весной 1873 г. предпринят был поход на Хиву. Царские войска двинулись к ней с четырёх сторон — от Оренбурга, Ташкента, Красноводска и с Мангышлакского полуострова. В поход выступило сразу 13 тыс. человек с 62 артиллерийскими орудиями. 28 мая 1873 г. Хива сдалась без боя. Хан Мухаммед-Рахим II бежал, но через 2—3 дня победители вернули его в столицу и вступили с ним в мирные переговоры.

Только воинственные туркменские племена оказали серьёзный отпор и храбро отстаивали свою независимость. В июле 1873 г. они несколько раз атаковали отряд генерала Головачёва, но потерпели сильное поражение. На хивинских туркмен была наложена тяжёлая контрибуция в 310 тыс. руб.

В августе 1873 г. был подписан мирный договор с Хивой. Условия его были более тяжёлыми, нежели условия предыдущих договоров: хивинский хан уступал России земли ханства по правому берегу Аму-Дарьи и признавал вассальную зависимость от России; русские суда получали право свободного плавания по Аму-Дарье, хивинские и бухарские суда могли плавать лишь с разрешения русских властей; на левом берегу Аму-Дарьи русские купцы получали право устраивать пристани, фактории, склады товаров; ханские власти должны были в обязательном порядке отвести земли для торговых заведений; русская торговля освобождалась от всяких пошлин; ханство обязывалось уплатить в течение 20 лет контрибуцию в 2 200 тыс. руб.

К 1873 г. три самых крупных государственных объединения Средней Азии — Коканд, Бухара и Хива — обратились, таким образом, в вассально связанные с Россией, номинально «самостоятельные» государства, фактические владения Российской империи. Из них Коканд находился в несколько более слабой зависимости, чем остальные.

Кокандское восстание 1875—1876 гг. Однако события ближайших лет привели к полной ликвидации Кокандского ханства. Хищный и жестокий Худояр-хан, легко пошедший на сделку с царизмом, чтобы удержаться на ханском престоле, окончательно потерял популярность среди местного населения. С уступкой России Ташкента и других важных пунктов

Худояр-хан лишился доходов и навёрстывал их усиленными поборами с населения. В середине июля 1875 г. в окрестностях города Узгента вспыхнуло стихийное народное восстание одновременно против царизма и против Худояр-хана. Восстание носило национально-освободительный характер. Во главе восставших находились Исхак-Мулла-Хассан-Оглы, принявший имя Пулат-хана (одного из родственников Худояр-хана), и один из кокандских придворных военных чинов Абдурахман-автобачи (автобачи — придворное звание лица, подававшего хану «автобу» — рукомойник). Абдурахман, представитель крупных феодалов, примкнул к восстанию для сведения личных счётов с Худояр-ханом. Восставшие двинулись на Коканд. Худояр-хан бежал под защиту русских войск. В Коканде феодальная верхушка провозгласила ханом сына Худояра Наср-Эддина. Вместе с походом на Коканд восставшие вторглись и в бывшие земли Кокандского ханства, отошедшие к России. Ходжент был окружён восставшими, сообщение с Ташкентом было прервано. Восставшие провозгласили газават против царских властей.

Кауфман воспользовался восстанием для разгрома Кокандского ханства. Он двинулся сам во главе больших сил, освободил Ходжент, вступил в пределы ханства и 22 августа под крепостью Махрамом нанёс главным силам армии восставших решительное поражение. Коканд открыл ворота перед Кауфманом. 25 сентября 1875 г. был заключён мирный договор с Наср-Эддином, по которому все земли Кокандского ханства по правому берегу Сыр-Дарьи переходили к Российской империи.

Однако договариваться с угодливой феодальной кокандской знатью было легче, чем подавить народное восстание. Вся восточная часть ханства попрежнему была в руках восставших. Абдурахман-автобачи сосредоточил в Андижане до 70 тыс. человек. Высланный для усмирения русский отряд был разбит восставшими под руководством Пулат-хана. Другая часть восставших в то же время взяла Коканд. Наср-Эддин подобно своему отцу бежал в Ходжент к гостеприимным по отношению к нужным им феодалам царским властям.

Тогда начальником особой карательной экспедиции против восставших назначен был генерал Скобелев. Зимой 1875/76 г. он прошёл с огнём и мечом по всей Ферганской долине: мужское население уничтожалось, селения после расправы с жителями сжигались.

В январе 1876 г. после долгой осады пал Андижан и сдался в плен Абдурахман-автобачи, выговорив себе прощение. Несколько позже был захвачен Пулат-хан, которого царские власти казнили в Маргелане. 19 февраля 1876 г. Кокандское

ханство было объявлено упразднённым, земли его под наименованием Ферганской области были присоединены к России.

Завоевание трёх среднеазиатских ханств закончилось. Отсталые феодальные объединения, взаимно ослаблявшие друг друга в постоянных войнах, с необученными и в подавляющей массе нерегулярными войсками, вооружёнными старинными пушками, кремнёвыми ружьями и главным образом холодным оружием, несмотря на героическое сопротивление, не могли победить обученную и вооружённую русскую армию.

Завоевание Туркмении. В 1869 г. был основан Красноводск, опорный пункт для будущего продвижения в Туркмению. С конца 70-х годов началось широкое наступление на туркменские племена. В 1887 г. русским войскам удалось, неожиданно приблизившись, без боя занять Кызыл-Арват, расположенный в западной части богатого Ахал-Текинского оазиса. Но через несколько дней после занятия Кызыл-Арвата царский отряд под натиском больших текинских сил, собравшихся со всего оазиса, отступил обратно к побережью Каспия. В 1879 г. новый большой царский отряд выступил против Ахал-Текинского оазиса. Целью похода было взятие сильнейшей крепости Геок-Тепе. Однако туркмены при Геок-Тепе одержали победу. Царские войска отступили, потеряв много людей убитыми и ранеными и оставив на поле битвы часть своего вооружения.

Только через два года было начато новое наступление на Туркмению. Начальником новой экспедиции был назначен усмиритель Кокандского восстания генерал Скобелев. В 1880—1881 гг. Скобелев с 11-тысячным отрядом при 97 артиллерийских орудиях начал медленное продвижение к Ахал-Текинскому оазису. Создавались прочные базы, планомерно подвозились необходимые запасы. От Красноводска в глубь Туркмении начали прокладывать железную дорогу. Туркмены-текинцы отходили, решив принять бой у своей крепости Геок-Тепе; здесь сосредоточилось почти всё население Ахал-Текинского оазиса. В декабре 1880 г. Скобелев подошёл к Геок-Тепе и начал осаду. Текинцы героически защищались. Число защитников Геок-Тепе доходило до 20—25 тыс., но вооружение их состояло преимущественно из холодного оружия — шашек, пик и т. п. Ружей было всего около 5 тыс. и только одна медная гладкоствольная пушка. Вся надежда текинцев была на рукопашную схватку с неприятелем. Знаменитая вылазка текинцев из крепости 28 декабря 1880 г. была предпринята с одними шашками против винтовок и артиллерии царских войск. 12 января 1881 г. была взята общим штурмом крепость Геок-Тепе. Текинцы отступили в пески пустыни, победители преследовали их на протяжении 15 вёрст. Потери царских войск были ве-

лики; некоторые части потеряли до четверти своего состава. Через несколько дней был занят Ашхабад, затем Каахка и другие населённые пункты. Взятие Геок-Тепе предопределило судьбу всей Туркмении. В январе 1884 г. народное собрание жителей Мервского оазиса, расположенного по течению реки Мургаба, постановило просить о принятии оазиса в русское подданство. В марте 1884 г. русские войска заняли Мерв (Мары) — центр оазиса.

Англо-русские отношения и соглашение 1885 г. Русские войска стояли в Мерве. Англо-русские отношения снова резко ухудшились. Поводом к этому послужило принятие в русское подданство туркменских племён сарыков и салоров (живших к югу от Мерва) по их просьбе. Они пожелали впредь оставаться вместе со всеми другими туркменскими племенами, большинство которых уже находилось в составе России. В этом желании английские колонизаторы, лелеявшие мысль о подчинении себе южных туркменских племён, увидели новую «угрозу» Индии. Английские экспансионисты снова начали грозить войной России. Англия оказала новое давление на афганского эмира Абдурахмана, и афганский отряд в 4 тыс. человек вступил в туркменские степи, занял Пендинский оазис, населённый принявшими русское подданство туркменами-сарыками. Боевыми действиями афганцев, стремившихся к захвату туркменских земель, руководили английские офицеры. Против афганцев двинут был отряд русских войск, нанёсший афганским войскам сокрушительный удар у Таш-Кепри (1885 г.). Путь на Герат был открыт для русских войск, английские происки потерпели крах. Но русские войска и не собирались двигаться на Герат, а царизм и не помышлял о завоевании Индии. Хорошо знавшее эти обстоятельства английское правительство всё же объявило мобилизацию британской армии. Европа ждала вооружённого столкновения России и Англии. В 1885 г., говорит Ленин, «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии»[1]. Но Россия вовсе не желала и не искала войны. И на этот раз её избежали путём заключения нового англо-русского соглашения, подписанного в Петербурге 10 сентября 1885 г. На основе этого соглашения к 1887 г. была установлена точная русско-афганская граница: Россия получила почти всю спорную область (весь оазис Пенде до реки Кушки), низовья Кушки, Мургаба и Теджена (южная граница России проходила примерно в 100 километрах от Герата). Англия упрочила свои позиции в Афганистане.

Таким образом, завоевание Средней Азии было закончено.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 116.

Земли Средней Азии в составе Российской империи. Завоёванная Средняя Азия стала колонией Российской империи. Значительная часть земель Бухарского и Хивинского ханств и всё бывшее Кокандское ханство были включены в состав империи. Бухарское и Хивинское ханства, сильно урезанные в своих границах, оказались в вассальной зависимости от империи и фактически полностью подчинялись царизму. Туркменистан и Узбекистан, говорит товарищ Сталин, были «разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих»» [1]. Царская власть в Туркестане, так же как и в других колониях царской России, «боролась с развитием государственности», с культурным развитием, «стремясь насильственно ассимилировать местное коренное население» [2].

Земли, отошедшие к Российской империи, составили в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство с главным городом Ташкентом. В состав генерал-губернаторства первоначально вошли Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, позже Ферганская (1876 г.) и Самаркандская (1887 г.) и, наконец, Закаспийская (1899 г.). В этом же году (1899) снова была возвращена в Туркестанское генерал-губернаторство Семиреченская область, включённая в 1882 г. в состав вновь образованного Степного генерал-губернаторства. Таким образом, территории Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Киргизии были разорваны между различными административно-политическими единицами.

Казахстан в 1860—1880-х годах. Территория Казахстана была также разорвана между различными административно-политическими единицами, учреждёнными царским правительством. Северная часть Казахстана вошла в состав Степного генерал-губернаторства, тогда как южная — в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В 1868 г., когда позиции России в Средней Азии сильно укрепились, было издано «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств». Это «Положение» существовало почти неизменным до 1891 г., когда взамен него было издано новое, так называемое «Степное положение». Согласно «Положению 1868 г.» северная часть Казахстана делилась на четыре области: Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую; области делились на уезды, уезды — на волости и аулы. Волость состояла примерно из 2 тыс. кибиток, аул — из 120—200 кибиток. Султаны и другая наследственная знать

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 7, стр. 137.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 39.

лишались своего привилегированного положения. Администрация и суд в областях и уездах были представлены русскими чиновниками. Низшая администрация (волостные управители и аульные старшины) выбиралась из казахов, но выборы эти происходили под контролем царских властей и направлялись ими. В результате во главе управления почти всегда оказывалась старая феодально-родовая казахская знать. «Положение 1868 г.» хотя и вводило новое административное деление, механически группируя население (исходя из чисто количественных величин), однако почти не подрывало господства в Казахстане старых феодально-родовых элементов. «Положение» объявило все казахские земли государственной собственностью. Казахские роды или их подразделения получали эти земли лишь во временное пользование. Признание казахских земель государственной собственностью создавало юридические предпосылки для последующей русской колонизации и земельных захватов в Казахстане.

С момента завоевания русская колонизация в Казахстане неуклонно возрастала. Так, если на территорию двух уездов Акмолинской области (Кокчетавского и Петропавловского) в 1860—1875 гг. переселилось всего лишь около 150 человек, то в 1876—1878 гг. — 1 700, в 1885—1887 гг. — 2 500, в 1888—1890 гг.—свыше 12 тыс. человек и т. д. Лучшие земли казахов переходили в руки переселенцев, причём между казахами и русскими царским правительством намеренно разжигалась национальная вражда. Положение трудящихся масс казахского народа стало ещё более тяжёлым. Основное занятие казахов — скотоводство — приходило в упадок. Количество скота на душу населения сокращалось. Так, в 1880 г. в Акмолинской, Тургайской и Семипалатинской областях на душу населения приходилось от 4,7 до 7,4 головы скота, а в 1891 г. — уже только от 3,6 до 5,8 головы. Такое количество скота в условиях кочевого хозяйства не могло обеспечить человеческих условий существования трудовым массам Казахстана. Примитивное скотоводство казахов не могло успешно бороться со стихиями: бураны и гололедица уничтожали зачастую сотни тысяч голов скота. Байские элементы захватывали лучшие пастбища и ещё сильнее угнетали огромную массу казахской бедноты.

Военно-административное управление в Средней Азии. Во вновь завоёванных землях был введён военный режим. Туркестанский генерал-губернатор сосредоточил в своих руках всю полноту военной и гражданской власти и фактически являлся неограниченным повелителем края. Особыми, почти неограниченными полномочиями был наделён первый туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В областях Туркестанского

генерал-губернаторства правили военные губернаторы, на должность которых первое время назначались обычно генералы — участники завоевания Средней Азии (Черняев, Скобелев, Головачёв, Куропаткин и др.). Военное управление Туркестаном было уничтожено лишь Великой Октябрьской социалистической революцией.

Военное управление позволяло царизму подавлять крутыми мерами всякое проявление недовольства местного населения. Безудержная эксплоатация и колониальный грабёж характеризовали положение народов Средней Азии. Для царских чиновников и офицеров «признаком хорошего административного тона, — по свидетельству одного из наблюдателей, — считалось постоянное крайнее отчуждение от местного населения, выражение всяческого ему презрения и недоверия, взгляд на туземное население, как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать». На военную или гражданскую службу во вновь завоёванных землях охотно шли всякие любители лёгкой наживы, хищные и развращённые «господа ташкентцы», самое название которых послужило для Салтыкова-Щедрина нарицательным именем чиновничьего грабительства и произвола.

Царский военно-чиновничий аппарат самым беззастенчивым образом воровал казённые деньги и вымогал взятки у местного населения. Чиновничество края в 90-х годах, по свидетельству современника, представляло собой «касту, замкнутую в самой себе, самодовлеющую и самодовольную, которая смотрела на себя, как на настоящих и единственных хозяев края, перед коими край должен трепетать и воздавать почести и мзду. Взяточничество развито было до архивозможных пределов и под всяким благовидным и неблаговидным предлогом, натурой или деньгами». Брали все — от мала до велика. Сам генерал-губернатор Кауфман замешан был в тёмных делах. Злоупотребления очень редко преследовались. Так, в 1875 г. прогремело на всю Россию «знаменитое» Кураминское дело (Кураминский — позже Ташкентский уезд, Сыр-Дарьинской области) о расхищении казённых земель и растрате 200 тыс. руб. казённых денег, в котором был замешан и «сам» генерал-губернатор Кауфман.

Низшие местные власти из узбеков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен и других народов Средней Азии были в беспрекословном подчинении у царских чиновников. Желая ослабить силу и влияние местной феодально-родовой знати, царские генералы предоставили народам Средней Азии возможность выбирать из зажиточных и преданных царизму элементов низшие аульно-кишлачные и волостные власти. Низшие выборные власти были поставлены во главе вновь созданных

мелких административных единиц, размеры которых не совпадали со старым родовым делением там, где оно ещё сохранилось ко времени завоевания Средней Азии. Низшая местная власть избиралась обычно из среды феодально-родовой знати, байства и ростовщическо-кулацких элементов. Подкупы избирателей, доносы на соперников, взятки были обычны при выборах. Волостной управитель ведал сбором податей с волости, имел право налагать на жителей волости штрафы. Волостные управители, как правило, практиковали незаконные поборы с населения, присваивали себе часть собранных денег и т. д.

Русская колонизация в Средней Азии. Местное население, главным образом казахи и киргизы, сгонялось с земли, а тысячи десятин её расхищались генералами, чиновниками и купеческими фирмами. Часть земель отводилась под поселения русских крестьян — переселенцев из центральных губерний. Однако крестьянская колонизация была в Средней Азии в 70—80-х годах ещё весьма незначительна. Помещики задерживали крестьян в Европейской России, чтобы не лишиться весьма выгодного объекта эксплоатации. В Семиреченской области ещё в конце 70-х годов русское население едва достигало 5%, а в Сыр-Дарьинской и Ферганской областях — от 0,5 до 2%. Всего в Туркестане за 15 лет (1875—1890 гг.) возникло 19 русских поселений. Только закон 13 июля 1889 г. предоставил крестьянам-переселенцам некоторые льготы и известную помощь в случае переселения их с «законного» разрешения. В связи с голодом 1891—1892 гг. начался быстрый прилив русского населения в Среднюю Азию (так называемые крестьяне-самовольцы).

Переселенцам и особенно казакам местная администрация отдавала лучшие, орошённые и уже обрабатываемые земли. Зачастую казахам и киргизам-скотоводам не оставляли даже скотопрогонных дорог, вконец подрывая этим их скотоводческое хозяйство. Вместе с тем в связи со значительным сокращением свободных земельных площадей многие казахи и киргизы вынуждены были оставлять кочевой образ жизни и переходить к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству. Русские крестьяне-переселенцы приносили с собой на новые земли русскую земледельческую технику, новые для кочевников трудовые навыки и способы обработки земли.

Социальные отношения и политика царизма в Средней Азии. Завоевание Средней Азии царизмом сильно изменило политическую структуру края и прекратило почти непрерывные крайне разорительные для народов Средней Азии феодальные войны. Отошли в прошлое вечные феодальные распри, набеги, аламанства, подрывавшие и разорявшие хозяйство края и

задерживавшие тем самым его историческое развитие. Но существовавшие в Средней Азии социальные отношения мало в чём изменились. Правда, в 60—70-х годах по настоянию русских властей уничтожено было рабовладение. Рабы получили свободу, торговля невольниками была запрещена. Значительным ограничениям подверглось также средневековое вакуфное (церковное) землевладение; несколько ослаблена была власть феодально-родовой верхушки. Вместе с тем царизм не только не тронул, но и всячески консервировал старые, феодальные отношения. Трудящиеся массы Средней Азии — дехкане — после завоевания попали под гнёт двойной эксплоатации: во-первых, со стороны «своих» эксплоататоров и, во-вторых, со стороны царской администрации и русской колониальной буржуазии.

Крестьяне — узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы, составлявшие главную массу населения, жестоко эксплоатировались землевладельцами и кулаками-баями. Широко были распространены ростовщические операции. Господствовавший в Средней Азии тип полукрепостнической издольной аренды в земледелии, так называемое «чайрикерство», получил особое развитие после завоевания Средней Азии. Расширению чайрикерства содействовали распространение трудоёмких культур в земледелии, особенно хлопководства, и внедрение подворно-участкового землепользования в хлопковых районах. После завоевания и в оседлых районах началось быстрое обезземеливание трудового дехканства и концентрация земель в руках феодально-байских, кулацких и ростовщических элементов.

Народные массы Средней Азии, разоряемые земельными захватами, ростовщиками и торговыми фирмами, обременительными повинностями и вымогательствами царской администрации и ханских властей, должны были ещё выплачивать непосильные налоги и разные сборы. Размеры податей быстро росли. При их определении власти не считались с реальной доходностью облагаемых хозяйств. По исследованию одного из чиновников 90-х годов, среднеазиатский дехканин платил податей с десятины земли в два раза больше, чем русский крестьянин внутренних губерний империи. Скотоводы-кочевники — киргизы, казахи и др. — должны были уплачивать высокий «кибиточный» сбор». Различные поборы, обложения, деньги за уплату контрибуции и т. п. вымучивались с народов Средней Азии жестокими средствами.

Эксплоататорские слои населения — от местных баев до ханов Бухары и Хивы — явились опорой царизма в Средней Азии. Эмиры бухарские Музаффар-Эддин и Сеид-Абдул-Ахад и хивинский хан Мухаммед-Рахим II десятилетиями спокойно сидели на своих игрушечных тронах, поддерживаемые цар-

скими властями, покорные воле царизма. Местные власти неизменно оказывали им помощь и против нежелательных претендентов на престол и против народных движений, вызываемых ханскими поборами и притеснениями.

Массовое движение в Средней Азии. Усиление эксплоатации среднеазиатских трудящихся сопровождалось ростом их массовой борьбы против царизма. Ещё в ходе завоевания Средней Азии народы её неоднократно поднимали восстания против царизма. В 80—90-х годах борьба народов Средней Азии против царизма продолжалась и нарастала. Дехкане чаще и чаще выступали против царских властей, нападения на чиновников, переселенцев-кулаков, на конторы и склады купеческих фирм были обычными в Средней Азии. Наиболее крупными выступлениями против царизма в изучаемый период были восстания в Фергане (1885 г.) и ташкентское восстание (1892 г.).

В разных частях плодородной и густонаселённой Ферганской долины — в нынешнем Узбекистане, — входившей в 1876 г. в Кокандское ханство, в 80-х годах неоднократно возникали стихийные народные движения. Повстанческие группы возглавлялись обычно фанатически настроенными представителями мусульманского духовенства и так называемыми «джетым-ханами», т. е. самозванными ханами, выступавшими против царских властей под лозунгом восстановления ханской власти на территории бывшего Кокандского ханства. Отсталая, нередко реакционно-мусульманская идеология вожаков и стихийность протеста не могли содействовать успеху таких выступлений. Разрозненные выступления «джетым-ханов» терпели поражения. До 50 предводителей было захвачено властями; пятеро из них были повешены. В 1885 г. возбуждение народа в Фергане усилилось. Из рук в руки передавали листовку, призывавшую к «священной войне» против «неверных». Возглавил движение Дервиш-хан-Тюря, провозглашённый кокандским ханом. Его сторонники совершали нападения на ненавистных волостных управителей и баев. Силы повстанцев состояли из бедняков-дехкан, большинство которых были «бездомниками», по заявлению одного из местных царских администраторов. В ночь с 16 на 17 августа 1885 г. повстанцы в числе нескольких сот выступили с оружием в руках, но потерпели поражение. Карательная экспедиция начальника Андижанского уезда преследовала повстанцев. Дервиш-хану удалось скрыться. Отдельные партизанские действия его сторонников продолжались ещё некоторое время.

В июне 1892 г. вспыхнуло восстание в Ташкенте. Поводом к нему послужили стеснительные мероприятия местной администрации в связи с эпидемией холеры (поэтому выступление

получило название «холерного бунта»). Утром 24 июня большая толпа жителей города направилась к царским властям с требованием выдачи ей ненавистного старшины города. Начальник города полковник Путинцев отказал в этом требовании. Восставшие жестоко избили его, напали на полицейское управление и подвергли его разгрому. Толпы восставших направились в разные части города. Вызванные войска стреляли по восставшим. К вечеру выступление было подавлено. Если в ферганском восстании 1885 г. главной движущей силой были узбекские бедняки-дехкане, то в ташкентских событиях 1892 г. выступала главным образом узбекская городская беднота.

Экономическое и культурное развитие Средней Азии. После завоевания на территории Средней Азии начался процесс развития капиталистических элементов. Он шёл медленными темпами. Колониальный режим содействовал сохранению феодально-патриархальных отношений в Туркестане. Товарищ Сталин указывал, что народы Туркестана не успели до Великой Октябрьской социалистической революции пройти капиталистическое развитие, не прошли через период промышленного капитализма. Некоторые из них ещё сохраняли патриархально-родовой быт, ещё не перешли к земледельческому хозяйству [1].

Замкнутое натуральное хозяйство разрушалось, разорялись тысячи мелких собственников. Старинные ремесленные производства, не имея возможности конкурировать с дешёвыми товарами русских фабрик, приходили в упадок; ремесленники разорялись. Так, например, почти совершенно исчез ножевой промысел, потеряла своё значение когда-то знаменитая резьба по дереву; в исключительно тяжёлое положение в силу конкуренции привозных товаров попали кожевенное, сапожное, гончарное ремёсла. Великолепное ковровое художественное ремесло переживало упадок. Сильно сократились ремёсла по обработке металлов. Разорявшиеся ремесленники пополняли собой ряды бедноты, искавшей наёмного труда.

В этот же период началось изучение и освоение естественных богатств Средней Азии; были найдены месторождения нефти, меди, графита, угля, свинца. С 1868 г. были начаты, правда, в очень скромных размерах, разработки каменного угля для снабжения пароходов и удовлетворения бытовых нужд населения, страдавшего из-за отсутствия лесов. На острове Челекен, близ Красноводска, в 70—80-х годах были начаты нефтеразработки капиталистами; добывали нефть и

---

[1] См. *И. В. Сталин*, Соч., т. 5, стр. 25, 40—41, 46, 47.

местные туркмены, вырывая в земле колодцы. Ещё в 1868 г. была сделана попытка добычи нефти в Фергане. В 50-х годах было заведено в крае пароходство. В 1880—1888 гг. в Средней Азии была построена первая железная дорога от восточного побережья Каспийского моря до Самарканда. «Закаспийская дорога, — говорил Ленин, — стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»[1]. В Туркмении, через которую прошла эта дорога, возникли первые города: Ашхабад, Кызыл-Арват и др. Русская колонизация, рост городов, новые средства сообщения и включение Средней Азии во всероссийский рынок — всё это вело к постепенному разложению кочевого быта, к переходу местного населения к оседлой жизни.

Средняя Азия превращалась в громадный рынок сбыта для промышленных изделий русских капиталистов, в широкую базу по поставке сырья, прежде всего для текстильных предприятий русской буржуазии.

С течением времени всё большее место в вывозе из Средней Азии в Россию стал занимать хлопок. Средняя Азия превращалась в хлопковую базу для русских текстильных фабрик. Вскоре после завоевания для Средней Азии были выписаны семена улучшенных сортов хлопка. Около Ташкента создали опытную хлопковую плантацию. Было составлено и издано на узбекском языке руководство к возделыванию хлопка. Местные сорта хлопка с низким качеством волокна стали быстро вытесняться улучшенными сортами. С 1878 г. была введена пошлина на ввозимый из-за границы хлопок в 40 коп. с пуда очищенного волокна, а к 1900 г. пошлина поднялась уже до 4 р. 15 к. с пуда. Такая таможенно-тарифная политика послужила сильным толчком к развитию хлопководства в Средней Азии. С конца 80-х годов вывоз хлопкового волокна из Средней Азии в центральную Россию неуклонно возрастал. В 1888 г. вывезено было 873 тыс. пудов, в 1889 г. — 1 470 тыс., в 1890 г. — 2 673 тыс. пудов.

Ленин писал о развитии Кавказа в капиталистическую эпоху: «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— *создавал себе рынок* для своих фабрик»[2]. Характеризуя таким образом Кавказ, Ленин продолжает: «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии и в Сибири и т. д.»[3].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 74.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 521.
[3] Там же.

Русский капитализм стал втягивать и Среднюю Азию в мировое товарное обращение. На крови и костях народов капитализм начал выполнять свою историческую прогрессивную миссию. Разрушалась средневековая патриархальная замкнутость, в жизни края развивались новые хозяйственные и культурные явления.

На железных дорогах, нефтепромыслах и горных предприятиях, на хлопкоочистительных заводах и др. начали, хотя и медленно, складываться кадры пролетариата, состоявшего как из русских, так и из местных национальных рабочих. В совместном труде, в общих условиях тяжёлой эксплоатации со стороны капиталистов и царских чиновников рабочие — узбеки, казахи, таджики, киргизы, туркмены вместе с русскими рабочими начали проходить суровую школу пролетарского труда, а потом и борьбы с царизмом — общим врагом трудящихся масс всех народов России. Русские рабочие, прибывавшие в Среднюю Азию, приносили туда славные традиции передового русского рабочего класса.

Включение Средней Азии в состав Российской империи содействовало изучению нового края и сопредельных с ним земель. Громадное значение в этом деле имели замечательные научные экспедиции русских учёных-путешественников П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского. Плодотворными были путешествия А. и О. Федченко, ботанические исследования Лемана, зоологические наблюдения Северцова, научные поездки Мушкетова, положившие начало изучению геологического строения Туркестана. Крупные русские учёные посвятили свои труды истории и этнографии Средней Азии. В этих областях науки много сделали В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, В. В. Григорьев и др.

Культура русского народа во второй половине XIX в. оказала плодотворное воздействие на развитие культуры народов Средней Азии.

Большое значение для культурной жизни края имело основание Ташкентской публичной библиотеки в 1867 г. (ныне Средне-Азиатская государственная библиотека). Выдающийся русский библиограф В. И. Межов собрал богатейшую коллекцию литературы о Средней Азии, составившую так называемый «Туркестанский сборник» (в 416 томах). После завоевания в Средней Азии были заведены первые типографии и возникла, хотя и в очень ограниченных размерах, местная периодическая печать на русском языке, а затем и на языках народов Средней Азии. Так, в 1889 г. стала выходить первая газета на казахском языке «Дала Уалаяти» и «Киргизская степная газета».

В письменной литературе народов Средней Азии под воздействием передовой русской культуры развиваются в 60—80-х годах демократические просветительские устремления. Ими было пронизано творчество казахских поэтов-просветителей.

Выдающееся значение имел знаменитый казахский просветитель Абай Кунанбаев (1845—1904 гг.). Крупнейшее значение имело творчество узбекского революционно настроенного поэта-демократа Мухаммеда Эмин Мукими (1850—1903 гг.), в острых сатирах осмеивавшего отсталость и невежество, звавшего народ к борьбе за освобождение. Значительно творчество узбекского поэта Фурката (1858—1909 гг.), горячо призывавшего родной народ к просвещению и справедливо усматривавшего кратчайший путь к просвещению через сближение с русским народом и его великой культурой. Русская наука, литература и общественная мысль у выдающихся представителей народов Средней Азии явились стимулом к развитию их научных и литературных интересов, к изучению родного края. Передовые люди казахского, узбекского и других народов стали призывать к культурному и политическому пробуждению, к усвоению русской культуры. Знаменитый казахский просветитель Чокан Валиханов (1835—1866 гг.), взгляды которого сложились под влиянием русских политических ссыльных петрашевцев и передовых представителей русской культуры (известного учёного-путешественника Семёнова-Тян-Шанского), совершил смелые путешествия в Кашгар и написал ценнейший труд о Восточном Туркестане. Узбекский поэт Фуркат, хорошо изучивший русский язык, вдохновлялся произведениями великих русских поэтов—Пушкина, Лермонтова, Некрасова; в своих обличительных демократических произведениях, направленных против царских властей и их ставленника Худояр-хана кокандского, Фуркат следовал революционно-сатирическим стихотворениям Некрасова. Окончивший русскую школу казах Ибрай Алтынсарин стал крупным представителем просветительства в среде казахского народа; одним из первых он стал собирать и печатать памятники богатейшего народного казахского творчества. По его почину и под его руководством были устроены первые светские русско-казахские школы. Алтынсарин написал ряд рассказов и тем положил начало новой казахской художественной прозе; на его творчестве сказалось влияние Льва Толстого. В своей «Киргизской (казахской) хрестоматии», составленной и изданной им на основе русского алфавита в 1872 г., Алтынсарин призывал казахов к сближению с передовой культурой великого русского народа. Великий казахский поэт, создатель нового литературного казахского языка Абай Кунанбаев также выработал своё передовое мировоззрение просветителя и

гуманиста под определяющим влиянием русской культуры. Он переводил на родной язык сочинения Пушкина, Лермонтова, Крылова и сделал их достоянием своего народа. Сблизившись с русскими политическими ссыльными, учениками Чернышевского, Абай через них расширил и углубил своё знакомство с великой русской культурой. В прозаическом произведении «Гаклия» («Назидания») в 1894 г. Абай обращался к родному казаху-читателю с горячим призывом патриота-просветителя: «Помни, что главное — научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство — всё это у русских. Для того чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза».

В сближении и сотрудничестве передовых людей русского народа и народов Средней Азии складывались и крепли основы братства и боевого содружества этих народов в борьбе с царизмом за освобождение всех народов России.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Британское владычество в Индии. Сочинения. Т. IX. С. 346—352. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Действительно спорный пункт в Турции. Сочинения. Т. IX. С. 382—386. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Державы и Турция. Сочинения. Т. IX. С. 593—603. — *Энгельс Ф.* Англия и Россия в Афганистане. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 133—138. — *Энгельс Ф.* Россия в Средней Азии. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 363—367. — *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. С. 519—523. — *Ленин В. И.* О сепаратном мире. Сочинения. Изд. 4. Т. 23. С. 115—117. — *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. [М.—Л.]. 1939. С. 93—94, 100—103, 106—107, 201—202.

II. Документальные материалы. Пособия. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. Спб. 1843. VI, 279 с., вкл. л. — *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М. 1867. XI, 369 с. — *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. (Дополнение к «Путешествию по Средней Азии»). М. 1868. 361, IV с. — Материалы по истории кара-калпаков. Сборник. М.—Л. 1935. 299 с. (Труды Института востоковедения. Т. VII). — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI—XIX вв. М.—Л. 1938. 700 с. (Труды Института востоковедения. Т. XXIX). — Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал А. Г. Серебренников. Ташкент. 1908—1915 (всего 14 томов). — История народов Узбекистана. Т. II. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент. 1947. 512 с., 1 л. карт. — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л. 1927. 256 с. (Академия наук СССР). — *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа. В кн.: Туркмения. Т. I. Л. 1929. С. 1—69. — *Иванов П. П.* «Удельные земли» Сейид-Мухаммед хана хивинского (1856—1865). «Записки Института востоковедения Академии наук СССР». VI. М.—Л. 1937. С.

27—59. — *Иванов П. П.* Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. М.—Л. 1937. 131 с.— *Попов А. Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки». 1940. № 7. С. 182—235. — *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. I—III. Спб. 1906.— История Казахской ССР. С древнейших времён до наших дней. Изд. 2, испр. и доп. Т. 1. Алма-Ата. 1949. 526 с., 9 л. илл. и карт. (Акад. наук Казах. ССР). — *Ауэзов М. О.* и *Кенжебаев Б.* Абай — великий казахский поэт. Алма-Ата. Каз. Огиз. 1945. 31 с., портр. — *Ауэзов М. О.* Абай. Роман. Авториз. пер. с казах. Под ред. Л. Соболева. [М.] Гослитиздат. 1948. 800 с., с илл.; 1 л. портр.

Глава XXIV

НАРОДНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 1860—1870-х ГОДОВ

Оформление доктрины народничества, её исторические корни и социальная сущность. К концу 60-х — началу 70-х годов сложилось и оформилось особое направление в русском революционном движении, известное под названием «народничества». Некоторые положения, вошедшие в состав народнической доктрины, были формулированы ещё в 50-х годах Герценом, а частью и Чернышевским. Однако в революционном мировоззрении великих русских просветителей — революционных демократов не было, как отмечал Ленин, ничего специфически-народнического. Отсталая доктрина народничества сформировалась значительно позже, в полосе упадка революционного разночинского движения, после крушения революционной ситуации 1859—1861 гг. Самое появление этой доктрины совпало с начавшимся упадком революционно-теоретической работы демократического разночинства, лишённого своих великих вождей — Чернышевского и Добролюбова. Общим признаком отсталости этой доктрины было непонимание действительности: народническая теория не отражала истинных исторических процессов, протекавших в жизни России, а искажала их, неправильно истолковывала их. Уже развился капитализм, росло рабочее движение, а народники всё ещё не замечали этих важнейших процессов в своей стране. Уже существовало учение Маркса и Энгельса, а народники всё ещё придерживались утопических социалистических теорий. Конечно, господство отсталых утопических взглядов в русском революционном движении того времени нельзя объяснить случайностью — оно вызывалось известной социально-экономической отсталостью России, слабостью рабочего движения, находившегося ещё на ранней стадии развития. Ленин неоднократно подчёркивал, что «отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма» [1]. Ещё раньше Энгельс в одном из своих писем к Плеханову указы-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, изд 4, стр. 408.

вал: «В такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации... не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [1].

Если к моменту крестьянской реформы Россия в экономическом отношении стояла далеко позади капиталистического Запада, то и после реформы, проведённой руками крепостников и сохранившей в изобилии крепостнические пережитки, отсталость России, несмотря на последовавший в дальнейшем значительный рост её производительных сил, не была ликвидирована. Сравнительно ещё ограниченное развитие фабрично-заводской промышленности, огромное численное преобладание мелких производителей-крестьян, чрезвычайно низкий уровень хозяйства и потрясающая нищета основной массы народа, а сверх того — страшный политический гнёт самодержавия, сковывавший все живые силы страны, — вот что было характерно для «освобождённой» от крепостного ига России. На этой почве выросло и ею питалось русское народничество, сущность которого, как указывает Ленин, заключалась в представительстве «интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа», а источник — в преобладании «класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» [2].

Следующие три черты при этом Ленин считал характерными для системы воззрений, определяемой термином «народничество» (в широком смысле): *1) «Признание капитализма в России упадком, регрессом». 2) «Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности». 3) «Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»* [3].

Вопрос о капитализме и общине в мировоззрении народников. Вопрос о характере и оценке общественно-экономической эволюции России являлся кардинальным теоретическим вопросом народничества. Как и утопические социалисты Запада, народники выступили в роли критиков капитализма; но критика эта в научно-теоретическом отношении носила у них реакционный характер.

Марксизм, исходя из объективного научного анализа экономической истории и действительности, обосновал учение об

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIX, стр. 385.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 375.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 481.

общественно-экономических формациях и их закономерной смене Маркс и Энгельс, указывается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», «первые разъяснили, что социализм — не выдумка мечтателей (утопистов), а необходимый результат развития современного капиталистического общества. Они показали, что капиталистический строй падет так же, как пал крепостной строй, что капитализм сам создает себе могильщика в лице пролетариата» [1]. Марксизм разъяснил, что именно развитие капитализма и пролетариата, и только оно, создаёт материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Он тем самым определил прогрессивную историческую миссию капитализма, установив одновременно относительные, ограниченные пределы этой прогрессивности. Ленин писал: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству...» [2] Народники же в капитализме видели только зло, они признавали капитализм в России упадком, регрессом. В противоположность марксизму народники идеализировали отживавшие экономические формы, настойчиво цеплялись за остатки старины в хозяйстве, видели в крестьянской общине, артели и кустарных промыслах (всё это объединялось ими в понятие «народного производства») более совершенный «тип» экономической организации общества по сравнению с крупнокапиталистическим производством. Оценивая таким образом капитализм, народники старались доказать, что Россия может-де миновать капиталистическую стадию развития. В то время как капитализм в России уже одерживал победу за победой, а унаследованные от прошлого формы всё более клонились к упадку, народники носились с мыслью, что пореформенная Россия — «tabula rasa», на которой можно ещё писать «ту или другую будущность», что России будто бы ещё «предстоит сделать выбор» между буржуазно-капиталистической и именуемой ими «народной» формой экономического строя.

Особенную роль в этих утопических построениях народников играла крестьянская *община*. Народники ошибочно считали общину «зародышем социализма», проявлением свойственного русскому крестьянству «мирского», общинного духа. Они усматривали в ней доказательство того, что русский крестьянин — «коммунист по инстинкту, по традиции». На самом же деле община, существовавшая в известный исторический период и у других народов, сохранилась в России вследствие экономической отсталости страны, ввиду тех удобств, какие

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 11.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, изд. 3, стр. 339.

существование общины представляло для помещиков и помещичье-дворянского государства. Община облегчала в эпоху крепостного права управление подневольным крестьянством и обеспечивала выполнение им повинностей в пользу помещика и государства. После реформы 19 февраля она осталась удобным и дешёвым средством для сбора налогов. Народники же видели в общине якорь спасения крестьянства от надвигающихся бедствий капитализма. Но в условиях частной собственности на орудия производства и всё возрастающей роли рыночных отношений община разлагалась, внутри её росли и обострялись столкновения интересов эксплоататорской верхушки крестьянства с его основной массой, особенно с беднейшим крестьянством. Община не могла остановить роста кулаков-«мироедов» и разорения маломощных крестьян, она во многих случаях сама превращалась в орудие угнетения последних кулаками, в «общину кулаков», по определению Плеханова.

Оценка народниками роли крестьянства и рабочего класса. В тесной связи с народническими взглядами на капитализм, с надеждами на общину как средство предотвращения развития в России капитализма и пролетариата стояло отношение народников к рабочему классу и крестьянству. Марксизм учит, что «промышленный пролетариат является самым революционным и потому — самым передовым классом капиталистического общества, что только такой класс, как пролетариат, может собрать вокруг себя все недовольные капитализмом силы и повести их на штурм капитализма» [1]. Однако народники не верили в рост и развитие русского пролетариата, отказывались в условиях России видеть в нём отдельный класс с самостоятельными интересами, считали его составной частью крестьянства — главной, по их убеждению, массовой революционной силы в России. «Человек будущего в России — мужик, думали народники, и этот взгляд вытекал неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма» [2].

Правда, народники уделяли внимание деятельности в рабочей среде, ведя пропаганду в рабочих кружках, участвуя в проведении стачек и т. д. Но они считали эту деятельность лишь вспомогательной по отношению к своей основной цели — организации крестьянской революции. Рабочие должны были в первую очередь содействовать установлению связей с крестьянством, устройству кружков и агитации на селе. При таком взгляде на пролетариат народники, естественно, и среди

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 11.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, изд. 4, стр. 408.

рабочих больше всего дорожили как раз теми прослойками, которые были наиболее тесно связаны с деревней. Временные, сезонные рабочие, проводившие в городе только часть года и не порвавшие ещё связи с сельским хозяйством, привлекали внимание народников гораздо больше, чем прочно связанные с промышленным производством подлинно пролетарские элементы. Это разграничение в известной мере совпадало с разделением рабочих на «фабричных» (ткачи, например) и «заводских» (металлисты). Первые, по мнению народников, приносили в город «мирской дух русской деревни»; вторых же они склонны были считать уже «развращёнными» городской цивилизацией, носителями «индивидуалистического», «буржуазного» духа. «Народники не знали рабочий класс и не понимали, что без союза с рабочим классом и без его руководства одни крестьяне не смогут победить царизм и помещиков»[1].

Идеалистический взгляд народников на историю. Вопрос о роли масс и интеллигенции. Идеалистические взгляды народничества на развитие человеческого общества были развиты в особенности П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Лавров в своих нашумевших «Исторических письмах» (1868—1869 гг.) и Михайловский в работе «Что такое прогресс?» (1869 г.) давали абстрактные, идеалистические «формулы прогресса», в которых не объясняли действительного хода развития общества, а пытались определить, каким он должен быть с точки зрения требований «истины и справедливости». В исторических формулах народников не нашлось места для борьбы классов, подлинного значения которой они не понимали. На вопросы «как шла история», «кто её двигал» — Лавров отвечал: «Одинокие борющиеся личности». На «критически-мыслящих личностях», утверждал Лавров, «лежит» весь человеческий прогресс, они — его *единственные* «орудия».

Идеалистические представления народников вели к недооценке и непониманию действительной роли масс в революционной борьбе. Не массы, а «критически-мыслящая» интеллигенция в сущности оказывалась в их глазах и авангардом и решающим двигателем революции. «По их мнению, — указывается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — «герои», за которыми слепо идут масса, «толпа», народ, классы»[2].

Идеалистические взгляды народников были противоположны марксизму, который, исходя из открываемых им внутренних противоречий самой действительности, находит реаль-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 12.
[2] Там же, стр. 14.

ные пути и средства к её преобразованию в соответствии со своими научно выработанными и обоснованными идеалами. Марксизм в этом процессе революционной борьбы за социализм, как и во всём вообще процессе развития человеческого общества, вовсе не отрицает роли выдающихся личностей; он убеждён, однако, что «люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю» [1].

С возникновением в конце 70-х годов партии «Народная воля» немалое влияние в народнической среде получило ложное мнение, что революционная интеллигенция, пожалуй, может победить царизм и без широкого и активного участия масс народа, что систематическое применение тактики индивидуального террора может привести к капитуляции правительства или к захвату власти народовольцами. Это было заблуждение, вредное и опасное для развития в стране *массовой* революционной борьбы, которая одна только могла обеспечить победу.

Народнический анархизм. Бакунин и бакунизм. Среди революционных народников 70-х годов анархизм пользовался довольно широким признанием. Анархизм народников нашёл наиболее полное выражение у М. А. Бакунина, идейного вдохновителя самой крупной фракции в революционном народничестве 70-х годов, «бакунистов». Своё отрицание «государственности» Бакунин распространял и на будущее социалистическое государство. Известно, что, по учению Маркса и Энгельса, рабочий класс может добиться победы над капитализмом только путём пролетарской революции, «путем установления своего политического господства—диктатуры пролетариата...» [2] Идея диктатуры пролетариата — это *главное* в марксизме, подчёркивает В. И. Ленин. Но именно против этой важнейшей идеи Маркса яростно боролся Бакунин, объявлявший основной и первейшей задачей «социальной революции» немедленное уничтожение государства в какой бы то ни было форме. В неразрывной связи с бакунинским отрицанием государства стоял проповедуемый им принцип воздержания от участия в текущей политической борьбе. Эта борьба категорически отвергалась Бакуниным и его последователями, как «измена» социализму и народу. Бакунин считал недопустимой «всякую политику, которая не ставит своей непосредственной и прямой целью экономическую и социальную революцию». И в этом

---

[1] *И. В. Сталин,* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М. 1938, стр. 4.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 11.

пункте Бакунин также в корне расходился с Марксом, который придавал громадное значение использованию пролетариатом оружия политической борьбы.

«Трудно представить себе две более противоречащие одна другой теории, чем наши», — признавался сам Бакунин, сопоставляя свои взгляды с программой Маркса. В I Интернационале, куда Бакунин вместе со своими единомышленниками вступил в 1868 г., он развернул ожесточённую подрывную деятельность против руководства Маркса. Опираясь на отсталые сектантские группы в разных, главным образом романских, странах (Италия, Испания и др.), он создал тайную организацию внутри I Интернационала, с помощью которой пытался стать вершителем судеб международного рабочего движения. Дезорганизаторская деятельность Бакунина и его сторонников побудила Гаагский конгресс 1872 г. исключить их из рядов I Интернационала, которому они успели всё же нанести огромный вред.

Тактика бакунизма характеризовалась «бунтарством», русские последователи Бакунина называли себя «бунтарями». Вместе со своим учителем они были убеждены, что русская крестьянская масса, находящаяся в чрезвычайно бедственном положении и проникнутая будто бы глубокой враждебностью к государству вообще, легко может быть поднята на борьбу под анархическими лозунгами. Народ «находится в таком отчаянном положении, что ничего не стоит поднять любую деревню», — утверждал Бакунин. Просвещению сознания народа средствами пропаганды бакунисты не придавали значения. Свою задачу они видели только в организации и поддержке крестьянских протестов, «бунтов», в объединении недовольного и протестующего крестьянства разных местностей. В подтверждение своих взглядов Бакунин ссылался на примеры прежних народных движений под предводительством Разина и Пугачёва. Признавая непрерывную «бунтовскую» деятельность единственным путём к достижению поставленной цели, он призывал передовую интеллигентскую молодёжь взять на себя роль «коллективного Стеньки Разина».

Лавров и лавризм. Ткачёв и русский «бланкизм». В народническом революционном движении 70-х годов были ещё два других течения — лавристское и ткачёвское.

Первое связано с деятельностью П. Л. Лаврова, видного учёного и литератора, автора уже упоминавшихся «Исторических писем», в которых дана была одна из самых полных формулировок идеалистической философии истории народничества. Мысль «Исторических писем» о неоплатном долге народу, лежащем на интеллигенции, с энтузиазмом была подхвачена радикальной молодёжью, которая нашла в ней теоретическое

и моральное обоснование своих не всегда ещё ясных революционных стремлений. В 1870 г. Лавров эмигрировал за границу. Деятельность I Интернационала, Парижская Коммуна, свидетелем и участником которой он стал, личное знакомство и дружба с Марксом и Энгельсом оказали на него большое влияние. Но Лавров не стал марксистом, хотя он и признавал Маркса великим учителем международного социализма. Народнический эклектизм у Лаврова сказывался с особенной резкостью. Если Лавров, в отличие от Бакунина, не боролся против марксистского крыла I Интернационала и против социал-демократии, то он не выступал и против дезорганизаторов рабочего движения из бакунинского лагеря; напротив, он желал «примирить» марксистов с бакунистами. Отношение Лаврова к «теоретическим» принципам бакунизма было двойственным и колеблющимся. Анархистские тенденции пробивались в работах самого Лаврова. Его сближало в частности с Бакуниным непонимание соотношения между социалистическими задачами пролетарской партии и её политической борьбой в рамках буржуазного государства. Главные расхождения Лаврова с Бакуниным касались тактики революционной борьбы. Лавров был решительным противником бунтарства и видел задачу революционной интеллигенции в том, чтобы «подготовлять» и «только подготовлять» революцию. Важнейшим средством этой подготовки Лавров считал пропаганду.

Взгляды «лавризма» развивались на страницах его органов непериодического обозрения и газеты «Вперёд», издававшихся за границей в 1873—1877 гг. Лавризм вскоре почти совершенно был вытеснен бакунизмом, который больше отвечал всё повышавшемуся революционному настроению демократической молодёжи, не мирившейся с чересчур книжным и доктринёрским направлением русских лавристских кружков, с их исключительным тяготением к «чистому» пропагандизму и уклонением от всяких попыток к активизации форм революционной деятельности.

Против Лаврова резко выступали не только бакунисты, но и П. Н. Ткачёв со своим небольшим кружком единомышленников, группировавшимся около заграничного журнала «Набат». Ткачёв сходился во многом с Бакуниным. Помимо того, что их взгляды на характер русских общественных отношений (это было общим для всех народников) совпадали, Ткачёв подобно Бакунину находил, что «осуществление социальной революции в России не представляет никаких затруднений». Особенностью взглядов Ткачёва, отличавшей его и от бакунистов и от лавристов, было то, что он подобно французскому утописту Огюсту Бланки был сторонником заговора «революционного меньшинства» с целью захвата власти. Только

заговорщическая организация революционной интеллигенции могла, по его мнению, взять на себя проведение «социальной революции». Ткачёв видел залог осуществимости своих, на деле совершенно утопических, планов в отсталости России. Русским социалистам, по его мнению, противостояла политическая сила государства, якобы не имеющего «никаких корней» в экономической жизни страны, «висящего в воздухе». Он призывал к немедленной «социальной революции», находя, что экономический прогресс, усиливая буржуазию, сделает успех революции весьма проблематическим, если даже не вовсе невозможным.

Энгельс в ряде статей подверг позицию Ткачёва уничтожающей критике. Он обличил непонимание Ткачёвым действительного содержания и условий социалистического переворота, его «сверхребяческое» представление о ходе революции и показал наивность и незрелость его взглядов на общественно-экономические отношения России. Энгельс бил при этом не только по Ткачёву, но и по утопическим воззрениям народничества в целом. Когда Энгельс заявил, что не «русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе» [1], он этим самым метко охарактеризовал беспочвенность теоретических построений народников, идеализировавших общинные порядки, мечтавших о социалистической революции, выраставшей из крестьянского «бунта» или заговора горсти интеллигентов.

Революционные народнические кружки 1870-х годов. Чайковцы. Долгушинцы. Революционное народничество 70-х годов считало себя социалистическим направлением, однако на деле в народничестве не было, как это не раз подчёркивал Ленин, «ни грана», «ни капли» подлинного — научного социализма. Народничество представляло собой особую, соответствовавшую уровню развития тогдашней России разновидность утопического социализма. Это был, по определению Ленина, «крестьянский социализм».

«Крестьянская демократия, — писал Ленин, — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества...

Фразы о «социализме» у народников... — простая словесность, облекающая реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения» [2].

Эта демократическая сущность народничества ярко выразилась именно в 70-х годах XIX в., которые ознаменованы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XV, стр. 256.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 490, 491.

«расцветом действенного народничества»[1]. Это был период *революционного* народничества, когда оно ещё стояло на позициях непримиримой борьбы с самодержавием, ещё не скатилось к мелкому, мещанскому реформаторству и прожектёрству, ещё не стало прямым выразителем интересов кулацкой верхушки деревни.

После провала в 1869 г. организации, которую создал Сергей Нечаев, в народническом движении возникли новые кружки. Агитация Нечаева непосредственно увлекла сравнительно узкий круг молодёжи. Важную роль в народническом революционном движении сыграли «чайковцы» — крупнейшая революционная организация первой половины 70-х годов.

Группа петербургских студентов с М. А. Натансоном во главе, оппозиционная по отношению к Нечаеву, положила в разгар агитации нечаевцев начало новой организации; работа последней получила наибольший размах с 1871 г. Её видным участником был Н. В. Чайковский, именем которого обычно называют организацию, хотя он и не играл в ней роли основного руководителя. К её активным членам принадлежали Н. Чарушин, С. Перовская, С. Синегуб, С. Кравчинский (Степняк), Д. Клеменц, П. Кропоткин, Л. Шишко и др. Помимо основной — петербургской — группы отделения «кружка чайковцев» существовали в Москве, Киеве, Одессе и некоторых других городах. Чайковцы создали сеть нелегальных кружков саморазвития среди молодёжи. Они организовали в широких размерах распространение социалистической и радикально-демократической литературы, сначала только легально изданной, потом и нелегальной, для печатания которой ими была создана типография в Швейцарии. Вместе с сочинениями Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Флеровского и других русских писателей чайковцы распространяли произведения Маркса, а также Лассаля. В течение 1871—1872 гг., не оставляя работы среди интеллигенции, чайковцы стали переходить к пропаганде среди рабочих, которую они расценивали в духе общих установок народничества, как подготовку к будущей работе среди крестьянства. Уже в 1873 г. стремление к перенесению в деревню центра тяжести всей деятельности организации обнаружилось в ней с большой силой, и лишь полицейский разгром, постигший чайковцев в марте 1874 г., помешал осуществлению ими этих планов.

Чайковцы поддерживали связь с эмиграцией. Они имели отношение к подготовке издания журнала «Вперёд», но частично разошлись с Лавровым по вопросу о путях революционной деятельности, заняв промежуточную позицию между лавризмом

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 490.

и бакунизмом. Развитие взглядов кружка в последний период его существования шло в направлении усиления именно бакунистских тенденций, ярким представителем которых среди чайковцев являлся П. А. Кропоткин, в дальнейшем один из главных теоретиков анархизма в европейском масштабе.

Бунтарскими настроениями ещё в гораздо большей степени, чем чайковцы, были проникнуты «долгушинцы» — члены кружка, руководимого А. Долгушиным и Л. Дмоховским. Кружок возник в 1872 г. в Петербурге и с начала 1873 г. перенёс свою деятельность в Москву. Презрительно называя чайковцев «книжниками», долгушинцы признавали необходимым начинать прямо с «бунта». В организованной ими подпольной типографии они отпечатали прокламации «К интеллигентным людям», «Русскому народу» и написанную Флеровским листовку «Как должно жить по закону природы и правды». Интеллигенцию они звали «итти в народ», а народ они призывали к восстанию. Долгушинский кружок очень скоро — осенью 1873 г. — был разгромлен правительством.

Хождение в народ. Настроения долгушинцев характерны как симптом весьма усилившегося к этому времени стремления передовой молодёжи стать лицом к лицу с народом, чтобы поднять его на революционные выступления против существующего строя. С конца 1873 г. движение это стало расти особенно быстро. Кравчинский, Рогачёв, Клеменц были в числе первых интеллигентов, пытавшихся ещё в 1873 г. вступить в прямое соприкосновение с крестьянством в революционных целях. Под влиянием их примера московская группа чайковцев зимой 1873/74 г. решила прервать занятия с рабочими и готовиться весной 1874 г. итти «в народ». К этому же напряжённо готовились в Петербурге, в крупных городах Поволжья, в университетских центрах Украины. Везде и всюду на сходках молодёжи оживлённо дебатировались вопросы о лозунгах движения, о том, какими способами легче завязать сношения с крестьянством. Образовались новые кружки — С. Ковалика, Ф. Лермонтова, И. Каблица, В. Дебагория-Мокриевича, являвшиеся уже прямыми проводниками взглядов Бакунина, с которым их руководители поддерживали личную связь. Появившаяся тогда книга Бакунина «Государственность и анархия» стала своего рода «евангелием» бунтарски настроенной молодёжи.

Среди многих участников хождения в народ было распространено мнение, что в каких-нибудь два-три года «социальный переворот» в России станет фактом. Уверенность в готовности народа к революции была в этот момент чрезвычайно велика. Чтобы внушить крестьянам доверие к себе, интеллигенты-народники шли к ним под видом людей из народа, переодевались

в народное платье, наскоро обучались в специально устроенных мастерских разным ремёслам, старались подделываться под народную речь.

Наибольший размах хождения в народ относится к лету 1874 г. Много энтузиазма, самоотверженности, искренней любви к страждущему народу было проявлено в этом движении. Однако оно было обречено на полное поражение. Причиной столь полной неудачи хождения в народ были неверные, утопические взгляды народников. Забитое, бесконечно раздроблённое, политически отсталое, не имевшее пока вождя-руководителя в лице пролетариата, который сам проходил первые уроки революционного воспитания, крестьянство вовсе не представляло собой той мгновенно воспламеняющейся, всегда готовой к активной борьбе силы, какой оно рисовалось воображению народников. Тем более не представляло оно той *социалистической,* якобы призванной к немедленному осуществлению коммунистического строя силы, которую хотели в нём видеть народники. Ленин писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ». За осуществление этой программы взялась масса энергичнейших и талантливых работников, которым на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических инстинктах мужика» [1].

Значительная часть революционеров, ушедших весной и летом 1874 г. в народ, очень скоро была арестована. К концу 1874 г. свыше тысячи человек было привлечено к дознаниям по делу «о революционной пропаганде в империи», которое тянулось более трёх лет и закончилось грандиозным процессом «193-х» (октябрь 1877 г.—январь 1878 г.). Мышкин, Войнаральский, Ковалик, Рогачёв, Синегуб, Волховский, Чарушин и др. были центральными фигурами этого процесса.

Группа «москвичей». Выступившая на революционную арену вскоре после большого хождения в народ (1874 г.) новая группа так называемых «москвичей» составилась путём слияния кружка бывших русских студенток в Цюрихе и кружка студентов-грузин, к которым присоединился ряд русских студентов и рабочих, в их числе замечательный рабочий-революционер Пётр Алексеев. «Москвичи» кое в чём учли неудачный опыт 1874 г. Они решили снова посвятить свои силы подготовке «посредников» между интеллигенцией и крестьянством из рабочей среды. Сферой своей деятельности они выбрали, таким образом, не деревню, а город. Они старались наладить пропаганду среди рабочих в Москве, Иваново-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 259.

Вознесенске, Туле, Киеве, Одессе. Для большего успеха пропаганды, а также и по мотивам нравственного характера часть их пошла в качестве простых рабочих на фабрики (Бардина, Каминская и др.). «Москвичи» выработали устав, определявший права и обязанности членов, создали центральную ячейку для руководства группой и вообще стремились к объединению революционных сил на началах не только тесной дружбы и товарищеской солидарности, как это было у чайковцев, но и определённой дисциплины. По своим настроениям «москвичи» стояли довольно близко к бакунистам, признавали нужным возбуждение местных бунтов и целый раздел своего устава посвятили «чистой агитации» бунтарского характера; но на практике бунтарские планы группы не нашли никакого применения. Группа оформилась в начале 1875 г., но уже с апреля того же года начались аресты её членов, а к осени она была целиком разгромлена. В феврале — марте 1877 г. её деятели предстали перед судом в процессе «50-ти», ознаменовавшемся смелыми революционными выступлениями обвиняемых Петра Алексеева (см. следующую главу) и Софьи Бардиной.

Вопрос о дальнейших путях борьбы. «Земля и воля» 1870-х годов. Неудача хождения в народ поставила перед революционерами вопрос о дальнейших путях борьбы.

Бакунистские элементы (они составляли большинство народничества) полностью сохранили прежнюю веру в общину, как в самобытный зародыш социализма, но пришли под влиянием опыта хождения в народ к заключению, что крестьянская масса остаётся всё же пока глухой к пропаганде социалистических форм общежития и что к ней вообще невозможно подступиться с идеями «западного социализма». Большая часть бакунистов-бунтарей в качестве ближайшей программы выставила теперь народное движение во имя «народных требований и желаний, каковы они есть в данную минуту». Лучшее выражение существующих народных желаний они видели в формуле «земля и воля», которую и написали на своём знамени вместо лозунгов социализма и анархии. «Землёй и волей» стала называться впоследствии и революционная организация, возникшая в конце 1876 г. в результате пересмотра прежней платформы большинством русских бакунистов. Обновлённая платформа получила название «народнической». Слово «народничество» в качестве характеристики отдельного революционного направления вошло в обиход именно в период 1876—1877 гг.

Народники-землевольцы придавали весьма ограниченное значение пропаганде и решительно выдвигали на первый план агитацию, главным образом «путём дела» — крестьянских бунтов, всевозможных протестов, стачек. Землевольцы осудили

летучую, бродячую форму революционной работы и высказались за организацию прочных и длительных деревенских «поселений» революционеров в тех местностях, где наиболее выражено народное недовольство. Видную роль в «Земле и воле» 70-х годов играл Александр Михайлов, один из её основателей; к главным деятелям организации принадлежали также Г. В. Плеханов, Марк и Ольга Натансон, Лизогуб, Адриан Михайлов, Попов, Аптекман, Квятковский и др.; позднее в «Землю и волю» вступили Кравчинский, Клеменц, Перовская, Морозов, Фроленко, Вера Фигнер и др.

Землевольцы вели работу в Саратовской, Тамбовской, Воронежской и других губерниях, налаживая здесь свои «поселения». Они старались прежде всего приобрести доверие местного крестьянского населения, работая в качестве фельдшеров, учителей, писарей и т. д., не раскрывая до поры до времени своих затаённых планов. Второй намеченной ими стадией работы была организация крестьянских выступлений, но эта стадия так и не наступила. Убедившись в трудности задачи и вскоре увлечённые новыми террористическими планами, народнические организации стали забрасывать ту самую деятельность в народе, в которой они прежде видели весь смысл своего существования.

Чигиринский заговор. Единственная прямая попытка вовлечения крестьян в тайную организацию с повстанческими целями была предпринята на Украине (в Киевской губернии) одной группой народников, хотя и независимой от «Земли и воли», но разделявшей её платформу и имевшей с ней связь. Именно эта попытка особенно наглядно вскрывает слабость и беспочвенность народнической теории, недопустимые с революционной точки зрения и губительные для успеха народного движения идейные шатания среди народников.

Во главе этой группы стоял Яков Стефанович, ближайшими помощниками которого были Дейч и Бохановский. Они воспользовались брожением среди бывших государственных крестьян Чигиринского уезда, Киевской губернии, и попытались создать «тайную дружину», действующую якобы под покровительством Александра II. Таким образом, народники пытались опереться на отсталый «наивный монархизм» крестьянства. Стефанович выступил в роли «царского уполномоченного» и оперировал составленной им подложной «высочайшей тайной грамотой», в которой крестьяне призывались объединяться в дружины и готовиться к восстанию. Стефанович привлёк в созданную им (в 1877 г.) таким способом организацию несколько сот чигиринских крестьян. Чигиринский заговор был раскрыт в том же году, и предприятие, основанное на мистификации и попытке использования наивных монархи-

ческих иллюзий крестьянства, разрушилось прежде, чем удалось приступить к каким-либо открытым действиям.

Характерно, что Чигиринский заговор, вызвав у некоторых народников критическую оценку, встретил у других сочувственное отношение. Часть землевольцев настаивала на том, что «Земля и воля» должна применить те же приёмы в своей агитации на Волге. Порочные методы Стефановича она, таким образом, рассматривала как закономерное развитие народнической бунтарской тактики.

Переход народников к индивидуальному террору. Вредное влияние народнического террора на развитие массового движения. Народники-землевольцы, как и другие народнические течения, отрицали политическую борьбу. Но политика стихийно врывалась в практику народников, хотя теоретические их убеждения и не отводили ей самостоятельного места. Это особенно ярко сказывалось в их городской деятельности. Так, первое же выступление «Земли и воли» — Казанская демонстрация 1876 г. (см. ниже) — носило по существу определённо политический характер.

Революционная ситуация конца 70-х — начала 80-х годов содействовала процессу освобождения значительной части народнических кругов от влияния анархической идеи «политического воздержания». Но одновременно с этим среди них резко обозначился упадок интереса к работе «в народе». Все надежды стали возлагаться на единоборство интеллигенции с правительством. И раньше революционное народничество прибегало к индивидуальному террору, но теперь он стал основным оружием его борьбы, временно создавая иллюзию силы революционеров, обманывая, таким образом, и их самих и многих наблюдателей. В действительности этот террор был выражением слабости народников, обусловленной их оторванностью от широких масс.

Первые покушения народников носили ещё характер мер самообороны против предательства или актов мести отдельным царским администраторам. Такой характер имело в частности известное покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова 24 января 1878 г., вызванное распоряжением Трепова о наказании розгами политического заключённого, землевольца Боголюбова-Емельянова. Сама Засулич никогда не была террористкой по убеждениям, но её поступок способствовал усилению террористических тенденций в народническом движении; он послужил сигналом к целому ряду покушений, свидетельствовавших о том, что террор превращался в «систему» (наиболее громкое из них — убийство шефа жандармов Мезенцова Сергеем Кравчинским в августе 1878 г.).

К весне 1879 г. в Петербурге внутри землевольческой организации образовалась замкнутая террористическая фракция. В её среде нашла поддержку инициатива народника А. К. Соловьёва, приехавшего в Петербург с намерением убить Александра II. Покушение, состоявшееся в апреле 1879 г., не имело успеха. Сам Соловьёв был схвачен и повешен.

Упрочение террористической тактики сыграло печальную роль в движении 70-х годов. Победить и уничтожить царизм могло только народное, массовое революционное движение. Между тем террор усыплял активность и боеспособность масс и переносил центр тяжести борьбы на действия небольших групп интеллигенции. Отдельные активные рабочие, втягивавшиеся в террористическую деятельность, пропадали для рабочего движения. Огромной потерей для последнего был переход к террору с осени 1879 г. Степана Халтурина, руководителя «Северного союза русских рабочих». «Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства» [1].

Террор стал скоро поглощать главные силы народнической организации, отвлекая их от агитационной и организационной деятельности. Он обескровливал в связи с вызываемыми им частыми «провалами» революционные кадры. Неизбежным спутником индивидуального террора явился расцвет жандармской провокации — заговорщическая организация террористов представляла благоприятную почву для подрывной деятельности царских агентов.

Раскол «Земли и воли». Обострение разногласий внутри «Земли и воли» в связи с переходом к террору вызвало необходимость созыва съезда для разрешения спорных вопросов. Съезд состоялся в июне 1879 г. в Воронеже. Сторонники террористической борьбы с правительством собрались накануне съезда отдельно в Липецке, чтобы определить линию своего поведения. На случай отказа съезда от признания террористической тактики было условлено пойти на открытый раскол и создание новой террористической партии. На Воронежском съезде из числа «ортодоксальных» народников один Плеханов занял твёрдую позицию — против индивидуального террора — и был вынужден в конце концов отколоться и покинуть съезд. Позиция же большинства его единомышленников на съезде была компромиссной. Воронежский съезд закончился принятием половинчатого решения, требовавшего «особого развития» террористической борьбы с правительством наряду с

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 13.

продолжением «работы в народе». Однако непрочный характер компромисса обнаружился очень скоро, и уже в августе 1879 г. «Земля и воля» разделилась на две организации — «Народную волю» и «Чёрный передел».

«Народная воля». «Народная воля», основателями и главными деятелями которой являлись А. Желябов, Ал. Михайлов, А. Квятковский, Л. Тихомиров, Н. Морозов, М. Фроленко, В. Фигнер, С. Перовская, М. Ошанина и др., составлявшие её Исполнительный комитет, отбросила отрицание «политики» и поставила своей основной задачей низвержение самодержавия. «Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу — так определяем мы главнейшую задачу социально-революционной партии в настоящее время», — писала нелегальная газета «Народная воля». Народовольцы отказались вообще от принципов анархизма. «Мы государственники, не анархисты. Анархисты — это старое (т. е. устаревшее. — *Ред.*) обвинение», — заявлял впоследствии на суде вождь «Народной воли» Андрей Желябов. Но, отказавшись от анархизма, народовольцы не сумели усвоить правильных теоретических взглядов по вопросу о государстве и понимали государство как бесклассовую организацию во имя «общего блага». Став «государственниками», народовольцы восприняли традиционное буржуазно-демократическое, идеалистическое воззрение на сущность государства как «выражение всякого общенародного интереса, общенародной власти». «Мы признаём, — говорил Желябов, — что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы».

Практически и политически ещё большее значение имела ошибка народовольцев в оценке русского государства. Народовольцы не понимали социальной классовой природы государства в России и доказывали (повторяя аналогичную ошибку Ткачёва), что русское правительство якобы в противоположность западным правительствам «не опирается ни на чьи интересы в стране», «живёт само для себя». Эксплоататорские классы, по их мнению, сами «создавались» в России самодержавным государством. Политическая борьба против царизма лишалась, таким образом, в их глазах классового характера. Понятно, что они «не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» [1].

Народовольческая борьба не была связана с массовым движением. Это была борьба небольших групп интеллигентов

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 443.

(с примыкавшей к ним горстью активных, передовых рабочих), думавших заменить своей энергией и самоотверженностью непосредственное действие самих масс.

Газета «Народная воля» определяла деятельность в народе как «наполнение бездонных бочек Данаид» и призывала интеллигенцию взять на себя «инициативу противоправительственного похода и политического переворота», вместо того чтобы «биться около народа, как рыба об лёд». Тактика народовольцев была заговорщической тактикой. Ленин указывал на то, что народовольцы «понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения... суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы» [1]. Мечтая захватить в свои руки власть в результате удачного заговора, народовольцы не имели представления о действительных условиях и характере революционного завоевания власти. Ленин говорил, что «в 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами», это было «пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения» [2].

«Чёрный передел». Во главе организации «Чёрный передел» стояли Г. Плеханов, Я. Стефанович, О. Аптекман, П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Засулич и др. В первое время после раскола «Земли и воли» чернопередельцы пытались отстаивать полностью её прежнюю бакунистскую платформу. В этом отношении характерно опубликованное в № 1 «Чёрного передела» «Письмо к бывшим товарищам», автором которого был Аптекман. «Письмо» утверждало, что социалисты должны избрать единственной «точкой приложения своих сил» экономические отношения общества и что вопрос о завоевании политической свободы является для них делом более или менее безразличным.

Чернопередельцы в дальнейшем отступили в вопросе об отношении к «политике». В сентябре 1880 г. Плеханов в статье, помещённой в № 2 «Чёрного передела», выражая взгляды членов организации, писал о сочувствии политической борьбе, хотя и подчёркивал ещё её «второстепенное значение». Вместе с тем он правильно утверждал, что «социалистическая партия без почвы и влияния в народе» — это «штаб без армии», «мнимая величина, не имеющая значения в ходе общественной жизни страны». Через год, касаясь попыток сближения и соединения чернопередельцев и народовольцев, Плеханов признал: «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто ещё недавно был принципиальным противником последней».

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 342.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 10, изд. 4, стр. 257.

Мы видим, что к исходу 70-х годов революционное народническое движение зашло в тупик. Не будучи в силах подняться до правильной революционной теории, находясь в плену у ложных представлений, не понимая действительного исторического процесса, народническое движение не располагало правильными способами борьбы и было лишено опоры в массах. Оно не могло поэтому правильно ориентировать общественную борьбу. Между тем на арену революционной борьбы уже выходил и готовился к решающим классовым боям подлинный гегемон трудового народа — пролетариат, новый класс капиталистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». Сочинения. Т. XV. С. 145—200. — *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. Сочинения. Т. XV. С. 231—264. — *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок». Сочинения. Т. XV. С. 375—378. — *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 г. Сочинения. Т. XV. С. 407—410. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Сочинения. Т. XV. С. 600—601. — *Энгельс Ф.* Послесловие к статье «Социальные отношения в России». Сочинения Т. XVI. Ч. 2. С. 388—401. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1868—1883. Сочинения. Т. XXIV. С 477, 497, 502, 514, 516 — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Письма 1869—1877. Сочинения. Т. XXVI. С 403, 480—481 — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Письма 1878—1887. Сочинения. Т. XXVII. С. 4—5, 19, 27, 78, 80, 82, 86—87, 100, 117—118, 128, 677—697. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф* Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих. [М.] 1940 133, [2] с. — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М. 1947. 308 с — «Архив Маркса и Энгельса». Т. XI. М. 1948. 204 с. — *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 111—313. — *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 315—484.—*Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? Сочинения. Изд. 4. Т. 2. С. 459—501. — *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения Изд. 4. Т. 3. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 19—65. — *Ленин В И.* Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Сочинения Изд. 4. Т. 9. С. 407—415.— *Ленин В. И.* Две утопии. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 326—330.— *Ленин В. И.* Народники о Н. К. Михайловском. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 93—102.— *Сталин И. В.* Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи Сочинения. Т. 1. С. 11—31. — *Сталин И. В.* Анархизм или социализм? Сочинения. Т. 1. С. 294—392. — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. 1945.

II. Документальные материалы. Пособия. Революционная журналистика семидесятых годов. Второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России». Изд. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов н/Д. [Б. г.] 312 с. — Литература партии «Народная воля». М 1930. 336 с.—«Чёрный передел». Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг.

М. — Пгр. 1923. 355 с. — *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. I. М. — Пгр. 1923 (статьи из «Земли и воли», «Чёрного передела» и др.); т. III. М. — Пгр. 1923. С. 121—213 («Русский рабочий в революционном движении»).— Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М. [1932]. 454, [2] с. — Документы к Чигиринскому делу. «Былое». 1906. № 12, с. 257—261. — Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. I—III. Спб.— Ростов н/Д. 1906.—*Голицын Н. В.* Конституция графа Лорис-Меликова. «Былое». 1918. № 4—5, с. 125—186. — *Кропоткин П. А.* Записки революционера. Т. II. Изд. 7, доп. М. 1929. 304 с. — *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Изд. 2, испр. и доп. Пгр. 1924. 459 с. — *Фигнер В.* Запечатленный труд. Т. I—III. М. 1933. — *Морозов Н.* Повести моей жизни. Т. I—III. [М.] 1947. — *Плеханов Г. В.* Сочинения. М. — Пгр. 1923—1927. Т. II. С. 25—356 («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия»); т. VII, с. 61—326 («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»); т. IX, с. 49—286 («Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)»); т. XXIV (Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России». «Неудачная история партии Народной воли», и др.) — *Ярославский Е.* Разгром народничества марксизмом. Изд. 2, испр. [М.] 1939. 72 с. — *Ярославский Е.* Маркс и Энгельс о России. «Советская наука». 1940. № 7, с. 3—40.

Глава XXV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ НОВОГО КЛАССА—ПРОЛЕТАРИАТА. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 1860—1870-х ГОДОВ

Рост рабочего класса, его численность и состав. Основные черты процесса формирования пролетариата в капиталистической России были характеризованы выше (см. главу XXI). Процесс этот явился основным, ведущим среди процессов классообразования, протекавших в стране в капиталистический период. На историческую сцену в России выступал новый класс капиталистического общества — пролетариат, будущий гегемон революционного движения; он формировал свои кадры и копил опыт борьбы с эксплоататорами, готовясь к будущим революциям.

Ленин в своём гениальном труде «Развитие капитализма в России» показал, что процесс образования промышленного пролетариата находится в непосредственной связи с развитием трёх стадий капитализма в промышленности. Современный промышленный пролетариат был создан крупной фабричной промышленностью за счёт разрушения всех форм мелкотоварного производства. Фабрика завершала процесс отрыва рабочих от земледелия, начатый ещё в период развития домашней промышленности в деревне и ремесла в городе, а затем в мануфактурный период. Переход от мануфактуры к фабрике ускорил количественный рост наёмных рабочих и в то же время положил начало их качественному оформлению в новый общественный класс — пролетариат.

Отмена крепостного права освободила от личной зависимости значительные кадры промышленных рабочих, сформировавшиеся в условиях капиталистической мануфактуры, и принципиально изменила положение прежних крепостных рабочих: все рабочие и крестьяне становились лично свободными, получали известные гражданские права и — хотя и ограниченную — свободу передвижения. Условия крестьянской реформы, обезземелившей и ограбившей громадную часть крестьянства, создавали значительный резерв свободной рабочей силы, который мог быть использован развивавшейся капиталистической промышленностью. Реформа освободила без земли многие разряды крестьян, в том числе бывших дворовых, обезземеленных

барином крестьян, — так называемых «месячников», крепостных, принадлежавших беспоместным и частично мелкопоместным помещикам. Совсем не получили земельных наделов или получили их в ничтожном размере бывшие крепостные крестьяне вотчинных фабрик, крестьяне казённых заводов и фабрик, мастеровые казённых горных заводов и рабочие, приписанные к частным заводам на посессионном праве. Около одного миллиона душ, или 5,5% общего количества бывших крепостных, получили надел менее одной десятины. По подсчётам советского исследователя П. И. Лященко, численность безземельного крестьянства, возникшего в результате реформы, простиралась до 4 млн. душ обоего пола.

Классовое расслоение деревни в эпоху капитализма было источником пополнения рядов пролетариата. Приблизительно две трети крестьян в результате реформы 1861 г. оказались малоземельными. Урезанные земельные наделы, высокие выкупные платежи, многочисленные подати и повинности не обеспечивали даже минимального жизненного уровня крестьян. Разорённая реформой крестьянская беднота быстро теряла хозяйственную самостоятельность и поставляла основную массу наёмных рабочих в неземледельческие промыслы и в фабричную промышленность.

Сущность процесса расслоения крестьянства сами крестьяне определяли метким термином «раскрестьянивание». К 80-м годам в процесс раскрестьянивания оказалось вовлечённым до 30% всего числа крестьянских хозяйств. Определяя итоги этого процесса в результате социальной диференциации пореформенной деревни, Ленин писал: «Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания» [1].

Образовавшиеся в деревне резервы избыточной рабочей силы искали себе применения в сельском хозяйстве или в промышленности в качестве наёмных рабочих.

В пореформенный период, с развитием капиталистической фабрики, так называемая «кустарная промышленность» быстро теряла свою самостоятельность. Владельцы светёлок, подрядчики и комиссионеры, раздаточные конторы и скупщики хищнически эксплоатировали «домашних» рабочих и доводили их до полного разорения. Рост механических предприятий убивал «самостоятельные» светёлки и подрывал домашний промысел кустарей. Сёла, где недавно трудно было найти избу без кустарного стана, превращались в районы фабричной инду-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 396.

стрии, а «домашние» рабочие становились наёмными рабочими фабрик. Например, в 1879 г. хлопчатобумажные фабрики насчитывали 163 тыс. фабричных рабочих и 50 тыс. домашних рабочих, получавших работу через раздаточные конторы. К середине 90-х годов домашние рабочие составляли лишь 8% по сравнению с количеством фабричных рабочих. Подобный же процесс происходил и в других отраслях промышленности.

С развитием капитализма происходило «переселение» фабрик в деревню — в районы, где предприниматели могли обеспечить себя дешёвыми и обученными рабочими, подготовленными домашней промышленностью. Некоторые промышленные районы быстро расширялись, охватывая целые уезды, в которых почти всё местное население втягивалось в фабричное производство. В Шуйском уезде, Владимирской губернии, в 1885 г. жителей было почти столько же, сколько фабричных рабочих и кустарей. Это объяснялось привлечением к работе всех членов семей, работавших на местных фабриках с раннего возраста и до самой смерти.

Порывая производственную связь с землёй и работая из года в год в промышленности, такой крестьянин стремился освободиться от своего ничтожного земельного надела, приписаться в «городские мещане» и превратиться потом в «потомственного» пролетария. По данным Дементьева, в 1884—1885 гг. на 100 рабочих приходилось 91,5% рабочих крестьянского происхождения и только 8,5% — не из крестьян. Но если учесть, что из этой сотни у 55% рабочих отцы работали на фабрике, а у 45% — не работали, то можно сделать вывод, что более половины фабричных рабочих являлись уже потомственными пролетариями. Таким образом, к началу 80-х годов промышленный пролетариат России, будучи на 90% крестьянского происхождения, на 50% имел уже «фабричную генеалогию».

Предприниматели особенно охотно привлекали на фабрики более дешёвый и выгодный труд детей и подростков. Земельная нужда выгоняла из деревни не только отцов, но и малолетних детей. По подсчётам статистиков, проводивших санитарное обследование фабрик Московской губернии за 1879—1885 гг., до 33% всех рабочих поступили на фабрики ещё не достигнув 12-летнего возраста, а в возрасте от 12 до 14 лет поступали на фабрику 31% рабочих. Таким образом, почти две трети всего количества обследованных рабочих стали фабричными с малолетства. По отдельным профессиям этот процент был ещё выше. Известный статистик Ф. Ф. Эрисман, под руководством которого проводилось указанное обследование, делает вывод, что в 80-х годах «прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоя-

щего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, не приспособленного».

На предприятиях металлообрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности условия производства ещё в большей мере вырабатывали «тип настоящего рабочего». Петербургский пролетариат, например, состоял в основном из кадровых, квалифицированных рабочих, давно порвавших всякую связь с землёй. Свыше 70% петербургских рабочих, переехавших в Петербург на постоянное жительство, вышло из кустарей Тверской, Ярославской, Костромской и других промышленных губерний. Петербургская промышленность по своему техническому уровню и по организации производства стояла на одном из первых мест в стране. Естественно, что она требовала наличия многочисленных кадров квалифицированных, сознательных, грамотных рабочих, почти полностью порвавших с сельским хозяйством. Как отмечает статистик Ю. Э. Янсон, уже в 70-х годах в составе петербургского пролетариата насчитывалось большое количество потомственных рабочих, отцы и деды которых работали в столице. Семьи рабочих, как и вообще трудящиеся столицы, были значительным источником пополнения рядов петербургского пролетариата.

В Москве, как и в Петербурге, большую роль в формировании пролетариата играло пришлое население, в особенности разорившиеся кустари из окружающих промышленных губерний. Вместе с тем большую роль в формировании кадров фабрично-заводских рабочих в обеих столицах играло и местное население из среды мещан и цеховых. Удельный вес коренных москвичей-рабочих в 1882 г. достигал 16%. По данным начала 80-х годов, в торгово-промышленных предприятиях Москвы работало по найму до 30 тыс. мещан. Но всё же основная масса промышленного пролетариата в столицах, как и во всех промышленных центрах России, формировалась не из городских ремесленников, а из разорённого, пролетаризированного крестьянства.

Такие новые капиталистические центры, как Донецкий бассейн, металлургический район на юге Украины, нефтеносный Баку, поглощали значительные кадры рабочих как квалифицированных, так и чернорабочих. Основным источником пополнения квалифицированных рабочих кадров были русские рабочие — выходцы из центральных промышленных областей.

Однако с процессом развития капитализма вширь всё же начинали развиваться, хотя и замедленными темпами, кадры национального пролетариата. Так, в Баку подвергались

беспощадной эксплоатации рабочие свыше 20 национальностей. Значительная часть чернорабочих нефтяных промыслов и заводов набиралась из состава местного национального крестьянства. Русские рабочие, прошедшие более длительную школу производственного обучения и классовой борьбы, повсюду в национальных районах являлись силой, которая содействовала сплочению местных рабочих в единую классовую армию многонационального пролетариата царской России.

Численность рабочего класса в России возрастала быстрыми темпами, в соответствии с быстрым ростом фабрично-заводской промышленности. Общее количество фабрично-заводских рабочих за период с 1865 по 1890 г. возросло с 509 тыс. до 840 тыс., т. е. на 65%; за те же годы численность рабочих в горной промышленности увеличилась со 165 тыс. до 340 тыс., т. е. на 106%. Во всей крупной промышленности страны за те же годы количество рабочих возросло с 674 тыс. до 1 180 тыс., т. е. на 76%. Ленин при этом подчёркивает, что на деле увеличение было несомненно больше, чем показывают эти цифры. Численность пролетариата определяется не только количеством фабрично-заводских рабочих, — в неё входило также около 1,5 млн. фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих, около 2 млн. наёмных рабочих, работавших на сооружении железных дорог, на рубке и сплаве леса и т. п., свыше 1 млн. рабочих, занятых на строительстве, и около 2 млн. наёмных рабочих, работавших на дому или в обрабатывающей промышленности, не причисляемой к фабрично-заводской. Общее количество наёмной рабочей силы к началу 90-х годов Ленин определял приблизительно в 10 млн. человек.

В качестве основной особенности формирования промышленного пролетариата в России Ленин указывал не только быстрые темпы этого формирования, но и высокую степень концентрации рабочих на крупнейших предприятиях. К 1890 г. эта степень концентрации пролетариата России была выше, чем в передовых странах Европы. Почти три четверти всех фабрично-заводских и горных рабочих в 1895 г. было сосредоточено на предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина всех рабочих — на предприятиях, насчитывавших 500 и более рабочих[1].

Таким образом, в России во второй половине XIX в. сформировался новый общественный класс — промышленный пролетариат, принципиально отличный от наёмных рабочих мануфактурного периода. «Это был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 434—436, 510, 446.

крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами» [1].

Положение рабочего класса. Материальное и правовое положение нарождавшегося русского пролетариата было неимоверно тяжёлым. Помимо общих условий «первоначального накопления» чувствительно давали себя знать особые условия пореформенной России — обилие в ней пережитков крепостничества. Оставшиеся средневековые учреждения необычайно усиливали гнёт капитала над трудом и сохраняли капитал «в его средневековых формах, не уступающих новейшим, индустриальным, по эксплуатации труда, но прибавляющих к этой эксплуатации страшные трудности борьбы за освобождение» [2].

В первые десятилетия после ликвидации крепостного права не существовало никаких законов, ограничивавших хотя бы формально безудержный произвол фабрикантов и жестокую эксплоатацию рабочих предпринимателями. Рабочие руки были дёшевы, недостатка в них не было, так как деревня выбрасывала всё новые массы избыточной рабочей силы. Подавляющая масса рабочих в первые десятилетия после реформы 1861 г. работала 13—15 час. в сутки; в ряде случаев рабочий день доходил до 16—18 час. и даже более. Так, рабочими правилами на текстильной фабрике Гарелина, в Иванове, в начале 70-х годов продолжительность рабочего времени была установлена в 14 час. На некоторых других фабриках Иванова работа производилась с 3½ час. утра до 8 час. вечера с перерывом в 1—1½ часа, т. е. рабочий день равнялся 15—15½ час. На Кренгольмской мануфактуре, под Нарвой, накануне исторической стачки 1872 г. работа начиналась в 5 час. утра и оканчивалась в 8 час. вечера при обеденном перерыве в 55 мин. Даже в 80-х годах, когда в связи с промышленным кризисом продолжительность рабочего времени несколько сократилась, по вычислениям известного исследователя Дементьева (относящимся к предприятиям Московской губернии), только 29% всех фабрик работали 12 и 12½ час., в то время как на 44% фабрик работа велась 13 и 13½ час., а на 17% — 14—15 час. и более. Менее 12 час. было занято лишь ничтожное меньшинство рабочих. Широко применялась эксплоатация женского и детского труда; продолжительность рабочего времени для детей нисколько не уменьшалась, хотя заработная плата детей и женщин была гораздо ниже платы взрослых рабочих-мужчин.

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 7.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 272.

Заработная плата рабочих, сама по себе чрезвычайно низкая, особенно в условиях всё возраставшей после 1861 г. дороговизны предметов первой необходимости, дополнительно урезывалась посредством штрафов, всяческих обсчитываний, замены денежной платы уплатой товарами и т. д. Заработок рабочих, кое-где повысившийся после реформы, стал падать под напором приехавших из деревни безработных, увеличивавших резервную армию труда. Продукты питания между тем непрерывно дорожали, плата за квартиру росла, положение рабочих ухудшалось. Комиссия для расследования волнений на Кренгольмской мануфактуре (данные за 1871 г.) установила, что из 4,5 тыс. рабочих менее 250 человек получали, и то номинально, от 18 до 30 руб. в месяц и лишь единицы (до 15 человек) — 35—45 руб.; плату в 15—18 руб., получаемую несколькими сотнями рабочих, обследователи должны были отнести к «наиболее значительной», — это была, по определению самой комиссии, «рабочая аристократия». Остальные рабочие получали от 6 р. 50 к. до 10—12 руб.; заработок детей доходил до 3 р. 50 к. в месяц. Квалифицированные рабочие металлообрабатывающей промышленности Петербурга, по данным петербургского земства за 1879 г., получали до 25—30 руб. в месяц; самый верхний слой заводских рабочих столицы в 70-х годах зарабатывал, по свидетельству Плеханова, лишь от 1 р. 25 к. до 2 руб. в день.

Указанные номинальные цифры заработной платы значительно снижались в первую очередь штрафами, практиковавшимися в самых широких размерах. «Назначение штрафов, — указывал Ленин, — не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы» [1]. Одновременно штрафы служили для хозяев удобным средством произвольной урезки и без того нищенской заработной платы рабочих. Фабричными правилами предусматривались обычно десятки «оснований» к наложению штрафов, но произвол администрации не считался ни с какими правилами.

Сроки выдачи заработной платы сплошь и рядом зависели от усмотрения хозяев. В тех случаях, когда они и определялись условиями найма, они всё же постоянно нарушались предпринимателями. Задержки, иногда очень длительные, в выдаче заработной платы неоднократно служили поводом к выступлениям рабочих. Непомерно низкая заработная плата, подолгу задерживаемая, систематически урезываемая колоссальными штрафами и всевозможными иными поборами, вы-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 20.

нуждала рабочих пользоваться кредитом, преимущественно в виде закупки в счёт заработка товаров в фабричных лавках. Продавая товары худшего качества и по ценам выше рыночных, лавки эти оказывались немаловажной статьёй дохода фабрикантов.

Исключительно тяжёлыми были жилищные условия пролетариата. Значительная часть рабочих ютилась в помещениях, принадлежавших фабрикантам. Обычно для этой цели служили рабочие казармы, тесные, грязные и сырые, где рабочие жили либо в общих спальнях с расположенными в несколько ярусов нарами, либо в крошечных каморках, куда хозяева втискивали по две, по три рабочих семьи и более. В первое время после реформы рабочие с семьями нередко жили прямо в помещениях мастерских. Жилищные условия рабочих, помещавшихся на частных квартирах, были столь же тяжёлыми: рабочие жили в неудобных, тесных помещениях многочисленными артелями и подвергались нещадной эксплоатации со стороны квартирохозяев.

Ни о какой охране труда предприниматели, конечно, не помышляли, медицинской помощи почти не существовало, техника безопасности находилась в самом жалком состоянии. Всё это приводило к массовым несчастным случаям и громадной смертности.

Рабочий пореформенной промышленности в любой момент мог лишиться работы и очутиться на улице. Разоряющаяся деревня выставляла на каждое вакантное место в промышленности по три кандидата. В. В. Берви-Флеровский, автор труда «Положение рабочего класса в России», изданного в 1869 г. и весьма высоко оценённого Марксом, писал: «Вынужденный голодом работник подписывает такой контракт, на основании которого хозяин может его рассчитать во всякое время, когда это для него окажется выгодным». Условия найма всегда предусматривали множество поводов, по которым хозяин мог без предупреждения отказать рабочему в работе. Между тем рабочий даже при наличии самых веских и уважительных причин не мог до истечения договорного срока оставить предприятие иначе, как лишаясь значительной части своего заработка.

Во многих случаях рабочие, нанимаясь на фабрику, должны были заранее давать своё согласие на все условия, которые только ещё будут им со временем объявлены хозяином. В самый момент заключения договора о найме, как и в течение всего срока его действия, все права и выгоды были на стороне нанимателя, перед которым «свободный» рабочий был совершенно бесправным и обездоленным. «Достаточно лишь поверхностного взгляда, чтобы убедиться, насколько бедственно и

безотрадно положение рабочих», — вынуждены были признавать в 70-х годах даже жандармские власти.

Рабочее движение 1860-х годов. Жесточайшая капиталистическая эксплоатация вызывала со стороны рабочих отпор и протесты, сначала чисто стихийные, а с течением времени более организованные и сознательные. Из десятилетия в десятилетие росло количество рабочих протестов и выступлений.

Уже указывалось, что в 60-х годах рабочее движение ещё не было значительным. Многие рабочие волнения 60-х годов были связаны непосредственно с ликвидацией крепостных отношений. Вчерашний крепостной рабочий выступал не только как пролетарий против предпринимателя, но и как крестьянин-земледелец, имеющий серьёзные счёты с помещиком. Поэтому крестьянские интересы, связанные с размером и качеством земельного надела и повинностями за него, выдвигались в ряде случаев на первый план. Особенно ярко это сказалось в движении «сельских работников» горнозаводского Урала, сохранивших самую тесную связь с земледельческим хозяйством и выполнявших на заводах подсобные работы. Для «мастеровых» — основного производственного костяка горнозаводского населения — чисто пролетарские интересы, и прежде всего вопрос об уровне заработной платы, имели наиболее жизненное значение. Более или менее ясно выраженный пролетарский характер требований имели волнения на Лысьвенском заводе княгини Бутеро-Родали в мае 1861 г. Рабочие бросили работу и упорно добивались повышения заработной платы, уступив в конце концов только перед угрозой военной силы.

Чрезмерно низкая плата и разные ухищрения, направленные к её дальнейшему снижению, являлись вообще одной из главных причин волнений рабочих. Низкие расценки, грубое обсчитывание под видом браковки изделий, вычеты под предлогом «пожертвований» на храм были причиной волнений на Дугненском чугуноплавильном заводе, Калужской губернии, в 1861 г. Рабочие требовали также организации медицинской помощи и прекращения работ в воскресные и праздничные дни. Принудительный сбор на больницу стал источником конфликта между текстильными рабочими и фабрикантами в Иванове в 1861 г. Попытка подрядчиков сбавить заработную плату вызвала угрозу стачки строителей на Нижегородской ярмарке в 1864 г. Невыплата заработанных денег привела в 1865 г. к выступлению 3 тыс. рабочих Холуницких заводов (недалеко от Вятки), не допустивших отправки проданного хозяином железа и оказавших неповиновение чиновникам, прибывшим для усмирения.

Заслуживают внимания волнения на Людиновском и Сукремльском заводах Мальцева, в Калужской губернии, в ап-

реле 1861 г. Рабочие вступились за товарища, которого исправник хотел подвергнуть порке в помещении завода (в Людинове), а затем энергично добивались освобождения из-под ареста активных участников сопротивления начальству. «Коновод беспорядка» рабочий Равский доказывал, что «мир» вправе отменить наказание, назначенное полицейской властью. Производивший следствие генерал усмотрел в этом «коммунистическую идею» и нашёл, что «от решения настоящего случая зависеть будет искоренить её как гибельную или допустить укорениться и предать Россию демократии». Царские администраторы на другой день после «освобождения» признавали чрезвычайно опасными признаки пробуждающегося в массе сознания своего человеческого достоинства и готовности бороться за права личности рабочего.

В целом рабочее движение 60-х годов всё же оставалось стихийным, малосознательным и неорганизованным, находилось ещё на низкой ступени развития. Численно преобладали случаи пассивного сопротивления и протеста, обычно такие примитивные, как подача просьб и жалоб или просто бегство с работы. Забастовок, согласно установленным пока данным, насчитывается за всё десятилетие около 20 и, кроме того, приблизительно столько же волнений, не сопровождавшихся приостановкой работ. В дальнейшем классовая борьба рабочих становилась всё напряжённее и обострённее.

Статистика стачек 1870-х годов. В 70-х годах рабочее движение сделало по сравнению с первым пореформенным десятилетием шаг вперёд, что выразилось уже в его численном росте. За 1870—1879 гг. на основании выявленных до сих пор архивных данных по всей России учтено не менее 225 рабочих выступлений; несколько менее, четыре пятых из этого числа, приходится на стачки (в подавляющей массе кратковременные), более одной пятой — на волнения, не сопровождавшиеся приостановкой работы. Наиболее обильно стачками было трёхлетие 1874—1876 (учтено 76 стачек и волнений) и особенно годы 1878—1879 (72 стачки и волнения за два года).

Важнейшими очагами рабочего движения 70-х годов были Петербург и центральная промышленная область, тяготевшая к Москве. Из общего количества 225 стачек и волнений на долю Петербурга приходилось 63, на долю центральной области — 62 (в том числе на Москву и окрестности — до 20). Первое место по количеству выступлений в 70-х годах заняли рабочие-текстильщики (третья часть всех известных стачек и волнений), второе — металлисты (свыше одной пятой части учтённых стачек и волнений), за ними шли строители, транспортники, горнорабочие и др.

Около 33% известных нам рабочих выступлений 70-х годов было вызвано конфликтами из-за размера заработной платы, 22% — её задержками и неправильным расчётом, 14% — незаконными вычетами и штрафами. Следовательно, до 69% (более двух третей) всех рабочих протестов так или иначе было связано с вопросами заработной платы, 7% выступлений было вызвано недовольством рабочих чрезмерной продолжительностью рабочего дня и отсутствием праздничного отдыха, в остальных случаях рабочие начинали борьбу из-за тяжёлых жилищных условий, недоброкачественной пищи, грубого обращения фабричной администрации и пр. Стачки уже нередко носили наступательный характер. Стачечное движение, несомненно, имело и политическое значение. В революционной ситуации 1879—1881 гг. стачечная борьба являлась не только её существенной составной частью, но и принципиально *новой* формой борьбы, которой предстояло огромное будущее.

Стачка на Невской бумагопрядильне (1870 г.). Значительной вехой в истории рабочего движения в России явилась стачка рабочих Невской бумагопрядильни в Петербурге, происшедшая в мае 1870 г. Поводом к ней послужило требование 63 прядильщиков об увеличении заработной платы. Отказ фабричной администрации вызвал приостановку работ части фабрики, где было занято 800 рабочих. Эта забастовка на одном из больших предприятий столицы произвела внушительное впечатление и на общество и на правительство. Стачка вспыхнула в период, когда на Западе широкий размах получила деятельность I Интернационала. В России в это время истекал девятилетний срок, в течение которого по «Положениям 19 февраля» крестьяне не могли отказываться от наделов, — к этому моменту некоторые революционные круги приурочивали ожидаемое выступление крестьян. Власти были особенно на-чеку. Обер-полицмейстер Трепов сразу передал дело о невских стачечниках в суд для срочного рассмотрения. «Можно надеяться, — докладывал он царю, — что впечатление, которое немедленное наказание виновных произведёт на всю массу столичного рабочего населения, будет благодетельно». Но результат процесса был неожиданным: суд ограничился присуждением четырёх руководителей стачки (Владимирова, Петрова, Потапова и Акулова) к семи дням ареста и 54 её участников — к трёхдневному аресту. Не желая мириться с приговором, власти тотчас выслали «зачинщиков» в административном порядке. Вместе с тем 6 июля 1870 г. был издан знаменитый в летописях русского рабочего движения циркуляр о мерах против забастовок. Ссылаясь на стачку рабочих Невской бумагопрядильни, как на «явление совершенно новое, до сего времени ещё не проявлявшееся в среде нашего рабочего насе-

ления», циркуляр предписывал губернскому начальству «самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу». Губернаторам предписывалось при первом известии о стачке рабочих на каком-либо заводе или фабрике немедленно, «не допуская дела до судебного разбирательства» и даже не испрашивая разрешения министра внутренних дел, высылать «зачинщиков» в Архангельскую, Вологодскую и другие отдалённые губернии.

Стачка на Невской бумагопрядильне и вызванный ею процесс породили много разговоров и послужили темой ряда статей в современной печати. «Русские ведомости» писали, что «рабочие стачки — явление ещё новое в России и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать — небывалое».

Стачка на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.). Однако уже через два года разразилась знаменитая кренгольмская стачка, далеко превзошедшая по размерам имевшую столь большое значение невскую стачку: бастовало уже около 5 тыс. рабочих. Выше были приведены отдельные данные, свидетельствующие об исключительно тяжёлом положении рабочих Кренгольмской мануфактуры, состоявших частью из эстонцев, частью из русских. К началу 70-х годов условия труда на этой фабрике резко ухудшились. Стремление хозяев к усилению эксплоатации рабочих, невыносимые страдания всей рабочей массы и в особенности малолетних, подвергавшихся чудовищным насилиям и издевательствам, вызвали острое недовольство, приведшее к открытому возмущению. Волнения, возникшие в августе 1872 г., были приостановлены некоторыми уступками администрации. В сентябре они возобновились вследствие провокационной политики фабричного начальства, старавшегося свести уступки на-нет и расправиться с наиболее «беспокойными» элементами. Представители рабочих, пришедшие для переговоров, были арестованы. За них вступилась вся фабрика. Военные силы, стянутые к месту волнений, вначале встретили сопротивление, но оно не могло быть длительным — рабочие были безоружны и неорганизованы. В конце концов стачку подавили. 27 человек были присуждены к каторге, арестантским ротам, тюрьме и ссылке. Стачка на Кренгольмской мануфактуре, расположенной сравнительно недалеко от Петербурга, произвела большое впечатление на рабочее население столицы. Один из главных руководителей стачки, Вильгельм Прейсман, в последующие годы играл заметную роль в рабочих кружках Петербурга, связанных с так называемыми «чайковцами». Другой участник стачки, Василий Герасимов,

состоял потом в Петербурге в кружке студента Дьякова, который вёл пропаганду среди рабочих и солдат и был за это осуждён на каторгу (1875 г.). Он впоследствии написал свои воспоминания, где рассказал о жизни и борьбе рабочих Кренгольмской мануфактуры.

Первые рабочие кружки. В обстановке зарождавшегося массового рабочего движения в России, в условиях начинавшегося нового роста демократического движения разночинной интеллигенции появились первые революционные рабочие кружки. Они возникали нередко по инициативе и под руководством отдельных революционеров-интеллигентов, стремившихся втянуть рабочих в общее русло народнического движения. Но в среде рабочих рано обнаружилось и тяготение, вначале инстинктивное, стихийное, к созданию своих классовых организаций, более или менее независимых от интеллигентов-народников; проявились первые признаки несогласия рабочих со стремлением народников всецело подчинить рабочее движение задачам, вытекавшим из народнических мечтаний о «социалистической» крестьянской революции. Подобные настроения начали сказываться прежде всего в небольшом кругу петербургских рабочих-металлистов, которые были распропагандированы революционерами — чайковцами, Кропоткиным, Кравчинским, Клеменцом, Сердюковым и др. Несколько десятков рабочих столичных заводов, слушавших лекции и беседы чайковцев, уже в 1873 г. составили три районных кружка (в Невском, Выборгском и Василеостровском районах) со своими нелегальными библиотечками и своими сборщиками денежных взносов на библиотечные нужды. В беседах и лекциях участники кружков подчас получали, как уже указывалось выше, сведения об экономическом учении К. Маркса, об Интернационале. Конечно, далёкие от марксизма руководители кружков не могли дать об этом достаточно правильного представления, но рабочие, занимаясь самостоятельно, беседуя друг с другом и читая нелегальную литературу, могли делать самостоятельно выводы. В этих кружках, тесно между собой связанных, активную роль играли рабочие Виктор Обнорский, Сергей Виноградов, Алексей Петерсон, Игнатий Бачин, Семён Волков, Дмитрий Смирнов и др. Зимой 1873/74 г. деятельность кружков заводских рабочих особенно оживилась. Состоялось несколько общих собраний, было положено начало нелегальной рабочей кассе «самопомощи» или «противодействия» для помощи репрессированным и безработным. В это именно время довольно явственно обнаружилась неудовлетворённость части группы заводских рабочих тактикой народнической интеллигенции, находившейся накануне широкого движения «в народ». Но рабочие тогда не были в состоянии форму-

лировать какую-либо отдельную платформу. Массовые аресты, связанные с разгромом организации чайковцев в марте 1874 г., коснулись большинства членов заводских кружков в Петербурге (как и членов кружков, сформированных чайковцами среди текстильных рабочих, ещё гораздо более зависимых в своих настроениях от народнических руководителей). Таким образом, намечавшаяся в Петербурге тенденция к созданию рабочей организации не получила тогда своего немедленного осуществления.

Честь основания первой более оформленной рабочей организации принадлежит одесским рабочим, образовавшим в 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих».

«Южнороссийский союз рабочих». Группу рабочих, создавших «Южнороссийский союз», возглавлял пропагандист-интеллигент, бывший студент Е. О. Заславский, работавший с 1872—1873 гг. в рабочих кружках Одессы. Ядро «Южнороссийского союза» состояло из 50—60 человек, почти сплошь рабочих. Они разделялись на несколько (6—7 или более) кружков по отдельным предприятиям или профессиональным группам. Вокруг этого ядра собиралось уже до 150—200 (по некоторым сведениям, даже до 300) человек, сочувствовавших деятельности Союза и пользовавшихся распространяемой им литературой. Союз выработал свой устав, содержавший и краткие основы программы и организационный устав в собственном смысле слова. Составители устава «Южнороссийского союза рабочих» уже знали устав «Международного товарищества рабочих» (I Интернационал).

Устав «Южнороссийского союза рабочих» исходил из основного тезиса, что существующий строй не соответствует «истинным требованиям справедливости» и что рабочие могут добиться признания своих прав только путём насильственного переворота, призванного уничтожить «всякие привилегии и преимущества» и сделать труд «основою личного и общественного благосостояния». Допуская возможность переворота только «при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении», устав определял задачи «Южнороссийского союза рабочих» в следующих трёх пунктах: 1) «пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнёта капитала и привилегированных классов»; 2) «объединение рабочих Южно-Российского края»; 3) «будущая борьба с установившимся экономическим и политическим порядком». При Союзе, по уставу, состояла касса, суммы которой предназначались в первое время «для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею».

В уставе не говорилось об особом положении пролетариата как класса в общей массе трудящихся. Это положение и

вытекающая из него особая историческая миссия пролетариата не были ещё отчётливо осознаны деятелями «Южнороссийского союза». Вопрос о значении политической свободы и демократических форм государственного устройства для успешной борьбы рабочих за освобождение от экономического и политического гнёта «капитала и привилегированных классов» ещё не был так ясно и прямо поставлен в уставе, как в появившейся через несколько лет гораздо более зрелой программе «Северного союза русских рабочих» (см. ниже).

Практическая деятельность Союза, насколько позволяют судить имеющиеся о нём скудные данные, заключалась главным образом в образовании и объединении рабочих кружков, в устройстве совещаний выборных от кружков, а также довольно частых общих сходок, где обсуждались дела Союза и велась пропаганда и агитация в духе поставленных им задач. В распоряжении Союза имелась революционная литература, доставлявшаяся из-за границы (периодические органы «Вперёд» Лаврова, «Работник», ряд брошюр из числа обычно тогда распространявшихся пропагандистами-народниками). Главный из руководителей Союза Заславский сочувствовал преимущественно, если не исключительно, пропагандистскому направлению работы. Среди членов Союза были, однако, сторонники другой тактики, не чуждые даже склонности к «бунтарству» и безуспешно настаивавшие на сближении с бунтарскими элементами местной народнической интеллигенции. На этой почве от Союза отошла небольшая группа его участников (в начале осени 1875 г.).

Отдельные факты прямо или косвенно свидетельствуют о готовности организаторов Союза вызвать рабочих на протесты в связи с произвольными действиями заводского начальства (в 1875 г. на заводах Бланшарда и Беллино-Фендериха, где были кружки Союза).

«Южнороссийский союз рабочих», успевший уже кроме Одессы приступить к организации передовых рабочих в Ростове-на-Дону, был разгромлен властями в конце 1875 г. Пятнадцать его участников (Заславский, Сквери, Кравченко, Рыбицкий, Наддачин и др.) в 1877 г. предстали перед судом особого присутствия Сената. Некоторые из них, в том числе Заславский, были приговорены к каторге. Через год после суда Заславский умер в петербургской тюрьме.

Несмотря на неизбежно ограниченный размах работы и некоторые слабые стороны в сфере как идейной, так и организационной, «Южнороссийский союз рабочих» занял почётное место в истории рабочего движения России. Это была первая сравнительно оформленная рабочая организация, определившая в своём уставе-программе свои задачи и устройство, пропаган-

дировавшая объединение рабочих во имя освобождения их от угнетения, создавшая в среде пролетариев одного из крупнейших промышленных и культурных центров страны прочную революционную традицию. Деятельность «Южнороссийского союза рабочих» знаменовала фактически некоторый отход от преобладающей практики и идеологии народничества.

Рабочие в политических процессах 1870-х годов. Речь Петра Алексеева. Царское правительство по-своему оценило значение «Южнороссийского союза рабочих», пытаясь полностью замолчать судебный процесс его участников, в котором почти все подсудимые были рабочими. Процесс доказывал, что наиболее передовые элементы рабочих России уже начали сплачиваться для революционной борьбы. Об этом уже свидетельствовало значительное место, которое занимали рабочие во всех возникавших в 70-х годах крупных политических процессах. Очень показательным в этом смысле явился известный процесс «50-ти», слушавшийся в Сенате в 1877 г. (незадолго до процесса «Южнороссийского союза рабочих»). На процессе «50-ти» прозвучала смелая речь рабочего-ткача Петра Алексеева, который с 1873 г. принимал участие в революционной работе сначала в кружках петербургских рабочих, связанных с чайковцами, а затем в организации так называемых «москвичей» (см. главу XXIV). На суде Алексеев в ярких и сильных словах обрисовал бесправное и бедственное положение народных масс, заклеймил преступную политику царской власти и выразил уверенность, что «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах». Впоследствии, цитируя эти слова в программной статье № 1 «Искры», Ленин охарактеризовал их как «великое пророчество русского рабочего-революционера» [1].

«Казанская демонстрация» 6 декабря 1876 г. Ко второй половине 70-х годов кружки передовых рабочих играли уже настолько заметную роль в революционном движении, что смогли взять на себя инициативу в открытом выступлении — «Казанской демонстрации» (т. е. демонстрации на площади Казанского собора в Петербурге) 6 декабря 1876 г. Демонстрация не была чисто рабочей по составу: среди демонстрантов численно преобладало студенчество. Однако именно присутствие на демонстрации рабочих и роль, сыгранная ими в самой её организации, придали ей особое значение. В тогдашней рукописной брошюре «По поводу собрания народной партии 6 декабря 1876 г.» говорилось о том, что «событие 6 декабря является

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 346.

результатом расширившейся пропаганды русских социалистов», результатом проникновения «известных идей и стремлений» в сферу городских рабочих.

Оратором на Казанской демонстрации выступил 20-летний студент-горняк Г. В. Плеханов. Он был активным членом сформировавшегося как раз в то время тайного общества «Земля и воля», которое было тесно связано с рабочими кружками Петербурга и подхватило мысль о публичном антиправительственном выступлении, вполне отвечавшую революционным настроениям значительной массы интеллигентной молодёжи (весной того же года уже имела место студенческая демонстрация, связанная с похоронами Чернышёва, одного из привлечённых по «делу 193-х», умершего от нажитой в тюрьме чахотки).

Плеханов заявил в своей речи о солидарности собравшихся с лучшими сынами русского народа, которые принесли себя в жертву делу народного освобождения, и о готовности с неослабевающей энергией продолжать начатую борьбу. С любовью и благодарностью было при этом названо имя великого борца за народное дело Н. Г. Чернышевского. После речи Плеханова юноша-рабочий Яков Потапов поднял над толпой красное знамя с надписью «Земля и воля». Демонстранты были смяты, избиты и разогнаны полицейскими и дворниками; многие из участников демонстрации поплатились тюрьмой, ссылкой и каторгой.

Рабочие кружки, взявшие на себя первый почин в деле устройства Казанской демонстрации, были преемственно связаны с той группой заводских рабочих, которая начала складываться в 1873—1874 гг. Повидимому, уже в период Казанской демонстрации руководители рабочих кружков серьёзно обсуждали вопрос об образовании крепкой самостоятельной рабочей организации. В одном письме того времени, сохранившемся в эмигрантских архивах, прямо указывалось, что рабочие, не чувствуя себя независимыми и равноправными в рядах революционной организации, зимой 1876/77 г. образовали между собой «что-то вроде федерации с выборными и центральным советом, совсем независимо от интеллигенции». Шла подготовка к созданию организации, которая открыто выступила через два года под названием «Северного союза русских рабочих». Но платформа организации не была выработана, да и с организационной стороны дело тогда не могло быть доведено до конца: весной 1877 г. рабочие кружки Петербурга потерпели серьёзнейший урон в результате полицейской провокации. Подъём стачечного движения в конце 70-х годов ускорил оформление петербургской рабочей организации и помог ей стать на ноги.

Петербургские стачки 1878—1879 гг. Между тем положение в стране становилось всё более напряжённым. Близилась революционная ситуация 1879—1880 гг. В конце февраля 1878 г. из-за резкого снижения заработной платы и разных притеснений возникла стачка на Новой бумагопрядильне в Петербурге. Стачка продолжалась с перерывом до 20 марта и протекала в значительной мере под руководством «Земли и воли». Из среды рабочих выделился тогда Пётр Анисимов (Моисеенко), впоследствии руководитель исторической Морозовской стачки. В ходе стачки рабочим пришлось, как обычно, столкнуться не только с хозяевами, но и с властями. Забастовка была подавлена насильническими мерами властей. В последние дни стачки большая толпа рабочих Новой бумагопрядильни явилась к Аничкову дворцу, где жил тогдашний наследник престола, будущий царь Александр III, и подала ему жалобу на хозяев. Текст жалобы был написан землевольцами по просьбе рабочих; она заканчивалась угрозой: «Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас, и мы должны положиться на себя и на свои руки». Прошло меньше года, и в начале слагавшейся в стране революционной ситуации рабочие той же фабрики поднялись снова, когда администрация фабрики объявила о расчёте 44 рабочих—«неблагонадёжных» и «бунтовщиков». Начавшись на Новой бумагопрядильне 15 января 1879 г., стачка распространилась на расположенную неподалёку фабрику Шау. Рабочими были предъявлены требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, уничтожении штрафов за поломку инструментов во время работы и т. д. Полиция действовала на этот раз ещё более нагло. Подавление забастовки сопровождалось зверским избиением рабочих, направлявшихся заявить протест против арестов, ночными облавами в рабочих квартирах и многочисленными высылками.

В проведении стачки 1879 г. участвовали и землевольцы, и лавристы, и окончательно сформировавшийся незадолго до стачки «Северный союз русских рабочих», с которым был связан в частности П. Моисеенко, снова показавший себя деятельным и смелым агитатором и организатором.

«Северный союз русских рабочих». Первая забастовка рабочих Новой бумагопрядильни в начале 1878 г., волнения и стачки на фортепианной фабрике Беккера в августе, на табачных фабриках Мичри и Шапшал в сентябре, на Екатерингофской мануфактуре Кенига в ноябре и декабре того же года — всё это, вливаясь в общую картину складывавшейся в стране революционной ситуации, создавало обстановку, благоприятствовавшую оформлению «Северного союза русских рабочих».

Требования, выдвигавшиеся в борьбе, опыт, накоплявшийся в связи с ней в массе рабочих, оказали огромное влияние на формирование идеологии вновь основанной рабочей организации. Нужно вместе с тем подчеркнуть и воздействие опыта западноевропейского рабочего движения, которое в тот период всё шире и глубже проникалось идеями научного социализма — идеями Маркса и Энгельса. Передовые петербургские рабочие, как уже говорилось, могли познакомиться с этим движением из лекций и бесед пропагандистов-интеллигентов (начиная с некоторых чайковцев и кончая лавристами второй половины 70-х годов), сообщавших им материал из истории борьбы европейского пролетариата, а также из революционной печати и из рассказов и впечатлений отдельных рабочих, побывавших за границей. В этом отношении особо значительную роль сыграл слесарь Виктор Обнорский, один из старейших участников петербургских рабочих кружков, трижды ездивший за границу, где он провёл в общей сложности несколько лет и довольно близко мог наблюдать деятельность иностранных рабочих партий. Виктор Обнорский был одним из основателей и руководителей «Северного союза русских рабочих». Другим виднейшим деятелем Союза был молодой рабочий-столяр Степан Халтурин, энергичный и бесстрашный революционный боец, обладавший превосходными данными политического руководителя и пользовавшийся исключительным авторитетом среди товарищей. В своей знаменитой книге «Что делать?» В. И. Ленин говорит о кружке «корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова»[1].

«Северный союз русских рабочих» открыто объявил о своём существовании в январе 1879 г., когда в нелегальной типографии землевольцев была напечатана его программа, утверждённая на собраниях членов организации 23 и 30 декабря 1878 г.

Нельзя сказать, чтобы «Северный союз» сумел полностью освободиться от влияния народнической идеологии. Отголоски идейной зависимости от народничества отчётливо сказались, например, в формулировке программой Союза конечных целей движения. Идеалами Союза являлись: «Учреждение свободной народной федерации общин... с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права», «уничтожение земельной собственности и замена её общинным землевладением», «правильная ассоциационная организация труда, предоставляющая в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства».

Однако, вопреки анархо-бакунистским догматам право-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 416.

верного народничества, программа Союза решительно признавала важность политической свободы для рабочих, требовала свободы слова, печати, собраний и передвижения, уничтожения сословных прав и преимуществ, обязательного бесплатного обучения и пр. В ней было выставлено также требование ограничения рабочего времени и запрещения детского труда.

В программе подчёркивалось исключительное значение рабочих — «рабочего сословия», как выражалась она в духе времени, — во всей общественной жизни. «Знайте, — говорилось в программе, — что в вас заключается вся сила и всё значение страны... Вы смутно сознаёте это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие — организаторы «Северного союза», даём вам эту руководящую идею, даём вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даём вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы». Правда, и в этой, заключительной части программы, посвящённой выяснению роли «рабочего сословия», звучали чуждые пролетариату нотки утопического христианского «социализма», — тут были ссылки на Христа и призыв воскресить его «великое учение» о братстве и равенстве. Но все слабые стороны не меняют высокой общей оценки выступления «Северного союза русских рабочих».

Рабочее движение стало довольно определённо отделять себя от анархического аполитизма, протестовало фактами, делом против игнорирования народниками самостоятельной классовой роли пролетариата и поворачивалось лицом к общему движению, к общей борьбе пролетариата всех стран. Недаром в программе Союза содержалось прямое указание на то, что по своим задачам он тесно примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада.

Плеханов отмечал потом в своих воспоминаниях, имея в виду «Северный союз русских рабочих», что в 70-х годах «требование политической свободы явилось *в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции»,* и что «к началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову».

Очень существенна полемика Союза с «Землёй и волей» в отношении программы Союза. «Земля и воля» в специальной статье одного из своих редакторов, Дм. Клеменца, приветствуя в «Северном союзе русских рабочих» «первый опыт самостоятельной социалистической организации русских рабочих» и с одобрением отзываясь о тех положениях его программы, которые «Земля и воля» считала отвечающими её собственным воззрениям, в то же время упрекала авторов программы в непоследовательности за наличие в ней параграфов,

которые «прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов». В особенности недоволен был редактор «Земли и воли» тем, что «вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много времени и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле». В своём ответе, напечатанном также в «Земле и воле», руководители «Северного союза» дали блестящий отпор народнической критике. Они проводили резкую грань между пробудившимися к сознательной общественной жизни пролетариями и какими-нибудь «Сысойками», обитателями решётниковской Подлипной, которые «дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают». Рабочие с гордостью подчёркивали, что они уже вышли из условий этой жизни. Им нечего есть, негде жить — они требуют себе пищи и жилья; их ничему не учат, кроме ругательств и «подпалочного подчинения», — они требуют «изменения этой первобытной системы воспитания». Но они знают, что требования эти так и останутся требованиями, пока их «державные» и другие хозяева всецело распоряжаются их «животами». «И вот, — говорилось в ответе, — мы сплачиваемся, организуемся, берём близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить своё мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы...»

С другой стороны, руководители «Северного союза» принимали сделанный им критиками из «Земли и воли» упрёк в недостаточном внимании их программы к аграрному вопросу и соглашались внести к ней в этом отношении ряд дополнений. «Забывать деревню, — писали они в своём ответе,— не есть дело нашего ума и чувства. Для нас столько же дорог мужичок с его родными лесами, как и фабричный, а улучшение быта первого даже важнее, потому что тогда ни один кулак не вызвал бы нас с своих полей служить своему ненасытному брюху».

Ответ рабочих землевольцам содержал некоторые фактические данные о работе Союза. В начале 1879 г., согласно этому источнику, Союз насчитывал в Петербурге около 200 членов да ещё столько же примыкающих к нему, которые «не сегодня, так завтра» должны были сделаться его членами.

Большинство членов Союза, как вспоминает Плеханов, принадлежало к числу «заводских». В каждом крупном рабочем районе Петербурга были особые кружки, составлявшие

местную ветвь Союза, со своей кассой и конспиративной квартирой, со своим небольшим местным комитетом, члены которого были одновременно членами центрального кружка; в ведении последнего находились общие дела Союза, его касса и библиотека. Союз вёл организационную, пропагандистскую и агитационную работу, участвовал в стачечном движении, издавал листки через землевольческую типографию, налаживал работу в Москве. Члены Союза мечтали о постепенном его превращении во всероссийскую рабочую организацию.

Однако террористическая деятельность народнической интеллигенции, принявшая с 1879 г. особенно широкие размеры, и жандармская провокация, успехи которой в немалой степени были связаны с тем же террором, систематически подрывали работу Союза. Как уже указывалось, к концу 1879 г. «Народная воля» увлекла на путь террора одного из вождей «Северного союза», Степана Халтурина (Виктор Обнорский был арестован ещё в начале того же года).

Последним значительным актом деятельности Союза было устройство им собственной нелегальной типографии в начале 1880 г. В ней был отпечатан единственный номер органа Союза — небольшой листок «Рабочая заря». Вскоре типография была закрыта и связанные с ней работники Союза арестованы (в марте 1880 г.).

При всём его выдающемся значении «Северный союз», как и другие организации русских рабочих 70-х годов, ещё не был и, конечно, не мог быть действительно широким, массовым объединением. Ленин указывал (в 1912 г.), что 70-е годы затронули только верхушку рабочего класса, а «масса еще спала». Не был ещё «Северный союз», как это видно из предшествующего изложения, и марксистской организацией. «В общем потоке народничества, — пишет Ленин, — пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма... и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией...» [1]

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Сочинения. Изд. 4. Т. 2. С. 77—104. — *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. — *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии. Сочинения. Изд. 4. Т. 4. С. 260—261. — *Ленин В. И.* Что

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.

делать? Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С 346—347. — *Ленин В И.* Прежде и теперь. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 276—277. — *Сталин И. В.* Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи. Сочинения. Т. I. С. 11—31. — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. 1945. Гл. 1.

II. Документальные материалы. Пособия. *Флеровский Н. (Берви В. В.).* Положение рабочего класса в России. М. 1938. XXIV, 464 с.—*Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. I. М. — Пгр. 1923. С. 36—55. («Корреспонденции о стачечном движении»), т III. М. — Пгр. 1923 («Русский рабочий в революционном движении» Воспоминания С. 121—213 Приложения: «Корреспонденции о стачечном движении». С. 421—428). — Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. II—III. Ростов н/Д. [Б. г.]. — Революционная журналистика семидесятых годов. Второе приложение к сборникам «Государственные преступления в России», изд под ред Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов н/Д. [Б. г.]. 312 с. — К истории рабочего класса в России (1835—1869 гг.). «Красный архив». 1922. Т. 2, с. 176—199. — *Герасимов В.* Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Записки рабочего-социалиста М 1923. 43 с. —*Моисеенко П. А.* Воспоминания П. А. Моисеенко. 1873—1923. М. 1924. 214 с —Южно-Российский союз рабочих. Сборник статей и материалов. Под ред. Н. М. Осиповича. [Николаев]. 1924. 178 с.— К русским рабочим (Программа «Северного союза русских рабочих». 1878 г). Устав «Южно-Российского союза рабочих». 1875 г. В кн: *Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 3. Т. II, С. 609—611, 620—621. — *Ярославский Е.* Экономика и рабочее движение пореформенной России. [М.] Госполитиздат. 1940. 40 с. — *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование. Т. I—II. Спб. 1898.— *Гессен Ю.* История горнорабочих СССР. Т. II. М. 1929. XXI, 294 с. — *Нечкина М.* Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. «История пролетариата СССР». 1930. № 1. С. 90—118.—*Левин Ш. М.* Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х гг. «Каторга и ссылка». 1929. № 12 (61). С. 7—27. — *Майнов И. И.* Пётр Алексеевич Алексеев. 1849—1891. М 1921. 48 с. — *Рашин А. Г.* Формирование промышленного пролетариата в России. Стат.-экон. очерки. М. 1940. 464 с.

Глава XXVI

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг.

Россия и славянские народы после Крымской войны. Парижский трактат 1856 г., завершивший Крымскую войну, побудил Порту издать указ о «правах» христиан, проживавших в её границах, но в действительности указ не получил применения. Болгары, сербы, греки оставались под тяжёлым игом турецкой власти.

Представители болгарской колонии в России уже в 1856 г. возбудили вопрос о необходимости сохранения связей России с Балканским полуостровом и предлагали создать для помощи южным славянам специальное частное общество. Мысль эта нашла отклик и в общественных и в правительственных сферах, и по инициативе московских славянофилов в 1858 г. возник Московский славянский благотворительный комитет. Он ставил своей задачей снабжать славянские школы и библиотеки книгами, а церкви — книгами и утварью, помогать школам и литературным организациям, а также оказывать помощь славянам, приезжавшим учиться в Москву.

Царское правительство надеялось, что Славянский комитет станет удобным орудием для проведения его политики на Балканах, и с этой целью установило, чтобы внешние сношения с южнославянскими странами Комитет осуществлял при посредстве Азиатского департамента министерства иностранных дел, который в числе прочих своих функций заведывал сношениями с Ближним Востоком.

В то же время получило более прочную организацию возникшее во время Крымской войны для помощи задунайской Болгарии Одесское болгарское настоятельство, через которое главным образом вёл сношения с Болгарией и Славянский комитет. Независимо от помощи, оказываемой этими частными обществами, правительство предоставляло славянам стипендии в русских средних и высших учебных заведениях. В средние учебные заведения принимали не только юношей, но и девушек; специальная школа для славянских девиц была устроена в Москве. В числе учащихся в России имелись и стипендиаты сербского правительства.

Таким образом несколько сотен молодых людей южнославянских стран получили в России образование, и Сербия, Черногория, Болгария приобрели подготовленных учителей, врачей, техников, художников и др. Из среды русских воспитанников вышли болгарский писатель и публицист Любен Каравелов, выдающийся македонский национальный деятель и собиратель фольклора Миладинов, знаменитый болгарский революционер и поэт Христо Ботев, известный сербский публицист и революционер Светозар Маркович и ряд других.

Славяне, особенно южные, привлекали значительное внимание русского общества и русской публицистики. Славянофилы, выдвинувшие в период Крымской войны реакционную программу панславистской политики, стремились и после неудачи этой войны «освободить из-под материального и духовного гнёта народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сенью могущественных крыл русского орла» (*И. С. Аксаков*). В своих изданиях «День» и «Москва» И. Аксаков пропагандировал мысль, что политическое объединение славян вокруг России может произойти лишь в результате предварительного духовного объединения, самой верной основой которого является религиозное объединение на почве православия. Эта же мысль лежала в основе коллективного послания славянофилов сербам, написанного в 1860 г. по поводу вторичного вступления на княжеский престол Милоша Обреновича. В послании рекомендовалось положить в основу государственной жизни Сербии славянофильские принципы, признавать полноправными гражданами, имеющими право занимать государственные должности, только православных.

Взгляды славянофилов вызвали негодование и отпор как со стороны сербов, так и со стороны русских революционных демократов. Первые указывали на непонимание славянофилами истинных сербских нужд и сербской жизни, к которой их советы были неприменимы. Н. Г. Чернышевский отмечал невежественную бестактность славянофилов, обратившихся с «дикими пошлостями» к сербам, и спрашивал: «Какое право имеют они срамить нас перед нашими славянскими братьями, выдавая себя перед ними за представителей русского народа?» Славянофилы, разумеется, мнения русского народа не выражали.

Реакционные панславистские взгляды излагал в «Московских ведомостях» М. Н. Катков, который, видя обострение национальной борьбы народов России (украинцев, поляков), стремился к их обрусению и к слиянию других славянских народов с русским, средством для чего должно было служить признание русского языка общеславянским, что являлось, по

мнению Каткова, условием политического объединения. И славянофильский и катковский панславизм представлял собой разновидность реакционного «великодержавного панславизма» *(Сталин)*, который не встречал сочувствия у славян.

Революционные демократы вели против панславизма последовательную и непримиримую борьбу. Журнал «Современник» разоблачал захватнические стремления панславистов, их шовинизм и руссификаторство. Чернышевский находил, что царская самодержавная Россия не в состоянии по-настоящему помочь южным славянам, и её непосредственное вмешательство полагал излишним. В то же время он считал, что южные славяне, как и другие народы, имеют право на полную независимость и свободу, за которую они способны самостоятельно бороться и без помощи реакционного царизма. Чернышевский горячо сочувствовал их борьбе за освобождение. Реакционным идеям панславизма, как и ранее, противостояла передовая идеология славянской демократической солидарности.

Балканская политика России 1860-х годов. Балканский союз. Славянский съезд 1867 г. Тем временем в Болгарии продолжалось дальнейшее развитие национального движения. В этой связи всё усиливалась национальная борьба против греческого духовенства, отрицавшего право болгар на самостоятельное национальное бытие, державшего в своих руках болгарскую церковь, изгонявшего славянский язык из употребления в церковной службе, препятствовавшего проникновению болгар на высшие церковные посты. Греческое духовенство стремилось эллинизировать болгар, которые требовали признания национальной болгарской церкви, права болгар избирать высшее духовенство из своей среды и т. д. Русское правительство старалось помочь болгарам, но оно опасалось разрыва болгар с греками, так как это осложнило бы церковное положение болгар, сделав их раскольниками, и ослабило бы единство балканских народов, нужное царизму для борьбы с Турцией. Однако старания русской дипломатии не увенчались успехом: в 1860 г. между болгарами и греками произошёл церковный разрыв. Хотя русской дипломатии и удалось к концу 60-х годов подготовить компромиссное решение вопроса, Турция, понимая значение церковного единства для русской политики, в 1870 г. признала автокефалию болгарского экзархата, и русская политика примирения потерпела неудачу.

Ослабевало русское политическое влияние и на греческое королевство; одновременно тут усиливались позиции старой хищницы — буржуазной Англии. Политика последней на Ближнем Востоке носила не только антирусский, но и ярко выраженный антиславянский характер. Англия предавала

также интересы греческого народа, лицемерно прикрываясь демагогическими фразами: в 1862 г. был свергнут греческий король из немецких принцев Оттон и при поддержке англичан королём был избран Георг Датский (1863 г.), что означало усиление влияния буржуазной Англии в Греции. Англия предала греческое население Крита, выдав его на поток и разграбление султанской Турции; в 1866 г. на Крите вспыхнуло восстание. Россия пришла на помощь грекам, и русские суда перевозили семьи восставших с острова в Грецию, чтобы спасти их от истребления турками. Русская дипломатия действовала в пользу передачи Крита Греции, но предательская политика Англии, препятствовавшей этому и тем поддерживавшей Турцию, позволила туркам подавить восстание, залив его кровью восставшего населения.

Невыгодно для России сложилась обстановка и в Румынии, где в 1866 г. произошёл переворот: был свергнут князь Куза и провозглашён князем принц Карл из династии Гогенцоллернов, чью кандидатуру поддержали Бисмарк и Наполеон III. В то же время в Румынии усиливалось австрийское влияние. Между тем Румыния была важна для царского правительства как плацдарм при попытке решения восточного вопроса.

Вместе с тем укреплялись связи России с Сербией. Сербский князь Михаил Обренович стал готовиться к выступлению против турок с самого начала 60-х годов — готовил сербское войско, вёл переговоры с соседними народами. Но на территории Сербии в крепостях были расположены турецкие гарнизоны, и это могло помешать благоприятному исходу подготовлявшейся освободительной войны. Подготовка сербов к войне не укрылась от внимания турок, — последние сосредоточили войска на сербской границе. Летом 1862 г. в ответ на небольшое уличное столкновение сербов с турками в Белграде турецкий гарнизон Белградской крепости обстрелял незащищённый город из пушек. Этот возмутительный инцидент стал предметом обсуждения специальной международной конференции, на которой сербы потребовали вывода турецких гарнизонов из страны. Россия поддерживала сербов, но Англия и Австрия опять показали себя врагами славянства и высказались против вывода турецких войск; эти две державы всегда придерживались антирусской и антиславянской политики. России удалось добиться очищения только двух из шести крепостей.

Ослабление внешнеполитического престижа Австрии после австро-прусской войны, восстания в ряде местностей Турции, переворот в Румынии, в результате которого ослаблялась зависимость Румынии от Турции, — всё это усиливало стремления южных славян к свержению турецкого ига.

Рост капиталистических отношений в Сербии и Болгарии усиливал национально-освободительное движение в этих странах.

Сербское княжество создало в 1866—1868 гг. союз, куда кроме Сербии вошли Черногория, Греция, Болгария; примкнула к нему и Румыния. Союз замышлял одновременное выступление балканских народов против Турции. Россия поддерживала инициативу Сербии и содействовала возникновению союза. К этому времени отчётливо проявились стремления Австрии захватить Боснию и Герцеговину и занять руководящее положение на Балканском полуострове. Россия не могла непосредственно противодействовать австрийским стремлениям. Интересы Балканского союза и России совпадали. Русское правительство оказывало не только дипломатическую поддержку союзу, но продавало Сербии оружие и консультировало её по вопросам военной подготовки.

Однако, как установила специальная русская военная комиссия, Сербия не была подготовлена к войне, а военный министр Блазнавац, бывший сторонником проавстрийской ориентации внешней политики Сербии, не принимал необходимых мер для успеха этой подготовки.

Выступление Балканского союза всё оттягивалось, а в мае 1868 г. князь Михаил был убит, повидимому, в результате турецких происков. Смерть князя Михаила существенно изменила обстановку, так как провозглашённый князем Милан был несовершеннолетним и главную роль в Сербии стал играть Блазнавац. Новое сербское правительство сблизилось с Австрией, а Балканский союз вскоре после убийства князя Михаила распался.

В пору подготовки Балканского союза к выступлению против Турции в Москве был организован славянский съезд, приуроченный к открытию Этнографической выставки. На съезд прибыло 80 участников-славян — сербов, чехов, хорватов, словенцев, словаков, сербов-лужичан, черногорцев, болгар, кашубов (поляки не приняли участия в съезде, тем самым демонстрируя своё отрицательное отношение к русскому самодержавию, подавившему восстание 1863 г.). В числе славян, участников съезда, были выдающиеся политические деятели, учёные, литераторы. Съезду покровительствовало русское правительство, видя в нём способ выражения сочувствия австрийским славянам, ведшим борьбу за национальную автономию и попадавшим под удар австрийского правительства. Последнее понимало, что съезд является демонстрацией против его политики, и выразило свой протест, но русское правительство отказалось препятствовать приезду славян в Москву. На съезде обсуждались вопросы об установлении общеславян-

ского языка, о примирении поляков с русскими, о решении восточного вопроса и об освободительной роли России на Балканах.

Стремления и интересы участников съезда были различны. Программа «великодержавного панславизма» была отвергнута славянами. Австрийские славяне (чехи, хорваты, сербы), заинтересованные в возможности опереться на Россию в борьбе с Австрией, не желали подчиняться царской России в какой бы то ни было форме. Сербы из княжества, черногорцы, болгары интересовались позицией России в связи с предстоящим восстанием против Турции. Славяне искали свободы и политической независимости, а русские панслависты стремились утвердить свою гегемонию в славянской среде.

Хотя съезд и не достиг результатов, к каким стремились участники московской встречи, но всё же он имел большое значение для укрепления взаимных связей славян друг с другом, для распространения русского языка и литературы, ознакомления русской среды с положением славян.

Неудача реакционных замыслов русских панславистов заставила их заняться разработкой панславистской «теории». После съезда наблюдается ряд попыток изложения и новой аргументации этого учения. Самым крупным фактом этого рода было появление в 1869 г. реакционной книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где «доказывалось», что основное содержание исторического процесса есть последовательная смена самобытных цивилизаций или «культурно-исторических типов», выражаемых в исторической деятельности отдельных народов. Высшим «культурно-историческим типом» Данилевский считал славянский, который окончательно разовьётся после объединения всех славян с Россией, на основе федерации, в которой царская Россия займёт положение гегемона.

В связи с реакционными стремлениями панславистов славянский съезд вызвал отрицательное отношение в среде русских революционеров. Радикальный журнал «Искра» высмеивал неудачу панславистов; Герцен выражал сочувствие славянам и их освободительным стремлениям, но предупреждал против «москворецкого красноречия и невских посулов», т. е. против попыток панславистов и правительства использовать славян в своих целях. Русские революционные и демократические группы признавали за славянами право на самостоятельное политическое и культурное развитие, что отрицали — частью прямо, частью скрытно — реакционные теории панславистов.

Панславистские учения выражали внешнеполитические устремления дворянства, стремившегося к экстенсивному расширению капитализма в колониях и сохранению крепостниче-

ских пережитков в деревне. Это, тормозя «развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории» [1], позволяло бы дворянству сохранять свои экономические позиции и своё политическое значение.

Восстание в Боснии и Герцеговине. Подготовка русско-турецкой войны. В середине 70-х годов царское правительство стало готовиться к новому выступлению на Ближнем Востоке. Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве приводил к росту русского хлебного вывоза. Быстрое экономическое развитие юга России и проведение железных дорог повышали удельный вес русской черноморской торговли и толкали правительство к форсированию активной политики на Ближнем Востоке. В середине 70-х годов правительством был взят решительный курс на реакцию и на ослабление буржуазных реформ. В стране усилилось недовольство. Стремясь отвлечь внимание народа от внутренней политики, царское правительство стало решительнее готовиться к выступлению на Балканах. Обстоятельства этому благоприятствовали. Деспотическая власть султанов привела Турцию к полному экономическому разорению, закабалению иностранным капиталом и финансовому банкротству. Решительно подавлялось движение турецкой национальной буржуазии и либеральных помещиков за ограничение власти султана, за конституцию, которая должна была вывести Турцию на путь буржуазного развития. Система национального гнёта и беспощадной эксплоатации христианских подданных султана, составлявших громадное большинство населения Европейской Турции, вызывавшая раньше только стихийные крестьянские восстания против мусульманских помещиков и властей, побудила сербов Боснии и Герцеговины, а также болгар перейти к подготовке организованной национальной борьбы.

В 1869 г. в Бухаресте Любен Каравелов и Василий Левский создали Тайный революционный комитет для подготовки всеобщего восстания болгар против турецкого владычества. В 1874 г. он был реорганизован, и во главе его стали Христо Ботев и Стефан Стамбулов. Оба они учились в России, где близко познакомились с революционной литературой и с организациями русских революционеров. Стамбулов являлся участником подпольного кружка русской молодёжи в Одессе. Кружок был раскрыт полицией, русские участники сосланы в Сибирь, Стамбулов изгнан из России. В начале 70-х годов организации, похожие на болгарские комитеты, были созданы в Сараеве, Мостаре и других городах Боснии и Герцеговины и

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522, примечание.

находились в связи с Сербией и Черногорией, готовыми принять участие в борьбе против Турции.

Вокруг турецкого вопроса усиливалась борьба великих европейских держав. Австро-Венгрия, стремившаяся к захвату Боснии и Герцеговины, опасалась русского влияния на Балканах и распространения национально-освободительного движения балканских славян на их соплеменников, угнетаемых ею. Германия толкала одновременно Россию и Австрию на Ближний Восток; австро-русские противоречия должны были дать Германии возможность распоряжаться в Европе. Английский капитал являлся господствующим на турецких рынках. Англия боялась продвижения России к проливам.

Летом 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло аграрное движение, поводом к которому были притеснения со стороны сборщиков податей. Движение носило антифеодальный и противотурецкий характер. Повстанцы требовали изменения податной системы, свободы вероисповедания, прекращения чиновничьего произвола, отмены феодальных повинностей. Восстание вызывало сочувствие в Сербии и Черногории, стремившихся к национальному объединению сербского народа.

Австро-Венгрия рассматривала восстание как внутреннее дело Турции. Царское правительство хотя и считало необходимым помочь восставшим славянам, но не хотело вступать в серьёзный конфликт с Австро-Венгрией. В августе 1875 г. Горчаков высказал мысль о совместном с Австро-Венгрией вмешательстве в герцеговинский вопрос с тем, чтобы добиться автономии для восставших областей. Австро-Венгрия не хотела образования нового самостоятельного славянского государства на своей границе, но боялась предоставить России свободу действий. В декабре 1875 г. австро-венгерский министр иностранных дел Андраши вручил правительствам, подписавшим Парижский трактат, ноту, содержавшую программу весьма умеренных реформ в Боснии и Герцеговине. Державы поддержали инициативу Андраши, и Турция готова была принять «совет» держав. Но восставшие славяне были возмущены вмешательством, предававшим интересы восставшего народа. «Реформы», предлагаемые Андраши, боязливо обходили важнейший для народа аграрный вопрос, продавали его интересы. Повстанцы заявили, что не сложат оружия до вывода турецких войск.

Горчаков предложил обсудить вопрос на свидании трёх министров, которое состоялось в Берлине в мае 1876 г. Оно совпало с отставкой сторонника России — великого визиря Махмуда Хедим-паши. Отставка свидетельствовала об усилении английского влияния в Турции.

Горчаков приехал в Берлин с планом решения восточного вопроса, основной мыслью которого была автономия славянских областей Турции. Проект Горчакова был неприемлем для Андраши, и он подверг его такой редакционной переработке, после которой проект утратил первоначальный смысл. Принятый тремя державами Берлинский меморандум был одобрен также Францией и Италией, но отклонён Англией, которая хотела сама первенствовать в делах Турции, ни с кем не деля проистекающих отсюда выгод. Англия предпочитала, чтобы Турция подавила восстание балканских славян. Неудача берлинской попытки поощряла Турцию противиться предложениям трёх императоров.

В апреле 1876 г. в Болгарии было поднято болгарскими революционными комитетами восстание, которое турки усмирили с невероятной жестокостью. Готовились к войне с Турцией Сербия и Черногория, заключившие между собой союз. В июне 1876 г. они начали военные действия.

Ещё до начала войны в Сербию уехал русский генерал М. Г. Черняев, ставший во главе основной сербской армии. Издававшаяся им в Петербурге газета «Русский мир» начала агитацию в пользу поддержки славян в их борьбе с турками и поездки добровольцев в Сербию. Эту кампанию поддержали другие газеты. Церковь широко пропагандировала мысль о поддержке христиан. Славянские комитеты стали центрами по сбору пожертвований и отправке добровольцев.

Движение помощи славянам охватило широкие слои русского общества, однако главную массу пожертвований давали трудовые слои населения; многие выражали желание немедленно ехать в Сербию, чтобы помочь ей в её борьбе. Массы русского трудового народа с горячим сочувствием отнеслись к страданиям угнетённого славянства. Однако правящие круги царской России приложили немало усилий, чтобы оттеснить на задний план и ослабить движение поддержки славян, которое их пугало. Движение помощи славянам подменялось частными вопросами военной помощи, в которой руководящую роль играло дворянство. Отбирая добровольцев для посылки в Сербию, славянские комитеты старались посылать лишь офицеров и отставных солдат; русские добровольцы, вливавшиеся в движение, были сравнительно немногочисленны. Плохо обученная и слабо вооружённая сербская армия терпела неудачи.

Царская дипломатия продолжала искать способа разрешить вопрос, не испортив своих отношений с Австро-Венгрией. В июне 1876 г. в Рейхштадте состоялось свидание Александра II и Горчакова с Францем-Иосифом и Андраши. Оно закончилось соглашением (которое не было подписано

в качестве формального договора), содержавшим обязательство действовать по взаимному согласию, если обстановка потребует вмешательства, и настаивать на реорганизации Боснии и Герцеговины на основе ноты Андраши и Берлинского меморандума. Предусматривались изменение границ в случае победы христиан и территориальные компенсации державам—участницам соглашения. Возможность образования большого славянского государства отвергалась. Австро-Венгрия получала право аннексировать часть Боснии и Герцеговины, но в русском и австрийском вариантах эти части были указаны различно. Рейхштадтское соглашение таило в себе источник недоразумений.

В августе 1876 г. после нескольких военных неудач сербов Горчаков пытался понудить Бисмарка выступить с инициативой созыва европейской конференции для выработки условий сербо-турецкого мира. Но, заинтересованный втравить Россию поглубже в балканские дела, Бисмарк отказался. Чтобы загладить неприятное впечатление, он послал в Петербург фельдмаршала Мантейфеля с сообщением, что Пруссия «не забывает» прежних русских услуг. Александр II поставил перед ним вопрос: какую позицию займёт Германия, если Россия не сможет сохранить мир? На этот вопрос фельдмаршал отвечал, что в случае русско-турецкой войны германское правительство будет стараться, чтобы Австрия сохранила мир с Россией, но если всё же столкновение произойдёт, Германия не позволит России разгромить Австро-Венгрию.

Между тем Сербия потерпела поражение и просила державы о посредничестве. В начале сентября было заключено 10-дневное перемирие, но Турция предъявила неприемлемые условия мира. С целью воздействия на Турцию Горчаков предложил Австрии оккупировать Боснию с условием, что Россия оккупирует Болгарию. Это предложение, направленное к мирному окончанию конфликта, было отклонено Андраши. Тем временем Бисмарк усиленно толкал Россию к войне с Турцией, обещая заём. В сентябре 1876 г. Россия начала частичную мобилизацию.

В середине октября Сербии угрожал полный разгром. Лишь угроза России немедленно разорвать дипломатические отношения с Турцией спасла Сербию от оккупации и понудила Турцию заключить длительное перемирие.

Русская дипломатия выдвинула идею европейской конференции; последняя собралась только в декабре. Конференция выработала проект автономного устройства Боснии, Герцеговины, Болгарии, но в день, когда должны были быть объявлены решения конференции, Турция с согласия английского посланника провозгласила конституцию и признала труды конференции излишними, — так как конституция де обеспечи-

вает осуществление реформ. Тем самым Англия срывала результаты деятельности русской дипломатии. Она продолжала свою прежнюю антиславянскую политику поддержки Турции и сохранения турецкого гнёта над балканскими славянами.

Тем временем начались австро-русские переговоры о совместных действиях и был назначен главнокомандующий русской армией.

Переговоры с Австрией завершились только в марте 1877 г.; Австрия выговаривала себе право занять Боснию и Герцеговину и обещала за это соблюдать во время русско-турецкой войны благожелательный по отношению к России нейтралитет. В половине ноября Россия начала переговоры с Румынией о свободном проходе русских войск через румынскую территорию. Конвенция об этом была подписана в апреле 1877 г.

В феврале 1877 г. разгромленная Сербия подписала с Турцией мир; продолжала борьбу одна Черногория. В марте по инициативе Горчакова державы предложили Турции начать демобилизацию и проведение в жизнь реформ. Россия со своей стороны предложила прислать в Петербург турецкого уполномоченного для переговоров об обоюдной демобилизации. Турция ответила отказом. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Русская Дунайская армия развернулась в Румынии, сосредоточив главные силы в окрестностях Бухареста. Её общая численность вместе с нестроевыми составляла 257 тыс. человек. Южнославянское население вместе с русскими войсками вело борьбу против турок. У турок на европейском театре было около 190 тыс. человек, из них 160 тыс. регулярных войск.

После неудач Крымской войны в русской армии был проведён ряд преобразований. Всеобщая воинская повинность, введённая в 1874 г., подняла боеспособность русской армии, однако перевооружение армии отставало от развития западноевропейской техники. Главное командование русской армией было вверено бездарному великому князю Николаю Николаевичу старшему. Но громадные ресурсы живой силы, которыми располагала Россия, и высокие боевые качества русского солдата всё же обеспечили благоприятный для России исход войны.

Турецкое командование выработало план оборонительной войны. 15 (27) июня главные русские силы, сломив сопротивление турок, переправились через Дунай у Систова. В конце июня отряд Гурко прошёл через незащищённый Хаинкиойский перевал, спустился в долину Тунджи, разбил войска Реуфа-паши, занял Шипкинский перевал и двинулся дальше на юг по направлению к Адрианополю. Движение в глубь страны 10-тысячного отряда, не обеспеченного коммуникационной

линией и резервами, было небезопасно: стянув войска, вчетверо превосходившие отряд Гурко, турки вынудили его к поспешному отступлению за Балканы, на север, но перевалы остались в руках русских. Перед отступлением отряд имел крупное сражение у города Стара Загора В нём получили боевое крещение болгарские ополченцы, храбро сражавшиеся против своих исконных врагов. Командир ополчения генерал Столетов назвал это участие «блистательным». Командующий забалканской турецкой армией Сулейман-паша всю силу своих ударов направил на Шипку. Защитники Шипки с невероятными усилиями отбивались от турецких атак и спасли Шипку, что сыграло крупную роль в дальнейшем ходе кампании.

Между тем войска Криденера атаковали Никополь и в июле взяли его. Отсюда был выслан 7-тысячный отряд для занятия небольшого города Плевны, важного узлового центра путей. Разведка у русских была слаба. По данным русского штаба, в Плевне турецких войск не было, в действительности же там успел укрепиться 17-тысячный отряд Османапаши. Наткнувшись на турок, русский отряд отошёл с большими потерями. Главнокомандующий, отправив Криденеру подкрепления, отдал приказ во что бы то ни стало взять Плевну. Осман-паша тем временем укрепил крепость и увеличил гарнизон до 24 тыс. человек. Атака Плевны 30-тысячным русским корпусом, произведённая 18 (30) июля, была снова отбита с большими для русских потерями. Вторая неудача под Плевной произвела переворот в ходе кампании. Было решено перейти к обороне, допустить румынские войска к участию в войне наравне с русскими, затребовать гвардейские части из России. В конце августа русское командование решило в третий раз атаковать Плевну, бросив на это соединённые русские и румынские войска. Сражение началось 30 августа (11 сентября). Атака русских была отбита с потерей 15 тыс. человек. На военном совещании было решено кампанию продолжать, приступить к блокадным операциям против Плевны.

50-тысячный плевненский гарнизон при 96 орудиях был снабжён продовольствием на месяц. Руководивший блокадой Тотлебен постепенно смыкал кольцо обложения. В половине сентября 35-тысячный корпус под командой Гурко снова подошёл к перевалам через Балканский хребет и занял выжидательное положение. На Шипке продолжалось героическое «сидение» русского отряда. 28 ноября (10 декабря) Плевна сдалась. Падением Плевны закончился второй оборонительный период действий русской армии на Балканах.

Соотношение сил складывалось теперь в пользу русских. На военном совете было решено безотлагательно двинуться к Константинополю. Сербская армия, вступившая в связь с

русской, возобновила свои действия против турок. Русская армия под начальством генерала Гурко при 20-градусном морозе начала переход через Балканы. Тысячи местных жителей болгар приходили на помощь русской армии; они помогали расчищать путь, становились проводниками, доставляли лошадей для перевозки орудий. После пятидневного марша русская армия спустилась в Софийскую долину и стала наступать в направлении Филиппополя. 48-тысячный корпус генерала Радецкого начал переход через Балканы у Шипки и спустился в долину Тунджи. Обойдённая с флангов и атакованная с фронта, 28 декабря 1877 г. (9 января 1878 г.) сдалась армия Веселя-паши в составе 21 тыс. человек. В трёхдневном бою под Филиппополем войска генерала Гурко разбили 50-тысячную армию Сулеймана-паши. Сопротивление турецкой армии было сломлено.

7(19) января в русскую главную квартиру прибыли турецкие уполномоченные. 8 (20) января русский авангардный отряд без боя занял Адрианополь. 19 (31) января было заключено перемирие и начались переговоры о мире.

Одновременно происходили военные действия на Кавказском театре войны. Здесь русская действующая армия состояла из 70 тыс человек, турецкая же насчитывала 55 тыс. В начале кампании действия русских сопровождались успехом: турки отступали. В апреле был без боя занят Баязет, 5 мая был взят штурмом Ардаган. В двадцатых числах мая началось обложение Карса, но турецкий главнокомандующий, собрав крупные силы, заставил русских снять осаду. В октябре, получив подкрепления, русские войска разбили турок при Аладже и снова приступили к блокаде Карса. В ночь с 5(17) на 6(18) ноября был произведён штурм, и Карс сдался. Наступление зимы и рост эпидемических заболеваний в войсках помешали русским развить свой успех и продвинуться в направлении к Эрзеруму.

Сан-Стефанский мирный договор. Берлинский конгресс. Тем временем на Балканах основные силы русской армии уже достигли Адрианополя и продолжали медленно продвигаться к Константинополю.

Во время военных действий на Балканском полуострове русской дипломатии приходилось непрерывно вести борьбу с Англией. Как только русские войска перешли Дунай, Англия стала готовить десантные части на Мальте и сосредоточивать свой флот в Безикском заливе. В начале июля, когда стратегическое положение России ещё не было ослаблено плевненскими неудачами, английский министр иностранных дел Дерби напоминал русскому послу в Лондоне, что занятие Константинополя приведёт Россию к войне с Англией. Падение Плевны

вызвало в Лондоне новую тревогу. Султан обратился в этот момент к державам с просьбой о посредничестве. Предложенное Англией «посредничество» было отклонено русским правительством.

Когда австрийское правительство узнало о предстоящих мирных переговорах между Россией и Турцией, оно обещало Англии поддержать её действия против России своей сухопутной армией. Между тем главнокомандующий русской армией начал строить планы занятия Константинополя. Русская главная квартира была перенесена в Адрианополь. 19(31) января турецкие уполномоченные подписали русские условия перемирия. Англия ответила на это посылкой своего средиземноморского флота в Мраморное море. Великий князь Николай Николаевич вступил с султаном в переговоры о пропуске русских войск в Константинополь. Султан дал согласие лишь на занятие русскими войсками предместья Константинополя Сан-Стефано. Положение приближавшейся к столице русской армии было тяжёлым: коммуникационная линия была слабой, поддержки с моря не было, армия не имела тёплой одежды и обуви, возросли эпидемические заболевания. Турки сосредоточили вокруг Константинополя все свои наличные силы. Между тем грозила войной теперь не только Англия, но и Австрия. Перед царской Россией стояла перспектива европейского вмешательства в дело заключения мира с Турцией. Хотя царская дипломатия и заявила, что все вопросы, представляющие общеевропейский интерес, будут окончательно разрешены не иначе, как по соглашению с великими державами, она всё же спешила заключить «предварительное» соглашение с Турцией, чтобы поставить великие державы перед свершившимся фактом. В Сан-Стефано начались русско-турецкие переговоры о мире, и 19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан предварительный мирный договор.

Договор этот совершенно изменял политическую карту Балканского полуострова и приносил ряд важных преимуществ славянским народам, боровшимся за политическую независимость: 1. Вся Болгария и Македония от Дуная до Эгейского моря и от Чёрного моря до Охридского озера превращались в отдельное княжество, хотя и вассальное по отношению к султану, но вполне самостоятельное, со своим правительством и народной милицией. Это было всё же значительным шагом вперёд по сравнению с прежним положением. Турецкие войска выводились из Болгарии, турецкие крепости должны были быть срыты. Русские оставались в Болгарии в течение двух лет. Введение нового образа правления должно было происходить под наблюдением русского комиссара. 2. Порта признавала независимость Черногории, получавшей значительное

земельное приращение со стороны как Албании, так и Герцеговины, а также по Адриатическому побережью. 3. Порта признавала независимость Сербии, территория которой расширялась к югу за счёт Старой Сербии. 4. Провозглашалась независимость Румынии, которая взамен отходившего к России участка Бессарабии получала Добруджу. 5. В Боснии, Герцеговине и других турецких областях с христианским населением вводились реформы, проектированные константинопольской конференцией 1877 г. 6. К России отходил участок Бессарабии, отторгнутый по Парижскому миру 1856 г. 7. В Азии Россия получала крепости Ардаган, Карс, Батум и Баязет с Алашкертской долиной и окружающую их территорию вплоть до Сагандунгского хребта. 8. Размер понесённых Россией издержек войны определялся в 1 410 млн. руб.; стоимость уступаемых России территорий в Азиатской Турции определялась суммой в 1 100 млн. руб.; оставшиеся 310 млн. руб. Порта обязалась выплатить деньгами.

Однако вопрос о проливах не был разрешён Сан-Стефанским договором. Царской дипломатии приходилось итти к своей цели окружным путём — через укрепление своего преобладающего влияния на Балканах. В этом плане самым важным пунктом Сан-Стефанского договора являлся пункт об образовании Болгарского княжества. Оно должно было послужить России новым обширным плацдармом для утверждения русского влияния на Балканах, завоевания преобладающего положения в Турции и для завершения русского продвижения к проливам. Граница Болгарского княжества проходила так близко от Константинополя, что турецкая столица и проливы оказывались под угрозой непосредственного удара с болгарской территории. Всё это не соответствовало интересам Англии и Австро-Венгрии. Первая опасалась превращения России в средиземноморскую державу, вторая была недовольна образованием большой Болгарии и автономией Боснии и Герцеговины, опасаясь их влияния на усиление национально-освободительной борьбы южных славян, подвластных Австрии. Андраши предложил созвать международный конгресс для обсуждения условий русско-турецкого мира.

Соглашаясь на участие в конгрессе, Горчаков добивался того, чтобы на решение конгресса были переданы только вопросы, непосредственно затрагивавшие интересы европейских держав. Враждебная России и агрессивная в балканском вопросе Англия потребовала пересмотра на будущем конгрессе всех статей Сан-Стефанского договора, преследуя среди других целей и цель утопить идею славянской политической самостоятельности. В ответ на уклончивое поведение Горчакова в Англии был опубликован королевский приказ о созыве

резервов, а более или менее миролюбиво настроенный министр иностранных дел Дерби вышел в отставку.

Осложнялись отношения и с Турцией. В феврале 1878 г. было остановлено возвращение гвардии в Россию и начата подготовка к минированию Босфора. Султан со своей стороны стягивал войска к Константинополю. Положение русской армии, ослабленной болезнями, было очень затруднительным; думать о новой войне и притом не только с Турцией, но и с Англией и Австрией не приходилось. В этой обстановке в Лондоне начались переговоры русского посла Шувалова с преемником Дерби — министром Солсбери. Царская Россия согласилась на пересмотр Сан-Стефанского договора и приняла английское требование о сокращении Болгарского княжества до одной трети предполагавшегося размера. Стараниями английской дипломатии значительная часть освобождённых русской армией болгар вновь должна была вернуться под иго султанской Турции. Англия же соглашалась на переход к России Батума, Карса и юго-западной части Бессарабии, утраченной Россией в 1856 г. Вслед за тем было подписано англо-турецкое соглашение, по которому Англия обязывалась защищать азиатские владения Турции в случае удержания их Россией и в компенсацию за это обещание получала остров Кипр. Препятствуя освобождению Россией болгарских славян, Англия стремилась поживиться за счёт Турции. Через два дня было подписано англо-австрийское соглашение, носившее ярко выраженный антиславянский характер: оно постановило не допускать расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта. Англия обязывалась поддерживать австрийские притязания на Боснию и Герцеговину. Идея славянской государственной самостоятельности, выраженная хотя бы в самой умеренной форме, вызвала ужас в Англии: хищническая английская буржуазия была заинтересована в прозябании и политическом принижении славянских народов — политическая самостоятельность славянства была сильнейшей угрозой бесконтрольному хозяйничанию буржуазной Англии на Балканах.

Берлинский конгресс, на который съехались премьеры, министры иностранных дел и посланники великих держав, открыл свои заседания 1(13) июня 1878 г. под председательством Бисмарка. На конгрессе обнаружилась вся шаткость «союза трёх императоров», окрепла австро-германская дружба и наметилось сближение Англии с Францией, перед которой открывалась возможность подчинения Туниса своему протекторату. Чтобы ослабить Францию в Европе, Бисмарк поощрял её колониальную политику. Царская Россия оказалась изолированной. Заседания конгресса продолжались ровно месяц.

1 (13) июля 1878 г. был подписан новый трактат, известный под названием Берлинского, создававший для России гораздо худшие условия по сравнению с Сан-Стефанским договором. Основные его положения были таковы: 1. Проектированная в Сан-Стефано Болгария была разорвана на три части: а) полунезависимое княжество Болгарское, ограниченное с юга Балканским хребтом; б) автономную область под названием Восточной Румелии, расположенную к югу от Балкан, и в) турецкую провинцию Македонию. Для вассального княжества Болгарии оставались обязательными все трактаты о судоходстве и торговле, заключённые Портой; княжеству запрещалось взимать пошлины с иностранных товаров, проходящих транзитом; оно должно было сохранить все привилегии иностранных подданных и права консульской юрисдикции, а также взять на себя часть оттоманского долга и оставить в силе все обязательства по железнодорожному строительству, выданные Портой Австро-Венгрии. Срок оккупации Болгарии русскими войсками был сокращён до девяти месяцев. К русскому комиссару «с целью контроля» были присоединены оттоманский комиссар и консулы великих держав. Восточная Румелия, получая административную автономию, оставалась под властью султана. Турецкие войска сохраняли право занимать границы области и в некоторых случаях вступать внутрь страны. 2. Признавая независимость Черногории, Берлинский трактат отказывал ей в приращениях за счёт Герцеговины и Старой Сербии. Ей предоставлялась только узкая и короткая береговая полоса на Адриатическом море, причём запрещалось иметь свой флот; всё черногорское побережье ставилось под контроль Австрии. Железнодорожное строительство в Черногории также ставилось под австрийский контроль. Черногория брала на себя часть оттоманского долга. 3. Признавая независимость Сербии, Берлинский трактат отказывал ей в приращениях за счёт старосербских земель: он отрезал ей территорию с болгарским населением. Сербия также брала на себя часть оттоманского долга. Она не должна была изменять условий для иностранной торговли и сохраняла все те обязательства, которые взяла Порта перед Австрией в вопросе о постройке железных дорог. 4. Берлинский трактат подтвердил провозглашение независимости Румынии и предоставление ей Добруджи взамен участка Бессарабии. 5. Босния и Герцеговина отторгались от Турции и передавались во временное (но без определённого срока) владение и управление Австро-Венгрии. Австро-Венгрии предоставлялось право содержать гарнизоны и иметь военные и торговые дороги на всём протяжении Новобазарского санджака. 6. Берлинский трактат подтвердил возвращение России части Бессарабии. 7. Отказав в предоста-

влении России Баязета и Алашкертской долины, договор предоставлял ей Ардаган, Карс и Батум с правом порто-франко. 8. Обусловленные в Сан-Стефано размеры контрибуции были утверждены. 9. Было подтверждено в целях обеспечения судоходства по Дунаю старое положение о европейской Дунайской комиссии; новым здесь было то, что работы по очищению дунайского русла поручались Австро-Венгрии.

Ленин писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»[1]. Антиславянская и антирусская политика Англии, Австро-Венгрии и Германии во время подготовки Берлинского договора привела к значительному ухудшению положения балканских славян по сравнению с прежними условиями Сан-Стефанского договора. Решения Берлинского конгресса задерживали осуществление национальных стремлений балканских народов, становились на пути их прогрессивного развития, оставив значительную часть Болгарии и всю Македонию в руках Турции, отдав Боснию и Герцеговину Австрии в качестве колонии; они не удовлетворяли требований Сербии и Черногории. Берлинский договор способствовал вовлечению балканских государств в орбиту австро-германской политики, активность которой возросла на всей территории Балканского полуострова.

Тем не менее усилия русского народа и кровь, пролитая им, заложили основу независимости Болгарии и принесли независимость другим балканским государствам. Болгарский народ и другие славянские народы и ныне помнят борьбу России за их освобождение и понимают значение усилий и жертв русского народа, положенных в борьбе за их независимость. Особенно велики были последствия русско-турецкой войны для Болгарии. Северная её часть получила возможность самостоятельного развития. Освободившись от турецкого гнёта, Болгария освободилась вместе с тем и от турецких помещиков, — их земли были частично захвачены крестьянами во время войны, частично перешли в их руки после окончания военных действий. В Болгарии создавались предпосылки для дальнейшего развития капиталистических отношений. Таким образом, жертвы русского народа, понесённые в этой войне во имя Болгарии, сыграли большую роль в дальнейшем прогрессивном развитии родственного ему болгарского народа.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 127.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Энгельс Ф.* Англия и Россия в Афганистане Сочинения Т. XI. Ч. 1. С. 133—138. — *Энгельс Ф.* Успехи России на Дальнем Востоке. Сочинения. Т. XI. Ч. 1. С. 368—372. — *Маркс К.* Беспорядки в Сирии и интриги русского и французского правительств... Сочинения. Т. XII. Ч. 2. С. 109—113. — *Маркс К.* Русско-французский союз. Сочинения Т. XII. Ч. 2. С. 114—118. — *Маркс К.* Россия использует Австрию. Варшавский конгресс. Сочинения. Т. XII. Ч. 2. С. 152—155. — *Маркс К.* К восточному вопросу. Сочинения. Т. XV. С. 379—385. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Переписка 1861—1867. Сочинения. Т. XXIII. С. 341—355. — *Маркс К.* и *Энгельс* Ф. Переписка 1868—1883. Сочинения. Т. XXIV. С. 248, 373—374, 483, 493—494. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Письма 1869—1877. Сочинения. Т. XXVI. С. 81, 82, 92, 442, 446, 447, 450, 480—483. — *Ленин В. И.* Под чужим флагом. Сочинения. Изд. 4. Т. 21. С. 126—127.—*Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 290—312. — *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Пособия. Русско-германские отношения. «Красный архив». 1922. Т. I. С. 3—208. — К истории франко-русского соглашения 1859 г. «Красный архив», 1938. Т. 3 (88), с. 182—255. — П А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. [Предисл. В. Хвостова]. «Красный архив». 1933. Т. 4 (59), с 82—109. — Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову. [Предисл. А. Ерусалимского]. «Красный архив». 1933. Т. 6 (61), с. 3—25. — Das Staatsarchiv. Vol. 14. Hamburg. 1868. — Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. B. I. Berlin. 1922. XIII, 328 S. — Documents diplomatiques francais (1871—1914). 1-re serie (1871—1900). Т. I—II Paris. 1929—1930.—Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Т. I—IX. Спб. 1901—1912. — *Газенкампф М.* Мой дневник 1877—1878 гг. Изд. испр. и доп. Спб. 1908. 619 с.— *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877. Спб. 1893. 374 с., вкл. л. — *Скалон Д. А.* Мои воспоминания 1877—1878 гг. Т. I—II. Спб. 1913. — *Аксаков И. С.* Сочинения. Т. I. М. 1886. VII, 791 с. — *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания Перев. с нем. Под ред. А. С. Ерусалимского. Т. I—II. М. 1940. — Грујић Ј. Записи Јеврема Грујића. Београд. Кн. 1—3. 1922—1923 (Српска краљевска академија). — *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. Записки. Пгр. 1916. 359 с. — Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М. 1867. X, 473 с. — *Воронич К. И.* Изнанка сербской войны. Ч. 1—3. Спб. 1877—1878. — *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. Спб. 1907. V, 355 с., 11 вкл. л. — *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Перев. с франц. Т. II. М. 1947. 544 с. (Б-ка внешней политики).— *Никитин С. А.* Возникновение Московского славянского комитета. «Вопросы истории». 1947. № 8, с. 50—65.—*Никитин С. А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. В кн.: «Славянский сборник». I. М. 1947 г. С. 262—290. — Славянский сборник. М. 1948. 207 с. (Гос. Ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина. Труды Отд. рукописей).

Глава XXVII

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ 1879—1880 гг. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 1880-х — НАЧАЛА 1890-х ГОДОВ. КОНТРРЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III

Революционная ситуация 1879—1880 гг. 1879—1880 годы занимают особое место в истории пореформенной России: в эти годы страна прошла через революционную ситуацию, отмеченную Лениным как исторический пример такой ситуации, которая не завершилась революцией [1]. Известно из печатных высказываний и переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, что ими давалась аналогичная по существу оценка внутреннего положения России в конце 70-х годов. Маркс ещё в 1877 г. указывал, что «революция начнется на этот раз на Востоке»; Энгельс неоднократно в конце 70-х и начале 80-х годов выражал убеждение, что Россия стоит перед социальным переворотом [2].

Революционная ситуация 1879—1880 гг. сложилась на базисе борьбы между двумя типами «объективно-возможного буржуазного развития» [3]: это была борьба между капиталистическим развитием «прусского образца», основанным на системе крепостнических пережитков, и широким демократическим типом буржуазного развития, при котором ликвидируются все крепостнические пережитки, сметаемые революционной метлой. Борьба эта ясно проявилась в обострении противоречий между многомиллионными массами крестьянства и командующим в экономической и политической жизни страны классом дворян-помещиков. Но в революционной ситуации 1879—1880 гг. сказывается и новое в историческом процессе России. К концу 70-х годов отчётливо обозначается новая — капиталистическая — группировка классов; наряду с борьбой крестьянства против всех остатков крепостничества, против чиновников и помещиков возникает новый — высший — тип социальной войны: борьба молодого русского пролетариата против капиталистической эксплоатации. Обострение этих социальных противоречий обусловило возникновение общенационального кризиса. Внешнеполитическая обстановка конца 70-х годов — война 1877 — 1878 гг. и послевоенные внешнеполитические

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 190.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 480; т. XXVII, стр. 89.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 216.

осложнения способствовали усилению и активному проявлению этих противоречий.

Обострение нужды и бедствий крестьянства. Крестьянское движение 1870-х годов. Реформа 1861 г. не принесла крестьянству ожидаемой им «воли». Грабительская отрезка помещиками земель от крестьянской запашки обострила и без того тяжёлую нужду крестьян в земле, заставила их втридорога арендовывать барские земли, умножила бедствия крестьян. Арендные цены непрерывно возрастали, земля дорожала. Крепостнический характер гнёта, лежавшего на крестьянстве, отчётливо проявлялся и в «отработках» — скрытой форме той же старинной барщинной зависимости. Классовое расслоение крестьянства на деревенскую буржуазию, кулачество, и на деревенскую бедноту явилось основным социальным процессом пореформенной деревни; нужда и бедствия угнетённого крестьянства всё более увеличивались, по мере того как возрастало количество крестьян, лишённых средств производства или стоящих на пороге этого лишения. Царское правительство возложило на крестьянство издержки войны 1877—1878 гг., обременив его новыми налогами. Война и её последствия способствовали дальнейшему ухудшению положения крестьянских масс. Плохой урожай 1879 г. и катастрофический недород 1880 г. достигли размеров общественного бедствия. К концу 70-х годов сильное обострение крестьянской нужды явилось элементом сложившейся революционной ситуации.

Крестьянское движение, связанное с реформой 19 февраля 1861 г., к середине 60-х годов было сломлено царизмом и на некоторое время утихло; число открытых выступлений в связи с «волей» значительно сократилось. Но с течением времени крестьянство вновь стало собираться с силами. Земельная теснота и тяжесть платежей стали сказываться всё острее; арендная плата и цены на землю стали быстро повышаться. С ускорением процесса разложения крестьянства обострялась и борьба между деревенской беднотой и крестьянской буржуазией. Но среди бывших помещичьих крестьян борьба внутри крестьянства отступала на второй план перед борьбой крестьянских масс против помещиков. С середины 70-х годов вновь всё заметнее начала разгораться борьба крестьян с помещиками за землю. По всей крестьянской России распространялись слухи о близком всеобщем и уравнительном переделе земли. В этих слухах, которые чрезвычайно пугали помещиков и чиновников и которые не могли искоренить никакие правительственные меры, проявлялась неистребимая вражда и ненависть крестьян к помещичьему землевладению. Крестьянский протест проявлялся в многочисленных местных, неорганизованных,

стихийных выступлениях крестьян против помещиков и властей. Этим движением были охвачены многие народы России. Усилившееся движение крестьянских масс в национальных районах против местных землевладельцев и царских колонизаторов имело тот же антикрепостнический характер. «Объективные условия были таковы», что при всей своей слабости, несознательности и стихийности «борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии»[1]. В условиях конца 70-х годов эта борьба оставалась решающим социальным фактором, важнейшим слагаемым революционной ситуации.

Ярким примером волнений бывших помещичьих крестьян в 70-х годах может служить дело крестьян села Люторичи, Епифановского уезда, Тульской губернии. Эти крестьяне, имея ничтожный надел, окружённый владениями их бывшего помещика графа Бобринского, вынуждены были арендовать его землю на кабальных условиях; на кабальных же условиях экономия ссужала крестьян деньгами. К 1878 г. за крестьянами накопилось более 5 тыс. руб. недоимок по оброку и аренде. Экономия заключила с ними договор на погашение этого долга с процентами путём отработки, а в 1879 г., когда крестьяне уже отработали часть долга, экономия предъявила ко взысканию долговые обязательства. Приехавшим для описи крестьянского имущества властям крестьяне оказали сопротивление. Опись была произведена с помощью батальона солдат, причём 200 человек были арестованы и преданы суду за попытку сопротивления войскам.

Росло движение и среди бывших государственных крестьян, хотя оно и было значительно слабее. Оно возникало либо на почве расслоения крестьянства, либо на почве отягощения крестьян казёнными и местными повинностями. Примером движения на почве повышения повинностей может служить волнение в селе Дербетовском, Ставропольской губернии, возникшее в связи с переводом оброчной подати с «души» на землю. В результате этого увеличилась сумма лежавших на крестьянах повинностей. Крестьяне, вооружённые кольями, крючьями и баграми, оказали сопротивление присланным для их усмирения казакам и нанесли побои исправнику, приставу и жандармскому офицеру. Аналогичный характер носило движение и среди казаков. В 1874—1875 гг. уральские казаки упорно отказывались принять новое положение о воинской повинности и общественном хозяйственном управлении, значительно увеличивавшее бремя лежавших на них повинностей. 2 500 казаков с их семействами после предварительной экзекуции были

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 219.

высланы в Казалинск на принудительные работы, но и там продолжали сопротивляться. В 1878 г. возникли волнения среди казаков в трёх округах Донской области в связи с введением земства, которое ограничило пользование общественными лесами и водами и обложило казаков новыми повинностями. Казаки отказывались от выбора гласных, от уплаты земских сборов, от участия в межевых работах, прогоняли землемеров, посылали ходоков к наследнику с просьбой об упразднении земства. В волнения на Дону пытались вмешаться революционеры-землевольцы (Г. В. Плеханов, Ал. Михайлов и др.); были выпущены нелегальные воззвания, которыми землевольцы стремились мобилизовать всё казачество на поддержку протестующих донцов.

Во многих губерниях, преимущественно центрально-черноземных и средневолжских, где крепостнические пережитки были сильнее, в конце 70-х годов стали распространяться упорные слухи о якобы предстоящем по царскому повелению всеобщем переделе земли. Это было одной из форм, притом своеобразной, участия широких крестьянских масс в общем оживлении политической жизни и освободительных стремлений на рубеже 70-х и 80-х годов. 16 июня 1879 г. министр внутренних дел Маков счёл нужным даже разослать по этому поводу специальный циркуляр, в котором объявлял от имени царя, что «ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может». Однако, по свидетельствам современной прессы, циркуляр этот «вызвал ещё бо́льшие толки среди крестьян, в направлении, совершенно обратном мечтам Макова». Брожение среди крестьян ещё более усилилось. «Масса волнуется, чего-то ждёт, ловит разные слухи и стремится, без посредства правительственной власти... удовлетворять пробудившиеся в ней потребности», — указывала даже легальная журналистика. Печать отмечала не только повсеместное стремление крестьян получить землю, но и желание обеспечить «общественную самодеятельность», освободиться от «бюрократического гнёта», отмечала «народную ненависть к чиновничеству» как «общий и несомненный факт».

В общей картине политического возбуждения, охватившего к концу 70-х годов все слои русского общества, видное место принадлежит волнениям среди рабочих. К этому времени относятся крупные стачки на некоторых фабриках Петербурга, а также оформление и деятельность уже рассмотренного выше «Северного союза русских рабочих».

Обострение нужды и бедствий рабочего класса. Рабочее движение — важнейший элемент революционной ситуации 1879—1880 гг. Выше уже было характеризовано положение

рабочего класса в 70-е годы и рабочее движение (глава XXV). Нужда и бедствия рабочего класса непрерывно обострялись в течение 70-х годов. Растущее расслоение деревни увеличивало приток безработных в города, росла резервная армия капитализма, снижалась, как правило, заработная плата. Непрерывное вздорожание съестных припасов при падающей заработной плате всё тяжелее ложилось на рабочих. «Заработки если и увеличились кое-где после освобождения крестьян, — писал Ленин, — то очень немного и ненадолго, потому что масса приливающего из деревни голодного народа сбивала цены, а между тем съестные и жизненные припасы все дорожали, так что даже при увеличившейся плате рабочим приходилось получать меньше средств к жизни» [1].

Всё увеличивавшееся и возраставшее в своей сознательности рабочее движение 70-х годов явилось важнейшей составной частью революционной ситуации. Немаловажную роль в общей напряжённой обстановке сыграли петербургские стачки 1878—1879 гг., особенно же деятельность «Северного союза русских рабочих», оформившегося и открыто заявлявшего о себе именно в годы революционной ситуации. В отличие от предшествовавшей революционной ситуации 1859—1861 гг. революционная ситуация 1879—1880 гг. характеризуется наличием классовой борьбы нового типа: в общественную борьбу вступил новый класс капиталистического общества — пролетариат. Высокая стачечная волна, зарождение самостоятельной классовой организации рабочих являются важнейшими общественными событиями, игравшими в условиях конца 70-х годов существенную роль в общем натиске угнетённых классов. Таким образом, период революционной ситуации отличается значительным для данного времени повышением активности народных масс. Ухудшение положения угнетённых классов и возрастание их активности в борьбе явились основной, решающей силой, определившей характер и развитие общественно-политической борьбы в период общенационального кризиса.

Революционное народничество и его ошибки. Выше (в главе XXIV) уже была рассмотрена история революционного народнического движения и его слабые стороны. Революционное народничество, выражавшее интересы «массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...» [2], стало в 70-х годах господствующим направлением в демократическом движении и явилось элементом революционной ситуации. Но народники не понимали характера и тенденции исторического развития

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 85.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 102.

пореформенной России, реального соотношения классов и классовых интересов, а также социальной структуры самодержавия, сделавшего первый шаг в сторону буржуазной монархии. Они ошибочно полагали, что «крестьянское движение и есть настоящее, истинно-социалистическое и непосредственно-социалистическое движение» [1]. Для них была непонятна та великая историческая истина, что борьба рабочего класса открывает новую эпоху в истории России, что именно пролетариату история предназначила великую миссию руководства общенародной революционной борьбой за создание новой России. Переход народовольцев к политической борьбе был связан с ошибочной и чрезвычайно вредной для революционного движения практикой индивидуального террора. В силу всех этих обстоятельств народники не могли предложить стихийному движению угнетённых классов мобилизующих лозунгов борьбы и тем содействовать превращению этой борьбы в единый, организованный, революционный натиск. Но в условиях обострения общего недовольства и нарастания протеста народных масс самоотверженная борьба революционных народников против царизма приобретала значение важного фактора внутриполитической обстановки. Господствующие классы и правительство опасались не столько непосредственных действий нелегальных революционных организаций, сколько того, что их деятельность может разжечь пламя народной революции, которой они боялись более всего.

Позиция либералов. Выросшая и экономически окрепшая русская буржуазия, будучи заинтересована в более широких и свободных возможностях капиталистического развития, вместе с тем была тесно связана с господствующим классом и самодержавием и более всего опасалась активного выступления масс и народной революции. Отсюда дряблая, трусливая, соглашательская оппозиционность либерализма в годы революционной ситуации: с одной стороны, либералы пытались использовать критическое положение царизма для заключения выгодных компромиссов и сделок, а с другой — в страхе перед революционным самостоятельным творчеством угнетённых классов стремились своими урезанными, куцыми лозунгами перевести развитие кризиса на путь робких, лицемерных реформ, осуществляемых самодержавием. Вместо революционной ликвидации помещичьего землевладения либералы выдвигали лозунг некоторого увеличения крестьянских наделов царским правительством, вместо уничтожения самодержавно-чиновничьего всесилия они молили о «доверии» к земским

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 9, изд. 4, стр. 409.

силам и верноподданнически ходатайствовали о привлечении их к совещательному участию в государственном управлении. «Буржуазия стремится совершить преобразование государства по-буржуазному, *реформистски,* а не революционно, сохраняя по возможности и монархию и помещичье землевладение...»[1],— писал Ленин.

Основными очагами либерально-оппозиционного движения были земство и печать. Либералы не создали своей нелегальной организации, их деятельность ограничивалась рамками, допускаемыми правительством, и проявлялась преимущественно в ходатайствах, адресах, реформистском прожектёрстве и в робких выступлениях прессы. В результате этого либеральное движение не могло быть и не было самостоятельным фактором политической борьбы, а его роль ограничивалась тем, что оно лишь вносило «в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства» [2].

Оживление земского либерального движения конца 70-х годов было, таким образом, связано с возрастанием революционной опасности. Робкие конституционные требования земства были оживлены русско-турецкой войной 1877—1878 гг. и её исходом: царское правительство, выступившее в войне под флагом освобождения балканских славян, вынуждено было допустить введение конституции в Болгарии. «Дай твоему верному народу то, что ты дал болгарам», — этим обращением заключался адрес Александру II от харьковского земства. Харьковский адрес был одним из многих земских адресов, вызванных двукратным призывом Александра II к обществу осенью 1878 г. о содействии борьбе правительства против революционеров. Большинство земств составило такие ответы правительству, которые даже черниговский земец-либерал И. И. Петрункевич должен был назвать «пошлыми, униженными, вполне ничтожными». Но и выработанный черниговскими — наиболее либеральными — земцами проект ответа правительству носил явно антидемократический характер: земцы высказывались за необходимость борьбы против «потока вредных идей, проникающих в общественный организм», т. е. против революционной пропаганды. Революционная печать правильно резюмировала смысл позиции либералов, когда писала, что либералы говорят власти: «Дайте нам средства, и мы искореним социалистов много лучше, чем может это сделать правительство».

В конце марта — начале апреля 1879 г. по инициативе Петрункевича и при ближайшем содействии московского

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, изд. 3, стр. 386.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 59.

либерального журналиста В. А. Гольцева в Москве был созван съезд земских деятелей. В нём наряду с земцами участвовали некоторые журналисты, профессора, адвокаты, врачи и т. д. — всего 30—40 человек. Мысль об организации тайного общества для борьбы за конституцию была решительно отклонена на этом тайном съезде наиболее «левых» либералов. Единственным практическим средством, намеченным съездом, оказались традиционные «адреса» правительству.

Тактика либералов была, таким образом, направлена на то, чтобы «сузить, обкарнать, кастрировать» [1] развивающуюся классовую борьбу, с тем чтобы заключить с царизмом сделку за спиной и за счёт народа. Либерализм не мог обеспечить даже тех ограниченных реформ, проведение которых было его политическим знаменем. Но зато он создавал благоприятные предпосылки для тактики лавирования и лжеуступок, к которой самодержавие вынуждено было прибегнуть, в условиях революционной ситуации, для укрепления своих позиций.

«Кризис верхов». Лорис-меликовский режим. Убийство Александра II. В создавшейся предреволюционной обстановке «верхи» уже не могли «жить по-старому». «Кризис верхов» явился, таким образом, естественным и необходимым элементом революционной ситуации. В среде господствующего класса нарастает страх перед угрозой «страшной катастрофы» — народной революции, и вследствие этого возникает и усиливается недовольство деятельностью правительства, не могущего оградить спокойствие, власть и собственность имущих. Даже «сами члены правительства, до министров и царя включительно, сознают шаткость самодержавной формы правления и изыскивают всяческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее» [2], — писал Ленин. На первом этапе революционной ситуации царизм пытается укрепить антинародный режим путём усиления жандармско-полицейского террора и широкого применения политики исключительных мер. Вся огромная государственная машина, усиленная дополнительно созданными карательными органами, направляется на борьбу против растущего революционного движения.

В августе 1878 г., через несколько дней после убийства шефа жандармов Мезенцова, был издан указ об отдаче политических дел в ведение военного суда с применением наказаний, установленных законами военного времени. В апреле 1879 г., после покушения Соловьёва на Александра II, были назначены временные генерал-губернаторы в Петербурге, Харькове и Одессе. Всем генерал-губернаторам, и временным

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 98.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 23.

и постоянным (в Москве, Киеве и Варшаве), были предоставлены чрезвычайные полномочия предавать военному суду, высылать в административном порядке, подвергать по своему усмотрению арестам, закрывать газеты и журналы и т. д. Эти меры не остановили террора революционеров. В августе 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес постановление о подготовке убийства Александра II. В ноябре того же года народовольцами был организован во время возвращения царя из Крыма в Петербург взрыв полотна железной дороги под Москвой, но поезд, в котором находился Александр II, не пострадал. 5 февраля 1880 г. Степаном Халтуриным, примкнувшим к народовольцам и поступившим с террористической целью столяром в Зимний дворец, был организован взрыв царской столовой, во время которого Александр II снова уцелел.

Правительственные меры не обеспечили «умиротворения» страны, и царизм оказался вынужденным перейти к политике лавирования и эквилибристики. Правительство стало комбинировать политику беспощадной расправы с активными участниками народного движения, революционными борцами — с политикой уступок и заигрывания с либеральным обществом, совмещая её с социальной демагогией по отношению к народным массам. Таковы истоки и сущность режима Лорис-Меликова, который свидетельствовал об остром кризисе политики господствующего класса.

После взрыва в Зимнем дворце правительство ввиду общего возбуждения в стране учредило «Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» под начальством генерала графа Лорис-Меликова. Наряду с полицейскими задачами устрашения и подавления на комиссию была возложена задача привлечения на сторону власти умеренной, «благомыслящей» части общества. Сладкие речи по адресу либералов и беспощадный террор против революционеров — вот на чём пытался Лорис-Меликов построить свою политику. Михайловский в нелегальной статье тогда же определил лорис-меликовщину как политику «волчьей пасти» и «лисьего хвоста», — эту характеристику Ленин находил вполне справедливой.

Приход к власти Лорис-Меликова окрылил либералов новыми надеждами. Это получило выражение в записке, поданной Лорис-Меликову в марте 1880 г. от лица группы «именитых» московских граждан (её составил будущий кадетский председатель I Государственной думы профессор С. А. Муромцев при участии известных либеральных деятелей В. Скалона и А. Чупрова). Авторы записки видели выход из создавшегося положения в «призыве в особое самостоятельное

собрание представителей земства» для участия их в «государственной жизни и деятельности» и в «обеспечении прав личности на свободу мысли, слова и убеждения», другими словами, ходатайствовали о введении умеренной цензовой конституции.

Но Лорис-Меликов и не думал итти так «далеко». Его практические «уступки» на протяжении 1880 г. выразились в некотором изменении курса в отношении земства, в кое-каких «послаблениях» печати, в удалении ненавидимого обществом министра просвещения Дм. Толстого. После ликвидации в августе 1880 г. Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликов продолжал руководить внутренней политикой как министр внутренних дел. Одновременное упразднение III отделения по существу было только видимой уступкой, поскольку с передачей его дел департаменту полиции министерства внутренних дел вовсе не изменялись методы и цели правительственной борьбы с освободительным движением.

Окончательный проект уступок Лорис-Меликова, сформулированный им в докладе Александру II в январе 1881 г., хотя его и именовали «конституцией Лорис-Меликова», был, как впоследствии заявлялось даже в либеральной печати, документом «беспримерным во всей конституционной истории по отсутствию в нём собственно конституционных элементов». По проекту Лорис-Меликова предполагалось учреждение временных подготовительных комиссий, наподобие редакционных комиссий конца 50-х годов, с участием в них представителей земства и некоторых городов. Комиссии должны были выработать законопроекты о преобразовании губернского управления, о дополнении «Положений 19 февраля», пересмотре земского и городового «Положений», а также законопроекты по отдельным экономическим и финансовым вопросам. Составленные в подготовительных комиссиях законопроекты намечалось внести в «общую комиссию» с привлечением в её состав земско-городских выборных. От 10 до 15 представителей земства и городов должны были бы, по мысли Лорис-Меликова, участвовать и в рассмотрении этих законопроектов в Государственном совете, но этот пункт был отвергнут Александром II.

Появление даже лорис-меликовского проекта было всё же показателем политического кризиса, и если бы этот кризис получил тогда серьёзное дальнейшее развитие, то и данный проект, как указывает Ленин в своей статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма», *мог бы* послужить «шагом к конституции». «Если, — пишет Ленин, — говорить не о том, что́ могло бы быть, а о том, что́ было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за

решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов»[1]. Ленин указывает на связь этого колебания правительства с развитием революционного движения в 70-х годах: «Несмотря на то, что они (революционеры. — *Ред.*) шли под знаменем теории, которая была в сущности нереволюционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз (после кризиса начала 60-х годов. — *Ред.*) изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»[2] Ход событий в значительной мере зависел от «давления» революционной партии. А между тем революционное движение оказалось не в силах бороться за власть. В то же время трусливая тактика либералов ещё раз засвидетельствовала нереволюционность русской буржуазии. Революционная же партия была оторвана, изолирована от народных масс и потому тоже оказалась бессильной. Это ещё раз обнаружилось, когда партия «Народная воля» достигла той непосредственной цели, к которой она стремилась со дня своего возникновения, и убила 1 марта 1881 г. Александра II (царь был убит на улице в Петербурге бомбой, брошенной народовольцем Гриневицким). Вследствие слабости массового движения, развитие которого к тому же подрывалось деятельностью «Народной воли», последняя в минуту замешательства правящих кругов не смогла двинуть в бой никаких сил.

10 марта 1881 г. Исполнительный комитет «Народной воли» направил Александру III письмо, в котором подчёркивал своё желание предупредить «страшную перспективу» «кровавой перетасовки, судорожного революционного потрясения всей России» и указывал условия, на которых «Народная воля» готова была бы отказаться от революционной борьбы и обратиться к «культурной работе на благо народа». Эти условия заключались в амнистии по политическим делам и созыве народных представителей «для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни» при обеспечении свободы агитации на выборах. Почувствовав слабость своих противников, царизм оставил их мирные обращения без всякого ответа и вскоре повернул к ещё более свирепой реак-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 39.
[2] Там же, стр. 35—36.

ции, чем при Александре II. «...Только сила, способная на серьезную борьбу, — писал Ленин, — могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами... Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки оказались, разумеется, без революционной силы — нолем, и партия самодержавия победила...

Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией...*»[1]

Революционная ситуация не перешла в революцию. Трусливая, соглашательская тактика либералов в этих условиях способствовала укреплению самодержавного режима и в конечном счёте расчищала дорогу реакции. Но хотя революционная ситуация 1879—1880 гг. исчерпала себя не разрешив социальных и политических противоречий, на базе которых она сложилась, она показала новую группировку классов, ещё раз обнаружила социальное существо пореформенного абсолютизма, обозначила тенденцию дальнейшего развития классовых противоречий и открывала перспективу дальнейшего вызревания буржуазно-демократической революции. Революционная ситуация 1879—1880 гг. хронологически лежит на полпути между реформой 1861 г. и первой русской революцией 1905 г.

Царизм и на этот раз вышел из кризиса и после непродолжительного маневрирования в условиях революционной ситуации перешёл к открыто реакционному внутриполитическому курсу. Курс этот был осуществлён Александром III.

Монархия Александра III. Близились крайние сроки, предоставленные историей российскому самодержавию, — в лице Александра III на престол вступал предпоследний российский самодержец. Уже поднимались из народных глубин те социальные силы, которые несли гибель и разрушение и капитализму и старому, прогнившему политическому строю — царизму, поднимались силы, которые шли на борьбу за новый общественный строй, ликвидирующий эксплоатацию человека человеком. Пролетариат, новый класс капиталистического общества и будущий могильщик капитализма, быстро формировался и готовился к борьбе за новый общественный строй.

Время царствования Александра III относилось к самому концу разночинского, буржуазно-демократического периода русского революционного движения, периода, завершающегося,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 40—41.

как указал Ленин, в половине 1890-х годов[1]; в эти годы уже идёт подготовка нового — пролетарского — периода рабочего движения: рабочий класс вступает на путь организованной борьбы, на путь массовых выступлений в виде организованных стачек; начинается борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России (см. главу XXX). Перед могущественной силой нового старая реакционная российская монархия собирает все свои силы на борьбу за сохранение своего отжившего господства, давно тормозящего исторический процесс, на борьбу с готовящейся революцией, приближение которой она сознаёт. Александр III и явился одним из главных деятелей той «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»[2], которая заполнила его царствование.

Вступивший 1 марта 1881 г. на российский престол Александр III был, даже по словам своих сторонников, человеком «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования». Он плохо знал русскую грамоту и писал с самыми грубыми ошибками. Сам Александр III жаловался, что ум у него «нескладный». Политическое образование Александр III получил наскоро, когда, предназначенный к военной деятельности, он неожиданно стал наследником престола после смерти своего старшего брата. Идеалом для Александра был его дед Николай I, и теперь во внуке вновь ожила уваровская формула «самодержавия, православия и народности». Власть отца в семействе, власть поместного дворянина над крестьянской деревней, власть царя-самодержца над всей страной — таков был ветхий «идеал» реакционной политической системы Александра III. Панически боясь революции, он постоянно ожидал покушения на свою жизнь и окружал себя охранниками. Он возглавил самую зверскую и разнузданную реакцию, которой хотел защититься от неизбежной гибели, надвигавшейся на царизм.

Победоносцев. Среди учителей Александра III, когда он неожиданно стал наследником и когда пришлось его спешно готовить к будущей государственной деятельности, находился профессор-юрист Московского университета К. П. Победоносцев, который тогда же вошёл в узкий круг людей, близких своему воспитаннику, и на долгие годы принял на себя роль его советника и руководителя. Фанатику идеи самодержавия, в 60-х годах уже однажды пережившему страх революции, Победоносцеву теперь вновь слышалось её приближение Даже опора трона — дворянство было им заподозрено в «измене»; он настаивал на том, что самодержавие

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 267.

должно быть «воинствующим», и являлся решительным противником всех буржуазных реформ 60-х годов. Двумя другими догмами веры Победоносцева были великодержавный национализм и такое православие, которое для установления «правой веры» не остановилось бы перед применением воинской силы. В этот исторический момент Победоносцев оказался самой влиятельной фигурой в среде той «очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия» [1], которая решила, что наступило время покончить с колебаниями лорис-меликовского режима.

Ликвидация лорис-меликовского режима. Революционная ситуация 1879—1880 гг. не перешла в революцию. «Кризис верхов», проявившийся в колебаниях лорис-меликовского режима, заменялся более твёрдым правительственным курсом.

Реакция быстро покончила с «колебаниями» лорис-меликовского режима. На заседании Совета министров 8 марта, на котором были заново рассмотрены уже утверждённые Александром II лорис-меликовские проекты, выступивший первым граф С. Г. Строганов с ужасом заявил, что осуществление этих проектов явится передачей власти из рук самодержавного монарха «в руки разных шалопаев» и поведёт «прямо к конституции». После речей защитников проекта (военного министра Милютина, министра финансов Абазы и Лорис-Меликова) выступил Победоносцев, который произнёс «громовую» речь контрреволюционного содержания, «потрясшую» присутствующих. Он обрушился не только на проект Лорис-Меликова, как на «первый шаг» к конституции, но и на всю совокупность реформы 60—70-х годов. Лорис-меликовский проект был передан для рассмотрения в комиссию, которая никогда не собралась.

В вышедшем вслед за этим царском манифесте было заявлено о «незыблемости» самодержавия. На следующий же день подал прошение об отставке Лорис-Меликов, за ним Абаза и несколько спустя Милютин. Реакция, однако, не была ещё вполне уверена в достаточности своих сил для решительных действий. «Правительство Александра III, — писал Ленин, — даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество»» [2]. Это сказалось в выборе либерально окрашенных преемников ушедшим министрам: министром внутренних дел был назначен граф Н. П. Игнатьев, министром

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 39.

[2] Там же, стр. 41—42.

финансов — бывший преподаватель Александра, киевский профессор Н. Х. Бунге, военным министром — бесцветный генерал П. С. Ванновский, бывший начальник штаба Рущукского отряда, которым Александр, будучи наследником престола, командовал в войне 1877—1878 гг. Ленин назвал Игнатьева «дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции» [1]. Никто не был более Игнатьева приспособлен для выполнения задач такой «внутренней дипломатии» *(Ленин)*. Игнатьев начал свою деятельность необычным шагом, рассчитанным именно на то «общество», которое он призван был «дурачить». Едва вступив в должность, он предал гласности свой циркуляр, в котором говорилось о «полной неприкосновенности» прав дворянства, городского сословия и «русского земства», а крестьянству предписывалось «не внимать вредным слухам». Своею «первою задачею» Игнатьев поставил «искоренение крамолы». Это ознаменовалось прежде всего невиданным ранее размахом деятельности департамента полиции, заменившего формально уничтоженное в 1880 г. III отделение. Особенное развитие получила система провокации, когда в 1881 г. главою политического розыска был назначен подполковник Судейкин; он завербовал известного предателя Дегаева, при помощи которого разгромил остатки Исполнительного комитета «Народной воли».

Тем же целям должно было послужить проведённое Игнатьевым «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» (14 августа 1881 г.). Изданное сроком на три года, оно просуществовало, возобновляемое каждый раз по окончании срока, вплоть до 1917 г. и явилось, по выражению Ленина, «фактической российской конституцией» [2]. Согласно новому «Положению» любая местность могла быть объявлена на положении усиленной или чрезвычайной охраны; каждый житель такой местности мог быть арестован административным распоряжением местной власти на срок до трёх месяцев или оштрафован на сумму до 500 руб. при усиленной охране и до 3 тыс. руб. при чрезвычайной; его дело могло быть передано на рассмотрение военного суда, а недвижимое имущество секвестровано. Особое совещание при министре внутренних дел могло сослать любого жителя в ссылку сроком до пяти лет в самые отдалённые места империи. «Положение» давало администрации право закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земских собраний и городских дум, закрывать органы печати.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 42.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 396.

Помимо существовавшей правительственной полиции возникла ещё особая «добровольная» организация для борьбы с революцией, созданная в марте 1881 г., с ведома Александра III, министром императорского двора графом Воронцовым-Дашковым, графом П. Шуваловым и другими близкими ко двору лицами под названием «Священной дружины». Громадные средства и безнаказанность действий привлекли в ряды «Священной дружины» немало авантюристов и искателей лёгкой наживы. Самый широкий шпионаж, провокация и шантаж были излюбленными приёмами её недолговременной деятельности. Для обмана и шантажа либералов в Женеве было основано «Вольное слово», издававшееся будто бы «Земским союзом», на деле никогда не существовавшим. Для обмана и шантажа революционеров «Священная дружина» затеяла от имени мнимой «Земской лиги» переговоры с «Народной волей», а для их дискредитации в той же Женеве начала издание ультратеррористической газеты. Однако революционеры не пострадали и не могли пострадать от неумелых действий агентов дружины. Ей удалось лишь в некоторой степени обмануть либералов и привлечь в качестве редактора «Вольного слова» М. П. Драгоманова. Усиленная шпионская деятельность неразборчивых агентов дружины доставила больше всего неприятностей ни в чём не повинным обывателям. Департамент полиции в конце 1882 г. прекратил деятельность дружины.

Правительство в эти месяцы особенно боялось взрыва крестьянского движения, которое, как уже указывалось, всё возрастало в течение 60—70-х годов. В силу этого правительство вынуждено было создать видимость того, что принимает меры к облегчению непосильного положения крестьян; небольшое уменьшение выкупных платежей и установление обязательного выкупа, отмена подушной подати и учреждение Крестьянского банка — вот те немногие меры, на которые пошло правительство, но которые не уменьшили, конечно, даже в малой степени, создавшейся остроты крестьянского земельного вопроса.

Александр III приказал рассмотреть вопрос о выкупных платежах на совещании «экспертов», которыми явились предводители дворянства, председатели земских управ и др. Эти «сведущие люди» отвергли принцип соответствия выкупных платежей ценности земли и вернулись к дореформенному принципу обложения душевого надела; эта крепостническая точка зрения прошла и в Государственном совете. По закону 1881 г. временно-обязанные отношения полностью должны были быть прекращены к 1 января 1883 г. Выкупные же платежи понижались для великорусских крестьян на 1 рубль с душевого надела, для украинских — в размере 16% с существо-

вавшего оклада выкупных платежей. Полемизируя с народником Южаковым, видевшим в понижении выкупных платежей одно из «серьёзных облегчений народного хозяйства», Ленин вправе был спросить его: «Не осталось ли и теперь, после пресловутого понижения выкупных платежей (которым государство не отдало крестьянам даже и того барыша, который оно нажило на выкупной операции) — несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков?» [1]

Начало отмены подушной подати было положено законом 1882 г., окончательно же она была отменена в 1885 г., и с 1 января 1887 г. её взимание прекращалось. Отмене подушной подати способствовал также рост количества крестьянской бедноты; в связи с этим непрерывно возрастали совершенно безнадёжные недоимки.

При обсуждении весной 1881 г. вопроса об отмене подушной подати был поднят и вопрос об организации кредита для покупки земли крестьянами. Для разорявшихся помещиков учреждение Крестьянского поземельного банка оказывалось чрезвычайно выгодным. Вместе с тем учреждение нового банка преследовало политическую задачу — рассеять крестьянские надежды на какие-либо земельные реформы. Закон о Крестьянском поземельном банке был издан в 1882 г., и первые же годы его применения показали, что он пошёл на пользу только помещикам — продавцам земли и кулацкой верхушке деревни. Цена покупаемой через банк земли была дороже её средней рыночной стоимости. Купленные малоземельными крестьянами участки всё чаще назначались на продажу за невозможностью уплаты взносов в банк; крестьяне, потерявшие таким образом землю, переходили, по официальному свидетельству, уже «прямо в разряд безземельных и бездомных пролетариев».

Если с революционерами и с крестьянством у Игнатьева и не могло быть никакого общего языка, то, употребляя выражение Ленина, «подурачить» либеральное «общество» ему было, конечно, весьма нетрудно. Осенью 1881 г. Игнатьев вторично созвал «земских сведущих людей» для обсуждения переселенческого и питейного вопросов. Ещё одним таким жестом было образование комиссии для выработки проекта реформы местного управления во главе с Кахановым, бывшим ближайшим сотрудником Лорис-Меликова, что должно-де было подчеркнуть «благие» намерения Игнатьева. Но в 1885 г. комиссия прекратила работу, а все её материалы были сданы в архив. В качестве заключительного момента своей политики «одурачения» либералов Игнатьев задумал инсцениро-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 242.

вать ко дню коронации созыв трёхтысячного безгласного сборища под громким названием «Земского собора». Начав это дело по сговору с Иваном Аксаковым, но втайне от Победоносцева и других, Игнатьев лишь в апреле ознакомил царя со своим проектом. Победоносцев, узнав о планах Игнатьева, обратился к царю с обширным письмом, которое кончалось словами о предстоящей «революции, гибели правительства и гибели России» в случае осуществления игнатьевского проекта. Созванное царём совещание единодушно отвергло проект, а сам Игнатьев вынужден был уйти в отставку.

Назначение Д. А. Толстого министром внутренних дел. Прямая реакция была возглавлена графом Д. А. Толстым. Касаясь перехода от игнатьевских проделок к режиму открытой реакции, Ленин писал: «Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы»» [1]. Наступила пора «такой разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции, что наши демократы струсили, присели...» [2]

Новый курс внутренней политики был вскоре (в мае 1883 г., в дни коронации Александра III) провозглашён открыто, когда царь посоветовал собранным со всех концов империи волостным старшинам следовать во всём «советам и руководству ваших предводителей дворянства» и не верить «вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли». Вслед за словами последовали и дела.

Новое правительство ознаменовало столетие екатерининской жалованной грамоты дворянству основанием в 1885 г. Дворянского земельного банка, который носил сугубо крепостнический характер. Созданный исключительно для поддержки сословного дворянского землевладения, он выдавал ссуды под процент, гораздо меньший обычного (4,5% против 6,5% в Крестьянском банке), и производил операции в гораздо большем размере, чем Крестьянский банк (в 1893 г. — 42 млн. руб. против 5 млн. руб.). Дворяне, пользуясь этими чрезвычайными льготами, перезаложили свои земли из частных банков в Дворянский и уже в 1889 г. (т. е. за три года) сумели довести недоимки по своим платежам до 10,5 млн. руб.

Вопрос о скрытом возврате к старым средствам внеэкономического принуждения был решён изданным в 1886 г. законом о найме сельскохозяйственных рабочих. По этому закону при найме рабочего обязательно составлялся «договорный

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 43

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 267.

лист» — своего рода крепостной акт; в случае ухода рабочего раньше срока предъявление листа в суде делало иск помещика «бесспорным», каковы бы ни были поводы и причины, заставившие рабочего уйти. Суд обязан был в срочном порядке рассматривать дела о найме; наказанием по этим делам служил не штраф, как в обычных гражданских исках, а арест. Всё это лишало сельскохозяйственного рабочего элементарных гражданских прав и в значительной мере восстанавливало утерянное помещиком «властное положение» над сельскохозяйственным рабочим.

Крестьянское движение 1880-х и начала 1890-х годов. Законодательство о крестьянах. По весьма неполным официальным данным, в 1881 г. было отмечено 17 случаев крестьянских волнений, а в 1888—1889 гг. эта цифра выросла до 94 случаев за год. За всё десятилетие 1881—1890 гг. произошёл 541 случай крестьянских волнений в разных местах империи. И поводы и формы этих волнений были различны. Основной причиной волнений был, конечно, недостаток земли у крестьян, а также гнёт крепостнических пережитков. Самовольные захваты помещичьих земель, волнения при отрезке крестьянских земель, при взыскании недоимок иногда вырастали до размеров крупных волнений, охватывавших целые губернии. В некоторых случаях дело доходило до усмирения крестьян при помощи воинских команд, которые производили экзекуции, но действовали и оружием, вследствие чего в одном из хуторов Екатеринославской губернии оказалось 18 убитых и 12 раненых крестьян.

Крепостническая реакция искала «выхода» из создавшегося положения, конечно, не в удовлетворении крестьянских нужд, а в посильном возврате к старым порядкам. Крестьянская семья и крестьянская община должны были явиться орудиями этой крепостнической политики. После реформы быстро шёл распад крестьянской семьи, и число семейных разделов в начале 80-х годов достигло 150 тыс. в год. Закон 1886 г. устанавливал условием семейного раздела разрешение родителя или старшего члена семьи, а также постановление крестьянского схода, принятое двумя третями голосов. Целью этого закона было закрепощение «рабочей семьи» и подчинение всех её членов «главенству старшего члена». Нечего и говорить, что разделы стали совершаться незаконным путём: рост числа незаконных разделов достиг, например, в Бузулукском уезде 95% общего числа разделов.

«Положения 19 февраля 1861 г.» давали крестьянину возможность досрочного выкупа надела и право распоряжаться им уже как своей частной собственностью. Ничтожное значение этой возможности видно из того, что за 28 лет

крестьяне выкупили таким образом только 0,5% надельных земель. Однако крепостники в своём стремлении к закреплению ещё уцелевших форм «старого, средневекового, надельного землевладения» видели опасность в праве крестьян на выкуп надела. Закон 1893 г. имел своей задачей «охранить» крестьянское землевладение «от опасности свободного гражданского оборота», он вновь прикреплял крестьянина к его надельной земле, запрещая её залог и разрешая продажу только односельчанам; досрочный же выкуп надельной земли разрешался лишь при условии согласия двух третей схода. Практика показала, что сходы такого разрешения не давали.

Все указанные законодательные акты были лишь отдельными разрозненными звеньями крепостнических «контрреформ» в области крестьянского законодательства. Крепостническая реакция считала буржуазные реформы 60—70-х годов слишком далеко зашедшими и требовала резкого поворота «обратно». В конце царствования Александра III крепостниками был поставлен на очередь вопрос об общем пересмотре всего законодательства о крестьянах.

«Контрреформы» 1889—1894 гг. Цикл так называемых «контрреформ» должен был, по мнению крепостников, послужить к исправлению «роковых ошибок» 60-х годов. Особо важен в этом цикле закон 1889 г. о введении земских начальников. Этот закон должен был ослабить значение основной из реформ 60-х годов — отмены крепостного права — и повернуть дело к тем временам, когда крестьянские отношения всецело регулировались вотчинно-полицейской властью помещиков. Согласно официальному разъяснению, новые должностные лица именовались «начальниками» в силу обширности своих полномочий, «земскими» же — в силу своей принадлежности к дворянскому сословию «поместных земских людей».

Реставрируя крепостнические порядки, новый закон всецело подчинил земскому начальнику крестьянское самоуправление. Земским начальником по «Положению 1889 г.» мог быть только потомственный дворянин; в руках земского начальника соединялась административная и судебная власть. Земский начальник мог внести любой вопрос на разрешение волостного схода и мог приостановить любое решение этого схода, передав его на рассмотрение «уездного съезда», большинство которого составляли те же земские начальники. Все должностные лица села и волости были во власти земского начальника: он их утверждал в должности, он мог их оштрафовать, арестовать и отстранить от исполнения должностных обязанностей. Мировые судьи в уезде были теперь уничтожены, дела же их частью переданы крестьянскому волостному суду, частью же составили предмет ведения земского начальника. Но волостной

судья назначался земским начальником из числа представленных ему сельскими сходами кандидатов; к тому же земский начальник мог приостановить всякий приговор волостного суда.

Особенно тягостным в экономическом, юридическом и моральном отношениях оказалось для крестьян право земского начальника налагать на них по своему произволу штрафы до 6 руб. и подвергать аресту до 3 дней (должностных лиц крестьянского самоуправления — до 5 руб. и 7 дней). Пользуясь этим правом, земские начальники под угрозой штрафов осуществляли любое самоуправство: заставляли крестьян работать на себя, арестовывали участников схода, голосовавших за неугодные для них предложения, и т. д. Личность крестьянина всецело была отдана на произвол земского начальника. В 1894 г. Ленин писал о положении крестьянства: «Гнет администрации над крестьянством не только несомненен, а представляет из себя не простой гнет, а прямое третирование крестьян, как «подлой черни», которой свойственно быть в подчинении у благородных помещиков, для которой пользование общими гражданскими правами дается только в виде особой милости (переселения, напр.), которой всякий помпадур может распоряжаться как людьми, запертыми в рабочий дом» [1].

Введение института земских начальников облегчило крепостнической реакции её дальнейшие шаги. Следующим актом оказалась земская контрреформа. Ленин указывал, что «правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его» [2]. Крепостники без труда сумели добиться ликвидации всесословности и частичной ликвидации выборности. На место существовавших бессословных курий землевладельцев и городских избирателей «Положение 1890 г.» установило сословные курии дворян и «городских сословий»; позиции дворян были усилены уменьшением ценза и увеличением числа дворянских гласных. Крестьянство теперь было совсем лишено выборного представительства: губернатор сам назначал крестьянских гласных из числа избранных крестьянами кандидатов. Старое земство обладало ничтожной долей самостоятельности, теперь же оно было лишено и этих ничтожных прав: ни одно более или менее существенное постановление земства не могло быть проведено без утверждения губернатором или министром внутренних дел.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 271.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 32.

Дальнейшим шагом реакции явилась городская контрреформа 1892 г. Хотя в городах и не было значительного дворянского слоя, однако влияние дворянства сказалось в том, что маломощные группы городского населения — приказчики и мелкие торговцы — были совсем лишены избирательных прав; первенствующее место было дано владельцам городских недвижимостей в ущерб торгово-промышленным группам. Земское «Положение 1890 г.» устраняло из земства евреев. Новое городовое «Положение» продолжало ту же линию: евреи были лишены избирательных прав; в черте оседлости администрация могла назначать гласных из евреев, но в числе не более одной десятой состава думы.

Реакция пошла ещё дальше. Судебная реформа 1864 г. была объявлена «роковою ошибкою». «Правительство Александра III, — писал Ленин, — вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных» [1]. Из ведения суда присяжных был изъят ряд дел, в том числе дела о сопротивлении властям. Был изменён ценз присяжных заседателей с целью усиления землевладельческого элемента. Но реакция не думала удовольствоваться этим: в 1894 г. министр юстиции представил царю доклад, в котором предлагал произвести «полный и систематический пересмотр» судебных уставов 1864 г. Полному осуществлению судебной контрреформы помешал рост революционного движения.

Финансовая политика реакции. После отставки Абазы в мае 1881 г на пост министра финансов был назначен Н. Х. Бунге, буржуазный профессор политической экономии. Хотя он и считал задачей своей деятельности расчищение путей для буржуазного развития России, однако отличался значительной уступчивостью требованиям дворянства.

Подушная подать окончательно отменялась с 1 января 1887 г. В итоге этой отмены и понижения выкупных платежей казна лишалась около 52 млн. руб. ежегодного дохода. Значительную сумму потеряла казна благодаря ещё ранее проведённой Абазой отмене налога на соль (1880 г.), особенно тягостного для бедноты. Для покрытия этого недобора и общего повышения доходов казны был повышен в 1,5 раза государственный земельный налог и увеличен сбор с городских недвижимых имуществ. Бунге значительно увеличил ставки косвенных налогов на табак, спирт и вино, а также на сахар, которые тяжело отражались на бюджете широких масс населения. Когда при окончательной отмене подушной подати всё же оказался дефицит в 15 млн. руб., Бунге решил его покрыть

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 368.

за счёт бывших государственных крестьян. По закону 1866 г. бывшие государственные крестьяне платили оброчную подать, которая была значительно ниже выкупных платежей. Закон 1886 г. перевёл бывших государственных крестьян на выкуп, повысив под этим предлогом платежи на 45%. Понятен поэтому вопрос, поставленный Лениным в его полемике с Южаковым: «Не сопровождалась ли отмена подушной подати увеличением платежей б. государственных крестьян под видом перевода их на выкуп?» [1]

В январе 1887 г. Бунге был уволен и его преемником назначен И. А. Вышнеградский, известный учёный, профессор-математик, но вместе с тем также крупный биржевой делец. Вышнеградский окончательно вернулся в своей налоговой политике к прежним крепостническим установкам, руководствуясь принципом: «пожми плательщика — и средства найдутся». Механическое повышение прямых и косвенных налогов было системой Вышнеградского, причём особое внимание он уделял предметам первой необходимости, нужным трудовому потребителю: так, в 1887 г. были обложены акцизом спички и керосин. Для сокращения расходов на уплату процентов по государственным долгам в 1889—1892 гг. была проведена конверсия государственных займов: государственные процентные бумаги, по которым казна уплачивала 5—5,5%, были постепенно обменены на новые обязательства, приносившие только 4%.

Большие расходы для казны влекла система гарантий доходов железнодорожных компаний; железнодорожное хозяйство велось плохо, дороги приносили часто ничтожный доход, а нередко и убыток, казне приходилось выплачивать компаниям большие суммы. Поэтому Вышнеградский усилил правительственный контроль над железнодорожным хозяйством, введённый ещё при Бунге (1884 г.), и продолжал начатый его предшественником выкуп частных железных дорог в казну, конечно, на очень выгодных условиях для железнодорожных магнатов.

Правительство усиленно заботилось о помещиках и капиталистах. В 1887 г. был поднят вопрос о покровительстве сельскохозяйственному винокурению, вслед за чем последовало издание закона, согласно которому часть выкуренного на заводе спирта освобождалась от акциза, причём «безакцизное» отчисление было тем больше, чем меньше была продукция завода (это вызывалось тем, что мелкие заводы находились преимущественно в дворянских имениях). При вывозе спирта за границу правительством выдавалась премия, достигавшая 50% стоимости вывозимого продукта. В 1885 г. было уста-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 242.

новлено премирование сахарозаводчиков при вывозе сахара за границу. В апреле 1887 г. сахарозаводчики заключили между собой соглашение о нормировке выпуска отдельными заводами сахара на внутренний рынок с целью повышения цен. Соглашение оправдало их расчёты, но этого им показалось мало, и они стали добиваться введения обязательной нормировки количества производимого сахара законодательным путём. В 1895 г. их домогательства были удовлетворены, причём правительством нормировался не только выпуск товара на рынок, но и рыночные цены.

Что касается промышленной буржуазии, то именно при Бунге и особенно при Вышнеградском таможенное покровительство достигло небывалых ранее размеров. Таможенная политика 80-х годов была выгодна не только для промышленников, но и для казны; за десятилетие (с 1880 по 1890 г.) таможенный доход казны вырос с 96 млн. до 138 млн. руб., т. е. на 43,5%. Высокие таможенные тарифы способствовали также вторжению в русскую промышленность иностранных капиталов: иностранным капиталистам было выгоднее ввозить в Россию капитал, нежели товар, облагаемый высоким таможенным сбором; прячась за стеной высоких таможенных ставок, иностранный капиталист обеспечивал себе высокий процент прибыли, продавая товар русскому потребителю. За десять лет (с 1880 по 1890 г.) вложения иностранных капиталов в русскую промышленность увеличились более чем вдвое — с 98 млн. до 215 млн. руб.; политика самодержавия способствовала, таким образом, хозяйничанью в России иностранных капиталистов.

Политика реакции в области культуры и просвещения. Реакция произвела коренную перестройку школы — низшей, средней и высшей, стремясь ликвидировать и те немногие признаки демократической школы, которые были вырваны у правительства в 60-х годах. Во главе министерства народного просвещения в 1882 г. был поставлен один из отвратительнейших представителей реакции — Делянов. Министерство народного просвещения всецело оказалось во власти всесильных мракобесов Толстого и Победоносцева.

Под видом борьбы с упадком «дисциплины» в средней школе Делянов повёл борьбу с революционным влиянием. Одним из первых шагов Делянова был циркуляр 1882 г., который обрушивался на упадок дисциплины и строго предписывал исполнять все изданные Толстым распоряжения. В 1887 г. был сделан решительный шаг к изменению социального состава учащихся средней школы. Изданный 18 июня позорный циркуляр, широко известный под названием циркуляра о «кухаркиных детях», предписывал не принимать в гимназию «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т. п.» С этой

же целью правительство закрыло почти повсеместно приготовительные классы, дававшие возможность детям малообеспеченных родителей поступать в среднюю школу.

Начальной школой, получившей своё развитие в пореформенное время, почти всецело ведало земство. Ещё в 60-х годах Синод требовал передачи в его ведение дела начального образования. Победоносцеву теперь удалось в значительной мере этого достигнуть. В 1884 г. церковно-приходские школы и в 1891 г. школы грамоты были подчинены Синоду, который организовал свой училищный совет. Ассигнования на церковную школу увеличивались из года в год; число этих школ возросло с 4,5 тыс. в 1882 г. до 32 тыс. в 1894 г. Это было немаловажной победой реакции.

Значительную ломку испытала высшая школа. Выработанный ещё во времена Толстого новый университетский устав в 1884 г. стал законом. Он полностью уничтожил университетскую автономию по уставу 1863 г., сделав попечителя и министра полновластными вершителями судеб высшей школы. Профессорские и другие должности замещались теперь по назначению. Год спустя для студентов была введена форменная одежда с целью облегчить наблюдение за ними. В 1887 г. вновь принятыми правилами был запрещён приём студентов, если школа, которую они окончили, не давала положительной характеристики их «образа мыслей и направления». Плата за учение была повышена впятеро. В течение трёх лет после издания этих правил число студентов в Петербургском университете уменьшилось на 11,8%. Ряд передовых профессоров в эти годы был уволен, например М. М. Ковалевский, В. И. Семевский; другие ушли сами, например знаменитый учёный И. И. Мечников, гордость русской науки.

С особым ожесточением реакция обрушилась на высшее женское образование, видя в нём, как выражался Толстой, ненавистную «эмансипацию женщины». В 1882 г. были закрыты женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале в Петербурге; этим самым уничтожалось женское медицинское образование. В 1886 г. было издано распоряжение о прекращении приёма на Высшие женские курсы, существовавшие в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Только Петербургским курсам (так называемым «Бестужевским») удалось добиться возобновления приёма, но комплект был ограничен 400 слушательницами. Тем самым одно из важных завоеваний 60-х годов — высшее женское образование — было сведено почти на-нет.

Печать последовательно испытала на себе этапы развития реакции. После 1 марта и до конца игнатьевского режима она ещё кое-как существовала, но дальше дело изменилось к худ-

шему. Толстой решил покончить и с этим наследием 60-х годов. В спешном порядке были проведены «временные правила» о печати 1882 г. Толстой решил добиться без особого шума прекращения неугодных правительству изданий, для чего ввёл так называемую «карательную цензуру»: газеты, издание которых было приостановлено после третьего предостережения, обязаны были по возобновлении выпуска представлять очередные номера в цензуру не позже 11 часов вечера, теряя тем самым возможность печатания новых известий. Совещание четырёх министров получило право запретить любое издание. Подвергнутые карательной цензуре либеральные газеты «Голос» и «Страна» закрылись. Боясь репрессий, прекратили выход либеральные «Порядок» и «Земство». Уже в 1883 г. в Петербурге не осталось ни одной либеральной газеты. Значение общественного события приобрела приостановка в 1884 г. выпуска «Отечественных записок».

Немаловажную роль в укреплении реакционного режима сыграла реакционная печать и в первую очередь «Московские ведомости». Их редактор Катков, рупор крайней реакции, давно приобрёл большое влияние на правительство; по свидетельству Победоносцева (в письме к Александру III), «были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова». Правительство Александра III казалось ему всё ещё недостаточно реакционным, и «Московские ведомости» в этом отношении шли «впереди правительства» [1]. Другой орган реакции, газетка «Гражданин», существовал благодаря правительственной субсидии; он издавался князем В. Мещерским, близким к Александру III. Клика Мещерского также оказывала влияние на правительственные дела. В «Гражданине» в эти годы писал один из реакционнейших эпигонов славянофильства — К. Леонтьев, утверждавший, что сословный строй, как и вообще неравноправность, ещё «важнее», чем монархическая власть. Этот воинствующий мракобес, защитник «исправительной реакции», прибегал и к реакционнейшей бредовой мистике: сильная царская власть нужна-де, по Леонтьеву, для отдаления срока пришествия антихриста и т. п.

«Московские ведомости» и «Гражданин» ориентировались главным образом на высшие дворянско-бюрократические круги. Обработку в духе реакции «общественного мнения» рядового дворянства, буржуазии, мещанства и чиновничества взяла на себя газета «Новое время», руководимая А. С. Сувориным. «Эта газета стала в России образцом продажных газет, — писал о ней Ленин. — «Нововременство»

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4. стр. 266, примечание.

стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое Время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» [1].

Воинствующий национализм. «Старый национализм» самодержавия [2] принял особенно резкие и человеконенавистнические формы в 80-е годы. Резко проявилась насильственная руссификаторская политика царизма, свирепые гонения обрушились на национальную культуру населявших Россию народов. Победоносцев явился одним из ярых «идеологов» воинствующего великодержавного национализма. Антинародная политика самодержавия, притеснителя национальностей, отчётливо проявилась, например, в ритуальном процессе против удмуртов — в так называемом «Мултанском деле» (1892—1896 гг.) (см. главу XXVIII).

Особенно широкое развитие получила великодержавная политика реакции на окраинах империи, в том числе в Польше и Финляндии. В Польше уничтожались остатки её самостоятельных учреждений, например, был закрыт Польский банк, и проводилась насильственная руссификация школы вплоть до низшей. В западных губерниях шла борьба с католичеством и протестантизмом. В отношении Финляндии было начато уничтожение и ограничение её самостоятельных учреждений: упразднена самостоятельность почты, упразднён Комитет по финляндским делам.

Для воинствующего великодержавного национализма Александра III характерен и позорный антисемитизм — обычный спутник черносотенного мракобесия. Здесь царизм использовал «гнуснейшие предрассудки самых невежественных слоев населения» [3]. Начиная с апреля 1881 г. по Украине, Белоруссии и Польше прокатилась волна небывалых ещё по своим размерам еврейских погромов, явно поощрявшихся правительством. Министр Игнатьев в срочном порядке провёл «Временные правила» 3 мая 1882 г., согласно которым евреям впредь запрещалось селиться вне городов и местечек. В последующие годы возможность получения евреями среднего и высшего образования была ограничена процентной нормой (3% — в столицах, 5% — вне черты оседлости). Особенно тяжёлым для еврейского населения мероприятием было неожиданное выселение из Москвы около 20 тыс. евреев в 1891—1892 гг. на основании изданного тогда распоряжения о запрещении евреям — ремесленникам и мастеровым жить в Москве.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXX, изд. 3, стр. 192—193.
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 154.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 242.

ЛИТЕРАТУРА

I. **Классики марксизма-ленинизма.** *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Сочинения Изд. 4. Т. 1. С. 111—313. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 19—65.— *Сталин И. В.* Анархизм или социализм? Сочинения. Т. 1. С. 294—392.

II. **Документальные материалы. Пособия.** Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I—XIV.—Отчёты по Государственному Совету за 1881—1895 годы. Спб. 1883—1895.—Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881—1894). Спб. 1902. 603, 41, XV с. — Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего сената за царствование императора Александра III. Спб. 1901. IX, 220, 195 с., 2 вкл. л.—Обзор деятельности Министерства государственных имуществ в царствование императора Александра III. 1881—1894 гг. Спб. 1901. 295 с, 2 вкл. л. — Обзор деятельности Министерства путей сообщения за время царствования императора Александра III. Спб. 1902, VI, 243 с., 4 вкл. л.—Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. Спб. 1901. XVIII, 727 с.—Обзор деятельности Министерства имп. двора и уделов за время царствования императора Александра III (1881—1894 гг.). Ч. 1—2. Спб. 1901. — *Валуев П. А.* Дневник. 1877—1884. Ред. и примеч. В. Я Яковлева-Богучарского и П. Е. Щёголева. П. 1919. VI, 311 с.—*Витте С Ю.* Воспоминания Т. III Л 1924. XVI, 395 с.—Письма Победоносцева к Александру III. Т. I—II. С предисл. М. Н Покровского [М.] 1925—1926. — К. П Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.—П. 1923. XIV, 1147 с., 6 вкл. л.

Глава XXVIII

НАРОДЫ РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1860—1880-е ГОДЫ

Народы России и национально-колониальная политика царизма. Царская Россия была тюрьмой народов. Колониальное угнетение царизмом нерусских народов поддерживало и питало отсталость царской России: развитие её производительных сил тормозилось возможностью угнетать и грабить народы, её населявшие. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев»» [1], — писал Ленин.

Развитие производительных сил на территориях колоний царской России шло неравномерно и в общем замедленно, на каждом шагу встречаясь с препятствиями, которые ставила этому развитию колониальная политика царизма. Но всё-таки развитие продолжалось наперекор царизму.

Во второй половине XIX в. в колониях царской России стали развиваться капиталистические отношения, в тот момент ещё прогрессивные по сравнению с отсталыми феодальными или даже патриархально-родовыми отношениями, господствовавшими в колониях. Историческое движение вперёд совершалось на крови и на костях колониально порабощённых народов. Проблему развития производительных сил имел в виду Энгельс, когда указывал в одном из писем к Марксу на «прогрессивную роль» России по отношению к Востоку: «Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» [2]. Россия прогрессировала, шла вперёд в своём хозяйственном и социально-политическом развитии. Это имело самое существенное значение для народов, её населявших.

В стране шёл процесс буржуазного развития. Мучительно медленно, связываясь с общим поступательным движением, втягивались в этот процесс и угнетённые народы царской России. Однако этот процесс развивался крайне неравномерно.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 278.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXI, стр. 211.

Например, Украина, Белоруссия, Литва, Прибалтийские страны, Финляндия, Грузия, Армения, частью Азербайджан прошли перед Октябрьской социалистической революцией период капиталистического развития, признаки которого явственно сказываются в их истории во второй половине XIX в. Но темпы этого развития были различны: например, быстрее шло капиталистическое развитие Украины, медленнее — Белоруссии и Литвы. Подавленное, колониальное положение многих народов проявлялось в отсутствии или крайней замедленности их капиталистического промышленного развития — отсюда отсутствие промышленного пролетариата у ряда народов. Не все угнетённые народы успели пройти перед революцией период промышленно-капиталистического развития; в соответствии с этим рост производительных сил был у них слабее, капиталистические элементы развивались значительно медленнее. Основная масса населения Азербайджана, горские народы Кавказа, татары, башкиры и народы Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, как и многие сибирские народы и народы севера Европейской России, в целом не прошли капиталистического развития. Товарищ Сталин указывал на эти особенности в тезисах своего доклада X съезду РКП(б): «Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остаётся около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, бóльшая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.)...»[1] В Молдавии во второй половине XIX в. совсем не развилось своей фабрично-заводской промышленности и промышленного пролетариата, но создались массы батрачества, сельскохозяйственного пролетариата, работавшего на помещичьих полях, в садах и виноградниках.

Хотя особенности развития народов чрезвычайно многообразны, но ясно важнейшее общее положение: развитие производительных сил в колониях царской России было затруднено и заторможено национально-колониальным угнетением. «Что такое национальный гнёт? Национальный гнёт — это та система эксплуатации и грабежа угнетённых народов, те

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 24—25.

меры насильственного ограничения прав угнетённых народностей, которые проводятся империалистическими кругами» [1], — говорил товарищ Сталин в докладе по национальному вопросу на VII Всероссийской конференции РСДРП. Угнетая колонии экономически, используя их как рынки сбыта промышленных товаров и источников сырья, помещики и буржуазия, как указывалось выше, стремились насадить на Кавказе, в Башкирии, Казахстане и других колониях «побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надёжную опору великодержавных стремлений» [2].

Во второй половине XIX в. колонизаторская политика сопровождалась притоком русских переселенцев, хищническим захватом земель местного населения (особенно ярко это проявилось на Кавказе и в Башкирии). Так называемые «окраины» царской России, нерусское население которых получило от слуг самодержавия презрительную кличку «инородцев», являлись оторванными, отчуждёнными от прочих районов страны, политически приниженными и национально угнетёнными. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» [3], — пишет товарищ Сталин.

Подвергая колонии эксплоатации и грабежу, царизм препятствовал и развитию в них государственности. «Характерная для всех этих нерусских наций общая черта состоит в том, что они в смысле развития своей государственности отстали от центральной России» [4], — указывает товарищ Сталин.

«Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации» [5], — учит товарищ Сталин. Поскольку в XIX в. ликвидация феодализма и развитие капитализма являются основным, ведущим процессом, то к этому же времени относятся и процессы национального формирования у разных народов. *«Нация,* — как определяет товарищ Сталин, — *есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»* [6].

Формирование наций протекало в XIX в. под тяжёлым гнётом самодержавия.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 3, стр. 49.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 26
[3] *И. В. Сталин,* Соч., т. 4, стр. 356.
[4] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 46.
[5] *И. В. Сталин,* Соч., т. 2, стр. 303.
[6] Там же, стр. 296.

Насильственная руссификация, подавление развития национальной культуры (запрещение обучения на родном языке, издания литературы на родном языке, национального театра и пр.) характерны для колониально-национальной политики царской России. Но этого мало. Национально-колониальный гнёт носил в царской России особенно грубый характер, что было связано с отсталым крепостническо-дворянским характером российского государства. «Когда во главе государственной власти в России в прежние годы стояла старая земельная аристократия, национальный гнёт мог принимать и действительно принимал безобразные формы резни и погромов»[1], — пишет товарищ Сталин.

Во второй половине XIX в. оформилась и националистическая идеология великодержавного шовинизма, проникнутого зоологической ненавистью к угнетённым народам. Отрицание права народов, населявших царскую Россию, на самостоятельное развитие, утверждение «права» великоруссов на угнетение других народов, на преобладание над ними, требование насильственной руссификации, уничтожения национальных особенностей — характерные черты великодержавного шовинизма. Победоносцев был одним из ярых его идеологов, Катков, Данилевский, К. Леонтьев разрабатывали шовинистическую идеологию в своих литературных выступлениях. Данилевский, идеолог «нового славянофильства», представлявшего собой одно из крайних реакционных течений, выступал с дикими утверждениями, что все народы якобы делятся на высшие «культурно-исторические типы», к которым относятся русские, и «навоз истории», к которому относятся все прочие народы. Идеология великодержавного шовинизма была широко развёрнута в книге Данилевского «Россия и Европа». К. Леонтьев цинично рекомендовал устраивать «инородцам» периодические «кровопускания» и т. п.

Таким образом, национальное развитие народов, формирование наций шло под невиданно тяжёлым гнётом колониального угнетения народов царизмом. Несмотря на это угнетение и вопреки ему, формирование наций всё же продвигалось вперёд. Как уже указывалось, именно ко второй половине XIX в. относится, например, появление грузинской нации.

«Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, — пишет товарищ Сталин, — когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 3, стр. 50.

хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм»[1].

В процессе ликвидации феодализма и развития капитализма развивались буржуазные нации. Национальная буржуазия была в тот период главной руководящей силой формирования наций. Она создавала свою, буржуазную культуру. При этом буржуазия подавляла, искажала, отбрасывала или пыталась перетолковывать себе на потребу элементы той демократической культуры, которая наличествует в каждой национальной культуре.

«Буржуазия и её националистические партии, — пишет товарищ Сталин, — были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради «единства нации»; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом, — таков идейный и социально-политический багаж этих наций.

Такие нации следует квалифицировать, как буржуазные нации. Таковы, например, французская, английская, итальянская, северо-американская и другие, подобные им, нации. Такими же буржуазными нациями были русская, украинская, татарская, армянская, грузинская и другие нации в России до утверждения диктатуры пролетариата и Советского строя в нашей стране.

Понятно, что судьба таких наций связана с судьбой капитализма, что с падением капитализма должны сойти со сцены такие нации»[2].

В колониально угнетённых районах царской России развернулось широкое массовое движение против помещиков и царской власти, шедшее под общими лозунгами с могучим движением русских народных масс. Русское революционное движение влекло за собой вперёд и движение народов, воспитывало лучших борцов-просветителей и революционеров из среды порабощённых народов. Царизм был врагом русского народа и врагом других народов, населявших Россию. Под руководством русского народа другие народы нашей обширной страны объединялись в борьбе против общего врага. Национальный пролетариат вливался в единый поток общероссийского рабочего движения. Это было новым, ведущим явлением исторического процесса. Только совместная борьба трудовых

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 2, стр. 295.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 11, стр. 338.

масс под гегемонией пролетариата, руководимого партией большевиков, смогла уничтожить всякое национально-колониальное угнетение, подготовить свержение всех и всяческих эксплоататоров.

Дело этого свержения явилось общим делом всех угнетённых народов царской России, во главе которых шёл великий русский народ, старший брат в их трудовой семье. Его огромные силы, опыт борьбы, великая работа сознания, передовая культура, созданная им, — всё служило общему делу освободительной борьбы, укрепляло братство народов в этой великой борьбе. До победного конца борьбы ещё предстоял немалый путь, но во второй половине XIX в., в эпоху развития капитализма, было накоплено немало сил и опыта борьбы и были пройдены существенные этапы развития, изучение которых необходимо для понимания дальнейшего исторического процесса.

* *
*

Отмена крепостного права и революционное движение на Украине. Как уже указывалось выше, Украина внесла свой вклад в общероссийскую революционную ситуацию 1859—1861 гг., вырвавшую у царского правительства отмену крепостного права: на Украине высоко поднялась волна крестьянского движения — объявили себя «вольными» несколько десятков тысяч крестьян Екатеринославской губернии, выступали крестьяне Черниговской губернии; царское правительство усмиряло их при помощи военной силы. Огромную роль сыграло братское общение революционной демократии русского и украинского народов. На Украине в 1860 г. разошлось 1 300 экземпляров «Современника» из общего тиража 6 600 экземпляров, что свидетельствовало о широком распространении идей Чернышевского и Добролюбова. На Украину проникала агитация Герцена. Ещё в 1856 г. в Харькове существовал тайный политический кружок студенческой разночинной молодёжи; его большинство стояло за республику, меньшинство — за конституционную монархию. Кружок стремился поднять народные массы на революционное восстание. Члены кружка составляли противоправительственные листовки, распространяли на Украине нелегальные издания Герцена, вели пропаганду на украинском и русском языках.

Губернские комитеты, обсуждавшие на Украине меры «по устройству быта крестьян», стремились сохранить в руках помещиков возможно большее количество земли, а крестьянам отдать за выкуп незначительные земельные наделы. Земля, которую согласно реформе 1861 г. должны были получить крестьяне на Украине, стоила 128 млн. руб., но оценена была значительно дороже. В течение 49 лет украинские крестьяне

должны были выплатить с процентами 500 млн. руб. В Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях, где помещики получили право уменьшить размеры наделов, отрезки дошли до 40% надельной земли, а на юге — до 30%. В южных украинских губерниях было роздано большое количество нищенских «дарственных» наделов. Значительную нужду продолжало испытывать правобережное крестьянство, несмотря на некоторое увеличение земельных наделов, на которое пошло царское правительство в результате восстания 1863 г. (см. главу XIX).

С 1865 до 1875 г. в 38 губерниях царской России, в том числе на Левобережной и Южной Украине, были введены земские учреждения. В правобережных губерниях, где нашло отклик восстание 1863 г., земства были учреждены лишь в 1911 г. Судебная, городская, военная и финансовая реформы, проведённые в 60—70-х годах, ещё больше подчинили Украину царским органам управления, унифицированным в общероссийском масштабе.

После реформы 1861 г. на Украине весьма широко развернулось крестьянское движение: волновалось правобережное крестьянство, движением были охвачены также Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии. На Черниговщине брожением было охвачено свыше 20 тыс. крестьян. В мае 1861 г. только в одном из уездов Киевщины волновалось до 40 сёл. Тысячи крестьян отказывались принять уставные грамоты в Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерниях.

Революционные демократы, отражавшие требования крестьянских масс, продолжали на Украине борьбу против царизма; распространялась революционная литература. В 1862 г. вели агитацию представители «Земли и воли» — студенты Козлов и Щербачёв, а также Ничипоренко, который держал непосредственную связь с Герценом. В 1863 г. землемер Андрущенко привёз из Петербурга на Украину большое количество революционной литературы и распространил её в Киевской и Черниговской губерниях. В Одессе гимназисты организовали подпольную библиотеку, где были сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева. В средней школе в Одессе училось много болгар, в их числе Христо Ботев, впоследствии выдающийся болгарский революционный демократ и поэт, глубоко воспринявший идеи русской революционной демократии. Революционные демократы стремились установить тесную связь с народом. Подполковник Красовский вёл в 1862 г. революционную пропаганду среди крестьян и солдат в Киевской губернии, за что был осуждён на 12 лет каторги. Державший связь с Красовским студент Синегуб стремился поднять восстание крестьян в Полтавской губернии. Красовский давал

Синегубу для агитации «Колокол», «Полярную звезду» и стихи Шевченко.

Революционный кружок Заичневского и Аргиропуло поддерживал связь с Украиной через своих членов — Лященко, Дорошенко и Новикова; члены кружка участвовали в организации на Украине воскресных школ, распространяли нелегальную литературу и вели революционную пропаганду. Вся эта революционная деятельность на Украине была органической частью общероссийского революционного движения.

Продолжая вести политику национально-колониального гнёта, самодержавие стремилось окончательно лишить украинский народ возможности национального развития. В 1863 г. министр внутренних дел Валуев выпустил циркуляр, запрещавший печатать на украинском языке учебную литературу и книги «для первоначального чтения народа». В 1876 г. Александр II утвердил закон, запрещающий ввозить на Украину украинские книги, напечатанные за границей. Беллетристические произведения подвергались строжайшей цензуре, были запрещены театральные постановки и печатание нот с украинским текстом под музыкальным аккомпанементом.

После реформы 1861 г. враждебная революции украинская буржуазная интеллигенция основала в Киеве, Харькове и других городах Украины либеральные националистические организации — «Громады». «Громады» выступали против революционной демократии и осудили польское восстание. Когда появилась прокламация «Молодая Россия», члены киевской «Громады» напечатали в Петербурге статью, в которой шельмовали «Молодую Россию» и заявляли, что они и не помышляют ни о какой политической деятельности.

Развитие капитализма на Украине. Отмена крепостного права подорвала, но не уничтожила барщинную систему хозяйства на Украине. Крестьяне, ограбленные реформой, вынуждены были попрежнему итти в кабалу к помещикам, сохранившим в своих руках огромную долю земли. Росла кабальная аренда помещичьей земли. В Киевской, Подольской и Черниговской губерниях практиковалась сдача земли в аренду на один год за половину и даже за две трети урожая; иногда землю арендовали за деньги, иногда за отработки. На Правобережье (Киевская, Подольская и Волынская губернии) и на юге Украины (Херсонская и Екатеринославская губернии) в 80-х годах уже преобладала капиталистическая система хозяйства, в Полтавской и Харьковской губерниях — смешанная, в Черниговской — отработочная; наличие крепостнических пережитков задерживало капиталистическое развитие Украины.

Под влиянием развития капитализма на Украине шёл «процесс распадения мелких земледельцев на сельскохозяйственных

предпринимателей и рабочих»[1]. В 80-х годах половина крестьянских дворов Киевской, Подольской, Полтавской и Харьковской губерний не имела лошадей. В Харьковской губернии, например, в конце 80-х годов было 16,6 тыс., а в Полтавской — 74,5 тыс. крестьянских хозяйств с наделом до 1 десятины. Оперируя данными о распределении земли между бедняками, середняками и кулаками по Днепровскому уезду, Таврической губернии, Ленин указывал на уменьшение «роли надельной земли в хозяйстве крестьян» и на то, что «в общей хозяйственной площади получает громадное преобладание купчая и арендованная земля. Обломки дореформенного строя (прикрепление крестьян к земле и уравнительное фискальное землевладение) окончательно разрушаются проникающим в земледелие капитализмом»[2]. Из данных по тому же уезду видно, что 80% не сеющих хлеба домохозяев сдавали в аренду 97,1%, т. е. почти всю свою надельную землю. С 1853 по 1897 г. помещиками было продано на Украине в круглых цифрах 4,71 млн. десятин земли, причём 2,27 млн. десятин из этого количества перешли в собственность кулаков.

В пореформенные годы юг Украины выходит на одно из первых мест в России по производству товарного зерна. На юг Украины переселялись огромные массы крестьян. Около полутора миллионов сельскохозяйственных рабочих приходило сюда из Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской и Волынской губерний, а также из великороссийских губерний; они нанимались работать к кулакам, обрабатывали земли огромных помещичьих латифундий. Степные губернии Украины и Заволжья были «наиболее типичным районом земледельческого капитализма в России, — типичным не в сельскохозяйственном, конечно, а в общественно-экономическом смысле»[3]. В районе торгового земледелия всё более широко применялись сельскохозяйственные машины. В 1870 г. на Украине насчитывалось 11 заводов сельскохозяйственных машин, а в 1890 г.—70, причём главная их масса была сосредоточена в Екатеринославской губернии (30 предприятий) и на севере Таврической (12 предприятий).

Значительно возрастает городское население: с 1881—1884 по 1896—1897 гг. городское население на Украине выросло в 1,4 раза — с 2 млн. до 2,8 млн. человек, иначе говоря, от 13 до 15% всего населения были городскими жителями. Особенно быстро росли индустриальные поселения Донбасса и Криворожья — Кривой Рог, Каменка, Дружковка, Констан-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 48.

[2] Там же, стр. 57, 58.

[3] Там же, стр. 221.

тиновка, Юзовка, Нижнеднепровск под Екатеринославом, Мариуполь, Волынцево и др. К концу 80-х годов через порты Украины шло 54,4% хлебного вывоза всей страны.

Строительство железных дорог начинается на Украине в 60-х годах. В 1869 г. протяжённость железнодорожных линий на Украине составляла 366 вёрст, а к началу XX столетия возросла до 9 209 вёрст из общего количества 39 681 версты по всей России. Железнодорожное сообщение способствовало росту новых торговых центров — Киева, Харькова, Одессы, ставших крупными железнодорожными узлами. Росла каменноугольная промышленность Донбасса: в 1860 г. там было добыто 6 млн. пудов угля, а в 1880 г. — 86,3 млн. пудов, что составляло 43% добычи всей России. С середины 80-х годов начала развиваться разработка богатейших залежей железной руды в Криворожье. Благодаря соединению Криворожья с Донбассом Екатерининской железной дорогой юг Украины получил возможность развивать металлургическую промышленность. В конце 90-х годов на юге Украины действовало 17 крупных металлургических заводов с 29 доменными печами. Промышленное развитие Украины не отставало от общего уровня промышленного развития России. Украина принадлежала к тем окраинам Российской империи, которые, как говорит товарищ Сталин, «сильно задеты промышленным развитием и мало чем отличаются от центральной России в промышленном отношении...» [1]

Иностранный капитал жадно тянулся к Украине, спеша пробраться к её огромным природным богатствам, присвоить себе результаты труда её населения; он успел пустить тут свои корни в пореформенное время. Высокий процент прибыли и поощрительная по отношению к иностранным капиталистам политика царского правительства способствовали внедрению иностранного капитала на Украине. В первых годах XX в. на Украине уже существовало свыше 100 акционерных компаний — французских, английских, немецких, бельгийских, которые контролировали здесь свыше половины каменноугольной и 82% металлургической промышленности.

В пореформенные десятилетия на Украине заметно выросла сахарная промышленность. Украина, особенно Правобережье, занимала по всей России ведущее место по производству сахара. В 1890—1891 гг. здесь находилось 153 из 182 действующих сахарных заводов России, причём было выработано 20,7 млн. пудов сахара из 24,29 млн. пудов общероссийской выработки.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 46.

Рабочий класс Украины, бывший составной частью общероссийского пролетариата, формировался после реформы 1861 г. как за счёт выходцев из украинского села, так в значительной степени и благодаря притоку на Украину пролетаризированного крестьянства русских губерний. Это было особенно заметно на крупных металлургических предприятиях и шахтах юга Украины и Донбасса, где работало немало квалифицированных рабочих из промышленных районов России. Единство классовых интересов, пролетарская солидарность и общая борьба против эксплоатации объединяли на Украине рабочих разных национальностей и прежде всего русских и украинцев. Численность промышленного пролетариата на Украине быстро возрастала. В 1860 г. здесь было 75 тыс. рабочих, а к началу XX в. их стало уже 360 тыс.; 100 тыс. из них работали на предприятиях Донбасса и Криворожья. В. И. Ленин писал: «Уже несколько десятилетий вполне определился процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из Великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города» [1]. Об этом втягивании в украинскую промышленность рабочих других национальностей говорил и И. В. Сталин: «...состав пролетариата этих отраслей (металлургии и угольной промышленности. — *Ред.*) является не местным, не украинским по языку» [2].

Кроме русской и иностранной буржуазии на Украине развивается и украинская буржуазия; в её состав входят крупные украинские капиталисты, собственники сахарных заводов, крупные торговцы сахаром и хлебом, банкиры (Терещенко, Алчевский и многие другие).

Во второй половине XIX в. Украина продолжала служить рынком для текстильной промышленности центральной России. Остатки крепостнических отношений, замедлявшие развитие внутреннего рынка, заставляли, как указывает Ленин, фабрикантов Центрального промышленного района искать рынка на окраинах России, в том числе и в южных губерниях Украины. Эта возможность расти не только вглубь, но и вширь временно замедляла развитие противоречий между капитализмом и пережитками крепостничества в сельском хозяйстве, притупляла их остроту. Вместе с тем этот процесс усиливал колониальную зависимость Украины от российского капитализма и царизма.

Остатки крепостнических отношений задерживали капиталистическое развитие как России, так и Украины, экономика

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 14—15.
[2] *И. В. Сталин*, Соч., т. 5, стр. 330.

которой являлась органической частью хозяйственной жизни всей России.

Во второй половине XIX в., в период развития промышленного капитализма, развивается дальше процесс оформления украинского народа в нацию. Формирование буржуазной украинской нации совершалось в тесной связи с процессом ликвидации крепостного права и возникновением капитализма.

Революционные народники. Либерально-буржуазное движение. В конце 60-х годов на Украине развернулась деятельность революционных народников. В Херсоне, Одессе, Киеве появились кружки чайковцев. Центром народнической пропаганды на Украине стал Киев, где в 1873 г. был организован кружок, известный под названием «Киевская коммуна». На Украине, как и в центральной России, имело место «хождение в народ». После организации «Земли и воли» 70-х годов народники развили пропагандистскую деятельность в Киевской губернии. В Чигиринском уезде Стефанович и Дейч, как уже указывалось, создали тайное крестьянское общество, чтобы поднять крестьянское восстание, однако эта попытка закончилась разгромом; народники-террористы совершили на Украине ряд террористических актов, направленных против царских жандармов и высших чиновников. Часть «громадовцев» приняла участие в народническом движении (Малеваный, Борисов и др.), в Киеве и в Одессе проводились собрания народников и «громадовцев», посвящённые обсуждению планов общей деятельности.

В период развития промышленного капитализма украинская буржуазия стремилась разработать свою политическую программу, создать политические организации, наложить свою печать на культуру. Так, деятельность Юго-западного отдела Русского географического общества, открытого в 1873 г. в Киеве, прошла под непосредственным влиянием «Громады».

Одним из идеологов украинской буржуазии являлся публицист М. Драгоманов. Будучи представителем той части либеральной украинской буржуазии, которая шла на сближение с буржуазией русской, Драгоманов призывал учиться у русской литературы, выступал против захватнических планов Германии, которая стремилась овладеть Украиной. Но Драгоманов был противником марксизма и революционной социал-демократии и сторонником реформистской тактики, придерживаясь при этом ложной, националистической идеи «бесклассовости» украинского народа. Он был сторонником западноевропейского буржуазного «социализма», о котором Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что «буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей,

которые неизбежно из них вытекают» [1]. Враг революционного пролетарского принципа демократического централизма, он отстаивал в вопросе о построении государства и политических партий идею буржуазного федерализма и национально-культурной автономии. В. И. Ленин охарактеризовал Драгоманова как украинского националистического мещанина. Ленин противопоставлял его реакционные взгляды прогрессивным взглядам революционных демократов-просветителей, в том числе Чернышевского. Характеризуя политическую позицию Драгоманова, Ленин писал, что «Драгоманов вполне заслужил восторженные поцелуи, которыми впоследствии награждал его ставший уже национал-либералом г. П. Б. Струве» [2].

Ленин, беспощадно разоблачая буржуазных националистов, противопоставлял их идеям марксистскую постановку национального вопроса, пропагандировал идеи пролетарского интернационализма. Ленин неустанно подчёркивал, что залогом национального и социального освобождения украинских трудящихся является укрепление братского союза великорусских и украинских крестьян под руководством пролетариата.

В России и на Украине происходило всё более резкое размежевание классовых сил. В революционную борьбу вступал пролетариат, перед лицом которого буржуазия всё теснее смыкалась с царизмом, а народничество всё ближе подходило к либеральной буржуазии.

Рабочее движение. Социал-демократические группы. Крестьянское движение. Украинское рабочее движение было тесно связано с революционным рабочим движением России. В совместной борьбе против экономического и политического гнёта крепла солидарность русского и украинского рабочего класса, укреплялась исторически сложившаяся дружба украинского и русского народов.

Условия работы на капиталистических предприятиях Украины были так же тяжелы, как и в России: 12—15-часовой рабочий день, широкое применение женского и детского труда, низкая заработная плата, система штрафов, отсутствие охраны труда, задержка заработной платы, расплата недоброкачественными продуктами питания из заводских лавок, тяжёлые жилищные условия (особенно в Донбассе, где рабочие жили по большей части в землянках). В 70-х годах на Украине произошло около 30 стачек и рабочих волнений. В 1871 г. бастовало до 1 тыс. рабочих, строивших Киево-Балтскую железную дорогу; в 1873 г. выступили рабочие — строители линии Лозо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Манифест Коммунистической партии. 1948, стр. 91.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 403, примечание.

вая — Севастополь; в 1875 г. была прекращена работа на строительстве Киево-Брестской дороги. Крупная забастовка вспыхнула в 1875 г. на заводе Юза. Её подавили с помощью казаков и полиции, но администрации всё же пришлось обещать выдачу заработной платы каждый месяц, а не три раза в год, как было до того. В 1875 г. в Одессе возник «Южнороссийский союз рабочих», деятельность которого уже была рассмотрена выше (см. главу XXV). Члены «Союза», во главе которого встал Е. Заславский, руководили двумя стачками — в феврале 1875 г. на заводе Беллино-Фендерих и в конце того же года на заводе Гулье-Бланшард. В конце 1875 г. «Союз», успевший за несколько месяцев существования охватить до 200 рабочих, был разгромлен полицией. В 1879 г. 2 тыс. рабочих Киевских железнодорожных мастерских бросили работу в знак протеста против увеличения рабочего дня и увольнения 17 товарищей.

В годы промышленного кризиса первой половины 80-х годов на Украине выступают главным образом железнодорожники: в 1880 г. бастовали Киевские железнодорожные мастерские, в 1884 г. — Полтавские, в 1885 г. — Александровские, в 1887 г. — Главные железнодорожные мастерские Курско-Харьковско-Азовской дороги, а в 1890 г. — железнодорожные мастерские Одессы. В 1887 и в 1890 гг. выступили рабочие нескольких шахт Донбасса; в этот же период вспыхнула забастовка на заводе Классена в Мелитополе (1883 г.), на механическо-столярном заводе Зелингера в Киеве (1889 г.) и др.

В 1880—1881 гг. в Киеве существовал уже упоминавшийся ранее «Южнорусский рабочий союз», возглавляемый народником Щедриным; члены его придерживались народнических террористических методов борьбы. Щедрин пытался организовать рабочих на борьбу с предпринимателями и фабричной администрацией посредством «фабричного террора». Однако этот путь не только не мог улучшить положение рабочих, но и мешал развитию массовой политической борьбы рабочего класса. Народничество превращалось в тормоз революционного движения. На арену революционной борьбы выступал рабочий класс. Будущее было за единственно правильной идеологией революционного марксизма (см. главу XXX).

Одновременно с рабочими в 70-х годах на Украине выступали и крестьяне. Следует отметить выступление крестьян села Топильного (Звенигородского уезда Киевской губернии) в мае—июне 1873 г. с требованием вернуть им захваченную помещиком землю. Только при помощи двух эскадронов драгун, пустивших в ход оружие, удалось усмирить крестьян. В ряде сёл на Киевщине крестьяне поднимались против

помещиков, захватывавших при размежевании крестьянскую землю. Отказ помещиков сдать крестьянам землю в аренду также явился поводом массового возмущения крестьянства: на этой почве в 1883 г. началось движение во многих сёлах Ново-Московского уезда Екатеринославской губернии, причём в селе Карабиновке произошло вооружённое столкновение между крестьянами и казаками. Из 332 случаев крестьянских выступлений, считая с начала 1881 г. до мая 1888 г., на Украину приходилось до 25% общего количества. Выступления крестьян вспыхивали по разным поводам и облекались в разнообразные формы (потравы, запашка помещичьей земли, выпас скота на помещичьих лугах, порубка леса и т. д.), причём в основе крестьянского движения лежало стремление ликвидировать помещичье землевладение, захватить помещичью землю. Малоземелье, помещичья кабала заставляли всё более значительные массы украинского крестьянства, особенно Левобережья, искать выхода в переселении на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток и т. д.

Западноукраинские земли в период развития капитализма. Западноукраинское крестьянство, находившееся под властью австрийской монархии, испытывало чрезвычайно тяжёлое феодальное угнетение. Вскоре после поражения революции 1848 г. австрийская монархическая реакция ликвидировала конституцию, запретила общественные организации, усилила деятельность тайной полиции. Потерпев поражение в войне с Пруссией, австрийская монархия в 1867 г. обнародовала конституцию, закреплявшую в империи господство немецких и мадьярских правящих классов. Польские помещики получили политическое господство в Галиции, украинский народ стонал по-прежнему под помещичьим ярмом и испытывал тяжёлое национальное угнетение. Австро-венгерская монархия была тюрьмой народов.

Украинские земли были разрезаны на две части: Галиция и Буковина входили в состав Австрии, Закарпатская Русь — в состав Венгрии. Галиция пользовалась автономией. Областной сейм, находившийся во Львове, избирался по куриальной системе. Большинство мест в сейме получали польские помещики и буржуазия. У сейма были ограниченные полномочия: принятые решения утверждались императором. Фактическая власть в Галиции принадлежала наместнику из польских магнатов, назначенному свыше.

В 50-х годах в Галиции была проведена «крестьянская реформа». Крестьянство заплатило за землю огромный денежный выкуп; десятки тысяч хозяйств были проданы с молотка. К исходу XIX в. почти половина крестьянских хозяйств владела ничтожными земельными участками размером меньше

2 *га,* хозяйств размером до 5 *га* было 80% (около 1 млн. дворов). Помещики-магнаты были собственниками огромных латифундий, занимавших около половины земель Галиции. С развитием капитализма происходило классовое расслоение крестьянства. Росло кулачество, усиливалась эксплоатация крестьянской бедноты. Разорившиеся крестьяне шли на сезонные заработки, частью эмигрировали в Канаду, в Бразилию, где попадали в жесточайшую кабалу к местной буржуазии. Среди крестьян вспыхивали волнения, например в Добростанах, возле Львова, и в других местах. Австрийское правительство посылало против восставших сёл полицию и войска и жестоко усмиряло волнующихся.

Западноукраинские земли являлись внутренней колонией империи. Хотя во второй половине XIX в. 26% всего населения Австрии жило в Галиции, здесь было лишь 10% общего количества пролетариата всей страны, причём громадное большинство лиц, занятых в промышленности, работало в мелких предприятиях и мастерских. Промышленное развитие западноукраинских земель отличалось крайней отсталостью.

Состояние торговли Галиции также свидетельствовало об её угнетённом колониальном положении. Отсюда вывозили нефть, соль, лес и скот, а ввозили машины, металлические изделия, мануфактуру и галантерею.

После революции 1848 г. украинские помещичьи и клерикальные силы объединились в Восточной Галиции вокруг так называемого «москвофильства». «Москвофилы» утверждали, что украинский и русский народы — это единый «панрусский» народ. Они писали на «язычии» — искусственном языке, где были смешаны русский, украинский, церковно-славянский и отчасти польский языки. Москвофилы были реакционерами: они искали поддержки у российского царизма и вместе с тем пресмыкались перед австрийской монархией. В то же время оформлялось «народовство», к которому примыкала украинская либерально-буржуазная и националистически настроенная интеллигенция. Огромное большинство народовской организации шло на поводу австрийско-польской бюрократии. Деятельность москвофилов и «народовцев» была решительно осуждена великим русским революционным демократом Н. Г. Чернышевским.

Но угнетённые народные массы стремились к активной политической жизни и выступали всё более открыто. Возникло новое политическое течение, боровшееся за интересы угнетённых масс, — радикал-демократы. Во главе их с середины 70-х годов стал И. Я. Франко (1856—1916 гг.) — великий украинский писатель и крупнейший общественно-политический деятель, продолжатель революционно-демократических традиций

Шевченко. Франко стоял на материалистических позициях, был атеистом и как писатель являлся сторонником критического реализма. Он был утопическим социалистом, но подобно своим учителям — Чернышевскому, Герцену, Добролюбову — вплотную подошёл к диалектическому материализму. Франко боролся с националистической украинской буржуазией, с немецкими, венгерскими, польскими и другими захватчиками украинских земель. Он вёл борьбу во имя социального и национального освобождения и воссоединения украинского народа, которое явилось бы результатом победы революции в России. Франко подвергал жестокой критике лжеучёные «труды» буржуазных националистов — М. Грушевского и других, разоблачал их космополитизм и низкопоклонство перед Западом.

Все реакционные силы Галиции, в том числе и москвофилы и народовцы, вели борьбу против радикальных демократов. На протяжении 1876—1878 гг. во Львове состоялось три судебных политических процесса — Франко, Павлика, Терлецкого и других деятелей радикально-демократического движения.

С 70-х годов в Галиции стало заметно расти рабочее движение. Радикалы принимали в нём деятельное участие. В январе 1870 г. во Львове вспыхнула забастовка типографских наборщиков, в 1871 г. бастовали портные, в 1874 г. — пекари, в 1875 г. — шорники. В эти годы Франко познакомился с произведениями Маркса, переводил на украинский язык отрывки из «Капитала» и подготовлял перевод некоторых работ Энгельса.

В 80-х годах поднялось массовое крестьянское движение, принявшее своеобразную форму народных собраний (віча), на которых обсуждалось политическое и экономическое положение западноукраинских земель и украинского народа.

В 1890 г. рабочие Львова впервые праздновали день 1 Мая; в городе состоялся митинг, на котором присутствовало около 3 тыс. человек. В том же году была создана «Украиньско-руська радикальна партия», одним из основоположников которой был Франко. Программа партии требовала всеобщего, прямого и тайного голосования, свободы собраний, прессы, облегчения крестьянских податей, увеличения крестьянского землепользования, обучения на украинском языке и т. д.

В ответ на усиливавшееся недовольство масс правящая верхушка стала искать способа ослабить массовое движение посредством мелких уступок. В 1890 г. наместник Галиции граф К. Бадени заключил соглашение с народовцами, которые обещали быть солидарными с политикой австрийского правительства. В обмен Бадени давал им несколько мест в парламенте, обещал открыть украинскую гимназию, увеличить число украинских кафедр в Львовском университете и ввести украинское

фонетическое правописание. В связи с этим народовцы поспешили провозгласить «новую эру» в отношениях с польской шляхтой и австрийским правительством, окончательно скатившись к полному подчинению политике австрийско-польских властей. На Украине «новую эру» поддержали «громадовцы», В. Антонович и другие сторонники австрийской ориентации. Радикальная партия и особенно Франко выступили против «новой эры», объявление которой говорило об измене коренным интересам украинского народа.

Действия австрийского правительства были рассчитаны на отрыв Украины от царской России, на ослабление России. Они были составной частью плана общегерманского наступления на Восток.

Развитие украинской культуры во второй половине XIX в. В эпоху капитализма на Украине шла непримиримая борьба революционно-демократической культуры против культуры помещичьей и буржуазной.

В конце 50-х годов на Украине началось движение за воскресные начальные школы, вызванное огромной тягой рабочих, ремесленников и их детей к образованию. Это движение поддержал Н. И. Пирогов. В 1859 г. в Киеве начала работать первая на Украине воскресная школа. Вслед за ней открылись школы и в других городах. Преподавателями школ были студенты, учителя гимназий, профессора университетов, которые вели уроки на украинском или на русском языке. Часть преподавателей, разделяя идеи революционной демократии, проводила в школах свою пропаганду. Т. Г. Шевченко написал и издал для воскресных школ «Букварь южно-русский». В июне 1862 г. царизм закрыл школы, которые привлекли к себе внимание властей как очаг революционной пропаганды.

Репрессиям царского правительства подверглась и вся система народного образования, в которую просачивались новые веяния. Количество приходских школ на Украине всё уменьшалось: на Черниговщине в 1876 г. одна школа приходилась на 6 730 детей. Преподавание на украинском языке было запрещено. По данным переписи 1897 г., на Украине было всего 13 грамотных на 100 человек населения. В средней школе главным предметом преподавания стали древние языки, а общеобразовательные дисциплины были крайне урезаны. Нежинский лицей был превращён в высшее учебное заведение для подготовки учителей греческого и латинского языков. В высших учебных заведениях усилился реакционный правительственный контроль над преподаванием и научной деятельностью.

Но, несмотря на преследования передовой науки царизмом, виднейшие учёные, работавшие на Украине в Киевском, Харьковском, Новороссийском (основан в Одессе в 1865 г.)

университетах, внесли огромный вклад в украинскую и русскую науку. В Киевском университете некоторое время (в 1869 г.) работал Ф. А. Бредихин, один из крупнейших в мире астрономов. В Харьковском университете занимал кафедру химии Н. Н. Бекетов, который в 1865 г., на двадцать лет раньше, чем за рубежом, ввёл в университете курс физической химии. Мировой известности достиг математик А. М. Ляпунов, который с 1885 до 1902 г. вёл преподавательскую и научную работу в Харьковском университете. Целая плеяда выдающихся русских учёных работала в Одессе. С 1871 по 1876 г. профессором физиологии Новороссийского университета был величайший русский учёный, основоположник физиологической науки И. М. Сеченов. Долгие годы на Украине работал замечательный русский биолог А. О. Ковалевский. Великий русский учёный И. И. Мечников, родившийся на Украине и окончивший в 1864 г. Харьковский университет, в 1870 г. переехал в Одессу и работал там профессором университета до 1882 г. Мечников и крупнейший микробиолог и эпидемиолог Н. Ф. Гамалея основали в 1886 г. в Одессе первую в России бактериологическую станцию.

В области экономических наук в 70-х годах выступал либеральный профессор Киевского университета Н. Зибер, известный как популяризатор экономических идей К. Маркса. Маркс назвал ценной работу Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях».

В украинской и русской буржуазной историографии видное место занимал Н. Костомаров. Он уделял много внимания истории казацко-крестьянских восстаний и истории народного быта. Его труды были обычно построены на обширных новых архивных источниках и написаны художественным языком. Но его труды, в том числе работы по истории Украины («Богдан Хмельницкий», «Руина» и др.), проникнуты ложной буржуазно-националистической идеей бесклассовости украинского освободительного движения и идеей буржуазного федерализма. Историк А. Лазаревский (1834—1902 гг.) исследовал закрепощение крестьянства украинской казацкой старшиной — помещиками на Левобережье в XVIII в. Он обличал казацкую старшину как помещиков-стяжателей, закрепощавших на протяжении XVIII в. крестьян и казаков. Тем самым Лазаревский опроверг буржуазно-националистических историков, которые считали, что закрепощение украинского крестьянства пришло на Украину извне, а не являлось результатом внутреннего развития феодально-крепостнических отношений на Украине.

Усилиями украинских буржуазных деятелей в Киеве был создан Юго-западный отдел Русского географического общества (1873—1876 гг.), собиравший по Правобережью статисти-

ческие и этнографические материалы, созывавший собрания с докладами о Правобережной Украине. В 1876 г. Отдел был ликвидирован царскими властями. Ценным статистическо-экономическим трудом было «Статистическое описание Киевской губернии» в трёх томах, составленное Д. Журавским и изданное в 1852 г. в Петербурге. Чернышевский писал в «Современнике», что работа Журавского — «один из тех ничем не заменяемых источников, которые навек остаются главнейшим пособием для изучения предмета, ими излагаемого».

В Харьковском университете преподавал А. А. Потебня (1835—1891 гг.), в то время один из самых выдающихся учёных в области языковедения, автор исследований об общем языковедении, о русском и украинском языках, о фольклоре и диалектологии восточнославянских языков.

На борьбу за интересы угнетённого народа выступили талантливейшие писатели-реалисты — классики украинской литературы Марко Вовчок, Панас Мирный, И. Франко и другие. Всё их творчество проникнуто борьбой против буржуазного национализма.

В своих работах об украинской литературе Чернышевский и Добролюбов показали величие и мощь поднимающейся демократической литературы украинского народа. Они высоко оценили поэтический гений Т. Шевченко и огромный талант Марко Вовчок.

Выдающимся представителем критического реализма была Марко Вовчок (Мария Маркович) (1834—1907 гг.). В 1857 г. в Петербурге были изданы её «Народнi оповiдання», а в 1859 г. И. С. Тургенев выпустил в свет произведения писательницы в русском переводе. Творчество Марко Вовчок расцвело в годы острой борьбы всех передовых сил страны против крепостного строя. Повести и рассказы писательницы («Iнститутка», «Паньска воля», «Два сини» и др.) проникнуты чувством любви к закрепощённому народу, к его могучей духовной силе. В них показана невыносимо тяжёлая жизнь крепостных, дикий произвол помещиков, их моральное разложение. В произведениях Марко Вовчок впервые появился тип протестующего, борющегося крестьянина, позже широко раскрытый в украинской литературе. Произведения Марко Вовчок были высоко оценены Шевченко. Марко Вовчок вела переписку с Герценом, доставляла материал для «Колокола».

Поэт С. Руданский (1833—1873 гг.) в своих «Спiвомовках» показал себя как талантливый юморист, обличающий помещиков и чиновников. Он противопоставлял ум, находчивость, предприимчивость простых людей алчности и умственной ограниченности господствующих классов.

Выдающимся представителем демократического направления в украинской литературе был П. Мирный (Рудченко) (1849—1920 гг.). Он боролся с остатками крепостничества, вскрывал социальные противоречия развивающегося капиталистического строя, обличал деревенскую и городскую украинскую буржуазию. В романе «Хіба ревуть воли, як ясла повні» (1880 г.) Мирный показал, как обездолила крестьян реформа и как крестьянская беднота борется против нищеты и общественной неправды. В романе «Повія» (печатался с 1883 г.) показана с большой обличительной силой страшная доля крестьянской девушки, выброшенной из деревни в город в поисках куска хлеба и гибнущей в звериных тисках капитализма.

Буржуазно-националистическая литература выступила в лице П. Кулиша. В историческом романе «Чорна рада» (1857 г.) Кулиш восхвалял украинскую казацкую старшину и очернил народную борьбу против угнетателей, представляя народ как разрушительную силу. Буржуазно-националистическая концепция Кулиша была развита позже историками В. Антоновичем и М. Грушевским, а также писателем Б. Гринченко и др.

Несмотря на запреты и ограничения со стороны царского правительства, развивалось украинское демократическое театральное искусство и драматургия. В 80—90-х годах вырос огромный талант выдающихся актёров — Садовского (М. Тобилевича), Саксаганского (П. Тобилевича), М. Заньковецкой. Талантливейшим представителем украинской демократической драматургии был И. Карпенко-Карый (И. Тобилевич, 1845—1907 гг.), создатель выдающихся пьес, написанных в духе критического реализма: «Наймичка», «Мартин Боруля», «Сто тисяч», «Сава Чалий» и др. Многие пьесы Карпенко-Карого вошли в репертуар советского театра. К драматургии Карпенко-Карого примыкал М. Кропивницкий. В его лучшей драме «Глитай або ж павук» раскрыто трагическое положение крестьянской бедноты, находящейся в руках пауков-мироедов.

Демократическая украинская драматургия 80—90-х годов находилась под благотворным влиянием творчества Гоголя и Островского, возглавлявших самую передовую в мире демократическую русскую драматургию. Она противостояла враждебным реализму буржуазно-националистическим писателям и драматургам Кулишу, Гринченко и др.

Опираясь на народное творчество, далеко шагнула вперёд и музыка. Её развитие особенно тесно связано с именем гениального украинского композитора Н. В. Лысенко (1842—1911 гг.). Он создал ряд крупных симфонических и камерных произведений, ему принадлежат оперы «Тарас Бульба», «Різдв'яна Ніч», «Утоплена», «Наталка-Полтавка» и др.

Лысенко собрал и издал в четырёх томах украинские народные песни, положив их на ноты и написав для них фортепианный аккомпанемент, записал музыкальный репертуар кобзаря Остапа Вересая, написал музыку на большое количество стихов Т. Шевченко. Лысенко был талантливым преподавателем музыки, зачинателем научного изучения украинской народной песни.

Знаменитый оперный певец С. Гулак-Артемовский написал в 1863 г. оперу «Запорожец за Дунаем», которая и поныне идёт на нашей сцене. Композитор Гладкий был автором мелодии «Заповіта» на слова Шевченко. Композитор Нищинский написал оперетту «Вечорниці»; хор из этого произведения «Закувала та сива зозуля» стал одной из любимых песен украинского народа.

Украинская музыка развивалась в тесном единении с русской музыкальной культурой. Русские композиторы широко использовали в ряде своих произведений украинскую тематику и украинскую народную песню. М. Мусоргский написал оперу «Сорочинская ярмарка», Н. Римский-Корсаков создал оперы «Майская ночь» и «Ночь перед Рождеством» по произведениям Гоголя. А. Н. Серов написал исследование об украинской народной песне. П. И. Чайковский создал оперу «Черевички» (по Гоголю), ввёл мотив украинской народной песни в свою 2-ю симфонию и т. д.

Содружество русской и украинской культур широко проявлялось в изобразительном искусстве. И. Е. Репин, родившийся на Украине, отразил в своём творчестве жизнь украинского народа («Запорожцы», «Вечерницы», «Гопак»). Один из членов группы «передвижников», Н. А. Ярошенко (род. в 1846 г. в Полтавской губернии), написал ряд картин, отражавших жизнь разночинной интеллигенции. На Украине работали выдающиеся художники Н. Ге, Куинджи. Талантливый художник Трутовский был живописцем, а также иллюстратором к сочинениям русских и украинских писателей. Значительное место в украинской культурной жизни занимало творчество художников Л. Жемчужникова, Васильковского, Мартыновича и др.

Из монументальных произведений скульптуры второй половины XIX в. самым выдающимся является памятник Богдану Хмельницкому, созданный художником и скульптором М. Микешиным и воздвигнутый в 1888 г. в Киеве на Софийской площади.

В конце XIX в. выступили талантливые украинские писатели — революционные демократы П. Грабовский, М. Коцюбинский, Леся Украинка. Их творчество, проникнутое духом патриотизма и революционной борьбы, развернулось во второй половине 90-х годов и в начале XX в.

Передовая культура западноукраинских земель развивалась в обстановке непрерывных и жестоких преследований, в напряжённой борьбе против буржуазно-националистической культуры, против германизации и полонизации.

Революционным духом были проникнуты многочисленные поэтические произведения И. Франко («Каменярі», «Вічний революціонер» и др.). В «Бориславских оповіданнях», в повестях «Боа констриктор», «Борислав сміється» Франко изобразил классовую борьбу рабочих против буржуазии. В своих произведениях он боролся против остатков крепостничества в деревне. Его перу принадлежат также шедевры революционно-демократической украинской драматургии «Украдене щастя», «Рябина», «Учитель». Франко требовал от украинских писателей создания реалистической литературы. Франко всю жизнь был верным другом русского народа, переводил на украинский язык труды Чернышевского, Герцена, Добролюбова, вместе с другими украинскими демократическими писателями неустанно крепил связь украинской и русской демократической культуры, борясь и против буржуазного национализма и против космополитизма.

В Буковине продолжались усиленная румынизация и онемечивание украинского населения. Среди местной украинской интеллигенции было сильно развито москвофильство, а в школах и литературе распространялось «язычие». К концу 60-х годов здесь стали заметны влияния, идущие из Галиции. К началу XX в. в Буковине существовало около 200 сельских школ, где преподавался украинский язык, одна украинская гимназия и две украинские кафедры в Черновицком университете. Однако в целом в буковинских школах господствовал немецкий язык.

Крупнейший буковинский поэт-демократ Ю. О. Федькович (1834—1888 гг.) продолжал в своих произведениях поэтическую традицию Т. Шевченко. В его творчестве отразилась ненависть буковинских крестьян к немецким захватчикам и классу помещиков. Герой поэмы Федьковича Лукьян Кобылица призывает народ вместе с восставшими венграми добыть себе свободу и прогнать панов. Сборник рассказов Федьковича был издан в Киеве в 1876 г. Федькович был общественным деятелем, отдавшим все свои силы служению интересам угнетённого буковинского крестьянства. О. Кобылянская (1865—1942 гг.), которая выступила в 80-х годах, в своих произведениях из жизни интеллигенции боролась за равноправие женщин («Людина», «Царівна») и дала картину жизни угнетённого крестьянства («Земля» и другие произведения).

Закарпатская Украина была экономически и политически наиболее отсталой областью западноукраинских земель. В За-

карпатье особенно силен был иноземный гнёт венгерских правящих классов. Закарпатские украинские массы стремились к воссоединению со всей Украиной и установлению тесных взаимоотношений с братским русским народом. Передовая украинская молодёжь Закарпатья знакомилась с сочинениями Шевченко, Пушкина, Гоголя, Грибоедова. Особенно усилившаяся в 60-х годах XIX в. мадьяризация Закарпатской Украины почти свела на-нет украинскую школу. Местная украинская интеллигенция в большинстве своём мадьяризовалась, тогда как украинское крестьянство и рабочий класс сохранили свой родной язык.

Несмотря на жесточайшие преследования царизмом и австро-венгерской монархией, украинская демократическая культура развивалась, росла и крепла. Из народных недр вышел отряд великих деятелей украинской культуры, которые вместе с народом вели борьбу против царизма, австро-венгерской монархии, помещиков и буржуазии с их растленной антинародной культурой.

Развивавшаяся под воздействием великой русской культуры и вместе с ней демократическая культура украинского народа и других народов России поднимала народные массы на революционную борьбу против угнетения.

Реформа 1861 г. в Белоруссии и Литве. Крестьянская реформа 1861 г. в Белоруссии освободила от крепостной зависимости около 2 млн. частновладельческих крестьян. Помещики в Белоруссии и Литве (главным образом поляки) старались всеми мерами захватить побольше крестьянских земель. Ещё в известном проекте, переданном виленским генерал-губернатором Назимовым царскому правительству, они требовали освобождения крестьян совсем без земли. При проведении реформы помещики всячески стремились урезать крестьянские наделы, чаще всего добиваясь этого путём передачи крестьянам «дарственных» наделов. Кроме того, в Белоруссии было много мелкопоместных дворян, чьи крестьяне получили значительно урезанные наделы. Процент дворян по отношению к общему количеству населения был в Белоруссии особенно велик, составляя 3,5%, в то время как во всей России дворяне составляли лишь 0,48% всего населения. После реформы у белорусских крестьян оказалось лишь 30% всей земли, — 60% осталось за помещиками. Характерной чертой местного дворянства было то, что оно в большой доле состояло из поляков.

Как уже указывалось, восстания литовского и белорусского крестьянства в 1863 г. заставили царское правительство пойти на некоторые демагогические уступки при проведении реформы в западных губерниях, в том числе и в Белоруссии. Для того

чтобы ослабить крестьянское движение, царское правительство указами 1 марта и 2 ноября 1863 г. ликвидировало временно-зависимое положение крестьян западных губерний, объявило их уже с 1864 г. свободными от барщины и оброка, крестьяне должны были вслед за этим приступить к уплате выкупных платежей.

В Виленской, Гродненской, Минской губерниях, а также в четырёх так называемых «инфлянтских» уездах Витебской губернии, примыкавших к Прибалтийскому краю, общинное землевладение исчезло ещё до реформы; после реформы его заменило подворное землепользование, при котором надел отводился каждому домохозяину, отвечавшему за выполнение повинностей в пользу помещика. Лишь в Витебской (за исключением «инфлянтских» уездов) и Могилёвской губерниях, где до реформы за немногими исключениями преобладало общинное землепользование, при проведении реформы наделы отводились целым обществам, которые и отвечали круговой порукой за исправление повинностей. В тех селениях, где было подворное землепользование, надел отводился отдельным домохозяевам, и последние несли личную ответственность за выполнение повинностей. Для пореформенной белорусской деревни были характерны так называемые «сервитуты», т. е. земли, находившиеся в совместном пользовании помещика и крестьян, главным образом леса и пастбища; они занимали в Белоруссии до 30% помещичьих земель.

Земская, судебная и городская реформы не были распространены на Белоруссию: царское правительство боялось усилить этими реформами политическое влияние неспокойных польских помещиков.

Для пореформенного сельского хозяйства Белоруссии было характерно наличие крупных помещичьих латифундий. В 1877 г. 82,6% мелких и средних помещиков имели всего 6,4% земельной площади, в то время как 7,2% крупных помещиков (имения свыше 500 десятин) владели 83,3% всей частновладельческой земли. Князь Витгенштейн, например, имел в Минской и Виленской губерниях более 100 имений, владея около 1 млн. десятин земли, Антон Радзивилл имел 150 576 десятин, Константин Потоцкий—121 569, Маврикий Потоцкий—111 465 десятин и т. д. Закабалённое белорусское крестьянство обрабатывало помещичью землю или по высоким ценам арендовало её у барина. Техника обработки земли и после реформы осталась отсталой, дедовской, — белорусский крестьянин чаще всего пахал землю сохой и боронил деревянной бороной.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. Преобладание крепостнических латифундий и проведение царским правительством различных ограничительных законов с

целью обеспечения для помещиков центральных русских губерний наилучших условий сбыта продуктов их хозяйства задерживали развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. Особыми тарифами царское правительство добилось того, что хлеб, привезённый из центральных губерний, стоил в Белоруссии дешевле местного. Но всё же в Белоруссии, как и во всей Российской империи, после реформы 1861 г. стал развиваться капитализм. Среди белорусского крестьянства усилилась диференциация, облегчённая тем, что в трёх западных губерниях Белоруссии почти полностью отсутствовало общинное землевладение. Ленин относил Гродненскую, Виленскую и Минскую губернии конца XIX в. к районам, где преобладал капиталистический тип сельского хозяйства. В Витебской и Могилёвской губерниях, где было сильно общинное землевладение, преобладала смешанная система — отработочно-капиталистическая.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии тормозилось многочисленными остатками крепостничества — отработками, общиной, сервитутами и т. п. Техника сельского хозяйства в силу этого была исключительно низкой; преобладали соха, трёхполье и даже однополье, урожаи зерновых в Белоруссии (в среднем 3,86 четверти с десятины) были ниже урожаев центральных областей России (4,44 четверти с десятины). Купленная и арендованная земля находилась преимущественно у кулаков. В 1876 г. в Минской губернии было 147 «крестьян», владевших 30 080 десятинами земли. Размеры их владений колебались от 72 до 2 526 десятин. С 1876 по 1899 г. площадь земли таких «крестьян» в Минской губернии выросла на 48%. Кулачество стремилось выделиться на хутора. Росло количество безземельных хозяйств; в начале 90-х годов безземельные хозяйства составляли от 6,7 до 9,7% общего количества крестьянских дворов каждой губернии. Развивалось массовое отходничество белорусских крестьян в другие губернии России.

Процесс развития капитализма отразился на мобилизации земли: с 1862 по 1902 г. количество земли, находившейся у дворян, сократилось по всей Белоруссии на 21%, причём в Могилёвской и Витебской губерниях, где преобладал крепостнический тип помещичьего хозяйства, сокращение достигло 30—32%. Земли в значительной мере переходили в руки сельской буржуазии. Росла задолженность дворянства, особенно крупного. По данным Дворянского банка, за 1896 г. крупные имения (свыше 2 тыс. десятин) составляли в общей сложности 69,1% всех заложенных дворянством земель.

Развитие капиталистических отношений сказывалось в росте товарооборота сельскохозяйственных продуктов, в росте

посева технических культур. Площадь посева картофеля в помещичьих хозяйствах по всей Белоруссии выросла с 1881 по 1899 г. на 243%, в то время как по всей Европейской России этот рост составлял только 107,5%. За 1862—1870 гг. в Белоруссии было перекурено на водку 33 923 тыс. пудов картофеля, а в 1886—1894 гг. — 97 693 тыс. пудов, т. е. почти в 3 раза больше; площадь посева льна с 1881 по 1899 г. увеличилась на 73%. В 1889 г. из 2 082 винокуренных заводов, имевшихся в Европейской России, 376, или 18,1%, приходилось на Белоруссию.

Развитие капиталистической промышленности в Белоруссии. Белоруссия, как и другие «окраины» России, нужна была российским фабрикантам и заводчикам как рынок сбыта товаров и источник сырья. Деятельность местной промышленной буржуазии подвергалась различным ограничениям.

Колония царской России — Белоруссия в пореформенный период стояла по развитию промышленности позади многих районов царской России. Доход от промышленности составлял лишь 9,05% общего дохода, — Белоруссия была страной преимущественно аграрной. Деревенские промыслы не были особенно распространены в Белоруссии, но её города и местечки были переполнены ремесленниками, главным образом евреями, которым царское правительство запрещало даже в черте оседлости селиться в сельских местностях. Ремесло Белоруссии во второй половине XIX в. находилось в стадии разложения и перехода к капиталистической мануфактуре. Тяжёлая промышленность совсем не развивалась в Белоруссии, что отражало её колониальное положение; получила развитие преимущественно лёгкая промышленность. Оставшиеся частично со времён крепостничества гродненские суконные мастерские к 70-м годам выросли в довольно крупные предприятия: в 1879 г. семь крупных гродненских фабрик давали 38% всей стоимости продукции гродненской суконной промышленности, на них работало 3 210 рабочих, что составляло 49,2% к общему числу гродненских суконщиков. На крупных фабриках начали вводиться усовершенствованные машины, ввозимые из Бельгии, Англии и Германии. Стоимость продукции металлообрабатывающей промышленности с 517 500 руб. в 1879 г. выросла до 2 896 900 руб. в 1900 г. Развились также деревообделочные, стеклянные, бумажные, спичечные, табачные и другие виды промышленных предприятий. Бумажная фабрика Паскевича в Добруше (вблизи Гомеля) в 1875 г. дала 36 662 пуда бумаги, а в 1879 г. — 103 578 пудов.

В 70—80-х годах в Белоруссии и Литве был проведён ряд железнодорожных линий. По приведённым у Ленина данным, в западных губерниях (Виленской, Витебской, Гродненской,

Минской, Могилёвской и Ковенской) количество городского населения выросло с 10,9% в 1863 г. до 11,8% в 1897 г. Происходила концентрация белорусской промышленности: в 1879 г. в Белоруссии насчитывалось 2 509 промышленных предприятий с общей стоимостью продукции в 33 553 руб., а в 1890 г. количество предприятий уменьшилось до 1 795, но стоимость их продукции возросла до 53 333 руб. Развитие капитализма приводило к специализации районов: Могилёвская губерния специализировалась на кожевенной и бумажной промышленности, Витебская — на кожевенной и мукомольной, Гродненская губерния являлась довольно крупным центром суконной промышленности.

Вместе с ростом промышленности в Белоруссии росла и местная буржуазия, состоявшая преимущественно из евреев, поляков и немцев. Развивался и пролетариат, многонациональный по своему составу. Рабочих к концу XIX в. в Белоруссии было около 70 тыс., что для страны с населением в 7 468 900 человек было довольно незначительным количеством.

Несмотря на развитие промышленности, Белоруссия оставалась отсталым районом по сравнению с многими областями царской России. Причиной этого были остатки крепостничества в экономике страны и колониальный режим, установленный в Белоруссии царизмом.

Национальное угнетение Белоруссии. Обездоленный белорусский народ стонал под тройным гнётом — крепостническим, капиталистическим и колониальным. После подавления польского восстания 1863 г. царское правительство усилило политику насильственной руссификации Белоруссии. Царизм стремился сделать Белоруссию «истинно русским краем». 14 мая 1864 г. Муравьёв-«вешатель» подал царю записку, где предлагал повсеместно ввести русский язык, заменить белорусских чиновников русскими, заселить край русским населением, использовав для этой цели староверов, и т. д. Программа насильственной руссификации была принята и начала проводиться в жизнь. Белорусские учителя в школах были заменены русскими, школу отдали под контроль православных священников. В 1864 г. были учреждены специальные учительские семинарии, где из белорусской молодёжи готовили руссификаторов в духе православия и самодержавия. Белорусский язык считался «мужицким», царское начальство над ним издевалось, а в 1867 г. был издан специальный закон, запрещавший печатать книги на белорусском языке. Этим наносился тяжёлый удар белорусской литературе и культуре вообще: белорусским писателям приходилось свои произведения печатать за границей. Усилилось гонение на белоруссов, ещё не обращённых из католической и униатской веры в пра-

вославную. Чтобы избежать гонений, тёмный белорусский крестьянин платил и православному попу и ксендзу. Усилилось гонение на евреев, живших главным образом в Белоруссии и Литве. Душить белорусскую культуру помогали царизму также польские помещики, которые ненавидели её в не меньшей степени, чем русские крепостники. В целях укрепления своего господства польские помещики в Белоруссии предлагали своим управителям строго смотреть за тем, «чтобы крестьянские дети занимались не книгами, а плугом, сохою, бороною и цепом».

Перенаселение и обнищание белорусских городов и местечек вызвали массовое переселение в Америку. С 1889 г., когда был издан закон о переселении малоземельных и безземельных, белорусские крестьяне начали переселяться и в Сибирь.

Революционное движение. Народничество. Идеи революционного демократизма получили распространение в Белоруссии ещё перед польским восстанием 1863 г. В этом году в Витебской губернии печатался журнал революционной организации «Земли и воли» — «Свобода», где развивались демократические требования Герцена и Чернышевского, поддерживался лозунг передачи крестьянам земли без выкупа. В журнале говорилось, что «Положения 19 февраля 1861 г.» не разрешили крестьянского вопроса, что в России неизбежна революция, которая установит управление выборных от народа представителей. В 70-х годах начали организовываться кружки по самообразованию с целью пропаганды революционно-демократических идей, главным образом среди учащейся молодёжи (в Гродно, Минске, Могилёве). В 1875 г. полиция арестовала около 60 участников таких кружков. У арестованных была обнаружена революционная литература, среди которой было много экземпляров сборника «Вперёд», издававшегося под редакцией Лаврова за границей. Тогда же началось хождение участников кружков «в народ» для пропаганды идей социализма, охватившее все губернии Белоруссии. В процессе «193-х» фигурировали революционеры, ведшие пропаганду в белорусских губерниях (Ковалик, Пумпянская и др.). В 1878 г. в Могилёве организовался кружок «Земли и воли», состоявший из белорусской, еврейской и польской интеллигенции; в 1879 г. полиция арестовала многих из его членов. Такой же кружок существовал в это время в Горыгорецком сельскохозяйственном институте. Кружок распространял литературу «Земли и воли», сборник «Вперёд» и даже социал-демократическую литературу (сочинения Лассаля). Самый значительный народнический кружок существовал в Минске. Он вёл работу среди интеллигенции и среди рабочих, был связан с Петербургом и другими городами. В 1879 г., после раскола

«Земли и воли», когда была раскрыта типография, где печатался «Чёрный передел», минский кружок организовал у себя типографию, в которой издал три номера газеты «Зерно» и несколько воззваний. В связи с этим в Минск дважды приезжал Плеханов. Из белорусских народнических кружков вышел ряд членов «Народной воли», например Геся Гельфман, Гриневицкий, Зунделевич, Ковалик и др. Народники Белоруссии совершили те же ошибки, что и всё народническое движение России. Народничество было идейно разгромлено передовыми представителями рабочего класса — революционными марксистами.

Гнёт царизма в Белоруссии вызывал развитие общественного освободительного движения. В 80—90-х годах в различных городах Белоруссии организовались ученические кружки народнического направления, занимавшиеся изучением белорусской литературы и истории. Один из таких кружков в Минске в 1884 г. издавал первую нелегальную газету на белорусском языке «Гоман», в которой наряду с народническими идеями развивались мысли об автономии Белоруссии. В 1886 г. в Минске организовался кружок из культурников-интеллигентов, группировавшихся вокруг газеты «Минский листок». С 1888 по 1893 г. кружок издал шесть книг «Северо-западного календаря», в котором выражались идеи либерально-народнического направления. Буржуазно-националистические настроения наносили вред освободительному движению, отводя внимание революционных кругов от единственно правильного пути революционной борьбы: перед белорусским рабочим классом и крестьянством лежал путь к освобождению в совместной борьбе с рабочим классом и крестьянством всех национальностей, населявших Россию.

Рабочее движение. В конце XIX в. в Белоруссии имелось около 70 тыс. рабочих. Положение рабочего класса Белоруссии было исключительно тяжёлым, он терпел не только феодальный и капиталистический гнёт, но также и гнёт национальный. Рабочие подвергались варварской эксплоатации. Продолжительность рабочего дня в 80—90-х годах составляла 14—15 часов, заработная плата была очень низкой. Многочисленные белорусские рабочие, растекавшиеся в поисках заработка по промышленным районам центральной России, проходили вместе с русским пролетариатом тяжёлую школу труда и борьбы. Русские рабочие, работавшие на белорусских предприятиях, боролись совместно с белорусским рабочим классом. В процессе развития капитализма всё более осознавалось единство интересов рабочего класса.

В 80-х годах в Белоруссии начинает развиваться стачечное движение. В Минске в 1886 и 1887 гг. произошли стачки на мелких предприятиях города. Стачки эти носили стихийный

характер. Связи экономической борьбы с социалистическим движением ещё не было.

Социалистическая пропаганда началась раньше всего среди еврейских рабочих западных губерний. Социалистические идеи заносились в Белоруссию из центральных городов России, а также из Польши. В начале 80-х годов некоторое влияние на часть рабочих западных губерний Белоруссии оказывала организованная в 1882 г. польская социал-демократическая партия «Пролетариат». В 1885 г. среди рабочих Минска начинают организовываться кружки для самообразования, для изучения русского языка, а также кружки по пропаганде социализма.

Рабочие всех национальностей России под влиянием стачечного движения и социал-демократической агитации всё более и более осознавали свои общеклассовые интересы. Рабочее движение Белоруссии было частью общероссийского движения рабочего класса.

Белорусская культура. Несмотря на тяжёлый национальный гнёт царизма, белорусский народ сумел сохранить и развить свою национальную культуру. Пореформенная эпоха была временем значительного подъёма белорусской литературы. Ещё продолжал писать основоположник новой белорусской литературы Дунин-Марцинкевич. Он создал в это время ряд драматических произведений (водевиль «Пінская шляхта», 1866 г., комедия «Залёты», 1870 г.). Выдвинулась целая плеяда новых крупных литературных деятелей во главе с Ф. Богушевичем: Иван Неслуховский (Янка Лучина), Ельский, Обухович, Гаринович и др. Франциск Богушевич (1840—1900 гг.) первый в своих литературных произведениях стал горячо ратовать за возрождение белорусского языка и художественного творчества, за возрождение культуры белорусского народа. Богушевич с любовью обращался к народному творчеству, влияние которого сильно и благотворно сказалось на его поэзии. Он правдиво зарисовал в своих стихотворениях тяжёлую жизнь белорусского крестьянина, пробуждал у читателей интерес и любовь к народу. В ряде стихотворений он выступил как обличитель порядков царской России («У судзе», «У вастрозе» и др.). Стихотворения Богушевича могли появиться лишь за границей: в 1891 г. в Кракове вышел известный сборник его стихов «Дудка Беларуска» (под псевдонимом Мацая Бурачка), в 1894 г. в Познани — сборник «Смык Беларускі».

Того же направления держался другой белорусский поэт, Иван Неслуховский (1851—1897 гг.), писавший под псевдонимом Янка Лучина. В 1891 г. он издал сборник стихов на белорусском языке под названием «Вязанка», в котором ярко

обрисованы тяжёлое положение белорусского крестьянина-бедняка, его мысли и надежды. Эти поэты подобно всем народникам отрицательно относились к проникавшему в деревню капитализму.

Творчество белорусского народа — замечательные песни, сказки — хранило лучшие национальные традиции, отражало живой ум, высокую художественную одарённость белорусского народа, его ненависть к угнетателям, уважение к труду. Белорусский фольклор отличается яркой сатирической окраской по отношению к панам-помещикам, нередко отражая в своих сюжетах исторические события XIX в. (войну с Наполеоном, реформу 1861 г. и др.).

Положение евреев. Стиснутое в границах черты оседлости и почти лишённое возможности в результате всякого рода ограничений заниматься сельскохозяйственным трудом, еврейское население вынуждено было тесниться преимущественно в городах и местечках черты оседлости. По данным обследования начала 80-х годов, евреи составляли в среднем больше половины населения городов и местечек Литвы и Белоруссии. В сельских же местностях еврейское население составляло ничтожный процент — от 1 до 4 — по разным губерниям «черты».

Процесс развития капитализма сказался в резком усилении классового расслоения среди евреев. Еврейская буржуазия быстро приспособилась к новым экономическим условиям, найдя приложение своим капиталам в банковом деле, в постройке и эксплоатации железных дорог, в промышленных предприятиях и оптовой торговле. Из среды еврейской буржуазии вышли такие крупные предприниматели, как железнодорожный магнат Поляков или сахарозаводчики Бродские, сосредоточившие к началу 90-х годов на своих заводах выпуск почти четверти всей рафинадной продукции России. От 60 до 70% всего оборота по торговле сахаром находилось в руках еврейских купцов; громадную роль играли они и в хлебном экспорте. Еврейская же трудовая масса в новых условиях ещё быстрее разорялась. Частично, особенно в промышленных центрах, она втягивалась в ряды пролетариата, но преобладающая масса еврейской бедноты была связана со случайными заработками, ремеслом, мелкой торговлей. Скопление в городах и местечках громадного количества еврейской бедноты чрезвычайно затрудняло возможность найти какую-нибудь работу и резко понижало заработок.

Жилищные условия еврейской бедноты были исключительно тяжелы. Многие евреи совсем не имели постоянной квартиры, ночуя в молитвенных домах и синагогах; в более или менее значительных городах таких бездомных насчитывались

тысячи. Питание бедняков-евреев было чрезвычайно скудно. На почве скученности и плохого питания развивались болезни, особенно туберкулёз. Смертность среди еврейской бедноты была ужасающая; так, в городах и местечках Гродненской губернии, населённых преимущественно еврейской беднотой, смертность была в 8 раз выше, чем в сельских местностях той же губернии.

Назревание революционной ситуации в России после Крымской войны несколько отразилось и на политике царизма в «еврейском вопросе». По закону 26 августа 1856 г. евреи стали на общем основании отбывать рекрутскую повинность; однако вопрос об уравнении евреев в правах с остальным населением империи не нашёл сочувствия в еврейском комитете (в котором председательствовал Д. Н. Блудов). Резолюция Александра II гласила, что он «с этим никак не согласен», и дело ограничилось лишь некоторыми незначительными льготами по отношению к еврейской буржуазии и интеллигенции.

Ни в земском положении 1862 г., ни в судебных уставах 1864 г. не было никаких ограничений для евреев; не было их и в уставе о воинской повинности 1874 г. Во все средние и высшие учебные заведения, по уставам 60-х годов, евреи принимались на общих основаниях. Но уже с конца 60-х годов растущая реакция начала вводить новые ограничения для евреев: было ограничено их право избираться в городские управы и состоять в числе присяжных заседателей. В конце 70-х годов был издан ряд законов, в результате которых евреи привлекались к отбыванию воинской повинности в большей мере, чем христиане. Стали устраиваться «ритуальные процессы» против евреев и еврейские погромы. В 1881—1882 гг. при непосредственном участии правительственных агентов прокатилась волна еврейских погромов, которые правительство использовало в целях разжигания великодержавного шовинизма.

Усилившееся в связи с развитием капитализма классовое расслоение среди евреев приводило к разложению дореформенного еврейского «просветительства» («Гаскала»): часть «просветителей» превратилась в откровенных защитников интересов еврейской буржуазии.

Передовые еврейские писатели протестовали против ухода интеллигенции от народа. В начале 60-х годов из «Гаскалы» выделилось демократическое крыло, которое находилось под сильным влиянием русских просветителей-демократов — Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Еврейские демократы вскрывали классовые противоречия среди еврейского общества, указывая на эксплоатацию еврейской бедноты буржуазией, как на главную причину нищеты еврейских масс. В 70-х годах среди демократической интеллигенции распространились

идеи утопического социализма, стали возникать социалистические кружки, происходило сближение с русскими народниками. В 1876 г. был разработан устав «Социально-революционного союза между евреями в России», который должен был стать «Еврейской секцией русской социально-революционной партии». Ряд лиц из народнически настроенной еврейской молодёжи примкнул к русскому народническому движению, приняв активное участие в деятельности «Земли и воли», а затем «Народной воли» и «Чёрного передела» (М. Натансон, Г. Гельфман, С. Чудновский, Л. Дейч, П. Аксельрод, А. Зунделевич, О. Аптекман и др.).

Еврейские погромы 1881—1882 гг. и последовавший за ними поток ограничительных законов против евреев способствовали резкому усилению буржуазного национализма в среде евреев; еврейская буржуазия призывала евреев к переселению в Палестину. Идеи буржуазного национализма являлись реакционными. Правильным путём к освобождению еврейских трудящихся масс от национального и социального угнетения и бесправия был только путь революционной борьбы, общий для всех народов царской России.

Часть еврейской демократической интеллигенции осталась на революционных позициях, примкнула к растущему рабочему движению и начала усваивать идеи марксизма.

Крестьянская реформа на Кавказе. По окончании завоевания Кавказа началось его экономическое освоение. В этих целях царское правительство провело на Кавказе ряд буржуазных реформ и вместе с тем приняло меры по колонизации Кавказа и по привлечению капиталов для постройки дорог, фабрик, заводов, для разработки недр и для расширения торговли.

Первой в ряду реформ на Кавказе была крестьянская реформа. Как и в центральной России, она была в значительной мере обусловлена возросшим крестьянским движением. Выработка проекта крестьянской реформы была и тут делом дворянства. Проект исходил из основных принципов «Положений 19 февраля». В Грузии реформа была проведена в 1864—1866 гг. несколькими законодательными актами и охватила последовательно Восточную Грузию, Имеретию, Гурию и Мегрелию; в Сванетии реформа была проведена только в 1871 г. В Грузии помещики должны были предоставить крестьянам в постоянное пользование усадьбу и земельный надел, причём помещик мог оставить за собой половину земли. За усадьбу крестьяне должны были платить денежный оброк, за надел — оброк натурой, в размере, превышавшем дореформенный. На выкуп и полевого надела и усадьбы требовалось согласие помещика. Виноградники оставались за помещиком. За личное освобождение крестьян помещики получили возна-

граждение в размере от 25 до 50 руб. за душу. Безземельные крестьяне-арендаторы (хизаны) освобождались, как и дворовые, без земли. В результате освобождения наделы грузинских крестьян сократились в среднем с 5,9 до 3,8 десятины, повинности же в среднем удвоились, а переход на выкуп затянулся до 1913 г. Сельское общественное управление было установлено в Грузии по общему образцу «Положений 19 февраля», с введением круговой поруки и сохранением за помещиками права вотчинной полиции. В Сванетии, где до реформы крестьяне фактически пользовались всей землёй, уплачивая помещикам небольшой оброк продуктами, «освобождение» резко ухудшило положение крестьян: крестьянские наделы оказались здесь ещё меньше, чем в Грузии, а оброк за пользование лесом для топлива и пастьбы скота — больше. Очень тяжёлой для крестьян оказалась реформа в Абхазии. «Освобождению» предшествовало здесь большое крестьянское восстание 1866 г., вызванное слухами о готовящейся реформе по грузинскому образцу. После подавления восстания около 20 тыс. абхазцев было принудительно выселено в Турцию. Согласно «Положению о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве в Абхазии», утверждённому в 1870 г., крестьяне и дворовые должны были выкупить свои повинности в четырёхлетний срок, оставаясь в это время на положении временно-обязанных и неся определённые повинности. Земельный надел абхазских крестьян равнялся в среднем 2—3 десятинам на «дым», бо́льшая часть земли отошла к помещикам. «Положение» о временно-обязанных через четыре года было продлено без ограничения срока, так как крестьяне не могли уплатить в срок столь тяжёлого выкупа. Временно-обязанные отношения в Абхазии, как и в Грузии, были ликвидированы только в 1913 г. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. часть населения Абхазии восстала, недовольная медлительностью в разрешении поземельного вопроса и порядками управления и суда. В 1879 г. началось распределение земель: население было разделено на два «класса» — «простой» (96,3%) и «привилегированный» (3,6%). Первый «класс» получил по 3,1 десятины земли на душу, второй — по 47,2 десятины на душу. Разница эта была огромной, особенно в условиях Кавказа.

В Азербайджане «Положением о реформе 1870 г.» прежние надельные земли владельческих крестьян были закреплены в их постоянное пользование. Фактически крестьянские наделы в большинстве случаев были намного ниже установленной нормы в 5 десятин на душу мужского пола. Хотя выкуп наделов и допускался, однако вследствие отказа казны в кредитовании выкупных операций последние нигде не произ-

водились, в силу чего вся надельная земля юридически и после реформы оставалась собственностью беков (к выкупу наделов было приступлено лишь в 1913 г.). Во многих местностях размеры крестьянского надела сократились в результате реформы, так как треть всей земли собственник мог оставить за собой. Барщина в основном была заменена денежным оброком, но оброк из доли урожая сохранился в прежнем виде. Отказ от наделов допускался в строго индивидуальном порядке, с разрешения губернского начальства, но крестьяне были лишены права покидать наделы всем обществом. В основном реформа была сведена к замене барщины денежным оброком и к узаконению постоянного землепользования владельческих крестьян; она не затронула сколько-нибудь существенно феодальные отношения в азербайджанской деревне. Азербайджан и после реформы остался страной патриархально-феодальных отношений.

В Дагестане, где ещё до второй половины XIX в. в некоторых феодальных хозяйствах существовало рабство, в 1866—1867 гг. началось освобождение рабов (их насчитывалось около 600 человек). В шамхальстве Тарковском было освобождено от всех феодальных налогов и повинностей в пользу шамхала около 8,5 тыс. дворов.

Проводя крестьянскую реформу на Кавказе, царское правительство последовательно применяло политику поддержки социальных верхов, в которых оно искало, как и раньше, опору для своего дальнейшего владычества.

На почве особо тяжёлых условий проведения крестьянской реформы на Кавказе развивалось стихийное крестьянское движение, которое продолжалось и после реформы.

Эмиграция горцев и колонизация Кавказа. Завоевание Кавказа сопровождалось массовой эмиграцией горцев. Так, покорение Северо-Западного Кавказа привело к переезду в пределы Турции около 420 тыс. человек. Часть их вернулась потом назад, так как жизнь их там была самая плачевная. Кроме того, из приморской и горной части Северо-Западного Кавказа на равнины по Кубани и Лабе было выселено 90 тыс. человек. Эмиграция горцев происходила в невероятно тяжёлых условиях. После 1864 г. многие местности Закубанского края стали настоящей пустыней, которую предстояло колонизовать.

Процесс колонизации Северо-Западного и Северного Кавказа шёл довольно быстро, русское, пришлое население, преимущественно кулачество, постоянно возрастало, а количество местного населения уменьшалось. Так, в Кубанской области в 1881 г русские составляли 87% населения, а в 1897 г. — 90%,

в Ставропольской губернии в 1881 г. — 77,6%, а в 1897 г. — 92%. Адыги, составлявшие в 1881 г. в Кубанской области 8,4% населения, в 1897 г. составляли только 3,5%.

Черноморье, совершенно обезлюдевшее после 1864 г. и преобразованное в 1897 г. в Черноморскую губернию, также колонизовалось. В 1881 г. здесь насчитывалось всего около 16 тыс. жителей, причём русские составляли 74% населения, а адыги — менее 5%. В 1897 г. при общей цифре населения Черноморской губернии в 57 тыс. русские составляли 60%, адыги — 11%.

Принимая меры к заселению Черноморья, царское правительство стремилось к насаждению здесь в первую очередь крупного русского землевладения. Земли раздавались на очень льготных условиях. Их стали расхватывать разные аферисты, начался ажиотаж, развилась спекуляция. Эта политика царизма преследовала вполне определённую цель: «Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь» [1].

В Закавказье процесс колонизации во второй половине XIX в. шёл иными темпами, и число русских хотя и возрастало, но оставалось незначительным: в 1881 г. русские во всём Закавказье составляли 2% населения при абсолютной цифре в 77 тыс. человек; по переписи 1897 г., количество русского населения лишь в отдельных местностях Закавказья доходило до 10% (преимущественно за счёт стоявших здесь русских войск), оставаясь, например в Ереванской губернии, равным только 1,6%.

Судебная и административная реформы на Кавказе. Одновременно с крестьянской реформой были проведены на Кавказе судебная и административная реформы. Ссылаясь на разноплемённость и «неразвитость» кавказского населения, царское правительство провело тут судебную реформу со значительными урезками по сравнению с Великороссией. Согласно указу 1867 г., «ввиду несуществования на Кавказе земских учреждений» (которые царизм так и не ввёл), мировые судьи не выбирались, а назначались правительством, уголовные дела разбирались без участия присяжных заседателей. Таким образом проводилось устранение принципа выборности и участия местного населения в суде. Это отступление от уставов 1864 г. также было проявлением царской политики колониального угнетения Кавказа: «Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин» [2].

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 4, стр. 356.

[2] Там же.

Но и эта урезанная судебная реформа была введена не на всём Кавказе. Среди горских народов после 1859 г. было введено так называемое «военно-народное управление»; в Кубанской и Терской областях судебные уставы 1864 г. стали действовать (с ограничениями) лишь с 1871 г., причём судебными делами горского населения вместо мировых судей ведали горские суды, преобразованные из прежних «народных судов». Сущность военно-народного управления заключалась в том, что управление вверялось строевым офицерам царской армии (назначенным начальниками области, отделов и округов); они утверждали избираемых сельским населением лиц местной низшей администрации, всецело им подчинённой. При этом в Дагестанской области бывшим «владетелям» были предоставлены прежние ханские права над населением (кроме права лишения жизни и пожалования имений). Делопроизводство в органах управления и суда велось на русском языке; при рассмотрении дел местного населения, не знавшего русского языка, приходилось прибегать к помощи переводчиков. В 1864 г. по образцу военно-народного управления было введено русское управление в Абхазии, преобразованной теперь из «владетельного княжества» в «Сухумский отдел». После восстания 1866 г. здесь были введены общинные и сельские старшины; судьи выбирались населением, но были в полной зависимости от представителей русской власти. В 1867 г. такое же русское управление было введено в бывшем «владетельном княжестве» Мегрелии.

Мировыми судьями обычно назначались русские чиновники, не знавшие местных языков и действовавшие через переводчиков, что создавало благоприятную почву для всякого рода злоупотреблений.

Восстания 1860—1880-х годов. Ответом на новые судебно-административные порядки и злоупотребления было восстание в Закатальском округе весной 1863 г. К причинам общего характера присоединились местные причины — протест против распространения христианства среди ингилойцев, т. е. грузин, принявших в прежнее время ислам. В целях побуждения к переходу в христианство царское правительство предполагало освободить новообращённых ингилойцев от поземельной зависимости по отношению к местным собственникам, что вызвало большое недовольство среди последних. Восстание в Закатальском округе было подавлено войсками, и участники его подверглись суровым репрессиям.

Не раз восставали против эксплоатации помещиков и гнёта царизма и крестьяне Закавказья. Намерение царизма лишить население Вольной Сванетии его старинных «вольностей» вызвало длительное восстание (1875—1876 гг.). Карательная

экспедиция жестоко подавила его; центр движения — селение Халде — был разрушен до основания, а жители его — высланы. В 1876 г. крестьяне в Мегрелии возмутились против безудержного произвола властей и жестокой эксплоатации со стороны помещиков князей Дадиани. В восстании приняло участие до 4 тыс. крестьянских дворов Зугдидского уезда. В результате столкновения восставших крестьян с войсками 18 крестьян были убиты и 30 ранены. В 1877 г. абхазские крестьяне, воспользовавшись русско-турецкой войной, сделали попытку освободиться от гнёта царизма. Отправленные против них карательные отряды превратили в развалины десятки деревень, уничтожили посевы, вырубили сады; бо́льшая часть населения бежала. В 1878 г., в связи с той же войной, произошло восстание в Кахетии, с трудом подавленное царскими войсками. В 1882 г. возникло массовое крестьянское движение в Гурии, направленное против произвола властей и эксплоатации со стороны помещиков и деревенской буржуазии. Гурийское восстание было поддержано крестьянами Абхазии, незадолго перед тем окончательно присоединённой к России. Движение было подавлено карательной экспедицией, прошедшей через всю Гурию и Аджаристан. В 70—80-х годах имел место ряд крестьянских возмущений против эксплоатации беков и в разных районах Азербайджана.

В 1865 г. в Тбилиси произошло бурное возмущение грузинских и армянских ремесленников (амкаров), вызванное введением нового налога, охватившее до 10 тыс. человек. Толпа разгромила дом городского головы и убила сборщика податей. В 1885 г. возникло широкое движение армянского населения во многих городах и селениях Закавказья в связи с закрытием правительством армянских школ. В ряде мест произошли столкновения между народом и казачьими отрядами. В 1886 г. в Армении началось движение протеста в связи с новым законом (8 мая 1886 г.) о введении здесь воинской повинности. В ряде уездов крестьяне избивали чиновников, производивших перепись подлежащего призыву населения, выгоняли их из деревень, нападали на явившихся для усмирения казаков; имел место ряд столкновений и в городах.

Городская реформа на Кавказе. Не вводя на Кавказе земства, царское правительство отдало здесь в руки чиновничества громадное местное хозяйство. Но опасаясь, чтобы развитие торговли и промышленности не замедлилось в случае оставления городского хозяйства в руках чиновников, правительство ввело «Городское положение 1870 г.» также и на Кавказе. На Северном Кавказе «Положение 1870 г.» было введено во всех крупнейших городах, в Закавказье — лишь в Тбилиси, Баку, Кутаиси и Ереване; в Гори и Ахалцихе оно

было введено в упрощённом виде. Во всех остальных городах и местечках Закавказья городское хозяйство оставалось в ведении местной полицейской власти.

В тех же целях содействия буржуазии в городах Северного Кавказа были учреждены городские банки, а в Тбилиси открыт Коммерческий банк.

Развитие капитализма на Кавказе. Кавказ был колонией царской России; он являлся сырьевой базой для русской промышленности и местом сбыта продуктов этой промышленности. И во второй половине XIX в. Кавказ был преимущественно аграрной областью. По переписи 1897 г., в сельском хозяйстве было занято от 79 до 85,7% населения Северного Кавказа (Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния), в то время как в промышленности — всего лишь 6,2% населения, а в торговле и транспорте —4,1%. В общем та же картина наблюдалась в Дагестане и Закавказье — в Грузии, Армении и Азербайджане. Товарищ Сталин в 1918 г. писал: «...характерной чертой Закавказья является его экономическая отсталость. Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом внешним капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям, у берегов морей, и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре» [1].

Несмотря на медленное развитие промышленности и торговли, количество городского населения на Кавказе выросло с 8,4% в 60-х годах до 10,9% в 1897 г., а в наиболее промышленной Бакинской губернии даже до 20%. «Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности» [2], — писал Ленин в работе «Развитие капитализма в России».

Промышленное развитие Кавказа — колонии царской России — происходило замедленным темпом. В 1882 г. на Кавказе имелись лишь казённый серебро-свинцовый завод, семь медеплавильных заводов с их рудниками, один казённый квасцовый завод, семь разработанных месторождений марганца, шесть разработанных месторождений угля и одно разработанное месторождение серы. Все эти предприятия давали очень небольшое количество продукции. Имелись 54 группы нефтяных участков, отведённых по заявкам в арендное пользование местных предпринимателей; вся добыча нефти на Кавказе, по данным 1877 г., равнялась 12 млн. пудов, добы-

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 4, стр. 51—52.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 521.

вавшихся преимущественно в районе Баку; в Кубанской области было добыто лишь около 100 тыс. пудов, а в Терской области — около 45 тыс. пудов. Картина изменилась лишь со второй половины 80-х годов. В связи с притоком капиталов, главным образом иностранных, устремившихся на захват и эксплоатацию природных богатств Российской империи, быстро развилась бакинская нефтяная промышленность Иностранцы оттеснили местных мелких предпринимателей. «Баку, — говорит товарищ Сталин, — вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др.» [1] К началу XX в. в бакинскую нефтяную промышленность было вложено 150 млн. руб. иностранных капиталов. Иностранные капиталисты были жесточайшими притеснителями рабочих-нефтяников, положение которых являлось исключительно тяжёлым. В конце XIX в. существовали и местные капиталисты-нефтепромышленники: Тагиев, Гукасовы, Мирсоевы и др. В 1880 г. нефти было добыто около 39 млн. пудов, в 1885 г. — до 150 млн., а в 1890 г. — до 277 млн. пудов. За время с 1890 по 1900 г. добыча нефти утроилась. Однако Азербайджан и Армения продолжали в эти годы оставаться аграрными странами, с крайне слабым промышленным развитием. В Грузии, в основном аграрной стране, в 80—90-х годах развилась марганцевая промышленность с центром в Чиатури, Кутаисской губернии, работавшая исключительно на экспорт. В Тквибули, Кутаисской губернии, росла добыча каменного угля.

Рост промышленности Кавказа в 70—90-х годах выразился и в увеличении числа рабочих. «Число занятых в горной промышленности Кавказа рабочих, — говорит В. И. Ленин, — возрастало также чрезвычайно быстро, именно, с 3 431 в 1877 г. до 17 603 в 1890 г., т. е. увеличилось *впятеро*» [2].

Положение рабочих на промышленных предприятиях Закавказья было ещё хуже, чем в России: более продолжительный рабочий день, меньшая заработная плата, худшие жилищные условия. На Кавказ не распространялись даже те фабричные законы, которые действовали в России. Развившееся на Кавказе рабочее движение сыграло большую роль в общероссийской борьбе пролетариата.

Одной из причин слабого развития промышленности на Кавказе вплоть до второй половины 80-х годов XIX в. было медленное развитие железнодорожной сети. В 1865 г. царское правительство начало строить дорогу от Поти к Тбилиси, применяя преимущественно труд солдат. Через два года достройка дороги была сдана в концессию на очень льготных условиях английским предпринимателям. Движение открылось в 1871 г.

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 47.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 430.

В 80-х годах линия была продолжена до Баку, и по дороге пошли нефтяные грузы. Была построена Тквибульская ветка (от Кутаиси), а в 90-х годах — ветка на Чиатуры. Дорога стала давать доход и получила большое значение в экономике Закавказья. Большое влияние на её обороты имело присоединение в 1878 г. к Российской империи Батуми, к которому была проведена железная дорога.

На Северном Кавказе была спроектирована как стратегическая линия железная дорога от Ростова к Владикавказу. Концессия на её постройку была выдана в 1872 г. русским предпринимателям. Движение открылось в 1875 г. В 90-х годах дорогу продолжили через Петровск — Дербент до Баку. В конце 80-х годов была построена линия от станции Тихорецкой до Новороссийска, а в конце 90-х годов — от станции Кавказской до Ставрополя. Дорога стала с этого времени играть большую роль в экономическом развитии всего Кавказа и Северного в особенности.

Колониальная эксплоатация Кавказа и развитие капиталистических отношений в последней трети XIX в. привели к значительным изменениям в его экономике. Одним из последствий этого было, по словам Ленина, «вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов» [1]. В то же время «русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)» [2].

Общие результаты процесса всё же были положительными: поступательное развитие экономики и общественных отношений, несмотря на тяжёлый гнёт царизма и вопреки ему, было налицо. Кавказ втягивался в процесс капиталистического развития, развивался рабочий класс. Рассматривая вопрос об историческом значении связей Кавказа с Россией, соратник товарища Сталина Ладо Кецховели писал о Грузии второй половины XIX в.: «В России в это время торговля и промышленность уже оперились и под влиянием... требований внутренней жизни росли с необычайной быстротой... Железные дороги,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 521.
[2] Там же.

почта, телеграф изборозднли и связали между собой отдалённые уголки огромного государства, а вместе с ними и нашу Грузию. Корабли стали рассекать волны Чёрного и Каспийского морей, а недоступные горы между этими морями, где во время войн цари и князья укрывались от неприятеля, прорезала железная дорога, и новое «чудовище» засвистело в глухих углах. Природа и люди встрепенулись, проснулись; и грузин, протирая глаза, сначала издали глядел на это чудовище, а потом и сам сел на него и поехал» [1].

Общественное движение в Закавказье. Революционное движение. Народничество. Общественное возбуждение, охватившее Россию во второй половине 50-х годов, нашло отклики и в Закавказье. Молодёжь разных национальностей Кавказа, в том числе грузинская и армянская, потянулась в русские культурные центры — Москву, Петербург, поступала в университеты, вращалась в кругах демократической интеллигенции, испытывала влияние русских просветителей — Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Приобщившаяся к передовой русской культуре грузинская молодёжь (получившая название «тергдалеули» — «испившие воды Терека»), возвратившись на родину, вступила в борьбу с феодальным укладом родной страны, с её отсталостью, выдвигая лозунги ликвидации крепостничества и требования национального возрождения Грузии. Вскоре среди «тергдалеули» наметились два течения и образовались две группы — «Первая» («Пирвели даси») и «Вторая» («Меоре даси»). «Первая группа» возглавлялась знаменитым поэтом и беллетристом Ильёй Чавчавадзе. Она выпускала в 1863 г. журнал «Сакартвелос Моамбе» («Вестник Грузии»), а с 1877 г. — газету «Иверия». Группа считала, что в обновлённой Грузии руководящая роль должна принадлежать передовому дворянству. «Вторая группа», издававшая с 1866 г. газету «Дроеба» («Время»), а с 1871 г. издание «Кребули» («Сборник»), была настроена более радикально, выступая против сохранения всяких сословных привилегий. Во главе её стояли Георгий Церетели, Серно Месхи, Нико Николадзе и др.

В начале 70-х годов в Грузии зародилось народническое движение. Народники организовывали кружки, вели пропаганду и агитацию в грузинской деревне, переводили и распространяли революционную литературу; некоторые из них (Георгий Зданович, Иван Джабадари и др.) приняли участие в общероссийском народническом движении. В начале 80-х годов часть народников стала на позиции «Народной воли», другая — на позиции легального народничества. Последняя изда-

---

[1] «Ладо Кецховели». Сборник материалов и документов, стр. 19.

вала в 1881—1883 гг. журнал «Имеди» («Надежда») в Тбилиси и газету «Шрома» («Труд») в Кутаиси.

В Армении развивалось революционно-демократическое движение, находившееся под влиянием русских просветителей 60-х годов. Его основоположником был Микаэл Налбандян, воспитавшийся под влиянием «Современника» и лично сблизившийся с Герценом. После ареста Налбандяна (1862 г.) его дело продолжали Арсен Токмакян и Григор Тер-Меликседекян. В 70-х годах и среди армянской разночинной молодёжи распространились народнические идеи, стали возникать народнические кружки, ведшие пропаганду и агитацию. В 80-х годах часть армянских народников эволюционировала в сторону либерализма и перешла в лагерь буржуазных националистов.

Буржуазный национализм. В процессе развития капитализма и роста буржуазии у отдельных национальностей Кавказа стали развиваться буржуазно-националистические течения. Так, в среде армянской буржуазии в 60-х годах возникло националистическое течение, основным лозунгом которого явилась ложная идея объединения армян России, Турции и Ирана в самостоятельное буржуазное государство — «Великая Армения». Вожаками этого движения были Степанос Назарян и Григор Арцруни; последний основал в 1872 г. в Тбилиси газету «Мшак» («Работник»), ставшую руководящим органом армянского буржуазного национализма. В 1887 г. в Женеве была организована армянская буржуазно-националистическая партия «Гнчак» («Колокол»), издававшая орган того же названия и ставившая своей основной задачей борьбу за «Великую Армению» путём организации отдельных местных восстаний и террористических актов, ориентируясь в то же время на содействие дипломатии европейских держав. Буржуазный национализм тормозил прогрессивное развитие народов Кавказа: уже складывалось и всё более развивалось и крепло рабочее движение, сплачивался рабочий класс, готовясь к решительным боям. Буржуазные националисты мешали объединению рабочих разных национальностей, сеяли вражду между ними, отвлекали народы от правильного пути и тянули историю назад.

Рабочее движение в Закавказье. Первая марксистская организация. С развитием капитализма в Закавказье появился национальный пролетариат и началось рабочее движение. Уже в 1869 г. в Тбилиси произошла забастовка рабочих арсенала. В 1872 г. бастовали рабочие текстильной фабрики Мирзоева, в 1878 г. — рабочие мастерской Зейцера. В 1882 г. была забастовка в Батуми, в 1889 г. бастовали рабочие главных железнодорожных мастерских в Тбилиси и рабочие завода Нобеля в Батуми. Ещё в 70-х годах в Грузии появились первые

рабочие кружки, сначала занимавшиеся самообразованием, а в 80-х годах в рабочих кружках уже стали читать нелегальную литературу и обсуждать социально-политические вопросы. В 1889—1892 гг. в Тбилиси появились нелегальные рабочие журналы: «Муша» («Рабочий»), «Гантиади» («Рассвет»), «Синатле» («Свет»). В это время в рабочем движении было ещё значительно влияние народнической идеологии, но в начале 90-х годов в Закавказье проник марксизм, и в 1893 г. в Тбилиси возникла первая марксистская организация — «Третья группа» («Месаме даси»), из которой вскоре в связи с вступлением в неё А. Цулукидзе (1895 г.), Л. Кецховели (1897 г.) и товарища Сталина (1898 г.) выделилась группа революционных марксистов, ставшая затем ядром большевистской организации.

Культура народов Кавказа во второй половине XIX в. Развитие культуры народов Кавказа, как и развитие русской культуры, происходило во второй половине XIX в. под знаком борьбы передовой демократической культуры с реакционной феодально-крепостнической идеологией. Русская передовая культура оказала могущественную помощь прогрессивным элементам в культурном развитии кавказских народов. Важно подчеркнуть, что воздействие демократических элементов русской культуры на культуру братских народов отнюдь не состояло в механическом заимствовании, а было глубоко творческим содружеством. Культурное творчество порабощённых народов росло изнутри, отражая условия своего общественного бытия, требования своего народа, используя при этом могущественную помощь передовой культуры старшего брата — русского народа.

Грузинская литература сделала значительный шаг вперёд в связи с деятельностью группы молодых литераторов, сформировавшихся под прямым влиянием русских просветителей. Виднейшим из них был знаменитый грузинский писатель, критик и учёный Илья Чавчавадзе (1837—1907 гг.), убеждённый последователь демократического реализма. «Поэта родит народ, — говорил он, — и жизнь народа вскармливает его». В его произведениях выражена идея борьбы за освобождение Грузии от ига царских сатрапов и грузинских крепостников. Деятельность Чавчавадзе открыла новую эру в истории грузинской поэзии и прозы. Из произведений его наиболее замечательны «Вдова из дома Отарова», «И это человек» и др. Освободительные мотивы играют большую роль в творчестве другого корифея грузинской поэзии, А. Церетели (1840—1915 гг.), глубокого и проникновенного лирика; с особенной любовью он воспевал героическое прошлое своей родины. Глубоко народным поэтом являлся Важа Пшавела (1861—

1915 гг.); он черпал вдохновение в мужественном эпосе горцев. Его героическая поэзия пользуется большой популярностью в грузинском народе.

После Чавчавадзе проза обогатилась творчеством многих талантливых писателей: Г. Церетели, А. Казбеги и др. В области драматургии талантливым преемником Эристави явился З. Антонов, для творчества которого характерны острые нападки на грузинское дворянство. Большую роль в истории грузинской драматургии сыграл А. Цагарели, комедии которого («Что было — того не увидишь», «Ханума» и др.) беспощадно разоблачали крепостническое дворянство и хищническую буржуазию.

Большую литературу создал и армянский народ. Её важнейшим организационным центром в 50—60-х годах был журнал «Гюсисапаиль» («Северное сияние»). Одним из пионеров гражданской литературы был М. Налбандян, сосланный за политическую деятельность царским правительством. Крупнейшим романистом Армении этого времени был Акоп Мелик Акопян (Раффи) (1835—1888 гг.); из произведений его наиболее известны «Джелалэддин», «Хент» и др. Ряд выдающихся произведений из жизни армянской деревни — роман «Из-за хлеба» и др. — создал П. Прошян. К 80-м годам относится начало литературной деятельности А. Мовсесяна (Ширванзаде). Большой популярностью пользовались поэты Шах-Азис и Р. Патканян. Армянская драматургия наиболее ярко представлена комедиями Г. Сундукяна («Пэпо» и др.).

Крупнейшим событием в культурной жизни армянского народа явилась впервые произведённая в 70-х годах запись знаменитого героического народного эпоса «Давид Сасунский», отражающего беззаветную борьбу армянского народа с чужеземными захватчиками. Эпос имел своей исторической подосновой борьбу армянского народа с арабским завоеванием.

Лучшие представители художественной литературы азербайджанского народа, творившие во второй половине XIX в., следовали за демократическо-реалистическим искусством М. Ф. Ахундова. В области драматургии заветам Ахундова следовал писатель-драматург Наджаф бек Везиров, прозванный «азербайджанским Островским». В этот период сильнее стало ощущаться и влияние передовых идей русской литературы. Крупное значение имело творчество поэта Гаджи Сеид Азим Ширвани (1835—1888 гг.); его многочисленные сатирические, социально заострённые стихотворения обличали косность, невежество и фанатизм мусульманского духовенства. Подобно Ахундову он был горячим приверженцем просвещения родного народа. Ширвани известен и как общественный деятель; он сотрудничал в первой азербайджанской газете

«Акинчи», выходившей в 1875—1877 гг. Основателем, издателем и душой этой первой азербайджанской газеты был крупный общественный деятель Гасан бек Меликов (Зардаби) (1837—1907 гг.) В 1861 г. он поступил в Московский университет, сблизился с выдающимися представителями русской литературы и науки. Вернувшись на родину, он выступил в качестве страстного просветителя. Его газета «Акинчи» боролась против религии, ислама, фанатизма, духовенства, за улучшение положения трудовых масс Азербайджана. Духовенство и помещики озлобленно встретили прогрессивную газету. В 1877 г. она была закрыта царскими властями.

В 80-е годы начал свою деятельность знаменитый основоположник осетинской литературы революционный демократ Коста Хетагуров (1859—1906 гг.). Его творчество сформировалось под влиянием русской революционно-демократической литературы — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, особенно Некрасова. Поэт, драматург и публицист, Коста Хетагуров был подлинным трибуном своего народа. В своих произведениях (отметим сборник стихов «Ирон Фандыр») Коста рисовал правдивые картины осетинского народного быта, призывал свой народ к освободительной борьбе. За революционную деятельность великий писатель-демократ был дважды сослан царским правительством. Произведения его долго не могли появиться на осетинском языке. Однако стихи Коста быстро стали известны в народе. Похороны безвременно погибшего поэта превратились в народную демонстрацию.

Среди лезгин появляются крупные поэты. Песни и стихи Етима Эмина, умершего в 1880 г., стали общенародным достоянием и воспитали целое поколение лезгинских певцов — идеологов бедняцкой части крестьянства и сторонников национально-освободительной борьбы с царизмом. Лезгинский поэт Гаджи, умерший в 1914 г., был певцом трудовых масс своей родины, певцом формировавшегося национального пролетариата. Работая на нефтяных промыслах в Баку, он рассказывал в своих стихах о труде и быте рабочих, о классовой борьбе. К славному поколению лезгинских поэтов, начавших свою творческую деятельность во второй половине XIX в., принадлежит и великий поэт Сулейман Стальский. Он бичевал в своих стихах дореволюционную действительность и призывал своих соплеменников «в бою переделать свою жизнь».

Развивается также театральная и музыкальная культура кавказских народов. Возникновение грузинского театра относится к 50-м годам. Грузинские драматурги Эристави, Антонов, Цагарели были крупнейшими деятелями этого театра. Из актёров его наиболее замечательны М. Сафарова-Абашидзе,

Н. Габуния-Цагарели, комик В. Абашидзе и величайший грузинский трагик Ладо Месхишвили. Развитие армянского реалистического театра относится к 70—80-м годам. Выдающимся организатором его был драматург Сундукян, а крупнейшим актёром — П. Адамян. Возникновение азербайджанского театра относится к 1873 г. Основоположником его был М. Ф. Ахундов.

Грузинская музыкальная культура, столь богатая в своей народнопесенной основе, во второй половине XIX в. продвинулась вперёд. Передовая музыкальная культура России оказала на неё благотворное воздействие. Группа передовой грузинской молодёжи с Х. Саванели во главе приступила в 1874 г. к организации хоровых коллективов и музыкальных классов. Началось интенсивное изучение грузинского музыкального фольклора. К 80-м годам относится начало творческой деятельности основоположника грузинской оперы М. А. Баланчивадзе (1862—1937 гг.). Русский композитор и дирижёр М. М. Ипполитов-Иванов (был директором Тбилисского музыкального училища с 1883 г.) сыграл значительную роль в организации музыкального образования в Грузии и в её оперно-концертной жизни.

Реформы 1861 г. в Среднем Поволжье и Прикамье. Многонациональное крестьянство Среднего Поволжья в период проведения реформы 1861 г. состояло из крестьян владельческих, государственных и удельных. Лучшая часть земель Среднего Поволжья и Прикамья после реформы осталась в руках крепостников. Владельческие крестьяне в результате реформы получили наделы в среднем от 3 до 4 десятин на ревизскую душу. Средний размер надела для государственных крестьян составлял 5,28 десятины на ревизскую душу. Надельная земля не могла обеспечить существование основной крестьянской массы. Татарские крестьяне были поставлены в особенно тяжёлое положение: уже ко второй половине XIX в. они оказались вытесненными в неплодородные районы, притом удалённые от главных экономических центров и водных путей. Татарские крестьяне в результате реформы 1861 г. оказались наиболее малоземельными: так, у 8 389 татарских крестьянских дворов Казанской губернии земельный надел составлял лишь одну десятину на ревизскую душу и даже меньше. Малоземелье увеличивалось тем обстоятельством, что в большинстве аулов число наличных душ превышало число ревизских на 20% и больше. Так обстояло дело и в других районах. «Менее всего наделены землёю татары и затем русские», — подтверждалось в «Материалах по статистике Вятской губернии». Даже там, где татарские крестьяне входили в разряд государственных (в Вятской губернии), они были плохо обеспечены

землёй, и к тому же худшей по качеству. Иногда они целыми деревнями переселялись в другие места, часто попадали в ещё менее благоприятные условия и возвращались назад совершенно разорёнными.

Необеспеченность огромной части крестьян землёй ставила их в зависимость от татарских помещиков — алпаутов (недворян), а также мурз (дворян). Отсюда крайняя отсталость крестьянского хозяйства в Среднем Поволжье и Прикамье, частые неурожаи и голодовки.

После реформы 1861 г. стало развиваться кулачество, которое захватило в свои руки все мирские должности в волостном управлении и закабалило маломощные хозяйства. Бедняки закладывали кулакам свои душевые наделы и скот. В Казанской губернии, где наиболее компактными массами жили различные национальности, процесс разорения деревни представлял разительную картину. Количество безлошадных крестьян среди различных национальностей Казанской губернии быстро росло:

Хозяйства	1858 г. (в %)	1884—1891 гг. (в %)
Татарские	14,2	34,8
Чувашские	4,9	10,9
Марийские	5,8	12,5
Мордовские	4,4	14,1

В деревне в ряде промыслов (валяльном, бондарном, портняжном, серебряном, кулеткацком, рогожном, ичужно-обувном и др.) крестьяне-кустари утрачивали свою самостоятельность и попадали в кабалу к купцу-предпринимателю.

Промышленное развитие Среднего Поволжья и Прикамья. Как указал товарищ Сталин, татары относятся к группе народов, «не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата...»[1] Политика русского царизма не благоприятствовала росту местного промышленного капитализма. Происходило вытеснение туземных вековых кустарных промыслов, которым наносила удар конкуренция привозных московских фабрикатов. С проведением железной дороги из Оренбурга в Самару и через Моршанск в Ряжск среднеазиатское сырьё (главным образом хлопок и шерсть) стало проникать в центральные районы России, минуя Казань. Под воздействием русского промышленного центра сокращали производство ко-

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 25.

жевенные, мыловаренные и другие предприятия Казанской губернии. Тем не менее развитие капитализма в России начало захватывать и народы, заселявшие Среднее Поволжье и Прикамье. В Казани во второй половине XIX в. появились крупные предприятия с европейским оборудованием, преимущественно принадлежавшие русским капиталистам, но использовавшие и труд рабочих коренных местных национальностей: стеариновый завод братьев Крестовниковых, кожевенный завод и льнопрядильная фабрика Алафузовых. В Елабужском уезде купцом Ушаковым были построены Кокшанский и Бондюжский химические заводы. В Симбирской губернии было развито суконноткацкое производство (ткацкая фабрика татар Акчуриных) и т. д. Татарские капиталисты всё более вкладывали свои капиталы в предприятия по обработке шерсти (шерстомойки и др.) поближе к её источникам, главным образом в пределах Оренбургской и Уфимской губерний. К 80-м годам на Южном Урале стали появляться также золотопромышленники и лесопромышленники из татар. Городское население в Поволжье росло, но из местных национальностей этот рост коснулся главным образом татар. По данным переписи 1897 г., в Казанской губернии из 833 тыс. русского населения городских жителей насчитывалось 143 тыс.; из 675 тыс. татарского населения городских жителей было всего 35 тыс.; из 647 тыс. общего числа удмуртов, чувашей, марийцев городского населения было всего лишь 2 тыс. человек. По Вятской губернии из 2 347 тыс. русского населения городских жителей было 92 тыс., а из 126 тыс. татарского населения — только 2 тыс., из 378 тыс. удмуртов, марийцев и чувашей в числе городского населения не оказалось ни одного человека. К тому же значительный контингент городских жителей из числа местных национальностей составляли мелкие чиновники и служащие торговых предприятий, принадлежавших русским и татарским купцам. В городах жили многочисленные русские и татарские помещики-алпауты, мурзы, лесопромышленники, а также мелкие предприниматели, содержатели гостиниц и ресторанов. В числе городских жителей находились, наконец, мелкие татарские кустари и ремесленники, зависевшие от местных купцов и ростовщиков.

Часть пролетаризованного крестьянства в пореформенный период нашла применение своему труду на местной капиталистической фабрике. Рабочие на заводах Алафузовых, Крестовниковых и других предпринимателей работали по 12—18 час. в сутки и жили в чрезвычайно тяжёлых условиях (по 200 человек в небольшом помещении). На фабриках широко применялся женский и детский труд. Рабочих разоряла система штрафов и вычетов за стол и квартиру. Крестьяне из разорён-

ных татарских и других национальных деревень стали частично, хотя и слабо, втягиваться в ряды пролетариата. Татарская беднота, не находя работы на месте, уходила в другие промышленные районы, где работала плечом к плечу с русскими рабочими. В общем труде и в общей борьбе крепло братское содружество рабочих разных национальностей с русским рабочим классом.

Политика царизма в Среднем Поволжье. В пореформенный период, как и раньше, царское правительство проводило политику насильственной руссификации и христианизации татар, чувашей, марийцев и удмуртов. В 1863 г. в Казани была открыта школа для детей крещёных татар, которая скоро превратилась в Центральную крещёнотатарскую школу с сетью филиалов в Среднем Поволжье. В 1867 г. в Казани было организовано «Братство святого Гурия» из представителей местного православного духовенства, губернской администрации, дворянства, купечества и миссионеров во главе с профессором Ильминским и инспектором «инородческих» школ Шестаковым. Согласно системе Ильминского руссификация и христианизация «инородцев» должны были достигаться мирными средствами идеологического воздействия, путём открытия школ и миссионерской деятельности. В 1872 г. в Казани возникла миссионерская учительская семинария для подготовки учителей и священников из местных национальностей. В 1868 г. была основана чувашская средняя школа в Симбирске, превратившаяся позднее в Центральную чувашскую школу типа миссионерской учительской семинарии.

Обучение русскому языку народов Поволжья — вне зависимости от целей колонизаторов и вопреки им — в случае добровольности обучения объективно способствовало сближению поволжских народов с русским народом и подготовляло почву для восприятия ими русской культуры и передовых идей русского общественного движения.

Но, осуществляя свою руссификаторскую политику в Поволжье, царизм не останавливался перед грубым насилием, сея вражду и ненависть между народами. Царизм применял грубо-провокационные методы, примером которых может служить «мултанское дело» (1892—1896 гг.). Под этим названием известен уже упомянутый ранее ритуальный процесс против удмуртов (вотяков), жителей села Старый Мултан, Малмыжского уезда, Вятской губернии, ложно обвинённых в совершении человеческих жертвоприношений. Во время следствия удмуртов подвергали насилиям и пыткам. Мултанское дело вызвало возмущение передовых демократических кругов русского народа, выступивших на защиту удмуртского народа. В процессе принимал участие известный русский писатель

В. Г. Короленко, выступивший со страстной защитой обвиняемых и разоблачивший гнусность выдвинутого обвинения. При третьем разбирательстве суд, отступая перед натиском общественного мнения, был вынужден оправдать обвиняемых.

Классовая борьба среди народов Среднего Поволжья. Подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г. в Среднем Поволжье прошли в обстановке острых классовых столкновений. Часть татарского и марийского крестьянства, которая ранее была крещена, реагировала на реформу массовым отпадением от православия и возвращением в ислам. В 1878—1879 гг. в Среднем Поволжье, особенно в Спасском, Казанском и Чистопольском уездах, Казанской губернии, и Бугульминском и Бугурусланском уездах, Самарской губернии, развернулось широкое крестьянское восстание с участием татар, чувашей, мордвы. Движение, в котором приняли участие широкие массы национального крестьянства, носило бурный характер. Восставшие боролись не только против царского правительства, но расправлялись и с эксплоататорской верхушкой своей деревни, сменяли и избивали сельских старост и волостных старшин, изгоняли мулл и мурз. В движении преобладали социально-экономические мотивы (борьба за облегчение податного ярма, за ликвидацию различных местных поборов) над религиозным моментом (стремлением отстоять неприкосновенность религиозных школ, магометанское вероисповедание и т. д.). Татарские феодалы и духовенство предали восстание; оно было жестоко подавлено при помощи военной силы. В подавлении восстания большую помощь царизму оказали татарские мурзы, алпауты, муллы во главе с муфтием Тевкелевым.

Из среды народов Среднего Поволжья капиталистическое развитие больше всего захватило татар. Зарождающаяся татарская буржуазия желала закрепить за собой первенствующую роль на рынке, добиться первого места в торговле с одноплеменниками. Русская же буржуазия добивалась от правительства стеснительных мер в отношении своего конкурента — «инородческой» буржуазии. Борьба из хозяйственной сферы переносилась в политическую: создавались ограничения в свободе передвижения и в пользовании местным языком, сокращалось число школ, проводились религиозные стеснения и т. п. Такие меры преследовали «не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии» [1]. Испытывая стеснение, национальные буржуазные элементы приходили в движение. Так, в 80-х годах среди татарской буржуазии зарождается националистическое буржуазное движение «джадидизм» (от

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 2, стр. 306.

арабского слова, означающего «новое»), ставящее своей целью замену старой, клерикальной культуры новой, буржуазной.

В 1871 г. выходит в свет ежегодник «Казань календари» татарского буржуазного просветителя Каюма Насыри, впервые создавшего татарскую грамматику. В 1883 г. в Крыму начала выходить газета «Тарджиман» («Переводчик») на русском и тюркском языках. Эти органы положили начало национальному движению не только среди татарской, но и среди всей мусульманской буржуазии, которая начала апеллировать к низам, выдавая своё дело за общенародное. Но стремления обнищавшего крестьянства, с одной стороны, и буржуазии — с другой, были в корне различны, противоположны.

Новым явлением в жизни Поволжья в 90-х годах был подъём рабочего движения. В 1891 г. состоялась первая забастовка рабочих Алафузовских заводов в Казани, где участвовало значительное число татарских рабочих. Появились пропагандисты социал-демократы, создавались кружки. Пропагандой среди алафузовских рабочих занимались члены социал-демократического кружка, возглавлявшегося А. М. Стопани, Н. Э. Бауманом, Е. Т. Табейкиным. Национально-освободительная борьба народов Поволжья тесно сомкнулась с борьбой великого русского народа во главе с русским пролетариатом.

Культура народов Поволжья во второй половине XIX в. Развитие капиталистических отношений в России во второй половине XIX в. приводит к важным сдвигам в области идеологии. Идеологи нарождающейся татарской буржуазии (главным образом купеческой) ведут борьбу с консервативным мусульманским феодальным духовенством за светскую культуру. Выразителем интересов татарской буржуазной верхушки был Шигабутдин Марджани (1818—1889 гг.), сторонник изучения татарами русского языка и светских наук (истории, географии, основ математики). Сам Марджани был членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, имел тесное общение с русскими востоковедами, написал ряд работ (по истории Булгарии, Казанского ханства и пр.). Более передовой характер носила деятельность К. Насыри (1825—1902 гг.). Он был преподавателем начальной школы для татар и сторонником педагогической системы Ушинского. Насыри стремился к сближению татарского и русского народов; с этой целью он написал географию и историю России, составил «настольные календари» для татар, включив туда необходимые научные знания, наконец предпринял попытку издания татарской газеты «Утренняя звезда». В то же время Насыри собирал материалы по народному творчеству татар и печатал их в изданиях Русского географического общества и Общества

археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

В XIX в. развивается татарская художественная литература. Писателями, близкими по своему мировоззрению к Насыри, были Ф. Халиди (1850—1923 гг.), Г. Ильяси (1856—1895 гг.), Загир Бигеев (1870—1902 гг.), Али-Чокры, критиковавшие в своих произведениях мусульманскую схоластику, выступавшие против духовенства, купцов, кулаков, боровшиеся за сближение с русской культурой. В области изобразительного искусства интересны работы А. Махмудова по оформлению печатавшихся в Казани книг. В области музыки выделяется Г. Сайфуллин, переложивший на ноты ряд татарских песен.

Реформы 1860-х годов в Башкирии. Вслед за реформой 1861 г., проведённой в Башкирии по отношению к русским помещичьим, удельным, горнозаводским и государственным крестьянам, последовала реформа и в отношении башкир. В 1863 г. было издано специальное положение о ликвидации военно-сословного устройства башкир; должность командующего башкирским войском была заменена должностью заведующего делами башкир. Башкиры были приравнены «к свободным сельским обывателям», а их припущенники — к государственным крестьянам, согласно «Положениям 19 февраля». Но до разрешения вопроса о новом административном устройстве башкиры были временно оставлены в ведении военного министерства, а их управление подчинено оренбургско-самарскому генерал-губернатору. Число кантонов сокращалось с 28 до 11. В 1865 г. было обнародовано новое положение о башкирах, которое полностью уничтожало военно-сословное устройство башкир: кантонная система управления была отменена, из башкир и их военных припущенников было образовано 808 сельских обществ, объединённых в 130 волостей. Эти новые волости были подчинены губернским и уездным гражданским учреждениям. Башкирские земельные и лесные угодья принадлежали сложным родо-племенным общинам — тюбэ. Образовавшиеся в далёком прошлом на основе отношений кровного родства, эти общины ко времени реформ 60-х годов потеряли своё былое значение и единство, распались на аулы и фактически сложились в самостоятельные сельские земельные общины; их объединяло лишь совместное владение земельными и лесными угодьями на правах вотчинников, закреплённых после их присоединения к России специальными грамотами русских царей и скреплённых позже законом 10 апреля 1832 г. Всего сохранилось 135 общин, в вотчинной собственности которых было почти 14 млн. десятин земли. Как Положение 1863 г., так и Положение 1865 г. подтверждали

вотчинное право башкир на эти земли, которые они отстояли в вековой борьбе с крепостниками. Закон обязывал размежевать эти земли между аульными общинами. На башкирских общинников, как на вотчинных собственников, не распространялись оброк и выкупные платежи, но их прежние войсковые повинности были заменены денежными прямыми подушными и поземельными налогами и обычными мирскими сборами. Формально вопрос о земле разрешался в башкирских общинах между башкирами-вотчинниками и припущенниками на основе закона 10 апреля 1832 г., но фактически царское правительство отказалось от установленных этим законом норм наделов и держало курс на их снижение. Вместо установленных 40 десятин на душу по 7-й ревизии для вотчинников было оставлено всего 15 десятин, а по ряду общин даже менее этого. Для припущенников военного ведомства полагалось по закону 30 десятин, а для припущенников гражданского ведомства — 15 десятин; вместо этого было решено дать как тем, так и другим высший (или указный) надел, установленный «Положениями 19 февраля 1861 г.» для уездов Оренбургской и Уфимской губерний, колебавшийся от 4,5 до 7 десятин на одну мужскую душу 10-й ревизии. Согласно законам 1832 г. и 1869 г. выделялось отдельно большое количество «запасных земель» якобы для переселения и наделения припущенников из малоземельных общин. Но царское правительство никого из припущенников туда не переселяло и землёй не наделяло, а передало эти земельные запасы в ведение министерства государственных имуществ. Последнее же раздавало в 70-х годах эти «запасные земли» дворянам-чиновникам, служившим в Уфимской и Оренбургской губерниях и в министерстве государственных имуществ, на льготных условиях (отдельными участками от 500 до 2 тыс. десятин каждому и с рассрочкой платежа на 39 лет). Припущенники же из малоземельных общин, для которых предназначались эти «запасные земли», были оставлены на своих прежних землях и при низшей норме наделов (от 3 до 4 десятин). Все припущенники гражданского ведомства приравнивались в платежах к соседним государственным крестьянам.

Пореформенная политика царизма в Башкирии. Расхищение башкирских земель. Пореформенная политика царизма в Башкирии характеризуется безудержным расхищением башкирских земель. Обременительные налоги и всевозможные поборы в условиях натурального хозяйства тяжело отразились на экономическом состоянии трудящихся башкир. Не выдерживая податного вымогательства царизма и эксплоатации местных ростовщиков, они вынуждены были продавать за бесценок свой скот; когда же этот источник иссяк, башкиры

стали прибегать к массовой сдаче своих общинных земель в аренду по низким ценам. 10 февраля 1869 г. царское правительство обнародовало новое положение, по которому башкирским общинам была разрешена продажа вненадельных («свободных») земель и лесов. Колониальные эксплоататоры жадно набросились на новый источник обогащения, началось открытое расхищение башкирских общинных земель. Купля и продажа лишь прикрывали грабительские деяния облечённых властью колониальных разбойников в мундирах, хищных ростовщиков, купцов, кулаков и помещиков. Фактически это была экспроприация. Многочисленные факты экспроприации башкирских земель описаны в книге Н. В Ремезова, о которой В. И. Ленин писал: ««Очерки из жизни дикой Башкирии» — живое описание того, как «колонизаторы» сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики». Это — такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке» [1].

По данным Ремезова, на основе законов 10 февраля 1869 г. и 4 июня 1871 г. только лишь в Оренбургской и Уфимской губерниях было экспроприировано к 80-м годам около 2 млн. десятин земли (фактически больше). Таким образом, в пореформенный период крупное землевладение в Башкирии значительно возросло. Кроме огромного количества перепроданных переселенцами угодий одни только купеческие владения увеличились с 168 тыс. гектаров в 1869 г. до 1 640 тыс. в 1879 г., а латифундии помещиков — с 1 480 тыс. гектаров в 1869 г. до 2 141 тыс. в 1879 г.

В 70-х годах этот грабёж вызвал такую волну протеста со стороны трудящихся масс, что правительство было вынуждено несколько отступить, издав в 1878 г. закон, установивший правила продажи башкирских земель не иначе, как с публичных торгов и притом только в общинах, где земли башкир и припущенников были размежёваны. В 1882 г. было обнародовано новое положение, по которому земли башкирских общин в дальнейшем могли быть приобретаемы только лишь казной и сельскими обществами или товариществами, но за частными лицами сохранилось право аренды сроком до 12 лет. Эта формальность служила лишь прикрытием колониальной политики царизма — общинные земли башкир попрежнему продолжали оставаться объектом хищения. Кулаки и зажиточные крестьяне-переселенцы, составляя фиктивные крестьянские общества и товарищества, приобретали тысячи десятин лучших пахотных земель. Аренда башкирских общинных

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 218, примечание.

земель была выгодна для крупных арендаторов, так как они, арендуя земли, не платили за них царских земельных налогов (эти налоги уплачивались башкирскими общинами), арендная же цена за десятину не превышала 20—50 коп.

Социальные отношения в пореформенной башкирской общине. Башкирское общинное вотчинное землевладение лишь прикрывало эксплоатацию трудовых масс башкирскими баями и служило царизму орудием для фискального вымогательства. Всю тяжесть различных повинностей в общине несли бедняки и середняки. Их отягощали огромные поземельные налоги и земские сборы. Поборы эти раскладывались с таким расчётом, чтобы главная их тяжесть падала на бедноту и среднее крестьянство. Налоги исчислялись с общего количества общинной вотчинной земли, но раскладывались между общинниками не по фактическому владению или пользованию земельными угодьями, а по числу ревизских или наличных душ в семье. Вследствие этого бедняки, пользовавшиеся фактически одной десятиной земли или даже менее, платили зачастую больше или столько же, сколько платили богатые башкирские бай-феодалы и бай-куштаны (кулаки), владевшие сотнями десятин земли, пахотными и сенокосными угодьями или лесными богатствами общины. Поэтому башкирские эксплоататоры упорно держались за старую форму общинного землевладения, угнетая на её основе аульную бедноту. Беднота работала больше всего за так называемые «тамакжалы», т. е. за право получать известное количество даровых мясо-молочных продуктов; байские элементы иногда раздавали беднякам скот с условием заготовки на зиму сена с доставкой во двор бая и с возвращением приплода, равно как и молочной продукции. Нередко использовался и обычай «óмэ» — оказание «помощи» богачу в хозяйственных работах. Всё это прикрывало собой феодальную и полуфеодальную эксплоатацию. Байские элементы обогащались тем больше, чем больше разорялся аул.

В пореформенном башкирском ауле быстро росло количество безлошадных и однолошадных бедняцких хозяйств. Уже к концу второй половины XIX в. по Уфимской губернии башкирских дворов без всякого скота было 19,43%; бескоровных—43%, безлошадных — 31,5%. Безлошадные и однолошадные своего посева почти не имели, их эксплоатировали местные башкирские байские элементы, которые высасывали из них последние соки.

Башкирская беднота часто вынуждена была искать заработка за пределами своего аула и волости — в хозяйствах русских помещиков и русских и татарских кулаков, на уральских горных заводах и золотых приисках. Многие из башкир уходили на заработки на Волгу, в бурлаки, гоняли плоты по

Волге, Белой, Каме и Уфимке за ничтожную плату. Трудящиеся башкиры были поставлены в самые тяжёлые условия. Нищета, голод, эпидемии в ряде районов (особенно в горно-лесных) вели к превышению смертности над рождаемостью, иначе — к вымиранию башкир.

Общая характеристика экономического развития Башкирии в пореформенный период. На захваченные помещиками, купцами и кулаками башкирские земли, а также на общинные вненадельные угодья, оставшиеся у башкир, правительство интенсивно переселяло крестьян из центральной России и Заволжья. Лишь на территории Уфимской губернии русское сельское население выросло с 1 075,5 тыс. душ в 60-х годах до 2 089 тыс. душ в 1897 г. Значительно расширилось земледелие. Если в 1888 г. в Уфимской губернии под пашнями находилось 1 578,5 тыс. десятин земли (из них у башкир — 836,9 тыс. десятин, у русских и прочих крестьян—627,4 тыс., у помещиков—114,1 тыс. десятин), то в 1900 г. под пашней было занято 3 471,1 тыс. десятин. В 90-х годах плотность населения на одну квадратную версту составляла 20,5 души против 10,5 души в 60-х годах. Посетивший Уфимскую губернию в 80-х годах Н. В. Ремезов писал: «Здесь теперь... всё степное пространство засеяно хлебом... там, где были девственные леса,— ныне поля, где были болота, — там луга, где была непроходимая глушь,— теперь через каждые 5 вёрст починки, сёла, хутора, пристани». Эти безусловно прогрессивные явления соединялись, однако, с формами тяжёлой эксплоатации, грабежа и колониального угнетения, при грубом нарушении интересов местного башкирского населения. Земледелие как у крестьян, так и у помещиков было отсталым. Мелкому, маломощному крестьянину, попавшему в помещичью и кулацкую кабалу, было не до интенсификации своего хозяйства. Помещики же, имея возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработок, мало об этом заботились. Купцы и кулаки, ведя своё хозяйство за счёт эксплоатации дешёвой рабочей силы разорившихся башкир, тоже не спешили с улучшением техники земледелия. Таким образом, возможность угнетать и грабить местное башкирское население задерживала развитие производительных сил страны.

Однако под влиянием русских крестьян-переселенцев башкиры стали переходить к земледелию и в тех районах юго-восточной части Башкирии, где в 60-х годах ещё преобладало полукочевое скотоводческое хозяйство и сохранялся выезд на летнее кочевье. Например, в Белебеевском, Стерлитамакском, Уфимском и Златоустовском уездах Уфимской губернии к концу XIX в. не сохранилось ни одной кочёвки, а 251 зимовка превратилась в оседлые крестьянские поселения (аулы). Такой же процесс развивался и в Оренбургской губернии, хотя в

некоторых её районах наиболее зажиточные башкиры продолжали выезжать на лето со своими табунами на присвоенные ими общинные яланы (луга), ведя в то же время в ауле крупное земледельческое хозяйство.

Переход к оседлому быту и земледельческому хозяйству происходил в особо неблагоприятных условиях, созданных колониальной политикой царизма, приводившей к массовому разорению башкир. Разорение прежде всего сказалось в упадке скотоводства. В Уфимской губернии на 100 жителей приходилось в 1846 г. 96 голов лошадей и 59 голов крупного рогатого скота, а в 1895 г. — уже только 38 голов лошадей и 22 головы рогатого скота. Особенно сильно сказывался недостаток рабочего скота и сельскохозяйственных орудий на развитии земледелия в башкирских общинах. Башкирское крестьянство бедствовало.

С открытием в 60—70-х годах постоянного пароходного сообщения по рекам Уфе и Белой и с проведением в 80—90-х годах железной дороги, соединившей Самару с Уфой и продолженной далее, Башкирия постепенно всё более втягивалась во всероссийское товарное обращение. Это изменило значение городов и крупных поселений, возникших в прошлом как чисто административные пункты. Они быстро превратились в торгово-экономические центры. С 1863 по 1897 г. городское население Уфимской губернии увеличилось с 49 тыс. до 107 тыс., а в Оренбургской — с 53 тыс. до 153 тыс., причём население города Уфы выросло с 16,5 тыс. до 50 тыс., а Оренбурга — с 32,6 тыс. до 72,7 тыс. Однако эти города росли главным образом за счёт пришлого русского населения; местное башкирское население втягивалось в городскую жизнь очень медленно. В числе городского населения Уфимской губернии русских было 90 тыс., башкир — 6 тыс., татар — 8 тыс. В Оренбургской губернии русское население составляло 116 тыс., башкирское — 3 тыс., а татарское — 26 тыс. Таким образом, местное башкирское население было лишено городской культуры, — в этом сказался типичный колониальный характер развития городов Башкирии.

С развитием городов как торговых центров в них стали появляться капиталистические промышленные заведения, а также новые промыслы. По данным 1878 г., 109 промышленных заведений находились в городах на башкирской территории. В числе городских промышленных заведений числилось 29 металлообрабатывающих предприятий с 1 667 рабочими. Число ремесленников за период с 1876 по 1883 г. выросло с 1 336 до 2 447 человек. В мелких ремесленных заведениях всё больше стал применяться и наёмный труд. Предприятий с механическими двигателями насчитывалось в Уфимской губернии в

50—60-х годах всего 8, а в Оренбургской — 5; в 90-х годах их стало соответственно 79 и 40. В целом же Башкирия осталась отсталой страной, имевшей сильные пережитки средневековья и крепостничества, а также патриархально-родового быта. Основная причина отсталости Башкирии лежала в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить свободолюбивый башкирский народ в объект колониального грабежа, а Башкирию — в сырьевую базу, хищнически эксплоатируемую промышленниками метрополии.

Борьба башкирского народа против национально-колониального гнёта в пореформенный период. Первым наиболее активным выступлением башкирского народа против национально-колониального гнёта в пореформенное время явилось восстание в Осинском уезде, Пермской губернии, длившееся с марта по июль 1874 г. Поводом к восстанию было введение всеобщей воинской повинности; одновременно восставшие стремились не допустить экспроприации своих земель. Движение было подавлено и не распространилось на другие районы Башкирии, однако отзвуки его доходили до башкир Стерлитамакского и Белебеевского уездов Уфимской губернии. К стремлению башкир отстоять неприкосновенность общинной земли присоединялось желание отстоять свою культуру, свой язык и право на самостоятельное национальное развитие. В 1879 г. в Бугурусланском, Белебеевском, Бугульминском и Уфимском уездах башкиры вместе с татарскими крестьянами в знак протеста против руссификаторской политики царизма громили волостные правления и прекратили учение в русских классах башкирских и татарских школ.

В 1879—1884 гг. башкирские крестьяне повели решительную борьбу против грабительской крепостнической политики царизма, выразившейся в отмежевании башкирских общинных земель и раздаче их царским чиновникам. Там, где захватчики уже были введены во владение, башкирские крестьяне жгли хутора новых владельцев, уничтожали посевы, рубили лес. В 1880—1881 гг. борьба башкирских крестьян против захватчиков перекинулась из Белебеевского уезда в другие уезды Уфимской губернии, в Сарапульский уезд, Вятской губернии, в Красноуфимский уезд, Пермской губернии. Башкирские крестьяне упорно не допускали новых владельцев в отмежёванные для них участки. Движение особенно усилилось в 1882—1884 гг., когда к восставшим башкирским общинникам присоединились татарские и прочие крестьяне. Восставшие стали нападать не только на владения новых и старых русских помещиков, но и на башкирских и татарских феодалов, включая духовных лиц. Повстанцы громили и жгли помещичьи и купеческие имения, рубили леса, захватывали пашню,

изгоняли помещиков и их управляющих. Отмечено несколько случаев убийств помещиков и многочисленные случаи нанесения им побоев. Наряду с башкирами и татарами деятельное участие в движении принимали также марийские и русские крестьяне. Национальная рознь, сознательно разжигавшаяся царскими чиновниками и колонизаторами, уступила место общности интересов. Для подавления движения царскому правительству потребовались специальные воинские части. К зиме 1884 г. движение было подавлено. В этом большую помощь царизму оказали башкирские бай-феодалы, бай-куштаны и духовенство. Однако спустя 10 лет движение вспыхнуло с новой силой. Поводом к нему послужил закон 6 июня 1894 г., по которому «свободные леса» башкирских общин были взяты в казну и поступали в распоряжение местных управлений министерства государственных имуществ. Наиболее крупные выступления против этого закона происходили в горно-лесных районах. Так, в Кудейской общине — тюбэ — многочисленная толпа башкир, вооружённая топорами и кольями, напала на прибывших в волость царских чиновников, избила их и обратила в бегство вместе с полицией. Только прибытие уфимского губернатора и угроза применения вооружённой силы, а также уговоры мулл и баев сломили движение.

Движения 1879—1884 и 1894 гг. имели большое политическое значение как резко выраженный протест против дальнейшего водворения в Башкирии помещичьего землевладения. Распоряжения царского правительства о прекращении дальнейшей раздачи башкирских земель, несомненно, стояли в тесной связи с этими движениями. Все эти выступления башкирских общинников отличались неорганизованностью, стихийностью, неподготовленностью и отсутствием руководства. К башкирским восстаниям применимы слова Ленина: «...у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями»[1].

Культура и просвещение Башкирии во второй половине XIX в. Во второй половине XIX в. Башкирия была отсталой страной в области культуры и просвещения. Ничтожное количество башкирских юношей в 60-х годах стало обучаться чертёжному, строительному и лесному делу; 25—30 башкир обучалось в Оренбургском кадетском корпусе; в Оренбургской фельдшерской школе при военном госпитале обучалось 70 башкир, в Казанском университете — от 17 до 20; 300 башкирских юношей было отправлено в 60-х годах в Петербург и другие города России для обучения различным специальностям. Из башкирского общинного капитала

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, изд. 4, стр. 386.

учащимся оказывалась некоторая, крайне небольшая, помощь. Начиная с 1861 г. в башкирских кантонах были основаны школы для первоначального образования башкирских детей; их было открыто всего 25 с 397 учащимися. В школах башкирских детей обучали русскому языку и арифметике, родной же язык не преподавался вовсе. В 1861 же году в кантонах были учреждены две «центральные учебно-педагогические школы» для подготовки педагогов из среды башкир. В этом же году при Бирской русской женской школе открылось башкирское отделение для 43 девушек. Их обучали кроме русской грамоты арифметике, рукоделию, огородничеству, домашнему хозяйству. Кроме того, от 200 до 250 башкирских юношей обучалось в уездных городских училищах и приходских школах. Горячее желание башкир приобщиться к культуре великого русского народа не отталкивало их от этих, казалось, прогрессивных начинаний своего начальства, — наоборот, башкиры сначала сами принимали в них живое участие. Но вмешательство православного святейшего синода в 1865 г., просветительные начинания местного войскового начальства оттолкнули от них башкир: узнав о христианских целях синода (готовить башкирских детей к принятию христианства), они постепенно стали отворачиваться от этих школ, что было использовано и мусульманским духовенством, враждебно относившимся ко всякому проявлению прогресса и культуры. После ликвидации кантонной системы управления башкирами царизм уничтожил все прогрессивные культурно-образовательные начинания в башкирском войске. Были отменены и стипендии башкирам, обучающимся в Оренбургском кадетском корпусе, в Казанском университете, в Оренбургской фельдшерской школе, а также и пособия учащимся в педагогических классах уездных школ. Всю незначительную сумму, предназначенную для культурно-образовательных целей и весь башкирский общинный капитал в сумме около 3 млн. руб. царское правительство использовало на покрытие непомерно разросшихся после реформы 1861 г. денежных налогов с башкирского населения. Так царизм совсем закрыл путь башкирам к просвещению и культуре.

В 70-х годах царское правительство сделало неудачную попытку подчинить мусульманские духовные школы государству. В 1870 г. был издан специальный закон, по которому все мусульманские мектебе и медресе должны были перейти в ведение министерства просвещения и открыть классы для преподавания русского языка учителями, выделенными министерством, но оплачиваемыми населением. Учреждение этих классов встретило сильное сопротивление со стороны башкир и припущенников-мусульман. Это мероприятие лишь толкнуло

мусульманское население в объятия мусульманских фанатиков-мулл и хазретов (вероучителей), содержавших мектебе и медресе за счёт аульных джамаатов (сельских обществ) и местных бай-феодалов.

В 70—80-х годах были открыты русско-башкирские миссионерские школы, рассчитанные на 100—105 человек, одна женская школа на 20 человек и 6 школ под названием башкирских «народных» школ. Царское правительство, открывая эти школы, ставило лишь задачу крещения их воспитанников. Ясно, что такая политика не могла иметь успеха; из этих школ к концу XIX в. сохранились лишь немногие. Число мусульманских мектебе и медресе увеличилось в пореформенный период — это было реакцией на руссификаторскую политику царизма. И в мусульманских школах, являвшихся единственными «рассадниками» грамотности, детей обучали главным образом основам мусульманского вероучения и всяким его догматам по непонятным им арабским и персидским книгам. Поэтому начинали обучение детей с арабского и персидского языков. Малейшее вольнодумство влекло жестокое наказание со стороны наставников. Уроки по общеобразовательным предметам совсем не допускались. Вместо башкирского языка детей обучали письменности и языку «тюрки», состоявшему из смеси татарских, изменённых арабских, персидских и таджикских слов и выражений, непонятных широкой массе башкирского народа. Получившие образование в этих школах использовали в переписке и в качестве литературного языка тот же «тюркский» жаргон. При таком положении о развитии башкирской национальной культуры не могло быть и речи.

Башкирский народ был лишён царизмом печатного слова. Только в устном и рукописном творчестве жила и развивалась башкирская подлинно народная поэзия, музыка, песня. Местом культурного общения башкирских народных масс служили традиционные «йены» (сборы), устраиваемые башкирами летом, после весенних полевых работ, до начала сенокоса. Йены, как и в старину, сопровождались конскими скачками, соревнованиями бегунов, борцов, плясками джигитов и девушек под музыку национальных инструментов. На этих сборах выступали лучшие народные певцы и импровизаторы. Одним из гнусных мероприятий царизма было запрещение этих народных праздников. Запрещение это поддержали муллы Однако народ продолжал свои сборы. Лучшие традиции своей культуры башкирский народ донёс до Великой Октябрьской социалистической революции.

Положение сибирских народов во второй половине XIX в. Якуты. В Сибирь, начиная с середины XIX в., стали проникать капиталистические отношения. Впереди других народов Сибири

по уровню своего развития стояли в эту эпоху якуты, буряты, алтайско-саянские народы и западносибирские татары.

В экономическом укладе якутов значительные изменения стали происходить под влиянием открытия в 40-х годах Витимских и Олекминских золотых приисков. На месте прежней пустынной тайги по соседству с южной Якутией образовался оживлённый промышленный район, ставший удобным рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов. Из Якутии стали привозить на прииски рыбу, мясо, сено, масло. Товары эти шли и из Вилюйского и Якутского округов, но главным образом из ближайшего — Олекминского. Для крупных скотоводов-тойонов появление этого нового рынка сбыта их продуктов было весьма выгодно. Оно означало толчок к перестройке самого хозяйства — из натурального последнее стало всё больше превращаться в товарное. Помимо этого, самая доставка товаров на прииски была для олекминских тойонов очень выгодным предприятием. Они нанимали с этой целью ямщиками своих неимущих сородичей и соулусников, причём условия найма были таковы, что неминуемо опутывали ямщика сетью кабальной зависимости, от которой он не мог освободиться всю жизнь.

В меньшей степени товарные отношения проникали в центральные, амгинско-ленские и вилюйские улусы Якутской области; но и здесь сказывалось растущее влияние товарных перевозок по Верхоянскому, Аянскому и другим трактам, а также близость такого рынка, как сам Якутск. На этой почве начинала складываться молодая якутская торговая буржуазия, частично вышедшая из рядов родовитого тойонства, частично образовавшаяся в результате расслоения самого улусного крестьянского населения. Эта якутская буржуазия с середины XIX в. начала эксплоатировать охотничье население тайги — эвенков, юкагиров и др., среди которых ещё были сильны пережитки патриархально-родовых отношений.

Существенным шагом вперёд в экономическом развитии якутов было появление у них хлебопашества. До середины XIX в. оно существовало в Якутии только у русских. С 50-х годов начали делаться попытки внедрить земледельческое хозяйство и в якутские улусы. Правда, оно привилось вначале только среди олекминских якутов, находившихся под более сильным влиянием русских крестьян. Но к концу века и якуты центральных улусов начали несколько расширять посевы, причём сеяли главным образом ячмень.

Буряты. Сходные процессы происходили и у бурят. У западных (иркутских) бурят довольно устойчиво продолжали сохраняться родовые пережитки; ещё в 70-х годах Щапов имел возможность наблюдать среди них «улусную родовую общину», хотя и начавшую уже в это время разлагаться под влиянием

«эгоистических своекорыстных расчётов» родовой знати. У восточных (забайкальских) бурят родовые пережитки были гораздо слабее. У них были более развиты феодальные отношения.

Проникавшие в улусы товарные отношения оказывали влияние на формы эксплоатации. Зажиточные элементы улуса скупали скот и перепродавали его в рассрочку своим же бедным соулусникам, получая при этом прибыль (например, продавали за 10 руб. овцу, стоившую не более 3 руб., а кроме того, требовали за каждую овцу ежегодной поставки одного воза сена и части приплода). На почве такой варварской эксплоатации населения в улусах развивалась хищная, предприимчивая торговая буржуазия, которая вступала в соперничество со старой нойонской знатью. В руках последней были Степные думы и Инородные управы, служившие орудиями власти нойонов. Новая знать, искусно используя недовольство масс самовластием тайшей, вступила с последними в борьбу, стремясь оттеснить старую знать от тайшинских должностей. Эта борьба принимала порой длительный характер.

Позиции богатеев-эксплоататоров упрочились, когда в 1885—1890 гг. царское правительство, укрепив свой бюрократический аппарат и всё меньше нуждаясь в поддержке со стороны старой бурятской знати, ликвидировало у иркутских бурят Степные думы, бывшие оплотом власти родового нойонства, и заменило их более мелкими единицами — Инородными управами. В этих управах власть оказалась в руках новой бурятской знати, приспособлявшейся к капиталистическому развитию. Но представителей этой знати ещё нельзя было назвать капиталистами: в их хозяйстве феодальная и полуфеодальная эксплоатация ещё не потеряла своего значения.

В консервации старого уклада немалую роль играла религия. Забайкальские буряты ещё в XVIII в. под влиянием соседней Монголии приняли ламаизм (разновидность буддизма). При деятельной поддержке нойонской знати строились дацаны — монастыри, где многочисленные ламы-монахи жили за счёт трудового народа. Правительство по отношению к ламаистской церкви вело двойственную политику: пытаясь ограничить рост ламаизма, оно в то же время давало ему ряд привилегий. Это началось ещё при Екатерине II установлением должности бандидо-хамбо-ламы, главы буддийского духовенства (1764 г.), а кончилось изданием в 1853 г. «Положения о ламайском духовенстве в России». По этому «Положению» было узаконено «комплектное» число лам—285 в 34 дацанах (в действительности лам было гораздо больше). Поддерживаемое нойонством, ламское духовенство со своей стороны укрепляло старый пат-

риархально-феодальный быт. К западным, иркутским бурятам ламаизм проникал гораздо слабее. Здесь действовали православные миссионеры, но бурятское население продолжало упорно придерживаться своих старых, шаманских верований. К концу XIX в. всего около 42% иркутских бурят числилось крещёными.

Народы Алтая. Большие изменения внесла пореформенная эпоха в жизнь народов Алтая. До середины XIX в. население этой страны сравнительно мало было затронуто влиянием колонизаторской политики царизма. Доступ переселенцев в Алтайский горный округ, с 1747 г. считавшийся землёй «кабинета» (т. е. частной собственностью царской фамилии), был затруднён, и русское население на Алтае было представлено только самовольно поселившимися там беглыми крестьянами и старообрядцами. С 1828 г. среди алтайцев действовала православная миссия, которая, однако, не имела никакого успеха. В 60-х годах положение сильно изменилось. Алтайская миссия перешла к более радикальным методам деятельности: начала строить монастыри, отбирая для них у местного населения землю и вынуждая насильственными методами принимать крещение. В 1865 г. царское правительство разрешило переселение крестьян из Европейской России на Алтай с наделением переселенцев 15 десятинами земли; в числе переселенцев было немало хищнических кулацких элементов, отнимавших землю у алтайцев. Последние скоро оказались оттеснёнными с наиболее плодородных мест — низовьев долин — в горы и верховья мелких речек. Стеснение кочевий приводило к вынужденному оседанию туземцев, к упадку скотоводства.

В те же годы началось усиленное проникновение торгового капитала на Алтай. Купцы скупали скот у населения, применяя методы ростовщического кредита, запутывая алтайцев долговыми обязательствами и угоняя за бесценок целые табуны лошадей и стада скота. За короткое время — 60-е годы — богатые долины Алтая опустели; бродивший кое-где скот принадлежал русским купцам. В северных районах Алтая, где главное занятие жителей составляли охота и орешный промысел, власть торгового капитала была ещё более сильной. «Ныне едва ли не все леса с их орехами и белками запроданы русским [купцам] за несколько лет вперёд, так же как дикие пчёлы и прочие промыслы», — писал один наблюдатель в эти годы.

Из среды самих алтайцев в результате торговли скотом, орехами и пушниной выделялась кулацкая верхушка (баи). Местами она составлялась из представителей старой родовой зайсанской знати, местами — из выходцев из крестьянской массы. При этом в северных районах Алтая национальная буржуазия была тесно связана с русским торговым капиталом —

с бийскими и барнаульскими купцами. В южной же части Алтая зайсаны и баи, ведшие дела с Монголией, относились враждебно к русскому купечеству. Это характерное различие сказалось в религии: население северного Алтая вслед за своими зайсанами почти поголовно принимало православие, тогда как в южном Алтае деятельность православной миссии наталкивалась на сопротивление зайсанов и баев и была малоуспешной.

Западносибирские татары. Колонизаторская деятельность царизма отразилась губительным образом на такой сравнительно крупной и сильной народности, как западносибирские татары. Захват земель и гнёт торгового и ростовщического капитала — всё это привело к упадку их экономического положения. Ещё в XVIII в. эти татары были, по словам исследователя Ядринцева, «богатым сословием Сибири, они были оседлы, имели земли и угодья... занимались торговлей и обладали капиталами». В начале же 80-х годов XIX в. этот исследователь обнаружил, что быт татар «совершенно нищенский, они лишились земель, представляют полудикое несчастное население». Дело доходило до прямого вымирания татар; численность их сократилась с 40 470 душ в 1851 г. до 37 880 душ в 1878 г.

Народы Севера. Зверски эксплоатировались торговым капиталом и находились в очень тяжёлом положении малочисленные и слабые племена северной тайги и тундры. У хантов (остяков) — рыболовецкого населения реки Оби — были отняты пришлым кулачеством рыболовные угодья; все ханты находились в долговой кабале у кулаков и купцов. Следствием этого были периодически повторявшиеся голодовки. Распространялись эпидемические болезни; конечным результатом было постепенное вымирание населения.

Некоторое исключение составляли чукчи — обитатели крайнего северо-востока Сибири. Они считались «не совершенно зависящими от правительства» и платили «добровольный» ясак, вернее, почти ничего не платили в казну. В конце 50-х годов сибирская администрация начала ликвидацию привилегий чукотского народа, стараясь подчинить его царскому режиму на общих основаниях. Якутский губернатор пытался действовать через отдельных чукотских старшин, но из этого ничего не вышло, так как эти старшины не имели никакой принудительной власти. Миссия колымского исправника барона Майделля, ездившего в 1868 г. с той же целью в чукотские тундры, окончилась такой же неудачей.

Крестьянская реформа в Сибири. Переселенческое движение. Крестьянская реформа 1861 г. почти не коснулась Сибири. Крепостных помещичьих крестьян там за ничтожными исклю-

чениями не было, как не было и помещичьего землевладения. По манифесту 19 февраля 1861 г. на территории Сибири подлежало освобождению всего 3 701 крепостных (в том числе около 900 дворовых). Основная масса русского крестьянства в Сибири сидела на землях, считавшихся казёнными. Но зато очень велико было косвенное влияние реформы 1861 г. на крестьянское население Сибири. После реформы резко усилился приток в Сибирь новых переселенцев из Европейской России. Достаточно указать, что за сорокалетие, 1858—1897 гг., численность русского населения Сибири увеличилась более чем вдвое: с 2,3 млн. до 4,9 млн. душ. Этот приток распределялся по территории Сибири далеко не равномерно. Как и прежде, русское население концентрировалось сплошным массивом вдоль южной лесостепной полосы Сибири, в южных частях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, проникая лишь отдельными мелкими группами в северные таёжные области, ещё меньше — в область тундры и в незначительном количестве вкрапливаясь в горные области южной пограничной полосы.

Вновь присоединённый обширный Дальневосточный край стал усиленно заселяться во второй половине XIX в. Правительство начало с переселения сюда казаков из Забайкалья. Цепь казачьих станиц вытянулась вдоль Амура и Уссури. За этим последовала и крестьянская колонизация, особенно усилившаяся в 1882 г., когда правительство приняло меры к организации переселения морским путём. За 1883—1897 гг. было перевезено морем на казённый счёт 4 688 крестьян из русских и украинских губерний. Это была по преимуществу безземельная беднота, которая и на новых местах продолжала страшно бедствовать; совсем в другом положении оказались зажиточные «своекоштные» переселенцы, которых за тот же период было доставлено на Дальний Восток 24 405 человек.

Деятельность колонистов имела положительное значение для развития края. Хотя и с трудом и с тяжёлыми лишениями, русский народ постепенно заселял и осваивал богатую и обширную страну; сближаясь с местными коренными народами, русские поселенцы оказывали на них положительное культурное влияние.

Положение русского населения. Диференциация крестьянства. Русским старожильческим населением издавна — с XVII—XVIII вв. — была освоена удобная для земледелия умеренная лесостепная зона Сибири. Туземное население здесь уже давно было частью ассимилировано, частью вытеснено. Внутри русского крестьянства наметилось довольно резкое классовое расслоение: из потомков ранних поселенцев успел выделиться зажиточный слой, эксплоатировавший

главным образом новосёлов, которые ещё не смогли на новом месте обзавестись хозяйством.

До середины XIX в. крестьянское население даже в этой земледельческой полосе было сравнительно редким. Земли было много, поэтому и конфликтов по вопросу о пользовании землёй не возникало. Землепользование принимало свободные формы, подобные тем, которые когда-то существовали и в Европейской России, но сохранились там к XIX в. лишь в отдельных районах Севера. Каждый крестьянин занимал под свою усадьбу, под пашню, сенокос и выгон любой свободный участок земли. Но обрабатываемую землю крестьянин вовсе не рассматривал как свою личную собственность: она считалась общинной. «У нас земля вольная, — говорили крестьяне, — всякий пашет, где глянется». Если хозяин переставал обрабатывать расчищенную им «залежь» (старую пашню), то её мог через определённое число лет занять любой другой крестьянин. «Пока я пашу — я хозяин, бросил пахать — земля общественная», — так говорили, например, в Томской губернии. Таким образом, «захватное» право на землю было лишь особой разновидностью общинного землепользования. Что касается пастбищных и лесных, отчасти и рыболовных угодий, то пользование ими также было общинным.

Этот общинный строй ничуть не стеснял развития резких классовых противоречий в сибирской деревне. Кулацкие элементы фактически захватывали, пользуясь общинным правом, самые крупные и лучшие участки земли. Бедноте угнаться за кулаками было не под силу. «Подъезжай к нему [богачу] с одной сохой, — жаловались бедняки, — а он на четырёх, а то и на шести сохах выедет, да вокругом тебя опашет и забороннит, — так ты на одном загоне [загон — одна двенадцатая часть десятины] и остался; хотя бы они к нам не лезли, а нам, бедноте, где уж отбивать у них пашню».

Но этот порядок землепользования мог существовать лишь до тех пор, пока земли хватало на всех. Недостаток земли местами начал замечаться ещё в первой половине XIX в. Одним из показателей этого было то, что правительство с 30-х годов вынуждено было приступить к землеустроительным работам в Сибири: с 1837 по 1871 г. шла работа «Сибирского межевания» (позже — Съёмочных отделений). В 60-х годах, после крестьянской реформы, из России в Сибирь нахлынули новые массы переселенцев, и земельная теснота стала ощущаться чем дальше, тем сильнее. Обострилась борьба за землю. Малообеспеченные землёй группы в старожильческих деревнях вместе с новосёлами всё более активно выступали за передел земли. Кулачество крепко держалось за захваченные

земли, ссылаясь на традиционные нормы земельного права. «Мало вам земли,—говорили кулаки,—так земля-то ведь вольная. Пустого места вон сколько лежит. Мы поработали, землю себе расчистили, и вам никто не запрещает расчищать; пашите себе, сколько хотите, а нас не трогайте». Но «пустого места» в действительности становилось всё меньше, и борьба за землю становилась острее. Администрация со своей стороны настаивала на переделах земли; она имела в виду при этом свои цели — выкроить участки для новых переселенцев.

В результате всего этого в Западной Сибири совершился в 80-х годах почти повсеместный переход от захватного землепользования к общинным переделам. Периодическим переделам стали подвергаться в первую очередь сенокосные угодья; позже принцип передела распространился и на пашенные угодья. В Восточной Сибири, где население оставалось более редким и земельная теснота меньше давала себя чувствовать, изменение форм землепользования началось позже— не ранее 90-х годов. При переходе к общинно-передельному землепользованию интересы кулацкой верхушки фактически не пострадали, хотя кулаки и сопротивлялись этому переходу. Права старинного владения при переделах принимались во внимание. С другой стороны, кулаки умели и разными иными способами сохранить за собой захваченную землю.

Для сибирской буржуазии 60-е годы тоже принесли ряд новых и притом неблагоприятных изменений. К этому времени очень остро стало чувствоваться истощение пушных богатств края, которые были главным объектом сибирского вывоза. На Ирбитскую ярмарку в 1850 г. было привезено около 44 тыс. собольих шкурок, а в 1860 г. — только 16 тыс.; такое же падение наблюдалось и по другим видам пушнины. Торговля перестала давать достаточный доход. Вместе с тем сфера приложения капиталов в промышленности была очень узкой. Золотопромышленность к 60-м годам вступила в полосу упадка, горнозаводская промышленность находилась почти целиком в руках казны или «кабинета», возникновение же других отраслей промышленности было крайне затруднено вследствие конкуренции привозных товаров из Европейской России.

Культура и просвещение в Сибири. С середины XIX в. в Сибири оживилась и культурная жизнь В отличие от более раннего периода, когда почти все культурные начинания в Сибири (экспедиции, исследования) исходили извне, теперь начала проявляться деятельность и местных культурных сил.

Большое значение получила деятельность открытого в 1851 г. Сибирского отдела Русского географического общества

(с центром в Иркутске). Этот Сибирский отдел организовал ряд научных экспедиций для изучения малоизвестных областей внутренней и окраинной Сибири, экспедиций, имевших ценные и разнообразные результаты. Такими были экспедиции учителя иркутской гимназии Маака на Вилюй в 1854—1855 гг., его же экспедиция на Амур в 1855—1856 гг. В 1878 г. Сибирский отдел Географического общества разделился на две части — Восточносибирский и Западносибирский (с центром в Омске); последний из них сосредоточил свои работы на изучении бассейна Оби и в особенности Алтая.

Одновременно Сибирь и сопредельные с ней страны были объектом усиленного изучения со стороны правительственных, академических и других экспедиций и отдельных путешественников. Из более крупных экспедиционных работ данного периода следует отметить амурскую этнографическую экспедицию Л. И. Шренка (1854—1856 гг.), военно-топографические исследования пограничных районов Венюкова (1857—1863 гг.), лингвистическо-фольклорные исследования Радлова в Алтайско-Саянской горной области (1860—1870 гг.), известные экспедиции Н. М. Пржевальского по Уссурийскому краю (1867—1868 гг.), Монголии, Тибету и Китайскому Туркестану (1870—1885 гг.), путешествия Г. Н. Потанина (1863—1864, 1876—1879 и 1884—1886 гг.) и др.

На основе богатых и разнообразных материалов, накоплявшихся по мере изучения Сибири, начала создаваться сибирская географическая и историко-этнографическая литература. Особенно интересны этнографические и исторические работы крупного учёного А. П. Щапова, бурята по матери. Его работы были посвящены русскому и бурятскому населению Сибири. Вышли в свет также работы Потанина, Ядринцева и др. Большое значение имел тот факт, что начали появляться отдельные исследователи из рядов молодой национальной интеллигенции. Ещё в 40-х годах появились работы первого бурятского учёного Доржи Банзарова («Чёрная вера, или шаманство у монголов», 1846 г., и др.). Во второй половине XIX в. выдвинулась целая группа бурят-этнографов и фольклористов, из которых на первое место надо поставить Матвея Хангалова, опубликовавшего ценные материалы по народному творчеству, обычаям и верованиям бурят. Чрезвычайно интересно появление как раз в эту эпоху первых национальных летописей народов Сибири: это летописи хоринских, селенгинских и баргузинских бурят, составленные на монгольском языке местными родоначальниками в 1870—80-х годах (изданы они только при советской власти). Большим вкладом в науку были также работы лингвиста и фольклориста профессора Н. Ф. Катанова, хакаса по национальности, собрав-

шего большой материал по северо-тюркским языкам и народному творчеству.

В культурной жизни Сибири во второй половине XIX в. большое значение получили появившиеся впервые общественные (неказённые) газеты: «Сибирь» в Иркутске (с 1875 г.), «Восточное обозрение» (с 1882 г.). Крупными культурными центрами стали некоторые музеи, особенно известный Минусинский музей, основанный в 1877 г. местным любителем старины Мартьяновым (ныне музей его имени). Наконец, очень важным культурным событием для Сибири было открытие первого сибирского высшего учебного заведения — Томского университета. После длительной борьбы, преодоления всевозможных препятствий и задержек, которые чинило этому делу царское правительство, Томский университет был открыт в 1888 г. в составе медицинского факультета, к которому в 1899 г. присоединился юридический.

В культурном развитии Сибири значительную роль сыграла политическая ссылка. Особенно много ссыльных попадало в Якутскую область, где условия жизни были для них чрезвычайно тяжелы. Они ещё более ухудшались вследствие рассчитанно-жестоких предписаний администрации, которая всячески стесняла для ссыльных выбор занятий (почти все виды интеллигентного труда им запрещались) и обрекала их этим нередко на голодание В течение 12 лет (1872—1883 гг.) в Вилюйском остроге томился великий мыслитель-революционер Н. Г. Чернышевский. В 60-х годах в Сибирь были сосланы польские повстанцы 1863 г., за ними — каракозовцы-ишутинцы. С конца 70-х годов (после издания «Положения» об административной ссылке в 1878 г.) численность ссыльных сильно увеличилась. Это были главным образом народники, народовольцы, с 90-х годов также марксисты. В большинстве это были выходцы из разночинной интеллигенции, зачастую люди со специальными знаниями — врачи, юристы, писатели.

Несмотря на кошмарно тяжёлые условия жизни, вопреки всем административным стеснениям, политические ссыльные сумели сделать многое для культурного развития края. Одни из них делали сельскохозяйственные опыты и даже в таких местах, где земледелие считалось невозможным (например, в Верхоянском и Колымском округах). Другие — врачи и студенты-медики — занялись медицинской практикой там, где прежде население лечилось только у шаманов (врач-народоволец Сипович, а также Натансон, Юрасов, Стеблин-Каменский, Мицкевич и др.). Третьи пытались вести педагогическую работу, хотя последняя особенно строго запрещалась начальством. Так делал писатель В. Г. Короленко, проведший три года (1881—1884) в Якутской области, а также Странден, Подбель-

ский, доктор Белый, Богораз и особенно успешно—В. М. Ионов. Некоторые ссыльные занимались распространением книг, иные оказывали бесплатную юридическую помощь тёмному и забитому населению, защищая его от произвола чиновников и местной знати.

Наконец, из рядов ссыльных вышли и серьёзные исследователи Сибири, изучавшие природу края (геологи Чекановский, Черский), быт и народное творчество населения (каракозовец-фольклорист Худяков, народники Клеменц, Ковалик и др.). Большую работу по исследованию Якутии и Северо-Восточной Сибири провели политические ссыльные Майнов, Виташевский, Левенталь, Ионов, Ф. Кон, Серошевский, Пекарский, Богораз (Тан), Иохельсон и др. Важные открытия по этнографии гиляков сделал Л. Я. Штернберг.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Маркс К.* [Письмо к Энгельсу 12 февраля 1870 г]. Сочинения. Т. XXIV. С. 290—293. — *Ленин В. И.* Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. Сочинения. Изд. 4. Т. 1. С. 1—58.— *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. — *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии. Сочинения. Изд. 4. Т. 4. С. 207—233. — *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии. Сочинения. Изд. 4. Т. 4. С. 261.—*Ленин В. И.* Классы и партии в их отношении к религии и церкви. Сочинения. Изд. 4. Т. 15. С 382—390. — *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 1—34. — *Ленин В. И* Украина. Сочинения. Изд. 4. Т. 25. С. 73—74 — «Ленинский сборник» XXX. [М.] 1937. 330 с — *Сталин И. В.* Как понимает социал-демократия национальный вопрос. Сочинения. Т. 1. С. 32—33.— *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. [М.—Л.] 1939. 295 с. — *Сталин И. В.* Статьи и речи об Украине. Сборник. [Киев]. 1936. С. 34.

— *Берия Л.* К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Изд. 7. М. 1948. 288 с — *Багиров М. Д.* Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. Баку. 1944. 174 с.

II. Документальные материалы. Пособия. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875—1879) рр.). [Харьків]. 1934. 440 с. (Центр. архиви управление УССР). — Крестьянское движение в конце XIX в. (1881—1894 гг). [Предисл. П. Софинова]. «Красный архив». 1938. № 4—5, с. 208—257.— *Саксаганский П. К.* Из прошлого украинского театра. М.—Л. 1938. 168 с — Список землевладельцев Минской губернии за 1876 год. Минск. 1877. XXIII, 185 с.—Промыслы Могилёвской губернии. «Экономический журнал». 1886. Кн. 20—21, с. 89—94.—Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXI. Минская губерния. Спб. 1903. VIII, 435 с. — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XI. Гродненская губерния. Спб. 1903 V, 544 с. — Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. Ч. 1—2. Спб. 1884.— *Аленицин В.* Еврейское население и землевладение в юго-западных губерниях Европейской России, входящих в черту еврейской оседлости. Спб. 1884 XVI, 79 с. (Стат. временник Росс. империи. Серия III. Вып 2). — Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. Пгр. — М. 1923. XXXII, 542, V с. — *Постников В. Е* Южно-

русское крестьянское хозяйство. Изд. 2. М. 1907. XXXII, 392 с. — *Дорощенко П.* Очерк крепостного права в Малороссии и крестьянской реформы в Черниговской губернии. Чернигов. 1911. 36 с. — *Казаченко А.* Українська культура. Ĭï минувшина и сучасність. [Харьків] 1931. 168 с.— *Пичета В. И.* История крестьянских волнений в России. Минск 1923. 155,[4] с. — *Довнар-Запольский М. В.* Народное хозяйство Белоруссии 1861—1914 гг. Минск. 1926. [3]. 240 с. — *Дудкоў Д. А.* Аб разьвіцьці капіталізму ў Беларусі у 2-й палове XIX і пачатку XX стагодзьдзя Менск. 1932. [2], 203 с. — *Никитин В. Н.* Евреи-земледельцы... Спб. [1887]. XIV, 692 с — *Никитин В. Н.* Еврейские поселения северо- и юго-западных губерний (1835—1890 гг.) Спб. 1894. III, 200, IV с. — Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в. Ч. II. М.—Л. 1937. 479 с.—Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Тифлис. 1904. XII, 1555 с. — Всеподданнейший отчет наместника кавказского по гражданскому управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863—1881. [Б. м., б. г.]. 43 с. — Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке на Кавказ в 1883 г. Спб. 1884. 53 с. — Статистические справочные данные о населении Кавказа, по данным до 1887 года, и отчёты разных учреждений и обществ Кавказа за 1887 год. «Кавказский календарь» на 1889 год. Тифлис. 1888 С. 141—166.— Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70 годов XIX в. [в Татарии]. М.—Л. 1936. LXXX, 512 с. (Академия наук СССР).—*Ремезов Н. В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М. 1887. 196 с — Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1—13. Спб. 1888—1891. — *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. Т. I—III. Спб. 1883—1903. — *Авалиани С. Л.* Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. I—II. Одесса 1912—1913.— *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I—II. Тифлис. 1907. — *Иваненко В. Н.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Тифлис. 1901. [3]. IV, 526 с. — *Шпицер С. М.* Из прошлого башкирского народа. Уфа. 1929 [1], VI, 33 с —*Вашкевич В.* Ламаиты в Восточной Сибири. Спб. 1885. [4], 144 с. — *Кауфман А. А.* Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886—1892 гг. Спб. 1897. XI, 277 с. — *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность М.—Л. 1947. 288 с.— *Потапов Л.* Очерк истории Ойротии. Новосибирск 1933. 203 с. — *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. 1—2. Спб 1861—1863.— *Шашков С.* Российско-американская компания. В его кн.: Собрание сочинений. Т. II. Спб. 1898. Стб. 632—652.— *Щапов А.* Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905—1908 гг Иркутск 1937. XXXI, 385 с — *Ядринцев Н.* Сибирь как колония. Изд. 2, испр. и доп. Спб. 1892. 720 с. — *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Спб. 1891. 308 с.

Глава XXIX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ в 1879—1894 гг.

Обострение борьбы за раздел мира. Конец XIX в. (70—90-е годы) характеризуется резким обострением противоречий между капиталистическими странами. Усиление этой борьбы в 70-х годах было связано с общим развитием капиталистической системы, с уже обозначившимся переходом капитализма в его высшую и последнюю фазу развития — в империализм. Этот переход сопровождался борьбой за раздел мира между капиталистическими государствами, особенно между так называемыми великими державами.

Как раз 70—90-е годы XIX в. были временем усиленных колониальных захватов, причём по количеству захваченных колониальных территорий на первом месте стояла Англия. Безудержные захватнические планы английской буржуазии наталкивались на противодействие России. Так было и на Ближнем Востоке, где англо-русская борьба достигла большой остроты во время русско-турецкой войны и Берлинского конгресса. Так было и в Персии и в Китае, хотя в последнем наиболее резкое обострение англо-русской борьбы наступило несколько позднее — уже в 90-х годах XIX в. Усилились также противоречия между царской Россией и австро-венгерской монархией; к 70-м годам обостряются противоречия между царизмом и юнкерской Германией.

Международное положение России после Берлинского конгресса. Международное положение России после Берлинского конгресса было весьма затруднительным.

Русская армия одержала полную победу над Турцией, но у царизма нехватило сил и уменья отстоять плоды победы: Берлинский конгресс выявил полную дипломатическую изоляцию России. В силу финансового истощения и тревожного внутреннего положения царское правительство и думать не могло о возобновлении в ближайшие годы такой агрессивной политики, которая включала бы в себя риск войны. Потребность в передышке усугублялась ещё и тем, что не было закончено преобразование русской армии, задуманное военным министром Д. А. Милютиным и оборванное русско-турецкой

войной. Новая война помешала бы завершить это дело. Внутреннее положение царской России было тревожным, особенно после 1 марта 1881 г.

Усиление британского влияния в Турции после русско-турецкой войны ставило под угрозу безопасность всего Черноморского побережья России и в особенности Кавказа. Глава консервативного кабинета Биконсфилд установил с Турцией «союз», скорее походивший на протекторат над империей султана. Незадолго до открытия Берлинского конгресса между английским кабинетом и султаном была заключена так называемая «Кипрская конвенция» (июнь 1878 г.), на основе которой Англия совершала очередное ограбление той самой Турции, «защитницей» которой изображало себя английское правительство. По этой конвенции Турция уступила Англии остров Кипр в обмен на обязательства британского правительства оказать султану военную помощь в случае нападения России на азиатские владения Оттоманской империи. Появление английского флота в проливах и Чёрном море было тем более возможным, что на Берлинском конгрессе выяснилось, что Англия не намерена соблюдать принцип закрытия проливов для военных судов. Если бы Англия стала фактической хозяйкой проливов, то тысячевёрстное побережье Чёрного моря оказалось бы открытым для пушек английского флота, а вся внешняя торговля южной России была бы отдана на произвол Англии.

Перед лицом такой угрозы прежде всего нужно было обзавестись флотом на Чёрном море. Но, во-первых, флот нельзя было построить в один день, во-вторых, на его постройку нужны были большие деньги, которых у царского правительства не было. Приступить к постройке военного флота оно смогло лишь в 1881 г., через три года после окончания русско-турецкой войны (спущены же на воду первые броненосцы на Чёрном море были только в 1885—1886 гг.). К тому же война против Афганистана, предпринятая Биконсфилдом в 1878 г., заставляла Россию опасаться британской экспансии также и в Средней Азии.

Готовясь к возможной борьбе с Англией, Россия, во-первых, стремилась изолировать её от тех держав, которые могли бы стать её союзниками. Ближайшей соратницей Англии на Берлинском конгрессе и наиболее вероятной её союзницей была Австро-Венгрия, — следовательно, нужно было её нейтрализовать. Во-вторых, следовало приостановить продвижение Англии к Средней Азии. В-третьих, важно было попытаться оторвать Турцию от Англии. Первую из этих задач постарались разрешить возобновлением Союза трёх императоров. Вторую решало русское продвижение в Средней Азии, последовавшее,

хотя и с опозданием, в ответ на вторжение британских войск в Афганистан. Третью задачу отчасти разрешало то же «соглашение трёх императоров», в основном же её несколько позже, в 1882 г., неожиданно разрешил захват Англией Египта. Это оттолкнуло Турцию от Англии и разрушило англо-турецкий союз. Помимо перечисленных вопросов царское правительство весьма заботилось о поддержании своего влияния в Болгарии, только что освобождённой от турецкого ига ценою крови русского солдата. Таковы были те цели, которые обстановка конца 1878 г. поставила перед руководителями царской внешней политики.

Формально руководителем внешней политики России в 1878 г. всё ещё был дряхлый князь Горчаков. Берлинский конгресс вызвал в России сильнейшее возбуждение в дворянско-буржуазных кругах. Славянофилы во главе с И. Аксаковым резко порицали русскую дипломатию и особенно возмущались поведением Бисмарка; Горчаков должен был защищаться от нападок на русскую делегацию на Берлинском конгрессе. Его собственное отношение к Союзу трёх императоров тоже изменилось. Горчаков и раньше смотрел на союз, как на вынужденную комбинацию, а теперь совсем разочаровался в нём и включился в поход за освобождение русской политики от Союза трёх императоров. В послушной ему прессе (главным образом в «Голосе») Горчаков повёл антигерманскую кампанию, в которой разоблачал провокационную политику Бисмарка и призывал к сближению с Францией.

Нарастание в России недовольства против Бисмарка было чрезвычайно усилено обстоятельствами экономического порядка. В начале 1879 г. Бисмарк придрался к нескольким случаям чумы в Астраханской губернии, чтобы под предлогом ветеринарных мер предосторожности запретить ввоз русского скота в Германию. Это было сделано в интересах германских помещиков и жестоко ударило по карману русского дворянства. Германский посол в Петербурге писал в своём дневнике, что «мероприятия против ветлянской чумы вызвали в России больше ненависти, нежели вся поддержка, оказанная Германией Австрии в восточном вопросе». За стеснением ввоза скота последовало в том же 1879 г. обложение пошлиной хлеба, импортируемого в Германию. А для России Германия была рынком первостепенной важности — вторым по значению после Англии.

После франко-прусской войны и создания Германской империи резко обострились франко-германские отношения. Русское правительство считало себя заинтересованным в том, чтобы защитить Францию от нового разгрома. Дальнейшее усиление Германии за счёт Франции было бы слишком опасным

для России. С другой стороны, Германия по аналогичным причинам была заинтересована в том, чтобы не позволить России ослабить, а тем более разгромить Австро-Венгрию. Таким образом, после франко-прусской войны создавалась следующая расстановка сил на европейском континенте: Германия и Австро-Венгрия, с одной стороны, Россия и Франция — с другой.

Австро-германский союз был оформлен в 1879 г. Это соглашение, заключённое якобы ради мира в Европе, на деле было подготовкой войны и было направлено против России и Франции. Товарищ Сталин разоблачает его истинное существо в следующих словах: «В этот период, когда все говорили о мире, а фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское соглашение, которое послужило потом одной из основ будущей империалистической войны. Я говорю о соглашении между Австрией и Германией в 1879 году. Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции»[1]. В 1882 г. последовало заключение так называемого «тройственного союза»: к австро-германской группировке присоединилась третья держава — Италия. Тройственный союз имел агрессивный характер. Тем не менее франко-русский союз, явившийся последствием австро-германского и тройственного союзов, был оформлен лишь через десять лет. Образование этого союза задерживалось, во-первых, вследствие страха тогдашних руководителей французской политики перед Германией. Опасаясь всего, что может разгневать Бисмарка, правые республиканцы, стоявшие тогда у власти во Франции, боялись союза с Россией, и настроение французских правящих кругов стало изменяться только во второй половине 80-х годов. Во-вторых, франко-русскому союзу мешал в тот момент англо-русский антагонизм. На случай столкновения с Англией России было чрезвычайно важно обеспечить нейтралитет Германии, а вместе с тем и её союзницы Австро-Венгрии и тем самым — безопасность своей важнейшей западной границы. Следовательно, для царской России было рискованно ещё более осложнять русско-германские отношения. А сближение с Францией неизбежно было связано с опасностью такого осложнения. Нарастание революционного движения в России, память о Парижской Коммуне, убийство Александра II — всё это также содействовало усилению тенденций к сохранению так называемой монархической солидарности трёх восточноевропейских империй.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 274—275.

Возобновление Союза трёх императоров (1881 г.). Поскольку нейтрализация Австро-Венгрии в случае англо-русской войны зависела прежде всего от Германии, царское правительство уже в 1879 г. начало с Германией тайные переговоры о заключении политического соглашения. К этому времени Горчаков уже был в отставке, и внешней политикой России стал руководить Гирс — слабый и нерешительный человек, который всецело шёл на поводу у Бисмарка. Переговоры затянулись. Только 6 (18) июня 1881 г. был подписан договор между Россией, Германией и Австрией, получивший, подобно договору 1873 г., название Союза трёх императоров. В сущности он являлся не союзным договором, а скорее договором о нейтралитете. Договаривающиеся стороны взаимно обещали соблюдать нейтралитет в случае, если кто-либо из них окажется в состоянии войны с четвёртой великой державой. Это означало, что Россия обязывалась перед Германией не вмешиваться во франко-германскую войну, а Германия и Австрия в обмен гарантировали то же самое России на случай англо-русской войны. Гарантия нейтралитета была распространена и на войну с Турцией, при том, однако, непременном условии, чтобы были заранее согласованы цели и предполагаемые результаты этой войны. Было обусловлено, что никто из участников договора не станет пытаться изменять существующее территориальное положение на Балканах без предварительного соглашения с двумя другими участниками. Кроме того, Германия и Австрия обещали России, что окажут ей дипломатическую поддержку против Турции, если последняя отступит от принципа закрытия проливов для военных судов всех наций. Этот пункт был очень важен для русского правительства. Он способствовал предотвращению англо-турецкого военно-морского соглашения и появлению английского флота в Чёрном море.

Таким образом, Германия посредством этого договора гарантировала себе русский нейтралитет в войне с Францией, а Россия — нейтралитет Германии и Австрии в войне с Англией и Турцией. Союз трёх императоров, несомненно, облегчил для России борьбу против Англии, ибо он до известной степени обеспечивал нейтралитет Австро-Венгрии.

Англо-русские противоречия в Средней Азии. Начало 80-х годов ознаменовалось повсеместным усилением колониальной экспансии. Это стояло в связи с нараставшим процессом перехода мирового капитализма в свою последнюю, империалистическую фазу. Давнишнее соперничество России и Англии в Азии являлось важной составной частью этой борьбы за раздел мира. Общее обострение борьбы за раздел мира отразилось и на англо-русском соперничестве, причём в 80-х годах усиление этого соперничества особенно резко проявилось в Средней

Азии. Англия стремилась захватить среднеазиатские страны, чтобы хищнически вымотать из них природные богатства, поработить среднеазиатские народы английскому капиталу и использовать их труд для обогащения английских капиталистов. Никаких иных перспектив развития владычество Англии среднеазиатским народам не сулило.

В 1885 г. русские передовые отряды впервые столкнулись с афганцами. После окончания англо-афганской войны афганский эмир подпал под протекторат Англии, и последняя не желала допустить продвижения русских войск к границам Афганистана. В марте—апреле 1885 г. Россия и Англия, по выражению Ленина, оказались «на волосок» от войны. В этой связи главной заботой русского правительства было обеспечение Черноморского побережья от нападения британского флота и предотвращение использования Турции Англией в качестве плацдарма для действий против Кавказа Крымская война показала, что Черноморское побережье — единственная часть Российской империи, уязвимая для нападения Англии. Действительно, существенной частью английского плана военных действий была высадка десанта на Кавказском побережье и морская диверсия против Одессы. Поэтому Россия воспользовалась договором трёх императоров, чтобы застраховать себя от появления в Чёрном море английского флота. Бисмарк охотно пошёл навстречу русскому царизму, мобилизовав для давления на Турцию не только Австрию, но и другую свою союзницу — Италию; он опасался, чтобы царское правительство не сочло себя вынужденным пойти на компромисс с Англией и договориться с нею, причём их сговор легко мог бы обратиться против Германии. Бисмарку удалось расстроить наметившееся было англо-турецкое сближение — султан объявил, что проливы останутся закрытыми. Базой для русских операций в Закаспии служил тогда Кавказ, а основной коммуникационной линией для русских войск в Туркмении — Каспийское море и железная дорога Москва — Баку. С закрытием проливов Кавказ оказывался неуязвимым. Таким образом, в афганском кризисе Союз трёх императоров оправдал себя. Однако всего через несколько месяцев этот союз дал глубокую трещину, причиной чего было новое обострение балканского вопроса и австро-русских противоречий.

Болгарский вопрос (1885—1888 гг.). Хотя Берлинский конгресс и урезал результат русской победы над Турцией, но он всё же сохранил для России возможность утвердить своё влияние в Болгарии. Чувства болгарского народа были всецело на стороне России и братского великого русского народа, освободившего Болгарию от самого отсталого режима и от самого свирепого и гнусного гнёта, какой существовал в Европе, —

турецкого деспотизма. Однако дальнейшая политика царского правительства в Болгарии вызвала многочисленные осложнения, конечно, не между болгарским и русским народами, а между их правительствами. Одно из первых мероприятий царизма в Болгарии заключалось в том, что болгарским князем был сделан принц Александр Баттенбергский, происходивший из мелкой германской династии, родственник русского императора и в то же время английской королевы; он рассматривался царским правительством в качестве своего ставленника. Однако на деле он оказался проводником английского и австрийского влияний, и царскому правительству не удалось сохранить своё влияние на болгарское правительство.

Политика царского правительства проистекала из его классового реакционного существа: стремясь установить в Болгарии строй, более близкий себе по духу, оно поддержало князя Александра в его попытках нарушить конституцию и установить самодержавное правление. Однако это лишь укрепило антирусские силы в Болгарии. Князь А. Баттенбергский скоро показал себя врагом России. Он был готов продаться и Англии, и Германии, и Австро-Венгрии, чтобы опереться на них в борьбе против русских; кроме того, его поддерживала верхушка болгарской буржуазии, связанная с австрийским капиталом. Русская демократическая общественность была возмущена реакционной антинациональной политикой царизма в Болгарии, но её голос был ещё слишком слаб и, конечно, не мог повлиять на политическую линию правительства.

В сентябре 1885 г. в главном городе Восточной Румелии, Филиппополе, болгарские националисты произвели переворот: они изгнали турецкого губернатора и провозгласили воссоединение «обеих Болгарий». В Софию было послано приглашение князю Александру признать совершившийся факт и распространить свою власть и на Румелию. Александр согласился.

В 1878 г. в Сан-Стефано и на конгрессе в Берлине русские представители боролись за создание возможно более обширной Болгарии. Но теперь, когда болгарский князь вышел из повиновения, Александр III воспылал к нему ненавистью и не желал допустить такого его успеха, как воссоединение «обеих Болгарий». Ненависть к изменнику Баттенбергу побудила Александра III отозвать из Болгарии всех русских офицеров, которые занимались инструктированием болгарской армии. Потеряв контроль над болгарской армией, Александр III выпустил из рук важный рычаг своего влияния в Болгарии. Неудачи привели царя в ярость. Вскоре против князя Александра был создан заговор, организованный представителями царского

правительства в Софии, главным образом русским военным агентом вкупе с враждебной князю Александру группой болгарской либеральной партии (сторонниками Цанкова, так называемыми «цанковистами»). В ночь с 20 на 21 августа 1886 г. заговорщики совершили дворцовый переворот — князь Александр был низложен и отправлен за пределы Болгарии. Его сменило временное правительство, составленное из цанковистов. Но их торжество было непродолжительным: прошло всего лишь несколько дней, и в Софии произошёл новый переворот. Новое правительство в свою очередь было свергнуто, и его заменило регентство во главе со Стефаном Стамбуловым, крупным капиталистом, связанным с австрийской биржей; регентство придерживалось англо-австрийской ориентации и немедленно пригласило Александра Баттенбергского возвратиться на болгарский трон. Правда, Баттенберг, вернувшись в Болгарию, обратился к царю с телеграммой, содержавшей, так сказать, ходатайство о прощении; Александр III ответил ему более чем холодно, и после этого Баттенберг побоялся принять власть в свои руки. В первых числах сентября он вторично уехал из Болгарии, на этот раз навсегда. Но Стамбулов остался, а вместе с ним осталось и правительство, не менее враждебное России, чем правительство свергнутого князя. Попытка Александра III вернуть себе влияние в Болгарии путём внутреннего переворота потерпела крах. Потеря влияния в Болгарии означала серьёзный ущерб для престижа царизма; не рискуя доводить дело до войны, царь всё же не намеревался отказаться от борьбы за Болгарию. В сентябре 1886 г. в Болгарию приехал чрезвычайный уполномоченный царя генерал Каульбарс, который должен был побудить болгарское правительство отказаться от ориентации на Австрию и Англию и сблизиться с русским правительством. Каульбарс действовал чрезвычайно грубо и неумело, и поездка его не достигла своей цели. Царское правительство могло пойти на военную оккупацию Болгарии. Однако слухи о возможности появления в Болгарии русских войск (в ноябре 1886 г.) вызвали публичное заявление австро-венгерского министра иностранных дел, что за этим фактом последует австро-русская война. Угрожающие заявления делались и в Лондоне. Александр III не решился на оккупацию. В течение нескольких лет царское правительство продолжало носиться с химерическими планами то дипломатического воздействия на Болгарию, из которого ничего не выходило, то организации там разных заговоров с целью установления угодного царизму правительства. Но все эти попытки неизменно кончались провалом.

Борьба против политики Гирса. В то время как в Болгарии происходили эти бурные события, в Петербурге и Москве закипала жаркая борьба вокруг основных вопросов внешней политики России. Германская ориентация Гирса в общем и целом отвечала интересам помещиков: Германия всё же оставалась важнейшим рынком для русского сырья — она поглощала в 1879 г. 30% русского экспорта. В условиях жестокого аграрного кризиса 80-х годов найти замену для германского сырьевого рынка было делом невозможным. Приходилось цепляться за германский рынок, какие бы неприятности ни чинило на нём германское правительство русским аграриям в угоду прусским юнкерам. Монархические симпатии дворянства, понятно, тоже влекли его к Германии. Банковские и биржевые круги Петербурга, как и тесно связанные с ними железнодорожные грюндеры, также поддерживали политику Гирса. Такова же была позиция связанных с грюндерами владельцев русских металлообрабатывающих предприятий, которые нуждались в импортном угле и в импортном металле и, следовательно, были заинтересованы в их свободном ввозе; к ним относились прежде всего петербургские заводчики, а также владельцы заводов в западных губерниях.

Но в 80-х годах в рядах русской буржуазии на первое место стала быстро выдвигаться другая группа, заинтересованная в совсем иной экономической политике. Её составляли текстильные фабриканты Московского района, владельцы уральских и южных железных дорог, углепромышленники начинавшего тогда развиваться Донецкого бассейна. Все они были заинтересованы вовсе не в том, чтобы получить как можно дешевле из-за границы металл и уголь, а в том, чтобы оградить уральские заводы и донецкие шахты от иностранной конкуренции. Московские текстильные фабриканты требовали того же в отношении иностранных тканей. Финансовые затруднения, связанные с подготовкой к русско-турецкой войне, заставили правительство Александра II в 1876 г. вступить на путь повышения пошлин. В 80-х годах требования протекционистов, не меньше чем финансовые мотивы, толкали правительство всё дальше по тому же пути. Русские пошлины сплошь и рядом принимали прямо-таки запретительный характер. Но в связи с борьбой за рынки в условиях мировой депрессии 80-х годов эти пошлины казались заинтересованным промышленникам всё ещё недостаточными. Протекционистские круги русской буржуазии нашли себе влиятельного и искусного глашатая в лице Каткова, редактора реакционной националистической газеты «Московские ведомости».

Русский промышленный протекционизм и вообще борьба русского промышленного капитала за монополизацию своего

внутреннего рынка жестоко задевали интересы германской промышленности. До 80-х годов последняя, можно сказать, царила на русском рынке (в 1879 г. 48% русского импорта поступало из Германии). Теперь она начала быстро терять своё былое положение: в 1889 г. доля Германии упала до 33% стоимости всего импорта

Это особенно отражалось на германской металлургической и угольной промышленности. В числе недовольных был Крупп, влиятельнейший из германских капиталистов. Бисмарк в качестве верного представителя интересов германского капитала не остался глух к этим жалобам. С 1885 г., когда недовольство немецких промышленников особенно возросло, он стал принимать меры, чтобы удержать царское правительство от дальнейшего повышения пошлин. Канцлер грозил Гирсу новым повышением пошлин на русский хлеб и даже просто таможенной войной против России. Летом 1886 г. он намекал новому царскому послу в Берлине графу Шувалову, что за снижение русских тарифов готов предоставить России «свободу действий» не только в Болгарии, но даже по отношению к проливам. Однако Бисмарку не удалось сломить русскую таможенную стену.

Поскольку Бисмарк и Гирс с его стремлением поддерживать русско-германскую дружбу оказывались главной помехой для дальнейшего увеличения пошлин, Катков начал кампанию против Гирса, предлагая сменить германскую ориентацию на французскую.

Русско-германский договор 1887 г. Между тем в конце 1886 г. и в особенности в январе 1887 г. на Западную Европу надвинулась опасность франко-германской войны. Бисмарк стремился обеспечить себе в такой войне безусловный нейтралитет России. В начале января 1887 г. начались переговоры о русско-германском договоре, который должен был заменить Союз трёх императоров, так как последний фактически был аннулирован австро-русскими осложнениями из-за Болгарии. Однако Александр III скоро прервал эти переговоры, полагая, что Россия не может позволить Германии нанести Франции новое поражение и тем самым установить свою гегемонию во всей Западной Европе. В ответ Бисмарк принял меры для давления на Россию — предписал германскому послу в Константинополе помогать опасному для России сближению султана с Англией. Этого упорно добивались англичане, стараясь побудить султана санкционировать захват Египта Англией и примириться с этим фактом. Бисмарк стал вредить России и во всё ещё длившемся болгарском конфликте. Он приступил и к разработке проектов нового повышения пошлин на ввозимый в Германию русский хлеб. Под давлением

этих мероприятий германского канцлера царское правительство подписало в июне 1887 г. секретный русско-германский договор, гарантировавший обеим сторонам обоюдный благожелательный нейтралитет, в случае если одна из сторон окажется в состоянии войны с какой-либо третьей державой. Но два случая исключались из этого обстоятельства: во-первых, нападение России на Австрию, в случае которого по условиям австро-германского союза Германия, как известно, обязывалась помогать Австрии; во-вторых, нападение Германии на Францию — в этом случае Россия отказывалась гарантировать свой нейтралитет. Кроме того, Германия признавала за Россией право на «преобладающее влияние в Болгарии» и обещала содействовать строгому соблюдению принципа закрытия проливов для военных кораблей. К договору был приложен особый секретный протокол, в котором Бисмарк обязывался не мешать России установить свой контроль над проливами и даже оказать ей в этом «моральную и дипломатическую поддержку». Бисмарк рассчитывал при помощи подобных обещаний заманить Россию в авантюры на Востоке. «Щедро» предлагая России взять проливы, Бисмарк одновременно тайно содействовал заключению англо-австро-итальянского соглашения, с тем чтобы воспрепятствовать России это сделать. Он надеялся, что, польстившись на его посулы, Россия будет ослаблена, столкнувшись на Ближнем Востоке с англо-австро-итальянским блоком.

Соглашение между Англией, Австро-Венгрией и Италией было заключено в феврале и дополнено в декабре 1887 г., но, к большому сожалению Бисмарка, оно носило мало обязывающий характер: Англия не пошла на настоящий военный союз.

Договор 1887 г. не улучшил русско-германских отношений. Бисмарк не получил главного — безусловного нейтралитета России в случае франко-германской войны. Добиваясь этого, он вскоре после подписания договора возобновил давление на Россию. Летом 1887 г. германская печать открыла поход против государственного кредита России (а Германия была главным кредитором царского правительства), требуя мер к освобождению германского фондового рынка от русских ценных бумаг, причём всячески старалась посеять сомнения в надёжности русских ценностей. Вслед за этим Бисмарк издал указ о запрещении Германскому государственному банку принимать в залог русские государственные обязательства. Осенью германская печать начала враждебную кампанию по поводу переброски русским правительством новых воинских частей на германскую границу. Эта переброска была частью широкого плана коренного изменения дислокации русской армии, выработанного Милютиным ещё в 70-х годах. Милютин

считал, что после образования Германской империи защита западной границы становится основной задачей обороны России. Учитывая медленность мобилизации русской армии (вследствие слабости железнодорожной сети), Милютин решил ещё в мирное время сосредоточить возможно больше войск в западных губерниях. Началась постепенная переброска войск к западной границе из внутренних губерний, с Кавказа и из южной России. Несмотря на всю серьёзность этих мер, они всё же не представляли собой непосредственной угрозы для Германии. Бисмарк нарочно раздувал их значение и грозил военными контрмерами, надеясь запугать Россию.

В ноябре — декабре 1887 г. русско-германские отношения стали крайне напряжёнными, но угрозы Бисмарка не достигли своей цели. Поведение Германии лишь ускорило франко-русское сближение, тем более что те деньги, в которых царскому правительству отказывал Берлин, оно легко нашло в Париже.

Франция к этому времени была уже страной очень значительного экспорта капитала; экспорт этот по мере развития империализма стал играть в экономике Франции всё бо́льшую роль. Первые русские займы во Франции были заключены весной 1887 г., за ними последовали другие, как государственные, так и займы железнодорожных компаний. В конце 80-х годов была проведена на французском денежном рынке значительная операция по конверсии облигаций прежних займов русского правительства. Французский капитал стал главным кредитором царской России. Этим было положено начало экономической зависимости царской России от французского капитала.

В марте 1890 г. Бисмарк получил отставку (главным образом по причинам, связанным с внутренней немецкой политикой). Его преемник генерал Каприви отказался возобновить русско-германский договор 1887 г., считая, что договор не смог приостановить ухудшения русско-германских отношений и в то же время таил в себе риск ослабления австро-германского союза. Кроме того, Каприви считал, что наличие этого договора может помешать сближению с Англией, к которому он стремился. Бисмарк старался, поддерживая договорные отношения с Россией, предотвратить франко-русское сближение. Каприви счёл эту задачу безнадёжной, а вместе с тем и договор с Россией стал казаться ему излишним и даже обременительным, стесняя его в деле укрепления отношений с Австрией и Англией.

Русско-французский союз. Отказ Германии от возобновления договора 1887 г. послужил лишним толчком к оформлению давно назревавшего русско-французского сближения. В августе

1891 г. между Россией и Францией было заключено соглашение. Обе стороны обязывались, в случае если одной из них будет угрожать опасность войны, немедленно начать переговоры о способах совместно предотвратить опасность.

Это ещё не было военным союзом, и принятые обязательства, как видим, звучали достаточно неопределённо. В 1892 г. был сделан следующий шаг: русский и французский генеральные штабы выработали военную конвенцию, согласно которой в случае мобилизации одной из держав Тройственного союза (т. е. Германии, Австро-Венгрии и Италии) Россия и Франция должны были немедленно и одновременно провести мобилизацию и затем сконцентрировать основную часть своих сил против Германии как наиболее опасного противника. Россия обязывалась выставить против Германии от 700 тыс. до 800 тыс. человек, Франция — 300 тыс.

Русско-германские отношения тем временем продолжали ухудшаться. Давно уже длившиеся таможенные конфликты привели, наконец, в 1893 г. к таможенной войне между Россией и Германией — обе ввели одна против другой повышенные пошлины. Но, несмотря на это, ряд обстоятельств побудил Александра III медлить с ратификацией военной конвенции: главным из них была неустойчивость внутреннего положения Франции в эти годы вследствие так называемого «панамского скандала». Потерпела крах компания по постройке Панамского канала, причём выяснилось, что компанией подкуплены сотни политических деятелей — министров, депутатов, видных чиновников. Вскрытие коррупции вызвало обострение политической борьбы во Франции. Только в декабре 1893 г. Александр III одобрил текст военной конвенции (ратификация состоялась в январе 1894 г.); тем самым был окончательно оформлен русско-французский союз. Он был в конечном счёте ответом на австро-германский союз 1879 г., превращённый в 1882 г., с присоединением Италии, в Тройственный союз. «Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 годах...» [1] В этих словах товарища Сталина вскрыта отчётливая связь русско-французского союза с австро-германским — связь основных фактов международной ситуации 80—90-х годов. Заключение русско-французского союза означало существенный сдвиг в общеевропейском международном положении. До этого Франция была изолирована. Германия стояла во главе целой группировки держав. Теперь европейский континент разбился на две военно-политические группировки, вне

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 7, стр. 275.

которых пока оставалась Англия. Образование двух крупных коалиций происходило в период, когда совершались изменения в самой структуре капитализма, когда складывался монополистический капитализм и заканчивался «раздел мира», т. е. захват незанятых, «бесхозяйных» земель.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Энгельс Ф.* Политическое положение в Европе. Сочинения. Т. XVI. Ч. 1. С. 260—267. — *Маркс К.* Комитету Германской социал-демократической партии. [Письмо]. Сочинения. Т. XXVI. С. 68—70. — *Энгельс Ф.* [Письмо Ю. Бебель]. Сочинения. Т XXVII. С 628—629.— *Ленин В. И.* Тетради по империализму. [М.] 1939 С. 458—459, 615, 619, 622. — *Сталин И. В.* XIV съезд ВКП(б). Политический отчёт Центрального комитета. 18 декабря [1925 г.]. Сочинения. Т. 7. С. 274—275. — *Сталин И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, с. 1—5.

II. Документальные материалы. Пособия. М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг. «Красный архив» 1933. Т. 3 (58), с. 58—85 — Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. [Предисл. В. Хвостова]. «Красный архив». 1931. Т. 3 (46), с. 179—187. — *Ламздорф В. Н.* Дневник (1886—1890). Под ред. и с предисл Ф. А. Ротштейна. М —Л. 1926. X, 396 с. — *Ламздорф В. Н.* Дневник (1891—1892). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. М.—Л. 1934. XVI, 408 с. — К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. I, Полутомы 1 и 2. М. — Пгр. 1923. XIV, 1147 с. — «История дипломатии». Под ред. В. П. Потёмкина. Т. II. М. 1945. С. 51—58, 76—106. — *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг. Изд. 2, доп. М. — Л. 1928. 511 с. — *Сказкин С.* Конец австро-русско-германского союза. Т. I. 1879—1884. М. 1928. XI, 356 с. — *Попов А.* От Босфора к Тихому океану. «Историк-марксист». 1934. Т. 3 (37), с. 3—28.— *Хвостов В.* Кризис внешней политики Бисмарка. «Историк-марксист». 1934. Т. 5 (39), с. 33—55. — Х*востов В. М.* Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. «Исторические записки». Кн. 18. М 1946, с. 210—254.

Глава XXX

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 1880-х ГОДОВ. ПЛЕХАНОВ И ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Положение рабочего класса в 1880-х годах. Промышленный кризис первой половины 80-х годов тяжело отразился на положении рабочего класса и обрёк сотни тысяч рабочих на безработицу и нищету. «В истории нашей промышленности, — писала газета «Русские ведомости», — ещё не было примера столь продолжительного и упорного застоя». Фабриканты ещё зимой 1880/81 г. начали производить массовое сокращение рабочих. «В Петербурге на огромном заводе Берда вместо 3—4 тыс. было оставлено всего 1 тыс. рабочих... на Сампсониевском — вместо 1 200—1 500 осталось 450 рабочих. На заводе Нобеля вместо 900—1 200 осталось 600 человек. В Костромской губ. зимой 1880/81 г. фабрикантами была сокращена одна треть всего числа рабочих», — сообщал журнал «Дело». Возросшая безработица дала фабрикантам возможность повести наступление на заработную плату рабочих. На фабриках Рузского и Богородского уездов, Московской губернии, заработная плата была снижена на 40—50%. Чрезвычайно усилилась штрафная система. Штрафы начислялись под всевозможными предлогами — за опоздание, поломку инструмента, нетрезвое состояние, грубость, курение, песни, шум, свист, хождение в контору, дурное обращение с животными, непосещение церкви и т. д. На текстильной фабрике Морозова (в посёлке Никольском Владимирской губернии) штрафы приносили до 20 тыс. руб. дохода в год. Производились бесчисленные вычеты: за расчётные книжки, медицинскую помощь, прописку паспортов, содержание дворника, чистку уборных, за баню, воду из куба, угли для самовара, на церковь и т. д. Всё это ещё больше снижало и без того ничтожную заработную плату рабочих. Обычно рабочие получали от 7 до 8 руб. в месяц; у высококвалифицированных рабочих заработная плата обычно не превышала 35 руб. в месяц.

Общая средняя продолжительность рабочего дня в 80-е годы по всей России была не менее 12,5 часа, а в текстильной промышленности доходила до 14—15 часов. На ватных, рогожных фабриках, в парусиновых заведениях, на винокуренных заводах работали даже по 16—18 часов в сутки,

а иногда и больше, без всяких смен. Об этих рабочих даже сами рогожчые фабриканты говорили, что после проработанной зимы их к лету «ветром качает». В 80-х годах по трём уездам Московской губернии, согласно исчислению известного исследователя положения фабричных рабочих Дементьева, продолжительность рабочего дня была такова:

Меньше 12 часов	10%	всех	фабрик
12—12,5 часа	29%	»	»
13—13,5 »	44%	»	»
14—14,5 »	11,6%	»	»
15 и более часов	5,4%	»	»

Условия труда были ужасны: отсутствие вентиляции, слабое освещение, грязь и теснота. Никакой охраны труда не было. Не принималось никаких мер для предупреждения несчастных случаев, машины расставлялись как вздумается, без ограждения опасных частей, без учёта удобства и безопасности рабочих, что приводило к массовым увечьям и смертельным случаям. Во Владимирской губернии на одной из фабрик за два года (1881 и 1882 гг.) произошло 325 несчастных случаев. Не было ни страхования рабочих, ни пособий за увечье. Фабриканты не принимали никаких мер к обеспечению рабочих медицинской помощью, которая оказывалась только за плату. Кое-где отводились особые помещения для заболевших рабочих; обслуживали эти помещения уездные врачи. Иногда обязанности фельдшеров возлагались на продавцов в фабричной лавочке.

Широко применялась эксплоатация женского и детского труда. Женщины за одинаковый труд с мужчиной получали значительно меньшую заработную плату. Никаких мер по охране женского труда также не существовало. Беременные женщины работали до последней возможности, оставляя фабрику за несколько часов до родов, а то и рожая за станком. Женское достоинство работницы часто бывало оскорблено и унижено домогательствами фабриканта или мастера.

Применение детского труда было чрезвычайно развито: 33,9% рабочих поступали на фабрику в возрасте до 12 лет, 63,6% — в возрасте до 14 лет. Дети и подростки работали, как и взрослые, 12—14 часов в сутки. Заработная плата малолетних составляла 2 р. 43 к. в месяц, подростков — 3 р. 35 к. В детском возрасте развивались признаки старчества, болезни косили детей, смертность среди них была исключительно велика. Жилищные условия не улучшились по сравнению с 70-ми годами.

Особенно тяжёлым было положение рабочих в новом промышленном районе — Донецком бассейне. В процессе

бурного капиталистического развития Донбасса сильно возросло число рабочих угольной промышленности. Рабочий день шахтёра длился 12 часов. Заработок был низким: забойщики получали от 12 до 20 руб., погонычи — от 3 до 6 руб. в месяц. Выдачу рабочим денег задерживали. На Голубовском руднике, например, рабочие не получали заработной платы в течение шести месяцев, что вынуждало их брать испорченные продукты в рудничных лавках. На одном из рудников в Донбассе для рабочих вместо солонины (баранины) приготовили посоленное собачье мясо. На другом руднике по распоряжению конторы были сломаны печи в рабочей казарме, чтобы принудить рабочих брать хлеб из конторской лавки. Кабаков в Донбассе насчитывалось в 5—6 раз больше, чем рудников. «Есть рудники, — писал в 1888 г. горнопромышленник Авдаков, — которые буквально окружены кабаками». Кабатчики, высасывая до последнего гроша деньги у рабочих, получали огромные доходы. Жилищные условия шахтёров были ужасны. «Едва заметные возвышения над поверхностью земли вокруг шахты указывают на жилища рабочих... Дверь низка, пройти в неё можно только согнувшись.. Пол земляной, потолка нет. Сквозь крышу и стены проникает в подземелье сырость и влага, и от всего этого в жилище постоянно, даже летом, воздух затхлый и гнилой», — описывал очевидец. Посещая для опросов землянки в Корсунском руднике, земские статистики не могли, по их словам, пробыть в них более 2—3 минут, до того тяжёл был в них воздух даже при открытых дверях. «Нередко приходилось в землянках заставать бедных женщин, кое-как прикрытых грязными лохмотьями, сидящих на голом земляном полу со штопаньем в руках, с грудным ребёнком, валяющимся около на куче нечистого вонючего рванья, и окружённых другими детьми, чумазыми, корявыми и полунагими малютками, высохшими, как спички, с синебледными, до-нельзя болезненными личиками». Санитарные условия производства находились в таком состоянии, что «если представить себе положение углекопа во время работы в недрах, — говорилось в статистическом исследовании Екатеринославской губернии, — то от одного представления делается страшно и жутко».

Над нерусскими рабочими тяготел ещё национальный гнёт. Положение рабочих в Белоруссии было ещё тяжелее, чем в России. Рабочий день на преобладавших в Белоруссии мелких промышленных предприятиях доходил до 18—20 часов в сутки: переплётчики работали по 15—16 часов в день, ткачи — по 14—16, шапошники — по 13—15, конфетчицы — по 20 часов. Широко применялась эксплоатация женского и детского труда. Работницы конфетной фабрики так

описывали своё положение: «Мы, конфетчицы, молодые девушки и дети, работали в тогдашних маленьких фабриках больше лошадей, бо́льше машин. Мы уходили из дома на работу в воскресенье в 4—5 часов утра и оставались в тесном, грязном, со спёртым воздухом помещении до́ субботы, работая день и ночь с утра и до часу ночи; за эту работу получали первые го́ды 2—3 рубля в месяц». Помимо неимоверных лишений и нужды рабочим Белоруссии приходилось переживать и тяжёлый национальный гнёт; особенно мучительным гонениям подвергались еврейские рабочие.

Стачечное движение 1880-х годов. Уже в 70-х годах рабочий класс накопил некоторый опыт организованной борьбы с фабрикантами. «Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вдруг вырос из земли и предстал перед нашими глазами», — писало «Дело» в 1883 г. 80-е годы характеризуются значительным количеством стачек. За пятилетие, с 1881 по 1885 г., произошло не менее 72 стачек, за следующее пятилетие, с 1886 по 1890 г., — не менее 98.

Стачечное движение 80-х годов началось крупной забастовкой на фабрике Хлудова в Смоленской губернии, вызванной снижением заработной платы на 10%, штрафами и вычетами. Смоленский губернатор выслал для усмирения военную команду в 500 человек. Фабрика была занята войсками, зачинщиков стачки арестовали, из 2 600 стачечников 800 были высланы по этапу. Вызванные теми же причинами, в октябре 1881 г. начались забастовки на фабрике Щербакова в Озёрах, Коломенского уезда, в ноябре 1881 г. — на фабрике Серикова в Серпухове. В 1882—1886 гг. бастовали рабочие на фабрике Дербенёва в Иваново-Вознесенске, на заводе Бромлея и Дависона в Мо́скве, на фабриках Паля и Максвеля в Петербурге. Организованно прошла забастовка в Иваново-Вознесенске в сентябре 1885 г.; в ней по предварительному сговору участвовало 6 тыс. рабочих пяти крупных фабрик. Особенно выделялась стачка на Вознесенской мануфактуре Кнопа, Дмитро́вского уезда, Московской губернии (1884 г.). Рабочие объявили забастовку в знак протеста против штрафов и снижения расценок. 12 декабря на фабрику прибыл московский губернатор с двумя сотнями казаков, но рабочие держались спокойно и твёрдо отстаивали свои требования. Стачка была прекращена значительными военными силами. 115 рабочих были отправлены в московскую пересыльную тюрьму. При помощи штыка и нагайки на фабрике был наведён полицейский порядок.

Морозовская стачка (1885 г.). Особенно важной по своему значению в истории революционного движения была знаменитая Морозовская стачка, вспыхнувшая в 1885 г. на Николь-

ской мануфактуре Тимофея Моро́зова в Орехово-Зуеве (Владимирской губернии). Она представляла собой пример самостоятельного выступления рабочих и высокой для того времени организованности.

Морозовская мануфактура была известна во всём округе исключительно жестокой эксплоатацией рабочих и широко развитой системой штрафов. Положение рабочих на фабрике непрерывно ухудшалось. С 1882 по 1884 г. заработная плата сбавлялась пять раз; в 1884 г. она была сразу снижена на 25%. На суде выяснилось, что у рабочих из каждого рубля заработной платы вычиталось под видом штрафа в пользу фабриканта от 30 до 50 коп., т. е. от одной трети до половины всей заработной платы. За время с 1881 по 1884 г. штрафы увеличились на 155%. «Когда мы читаем книгу о чернокожих невольниках — возмущаешься, но теперь перед нами белые невольники», — говорил адво́кат Плевако на суде морозовских стачечников.

На мануфактуре было занято около 11 тыс. рабочих. 7 января 1885 г. выведенные из терпения рабочие объявили стачку. Она была заранее организована. В стачке приняло участие около 8 тыс. человек, руково́дили стачкой передовые рабочие — Пётр Моисеенко, Лука Иванов и Василий Волков, прошедшие школу подпольной работы в революционных кружках, имевшие уже революционный о́пыт. Особого внимания заслуживает ткач Пётр Анисимович Моисеенко (1852—1923 гг.). До поступления на Никольскую мануфактуру Моисеенко участвовал в создании Северного союза русских рабочих, был его членом. Работая на Ново́й бумагопрядильне в Петербурге, он в 1878 г. принимал активное участие в стачке, за что был выслан на родину, но вскоре вернулся нелегально. За участие в новой стачке 1879 г. он был сослан в Восточную Сибирь. В 1883 г. Моисеенко вернулся из ссылки и поступил (в конце 1884 г.) на Никольскую мануфактуру. Вместе с Лукой Ивановым и Василием Волковым он начал вести пропаганду среди рабочих и в нужный момент приступил к организации стачки. На предварительных совещаниях (5 и 6 января 1885 г.) в трактире на Песках он вместе с группой товарищей-ткачей (50 человек) выработал план стачки и требования, которые рабочие должны были предъявить Морозову. 7 января 1885 г. в 6 часов утра по́ предварительному сговору один рабочий закричал: «Сегодня праздник, кончайте работу, гасите газ! Бабы, выходите вон!» Рабочие вышли на улицу — стачка началась. Несмотря на уго́воры Моисеенко и Волкова, рабочие разнесли фабричную лавку с червивыми продуктами, разгромили квартиру ненавистного им мастера Шорина и неко́торые

другие фабричные здания. «Бунт» нескольких тысяч рабочих чрезвычайно напугал как администрацию фабрики, так и правительство. В Орехово-Зуево тотчас же явились прокурор из Москвы, прокурор и губернатор из Владимира вместе с двумя батальонами солдат. Произошло столкновение рабочих с царскими войсками, и стачечники вынуждены были разойтись. На следующий день тысячная толпа явилась к губернатору. Волков передал из толпы начальству «условия, составленные самими рабочими». Рабочие требовали: чтобы им был возвращён штраф с пасхи 1884 г.; чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля; чтобы полный расчёт производился по предупреждению за 15 дней; чтобы хозяин заплатил за прогульные по его вине дни; чтобы определение доброкачественности принимаемого от рабочего товара происходило при свидетелях из рабочих и т. д. Администрация на уступки не шла. Рабочие продолжали волноваться. По личному распоряжению Александра III начались массовые аресты стачечников. Возмущение рабочих вызвал арест Волкова. Ввиду нараставших волнений губернатор вызвал новые войска и отправил Волкова под сильным конвоем во владимирскую тюрьму. Было арестовано более 600 рабочих. 14 января 1885 г. фабричные казармы были оцеплены войсками и героическое сопротивление стачечников было сломлено при помощи вооружённой силы. 15 января фабрика приступила к работе.

Морозовская стачка закончилась высылкой 800 рабочих на родину и двумя судебными процессами. 33 рабочих были преданы суду, среди них — руководители стачки Моисеенко, Волков и Лука Иванов. Суд состоялся во Владимире в мае 1886 г. На суде выяснились чудовищные притеснения рабочих фабрикантом. Присяжные оправдали рабочих. На 101 вопрос, предложенный присяжными о виновности подсудимых, они дали 101 отрицательный ответ. «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», — писал реакционный публицист Катков в газете «Московские ведомости».

Ленин высоко оценил значение Морозовской стачки. Она имела громадное значение в развитии революционной борьбы рабочего класса и произвела сильное впечатление не только на широкие массы рабочих, но и на царское правительство. Оно почувствовало, что с «народными массами шутить опасно». Ленин писал: «Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих

рабочих выставляет прямо свои требования»[1]. Морозовская стачка в значительной степени способствовала изданию фабричного закона 1886 г., согласно которому штрафные суммы должны были итти не в пользу фабрикантов, а расходоваться на нужды рабочих (см. ниже).

Морозовская стачка особенно выделяется Лениным и Сталиным в стачечном движении России: в этой стачке впервые ярко проявились политические тенденции, что имело воздействие на всё русское рабочее движение. Эта стачка показала рабочему классу ту дорогу, по которой рабочие должны итти, чтобы добиться успехов в своей борьбе. Завоевания стачки 1885 г. послужили исходным моментом последующего процесса, были политической школой рабочего класса. Эта стачка не только указала путь борьбы с капиталистами, но имела значение для борьбы с самодержавием, служившим в ходе этой стачки главным препятствием для достижения рабочими своих прав: с рабочими боролся не только Морозов, но и правительство в лице губернатора, который приезжал усмирять бастующих рабочих. Здесь рабочие прямо столкнулись с самодержавием, как с такой государственной системой, которая открыто встала на защиту капиталистов. Таким образом, стачка открыла глаза рабочим не только на капиталистов, но и на правительство, рабочим стало ещё более ясно, что царское правительство — их злейший враг, защитник капиталистов, связывающий рабочих по рукам и ногам. Морозовская стачка показала силу организованной борьбы рабочих. С Морозовской стачки рабочее движение в России наметило, как писал Плеханов, «исходный пункт нового фазиса рабочего движения».

Стачечное движение на Украине и в Белоруссии. С развитием промышленности и ростом пролетариата на Украине стало возрастать и стачечное движение. Одним из крупных массовых волнений была стачка Киевских рабочих мастерских Юго-Западных железных дорог 22 февраля 1880 г. В забастовке приняли участие 1 500 рабочих. Причинами забастовки явились жестокая эксплоатация, преследования рабочих со стороны местного начальства за нарушение правил, слухи об уменьшении заработной платы и сокращении числа рабочих. После объяснений с главным инженером работы были возобновлены. Но власти приняли меры для «пресечения» возможности рабочих волнений на будущее время и арестовали нескольких наиболее активных рабочих (12 человек), среди них руководителей стачки — видного агитатора модельщика Антона Василевского, старшего рабочего Ивана

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 23.

Осиповича, ученика Готфрида Лика. Василевский был выслан в Вологодскую губернию, Осипович — в Архангельскую и Лик — в Вятскую. В апреле 1884 г. произошла стачка в Полтавских железнодорожных мастерских (рабочие требовали удаления начальника). В 1887 г. имела место забастовка в Юзовском районе. 5 мая 400 шахтёров шахты № 9 сняли с работы рабочих шахт № 11 и 13 и толпой в 1 500 человек отправились к управляющему рудниками Бенсанжу требовать повышения заработной платы и удаления особенно придирчивых штейгеров, конторщиков и фельдшера. Получив отказ, рабочие разгромили трактир Стрельцова, затем пивоваренный завод Новороссийского общества и двинулись к металлургическому заводу Юза. Но здесь их остановил вооружённый отряд штрейкбрехеров, организованный Юзом. Через два дня на шахты прибыл вице-губернатор с двумя батальонами пехоты, и начались усмирения и аресты. 20 июля 1887 г. в Екатеринославе забастовали рабочие Брянских заводов. Во время стачки произошло столкновение с полицией; полицейские были разогнаны, а несколько рабочих ранено. Волнения были прекращены вооружённой силой.

В 80-х годах ряд стачек происходил и в Белоруссии. Летом 1886 г. в Минске возникла стачка обойщиков двух крупных мастерских. Рабочие требовали сокращения рабочего дня. Стачка продолжалась несколько дней, и хозяева были вынуждены уступить. В 1887 г. в Минске произошла стачка слесарей.

В стачечном движении 80-х годов рабочих Украины и Белоруссии замечался, как и в русском рабочем движении, рост элементов организованности. Стачки носили ещё довольно примитивный характер, связи между рабочими зарождались лишь в ходе самой стачечной борьбы и ещё не являлись результатом социалистической пропаганды среди рабочих. В стачечной борьбе стихийно выдвигались отдельные активные рабочие, бравшие на себя роль руководителей, вокруг которых группировалась остальная масса рабочих. О какой-либо связи экономической борьбы с социалистическим движением ещё не было и речи.

Стачечное движение в Польше. В общей картине роста борьбы рабочего класса в царской России имела немаловажное значение борьба пролетариата в Польше. В декабре 1882 г. в Белостоке вспыхнула стачка 70 еврейских рабочих на фабрике Суражских вследствие понижения заработной платы. Стачка проходила при организованной поддержке со стороны их собратьев по ремеслу в числе 480 человек; они собирали для стачечников по 50 коп. в неделю с человека. В стачке проявилась солидарность рабочих разных национальностей: немцы-ткачи не шли на места уволенных

ткачей-евреев и принимали участие в содержании стачечников. Благодаря этой организованной поддержке стачка имела успех, и хозяева вынуждены были уступить. В июне — сентябре 1887 г. прокатилась волна стачек по мелким текстильным предприятиям Белостока в связи с сильным понижением сдельных расценок. Забастовки велись по определённому общему плану. Одновременно бастовали лишь рабочие нескольких предприятий в количестве не более 30 человек; когда забастовка кончалась на одних предприятиях, она начиналась на других, — это делалось для того, чтобы работающие могли оказать материальную поддержку бастующим. Из сумм, собиравшихся среди небастовавших рабочих, стачечники получали пособие по 3 руб. в неделю. Рабочие упорно отстаивали свои требования. Не помогло и то, что в августе 1887 г. в Белосток приехал гродненский губернатор, собрал всех стачечников и уговаривал их приняться за работу. Рабочим удалось добиться повышения расценок до 7 коп. с мотка пряжи вместо 4—5 и даже 3,5 коп. с мотка, которые они получали ранее.

В апреле 1882 г. имела место забастовка мастеровых Венской железной дороги. Причиной забастовки явилось сокращение расходов дороги за счёт снижения заработной платы мастеровых. Перепуганное забастовкой управление дороги обратилось за помощью к жандармам, которые расправились со стачечниками и привели их к «порядку». 11 апреля 1883 г. началась стачка на Жирардовской фабрике около Варшавы. Причиной забастовки послужило понижение заработной платы. Первыми забастовали женщины-работницы, а четыре дня спустя стачкой уже были охвачены 800 рабочих. Забастовщики требовали повышения заработной платы, отмены штрафов, сокращения рабочего дня на 1 час и т. п. Рабочие держались стойко и не поддавались провокациям со стороны администрации. Попытка казаков разогнать рабочих нагайками осталась безрезультатной. По толпе дали залп; трое рабочих были убиты, 15 ранено, но, несмотря на это, рабочие не разбежались. На шестой день стачки владельцы фабрики вынуждены были пойти на уступки: обязались сократить рабочий день на 1 час, повысить заработную плату, дать раненым рабочим пожизненную работу на фабрике. Эта стачка в Польше, окончившаяся победой рабочих, показала рост организованности и сознательное формулирование рабочими своих требований.

В феврале 1883 г. варшавский обер-полицмейстер Бутурлин издал распоряжение, обязывавшее всех женщин-работниц, подобно проституткам, подвергаться врачебно-полицейскому надзору. Это вызвало волну возмущения, и Бутурлин

вынужден был отменить позорное распоряжение. Осенью 1885 г. в Варшаве перед королевским замком произошла бурная демонстрация безработных, требовавших работы.

Фабричное законодательство. Под влиянием роста пролетарского движения правительство Александра III вынуждено было обратить серьёзное внимание на рабочий вопрос. «История показывает, что каждому «фабричному закону» предшествует частичная или всеобщая стачка» [1], — указывает товарищ Сталин.

1 июня 1882 г. был издан закон, запрещавший ночную работу на фабриках детям до 12-летнего возраста. В 1882 г. был издан закон о введении фабричной инспекции для наблюдения за выполнением фабричного законодательства. За ним последовал закон 12 июня 1884 г. о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках. 3 июня 1885 г. был издан закон о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам. Он возник при следующих обстоятельствах. В связи с обострением промышленного кризиса усилилась конкуренция между петербургскими и московскими фабрикантами; петербургские прибегали к ночной работе гораздо меньше, чем московские; желая подорвать конкурентов и ослабить кризис, они стремились заставить московских фабрикантов также отказаться от ночных работ. Под давлением петербургских фабрикантов правительство издало закон (в виде опыта на трёхлетний срок), воспрещавший ночную работу подростков и женщин на хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах.

Напуганное ростом рабочего движения правительство оказалось вынужденным издать 3 июня 1886 г. закон, определявший случаи, когда позволительно брать штрафы, и указывавший их максимальный размер; закон установил, что штрафные деньги должны итти не в карман фабриканту, а на нужды самих рабочих, ввёл обязательную выдачу рабочему расчётной книжки, подчинил правила внутреннего распорядка утверждению инспекции, установил правила о расценках, воспретил расплату с рабочими вместо денег купонами, хлебом, товарами и т. п. Были расширены права фабричной инспекции и созданы коллегиальные губернские присутствия по фабричным делам, которым рабочие имели право жаловаться на хозяина и на фабричного инспектора. «Как ни безобразны были старые фабричные порядки, — писал Ленин в «Объяснении закона о штрафах», — начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них... *Только тогда правительство испугалось и уступило*» [2]. Одновременно закон 3 июня 1886 г.

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 1, стр. 291.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 24—25.

значительно увеличивал количество уголовных репрессий за стачки: «подстрекатели» к стачке приговаривались к тюремному заключению от 4 до 8 месяцев, а рядовые её участники — к заключению от 2 до 4 месяцев.

Несмотря на свою умеренность, новые фабричные законы вызвали целую бурю негодования со стороны фабрикантов. Правительство заменило Бунге (1886 г.) Вышнеградским, который действовал по правилу: «Фабрикантам нужно помогать, а не мешать». Фабриканты широко использовали различные способы обхода законов.

В своей брошюре «Объяснение закона о штрафах» и в статье «О новом фабричном законе» Ленин указывал, что значение закона 1886 г. заключалось в том, что он был отвоёван у царского правительства объединённой борьбой сознательных рабочих, и доказал, какую громадную силу представляет собой сознательное и стойкое сопротивление рабочих масс, выставляющих определённые требования. Неограниченное самодержавие должно было уступить требованиям нескольких десятков тысяч рабочих. Значение этого закона состояло ещё и в том, что он дал новый толчок рабочему движению. Введение новых фабричных порядков расшевелило самые отсталые слои рабочих, пробудило везде самый живой интерес к вопросам и правилам фабричного быта.

На опыте Морозовской и других стачек рабочие поняли, что они многого могут добиться организованной борьбой. Из рабочей среды выделился ряд способных руководителей и организаторов, твёрдо отстаивавших интересы рабочего класса.

Ленин теоретически обобщил опыт рабочего движения 70-х и 80-х годов. В своей классической книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин показал значение русского рабочего класса как главной, передовой силы российского общества. Ленин выразил непреклонную уверенность, что русский рабочий — подлинный представитель всего трудящегося и эксплоатируемого населения России. Пролетариат явится могильщиком капиталистического строя. «Человек будущего в России — рабочий» [1], — убеждённо писал Ленин. Он указывал, что «русский **рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **победоносной коммунистической революции»** [2].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 280, примечание.

[2] Там же, стр. 282.

«Мы полны чувства национальной гордости, — писал позже Ленин, — ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» [1]

На почве роста рабочего движения России, с учётом опыта западноевропейского рабочего движения, начинают создаваться в России первые марксистские организации. А народническая идеология и народнические организации окончательно вырождаются и, разоблачённые марксизмом в теоретической несостоятельности, идут к полному упадку.

Вырождение народничества. В 80-х годах начался процесс неуклонного вырождения народничества. Одна часть народнической интеллигенции, сохранившая революционную активность, пыталась продолжать борьбу с самодержавием и восстановить разбитую после 1 марта организацию «Народной воли», но в этих попытках она терпела одну неудачу за другой. При общем разброде, воцарившемся в народнической среде, в ней получали всё большее влияние чисто либеральные тенденции, призывы сосредоточить все надежды на «обществе» — на буржуазии и либеральных кругах помещиков. Становилась популярной идея тесного блока революционеров и либералов, покупаемого ценой отречения от всякой связи с социализмом; пропаганде этой ложной, упадочной идеи были посвящены некоторые заграничные журналы («Самоуправление», «Свобода», «Свободная Россия»). Единственным боевым средством, которое эти народники готовы были сохранить в своём арсенале, оставался всё тот же, уже обнаруживший свою полнейшую непригодность, индивидуальный террор. Его продолжали упорно отстаивать и те небольшие народнические группы, которые, устояв против общей деморализации, пытались в своих теоретических воззрениях сделать шаг в сторону социал-демократии. Таков был кружок Александра Ульянова, старшего брата В. И. Ленина, организовавший 1 марта 1887 г. неудачное покушение на жизнь Александра III. Александр Ульянов и его товарищи были преданы смертной казни.

Значительная часть народнической интеллигенции после поражения движения 70-х и начала 80-х годов отказывается от революционной борьбы с царизмом. Отражающая её настроения легальная народническая журналистика, представленная Кривенко, Воронцовым («В. В.») и др., являла собой к концу 80-х — началу 90-х годов картину глубокого падения. Она восторгалась стремлением зажиточного кресть-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 85.

янина поднять своё хозяйство, умилялась над «прогрессами» в крестьянском хозяйстве, игнорируя то, что эти «прогрессы» кулаков достигались за счёт экспроприации масс крестьянства. Она видела теперь основную задачу «народолюбивой» интеллигенции в том, чтобы помогать хозяйственным стремлениям крепкого «мужика», другими словами, в культуртрегерской деятельности, направленной на поддержку кулачества. Виднейший народнический публицист Н. К. Михайловский, руководивший в позднем народничестве той группировкой, которая всё же и в 80-х и в 90-х годах придавала важное значение продолжению борьбы за политическое раскрепощение страны, оставался в то же время в одном литературно-общественном лагере с крайними оппортунистами народничества и в частности весьма активно сотрудничал с ними в их общей борьбе против молодой русской социал-демократии. Став на деле «выразителями интересов кулачества» [1], как подчёркивает «Краткий курс истории ВКП(б)», «легальные народники» конца века прикрывали это отрицанием классовых противоречий в среде крестьянства. «Утратив хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества, — писал по этому поводу Ленин, — они крепко ухватились за одну из крупных его ошибок — непонимание классового антагонизма внутри крестьянства» [2].

Между тем процесс расслоения крестьянства к началу 90-х годов зашёл очень далеко, и именно с этим процессом и связано было теснейшим образом разложение самого народничества. «Деревня, — указывал Ленин в 1894 г., — давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения... Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*» [3].

Закономерность такого вырождения народничества вытекала и из полной несостоятельности его теорий — не только теорий позднего либерального народничества, но и всего народничества в целом. «Могут сказать, — писал Ленин, — что это — вина не старых идей социализма вообще, а только

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 16.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 237.
[3] Там же, стр. 246—247.

данных господ (либеральных народников 90-х годов. — *Ред.*), которых никто ведь и не причисляет к социалистам; но подобное возражение кажется мне совершенно несостоятельным. Я везде старался показать необходимость такого вырождения старых теорий...»[1].

Критика народничества была начата ещё Марксом и Энгельсом. Они боролись против дезорганизаторской деятельности в I Интернационале одного из главных столпов народничества, руководителя европейских и русских анархистов — Михаила Бакунина, против народническо-бланкистских утопий Ткачёва, против эклектизма и «слащавого примиренчества» Лаврова.

Задача выяснения теоретической несостоятельности народничества и его неспособности вести за собой массы была одной из великих задач русского революционного движения. Эту задачу и выполнил революционный марксизм, величайшая из идеологий освободительного движения в мировой истории. В развитии русской революционной борьбы уже готовился новый — пролетарский — период революционного движения, третий из указанных Лениным периодов, пришедший на смену разночинскому этапу освободительной борьбы. Народничество заводило в тупик русское революционное движение, и только революционный марксизм вывел его на широкую дорогу правильной борьбы и конечной победы.

Плеханов и группа «Освобождение труда». В 80-е годы рабочее движение в России развивалось ещё вне влияния и руководства революционной партии. Социализм и рабочее движение существовали раздельно. Идеи марксизма ещё не получили в России широкого распространения. Первой русской марксистской группой явилась основанная в 1883 г. Плехановым группа «Освобождение труда».

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918 гг.) явился первым пропагандистом марксизма в России. Ему принадлежит большая заслуга распространения марксизма в России в период, когда народники ещё имели значительное влияние среди интеллигенции. Плеханов родился в Тамбовской губернии, в небогатой помещичьей семье. По окончании юнкерского училища он стал студентом Горного института в Петербурге. Познакомившись с бунтарями-народниками, Плеханов вступил в их ряды (с 1875 г.). Он явился одним из инициаторов демонстрации на Казанской площади (1876 г.), где произнёс яркую революционную речь. После раскола народнической организации «Земля и воля», в которой он играл крупную роль, Плеханов вошёл в группу «Чёрный передел». В 1880 г.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 269.

Плеханов, преследуемый полицией, вынужден был эмигрировать за границу. В эмиграции он познакомился с марксизмом и с рабочим движением, установил личную связь с Энгельсом, в 1882 г. перевёл на русский язык «Манифест коммунистической партии». В 1883 г. совместно с другими бывшими чернопередельцами (Аксельродом, В. Засулич, Дейчем, Игнатовым) Плеханов создал в Женеве первую социал-демократическую организацию — группу «Освобождение труда», которая поставила перед собой следующие задачи: «1) Распространение идей научного социализма путём перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки. 2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России».

Плехановская группа «Освобождение труда» заложила теоретические основы будущего русского социал-демократического движения. Она много сделала для распространения марксизма в России. Членами группы были переведены на русский язык работы Маркса и Энгельса: «Манифест коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах», «Нищета философии» и ряд других. «Основание русской социал-демократии — главная заслуга группы «Освобождение труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей. Со времени основания русской социал-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими социал-демократами, стремилось слиться с ними» [1], — писал Ленин в конце 1899 г.

«Главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в то время были народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции» [2]. Необходимо было идейно разгромить народничество, для того чтобы расчистить путь социал-демократическому движению в России. Группа «Освобождение труда» развернула борьбу против ошибочных взглядов народников, показывала, какой вред приносят рабочему движению учение народников и их способы борьбы. «Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 237.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 12.

одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов»[1]. В своих работах Плеханов доказал, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, указал на неизбежность этого пути и на развитие в России рабочего класса, представляющего собой основную силу революционного движения. Плеханов указал на то, что русские революционеры должны сознательно опереться на рабочий класс, «развивать его классовое сознание, организовать его, помочь ему создать свою рабочую партию»[2]. Доказывая ошибочность и реакционность взглядов народников, отрицавших роль пролетариата в революционной борьбе и рассчитывавших на крестьянство, как на решающую силу, Плеханов показал, что социализм не может утвердиться в России через отсталую, полуфеодальную крестьянскую общину. Наконец, Плеханов разбил ошибочную идеалистическую теорию народников о «героях» и «толпе» и, опираясь на учение Маркса и Энгельса, доказал, что «развитие общества определяется в конечном счете не пожеланиями и идеями выдающихся личностей, а развитием материальных условий существования общества, изменениями способов производства материальных благ, необходимых для существования общества, изменениями взаимоотношений классов в области производства материальных благ, борьбой классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ»[3].

Большое значение для идейной борьбы с народниками имела работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), в которой он подробно разобрал взгляды различных народнических групп и их эволюцию, показал, что для народничества в целом характерно анархическое отрицание политической борьбы, и доказал ложность и вредность этого отрицания. Плеханов указал, в каких неразрешимых противоречиях запутались русские народники со своей узкой и безнадёжной философией русской истории. Резко критикуя народовольческую теорию «захвата власти» кучкой интеллигентов, он доказал полную несостоятельность и вред заговорщической тактики. Плеханов подробно разобрал взгляды научного социализма по вопросам политической борьбы и указал задачи русских марксистов. Этой работой Плеханов нанёс сильный удар народничеству. В своей книге Плеханов в блестящем по форме изложении развил и обосновал точку зрения марксистского материализма. Народники враждебно встретили работу Плеханова. Вожди народничества, в том

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 13.
[2] Там же, стр. 14
[3] Там же, стр. 15—16

числе П. Лавров, выступили с негодующей критикой, обвиняли Плеханова в дезорганизации революционных сил, говорили о переходе его на позиции либералов.

Вскоре Плеханов выступил с новой большой книгой «Наши разногласия» (1885 г.). В этой работе Плеханов рассмотрел исторические корни народнической идеологии и доказал, что будущее в революции принадлежит не народникам, а массовому рабочему движению. Плеханов пропагандировал идеи «Манифеста коммунистической партии» и «Капитала» Маркса. С цифрами и фактами в руках он показал разложение крестьянской общины. Говоря о задачах социалистов в России, Плеханов писал: «Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все другие ведут к поражению и бессилию». Вскоре после выхода этой книги в свет с ней познакомился Ф. Энгельс. На вопрос В Засулич об отношении его к деятельности группы «Освобождение труда» Энгельс отвечал: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России» [1].

Высокая оценка Энгельса влила ещё больше бодрости и уверенности в сердца ещё немногочисленных тогда русских марксистов. Ленин писал: «Плеханов подверг ее (народническую теорию. — *Ред.*) беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии...» [2]

В своих работах, направленных против народников, Плеханов дал изложение основных вопросов марксизма. Особо важное значение имела его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.) Ленин указывал, что на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов» [3]. В этом замечательном произведении Плеханов дал талантливую и беспощадную критику народнической социологии, обнажил её субъективно-идеалистический характер

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 461—462.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 242.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 243, примечание.

и противопоставил ей материалистическое понимание истории. Критикуя общеисторические взгляды народников, Плеханов одновременно показал полное банкротство народнических воззрений в анализе конкретной исторической действительности России.

В своих литературных произведениях Плеханов дал изложение основных вопросов марксизма, противопоставил материализм мелкобуржуазному, мещанскому идеализму народников и этим расчистил путь для торжества марксизма в России.

«Хотя Плеханов уже в 80-х годах нанес основной удар народнической системе взглядов» [1], однако некоторая часть революционной молодёжи сочувствовала народникам в начале 90-х годов. Надо было окончательно разгромить народническую идеологию, дать в руки рабочего класса мощное орудие классовой борьбы — революционно-марксистскую теорию. Задача окончательного разгрома народничества и задача создания партии нового типа была выполнена Лениным. Это был новый этап рабочего движения.

Группа «Освобождение труда» не только развернула громадную литературную деятельность по пропаганде марксизма и борьбе с народничеством. Она сделала первую попытку приложить марксизм к условиям классовой борьбы в России. Ею были разработаны два проекта программы русских социал-демократов (первый в 1884 г. и второй в 1887 г.), которые явились очень важным шагом для подготовки создания марксистской социал-демократической партии в России.

Первый проект программы (1884 г.) устанавливал необходимость организации самостоятельной партии рабочего класса и «завоевания рабочими политического господства». Рабочий класс выдвигался в качестве передового представителя трудящегося населения России. Но в первом проекте программы ещё серьёзно сказывалось влияние народничества. Группа «Освобождение труда» допускала террористическую борьбу против абсолютистского правительства и заявляла, что расходится с партией «Народная воля» «только» по вопросам о «захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса». В этом проекте также выдвигалось лассальянское требование «государственной помощи производительным ассоциациям».

Второй проект программы (1887 г.) был шагом вперёд по сравнению с первым. Плеханов предвидел победу социализма в результате деятельности рабочей партии. Во втором проекте

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 20.

более определённо говорилось о необходимости создания самостоятельной рабочей партии: «Русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии». Более определённо ставился вопрос о необходимости захвата власти рабочим классом. Правда, и во втором проекте программы группа «Освобождение труда» не вполне отказалась от народнических взглядов: в известной мере допускалась тактика индивидуального террора, были выдвинуты некоторые лассальянские требования. Плеханов давал неправильную оценку крестьянству, заявляя, что «главная опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но, несмотря на эти недостатки, второй проект программы в общем и целом стоял на более высоком уровне, чем первый проект, и заслужил положительную оценку Ленина. Ленин считал правильным то, что в этом проекте указывался класс, который лишь один мог быть последовательным борцом за социализм, — пролетариат; указывалась цель, которую ставил себе пролетариат, — коммунистическая революция; указывалось на неизбежное предварительное условие переустройства общественных отношений — на необходимость захвата пролетариатом политической власти.

У группы «Освобождение труда» был ряд серьёзных ошибок, нашедших своё выражение в обоих проектах её программы. Плеханов уже в то время не понимал гегемонии пролетариата в демократической революции, отрицал революционную роль крестьянства. Хотя Плеханов и говорил о захвате власти пролетариатом, но идея диктатуры пролетариата в ленинском понимании была ему чужда. Он рассматривал либеральную буржуазию как силу, которая может оказать поддержку революции, и заявлял, что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Он отрицал революционность крестьянства. В 1891 г. Плеханов писал: «Пролетариат и «мужичок» это настоящие политические антиподы... Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»». Эти ошибочные воззрения Плеханова были зародышем его будущих меньшевистских взглядов.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» дана должная историческая оценка положительной роли, которую сыграл Плеханов в популяризации, распространении и защите марксизма, и в то же время чётко проведена линия борьбы с оппортунизмом Плеханова: «Разговоры о том, что Плеханов «тоже стоял» за гегемонию пролетариата, основаны на недоразумении. Плеханов кокетничал с идеей гегемонии пролетариата и не

прочь был признать ее на словах, — это верно, но на деле он стоял против существа этой идеи. Гегемония пролетариата означает руководящую роль пролетариата в буржуазной революции при политике *союза* пролетариата и крестьянства, при политике *изоляции* либеральной буржуазии, между тем как Плеханов стоял, как известно, *против* политики изоляции либеральной буржуазии, *за* политику *соглашения* с либеральной буржуазией, *против* политики союза пролетариата и крестьянства. На самом деле тактическая установка Плеханова была меньшевистской установкой отрицания гегемонии пролетариата» [1].

Группа «Освобождение труда» не была ещё связана практически с рабочим движением. Это был ещё период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Это был процесс «утробного развития» партии. Ленин писал: «Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [2].

Задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, задачу создания партии нового типа разрешил основатель большевистской партии В. И. Ленин.

Идейный разгром народничества был довершён в 90-х годах гениальными работами Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России» и др Ленин и Сталин неустанно разоблачали в дальнейшем все попытки эпигонов народничества оказать воздействие на рабочее движение и оживить народническую теорию, подновив её путём заимствования у западных ревизионистов.

Товарищ Сталин в следующих словах резюмировал сущность борьбы марксизма против народничества:

«Народники говорили, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», — это бедное крестьянство. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, говорили они, что крестьянство многочисленнее всех и в то же время беднее всех в русском обществе. Марксисты отвечали: верно, что крестьянство сегодня составляет большинство и что оно очень бедно, но разве дело в этом? Крестьянство уже давно составляет большинство, но до сих пор оно без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляло. А почему? Потому, что крестьянство

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр 67.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 255.

как сословие *изо дня в день разрушается,* распадается на пролетариат и буржуазию, тогда как пролетариат как класс *изо дня в день растёт* и крепнет. И бедность не имеет тут решающего значения: «босяки» беднее крестьян, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России». Дело лишь в том, кто растёт и кто стареет в жизни. И так как пролетариат есть единственный класс, который непрерывно растёт и крепнет, то наш долг — стать рядом с ним и признать его главной силой в русской революции, — так отвечали марксисты» [1].

Возникновение первых марксистских кружков в России. С первой половины 80-х годов, когда капитализм в России пустил глубокие корни и когда вырос класс пролетариата, шире развернулась классовая борьба рабочих и начали появляться социал-демократические группы и кружки.

Зимой 1883/84 г. почти одновременно с группой «Освобождение труда» в Петербурге образовалась группа Благоева «Партия русских социал-демократов». Эта организация возникла среди учащейся молодёжи университета, Технологического и Лесного институтов. Организатором её был студент-юрист Дмитрий Николаевич Благоев (1855—1924 гг.), болгарин по национальности, выдающийся деятель, впоследствии основатель и вождь болгарской компартии. В 1884 г. благоевская группа развернула довольно значительную по тем временам работу: ею было организовано около 15 кружков среди рабочих — за Невской заставой, на Выборгской и Петербургской стороне, на Васильевском острове; она приобрела нелегальную типографию, выпустившую в 1885 г. два номера газеты «Рабочий», подобрала библиотеку нелегальных и легальных книг, установила связи с заграницей, в частности с группой «Освобождение труда». В течение 1884 г. был выработан проект программы благоевской группы; в это время Благоев ещё не освободился полностью от народнических взглядов, и в смысле теоретической выдержанности программа его группы уступала программе группы «Освобождение труда». Программа благоевской группы резко разделялась на три части, искусственно между собой связанные: общая часть (марксистского характера), практическая часть (с лассальянским уклоном), часть о движущих силах революции (с народническим содержанием). Благоевцы признавали неизбежность и необходимость капиталистического развития, в пролетариате видели главную революционную силу; они стремились к созданию самостоятельной рабочей политической партии, а захват власти считали возможным только в результате

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 375.

«общенародной революции крестьянства и рабочих», отвергая путь заговора. Но в их программе имели место все основные положения лассальянства: государственное вмешательство и производительные ассоциации при всеобщем избирательном праве. Благоевцы проповедывали лавристскую теорию критически мыслящей личности — в этом была их слабая сторона. Таким образом, благоевская группа ещё не была в настоящем смысле слова марксистской — от народничества и лассальянства она делала лишь первые шаги к марксизму. Но, несмотря на указанные ошибки, благоевская группа представляла собой замечательное явление. Она просуществовала более двух лет и прекратила свою деятельность в 1886 г. после нескольких разгромов полицией.

В Петербурге в 1885—1886 гг. образовался кружок Точисского. Павел Варфоломеевич Точисский родился в 1864 г.; он был сыном полковника из польских дворян. Семья жила около тюрьмы, и проходившие в Сибирь ссыльные производили на Точисского сильное впечатление. Политические арестанты натолкнули его на революционный путь. В гимназии у Точисского происходили острые столкновения с начальством, которое видело в нём подрастающего революционера. Отец Точисского тоже не мог примириться с взглядами сына и выгнал его из дома. В 1884 г. Точисский перебрался в Петербург, поступил в ремесленное училище, изучил слесарное дело и стал рабочим. Став социал-демократом, Точисский в 1885 г. составил план организации общества для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. В 1886 г. он выработал устав общества, где говорилось о необходимости организации библиотек, чтений, кружков самообразования, устройства касс взаимопомощи, организации «стачек и коллективных протестов против отдельных лиц и распоряжений заводоуправлений». В конце 1886 г. было созвано первое организационное собрание, на котором был принят устав. Организация Точисского получила название «Товарищества петербургских мастеровых» и делилась на две части — интеллигентскую и рабочую. Точисский считал, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат; в интеллигенции он видел случайного гостя в революции и говорил: «Вы с нами только до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Точисский не доверял революционной интеллигенции и старался оттеснить от неё революционно настроенных рабочих. В этом вопросе Точисский встал на неправильный и опасный путь. Основоположники марксизма резко осуждали всякую попытку сеять вражду между революционный интеллигенцией и рабочими. Ленин

подчёркивал, что «пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей»[1].

Точисский резко критиковал народовольчество, отрицательно относился к террору. Он говорил, что «революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс». Выступление Точисского с объявлением себя решительным противником террора было большой его заслугой. Из кружка Точисского вышли такие замечательные рабочие-пропагандисты, как Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов и др. Они составили впоследствии руководящее рабочее ядро в брусневской организации. Благодаря хорошей конспирации кружок Точисского работал более двух лет, не обнаруженный полицией. Только в 1888 г. полиция разгромила кружок, но этот разгром привёл к провалу лишь интеллигентскую часть; рабочая часть уцелела и сыграла большую роль в дальнейшем развитии пропаганды среди петербургских рабочих.

После частичного разгрома (1888 г.) кружка Точисского в Петербурге в 1889 г. организовался кружок студентов-пропагандистов под названием «Социал-демократическое общество». В него входили главным образом студенты-технологи. Зимой 1889/90 г. этой организации удалось создать около 20 кружков для пропагандистов и параллельно с ними целый ряд рабочих кружков. Новая организация в целом получила название «брусневской», по имени одного из её организаторов, студента Технологического института Михаила Ивановича Бруснева. Это была социал-демократическая организация, но не порвавшая еще окончательно с народовольцами. В беседах на политические темы её пропагандисты указывали на работу немецкой социал-демократической рабочей партии, как на образец, достойный подражания. Особо высоко они ценили Бебеля и хотели из своих слушателей-рабочих выработать «будущих русских Бебелей». В 1890 г. во главе организации стал комитет из представителей рабочих районов и одного представителя от интеллигенции. Благодаря широким связям центральная масса при комитете располагала довольно значительными средствами кружковых касс, доходами от лотерей, спектаклей, пожертвований и т. д. В 1890 г. организация стала выходить из сферы кружковой замкнутости на арену более широкого рабочего движения и руководила некоторыми стачками (зимой 1890/91 г. стачкой у Торнтона и в порту). Прокламации и воззвания к стачечникам, напечатанные на гектографе, имели большой успех у рабочих. Выпускалась

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, изд. 4, стр. 176.

рукописная газета, на которую рабочие набрасывались с жадностью и зачитывали «до дыр».

Брусневская организация приняла участие в демонстрации на похоронах соратника Н. Г. Чернышевского, революционного демократа Н. В. Шелгунова (1891 г.). Около 100 рабочих из кружков брусневской организации шли в рядах демонстрантов. Рабочие несли венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». Демонстрация имела важное значение: организация, до тех пор скрывавшаяся в подполье, громко заявила о своём существовании. Сейчас же после демонстрации возникла мысль об организации маёвки. В 1891 г. брусневская организация тайно устроила первую в России маёвку, на которой присутствовало 70—80 рабочих. На маёвке выступили с речами рабочие Н. Богданов, Ф. Афанасьев и Прошин. Речи были произнесены с большим воодушевлением; их тексты впоследствии были распространены среди рабочих и сыграли роль в деле их политического воспитания. Брусневская организация была разгромлена в 1892 г. Высланные в провинцию члены социал-демократических кружков содействовали в конце 80-х годов расширению пропаганды социал-демократических идей.

Выдающееся значение среди первых марксистских кружков имел кружок Николая Евграфовича Федосеева, организовавшийся в Казани в 1888 г. Федосеев родился в 1870 г. в семье вятского помещика. В 17-летнем возрасте он был исключён из восьмого класса гимназии за «вредное направление» мыслей. Федосеев стал усиленно заниматься изучением марксизма, основанный им кружок с первых же шагов получил марксистское направление. Сначала кружок занимался изучением революционных программ (народнических, народовольческих), но все они, в том числе и программы группы «Освобождение труда», не удовлетворяли членов кружка и были отвергнуты. Федосеевский кружок приступил к разработке своей программы, но не успел этого сделать: в 1889 г. он был разгромлен жандармами. Кружок Федосеева имел очень большое значение в начальной истории борьбы за революционный марксизм. Федосеев был одним из пионеров революционного марксизма в России. Он пришёл к выводу о необходимости создания самостоятельной рабочей партии совершенно независимо от влияния группы «Освобождение труда». Он был ровесником Ленина, который участвовал в одном из кружков, организованных Федосеевым, вёл с ним переписку, обменивался работами и очень хотел с ним встретиться, но пути их так и не скрестились. Ленин очень высоко ценил Федосеева и в своей заметке, посвящённой его памяти, писал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших

провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. . Для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[1]. Обстановка тюрьмы и ссылка оказали губительное влияние на Федосеева: затравленный своими врагами, он покончил в ссылке самоубийством (1898 г.).

В 80-х годах был организован революционный кружок в Харькове Ювеналием Мельниковым и Перазичем. Позже Мельников, будучи выслан в Киев, организовал там социал-демократический кружок. В 80-х годах началась социал-демократическая работа и в кружках Минска. В 1887 г. были созданы первые еврейские социал-демократические кружки в Вильне. Первые социалистические кружки в Польше возникли в 1877 г. Высланный из пределов Австрии революционер Людвиг Варынский в декабре 1881 г. возвратился в Варшаву с целью создать там организацию, способную руководить социалистическим движением. В 1882 г. была основана польская социалистическая партия «Пролетариат» во главе с Варынским, Куницким, Яновичем и др.

80-е годы были годами зарождения в России социал-демократии. Период борьбы за создание марксистской социал-демократической партии в России начался с образования плехановской группы «Освобождение труда». Десятилетие 1884—1894 гг. представляло собой «период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии, — писал Ленин. — Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»[2].

Только появление В. И. Ленина в революционном движении России в 90-х годах и создание большевистской партии открыли русскому рабочему классу путь к победе. «Образование Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 год)... означало новый этап — переход на массовую агитацию среди рабочих и соединение марксизма с рабочим движением»[3].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 376, 377.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 483
[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 26.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Сочинения. Изд. 4. Т. 2. С. 15—57. — *Ленин В. И.* Новый фабричный закон. Сочинения. Изд. 4. Т. 2. С. 243—279. — *Ленин В. И.* О стачках. Сочинения. Изд. 4. Т. 4. С. 286—295. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 40. — *Ленин В. И.* Ценное признание. Сочинения. Изд. 4. Т. 5. С. 67—68. — *Ленин В. И.* Первые уроки. Сочинения. Изд. 4. Т. 8. С. 117—121. — *Ленин В. И.* Идейная борьба в рабочем движении. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 254—257. — *Ленин В. И.* Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих. Сочинения. Изд. 4. Т. 20. С. 425—454. — *Сталин И. В.* Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи. Сочинения. Т. 1. С. 11—13 — *Сталин И В.* Фабричное законодательство и пролетарская борьба. Сочинения. Т. 1. С. 291. — *Сталин И. В.* Анархизм или социализм? Сочинения. Т. 1. С. 294—392. — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. 1945. Гл. I.

II. Документальные материалы. Пособия. *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Сочинения. Т. II. М. — Пгр. 1923. С. 29—88. — *Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Сочинения. Т. II. М. — Пгр 1923. С. 89—356. — *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Сочинения. Т. VII. М. — Пгр. 1923. С. 61—284. — *Плеханов Г. В.* Политические задачи русских социалистов. Сочинения. Т. III. М. — Пгр. 1923. С. 83—95. — *Плеханов Г. В* Внутреннее обозрение. Сочинения Т. III. М. — Пгр 1923. С. 214—309. — *Плеханов Г. В.* Всероссийское разорение. Сочинения. Т. III. М — Пгр. 1923. С. 310—354. — Отчёт И. И. Янжула по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. Спб. 1888. [4], IV, 108, 189 с. — *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Спб. 1907. [2], VIII, 229 с — Отчёт за 1885 г. фабричного инспектора Московского округа И. И. Янжула. Спб. 1886. 119, 114 с. — Морозовская стачка. 1885—1935 гг. Сборник статей, документов и воспоминаний. С предисл. А. Панкратовой. [М.] 1935, 104 с. — *Моисеенко П. А.* Воспоминания П. А. Моисеенко. 1873—1923. М. 1924, 214 с. — *Моисеенко П.* Морозовская стачка. «Пролетарская революция». 1924. № 1 (24), с. 17—65. — *Ульянова-Елизарова А. И.* Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник. М. — Л. 1927. XV, 416 с. — Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России (Сборник воспоминаний). М. — Пгр. 1923. 183, 2 с. — *Дейч Л.* От народничества к марксизму (Из воспоминаний). «Современный мир». 1914. № 1, с. 160—185; № 2, с. 48—66. — *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. Изд. 3, заново переработ. Т. II. Л. 1924. — *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт. Изд. 2, испр. и доп. М. 1897. VIII, 256, 39 с.

Глава XXXI

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В 1860—1880-х ГОДАХ

Подъём русской культуры в 1860—1880-х годах. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре, — писал Ленин. — Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [1]. Борьба этих двух культур — культуры господствующих эксплоататорских классов и культуры, выражающей интересы трудящейся и эксплоатируемой массы русского народа, — ярко выражена во второй половине XIX в.

Царизм, высшая бюрократия, дворянское общество рассматривали культуру прежде всего как идеологическую опору крепостнического режима и насаждали такую науку, просвещение, искусство и литературу, которые проводили реакционные начала «православия, самодержавия и народности». В области просвещения эта тенденция ярче всего характеризуется внедрением церковно-приходской школы, классической гимназией Д. Толстого, университетским уставом И. Делянова; в области науки — деятельностью ряда бездарных рутинёров, тщетно пытавшихся бороться с победным продвижением материализма, дарвинизма, позднее — марксизма; в области литературы — публицистикой Каткова, Суворина, Мещерского, клеветническими изображениями демократического общества в романах Клюшникова, Крестовского и т. п., наконец, в области искусства — произведениями бездарных баталистов, ложнорусским стилем, монархическими кантатами и увертюрами, церковной музыкой и живописью и т. д.

С другой стороны, господствующие классы рассматривали культуру, в частности литературу и искусство, как средство собственного наслаждения. Этот взгляд поощрял развитие бульварной беллетристики, сентиментальной поэзии, низкопробного развлекательного, безидейного искусства.

Отличительной чертой господствующих классов России было низкопоклонство перед реакционной культурой Запада. Преграждая всей силой своего цензурно-полицейского и

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 16.

бюрократического аппарата проникновение в Россию революционных идей, особенно марксизма, преследуя распространение дарвинизма и материалистической философии, царизм и господствующие классы России щедро заимствовали у западноевропейской реакции всяческие средства борьбы с передовой общественной мыслью: идеалистическую философию, классическую систему образования, практику подкупа и развращения печати, систему предварительной цензуры и т. д. Во всех областях культуры царизм и господствующие классы поддерживали худшие образцы иностранщины в ущерб развитию передовой национальной культуры русского народа. Книжный рынок был наводнён массой переводной бульварной беллетристики, составлявшей любимое чтиво дворян, купцов и чиновников и имевшей целью развращение читательских масс. В театрах, как свидетельствовал великий драматург А. Н. Островский, «гнали со сцены русское искусство», директор императорских театров барон Кистер «цинически относился к русскому искусству... Поруганное русское искусство постепенно замирало в императорских театрах, а частные театры систематически убивались Кистером». Наряду с этим Островский отмечал, что и русское купечество, поспешившее «внешним образом сблизиться с Европой», перенявшее «там платье, домашнюю обстановку и некоторые привычки», пренебрежительно относилось к русскому искусству: «русское для них низко, а иностранное высоко». С огромным трудом пробивало дорогу на сцену и концертную эстраду русское музыкальное искусство. Директор императорских театров Всеволжский официально заявлял, что считает «уродливым» направление «Могучей кучки». Напротив, итальянская опера пользовалась всемерной поддержкой властей и дворянско-буржуазного общества. «В какое унижение поставлено в Москве наше родное искусство, не находящее для приюта себе ни места, ни времени, — писал Чайковский. — Могу ли я забыть о жалком прозябании нашей русской оперы в то время, когда мы имеем в нашем репертуаре несколько таких опер, которыми всякая другая уважающая себя столица гордилась бы, как драгоценнейшим сокровищем?» Типичным проявлением низкопоклонства перед иностранщиной в области музыкальной культуры было изгнание М. А. Балакирева с поста дирижёра концертов Русского музыкального общества и замена его немцем Гиллером, который, по ироническому выражению Чайковского, был «незапятнан запрещённой нашими просветителями склонностью к национальной музыке».

Зависимость царской России от иностранного капитала была одной из важнейших причин низкопоклонства господствующих классов перед заграницей. «Иностранные капита-

листы, — говорит т. Г. М. Маленков, — занимавшие в царской России прочные позиции, всячески поддерживали и насаждали в России представления о культурной и духовной неполноценности русского народа. Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль «учеников» у западноевропейских «учителей»» [1].

Страшась роста передовой национальной культуры русского народа, царизм ожесточённо её преследовал. Нищета и бесправие, цензурные гонения, бюрократические стеснения, административно-судебные преследования — весь карательный аппарат царизма обрушился на передовых деятелей русской культуры.

Однако ничто не могло остановить мощного подъёма культуры русского народа. «В области искусства, в творчестве сердца, — говорил Горький, — русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир».

Мощный и всесторонний подъём русской культуры второй половины XIX в. находился в прямой связи с общественным движением 50—60-х годов. Ленин отмечал, что «падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» [2]. Разночинно-демократическое освободительное движение выдвинуло нового деятеля на видное место и в области культуры. Разночинцы Чернышевский, Добролюбов, Помяловский, Решетников, Г. Успенский и многие другие характеризуют социальное лицо нового литературного поколения. Сын мелкого чиновника Крамской, сын военного поселянина Репин, сибирский казак Суриков определяют социальное лицо нового поколения художников. Сила идей, выработанных новым поколением деятелей культуры, была столь велика, что многие писатели и артисты из дворянской среды, как, например, Некрасов, Салтыков, Мусоргский, Стасов, отказались от идеологии своего класса и примкнули к революционной демократии. Под влиянием общественного движения 60-х годов

---

[1] *Г. Маленков,* Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М. 1947, стр. 29.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.

определили своё призвание многие виднейшие деятели русской культуры. «Не пробудись наше общество... к новой кипучей деятельности, — говорил К. А. Тимирязев о развитии естествознания в третьей четверти XIX столетия, — может быть, Менделеев и Ценковский[1] скоротали бы свой век учителями в Симферополе и Ярославле, правовед Ковалевский был бы прокурором; юнкер Бекетов — эскадронным командиром, а сапёр Сеченов рыл бы траншеи по всем правилам своего искусства». Тот же процесс совершался и в других областях культуры. Столоначальник Чайковский, офицеры Мусоргский и Римский-Корсаков бросили казённую службу, чтобы целиком отдаться композиторской деятельности. Первые выпуски консерватории отличались, по словам А. Г. Рубинштейна, обилием талантов. Академия художеств, по выражению И. Е. Репина, была захлёстнута могучей волной общественного движения, и в неё «потянулись со всех концов России юноши разных возрастов». Отражая настроение передовых общественных сил, Павленков, Солдатёнков, Пантелеев стали книгоиздателями, В. Водовозов, Н. Корф, В. Острогорский, И. Н. Ульянов (отец В. И. Ленина) и многие другие — педагогами и организаторами школьного дела. Таким образом, именно общественное движение выдвинуло целое поколение деятелей культуры, в своём большинстве разночинного происхождения.

Подобно всем лучшим русским людям деятели культуры были истинными патриотами. Чернышевский полагал, что «пламенный патриотизм» является той «одушевляющей страстью», которая придаёт «жизнь, смысл и силу» человеческой деятельности. Подобно Салтыкову каждый из передовых русских писателей, учёных и артистов мог бы сказать: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо кроме России». Любовь к родине была неразрывно связана с национальной гордостью. Художники раскрывали красоты русской природы, музыканты черпали мелодическое богатство в сокровищах народной песни, писатели воспроизводили величие национального характера русского народа. Примечательно, что в периоды самой тяжёлой политической реакции деятели передовой русской культуры не теряли веры в неодолимую силу своего народа и великое будущее своей родины.

Эта вера была неразрывна с желанием отдать все силы на благо народа. Чернышевский понимал «высочайший патриотизм» как «страстное, беспредельное желание блага родине».

---

[1] Л. С. Ценковский — виднейший русский естествоиспытатель, биолог, исследовавший проблему инфузорий как простейших организмов и установивший отсутствие резкой грани между животным и растительным миром.

Добролюбов писал: «Патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны».

Борьба за благо родины была основным двигателем творчества деятелей русской культуры. В понимании людей 60-х годов именно подъём культуры и просвещения являлся важным средством борьбы за благо народа. «Горячая защита просвещения» [1], по определению Ленина, была одной из отличительных черт общественного движения 60-х годов. Чернышевский писал, что «русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть ничем иным, как патриотом, в смысле Петра Великого, — деятелем в великой задаче просвещения русской земли». Чернышевский считал, что «просвещение приносит народу и благосостояние и могущество» и «доставляет человеку такое душевное наслаждение, с которым ничто не может сравниться». Наука, по мнению Чернышевского, — «основная сила прогресса», но её «открытия и соображения» «приносят действительную пользу только тогда, когда разливаются в массе публики». Вместе с тем и «поэзия имеет высокое значение для образованности и идущего вслед за нею улучшения нравов и материального благосостояния». Аналогичные взгляды высказывали Добролюбов, Писарев и другие представители революционной демократии. На этом сходилась вся передовая общественность. Просветительное движение 60-х годов было широким общественным движением. Развитие культуры и просвещения было одним из характерных проявлений этого движения.

Важно подчеркнуть при этом, что именно демократическая национальная культура являлась в понимании всей передовой общественности могучим орудием борьбы за освобождение народа. Поэтому подъём русской науки, русской литературы, русского искусства, борьба с засильем иностранщины во всех областях культуры составляют отличительную черту передового просветительного движения 60-х годов. Чернышевский с гордостью заявлял, что русская мысль пришла к материалистическому мировоззрению «собственными силами» и что «русский ум показал свою способность быть участником в развитии общечеловеческой науки». Писарев отмечал, что русская наука уже в состоянии противопоставить науке Запада свои собственные достижения. Островский считал, что основная задача русской драматургии и театра — «начинать свою родную, русскую школу, а не слепо итти за французскими образцами и писать по их шаблонам разные тонкости, интересные только уже пресыщенному вкусу». Передвижники, подводя итоги своей деятельности, характеризовали господствую-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 472.

щее в дореформенной русской живописи академическое направление как «предпочтение всего иностранного и брезгливое равнодушие ко всему русскому», а свою задачу видели в создании правдивого национального искусства. Репин подчёркивал, что протест передвижников против академического направления «имел глубокое национальное основание. Художники инстинктивно чувствовали в себе представителей земли русской». Создание национальной, очищенной от наносных европейских влияний, школы в музыке явилось основной задачей величайших русских композиторов.

Все эти отличительные черты русской культуры определились уже в первой половине XIX в. в произведениях Белинского и Герцена, Пушкина и Гоголя, Глинки и Даргомыжского, Иванова и Федотова, Лобачевского и Зинина. Уже тогда русская культура достигла исключительной высоты и ярко выявила свои отличительные черты: горячий патриотизм, реализм и подлинную народность, непримиримую вражду к деспотизму и крепостничеству, смелое новаторство, высокую идейность. Во второй половине XIX в. эти черты углубились и заострились, окончательно закрепив за передовой русской культурой её всемирно-историческую, передовую, ведущую, основополагающую роль.

Школа и просвещение. Состояние народного просвещения к началу 60-х годов было очень тяжёлым. По подсчёту Чернышевского, число грамотных людей в России не превышало 6% всего населения страны, а число людей образованных едва ли простиралось до полумиллиона (на 60—70 млн. всего населения). Начальных школ в 1856 г. было 8 227 с 450 тыс. учащихся. В 75 гимназиях в 1854 г. обучалось около 18 тыс. человек, а в 6 университетах — 3,5 тыс. До 80% учащихся средней и высшей школы составляли дворяне.

Даже в 60—80-х годах, в период школьных реформ, царское правительство действовало, употребляя определение Ленина, как «величайший враг народного просвещения в России» [1].

Однако стихийная тяга народа к знанию и напор просветительного движения передовой общественности были настолько сильны, что царизму удалось только замедлить, но не остановить рост школы и просвещения Народ дополнительно ко всем казённым налогам добровольно нёс почти все расходы по начальному образованию. В 1880 г. бюджет сельской школы на 77,8% составлялся из взносов уездных земств и сельских обществ. Основным каналом начального образования была земская, т. е. общественная, школа. Значительную

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 119.

роль играла вольная крестьянская школа — продукт стихийного, самобытно-просветительного движения крестьянских масс. По приблизительным подсчётам, в начале 90-х годов в вольных русских школах обучалось не менее 300—400 тыс. человек. В городах большую роль играли стихийно возникшие воскресные школы, число которых к 1862 г. достигло 316. Закрытые с 1862 г. по требованию III отделения, они в 90-х годах снова интенсивно растут. В развитии средней школы роль частной и общественной инициативы также очень велика. Общественные организации (главным образом земства и городское самоуправление) и частные лица несли бо̀льшую часть расходов по содержанию средних школ (до 60%). Развитие реальных училищ и женской средней школы явилось в основном результатом общественной инициативы. Ещё в большей степени это относится к высшему женскому образованию. Таким образом, влияние общественного движения на рост школ было действительно очень велико.

Важную роль в развитии просвещения играло также самообразование. Многочисленные гимназические и студенческие кружки восполняли пробелы преподавания в правительственной школе и приобщали к передовой науке многие тысячи молодых людей. Особенно была велика просветительная роль революционных кружков.

Показатели роста школы и просвещения были мизерными в сравнении с колоссальными потребностями страны. В 1893 г. насчитывалось всего 44 545 правительственных школ с 2,7 млн. учащихся. Средних школ (без военных и духовных) в 1894 г. было на всю страну 567 с 159 тыс. учащихся. Высшие учебные заведения были представлены 9 университетами и 30 специальными институтами (техническими, сельскохозяйственными и др.), причём в университетах было всего около 14 тыс. студентов (1894 г.). Дворяне составляли около 50% общего числа учащихся высшей и средней школы. Грамотность и образованность с резкой неравномерностью распределялись между различными классами — просвещение оставалось привилегией богатых. Массам трудового народа предоставлялись крохи, падавшие с барского стола. Массы народа в России, по выражению Ленина, «были *ограблены* в смысле образования, света и знания» [1]. Но массы не желали терпеть такого положения, народ боролся за науку, искусство, за овладение величайшими культурными сокровищами, которые принадлежали ему по праву.

Печать. Развитие русской печати протекало в трудных условиях. Являясь всецело результатом частной и обществен-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 115.

ной инициативы (ибо правительство отпускало средства только на ведомственные издания), печать испытывала жесточайшие цензурные преследования. Одних только уничтоженных по постановлению Комитета министров книг за 1872—1902 гг. насчитывалось свыше ста. На периодическую печать, по далеко не полным подсчётам, с 1865 по 1904 г. было наложено 715 различных цензурных взысканий. Огромное количество произведений лучших русских писателей было запрещено или изуродовано цензурой.

Однако, придавая печати исключительное пропагандистское значение, передовая общественность отдавала ей лучшие научно-литературные и организаторские силы. Значительно возросшее количество читателей обеспечивало печати необходимую материальную поддержку. Почти всецело на средства учёной общественности существовала научная периодика.

В результате 60—80-е годы отмечены значительным ростом печати. В 1855 г. было 96 типографий, издавалось 104 периодических органа (в том числе 7 ежедневных газет), вышло в свет 1 020 книг. В 1894 г. было 1 315 типографий, издавалось 804 периодических органа (в том числе 112 ежедневных газет), вышла в свет 10 651 книга. Конечно, в сравнении с огромными потребностями страны эти показатели являлись незначительными. В 1890 г. на душу населения выходило только 0,16 экземпляра книги. При этом вследствие неразвитости книготорговой сети (на всю Россию в 90-х годах было 600 книжных магазинов) книга распространялась главным образом в столичных и губернских городах, а деревня существовала без книги.

Выросшая передовая печать играла огромную общественно-политическую и просветительную роль. В особенности это относится к периодической печати. Если до реформы в русской периодике преобладали официальные (ведомственные) издания, а газеты были исключительно казёнными, то с конца 50-х годов выдвинулись на первый план общественно-политические и научно-литературные органы. Окончательно укоренился тип «толстого» журнала, начало которому положили ещё «Отечественные записки» и «Современник». Основу такого журнала составляли литературно-критические статьи, политическое обозрение, хроника внутренней жизни и тому подобные отделы, особенно удобные для изложения общественно-политической программы журнала. Наибольшей популярностью пользовались демократические журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово» и «Дело». Особенностью 60-х годов явилось также возникновение сатирических журналов и листков («Свисток», «Искра», «Заноза», «Гудок» и др.). Большое развитие получают ежедневные газеты. В 90-е годы наиболее популярные газеты расходились в 30—

40 тыс. экземпляров. Наконец, в пореформенные годы вырастает специальная научная периодика, что Чернышевский считал «большим шагом вперёд в развитии нашей публики». О распространении и устойчивости научной печати можно судить по исторической периодике, которая к 90-м годам располагала такими известными изданиями, как «Сборники Русского исторического общества», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Русская старина», «Русский архив» и др.

Книжный рынок обогатился книгами, имеющими большое научно-литературное и общественно-политическое значение. Таковы первые полные собрания сочинений великих русских писателей (Пушкина, Гоголя, Толстого и др.), критиков (Белинского, Добролюбова, Писарева). Нужно особо подчеркнуть значение выхода в свет перевода «Капитала» Маркса. Появились в печати выдающиеся труды русских учёных (Тимирязева, Сеченова, Бекетова, Менделеева и т. д.). В общем итоге просветительная роль передовой книги значительно увеличилась вопреки всем стараниям царского правительства и реакционных кругов, пытавшихся парализовать действие передовой литературы не только своими мракобесными изданиями, но и политикой открытого притеснения.

Новое поколение потребителей культурных ценностей. Особенностью пореформенной эпохи является также образование нового поколения читателей, зрителей, слушателей из разночинно-демократических кругов, а позднее также из рабочих. Критик-демократ Н. В. Шелгунов вспоминал: «В шестидесятых годах точно чудом создался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать». Возникновение значительного количества библиотек — главным образом общественных и частных — и повсеместный рост выдачи книг (в Публичной библиотеке в Петербурге выдача книг с 1854 по 1874 г. выросла в 11 раз), увеличение выпуска книг, газет и журналов — таковы наиболее наглядные показатели роста читательской массы и запросов читателей. Наблюдатели отмечали появление «образованных мужиков», которым «доступны все наши лучшие писатели» и которые «пользуются книгой для целей практических» Ещё более заметно было появление нового читателя в рабочей среде. Известно, какой обширный круг самообразования проходили рабочие, причастные к революционному движению. Один из первых рабочих кружков 70-х годов разработал «Устав общественной библиотеки», в котором говорилось: «Мы, рабочие, можем достигнуть сознания своего безвыходного положения только

посредством добывания возможно лучших книг и газет». Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях рассказывает о сильной тяге петербургских рабочих в 70-х годах к «чтению серьёзных и даже учёных книг», которое было для них «своего рода вопросом чести». В некоторых общественных библиотеках рабочие составляли свыше половины всех читателей.

Связь с читателем пополняла непосредственные впечатления писателя от жизни. Известно, например, что многие сатирические выступления «Искры» или некоторые очерки Г. Успенского исходили из материалов читательских писем. Велико было моральное значение связи с читателями, — писатель не чувствовал себя одиноким и знал, что делает большое и нужное дело. Замечателен в этом отношении «Адрес от рабочих Тифлиса Глебу Успенскому» (1887 г.). «Желаем Вам, — писали рабочие, — здоровья, силы и счастья, и процветания Вашего светлого, симпатичного таланта, на радость любящим Вас и на славу родины... Дорогой наш, любимый писатель, помогайте нам своим сочувственным словом выбраться к свету, и наша любовь к Вам, которая перейдёт к потомкам, будет наградой Вам за Ваше добро и любовь к народу».

Аналогичную картину, хотя и в меньших масштабах, мы наблюдаем и в области искусства. На художественных выставках передвижников за 25 лет побывало свыше миллиона зрителей. Нашла своего слушателя и новая музыка. Разночинная молодёжь заполняла концерты бесплатной музыкальной школы, на которых, по свидетельству А. П. Бородина, «ни аксельбантов, ни директоров, ни директрис, ни институтрис, ни пажей, ни голых плеч придворных барынь не было».

Революционно-демократическая эстетика. Общественное движение 60-х годов не только выдвинуло новое поколение деятелей культуры, не только вызвало рост грамотности и образованности и умножило круг потребителей культурных ценностей, но и создало также новое эстетическое учение, сломившее каноны дворянской эстетики и явившееся могучим рычагом подъёма демократической культуры.

Сущность дворянской эстетики составляла идеалистическая и реакционная теория «искусства для искусства». Наиболее известными её пропагандистами были критики Дружинин и Анненков, поэты Фет и Майков. Согласно этой теории искусство должно было посвятить себя служению «вечным идеалам красоты», нисколько не заботясь о запросах общественной жизни. Призывая к отказу от служения обществу, теория «чистого искусства» на практике оказалась лишь прикрытием крепостнических или буржуазных тенденций в творчестве её сторонников: сознательно или бессознательно, все они явились своего рода рупором эксплоататорских кругов

русского общества, отстаивали всё старое и обветшалое в историческом развитии страны, уводили от борьбы с крепостническими пережитками и самодержавным строем и препятствовали концентрации общественных сил для борьбы под революционными лозунгами.

Ещё в дореформенные годы передовые деятели литературы и искусства, отражая в конечном счёте борьбу народных масс и революционных кругов против крепостничества, выступили против дворянской эстетики. «Начиная с Белинского, — говорил товарищ Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», — все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения» [1].

Революционная демократия 50—60-х годов впервые в знаменитой диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» с особенной полнотой изложила принципы новой эстетики и дала им материалистическое обоснование. Чернышевский рассматривал искусство как порождение жизни. «Прекрасное есть жизнь, — писал он. — Искусство только напоминает нам своими воспроизведениями о том, что интересно для нас в жизни, и старается до некоторой степени познакомить нас с теми интересными сторонами жизни, которых мы не имели случая испытать или наблюдать в действительности». В то же время Чернышевский указывал и на другое назначение искусства — «объяснение жизни». Наконец, произведение искусства выносит свой приговор изображаемым явлениям жизни. Отсюда понятно общественное значение искусства, и прежде всего литературы. По определению Добролюбова, литература представляет собой «силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует». Рассматривая литературу и искусство как огромную общественно-преобразующую силу, революционная демократия требовала от них глубокого и критического проникновения в жизненные явления, идейной насыщенности, страстной борьбы за дело народа «Вся наша русская революционно-демократическая публицистика, — говорил товарищ Жданов, — насыщена смертельной ненавистью к царскому строю и проникнута благородным стремлением бороться за коренные интересы народа, за его просвещение, за его культуру, за его освобождение от пут царского режима» [2].

---

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», М. 1946, стр. 23.

[2] Там же, стр. 24.

Критическая деятельность Чернышевского и Добролюбова была блестящим применением нового эстетического учения в литературе 50—60-х годов. Продолжателем их явился Писарев. В литературе он видел «великую общественную силу» и боролся за то, чтобы она приносила «действительную пользу». Правда, в полемическом увлечении Писарев допустил ряд крайностей. Целью Чернышевского было создание материалистической эстетики, Писарев же упрощённо понимал «пользу» искусства и с точки зрения этой «пользы» отрицал общественное значение музыки, живописи, поэзии Пушкина, сатиры Щедрина. Несмотря на эти крайности (от которых впоследствии Писарев отошёл), неутомимая борьба Писарева за высокую идейность литературы, за разрушение дворянской «эстетики», за поэзию, стоящую в соответствии с запросами «современной гражданской жизни», имела большое общественно-воспитательное значение.

Крупнейшие представители всех областей литературы и искусства 60—80-х годов выступили на стороне революционно-демократической эстетики.

Писатели-разночинцы, которым был сродни «мужицкий демократизм» Чернышевского и Добролюбова, восприняли новое эстетическое учение как «целое откровение любви к человечеству» (слова Н. В. Шелгунова). Крупнейший из них — Н. Г. Помяловский — называл себя «воспитанником» Чернышевского и говорил, что, «читая «Современник», установил своё миросозерцание».

Перешедшие на сторону демократии писатели старшего поколения явились прямыми проводниками материалистической эстетики. Салтыков-Щедрин в один голос с Добролюбовым утверждал, что «литература и пропаганда — одно и то же», что «писатель, которого сердце не переболело всеми болями того общества, в котором он действует, едва ли может претендовать в литературе на значение выше посредственного и очень скоропреходящего». Некрасов полагал, что «нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для облагорожения, для возвышения человека, для его обогащения знаниями и материальными удобствами жизни». В стихотворении «Поэт и гражданин» Некрасов обращался к поэту со словами: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», «будь гражданин, служи искусству, для блага ближнего живи».

В области изобразительных искусств и музыки пропаганду эстетических взглядов Чернышевского в значительной мере осуществлял крупнейший критик-искусствовед В. В. Стасов (1824—1906 гг.), выдающийся, талантливейший представитель русской передовой культуры. С полным основанием Стасов

говорил о себе: «Белинский, Чернышевский, Писарев — мои руководители». В своей интенсивной и разнообразной деятельности Стасов во всеоружии огромной эрудиции, с заражающей страстностью и идейной непримиримостью приветствовал, отстаивал и истолковывал такие «первые и главные черты» искусства 60—80-х годов, как демократическую идеологию, критический реализм, передовые национальные идеи, серьёзную содержательность, «силу негодования и обвинения», «протест и страстное желание гибели тому, что тяготит и давит свет». В своих статьях Стасов излагал «главные положения нового искусства» цитатами из Чернышевского. Творчество передвижников в живописи и «могучей кучки» в музыке получило в критической деятельности Стасова проникновенное истолкование. Велико было и личное влияние Стасова на мастеров искусства. Он подавал идеи, подсказывал сюжеты, снабжал всевозможными материалами, ободрял, воодушевлял, понукал — недаром Мусоргский называл его «толкателем». Исключительна чуткость Стасова к молодым мастерам. «Таланты такое дело, — писал он, — что их надо сейчас же ловить налету». Именно Стасов «открыл» Глазунова, Репина, Антокольского и поддержал их на первых шагах творчества.

По свидетельству Стасова, новые художники осуществляли в своих созданиях те положения, которые составляли главную основу трудов Чернышевского по эстетике. Особо следует отметить И. Н. Крамского — крупнейшего художника и организатора творческих объединений русских художников — «Артели петербургских художников» и «Товарищества передвижных художественных выставок». Своей творческой, критической и организаторской деятельностью Крамской во многом способствовал торжеству реализма, народности и высокой идейности в русском изобразительном искусстве.

В области музыкального искусства наиболее близок к взглядам Чернышевского М. П. Мусоргский, одно время бывший даже членом студенческой коммуны, возникшей под влиянием романа «Что делать?». Мусоргский полагал, что задача музыки состоит не в создании «красивеньких звуков», а в изображении *«тончайших черт природы* человека и *человеческих масс»,* в «живой беседе с людьми». Стремление Мусоргского отразить в музыке живое движение слова прямо отвечает теоретическим представлениям Чернышевского о природе музыкального искусства.

Вместе с тем надо отметить, что художники, которые, подобно Л. Толстому, Тургеневу, Гончарову, Островскому, Верещагину, Чайковскому, не разделяли политических и философских взглядов революционной демократии и отвергали материалистическую эстетику, — вследствие своей искренней и

горячей любви к народу всё же отвергали реакционную теорию «искусства для искусства». Толстой ненавидел искусство «утончённое, собственно развратное, доступное только людям праздных, богатых классов, угнетающих других людей», и ратовал за искусство «братское, всенародное». Задача искусства — переводить истины, выработанные наукой, «из области знания в область чувства». Искусство, выполняющее эту задачу, «будет... органом жизни и прогресса человечества». А. Н. Островский близко подходил к правильному пониманию задач искусства, когда писал, что народ ждёт от искусства «облечения в живую, изящную форму своего суда над жизнью»; поэтому «чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нём этого обличительного элемента».

Критический реализм. Ведущим направлением литературы и искусства 60—80-х годов был критический реализм, на платформе которого стояли лучшие писатели, художники, музыканты и актёры пореформенных лет, деятели передовой культуры.

В основе критического реализма лежало стремление правдиво изобразить типические черты действительности и осмыслить изображаемые явления с точки зрения соответствия их общественным идеалам. Горячая любовь к родине, столь характерная для русских художников, желание видеть свой народ свободным, счастливым и могучим, глубокое чувство национальной гордости и отчётливое сознание вопиющей несправедливости и коренного несоответствия общественного уклада пореформенной России интересам народа — отличительные черты представителей критического реализма в искусстве. Не все они ясно понимали, каковы причины общественной несправедливости и каковы пути её устранения, но все они болели страданиями любимой родины. Отсюда-то и вытекали идейная насыщенность, эмоциональная напряжённость творчества, высокое сознание общественного долга, чуткая отзывчивость на боевые вопросы жизни — черты, которые так отличали великих русских реалистов от представителей современной им европейской натуралистической школы. Все эти черты русского искусства предполагали суровый, трезвый, беспощадный реализм в изображении народной жизни, глубокий и всесторонний показ общественных явлений. До этого времени редко в истории мирового искусства возникало такое богатство, разнообразие и содержательность творческих тем, какие были разработаны — и часто впервые — в России в 60—80-х годах. Замечательно при этом умение русских художников распознать характерные и типические черты действительности под любой оболочкой, которая подчас маскировала подлинную сущность явлений. Так, Ленин писал, что

«Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы...» [1] Всё это, вместе взятое, придавало русскому искусству ярко выраженный обличительный характер. По выражению соратника Герцена поэта Огарёва, «русская литература грызла правительственную общественную сеть по всем узлам». То же можно сказать о живописи передвижников, о музыке Мусоргского. Великий драматург Островский называл обличительное направление русского искусства «нравственно-общественным направлением» и считал его отличительной чертой русского народа. Важно отметить, что в стремлении вскрыть корни общественной несправедливости русское искусство направляло свои обличения не на мелкие и второстепенные явления жизни, а на основные, особенно типические её черты. Так появился ряд обличительных образов и картин огромной обобщающей силы в романах Толстого, сатирах Щедрина, полотнах Репина, партитурах Мусоргского. Наряду с этим русское реалистическое искусство жадно искало тех явлений действительности, которые содержали в себе элементы нового, растущего, ведущего родину к счастливому будущему. Таковы образы новых людей в произведениях писателей-разночинцев и картинах передвижников, таковы, например, попытки выразить черты национального русского характера — черты народа-богатыря, народа — борца и строителя — в поэзии Некрасова, картинах Репина и Сурикова, симфониях и операх Бородина, Римского-Корсакова и в других произведениях передового русского искусства. Оно стремилось не только к обличению жизненной неправды, но и к поискам жизненной правды. Оно являлось подлинным «учебником жизни», как того и требовал Чернышевский. Велика воспитательная и познавательная роль русского искусства, — на нём выросли целые поколения. Ленин и Сталин нередко используют в своих работах образы, созданные русскими художниками.

Глубокая содержательность, идейность и правдивость были той почвой, которая взрастила огромное мастерство русских художников. Богатое содержание русского искусства было воплощено в художественные формы, превзошедшие по своему совершенству творческие достижения других времён и народов.

Русское искусство 60—80-х годов стремилось не только правдиво изобразить народную жизнь, но и показать её с точки зрения интересов самого народа. Ленин подчёркивал,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 40.

что Л. Толстой «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» [1]. Толстой и сам говорил о себе, что добровольно состоит «в звании адвоката стомиллионного земледельческого народа».

Правда, классовая ограниченность русских художников определила ряд существенных упущений и ошибок в данном ими изображении и объяснении жизненных явлений. Никто из них так и не разглядел в сложной картине пореформенной действительности гигантскую фигуру поднимавшегося пролетариата. Слабое и подчас неверное изображение нашли в их творчестве революционное движение и массовая борьба крестьян с помещиками. Характерен в этом смысле тот же Л. Толстой. Выражая не только силу, но и ограниченность крестьянского массового движения, он обнаружил «в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину...» [2] Поэтому Толстой пропагандировал учение о «непротивлении злу», приводившее к полному отказу от революционной борьбы масс. Либерализм Тургенева помешал ему дать правильное изображение революционной молодёжи. Гончаров выступил с прямой идеализацией русской буржуазии. Однако не эти стороны были главными и ведущими в передовой русской литературе.

Литература. Творческий гений русского народа с особенной силой проявился в литературе. Идейная насыщенность, глубокая содержательность и огромное мастерство художественной формы обусловили ведущую роль литературы в развитии остальных областей культуры и сделали её подлинно общественной силой. В корне неправильно представление об истории русской литературы, как о каком-то «едином потоке», в котором все русские писатели, взятые без какого бы то ни было классового анализа, якобы объединены единой благой целью служения российскому искусству. Никакого «единого потока» в действительности не существовало, указанное выше представление в корне противоречит марксистско-ленинской теории. Учение классиков марксизма-ленинизма о двух культурах в каждой национальной культуре требует уяснения того, на чьей стороне находится тот или иной писатель как творец художественных ценностей, каково объективное историческое

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 293—294.

[2] Там же, стр. 295.

значение, историческая функция его произведений, служат ли они лагерю эксплоататоров, врагов революции, или работают во имя победы нового, приближая конечное торжество угнетённых классов над угнетателями.

Особенно сильным и смелым было выступление писателей революционно-демократического лагеря.

Замечательным выражением жизненных исканий революционной демократии явилось творчество Н. Г. Чернышевского. В романе «Что делать?», написанном в Петропавловской крепости, Чернышевский показал представителей революционного поколения — новых людей с новой идеологией и моралью, вместе с тем горячо, убеждённо, с увлечением изобразил грядущий социалистический строй. Роман этот оказал могущественное влияние на русское общество. Известно, что он принадлежал к числу любимых книг Ленина. В другом романе, «Пролог», Чернышевский нарисовал гениальную картину предреформенного русского общества.

Огромным социальным охватом, боевым духом и политической остротой отличалось творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889 гг.). В своих гениальных сатирах он подверг уничтожающей критике весь жизненный уклад пореформенной России. Большие и малые сатрапы царской бюрократии, пореформенные крепостники, в числе их знаменитый Иудушка Головлёв, Разуваевы, Колупаевы, Деруновы и прочие «кровопивственных дел мастера» нарождающейся русской буржуазии, разоблачены Щедриным. Зоркий художник, он умел видеть крепостника-хищника под любым его обличьем. Великолепно распознал Салтыков и предательскую природу «премудрых пескарей» русского либерализма и «навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости»» [1]. Образы, созданные Салтыковым, пережили его эпоху. К ним обращаются Ленин и Сталин, блестяще используя их для характеристики врагов революции и пережитков эксплоататорского строя в сознании людей.

Ряд новых тем разработали писатели-разночинцы. Быт городской бедноты, рабочего класса, угнетённых народов Поволжья и Сибири нашёл в произведениях Помяловского, Решетникова («Горнорабочие», «Подлиповцы»), Левитова, Н. Успенского, Г. Успенского своё яркое отражение.

Величайшим представителем революционно-демократической поэзии явился Н. А. Некрасов (1821—1877 гг.). В молодости ученик и друг Белинского, уже тогда определившийся как певец горя народного и народной борьбы, Некрасов сблизился затем с Чернышевским и Добролюбовым и под их влия-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 287.

нием окончательно утвердился на революционно-демократическом пути. Обогатив свой стих новыми, близкими к народной песне приёмами, ритмами и оборотами, Некрасов достиг поразительного художественного совершенства, равно проявляющегося как в небольших, так и в крупных его стихотворных произведениях («Кому на Руси жить хорошо», «Дедушка», «Русские женщины» и др.).

Выдающимся представителем революционной поэзии был также Н. П. Огарёв, преемник гражданской лирики Пушкина и Рылеева, друг и ближайший соратник Герцена. Большую общественно-политическую роль сыграла группа молодых поэтов, объединившаяся вокруг сатирического журнала «Искра» с ярко выраженным демократическим направлением. Во главе этой группы стоял талантливый В. С. Курочкин — острый поэт-сатирик и великолепный переводчик песен Беранже.

Значительный вклад в развитие революционной поэзии внесли также многие непосредственные участники революционного подполья; выдающееся значение имело творчество талантливейшего революционного поэта М. Л. Михайлова, автора многих любимых народом революционных песен (в том числе известной песни «Смело, друзья! Не теряйте духа в неравной борьбе»). Свой вклад в революционную поэзию внесли С. С. Синегуб, Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов и др. Некоторые произведения революционной поэзии, появившиеся за рубежом или в подпольных изданиях, получили тем не менее распространение в народе, а иногда даже были переработаны безымёнными народными поэтами. Так революционная поэзия смыкалась с непосредственным творчеством народа, с фольклором.

Близко к революционной демократии стоял прямой продолжатель реалистических традиций Фонвизина, Грибоедова и Гоголя — А. Н. Островский (1823—1886 гг.), начавший свою литературную деятельность ещё в дореформенное время. В своих пьесах («Гроза», «Бедность не порок», «Лес», «Доходное место» и др.) Островский впервые и с поразительной выпуклостью показал на сцене «тёмное царство» русского купечества, продажный мир царских чиновников и разоряющихся помещиков, ряд образов и картин народной жизни. Его художественные образы, как указал Добролюбов, имели огромное обобщающее значение в обрисовке крепостного строя в целом. Островский сыграл исключительную роль в истории русского театра, окончательно закрепив торжество сценического реализма.

В 50-е годы начал свою литературную деятельность величайший русский писатель Л. Н. Толстой (1828—1910 гг.). По свидетельству А. М. Горького, Ленин считал, что в Европе нет

писателя, которого можно было бы поставить наряду с Толстым. Автор грандиозной эпопеи русской жизни начала XIX в. («Война и мир»), Толстой в основном посвятил свое творчество изображению пореформенной полукрепостнической России («Анна Каренина», «Воскресенье», «Власть тьмы» и т. д.). «Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» [1]. С прозорливой правдивостью великого художника он вскрыл всю глубину социальных противоречий пореформенной России. Быт патриархальной деревни, безжалостно разоряемой и угнетаемой царскими чиновниками, помещиками и капиталистами, нарисован им с потрясающей силой. Вместе с тем Толстой с беспощадной резкостью высмеял комедию царского суда, вскрыл ложь, фальшь и разложение дворянского общества, ополчился против церкви и государства. Творчество Толстого — «непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма» [2]. При этом Толстой сумел с замечательной силой передать настроение широких масс и выразить их стихийное чувство протеста и негодования. «Толстой велик, — говорил Ленин, — как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России» [3]. Как уже говорилось выше, Ленин вместе с тем подчёркивал классовую ограниченность Толстого, который в соответствии с патриархальной идеологией крестьянства не нашёл выхода из кризиса, надвинувшегося на Россию, и выступил с ошибочной и вредной проповедью непротивления злу насилием.

Классово ограниченным было и творчество И. А. Гончарова (1812—1891 гг.). В его гениальном романе «Обломов» дан образ большой обобщающей силы. Добролюбов в знаменитой статье «Что такое обломовщина?» приветствовал появление романа и истолковывал его как убийственный приговор всему крепостническому укладу. Слово «обломовщина» стало нарицательным. Позднее Ленин называл обломовщиной проявления паразитизма, неповоротливости, беспечности, враждебные историческому движению вперёд. Но в другом романе —

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, изд. 4, стр. 293.
[2] Там же, стр. 294.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, изд. 4, стр. 183.

«Обрыв» — Гончаров дал ложное изображение революционной молодёжи и обнаружил непонимание смысла и путей русского революционного движения.

Широчайший круг общественных тем русской жизни 40—70-х годов освещён в творчестве И. С. Тургенева (1818—1883 гг.). В его произведениях отразились важнейшие веяния времени: трагедия дворянской интеллигенции 40-х годов, не приспособленной к активной общественной борьбе («Рудин», «Дворянское гнездо»); движение демократической молодёжи 60-х годов и её разлад с поколением «отцов» («Отцы и дети»); хождение в народ («Новь») и т. д. Но, будучи либералом по своим политическим взглядам, Тургенев во многом не понял молодого поколения, поэтому некоторые его произведения, особенно «Отцы и дети», справедливо вызвали суровую отрицательную оценку в демократической среде. Несомненны, однако, искренняя народность Тургенева и его резко враждебное отношение к крепостничеству. Те же «Отцы и дети», по свидетельству их автора, направлены «против дворянства, как передового класса».

Ф. М. Достоевский (1821—1881 гг.) в пореформенную эпоху окончательно становится одним из столпов религиозно-охранительной философии и яростным «обличителем» революционной молодёжи. Эти черты творчества Достоевского были подняты на щит русской и европейской реакцией. Горячее сочувствие к «униженным и оскорблённым», присущее Достоевскому, всё же не предохранило его от ложной оценки революционного движения. Им нарисована картина полного распада и опустошения личности в условиях капиталистического общества. «Гениальность Достоевского неоспорима, — говорит М. Горький, — по силе изобретательности его талант равен может быть только Шекспиру. Но как личность, как «судью мира и людей» его очень легко представить в роли средневекового инквизитора».

Идейность, реализм, народность и другие творческие особенности передовой литературы 60-х годов в значительной мере характерны и для литературного движения следующего десятилетия. Продолжали свой творческий путь Некрасов, Салтыков, Островский, Л. Толстой и др. Расцвело дарование Г. Успенского. Выступил с первым произведением Гаршин. Но вместе с тем часть литературных кругов, отражая усиление правительственной и общественной реакции, начинает сдавать боевые позиции демократического реализма 60-х годов. Острые общественно-политические темы реже ставятся в литературных произведениях, — так, Тургенев в эти годы в значительной мере отказался от постановки актуальных общественных проблем. Правда, он написал «Новь» на тему народнического

движения, критикуя его с либеральных позиций, а в «Пороге» (стихотворение в прозе) поднял на щит революционную молодёжь. Но в целом его стали более интересовать сюжеты сугубо психологического, нередко мистического порядка («Клара Милич», «Песнь торжествующей любви»). Л. Толстой, испытывая глубокий кризис мировоззрения, всё более и более становился на позиции непротивленчества. Писатели-народники Златовратский, Засодимский и др., по определению Горького, «усердно и в тон дворянской литературе занимались идеализацией деревни, крестьянина, который представлялся народникам социалистом по натуре, не знающим иной правды, кроме правды «общины», «мира» — коллектива». Понятно поэтому, что подчас эти писатели рисовали деревенскую жизнь не такой, какой она была в действительности, а такой, какой она должна была быть по народническим построениям. Только наиболее зоркие из них, как Наумов, Петропавловский-Каронин и особенно Глеб Успенский (1843—1902 гг.), продолжали традиции критического реализма. Ленин высоко ценил Глеба Успенского с его превосходным знанием крестьянства и огромным художественным талантом. Успенский выступил в качестве беспощадного обличителя «власти капитала», «новорождённой орды» русских купцов и фабрикантов. Произведения Г. Успенского (из них наиболее значительны «Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли», «Из деревенского дневника», неоконченные очерки «Власть капитала») нанесли сильнейший удар народнической идеологии. Ленинская «Искра», отзываясь на смерть Г. Успенского, писала, что произведения его помогали первым русским марксистам «конкретно выяснить свою практическую теорию».

За спадом революционной ситуации 1879—1880 гг. последовали нападки и пасквили на демократию, на передовую литературу и науку в реакционной печати. Почти все демократические и радикальные органы печати были закрыты правительством. Идеалистическая философия завладела настроением значительной части интеллигенции. Реакционно-мистические писания В. С. Соловьёва и других философов-идеалистов приобрели большую популярность. Теоретики чистого искусства подняли голову. Поэт и критик Андреевский объявил «красоту и меланхолию» «единственной законной» сферой искусства. В гражданской лирике 80-х годов (Якубович, Надсон) звучали ноты обречённости, прорывались мотивы пессимизма и безнадёжности.

К этому времени относится выступление на литературном поприще В. М. Гаршина (1855—1888 гг.). С необыкновенной чуткостью на самых обыденных житейских фактах показывал Гаршин зло и несправедливость окружающего мира:

ужасы царских войн («Четыре дня»), каторжное положение рабочих («Художники»), нищету, проституцию («Надежда Николаевна») и другие общественные язвы. Однако найти пути к уничтожению «мирового зла» Гаршин не сумел, и многие его произведения проникнуты настроением безнадёжности, сознанием роковой обречённости. Гаршин психически заболел и кончил жизнь самоубийством.

К 80-м годам относится и начало деятельности А. П. Чехова (1860—1904 гг.), который выступил прямым продолжателем лучших традиций художественного реализма. Замечательный мастер новеллы, блестящий юморист, оказавший сильнейшее влияние на европейскую и американскую литературу, Чехов запечатлел в своих рассказах всю эпоху «контрреформ». Это был неумолимый враг обывательской пошлости, интеллигентского бессилия. «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыдёнщины», — сказал Горький. Вначале и Чехов ещё не видел выхода к лучшему будущему, и ноты безнадёжности иногда звучали в его творчестве, но постепенно вера в осуществимость справедливого переустройства жизни и сознание необходимости активной борьбы с общественным злом взяли в нём верх. Завершение этого процесса происходит уже в 90-х годах.

К 80-м и началу 90-х годов относятся также первые художественные и публицистические произведения писателя-гуманиста В. Г. Короленко (1853—1921 гг.) — «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Павловские очерки», «В голодный год» и др.

Изобразительное искусство. Развитие изобразительного искусства в 60—80-е годы характеризуется решительным торжеством демократического направления. Отличительными чертами его, по словам Стасова, были «реализм и национальность», «потребность и призвание идти заодно с обществом», «сила негодования и обвинения». Объединённые сперва в «Артель петербургских художников», а затем в «Товарищество передвижных художественных выставок», сторонники нового направления получили название «передвижников». Новое направление руководствовалось в своём творчестве великим эстетическим учением Н. Г. Чернышевского, убеждённо отстаивало его эстетику. Виднейшим идеологом, организатором и руководителем нового направления был художник Крамской, виднейшим теоретиком-пропагандистом — Стасов. Крупнейшие художники 60—80-х годов примкнули к передвижничеству (Перов, Репин, Суриков, К. Маковский, Ге, Мясоедов, Савицкий и др.). Возникновение этого направления, его

идейное содержание и организационные формы явились прямым результатом демократического движения 60-х годов.

Обличение общественных язв в духе передовой литературы, правдивое и сочувственное изображение народной жизни являлись в глазах передвижников основной творческой задачей. Отсюда вытекала необходимость глубокого изучения русского быта, народных типов и образов. Перов первый демонстративно отказался от заграничной командировки, считая более целесообразным «изучить и разработать бесчисленное богатство сюжетов как городской, так и сельской жизни нашего отечества», нежели тратить годы на познание чужой страны. Репин свои «университеты» находил в Чугуеве, на Волге — всюду, где наблюдал народную жизнь, а не в салонах европейской живописи.

Темы из деревенского быта, изображение жизни городской бедноты, бичующе-сатирическое изображение эксплоататорских господствующих классов характерны для передвижников. Чрезвычайно выразительна в этом смысле тематика одного из основоположников демократического реализма в живописи — В. Г. Перова (1834—1882 гг.). Его «Крестный ход» — уничтожающая сатира на духовенство; «Приезд станового на следствие» — изобличение полиции; «Приезд гувернантки в купеческий дом» — изображение косного быта русской буржуазии 60-х годов и т. д. Сюда же относятся полные сочувствия к обездоленному люду картины из жизни городской и сельской бедноты («Похороны крестьянина», «Тройка», «У последнего кабака»). Перов является также выдающимся мастером реалистической портретной живописи. К концу жизни, в связи с наступлением правительственной и общественной реакции, Перов несколько отошёл от обличительного жанра и создал широко известные бытовые картины («Птицеловы», «Охотники» и т. д.), сохраняя, однако, и в них правдивость, острую наблюдательность и простоту изображения. Грандиозные исторические полотна «Суд Пугачёва» и «Никита Пустосвят» заключили деятельность Перова.

Великий художник-реалист И. Н. Крамской (1837—1887 гг.) сумел глубоко передать в своих замечательных картинах сложнейшие душевные переживания человека («Неутешное горе», «Христос в пустыне» и др.). Эти качества характеризуют и портретную живопись Крамского (портреты Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Некрасова и др.).

Величайшим представителем русской исторической живописи явился В. И. Суриков (1848—1916 гг.), ознаменовавший своим творчеством новый этап в мировом искусстве. Живопись для него — средство изображения народной жизни, народных движений. «Я не понимаю, — заявлял он, — действий

исторических личностей без народа, без толпы». При этом Суриков воспринимал народ не как пассивную массу, а как действенную силу, беспредельно разнообразную, богатую индивидуальностями. Представители народных масс изображались Суриковым как люди, исполненные сильных чувств, глубоких переживаний, надежд и стремлений, как люди борющиеся, страдающие, торжествующие. Суриков создал изумительные по силе и правдивости картины из жизни русского народа: «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Переход Суворова через Альпы», «Стенька Разин» и др. Как живописец, колорист и мастер композиции Суриков представляет собой совершенно исключительное явление.

Реалистический переворот в батальной живописи осуществил В. В. Верещагин (1842—1904 гг). До него этот жанр был представлен главным образом театрализованными, лишёнными жизненной правды полотнами академических батальных живописцев. Верещагин первый дал правдивое изображение захватнических войн, колониальных экспедиций, кровавых расправ над мирным населением, тяжкого солдатского быта и т. д. Картины Верещагина воспринимались и в России и в Западной Европе как сильный и убедительный протест против агрессивной милитаристической политики. Один прусский генерал даже запрещал солдатам посещать выставки картин Верещагина, как «имеющие самое пагубное влияние». В то же время Верещагин умел изображать народную войну против иноземных захватчиков. Такова его знаменитая серия картин о войне 1812 г.

Реалистическое направление восторжествовало также и в пейзаже. Выдвинулся ряд крупнейших пейзажистов-реалистов. Таковы в особенности И. И. Шишкин, Ф. А. Васильев, А. И. Куинджи, А. К. Саврасов, В. Д. Поленов и др.; начинает свою деятельность знаменитый пейзажист И. И. Левитан. Они создали ряд замечательных картин русской природы, запечатлели на своих полотнах реальную природу дорогой им родины со всеми характерными особенностями пейзажа её различных районов.

Наиболее ярким и всеобъемлющим представителем демократического реализма в русской живописи был великий художник И. Е. Репин (1844—1930 гг.). Творчество Репина явилось своеобразным и ярким выражением идеологии крестьянской революционной борьбы. Репин так определил характер своего творчества: «...я стремлюсь олицетворить мои идеи в правде; окружающая жизнь меня слишком волнует, не даёт покоя, сама просится на холст, действительность слишком возмутительна, чтобы со спокойной совестью вышивать узоры». Сын военного поселянина, он превосходно знал

народную жизнь и изобразил её в ряде замечательных картин. Таковы, например, «Бурлаки» и особенно «Крестный ход в Курской губернии». Характерная черта Репина — постоянное стремление найти и запечатлеть активное начало в русском народе, начало протеста и борьбы за свободу и вместе с тем душевную красоту русского народа. Он посвятил революционному движению ряд превосходных картин, проникнутых пламенным сочувствием революционной борьбе («Под конвоем», «Арест пропагандиста», «Не ждали», «Сходка» и др.). Протестантов он ищет и в самом народе — они налицо уже в «Бурлаках». С ещё большей выпуклостью показаны они в «Запорожцах», этом апофеозе свободолюбивого народа, самоотверженно борющегося за национальную независимость. Появление многих произведений Репина было крупным общественным событием, — например, картина «Иван Грозный и сын его Иван», воспринятая современниками как глубокий протест против деспотизма. Репин создал также ряд замечательных портретов (Писемского, Мусоргского, Стасова, Глазунова, Толстого и др.), принадлежащих к числу самых совершенных образцов этого рода живописи. Репин был великим мастером искусства, в совершенстве владеющим его приёмами; упорнейшим трудом он шёл к великим завоеваниям своего мастерства, неустанно искал совершеннейшего выражения.

Выдающееся место в русском искусстве принадлежит В. М. Васнецову (1848—1926 гг.), создавшему ряд произведений на темы русского народного эпоса и русских сказок, в которых воплощались глубокие мечты и чаяния народа о счастливой и радостной жизни. «Партия восстановила в полной мере значение классического наследства Репина, Брюллова, Верещагина, Васнецова, Сурикова», [1] — говорил т. Жданов на совещании деятелей советской музыки.

Скульптура 60—80-х годов наиболее ярко представлена М. М. Антокольским, замечательным мастером и горячим сторонником идей передвижников. Идейно-эмоциональная насыщенность, глубокое проникновение в подлинную сущность образа, тонкость реалистической обработки свойственны работам Антокольского. Лучшие из них — «Иван Грозный», «Умирающий Сократ», «Нестор-летописец», «Ермак».

Русская музыка. 60—80-е годы — время громадных успехов передовой русской музыкальной культуры. На смену Глинке пришла целая группа крупнейших музыкантов: А. Н. Серов, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бо-

---

[1] Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), М 1948, стр. 141.

родин и ряд других. На 60-е годы падает и последний период деятельности Даргомыжского.

Пореформенное поколение композиторов окончательно утвердило заложенные Глинкой начала русского национального стиля в музыке. Как и Глинка, все они любовно изучали и собирали народную песню, обогащая свой музыкальный язык её оборотами, интонациями, ритмами. Наиболее отчётливо эта черта выражена в деятельности «Могучей кучки», как Стасов назвал группу молодых композиторов (Балакирев, Римский-Корсаков, Мусоргский, Бородин, Ц. Кюи), объединённых общими творческими взглядами. Римский-Корсаков не признавал «музыки вне национальности». «Я прислушивался к голосам народного творчества и природы, — заявил он, — и брал напетое и подсказанное ими в основу своего творчества».

Замечательным проникновением в истинный дух и строй народной песни отличаются оперы Мусоргского и Бородина. Чайковский признавался, что «с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки». Не смущаясь нападками музыкальных педантов, Чайковский смело использовал наряду с деревенской песней городской романс. Серов в своей опере «Вражья сила» стремился, как говорил об этом сам, добиться «драматической правды», избрав средством «близость к формам *русской музыки простонародной*, которой несметные сокровища в русских песнях». Важно отметить, что наряду с русской песней неиссякаемым источником для композиторов служила песня украинская и восточная «Черевички» Чайковского, «Ночь перед Рождеством» и «Майская ночь» Римского-Корсакова, «Сорочинская ярмарка» Мусоргского, равно как и целый ряд симфонических и камерных произведений насыщены красотами украинской песни. Восточная песня звучит в «Исламее» и «Тамаре» Балакирева, «Шехерезаде» Римского-Корсакова, «Половецких плясках» Бородина, «Пляске персидок» Мусоргского. Постоянно обращались русские композиторы и к песне славянских народов.

Тяготение к содержательному, полному жизненной правды творчеству является отличительной особенностью нового передового музыкального поколения. Идущее от традиций М. И. Глинки, это тяготение было упрочено прямыми и косвенными влияниями эстетических учений 60-х годов. Очень ярко выразил его Мусоргский: «*Жизнь*, где бы ни сказалась; правда, как бы ни была солона; смелая, искренняя речь к *людям*, — вот моя закваска». Чайковский не признавал музыки, «которая состояла бы из бесцельной игры в звуки», и важнейшей задачей музыки считал «правдивость воспроизведения чувств и настроений».

Утверждение национального реалистического направления было бы неосуществимо без освобождения музыкального творчества от влияния западноевропейских — в частности немецких и итальянских — шаблонов, к которым столь тяготели многие композиторы феодальной России. Глинка и передовые композиторы пореформенной России решили гигантскую задачу — создание на основе народной песни нового музыкального языка и стиля, — задачу, требовавшую подлинного новаторства. Они и явились сами смелыми новаторами. Слова Мусоргского «К новым берегам!» были общим девизом композиторов новой русской музыкальной школы. Новаторство это было бы бесплодно без полноценного композиторского мастерства. Одной из заслуг пореформенного поколения русских музыкантов — Рубинштейна, Чайковского, Римского-Корсакова — было утверждение на русской почве зрелого музыкального профессионализма. Деятельность первых русских консерваторий (Петербургская была открыта в 1862 г., Московская — в 1866 г.) обеспечила распространение музыкальных знаний в гораздо более широких, нежели ранее, общественных кругах и содействовала появлению целого ряда первоклассных композиторов и исполнителей.

Осуществляя свою новаторскую миссию и борясь за высокое музыкальное мастерство, передовые русские музыканты 60—80-х годов никогда не забывали о том, что музыка должна быть простой, красивой, доступной для народа.

Творческие итоги изучаемого периода огромны. Особенно велико оперное наследие. Тяготение классиков русской музыки к оперному жанру отнюдь не случайно. Известно, что Чернышевский считал оперу «полнейшей формой музыки как искусства». Чайковский говорил, что только опера «даёт... средство сообщаться с *массами* публики... опера, и именно только опера, сближает вас с людьми, роднит вашу музыку с настоящей публикой, делает вас достоянием не только отдельных маленьких кружков, но, при благоприятных условиях, всего народа». Постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели заостряет внимание на огромной прогрессивной роли классического наследия — «русской классической оперы в особенности, отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изящной, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире, любимым и доступным широким слоям народа жанром музыки»[1]. В 60—80-е годы русские композиторы дали ряд замечательных по силе, выразительности, красоте и оригинальности образцов оперного

[1] «Правда» от 11 февраля 1948 г.

искусства. Даргомыжский, стремившийся во имя правды к тому, чтобы «звук прямо выражал слово», написал единственную в своём роде оперу без малейших театральных условностей на почти неизменённый текст «Каменного гостя» Пушкина. На приёмах и интонациях «простонародной» песни строил свою «Вражью силу» Серов. «Народные музыкальные драмы» в подлинном смысле слова представляют собой оперы «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского: народные движения — их тема, народ — их главное действующее лицо, претворённая народная песня — их язык Произведением того же направления является «Псковитянка» Римского-Корсакова. Недаром эти три оперы более всего пострадали от цензуры. Былинная и сказочная струя преобладает в дальнейших операх Римского-Корсакова («Садко», «Майская ночь», «Снегурочка» и др.). Глубокое изображение душевных переживаний человека, проблему его личной драмы блестяще разрешил Чайковский («Евгений Онегин», «Чародейка», «Пиковая дама»). Традицию эпической монументальной оперы Глинки достойно продолжал Бородин («Князь Игорь»).

В области инструментальной музыки происходит прежде всего окончательное освоение симфонических форм. Рубинштейн положил этому прочное начало (лучшая из его симфоний — «Океан»). Чайковский создал русской симфонической школе мировую славу. Его шесть симфоний (особенно замечательны последние три), программная симфония «Манфред», симфонические поэмы и увертюры («Франческа да Ри́мини», «Ромео и Джульетта», «Буря», «Гамлет») отличаются не только совершенством формы и красотой музыкального языка, но и необыкновенной искренностью своего содержания. Испытывая подобно Л. Толстому и другим современникам тяжёлый кризис мировоззрения, явившийся результатом глубокой неудовлетворённости социально-политической обстановкой пореформенной России, Чайковский нередко был склонен к трагическому и даже пессимистическому мироощущению. Однако стремление к преодолению трагических настроений, жажда жизни и счастья являются постоянным мотивом творчества Чайковского. Замечательная глубина, искренность и напряжённость, с которыми Чайковский выражал противоречивое многообразие человеческих чувств, объясняют непреходящее значение его творчества. Другую струю русской симфонической школы представляет Бородин, от двух симфоний которого, могучих по своей русской напевности, оптимистических по настроению, эпических по общему складу, веет дыханием богатырского русского народа. Особое место занимают симфонические произведения Римского-Корсакова («Шехерезада»,

«Испанское каприччио»), отличающиеся яркой изобразительностью и виртуозной, красочной инструментовкой.

Не менее богато и камерное наследие. Квартеты Чайковского и Бородина, фортепьянные пьесы Балакирева, Рубинштейна, Чайковского являются важнейшим вкладом в камерную инструментальную музыку. Творчество русских композиторов в области романса, питаемое лучшими образцами русской поэзии и поэзии других народов, особенно велико. Наряду с замечательными образцами лирики Чайковского, Римского-Корсакова, Балакирева, Рубинштейна следует отметить произведения с общественно-сатирической тематикой. Романсы Даргомыжского на оригинальные тексты поэтов сатирического журнала «Искра» и на переведённые этими поэтами стихи Беранже («Старый капрал», «Червяк» и др.) явились совершенно новым видом романса. Мусоргский в своих произведениях: «Семинарист», «Блоха», «Колыбельная Ерёмушке», «Песни и пляски смерти», достиг ещё большей социальной заострённости «Это всё такие... глубоко правдивые представления народной жизни, — характеризует романсы Мусоргского В Стасов, — каких вовсе ещё не знало прежнее русское искусство».

Театр. Преодолевая косность придворных аристократических кругов, отрицательно относившихся к русскому передовому реалистическому искусству, рутинность казённой сцены и цензурные гонения на передовую драматургию, мастера русской сцены, преимущественно выходцы из демократических кругов, продолжили лучшие реалистические традиции первой половины столетия и подняли театральное искусство на высшую ступень. Этому способствовал расцвет реалистической драматургии (особенно творчество Островского).

Ведущую роль в развитии театрального искусства играл московский Малый театр, где реалистические традиции были особенно сильны, а влияние придворно-дворянских кругов сказывалось слабее. Это был театр высокой идейности и гражданской обличительной тенденции, проводимых актёрами, несмотря на все цензурные, чиновничьи и полицейские препоны. Он являлся поэтому своего рода рупором передовой русской интеллигенции. Тесная связь с передовой литературой, лучший русский (Гоголь, Островский) и западноевропейский (от Шекспира до Гюго) репертуар, глубокое знание народной жизни, подлинное реалистическое её воспроизведение, тщательное и упорное совершенствование актёрского мастерства — таковы художественные традиции Малого театра, обеспечившие ему всенародную славу. В блестящем творческом коллективе Малого театра особенно замечательны младшие современники и ученики Щепкина — Пров Садовский, С. В. Шумский, И. В. Са-

марии и представители пореформенного поколения актёров — М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, А. П. Ленский и А. И. Южин. Передовой русский зритель восторженно приветствовал Ермолову, гениальную представительницу русского театрального мастерства, сумевшую с непревзойдённой выразительностью и величием воплотить в своём творчестве революционный по своему общественному смыслу образ сильной, борющейся с окружающим гнётом женщины. Выступления Ермоловой, сопровождавшиеся невиданными овациями, подчас превращались в общественные демонстрации.

Вторым важнейшим очагом русской театральной культуры был Александринский театр в Петербурге. Сравнительно с Малым театром тенденция демократического реализма здесь была выражена менее отчётливо. её сковывали придворно-бюрократическое окружение и надзор театральной дирекции, особенно сильный в Петербурге. Тем не менее и здесь выдвинулся ряд таких замечательных мастеров сценического искусства, как В. В. Самойлов, К. А. Варламов, М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, П. А. Стрепетова.

Наиболее значительным явлением в области музыкального театра был Мариинский театр в Петербурге. В нём собрался особенно сильный творческий коллектив певцов во главе с ветераном оперной сцены О. А. Петровым, басом Ф. И. Стравинским, тенором Н. Н. Фигнером и др. Во главе этого коллектива стоял замечательный дирижёр Э. Ф. Направник (1839—1916 гг.), известный также как автор популярных опер («Дубровский» и др.). Он поставил на одно из первых в мире мест оркестр и хор театра, вёл упорную борьбу за художественную полноценность репертуара и многое сделал для популяризации великих русских композиторов, в частности Глинки и Чайковского.

Наука. 60—80-е годы являются временем выдающихся успехов русской науки. Русские учёные-новаторы выступали с плодотворнейшими научными идеями, основывали новые научные дисциплины, смело разрешали труднейшие вопросы, которые ранее не поддавались научному исследованию. Почвой, питавшей эти успехи, было общественное демократическое движение 60-х годов, которое не только привлекло к науке (как отмечено выше) целое поколение выдающихся учёных, не только высоко оценило значение естествознания, но и во многом определило материалистическое научное мировоззрение этого поколения. Рост производительных сил ускорился в связи с отменой крепостного права и развитием капиталистических отношений. Новые большие задачи становились перед научным сознанием, — завоёванные подступы к материалистическому мировоззрению помогали их разрешению.

Особенно необходимо отметить роль материалистической философии революционных демократов. Ещё Чернышевский с гордостью говорил о самобытном развитии русского материализма. Действительно, передовые мыслители нашей страны — Герцен, Чернышевский, Добролюбов — не только овладели всеми достижениями домарксовой философской мысли, но и сделали важный шаг в дальнейшем её развитии, вплотную подойдя к диалектическому материализму. Отсталость России помешала Герцену и Чернышевскому полностью решить задачу соединения материализма и диалектики, овладеть историческим материализмом. Но внесённые ими в русскую науку идеи о материалистическом подходе к изучению действительности, о необходимости изучать явления во взаимосвязи и в процессе развития, о противоречивости развития дали блестящие результаты в исследованиях нового поколения русских учёных.

Обладая широким материалистическим кругозором и широким размахом в постановке исследовательских задач, передовые русские учёные значительно продвинули вперёд русскую науку, сделав ряд исключительных по значению открытий. К. А. Тимирязев подчёркивал, что «самые очевидные доказательства своей зрелости, самостоятельности и плодотворного творчества» русская наука дала «в раскрытии основных законов математического мышления.. основных законов истории развития организмов.. основных законов химических явлений».

Большое влияние на развитие русской науки имела также, столь характерная для общественного движения 60-х годов, благородная патриотическая идея преодоления крепостнической отсталости, идея борьбы за благо и процветание родины. И. П. Павлов говорил: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим... прежде всего моему отечеству». Менделеев был убеждён, что «посеянное на поле научном взойдёт на пользу народную». Значительную часть сил русские учёные отдали изучению богатств нашей родины и созданию научно-технических возможностей использования этих богатств. Связь науки и практики была коренным принципом деятельности наших учёных. Знаменитый математик П. Л. Чебышев говорил: «Сближение теории с практикой даёт самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает: сами науки развиваются под влиянием её».

Особо значителен был прогресс точных наук. Величайшим представителем химии был Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907 гг.). Периодическая система Менделеева — одно из наиболее всеобъемлющих обобщений мировой науки. В основе её лежит плодотворная идея о тесной взаимосвязи всех

химических элементов и о периодическом повторении их свойств при расположении в определённом порядке. Это открытие позволило объединить в стройное целое всё многообразие химических явлений и дало «возможность предугадать свойства неизвестных ещё элементов» (*Менделеев*). «Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных» [1], — пишет товарищ Сталин. Работа Менделеева «Основы химии» ещё при жизни автора выдержала восемь изданий, была переведена на многие европейские языки и многократно издавалась за границей; долгие годы она была учебником для высших учебных заведений в Англии. Эта работа явилась совершенно новым обобщением, основанным на открытой Менделеевым периодической системе. Многогранный учёный, Менделеев сказал новое слово и в ряде других отраслей знания —технической химии, метрологии, гидродинамике. Подъём промышленной и вообще хозяйственной мощи России был любимой идеей Менделеева. В этой области он разработал ряд ценнейших проектов (методы переработки нефти, промышленное развитие Урало-Кузнецкого района, освоение Северного морского пути и пр.), которые в условиях царской России не получили практического применения. Менделеев первый выдвинул идею подземной газификации каменных углей. Ленин считал, что подземная газификация означает «гигантскую техническую революцию» [2]. В настоящее время впервые в мире эта идея получает применение в промышленности СССР. Необходимо отметить выдающийся интерес Менделеева к воздухоплаванию. Он изучал верхние слои атмосферы, разработал планы научных подъёмов на аэростатах, а в 1875 г. впервые изобрёл стратостат В 1887 г., когда Менделеев готовился подняться на воздушном шаре для наблюдения солнечного затмения, выяснилось, что шар не может поднять двух человек, — и Менделеев смело поднялся на шаре без пилота и произвёл все задуманные научные наблюдения.

В области физико-математических наук выдвинулись новые школы русских учёных. Основоположником русской физической школы был А. Г. Столетов (1839—1896 гг.), автор выдающихся исследований в области магнетизма и фотоэлектрических явлений; им не только открыт ряд важнейших закономерностей в этой области, но и разработана методика экспериментального исследования магнитных свойств различных материалов и электрического разряда в газах. Столетов

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 301.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 19, изд. 4, стр. 41.

является также одним из основателей современной электротехники, так как методы расчёта электрических машин основаны на результатах его исследований. Крупнейшим представителем математики явился П. Л. Чебышев (1821—1894 гг.), автор замечательных работ по теории вероятности, математическому анализу и теории чисел. Европейскую известность приобрела первая русская женщина-математик С. В. Ковалевская, оставившая выдающиеся труды в области теории диференциальных уравнений и математического анализа, механики и оптики; ей принадлежит знаменитая работа о вращении твёрдого тела, составившая, по словам Н. Е. Жуковского, её главную научную славу. Царское правительство не допустило женщину-учёную к преподавательской работе в высшей школе, и она вынуждена была преподавать за границей (в Стокгольмском университете).

Громадных успехов достигли биологические науки. Самостоятельное и плодотворное развитие учения Дарвина привело русских биологов к открытию ряда основных законов развития организмов. Выдающийся русский биолог А. О. Ковалевский явился основоположником сравнительной эмбриологии. Его брат гениальный учёный В. О. Ковалевский произвёл переворот в палеонтологии, впервые применив к ней учение Дарвина.

Крупнейшее научное значение имели работы Климента Аркадьевича Тимирязева (1843—1920 гг.), исследовавшего замечательное явление фотосинтеза — процесса превращения неорганических веществ в органические в зелёном листе растения за счёт солнечной энергии; иначе говоря, Тимирязев исследовал то важнейшее явление, с которым связано существование на земле всего органического (животного и растительного) мира. Тимирязев показал в своих работах, что к процессу фотосинтеза полностью приложим закон сохранения энергии. Свои открытия он сделал, изучив роль хлорофилла в жизни растения Тимирязев был пламенным защитником и продолжателем дела Дарвина. Замечательный дар исследователя-экспериментатора, обширная эрудиция, блестящий литературный талант — всё это помогло Тимирязеву нанести сокрушительный удар всем антидарвинистским построениям и разработать ряд новых сторон теории Дарвина. Велико значение Тимирязева и в истории прикладной ботаники. Подлинный демократ, глубоко преданный интересам народа, родившийся и воспитанный в революционной семье и сам участник революционного движения, Тимирязев горел желанием отдать свои знания народу и создал замечательные образцы популярных трудов, соединяющих глубину научного исследования с простотой и высокой доступностью изложения (его работы «Жизнь

растения», «Чарльз Дарвин и его учение» и др.). Всю жизнь Тимирязев вёл страстную борьбу за победу материализма в науке. В Москве советской властью воздвигнут памятник Тимирязеву. Многие научные и учебные заведения нашей родины носят его имя, в том числе старейшая русская Сельскохозяйственная академия в Москве.

Общий подъём естествознания захватил также анатомию и физиологию; особенно значительны были успехи последней. Начало русской физиологической школе положил гениальный русский учёный Иван Михайлович Сеченов (1829—1905 гг.), проложивший своими трудами новые пути в мировой науке. Его учение о рефлексах головного мозга, которое великий советский физиолог Павлов назвал «гениальным взмахом русской научной мысли», произвело в науке настоящий переворот: Сеченов впервые начал научное исследование нервной деятельности человека и показал, что в основе так называемой «душевной жизни» лежат материальные процессы деятельности головного мозга. Сеченов был другом Н. Г. Чернышевского и близко знал многих выдающихся революционеров-демократов его круга; знаменитый труд Сеченова «Рефлексы головного мозга» первоначально был написан как статья для «Современника» и носил название «Попытка свести способы происхождения психических явлений на физиологические основы»; статья была запрещена цензурой и позже смогла появиться лишь в узко специальном «Медицинском вестнике» под изменённым заглавием. Смелая материалистическая работа великого учёного вызвала злобные нападки реакции и либералов. Либерал Кавелин попытался «опровергнуть» Сеченова, написав целую книжку в защиту старой идеалистической психологии, на что Сеченов ответил уничтожающей статьёй. На книгу Сеченова был наложен арест, против него возбудили судебное преследование. Когда знакомые советовали Сеченову взять опытного адвоката, он отвечал: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и проделаю перед судьями все мои опыты, пускай тогда прокурор опровергает меня». Великое открытие Сеченова было эпохой в науке.

В 60—80-е годы знаменитым русским биологом И. И. Мечниковым (1845—1915 гг.) совершён ряд блестящих открытий, явившихся огромным вкладом в науку; Мечников стал основоположником новой научной дисциплины — сравнительной эмбриологии, которая сыграла большую роль в развитии материалистической эволюционной теории. Мечников — создатель учения о фагоцитозе, играющего выдающуюся роль в современной микробиологии и патологии. Царские чиновники гнали и травили гениального учёного, ставя непреодолимые препятствия на его учёном и преподавательском пути.

Основав в 1886 г. первую в России бактериологическую станцию, Мечников не смог развернуть её работу из-за препятствий, чинимых царскими бюрократами, и был вынужден покинуть Россию, переселившись в Париж в 1888 г.

Во второй половине XIX в. сделаны также некоторые замечательные наблюдения в области медицины, значительно позже завоевавшие мировое признание (пенициллин). Так, в 1870—1871 гг. русские учёные-врачи В. А. Манассеин и А. Г. Полотебнов установили и подробно описали высокие противобактериальные и лечебные свойства зелёной плесени, поставив ряд ценных и убедительных экспериментов; их обширные работы на эту тему были опубликованы в русских медицинских журналах.

Представители русской технической мысли, опираясь на успехи точных наук, добились гигантских успехов, во многом опередивших достижения европейской и американской техники. Несомненен приоритет русских изобретателей в области открытий первостепенной важности. Величайшее открытие эпохи — радио (беспроволочный телеграф) — принадлежит гениальному русскому учёному А. С. Попову (1859—1905 гг.).

В мае 1895 г. Попов прочитал на заседании Русского физического общества свой знаменитый доклад «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям» и осуществил передачу знаков азбуки Морзе без проводов, а в марте 1896 г. великий русский учёный продемонстрировал научному обществу первый в мире радиоприёмник и передал первую в мире радиограмму. Неиспользованное царским правительством великое изобретение Попова было похищено итальянцем Маркони, который применил открытие Попова и выдал его за своё изобретение.

А. Н. Лодыгин (1847—1923 гг.) за семь лет до американца Эдисона создал лампу накаливания. Открытия П. Н. Яблочкова (1847—1894 гг.), из которых наибольшую известность получила «свеча Яблочкова», применявшаяся с 1876 г. для освещения улиц, явились огромным вкладом в современную электротехнику. Переворот в металлографии осуществил Д. К. Чернов (1839—1921 гг.); он заложил научные основы сталелитейного дела. Н. Н. Бенардос и Н. Г. Славянов ранее, чем на Западе, решили проблему электрической сварки металлов. Сын крепостного крестьянина, изобретатель Ф. А. Блинов первый изобрёл гусеничный трактор (1888 г.). Он продемонстрировал своё изобретение на Нижегородской ярмарке, за что получил бронзовую медаль; замечательное изобретение Блинова не нашло себе применения в царской России.

Исключительное значение имеет открытие златоустовского мастера В. С. Пятова, который ещё в 1859 г. предложил рус-

скому правительству метод изготовления тяжёлых броневых плит не кустарным способом ковки паровым молотом, который применялся до тех пор, а путём *проката.* Это предложение совершало настоящий технический переворот. Пятов осуществил свой способ на Слободских заводах Вятской губернии, но и этого показалось недостаточно царским чиновникам: низкопоклонство перед иностранцами было так велико, что правительство передало проект Пятова на «консультацию» за границу, где он попал в руки ловкого дельца англичанина Брауна. Заграничные специалисты дали отрицательную оценку русскому изобретению, а через год Браун осуществил его на заводе в Шеффильде и взял на него привилегию. Похищенное русское изобретение было затем ввезено в Россию и осуществлено как «английский» способ.

Выдающийся русский изобретатель-оружейник С. И. Мосин сконструировал самую совершенную в мире трёхлинейную винтовку, принятую в 1891 г. на вооружение в русской армии. Эта винтовка, усовершенствованная советскими конструкторами, до сих пор находится на вооружении нашей армии.

Замечательны успехи русского воздухоплавания, опередившие Западную Европу и Америку. Создатель первого русского самолёта А. Ф. Можайский, потомственный моряк, намного опередил заграничных изобретателей. Он долго и тщательно работал над проектом своего самолёта и готовился к полёту; в 1876 г. он осуществил полёт с помощью воздушного змея — предшественника современного планёра («два раза поднимался в воздух и летал с комфортом», — свидетельствовал он об этом). В подъёме с помощью воздушного змея он также опередил заграницу: там подобный полёт был осуществлён французом Майо лишь в 1886 г. Можайский построил самолёт типа моноплана, который имел фюзеляж, крыло, шасси, силовую установку, горизонтальное и вертикальное управление, т. е. все основные элементы современных самолётов. В 1881 г. Можайский получил патент на своё изобретение, а 20 июля 1882 г. в селе Красном, близ Петербурга, состоялся первый пробный полёт первого в мире самолёта: «Летунья Можайского катится по земле на своих колёсах, а затем уже взлетает, как птица», — писал очевидец. Не получив поддержки от царского правительства, Можайский умер, так и не добившись признания и осуществления своих замыслов. В 70-х годах О. С. Костович разработал проект крылатого аэростата «Россия»; к 1889 г. все детали аэростата были готовы, но отсутствие правительственной поддержки погубило начинание, требовавшее больших средств. Заражённые низкопоклонством перед всем иностранным, царские чинуши и придворные аристократы цинически говорили о Костовиче: «Пусть едет в Америку.

Если действительно полетит, мы встретим его с триумфом».

Особо выдающееся значение имели труды талантливейшего изобретателя и инженера К. Э. Циолковского, основоположника теории реактивного движения и создателя проекта цельнометаллического дирижабля. Смелый новатор, полётом своей мысли устремлённый к будущему, Циолковский разработал конструкцию космической ракеты для исследования мировых пространств. Подавленный тяжёлой нуждой, прослывший чудаком, лишённый поддержки царского правительства, Циолковский прожил поистине героическую жизнь учёного, не сдающегося перед трудностями, и получил признание лишь в социалистическом отечестве, после Великой Октябрьской социалистической революции. «Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры», — писал Циолковский в предсмертном письме товарищу Сталину.

Так открытия русской технической мысли в самых различных областях опередили технику Европы и Америки. Косность царизма и господствующих классов России привела к тому, что великие открытия русских новаторов не были реализованы.

Вторая половина XIX в. отмечена значительными результатами в области изучения земной поверхности и недр. Русские учёные-географы много сделали для изучения родной страны.

Выдающееся значение имеют труды великого русского учёного Василия Васильевича Докучаева (1846—1903 гг.), основоположника науки почвоведения и основателя современной научной географии. Почвоведение — одна из величайших по значению современных научных дисциплин, непосредственно служащая развитию производительных сил. Недостаточно владеть землёй, — нужно научиться ею пользоваться, говорил Докучаев. Он установил, что почва—это не механическое скопление веществ, а «особое тело природы» — результат тесного векового взаимодействия между непрерывно действующими почвообразователями — «водой, воздухом, землёй, растительными и животными организмами — и возрастом Земли». В знаменитом капитальном труде «Русский чернозём», а также в «Материалах по оценке земель Нижегородской губернии» Докучаев дал глубокую научную классификацию почв и систему их естественных типов. Он составил и опубликовал почвенную карту Европейской России, доселе сохраняющую своё научное значение. Замечательны большие исследовательские работы, проведённые Докучаевым по изучению причин периодических засух, от которых так страдала Россия, и по

борьбе с ними. По его программе и под его руководством проводились научные опыты по одновременному обводнению, облесению и полеводству засушливых степных участков. Но широкие замыслы гениального русского учёного не смогли получить осуществления при царском режиме; идея создания почвенного государственного института разбилась о стену непонимания и косности, опыты стеснялись, средства не отпускались. Ныне созданный советской властью почвенный институт носит имя Докучаева. Только страна победившего социализма, опираясь на колхозный строй и огромные успехи советской науки (работы Мичурина, академика Вильямса, академика Лысенко), смогла поставить борьбу с засухой и грандиозное лесонасаждение в качестве ближайшей практической задачи народного хозяйства и реализовать её в государственном масштабе.

В деле изучения недр России много сделали А. П Карпинский и А. А. Иностранцев, исследователи геологии севера России, Урала и Кавказа. Многие из русских учёных потрудились над исследованием иногда весьма отдалённых от России территорий. Так, крупнейший климатолог Воейков совершил научное путешествие по Америке, Индии, Цейлону, Китаю, Японии; его знаменитая работа «Климаты земного шара» имела важное значение для мировой науки; Миклухо-Маклай изучал Новую Гвинею, Индомалайский архипелаг, острова Тихого океана; Елисеев собрал богатые научные материалы, путешествуя по Северной Африке и Палестине; Юнкер собрал ценнейшие научные коллекции в тропической Африке. Славные страницы в историю географической науки вписал знаменитый русский географ П. П Семёнов-Тян-Шанский (1827—1914 гг.), путешествия которого в 1856—1867 гг. к горам Хан-Тенгри и изучение озера Иссык-Куль составили эпоху в исследовании Азии; знаменитый исследователь Н. М. Пржевальский (1839—1888 гг.) совершил в 1870—1888 гг. четыре путешествия по Центральной Азии, во время которых прошёл, делая съёмки, до 30 тыс вёрст пути и сделал ряд важных открытий.

В области общественных наук необходимо прежде всего назвать Н. Г. Чернышевского, которого Маркс называл великим учёным и критиком. Наряду с Чернышевским крупнейшую роль в русской материалистической науке и философии сыграл его друг и соратник Н. А. Добролюбов. Оба они явились крупнейшими представителями материализма, основоположниками материалистической эстетики (см. выше). Чернышевский являлся также, по мнению Маркса, единственным оригинальным экономистом своего времени. Он с огромной проницательностью выяснил «банкротство «буржуазной» политической

экономии»[1] и дал блестящий анализ современной ему русской экономики. «Он был, — как сказал Ленин, — замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»[2]. В исторических работах Чернышевского и Добролюбова наиболее замечательно стремление — хотя и не во всём последовательное — искать объяснение хода событий в условиях материальной жизни общества и особенно в борьбе классов. Наибольшее значение с этой точки зрения имеют статьи о революции 1848 г. и историко-литературные работы. В целом труды Чернышевского и Добролюбова явились богатейшим вкладом в общественные науки и дали им ряд руководящих идей. Блестящая плеяда соратников Чернышевского и Добролюбова (Шелгунов, Михайлов, Обручевы и др.) также внесла немалый вклад в область изучения общественных наук.

Сложившаяся после ареста Чернышевского обстановка затрудняла дальнейшую разработку его идей. В условиях реакции выросла активность буржуазно-либеральных и позднее славянофильских «теоретиков». Народники 70—80-х годов растеряли значительную часть наследия Чернышевского. Цензурные гонения затрудняли распространение идей Чернышевского, ибо не только сочинения его были изъяты, но даже имя его нельзя было упомянуть в печати. В дворянско-буржуазной науке имел широкое хождение ряд в корне ошибочных и вредных теорий, например, «норманская теория» среди историков, теория «заимствований» среди литературоведов и т. д. Буржуазный объективизм, формализм, эмпиризм были типичными чертами официальной науки того времени. Все эти обстоятельства задерживали развитие общественных наук. К этим наукам вполне применимо положение Ленина: «Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»[3].

В области экономической науки к числу таких лучших исследований необходимо отнести прежде всего конфискованную цензурой книгу В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Маркс, отмечая ряд методологических недостатков этой книги, всё же считал её «самой значительной» после труда Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»[4]. Такова, далее, диссертация Н. И. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических отношениях»,

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 12.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 40.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXIV, стр. 286—287.

популяризировавшая экономическое учение Маркса и удостоенная высокой оценки Маркса в предисловии ко второму изданию «Капитала». Большую ценность в отношении собранных материалов представляют работы земских статистиков, до сих пор являющиеся основным источником изучения пореформенной экономики. Ленин давал следующую оценку этих работ: «... наша *земская* статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки... Ближайшее ознакомление европейцев с нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще» [1].

Особенное значение получила разработка истории России. В первую очередь необходимо отметить выступившего ещё до реформы крупнейшего из буржуазных историков — С. М. Соловьёва. На 60—70-е годы приходится бо́льшая часть его монументальной 29-томной «Истории России с древнейших времён», которую он выпускал регулярно по тому в год. Схема Соловьёва — идеалистическая. Он исследовал в истории России переход «от родовых отношений к государственным». Тщательный подбор фактического материала, большей частью архивного, сделал труд Соловьёва ценным пособием, не утратившим справочного значения и в наши дни. Однако освещение коренного политического вопроса — истории русского самодержавия — получило в концепции Соловьёва ложную, идеалистическую и политически-реакционную трактовку: Соловьёв рассматривает самодержавие как благую надклассовую силу, свыше творящую исторический процесс. Самодержавная государственная форма объявлялась высшим результатом и целью русского исторического развития. Идеалистическая концепция самодержавного государства вообще главенствовала в официальной гуманитарной науке, проповедывалась с университетских кафедр и заполняла учёные издания.

Из представителей молодого поколения, сложившегося под влиянием демократических течений 60-х годов, наиболее яркой фигурой являлся историк А. П. Щапов. Для него «чёрная рабочая масса» составляла в истории «главную громаду, почти всё». Основное внимание историка-демократа было устремлено на изучение народных движений, раскола общины и её судеб. Деятельность Щапова была рано прервана арестом и сибирской ссылкой, в которой он медленно угасал. Изучение народных движений нашло своё отражение также в трудах Н. И. Костомарова, охарактеризованных ранее. Особенную популярность приобрели его работы по истории освободительной борьбы России и Украины с польскими захватчиками, а

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 195, примечание.

также по истории северных «народоправств» — Новгорода и Пскова.

Основное место в буржуазной исторической науке последних десятилетий XIX в. принадлежит В. О. Ключевскому. Развив схемы Соловьёва и Чичерина, он уделил большое внимание экономической истории, истории крестьянства и крепостного права. Однако историческая концепция Ключевского, насквозь проникнутая духом буржуазного либерализма, является ложной, идеалистической, не отражает истинного исторического процесса. Ключевский видел в прошлом историю мирного классового сотрудничества, а не классовой борьбы, проявления которой он считал «анархией», «беспорядком». Схема Ключевского утверждала «ненужность» революции в России и неизбежность возникновения якобы надклассового, а фактически буржуазного «правового государства». Ключевский отразил в своей концепции политический идеал кадетствующей интеллигенции; сам он был близок к кадетско-октябристским кругам и примкнул к кадетской партии вскоре после её возникновения. Отдельные решения крупных исследовательских проблем, выдвинутые Ключевским («торговая» концепция Киевской Руси, вопрос о происхождении крепостного права, понимание опричнины и др.), также неправильны и отвергнуты современной наукой. Сильной стороной лекций Ключевского была их художественная форма, соединённая с едким политическим скепсисом в оценке политики самодержавия; лекции Ключевского привлекали многочисленную аудиторию.

Большой шаг вперёд — сравнительно с дореформенной эпохой — сделали литературоведение и русская фольклористика. В этой области русскими учёными была произведена громадная положительная работа по собиранию и изданию памятников народного творчества — песен, былин, сказок, пословиц и т. п. Наряду с этим было издано большое количество памятников древней русской литературы. Впервые появилось несколько научных изданий сочинений русских классиков. Одновременно вышел ряд больших работ, посвящённых изучению народного творчества (Л. Н. Майкова, Ф. И. Буслаева, В. Ф. Миллера и др.), а также истории древней и новой русской литературы (А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, Я. К. Грота и др.). Работы эти содержали обширный фактический материал, подчас не утративший ценности и доныне, но обобщали его в идеалистическом духе, создавали концепции, на которых лежала явственная печать реакционной официальной идеологии или либерализма. Великие научные идеи русских просветителей — революционных демократов — вызывали у перечисленных исследователей враждебное отношение. Гуманитарные

науки во второй половине XIX в. продолжали, таким образом, оставаться областью знаний, где с наибольшим трудом пробивала себе дорогу материалистическая мысль.

Влияние русской культуры на развитие культуры народов России. Русская культура играла ведущую роль в развитии культуры народов России. Влияние передовых русских учёных, писателей и артистов на деятелей литературы и искусства украинского, белорусского, грузинского, армянского, азербайджанского и других народов было очень велико. Революционно-демократическое движение было общим движением народов пореформенной России, и в авангарде этого движения выступили русские просветители, революционные демократы. В лице своих лучших людей русский народ, столь героически боровшийся против царизма за подъём своей национальной культуры, протягивал руку помощи украинцам, грузинам, белоруссам, армянам и другим народам в их революционной борьбе и в их работе по созданию своей передовой национальной культуры. Так, когда величайший украинский поэт Т. Г. Шевченко возвратился в 1858 г. из ссылки в Петербург, он нашёл друзей и единомышленников в среде русской демократии. Н. Курочкин переводил стихи Шевченко на русский язык, а Чернышевский и Добролюбов явились первыми проникновенными истолкователями и горячими пропагандистами творчества великого поэта-революционера. Вместе со своими русскими друзьями Шевченко продолжал борьбу против царизма. Вместе с Чернышевским он проектировал издание нового журнала, но цензура помешала осуществлению этого плана. В творчестве великих русских реалистов — от Гоголя до Салтыкова-Щедрина, — в публицистике Чернышевского и Добролюбова Шевченко видел образец подлинно народной литературы, которому должны следовать и украинские писатели. «Я благоговею перед Салтыковым, — писал Шевченко после прочтения «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина.— О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какой радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!» Как уже упоминалось выше, вслед за Шевченко передовые украинские писатели — Марко Вовчок, Панас Мирный — вносили в украинскую литературу традиции великих русских прозаиков. Творческие воззрения Грабовского, поэта и критика, сложились под воздействием Чернышевского. В своём поэтическом творчестве Грабовский являлся продолжателем Шевченко и Некрасова. Крупнейший драматург Тобилевич, следуя примеру

Островского (его и называли часто «украинским Островским»), утвердил реализм на украинской сцене.

В подъёме грузинской литературы пореформенного периода ведущую роль играли уже упоминавшиеся ранее «тергдалеули» — «напившиеся из Терека», как называли себя побывавшие в России молодые грузинские писатели, которые получили образование в Петербурге или Москве и мировоззрение которых сложилось под влиянием русской революционной демократии. Таков один из основоположников новой грузинской литературы, Илья Чавчавадзе, которому сочинения Белинского, Чернышевского и Добролюбова помогли «привести в движение мозг и сердце». Таков крупнейший грузинский поэт А. Церетели, для которого встреча с Чернышевским и Шевченко «осталась светлым воспоминанием на всю жизнь». Таков организатор грузинской журналистики Г. Церетели, в молодости участник студенческих волнений 1861 г. в Петербурге. Некоторые из руководящих писателей Грузии на протяжении всей своей деятельности были непосредственно связаны с русской революционно-демократической мыслью, как, например, близкий к Н. Г. Чернышевскому Н. Николадзе—сотрудник «Современника», «Искры», «Колокола», в 80-е годы — «Отечественных записок». В армянской литературе роль, аналогичную грузинским «тергдалеули», играла группа литераторов, объединившихся вокруг журнала «Гюсисапайль» — «Северное сияние» (издавался в Москве в 50—60-х годах). Один из выдающихся участников этой группы, близкий к Герцену, М Налбандян (умер в ссылке в 1866 г.), на которого благотворное воздействие оказали русское революционное движение и братская русская революционно-демократическая литература, явился в армянской литературе представителем революционно-демократического направления. Другой поэт этой группы, Шах-Азиз, отразил в своём творчестве влияние Некрасова и Добролюбова. Примером воздействия передовой русской литературы на литературу еврейскую является творчество крупнейшего еврейского прозаика Шолом-Алейхема. В общем итоге вне связей с передовой демократической русской литературой, вне воздействия великих русских писателей невозможно понять развитие литературы украинского, грузинского, армянского и других народов нашей родины.

Русская культура и славянские народы. Вторая половина XIX в. — время дальнейшего укрепления культурных связей России и славянских народов, дальнейшего, ещё более сильного влияния передовой русской культуры на развитие славянских культур. Вполне понятно особое значение русской культуры для братских славянских народов. Русская научная и художественная литература, созданная на близком и до-

ступном славянским народам языке, открывала славянам доступ к знанию и художественным ценностям. Особенно важно сходство социальных лозунгов; такие основные, ведущие общественные идеи передовой русской культуры, как борьба с самодержавием и крепостничеством, демократическая идея народности, были глубоко понятны славянским народам: ведь они томились под тяжелейшим феодально-крепостным игом султанской Турции, страдали под тяжестью феодального строя австрийской монархии. К этому прибавлялось грубое национальное угнетение: чехи подвергались насильственному онемечению, болгары и сербы — отуречению. «Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации...» [1], — пишет товарищ Сталин. Борясь против калечащей их ассимиляции, славянские народы особенно тяготели к величайшей из славянских культур — русской культуре, у которой они учились, работая над созданием своей культуры. Славяне, учившиеся в России, были проводниками влияния русской культуры в славянских странах, но влияние это распространялось и независимо от них. Известно, что Россия была важным центром славянского просветительного и освободительного движения, повсеместно оживившегося во второй половине XIX в. Участник Славянского съезда в 1867 г. в Москве серб доктор Полит говорил: «Москва — не только мать Руси, она настолько же мать сербской земли. Москва — мать всеславянская. Москва — ядро славянства». Москва и другие университетские города стали центрами притяжения для славянской учащейся молодёжи, которая здесь получала образование и работала над формированием своего мировоззрения. Московский университет оказал сильнейшее влияние на болгарское просвещение, немало болгарских деятелей получило в нём образование. В Москве в 1860 г. возникло общество «Братский труд», объединившее болгарскую студенческую молодёжь во главе с Л. Каравеловым, Р. Жинзифовым и другими прославившимися позднее болгарскими писателями и учёными. Московские типографии выпускали первые буквари для болгарских школ. Крупным центром сосредоточения болгарской интеллигенции была Одесса, где в 1854 г. возникло «Одесское болгарское настоятельство», роль которого в истории культуры и освободительного движения Болгарии очень велика. В Одессе получил образование и духовно сложился знаменитый болгарский поэт-революционер Х. Ботев. Здесь жили и работали классик болгарской литературы И. Вазов и крупнейший болгарский учёный Г. Раковский. Петербургский университет дал

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 11, стр. 347.

образование основоположнику болгарской социал-демократии Д. Благоеву, а также видному польскому лингвисту Я. Лосю. Воспитанником Петербургской академии художеств был один из основоположников болгарской живописи, С. Доспевский. Наряду с этим во второй половине XIX в. получили дальнейшее распространение русские книги и русский язык в славянских странах и усилились творческие связи между русскими и славянскими деятелями науки, литературы, искусства. Словацкий учёный второй половины XIX в. И. Шкультетый писал: «Сношения с русскими, занимающимися славянством, ожили. Русская книга, которая была прежде достоянием нескольких счастливцев, распространилась в более широких кругах: значительная часть молодёжи читает по-русски».

Понятно, что передовая русская культура оказала сильнейшее влияние на славянские народы. Болгарский филолог Б. Цонев говорит о влиянии русской литературы: «Все наши писатели воспитывались в русских училищах или на русских книгах. Русская литература была щедрой кормилицей нашей молодёжи, неисчерпаемым источником науки и поэзии». Широким влиянием и распространением пользовалась русская литература. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Л. Толстой и другие русские писатели были известны в переводах, а среди славянской интеллигенции и в подлиннике. Огромный интерес к Пушкину вспыхивает в Болгарии в 70-х годах. Любен Каравелов издаёт переводы «Капитанской дочки» и «Кирджали», под влиянием Пушкина пишет ряд стихотворений Христо Ботев. В Сербии, Хорватии, Словении, Чехии, Словакии переводчиками Пушкина являются крупнейшие писатели Змай Иованович, Светозар Гурбан Ваянский и др. Чешское литературоведение уделяло огромное внимание изучению творчества Пушкина. Чешскими авторами были написаны многие десятки работ о Пушкине. Всего переводов и исследований о Пушкине к концу XIX в. в Чехии и Словакии насчитывалось свыше 250. И. Вазов писал о себе: «Пушкин и Лермонтов раскрыли мне тайны поэтического творчества, дали мне уроки музыки речи, красоты формы, они научили меня умению кратко выражать мысль». На творчестве Х. Ботева сильно сказалось влияние Пушкина, Лермонтова и поэтов русской революционной демократии. Выдающийся чешский учёный и общественный деятель З. Р. Неедлы на съезде чехословацких писателей в 1949 г. так охарактеризовал значение русской литературы: «Мы принадлежим к тому поколению, которое в молодости выросло на классическом русском романе. Мы действительно жили этим романом, независимо от того, были мы литераторами или нет... Никакая другая литература не научила нас так глубоко по-

нимать человека, как русская литература». Широко воздействовала передовая русская литература и на польскую. Г. Сенкевич испытал влияние И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя, С. Жеромский ещё на школьной скамье увлекался Лермонтовым; чрезвычайно значительно было воздействие Чехова на польскую литературу.

Значительным было и влияние русского музыкального искусства. Польский композитор В. Мальшевский, посвятивший свой трактат «Учение о модуляциях» памяти Н. А. Римского-Корсакова, писал в посвящении: «Школа учеников Римского-Корсакова включает имена представителей многих и многих национальностей — русских, армян, итальянцев, украинцев, а также поляков. Великий русский мастер музыки был и великим музыкальным педагогом, который прекрасно понимал, что музыкальное искусство в качестве живого своего нерва имеет высокую идейность, мужественную гражданственность. Русские мастера музыки велики именно тем, что вдохновенное музыкальное мастерство они соединяли с темпераментом бойцов за своё музыкальное и гражданское достоинство». Произведения русского музыкального искусства находили сочувственный приём у славян. В 1867 г. Милий Балакирев дирижировал в Праге оперой «Руслан и Людмила»; в 1888 г. впервые за пределами России под личным руководством П. И. Чайковского в Праге был поставлен «Евгений Онегин», прочно вошедший затем в чешский оперный репертуар. Многие самостоятельные произведения славянского искусства тесно связаны с русским искусством. Такова шедшая в Праге в 1871 г. опера «Мария Потоцкая», написанная на сюжет «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина.

Особо нужно подчеркнуть определяющее влияние русской революционной демократии на развитие славянской общественной мысли. Идеи русских революционных демократов и просветителей Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова нашли широчайшее распространение в славянских странах. Виднейшие болгарские и сербские публицисты и революционеры-демократы Христо Ботев, Светозар Маркович и другие были учениками Чернышевского и Герцена. Русские журналы и газеты повсеместно читались в славянских странах. В Праге и Кракове, в Белграде, Загребе и других городах следили за «Современником», «Отечественными записками», «Колоколом» и другими русскими изданиями. В 1868 г. сербские демократы выбрали Чернышевского почётным членом «Содружества сербской словесности». Это был одновременно и акт благодарности великому просветителю и акт протеста против расправы царизма с Чернышевским. Выдающийся деятель сербского демократического движения Светозар

Маркович видел задачу сербских демократов в том, чтобы быть «среди сербского народа... тем, чем Чернышевский, Добролюбов и другие были среди русского народа». В своих сочинениях Маркович излагал экономические и политические взгляды Чернышевского. Большое влияние оказали русские революционеры-демократы и на болгарское общественное движение. Историк революционного движения в Болгарии Г. Бакалов говорит: «Прежде чем взяться за Маркса, болгарские социалисты уже знали Чернышевского. Это поколение, начав с Чернышевского, приходило к марксизму, сохраняя горячую любовь к своему первому учителю». Повесть Л. Каравелова «Виновата ли судьба?» явилась болгарско-сербским вариантом романа Чернышевского «Что делать?» Огромное влияние Чернышевского испытал Георгий Димитров. «Роман «Что делать?» — вспоминает Г. Димитров, — ...оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние. И должен сказать — ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло бы на моё революционное воспитание, как роман Чернышевского».

Русская наука оплодотворяла научную мысль славян. Виднейший чешский буржуазный деятель и историк Франтишек Палацкий внимательно изучал современных русских историков (Щапова и др.). Основатель болгарской исторической науки Марин Дринов был учеником русских славистов и с русской славяноведческой наукой был связан всю свою жизнь.

Ряд славянских учёных приезжал в Россию и работал в русских университетах (известный южнославянский юрист и историк права Б. Богишич, выдающийся филолог В. Ягич и др.), большое количество славянских учёных было связано с центром русской науки — Академией наук, помогавшей их научной работе.

Начало распространения марксизма в России означало новый этап и в развитии славянского революционного движения. Придя к Марксу от Чернышевского, многие славянские социалисты узнавали Маркса из русских источников. Д. Благоев, говоря о мыслителях, повлиявших на его мировоззрение, называет имя Плеханова. Верным учеником Ленина и Сталина явился вождь болгарского народа Г. Димитров.

Всемирное значение русской культуры. Глубина и жизненность вопросов, поднятых русской культурой, мастерство русских художников слова, звуков и красок были настолько значительными, что передовая русская культура второй половины

XIX в. оказала мощное воздействие на развитие передовой мировой культуры.

В области науки значение этого вклада определялось прежде всего самобытным развитием материалистической философии на основе глубокого изучения явлений жизни. В лице Герцена и Чернышевского домарксова материалистическая философия имеет самых крупных своих представителей.

Огромны были открытия русских учёных, применивших материализм к изучению явлений природы, завоевавших приоритет в крупнейших научных открытиях и изобретениях мирового значения. Выше было приведено немало примеров: периодическая система Менделеева стала эпохой в развитии мировой химической науки; в лице Тимирязева учение Дарвина получило своего крупнейшего продолжателя; труды В. О. Ковалевского основали палеонтологию как новую научную дисциплину; Сеченов положил начало современной физиологии; Яблочков и Лодыгин явились пионерами в области электрического освещения, которое тогда в Европе даже именовали «русским светом»; Попов является отцом радио, а Чернов — отцом современной металлографии. Таким образом, в самых различных отраслях науки труды русских учёных заложили новые основы и открыли новые пути.

Общепризнанным фактом является мировое значение русской литературы и искусства. В 1914 г., обращаясь к немецким писателям, Ромэн Роллан писал: «Где в продолжение более сорока лет искали мы нашу духовную пищу?.. Кто, как не русские писатели, были нашими руководителями?» Уже в последней четверти XIX в. передовые писатели Европы и Америки единодушно признавали всемирно-руководящую роль русской литературы. Тургенев был общепризнанным авторитетом в европейской литературе. Испанский писатель Гальдос называл его своим «великим учителем», а Жорж Занд говорила Тургеневу: «Все мы должны пройти через вашу школу». Ещё более велико было влияние Толстого. В своих статьях о Толстом Ленин следующим образом объясняет всемирное значение творчества Толстого: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции... Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» [1]. Как свидетельствуют статистические данные, Толстой уже в XIX в. был наиболее читаемым, наиболее переведённым на все языки

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, изд. 4, стр. 293.

мира, наиболее распространённым из всех писателей всех времён, влияние его на умы было исключительно. Французские литераторы писали о нём, как о «величайшем из учителей», как о «создателе нового чувствования». «Было бы слишком утомительно приводить бесчисленные хищения, совершённые со страниц «Войны и мира», «Анны Карениной»... — заметил один французский литературовед. — Невидимое присутствие России можно проследить по сотням вех». Позднее драматургия и новелла Европы и Америки нашли свои новые пути, восприняв творческие идеи и художественные приёмы Чехова.

Однако мировое значение русской литературы далеко не исчерпывается тем, что Тургенев повлиял на Флобера и Голсуорси, Чехов — на Пристли и Бернарда Шоу, а Л. Толстой — на Ромэна Роллана и на ряд других известных писателей. Мировое значение русской литературы прежде всего в ней самой, в её непосредственном воздействии на читателя.

Мировое значение передовой русской литературы состоит в том, что идеи, ею выдвинутые, образы, ею созданные, кровно нужны не только русскому народу, но и другим народам в их историческом движении вперёд. Русская литература содействует этому движению вперёд, помогает победе нового над старым в истории человечества. Ни одна из других литератур не связана столь тесно и органично с революционным движением своей страны, как русская литература. Этим объясняется и то, что ни одна из других литератур не выдвинула и не разработала с такой глубиной, как русская литература, тему о народе. Нужды народа глубоко тревожили и волновали передовых русских писателей, художников, деятелей культуры. Тема поисков социальной справедливости была их основной темой. В связи с этим русская литература и русское искусство осуждали пассивное созерцание жизни, требовали активного вмешательства в жизнь и были глубоко сосредоточены на вопросе о герое-*деятеле*. Передовая русская литература чужда воспеванию буржуазного стяжательства, она никогда не героизировала жадных хищников, искателей капиталистического обогащения, а разоблачала их, показывая их истинное лицо. Она всегда протестовала против мещанского «идеала» замкнутого домашнего мирка, стеной отгороженного от широкого мира общественной жизни. Передовая русская литература никогда не идеализировала церкви и церковников, никогда не выдавала последних за носителей истины и утешителей страждущих, а разоблачала в глазах народа поповщину и церковное мировоззрение. Все эти особенности свойственны не только передовой русской литературе, но и другим видам передового русского искусства.

Великая передовая культура русского народа послужила движению вперёд всего человечества, и этим по праву может гордиться советский человек.

ЛИТЕРАТУРА

I. Классики марксизма-ленинизма. *Ленин В. И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции. Сочинения. Изд. 4. Т. 15. С. 179—186.— *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой. Сочинения. Изд. 4. Т. 16. С. 293—297.— *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой и современное рабочее движение. Сочинения. Изд. 4. Т. 16 С. 300—302. — *Ленин В. И.* Толстой и пролетарская борьба. Сочинения. Изд. 4. Т. 16. С. 323—324.— *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой и его эпоха. Сочинения. Изд. 4. Т. 17. С. 29—33. — *Ленин В. И.* Памяти графа Гейдена. Сочинения. Изд. 4. Т. 13. С. 40, 41.— *Ленин В. И.* Еще один поход на демократию. Сочинения. Изд. 4. Т. 18. С. 286, 287. — *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. Сочинения. Изд. 4. Т 20. С. 8, 16 — *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. С. 296.— *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. М. Госполитиздат. 1948. С. 30.

О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «Правда». 1946. 21 августа. — Об опере «Великая дружба» В. Мурадели. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Правда». 1948. 11 февраля. — *Жданов А. А.* Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». М. 1946. 39 с. — *Жданов А. А.* Вступительная речь и выступление тов. А. А. Жданова на Совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). В кн.: Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б). [Стенограммы речей]. М. 1948. С. 5—10, 132—148.

II. Пособия. Исследования. *Горький М.* О литературе. Статьи и речи 1928—1936. Изд. 3, доп. Ред. Н. Ф. Бельчикова. М. 1937. 511 с. — *Луначарский А. В.* Классики русской литературы. Избранные статьи. Ред. Н. Ф. Бельчикова. М. 1937. 504 с. — *Еголин А. М.* Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. М. 1946. 412 с.— *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л. 1936. 622 с. — *Лемке М.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Спб 1904. XIII, 427 с.— *Клеман М. К.* Иван Сергеевич Тургенев. Очерки жизни и творчества. Л. 1936. 224 с. — *Мещеряков Н.* М. Е. Салтыков-Щедрин. Его жизнь и творчество. В кн.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Избранные сочинения в трёх томах. Т. I. М.—Л. 1939. С. 7—42. — *Асафьев Б. В. (Игорь Глебов).* Русская музыка от начала XIX столетия. М.—Л. 1930. XIII, 320 с. — *Серов А. Н.* Критические статьи. Т. I—IV. Спб. 1892—1895. — *Туманина Н. М.* П. Мусоргский. Жизнь и творчество. К столетию со дня рождения. 1839—1939. М.—Л. 1939. 239 с. — *Римский-Корсаков А. Н.* Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. Вып. I—IV. М. 1933—1937. — *Чайковский М. И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского. По документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину. Изд. 2, испр. Т. I—III. М. — Лейпциг 1903. — *Репин И. Е.* Далёкое-близкое. Под ред. и со вступит. статьёй Корнея Чуковского. Изд. 3, испр. и доп. М.—Л. «Искусство». 1949, 556 с. — *Стасов В. В.* Избранные сочинения в 2 томах. Статья и прим. С. Н. Гольдштейн. Т. I—II. М.—Л. 1937—1938. — *Лебедев А. К.* Владимир Васильевич Стасов. Изд. 2. М.—Л. «Искусство». 1948. — *Новицкий А.* Передвижники и влияние их на русское искусство. М. 1897. 162, 8 с.—И. Е. Репин. Сборник докладов на конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения художника. М. Изд. Гос. Третьяковской галлереи. 1947. —

Зименко В. Василий Григорьевич Перов (1834—1882). М.—Л. «Искусство». 1948. 44 с. — *Грабарь И.* Репин. Т. I—II. М. 1937. — В. И. Суриков. К столетию со дня рождения. 1848—1948. М. Изд. Академии художеств СССР. 1948. 164 с. — *Лебедев Г. Е.* Валентин Серов. Л.—М. 1946. 51 с. — *Машковцев Н.* Книга для чтения по истории русского искусства. Вып. IV. Искусство второй половины XIX века. М.—Л. «Искусство». 1948. — *Тимирязев К. А.* Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. В его кн.: Сочинения. Т. 8. М. 1939. С. 137—177. — «Люди русской науки». Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. С предисл. и вступит. статьёй академика С. И. Вавилова. Т. I—II. М. Л. 1948. — *Сеченов И. М.* Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. М. 1907. XVI, 194 с. — *Крупениковы И.* и *Л.* Василий Васильевич Докучаев (1846—1903). М. 1948. — *Мечникова О. Н.* Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.—Л. 1926. VIII, 232 с. — *Берг Л. С.* Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л. 1929. 153 с. 29 вкл. л. — *Скороходов Л. Я.* Краткий очерк истории русской медицины. Л. 1926. 262 с. — *Данилевский В. В.* Русская техника. Изд. 2, испр. и доп. Л. 1948. 548 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава I

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 7—41

Общая характеристика процесса разложения феодально-крепостного хозяйства. Вопросы периодизации. — Разрушение натурально-хозяйственной системы. Рост обмена. — Развитие крестьянской промышленности. — Развитие крупной промышленности и её структурные изменения. Вольнонаёмные рабочие. — Упадок вотчинной и посессионной мануфактур. Крепостные рабочие.— Введение машин.—Рост буржуазии. — Развитие городов. — Экономическая политика самодержавия. — Развитие транспорта. — Технико-экономическая отсталость крепостной России. — Разложение феодально-крепостных отношений в сельском хозяйстве. — Попытки помещичьей «рационализации» сельского хозяйства. — Развитие буржуазных отношений в сельском хозяйстве. — Государственные крестьяне. — Крестьянское движение. — Вопрос об освобождении крестьян. — *Литература.*

Глава II

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1801—1811 гг. . . . . 42—65

Самодержавие — защитник отживающей старины и враг развивающегося нового в историческом процессе. — Дворцовый переворот 12 марта 1801 г. и воцарение Александра I. — Первые мероприятия внутренней политики. — Александр I. — Негласный комитет.— Крестьянский вопрос. Указ о свободных хлебопашцах.—Учреждение министерств и реформа Сената. — Меры в области просвещения. Новые университеты. Цензурный устав. — Присоединение Грузии к России (1801 г.) — Россия и Сербия; сербское восстание 1804 г.—

Участие России в борьбе с Наполеоном в коалиции 1805 г.—Аустерлиц. — Участие России в коалиции против Наполеона в 1806—1807 гг.—Тильзитский мир. Континентальная блокада. — Русско-турецкая война 1806—1812 гг. — Возвышение Сперанского и проект государственных реформ. — Учреждение Государственного совета и реформа министерств. — Недовольство дворянства реформами Сперанского.— Записка «О древней и новой России» Карамзина.— Падение Сперанского. — *Литература.*

Глава III

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ. ФИНЛЯНДИЯ И ЕЁ ЗАВОЕВАНИЕ . . . . . 66—81

Особенности экономического и социально-политического строя Прибалтики. — Национальные отношения в Прибалтике. — Крепостное право в Прибалтике. — Обострение классовой борьбы и крестьянский вопрос на рубеже XIX в. — Положение 1804 г. —«Освобождение» прибалтийских крестьян в 1816—1819 гг.—Культура прибалтийских народов. — Социальные отношения и политический строй Финляндии перед войной 1808—1809 гг. — Тильзитский мир и вопрос о Финляндии. — Русско-шведская война 1808—1809 гг.—Сейм в Борго. Фридрихсгамский мир. — Образование Великого княжества Финляндского Финляндская конституция. — Ленин о финляндской конституции. — *Литература.*

Глава IV

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ 1813—1814 гг. . . . . 82—107

Международная обстановка накануне войны 1812 г — Вторжение Наполеона в Россию. Военные силы России и Франции. — Белоруссия в войне 1812 г. и начало народной войны. — Военные действия под Смоленском и соединение русских армий.— Народный характер войны 1812 г. — Назначение Кутузова главнокомандующим. — Бородинское сражение. — Наполеон в Москве. — Подъём народной войны. Отступление Наполеона из Москвы. — Обходный манёвр Кутузова. — Развитие партизанской войны. — Березинская переправа. Конец войны. — Классики марксизма-ленинизма о войне 1812 г. и о военном искусстве М. И. Кутузова. — Историография войны 1812 г. — Начало кампании 1813—1814 гг. Союз России с Пруссией, Англией и Австрией — Лейпцигское сражение. Французская кампания. Взятие Парижа. — *Литература.*

Глава V

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1814—1825 гг. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ. АРАКЧЕЕВЩИНА . . . 108—130

Низложение Наполеона и реставрация Бурбонов — Венский конгресс. — Польский вопрос на Венском конгрессе и позиция Александра I. — «Сто дней» Наполеона, его окончательное низложение

и вторичная реставрация Бурбонов. — Заключительный акт Венского конгресса. — Организация Священного союза. — Реакционная идеология Священного союза. — Аахенский конгресс. Рост революционного движения в Европе. — Конгресс в Троппау и открытое провозглашение «принципа интервенции». — Конгресс в Лайбахе и дальнейшее развитие европейского революционного движения. — Веронский конгресс. — Греческое восстание и отношение к нему царизма. — Конференция Священного союза в Петербурге (1825 г.). — Положение России после войны и крестьянское движение. — Движение на Дону в 1818—1820 гг. — Волнения рабочих. — Волнения в армии. — Правительственная реакция. Законодательство о крестьянстве и дворянстве. — Аракчеев. — Военные поселения. — Тайная полиция. — Реакция в области просвещения. — Цензурные притеснения. — Реакционно-мистическая пропаганда. Библейское общество. Архимандрит Фотий. — *Литература.*

Глава VI

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ . . . . . 131—153

Ленинская периодизация истории революционного движения в России. Декабристы — дворянские революционеры. — Формирование революционного мировоззрения декабристов. — Союз спасения, или Общество истинных и верных сынов отечества. — Союз благоденствия. — Основание Южного общества. — П. И. Пестель. — «Русская Правда». — Основание Северного общества. — Конституция Никиты Муравьёва. — Борьба течений в Северном обществе. К. Ф. Рылеев. — Сношения Северного и Южного обществ. Общие замыслы восстания. — Общество соединённых славян. Славянский вопрос в русском революционном движении. — Слияние Общества соединённых славян с Южным обществом декабристов. — Междуцарствие. — Восстание 14 декабря 1825 г. — Восстание Черниговского полка. — Суд и казнь. — Историческое значение восстания декабристов. — Историография декабристов. — *Литература.*

Глава VII

МОНАРХИЯ НИКОЛАЯ I. МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В 1826—1847 гг. . . . 154—171

Николай I и программа его царствования. — Расправа с революционным движением. III отделение. — Новый цензурный устав. Реакционные меры в области просвещения. — Комитет 6 декабря и его проекты. — Массовое движение 1830-х годов. — Польское восстание 1830—1831 гг. — Война Николая I с Польшей. — Политика Николая I в Польше. «Органический статут». — Усиление реакции. — Кодификация законов. — Попытки укрепить дворянское сословие. — Крестьянский вопрос. — Попытки разрешения крестьянского вопроса. — Буржуазная историография о политике Николая I. Ошибки М. Н. Покровского. Классовая база политики Николая I. — *Литература.*

Глава VIII

УКРАИНА, МОЛДАВИЯ, БЕЛОРУССИЯ, ЛИТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. . . . 172—212

Развитие сельского хозяйства Украины. — Состояние промышленности и ремесла. — Торговля и внутренний рынок. — Положение крестьянства и крестьянское движение на Украине. — Политика царизма на Украине — Кирилло-Мефодиевское общество. — Великий поэт-демократ Т. Г. Шевченко. — Культура и просвещение. — Молдавия под властью Турции и Польши и её присоединение к России — Заселение Молдавии и управление ею после присоединения к России. — Феодально-крепостнические отношения в Молдавии ко времени её присоединения к России. — Экономическое развитие Молдавии в первой половине XIX в. Положение крестьянства.—Массовое движение. — Культура народов Молдавии. — Состояние сельского хозяйства Белоруссии Сельское хозяйство Литвы — Развитие промышленности. — Торговля и внутренний рынок. — Положение крестьянства и крестьянское движение. — Политика царского правительства. — Культура и просвещение Белоруссии и Литвы. — Положение евреев. — *Литература.*

Глава IX

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ, БАШКИРИИ, КАЗАХСТАНА И СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. . . . 213—233

Социальный строй и экономическое положение народов Среднего Поволжья. — Политика царизма в Среднем Поволжье.—Народные движения в Среднем Поволжье. — Культура народов Поволжья.— Социальный строй и экономическое положение башкир. — Кантонное управление. Повинности населения.—Аграрная политика царизма — Башкирские волнения в первой половине XIX в —Культура башкирского народа.—Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в. — Казахские восстания 1830—1840-х годов.— Культура казахского народа — Управление Сибирью. Деятельность Сперанского в Сибири.—«Устав об управлении инородцев» 1822 г — Буряты. — Якуты. — Народы Севера. — Торговля и промышленность. — Культурное развитие. — *Литература.*

Глава X

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В «ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ». РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ (1826—1847 гг.) . 234—252

«Восточный вопрос» и его освещение Марксом и Энгельсом. — Позиция Николая I по отношению к греческому восстанию.—Аккерманская конвенция 1826 г. — Наваринская битва 1827 г. — Русско-иранская война 1826—1828 гг.—Русско-турецкая война 1828—1829 гг.—Адрианопольский договор 1829 г. — «Органический регламент» дунайских княжеств. — Россия и Турция в 1833 г.—Договор в Ункяр-Искелеси 1833 г. — Обострение англо-русских противоре-

чий. — Наступление царизма на Казахстан. — Хивинский поход В. А. Перовского 1839 г. — Отступление царизма в «восточном вопросе». — Россия и славянские народы. — *Литература.*

Глава XI

НАРОДЫ КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. БОРЬБА ГОРСКИХ НАРОДОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ . . . . . 253—286

Государственные и полугосударственные образования Кавказа к началу XIX в. — Социальный строй Западного Закавказья. Грузия. — Социальный строй Восточного Закавказья. Армения. Азербайджан. — Социальный строй Дагестана. — Грузия в составе царской России. Колониальная политика царизма — Восстание в нагорной Грузии и Южной Осетии в 1804 г. — Дальнейшее распространение владычества царизма в Закавказье. — Русско-иранская (1805—1813 гг.) и русско-турецкая (1806—1812 гг.) войны. Окончательное присоединение Закавказья к России. Восстание 1810—1812 гг. — Восстания в Имеретии и Юго-Осетии. — Горские народы и колониальная политика царизма. — Мюридизм. — Начало газавата. — Шамиль. — «Блистательная эпоха» Шамиля (1840—1847 гг.). — Государственная система имамата Шамиля. — Поражение Шамиля. — Крестьянские волнения в Гурии в 1841 г. — Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость. — Мухаммед-Эмин — руководитель борьбы адыгов за независимость. — Прогрессивные стороны включения кавказских народов в состав России. Сближение русского народа и народов Кавказа. — Художественная литература народов Кавказа. — *Литература.*

Глава XII

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ. ИДЕЙНАЯ БОРЬБА 1830—1840-х годов 287—311

Массовое движение в 1830—1840-х годах. — Реакционная идеология самодержавия («теория официальной народности»). — А. И. Герцен и Н. П. Огарёв. Формирование их революционного мировоззрения. — Кружки конца 1820—1830-х годов. Московский университет и его роль в общественном движении. — Молодой В. Г. Белинский и его кружок. — П. Я. Чаадаев и его «Философическое письмо». — Смерть Пушкина. — Революционная агитация Герцена до отъезда за границу. — В. Г. Белинский — зачинатель русского революционно-демократического движения. — Славянофилы. — Лекции Т. Н. Грановского. — *Литература.*

Глава XIII

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ 1840-х — НАЧАЛЕ 1850-х годов. РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. . 312—330

Обострение общественной борьбы в конце 1840-х — начале 1850-х годов. — Письмо Белинского к Гоголю. — Революция 1848 г. и отклики на неё в России. Размежевание общественных течений. — Петрашев-

цы и революция 1848 г. — Борьба Николая I с революцией.—Интервенция Николая I в Венгрии —Классики марксизма об интервенции Николая I в Венгрии.—Вопрос о польско-венгерских эмигрантах.—Николай I против воссоединения Германии.—Усиление реакционного курса —Расправа с петрашевцами.—Революционная агитация А. И. Герцена. — *Литература.*

Глава XIV

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА (1853—1856 гг.) . . . 331—349

Россия и Европа накануне войны. — Ближайшие поводы Восточной войны. — Силы противников. — Начальный период войны.—Обложение Севастополя.—Операции крымской армии. — Героическая оборона Севастополя — Действия на Кавказском фронте — Парижский мир 1856 г —Итоги войны.—Восточная война в русской историографии. — *Литература.*

Глава XV

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. . . . 350—392

Развитие русской культуры в первой половине XIX в. Ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре. — Образование. — Русская художественная литература первой половины XIX в. — Идейная борьба в русской литературе начала XIX в. — Пушкин, Лермонтов, Гоголь — Дальнейшее укрепление реализма в русской художественной литературе. — Белинский — создатель русской критики. — Влияние передовой культуры русского народа на культуры братских народов России. Общение литератур братских народов. — Фольклор.—Печать и журналистика — Русский театр и музыка в первой половине XIX в. Щепкин и Глинка.— Живопись, скульптура и архитектура. — Развитие русской науки и техники. — Мировое значение русской культуры. Русская культура и славянские народы. — *Литература.*

Глава XVI

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 гг. 393—426

Ленин о революционной ситуации 1859—1861 гг — Положение угнетённых классов. — Крестьянское движение накануне реформы —Разночинский период революционного движения — А. И. Герцен и его революционная агитация в 1850-х годах. — Н Г Чернышевский — великий русский революционный демократ. Формирование его мировоззрения. Деятельность Чернышевского в 1850-е годы. — Взгляды и деятельность Добролюбова — Вопрос о революционной организации в конце 1850-х годов. — Либеральный лагерь. — Кризис «верхов». Вопрос о реформе. Александр II. — *Литература.*

Глава XVII

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ (КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.) . . . . . . 421—445

Приступ к реформе. — Губернские комитеты. — Классовая борьба вокруг реформы. — Редакционные комиссии. — Вызов депутатов от губернских комитетов. — Реформа в Главном комитете и Государственном совете.—«Положения 19 февраля».— Наделы. — Повинности.— Выкуп. — Правовое положение крестьян. — Крестьянские учреждения. — Правила о крепостных и посессионных рабочих. — Реформа в отношении государственных и удельных крестьян. — Оценка реформы 19 февраля 1861 г.— Реформа 1861 г. в либеральной и народнической историографии. Ошибки М. Н. Покровского.— *Литература.*

Глава XVIII

КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ 1859—1861 гг. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1860-х годов . 446—474

Крестьянское движение в ответ на реформу 1861 г — Революционно-демократический лагерь после объявления «воли». Прокламация Чернышевского «Барским крестьянам». — «Великорусс». — Прокламация Шелгунова и Михайлова «К молодому поколению». — Заичневский и «Молодая Россия». — Выступление тверского дворянства.— Позиция либералов. — Усиление правительственной реакции Процесс Чернышевского.— Роман Чернышевского «Что делать?»—Тайная революционная организация «Земля и воля». — Русское революционное движение и польское восстание 1863 г. Казанский заговор. — Неудача первого демократического натиска. — Писарев и «нигилизм». Полемика «Современника» с «Русским словом».—Кружок ишутинцев и покушение Каракозова на Александра II. — Революционное движение в конце 1860-х годов. Нечаев и «нечаевщина». — Отношение Герцена к Нечаеву и Бакунину. «Письма к старому товарищу» Герцена. — Русская секция I Интернационала. — Произведения Маркса и Энгельса в России. — *Литература.*

Глава XIX

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. . . . . . . 475—494

Развитие капитализма в Польше. — Польская эмиграция 1830—1840-х годов. — Царство Польское накануне восстания. — Начало восстания. — Ход восстания. Крестьянское движение. Декрет о наделении землёй. — Восстание в Литве и Белоруссии. — Западноевропейская дипломатия и польское восстание. — Польское восстание и русское общество. — Подавление восстания. — Аграрная реформа в Польше. — Восстание 1863 г. в оценке классиков марксизма-ленинизма. — *Литература.*

Глава XX

РЕФОРМЫ 1863—1874 гг. . . . . 495—518

Общая программа реформ. — Земская реформа. — Городская реформа. — Судебная реформа. — Отмена телесных наказаний. — Финансовые реформы. — Цензурная реформа. — Реформы в области народного образования. — Военная реформа. — Значение реформ 1860—1870-х годов. — *Литература.*

Глава XXI

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ (С 1861 г. ДО НАЧАЛА 1890-х годов) . . . .519—560

Общая характеристика пореформенного хозяйства. — Основной источник классообразования в капиталистической России — диференциация крестьянства. — Остатки крепостничества в деревне. Землевладение. — Аренда вненадельных земель. — Переселения. — Крестьянские платежи. — Правовое положение крестьян. — Влияние остатков крепостничества на крестьянское хозяйство. — Эволюция помещичьего хозяйства. — Темпы капиталистического развития сельского хозяйства в разных районах. Аграрный кризис 1870-х годов. — Развитие внутреннего сельскохозяйственного рынка. — Рост железнодорожной сети и развитие парового транспорта — Развитие кредита. Банки. — Развитие внутреннего рынка для промышленности. — Рынок рабочей силы. — Накопление капитала. Иностранный капитал.— Промышленный протекционизм. — Промышленность в первые годы после реформы. — Грюндерство. — Промышленный кризис 1873—1875 гг. — Кризис 1881—1886 гг. — Развитие отдельных отраслей промышленности. — Техническое переоборудование промышленности. — Концентрация производства — Отсталость промышленности царской России. — Итоги социальных сдвигов к концу XIX в. — Возникновение нового класса капиталистического общества — пролетариата. — Буржуазия после реформы 1861 г. — Город после реформы 1861 г. — Работа Ленина «Развитие капитализма в России». — *Литература.*

Глава XXII

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В 1856—1875 гг. УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. . . . . .561—572

Характер внешней политики царизма после Восточной войны. — Франко-русское сближение. — Утверждение России на Дальнем Востоке. — Позиция России во время прусско-датской и австро-прусской войн. — Царское правительство и франко-прусская война. — Русское общество и Парижская Коммуна. — Отмена Парижского трактата. — Союз трёх императоров (1873 г.). — *Литература.*

Глава XXIII

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН В 1860—1880-х годах. ЗАВОЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ . . . . . 573—603

Средняя Азия накануне завоевания. — Социальный строй среднеазиатских ханств. — Повинности и поборы. — Феодальная борьба среднеазиатских ханств. — Средняя Азия и Россия. Экономические связи. — Значение Средней Азии для царской России. — Россия и Англия в Средней Азии. — Наступление царской России в Казахстане и Средней Азии (с 1820-х до начала 1860-х годов). — Походы 1860-х годов — Завоевание Ташкента. — Поход на Бухару. — Хивинский поход 1873 г. — Кокандское восстание 1875—1876 гг. — Завоевание Туркмении. — Англо-русские отношения и соглашение 1885 г. — Земли Средней Азии в составе Российской империи. — Казахстан в 1860—1880-х годах. — Военно-административное управление в Средней Азии. — Русская колонизация в Средней Азии. — Социальные отношения и политика царизма в Средней Азии. — Массовое движение в Средней Азии. — Экономическое и культурное развитие Средней Азии. — *Литература.*

Глава XXIV

НАРОДНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 1860—1870-х годов. 604—623

Оформление доктрины народничества, её исторические корни и социальная сущность. — Вопрос о капитализме и общине в мировоззрении народников. — Оценка народниками роли крестьянства и рабочего класса. — Идеалистический взгляд народников на историю. Вопрос о роли масс и интеллигенции. — Народнический анархизм. Бакунин и бакунизм — Лавров и лавризм Ткачёв и русский «бланкизм». — Революционные народнические кружки 1870-х годов Чайковцы. Долгушинцы. — Хождение в народ. — Группа «москвичей». — Вопросы о дальнейших путях борьбы. «Земля и воля» 1870-х годов. — Чигиринский заговор. — Переход народников к индивидуальному террору. Вредное влияние народнического террора на развитие массового движения. — Раскол «Земли и воли». — «Народная воля». — «Чёрный передел». — *Литература.*

Глава XXV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ НОВОГО КЛАССА — ПРОЛЕТАРИАТА. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 1860—1870-х годов . 624—646

Рост рабочего класса, его численность и состав. — Положение рабочего класса. — Рабочее движение 1860-х годов. — Статистика стачек 1870-х годов. — Стачка на Невской бумагопрядильне (1870 г.). — Стачка на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.). — Первые рабочие кружки — «Южнороссийский союз рабочих». — Рабочие в политических процессах 1870-х годов. Речь Петра Алексеева. — «Казанская демонстрация» 6 декабря 1876 г. — Петербургские стачки 1878—1879 гг. — «Северный союз русских рабочих». — *Литература.*

Глава XXVI

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 гг. . . 647—665

Россия и славянские народы после Крымской войны. — Балканская политика России 1860-х годов. Балканский союз. Славянский съезд 1867 г. — Восстание в Боснии и Герцеговине. Подготовка русско-турецкой войны. — Русско-турецкая война 1877—1878 гг. — Сан-Стефанский мирный договор. Берлинский конгресс. — *Литература.*

Глава XXVII

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ 1879—1880 гг. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 1880-х — НАЧАЛА 1890-х годов. КОНТРРЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III . . . . 666—693

Революционная ситуация 1879—1880 гг. — Обострение нужды и бедствий крестьянства. Крестьянское движение 1870-х годов. — Обострение нужды и бедствий рабочего класса. Рабочее движение — важнейший элемент революционной ситуации 1879—1880 гг. — Революционное народничество и его ошибки. — Позиция либералов. — «Кризис верхов». Лорис-меликовский режим. Убийство Александра II. — Монархия Александра III. — Победоносцев. — Ликвидация лорис-меликовского режима. — Назначение Д. А. Толстого министром внутренних дел. — Крестьянское движение 1880-х и начала 1890-х годов. Законодательство о крестьянах. — «Контрреформы» 1889—1894 гг. — Финансовая политика реакции. — Политика реакции в области культуры и просвещения.— Воинствующий национализм.— *Литература.*

Глава XXVIII

НАРОДЫ РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА в 1860—1880-е годы . . . . 694—767

Народы России и национально-колониальная политика царизма. — Отмена крепостного права и революционное движение на Украине. — Развитие капитализма на Украине. — Революционные народники. Либерально-буржуазное движение. — Рабочее движение. Социал-демократические группы. Крестьянское движение.— Западноукраинские земли в период развития капитализма. — Развитие украинской культуры во второй половине XIX в. — Реформа 1861 г. в Белоруссии и Литве. — Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. — Развитие капиталистической промышленности в Белоруссии. — Национальное угнетение Белоруссии. — Революционное движение. Народничество. — Рабочее движение. — Белорусская куль-

тура. — Положение евреев. — Крестьянская реформа на Кавказе. — Эмиграция горцев и колонизация Кавказа. — Судебная и административная реформа на Кавказе. — Восстания 1860—1880-х годов. — Городская реформа на Кавказе. — Развитие капитализма на Кавказе. — Общественное движение в Закавказье Революционное движение. Народничество — Буржуазный национализм. — Рабочее движение в Закавказье. Первая марксистская организация — Культура народов Кавказа во второй половине XIX в. — Реформы 1861 г. в Среднем Поволжье и Прикамье — Промышленное развитие Среднего Поволжья и Прикамья. — Политика царизма в Среднем Поволжье. — Классовая борьба среди народов Среднего Поволжья. — Культура народов Поволжья во второй половине XIX в. — Реформы 1860-х годов в Башкирии. — Пореформенная политика царизма в Башкирии. Расхищение башкирских земель. — Социальные отношения в пореформенной башкирской общине. — Общая характеристика экономического развития Башкирии в пореформенный период. — Борьба башкирского народа против национально-колониального гнёта в пореформенный период. — Культура и просвещение Башкирии во второй половине XIX в. — Положение сибирских народов во второй половине XIX в Якуты. — Буряты. — Народы Алтая. — Западносибирские татары. — Народы Севера. — Крестьянская реформа в Сибири Переселенческое движение. — Положение русского населения. Диференциация крестьянства. — Культура и просвещение в Сибири. — *Литература.*

Глава XXIX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ в 1879—1894 гг. . . . . 768—781

Обострение борьбы за раздел мира. — Международное положение России после Берлинского конгресса. — Возобновление Союза трёх императоров (1881 г.). — Англо-русские противоречия в Средней Азии. — Болгарский вопрос (1885—1888 гг.). — Борьба против политики Гирса. — Русско-германский договор 1887 г. — Русско-французский союз. — *Литература.*

Глава XXX

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 1880-х годов. ПЛЕХАНОВ И ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» . 782—807

Положение рабочего класса в 1880-х годах. — Стачечное движение 1880-х годов — Морозовская стачка (1885 г.). — Стачечное движение на Украине и в Белоруссии. — Стачечное движение в Польше. — Фабричное законодательство. — Вырождение народничества. — Плеханов и группа «Освобождение труда». — Возникновение первых марксистских кружков в России. — *Литература.*

Глава XXXI

РУССКАЯ КУЛЬТУРА в 1860—1880-х годах . . 808—858

Подъём русской культуры в 1860—1880-х годах.—Школа и просвещение. — Печать. — Новое поколение потребителей культурных ценностей. — Революционно-демократическая эстетика. — Критический реализм. — Литература. — Изобразительное искусство. — Русская музыка. — Театр. — Наука. — Влияние русской культуры на развитие культуры народов России. — Русская культура и славянские народы. — Всемирное значение русской культуры. — *Литература.*

ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ: 15 КАРТ В ПАПКЕ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
131	12 сверху	разночинский; или буржуазно-демократический	разночинский или буржуазно-демократический
457	2 снизу	страны проводилась	страны, проводилась
508	6 сверху	министерства, двора	министерства двора
555	9 »	Это выражалось	Это выражалось и
755	12 снизу	баширского	башкирского

«История СССР», т. II, под ред. проф. М. В. Нечкиной

Редактор *А. Мерзон*
Художник издания *Н. Седельников*
Ответственный корректор *З. Патеревская*
Технический редактор *Н. Трояновская*

☆

Подписано в печать 30 ноября 1949 г.
Тираж 100.000 экз. А 16101
Объём $54^1/_2$ п. л.+15 карт.
54,4 уч.-изд. л. Заказ № 1738. Цена с картами 20 руб.

☆

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.